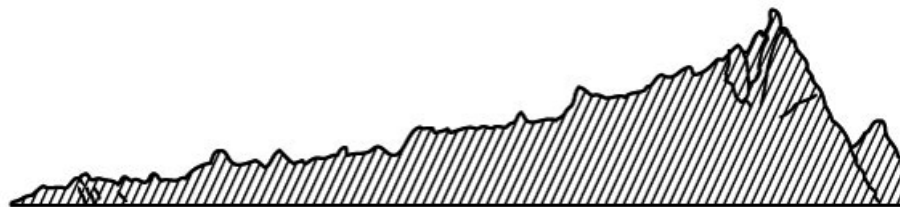


Серия: Русский Афон XIX–XX веков

Русский афонский отечник XIX–XX веков

Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне



Святая Гора Афон
2012

Серия издается по благословию игумена Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне священноархимандрита ИЕРЕМИИ

Главный редактор серии: иеромонах Макарий (Макиенко) — духовник и первый эпитроп Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне

*Всем православным христианам
во Отечестве и в рассеянии сущим*

Предисловие к серии

В 2016 году весь православный мир будет праздновать 1000-летие¹ пребывания русских монахов на Афоне. К этой праздничной дате наш монастырь святого великомученика Пантелеимона на Афоне планирует издать серию книг под общим названием «Русский Афон XIX–XX веков», в которую войдут следующие сочинения: жизнеописания выдающихся русских подвижников на Афоне, сыгравших значительную роль в истории Святой Горы; история Русского Свято-Пантелеимонова монастыря и всех больших и малых русских обителей; духовные и исторические творения русских афонцев. Большинство планируемых к изданию материалов никогда не были ранее опубликованы и, несомненно, вызовут огромный интерес российского общества.

В первой половине XI века на Афоне был пострижен в монахи русский человек, который впоследствии стал известен как преподобный Антоний, родоначальник монашества в России и основатель Киево-Печерской Лавры. С тех пор на протяжении 1000 лет русские подвижники непрерывным потоком шли в удел Божией Матери, чтобы и самим обогатиться неповторимой афонской традицией аскетике, и внести свой вклад в афонскую монашескую школу. Особенно большим приток русских людей на Афон был с 30-х годов XIX века вплоть до 20-х годов XX века, так что исследователи Афона склонны называть этот период в истории Святой Горы «русским периодом Афона». Но, к сожалению, до сих пор именно этот отрезок истории Афона оставался малоизученным вследствие известных исторических перипетий, послуживших причиной почти 100-летнего разрыва отношений Афона с Россией.

Только в 2007 году насельники Русского Свято-Пантелеимонова монастыря начали разбирать и систематизировать архив обители, благодаря их усилиям были открыты многие ценнейшие документы как по истории русских обителей на Афоне, так и по истории жизни отдельных насельников Святой Горы. Теперь, на основе этих материалов, мы имеем возможность представить суду дорогого российского читателя новые книги о Святой Горе Афон.

¹ Древнейшим свидетельством о пребывании русских иноков на Афоне считается подпись монаха Герасима, «пресвитера и игумена монастыря Роса», под актом 1016 года (*Actes de Lavra. Paris, 1970. T. 1. № 19*).

ТОМ ПЕРВЫЙ

**РУССКИЙ
АФОНСКИЙ ОТЕЧНИК
XIX–XX ВЕКОВ**

**ИЛИ ИЗБРАННЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
РУССКИХ СТАРЦЕВ
И ПОДВИЖНИКОВ, ЖИВШИХ
НА АФОНЕ В XIX–XX ВЕКАХ**

Предисловие к первому тому

Почему люди идут в монахи? Почти две тысячи лет многие умы пытались дать разные ответы на этот вопрос, но, конечно, самое точное определение сути этого процесса дал нам Сам Господь Иисус Христос, когда ответил спрашивавшему Его о спасении молодому человеку: «...аще хощеши совершёнъ быти, иди, продаждь имѣніе твоё и даждь нищымъ: и имѣти имаши сокровище на небесі: и гряди вслѣдъ менѣ» (Мф. 19, 21). Именно желание быть совершенным, т. е. обрести совершенную христианскую любовь, побуждает человека к особому подвигу, дает ему силу забыть все земные прелести и посвятить себя исключительно служению Богу и людям. Стремление к совершенству милостивый Бог возбуждает по-разному: Он или сразу вкладывает в сердце человека свою благодатную любовь, как поступил Господь с апостолами Андреем, Петром, Иоанном и Иаковом («приидита вслѣдъ менѣ» (Мк. 1, 17)), или Своею благодатью просвещает разум человека, и человек решительно устремляется к познанию осенившей его Божественной силы: так был призван апостол Нафанаил (Ин. 1, 49). В монашестве у обеих этих категорий людей одна цель — совершенствование в Божественной любви, но методы разные: первые должны подвизаться для сохранения дарованной благодати, а вторые должны приложить все усилия для ее приобретения.

Есть также люди, которые идут в монахи по своей воле, под давлением разных обстоятельств. Причин здесь может быть много: от простого подражания кому-то до тщеславного устремления вследствие неблагоприятных жизненных событий и т. д. Но если человек идет в монахи не для того, чтобы постичь и по возможности обрести истинную христианскую любовь, а для решения своих личных проблем, как Иуда примкнул ко Господу для достижения своих личных целей, то он обрекает на мучения и самого себя, и окружающих его в монастыре людей. Только благодатная любовь, по милости Бога уже обретающаяся в сердце подвижника, или волевое устремление человека, желающего обрести в своем сердце истинную христианскую любовь, дают ему возможность с легкостью перенести трудности монашеской жизни и, более того, получить от нее глубокое внутреннее удовлетворение и духовную радость. Только в любви возможно достичь настоящего послушания, истинного смирения и глубины молитвы — добродетелей, так необходимых для достижения совершенства. Как мать безропотно и неустанно служит своим любимым детям, так исполненный благодати послушник с радостью и безропотно служит своим братьям и начальствующим

отцам. Только такой монах бывает по-настоящему послушлив духовным наставникам, и за такое служение Бог дарует ему радость смирения и молитву.

Монастырь — это школа христианской любви! Если человек идет в монастырь ради достижения других целей, то он никогда не станет истинным монахом в абсолютном значении этого слова. В лучшем случае он может стать хорошим монастырским функционером, т. е. быть мирянином в рясе, а в худшем случае может впасть в прелесть или в ересь. Однако человеколюбивый Бог и таких людей не оставляет без заботы и попечения. Как Он до последнего момента старался отвести Иуду от предательства, так каждого монашествующего направляет на единственный правильный путь спасения — к жизни в христианской любви и самоотвержении, хотя свободу решения, принять или отвергнуть Его благодать, Он оставляет за человеком.

Вообще человек сотворен Богом для того, чтобы, совершенствуя себя с помощью Божией в течение всей своей жизни, он максимально смог приблизиться к своему Творцу. А так как Бог есть любовь, то совершенствование в Боге есть возрастание в Божественной любви. Творец сказал нам: *«Будите убо вы совершени, якоже Отець вашъ небесный совершенъ есть»* (Мф. 5, 48), — и объяснил, что значит быть совершенным. Совершенен тот, кто стремится подражать в любви Богу (*«любите враги ваши»*) (Мф. 5, 44). Имея греховную природу, не изменившись, достичь этой цели человек не может, поэтому для обретения Царствия Небесного, т. е. Божественной любви, Господь призвал нас родиться заново: *«Аще кто не родится свыше, не может видѣти царствія Божія»* (Ин. 3, 3).

В мире, где много соблазнов, осуществление этой задачи — чрезвычайно трудное дело, а в монастыре обеспечены идеальные условия для рождения свыше, поэтому милостивый Бог благословил монашеский образ жизни для совершенствования в любви, который в его первоначальной форме выражался в апостольском образе служения. Именно апостолы были первыми монахами. Они первыми оставили мир, отреклись от себя и последовали Божьему зову. И мы сможем реализовать Божие благословение только в том случае, если умрем для мира (*«не любите міра...»*) (1Ин. 2, 15)) и будем заниматься *«единым на потребу»*. А если мы не сможем силой собственной воли отречься от всего того, что нас окружало до момента поступления в монастырь, и даже от самих себя, то для нас невозможным станет новое рождение — приобретение Божественной любви.

Как мертвец не выбирает себе могилы, так и мы, принявшие призвание монашества, не должны выбирать место подвига и критически оценивать монастыри. Мы смиренно принимаем волю Божию и живем там, куда Господь нас поставил. Как усопший не выбирает своего могильщика, так и мы не должны перебирать удобных нам духовников, а должны безоговорочно подчиняться Божьему произволению о нас. Как мертвый не планирует свое будущее, так и мы, монахи, умершие для мира, не

строим никаких земных планов и заботимся только об одном — как угодить Богу и людям. У монаха одна цель — стремиться к Христовой любви. И средство для достижения этой цели у него тоже одно — неустанное делание любви.

Представленный труд рассказывает именно о тех монахах, сердца и умы которых были охвачены Божественной благодатью и которые оставили все, что дорого земному человеку, и посвятили себя чрезвычайно трудной задаче — перерождению в Божественную любовь. Несомненно, представленную книгу русский читатель уже давно ожидал. Из-за известных исторических перипетий до сих пор не представлялось возможным собрать и систематизировать все материалы для составления жизнеописаний афонских подвижников последних двух столетий. Если в дореволюционный период в афонских обителях еще велась работа в этом направлении, то после революции 1917 года русские обители Афона оказались полностью отрезанными от России, начался печальный период упадка монастырской жизни, и всякая подобная работа прекратилась. Поэтому данный вопрос долго оставался без внимания. Ни в России, ни в среде эмигрантов не было никакой возможности заниматься описанием повседневной жизни насельников Афона. Счастливым исключением в данном вопросе является труд лишь небольшой группы авторов (Б. Зайцева, Вл. Маевского, А. Дарова и др.). Кроме того, из-за изоляции русские обители Афона были в таком тяжелом материальном положении, что все силы были направлены только на выживание все уменьшающейся и стареющей братии. Обители постепенно становились малолюдными, и некому было собирать, систематизировать и ухаживать за бесценным наследием умерших предшественников. К сожалению, многое безвозвратно утрачено, погибло, сгорело в случавшихся пожарах. Только в Русском святого великомученика Пантелеимона монастыре отцы смогли, хоть не в систематизированном виде, сохранить архив монастыря, более того, туда попали и фрагменты из архивов других обителей, обработка которых дала нам возможность проследить жизненный путь более чем 7500 афонских подвижников, насельников разных русских обителей на Афоне. По нашим подсчетам, за последние 200 лет на Афоне проживало до 10 000 выходцев из бывшей Российской империи. Это насельники монастыря святого великомученика Пантелеимона, двух скитов — Андреевского и Ильинского — и до 150 разных, больших и малых келлий, калив, а также пустынники и сиромахи.

История жизни 10 000 человек, волею судеб оторванных от Матери-Родины и почти забытых и исключенных из общероссийской исторической и духовной действительности, несомненно, представляет огромный пласт русской духовной культуры, которым могла бы гордиться Россия. Эти люди, воспламененные любовью к Богу, оставили свою горячо любимую Родину и пришли в удел Божией Матери — на Святую Афонскую Гору, чтобы тяжелыми монашескими трудами очиститься от

собственной греховности, сподобиться благодати Святаго Духа и молиться за спасение самого себя, любимой Родины и всего мира. Они телом оставили свою страну, но никогда не прекращали общаться с ней духовно, а некоторые из них, по благословению старцев, возвращались на Родину и трудились на духовной ниве, передавая соотечественникам несравненный афонский опыт подвижничества и аскетики. Многие из них создали письменные памятники, посвященные афонской истории: одни вели свои дневники с подробным описанием происходившего вокруг них; другие оставили обширную переписку, в которой увековечили русскую афонскую действительность XIX–XX веков.

Изучив все архивные материалы, обработав все письменные источники, мы получили возможность предложить читателю данный труд, который содержит жизнеописания выдающихся афонских подвижников — выходцев из разных регионов бывшей Российской империи.

Собрав воедино эти жизнеописания, мы отчетливо отметили несколько отрядных моментов. Во-первых, прослеживается четкая духовная связь между старцем и учеником. Какими-то невидимыми духовными нитями все 10 000 русских монахов были связаны с главной взаимонаследуемой духовной осью русского Афона, которую олицетворяли прежде всего иеромонах Арсений (духовник всех русских иноков на Афоне в начале XIX века), иеросхимонах Иероним (духовник Пантелеимонова монастыря в 1841–1885 годах), архимандрит Макарий (первый русский игумен Пантелеимонова монастыря после его возрождения в 1875–1889 годах), иеросхимонах Агафодор (духовник Пантелеимонова монастыря в 1891–1920 годах), схиархимандрит Кирик (духовник Пантелеимонова монастыря в 1920–1937 годах), иеросхимонах Виссарион (духовник Пантелеимонова монастыря в 1938–1955 годах), схиархимандрит Илиан (игумен и духовник Пантелеимонова монастыря в 1958–1971 годах). Эта бросающаяся в глаза связь дает наблюдателю хорошую возможность представить двухсотлетнюю жизнь Пантелеимонова монастыря и всего русского Афона как единого духовного организма.

Во-вторых, ясно вырисовывается единодушная верность всех учеников вышеназванных старцев завещанию духовника, основоположника и возобновителя Пантелеимонова монастыря иеросхимонаха Иеронима, в котором он настойчиво просил хранить общежительный дух монастыря, жить в любви друг к другу и не оставлять милостыни.

В-третьих, несмотря на языковой барьер между русскими монахами и насельниками Афона других национальностей и определенную автономность русских обителей, в каждом конкретном подвижнике отчетливо можно проследить наличие известного общего, внационального афонского духа: он оставался русским, но одновременно являлся органической частью всего афонского сообщества.

В-четвертых, они никогда, даже в самые трудные моменты истории, не забывали о своей многострадальной Родине и старались посылить участвовать в ее судьбе: кто молитвой, кто делами.

В-пятых, у монахов-выходцев из России мы видим равенство, несмотря на принадлежность к разным сословиям: облекшись в монашеское одеяние, бывшие крестьяне и дворяне, мещане и купцы, писари и губернаторы вдруг превращались в братьев и плечом к плечу в равных условиях несли монашеский крест. Если представить себе ту сословную пропасть, которая существовала в тогдашней России, то это действительно достойный удивления и внимания феномен.

Данная книга состоит из четырех частей: в первую часть вошли жизнеописания выдающихся старцев и подвижников Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, всего 130 подвижников, особо отличившихся как своей высокой духовной жизнью, так и вкладом в созидание и процветание монастыря.

Во вторую, третью и четвертую части вошли жизнеописания 68 выдающихся старцев и подвижников Андреевского и Ильинского скитов, больших и малых русских келлий, пустынников и сироманов. Многие безусловно достойные жизнеописания иноков не попали в эту книгу из-за крайней скудности информации о них. Пустынножители вели особенно закрытую от внешнего мира жизнь, и даже современники-подвижники не могли заметить высоту их духовного состояния. Как, глядя на множество одновременно сверкающих на небе звезд, трудно оценить достоинство каждой отдельной звезды, так трудно было особо кого-либо выделить из яркого букета высоких подвижнических жизней, которые протекали и протекают на Афоне.

Выше мы уже отметили, что источниками для составления всех жизнеописаний послужили данные, находящиеся в архиве Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне: монахологии (регистрационные книги монахов), дневники и записные книжки, письма насельников, официальная документация и др. Кроме того, была использована информация из уже изданных книг насельников нашего монастыря: иеросхимонаха Сергия (Веснина), игумена Парфения (Агеева), схимонаха Селевкия (Трофимова), архимандрита Михаила (Козлова), иеросхимонаха Арсения (Минина), схимонаха Денасия (Юшкова) и др., которые и сами оказались достойными данного издания. Также в книгу вошел ряд материалов из периодических изданий русских афонских обителей: Пантелеимоновской — «Душеполезный собеседник», Андреевской — «Наставление и утешение святой веры христианской», Ильинской — «Нравственно-аскетические издания». Широко использовалась уже существующая литература об Афоне: очерки, исследования и литературные произведения разных авторов.

Мы хорошо представляем себе, что предложенный труд далек от литературного совершенства, но все равно желаем предложить его на суд читателей, уверенные в

том, что о монахах должны писать в первую очередь монахи. Именно монахи могут передать ту изюминку монашеской жизни, которая открывает в жизнеописании подвижника его главный смысл — действие благодати Божией. Ученый интересуется фактами, журналист — эффектами и идеями, а монах видит прежде всего действие Святаго Духа, а это главное в жизнеописании подвижника. И методы у них разные: если ученые используют метод критического анализа фактов, то монах, описывающий историю жизни другого монаха, в первую очередь старается показать, как Промысел Божий неотступно действует, влияет на судьбы человеческие, как отеческая любовь и забота Создателя непрерывно направляют и исправляют каждого подвижника на пути ко спасению. Для исполнения этой задачи недостаточно только перечисления следующих друг за другом исторических событий. И даже глубокий анализ этих фактов не приведет нас к заданной цели, если мы не учтем тех событий, которые во время научного исследования мы часто склонны игнорировать и которые мы называем сверхъестественными, чудесными событиями. И действительно, как быть научно корректным и одновременно принимать во внимание недоказуемые естественным образом происшествия в жизни подвижников? Как не смутить академически настроенного читателя, предлагая ему сновидения, видения, прозорливые предсказания и другие подобные явления из жизни подвижника как истинный факт? Как найти золотую середину между научным и метафизическим? Как сделать так, чтобы нас не упрекнули в смешивании предметов знания и веры?

С научной точки зрения, явление Божией Матери преподобному Петру Афонскому, преподобному Афанасию Афонскому и сотням других афонских подвижников и их свидетельства того, что Она подтвердила им истинность истории Своего пребывания на Афоне во время Ее земной жизни и обещала Свое покровительство, нужно считать исключительно легендами, не имеющими отношения к истине. Но думать так — значит глубоко ошибаться, потому что тем самым мы сознательно игнорируем один из основных источников познания истины — духовное созерцание, благодаря которому был достоверно засвидетельствован факт явления Божией Матери на Афоне.

Чистая, духовно созерцающая душа — это самая мощная лаборатория, позволяющая получать абсолютно достоверную информацию. И пока рядом с научными методами познания ученые не поставят метод духовного созерцания, результаты их исследований всегда будут неполными и односторонними.

Чистому сердцу преподобного Афанасия и подобных ему афонских подвижников было дано ясное откровение о пребывании Божией Матери на Афоне. И, несмотря на то что подвижники получили эти откровения через 900 лет или более после самого события, гарантией истинности того, что они нам говорят правду, является именно чистота этих святых мужей.

Сухая хронологическая летопись — это всего лишь тело истории, а внутренние, духовные созерцания — его душа. То, что на человека упал кирпич, — это «тело» исторического факта, а то, что перед этим у человека было обостренное чувство предстоящей опасности, — это душа данного события. И, только анализируя во взаимосвязи оба проявления одного факта, мы можем добраться до истинного понимания происшедшего. Но здесь встает справедливый вопрос: как определить истинность духовного события, какое внутреннее переживание достоверно? Ведь их бывает порой много, и часто они кажутся противоречивыми. Мы не претендуем на универсальную разгадку этого вопроса, с определенной уверенностью можем только сказать, что на протяжении долгой истории у Матери Церкви выработался опыт проверки истинности тех или иных духовных событий. Мы не будем перечислять их здесь, они всем известны, укажем только один из них — высокий уровень авторитета участвовавшей в чудесном событии личности: монаха, старца, подвижника. Человек верующий, а особенно подвижник, имеет обостренное чувство реального предстояния пред Богом, поэтому он не может позволить себе сознательно сочинить даже малейшую ложь. Его можно обмануть, ввести в заблуждение, но преднамеренно он не может выдумать ничего.

Например, великому преподобному Силуану Афонскому было видение, что Господь сошел к нему из иконы. Нет на Земле ни одного здравомыслящего человека, знавшего его житие и хоть на секунду усомнившегося в истинности этого признания. Старец Силуан заслуживает абсолютного доверия!

Или другой пример: по молитве великого подвижника Серафима Саровского Дух Святой стал ощутимо действовать в простом смертном человеке, о чем последний свидетельствовал. И нет на свете ни одного хоть мало-мальски благоразумного человека, который не поверил бы этому свидетельству. Значит, оба происшествия являются истинными фактами и их истинность подтверждается авторитетом участвовавших в них личностей.

Здесь наши оппоненты могут возразить, что происшедшие события неестественны и являются продуктами личного восприятия, что они происходили только в воображении этих людей. Скептики скажут: «Да, эти люди честны в констатации факта, но сам факт нереален».

Действительно, как оценить реальность факта? Наверное, только его влиянием на последующий исторический процесс. Учитывая то, сколько тысяч (!) людей привело к вере истинное свидетельство старца Силуана или описание действий преподобного Серафима Саровского, мы можем с абсолютной уверенностью утверждать, что происшедшие с ними вышеозначенные события являются совершенно достоверными историческими фактами. Составляя данный труд, мы руководствовались именно таким

методом и надеемся, что он поможет нашим дорогим читателям в деле духовного совершенствования и спасения их душ.

При составлении жизнеописаний рядом с фотографиями подвижников приведены также изображения их честных останков (их честные главы). Опасаясь, что российскому читателю такая демонстрация напоказ останков умерших людей может показаться странной и даже кощунственной, позволим себе дать пояснение этому.

Дело в том, что на Афоне существует традиция выкапывать из могил останки монахов через три года после их захоронения. Делается это с одной целью — увидеть, какого цвета кости усопшего. На Афоне существует предание, что если кости чистые и белого цвета, с характерной желтизной, то монах обрел милость у Бога. Считается также, что если цвет костей скорее желто-воскового цвета, который переходит в светло-коричневый, то душа усопшего ближе к Богу.

С нашей стороны мы можем с радостью подтвердить истинность этого верования нашим нечаянным опытом. Создавая эту книгу, мы сначала составили жизнеописания, а потом пришли к мысли приложить к ним и изображения останков, и, к нашему большому удивлению и радости, все кости, соответствующие жизнеописаниям, вошедшим в эту книгу, были именно благодатного цвета, в чем наш читатель может сам убедиться, причем такие кости составляют лишь 30 процентов всей монастырской костницы*². При виде таких благодатных глав вместо обычного страха и отторжения возникает чувство огромного уважения и благоговения. Хочется смотреть и смотреть на них как на фактическое проявление истинной святости. Некоторые жизнеописания не имеют подобных иллюстраций, потому что с течением времени на отдельных главах стерлись надписи, и, к сожалению, идентифицировать их уже невозможно.

Дорогому читателю может также показаться, что мы представили жизнеописания в несколько идеализированном виде, но такое впечатление создается именно потому, что из 7500 жизнеописаний выбраны лучшие на наш взгляд. 200 жизнеописаний из 7500 — это всего лишь 3,5 процента. Как мы уже сказали выше, безусловно, их могло быть больше, но скудность материалов не позволила нам составить жизнеописания многих достойных почитания подвижников.

Наверное, не лишним было отметить историческое и культурное значение представленных широкому читателю жизнеописаний афонских подвижников. Несомненно, они представляют непреходящую ценность не только для русской православной духовности и русской истории, но однозначно и для всего христианского мира! А для нас, современных насельников Святой Горы, значение этих жизнеописаний просто громадно, ведь монашеская жизнь — это не только повседневная молитва и текущие подвиги послушания, но и память о духовной преемственности, фактическое осоз-

² Слова или словосочетания, обозначенные знаком *, комментируются в конце книги.

вание намоленности монастыря, чего можно достичь, только зная детали духовной жизни живших здесь до нас отцов. В своих письмах прекрасно написал об этом один из подвижников, представленных в этой книге, схимонах Денасий (Юшков): «Если и пишется что о почивших уже старцах-подвижниках, то все это, как говорили мне другие, «святое и благое дело». И совершается оно не для того, чтобы через это прославить почивших подвижников благочестия, так как каждый из них что заслужил делами, то и получил от праведного Мздовоздаятеля, а единственно с той целью, чтобы хоть несколько возгреть и поддерживать в себе и других дух афонского подвижничества и вообще истинного монашества, и примерами подвижнической жизни современных нам отцов показать христианскому миру, что «не оскудел еще преподобный», что есть еще с горячностью сердца шествующие по стопам древних великих богоносных подвижников, непрерывно борющиеся со всеми многообразными кознями дьявольскими и всеусильно старающиеся о всецелом выполнении двух главных заповедей Божественных: любви к Богу и ближнему»³.

Сокращения

АРПМА — Архив Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне.

БРПМА — Библиотека Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне.

РПМА — Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне.

³ Душеполезный собеседник. М., 1894. С. 306.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ
СТАРЦЕВ И ПОДВИЖНИКОВ
РУССКОГО СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВА
МОНАСТЫРЯ НА АФОНЕ**

Иеросхимонах Арсений Афонский

Смело можно сказать, что в середине XIX века иеросхимонах Арсений⁴ являлся ключевой фигурой в истории возрождения русского монашества на Афоне. Промыслом Божиим этот выдающийся подвижник сыграл решающую роль в судьбе всех трех русских обителей: Русского Ильинского скита, Русского Андреевского скита и Русского Пантелеимонова монастыря. Он стоял у истоков возрождения Русского Ильинского скита и Русского Пантелеимонова монастыря, активно содействовал основанию Русского Андреевского скита, не говоря уже о том, что благодаря его прямому участию и по его благословию было создано большое количество русских келлий.

Родился иеросхимонах Арсений в Великороссии, в городе Балахна Нижегородской губернии, стоящем на берегу великой и славной реки Волги, от благочестивых родителей-мещан, фамилия которых неизвестна. По рождении он был просвещен святым крещением и наречен Алексием. В отрочестве обучался чтению и письму. Юность его была наполнена житейскими и мирскими попечениями. Но Господь, провидя в нем жилище Святаго Духа, не дал ему погрязнуть в мирских страстях и похотях. С раннего детства вложил ему в разум желание заняться чтением Божественных и святоотеческих писаний, благодаря которым Алексей скоро мог рассмотреть и познать суету и прелесть этого мира и бесполезность для его души всего того, что этот мир мог дать ему. На двадцатом году жизни Алексей Бога ради оставил дом свой и родителей и пошел странствовать по российским монастырям, искать удобного места для спасения своей души.

Придя в Московскую губернию, в Песношскую общежительную пустынь, он положил начало своей монашеской жизни, определился в число братии и три года проходил там различные послушания. Потом появилось у него желание идти за границу, по молдавским монастырям, которые тогда славились великими старцами и подвижниками. Когда он открыл свое желание своему духовному отцу — игумену Песношской обители, то игумен долго его отговаривал от исполнения этого намерения, однако в конце концов благословил его, и Алексей отправился в путь. Дойдя до Киева и поклонившись святым мощам киевских чудотворцев, нашел он там себе спутника именем Ники-

⁴ Жизнеописание составлено по книгам: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. М., 1856. Ч. 2; Летопись Русского Свято-Андреевского скита на Афоне (1841–1863). М., 1911.

та, уроженца Тульской губернии, который после этой встречи был ему сподвижником во всех скорбях, трудах и подвигах более сорока лет, до самой смерти. Взяв благословение киевских чудотворцев и помолившись им, они вместе отправились в путь.

В Молдавии, обойдя все монастыри и скиты, Алексей с Никитой нашли себе духовного отца и пастыря в Балашевском скиту, находившемся примерно в четырех часах пешего хода от города Буташана, и препоручили ему свои души. Через некоторое время духовный отец постриг их обоих в монашество: нарек Алексею имя Авель, а спутнику и сотруднику его Никите — Никандр.

Позже наставник, видя подвиги и смирение отца Авеля, благословил его на рукоположение во иеромонаха. Со многими слезами просил отец Авель своего пастыря не налагать на него тяжкого бремени сверх сил и оставить работать Господу только в монашеском чине. Однако старец сказал ему, что совершенному послушнику не подобает иметь своего рассуждения, но должен он даже до смерти творить приказанное, а не учить своего старца.

Авель поклонился ему до земли и сказал: «Прости мя, отче святой! Согрешил пред тобою, твори, как тебе угодно». И вскоре он был хиротонисан в иеромонаха и по согласию всей скитской братии определен к ним духовником. Несмотря на то что Авель стал иеромонахом, своего послушания и смирения он не изменил, во всем повиновался своему старцу и никогда без его благословения ничего не начинал.

Так, проведя в совершенном послушании и отсечении своей воли восемнадцать лет, повиновались отец Авель с отцом Никандром своему пастырю и наставнику до самой его кончины. Препроводив своего духовного отца как ходатая за себя к Господу Богу своему на вечное блаженство, остались они сиротами и, так как по своей воле жить не хотели, решили поступить по-братски: одному у другого быть в послушании и не разлучаться до самой смерти. Сие и исполнили они на самом деле. Хотя отец Никандр и желал видеть отца Авеля своим пастырем, потому что тот был иеромонахом и духовником, отец Авель никак не соглашался с этим — быть старцем.

Так они подвизались еще некоторое время, и было им обоим откровение от Бога, повелевающее идти на Святую Гору Афон и там провести остаток жизни. Это откровение они объявили один другому и начали собираться в путь. Услышав об этом, скитские и прочие отцы начали их отговаривать, имея в виду, что в то смутное время невозможно было идти на Святую Гору, которая тогда была под властью Турции. Даже насельники Афона, и те оттуда все вышли. Говорили им, что полна Гора турок, монастыри все заняты иноверцами или стоят запертые, а в келлиях живут разбойники. По всей Турции христианам нет прохода, повсюду льется христианская кровь.

Отец Авель отвечал им: «Отцы и братия, воистину так, как вы говорите. Это и нам известно. Но как Богу угодно, так и будет».

И действительно, положение в тогдашней Турецкой империи было таковым, как говорили отцы. Еще недавно в Константинополе убили Патриарха Григория, и великое было там смущение. Но отец Авель чувствовал призвание Божье, что есть Его святая воля идти им на Афон. Он не послушал советов человеческих и, несомненно, верил, что Господь не попустит им искушений выше сил. Колебался отец Никандр как человек, но старец Авель его укреплял, внушая, что лучше послушать Бога, чем людей. И, наконец, решили они отправиться в путь. Что имели раздали братьям, а с собой взяли немного денег и книг.

Поехали в Галату*. Там сели на корабль и отправились в Константинополь. В Константинополе же увидели одно горе и слезы, как кровь греческая потоками льется по улицам. Сами греки говорили им: «Зачем вы, отцы, приехали теперь? Захотели разделить с нами горькие минуты? У вас ведь в Молдавии не режут так баранов, как нас здесь режут ежедневно по сто и по двести, и это происходит прямо на площадях, при всех... Отправляйтесь обратно в Молдавию. На Святую Гору вам идти невозможно, хотя бы вы и очень желали этого. По морю корабли не ходят, а по суше добраться до Афона невозможно, потому что всюду рыщут разбойники. И сама Гора Афон полна разбойников, в монастырях же, притесняя монахов, живут турки».

Но наши отцы верили и твердо надеялись, что будут на Святой Горе. В то время в Константинополе хлеб был весьма дорог. Все имеющиеся у них с собой деньги были израсходованы, частью их они оплатили проезд на корабле, а остальные отдали, добывая пищу. И вот у них уже ничего не осталось, а книг никто не покупал. Отцы ходили по торговым рядам, просили милостыню: сами питались, да еще и питали бедных греков, делясь с ними своей скудной пищей, на которую удавалось собрать хоть сколько-то денег.

Так перезимовали. Сколько скорбей они претерпели в Константинополе! Про то знает только Один Господь, который их туда и послал. Дождавшись весны, отцы оставили свои книги у одного грека, а сами пошли по суше к Святой Афонской Горе. И здесь на пути они опять претерпели множество скорбей, напастей и побоев. Опять же только Один Бог был свидетелем их страданий. Как золото в горниле, искушал их, да превратит в чистейший металл. Почти каждый час нападали на них разбойники. Но взять у них было нечего: денег не было, а одежды на них были ветхие, истрепанные. Иные разбойники только побьют, другие возьмут последние сухари, иные поиздеваются, да так и отпустят. И так шли отцы более месяца и, наконец, дошли до Святой Горы. Было это в 1800–1805 годах.

Вот что увидели они: жилища монашеские опустели, сады одичали и заросли лесом, монастыри стоят запертые, а ополчение Царицы Небесной разбежалось по разным странам: иные скрылись по непроходимым лесам, горам и вертепам, иные за-

творились внутри монастырей — и мало кого из них можно было увидеть. Русский монастырь вовсе запустел и стал пристанищем диких зверей. Братия его скиталась по Святой Горе, не имея места, где главы приклонить.

Отцы наши тогда отправились к Самой Настоятельнице Горы Афон, в Иверский монастырь, к чудотворной иконе Царицы Небесной Иверской, ко Вратарнице Афонской. И когда пришли к воротам монастыря, то отцы иверские приняли их, впустили внутрь монастыря и привели в церковь поклониться Божией Матери. Придя туда и увидев Ее, русские странники очень обрадовались, пали на колени, пролили много слез и просили принять их в Свой святой удел.

Радуюсь, они также удивлялись, что в такое смутное время, когда монашеское ополчение по большей части разбежалось, Она, Царица и Владычица, стоит на своем месте, как ни в чем не бывало, во всем своем полном убранстве, украшенная золотом и серебром и драгоценными камнями. Турок полон монастырь, а они не могут разграбить Ее убранство.

Отцы наши спросили греков: почему те икону не спрятали в укромном месте, почему не сняли украшения и почему турки не могут похитить с нее золото, серебро, камни, представляющие такое богатство? Отцы иверские им отвечали: «А куда и зачем нам ее убирать? Она наша покровительница и защитница, Назирательница Горы Афонской. Хотя и наказала нас за грехи, но лика своего не отвернула, не до конца прогневалась и пребывает еще с нами. И так как Она на нас еще весело смотрит, то имеем надежду, что пройдут эти скорби. Теперь у нас только в том радость и утешение, что Она, Царица Небесная, пребывает с нами. Когда же находят на нас невыносимые скорби от турок и от наших немощей, то мы прибегаем к ее помощи и обретаем в скорбях своих утешение.

Вы спрашиваете: почему турки не похитят ее убранство? Они не только не могут снять драгоценностей, но не могут и войти в малый храм. Вот уже третий год живут в монастыре, а еще нога их не ступала в храм. Когда разозлятся на нас, начинают требовать от нас золота и серебра и церковной утвари, то мы отвечаем, что не имеем их, хотя на самом деле все спрятано. Ничего не открываем, готовы пострадать даже, чтобы не досталось им монастырское богатство. Показываем им эту святую икону и говорим: «Вот на иконе много золота и серебра и дорогих камней, если вам угодно, то возьмите себе». Они же, стоя в дверях, говорят: «Мы не можем к ней подступиться. Нас одолевает страх. Вон Она на нас как сердито смотрит!» — и отходят посрамленные, не в силах что-либо сделать. А мы благодарим Царицу Небесную за то, что Она Сама Себя защищает и нас, грешных, спасает, покрывая своей милостью. И за то еще благодарим Владычицу нашу Богородицу, что послала турок смирить нас, грешных: если бы их не было, то тогда уже разбойники нас совсем бы разорили и опустошили храм.

Еще скажем вам вот что: год тому назад великое было смущение и тревога на Святой Горе, так что и оставшиеся отцы, афонские жители, хотели бежать отсюда вон. До этого смущения пребывало на Святой Горе всей братии до сорока тысяч, а ныне осталось не более одной тысячи. Да и те хотели оставить свое место и бежать кто куда. Думали, что Божия Мать покинула их, и оттого запустеет Святая Афонская Гора. Но когда начали так помышлять, скорая помощница, Царица Небесная, Владычица наша Богородица, явилась многим отцам и пустынножителям и сказала: «Почему так испугались вы? Почему входят такие помышления в сердца ваши? Все скорби и притеснения пройдут, закончатся, и вновь наполнится Святая Гора монашествующими. Знайте, что пока Моя икона будет находиться на Святой Горе, в Иверском монастыре, ничего не бойтесь, спокойно живите в своих кельях. А когда уйду из Иверского монастыря, тогда каждый заберет торбу* свою и пусть идет кто куда знает».

И теперь все пустынножители каждую неделю приходят к нам в монастырь и смотрят, на своем ли месте стоит Божия Мать, и, убедившись, что она незыблемо пребывает там же, вновь возвращаются в свои пустынные кельи».

Отцы наши, услышав это, очень обрадовались, во-первых, потому, что узнали о покровительстве Царицы Небесной, а во-вторых, потому, что есть еще пустынножители на Святой Горе Афон. Затем иверские отцы привели их в гостиницу и угощали целую неделю, после чего сказали: «Отцы святые, мы вас на первый случай приняли, а больше уже нас не обременяйте, потому что нам теперь и самим пропитание взять негде. У нас сорок человек турок, а кормить их нечем. Всюду разбойники, а с метохов* доходов никаких нет. Возьмите в нашем скиту святого Иоанна Предтечи одну келлию, с малой церковью. Там станете обрабатывать огород и заниматься рукоделием. Так и пропитаетесь как-нибудь. А какая в чем будет нужда, мы поможем. Ночевать ходите в монастырь».

Отцы наши поблагодарили иверских отцов за их гостеприимство, взяли в скиту келлию и жили уже там. Возделывали огород, резали ложки... Но рукоделие их тогда никто не покупал. И так перетерпели все смутное время. Продолжалось оно более четырех лет. Чем они питались? Одному Богу известно. А сами они никому о том не рассказывали. А ведь хлеб в то время достать было очень трудно. Много раз впоследствии спрашивали старцев: «Отцы святые, чем вы питались в то смутное время?» Они же отвечали: «А что Господь сказал в Евангелии: *«Ищите же прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вамъ»* (Мф. 6, 33); и еще: *«Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отець вашъ небесный питаетъ ихъ»* (Мф. 6, 26). Так и нас Господь питал». Так отцы наши пропитались, и не одни они, но более тысячи оставалось их на Святой Горе. И все они не оставлены были без Божией помощи.

В те годы собрали они себе великое богатство духовное. С великим терпением пережили все скорби и в недостатке для удовлетворения телесных нужд духовно

процвели и созрели, принеся многие плоды. Наградил их Владыка Царь Небесный дарами Духа Святаго и даровал им помощь на одоление врага — дьявола, древнего нашего супостата, чтобы победить страсти душевные и телесные. И достигли они тихого пристанища — душевного спокойствия и безмолвия — соединения ума с Богом. Отцу Авелю дал Господь дар рассуждения и прозорливости, отцу же Никандру — дар слез, так как плакал он о своих грехах день и ночь до самой смерти.

Когда после смутного и скорбного времени послал Господь Бог на землю мир: пропали все разбойники, всюду настала тишина и спокойствие, — тогда и братия вновь стала сходиться на Святую Гору. Тогда и православные христиане потекли на поклонение к ее святыням. И отцам нашим стало легче. Начало продаваться их рукоделие. Пришел один купец и купил все, у кого что было. Отцы продали все свои ложечки и получили за них две тысячи левов, т. е. 400 рублей. Отец Авель сказал тогда отцу Никандру: «Да, теперь поправим все наши нужды».

Однако в скором времени пришел к ним один мирянин просить милостыню. Отец Авель спросил его, откуда он и какую имеет нужду. Мирянин стал отвечать ему со слезами: «Я, отче святой, с острова Хиоса. Жену и детей моих турки взяли в плен. Требуют за них пять тысяч левов. И я собираю их уже два года. Набрал, слава Богу, три тысячи, а две тысячи еще надобно. Бог даст, и это помаленьку соберу». Услышав это, отец наш сказал ему: «Зайди ко мне в келью, и я чем-нибудь помогу тебе». Тот зашел, отец же наш вынул все деньги, что имел, и отдал ему со словами: «Возьми, иди и выкупи жену свою и детей». Мирянин же, не в силах поверить ему, говорил: «Отче святой! Что глумитесь надо мной?! Мне и без того тяжело. Дайте мне один лев, я и пойду». Отец ему отвечал: «Нет, чадо, я не глумлюсь над тобой. Как могу я обижать человека с такой бедой! Возьми все да иди с Богом». Пришедший к отцу заплакал, не зная, как же ему поступить, а отец вложил ему деньги за пазуху и проводил его до двери.

Отец Никандр, видя это, заплакал горькими слезами и сказал: «Отче, что ты наделал! Зачем ты отдал все деньги? Четыре года мы трудились и думали покрыть все свои нужды, а теперь вновь будем иметь скорби». Отец же наш ответил ему: «Ох, отец Никандр, разве будем мы совершенными монахами? Уж не Господь ли нас провел уже сквозь столько скорбей, а ты еще немоществуешь. В самое трудное время Господь не оставил нас, пропитал. Теперь ли не сможем этого сделать? Теперь, слава Богу, рукоделие продается. Вновь будем работать да продавать плоды наших трудов, а лишние деньги отдавать Богу. Зачем беречь лишнее? Еще и ум от Божьего будем отвлекать. Станем на молитву, а ум пойдет к ним, к деньгам. Господь сказал: *«...идѣже бо естъ сокровище ваше, ту́ будетъ и сердце ваше»* (Мф. 6, 21). Пусть они лежат у Бога, а мы будем и сердце там же держать». Тогда отец Никандр умилился, пал ему в ноги, плакал и просил прощения. С того дня он уже ни во что не вмешивался, а только до самой смерти плакал.

Вскоре оба постриглись в великую схиму: отец Авель, духовник, наречен был Арсением и принял схиму от схимонаха Арсения. Отец же Никандр наречен был Николаем, а принял схиму от самого Арсения. И стали уже жить они как старец с учеником, и прожили в скиту Иоанна Предтечи десять лет.

С увеличением числа братии в скиту умножилась и обычная житейская суета. Обоих отцов это очень отягощало. И они согласились удалиться во внутреннюю пустыню ради совершенного безмолвия, чтобы не иметь никаких житейских попечений и жить Одним Единым Богом. Ибо пустынный не любит молвы и суеты. Они оставили скит и прежнюю свою келлию. Взяли более уединенную келлию во имя святителя Иоанна Златоуста. Находилась она на холме, в почти непроходимом месте, около часа пешего хода от скита и на таком же расстоянии от Иверского монастыря.

Прежде это была великая келлия, но во время смуты она почти до основания была разорена. Отцы восстановили ее своими руками, только в меньшем размере, освятили церковь и пристроили к ней две жилые кельи. Так положили они начало своей жизни по пустынному уставу. Не имели никаких житейских попечений. Не занимались ни садом, ни огородом. Хотя там и были масличные деревья, но отцы не пользовались их плодами. А когда поспевали на них маслины, то приглашали какого-нибудь знакомого бедняка и поручали ему собрать урожай для себя.

В это время прославил Господь отца Арсения многими благодатными дарованиями. Со всех уголков Святой Горы шли к нему для исповеди и духовного руководства, особенно иеромонахи и иеродиаконны, жившие в греческих монастырях. Вскоре и для всех русских он также стал духовником. И не только русские, но и болгары, сербы и молдаване приходили к нему за советом. И греки почитали его за великого старца, нередко смиренно прибегая к его мудрости. Имя отца Арсения почитали на всей Святой Горе, многие просились к нему в ученики, жить вместе с ним и отцом Николаем. Однако жить вместе с собой они никого не принимали, говорили так: «С нами быть никто не может. Мы за тридцать лет едва достигли того, что и теперь еще искушаемся и изнемогаем. Хотя дух и бодр, но плоть наша немощна. И если бы благодать Божия не подкрепляла нас, то мы бы и так-то не смогли жить».

С того времени как они пришли на Святую Гору, отец Николай прожил 19 лет, а отец Арсений — 24 года. И не вкушали они ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла. Пищей для них были сухари, моченные в воде, которые они носили на своих плечах из Иверского монастыря к себе на гору. Еще любили черные квашеные баклажаны, посыпанные стручковым красным перцем, которого много солили.

Вот повседневная их трапеза: сухари, перец и баклажаны. Случалось вкушали и лук, если кто принесет. Соленые маслины и смоквы предлагали только гостям.

И всегда имели трапезу один раз в день, в третьем часу пополудни. А в среду и пятницу оставались без нее.

Распорядок их жизни был таков. После трапезы до вечерни занимались чтением духовных книг в кельях. Потом правили по уставу вечерню, читали всегда со вниманием и со слезами, не торопясь, тихо и кротко. Затем повечерие с канонем Богородице и на сон грядущий молитвы. Ночь всю проводили во бдении, молитве и поклонах. Если сон их преклонял, то спали сидя не более часа во всю ночь и притом неприметным образом, более сопротивляясь сну, часто для этого ночью прохаживаясь.

Часов у них не было. Но они всегда знали который час, так как в Иверском монастыре на колокольне били часы.

В самую полночь отцы сходились в церковь на соборную молитву и там читали полунощницу, а потом утреню по уставу. После утрени пели канон Пресвятой Богородице с акафистом, после чего предавались они безмолвию, пока не рассветет.

После наступления дня занимались рукоделием. Резали по десять ложек на брата в день, работая в разных местах. Разговоров между собой никогда не вели, если только о нужном и необходимом. Пребывали всегда в молчании, в хранении сердца и непрестанной умной молитве.

Ложки делали самой простой работы. Потом читали часы и молебен Божией Матери. Трапезничали. И так проводили дни и ночи в беспрестанной молитве и рукоделии.

Еще старец Арсений любил служить Литургию. Когда было у них вино и просфоры, то совершал ее почти каждый день. Однако бывало так, что они имели в них великую нужду.

Служили Литургию по большей части вдвоем. Служили ее, растворяя слова молитв слезами. Два старца, удрученные и иссушенные постом, предстояли пред Господом. Один в алтаре пред престолом Божиим плакал так, что от слез не мог произносить возгласов, и только одними сердечными воздыханьями тихо творил божественные слова молитвы. А другой, стоя на клиросе, рыдал, и от плача его и от немощи телесной мало что можно было разобрать из произносимых им слов. Хотя человеческим ушам мало было слышно и понятно, но на их Литургию призревал Сам Господь по обетованию: *«И на когó воззрю, то́кмо на крótкаго и молчаливаго и трепéщуаго словéсь мойхъ?»* (Ис. 66, 2). Здесь «Трисвятую песнь» припевали: *«...ни единого житейского попечения не имуще, и воистину ничтоже земное помышляющее»*, — здесь, посреди двоицы, Сам Господь пребывал по обетованию: *«...идѣже бо еста́ двá или́ тріе собрани во імя моё, ту́ есмь посредѣ ихъ»* (Мф. 18, 20).

Эти два старца так возлюбили Господа своего, что ни на одну минуту не хотели расставаться с Ним, но всегда беседой с Ним наслаждались умом и сердцем, непре-

станно пребывая в Боге. Если у них между собой и были разговоры, то только о молитве или о любви к Богу и к ближнему. А если кто начинал при них говорить осуждающе о своем брате, то они прекращали беседу. Всякого ближнего любили больше, чем себя самого, что явно показывали их дела.

Кто бы к ним ни пришел с какою нуждой, они никого из келлии своей не отпускали унывающим. Кто телесной ради нужды скорбел, того они поддерживали материально, если даже это было сверх сил. Последние свои книги отдавали в залог, чтобы помочь ближнему. А уже после того, как им поможет Бог, выкупали их обратно. Кто душевную скорбь имел, того утешали благими своими беседами. Бедные имели в них помощников, скорбящие — утешителей, немощные грехами — скорое исправление и освобождение от них.

О безграничной доброте отца Арсения составитель жизнеописания старцев иеросхимонах Парфений (Агеев) писал так: «Когда я пришел на Святую Афонскую Гору, то не имел у себя почти ни одной копейки. Отец Арсений благословил научиться делать ложечки, но мне не на что было купить инструмент. Когда я ему открыл это, он сказал: «О том не скорби». Взял с окна сумочку, высыпал деньги, пересчитал, отдал мне все, что у него было, и сказал: «Возьми. Имею всего только тридцать левов». Я заплакал и сказал: «Отче святой, а себе что-нибудь оставили?» Он же мне ответил: «Мы сыты будем, о нас не имей печали. Нам Бог пошлет. А сколько нужно денег на инструменты?» Я сказал, что пятьдесят левов. Он пошел в церковь, принес оттуда книгу, отдал мне ее со словами: «Иди, заложь у Корневых и возьми денег столько, сколько надобно, а я после выкуплю». О, каких слез мне это стоило! Я всю дорогу проплакал. И до сих пор позабыть этого не могу. Как только вспомню, так плачу».

У отца Арсения первый вопрос ко всем приходящим был таков: «Доволен ли ты, брат, не имеешь ли какой нужды?»

Однажды брат Феоклит взял с собой все что имел, сто пятьдесят левов, и пошел на праздник купить себе рясу и холста. Пошел и все потерял. От того он сделался весьма печален и скорбел. Увидев его, отец Арсений спросил: «Почему так скорбишь?» Тот отвечал, что потерял все деньги. Старец спросил его: «Разве нужду великую имеешь?» Потом вынул свою сумочку и дал ему денег, сказав: «Вот только имею шестьдесят левов, иди и купи, что тебе нужно». Отец Феоклит взял. Пошел от него. Потом сам в себе рассудил: «Я человек молодой, могу заработать, а они стары и немощны и отдали мне последнее! Надеются на Бога, что сыты будут. И меня Господь не оставит! Пойду и отдам деньги назад». Вернулся к отцу Арсению. А старец денег не берет. Он же, пав ему в ноги, со многими слезами едва упросил, чтобы тот взял их обратно. Старец при этом спросил его: «Не будешь ли скорбеть?» Отец Феоклит ответил: «Не буду, отче святой. Теперь мне радостно, что удалось возвратить вам все назад».

В 1835 году приехал из России на Афон великий постник, бывший князь Ширинский-Шихматов, теперь иеромонах Аникита. Обошел всю Святую Гору, посетил и наших двух подвижников в их пустыне. Долго беседовал со старцами на духовные темы, весьма возлюбил их и избрал старца Арсения себе духовным отцом.

В это время не было у русских иноков своего монастыря, не было пристанища, где могли бы они в общежительном послушании, ежедневном руководстве отцов духовных, в молитве и богослужениях на родном языке обрести мир душевный и спасение от страстей. Будучи их духовным наставником, старец Арсений говорил, что Бог не даст им погибнуть, потому что Матерь Божия любит их особо, ведь они пришли из самой далекой от Афона страны, оставив боголюбивое и благочестивое свое Отечество, родную Церковь, благоденственные российские монастыри. «Радуйтесь и веселитесь, — утешал их отец Арсений, — что вы не в миру суетном и не в ограде многомятежной, а в тихом и небесном пристанище, в уделе Божией Матери. Скоро Царица Небесная наградит нас таким местом для спасения, что вся Святая Гора удивится. Иные будут и завидовать, а другие — радоваться и прославлять Бога. Только потерпите еще немного».

Отец Аникита, зная о том, что говорил старец, решил совершить великое дело — вернуть русских иноков в родную им обитель, на что и взял благословение у своего духовника. Но в этом благом деле возникли нестроения, так как он не посоветовался с отцом Арсением, кого именно из русских иноков пригласить в монастырь святого великомученика Пантелеимона и кого поставить над ними духовным руководителем. Не зная, какого свойства и характера все эти люди, он набрал много неблагонадежных. Впоследствии это явилось препятствием сему великому и богоугодному делу. Именно из-за этого произошло возмущение среди греческой братии, которое привело к тому, что русские иноки опять разошлись по всей Святой Горе.

Довольно много лет прожили отец Арсений с отцом Николаем в своей пустыне и пожелали сходить в святой град Иерусалим поклониться Живоносному Гробу Господню. И здесь не оставил Господь рабов своих, исполнил их желание. После того как отец Аникита по своему усмотрению набрал кандидатов для проживания в Пантелеимоновом монастыре и передал материальную помощь на построение в обители храма святителя Митрофана Воронежского, он захотел паломничать во Святую Землю. Узнав о таком же желании старцев, он с радостью предложил: «Не угодно ли Вам вместе со мною путешествовать в Иерусалим?» — на что они согласились.

Сходили они в святой град Иерусалим, поклонились Живоносному Христову Гробу и прочим святым местам и, прожив в Иерусалиме всю зиму, проводив Пасху, возвратились на Святую Афонскую Гору, где вновь затворились в своей пустынной келлии.

Как и для каждого христианина, поездка в Иерусалим была для них большим утешением, но в то же время она оказалась для них, пустынножителей, испыта-

нием. Вот как описывал это сам отец Арсений: «Мы были довольны всем от Бога и от людей. Лучшего нельзя было и ожидать. В Иерусалиме поклонники задали нас червонцами. Но мы их, по милости Божией, все раздали бедным арабам. Но скорбь наша была в другом. Много лет проведя в пустыне, мы уже почти позабыли, что такое мир. А здесь окунулись в самую его гущу и суету. Больше всего скорбели в пост. Все хотели нас угостить. Принимали как самых почетных гостей. Но мы не могли вместить всего этого. Только и думали о том, как скорее доехать до Святой Горы».

Спустя некоторое время по возвращении из Иерусалима скончался сомолитвенник отца Арсения отец Николай. Случилось это 6 февраля 1841 года, на Сырной неделе, в четверг. Отец Арсений остался один с Единым Богом и сам готовился к исходу. Многие желали с ним жить, но он никого не принимал целый год. Потом получил от Бога известие, что осталось ему некоторое время еще пожить в этом мире, и начал принимать всех желающих. Вскоре собралось таковых восемь человек. Тогда его заставила нужда оставить свою келлию, не вмещавшую всех подвизавшихся с ним. И ушел он в самую далекую пустыню, в скит Лак во имя святого великомученика Дмитрия, где поселился со всеми учениками в одной большой келлии.

Скитские отцы весьма обрадовались, что пришел к ним такой светильник. Но русские братья, жившие близ Карей и на Капсале, весьма скорбели, что удалился от них отец и пастырь их. Жил он теперь от них на расстоянии полутора дней пути. Впрочем, хотя далек и труден был путь, но от своего утешителя они не отстали и продолжали навещать его даже туда. Духовник же не велел им утруждаться, но просил избрать себе другого духовника, проживающего ближе. Но они ему отвечали: «Отче святой! Много есть духовников, но другого такого утешителя и отца в скорбях наших обрести не можем».

Многие из учеников отца Арсения не могли вместить его образа жизни и нестяжания. Думая отойти от него, стали просить благословения, чтобы он отпустил их избрать себе на Святой Горе другое место для жительства. Он же, утешая их, говорил: «Чада мои возлюбленные, чем вы недовольны? Чем я вас отяготил? Или скорбите, что много трудов? Сидите каждый в своей келье, храните безмолвие. Не оставляете келейного своего правила и соборной церковной службы. Упражняйтесь всегда в богомыслии и беспрестанной умной молитве. Всеми силами стараетесь очищать внутреннего человека и не принимать никаких прилогов дьявольских. Открываете все свои помыслы, не удерживая их, да не обладает никем из вас дьявол. Или вы пищей недовольны? И о том не скорбите. Все вам Господь потребное пошлет к насыщению и утешению. Ибо он сказал: *«Ищите же прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вамъ»* (Мф. 6, 33)».

Но некоторые ученики не слушали наставлений старца и говорили: «Кто может вместить твое нестяжание? Что Господь нам и пошлет, то ты все раздаешь прочим». Он же сказал им: «Кто хочет со мной жить, да подражает мне. Кто не хочет последовать моей жизни, да живет где хочет. Я благословляю. Только живите внутри Святой Горы Афонской, а вон из Святой Горы выходить не благословляю, кроме особенной воли Божией».

После этого многие разошлись от него по прочим монастырям и скитам, кого куда Бог назначил. Впрочем, отлучились они телом, а духом и любовью все к нему остались привязаны.

Прожив в скиту три года, по некоторым благословенным обстоятельствам отец Арсений вышел оттуда с оставшимися учениками. Они купили себе келлию Святой Троицы близ монастыря Ставроникита и обосновались там. Все русские братья весьма обрадовались, что вновь к ним возвратился их отец и пастырь. Здесь старец оставался до самой смерти.

Отец Арсений сделал на Святой Горе великие распоряжения, и никто ему не мог противоречить. По его благословию игумен Ильинского скита иеромонах Павел уступил в споре за игуменский пост братьям-малороссам и оставил им свою должность, благодаря чему сохранились добрые отношения между малороссами и великороссами. Впоследствии отец Арсений и далее старался умиротворять малороссов и примирить их с великороссами, но, встретив упорство с их стороны, дал благословение молодым подвижникам, отцу Виссариону (Толмачеву) и отцу Варсонофию (Вавилову), организовать новый скит специально для великороссов, что с Божией помощью вскоре и свершилось.

По его благословию иеросхимонах Аникита (Ширинский-Шихматов) принял приглашение греков Пантелеимонова монастыря и со своими учениками поселился в древней русской обители. По его же благословию и во второй раз вошли русские во главе с иеросхимонахом Павлом в Пантелеимонов монастырь. По его же благословию после смерти отца Павла русскую братию Пантелеимонова монастыря возглавил молодой отец Иоанникий. Многих он благословил проводить жизнь свою на Афоне, хотя те и не желали этого. А многих выслал со Святой Горы в разные места, в числе таких был и составитель его жития отец Парфений (Агеев), отправленный отцом Арсением в Россию, в сибирскую страну, для основания там монастыря. Отец Арсений был духовным отцом всех русских монахов, проживавших тогда на Афоне, и, бесспорно, не только сыграл выдающуюся роль в жизни отдельных лиц, но и повлиял на будущее развитие всех русских обителей на Святой Горе.

Старец Арсений славился по всей Горе Афон также своими чудотворениями. Расскажем о нескольких таких дивных событиях. В 1839 году в келлии братьев Кореневых лежал больной монах Иоасаф. Однажды ночью сделалось ему весьма

тяжко. Ожидая смерти, пожелал он духовника. У Корневых ночевали тогда посторонние. Двое из них пошли с фонарями за отцом Арсением. До его келлии идти было более 5 верст. Придя к нему, монахи сказали, что отец Иоасаф умирает и желает видеть духовника. Они просили, чтобы тот поскорее шел с ними, но обязательно с фонарем, так как ночь очень темная да к тому же льет дождь. Он согласился: «Да, нужно поспешать. Брат действительно умирает. Вы идите вперед, — сказал он им, — а я сейчас соберусь и догоню вас со своим фонарем!» Отцы просили его идти вместе с ними и поспешить, но он их отослал и обещал догнать. Они шли скоро, но беспокоились о том, как он пойдет под дождем лесом один. А еще боялись, что больной умрет до прихода духовника.

Когда они добрались до келлии, встретил их монах Филипп и сказал, что отец Иоасаф уже умер, и спросил, почему они так долго не приходили. Те отвечали: «Мы шли быстро и очень торопились, чтобы застать отца Иоасафа живым!» Монах же Филипп укорил их: «Что вы оправдываетесь! Уже духовник пришел более получаса назад, исповедал, причастил умирающего и отходную прочитал. Сию минуту отец Иоасаф скончался!» Они, услышав это, очень удивились, так как не прошло еще и часа, как они ушли от отца Арсения. Подошли к нему, поклонились и спросили: «Отче святой, как же вы пришли так быстро? Мы даже не заметили, как вы нас обогнали!» Он же отвечал: «Нельзя было медлить, и то я едва успел, чтобы застать умирающего живым. А прошел я более прямым путем, которого вы не знаете!» Те замолчали, хотя хорошо знали, что никакой другой дороги нет, и втайне помышляли: «Не тем ли путем он шел, которым пророк Аввакум обед носил из Палестины в Вавилон к пророку Даниилу, сидящему в яме?» Еще к двоим больным приходил он на Капсале таким же образом.

Еще нечто удивительное случилось в 1845 году. 4 июля вздумал отец Арсений идти на праздник в Лавру святого преподобного Афанасия Афонского. В этот день, отслужив Литургию, он отправился в путь вокруг Афона и пришел к всеобщему бдению в Лавру. Расстояние от его келлии до монастыря святого Павла 8 часов ходу, всего около 75 верст. А от святого Павла до Лавры еще 7 часов.

Отстояв в Лавре бдение и Литургию, продолжавшиеся 16 часов, на трапезу он не пошел, а, взяв хлеб, отправился в обратный путь. К вечеру пришел в свою келлию. Все удивлялись этому происшествию. Молодому монаху потребовалось бы три дня, чтобы проделать весь этот путь, а тут 70-летний старец, да еще и немощный, с больными ногами, простояв 16 часов на службе, все одолел менее чем за двое суток. После спросили его: «Отче, как вы смогли так быстро сходить, когда и путь ваш был все с горы на гору, да еще по острому камню?» Он же отвечал: «Обновися, яко орля, юность моя не по естеству, а с Божией помощью!»

В начале 1846 года старец Арсений приблизился к своей кончине. Ему небезызвестна была дата своего отшествия на небо. Раз, когда он вскопал весь огород, один из учеников его спросил: «Зачем вы, отче святой, так много трудитесь? Почему не заставляете учеников своих?» Он же ему ответил: «Мне уже немного осталось покопать, а ученики еще без меня накопаются».

Вскоре отец Арсений заболел ногами и не мог уже ни работать, ни ходить, но каждую седмицу служил четыре Литургии: в воскресенье, среду, пятницу и субботу.

Марта 23-го числа 1846 года, в навечерие Благовещения, на пятой неделе Великого поста, когда читаются на Литургии слова из Евангелия «се восходим в Иерусалим...», спев накануне в Субботу Акафиста сладчайшую песнь ко Пресвятой Богородице и отслужив последнюю свою Литургию, отходил отец Арсений из жизни этой в горний Иерусалим. По всем монастырям и келлиям Афонской Горы оповестили ученикам его, что старец весьма нездоров, чтобы все пришли получить последнее благословение. В воскресенье, т. е. 24-го марта, рано собрались все его духовные дети: отец Иероним из русского монастыря, отец Паисий из Ильинского скита и прочих множество.

«Что же ты, отче, уходишь от нас? — спрашивали ученики его. — На кого оставляешь нас, кому передаешь все свои благие дарования?» Возложив слабеющие руки свои на голову отца Иеронима, великий авва сказал: «Вот ему оставляю вас, ему передаю все». И велел подходить на последнее лобзание к себе и на благословение к преемнику своему, новому общему духовнику отцу Иерониму. Так, по изволению Божию, отец Иероним был возведен на новое высокое служение рукою своего умирающего духовника и старца.

Подошел к нему его ученик, отец Павел, хромой, стал его спрашивать: «Отче святой, хочешь ли ты от нас отойти и нас оставить?» Он же ответил: «Да, пришло время; надобно долг отдать». Отец Павел вновь спросил: «А что, отче, не боишься ли смертного часа, не ужасаешься ли и не трепещешь ли ответа перед праведным Судией, ты был более тридцати лет духовником?» Он же весело на него посмотрел и сказал: «Страха и ужаса не имею, но некая радость наполняет мое сердце, и великую имею надежду на Господа Бога моего, Иисуса Христа, что Он не оставит меня Своей милостью, хотя я добрых дел не сотворил. Ибо чем похваюсь, кроме как немощами моими? По своей воле ничего не сотворил, а что и сотворил, то с помощью Господа моего и по воле Божией».

Потом приказал всем духовным своим чадам подходить по одному и каждого прощал и разрешал его грехи, давая последнее благословение и наставление. Говорил каждому, кому где проводить жизнь свою. И это продолжалось почти до последней минуты его жизни. Потом велел он всем от себя отдалиться, и все сошли вниз. Старец начал молиться, но никто не мог расслышать, что он говорил. Видно было только, как трижды он поднимал руки к небу, потом опустил их и затих. Когда подошли к нему,

то увидели, что он уже скончался и предал душу свою в руки Господа своего. Похоронили его около самого алтаря келлии Святой Троицы, принадлежащей монастырю Ставроникита 25 марта 1846 года.

Отец Арсений был среднего роста, борода средняя с проседью, голову держал всегда наклоненной на правое плечо. Лицом был чист и светел. Характер имел веселый, но очи его всегда были полны слез. Был весьма сух, но на лице его всегда играл румянец. Особенно это было заметно, когда служил Литургию, чем всех приводил в удивление. В это время лицо его бывало как огненное. Речь была у него краткая, немногословная и приправленная духовной солью. И всякий слушающий его с первых слов начинал плакать. Сей старец был весьма начитан и всегда подкреплял свои доводы свидетельствами из Священного Писания. Говорил и приводил свидетельства Писания наизусть, чему удивлялись и ученые люди.

Схиархимандрит Савва

Схиархимандрит Савва⁵ по праву считается ктиторм и строителем Пантелеимонова монастыря, так как именно при нем началось обустройство его на том месте, где он находится сейчас, — у самого берега моря. До 70-х годов XVIII века русский монастырь располагался в нагорной местности, в нынешнем Старом Руссике. Из-за петровских реформ и бесконечных русско-турецких войн в течение всего XVIII века приток русских людей на Афон значительно уменьшился, соответственно, сократилось и число братии Пантелеимонова монастыря. Ко второй половине XVIII века в нем подвизались почти одни только греки. Монастырь, не имея связей с Россией, пришел и в экономический упадок. В этих условиях греческая братия монастыря решила оставить нагорную обитель и переселиться ближе к морю, к пристани обители, где было намного легче организовать проживание. Однако, несмотря на это, упадок монастыря продолжался. Тогда в 1803 году Вселенскому Патриарху Каллинику от святогорского Протата* поступил доклад о плачевном положении дел в русском монастыре, где он просил Патриарха или совершенно упразднить монастырь, или в случае каких-нибудь препятствий к этому сделать его общежительным (киновиальным*). Чтобы усилить свои позиции в данном вопросе, Протат указывал Патриарху на одного известного скитского подвижника, который, по их

⁵ Жизнеописание составлено по книге: Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца: В 2-х т. М., 2006. С. 74.



Успенский и Пантелеимоновский храмы, которые построил отец Савва

мысли, вполне мог бы осуществить задуманное, оправдать надежды Протата и точно исполнить волю Его Святейшества, если таковое решение им будет поддержано. Жребий пал на насельника Ксенофонтского скита, маститого старца, иеромонаха Савву, не только прославленного на Святой Горе и в Константинополе святостью своей жизни, но и хорошо известного и самому Патриарху. Вероятно, хорошо понимая величие и значение России для православного мира и, в частности, для Афона, Патриарх Калликос посчитал справедливым позаботиться о возобновлении русского монастыря, и потому в полном согласии с предложением святогорского Протата он определил на это дело старца Савву.

Старец Савва троекратно отказывался от возлагаемого на него послушания. Он оправдывался тем, что преклонные лета вправе уволить его от таких непосильных для него хлопот и забот. А главное — не было никакой возможности без посторонней помощи взяться за столь важное дело. С четвертого только раза, выслушав распоряжение Патриарха, грозившего уже судом Божиим за непослушание, старец Савва, смутившись, оставил свое стойкое намерение отказаться от предлагаемого ему дела и молча повиновался воле правительства Афона и Патриарха. Более, впрочем, потому, что на этот раз была обещана возможная помощь в возобновлении русской киновии*. Вследствие этого старец Савва тогда же переселился из скита на пепелище Руссика и, составив предположительный план новой киновии, послал его в Константинополь на утверждение, напоминая об обещанной помощи. Но вместо денег получил в ответ повеление явиться к Патриарху для личных объяснений с Его Святейшеством.

Такой поворот событий сильно смутил сердце смиренного старца. Не трудов и хлопот ему было жаль, но больно было подумать, что смерть может настичь его вне Афона. Слабость сил и почтенный возраст старца Саввы давали пищу для таких мыслей и опасений. Но делать было нечего. Он повиновался.

Быстро пронеслась молва между верующими в Константинополе о прибытии к ним знаменитого отшельника со Святой Горы, который, впрочем, два дня никому не показывался, отдыхая после тяжелого пути, и только на третий в сопровождении ученика своего, опираясь на скромный иноческий костыль, явился к Патриарху.

Окруженный синодом Патриарх, едва только увидев Савву, встал со своего места и прежде, нежели тот успел подойти под благословение, потребовал себе святительский омофор и мантию. Начался молебен ко Господу. В умиленных прошениях Патриарх призывал свыше благословение на благое начинание иеромонаха Саввы. Молил, чтобы непостижимыми путями Своего Промысла Сам Господь был благосклонен к основанию киновии в Русском монастыре святого великомученика Пантелеимона. Весь синод молился со своим владыкой.

После молебна старец Савва устремился было поцеловать руку вселенского владыки, но тот был настолько смиренномудр, а вместе с тем и уверен в духовности и святости старца, что сам поцеловал его иссохшую в постнических подвигах руку. Весь синод последовал примеру Патриарха. Это чрезвычайно смутило старца, он умилился духом, залился слезами и плакал как дитя.

Патриарх позволил отцу Савве остаться в Константинополе для сбора пожертвований, и сам, между прочим, дал слово оказать ему при отъезде на Святую Гору помощь из собственных средств. Таким образом, старец Савва целых четыре года провел в Константинополе и успел за это время собрать до 9000 рублей. Это было около 1806 года.

Высокая духовность и святость старца привлекали к нему много знатных и именитых жителей Константинополя. Среди многих чудес, совершенных им там, известен следующий случай.

Игумен Савва проживал в Константинополе у одного благочестивого человека, который просил его повлиять на своего родственника (купца), ходившего в султанский дворец, в гарем к женам султана, продавать материю. Вместе с продажей материи купец дерзал и утолять там свою плотскую страсть. Игумен Савва начал с того, что усердно просил его не ходить в гарем один только день, дабы на следующий день он смог бы причастить его Святых Христовых Таин. После долгого увещания купец согласился, и игумен Савва причастил его.

После первого причастия старец Савва просил его еще один день не ходить в гарем. Тот согласился и на этот раз, хотя упорно сопротивлялся. Причастив его Святых Таин во второй раз, отец просил его не ходить во дворец еще один день... Так продолжалось 40 дней. 40 дней игумен Савва причащал его, с большим трудом удерживая от греха.

После 40 дней отец Савва сказал ему: «Ну, теперь ступай в гарем! Более не буду тебя удерживать». Но купец ответил: «Если бы меня на куски стали рубить, то и тогда не пойду!» Так причащение Святых Христовых Таин погасило в нем плотскую страсть⁶.

⁶ АРПМА. Док. № 501. С. 169.

Время шло. Однако собранные отцом Саввой пожертвования и обещанное Патриархом пособие были недостаточны для восстановления и строительства монастыря, поэтому он начал уже приходить в отчаяние, не надеясь получить необходимые для созидания обители средства. И тут произошло событие, которое утешило старца, его скорбящее сердце.

Князь Скарлат Каллимах, свято чтивший старца Савву и часто покоивший его в своем доме в течение четырех лет его жизни в Константинополе, заболел. Болезнь его день ото дня усиливалась, и, наконец, все пособия медицины истожились, так что болящий и его семейство в крайнем смятении ожидали решительных минут конца его жизни. В это скорбное для них время, как ангел, является старец Савва... Через день после посещения старца больной был уже вне всякой опасности.

Тогда-то с чувством живой благодарности Скарлат Каллимах дал слово своему врачу быть ктитором русского монастыря и впоследствии свято выполнял свое обещание. Когда по воле султана он занял владетельный престол Валахии, что документально засвидетельствовано в архиве монастыря⁷, то щедрой рукой давал деньги на сооружавшуюся обитель. И русский монастырь, как феникс, быстро стал восставать из своего пепелища, воскрес обновленным, устремился вверх своими могучими стенами твердынь и храмов. Были построены два великолепных храма в византийском стиле: католикон* в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона (освящен в 1815 году) и храм Успения Пресвятой Богородицы (освящен в 1818 году). Также были построены трапезная и жилые корпуса для иноков.

Из-за неслыханных до этого масштабов строительства игумена Савву благодарные потомки — насельники монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимо-



на — теперь по праву называют возобновителем и строителем этой обители после запустения ее на месте нынешнего Старого Руссика. Поэтому он считается ктитором, и, по обычаю восточных монастырей, в день памяти ктитора по сей день предлагаются братии на трапезе олады с медом (по-гречески таланиты)⁸.

Преставился игумен Савва 14 апреля 1821 года, на Пасху, прожив 103 года.

⁷ АРПМА. Док.: № 377, № 381, № 435, № 580, № 581, № 582.

⁸ АРПМА. Док. № 111. С. 56.

Иеросхимонах Аникита (Ширинский-Шихматов)

Одним из трех выдающихся русских обителей на Афоне наряду с Пантелеимоновым монастырем и Андреевским скитом является Русский Свято-Ильинский скит. Он был основан великим русским Аввой — старцем Паисием Величковским — и благоустроен иеросхимонахом Аникитой (Ширинским-Шихматовым).

Иеромонах Аникита⁹ (в миру князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов) родился в 1783 году в селе Дерново Вяземского уезда Смоленской губернии. Родители его, Александр и Ольга (в девичестве Иевлева) Ширинские-Шихматовы, были помещиками той же губернии. Они отличались благочестивым образом жизни, поэтому и воспитание сыну дали совершенно правильное, основанное на религии и нравственности.

Как падают семена на добрую почву и приносят плод сторицей, так умные слова и спасительные наставления отца отражались в душе впечатлительного отрока. Впечатлительность — признак больших способностей. Главное в какую сторону направляется развитие душевных сил ребенка. Понятно, почему отрок Сергей, одаренный и способностями, и умом, с первых лет жизни воспламенился особенной любовью ко Господу и Его земной Церкви, проявил чисто христианскую кротость нрава.

На десятом году жизни Сергея умер его отец. Умер с полным сознанием того, что дал правильное направление в жизни своему сыну и другим детям, которые явили себя впоследствии тоже достойными христианами. Мальчику было 13 лет, когда его отдали в Морской кадетский корпус. Здесь он учился блистательно и стал одним из первых учеников.

После окончания курса юноша Сергей поступил на морскую службу. Много приходилось ему совершать походов, участвовать в сражениях. Нередко получал он чины и награды.

Оставив службу в чине капитана, он поселился в Петербурге, где не только занимал высокие должности, но и лично был известен государю императору Александру Павловичу, ценившему в нем его способности вообще и талант поэтический в частности. Все, как видно из сказанного, давало благородному по происхождению человеку полную возможность жить той беспечной и роскошной жизнью, какой жили тогда

⁹ Жизнеописание составлено по книге: Никодим, епископ Рильский (Кононов А.). Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 70.

люди высшего сословия. «Он был действительным членом Императорской Академии наук, состоял членом общества «Беседы любителей русского слова», писал исторические произведения и духовные стихи, изложил несколько псалмов в стихотворной форме, пытался очистить русский язык от иностранных слов и обогатить его путем заимствований из церковно-славянского языка. Это было время, когда светская культура стала отделяться от Православия и отец Аникита своим творчеством пытался вернуть его в лоно православной традиции, поставить Православие во главу угла формирующегося национального сознания»¹⁰.

Однако эта общественная активность и высокое общественное положение не могли удовлетворить духовную жажду Сергея Александровича. Он стремился к другой жизни — жизни в христианской любви. Из громадного содержания, которое получал (более 7 тыс. руб. в год), он для себя использовал очень немного, а все остальное отдавал на дела благотворительности. К нему обращались за помощью все, кто в ней нуждался. И ни один нищий, сирота и убогий не возвращался от него необлагодетельствованным. Жизнь он вел в миру, можно сказать, иноческую. Пищу употреблял только постную, и то однажды в день. Пил только воду. Спал не более 5 часов в сутки. Знакомств никаких не заводил. Жил как отшельник. Все свободное время посвящал молитве, чтению священных книг и благочестивым размышлениям.

Для окружающих его нравственные качества были недостижимо высокими: он ненавидел всякую неправду, возмущался, когда под внешним лоском людей нередко скрывались лишь лицемерие, незаконные мысли и дела... Мог ли такой человек долго оставаться в миру? И Сергей Александрович серьезно задумался над вопросом о необходимости оставления его и водворения в какой-либо иноческой обители для обретения там того тихого пристанища, которого не может дать мир. Так как был он уже не увлекающимся юношей, а окончательно сложившимся, зрелым человеком, то и исполнение задуманного не заставило себя долго ждать.

В 1828 году он поступил в Юрьевский монастырь, находившийся в то время под управлением знаменитого архимандрита Фотия (Спасского). Спустя два года, а именно 25 марта 1830 года, был пострижен в монашество с именем Аникита. Через пять дней (30 марта) рукоположен в иеродиакона, а еще через несколько дней (3 апреля) — в иеромонаха. Такого высокого мнения было о нем духовное начальство! Так уверены были все в этом выдающемся человеке! Да и могло ли быть иначе?

В Юрьевском монастыре отец Аникита явил собой пример великого благочестия и дивного подвижничества. Оценив его высокие качества, зная об уровне его образования, духовное начальство пожелало от него большего — возвести отца Аникиту

¹⁰ Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. / Предисловие П. В. Троицкого. М., 2009. С. 8.

в сан архимандрита и сделать его игуменом какого-либо монастыря. Но смиренный инок отказался от предлагаемых почестей. Его тяготило даже то внимание, каковым по достоинству окружали его в Юрьевом монастыре.

Заветной мечтой отца Аникиты было посещение Иерусалима, дабы поклониться Живоносному Гробу Господню и другим святым местам, освященным жизнью и страданиями Господа нашего Иисуса Христа. В это же время зародилось в его душе и другое желание — посетить Святую Гору Афон, а быть может, и остаться там. Разрешение было получено. 5 мая 1834 года отец Аникита оставил Юрьевский монастырь и отправился в заграничное путешествие.

Благочестивый паломник хотя и имел своей целью прежде всего посещение Иерусалима, но не мог оставить без поклонения и те святыни, которые лежали на его пути. Вот почему он посетил все монастыри, которые мог встретить, оставаясь в каждом из них известное время. И замечательно, что даже во время путешествия он всюду сеял доброе семя. Так, имел он две большие остановки в Воронеже и Одессе. В первом городе, по просьбе архиепископа Антония, он составил подробное жизнеописание угодника Божия святителя Митрофана.

В Одессе, где он оставался до прекращения вспыхнувшей в Константинополе моровой язвы и до разрешения выезда, отец Аникита, живя в Успенском монастыре, находящемся в 12-ти верстах от Одессы, в местечке Большой Фонтан, своей жизнью дал назидательный пример и братии монастыря, и православным жителям города Одессы. Последние приходили послушать его беседы и наставления и нередко приглашали совершать богослужения в одесских храмах.

Одессу отец Аникита оставил 2 мая 1835 года. Обзорение достопримечательностей Константинополя отняло немного времени. 7 июня на парусном судне он прибыл на Гору Афон. Вследствие сильного волнения на море вначале он остановился в греческом Ксиропотамском монастыре. Сюда смогло пристать судно. Из Ксиропотама он вскоре перешел в скит святого пророка Или. Настоятелем здесь был в это время иеромонах Парфений, который уступил отцу Аниките свою келью. В келье этой ранее жил знаменитый старец Паисий (Величковский), занимавшийся переводом книг «Добротолюбия» и творений святого Исаака Сирина с греческого языка на церковно-славянский. Именно в этой келье и был помещен образованнейший отец Аникита.

Совершив в храме скита первую свою на Афоне Литургию, отец Аникита поселился здесь и отсюда уже продолжил паломничества в остальные святогорские обители. Посещение их имело для отца Аникиты чрезвычайно важное значение. Они еще больше укрепили его дух, еще более укрепили его в вере в те начала, которые он нашел лучшими для себя и ради которых оставил все, чем щедро прельщала его светская жизнь.

Не ограничиваясь поклонением святыням и беседами с отшельниками, он в разных местах совершал Литургии, большей частью на греческом языке. Познакомился с отцом Арсением, духовником всех русских монахов на Афоне, и попросился к нему в ученики.

Отец Арсений принял его в свои ученики. Именно тогда в беседах духовника с учеником и зародилась мысль о неотложной помощи Русскому Пантелеимонову монастырю. Эта мысль постоянно занимала отца Арсения. Духовник поделился с учеником своими намерениями и благословил отца Аникиту помочь монастырю. Тот сразу загорелся желанием исполнить это благословение и, неоднократно посещая русский монастырь святого Пантелеимона, убедил игумена Герасима с братией принять группу русских монахов и построить у себя церковь во имя новопрославленного тогда русского святителя Митрофана, причем сам же вручил им денежную помощь для исполнения задуманного.

В конце июля он выехал в сопровождении своего нового духовного отца Арсения, в Иерусалим. И вот, наконец, отец Аникита у цели. Пред ним священный город, о котором он так много думал, видеть который так жаждала его душа. Исполненный благоговения, со слезами упал он на Святую Землю и вознес молитвенное благодарение Богу. В Храме Воскресения при Гробе Господнем проводил он целые ночи, пламенно молясь и проливая множество горячих слез. На Голгофе и в храме Воскресения не раз удостоивался счастья приносить бескровную жертву. Посетил он и другие святы места Палестины и, счастливый, как получивший все, чего желал, вновь возвратился на Гору Афон, к ее пустынному безмолвию, пробыв в Палестине более полугода, а именно — с августа 1835-го по апрель 1836 года. Впечатления от поездки на Святую Землю он записал в свой дневник, который впоследствии был издан отдельной книгой под названием «Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах».

Во время обратного путешествия на Афон отец Аникита посетил остров Кипр, где был епископом праведный Лазарь, друг Христа, а также остров Патмос, где жил и проповедовал святой апостол и евангелист Иоанн Богослов и где он написал святое Евангелие.

Вернувшись на Афон, он остановился в Пантелеимоновом монастыре, где ожидал увидеть уже строящуюся церковь во имя святителя Митрофана. Но, увы! Его ожидало разочарование. Произшедшие между русскими и греками недоразумения помешали делу. И тогда отец Аникита решается построить таковой храм в Ильинском скиту.

11 мая, взяв с собой икону угодника Божия Митрофана¹¹, привезенную им из России, он отправился из Пантелеимонова монастыря в Ильинский скит. Настоятель скита и братья обрадовались тому, что такая знаменитая личность, совершенная в иноческих добродетелях, вновь явилась к ним, и приняли его с честью и

¹¹ Эта икона была совершенной копией той, которая находилась в Воронеже над мощами святителя Митрофана, и была написана тем же иконописцем.

любовью. Исполняя обет, данный при Гробе Господнем, отец Аникита отслужил в скиту сорок Литургий, после чего с соизволения игумена и была заложена церковь во имя святителя Митрофана. Священнодействия при закладке храма совершил греческий архиепископ Панкратий.

3 августа, поручив схимонаху Феодору постройку церкви и передав ему значительную сумму — жертву боголюбивых людей из России, — отец Аникита оставил скит. По воле начальства¹² он должен был занять должность настоятеля русской посольской церкви в Афинах. Сам отец Аникита не только не стремился к такой должности, но и избегал жизни в большом и шумном городе, видел главное счастье в том, чтобы окончить жизнь среди тишины и безмолвия Афона. И братии также тяжело было расставаться с ним. Но неповиновения воле начальства, как воле Божией, отец Аникита, являясь строгим подвижником благочестия и истинным рабом Христовым, допустить не мог. Он поехал в Афины выполнять поручение начальства.

Однако отец Аникита так стремился на Афонскую Гору, так любил это тихое пристанище, что решительно просил Священный Синод об увольнении от занимаемой должности. Святейший Синод принял во внимание его просьбу. Ильинский скит радовался, ожидая возвращения своего благодетеля. Но Бог судил иначе. Он назначил иной путь своему избраннику.

Иеромонах Аникита давно уже страдал неизлечимой болезнью. В начале лета 1837 года болезнь его усилилась. Он слег в постель. А 7 июня, в праздник Сошествия Святаго Духа, мирно предал свою душу в руки Господа. Преставившемуся было 54 года от рождения.

Весь город Афины оплакивал его кончину, так как добродетели благочестивого чужеземца нигде не могли скрыться от людей. Тело почившего было положено в Архангельском монастыре, находящемся недалеко от города. Умирая, отец Аникита завещал, чтобы все его имущество было немедленно отправлено на Афон и передано Ильинскому скиту, а впоследствии, чтобы и останки его были перенесены туда же. Завещание было исполнено. Спустя три года кости почившего были перенесены на Афон и положены в храме во имя святителя Митрофана, в нише правой стены. Ниша была покрыта мраморной доской с золотой надписью, увековечившей день его кончины.

В 1875 году Гору Афон посетил известный ревнитель Православия и защитник монашества генерал Николай Васильевич Елагин. В свое время он был знаком с отцом Аникитой. Узнав, где положены останки блаженного мужа, он высказал мнение, что так как в Петербурге все почитают отца Аникиту за святого, то не следует замуровывать их в стену. Тотчас доска была снята, кости открыли. Все присутствовавшие ощутили идущее от честных останков чудное благоухание, которое

¹² По решению Священного Синода.

долгое время источали даже покровы, в которых они были завернуты. С того времени кости блаженного Аникиты лежат открыто, составляя драгоценное сокровище Ильинского скита, для которого блаженный так много сделал.

Церковь во имя святителя Митрофана окончательно была отстроена уже при настоятельстве иеросхимонаха Павла на средства, оставленные отцом Аникитой.

В заключение повторим справедливые слова знатока афонской истории П. В. Троицкого: «Короток путь его в монашестве, а уж по Афону — особенно. Но можно сказать, что он стал первым из тех, кто в XIX веке возродил не только Пантелеимонов монастырь, но и все русское иночество на Афоне»¹³.

Схиархимандрит Герасим

Схиархимандрит Герасим¹⁴, (мирское имя Георгий, фамилия неизвестна) родом был из села Эвдомийста (по-турецки Кюп-Кион) епархии Драма в Македонии. Родился в 1772 году. Его родителей звали Василием и Фотинией. В 28 лет поступил в монастырь нерукотворной иконы Пресвятой Богородицы Икосифиницы, в котором прожил 5 лет. Здесь же был пострижен в рясофор с именем Григорий. Потом был рукоположен в иеродиакона и в иеромонаха. В 1804 году он отправился на Афон. Вначале поступил в скит святой Анны, где был пострижен в мантию с именем Гавриил, а потом перешел в келлию святителя Николая Кутлумушского монастыря, где прожил один год. После этого он перешел в Русский Пантелеимонов монастырь, где в 1821 году и был пострижен в схиму.

Во время греческого восстания 1821 года, как и все афонские монахи, схиархимандрит Герасим оставил Афон и девять лет жил в Морее. После окончания политических распрей вернулся в Руссик, где в 1830 году был избран игуменом. Еще до всех этих событий, при жизни игумена Саввы, он был определен преемником под руководством старейшего и ученого иеросхидиакона Венедикта.

Игуменство его было утверждено Патриархом Константином только в 1832–1833 годах, потому что во время греческого восстания и Патриарх девять лет скитался в Морее.

¹³ Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах / Предисловие В. П. Троицкого. М., 2009. С. 9.

¹⁴ Жизнеописание составлено по книгам: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле. Ч. 1–4. М., 1856. С. 143, 260; Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца: В 2-х т. М., 2006. С. 168. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам... СПб., 1860. Прилож. С. 33.

Игумен Герасим был одним из самых деятельных сторонников возвращения русских в свою обитель. По Божьему благословению он, наконец, добился исполнения воли Творца, и 21 ноября 1839 года сам принимал русских в Руссике.

Вот слово его в день принятия русских в монастырь: «Возлюбленные отцы и братья русские, ты, отче Павле, со всеми прочими! Теперь мы вас приняли в святую сию обитель, и освятили для вас храм, и дали вам кельи — сей корпус с тремя церквями. Довольны ли вы этим?» Русские ответили: «Довольны, отче святой!» Игумен продолжал: «Теперь живите и благодарите Господа Бога, и Божью Матерь, и святого великомученика Пантелеимона, и святителя Митрофана. И за нас, грешных, молитесь Богу. Теперь надобно нам друг друга тяготы носить. Как мы, отцы наши и братья русские, будем стараться носить ваши немощи, так и вы понесите немощи нас, греков. Все мы немощны «яко человецы», падаем, некоторые из нас вспыльчивы и круты нравом. Если вам что скажут, а вы не поймете, или вас оскорбят, то сотворите поклон и скажите: «Прости, согреших». Что делать? Нужно терпеть. И Господь сказал: *«Въ терпѣніи вашемъ стяжіте дѹшы вашя»* (Лк. 21, 19). А наипаче, отцы, старайтесь привыкать и подражать нашим общежительным уставам и обычаям, во всем следуйте нам, грекам и блюдитесь, чтобы не произошел от вас какой соблазн. На послушание ходите вместе с нами, греками. Через силу не работайте, а помаленьку, по своей силе... В кельи один к другому не ходите и келий своих никогда не запирайте — так живите и спасайтесь. О здешнем ни о чем не заботьтесь, готовьте себя к вечному. Для тела все вам будет дано: пища, одежда и дрова. А кто заболит, есть у нас покойная больница. Кто помрет, того похороним с честью и со славой, и будет обитель и братия вечно поминать его. А из русских кто будет желать с нами жить, всех буду принимать только по вашему совету. Но знайте и помните, что сия обитель ваша вечная. Аминь».

Чтобы убедиться в истинной святости прекрасной подвижнической жизни старца Герасима, следует обратить внимание на состояние духа и на мирный характер его братства. Представьте сами, чего стоит дать братству, составленному из разнородных наречий, характеров и званий, одно направление жизненного пути, умиротворить мысли и дух его, смирить самую волю и твердо вести всех и каждого крестным путем строгого самоотвержения. Одно это показывает в сем настоятеле дух сильный и высокий, вполне развитый строгими опытами его собственной духовной жизни, от юности посвященной непорочному служению Господу.

Следствием такой жизни и дарований отца Герасима, который был монахом высочайшей духовности, является то, что русский монастырь на Святой Горе из-за строгости своих правил и по точности исполнения их занимал самое почетное место среди других обителей, был в одном ряду с первоклассными общежительными монастырями.



Отец Парфений (Агеев) писал, что отец Герасим «имеет удивительный дар рассуждения. Двести человек у него духовных чада, и всеми управляет он не как власть предержащий, а относится к ним по-отечески: кого наказывает, кого наставляет, кого со слезами увещевает, — и всех любит как чадолюбивый отец. Никогда дверь кельи у него не затворяется. Она как лечебница. И вся братия: духовные его чада, здоровые и больные, — спешит к своему духовному пастырю... Он же, выслушав и проводив всех, и сам идет из своей кельи прежде навестить болящих братьев. Потом обходит все кельи, посещая всех рабочих и рукодельщиков, а затем выходит из монастыря, чтобы увидеть всю братию, трудящуюся на разных послушаниях, и сам работает вместе с ними. И так препровождает все дни в непрерывных трудах. К трудам братию он никогда не принуждает, но, наоборот, еще

удерживает и часто приказывает отдыхать. В церковь всегда является прежде всех... Часто на трапезе слышат его устные поучения и наставления, а иногда он обличает немощи и недостатки. Но имя ничье не объявляет, только говорит о сути проступка. Говорит всегда со слезами и с отеческой любовью, чем и всю братию приводит в умиление и слезы. И смотрят братья на него, как на ангела, повинуются ему, как Богу, трепещут перед ним, как перед государем, а любят его как отца... И не только одни его чада почитают его, но и вся Афонская Гора его ублажает как строгого хранителя общежительных иноческих уставов.

В одно время пришел в Русик монах Артемий и стал проситься в монастырь. Просился с тем условием, чтобы приняли от него 20 000 левов, а на послушания не посылали. Игумен Герасим спросил его: «Что же ты будешь делать?» Он ответил, что будет молиться Богу. Игумен сказал: «Хорошо, я этому радуюсь. Если бы у меня все братья согласились беспрестанно молиться Богу, то я ни одного не послал бы на послушание, потому что настоящее дело монаха есть молитва, а прочее послушание есть поделье, данное для препровождения времени и во избежание уныния. Но если бы не было послушания, то у меня в обители не осталось бы двадцати человек, по-

тому что каждому весело и радостно на общем послушании. Есть время помолиться, и есть время потрудиться. Есть время принимать пищу, и есть время спать, потому что каждый имеет плоть и кровь. А кто любит Господа от всего сердца своего, тот может беспрестанно молиться умной молитвой, ему телесные труды не препятствуют, наоборот, даже помогают. Если можешь молиться, имея и телесные труды, то я тебя приму и упокою без денег твоих, а деньги отдай куда знаешь, а если так молиться не можешь, то нам и деньги твои не нужны. Мы в монастыре живем: не деньги собираем, а души спасаем. А если кто и деньги принесет, то мы их не отринем, употребим на монастырские нужды, но вступивший в число братии должен повиноваться всем общежительным уставам и отсесть собственную волю. Мы сверх силы ни на кого ничего не налагаем, а только то, что может человек понести».

О нестяжательности и рассудительности отца Герасима говорит и такой случай. Жил в обители монах, впоследствии постриженный в схиму, родом грек. Он пожертвовал Руссику большую сумму, но еще и себе оставил немного. Игумен говорил ему: «Если желаешь быть с нами, то ничего у себя не оставляй... А если тебе жалко денег и не хочешь с ними расставаться, то ничего не давай, найди такое место, где сможешь с ними жить. Если же утаишь часть денег и их после твоей смерти найдут, то мы бросим эти деньги вместе с тобой в могилу, и ты, как разрушитель общежития, не сподобишься братского поминовения».

Монах же в ответ уверял отца Герасима: «Отче святой, что имею, то все отдаю». Игумен принял его и постриг в великую схиму. Монах тот был весьма смирен и кроток, полезен для обители как хороший столяр. Братья весьма любили его. Но игумен видел таящегося в нем змия сребролюбия, часто призывал его и увещевал со слезами, чтобы тот объявил свои деньги. Он же упорно говорил, что больше ничего у него нет. Игумен, видя упорство и приближающуюся погибель души, захотел его исправить. Однажды при всей братии приказал некоторым из них выгнать его из обители с бесчестием и выбросить все его имущество, выдав ему его деньги. Он денег не взял и сказал, что они пожертвованы в Руссик навечно. Братья о нем очень сожалели и плакали и на игумена очень скорбели, что без милости наказал такого смиренного человека.

Монах, вышедши из обители, нашел себе товарища и купил себе келлию, заплатив четыре тысячи левов, а две тысячи употребил на постройку. Тогда все братья поняли, почему игумен выгнал его. Но когда он купил келлию и деньги свои израсходовал, то напало на него такое уныние, что более не мог он жить в ней, отдал ее товарищу, а сам вновь пришел в монастырь и стал просить вратаря, чтобы тот доложил игумену, что он хочет просить прощения. Вратарь поспешил к игумену.

Отец Герасим, услышав, что возвратился кающийся, сам выбежал ему навстречу, принял его в свои объятия и спросил: «Все ли твои деньги истрачены, не осталось ли

еще?» Он же со стыдом и со слезами отвечал: «Прости меня, отче святой, что согрешил я пред Богом и пред тобой. Теперь больше ничего не имею, кроме грехов моих». На что игумен говорил ему: «Теперь я радуюсь, что Господь тебя очистил, теперь и ты уже будешь монах». И дал ему келлию.

О высокой нравственности и христианской любви отца Герасима свидетельствуют и его ответы на заседании Протата во время разбора дела одного русского инока, покинувшего Руссик.

— Для чего же вы постригли Г-ва и по какому праву представили его к рукоположению во иеромонаха? — спросили нашего старца по-гречески.

— Я постриг потому, — отвечал старец, — что Г-в сам того желал и убедительно просил меня об этом.

— Как же вы смели решиться на это без ведома Протата? — возразил один из членов.

— Так же точно, как и вы в подобных случаях поступаете, — спокойно отвечал старец. — Когда вы кого-либо постригаете, то не ставите об этом в известность Протат и никто не требует от вас в том отчета. Это общее законоположение Святой Горы, и, следуя ему, я не отгоняю приходящих работать Господу.

— Но Г-в имеет жену, — заметил иронически кто-то. — К тому же он российский подданный, притом солдат.

— Что ж за беда! — отвечал наш старец. — Г-в уже стар, свыше законных лет супружеской жизни, да к тому же в одном из монастырей русских жил уже десять лет с непременным намерением и желанием закончить остаток дней своих в иноческом звании. Это подтвердили мои русские иноки, знавшие его в России. Подтвердили и то, что жена его действительно остается десять лет уже в монастыре женском и имеет желание постричься так скоро, как пострижется ее муж. Со своей стороны я упорствовал поначалу, отказывал, но Г-в свидетельствовал Богом и своей совестью, что навсегда останется с нами, если только пострижем его, иначе он удалится в мир...

Что ж за беда, что он русский! Если бы мы были не единоверны с Россией, если бы у нас было более опасности для спасения, чем в России, я был бы тогда виноват. И что ж за беда, что Г-в русский? И монастырь у меня русский. Положим, что мы остаемся в подданстве Порты, но и Россия к нам в родственных отношениях и по вере, и по самому имени. Если правительство русское постоянно благодетельствует нам через дозволение собирать в России пожертвования, и русские питают к нам чувство особенного расположения, и если мы платим за то взаимностью к ним чувств, значит, и мы то же, что русские. Это очень справедливо, потому что ни в одном из ваших монастырей не молятся открыто за Россию и за русского царя, потому что вы не имеете на то права, это право — исключительная собственность нашего монастыря как русского. Вы сами знаете, что мы всегда и везде, где приличие

и долг требуют, возглашаем августейшую фамилию русского царственного дома и слышали, как каждое воскресенье и праздник после трапезы мы многолетствуем Императора Николая и Великую Россию. Это, надобно по совести сказать, принадлежность только русского монастыря на Афоне...¹⁵



Вот описание игумена Герасима, оставленное нам отцом Селевкием (Трофимовым): «Он страдает ногами, но, несмотря на это, служит часто, в остальное время сидит в своем схимническом облачении на диванчике с четками в руках. Когда к нему ни приди, всегда дверь открыта. Входи без доклада и говори что хочешь. Всякого он утешит, всякому даст наставление. Лицо его совершенно как ангельское, с улыбкой на устах и румянцем на щеках. Кто с радостью слушает его и исполняет его слова, тот верно спасет душу свою, а кто не слушает и противится ему, того он иногда и палкой поколотит. Он круглый год не ужинает, а если когда и приходит на трапезу, то сидит так и ничего не вкушает».

Игумен Герасим свою благосклонность к русским братьям сохранил до самой своей смерти. Очевидно, он видел в этом волю Божию, поэтому избрал себе наследником отца Макария (Сушкина) и был однозначно сторонником его игуменства. Только благодаря его мудрости и рассудительности греко-русские распри 1874–1875 годов остались в рамках простых споров и не имели последствий. Преставился игумен Герасим 10 мая 1875 года.

¹⁵ Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 168.

Иеросхидиакон Венедикт

Иеросхидиакон Венедикт¹⁶, грек по происхождению, жил на Святой Горе Афон более 70-ти лет. Он был очень образованным и высокодуховным иноком. Патриарх Константинопольский трижды присылал людей, чтобы рукоположить его во епископа, но тот не только не захотел принять святительского сана, но даже отказался от иеромонашества, так и скончавшись иеродиаконем. Однако иеросхидиакон Венедикт сыграл решающую роль в деле возвращения русских в монастырь святого Пантелеимона на Афоне.

После греческого восстания 1821 года и последовавшего за ним разорения Афона турками и разбойниками русская обитель святого великомученика Пантелеимона не смогла сама встать на ноги и впала в тяжелую экономическую нужду. Но Бог указал старцам монастыря на единственно верный путь его возрождения — пригласить в обитель русских монахов. Тем самым восстанавливалась тысячелетняя связь с Россией, которая всегда питала монастырь.

Опять же Промыслом Божиим в это время, в 1834 году, на Афон приехал иеросхимонах Аникита (князь Ширинский-Шихматов), который посетил Пантелеимонов монастырь и попросил у старцев монастыря разрешение на постройку храма в честь святителя Митрофана Воронежского. Старцы сочли это за знамение Божие и благословили не только строительство храма, но и проживание в обители 30-ти русских монахов. Новую русскую братию князь поручил духовнику Прокопию, сам же уехал в Иерусалим.

Но после отъезда отца Аникиты, ввиду того, что он, не посоветовавшись с духовником всех русских монахов на Афоне отцом Арсением, кандидатов для поселения в монастыре набрал среди случайных отшельников, начались неурядицы между русскими и греческими братьями. Русские, которых собрал отец Аникита, не были привычны к жизни под строгим началом. Они не стали слушать греков, а, наоборот, противоречили им во всем и к тому же начали их пугать, что монастырь, дескать, наш, русский, а начальник у них — князь и они всех греков выгонят. Греки смутились. После чего умножились повседневные скорби и искушения.

Тогда они стали говорить игумену Герасиму и старцу Венедикту, что не могут жить с русскими, не хотят и их богатств. Говорили, что лучше будут есть сухари с водой, но без русских, которые расстроили всю их монашескую жизнь. Игумен Герасим долго и много уговаривал их потерпеть. Но даже старец Венедикт стал колебаться...

¹⁶ Жизнеописание составлено по книгам: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... М., 1856. С. 143; ч. 4. С. 259.

Когда отец Аникита вернулся из Иерусалима, то старец Венедикт со старшими братьями упали перед ним на колени, заплакали и просили прощения, что не остались верными своему слову. Говорили ему: «Прости нас, отче святой, не можем и не хотим такого братства, расстроили мы свою жизнь с русскими».

Отец Аникита, услышав это, горько заплакал и, попросив у всех прощения, удалился из обители. Один только игумен Герасим знал, что, лишаясь русских, обитель лишается благ как духовных, так и материальных. Что без русских она будет вечно бедствовать.

Вскоре это и подтвердилось. Обитель впала в еще большие долги и была на грани разорения. Через некоторое время и отец Венедикт понял свою ошибку, став одним из инициаторов вторичного приглашения русских в монастырь. Ему было видение, что он до тех пор не умрет, пока не будут отпевать его русские, поэтому озаботился принятием их в Руссик. По его инициативе в ноябре 1839 года в Руссике собрали собор и решили пригласить отца Павла со всей его русской братией. Отец Павел дал согласие на поселение в монастыре, что и благословил духовник Арсений.

Когда 21 ноября 1839 года русские монахи во главе с иеросхимонахом Павлом пришли в обитель, чтобы навсегда здесь остаться, отец Венедикт направился в гостиницу, где угощали пришедших гостей, и, положив три земных поклона, со слезами прочитал молитву: «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром...» Потом подошел к отцу Павлу и, поклонившись ему до земли, взял у него благословение, обнял его и сказал следующее: «Ныне возвеселилось сердце мое и возрадовался дух мой, что держу сегодня в объятиях своих русских. Ныне обнимаю потерянное сокровище. Ныне пришла вновь изгнанная моя овца, блуждавшая по горам и по лесам и не имевшая себе ни ограды, ни пристанища, где главы приклонить. Ныне она вновь возвратилась в свою прежнюю ограду. Ныне я держу ее в своих объятиях, и уже более ее не изгоню, и не отпущу от себя. Ныне я очистил свою совесть, которая всегда меня обличала и беспокоила за изгнание русских».

Выпустив из рук отца Павла, усаживая гостей, он говорил: «Садитесь, мои дорогие гости. Садитесь, мои честные отцы. Садитесь, мои возлюбленные чада. Садитесь, изгнанные овцы, вновь возвращенные в свою ограду. Садитесь, обретенное сокровище. Садитесь, чистота моей совести. Садитесь, радость моя неизреченная. Садитесь, многовожделенные мои братья. Веселитесь и радуйтесь и торжествуйте с нами вместе!» Когда же он это говорил, греки все стояли и плакали.

Отец Венедикт обратился и к ним: «Радуйтесь со мной, чада мои, радуйтесь! Днесь обновися, яко орля, юность моя. Сегодня стошестилетние мои косточки помолодели. Сегодня мои слепые глаза прозрели, так как вновь видят они русских в нашей обители. Сегодня плачет лишь один враг — дьявол, посмеявшийся над моей старостью и подтолкнувший меня к изгнанию русских. Я же, как человек, послушал его и впал в великое

искушение. При последних годах моей жизни возмутил свою совесть и погубил многолетние свои труды и подвиги, отяготив свое сердце. Три года лежал на моем сердце этот тяжкий камень, и никогда не мог я успокоить свою совесть и душу. О том пролил много слез и просил Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Деву Богородицу Марию: «Да возвратят русских обратно в нашу обитель!» И услышал Господь молитву мою, и известил меня, что будут отпевать и погребать меня русские. И вот дождался я этого дня. Вот день, который обещал мне Господь, порадуемся и возвеселимся о нем. Вот теперь послушайте, братья мои: я изгнал русских, но я опять их обратно пригласил и ввел в эту обитель, я ваш старец и наставник Венедикт. Я принял русских и отхожу от вас в вечность. Я оставляю русских после себя здесь наследниками на вечные времена. И вы всегда живите с русскими в любви и единомыслии и друг друга тяготы носите. Я всех вас оставляю и поручаю этому блаженному старцу, вашему игумену и моему ученику, отцу Герасиму. И воистину он блажен и триблажен! Все мы поколебались, встали против русских, только он один стоял за русских. Но я не послушал его! А он, единственный, смог предвидеть для нас в том душевный и телесный вред. И теперь, слава Богу, я сам принял русских. Теперь я не гонитель им, а покровитель и защитник».

Сказав эти слова, он со всеми простился, пожелал всем мира и любви и пошел с помощью других в свою келью. Более он из неё никуда не выходил. После принятия русских в монастырь отец Венедикт прожил только сорок дней и 11 декабря 1840 года в возрасте 106 лет преставился.

Иеросхимонах Павел

Иеросхимонах Павел¹⁷ родился в Калуге в семье богатых купцов (фамилия его неизвестна). В младенчестве был просвещен святым крещением и наречен Петром. С малых лет мечтал посвятить себя на служение Богу, имел сильное желание поступить в монастырь и беспрепятственно поработать Господу Богу своему, постоянно упражняясь в чтении духовных книг и Священного Писания. Однако родители его не поддерживали такового намерения сына, поэтому, достигнув совершеннолетнего возраста, он стал заниматься торговлей. Родители также принуждали его жениться. Он же и слышать не хотел о женитьбе. Тогда они употребили все силы на то, чтобы сын выполнил их волю. Пришлось ему против желания своего покориться воле родителей, жениться и после трех лет жизни с женой породить двух дочерей.

¹⁷ Жизнеописание составлено по книгам: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 4. С. 235; Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. С портретами. Месяц август. М., 1909. С. 18.

Однажды ночью, после долгой молитвы, Петр подошел к своей супруге и обратился к ней со слезами: «Возлюбленная и милая моя сожительница! Ты знаешь, как я тебя люблю, также и детей моих, и много мы имеем богатства. Но все сие тленно и скоропреходяще. Придет смерть, и любовь нашу расторгнет, и нас разлучит, и богатство наше останется, а мы должны будем пойти к праведному Судье на суд только с одними добрыми делами. Поэтому надобно нам их заготовить и в этом мире послужить Богу, поработать и помолиться». Она же ему ответила: «Любезный друг мой, работай и молись Господу Богу. Я тебе в том не препятствую и не только не возбраняю тебе этого делать, но и сама буду тебе подражательница».

Он же вновь обратился к супруге: «Любезная моя, отпусти меня в святой град Иерусалим поклониться Живоносному Христову Гробу и прочим святым местам». Она ответила: «Иди с Богом, я тебя отпускаю». Видя такое расположение супруги своей, Петр очень обрадовался и стал выправлять себе паспорт. Хотя родители многожды этому препятствовали, но не могли уже удержать сына, так как жена и общество отпустили его. Губернатор, находя его весьма юным, трижды призывал жену его и уговаривал ее, чтобы она его не отпускала. Говорил ей, что супруг, уехав за границу, может не вернуться. Но она, полагаясь на волю Божию, все равно оставалась тверда в своем решении отпустить мужа. Петр, получив паспорт, отправился в путь.

Жена провожала его сто верст. Было им тогда по 21 году! Стали прощаться. «Любезная моя супруга, — говорил ей Петр, — Господь сказал: *«...аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ»* (Лк. 14, 26). И я хочу быть учеником Господа моего Иисуса Христа. Не знаю, возвращусь ли назад или нет. А тебя с детьми препоручаю единому Богу. Меня же прости и благослови идти во след Христа». Едва успев сказать это, он сел в повозку и уехал. Жена, услышав последние слова мужа, упала на землю как мертвая. Без памяти положили ее в повозку. Так и возвратилась она в свой дом.

Десять лет супруга плакала, все ждала мужа. Потом, узнав, что он на Святой Афонской Горе пострижен в монашество и уже стал иеромонахом, поступила в Калужский женский монастырь и стала монахиней Павлой. А дочерей родственники в свое время выдали замуж.

Оставив жену и Отечество, Петр поехал прежде в Иерусалим и поклонился Живоносному Гробу Христову и прочим святым местам. Потом, приехав на Афон и обойдя все монастыри и скиты, определился в скит святого пророка Божия Илии, где был пострижен в монашество и наречен Павлом. Вскоре его рукоположили в иеродиакона, а затем в иеромонаха.

Отец Павел прожил в скиту, в совершенном послушании и в отсечении своей воли, 18 лет. Наступило смутное военное время, и братья пошли кто куда мог. Ра-

зошлись тогда и скитские братья. Игумен Парфений с иеромонахом Павлом и многими оставшимися в скиту монахами все церковные и скитские вещи спрятали в потаенном погребке, засыпав его землей. И, взяв с собой только легкие вещи и деньги, отправились в Россию, в Одессу, а оттуда в Молдавию. Странствовали они восемь лет. Много претерпели скорбей, видели и саму смерть, так что никогда не мог отец Павел без слез говорить о том впоследствии.

Когда закончилась война, братья стали возвращаться на Святую Гору. Возвратились на Афон тогда и Павел с игуменом Парфением. Едва смогли они в две недели добраться до ворот своей обители. Так за восемь лет их скитаний все заросло лесом. Почти год очищали они скит от диких зарослей и еще три года — сады. После того как скит был приведен в совершенный порядок, Павел постригся в великую схиму.

В 1837 году скит постигло великое искушение. Ввиду случайного заражения почти все братья и сам игумен Парфений стали жертвой болезни — чумы. В то время Павел «был единственным, кто не принимал никаких противочумных средств, не мазался дегтем, для того чтобы иметь возможность продолжать совершать Литургию пред престолом Божиим. Он один пек просфоры, так как все прочие были в дегте. Он же и пономарил, пел и вычитывал все положенное правило. Часто служил Литургию и ходил по кельям причащать Святых Христовых Таин умирающих. Без боязни касался их, когда исповедовал или постригал в схиму. Наконец, отпевал скончавшихся. Бог сохранил его невредимым, тогда как все прочие, прикасавшиеся к умершим или присутствовавшие при пострижении больных, умирали»¹⁸.

Когда эпидемия прекратилась, отец Павел провел 40 дней в карантине, после чего собрались братья из других монастырей, греки и все русские, подняли из монастыря Ксиропотама пречестное Древо Креста Господня, великую его часть с отверстием, где был забит гвоздь, и совершили крестный ход с множеством духовенства, с крестами и хоругвями и с великим пением в скит святого пророка Илии. И направились все братья прямо в скит, и никто не побоялся заразы, но положились на волю Божию. Войдя в соборную церковь, отслужили молебен, освятили воду, погружая в нее само Честное Древо Креста. Потом кропили братию, оставшихся в живых от чумы и весь скит. Отслужили всенощное бдение и Литургию. И было всем в трапезе великое утешение.

По согласию афонской братии и всех оставшихся в живых избрали игуменом иеросхимонаха Павла и утвердили это грамотами. И он опять собрал братию до 40 человек и устроил в скиту общежительный устав и порядок. Но ненавидящий добро враг, дьявол, возмутил малороссов, и восстали они на великороссов, особенно на игумена Павла, требуя ухода из скита всех их, в том числе и отца Павла с его игуменского поста. Отец Павел, посоветовавшись с духовником всех русских афонцев иерос-

¹⁸ Троицкий. П. В. Андреевский скит и русские кельи на Афоне. 2002. С. 4.

химонахом Арсением, принял мудрое решение: для сохранения братских отношений между малороссами и великороссами он смиренно уступил требованию малороссов, и великороссы во главе с игуменом оставили Ильинский скит. Хотя отец Павел скорбел о том, что, 35 лет прожив в скиту, он с бесчестьем был из него изгнан, но не роптал на малороссов и ученикам своим возбранял говорить о них что-либо плохое. Сам же он всегда говорил: «Малороссы — великие нам благодетели, они ходатайствуют о том, чтобы мы вошли в жизнь вечную».

Вскоре Господь утешил отца Павла. За его смирение и безропотность дал ему вместо скита великий царский монастырь, вместо одноэтажной малой келлии — пятиэтажный корпус. Осенью 1839 года отцы-греки Русского Пантелеимонова монастыря стали звать отца Павла со всей братией в свою русскую обитель на вечное жительство.

Греки из русского монастыря пришли к отцу Павлу просить его от лица игумена Герасима и от лица старца Венедикта перейти на постоянное жительство в Руссик. Вместе они направились в пустыню к духовнику отцу Арсению. Когда дошли до его келлии, то греки, поклонившись старцу в ноги, стали просить благословения на возвращение русских в Руссик. Старец Арсений, исполненный радости, сказал: «Бог их благословит, и я благословляю». Отец же Павел заплакал и, пав тогда перед ним на землю, взмолился: «Отче святой, чтобы не случилось со мной, как с князем». Духовник же его успокоил: «Не бойся, отец Павел, но иди с Богом. Ты там и помрешь. Твои кости вечно будут фундаментом для русских в русском монастыре».

21 ноября 1839 года отец Павел по благословию духовника Арсения вошел в древнее русское наследие — Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона — и освятил храм во имя святителя Митрофана Воронежского чудотворца, обещанный еще иеромонаху Аниките.

Отец Павел прожил в русском монастыре восемь месяцев и десять дней, удивляя всех греков своим смирением, терпением и послушанием, своим житием являя во всем пример ученикам.

28 июля 1840 года отец Павел заболел. Он был нездоров три дня, но Литургию хотя и с трудом, но служил. 2 августа в церковь он уже идти не мог, наказав читать утреню у себя в келье.

По окончании полунощницы начали утреню. Шестопсалмие отец читал сам, с особым чувством и глубиной. Много пролил слез. Особенно на первых трех псалмах... Ектений уже сказать не смог, велел пропеть «Господи помилуй» двенадцать раз. Когда начали петь: «Бог Господь и явился нам, благословен грядый во имя Господне», — предал свою душу в руки Господа своего, которого от юности возлюбил больше родителей, жены и чад своих и которому 36 лет поработал в иноческом ангельском чине.

Воистину «честна пред Господом смерть преподобных его»! Скончался отец Павел без всякой болезни и страха, как бы заснул сладким сном, сидя и повесив на грудь свою голову. Через три года, по обычаю афонскому, откопали его кости, и они оказались благодатными, имели желтый, как воск, цвет, и от них шло благоухание.

Особенно долго помнили такое свойство его характера, как непамятозлобие. По изгнании великороссов в Ильинском скиту игуменом сделался тот, кто больше всех гнал отца Павла, — иеромонах Акакий, который, прожив всего полгода игуменом, расточил много скитского имения. Братия скита, видя такие дела, возмутилась. Акакия арестовали и послали за отцом Павлом, чтобы он показал, каких вещей недостаток. Они просили его это сделать потому, что он прожил в скиту 35 лет и, конечно, знал, какое имеется в нем имущество. Но отец Павел покрыл грехи своего гонителя, оправдал своего врага и вместо зла сотворил ему благо, сказав, что все цело, что все на месте, как прежде. Этому его поступку удивилась вся Афонская Гора.

Схиархимандрит Прокопий (Дендринос)

Схиархимандрит Прокопий¹⁹, по сообщению отца Мины (Буданова), был греком из города Одессы Херсонской губернии (в монахологии монастыря его фамилия записана как Папандопуло²⁰). Он был ученым монахом и богословом, чрезвычайным ревнителем Православия. Конечно, при таких обширных познаниях в богословии он мог бы в течение своей долгой жизни ступить выше степени архимандрита. Но, отказавшись от славы, этой справедливой дани его ученым трудам, он глубоко похоронил в монастырском затворе свою известность и право на признательность современников.

Перу отца Прокопия принадлежит ряд книг: «Вопросы и ответы о предметах православной веры» (опубликована в Константинополе в 1835 году), «Путеводитель по Священному Писанию, составленный из творений Оригена и Феодорита, епископа Кирского» (напечатанный в Егине в 1831 году), «Христианское учение, или Священный катехизис» (издан в Афинах в 1841 году). В монастырском архиве хранится также неопубликованная рукопись его апологетического произведения «Против иудеев»²¹.

¹⁹ Жизнеописание составлено по книгам: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 4. С. 146; Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца: В 2-х т. М., 2006. С. 169.

²⁰ АРПМА. Док. № 16. С. 5.

²¹ БРПМА. Док.: № 30286, № 30287.

В 1839 году отец Прокопий был одним из активных инициаторов вторичного и окончательного приглашения русских в монастырь. Именно он возглавлял делегацию, которую послали его старцы к иеросхимонаху Павлу для приглашения русских братьев, и добился в этом деле успеха — русские вернулись в свою обитель навсегда.

Обрадованный возвращением русских в Пантелеимонов монастырь, архимандрит Прокопий торжественно произнес по-гречески приветственную речь, но многие выражения при этом произносил по-славянски. Зная многие языки, а особенно славянский и болгарский, говорил весьма пространно и столь эмоционально, что плакали все, русские и греки. Он говорил следующее:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Что за праздник сегодня в русском монастыре? Что за торжество в Пантелеимоновой обители? Спросят нас афонские жители: что за радость в общежительной киновии? Что за веселие там? Они всегда учат плакать о грехах своих и не позволяют никому даже улыбнуться, а сегодня веселятся. Или они уже переменили свою жизнь? Или разрушили свои строгие общежительные уставы?! Отвечаем: мы не переменили своей жизни и не разрушили своих общежительных уставов, но радуемся и веселимся сегодня, потому что чадолюбивая мать торжествует о принятии в свои объятия возлюбленных и первородных старших своих чад, которые находились в странствии более ста двадцати лет, скитавшись по горам и по лесам, не имея «где главу преклонити». Сегодня они пришли к своей возлюбленной матери в объятия, и она радуется и веселится их возвращению.

И мы, младшие ее чада, веселимся и торжествуем, так как видим наших старших братьев, возвратившихся в свой дом здоровыми и благополучными. Сегодня пришли русские к своей возлюбленной матери в русскую обитель и привели дорогого гостя — русского чудотворца святителя Митрофана.

Но почему говорю «гостя»? Гость только погостит и вновь удалится. Пришли русские дети к своей матери и привели с собой святителя Митрофана уже не в гости, а на вечное жительство. В подтверждение этого сегодня был освящен ему этот храм. Да пребывает святитель Митрофан в этой русской обители во веки веков и да содержит при себе и русскую свою братию.

Но почему говорю «осветили храм»? Не храм освятили, а храмик только ради первого случая. А великий соборный храм во имя святителя Воронежского со временем выстроят себе русские посреди монастыря, если подаст им руку помощи благоденственное их Отечество — святая и славная Россия.

Но вновь говорю о радостном и восклицаю о торжественном: святая наша русская обитель радуется и торжествует о принятии своих чад вместе со святым Пантелеимоном и со святителем Митрофаном и со всеми своими детьми, греками и русскими, и торжественно взывает: «Радуйся и веселись со мной, Госпожа моя и

Назирательница моя, Пречистая Владычице Богородице! Вот расточенные мои чада русские вернулись ко мне в объятия... Радуйтесь и вы, многожеланные дети русские, со мною, матерью вашей, обителью русской! Сегодня у вас двойное торжество: вы радуетесь, так как обрели меня, свою возлюбленную родную мать, а я радуюсь, что вы пришли в мои материнские объятия после многолетнего вашего странствия и бедствия — скитания по чужим обителям. Хотя все они мои подруги и сестры, но среди них нет вашей матери. Я — единственная ваша мать, обитель русская! Я, единственная, могу вас покоить в этой короткой жизни и проводить на вечное блаженство. И я, возлюбленные мои дети, больше вас радуюсь и веселюсь, так как сподобилась увидеть вас в своих объятиях.

Как мне было грустно и скорбно смотреть на вас, любезных моих детей. И сколь мне было болезненно видеть ваше горестное бедствие, когда вы более 120 лет странствовали по Святой Горе Афонской! Теперь скажу о себе: и я терпела скорби, оставаясь без вас горькой, беззащитной сиротой, оборванной и обнаженной, лишенной любезных детей первородных и не имеющая ни от кого помощи. Да и кто мог меня облачить в праздничные одежды, как другие мои сестры убраны и украшены?! И как было мне скорбно называться русской обителью, а русских детей ни одного не иметь?

Каждый приходящий ко мне стремился в русскую славную обитель, имевшую богатых и славных русских сынов, и ожидал увидеть меня убранной и украшенной более моих сестер, но когда приходил, то находил меня сиротой, оборванной, обнаженной и с возлюбленными моими русскими детьми разлученной. И тогда, увидев эту печальную картину, отходил от меня со слезами, оставляя меня, сироту, горько плакать. Пребывала я в таком сиротстве 120 лет. Сейчас же это скорбное время позади. Сегодня веселие и торжество, сегодня возлюбленные и первородные мои дети русские возвратились в мои материнские объятия. Теперь я уже не сирота. Отныне они, мои любезные дети, меня, свою родную мать, украсят более всех моих сестер, и буду я прославлена по всей Святой Горе Афонской!»

Кончина отца Прокопия была особенно замечательна тем, что, сказав все возгласы при чтении ему утрени, по возгласе на первом часе: «Боже ушедри ны и благослови ны...» — незаметно скончался. Было это 11 августа 1848 года.

Схиархидиакон Иларион

Иеросхидиакон Иларион²² (в миру Иоанн) родился в 1810 году в селении Платононос Солунской епархии. Его отца звали Георгием. Отец Иларион был очень образованным и духовно глубоким человеком. Про него можно было бы сказать: настоящий человек мира, истинный христианин, не отличающий «*Нѣсть Иудей, ни еллинъ*» (Гал. 3, 28), любящий всех равной братской любовью. Этот умный и обходительный собеседник, утешитель русских, прекрасными качествами сердца своего был обязан воспитанию под надзором Святейшего Патриарха Иерусалимского Афанасия и митрополита Солунского Мелетия.

В юности, состоя при Патриархе Афанасии Иерусалимском, Иларион за свои детские шалости бывал им жестоко наказан, следствием чего явился его тайный побег со двора Патриарха. Он нашел приют в Солуни, у митрополита Мелетия, который рукоположил его в иеродиакона.

Жизнь в миру и с миром, сама по себе шумная, увлекательная и полная мнимых очарований, сильно тревожила душу юного Илариона. Он не в силах был выносить ее суету. Поэтому, возжелав уединения, решился оставить своего владыку.

В 1837 году он тайно бежал от него на Афон, в русский монастырь, где и постригся в схиму. Митрополит Мелетий, отечески любящий Илариона, сам последовал по его следам. Долго еще владыка не оставлял попыток узнать, куда укрылся его любимец. Грозил русскому монастырю прещениями в случае потворства беглецу. Но все это наконец закончилось тем, что Иларион устоял в своем священном обете Господу Богу и навсегда остался в русском монастыре.



²² Жизнеописание составлено по книге: Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца: В 2-х т. М., 2006. С. 169.

В дополнение к этому жизнеописанию надобно сказать, что отец Иларион был удостоен в сонном видении посещения святителем Митрофаном Воронежским. На праздник святителя Митрофана, благоговейно почитаемого в русском монастыре и греками, все братство имеет обыкновение собираться в храме ко всеобщему бдению, на котором пение и чтение ведется как на греческом, так и на славянском языках, т. е. начинается русскими, а потом сменяется греками и наоборот. Так бдение на память святителя Митрофана совершалось и в 1843 году.

Святогорские бдения и в обыкновенное время чрезвычайно продолжительны и утомительны, а в дни особенно торжественные их едва могут вынести физически слабые молящиеся, потому что длятся они иногда до двенадцати часов и более. Таковым было бдение на память святителя Христова Митрофана и на этот раз. Слабый силами и сложением Иларион был со всеми вместе. Из-за точности в пении и умиленного голоса по необходимости его иногда выставляли на клирос, что еще более истощало его силы. На этот раз до первого часа он, впрочем, крепился кое-как, но наконец изнемог совершенно, оставил храм, ушел в свою келью и в крайнем изнеможении упал на топчан. В тихом раздумье и жалобах на слабость, из-за которой не dokonчил своего молитвенного подвига в честь русского святителя, он задремал, легкий сон успокоил его чувства. В это мгновение Иларион увидел перед собой седого старца в архиерейской мантии со святительским жезлом в руках. Святая схима покрывала освещенную небесным светом главу явившегося, в чертах которого и в одеянии Иларион узнал нашего русского чудотворца. «Вы возлюбили меня, — кротко сказал ему по-гречески святитель Митрофан, — и я навсегда буду с вами». Эти трогательные слова потрясли Илариона, он очнулся, но уже никого не было пред ним, и только тихая сердечная радость была следствием утешительного видения. Силы Илариона сразу же восстановились, и, благословляя Господа, дивного во святых Своих, Иларион более прежнего проникнулся любовью и благоговением к нашему заступнику и искренней приязнью к русским монахам.

Он был другом русских, ближайшим помощником игумена Герасима, игумена Ма-



кария и духовника Иеронима, сыграл решающую роль в умиротворении греко-русского спора 1874–1875 годов, заняв непредвзятую позицию на стороне справедливости, за что русские братья до сегодняшнего дня благодарны ему и беспрерывно молитвенно поминают его.

Преставился отец Иларион 30 июня 1886 года.

Иеросхимонах Иероним (Соломенцов)²³

В 1840 году в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре случилось великое горе, которое потрясло всех насельников, как русских, так и греков: скончался руководитель русского братства иеросхимонах Павел. Игумен Герасим пригласил всех русских на его погребение. Скорбь утраты усугублялась тем, что отец Павел не оставил после себя духовного семени, не имел преемника, который бы унаследовал его духовные дарования и благодать и сплотил бы именем своего почившего старца осиротевшую паству. Да и сами русские отцы не видели в своей среде никого, кто бы мог поднять крест настоятельства.

Волей Божией ветвь благочестивейшего отца Павла пресеклась, не имея отрасли, но был жив еще общий всех русских на Афоне отец, вождь и корень — великий духовник иеросхимонах Арсений! И действительно, неожиданно для всех пустыннолюбивый великий старец появился вдруг на погребении. Он только один, среди общей печали, был весел и беззаботен. На просьбу благословить преемника ответил: «О сем после будем говорить и советоваться. Бог не оставит сию обитель и даст такого мужа, который управит все лучше отца Павла...» Именно об этом муже следующее жизнеописание.

Настоящее жизнеописание является сердцем всей этой предложенной дорогому читателю книги, так как его герой был сердцем всего русского монашества на Афоне на протяжении последних 150 лет и останется им до скончания века. Оно о том благом и верном рабе, не только сохранившем дар и усугубившем его доброй куплей, но и других многих научившем делать так же: *«Вот, другие десять мнас, которых я приобрел».*

Житие это принадлежит человеку, изначально предназначенному Промыслом Божиим на особое и великое служение — воссоздание русского иночества на Святом Афоне, не формально, но с глубоким содержанием, в лучших традициях монашеского благочестия. Он прекрасно справился с этой Богом поставленной пред ним задачей, чем увековечил свое имя как в истории Афона, так и в истории России.

²³ Жизнеописание составлено по книгам: Ковалевский А. Ф. Иеросхимонах Иероним, духовник русского на Святой Афонской Горе Пантелеимонова монастыря и его присный ученик игумен священноархимандрит Макарий. 3-е изд. РПМА, М., 1908; Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии...; См. также: Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. Большаков С. Н. Иеросхимонах Иероним (Соломенцов) — возобновитель русского монашества на Афоне в XIX веке // Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата. Париж, 1963. С. 52–62.



В 1794 году в Молдавии, в Нямецком монастыре, отошел к Господу преподобный старец Паисий (Величковский), воссоздатель иноческого благочестия, книги которого возбудили жажду по Богу во многих его соотечественниках. Преподобный Паисий жил некогда на Святой Горе, прибыв туда в 1750 году, спустя 15 лет после того, как Руссик был провозглашен греческим монастырем по причине отсутствия там русских насельников. Он попытался возродить русскую обитель на Святой Афонской Горе в виде Ильинского скита, который основал и построил сам, но труд этот не принес видимого и желаемого результата.

В 1779 году старец оставил Святую Гору и перешел в Молдавию, где смог осуществить главный труд своей жизни, отведенный ему Промыслом Божиим, — перевод «Добротолюбия» на церковно-славянский язык. Этот его труд

имел самое непосредственное отношение к духовному пробуждению России. Для воссоздания же русского монашества и русской обители на Святой Горе Промысел Божий готовил иных делателей.

В 1800–1805 годах через молдавский Балашевский скит по особому откровению Божию прибыл на Святую Гору Афонскую будущий великий и богоносный старец и общий духовник русских святогорцев иеросхимонах Арсений, который был воспитан в духе учения преподобного Паисия.

В это же самое время, 28 июня 1802 года, родился на свет будущий его ученик, послушник и преемник по старческой благодати. Этот могучий духовный вождь через 35 лет, будучи предызбранным особым благоволением Божией Матери, возглавит по благословию старца Арсения русское братство Свято-Пантелеимонова монастыря. Еще через шесть лет будет благословлен отходящим ко Господу отцом Арсением на общее духовничество всех русских иноков на Афоне, киновиотов и пустынников, которых, словно кокошь, соберет под могучие свои крылья молитвами и благословением своего великого старца.

Духовное наследие своего наставника и учителя он не унесет с собою, представ пред Господом, но передаст этот опыт уже как традицию другим поколениям, заранее позаботившись о механизме духовной преемственности. Этот человек не только возродит русскую обитель на Святой Горе, под эгидой которой соберется и сплотится весь русский Афон, но создаст или, лучше сказать, воспитает целую школу старчества, являющуюся главным оплотом хранения и инструментом передачи духовной традиции. Наконец, сугубую благодать духовного водительства, воспринятую от отца Арсения, а также воссозданное и организованное русское иночество вместе с браздами правления он передаст своему ближайшему воспитаннику, ученику и преемнику схииеромандриту Макарию, которого благодарная и любящая паства наречет впоследствии уже не просто общим русским духовником, как двух отцов — его предшественников, но игуменом всех русских святогорцев. Имя человека, о котором мы хотим рассказать, — иеросхимонах Иероним, а тогда еще просто младенец Иоанн...

Искра этой бесценной жизни вспыхнула в доброй, церковной, богобоязненной семье старооскольского купца из Курской губернии Петра Григорьевича Соломенцова. Семья эта обладала глубокими традициями благочестия, главная из которых — любовь к храму Божию и богослужению.

Отличительной чертой семьи Соломенцовых было то, что она никогда не устраивала пиров и застолий, но всегда по воскресным, праздничным и семейным дням собирала всех своих многочисленных родственников и организовывала пение богослужебных песнопений: тропарей, стихир, догматиков, херувимских, так что соседи говорили: «Соломенцовы у себя бдение служат».

Воспитание ребенка было возложено на бабушку, которая любила ходить в церковь на всякую службу и почти каждый день водила туда младенца, а впоследствии отрока. С детских лет большая любовь к церкви, участие в богослужениях заменяли для Иоанна все детские игры.

Добровольное и сознательное усердие к храму Божию шестилетнего отрока Иоанна не мог не заметить батюшка, отец Иаков, настоятель церкви Успения Божией Матери, пригласивший мальчика, с благословения родителей, быть пономарем: звонить в колокола, подавать кадило, находиться в алтаре, читать и петь — занятия эти были для него *«пáче мéда и сóта»* (Пс. 18, 11). Добрый и усердный пастырь, отец Иаков, стяжавший от Господа благочестием и благоговением дар сердечного умиления и слез, стал для отрока духовным отцом, первым наставником и образцом для подражания.

Ежедневное богослужение, внимание к чтению и пению, благоговейное и усердное послушание способствовали тому, что любовь к благолепию церковному стала у Иоанна глубокой и осознанной. Размышления о смысле таинств, обрядов и их чинопоследований, тропарей, кондаков и стихир занимали все его детские мысли и

переживания. Поистине и к блаженному этому отроку можно отнести слова псалмопевца: *«И бо птица обрѣте себѣ храмину, и гóрлица гнѣздó себѣ, идѣже положитъ птенцы своя...»* (Пс. 83, 4), т. е. первые душевные стремления.

Духовные ценности, занявшие в детской душе такое главенствующее положение, влекли взрослеющего отрока на всецелое служение Богу, возбудив в его сердце стремление к монашеству. Благодать Божия часто утешала взрослого не по годам мальчика, обогатившегося благодаря ее посещениям мудростью духовной, и влекла его к решительному выбору. Однажды, когда ему было семь лет, на Великой вечерне, во время входа, он шел со свечой впереди священника. Став, как подобает, пред иконой Спасителя, он прилежно смотрел на лицо Его, внимая смыслу стихир. В этот день пелся догматик восьмого гласа: *«Царь Небесный за человеколюбие на земли явися»*. Внезапно эти слова глубоко поразили его сердце сладчайшим умилением. Слезы потекли из глаз. Слова эти проникли в самую глубь души и там звучали беспрестанно, волнуя сердце сладким изумлением и новыми чувствами удивления и радости. Тот, Кто призывал и влек его сердце на всецелое служение Себе, ныне Своей благодатью Сам открылся блаженному отроку как Творец и Повелитель естества, Царь Славы, Свет, Истина и Жизнь. Этот первый опыт богопознания глубоко запечатлелся в сердце Иоанна и сохранился на всю жизнь. Блаженное состояние духовного умиления и самоуглубления продолжалось несколько лет, пока промыслительно не была несколько умалена Божественная благодать.

Так отрок Иоанн, еще только начинавший познавать мир и смысл своего бытия в нем, усвоил главный урок первых опытов своей жизни — о том, что Бог есть главная ее ценность, драгоценнейшее сокровище человеческой души. А стремление к совершенствованию в Боге, богоугождение, богопрославление, богослужение есть главное назначение бытия человеческого.

Чистая и простая душа Иоанна радовалась такому своему нечаянному обогащению, но не знала она еще, что, кроме этого нетленного сокровища, существуют и другие «ценности». Не знала она, что в духовном мире, как и в земном, существуют *«tátie súť i razbóynicy»* (Ин. 10, 8) — невидимые похитители духовного богатства, которое поэтому нуждается в ограждении и страже более, чем всякое другое сокровище на Земле. Важный, жестокий, но неизбежный и существенно необходимый урок преподает ему следующий этап жизни — многомятежная юность. *«Гóсподи, не дóброе ли сѣмя сѣяль еси на селѣ твоёмъ? откúду úбо ймать плéвелы?»* (Мф. 13, 27).

Грех праотца Адама — это не просто проступок, для врачевания которого достаточно только одного прощения; вернее, это действительно было бы так, если бы Адам покаялся сразу же, в раю, но нераскаянность и упорство дали греху неограниченную власть и чудовищную силу, с помощью которых он исказил самую природу

ду человека. Предрасположенность к страстям, семена греховные, подобно генам, передаются из поколения в поколение всем без исключения потомкам Адама и гнездятся в самом сердце человека от утробы матери его. Святое крещение освобождает нас от ответственности за падение праотцев, но оно не избавляет нас от действия закона тления греховного, единственное лекарство от которого — личный подвиг, собственная духовная борьба за обладание духовным ведением, суть которого состоит в познании своей немощи, с одной стороны, и познании Всемогущества Божия — с другой. Познай свою немощь и повергни ее пред Богом с молением о помиловании и спасении, ибо Он Один только силен прекратить действие и насилие страстей. Именно с этого первоначального смирения и самоуничужения пред Создателем и Спасителем Богом, т. е. с познания всецелой своей немощи и смиренного сыновнего моления о помощи, начинается путь осознанного духовного возрастания, постепенного восхождения ко Христу.

Доброе семейное благочестие, воспитание в страхе Божиим, приобщение к Церкви, благое содружество существенно необходимы, для того чтобы вкоренить в детской душе навык к боголюбию и добру на всю жизнь и сократить путь личного богоискания. Но они не могут упразднить существования и действия страстей, гнездящихся в самой природе, в самом сердце. Время прозябания этих греховных семян — юность. Не мог избежать юношеских искушений и молодой Иоанн. Но добронравие Патриархальной семьи, церковное послушание, добрая дружина сверстников, а также стремление к заветной цели — монашеству до времени обуздывали их действие.

На просьбу Иоанна отпустить его в монастырь отец ответил отказом, решительно заявив, что до совершеннолетия, т. е. до 23 лет, никуда его не отпустит. В день, когда исполнился означенный срок, Иоанн поблагодарил отца за доброе воспитание и, напомнив ему его обещание, вновь повторил свою просьбу. Но и на этот раз отец упрямил его подождать немного, пока возмужает младший его брат. Превозмогая скорбь, юноша вновь послушался родителя.

Затем прошение благословения на монашество сестры еще на два года стало причиной новой, третьей уже, отсрочки, потому что родители не могли разом отпустить двух любимых детей. Во время двухлетнего пребывания с родителями за сестру Иоанн Павлович перенес тяжкие испытания и едва не погиб, как духовно, так и телесно. Враг спасения человеческого сильно нападал на него с разных сторон, желая отвратить от заветной и спасительной цели — монашества. Наконец, дьявол воздвиг на целомудренного юношу сильную брань плотских страстей, но Господь не дает искушения выше сил.

Однажды ночью, когда приступ плотской брани был особенно силен, он видел себя как бы совсем погибающим, так как помощи ниоткуда не было видно, молитва как

бы перестала действовать, ум помрачился, облака страстных помыслов затемняли сознание, и весь он горел как в огне. Выбежав из комнаты в сад и пав под деревом груши на колени, он слезно молил Господа Бога помочь его бессилию, защитить немощь его от силы вражьей и сохранить его в чистоте.

«Если не Ты, Господи, — молился он, — то уже не смогу терпеть этой брани. Возьми же, Господи, лучше душу мою, чем оскверниться мне плотской нечистотой». Долго и горячо вопиял он из глубины сердечной ко Господу, обороняясь от лютой силы вражьей единственным оружием — упованием на всемогущую помощь Божию. И вдруг в полночи небо внезапно разверзлось над головой его, и свет, как пламень огненный, снизошел на него с высоты, не опалая, однако, но прохлаждая жар страстной печи, исполняя сердце сладчайшей, неизъяснимой радостью и пленяя ум благодатными, неведомо откуда пришедшими просвещением и озарением в таком изобилии, что он, как казалось, не мог уже более вместить происходящего. Придя в изнеможение от такого обилия благодати, он пал на землю и лежал, словно мертвый, чувствуя, как таинственный, благодатный огонь самовластно проходит по всем его жилам и составам, прохлаждая и истребляя в них огонь плотских похотей.

Так пролежал он, пока не заблаговестили к заутрени. Новый, светлый, радостный, ощущающий необыкновенную легкость во всем теле, он не побежал, а полетел в церковь благодарить Человеколюбца Бога за состояние близости к Богу, которое он испытал. Колокол церковный словно звал его, а дом Божий словно ожидал его, и молитва вдруг сама собой пленила ум и сердце его и с такой властью и силой многой, словно имея повеление свыше, и понесла их к престолу Бога на небесах.

Придя из церкви, он вдруг с изумлением увидел, что вся семья стоит возле груши, под которой он ночью молился, и дивится происшедшему: дерево полностью высохло и стояло лишенное листьев и плодов. Причину этого он утаил в своем сердце, непрерывно благодаря Бога за неисповедимую Его милость, благодаря вмешательству которой он навсегда избавился от мучивших его плотских страстей и до конца дней своих пребывал в мире и душевном спокойствии, не возмущаемом греховными мечтаниями и пожеланиями.

Велико было нападение лукавого, но несоизмеримо большим было Божественное посещение и дарованное Им утешение. Утешение Духа Святаго, как Письмена Божественные на скрижалях Моисея, глубоко и неизгладимо запечатлелось не только в душе, но во всем естестве Иоанна, так что оно, запечатанное сим утешением, стало неприкосновенным для действия плотских страстей. Опыт, вынесенный им из этой брани, на всю жизнь делается для него основополагающим и руководящим символом, выраженным словами псалмопевца: *«Блажéни лю́діе вѣду́щіи воскликновéніе!»* (Пс. 88, 16) Не на свои силы полагаться, но успеть, успеть воззвать к Богу, повергнув пред Ним свою немощь, — вот

суть духовной брани, вот тот положительный, правильный опыт, который должен выносить христианин из духовных сражений! Так, чудным образом, действием благодати Божией был избавлен он от смерти духовной. Вскоре после этого Промысел Божий новым чудным вмешательством избавил его уже от преждевременной смерти телесной.

Однажды, исполняя службу купеческую по долгу послушания родителю, находился он в пути и заразился холерой, свирепствовавшей тогда в центральных губерниях России. Кучер его начал сторониться барина своего и в конце концов вовсе бросил одного, страшась заболеть. Иоанн Павлович в крайне тяжелом состоянии остался в своей повозке дожидаться смерти. Изнемогая от болезни, он погрузился в молитву Иисусову, прося прощения у Бога за то, что не исполнил своего обета стать монахом. Жизненные силы, по-видимому, уже оставляли его. Но вдруг свет объял все вокруг, и перед собой он увидел боголепную Жену в белом как снег и блистающем одеянии, указывающую на него перстом правой Своей руки стоящему одесную Ея некоему мужу, с которым Она о чем-то относительно его советовалась. Иоанну показалось, что муж тот был святым апостолом и евангелистом Иоанном Богословом, хотя он в этом и не был уверен. Может, между собой говорили Пресвятая Дева и великомученик и целитель Пантелеимон, а совет, бывший о нем, являлся предызбанием Иоанна на высокое его служение? В этот момент он пришел в себя и почувствовал себя совершенно здоровым.

Оба этих случая особого вмешательства Божия в естественный ход событий должны были явственно показать Иоанну, что Промысел Божий неусыпно бдит о нем и бережет всецело дух и тело его.

По окончании двухлетнего срока родители более не удерживали его и благословили на монашество, вполне убедившись, что к жизни в миру и к женитьбе сердце сына не лежит и он всецело объят желанием служить Единому Богу.

В это время Господь послал ему собрата по духу, одного из его родственников, Николая Гончарова (будущего монаха Никодима), который также горел желанием иночества. В 1831 году они оба с котомками за спиной навсегда оставили родной город. Начался пятилетний период их странничества по российским монастырям, с тем чтобы найти благоприятное место для борьбы со страстями и для созидания своего спасения.

Для желающего принять монашеский постриг выбор монастыря — дело непростое. Это место должно быть отмечено особым присутствием Божественной благодати и максимально способствовать умерщвлению страстей и спасению души. Монастырь — это место, удаленное от мира, куда приходят люди, желающие уйти от страстей, бушующих в мире.

Делая поправку на современность, можно сказать, что монастырь не обязательно должен находиться в пустыне, хотя это было бы лучше всего. Он может быть и

посреди града. Однако при этом обязательно должны быть созданы условия, ограждающие насельников от влияния мира, его страстей, другими словами, должен существовать режим их умерщвления. Таковым режимом, издревле созданным святыми отцами на основании Священного Писания, является общежитие, регулируемое правилами или уставом. Одной из главных задач общежития является истребление самолюбия, своеволия, греховной самости, погубившей праотцев в раю и являющейся главным проявлением гордыни. Основные принципы монастырской общежительной дисциплины, или условия, истребляющие самость, суть следующие: наличие в обители общей молитвы, общего труда, общей трапезы, общего имущества при отсутствии привилегированного положения кого бы то ни было в этом монастыре. Все члены братства — от игумена до последнего послушника — несут на себе общемонастырское тягло, т. е. службы, келейную молитву и всеобщую трудовую повинность, и никто из этого круга не выпадает. Если же случается так, что кто-то не соблюдает монастырского устава, то приводятся в действие рычаги монастырской дисциплины, призванные исправить положение. Все эти факторы являются внешними условиями, самым же главным условием, одухотворяющим все прочее, является самоотверженное послушание. Инок добровольно отказывается от своего мнения, своей выгоды, своего имущества, собственной казны и своего стола и так далее, предпочитая мнение и пользу ближнего своего. Наконец, он должен являть полное послушание игумену — отцу и пастырю своему, из рук которого он чает получить благодать и вечное спасение.

Все это людям, не сведущим в этом деле, может показаться неким режимом подавления, но не будем забывать, что вся эта система зиждется на принципе свободы, т. е. на сознательном свободном решении отказаться от собственной, искаженной страстями воли, что является абсолютно необходимым условием для достижения главной цели подвижничества — духовного совершенства. Именно для воплощения в жизнь этого решения и существует монастырь, и поэтому не имеющему перед собой цели победить свое «я» не следует и вступать в число братии, чтобы не сделаться сопричастником жребия Анании и Сапфиры и, что самое важное, чтобы не вносить чуждый разрушительный элемент (т. е. своеволие) в общежительную структуру. Стержень этого режима — борьба со своей волей, со своим «я», со всей своей самостью. Отказ от собственного «я» — это очень трудная задача, но это единственно правильный алгоритм духовной жизни. Кто хочет видеть Бога, тот должен забыть себя.

После пятилетнего странствования ревнители благочестия Промыслом Божиим нашли одного человека, Василия Максимовича Фастова, который сказал им, что единственное подобное место они могут найти только на Святой Горе Афон. «Идите туда, ничтоже сумняся!» — говорил он им.

Но до того как отправиться туда, опять же Промыслом Божиим, суждено было им побывать в Воронеже, у святителя Митрофана, где в то время подвизался некий юродивый и прозорливый подвижник. Придя к нему, друзья спросили, есть ли им воля Божия идти на Афон. Пристально на них поглядев, он сказал им: «Идите, мои братья-старооскольцы, идите на Святую Гору Афонскую, идите. Ты, брат мой Николай, придешь туда, немного поживешь, получишь великую схиму и отправишься в невозвратный путь, а ты, брат мой Иоанн, придешь на Афон, да свой улей заведешь и будешь рой от него отпускать. Идите, Бог вас благословит!» Эти слова оказались пророческими.

Иван Павлович не знал еще, что такое Афон. Знал только, что эта чудная страна монахов есть истинный рай на Земле, где нет ни властей, ни чинов, ни бирж, ни торгов, ни суеты, ни склок, где существует лишь ангельское житие и непрестанная молитва. Никто не говорил ему об этом, но сердце само подсказывало, что именно так оно и есть на самом деле.

В сентябре 1836 года он прибыл вместе с другом Николаем Гончаровым и еще 15 старооскольскими единомышленниками на Святую Гору. На вопрос, есть ли монастырь, в котором бы жили русские иноки, он получил ответ: «Монастырь-то русский есть, да вот русских иноков в нем нынче нет». Ему посоветовали: «А поди-ка ты к старцу Арсению. Он не только всем русским монахам на Афоне духовник, но и прозорливый старец. Он укажет тебе, где и как жить».

Какова была первая встреча великого старца и будущего его ученика — нам неизвестно. Известно только, что Иоанн стал верным послушником старца Арсения, старавшимся с совершенной точностью исполнять волю своего наставника, которую воспринимал как Божию. Этот афонский новобранец имел безграничную веру к словам своего старца, отдав в его руки всю свою душу, со всеми ее ранами и недугами. Поверг ему в ноги всю свою волю и мудрование, отрекаясь от них и отдавая их на поправление. Словно распятый на кресте, представлял он себя в присутствии великого отца своего и, принимая из уст его врачевство — укоризны за тот или иной проступок или помысел, если таковое случалось, — был неропотлив и безгласен, подобно Подвигоположнику своему. И за труды принял и воздаяние: тишину помыслов, покой сердечный и, что самое главное, благоволение отца своего, которое благодатным огнем воспламеняло в нем свечу молитвы и даровало душе дерзновение в борьбе с врагом и в предстоянии пред Богом по слову псалмопевца: «...яко оружіемъ благоволенія вѣнчалъ еси насъ» (Пс. 5, 13).

После пострига и Литургии, на которой новопостриженный был причастником Святых Христовых Таин, отец Арсений дал ему наставление, как проводить свою жизнь в иноческом чине. Он строго заповедовал: «Без моей воли ничтоже твори, пока я жив буду». Затем говорил весьма пространно и умирительно о послушании, об исключитель-

ном значении его в жизни монашеской, о том, каковую силу имеет оно и каких даров сподобляет. Говорил, как побеждать страсти, отсекая свою волю, открывать помыслы своему отцу и пастырю, как любить Господа Бога всем сердцем и помышлением, как любовь эта приобретается и за что ее можно потерять. Говорил и о том, как хранить ум свой в непрестанной молитве, претерпевать мужественно все находящие скорби и искушения с благодарением и никогда не унывать. От таких поучений, изреченных не с витийством ученым, но с властью и силой многой благодати Духа Святаго, постриженник не смог сдержать слез умиления, растворенных сладчайшей радостью.

Прозорливый старец Арсений, видя духовные дарования теперь уже отца Иоанникия и ведая высокое назначение, отведенное ему Промыслом Божиим, благословил ему на время безмолвное житие, для того чтобы успокоить душу, умиротвориться, сосредоточиться и насладиться безмолвием, к которому он так стремился всю жизнь и которое вскоре должно было быть отнято от него ради духовнического служения многим братьям.

Истомившаяся духовной жаждой душа монаха Иоанникия погрузилась в безмолвное житие. Опыт сердечного обращения к Спасителю, обретенный им еще во время брани духовной среди мира, стал для него здесь, в афонской пустыне, хлебом насущным, который он с алчностью и жаждой вкушал день и ночь, и по неложному обетованию Господню был насыщаем благодатью, неведомыми утешениями и посещениями.

За совершенное послушание, безграничное доверие духовнику и исключительное самоотвержение монах Иоанникий пользовался особым взаимным доверием и любовью старца Арсения. Видя в нем сосуд избранный, испытанный и закаленный, чистый и вполне способный вместить высокое духовное учение, отец Арсений сделал его своим сотаинником и руководил им в прохождении делания молитвы Иисусовой. Получая великую пользу от своего старца, монах Иоанникий, преданный и верный, не считал нужным искать себе других советников, наставников и руководителей. От беседований с другими монахами всячески уклонялся, был всегда самоуглублен, внимателен и благоговеен, так что вскоре всем стало заметно его преуспеяние и все заговорили о нем как о сугубом ученике духовника Арсения.

Вскоре отец Арсений благословил его и самому принять учеников. Отец Иоанникий был им за старца, а отец Арсений — общим руководителем и духовником. Сделал это отец Арсений с великим разумением и мудрым расчетом, устраивая, таким образом, для отца Иоанникия как бы переход от пустынножителства к общежитию.

Даже после того как отец Иоанникий за послушание старцу Арсению принял на себя старческие обязанности, в душе своей он все же остался учеником. А потому имел попечение прежде всего о пользе своей собственной душе, чтобы не потерять тех драгоценных духовных плодов, которые стяжал тяжелым трудом. Далее мы бу-

дем иметь возможность наблюдать за этим качеством его духовного устройства, чтобы получить наглядное назидание: как с его изменением отец Иоанникий с течением времени станет великим старцем; как всецело, без остатка пожертвует он своей собственной пользой ради пользы ищущих ее от духовного общения с ним.

Со своими учениками старец Иоанникий был кроток и снисходителен. Все немощи их сносил и терпел великодушно, соблюдая драгоценный свой душевный покой. Делал он это именно ради того, чтобы не разрушать своего духовного устройства. Это качество свойственно еще не устоявшимся в добродетелях духовным воинам, страшущимся неосторожным словом или делом повредить самим себе. Скорее, это свойство можно отнести к наемникам, а не сынам, которые еще не уверены, что являются наследниками отеческих сокровищ, и работают за вознаграждение.

Отец Иоанникий сам за богослужением много читал и пел, но однажды ночью, встав для совершения утрени, без всякой на то причины внезапно лишился зрения настолько, что не мог уже ничего читать по книгам, разве только то, что знал наизусть. Ученики очень опечалились, да и сам он тоже скорбел. Продолжилось это несколько дней. И вот как-то после повечерия он вышел в окружающий келлию лес и провел там всю ночь, а возвратившись к утрени, по-прежнему читал в церкви с большой быстротой и радостью. Ученики удивились, стали вопрошать своего старца о внезапной перемене зрения. «Когда я ночью в лесу усердно молился, — отвечал на их вопросы отец Иоанникий, — то вдруг увидел явившуюся мне в небесном сиянии Владычицу. В благоговейном страхе и трепете я поклонился Ей до земли и услышал от Нея следующие слова: «Молитвы твои и обещания Господу и Мне приняты, но смотри же, старайся исполнить их во всей точности, а Я исцеляю твое зрение, и до самой кончины твоей будешь читать без помощи!» — и затем Она стала невидима».

2 августа 1840 года в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре отошел ко Господу иеросхимонах Павел... Игумен Герасим призвал русскую свою братию, чтобы они избрали себе пастыря из тех, кого они знают, кто опытен в духовной жизни и мог бы ими управлять. Братия же, посоветовавшись между собой и рассудив, дала ответ своему игумену. Обратим здесь внимание на все, что будет сказано, ибо все это составит немалую похвалу будущему великому старцу, а пока еще смиренному новонаначальному монаху-пустыннику, послушнику великого русского старца-духовника Арсения. Итак, братья сказали следующее: «Отче святой, хотя и много во Святой Горе русских, но нет такого человека, который бы мог вместить общежительные наши уставы и править церковью и братией. Только одного находим способным к этому — духовника Арсения, который все может вместить и управлять. Да еще есть ученик его, монах Иоанникий, который также может управлять церковью и братией, только не знаем, вместит ли он общежитие наше, ибо имеет свою келлию и учеников».

Тогда отец игумен велел им собирать посольство и идти к духовнику отцу Арсению, для того чтобы просить его жить в русской обители. Они посоветовались и, будучи уверены в отказе отца Арсения, решили зайти прежде и к отцу Иоанникию, чтобы предварительно узнать, будет ли он согласен прийти в монастырь и жить там. Тот наотрез отказался, не желая принимать сана священнического, неизбежного при занятии духовнической должности, а также ссылаясь на слабость здоровья, по причине которого ему трудно будет жить в строгом общежитии. Указывал он им в ответе и на любовь свою к безмолвию.

Братья, услышав его ответ, опечалились и пошли тогда уже к самому старцу Арсению, чтобы со слезами умолять его о переселении в монастырь, дабы не оставить сиротствующую братию без пастыря. «Меня и не просите, и ниже поминайте, — отвечал им духовник, — а изберите другого, кого знаете». Они же с плачем говорили: «Отче святой, из всех, кого знаем на Святой Горе Афонской, мы избрали только вас двоих. Или вы идите, или благословите ученика своего, отца Иоанникия». Духовник подумал и неспешно, с расстановкой стал говорить: «Это великого стоит: отца Иоанникия с учениками потревожить. Они живут спокойно, в безмолвии и мире. Имеют свою келлию. И всякого заведения у них много... Разве если будет воля Божия... Ваш монастырь общежительный и к Богу близок, пусть эту неделю все братья постятся и молят Бога и Божию Матерь, а потом придите ко мне. Ежели будет воля Божия, тогда я объявлю вам об этом и пошлю его, хотя бы он и не хотел».

С великой радостью пошли послы в монастырь и возвестили все игумену, который заповедал всей братии поститься седмицу и готовиться ко святому причащению, да молить Бога и Божию Матерь, дабы послали человека, могущего все управить на пользу обители. В продолжение седмицы было отслужено три бдения — Господу Богу, Божией Матери и святому великомученику Пантелеимону с прошением указать богоизбранного и достойного человека.

В продолжение означенного срока и сам отец Арсений усердно молился и вознамерился совершить три всенощных бдения, чтобы узнать Божию волю. Но уже после второго Господь явил Свое благоволение.

По исполнении всего заповеданного вновь пошли братья русского монастыря к великому старцу Арсению. Он же с радостью их принял и торжественно возвестил: «Радуйтесь! Есть воля Божия отцу Иоанникию быть в русском монастыре! Ступайте в монастырь и скажите игумену, чтобы выслал старшую братию на Карею сделать уговор». С этим и возвратились обрадованные отцы в свою обитель и все пересказали игумену. Игумен же с братией сразу же отслужили благодарственный молебен, после чего отправили великое посольство в Карею и к отцу Иоанникию просить и молить

его: да будет русской братии руководителем, духовником и пастырем, а отцу игумену Герасиму помощником.

Не ведал ничего о происходящем монах Иоанникий. После того как он отслужил с учениками утреню и все разошлись по своим кельям на молитву с рукоделием, как вдруг принесли записку от отца Арсения, чтобы все трое явились к нему. Когда же они пришли, то повелел старец взойти всем в церковь и, надев на себя епитрахиль, начал говорить: «Отец Иоанникий! Господь тебя благословляет: иди на общежитие в русский монастырь со своими учениками, ибо там хочет Бог нечто сотворить». Все трое заплакали, а отец Иоанникий пал на колени пред старцем: «Отче святой, — говорил он, — тебе известно о моем слабом здоровье. Известно и то, что пришел я на Святую Гору, чтобы избежать хиротонии и не начальствовать, но в пустыне и безмолвии проводить жизнь свою, достигнув того, ради чего оставил мир, т. е. — победить страсти и соединиться с Богом».

Духовник же отвечал ему: «Всякая вещь добра в свое время: добро бегать хиротонии, добро и принять во славу Божию. Насколько является злом искать хиротонии, настолько же является злом противиться воле Божией. А что ты слаб здоровьем, то Господь знает лучше тебя. В Его руках состоит весь живот наш. Если Он тебя избрал, то Он же тебе подаст и здравие. А на то, что ты говоришь о желании в пустыне победить страсти и достигнуть соединения с Богом, отвечу: достигают победы и в пустыне, если будут по воле Божией жить, и в общем житии. При общем житии этого даже можно достигнуть скорее, потому что пустыня только усыпляет, а общежитие до конца умерщвляет страсти и погребает их в смирении, послушании и отсечении собственной воли. А когда умирают в нас страсти, тогда обретаем душевное спокойствие и соединяемся с Богом. И нигде невозможно найти настоящей монашеской жизни, кроме общежития. И еще: ты хочешь спасти только двоих, а иди спасай двадцать, а со временем — пятьдесят. Ты должен о всем иметь попечение. Тебе подобает устроить русскую обитель, и тобою она прославится. Больше воле Божией не противься. Теперь иди в Карею, переговори, о чем необходимо, с греками, и перебирайтесь в монастырь. Господь вас благословит».

Старец, благословляя его, добавил, смягчив строгую речь свою: «Иди, чадо, с Богом, имать там нечто дивное быти».

Когда отец Иоанникий с учениками вернулся в келлию, в тот же час пришли из русского монастыря и позвали их в Карею, где уже ожидало великое посольство монастыря со всей старшей братией. Увидев своего Богом данного старца, все пали ему в ноги и от имени игумена, господина и отца Герасима со всей во Христе братией просили отца Иоанникия изволить перейти на жительство в их монастырь и принять на любых условиях должность духовника русской братии. Не теряя еще надежды на будущее свое уединение, он говорил отцам о своем желании со временем получить

благословение на безмолвие. Старцы обещали, сказав ему так: «Ты собери братию русскую, благоустрой ее, а по временам можешь удаляться на безмолвие». Согласившись со всеми его пожеланиями и устроив все, посольство предложило отцу Иоанникию с учениками проехать на монастырских мулах в самую обитель для свидания с отцом игуменом и всей братией, которая уже ожидала их и чаяла увидеть.

6 октября 1840 года, на исходе дня, пред вечерней, учиненный брат, специально поставленный ожидать на башне, пристально всматриваясь на дорогу, спускающуюся с холма из-за потока, увидел наконец, как показалась долгожданная процессия. В радости, как было условлено, ударил он в колокол, и вся братия, греки и русские, взяв свечи и хоругви, собралась ко святым вратам обители. Священники и диаконы облачились в ризы, служащий иеромонах вынес большое напрестольное Евангелие, а иеродиакон — кадило.

В вечерней тишине, среди пения птиц бубенцы побрякивали на мулах медленно приближающейся процессии. Когда они подошли совсем близко и стали видны братии, все умилились сердцем, вспомнив Того, Кто входил во Святый Град на жребяти. «Радуйся и веселися, граде Сионь! Се бо Царь твой грядет к тебе кроткий и спасающий, сидящий на жребяти осли!»

Долгожданный и дорогой гость спешился, невольно смутившись такой нечаянной торжественностью встречи, приложился ко Святому Евангелию и поклонился на обе стороны встречавшим, не дерзая смотреть им в лица. Братия торжественно запела «Достойно есть» по-гречески и по-русски, и таким образом все направились в соборный храм святого великомученика и целителя Пантелеимона, где ожидал великого и богоданного гостя игумен отец Герасим. Вынесли из алтаря честную главу славного великомученика и целителя Пантелеимона, часть Честнаго Древа и икону святителя Митрофана, с которой русские входили в монастырь. Отец Иоанникий по обычаю поклонился святыне, положил три поклона посреди церкви и четвертый поклон отцу игумену. Лобызал руку его. Потом вся братия приветствовала его. На следующий день возвратились обратно в Карею, взяв у игумена благословение управиться с келлией.

20 октября 1840 года отец Иоанникий прибыл с учениками в Руссик, где поселили их в старом северном корпусе, возле параклиса великомученика Димитрия, где и прожил старец до конца дней своих.

Так нечаянно, скоро и чудно произошло избрание и возвышение отца Иоанникия на старческое и духовническое служение. В вышеописанной истории обратим внимание на следующие факты.

Во-первых, достойно внимания то, как братья — и греки, и русские — обеспокоены были незыблемостью общежительных правил, как они с одинаковой тщательно-

стью берегли традиции и благочестивые устои, оставленные им в завещании игумена Саввы. И все это делалось ими глубоко осознанно, а не из-за привычки или некоей закостенелости. В верности общежительным правилам виделся им смысл и залог существования обители и единодушия братства. Скорбный обоюдный опыт научил как греков, так и русских следовать таким традициям.

Во-вторых, обратим внимание на поразительное единодушие братии, двусоставной по национальному признаку. Греки выражают искреннее сочувствие русским, разделяя с ними как печаль, так и радость: скорбят и болезнуют до слез о смерти отца Павла и радуются и благодарят Бога по случаю чудного избрания отца Иоанникия. Это да будет нам залогом и верным удостоверением того, что не было и не может быть никакого конфликта на национальной основе в среде такого духовного организма, как афонское братство, спаянное союзом братолюбия. Основная масса братства всегда оставалась тверда и непоколебима в единомудрии и любви. Да, между ними в будущем возникнут трения, но причиной этому будут исключительно духовные проблемы, о чем мы поговорим еще ниже.

В-третьих, замечательна процедура избрания руководителя братства прилежным и длительным молением, постом и бдением, а затем благодарственным молебном. Цель этой процедуры — собрать умы и сердца всех братьев воедино и направить их к Богу с общим смиренным прошением явить Свою волю, указать им достойного человека. Поиск воли Божией, желание передать братство в руки богоданного, богоизбранного и Богом благословенного пастыря, а не в руки случайные или хищнические — вот цель молитвы. Впоследствии обычай этот войдет в устойчивую практику русского монастыря и станет одной из лучших его традиций.

18 ноября отец Иоанникий был посвящен во иеродиакона, а 21 ноября, на самое Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, — во иеромонаха и получил благословение архиерея на духовническое служение. В новом, 1841 году, на первой неделе Великого поста, отец Иоанникий был пострижен в великий ангельский образ. Поистине пророческий дух игумена Герасима точно подобрал ему новое имя в соответствии с тем значением, которое приобретет оно для всех будущих поколений русских иноков на Афоне. Его постригли с именем Иероним, что означает по-русски «священноименный». Таковым стало отныне имя этого великого и дорогого для нас человека, ставшее впоследствии достоянием вечности, будучи написанным тростью Духа Святаго на скрижалях сердец всех поколений монашествующих насельников Руссика. Высокое иноческое житие, воспитанное старцем Герасимом в строгом духе общежития, по заповедям его духовнаго отца старца Венедикта и игумена Саввы, нашли живой отклик в его душе.

Рассматривая жизнь отца Иеронима в монастыре, чтобы лучше оценить плоды его трудов, а также для того, чтобы увидеть широту и достоинство этой великой личности, разграничим его деятельность на две основные сферы. Во-первых, старец Иероним был прежде всего духовником, руководителем братства, а во-вторых, выступал как ктитор, хозяйственник и администратор. Оба этих вида его деятельности как будто лежат совершенно в разных плоскостях и требуют особых и совершенно различных навыков, способностей и талантов. Но в личности отца Иеронима мы находим сплетенными воедино все необходимые навыки и таланты, где и хозяйственная, и духовная составляющие его деятельности превратились в инструменты, служащие одной грандиозной цели — возрождению русского монашества на Афоне. Оба этих инструмента он смог использовать исключительно для достижения духовных целей. С Божией помощью без ущерба как для братии, так и для монастырского хозяйства, без ущерба для самого себя он стал и прекрасным администратором, и одновременно глубоким духовником. Но произошло это не сразу и не вдруг, а только после того, как он, преодолев самость, полностью пожертвовал собой и с максимально возможной самоотдачей посвятил себя делам обители и братии. Такова сила самопожертвования, воодушевленного верой в Подвигоположника. С ее помощью человек творит невозможное.

Деятельность свою в должности духовника и руководителя русского братства он видел прежде всего в том, чтобы сохранить и по возможности даже преумножить добрые традиции монастыря, сохранить неизменным богоугодный общежительный устав, приносящий здесь такие добрые плоды, и помочь своим русским братьям приобщиться к нему, помня, что нежелание прежде пришедшей братии повиноваться этому уставу свело на нет труды отца Аникиты. Из личного опыта зная о пользе общежительных устоев, он до конца дней своих будет ревностным их поборником.

Общежитие — это не только общая трапеза, общая одежда, общая молитва и богослужение, но и общая скорбь, и общая радость при единении душ. Все это подразумевает наличие общих задач, общих проблем и коллективный подход при их решении, если не конкретными действиями, то уж, конечно же, молитвой и сопереживанием. Но и это еще не все. Общежитие, которое делает души и молитвы братии едиными, а также ставит общие для всех цели и задачи для решения всеми общих проблем, предполагает и единое управление. Созидать, воодушевлять и управлять этим единым духовным организмом должен только один руководитель. Не некий бездушный администратор со штатом исполнителей его воли, а мудрый и любящий отец, Богом избранный и Богом поставленный, а потому и ответственный за всех и за все содеянное перед Единым Богом. И в данном случае этот руководитель опирается не на наемников, а на сплоченную, единомышленную братию, где младшие без сомнения, по Апостолу, подчиняются в духе братской любви и единомыслия старшим. В его руках

при мудром, опирающемся на благодать Святаго Духа управлении братство — это пластичная и в то же время устойчивая сила, готовая всегда по первому призыву своего пастыря мобилизоваться для выполнения любой духовной задачи, сохраняя при этом все черты своего призвания: и братскую любовь, и послушание, и желание трудиться для общего блага, и молитвенность.

Мы должны понимать, что общежитие в духе взаимной братской любви не имеет ничего общего со сходбищами, празднословием или смехотворством. Эти пороки растлевают дух его. Парадокс истинного общежития в том и заключается, что иноки, живя, трудясь, молясь, питаясь вместе, искренне любя друг друга, в то же время стараются избегать излишнего общения друг с другом, имея желание пребывать единственно с Богом. Сходбища, свойственные живущим в миру, заменяются у них богослужебным собранием; празднословие — славословием и песнопениями за богослужениями; пиры и застолья — скромной братской трапезой. Любовь выражается не столько внешними проявлениями, сколько духовными, внутренними. Терпение поруганий и укоризн, снисхождение к немощам друг друга и прощение обид, радость о преуспевании ближнего и скорбь в несчастиях, искоренение подозрительности и зависти — все это есть превосходнейшее проявление настоящей братской любви. Но самым главным и существенным для инока является качество, которое объемлет собою все прочие, — предпочтение ближнего самому себе. Эта добродетель — краеугольная при общем житии. Именно она придает братской любви характер жертвенности, сообщая ей тем самым свойства бессмертного и нетленного значения. Излишне объяснять, что эта бесценная добродетель требует для своего выражения совсем иных, превосходных инструментов, нежели, например, такие пороки, как празднословие и дерзость.

Искоренение пороков и воспитание истинно духовных братских отношений стали первоочередными задачами для отца Иеронима. Вскоре он стал всеми признанным духовным лидером единого монастырского организма, как греческой, так и русской его половины. Начиная труды свои по воспитанию братии и благоустройству обители, отец Иероним полагался не на свои силы, но прежде всего на помощь Божию, упованию на которую он был научен опытом всей своей жизни. Не забывал он и пророческих слов своего старца о том, что Бог хочет нечто чудное сотворить в русской обители, а потому зорко всматривался в события и их суть, чтобы рассмотреть дето-водящее действие Промысла Божия.

По временам обитель посещал и сам первый, великий ее старец и началовождь — иеросхимонах Арсений. Приход его всегда, словно солнце, осиявал обитель и сопровождался всеобщей радостью и ликованием, как греческих, так и русских монахов. По окончании соборной службы он неизменно уединялся с отцом Иеронимом, много беседовал с ним о духовном руководстве братством и о его личном возрастании.

Иногда говорил он и со старцем игуменом. Не только отца Иеронима, но и все русское братство он считал своими духовными детьми и всегда подчеркивал, что имеет по преимуществу попечение и ответственность за них даже более, чем сам отец игумен и отец духовник. В особо трудных случаях всегда оставлял право последнего решения за собой, как знающем волю Божию. Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что деятельность отца Иеронима проходила по совету, руководству и благословию великого духовника всех русских иноков на Святой Горе Арсения и, следовательно, была согласна с волей Божией.

Таковым было возвышение сравнительно еще молодого монаха отца Иеронима до степени духовника русской обители. Однако путь его лежал еще выше. 24 марта 1846 года, на пятой неделе Великого поста, в навечерие Благовещения, когда на Литургии из Евангелия читаются слова Господни: «Се, восходим во Иерусалим...», — отпев накануне, в Субботу Акафиста, сладчайшую песнь ко Пресвятой Владычице Богородице и отслужив последнюю свою Литургию, отходил из жизни этой и восходил ко Господу, в горний Иерусалим, общий духовник всех русских иноков на Афоне, великий старец иеросхимонах Арсений. Лишалась Святая Гора столпа и светильника, который поддерживал и просвещал на Афоне не только всю русскую братию, но и греков, и болгар, и молдаван.

Рано поутру все духовные дети его, в том числе и отец Иероним, сбежались в келью старца. «Что же ты, отче, уходишь от нас? — вопрошали ученики его. — На кого же нас оставляешь, кому передашь все твои благодатные дарования?» Возложив слабеющие руки свои на главу отца Иеронима, великий Авва сказал: «Вот ему оставляю вас, ему и передаю все». И велел всем подходить к себе для последнего целования и на благословение к преемнику своему, новому общему духовнику Иерониму. Так отец Иероним по воле Божией был возведен на новое высокое служение рукой умирающего своего духовника и старца.

Не этого искал он, поспешая на Афон. Тяготился он некогда воспитанием двоих только учеников, смущался ответственностью за целое братство, а теперь ему предстояло спасти целый народ — русских афонцев. Но изменить ничего нельзя: старец умер и своею смертью запечатал благословение.

И потекли к нему все келиоты, сиромахи и насельники монастырей. Стал он для всех общим отцом, а Пантелеимонова обитель — общим для всех домом. Многие из пришедших келиотов, видя благообразное, благочинное и простое общежительное житие монастыря, оставались тут навсегда, добровольно продав себя в рабство послушания и возложив на выю свою благой ярем Христов.

Во время вступления отца Иеронима на должность духовника в 1840 году в Свято-Пантелеимоновом монастыре русских было только 11 человек. Но в течение

достаточно непродолжительного времени вокруг него собралось внушительное по своему числу русское братство. К концу 1841 года оно уже не вмещалось в свой маленький параклис в честь святителя Митрофана. В 1846 году русских монахов было уже более 20. К 1850 году их численность достигла 80-ти человек, а через 11 лет, т. е. в 1861 году — 200. Через 35 лет после перехода отца Иеронима в русский монастырь, в 1875 году, число их возрастет до тысячи, что говорит о высокодуховной благодатной атмосфере, созданной трудами отца Иеронима, на котором явно почивала печать богоизбранности.

В своей хозяйственной деятельности отец Иероним прежде всего взялся за удовлетворение первоочередной насущной потребности умножившегося братства — за созидание новых храмов и улучшение уже существующих. Так, в 1845 году был перестроен монастырский кириакон — собор св. великомученика и целителя Пантелеимона. Были возведены новые храмы: в 1846 году — Митрофаньевский, в 1850-м — Покровский.

Хозяйственная и строительная деятельность требовала немалых средств, взять которых было негде. Кроме того, положение осложнял огромный долг, висевший на обители со старых времен и не дававший возможности помышлять о ее скором развитии. Но это не остановило отца Иеронима. Не имея ничего, кроме удостоверения духовника отца Арсения, что есть на то Божья воля, новый духовник, тем не менее, начинает ремонт старых зданий и строительство новых. Отец Иероним не постыдился напомнить об обители родному Отечеству и протянуть руку с просьбой о подачи милостыни монастырю. Но первая попытка, сделанная в 1841 году, оказалась неудачной. Россия словно забыла о древней своей обители на Афоне, о своей лампаде, горящей на Святой Горе. Однако создавшееся впечатление, что помощи не будет, было кажущимся.

Отец Иероним сам рассылал воззвания, в которых рассказывал о Святой Горе, о русском монастыре, о значении его для православной России и о бедственном его положении. Он верил, что сердце русское не может не откликнуться и оставить обитель без помощи. Старец был твердо уверен: святой великомученик и целитель Пантелеимон печется о своем монастыре, и сам все устроит. Его вера не оказалась посрамленной.

В 1844 году из Петербурга был получен дар — сребропозлащенная риза на чтимую в обители икону святого великомученика и целителя Пантелеимона. А в следующем, 1845 году случилось событие, ставшее значительной вехой в истории обители: Святую Гору и русский монастырь посетил Великий Князь Константин Николаевич. Это посещение считается значимым не только потому, что возвысило авторитет монастыря среди греков, а потому еще, что обратило внимание наших соотечественников в России на обитель. Императорский Дом проявил самое живое участие к судьбе русской братии на Афоне. Высочайшее внимание способствовало

возобновлению регулярного паломничества и милостыни из России. Обитель приобрела благотворителей из числа представителей разных сословий из всех концов родного Отечества. На милостыню, поданную ими, удалось начать выплату старых долгов, построить Покровский собор с корпусом братских келий и даже приступить к издательской деятельности.

Отец Иероним высоко ценил даже самое малое пожертвование и горячо благодарил за каждое доброе дело. Эта благодарность и искренняя признательность, а также ощутимая молитвенная поддержка располагали многих продолжать помощь русскому монастырю, так что она никогда не оскудевала и служила, по словам самого старца, основной помощью при построении зданий и благоустройстве монастыря.

Благодарность за пожертвования и совершение молитвенной памяти о благодетелях старец Иероним заповедал своим преемникам и братии блюсти как зеницу ока и в своем завещании повелел хранить эту традицию и исполнять ее как священную и величайшую обязанность.

Как мы уже говорили, увеличение числа русской братии монастыря привело к мысли о необходимости постройки еще одной новой, просторной церкви, а также к строительству келейного корпуса. Но не только попечение о земном занимало тогда ум отца Иеронима, мысль его была устремлена выше. Он возжелал построить не просто новый храм, но символ благоволения Божией Матери к русской обители и русским инокам, памятник Пречистому Ея Имени от лица благодарных насельников монастыря. От самого сердца великого старца родилось наименование будущего храма — Покровский собор.

Места для возведения достаточно большого собора внутри монастыря решительно не было никакого. Напомним, что при вселении русских в обитель во главе с отцом Павлом игумен Герасим предоставил им для жительства северо-западный, так называемый ктиторский (ныне — Игуменский или Архангельский) корпус с параклисом в честь святых бессребреников Космы и Дамиана, который сразу был переименован в честь святителя Митрофана Воронежского. От капитальной восточной стены корпуса брала свое начало высокая, длинная, соответствующая длине всего тогдашнего монастыря крепостная стена с небольшими бойницами, которая упиралась в высокий монастырский зубчатый пирг, или сторожевую башню, с которой учиненным братом досматривалась окрестность обители. Ввиду отсутствия какого бы то ни было места для корпуса и храма отец Иероним принимает грандиозное решение: нарастить корпус вокруг крепостной стены, а храм возвести поверх его. На вершине монастырского пирга, в котором не было уже необходимости (он утратил свое назначение), предлагалось устроить параклис в честь Вознесения Господня, в память о некогда существовавшем здесь Вознесенском монастырьке, являвшемся скитом Нагорного Руссика. Предложив эту идею отцу игумену и Духовному Собору, отец Ие-

роним получил на ее воплощение полное их согласие и благословение. Тут же он решительно приступил к строительству, средств на которое не было, полагаясь целиком на Промысел Божий, благоволение Божией Матери и помощь великомученика и целителя Пантелеимона в этом богоугодном деле.

Строительство началось в 1850 году и осуществлялось главным образом на пожертвования простых русских людей. Свои лепты внесли и представители купеческого звания.

В 1851 году в монастырь поступил Михаил Сушкин, будущий отец Макарий, который расположил своих родителей к посильной помощи в создании храма-памятника.

Покровский собор стал символом возрождения русского иночества на Святой Горе, казалось бы безнадежно погибшего. Доминирующий над всем комплексом монастырских строений по внешним архитектурным признакам, по интерьеру и по самому наименованию русский, величественный Покровский собор на века запечатлел русскость Пантелеимоновой обители, некогда казавшейся навсегда утраченной для нашей братии.

Относительно нового корпуса, являвшегося основанием для Покровского собора, следует заметить, что, несмотря на огромные размеры, его оказалось недостаточно по причине продолжающегося увеличения численности братии. Напомним, что к шестидесятым годам русских монахов будет уже двести, а вместе с греками — четыреста человек, а еще через пятнадцать лет — почти тысяча. Ввиду этого в шестидесятых годах на пожертвования купцов Сушкиных и милостыню, собранную отцом Арсением (Мининым), по предложению отца Иеронима будет разобрана восточная глухая крепостная стена, соединяющая перпендикуляром бывший монастырский пирг с Предтеченской башней в греческом корпусе, и на расчищенной новой территории, ранее бывшей за пределами монастыря, возведены новые большие корпуса, так что монастырь в результате этих работ увеличится более чем в два раза.

Возведение Покровского собора стало эпохальным и кульминационным событием в истории возрождения русской обители. Этим строительством завершился период становления и начался славный ее расцвет, связанный с деятельностью великих старцев и с особым покровительством, благоволением и попечением о ней Божией Матери, милости и чуда. Которой неисчислимо были явлены над обителью и этим храмом²⁴. Поэтому его вполне и без всякого сомнения можно именовать великой чудотворной церковью русской обители. Можно с уверенностью сказать, что именно с возведением этого собора исполнились пророческие слова старца Арсения, сказанные отцу Иерониму: «Иди, чадо, с миром! И мать тамо нечто дивное быти!»

²⁴ Перечень многочисленных чудес, происходивших в этом храме, будет представлен в одном из томов данной серии.

Видимое благоволение Божией Матери к постройке выразилось в чудесном даровании Ею чудотворной иконы, именуемой «Иерусалимской», присланной в монастырь в самый разгар строительных работ. Икона эта стала как бы символом видимого присутствия Самой Пречистой Владычицы, благословившей строительство и наблюдающей за ним. По завершении строительства икона будет с честью помещена над царскими вратами алтаря на особой спускной ленте и станет одной из главных монастырских святынь.

Увеличение числа братьев, открытие регулярного паломничества, расширение хозяйственной деятельности — все это требовало огромных сил, постоянного личного участия старца и доставляло ему множество хлопот. Жизнь в обители, по сравнению с тем временем, когда он только вошел в монастырь, сильно изменилась. Забота о ее нуждах, попечения, связанные со строительством, общение с паломниками, исповедь все меньше оставляли времени для того, чтобы уединиться, удалиться в какую-нибудь келлию, как делал он это прежде. Он все чаще задавал себе один и тот же вопрос: «Иероним, разве для того ты пришел на Афон, чтобы проводить дни свои в молве и суете?»

Чувствуя себя в смущенном и стесненном состоянии духа, он прибег к лучшему лекарству — молитве, просил Господа вразумить его. И Господь не заставил долго ждать, открыл ему, что нужно искать безмолвия не внешнего, но внутреннего и заботиться не о своей пользе, но о пользе желающих пользоваться от него.

Закончился этап трудничества, начинался этап духовного сыновства или усыновления Богом. Верный в малом получил в наследие великое. И это великое отныне было не чуждым ему, но своим. А удостоверение в этом давала благодать. Обретши Бога Собеседником внутри себя, он не нуждался более в уединении, где раньше обычно искал Его.

«Сынъ мой еси ты, азъ днесь роди́хъ тя» (Пс. 2, 7), — слышит каждая душа, усыновленная Богом. Всякий же сын и наследник знает верно, что все, принадлежащее Отцу, принадлежит теперь и ему, а потому не жалеет средств и сил, всецело жертвуя собой, для спасения и пользы многих.

«Мысль моя не о земном покое», — напишет он, торжествуя победу над самим собой, своим прежним устроением. Вот и другие его слова: «Святые отцы заповедали нам подражать Господу нашему Иисусу Христу, заповедавшему нам творить так же, как и Он творил. А Он сказал: *«...болши сея любви никтоже имать, да кто дѹшу свою положитъ за други своя»* (Ин. 15, 13). «Так и мы, — напишет старец далее, — когда будем постоянно помнить, что собственное наше спасение и усовершенствование души нашей находится в искании пользы для других, а не для самих себя, т. е. жить для пользы других, тогда от свидетельства доброй совести часто будем чувствовать разные духовные удовольствия или утешения в самих себе. А что другие говорят, будто бы в должности

настоятельской находящийся человек не получает таких высоких даров от Бога, как свободный получает, то этому не должно верить. Священное Писание нам показало, что начальствующим ниспосылаются от Него особые великие дарования. Разумеется, Бог дает им эти дарования, если они живут по совести. Поэтому и нам, принявшим от Бога настоятельскую должность, не должно предаваться безвыходной печали по причине трудности исправления ее и своих собственных немощей, но во всем предаваться Тому, Который сказал, что *«...Яко безъ мене не можете творити ничесѡже»* (Ин. 15, 5)».

Открытие, сделанное им с помощью благодати, он пытался передать другим, чтобы сделать подвиг совместного жития осмысленным и сохранить его незыблемым до скончания века. Ибо сохранение его есть единственный залог существования обители.

Самопожертвование — душа общежития. Самопожертвование — движущая сила послушания. Знамя же, под которым оно выступает, — это любовь. Ради любви к другим жертвовать собственным и даже самим собой. Только одушевленное такой душой монашеское общежитие может выжить в жестоком мире индивидуализма и горделивой самости, выполнить свое назначение — свидетельствовать о любви! Не свое, а общее, не своя польза только, но общая польза для всего братства как единого духовно-телесного организма — вот мысли, которые должны воодушевлять всякую деятельность послушника, живущего в общежительном монастыре. Так, с помощью этого открытия отец Иероним пытался перенести свой личный благодатный опыт в практическую жизнь монастыря. Забота об этом станет для него отныне основным делом до самой кончины. Как сохранить общежитие? Только жертвуя собственным ради общего, самим собою — ради всех!

Наладив стройную монашескую жизнь в лучших традициях общежития, приведя монастырь в цветущее и блестящее состояние, освободив его от долгов и расширив вдвое, отец Иероним, уже престарелый, немощный плотью, изможденный болезнями, но неутомимо бодрый и горящий духом, обращает свое внимание на территории, принадлежащие монастырю. С учеником своим и другом, сотаинником отцом Макарием, по благословию и искреннему сочувствию игумена Герасима, начинает он собирать земли, утраченные в период крайнего упадка, возвращать и восстанавливать келлии и скиты, находящиеся на них, а также возводить новые.

Собирая и осваивая утраченные некогда земли, возобновляя старые, полуразрушенные келлии, старец не просто заботился о восстановлении хозяйства, но был воодушевлен более высокой идеей. По его плану все иноки, живущие в келлиях и скитах, принадлежащих обители, должны были представлять из себя одну сплоченную духовную семью. Монастырь он представлял себе как единый организм, имеющий стройную единодушную структуру, свободно, а не принужденно подчиненную игумену и воодушевленную общей целью. Так же и восстанавливаемые келлии и скиты

он видел входящими в эту единую структуру, безусловно подконтрольную и подчиненную монастырю. Свой замысел отец Иероним воплотил в жизнь и передал таковое устройство обители своим преемникам как принципиально важное и необходимое условие для существования здоровой духовной атмосферы в монастыре.

И действительно, после него ни один из скитов, ни одна из келлий, принадлежащих Руссику, в отличие от общепринятой на Афоне практики, не сдавались по договору (омологии) в аренду пользователю, но всегда оставались неотъемлемой частью или единицей общемонастырской структуры, каждая имела свое функциональное значение. Сами «пользователи» должны были быть не сторонними, но обязательно членами братства.

Такое положение было закреплено юридически: в официальных документах все скиты и келлии значатся как метохи и кафизмы*, не имеющие статуса юридического лица и лишь номинально именующиеся скитами и келлиями.

Внимание старца Иеронима прежде всего было обращено на место древней русской обители. Старый Нагорный Руссик около восьмидесяти лет назад был оставлен всеми на разорение стихиям. От величественного соборного Пантелеимоновского храма, расписанного некогда великим Панселином*, не осталось и следа. Храм Успения, стоящий рядом, готов был вот-вот обрушиться. Еще раньше стены и корпуса с башнями и храмами рассыпались в прах. И только пирг* с Предтеченской церковью, словно вековой исполинский памятник, возвышался над этими останками.

Работы начались с реставрации указанного пирга, еще подлежащего ремонту. Ведь именно здесь принял постриг святитель Савва Сербский! Впоследствии Предтеченский храм будет переименован в его честь. Ниже будут устроены еще два параклиса. А к Саввиной башне — пристроен новый братский корпус, который вскоре будет заселен братьями. Молитва вновь зазвучит в этом священном месте. 3 июня 1871 года здесь будет совершена первая после многих лет запустения и забвения Литургия.

Были возобновлены также древние келлии: три Георгиевских, Благовещенская, Трехсвятительская, Иоанно-Предтеченская, переименованная в Евфимиевскую, Живоносного Источника, святого великомученика Димитрия Солунского, архидиакона Стефана, святителя Григория Неокесарийского. Кроме этого, устроены новые келлии: Почаевская, Космодемьянская, Троицкая и преподобных отцов Печерских. Каждая из перечисленных келлий несла на себе по отношению к монастырю определенную хозяйственную функцию. В старом Руссике находились монастырские огороды; в Благовещенской келлии — виноградник и пасека; в Дмитриевской — оливковые и фруктовые сады; в Троицкой и Печерской — оливковые рощи; в скиту Крумица — виноградники и т. д.

По замыслу отца Иеронима, воплощенному в реальность, все эти вышеперечисленные номинальные скиты и келлии, будучи звеньями единой структуры, представляли собой места для временного упражнения в аскетических подвигах или постоянного подвижнического жития братии монастыря. Но отправлялись монахи туда не иначе, как по благословению игумена и духовника. Живущая в келлиях в безмолвии и молитве братия должна была заниматься полезным для всего братства трудом и тем самым приносить двойную пользу обители: и духовную — молитвой, и материальную — физическим трудом.

Келлия пустытника, по мнению отца Иеронима, — это не «град прибежища», где может найти себе место своевольный преслушник, не вписавшийся в строгие правила душеспасительного монастырского режима — для таких келлия станет рвом погибельным. «Градом спасения» на самом деле является смирение, покаяние и послушание. Келлия же есть столп, на который восходят только призванные Богом молитвенники и подвижники. Некоторые из них сподобляются этого призвания сразу — даром, будучи предузнаны Богом. Другие — преуспев предварительно в общежитии, в общем для всех спасающихся подвиге отвержения самолюбия, эгоцентризма и праздности, распяв себя на кресте послушания и жертвенной любви ко всем. Только такие подвижники, обретшие через любовь к ближнему высшую любовь к Богу, способны вместить высокое уединенное житие.

Поистине такая чудная духовная организация превратила Руссик с подчиненными ему келлиями в единую, сплоченную гармоничную духовную семью, воодушевленную общими целями и задачами под руководством и воспитанием одного духовного отца. Таким образом, общежительный принцип внутреннего монастырского устройства был перенесен и на внешние отношения, что явило замечательный результат. Тем самым Руссиком был внесен новый и весьма весомый вклад в развитие афонского общежития в принципе. Благодаря такой организации отцу Иерониму удалось практически преодолеть кажущееся, особенно для русского сознания, противоречие между общежительным и отшельническим образом жизни.

В то время как многие были склонны противопоставлять эти способы жития друг другу, отец Иероним считал их двумя взаимодополняющими средствами спасения души. По его мнению, каждая душа требует индивидуального подхода в деле спасения и у каждой свой путь ко Господу. Если одному требуется отсечение своей воли в строгой общежительной общине, то другому — безмолвие и отсечение естественного желания общения. Некоторым, в зависимости от степени духовного возрастания, необходимо и то и другое. Как больные нуждаются в разных лекарствах по виду их болезней, так и спасающиеся души нуждаются в разных методах исцеления. При этом как больной не решает сам, каким лекарством лучше ему лечиться, так и подвижник не должен определять форму своего подвижничества. Это должен делать исключи-

тельно его духовный отец, который творчески подходит к делу спасения вверенной ему души и принимает решения по отношению к ней в соответствии с волей Божией и персональными нуждами этой души.

Целенаправленным воздействием на конкретную душу духовник не только может учесть все нужды этой души, но и получает возможность глубокого доверительного общения с ней. Душа, видя отцовскую заботу духовника, сама привязывается к нему сыновней любовью. Только такие доверительные отношения между духовником и подвижником являются гарантией совершения воли Божией.

Отец Иероним очень творчески и свободно приступал к делу спасения душ своих чад. Будучи убежденным сторонником общежития, он тем не менее без оглядки на эту общую для всех норму благословлял нуждающимся в этом жить на келлиях обители, вести отшельнический образ жизни. Делал он это только в том случае, когда имел верное удостоверение о совершении воли Божией. Для уединенного жития он и строил много новых келлий вокруг монастыря.

Для тех, кто был способен вместить еще более строгое житие, а также для пустыльников, хотевших найти себе пристанище или угол близ русской обители, он предоставил крутой скалистый утес под вершиной горы, возвышающейся над монастырем, где находилось множество пещер естественного происхождения. Поселялись туда с обязательным выполнением следующих условий: пустытники эти неотложно должны были бывать у братии в обители столько раз и не реже установленного духовником срока; являться к нему для исповеди и откровения помыслов и причащения Святых Христовых Таин. Некоторые из этих подвижников будут упомянуты в нашей книге. Вскоре скалистая сия пустыня, некогда пристанище змей и скорпионов, по желанию отца Иеронима, исполняющего волю Божию, превратилась в страну подвига и непрестанной молитвы за обитель, за всю Святую Гору и за весь мир. Поистине скалу сию вполне можно назвать русской Карулей.

Таким образом, леса, дубравы и расщелины в окрестностях обители наполнились заповедными местами, связанными между собой и с монастырем цепочками брусчатых троп и дорожек. Эти столпы своей пламенной молитвою достигали неба и восполняли недостаток оной в братстве по причине неизбежных, хотя и допустимых общений и попечений.

В качестве общего русского духовника на Афоне, обязанности которого он принял от рук почившего великого старца Арсения, отец Иероним никогда не забывал и не оставлял пустынных чад своих, но всячески старался облегчить их нелегкое житие.

Об отношении отца Иеронима к пустынножителям и вообще отшельническому образу жизни хорошо свидетельствуют слова отца Денасия (Юшкова): «Начало обильного

раздавания милостыни деньгами, провизией, одеждой, обувью и прочими многообразными предметами положено, блаженной памяти, любвеобильным и милостивым духовником монастыря иеросхимонахом Иеронимом. Покойный «батюшка», как его все называли, в первые годы жительствова в монастыре сам путешествовал по горе для раздачи милостыни и всего необходимого своим «духовным друзьям», как он выражался, иногда разыскивая их по самым непроходимым местам, так как до призвания в монастырь он сам жительствова в пустыньке и хорошо знал тогдашнего времени замечательных подвижников.

В то время (после 1840 года) на Афоне русских иноков были единицы. Впоследствии при умножившемся русском братстве, по множеству занятий и при ослаблении здоровья, он ограничивался тем, что, бывало, выйдет в воскресный день после трапезы из своей келейки в коридор, сядет на простой деревянный диван и начнет раздавать всякому по нужде, а нередко и более. Бывало, тут так тесно окружают его со всех сторон, что нет возможности пройти ни лестницей, ни коридором. Разгонять же эту бедноту у него, конечно, и в помысле не бывало. Тем же из многочисленных пустынников, которые по любви к строгому безмолвию, или по дряхлой старости, или же по болезням и другим каким-либо причинам не могли лично или часто бывать в монастыре, отец Иероним посылал милостыню с нарочным из своих монахов или с их учениками, если таковые имелись и присылались»²⁵.

Пустынники ради безмолвия ушли в уединенные келлии, но ради содержания себя они были вынуждены вдаваться в суетные попечения, разоряющие плоды безмолвия. Часто за неимением средств они были изгоняемы из своих келлий и убогих калив. Но посмотрим, что придумал этот практический богослов любви, чтобы обеспечить своим чадам безбедное и беспопечительное исполнение ими своей цели и обязанностей.

На земле метоха-скита Крумицы, на границе с Хилендарской обителью, высоко над морем, по его благословию был основан пустынный скит «Новая Фиваида», русский эквивалент греческих скитов близ вершины. Устроен он был старцем для бедных келлиотов и сиромасов. За короткий срок тут собралось до двухсот пятидесяти иноков, живущих в отдельных каливах, разбросанных на большом пространстве и содержащихся за счет монастыря. Обителью был выстроен им соборный храм всех афонских святых, больница и некоторые необходимые здания. От монастыря и его метохов по благословию старцев доставлялось им все необходимое продовольствие. Но это не самое главное. Важнее то, что, собрав и организовав их всех вместе, старцы ввели среди них и общий устав, обеспечивающий и юридическую, и нравственную дисциплину.

Таким образом, складывалась и создавалась духовная монашеская семья, сплоченная вокруг древней русской обители святого великомученика Пантелеимона, рас-

²⁵ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник. М., 1898. С. 91.

простершей, словно мать, духовные объятия свои и собравшей под омофором Божией Матери всех русских иноков на Афоне. Но семья эта была бы неполной без двух Русских скитов — Ильинского и Андреевского. Напомним, что оба эти скита были основаны в тот печально известный период, когда Руссик казался навсегда утраченным для русской братии. Действительно, не было никаких человеческих средств исправить положение, кроме как со смирением и терпением положиться на Промысел Божий, целиком доверившись ему. Правильность именно этой позиции показал дальнейший ход истории: отнюдь не человеческая рука, а детоводящая десница Промысла Божия чудесным образом возвратила русским инокам их древнее достояние.

Эти три русских обители были родственны не только и не столько по национальному признаку, но и по духовному родству, так или иначе, в большей или меньшей степени будучи связаны с общим для всех русских на Афоне корнем — великим старцем Арсением, авторитет которого признавали как андреевцы, так и ильинцы. Приняв смиренно выбор старца Арсения, они объединились вокруг отца Иеронима и его преемника отца Макария, которого вскоре назовут игуменом всех русских святогорцев, в единую семью под его духовным руководством как русского духовника на Афоне.

Мир и добрые взаимоотношения были восстановлены, нестроения и неприятие остались позади, лучшим свидетельством чего явилась совместная сплоченная деятельность всех трех русских обителей. Собравшись вместе, они выкупили участок земли в Галате, предместье Константинополя, для устройства там своих подворий, которые должны были стать ядром своеобразного русского квартала, где паломники из России, проезжающие через Константинополь к святыням Востока, могли бы чувствовать себя в относительной безопасности, почти как дома. Со временем один из настоятелей Ильинского скита так скажет о союзе трех русских обителей на Афоне: «Мы, как Троица, на Афоне, неразлучны и нераздельны»²⁶.

Отец Иероним прекрасно понимал всю зыбкость статуса русских скитов, не имеющих, по афонским законам, абсолютных прав на свою землю. Из всех русских обителей только Пантелеимонов монастырь обладал всею полнотою этих юридических прав в качестве владетельного монастыря. Остальные же скиты имели относительные права и являлись русскими только номинально. Земли же, на которых они стояли, принадлежали греческим кириархальным монастырям. В тогдашней сложившейся ситуации виделось только два выхода: либо приобрести земли, на которых располагались скиты, в пользу Руссика как полноправного владетельного монастыря, что было сделано в свое время с землею скита Ксилургу, древнейшей русской обители на Афоне, либо добиваться для скитов такого же владетельного статуса, который имели монастыри. Эти планы отец Иероним пытался осуществить с помощью своего верно-

²⁶ АРПМА. Док. № 3898.

го послушника отца Нафанаила (Кобелева), антипросопа обители в Карее, и русского посла в Константинополе графа Игнатьева. Существовал также проект покупки для Ильинского скита запустевшего монастыря Ставроникита.

Итак, мы видим, что отец Иероним верен своей идее создания сплоченной русской монашеской семьи на Афоне под эгидой Пантелеимонова монастыря. Замечательна форма, в которую выкристаллизовалась эта идея. Фактически Руссиком предлагался новый вид взаимоотношений между монастырем и подчиненными ему скитами и келлиями. Русский монастырь по отношению к другим русским обителям и келлиям выступает не как кириархальный, т. е. господствующий или владетельный монастырь, но как обитель — мать, несущая ответственность и попечение о дочерних обителях. Руссик представлял их интересы в административных органах Святой Горы и перед внешними мирскими институтами, координировал их совместные действия, распределял средства, необходимые для их существования.

Как это ни покажется странным, но именно русская обитель, стремительно развивающаяся и объединяющая все вокруг себя, по мнению наблюдателей, симпатизирующих ей, и даже открытых недоброжелателей, в конце XIX века воплощала в себе самую идею общежительного монашества на Афоне. В то время как греческие монастыри еще не вполне оправились от засилья пагубного для монастырской организации идиоритма, распространившегося на Афоне повсеместно еще в начале XVIII века. Сплоченная русская иноческая община в кругу разобщенных греческих монастырей, занятых удовлетворением лишь собственных интересов, приобрела огромное уважение, вес и влияние в монашеской среде на Афоне. Осознавая это значение и пользуясь им, русский монастырь становится одним из главных и деятельных защитников и проповедников общежительных принципов на Афоне. В качестве примера того значения и уважения, которые приобрел Руссик, можно привести факт избрания греческими монастырями Агио-Павла и Ксенофонт себе в игумены насельников, хотя и греков по национальности, но происходивших из русской обители, в которой процветало образцовое общежитие. Сделано это было по причине отсутствия достойных и сведущих кандидатов в собственной среде, способных поддержать и сохранить киновию.

Начинания отца Иеронима, направленные к объединению всего русского Афона, были очень своевременными. Они явились ответом на те мучительные вопросы, которые в далеком Отечестве задавала себе общественная, правительственная и церковная мысль, вдруг неожиданно для себя столкнувшаяся с существованием для многих уже непонятной, живой и активной монашеской цивилизации в самом центре просвещенной Европы и пытавшаяся определить свое отношение к ней.

В России спрашивали себя: «Насколько велика нравственная польза почитания Афона для России? Насколько Афон полезен и нужен ей в государственном, культур-

ном и религиозном отношении? Стоит ли поддерживать стремления представителей русского народа оставаться монашествовать на Святой Горе? Жертвовать ли милостыню в находящиеся там монастыри?» На все эти вопросы позиция старца и его деяния дали авторитетный ответ: Афон — свет мира и соль земли. Русское монашество на Святой Горе — это сплоченная, единомышленная сила, устремленная в молитве к Богу и умилюющая Его об Отечестве! Эта сила именно сплоченная, а не разрозненная. Это русская лампада или свеча, поставленная за Отчизну на свечнике Святой Горы. Это посольство или представительство Русской земли пред лицом Богоматери, призванное передать Ей в дар все то лучшее, на что способна русская душа!

И лучшие представители российской общественности, дипломатической службы, правительственных кругов и священноначалие Церкви не могли не услышать этой деятельной старческой проповеди в защиту вверенной ему паствы, а потому и свидетельствовали своим современникам, что русское монашество на Афоне — это действительно образец прекрасных церковных порядков, истинно церковного русского православного духа и идеального способа организации общежития. Что русский монастырь — это единственный на Востоке клин русского присутствия, вбитый основательно и надежно, о подобном которому в Иерусалиме можно только мечтать.

Отношение правительства и церковного священноначалия к постриженникам Святой Горы, ранее воспринимавших последних как диссидентов, которые своевольно оставили Отечество, и потому не признававших монашеских и иерархических посвящений, совершенных на Святой Горе, благодаря деятельности старцев Иеронима и Макария изменилось теперь кардинальным образом. Объединяющая роль Пантелеимоновой обители на Афоне была правильно понята, признана и высоко оценена. Обители была дарована высочайшая милость и покровительство, а русское монашество на Афоне, ею собранное и руководимое, получило официальное признание в правительственных и церковных кругах.

Одной из главных заслуг отца Иеронима, бесспорно, можно считать миротворческую миссию в известном греко-русском споре. Причиной тогдашнего греко-русского противостояния большинство исследователей, к сожалению, считают националистические настроения греческих насельников обители, что далеко не так. Да и сам отец Иероним так не считал. Наоборот, он прекрасно понимал главную причину недовольства греков и принимал все необходимые усилия для сбалансирования их настроений и интересов с интересами возрождающейся русской обители.

Националистическую окраску греко-русский спор принял на самом пике его развития, когда в него включились почти все монахи греческого происхождения — и старцы, и новоначальные, — а также внешние силы: журналисты, политики, — что способствовало преобладанию недуховных аргументов в их споре с русскими. Национальный во-



прос был последней надеждой духовно невежественной части греческой братии в деле привлечения на свою сторону греческого духовенства и интеллигенции. А глубинной основой спора являлась исключительно духовная причина — разное отношение греков и русских к афонскому монашескому образу жизни. Греки были сторонниками более закрытого, максимально изолированного от мира образа жизни, а русские насельники, наоборот, были вынуждены открыто отвечать громадному интересу со стороны России, и им порой трудно было удержать этот процесс в приемлемых рамках.

Летом 1857 года на Святую Гору, к пристани русского монастыря пристал первый в истории пароход из России, на котором прибыли некоторые знаменитые особы. Промыслом Божиим устроилось так, что на этом же пароходе вернулся в монастырь схимонах Евфимий (Деев)²⁷, который привез с собой драгоценное благословение русской обители Матери Божией: икону Ея Успения, точную копию Печерского ея подлинника, со вставленными в нее частицами мощей некоторых преподобных Печерских. Ико-

²⁷ Схимонах Евфимий (Деев), уроженец России. Пострижен в мантию в обители с именем Ириной. Был сборщиком пожертвований для обители в Санкт-Петербурге. Много способствовал монастырю, впоследствии был пострижен в схиму. Восстановил старую келлию св. Иоанна Предтечи около монастыря (впоследствии Евфимиевская келлия). В 1847–60 годах ездил для сбора пожертвований. Писал письма духовнику Иерониму из России во время сбора пожертвований (см. АРПМА. Док. № 1225). Преставился 8 сентября 1865 года.

на эта была прославлена Богом некоторыми чудесами и знаменами. Прибывшие в монастырь пароходом лица пожелали лично видеть духовника обители отца Иеронима, который в это время был вне ея, безмолвствуя на келлии преподобных Печерских*. По причине крайне болезненного состояния отец Иероним не мог сойти в монастырь, но по настоятельному требованию господ, нуждавшихся в личных объяснениях, а также по просьбе некоторых старших братий уступил и поехал в обитель на муле. Дорогой состояние его ухудшилось до крайности, так что по прибытии в монастырь для всех стало очевидно, что духовник при смерти. Отец Иероним попросил Причастия, а затем позвал отца игумена и всю братию и со всеми простился, не надеясь жить.

Среди прочих вошел к нему для прощания и отец Евфимий, приехавший тем же пароходом, о прибытии которого духовник не знал. В руках он нес драгоценное сокровище, чтобы показать умирающему свое бесценное духовное приобретение для обители, или, лучше сказать, благословение Самой Божией Матери. Увидев отца Евфимия, просящего у него благословения и протягивающего чудотворную икону, отец Иероним взял образ в руки, произнес ангельское приветствие, поцеловал его и в это самое время почувствовал мгновенное облегчение. Мало-помалу при содействии доктора, с помощью Царицы Небесной болезнь, а вместе с нею и преждевременная смерть совсем отступили.

В совпадении всех этих событий отец Иероним увидел очевидный Промысел Божий. Господь десницей своей благословлял открытую связь с Отечеством. «Не бойся, — скажет он ободрительно после чудесного того исцеления отцу Макарию, — Промысел Божий собрал нас сюда, Он и попечется о нас. Стараться нужно поддерживать любовь между греками и русскими и те правила, каковые теперь у нас есть, и Бог нас не оставит»²⁸.

После описанного случая отец Иероним стал активно благословлять расширение всех возможных связей с Россией, вследствие чего в 1873 году в Москве была освящена часовня св. великомученика и целителя Пантелеимона. По его же благословению в Москве открылось подворье Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне.

Опасаясь возникновения недовольства такой активностью со стороны греческой части братства, отец Иероним призывал действовать осторожно и строго по воле Бога, но очевидно, что его ревностные сотрудники, выполняя его благословение, не смогли сохранить золотую середину между афонским консерватизмом и открытостью миру (в данном случае — к России). Опасения отца Иеронима подтвердились, и после открытия по разным городам нескольких подворий и учащения морского сообщения с Россией греки монастыря действительно возмутились, что привело к известному греко-русскому судебному процессу в 1874–1875 годах.

И опять мудрое вмешательство отца Иеронима привело этот процесс к его благополучному исходу. Здесь мы не имеем намерения проводить подробный анализ всего

²⁸ Душеполезный собеседник. М., 1898. С. 312.

происшедшего. Работа эта будет осуществлена в историческом томе серии. В настоящем жизнеописании мы коснемся этой темы лишь настолько, насколько она будет характеризовать рассматриваемую нами личность великого человека.

С самого начала конфликта отец Иероним понял, что главное острие конфликта направлено именно против единства братства, против общежительных устоев и старчества. Несмотря на всю укорененность этих традиций в монастыре, отец Иероним понимал, что страстный порыв если возобладает, то не пощадит их и неминуемо повлечет к широкой демократизации внутреннего управления. Поэтому он твердо встал на страже общежития вверенной его опеке паствы, отсекая все поползновения против него.

В самый разгар событий, в 1863 году, из Троице-Сергиевой Лавры в обитель прибыл ученый иеромонах, родом грек. Он был принят очень радушно как греками, так и русскими. Последние надеялись, что он, будучи греком и живя в самом сердце Святой Руси, в первой ее обители, проникнется несчастьем и поможет преодолеть искушение. Но старцы ошиблись: упомянутый высокий гость занял позицию противоположную, целиком поддерживая недовольных. Более того, если раньше греки были в целом недовольны русскими, то прибывший иеромонах обратил это недовольство на духовника отца Иеронима. Он начал весьма энергично действовать против него, всюду его понося и возбуждая всех против него, как главного, по его мнению, источника нестроений. Не удовлетвовавшись этим, иеромонах начал писать доносы и клеветы на старца в Священный Кинот и в патриархию, требуя во что бы то ни стало удалить его из обители и тем спасти положение.

Очень много скорбей пережил отец Иероним именно в этот период времени. Мужественно и безропотно претерпевал он все эти поношения, уповая на Бога и Царицу Небесную со святым великомучеником Пантелеимоном.

И вот однажды, явившись в Пантелеимоновский собор к богослужению и положив обычный поклонный зачал, упомянутый иеромонах начал прикладываться к иконам, проходя обычным установленным маршрутом. Первой иконой, к которой прикладываются все пришедшие в церковь, согласно этому маршруту, является Тихвинский образ Божией Матери, расположенный в притворе на юго-западном столпе. Прикладываясь по обычаю к этой иконе, иеромонах внезапно услышал строгий голос от образа Божией Матери: «Оставь свои замыслы против Иеронима, он в любви моей почивает!» Пораженный ужасом и стыдом, он со всеми своими замыслами в тот же час оставил церковь и ближайшим парходом покинул Афон.

Благоразумная твердость, с одной стороны, мудрое рассуждение, растворенное терпением — с другой, над всеми же сими — непоколебимое смиренное упование на

Вседержителя Всемогущего Бога, воскрисяемое молитвой, сделали свое дело и принесли долгожданный мир.

Несколько лет молилась братия о даровании их старцу верного и преданного помощника. В 1851 году на Святую Гору приехал тульский купец Михаил Иванович Сушкин. Промыслом Божиим чудесно устроилось пострижение молодого подвижника по причине смертной опасности в великую схиму. Также чудесным образом сразу же после пострижения устроилось и его исцеление. Чутко всматривавшийся во все события отец Иероним, желавший рассмотреть все стези Промысла Божия, увидел во всем происшедшем особое Божие благоволение и смотрение. Помолившись, он был извещен о том, чего хочет Бог. «Вот человек, которого мы просили у Господа», — скажет он.

В постриге купец Михаил Иванович получил имя Макарий. Новопостриженный схимонах с первых же дней стал ближайшим учеником отца Иеронима, которого он начал готовить к великому служению, не давая, между прочим, никакой пищи тщеславию, довольно сокрушая его укоризнами, посрамлениями и унижениями.

В 1853 году отец Макарий был рукоположен во иеродиакона, а 1856 году — во иеромонаха и сразу же назначен вторым духовником русской братии. Обязанности духовника по-прежнему исполнял сам отец Иероним, к которому братия шла для разрешения искушений, не имея пока еще доверия к новому старцу. Такое назначение было необходимо, для того чтобы возвысить будущего преемника в глазах всей братии, чтобы они видели высоту горизонта, на котором начертан путь его призвания. С этой же целью отец Иероним по временам отступал в сторону или даже вовсе удалялся из обители как бы в уединение, чтобы не затенять своим авторитетом робкую пока еще личность нового старца, скромного и непритязательного по природе, за действиями которого тем не менее следил пристально, поправляя его в случае необходимости. Таким образом, после пресвитерской хиротонии отец Макарий становится предстоятелем русского братства, пока еще номинальным, но влиятельным, с очевидной перспективой на самостоятельность в будущем.

Престарелый игумен Герасим, чувствуя скорую смерть свою, желал еще при жизни, как некогда сделал игумен Савва, передать жезл игуменства достойному преемнику. Выбор его пал на отца Макария без каких бы то ни было притязаний с русской стороны. Схиеродиакон Иларион, помощник отца Герасима по управлению греческой половиной братии, и благоразумные представители старшей братии из греков поддержали его решение. Так отец Макарий был провозглашен официальным преемником игумена отца Герасима, что было принято всем братством единогласно.

Об отце Макарии старец Иероним сам свидетельствует, что тот много утешал его своим благочестием. «Благодарю Господа, — писал он матери, схимонахине Евву-

ле, — что Он послал мне на помощь такого благодатного человека, который, если Бог благословит, по смерти моей останется над русскими братьями настоятелем».

«Опыт святых отцов, — замечал отец Иероним в другом письме, — необходимым показывает настоятелю иметь при себе верного друга — духовного советника, беспристрастного, рассудительного, а где этого нет, там и правление душами бывает бедственно».

Таким образом, по благословению отца Иеронима в обители сложилась добрая и стойкая традиция, явившаяся сильным сдерживающим фактором, сглаживающим остроту и тревогу, связанные с периодом междувластия, и умиротворяющим предвыборные страсти. И, что самое главное, эта традиция вводила Божественное начало в избирательный процесс и обеспечивала стабильное развитие обители.

То, что мы называем духовной преемственностью, можно выразить и другим, более привычным, святоотеческим словом — старчество. Передача духовного наследия учителем ученику, отцом — сыну и создание механизма подобной передачи на многие поколения вперед называются старчеством. Именно оно является гарантом неизблемости духовной традиции, заложенной некогда тем или иным первоначальником.

Как в Церкви Христовой наличие прямой апостольской преемственности является одним из главных условий каноничности иерархии и законности ее богослужбной и учительской деятельности, так и в институте монашества наличие старческой преемственности является одним из главных залогов и одновременно критериев правильности духовной жизни.

Отец Иероним по праву может именоваться основателем русского старчества на Афоне. Будучи учеником великого отца Арсения, он передал его наследие своим ученикам и позаботился о том, чтобы эта передача, или преемственность, не пресекалась, если возможно, до скончания века. Кроме прямого духовного преемника, отец Иероним неустанно трудился над воспитанием многих будущих старцев Руссика. Почти все действующие лица данной книги являются или его прямыми учениками, или наследниками его богатейшего духовного опыта.

Почти полвека трудился отец Иероним в качестве духовника. Жизнь его, видимо, близилась к концу. Однако он и не помышлял о покое. Весь остаток своих сил посвятил заботе о спасении собранного им с помощью Божией стада. Делал все, чтобы, насколько это возможно, сохранить неизблемым и нерушимым богоучрежденное, спасительное общежитие. Оно, если не является вполне и глубоко осознанным, несмотря на всю свою богоугодность, по причине непостоянства и неустойчивости человеческих нравов бывает весьма хрупким.

Хорошо зная об этом, отец Иероним старался глубоко запечатлеть в сознании всего настоящего и будущего братства с помощью как словесной, так и зрительной

вечную, непреходящую нравственную ценность этой идеальной формы для спасения монашеской организации.

Так, в 1882 году, в первый раз серьезно заболев и, видимо, ощутив себя приближившимся к порогу вечности, он решил обратиться к братии со словами последнего отеческого назидания в виде посмертного завещания. Оно по самому наименованию своему и значению носило образ заповеди или завета и потому имело для исполнения обязательный характер. Все завещание пронизано одной единственной мыслью, суть которой заключается в необходимости хранить богодарованное спасительное общежитие. Укажем на главные особенности этого драгоценного для братства и бессмертного на все времена документа.

Желая воодушевить братию, отец Иероним без всякого сомнения или стеснения свидетельствует, что в русском монастыре Божией милостью общежитие достигло своей идеальной формы. Он так и именуется: «чистое общежитие» — и подчеркивает, что дано оно свыше как великий дар от Бога. И поэтому, оставаясь теперь одни, без его непосредственной отеческой опеки, братия ответственны за сохранение его в таком же чистом виде. Предупреждая естественный вопрос о том, как же, каким образом хранить столь хрупкую организацию, отец Иероним призывает как зеницу ока беречь старчество, потому что только старческая преемственность гарантирует сохранение духовных традиций монастыря. Всякое же малое уклонение в сторону демократизации, несмотря на кажущиеся видимые преимущества, способствует умалению традиций и вытеснению их сиюминутными практическими выгодами или интересами тех или иных групп. Так или иначе, но демократизация управления неминуемо ведет к разделению единого общественного организма на сословия, группы, ячейки и прочее, что коренным образом противно духу общежития. «Паче всего, — пишет он, — храните старчество, ибо оно устроено примером Господа нашего Иисуса Христа, и без старчества совершенное общежитие не может быть, потому что многоначалие своими делениями на партии всегда расстраивает общежитие». Как без апостольской преемственности не может существовать истинная Церковь, так и без старческой преемственности не может существовать правильная духовная жизнь в монастыре.

Далее отец Иероним объясняет духовным своим детям, что именно и только в сохранении общежительного устава, чистого общежития, руководимого старцами, и заключается служение монастыря Богу, Церкви и миру. Только в этом случае оно является тем самым пример идеальной организации по образцу апостольских первохристианских общин, главная задача которых заключалась в исполнении заповеди любви.

«История показывает, — свидетельствует великий старец своим чадам, — что исполнение сего общежительного устава древними монастырями было полезно и

всей Православной Церкви, ибо таким образом они увеличивали славу Православия и поддерживали честь и хвалу монашества, обеспечивали тем долготное свое существование. Но против того видим, что те монастыри, которые оставили богоугодный чин общежития, все расстроились, унизили своеволием равноангельскую монашескую нравственность и тем уронили пред Церковью честь монашества, а многие из них и вовсе уничтожились.

Итак, история и очевидные примеры показывают нам опытный урок тот, что одно только средство находится к утверждению благоустроенного и прочного существования обители до скончания мира... Повторяю: это только одно есть благодатное средство, которое может прославить Бога и обитель и сохранить и спасти ее от всех страшных тревожений и конечного ее разрушения до конца мира. А одно обеспечение вещественное всегда бывало ложно. Потому и я, умирающий ваш духовный отец, вседушевно желающий обители нашей и впредь находиться в благоустроении истинного общежития, прошу и умоляю вас, отцы мои и братья, хранить богодарованный вам великий дар чистого общежития, не нарушать его ничем, но наипаче ревновать вообще поддерживать его всеми вашими силами, ибо в настоящее время чистое общежитие есть уже большая редкость...»

Интересна мысль старца, что ответственность за сохранение общежития лежит не на одном только вожде братства и его помощниках, но на каждом из живущих в монастыре, поскольку неблагочинием одного расстраивается сожителство многих, неблагообразие и непослушание одного вносит чуждый, вредоносный, разрушительный элемент в хрупкую структуру общежития, в жизнь многих, постепенно разрушая ее дурным примером.

В заключение отец Иероним призывает братию не слушать маловеров, расслабляющих строгость общежительного устава. «Много было, — говорит он, — таких же маловеров и расслабленных, ложных монахов во времена святых отцов, которые то же самое говорили и в те времена, но таких святые отцы советуют нам не называть даже и монахами и жилища их не называть монастырями».

Для вечного памятования своего предсмертного завета отец Иероним подарил братии знаменательный дар — икону Святой Живоначальной Троицы, некогда подаренную ему самому братством. На оборотной стороне этой иконы собственной рукой отца Иеронима было написано: «Сим образом Пресвятой Троицы я, недостойный старец, иеросхимонах Иероним, заболевший и приблизившийся к кончине моей жизни, благословил богоизбранное мое общество, духовных моих отцов, братьев и о Господе чад — преподобного старца священноархимандрита Макария со всеми его сослужителями, собратиями и духовными чадами — в вечное значение и незабвенную память старческого моего предсмертного, последнего единственного желания и прошения,

написанного в моем духовном завещании о соблюдении чистоты общежития со удержанием общежительного старчества по святым правилам древних святых отцов».

По молитвам отца Макария и всего братства, горячо и искренне любящего своего духовника, Господь сохранил тогда его жизнь и даровал ему еще три весьма болезненных и претрудных года. Вероятно, это нужно было для пользы самого братства.

Зная, как немощен человек, как не утвержден он в добром устройении и как удобо-преклонен к расслаблению и последующему за ним злу, помня по слову псалмопевца, что всяк человек — ложь в силу общего всем непостоянства, отец Иероним обратил последние свои силы на умиловление Бога о своей пастве. Горячо, со слезами, почти непрестанно молился он о своей обители. Своему ученику-сотаиннику отцу Макарию он поведал свое сокровенное желание, чтобы Господь сохранил ее общежитие до Второго Своего пришествия и дал бы уразуметь последующим родам, как сохранить обитель целой и не поврежденной от тех искушений, которые разоряют общежитие.

Великий Пастыреначальник Христос, и Сам молившийся об учениках Своих перед разлучением с ними, принял труд старца и по мере скорби и сердечного болезнования его даровал ему утешение. Даровал без меры, ибо не мерою Господь дает Духа Святаго.

Как рассказывал сам отец Иероним отцу Макарию, в течение нескольких дней подряд он был утешаем премногими откровениями неизреченных таинств, которых и описать не мог. На вопрос отца Макария, получил ли он какое извещение о приятии своих молитв об обители, отец Иероним ответил: «Я не смел этого вопрошать, мое дело — просить, ибо давая молитву молящемуся дал и моему недостойнству сию молитву — молиться о любезном мне общежитии и братстве». Однако нам доподлинно известно из творений святых отцов, что если Господь дает молитву о ком-то, то, следовательно, хочет его и помиловать.

Последние три года своей жизни отец Иероним сильно болел. Богослужения для него совершали в параклисе преподобного Сергия Радонежского близ его келлии, где он и причащался Святых Христовых Таин весьма часто. В собор он выходил только однажды в год — на Святую Пасху похристосоваться с братией, и то делал он это, поддерживаемый келейниками, с великим трудом.

В последнюю же в его земной жизни Пасху его приносили в Покровский собор на носилках. Однако, несмотря на тяжкие страдания, он не прекращал принимать исповедь у себя в келлии и раздавать собственноручно милостыню приходящим сироманам — беднякам. В том же году, на Покров Божией Матери, преодолевая болезнь, старец собрал последние силы и пришел с великим трудом в собор на Божественную Литургию, которую всю выстоял и причастился Святых Христовых Таин. Это было последнее его посещение Покровского собора, созданного и благолепно украшенного его трудами и попечением. С этого дня начинается отсчет последних дней его жизни.

13 ноября почти вся братия, предчувствуя скорое разлучение со своим любвеобильнейшим духовным отцом, устремилась к нему примирить свою совесть, попросить прощения за непослушание или неисправность в чем-либо и попросить молиться об их спасении. Получив от него последнее благословение, все, от самого меньшего послушника до последнего иеромонаха, уходили от него со слезами на глазах. Прощаясь со своими чадами, отец Иероним говорил им: «Чада, молитесь обо мне, и я, аще получу благодать и милость у Господа, то непрестанно буду молить Его о вас и вообще о всех духовных моих чадах и об обители, дабы Благодатию Божией избавиться нам вечных мук и получить вечная блага, идеже все святые пребывают. А обо мне не скорбите, ибо вместо меня остается отец Макарий. Господь умудрит его утешать, назидать и управлять вами. Почитайте его как старца, любите как отца и игумена, ибо он имеет благодать от Бога и чрез него вы получите спасение души».

14 ноября на предсмертное прощание приносили к великому старцу, отцу и ктиктору икону Божией Матери Избавительницы и мощи святого великомученика Пантелеимона. Немного позднее из алтаря Покровского собора в сопровождении двух иеромонахов и пономаря со свечой вынесли Иерусалимскую икону Божией Матери. Некоторые из братьев видели в это время, что на месте иконы, среди иеромонахов, шла Сама Пресвятая Владычица благословить и напутствовать Своего верного служку в неизвестный еще ему, но блаженный путь, на который вступить предстояло ему сегодня и конец которого — горний Иерусалим, Царство Небесное, бесконечная жизнь и вечный покой. Предсмертные страдания его были неимоверно тяжелы. Старец вздыхал: «Вероятно, диавол выпросил у Бога такие мне болезни за мои грехи и за чужие, чтобы довести меня до ропота... Незъяснимая болезнь... — говорил он. — Не знаю, как находятся те, кто при таких обстоятельствах не имеет руководства для себя ни из Священного Писания, ни из отеческих преданий... Господи, помилуй нас!»

В последний час своих страданий великий старец молился Господу со слезами: «Господи... помози мне, я от трудной телесной болезни изнемогаю, и силы мои душевные и телесные истощаются, и опасаясь, дабы не возроптать на свою нестерпимую болезнь и не погрешить в этом пред Тобою, Создателем моим...»

В последнюю же минуту своей жизни великий духовный вождь и учитель, даже смертью своей назидаящий братию, одержав последнюю в своей жизни и, быть может, самую великую победу над мучительницею плотью и человеконенавистником диаволом, произнес ясно и твердо великие и бессмертные слова, унесшие на воскресениях своих душу его в вечность и запечатавшие прожитый на земле его век: «Слава Богу за все!» Сказав это, он медленно склонился на руку верного своего ученика игумена Макария и, несколько вздохнув, тихо и мирно преставился ко Пресвятой и Живоначальной Троице.



Икона Святой Живоначальной и Нераздельной Троицы, подаренная великим почившим старцем Иеронимом братии. Помещена в алтаре Покровского собора над Горним местом

На похоронах народу было очень много. Со всей Святой Горы стеклись иноки и пустынножители отдать последний долг своему наставнику, кормильцу и благодетелю. Собралось их около 1000 человек. Погребли великого авву близ алтаря Пантелеимоновского собора, где обычно погребают только игуменов обители. Так завершил свой земной путь выдающийся подвижник, человек любви и самопожертвования, великий духовник, добрый отец и пастырь, обновитель и благоукраситель Пантелеимоновой обители, собиратель и организатор всего русского иночества на Афоне, духовный вождь и боговдохновенный наставник, воспитатель общежительных правил и вдохновитель ревностного подвижнического жития иеросхимонах Иероним.

Святость жизни отца Иеронима подтверждена многочисленными посмертными явлениями его братии монастыря, которые были бережно собраны и записаны в специальных книгах²⁹ обители.

Икона Святой Живоначальной и Нераздельной Троицы, подаренная великим почившим старцем братии в память о нерушимости общежительных правил по благословению отца игумена Макария была помещена в алтаре Покровского собора над горным местом в особом киоте в виде солнца с позлащенными восьмиугольными лучами, где и находится до сего времени. Пред сею святою иконою была возожжена и горит по сей день неугасимая лампада. В силу значения и достоинства, каковые имеет эта икона для всего братства, она заняла первейшее и достойнейшее место среди всех монастырских святынь. Именно здесь, в алтаре Покровского собора, на Горнем Месте, бьется сердце русской обители и всего русского монашества на Афоне. И мы верим, что пока теплится пред сей священной иконой неугасимая лампада, дотоле жив и действителен будет завет отца нашего Иеронима, не умолкнет русская молитва на Святой Горе, и вера на Святой Руси не иссякнет, врата адовы не одолеют ее. Аминь!

²⁹ АРПМА. Док. № 518. С. 588–592, 612–614.

Воспоминания о духовнике, иеросхимонахе Иерониме

В архиве монастыря мы можем найти многочисленные добрые воспоминания духовных чад о старце Иерониме. Для полного изложения их понадобится отдельная книга. Приведем только один фрагмент из воспоминаний отца Агафодора (Буданова): «Отец Иероним поучал, чтобы тропари сих праздников (двунадесятых) выучить на память и читать их мысленно хоть за неделю вперед, дабы глубже проникнуться значением предстоящего праздника и уже праздновать с большим чувством и радостью... Отец Иероним иногда спрашивал, заметил ли я такую-то стихирю. Оказывалось, что не обратил внимания... [Тогда] он бывало прочтет ее мне и разъяснит ее значение, после чего она делалась для меня особенно дорога...

Характер у отца Иеронима был серьезный и задумчивый, он никогда не смеялся, не улыбался, не шутил, но и не раздражался, а говорил всегда спокойно, [едва] слышно, без лишних слов и только то, что было необходимо. Был во всем сдержанным, и видно было, что он всегда умственно был чем-либо занят. У него была непрестанная благодатная молитва, он мысленно был с Богом, а потому не был разговорчив и не празднословил... без труда, по благодати, легко удовлетворял всякого и так же примирял враждующих. Если кто сильно ожесточался, то он лишь скажет ему: «Взгляни на меня», — и как только глаза того встречались с его взором, тотчас и проходило ожесточение, и люди примирались».

Отец Иероним после себя оставил большое духовное литературное наследие³⁰: письма, записки, жизнеописания монахов, записи духовных бесед с отцом Макарием и многое другое³¹. Весь этот материал мы опубликуем в отдельном томе данной серии, которая полностью будет посвящена литературному наследию отца Иеронима.

³⁰ БРПМА. Док.: № 20222. С. 31–36 и 79–88; № 14240. С. 272–295; АРПМА. Док. № 518. С. 523, 592–598.

³¹ АРПМА. Док. № 501. С. 21.

Завещание отца Иеронима

«Прошу и молю отцов и братьев моих обратить внимание ваше на мою последнюю предсмертную просьбу, соединенную с великим моим желанием, — утверждения навеки общего нашего спасения, заключающегося в благоугождении Богу сохранением совершенного общежития, устроенного старцами в нашей обители по правилам богоносных отцов наших. Так как конец жизни моей приближается — с вами к разлучению и отходу моему в вечность, — потому, внявши совету отцов, я сел за душеполезное дело как для братьев наших, так и для меня самого, — чтобы написать вам, отцам и братьям моим, своеручно последнее мое писание и заявить вам предсмертное мое желание и смиренное мое старческое прошение...

Так как божественно-отеческий Промысел Божий благоволил для славы Своей собрать вас из разных племен великое число: русских, греков, болгар и других — в эту святую обитель, которую соблаговолил Он прославить и во всем благоустроить в евангельском духе строгого общежития, в боголюбезном братолюбии разных племен, то для такого благоугодного Ему жития Он, как Бог чудес, прославляющийся оными во святых своих, благоволил для славы Своей и утешения Православной Церкви Своей вместе и обители нашей явить через Пресвятую Божью Матерь и святого Пантелеимона многие чудеса, которые были причиной скорого увеличения нашей обители и ее прославления, что положило прочное основание к обеспечению обители и в существенном, потребном к безбедному ее существованию на будущее время.

Вам известно, как долго испытывал Господь обитель нашу великой бедностью и даже тяжкими долгами, ибо до Крымской войны она не имела состояния раздавать милостыню бедным. Но когда в то бедственное время монастырь наш с полным самоотречением решил поделиться с голодавшими сиромашами последним своим хлебом, то с того времени замечено было, что из всех стран России начала присылаться в Руссик изобильная милостыня, при помощи которой в то бедственное время обитель наша не имела нужды в содержании и еще многих бедных пропитывала. Столь боголюбезна добродетель общения и благотворения. Но не [только] за это собственно Господь ущедрил обитель нашу, а за понуждение ее ко исполнению обетов монашеских общежительных, приносящих Богу ежедневно и ежемесячно плоды духовные. Эта истина для вас очевидна.

Еще многие из вас живы те, которые видели и помнят то время, когда обитель наша была малочисленна и очень бедна, во всем имела нужду, [не только] не имела чем уплачивать даже и одних процентов за долги, но еще увеличивала оные постоянными займами. [Однако] при всей своей бедности мы не унывали, не падали духом, но веровали и уповали, что за исполнение заповедей Божиих общежительных не будем оставлены Богом на долгое время в нищете. И действительно, обитель постоянно увеличивалась как духовно, так и вещественно, исполняя строго богоучрежденный ее устав. Ибо чем более увеличивались в обители плоды духовные: братолюбие, воздержание, чистая исповедь и приобщение Святых Таин, смирение и послушание, понуждение к бдениям и прочим добродетелям, — тем более Бог посылал обители щедроты Свои духовные и материальные. Многократно Господь чудесно избавлял обитель нашу от великих и страшных бед. И все это даровано было Богом ей за сохранение совершенного общежития. А так как все это было при вас, отцы, потому я выше сказал, что эта истина является для вас очевидной.

Так, боголюбезные отцы и братья мои, избранники Божьи, получившие от Бога такие благодатные задатки и указания к благоугождению Ему в святом, т. е. в совершенном и чистом общежитии, понудим же себя и впредь навсегда ко исполнению и сохранению положенного и уже устроенного Богом в нашей обители общежительного устава, которым путеводились и спасались святые наши отцы.

Сей святой устав учрежден на основании Евангелия богоносными отцами, а наиболее — святителем Василием Великим. История показывает, что исполнение сего общежительного устава древними монастырями было полезно и всей Православной Церкви, ибо таким образом они увеличивали славу Православия и поддерживали честь и хвалу монашества, обеспечивая тем долготнее свое существование. Даже и в настоящее время видим, что те обители, которые исполняют этот устав, находятся в хорошем благоустроении и в славе и чести для всего монашества. Но против того видим, что те монастыри, которые оставили богоугодный чин общежития, все расстроились, унизили своеволием равноангельскую монашескую нравственность и тем уронили пред Церковью честь монашества, а многие из них и вовсе уничтожились.

Итак, история и очевидные примеры показывают нам опытный урок того, что одно только средство находится к утверждению благоустроенного и прочного существования обители до скончания мира. Это средство есть исполнение Богоустроенного ее устава. Повторяю: это только одно есть благодатное средство, которое может прославить Бога, обитель и сохранить и спасти от всех страшных треволнений и конечного ее разрушения до конца мира. А одно обеспечение вещественное всегда бывало ложно. Потому и я, умирающий ваш духовный отец, вседушевно желающий обители нашей и впредь находиться в благоустроении истинного общежи-

тия, прошу и умоляю вас, отцы мои и братья, хранить богодарованный вам великий дар чистого общежития, не нарушать его ничем, но наипаче ревновать вообще всячески поддерживать его всеми вашими силами, ибо в настоящее время чистое общежитие есть уже большая редкость.

Паче всего храните старчество, ибо оно устроено примером Господа нашего Иисуса Христа. Без старчества совершенное общежитие не может быть, потому что многоначалие своими разделениями на партии всегда расстраивает общежитие. Особые содружества и партии смотрят только на свою пользу, а не на общую, потому они и за грех не считают — великий грех святотатства — похищение монастырских достояний, пренебрегая страшным примером Суда Божья, при апостолах бывшего над Ананием за нарушение общежития.

Прошу не внимать возгласам зараженных современным духом неверия и расслабления, которые в братстве приводят такие мысли, что-де в настоящее время люди стали слабы и немощны, а потому и правила святителя Василия теперь уже несовременны. Если этой лжи поверить, в таком случае и само Святое Евангелие также будет уже несовременно, потому что правила общежития утверждаются на основании его, которого ни одна черта или йота не изменяется. Так говорящие показывают свое неведение христианской истории, потому что в те времена, когда жили и составители сего устава, много было таковых же маловеров и расслабленных, ложных монахов, которые тоже говорили, но таковых святые отцы советуют нам не называть даже и монахами, а жилища их не называть монастырями.

А потому, отцы и братья, вы, как избранники Божии, сохраняющие святой устав совершенного общежития, ревнуйте о славе Божьей и всеми вашими силами единокорно старайтесь не допускать в общежитии никаких разделений братства на партии, как подрывающие основание общежития. Смотрите на общежитие как на Церковь Христову, имеющую единого главу Христа, ибо в Лице Его в общежитии поставлен от Него игумен, которому по правилам святых отцов братство должно повиноваться, как самому Иисусу Христу, и во всем ему доверять. В общежитии он есть и главный духовный отец, потому надобно все делать с вопросом и ответом его, ничего не утаивать от него, ибо такова есть воля Божья в общежитии.

Вот, боголюбезные отцы мои и братья, последнее мое желание: чтобы вы в любви, в единокорности и единомыслии твердо держали общежитие и, с усердием исполняя все правила его, спасались бы все и тем прославили Бога особенно благоприятным Ему поминовением имен благодетелей обители, записанных в синодики для вечного их поминовения. Ибо они с христианской верой это делали, уповая, что обитель исполнит святое свое обязательство, т. е. будет постоянно поминать до скончания мира все те имена, за которые даны ими обители святые их жертвы, послужившие большой

помощью не только к построению великих зданий монастыря, к увеличению его и содержанию, но еще и к обеспечению для потомства имен жертвователей, записанных для вечного поминовения их, дабы потомки наши не имели причины порицать нас в том, что мы оставили им имена для вечного поминовения без обеспечения.

Богоспросвещенное общество наше знает, что исполнение этой святой обязанности есть один великий дар или луч из тех лучей света, который просвещается в обители пред человеки, прославляющих за то Бога. Ибо для сего вы и призваны им в сию святую обитель, что и мне, грешному советнику вашему, сотворить вечную пользу, еже и да будет благодатью Божией, молитвами Пресвятыя Богородицы и святого Пантелеимона, которых и молю о продолжении покровительства их обители и сохранении святого общежительного совершенного устава до скончания мира. При сем и остаюсь отходящий в вечность, алчущий и жаждущий исполнения вами при помощи благодати предсмертного моего желания, переданного мною вам на сей хартии, писанного мною своеручно, во славу Божию и спасение душам вашим.

Ваш духовный отец, недостойный иеросхимонах Иероним. Апрель 1882 года».

Схиархимандрит Макарий (Сушкин)

Схиархимандрит Макарий³² (в миру Михаил Иванович Сушкин) был учеником и духовным преемником отца Иеронима (Соломенцова). Под руководством его воспитался в нем тот строгий деятельный монашеский дух, который при благой помощи Божией послужил во благо и для славы русского имени на Афоне. Отец Макарий явился продолжателем того великого дела, которое начал отец Иероним, и он же его и закончил, т. е. окончательно восстановил русское монашество в Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе Афон.

Михаил Иванович родился в богатой купеческой семье в городе Туле. Так же как и отец Иероним, он с отроческих лет почувствовал влечение к иноческой жизни. Заветной мечтой его были путешествия по святым местам. Желание свое Михаил Иванович осуществил уже в более или менее зрелом возрасте. Родители его ничего не

³² Жизнеописание составлено по книгам: Иеросхимонах Иероним, духовник Русского на Святой Афонской Горе Пантелеимонова монастыря, и его присный ученик игумен священноархимандрит Макарий: 3-е изд. М., 1908; Красковский И. Ф. Макарий Афонский, игумен и священноархимандрит Афонского Святого Пантелеимона монастыря. М., 1889; Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895.

имели против этого и отпустили сына в дальний и неизвестный путь. В путешествии с ним отправился в качестве слуги один из приказчиков его отца.

Михаил Иванович намеревался совершить путешествие по Востоку, чтобы поклониться Святой Земле, посетить Синай, Египет и остаться где-нибудь в тамошнем монастыре. Путь его лежал через Одессу, где собралось около тридцати человек таких же путешественников, желавших, подобно ему, отправиться для поклонения святыням Востока. Подобное скопление народа, желающего отправиться за границу, возбудило в начальстве подозрение в принадлежности этой группы к сектантам. Это обстоятельство крайне затруднило получение заграничных паспортов Михаилу Ивановичу и его спутнику. После продолжительных по этому поводу мытарств они наконец отправились в путь.



Путешественники посетили Иерусалим, окрестности его, Синай и вообще все более или менее замечательные места Палестины и прибыли в Солунь³³. Здесь они остановились на подворье афонского Пантелеимонова монастыря. Это было в последних числах октября 1851 года.

Проводив торжественный Солунский праздник во имя святого Димитрия Солунского, Михаил Иванович и спутник его отправились сухим путем на Святую Гору Афон, куда и прибыли благополучно 3 ноября 1851 года. Остановились они в Русском Пантелеимоновом монастыре.

В Русике в то время было еще немного русских иноков. Сразу после прибытия Михаил Иванович познакомился с духовником русской общины отцом Иеронимом, который своими беседами произвел на него глубокое впечатление и окончательно утвердил в нем решение остаться здесь на жительство. Но для начала он пожелал пройти по Афону, чтобы поклониться всем святыням. По ходу этого путешествия, во

³³ Свои путешествия отец Макарий описал в своем дневнике, который хранится в архиве монастыря (см. АРПМА. Док.: № 3956; № 3957)

время подъема на вершину Афона, Михаил Иванович простудился и почувствовал приступ сильной лихорадки. Путешественники едва добрались до монастыря Кутлумуш. Здесь он настолько разболелся, что не мог больше продолжать путь. Михаил Иванович уже отчаялся и написал письмо отцу Иерониму, прося приехать к нему. Но отец Иероним велел перенести больного в Пантелеимонов монастырь. Больного перенесли на носилках в Руссик. При посещении больного игуменом Герасимом и отцом Иеронимом Михаил Иванович решился просить отца игумена принять его в монастырь послушником. Отец игумен исполнил его просьбу.

Между тем болезнь Михаил Ивановича усиливалась, не помогали никакие лекарства. Даже доктор сказал отцу Иерониму, что больной едва проживет до следующего утра. Тогда отец Иероним решил постричь его в великую схиму. Это случилось 27 ноября 1851 года, Михаил Иванович в схиме получил имя Макария.

Сразу после пострига больной стал чувствовать себя лучше и после трехдневной бессонницы уснул спокойным продолжительным сном. Потом он быстро стал поправляться и уже к 4 декабря мог ходить и чувствовал себя легко. Так милостивый Господь оставил его жить, чтобы он прославил Бога и трудился во славу Его. Отец Макарий уже через месяц после своего пострига исполнял все послушания, которые ему давали: он и рыбу на кухне чистил, и лук в вязанки вязал, и кирпичи на стройке таскал, и пшеницу из сосудов выгружал — все прошло через его руки.

В 1854 году, 20 февраля, отца Макария рукоположили в иеродиакона, а через два года с небольшим, а именно 28 мая 1856 года, в иеромонаха. С этого времени начинается деятельность отца Макария как помощника духовника отца Иеронима и игумена архимандрита Герасима. Так, вскоре после посвящения его в иеромонаха отец Иероним, управляющий русской общиной, при отъезде своем по метохам* монастыря поручал отцу Макарию в его отсутствие управлять монастырем.

Назначение это с полного согласия всей братии монастыря подтвердил своим избранием и игумен отец Герасим. С большим терпением и вниманием исполнял он свои обязанности: был и духовником, и экономом, и простым рабочим одновременно, продолжая примиренческую политику среди многонационального братства обители, которую стремился проводить его духовный отец Иероним. Старец и ученик своим глубоким взаимопониманием и взаимоуважением подавали прекрасный пример духовного общения. Они так слились духовно, что превратились как бы в одно существо — одну душу в двух телах. Переписка³⁴ этих двух удивительных людей — прекрасное пособие для желающих спасения, она показывает высочайший духовный симбиоз этих двух подвижников, и воистину эти письма достойны публикации и всестороннего изучения, что, с Божьей помощью, мы сделаем в последующих томах этой серии.

³⁴ АРПМА. Док.: № 3940; № 3943.

10 мая 1875 года умер игумен Герасим, и 20 июля отец Макарий был утвержден новым игуменом Пантелеимонова монастыря. После чего он принялся с новой силой за устройство своего монастыря. Труды его в этом отношении были и громадны, и полезны. В своей деятельности он был неутомим: лично руководил всеми стройками в монастыре, следил за учреждением подворий в Москве, в Ростове и Одессе; вникал в детали жизни многочисленных метохов монастыря; сам контролировал постройки новых келлий и скита «Новая Фиваида»; и все это при том, что ни на секунду не оставлял духовного окормления своих многочисленных чад, и даже в глубокой старости, на 69-м году своей жизни, проводил строго постническую, подвижническую, воистину аскетическую жизнь. При этом он был везде и во всем первым. Участвовал, например, в служении всенощной, которая по афонскому уставу продолжалась почти всю ночь, затем служил обедню и присутствовал на трапезе.

После этого, вместо того чтобы отдохнуть до вечера, ограничивался всего часом отдыха и, несмотря на тропическую почти жару, летом постоянно ходил по монастырю, осматривая все стройки, различные работы, отдавал распоряжения, выслушивал донесения и проч. Между тем в отсутствие отца Макария келья его наполнялась различными посетителями: монахами его монастыря, пришедшими за какими-нибудь распоряжениями; келиотами, обращающимися за милостыней; паломниками, желающими душеспасительных бесед.

День его начинался глубокой ночью. А ложился он спать за два часа до начала утрени. И не успеют отзвонить к утрени, как уже отец Макарий являлся в церковь, и вновь начиналась его деятельная сосредоточенная жизнь. Во время утрени масса монахов и еще большее количество паломников устремлялось исповедоваться у самого батюшки. Они буквально осаждали его исповедальную келью на хорах Покровского собора, ожидая по два-три часа в очереди, потому что отец игумен исповедовал очень долго — по часу и более, особенно паломников.

Исповедовал он особенно. Не допрашивал о грехах, а одним своим словом и проникновенным взглядом действовал на исповедующегося так, что тот, чувствуя пред собой невидимое присутствие Всеведущего, Всемилостивого и Всепрощающего Господа, открывал с полной откровенностью духовнику самые потаенные движения своего сердца, содрогался душой и падал на колени в трепетном сознании своей греховности. После окончания утрени и исповеди отец Макарий немедленно шел совершать раннюю Литургию. И совершал ее так преданно и самозабвенно, что она заканчивалась вместе с поздней, начинавшейся на полтора часа позднее.

За самоотверженное служение Богу и людям отец Макарий был неоднократно утешаем видением Пресвятой Богородицы и Самого Спасителя. Отец Владимир (Колесников) в своем дневнике сообщает нам об одном из таких прекрасных мо-

ментов в жизни великого подвижника: «Игумен Макарий однажды в алтаре Покровского храма трижды видел дивный Свет от престола, а потом слышал и глас: первый свет – Бог-Отец, второй свет — Бог-Сын, третий свет — Бог-Дух Святой, Святая Троица неотступна от сего места»³⁵.

Заканчивалась ранняя игуменская Литургия, и отец Макарий отправлялся в келью, но здесь, у ее дверей, уже опять дожидались многочисленные посетители: келиоты, пустынножители, сиромахи, мирские — и русские, и греки. Лишь только игумен входил в свою келью, как вся эта толпа почти насильно врывается за ним в переднюю и начинала просить о своих нуждах. Приходилось запира́ть дверь в передней, чтобы дать возможность отцу Макарию выпить хоть чашку чая и во время этого минут пять отдохнуть.

Как только бывала выпита чашка чая, сейчас же являлись и посетители — люди разных национальностей и с разными нуждами. У кого из них келлия требовала починки, у кого калива развалилась, кто просил одежды, кто — обуви, кто — сколько-нибудь денег. Всех выслушав, отец Макарий стремился каждому помочь в его просьбе. После того как все посетители бывали выслушаны и удовлетворены, отец игумен должен был идти на трапезу, после которой его опять окружали разные просители и паломники.

Наконец, бесконечно уставший отец Макарий отдыхал час или полтора. Затем, если день был почтовый, отец игумен садился за письменную работу, которая, исключая время вечерни и повечерия, занимала иногда все его время вплоть до десяти часов вечера.

Переписка отца Макария была разносторонней. В его личном фонде нашего архива хранятся тысячи его писем к разным адресатам: он переписывался с благотворителями, с чадами своими в России, с родными, с некоторыми братьями обители, находящимися на подворьях и метохах обители, с официальными государственными и церковными деятелями³⁶.

Одним из многих чад его был знаменитый философ Константин Леонтьев, который высоко ценил своего духовного отца и переписывался с ним³⁷, а после смерти горячо любимого им старца написал воспоминания о нем³⁸. Так проходили дни отца Макария, дни, полные трудов, физических и нравственных подвигов. И все братья монастыря по примеру своего начальника трудились каждый на своем послушании, стараясь для общего блага.

³⁵ АРПМА. Док. № 311. С. 63.

³⁶ АРПМА. Опись № 23.

³⁷ АРПМА. Док. № 1973.

³⁸ Леонтьев К. Н. Воспоминания об архимандрите Макарии // Гражданин. 1889. №№ 191–211.

Особенно достойны внимания старания отца Макария в деле вовлечения в церковную жизнь его родных — родителей и братьев. Отец его, Иван Денисович, и братья его, Петр, Василий и Иван, стараниями отца Макария стали благотворителями Пантелеимонова монастыря и даже после смерти его много способствовали афонской обители. Они построили много зданий и церквей в самой обители, помогали также подворьям монастыря. Свидетельством их благотворной деятельности являются их письма³⁹, наполненные заботой и любовью к Пантелеимоновой обители.

Жизненный путь отца Макария постепенно приближался к концу. Глубокое впечатление на него произвела смерть отца Иеронима, под руководством которого до сих пор он трудился. Он стал думать, что приближается и его кончина. С тех пор отец Макарий начал прихварывать, чему способствовало постоянное физическое и нравственное утомление.

В январе 1888 года отец Макарий тяжело заболел и более двух месяцев не мог выходить из своей кельи. При этом он отказался от помощи докторов, предавшись воле Божией. Он все уже приготовил на случай своей смерти и попрощался с братией. Но Господь Бог воздвиг болящего, отец Макарий выздоровел, хотя болезнь оставила свои глубокие следы. Он сильно поседел, появились одышка и кашель. Несмотря на все это, подвижник не изменил своего обыкновенного аскетического образа жизни. Так же как и прежде, он не имел покоя ни днем ни ночью. Каждый день бывал за утреней, исповедовал, служил свою «игуменскую» раннюю Литургию, после которой был осаждаем разными посетителями. Крепился отец Макарий, но уже чувствовал приближение своей кончины. Особенно заметно это было, когда он служил панихиды на могиле отца Иеронима. В эти минуты казалось, что он всем существом своим переносился в загробный мир, куда ему в скором времени суждено было отправиться.

Незадолго до своей кончины отец Макарий пожелал, чтобы при жизни его был избран преемник, который пока состоял бы помощником ему в управлении громадным хозяйством монастыря. Из всей братии были определены несколько старцев, способных, по мнению всех, понести высокий ответственный пост игумена. Из них по жребию был избран отец Андрей (Веревкин), который и был утвержден пока в должности помощника отца Макария, а после его смерти стал игуменом монастыря.

За месяц до своей кончины отец Макарий стал чувствовать какую-то особенную слабость. Доктора объяснили ему и другим, что это происходит от чрезмерного утомления батюшки. Врачи и братия советовали отцу Макарию поменьше заниматься делами, не служить и отдохнуть где-нибудь на келлии. Отец Макарий уступил им и стал дня на два в неделю уезжать в любимое им монастырское поместье Крумицу. Там он мог спокойно отдохнуть, удаленный от хлопотливой монастырской деятель-

³⁹ АРПМА. Док.: № 3934, № 3936–3938.

ности. Но лишь только возвращался он в Руссик, как невольно, по привычке начинал лично входить во все дела и распоряжения.

Тяжело было отцу Макарию лишать себя, по настоянию докторов, служения своей ранней Литургии; день, в который он не служил, был для него днем потерянным, днем скорби, днем духовной неудовлетворенности.

Как только отец игумен чувствовал себя несколько лучше, никакие просьбы и уговоры братии не действовали на него. Он с вечера объявлял, что завтра будет служить. Литургия совершалась им, больным и слабым, так же продолжительно и в таком же порядке, как и прежде. Предписаниям врачей он не особенно следовал, всецело предавая себя Господу Богу, и говорил, что если Богу угодно, то Он продлит его жизнь, а не угодно, то никакие доктора, никакие лекарства не смогут отсрочить конец и дать ему хотя бы одну минуту жизни.

18-го июля 1889 года, накануне кончины отца Макария, случилось празднество в Покровском храме в честь чудотворной иконы Боголюбской Божией Матери. Икону эту отец Макарий особенно чтит, потому что ею благословили его родители, когда он уезжал из дома.

Так как 18-го числа было празднество в честь всех новомучеников византийских, то отец игумен распорядился праздновать память Боголюбской Божией Матери на другой день, 19-е июля. Сам он намерен был служить Божественную Литургию в храме Успения Божией Матери. С вечера на 19 число отец Макарий долго занимался написанием отдельных писем и разных деловых бумаг и заснул только за два часа, как и всегда, до начала утрени. Он чувствовал себя легко, отстоял утрению и приступил к совершению ранней Литургии.

По обыкновению он прежде совершил молебен, затем начал продолжительную проскомидию и вполне благополучно окончил Литургию. Он с особенным умилением и благоговением совершал эту последнюю приносимую им бескровную жертву, точно чувствуя, что уже не придется ему больше священнодействовать. После окончания Литургии раздал присутствовавшим в церкви антидор и удалился в алтарь, где встал у окна и начал читать благодарственные молитвы. Диакон, потреблявший у жертвенника Святые Дары, вдруг услышал какие-то хрипящие звуки и, взглянув по направлению отца Макария, увидел, что батюшка как-то неестественно склонился у подоконника. В это время вошли в алтарь некоторые церковнослужители и, видя такое положение отца Макария, подошли к нему, понимая, что с ним очень дурно. Посадив его на стул, начали его разоблачать и потом отнесли его в келью. Печальная весть о предсмертном состоянии отца Макария быстро распространилась по обители. В келье его собрались почти все старшие братья. Они старались помочь ему, но Господу Богу было угодно призвать к Себе своего великого труженика. Через не-

сколько часов после совершения им своей последней ранней Литургии отец Макарий мирно отошел ко Господу.

Печальные редкие удары колокола возвестили монастырю и окрестностям о кончине великого деятеля на благо русских на Святой Горе Афон.

На четвертый день после смерти, 23-го июля, при разборе бумаг в келье найдено было написанное собственноручно завещание отца Макария. Оно было прочитано в присутствии всей братии обители. Завещание имеет следующее содержание:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Возлюбленные о Господе Отцы и Братья!

Последнее слово мое вещаю вам ныне, в он же день Господь судил мне оставить временную сию жизнь и перейти в вечность. Но, чада мои, присно мне возлюбленные, прежде нежели душа моя предстанет на страшное и нелицеприятное судилище Христово, прошу и молю вас коленопреклонно, простите меня за все мои ошибки и недостатки, равно как и я всех вас прощаю и разрешаю, и вознесите ныне наипаче горячие сыновние ваши мольбы ко Господу, да обрящу я милость у Него. Ибо хотя я при помощи Божьей старался всегда исполнять должность свою по силе своей, возлагая всю надежду свою на Восполняющего недостающее и Изводящего честное от недостойного, но при всем том вполне сознаю, что далеко не соответствовал тяжелой и неудобноносимой своей обязанности и великому моему предместнику — старцу блаженной памяти отцу Иерониму. Кроме же того, если и праведник, по словам Св. Писания, едва спасется, — то где аз грешный явлюсь? И если человек не прав пред Судом Божьим, аще и един день токмо жития его был на земле, — то что я могу сказать о себе, имев в жизни моей не один день, но десятки лет и исполнен быв многих забот?

Помяните ныне, возлюбленные мои чада, оные мои попечения и многие скорби, которые я имел ради вашего блага и спасения, покройте мои великие недостатки вашей любовью и восполните недостающее во мне вашим собственным тщанием, что будет достойно вашего священного звания. Да, ради вашей любви ко мне, помилует и примет меня Господь. Молю убо Вас всех и каждого: ныне более всего нуждаюсь в молитвенной вашей мне помощи. Не оставляйте и не забывайте меня вашими теплыми о мне молитвами, да не отринет единокордную вашу любовь Бог Любви, но и мне отраду и милость сотворит и вам щедротами Своими воздаст за благоприятную пред Ним сыновнюю вашу любовь.

Ради собственного вашего блага прошу и убеждаю вас исполнять поминовение имен благодетельских, чтобы синодики, заведенные в обители, неопустительно читались как положено. Ибо оставление или небрежение относительно сего нашего долга весьма ответственно для нас пред Господом. Будем помнить милость благодетелей наших и их помощь во время нужд обители, ибо их благочестивое благотворение поддерживает и восполняет наши нужды, особенно в тяжелые для обители времена. Сие нам никогда забывать не должно, и необходимо воздавать, как обязались, молитвой за их

милость. Судьбы будущие обители неизвестны и заключаются в деснице Божьей. Также памятовать должно, что многие приносят обители свои посильные жертвы часто из последних средств, даже с лишением и ограничением своих нужд. Крайне грешно будет наше неисполнение по отношению к их усердию. Сему долгу-совести внимайте, ибо за это спросится с нас на Суде Божьем.

Как во дни моего с вами земного пребывания многократно просил и увещевал я вас: во имя заповеди Христовой и ради собственной вашей пользы, временной и вечной, храните между собой мир и любовь братскую, и взаимное снисхождение друг ко другу, и общее согласие, и единодушие, избегая всякого нестроения внутреннего и разногласия. О сем ныне, хотя и безгласно, через сие письменное мое к вам увещание и слезное отеческое моление напоминаю, прошу и молю вас: храните мир, любовь и взаимное братское единомыслие; не ищите каждый своего «я» и ради такого богопротивного себялюбия не забывайте вашей общей пользы, общего блага и чести обители и братии. Где мир, любовь — там Бог, а где Бог — там всякое добро. Мир и единодушие составляют твердое ограждение и благоустройство всякого общества. При внутреннем же несогласии падет всякий дом и всякое общество.

Прошу и увещеваю вас, возлюбленные братья, сохраните издревле установленный порядок общежития, постоянного исповедания и открытия своих помыслов и своего сердечного устройства игумену или духовнику и по разрешении приобщайтесь Святым Животворящим Таин, как всегда бывало. Этим поддерживается духовный строй и порядок души каждого в отдельности. Не нарушайте же сего спасительного доброго установления, которое мы здесь наследовали от отцов-предшественников.

Еще мое усердное завещание вам, отцы и братья! Врата обители да не затворяются никогда для нищих и убогих и всякого требующего помощи. Сам Господь засвидетельствовал воочию всех нас, воздавая обильно Своими щедротами обители за незатворение ее врат и милостыню для всех нуждающихся. Сие соблюдайте неизменно, как было, и не ограничивайте вашей милостыни и после меня.

Поручаю вас, как всегда, покрову и заступлению и милости Царицы Небесной, Преблагословенной Матери Господа нашего Иисуса Христа Бога истинного, Ему же со Отцем и Пресвятым Духом подобает всякая слава, честь и поклонение, и благодарение во веки. Аминь.

Игумен Русского св. Пантелеимона монастыря архимандрит Макарий»⁴⁰.

Оценивая вклад двух великих подвижников, отца Иеронима и отца Макария, оценивая процесс возрождения и становления русского монашества на Афоне, в 1908 году, в год двадцатилетия со дня смерти отца Макария, отец Денасий (Юшков) писал:

⁴⁰ Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). С. 367.

«Мирно и спокойно почивают теперь до славного дня Христова два великих труженника во славу Божию и благо родной земли, два великих старца, столпы русского монашества на далекой чужбине — иеросхимонах Иероним и священноархимандрит Макарий. Заслуги их велики и пред Церковью, и пред Россией. Они основали и утвердили крепкое гнездо русского монашества, подняли и облагородили само монашество, так что афонское русское общежительное иночество может служить примером для всех прочих такого типа монастырей.

Каких мощных сил духовных были исполнены эти два великих старца! Сколько борьбы, борьбы непосильной, почти сверхъестественной, пришлось им испытать: одному — при насаждении, а другому — при воспитании и утверждении этого «афонского вертограда Христова» — Русского Пантелеимонова монастыря. Вообще все, что мы видим во внешнем и внутреннем благоустройстве Пантелеимонова монастыря прекрасного, доброго, чистого и святого, — все это плоды ревностных трудов иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария».

Заслуги отца Макария перед Церковью и общественностью достойно были оценены и священноначалием, и светскими властями. В 1888 году игумен Макарий был награжден турецким султаном орденом меджидие⁴¹. А 7 января 1889 года он был награжден Священным Синодом Российской империи орденом святой Анны II степени⁴².

Святая жизнь отца Макария была подтверждена многочисленными посмертными явлениями⁴³ его братьям обители, они записаны в специальных книгах монастыря.



⁴¹ АРПМА. Док. № 3977.

⁴² АРПМА. Док. № 3979.

⁴³ АРПМА. Док. : № 518, № 3978, № 3894.

Иеросхимонах Сергей (Веснин)



Иеросхимонах Сергей⁴⁴ родился 27 августа 1814 года в многочисленной семье Авдия Веснина, дьячка церкви села Пищальского Орловского уезда Вятской губернии. При крещении он был назван Симеоном. Мальчик стал любимцем не только отца и матери, но и шести братьев и двух сестер своих. Особенно же любил его старший брат Дмитрий. Эта любовь, соединившаяся впоследствии с самой искренней дружбой, всегда тесно связывала двух братьев.

Неутомимый труженик по хозяйству, дьячок Авдий находил время учить своих детей грамоте и сам, без посторонней помощи, готовил их для поступления в духовное училище. Но главным предметом его занятий с детьми было вселить в них твердую веру в Бога, страх Божий и воспитать нелицемерное благочестие.

Патриархальный быт родительского дома, глубокое благочестие отца и матери, частые беседы по вечерам о предметах исключительно духовных, чтение вслух Священного Писания и житий святых оказывали огромное влияние на развитие Симеона. И можно утверждать, что настроение ума и сердца его к жизни созерцательной, аскетической образовалось в нем с самых ранних лет детства. «Еще в детстве, — говорил отец Сергей впоследствии, — занимала меня мысль о путешествии по святым местам. Помню, как я нередко, особенно по вечерам, со слезами молил Бога перенести меня к святыням, а ночью мне снилось, будто в каком-то чудном, неведомом для меня месте ласкают меня святые».

⁴⁴ Жизнеописание составлено по книге: Жизнь святогорца иеросхимонаха Сергея. Святая Гора Афон, 1864. См также: Шевелкин И. Воспоминания о жизни святогорца иеросхимонаха Сергея // Душеполезное чтение за 1864. № 12. Т. 3. С. 279–318.

На одиннадцатом году жизни Симеона отправили в Вятку учиться в духовном училище, и, несмотря на то, что он с большим трудом почти два года привыкал к новым условиям жизни, все же наконец освоившись, стал одним из лучших учеников.

На третий год пребывания в училище Симеона поразило страшное горе: в продолжение нескольких месяцев он лишился одного за другим отца, брата и горячо и нежно любимой им матери! Тяжелая утрата сильно подействовала на нежное и чувствительное сердце. Но учиться он продолжил с еще большим рвением и ответственностью, не из-за страха наказания, а ради уважения памяти желавших ему добра родителей. Он особенно горячо полюбил словесные науки: стал читать все, что попадало под руку, а вместе с тем отваживался и сам писать и даже сочинять стихотворения.

На пятнадцатом году Симеон, как отличный и благонадежный воспитанник, был переведен в семинарию, где открылось ему еще большее поприще. Семинарист Веснин вскоре стал одним из лучших учеников и в особенности обратил на себя внимание профессора словесности, который, предвидя в нем литературный талант, занимался с ним с особенной любовью, стараясь развить в нем Божий дар излагать свои мысли просто и красноречиво.

В двадцатилетнем возрасте Симеон закончил семинарию и поселился в доме своего брата отца Димитрия в селе Круглышки. «В начале новой жизни прося Господа Бога и Богоматерь, — вспоминал впоследствии отец Сергей, — устроить мою жизнь к сердечному благу и управить стопы мои на путь истины и правды, — раз я заснул, и мне представилось, будто я быстро несусь с запада на восток и будто за мной была чрезвычайная тьма, мрак и ужасные дебри, так что запад весь был в каком-то безжизненном отверженном состоянии, а между тем восток играл светом. Мне казалось, как из мрачных дебрей я вышел и быстро приближался к храму на родине — шел в ту самую церковь, где был крещен и принял печать, звание и имя христианина. При этом радости сердца, восторга духа и истинно райского блаженства всех моих чувств, которые охватили меня, не могу выразить. Обратившись к мрачному западу, я увидел, что вышел из такого страшного места... Весело и с умилением вступил я в теплую церковь».

Этот сон Симеон принял как явное указание Божие идти в монастырь. Но родственники его думали иначе, и по настоянию родных Симеон начал хлопотать о занятии места духовного пастыря, а родным предоставил возможность отыскать ему будущую подругу жизни. В 1894 году Симеон женился на дочери священника Алексея Никонова Анне, которую он вскоре очень полюбил.

Через несколько месяцев отец Симеон получил место священника в селе Ацвеже, которое находилось всего в нескольких верстах от села Круглышки. Итак, кажется, все благоприятствовало Симеону: невеста — по душе и по сердцу, место — почти возле

брата и друга. Оставалось жить и благодарить Господа! Но не так думал этот человек, казавшийся счастливым. Мечты детства и настоящее положительное настроение его души жаждали и искали не этого суетного скоропреходящего счастья, они стремились не туда, куда почти насильно был приведен он, а куда-то далеко-далеко! Но дело было сделано, слово в угоду родным дано. Надо было покоряться своей судьбе. А заветные свои мечты и желания Симеон сокрыл в самой глубине своего сердца.

Всего через два года счастливой супружеской жизни отец Симеон потерял любимую жену — она умерла вскоре после рождения дочери. А через год с небольшим умерла и маленькая дочка. Бесконечно было горе отца Симеона. Чрезвычайно горька была ему потеря жены и дочери, но он быстро собрался с духом, подчинился воле Божией и во всем случившемся увидел особенное произволение Божие. «Сердце мое, — говорил он тогда, — умерло для удовольствий земли и, безусловно, отозвалось на благодатный призыв неба. Путешествие по святым местам мне стало представляться уже как единственное утешение».

С 1838 года отец Симеон начал свое странствование по святым местам России, при этом не покидая мысли о жизни иноческой в тихом монастыре. В августе 1839 года в церкви при Вятском архиерейском доме на 25-м году жизни отец Симеон был пострижен в монашество с именем Серафим. Как будто какая-то пелена спала теперь с душевных очей отца Серафима, и узы, которыми, казалось, был он опутан до этого времени, разрушились сами собой. Тогда только почувствовал он, что монашество было настоящим назначением его жизни, а путь, по которому он шел до пострижения, был только подготовительным этапом для этого.

В июле 1843 года отец Серафим приступил к осуществлению своей давней мечты — посетить Палестину и Святую Гору Афон. 10 октября он достиг давно желаемой им цели — вступил на Святую Гору! С глубоким благоговением и религиозным восторгом целовал он землю, которой касалась Божественная стопа Царицы Небесной, и со слезами сердечного умиления благодарил Господа и Пречистую Его Мать, что Они допустили его в место столь священное, куда с самого детства стремилась душа его!

Отец Серафим гостил в Русике, а игумен Герасим, и духовник Иероним, и вся братия с первого же дня стали смотреть на него как на человека, отмеченного особенной печатью Божией. Отец Иероним так писал о своих первых впечатлениях от встречи с отцом Серафимом: «Не зная событий и горьких испытаний в жизни нашего гостя, мы немало удивлялись, что иеромонах в такие еще молодые лета приобрел уже столько монашеских добродетелей, и полагали, что он был учеником старца опытного, в совершенстве изучившего и постигшего жизнь монашескую».

Отец Серафим обошел почти весь Афон и близко познакомился с жизнью святогорцев, что привело его к окончательному решению остаться здесь навсегда. Он стал убедительно просить игумена Герасима причислить его к своим чадам.



Космодемьянская келлия Руссика во времена отца Сергия. Сегодня полностью разрушена

23 марта 1844 года, в Великий четверток Страстной седмицы, на тридцатом году жизни отец Серафим принял великий ангельский образ — схиму с именем Сергий. С этой поры он уже всецело стал святогорцем.

В 1845 году в петербургском журнале «Маяк современного просвещения и образованности» начали печататься его первые письма с Афона, и они обратили на себя внимание публики. После этого отец Сергий занялся вплотную литературными трудами с целью посвятить их исключительно на пользу приютившей его обители святого Пантелеимона. Вся братия дивилась неумимости, трудолюбию и деятельности отца Сергия. Присутствуя неопустительно при всех продолжительных монастырских богослужениях, он как будто не чувствовал усталости, пренебрегал необходимым отдыхом и находил время вести обширную переписку с братьями и друзьями в России, писать и переводить с греческого различные статьи о чудесах и замечательных событиях на Афоне.

Желая привести в порядок и подготовить к печати особую книжку своих писем о Святой Горе Афон, отец Сергий в 1847 году отправился в Россию. Он посетил Москву и Санкт-Петербург, и везде его встречали как знаменитого уже писателя. Его писательская слава особенно размножилась после появления его книги об Афоне «Письма святогорца». Множество знатных особ, желая познакомиться с ним, приглашали его к себе или приезжали к нему сами. Его везде принимали особенно ласково

и милостиво. Всеобщая любовь к отцу Сергию очень помогала ему собрать в Москве и Петербурге довольно значительную финансовую помощь для Руссика, которая была чрезвычайно важна для возрождающейся обители.

В марте 1851 года отец Сергей вернулся на Афон, где вся братия монастыря торжественно встретила любимого и уважаемого собрата, возвратившегося домой после четырехлетней разлуки.

По желанию и просьбе отца Сергия, душа и сердце которого стремились к более уединенной жизни, по решению собора старцев, для него была специально построена особая келлия с небольшой в ней церковью на месте, которое избрал сам отец Сергей еще до отъезда своего в Россию. С помощью благодетеля Козьмы Беляева, пожертвовавшего для этого достаточную сумму, келлия за самое непродолжительное время была отстроена, и церковь при ней освящена во имя святых бессребреников Косьмы и Дамиана.

Поселившись в Космодемьянской келлии, отец Сергей всецело предался аскетическим подвигам и литературным занятиям. Всего за три года он, благодаря своей огромной трудоспособности, стал автором следующих книг:

- 1) «Путеводитель по Святой Афонской Горе и указатель ее святынь и прочих достопримечательностей с 31 видом монастырей, скитов и картою Афона». Эта книга была напечатана в 1854 году в Санкт-Петербурге;
- 2) «Афонский патерик, или Жизнеописания святых, на Святой Афонской Горе просиявших». Эту книгу он оставил незаконченной, но впоследствии она была завершена отцом Азарием (Попцовым);
- 3) «Стихотворения святогорца, собранные после его смерти и посвященные любителям и благодетелям Святой Горы Афонской», которые были изданы в Санкт-Петербурге в 1862 году;
- 4) «Русский Пантелеимонов монастырь на Св. Афонской Горе». Этот труд был напечатан в Санкт-Петербурге в 1854 году;
- 5) «Акафист св. великомученику и целителю Пантелеимону». Перевод с греческого впервые был напечатан в Санкт-Петербурге в 1861 году;
- 6) «Описание Эсфигмено-Вознесенского монастыря»;
- 7) «Палестинские записки»;
- 8) «Русские иноки на Св. Горе Афонской с X до XIX века», где жизнеописания были доведены отцом Сергием до XVI века.

Последние три произведения вместе с другими были опубликованы в 1865 году в Санкт-Петербурге в четырехтомном издании «Собрание сочинений и писем святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах».

Несмотря на разносторонние интересы, отец Сергей в первую очередь был искусным рассказчиком. Как писал епископ Порфирий (Успенский): «Сергий был поэт, а не

историк и археолог. Речь у него чисто русская, приятная и инде увлекательная»⁴⁵. Именно сила его красноречия возбудила в сердцах тысяч верующих интерес к Афону. Многие, убежденные силой его слова, шли в монахи, а иные с радостью жертвовали средства афонским обителям.

Строгая подвижническая жизнь и усиленные литературные занятия сильно расстроили и без того слабое здоровье отца Сергия. За год до кончины ему было видение, что Господь скоро призовет его к себе. С тех пор он стал серьезно готовиться к смерти. В это время началась Крымская война, и отец Сергий хотел на время военных действий отправиться в Россию, но по воле Бога он не смог осуществить свой замысел. Он смирился и встретил свой смертный час в своей отшельнической келлии. Незадолго до смерти он написал: «Господи! Помяни мя во Царствии Твоем! Помяни и всех моих друзей и врагов: вси бо есмы человецы: слабость и немощи — это принадлежность нашего сердца и ума. Потому-то, Господи, всех нас прости, помилуй и спаси, яко Един Безгрешный и Непостижимо Благий и Милостивый. Аминь. Слава Богу о всем! Слава и Царице Небесной о всем».

Преставился ко Господу отец Сергий 17 декабря 1853 года.



Иеросхимонах Арсений (Минин)

Мирское имя отца Арсения — Александр. Родители его, люди благочестивые, Иоанн и Александра Минины, были купеческого звания, уроженцами Новоторжского уезда Тверской губернии, и жили в Казанской губернии, в Мамадышском уезде, на мельнице, где вели хлебную торговлю. Здесь в августе 1824 года и родился будущий отец Арсений. Александр был третьим по счету сыном. Вообще в семье их было семь детей — пять сыновей и две дочери. Из них на монашеское поприще также вступил его брат Иоанн, который стал монахом Саровской пустыни, и сестра Екатерина, которая после смерти своего мужа поступила с дочерью Ольгой в Зверин-Покровский женский монастырь в Новгороде.

⁴⁵ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона: В 2-х томах. М., 2007. С. 1013.



В 1857 году в возрасте 33 лет Александр Иванович Минин поехал в качестве паломника в Иерусалим. Сопутствовавшие ему богомольцы пожелали побывать и на Святой Горе Афон, что он и осуществил. Чудная природная красота Афона так пленила Александра Ивановича, что он мысленно решился остаться здесь навсегда. «Благодарю Господа Бога, — воскликнул он от полноты духовной радости, — что Он сподобил меня вступить в жребий Пречистой Своей Матери, прошу Ея материнского заступления и милосердия принять меня, грешника».

Первые послушания Александр Иванович проходил на кухне, затем подметал коридоры, носил сено, собирал маслины, — все делал с горячим усердием. Впоследствии ему дали послушание, сообразное его образованию и способностям, а именно перевели его в письменную канцелярию.

На этом послушании сразу проявились его опытность и способности. Но Александр Иванович был так смирен, что и при этом послушании вменил себе в обязанность подметать ежедневно коридоры, чего не оставлял он до самого посвящения в иеромонаха. Духовником его был отец Иероним, и, согласно его совету, он непрестанно упражнялся в Иисусовой молитве, растворенной глубоким самоукорением и всегдашней памятью о смерти. Впоследствии у него явилось благодатное дарование слез.

Через полтора года Александр Иванович был пострижен в мантию с именем Арсений. Он продолжал исполнять послушание в канцелярии, но при этом не упускал малейшей возможности приумножать в себе, благодатью Божией, любовь к Богу и ближним. Нельзя умолчать о подвиге самоотверженной любви его в отношении тяжело заболевшего схимонаха обители отца Неофита, жизнь которого вкратце он описал. Начав служить страдальцу еще послушником, он и в монашестве служил ему до самой его смерти. Когда этот добродетельнейший старец совсем слег в постель и келья его от гниения тела стала наполняться тяжелым запахом, отец Арсений почти неотлучно был при нем, усердно ухаживая за больным.

За такое самоотверженное служение болящему Господь сподобил отца Арсения несказанного утешения. По кончине старца при чтении им Псалтири над почившим, а также при отпевании отец Арсений ощущал обильнейшее благоухание, исходившее от подвижнического тела страдальца Христова. Благоухание это в некоторой степени ощущали и прочие братья.

Посвятив себя всецело Господу Богу, новоначальный инок не хотел, чтобы мирское задерживало его в деле спасения, посему вырученную сумму денег от продажи своего завода и присланную ему от родных он тотчас принес в дар обители. Святой Афон он возлюбил всем сердцем своим и укрепил себя в намерении окончить здесь свою земную жизнь. Но не так судил Господь.

В 1861 году по крайней скудости средств Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря высочайше был разрешен сбор по России добровольных пожертвований. Для этой цели старцами обители был избран отец Арсений. 8 июля 1861 года он был рукоположен в иеродиакона, а 11 июля – в иеромонаха. Уже через год, а именно 28 августа 1862 года, отец Арсений отправился в Россию исполнять данное ему послушание. Он взял с собой Крест с частицей Животворящаго Древа, часть от камня Живоноснаго Гроба Господня, часть мощей святого Пантелеимона и многих других угодников Божиих. Кроме сего, в напутствие отцу Арсению была дана еще чудотворная икона Тихвинской Царицы Небесной малого размера.

Тяжелым и хлопотным было послушание, возложенное на отца Арсения. Но всем своим сознанием почитавший волю Божию выше всех своих желаний, сомнений и недоразумений он всецело, как смиренный и покорный раб, подчинился ей, хотя и очень прискорбно ему было расставаться с возлюбленным местом уединения. Всегда энергичный и деятельный, он новому послушанию своему посвятил все свои силы.

В течение четырех лет он объехал почти всю Россию. Усердие русского народа к святыням несказанно воодушевляло отца Арсения, и он, не чувствуя усталости, двигался все дальше и дальше. А Господь, богатый на милости, с избытком вознаграждал труды верного раба Своего. От афонских путешествующих святынь благодатью Божией повсюду стал истекать для приближавшихся к ним с верою и теплым молением обильный источник исцелений от душевных и телесных болезней. Эти благодатные явления чудес от них были задокументированы и впоследствии изданы отцом Арсением отдельной книгой. Такая обильная милость Бога, естественно, повсюду возжигала огонь усердия в сердцах людей для умножения добровольных пожертвований на Святой Афон. Отец Арсений, умиленный происходящими чудесами, воскликнул: «Великая милость Божия осеняет нас, Господь, видимо, благоволит к нашим немощным трудам!»

Особенно прославились святыни в столице России Москве, когда они находились в Богоявленском монастыре, где все более и более являлось богомольцев и откуда

все более и более шло пожертвований на Святой Афон. Это побудило отца Арсения рекомендовать старцам Руссика открыть постоянное подворье в Москве. И вскоре старцами Руссика на Высочайшее имя и в Святейший Синод было подано прошение об устройении в Москве при Богоявленском монастыре часовни во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона. При содействии некоторых влиятельных лиц разрешение на строительство часовни у Владимирских ворот Кремля было получено.

«Угодник Божий возлюбил Москву, — говорил обрадованный таким решением отец Арсений, — и возжелал не временно пребывать в ней, а постоянно. Слава и благодарение Богу!» Все хлопоты по построению часовни лежали на плечах отца Арсения, и он вполне оправдал доверие к себе старцев. Фасад часовни имел изящный вид, а внутри она была украшена иконами, присланными с Афона. Здесь же была помещена икона Тихвинской Божией Матери, а слева от нее — икона святого великомученика Пантелеимона с частью святых его мощей. Часовня была торжественно открыта и освящена в начале 1873 года епископом Дмитровским Леонидом (Краснопевцовым) в сослужении отца Арсения.

«Вот и мы теперь с помощью угодника Божия постоянные жители Москвы, — радостно говорил отец Арсений. — Могли ли мы прежде о том подумать?»

Отец Арсений завел такой порядок в часовне, чтобы здесь в определенное время служились общие молебны с акафистами. Для москвичей и гостей города она стала одним из излюбленных мест молитвы и духовного отдохновения.

Отец Арсений не ограничивался только заботами о часовне. Дела чистой бескорыстной христианской любви он считал выше всякого другого подвига. «Особенно дел любви нам не должно оставлять, — говорил он. — Поститься как следует — мы не постимся. Молиться — плохо молимся. Одно средство у нас остается для наследования Царствия Небесного — это именно дела любви. И с сими делами спешить надобно, ибо жизнь наша коротка».

Во время поездки по России и остановок на местах и в новой часовне в Москве келья отца Арсения всегда была переполнена посетителями. Он старался всех удовлетворить, с каждым побеседовать, кого наставить, кого утешить, и в течение целого дня не было у него ни одной свободной минуты. «Дело Божие надо делать, не откладывая», — обычно говорил он, и этому правилу был верен до конца жизни, иногда совершенно забывая о пище и телесном покое.

Около отца Арсения, как глубоко верующего и строгой подвижнической жизни аскета, постоянно собирался круг многих и многих искренне преданных ему людей, жаждавших духовного совета для разрешения различных духовных недоразумений и дел. Отец Арсений умел как-то сразу распознать человека, пришедшего к нему за духовной помощью, а потому и мог преподавать каждому нужное духовное врачевство.

Впоследствии, когда отец Арсений находился на Афоне, его российские чада в письмах продолжали с ним общение. После отца Иеронима и отца Макария у него была самая обширная переписка с миром.

Отец Арсений, несмотря на занятость, писал много поучительных писем, составлял духовно-нравственные наставления, был инициатором начала издательского дела монастыря. Он умел из святоотеческих творений составлять весьма назидательные книги и брошюры. В 1866 году издал книгу под заглавием «Беседа о молитве», в 1868 году — книгу «Единое на потребу», а в 1876 году — книгу под заглавием «Маргарит, или Избранные душеспасительные изречения, руководящие к вечному блаженству, с присовокуплением некоторых бесед, относящихся исключительно к женским обителям».

Отец Арсений составил жизнеописания некоторых современных ему подвижников, которые впоследствии были изданы монастырем под названием «Афонские современные подвижники». Написал много статей духовного содержания, которые публиковались в разных журналах тогдашней России, был основателем периодического издания Руссика, которое сначала называлось «Душеполезные размышления», а затем «Душеполезный собеседник».

В 1870 году отец Арсений посетил святой град Иерусалим и по впечатлениям от своей поездки составил «Путеводитель во святой град Иерусалим...», который был издан в 1872 году. После кончины отца Арсения монастырь опубликовал собрание его писем под названием «Письма в Бозе почившего афонского старца иеросхимонаха Арсения Минина к разным лицам с добавлением мыслей и заметок о разных предметах веры и нравственности».

После открытия и освящения часовни в Москве отец Арсений просил своих старцев снять с него послушание служения при часовне и позволить ему возвратиться на Афон, по которому постоянно тосковала его душа. К тому же зрение и ноги его стали ослабевать. Но Господь, ведающий сущия Своя, судил ему иначе. Старцы не только не сняли с него послушания при часовне, но дали ему новое, еще более трудное и в более отдаленном уголке России. Ему поручили найти на Кавказе место, где бы могла быть устроена обитель, которая служила бы неким прообразом Руссика в России, где соблюдались бы его же иноческие традиции и Устав.

Задача эта вполне совпадала с духовными устремлениями отца Арсения, вся послушническая деятельность которого до этого проходила в повиновении своим старцам и осуществлении деятельной любви. Он вскоре нашел весьма удобное место для обители в местечке Анакопия, около города Сухуми, где стоял разрушенный храм во имя святого апостола Симона Кананита. О превращении этого храма в новую Новоафонскую Симоно-Кананитскую обитель в 1875 году по мысли отца Арсения и было подано старцами Руссика прошение на имя Его Императорского Высочества Вели-

кого Князя Михаила Николаевича, наместника Кавказского. Это прошение к несказанной радости отца Арсения увенчалось успехом.

В течение года при помощи благотворителей он успел уже в новой обители устроить церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы, а также построить кельи для нескольких братьев, присланных к нему с Афона. Также удалось открыть и училище для мальчиков тамошних туземцев, которых набралось до 20 человек. Несмотря на то что дело устройства обители на Кавказе требовало от отца Арсения нечеловеческих усилий, он не оставлял и прежнего своего послушания при Афонской часовне в Москве. Все удивлялись его энергии и энтузиазму. Священник Николай Воинов замечал, что «огонь духовной ревности горел в его душе сильным пламенем, что ясно отпечатлевалось в глазах его, быстрых, насквозь как бы проникающих».

Во время Русско-турецкой войны, когда под августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Александровны открылось Общество Красного Креста, отец Арсений тотчас стал членом его. Он принял активное участие в сооружении на Девичьем поле лазарета, за что был удостоен благодарности от Императрицы. Однако отец Арсений этим не ограничился. Он устроил приют для раненых солдат в доме на Полянке, который чуть ранее пожертвовали Руссику Сушкины, родственники игумена Макария, тем самым показав себя патриотом, бескорыстной чистой любви христианином.

Никто никогда не слышал из его уст праздного слова. Отец Арсений часто был молчалив и задумчив, присутствующие при нем чувствовали, что он в сердце своем творит молитву, и не смели его отвлекать разговорами.

Смирение отца Арсения было изумительно. Он всегда считал себя первым из грешников. Весьма смущало его то, что среди разнообразных занятий вдали от Святого Афона он не мог исполнять во всей точности устава иноческой жизни. Это нарушение он старался восполнять делами христианской любви.

Дух бодр, но тело немощно. Здоровье отца Арсения при столь сложных и многообразных послушаниях дрогнуло, и вдобавок ко всему в начале осени 1879 года в Петербурге он нечаянно споткнулся, упал и ушиб ногу так, что был вынужден продолжительное время лечиться.

Во время своего пребывания на Святой Горе в 1878 году отец Арсений как бы предчувствовал, что он более не увидит возлюбленного своего Афона. После отъезда с Афона, по окончании храмового праздника Покрова Пресвятой Богородицы, в его келии нашли пакет с такой надписью: «Прошу распечатать и прочитать по смерти моей. Иеромонах Арсений». После смерти его, согласно пожеланию, старцами и был распечатан пакет. И что же в нем оказалось? Духовное завещание, собственноручно написанное отцом Арсением.

Вот это завещание:

«Святые отцы, батюшка, отец духовник Иероним и батюшка игумен Макарий! Благословите именем Господним! Когда распечатаете это письмо, то меня уже не будет на земле. Бог весть, кто из нас кого переживет. Его святая власть!

Прошу во всем отеческаго благословения и разрешения. По милости Божией я от вас никаких секретов не имел и не имею. Это очень облегчало путь моей немощной жизни. Вас имею в сердце моем как первых на земле благодетелей моих. Вы по милосердию Божию научили меня знать Бога, любить Его и Пречистую Его Матерь и каяться в моих грехах.

Без сомнения, я мог бы быть более полезным и для обители, и для души своей, но моя немощь и любление плоти склоняли меня к небрежению и лени. Раздражительность по действию дьявольскому и прочия греховныя мои страсти вам известны, во всем прошу прощения и разрешения. В последнее время я удостаиваем был особаго благоволения и милосердия от Небесныя нашея Владычицы, хотя и недостойн, но имею великую надежду на Ея матернее милосердие и ходатайство. Уповаю, что не лишен буду ваших святых отеческих молитв. Простите за малое писание. Собираюсь на Кавказ. Может, по времени еще что напишу. Недостойный послушник Ваш, убогий иеромонах Арсений. 2 октября 1878 года. Вечер. Св. Афон».

15 ноября 1879 года, ослабленный разными недугами и уже больной ногой, отец Арсений вдобавок еще заболел острым воспалением легких. 17 ноября, после совершения над ним молитвенного последования на «исход души», около двух часов дня, он мирно почил о Господе. 19 ноября отец Арсений был похоронен в московском Крестовоздвиженском Алексиевском девичьем монастыре. На его могильном кресте были написаны слова премудрого Соломона: *«Скончався вмáлѣ испóлни лѣта дóлга: Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета; угóдна бо бѣ Гóсподеви душá егó, сегó рáди потщáся от средѣ лукáвствiя...»*, *«да не злóба измѣнiтъ рáзумь егó, или лéсть прельстiтъ дúшу егó...»* (Прем. 4, 13–15; Прем. 4, 11).

Схимонах Никодим (Санин)

Мирское имя отца Никодима⁴⁶ — Николай Иванович Санин. Родом он из Смоленской губернии, города Сычевки, мещанского сословия, православного исповедания, был женат.

С детства жил в самом городе при родителях и занимался мелочной торговлей, а потом переехал в Петербург, где сделался полотором. Впоследствии он сам стал хозяином и имел свою артель. Наживал деньги успешно, но в семье не был счастлив. С женой своей жил не в ладу, так как она не хранила ему супружеской верности.

Это огорчало Санина до крайности. С досады он и сам иногда предавался с мастеровыми разгульной жизни, но совесть не оставляла его в покое, внушала ему, что он во время скорби должен искать утешения у Бога и что рано или поздно ему не избежать смерти и Суда Божия. Таковые и подобные им обличения совести мало-помалу начали приводить Санина к исправлению его жизни. Он стал все чаще вспоминать о смерти и суде Божиим, боялся, как бы не умереть без покаяния, что и побуждало его на добрые дела. Он начал щедро подавать милостыню, ходить в церковь, читать священные книги, посещать святые места. В частности, ходил он и в Иерусалим.

По возвращении оттуда решился, наконец, вовсе оставить мир и удалиться на Святую Афонскую Гору, дабы там в покаянии провести остаток дней своих. С женой Санина с этого времени также случилась разительная перемена: оставив прежнюю жизнь, она стала также заботиться о спасении души, и когда Николай предложил ей отпустить его в монастырь, то сему нисколько не воспротивилась и даже пожелала, в свою очередь, по примеру его идти в женский монастырь.

Решившись посвятить себя монашеской жизни, Николай в 1844 году прибыл в Руссик, где был принят в число русской братии. Его духовным отцом стал духовник Руссика иеросхимонах Иероним (Соломенцов), который и повел его к желанной цели — спасению души.

Вначале он ревностно и с усердием исполнял разные послушания, но не обращал при этом внимания на свое внутреннее состояние. Когда же ему духовник объяснил, что при упражнении тела во внешнем послушании необходимо и умом упражняться во внутреннем послушании совести, тогда Николай стал более прежнего внимать себе, а по принятии монашества с именем Никодим — жить еще строже, обуздывая

⁴⁶ Жизнеописание составлено по записям духовника Иеронима (Соломенцова). См.: АРПМА. Док. № 518.

язык и чрево. Духовник, видя в нем особое к себе доверие, простоту, решительную готовность к послушанию, вознамерился приблизить его к себе.

Взяв благословение отца игумена, духовник принял отца Никодима к себе в кельяники. Кроме этого послушания отец Никодим занимал одновременно должности эконома, рухольного, будильщика и архондаричного (гостиника). При таких многозаботливых внешних занятиях он показал себя достойным подвижником. Исполнение стольких беспокойных дел не помешало ему усовершенствоваться в духовной жизни. Все внешние препятствия он побеждал детской евангельской верой и послушанием, был прост и несведущ в Священном Писании, но при этом стяжал такие высокие добродетели, которые и в уединенной жизни с большим трудом не всегда приобретаются даже более способными к самонаблюдению людьми.

Опытные знают различие браней вблизи предметов, возбуждающих страсти, и вдали от них. Одно дело побеждать страсти в уединении, а иное — в общежитии. Одно дело — хранить мирное состояние духа сидящему с рукоделием в келии, а совершенно другое — находящемуся на должности при исправлении разных общих нужд. Для последнего потребен сугубый труд.

Отец Никодим, приняв на себя четыре разные должности, вначале встретил большие препятствия к исполнению порученного ему со стороны своих прежних мирских привычек. Но как побеждать их? Когда он был в миру, то позволял себе много есть, пить и спать безвременно, а также празднословить. Не зная, что делать, он спросил духовника, как ему в таком случае поступать, с чего начать. Духовник посоветовал ему начать с исполнения заповеди: *«Безъ совѣта ничесѡже твори...»* (Сир. 32, 21), — т. е. обо всем спрашивать духовника, как о худом — так и о добром. И если когда-либо придет ему какая-нибудь добрая мысль сделать что против своей дурной мирской привычки, не приводить бы ее в исполнение, пока не скажет прежде о том духовнику, и искоренять привычки свои не разом, а мало-помалу и не иначе как по совету духовника.

С того времени отец Никодим обо всем говорил духовнику и без его совета ничего не делал. Он мог о себе сказать: *«Уготѡвихся и не смутѣхся сохрани ти заповѣди твоѧ»* (Пс. 118, 60), — потому что все сказанное от духовника принимал с несомненною верою, а потому и силен был исполнять приказанное.

В мирской жизни отец Никодим любил выпить, поэтому духовник, снисходя к немощи его, не запрещал ему употребить немного вина и в монастыре. Но и это немного несколько вредило ему, потому что он был косноязычен и заика и не без затруднения беседовал с другими. А когда хотя бы немного выпивал красного вина, тогда еще более затруднялся в разговоре.

Однажды духовник вышел из трапезной и увидел отца Никодима, подобным образом, заикаясь, разговаривающего с другими, и сказал ему: «Отец Никодим, я го-

ворил тебе, что для тебя бесполезно наравне с другими пить вино, ты должен пить его меньше других вполонину, потому что, и не пив вина, ты объясняешься так худо, что паломники, не зная причины сему, соблазняются, думая, что ты пьян». Отец Никодим, поклонившись, ответил: «Простите, батюшка, с того времени как вы мне приказали, я так и делаю: пью вино в отличие от других вполонину меньше, но и это мешает мне, и я желал бы вовсе не пить его, но сам не смел сего сделать. Отныне не благословите ли мне вовсе оставить вино?» Духовник отвечал: «Бог благословит». С того времени отец Никодим не пил ничего хмельного до смерти своей.

Многосложная должность его требовала частых объяснений с духовником, а потому тот назначал время для бесед с ним к вечеру, после повечерия. В это время он обыкновенно передавал духовнику все, что имел на совести, и спрашивал, что ему было нужно.

Для молитвы отец Никодим не имел свободного времени по причине многочисленных своих должностей. Впрочем, сколько имел свободного времени, проводил его в усердной молитве. Нередко случалось ему молиться до последних сил своих, так что, сделав земной поклон, он засыпал в том положении и весьма утешался, проснувшись в подобном молитвенном положении. Такая молитва ему очень нравилась. Братья, не зная причины молчания его, говорили: «Наш отец Никодим от старости сделался глух и молчалив». Впрочем, некоторые постигали духовную его настроенность. Особенно видели это отец Сергей (Веснин) Святогорец и отец Григорий (Лисянский). Последний очень уважал отца Никодима и нередко говорил о нем, что отец Никодим – старец редкий, как послушанием и терпением, так и молчанием.

Отец Никодим отличался и любовью, и вниманием к собратьям: несмотря на свою занятость, он заботливо ухаживал за больными и немощными братьями, его часто можно было видеть у постели смертельно больного брата своей простосердечностью и любвеобилием утешавшим последнего.

Один из русских безмолвников, живший на Капсале*, именем Анастасий приходил иногда в русский монастырь к духовнику для исповеди. Отцу Никодиму было приказано принимать его. Однажды духовник сказал отцу Никодиму, чтобы он обращал особенное внимание свое на этого старца и, чем только может, утешал бы его, потому что этот старец достиг высокого устроения духовного и сможет помогать монастырю своими молитвами в усовершенствовании духовной жизни. Выслушав это, отец Никодим наклонил голову к груди и после минутного молчания, поклонившись до земли, спросил с заметным умилением: «Можно ли, батюшка, мне узнать, в чем состоит это высокое устроение духовного старца отца Анастасия?» Духовник отвечал: «Можно и полезно будет открыть тебе о его добродетелях для поощрения твоего». Потом духовник рассказал ему о подвигах старца Анастасия, о его посте и нестяжательности, о том, что он несколько лет прилежно понуждал себя к слезам, за что Бог даровал ему высо-

кий дар слез по его воле, и он, когда только захочет поплакать, тогда и плачет, а это все дано ему было за послушание духовному отцу, без совета которого он ничего не делал.

Выслушав это, отец Никодим пришел в восторг, пленился высоким даром свободных слез, упал в ноги духовнику и со страхом спросил:

— Мне, батюшка, можно ли стремиться к этому?

— Почему же не можно? — отвечал ему духовник.

— А долго терпеть мне? — спросил отец Никодим.

— А ты опять за маловерие берешься?! — возразил ему духовник. — Я и прежде говорил тебе, что исполнение должностей не препятствует восходить к совершенству христианскому, а маловерием нашим мы унижаем благодать Божью, которая всемогуща и вседейственна, а потому, без сомнения, может и при рассеянных и беспокойных должностях даровать то, чего мы с верой просим у Бога. Ты веруешь ли, что Господь может дать Тебе этот дар?

При этих словах отец Никодим, со слезами опять поклонившись до земли, сказал:

— Верую, отче, что Господь силен и может даровать мне этот дар твоими святыми молитвами.

Духовник на это ответил ему:

— Итак, если веруешь, то Бог благословит тебя, по сказанному им: «...ищйте, и обрящете: толцыте, и отвэръзется вамъ» (Мф. 7, 7). И, дав ему благословение, отпустил его.

С этого времени отец Никодим тщательно понуждал себя, чтобы ежедневно плакать, и встречавшиеся к тому препятствия он устранял или побеждал.

Зная по опыту, что многоядение осушает слезы, чтобы победить это препятствие, он оставил сперва сладкие снеди, а потом и от обыкновенных воздерживался, а по пятницам и вовсе не ел. Спал на земле, вместо подушки имел камень, покрытый полотном. Чтобы не побеждаться празднословием и гневом, держал камень во рту. Все это он делал по совету духовника и другим никому об этом не открывал.

После памятной беседы с духовником о слезах у отца Никодима начал увеличиваться и страх Божий. Он все более говорил о вечных мучениях, иногда выражая свой ужас от мысли, как будет умирать, как будет проходить мытарства бесовские, боялся, как бы бесы не задержали его на мытарствах своих за многие грехи, содеянные им в мире, нередко при этом восклицал: «Боюсь бесов, как бы они меня в час смертный не привели в отчаяние. Говорят, что они всеми силами своими нападают на человека умирающего, напоминают ему все грехи, обличают его, ужасно кричат и вопиют: «Наша душа, мы ее возьмем себе!» И тому подобное. Что в таком случае делать надобно? Как и чем отбиваться от них? И думаю, что в это время от страха и ужаса умирающий человек как бы изумится и оцепенеет».

На эти вопросы отца Никодима духовник сказал ему следующее: «Надобно заблаговременно заботиться и часто размышлять об этом. Многие из святых от-

цов во всю жизнь свою более проводили время в размышлении о смерти, и само Слово Божье поучает нас помнить последняя наша (см.: Сир. 7, 34). Надобно обращать особенное внимание на стих молитвы церковной и этим стихом почаще молиться Господу: «Христианския кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном судищи Христове просим у Тебе, Отче, именем Господа нашего Иисуса Христа». Всякий же грех свой должны мы исповедовать духовному отцу и о нем скорбеть, плакать и советоваться почаще с духовником, как лучше готовить себя к смерти, и заблаговременно обучаться, как в страшный тот час смертный бороться с бесами, как им противоречить и не верить советам их, не бояться угроз их и совершенно не принимать отчаяния, которое они обыкновенно внушают умирающему. И прежде смерти бесы стараются внушать болящему сомнение о спасении и неверие в получение милости Божией, принося такие мысли: «Вот, ты не спасешься, тебя Бог не примет, ты многогрешный, плодов достойных покаяния не сотворил, ты нечисто исповедовал грехи свои, а многие вовсе забыл, а потому ты в ад пойдешь. Тебя Бог не простит, ты лицемерно жизнь свою прожил, и часть твоя — в аду. А может быть, ты и предопределен к погибели». Таковые и подобные им мысли враги наши внушают нам и пред смертью, и в час нашей смерти, и потому надобно заблаговременно обучить себя утверждаться в вере в заслуги Господа нашего Иисуса Христа и всей душой полагаться на них. Он за нас воплотился, пострадал, кровь Свою пролил на Кресте, умер и верующим в Него и кающимся в грехах своих дарует прощение и вводит в жизнь вечную блаженную. Вот основа нашего спасения. На том твердом основании и нужно нам утверждаться всегда и особенно во время часа смертного, на этом стоять, этим защищаться от нападений врагов, этим отгонять их от себя, этим успокаивать и утешать, с этим только одним жить, потому что если бы кто и имел многие добрые дела, то надеяться на них не должен, ибо Сам Господь сказал: *«Тáко и вы́, егда́ сотворите́ вся повелѣнная вамъ, глаго́лите, яко рабѣи неключими есмь...»* (Лк. 17, 10). Как бы грехи наши ни были велики и сколько бы их ни было, мы не должны отчаиваться в получении милости Божьей.

Слово Божье уверяет нас, что нет греха, побеждающего милосердие Божье. Отчаяние рождается от гордости, потому что, предавшись ей, человек обвиняет Бога, как будто Бог является причиной его грехов, якобы Он его сотворил склонным ко греху, и потому не смиряется, не просит прощения у Бога, но гневается на Бога. А кто уповает на милосердие Божье, тот и от всех своих многих и тяжких грехов не оправдывается, но себя осуждает подобно благоразумному разбойнику и мытарю, молится и испрашивает прощения. Если же кто поверит внушению врагов и примет мысли их, что не спасется или что он будет осужден или отвержен Богом, или что

предопределен к гибели, то душу такого человека бесы увлекут к себе, потому что он отчаянием своим отверг искупление и уничижил милосердие Божие и, подобно Каину, счел свои грехи превышающими милосердие Божие.

Но, как уже сказано, не надо внимать подобным бесовским внушениям и вовсе не верить им, но именем Божиим запрещать им, противоречить им и с сильным гневом проклинать их, ибо для того нам дана от Творца раздражительность, чтобы мы гневались на бесов, а не на людей. Надобно отвечать бесам так: «Хотя я и многогрешный, но отчаиваться во спасении не хочу, ибо надеюсь на милосердие Божье. Богу моему одному я согрешил, Ему и каюсь. Он один мой Судья, а не вы, проклятые бесы. Какое вам до меня дело? Вы сами отступники от Бога и отверженные от него, вы не имеете права истязать меня, вы сами осуждены на вечную гибель, я знать вас не хочу, проклятых. Бог — моя сила, Бог — мой Спаситель, вся моя надежда на милость Его, и все зависит от Его помилования, страха же вашего не боюсь я, и не сможете меня смутить, если бы и в тысячу раз больше моих грехов вы бы нашли, то и тогда я не принял бы внушенное мне вами отчаяние, надеясь на неизреченную милость Божию, на молитвы Божьей Матери, святых ангелов и угодников Божьих, которых я призываю на помощь».

Полезно также держать себя как в продолжение жизни, так и при конце ее посреди страха Божия и надежды, как апостол сказал: *«нечѣеми, но не отчаявѣеми»* (2 Кор. 4, 8), — и на всякое время надеяться на милость Божью, ибо Слово Божье таких ублажает: *«Блажѣни, — говорит псалмопевец, — всѣ надѣющіися на нѣ»* (Пс. 2, 12).

Вот, отец Никодим, тебе сказано кратко, как надобно приготовляться к исходу из сего мира и как при помощи благодати Божией надобно правильно действовать пред смертью и в сам час смертный. Ты понял, что хорошо, и теперь знаешь об этом, но исполнение этого совета надо предоставить опять-таки Богу милосердия и щедрот. Его надобно молить, чтоб Он привел предположение наше в исполнение, даровал бы нам в тот страшный час веру твердую, и упование, и необходимое благое дерзновение. А это надобно делать заблаговременно. Ты знаешь, что без помощи благодати мы и одной минуты не можем провести благополучно, даже и помыслить о добре и пожелать доброго без благодати не можем. Потому Церковь в ночи молится Богу: «Сподоби, Господи, в ночь сию без греха сохранитися нам». Также и днем, и вечером, утром и в полдень. Тем более нам очень нужно часто молиться, чтобы сподобил Господь благополучно пройти врата смертные и мытарства бесовские и достигнуть обетованного нам Небесного Царствия и блаженства».

Отец Никодим верно следовал совету духовника, и от частых слез глаза у него постоянно были красными. Духовник иногда спрашивал его, имеет ли он слезы и плачет ли. Он отвечал, что плачет. Братья, заботясь о нем, говорили, что он от старости худо видит и слышит, и потому некоторые из сострадания просили о нем духовника,

чтобы успокоил его. Духовник, призвав его к себе, спросил у него, не страдает ли он зрением или слухом. Отец Никодим отвечал духовнику, что он здоров. Духовник, посмотрев ему в глаза и заметив в них красноту, спросил тогда:

— Отчего ж у тебя глаза очень красны и как будто воспалены, и ресниц у них нету? Часто ли ты плачешь?

Отец Никодим отвечал:

— Плачу.

— А как часто ты плачешь? — опять спросил у него духовник.

Отец Никодим, наклонив голову к груди, с улыбкой повторил тот же ответ:

— Плачу.

Потом духовник сказал ему:

— Мне как духовнику нужно знать, сколь часто ты плачешь: через день, или каждый день, или несколько раз в день, потому что хитрые враги наши умеют обольщать нас и с доброй стороны.

На этот вопрос отец Никодим, не переменив своего положения, еще с большей улыбкою отвечал духовнику:

— Плачу, отче, когда захочу.

Духовник спросил у него:

— Давно ли ты это имеешь?

Отец Никодим отвечал:

— Два года с половиной, с того времени как я после беседы моей с тобой об этом даровании Божьем сделал тебе поклон и испросил благословение у тебя искать этого дара Божья. А до того времени я по твоему благословию три года с трудом понуждал себя к ежедневным слезам.

На что духовник заметил ему:

— Видишь ли, что ты получил этот дар верою за послушание, а не за заслуги твои, и знай, что всякий дар Божий сохраняется смирением. Берегись от возношения. Не осуждай никого, постоянно укоряй себя. И другие имеют этот дар, но считают себя хуже всех.

После этой беседы духовник хотел было уволить отца Никодима от заботливых должностей его, чтобы тот спокойно мог в келье своей упражняться в молитве и слезах. Но Бог устроил иначе, чтобы отец Никодим прямо от трудов своих перешел в вечность.

Вскоре отец Никодим заболел. Болезнь его продолжалась 40 дней. Перед смертью своей за несколько дней он читал какую-то записку, которая находилась у него под подушкой. Приближаясь к смерти, он прочитывал эту записку несколько раз в день и мирно почил о Господе. После смерти записку эту нашли, она имела следующее содержание: «Я уповаю на милость Божью, на заслуги Христовы, Он мой Судия, а не вы, окаянные, что вам за дело до меня? Ему согрешил, Ему и каюсь, а вы не имеете во

мне никакого места, лукавые бесы. Отыдите от меня к вашему сатане».

Отец Никодим ростом был невысок, лица приятного, плешив, бороду имел длинную и густую с проседью, говор у него был скорый, немного заикался, но в церкви пел и читал без затруднения. При служении духовником ранней Литургии почти всегда пел один. Скончался отец Никодим в 1853 году, прожив в монастыре восемь лет.



Схимонах Пантелеимон (Овсянников)

Схимонах Пантелеимон⁴⁷ (в миру Григорий Петрович Овсянников) был родом из крестьян Воронежской губернии. Поступил в Руссик в 1841 году, где и пострижен в схиму. Послушание проходил в иконописной мастерской. Расписал старую трапезную. Где он научился мастерству иконописи и как он решился стать монахом — неизвестно. По всей видимости, он отправился на Афон после встречи в Одессе с иеросхимонахом Сергием (Весниным), который в письмах называет его своим близким другом. «Много у меня остается здесь милых и добрых друзей, — писал отец Сергей, — а что всего чувствительнее — один из них при последнем почти издыхании, и как раз тот, который делил со мной радости и горе, мои страдания сердечные, беспечность поэтического досуга и часть странствий по Афону». В другом письме он пишет о нем так: «В числе здешних друзей моих я недосчитался по приезде лучшего друга моей афонской жизни, с которым я сроднился сердечно, с которым делил радости и горе и его трудовые занятия. Этот друг мой был хороший живописец, имя его в монашестве Пантелеимон. Больно было моему сердцу, когда долетела до меня весть еще в Смирне, на пути моем в Иерусалим, что друг мой скончался. Я не знал, как он отходил к Богу, с каким чувством приближался к конечным минутам своей жизни и как испустил последний вздох, и меня тревожила его загробная участь. Но теперь я узнал это и благодарю Бога, что друг мой сподобился праведной кончины.

При отбытии моем со Святой Горы в Палестину я оставил живописца в самом трудном положении: он тяжело болел и не мог вставать с постели. Но при прощании еще

⁴⁷ Жизнеописание составлено по книге: Иеросхимонах Сергей (Веснин). Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 212, 227.

дружески обнял меня в надежде свидания. Знали ли мы тогда, что свидание будет уже в вечности? После меня только неделю томился друг мой в недуге, в предсмертной борьбе.

Духовник видел, что он близок к смерти, а потому предложил ему принять схиму. Больной с радостью согласился. И после пострига несколько дней подряд приобщался Святых Таин, и в последний день — тоже. Ему предложили, не хочет ли он послушать акафист Божьей Матери. «С радостью», — отвечал тот. И один монах начал читать. После каждого икоса и кондака больной пел своим слабым, замирающим уже голосом «Аллилуйя» и «Радуйся, Невесто неневестная». Когда третий раз был прочтен последний кондак акафиста: «О Всепетая Мати, рождающая всех святых святейшее Слово» и проч., живописец пропел трижды «Аллилуйя», и с этими звуками ангельского славословия улетела душа его на небо, где поется Богу и Всепетой вечная «Аллилуйя». В это время один из братии следил за движениями умирающего и видел, что, когда он пропел в последний раз, судорожное движение появилось на лице его. Пантелеимон обернулся налево, и как будто что-то встревожило его, но в то же мгновение он повел глазами направо, умилительно посмотрел вверх и с райской улыбкой на устах испустил последний свой вздох.

Покойный друг мой прожил на Святой Горе три года с небольшим. Я познакомился с ним еще в России в 1840 году, когда странствовал до Одессы, но там мы разошлись, и только в 1843 году я снова сошелся с ним в Руссике. Бог знает, был ли кто из русских святогорцев в такой мысленной брани, в таком бурном смятении духа, как этот юный живописец. Верно, для врага он был несносен. Несколько раз покойный порывался оставить Руссик, где стесняются своеволие и причуды желаний, и хотел жить где-нибудь на свободе, но Бог не допустил этого.

Грозные сновидения двукратно останавливали моего друга от задуманного им выхода из Руссика. Разумеется, если бы он обольстился влечением обрести мнимую свободу, враг сокрушил бы его. Само пострижение в монашество живописец принял по особенному убеждению таинственных посетителей, после многих и тщетных со стороны духовника предложений к принятию иноческой одежды. Однажды Григорий после живописной работы в трапезной заснул. И ему представилось, что он там же, в трапезной, сидит за настенной росписью и работает.

В трапезной, кроме него, не было ни одной души. Вдруг Григорий слышит, что дверь тихо растворяется и кто-то входит. Он мельком оглянулся, но, не обратив особенного внимания на посетителей, снова углубился в свое занятие. Между тем приближаются к нему двое: первый из них — старец самой привлекательной и почтенной наружности, а второй — юноша, прекрасный собой, в древнем эллинском одеянии. Молча встали они — один одесную, а другой по левую сторону от живописца — и следили за бегом его труженической кисти. Наконец старец, положив руку на плечо

Григория, кротко спросил его: «Ты еще не постригся?» Григорий внимательно посмотрел на старца и смутился. Вид старца порастил Григория. В чертах его он узрел лик святителя Митрофана Воронежского. «Нет еще, — ответил за Григория юный незнакомец и с чувством продолжил, — сколько я ни говорю Григорию, чтобы он принял ангельский образ, так нет, не слушается. А надобно бы ему постричься».

Эти слова юноши, произнесенные трогательным голосом, полным любви и сострадания, сильно потрясли сердце живописца. Он тогда же проснулся и, несмотря на то, что было уже около полуночи и все спали, побежал к духовнику и разбудил его. Духовник не смутился безвременным приходом живописца, потому что знал его постоянную брань и тяжелые искусы, которые часто наводил на него демон, а потому старец отворял для Григория дверь свою во всякое время. Только на сей раз действия и слова Григория сильно удивили духовника.

Дотолу упорный и не всегда сговорчивый, живописец, заливаясь слезами, пал духовнику в ноги и умильно просил пострижения.

— Что это ты вдруг? — спросил духовник.

— Ради Бога постригите, — сквозь слезы умолял Григорий и, немного успокоившись, рассказал духовнику про свое сновидение.

— Хорошо! — с улыбкой отвечал тот, выслушав Григория. — Видишь, сам святой Пантелеимон скорбит из-за твоего упорства и отлагательства пострижения.

Таким образом, Григорий был пострижен, и дано ему было имя Пантелеимон в том убеждении, что сам святой великомученик Пантелеимон принимал особое участие в судьбе живописца, который был детской простоты и самого любезного характера в отношении ко всем.

Обитель много потеряла в друге моем, потому что с его кончиной кончилось и занятие здесь живописью. По расписании трапезной покойный живописец совсем было принялся за настенную роспись в соборе, но Бог позвал его в Свои райские обители. Такова была жизнь и кончина моего лучшего из друзей афонских, от которого я принимал уроки рисования и живописи, с которым любил работать в трапезной, распевая с ним любимый его концерт: «Реку Богу: заступник мой, почто мя забыл еси». Нежный голос его звучно разливался тогда по пространной трапезной и замирал в глубоких оконечностях креста, в виде которого она расположена. Одни лишь безмолвные лики святых угодников, написанных по стенам во весь рост, внимали нашим тоскующим напевам, потому что мы любили оставаться в совершенном уединении, так что никто не препятствовал нам в занятиях... Да удостоит Царица Небесная видеться и ликовать мне с моим другом и там, где нет ни болезни, ни печали, но где жизнь и радости бесконечные! Вечная ему память!»

Отец Пантелеимон преставился 9 сентября 1844 года.

Схимонах Геннадий

Схимонах Геннадий⁴⁸ был родом из Вологодской губернии, из крестьян. На Святую Гору он прибыл вместе с иеросхимонахом Сергием (Весниным) после его поездки в Иерусалим.

Вот как описывает его кончину в своих письмах Святогорец: «Когда Григорий прибыл в Руссик в первый раз (таковым было мирское имя вологжанина), то наша жизнь ему чрезвычайно понравилась. Однако старцы наши его не приняли по причине того, что за крайним недостатком свободных келий решительно некуда было его поместить.

С прискорбием юный Григорий удалился от нас и поступил ненадолго в Кавсокаливский скит. Так, в одночасье, однажды навсегда привязал его к себе наш мирный Руссик. Бедный Григорий тосковал по нам, изнемогая духом. Наконец, не сдержав порывов души, требовавшей высоких подвигов послушания и более решительных действий, нежели в скитском безмолвии, где он скучал от праздности тела, свыкшегося с трудами крестьянской жизни, он снова пришел к нам и смиренно признался, что не может нигде жить на Святой Горе, кроме Руссика.

Но что мы могли сделать? Мы только сочувствовали его затруднительному положению и более ничего предпринять не могли, так как не было ему надежды на поступление к нам. К счастью для Григория паломник-слепец был еще тогда у нас. Мы посоветовали обратиться к нему и просить ходатайствовать перед геронтой* и духовником, пребывая в полной уверенности, что слепцу не откажут в его просьбе. Так и было. Григория действительно оставили в Руссике в угоду слепцу и дали послушание помогать на штукатурке стен Пантелеимонова собора.

С усердием и ревностью принялся новый послушник за свое дело и стал вести самый строгий образ жизни. Не хотел даже носить на ногах сандалий, несмотря на то что приходилось постоянно ступать по холодному мрамору и граниту, которыми вымощены были полы всех монастырских зданий.

В чувстве особенной моей внимательности к послушному Григорию я однажды дружески заметил ему, что здесь полы опасны для ног. «Ничего, — скромно отвечал он, — я ведь привычен ко всему».

Опасения мои не прошли даром. По окончании штукатурки в соборе Григорий простудился и занемог. Первым делом монастырского начальства в подобных случа-

⁴⁸ Жизнеописание составлено по книге: Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006.

ях бывает душевное спасение больного, которого тотчас постригают в великую схиму и напутствуют Святыми Христовыми Таинами каждый день. Так поступили и с Григорием, который, впрочем, по истечении двух недель оправился и начал было выходить, но, к сожалению, покушал арбуза и вторично впал в горячку, скоро уложившую его в могилу.



Около двух недель страдал юный Григорий и наконец стал просить схиму, по принятии которой приобщился и Святым Таин. Это случилось в Успенский пост. Так как Геннадий (имя, данное в схиме Григорию) изнемогал и был уже в отчаянном положении, некоторые из нашего братства, собираясь на престольный праздник, который был 15 августа, в Ивер, пришли попрощаться с больным.

— Ради Бога, — говорил Геннадий слабым голосом прощающимся с ним братьям, — ради Бога попросите там, в Ивере, Царицу Небесную, чтоб мне не выздороветь, а умереть...

Растроганные иноки с чувством оставили своего дивного брата... Накануне смерти, 14 августа, духовник навестил Геннадия и заметил, что он уже находится в предсмертной слабости. При виде своего духовника больной оживился.

— Отче, — сказал он прерывающимся голосом, — пособируйте меня маслом.

— К чему ж это? — спросил с улыбкою духовник. — Тебе, верно, хочется пожить еще?

— Не знаю, — с сомнением в голосе отвечал Геннадий. — А что теперь лучше для меня, отче, жить ли или умереть? — спросил он духовника.

— Разумеется, лучше умереть, — заметил тот. — Ты только что принял святую схиму и причастился Святым Таин, значит, тебе остается теперь только идти к Богу, в рай.

— Так благослови, отче! Я умру! — решительно и весело произнес Геннадий.

— Бог благословит! — отвечал духовник. — С Богом в рай!

И наутро, в день Успения Божией Матери (1845-го года), с окончанием Литургии действительно окончил свое земное поприще удивительный схимонах Геннадий. Тихо отлетел душой своей в райские обители».

Схимонах Григорий (Лисянский)

Схимонах Григорий (в миру Юрий Юрьевич Лисянский) родился в городе Санкт-Петербурге. Он был сыном знаменитого флотоводца, капитана первого ранга Юрия Федоровича Лисянского (1773–1837), участника первого кругосветного плавания кораблей русского флота под начальством И. Ф. Крузенштерна. Юрий Юрьевич по желанию своего отца получил прекрасное военное образование и стал офицером, но военная карьера не привлекала его. Он только отдавал дань славе своего отца, искал любую возможность оставить военную службу и посвятить свою жизнь служению Богу. Такая возможность ему представилась только после смерти его знаменитого родителя.

В 1843 году он подал в отставку и немедленно направился в святой город Иерусалим. Поклонившись святым местам Иерусалима, Юрий Юрьевич отправился на Афон. В 1844 году он ступил на давно желанную афонскую землю и направился в Русский Пантелеимонов монастырь. Там припал к ногам отца Иеронима и долго исповедовался. Отец Иероним, видя его искреннее и глубокое покаяние, принял его в монастырь.

Вскоре его постригли в мантию с именем Григорий. Послушание он проходил на строительстве Митрофаньевского храма. «Он был очень ревностен к послушанию, – пишет отец Селевкий (Трофимов), — особенно любил петь на клиросе, а голос имел очень приятный. Он совершенно отсекал свою волю, без благословения ничего не делал; даже бывало на трапезе, когда лишнее покушает или без времени когда напьется водицы, то всегда признается в том и попросит прощения. Вообще он был жизни очень хорошей и к братьям любезен»⁴⁹.

Непрестанная Иисусова молитва была основным внутренним делом отца Григория, молитвой он очищал свое сердце и молитвой возрастал в любви. Не раз он сподоблялся чудных видений. Есть описание случая, как в глубоком молитвенном созерцании отец Григорий видел огонь, охвативший со всех сторон, но не опаляющий его. Испугавшись этого пламенного Утешителя, Григорий обхватил лицо руками...⁵⁰

В 1850 году отца Григория постригли в схиму. Несмотря на утешения, получаемые от Господа, отец Григорий не переставал проливать горьких слез покаяния и просил ниспослать ему особую болезнь, чтобы через физические страдания еще более очистить

⁴⁹ Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам... СПб., 1860. С. 24.

⁵⁰ АРПМА. Док. № 518. С. 531.

свою совесть. Милостивый Господь услышал молитву своего раба, и отец Григорий тяжело заболел чахоткой. Болезнь была настолько тяжелой, что он слег в постель, харкал кровью, мучился сильным жаром. Тогда духовник приказал отцу Никодиму (Санину) ходить за больным и строго блюсти его, чтобы тот не умер без присмотра.

Отец Никодим очень уважал и любил отца Григория за примерную монашескую жизнь и его любвеобилие и хотел послужить ему при кончине его жизни. Но затруднялся тем, что ему по его послушанию нужно было часто отлучаться от больного, и он боялся, чтобы тот во время его отсутствия не умер. Впрочем, из



такого затруднения вывела отца Никодима прозорливость отца Григория.

Отец Никодим пришел к отцу Григорию и, объяснив ему свое затруднение, просил его, чтобы тот сказал ему, когда будет умирать. Отец Григорий с подобной же простотой и уверенностью отвечал: «Не беспокойся, отец мой, когда я буду умирать, тогда об этом скажу тебе». И действительно, по прошествии нескольких дней он сказал сидевшему при нем отцу Никодиму: «Вот, отче, я скоро умру». Отец Никодим спросил у него, откуда он это знает. Больной отвечал: «Разве ты, отче, не видишь, вот уже пришли за мной двое и сказали мне: «Пойдем домой». Отец Никодим торопливо начал спрашивать его: «Где они, где они? Я не вижу их». Отец Григорий, сделав ему рукою знак, сказал: «Молчи, молчи, я там тебе скажу». И вслед за этими словами мирно окончил свою страдальческую жизнь⁵¹. Покаянием, непрестанной молитвой и страданиями отец Григорий изгладил свои прежние грехи и смог так умягчить свое сердце, что в нем воцарилась Божественная любовь. Преставился отец Григорий 2 февраля 1852 года.

Говорят, что у великих людей редко бывают великие дети, и как будто бы наш пример подтверждает эту мысль: Лисянский-отец записан в истории России огромными буквами, а Лисянский-сын даже биографами его отца не замечен. Но это поверхностное заключение! Очень трудно сопоставить друг с другом действительно достойные поступки отца с невероятным смирением и любовью сына. Они действовали в разных сферах человеческой жизни, один — в материальной, земной, а другой — в духовной, небесной. И если первый свою славу и честь получил от людей, то второй свой венец получил от Господа. Первая награда видимая, а вторая невидимая. Первая — временная, а вторая — вечная, совершенная. Многие на земле знают, как достичь таких же результатов, каких достиг Лисянский-отец, но почти никто не знает, какие нужны нечеловеческие усилия, чтобы достичь того, чего достиг его сын.

⁵¹ АРПМА. Док. № 518.

Схиигумен Парфений (Агеев)

Схиигумен Парфений⁵² (в миру Петр Саввич Агеев) родился 14 ноября 1806 года в городе Яссы в Молдавии. Очень рано осиротел, но вскоре его усыновили добрые люди. Впоследствии о своих приемных родителях он вспоминал: «Хотя они и были заражены расколом, но были весьма богобоязненны, милостивы и гостеприимны. Дом наш всегда был открыт для странников и нищих, за что Господь не оставил их погибнуть в расколе. На старости лет они все же присоединились к Святой Церкви... Учили меня страху Божьему, от самого младенчества отвлекали мое юное сердце от всех соблазнов мира, рассказывали про уединенную иноческую жизнь и всегда о ней читали и говорили со слезами: «О, блаженны те, кто оставил этот суетный мир и отложил всякое житейское попечение, удалился в тихие и безмолвные места: в монастыри и пустыни, в горы и леса и посвятил себя на служение Единому истинному своему Господу Богу, кто воспекает Его день и ночь».

Отец Парфений оказался достойным учеником своих набожных родителей и с юных лет проявил стремление к монашеской жизни. Едва получив паспорт, он пустился в странствие по российским монастырям. О том, чего он искал во время своего путешествия, впоследствии писал так: «Как мне беспорочно препроводить жизнь свою и как укротить необузданную свою юность? Как мне прожить опасные молодые свои годы? Как переплыть страшное и многоволнистое житейское море, исполненное всяких опасностей, душевных и телесных? Как мне достигнуть тихого и небурного пристанища бесстрастия и как приобрести совершенную любовь ко Господу и к ближнему своему? Как мне победить страсти, и получить соединение с Богом, и наследовать Царствие Небесное?»

Стремясь к этим святым целям, он обошел почти все обители России и наконец остановился в раскольническом Белокриницком монастыре на Буковине, где и был пострижен в монахи с именем Паисий. Но мечта побывать на Афоне и, если будет на то воля Бога, остаться там навсегда вынудила его оставить этот монастырь и двинуться на юг, к заветной цели.

По дороге из-за болезни ему пришлось надолго остановиться в раскольническом Мануиловском ските в Молдавии, на расстоянии 100 верст от города Яссы, недалеко

⁵² Жизнеописание составлено по книге: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Части 1–4. М., 1855–1856.

от города Фэлтичени. Именно здесь Господь сподобил его освободиться от давно мучившего его совесть тяжелого груза — раскольников. Очищенный и жаждущий чистого источника — Православия, он со своими единомышленниками — новообращенными друзьями отправился в православный Нямецкий монастырь — наследие великого старца Паисия (Величковского).

Укрепившись здесь в истинной вере, они отправились в Россию для ознакомления с учением и повседневной жизнью Русской Православной Церкви. В июле 1837 года прибыли в Киево-Печерский монастырь. Вот как описывает свои новые впечатления отец Парфений: «В течение многого времени, которое мы провели в Киеве, ежедневно мы посещали святые места, пещеры и лобызали мощи святых угодников Божьих. Делали это не так, как прежде в расколе, грустно, темно и мрачно, но светло, весело и радостно. Нам казалось, что все кругом благо и приятно, все приводило нас в умиление и слезы».

Из Киева отец Парфений отправился в Нижний Новгород, в Высоковский единоверческий монастырь, где жил под руководством великого старца Тимона. Довольно подготовившись, отец Парфений с друзьями вернулся в Молдавию, в православный монастырь Ворону, где над ним было совершено таинство миропомазания. Как вспоминал впоследствии отец Парфений: «Архимандрит приказал всем нам снять с себя раскольническую монашескую одежду, после чего на нас надели послушническую. Потом духовник всех исповедал и испытал совесть каждого, кто кем и как был крещен. Потом семь дней препроводили мы в посте и молитве, проклиная все ереси и расколы. На восьмой день всех нас, десять человек, присоединили к Единой Святой Соборной Апостольской Христовой Церкви: одних снова крестили, других только помазали святым миром. Затем всех причастили Святых Таин Тела и Крови Христовой... потом объявили нас послушниками и причислили к братству».

Радости отца Парфения не было границ. Но старая заветная мечта об Афоне не оставляла его. Вскоре он решил во что бы то ни стало добраться до Святой Горы. И, наконец, 8 ноября 1839 года прибыл на давно желанный Афон.

Жил в келлии у старца Арсения. Потом по его благословию некоторое время подвизался один. После чего спасался у старца Иеронима (Соломенцова) в келлии Пророка Илии Ставроникитского монастыря, где по благословию отца Арсения был пострижен в мантию с именем Памво.

Он очень полюбил своего нового старца — отца Иеронима. Вот что он пишет об этом: «И возлюбила душа моя его, поэтому считал за великую потерю, если не видел его несколько часов и не слышал от него полезного слова... И положил я намерение: никогда не разлучаться с ним, даже до смерти». С отцом Иеронимом вместе 20 октября 1840 года он переехал в Руссик.

В 1841 году был пострижен в схиму с именем Парфений в Русском Пантелеимоновом монастыре. Постригал его духовник Иероним, а подводил игумен Герасим. «О, какой я исполнился неизреченной радости, — говорил отец Парфений, — яко сподобился принять великий иноческий образ в жребии Царицы Небесной на Святой Горе Афонской и в великой царской русской обители святого великомученика Пантелеимона!»

Но недолго продолжалась радость отца Парфения. Вот как он описывает новый поворот в своей жизни: «Видимо, Царь Небесный не хочет, чтобы мы радовались, живя в этой маловременной жизни. Поистине *«...многими скорбьми подобаетъ намъ внѣти въ царствіе Божіе»* (Деян. 14, 22). Погостил я у Царицы Небесной полтора года, и показались мне они за полтора денечка. В эти полтора года каждый день моя радость умножалась. Но когда моя радость преисполнилась и местожительство мое совершенно укрепилось, когда радостная весна наступила и красное солнце воссияло, тогда вдруг нашла туча темная, откуда я не чаял, ударил сильный гром и мало что до смерти не убил меня»⁵³.

От духовника Иеронима отец Парфений получил благословение ехать в Россию для сбора пожертвований в пользу обители. 8 апреля 1841 года, после полутора лет пребывания на Афоне, он был вынужден, следуя благословию, оставить удел Божией Матери. Возвратился он только через три года. В 1845 году побывал в Иерусалиме. Свои приключения и впечатления во время пребывания на Афоне и во время поездки по России и в Иерусалим он описал в своей книге «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле», которая была издана в 4-х частях в 1855 и 1856 годах. Эта книга является обильным источником по истории Афона, русских обителей и для жизнеописаний многих выдающихся подвижников Святой Горы.

В мае 1846 года отец Парфений вернулся на Афон и уже не застал в живых своего первого духовника отца Арсения. Прожив там еще шесть месяцев, по благословию старцев обители вновь был послан в Россию, где опять занимался сбором пожертвований.

Еще в 1853 году, находясь в России, он был официальным сборщиком Руссика, чему свидетельство его письмо, посланное из Гефсиманского скита 13 марта 1853 года, где он сообщает о посылке денег в монастырь⁵⁴. А в письме от 18 февраля 1856 года он пишет о себе следующее: «Уже другой год как священствую, а живу в Москве, при доме митрополита Московского Филарета и служу завсегда с ним при домово́й церкви, также и по разным приходским церквям и прохожу послушание апостольское, и занимаюсь печатанием и продажей книг моего многолетнего странствия, которое не дает мне покоя день и ночь. Завсегда полны мои кельи

⁵³ Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле Ч. 2. М., 1855. С. 233.

⁵⁴ АРПМА. Док. № 3681. С. 2.

посетителями, но хотя и нахожусь в самом обширном кругу знакомств, но сам все-таки ничего временного не приобретаю, кроме книг и икон, ибо в точности покую-ва исполняю заповедь своего старца Арсения, чтобы ничего ни от кого не просить. Но все живу, как странник на чужой стороне, все летел бы во Святую Гору Афонскую, если бы были у меня крылья. Но еще все-таки не отчаиваюсь окончить последние дни моей жизни на Афоне, а более всего прошу Господа Бога моего, чтобы Он устроил мою жизнь по Своей святой воле и помог бы мне потрудиться в пользу Своей Святой Церкви и Отечества и для спасения душ человеческих»⁵⁵.

«В Москве отец Парфений получил возможность опубликовать написанные им ранее сочинения и трудился над новыми произведениями. Достаточно быстро вышли в свет два важных его сочинения, законченные еще в Томске. Это, во-первых, «Сказание о жизни и о подвигах в Бозе почившего старца Даниила, подвизавшегося в Сибирской стране, в Енисейской губернии, в пределах города Ачинска, и скончавшегося в Енисейском Христорождественском женском монастыре 15 числа апреля 1843 года, в четверток на Пасхе, при игумении Евгении» (М., 1855 и др.), завершенное 28 июня 1854 года перед самым отъездом из Томска. Во-вторых, дважды выходило законченное еще в мае 1849 года «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» (М., 1855; 2-е изд. М., 1856). И в эти же годы отдельно были опубликованы три извлечения из него: «Воспоминание афонского инока Парфения о разговоре с беспоповцами Поморской секты в 1825 году» (М., 1856), «Воспоминание афонского инока Парфения о посещении Святой Горы Афонской Его Императорским Высочеством Великим Князем Константином Николаевичем в 1845 году» (М., 1856), «Светлый праздник в Иерусалиме» (М., 1856)». Кроме того, в течение первых 3-х лет пребывания в Москве отцом Парфением была создана и опубликована «Книга о Промысле Божиим, как он чрез Православие ведет ко спасению, а неправославных обличает собственными их делами» (М., 1857).

В 1856 году отец Парфений написал «Автобиографию», которая, с одной стороны, в более кратком виде повторяет знаменитое «Сказание о странствии и путешествии...», а с другой — является его продолжением. За исключением нескольких глав она была напечатана в 1898–1901 гг., т. е. только через 20 лет после преставления отца Парфения. Созданные в 1855 году «Сказание о скопцах» и так называемый «Цветник» в настоящее время впервые готовятся к изданию»⁵⁶.

⁵⁵ АРПМА. Док. № 3681. С. 6–8.

⁵⁶ Левшина Ж. Л. Материалы о схиигумене Парфении (Агееве) в НИОР РГБ // Записки Отдела рукописей [РГБ] (в печати). С. 4.

В июне 1856 года отец Парфений святителем Филаретом Московским был назначен настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни⁵⁷, а с 1858 года он уже настоятель Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря⁵⁸, который под его энергичным руководством почти с нуля быстро вырос до громадного монастыря. «За ревностные труды и за построение в короткий срок Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря по Высочайшему соизволению отец Парфений был награжден золотым наперсным крестом, который лично был на него возложен митрополитом Филаретом. На день памяти преподобного Сергия Радонежского, 25 сентября 1863 года, иеромонах Парфений митрополитом Московским и Коломенским Филаретом был возведен в сан игумена»⁵⁹. Строительство Гуслицкого монастыря стало завершающим этапом в трудах отца Парфения на благо Церкви Православной, стало «воплощением могучей молитвы старцев Святой Горы Афонской».

Посылая в Россию отца Парфения, старец-духовник Святой Горы Афонской Арсений сказал: «Господь тебе будет помощник, и он тебя заступит; ты же все терпи с благодарением и переноси без роптания. И не имей надежды ни на что тленное и мимоходящее, ни на деньги, ни на людей; но уповай только на Единого Бога, и Он все твои дела исправит и совершит». Отец Парфений всю свою жизнь старался претворять сии словеса старца в жизнь, старался послужить многим в деле обретения для них православной веры как своими трудами, книжными и писательскими талантами, так и собственным примером»⁶⁰.

Несмотря на многие заботы на игуменском посту, он до конца своей жизни не прекращал общения со старцами Руссика. В 1871 году он писал отцу Иерониму: «Только вспомню мое у вас пребывание и ваше ко мне расположение, не могу не плакать»⁶¹.

В июне 1872 года его перевели на покой в Гефсиманский скит Святой Троице-Сергиевой Лавры, где он и преставился 17 мая 1878 года.

⁵⁷ АРПМА. Док. № 3681. С. 10–12.

⁵⁸ АРПМА. Док. № 3681. С. 40–42.

⁵⁹ Парфений (Агеев), инок. Автобиография. М., 2009. С. 243.

⁶⁰ Парфений (Агеев), инок. Автобиография. М., 2009. С. 244.

⁶¹ АРПМА. Док. № 3681. С. 47.

Схимонах Селевкий (Трофимов)

Схимонах Селевкий⁶² (в миру Степан Трифионович Трофимов) родился в городе Свистове Бессарабской губернии, в довольно богатой семье. Когда мальчику было два года, его семью постигло несчастье: при пожаре сгорел дом, после чего вся семья оказалась в одних рубашках на улице. После этого случая семья нищенствовала, вскоре родители умерли, и остался мальчик со своей сестрой на попечении бабушки.

Во время турецкой войны 1829 года его усыновил находящийся тогда в городе русский офицер Павел Андреевич Скворцов. Так как последний был военным, то мальчик вынужден был делить с ним все невзгоды воинской службы: частые переходы и скитания с места на место, участие в военных действиях; однажды мальчик даже был ранен.

Офицер нашел для мальчика воспитателя, и тот обучал его элементарной грамоте. Вскоре его усыновил другой офицер, полковник Илья Ереемевич А., который родом был из села Софроново Рыльского уезда. Степан наконец обрел постоянное место жительства. Став повзрослее, он стал помогать своему приемному отцу по хозяйству и довольно преуспел в этом деле.

Одно время они с приемным отцом жили, по причине торговых дел, в Санкт-Петербурге. Молодой Степан увлекся жизнью большого города и начал посещать его увеселительные заведения. Однажды в Петербурге давали театральное представление «Страшный Суд» (это было на Масленицу). Степан посетил это представление и, увидев священную сцену в неприличном месте, вознегодовал на глупость театра и даже бежал из него. Через несколько минут после его выхода театр вспыхнул, начался пожар.

Вскоре после этого он сильно захворал и два месяца был в крайнем изнеможении. Однажды, когда болезнь брала уже над ним верх, он видит и слышит, как двое юношей вошли к нему, взяли его за руки и сказали: «Следуй за нами!» Больному представилось, что он, не чувствуя никакой болезни, встал, оглянулся на свою постель и увидел, что тело его осталось на ней...

Тогда только понял он, что оставил земную жизнь и должен явиться в иной мир. В юношах он узнал Ангелов и в сопровождении их долго шел по чрезвычайно трудным и мрачным местам. Наконец ему послышался шум как будто огненной лавы, визг и вопль людей. В страхе и трепете он увидел что-то вроде печей, в которых бу-

⁶² Жизнеописание составлено по книгам: Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам... СПб., 1860; Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 267.



шевал огненный вихрь, крутилось пламя, и посреди него раздавались страдальческие стоны людей. Но печи были наглухо закрыты, и только огонь проглядывал сквозь трещины их. Тогда юноши начали объяснять, за какой грех уготовано то или другое огненное место. Наконец показали ему страшное наказание, тоже пламень и различные виды мучений за народные бесчинные увеселения, а трепетавшему Степану сказали: «Если ты не отстанешь от своих грехов и привычек прежней жизни, вот твое место...»

Несчастный, видя огненное свое жилище на целую вечность, дрожал как осиновый лист и ни слова не мог вымолвить. Вслед за тем один из Ангелов восхитил одного человека из среды пламени, и Степан увидел, что этот несчастный черен

как уголь, весь обгорел и вдобавок окован с ног до головы так, что ужасно было посмотреть на гибельное его положение. Тогда же оба Ангела сняли с мучившегося оковы, и, как мрачная шелуха, слетела с него чернота. Этот человек сделался чист и светел, как Ангел, вышел прекрасен и с неопишуемой райской веселостью в очах. Бог весть, откуда Ангелы взяли одеяние, похожее на царскую порфиру, блиставшее как, свет, и одели ее на страдальца... Степан между тем, видя все это, недоумевал, восхищался и благоговел пред тайной совершавшегося пред ним чуда видоизменения человека, дотоле страшного и обгорелого, как головня...

— Что это значит? — наконец смиренно спросил он Ангелов. — Ради Господа, объясните и скажите мне.

— Это душа, — отвечал один из Ангелов, — была очень грешна и потому, отлученная от Бога, должна была по делам своим вечно гореть в этом пламени. Между тем родители этого грешника по смерти его много подавали за него милостыни, много делали поминовений на Литургии и панихидах, и вот ради поминовения и молитв родительских и ходатайства Церкви Бог умилился, душа эта избавлена от вечного мучения и теперь пойдет предстать пред лицом своего Господа и радоваться со святыми Его вовеки. А ты, — продолжал Ангел, — иди еще в свое место и, если хочешь избавиться этой геенской муки, исправься и перестань грешить.

При этих словах видение закончилось. Степан очнулся от сна и увидел, что его домашние плачут по нему и распоряжаются приготовлением тела его к погребению.

С этого времени Степан в своем сердце окончательно решил пойти в монастырь. Но на его пути встала преграда. Довольный его торговыми способностями, отец хотел его женить и сделать своим преемником, и, как назло, вдруг сразу же откуда-то появились многие кандидатки в невесты. Юноша все время уговаривал своего отца отложить это мероприятие. Но наконец его уговорили, и вот отец назначил день помолвки. Собралась вся родня, вывели невесту, местную красавицу, но, как только она стала подходить к Степану, он вдруг ужаснулся: она ему показалась отвратительной и как будто с рогами. Он закричал: «Нет воли Божьей, чтобы я женился на чужой стороне!» — убежал в свою комнату и закрылся. Пришел отец. Уговаривал его, обещая многие богатства и свое имение, но Степан со слезами умолял его: «Ничего не хочу, батюшка. Что мне имение и богатство! В будущем веке не надо будет ничего этого. Я хочу идти в монахи!»

Отец рассердился и начал на него кричать: «Какой ты будешь монах?!» Но Степан был непреклонен, говорил: «Вы видите сами, что нет воли Божьей жениться мне. Я сам хотел быть хозяином и иметь семейство, но невозможно поступить против Божьей воли». Отец, увидев упорство сына, на этот раз отступил.

Степан был частым гостем находящейся поблизости Софроновой пустыни. Строгая монашеская жизнь притягивала боголюбивого юношу. Однажды он поехал туда со своим отцом, который, увидев, как захвачена душа Степана всем окружающим, спросил его: «Что, Степанушка, нравится ли тебе этот монастырь?» Степан ответил: «О, батюшка Илья Ереемеевич, оставьте меня здесь; я очень возлюбил это место и буду молиться за вас и за себя, чтобы Бог простил мои грехи».

Несмотря на то, что отец высмеял его ответ, Степан в этот момент решил окончательно, что посвятит свою жизнь Богу. Это взбесило приемного отца, и он избил его так сильно, что Степан лежал неподвижно целую неделю и последствия этого избияния мучили его всю оставшуюся жизнь: он страдал головной болью, волосы все облезли и часто темнело у него в глазах.

После выздоровления Степан оставил дом, своего отчима и пошел скитаться по монастырям России, пока у него не зародилась мысль посетить святы места Востока. С помощью добрых людей он смог собрать нужные для поездки средства и отправился в Константинополь, на Кипр, в Иерусалим. Его жаждавшая всего святого душа была вдоволь утолена встречей с многочисленными христианскими святынями. Вот с каким восторгом он описывает праздник Входа Господня в Иерусалим: «В Вербное воскресенье были мы у Гроба Господня, где раздавали вайи фиников, такие красивые, что любо смотреть. После утрени стали собираться священники из окрестных церк-

вей, иеромонахи, архимандриты, епископы, архиепископы и митрополиты. Осветили весь храм, так что лампад и сосчитать невозможно. А народу было такое множество, что некоторые забрались на самый верх иконостаса и даже выше. Я, грешный, заплакал от радости, видя такую торжественную сцену, и думал: что это такое будет? Вдруг ведут Патриарха и поют сладким голосом: «Аксион эстин» («Достойно есть»). О, любезные читатели, ума моего не хватает передать, когда облачились все митрополиты, архиепископы и пр., пошли кругом Кувуклии в два ряда и запели: «Благословен грядый во имя Господне!» Боже мой! Что тогда со мной было... «Неужели и на небесах так будет?!» — подумал я. Это такая радость, что и описать невозможно! Желаю всем православным христианам видеть такое торжество».

Из Иерусалима Степан отправился на Святую Гору Афон и в июне 1844 года достиг пристани Русского Пантелеимонова монастыря, который так его впечатлил, что он решил остаться здесь навсегда. Но Руссик был еще не обустроен и беден и не имел возможности принимать новых членов. Поэтому духовник Иероним благословил его пожить пока где-нибудь в одной из келлий.

Степан устроился в келлии Иверского монастыря, у старца Товифы, где он прожил полгода, а после переселился к братьям Корневым, которые имели собственную каливу*. Здесь он выполнял послушание повара, пек хлеб и просфоры. В этой келлии на Рождество Христово он был пострижен в мантию с именем Сильвестр.

«О, какая была радость, — пишет он, — когда исполнилось давнишнее мое желание и на самый день Рождества Христова облекли меня в ангельский образ. Был Стефан — нарекли Сильвестром! Как легко мне стало, как будто скинул с себя тяжкое бремя греховное. Нет силы описать то сладостное ощущение!» Вскоре умер старец келлии отец Филипп, и оставшиеся без духовника монахи переселились в Руссик. Среди них и отец Сильвестр. Его приняли в братство и отправили на послушание к старцу Харитону в келлию «Живоносный Источник», где он выполнял послушание повара и хлебопека. Через полгода дали ему послушание садовника-винограддаря. Он трудился в виноградниках прилегающих к монастырю келлий: на Троицкой, Георгиевской и др.

1 октября 1849 года старцы монастыря благословили отца Сильвестра вместе с двумя другими монахами ехать в Россию для сбора пожертвований. Он об этом пишет так: «Это неожиданное предложение очень меня напугало. Я не знал, что ответить, и стал отговариваться, но тщетны были мои попытки».

Старцы Руссика с похожей миссией уже посылали в Россию отца Парфения (Агеева), но тогда эта миссия не увенчалась успехом, а монастырь сильно нуждался в средствах. Поэтому была предпринята новая попытка, и, слава Богу, на этот раз предприятие было довольно успешным. В этом огромную роль сыграли опубликован-





Дальняя Георгиевская келлия во времена отца Селевкия. Сегодня полностью разрушена

ные к этому времени «Письма Святогорца» отца Сергия (Веснина). Это подтверждает и сам отец Сильвестр в своих воспоминаниях.

Он очень вдохновился первыми успехами и приступил к делу с большим рвением. Обошел почти всю Россию и почти везде имел огромный успех. Вот как он описывает свое пребывание в городе Старый Оскол: «Потом я приехал в Старый Оскол (Курской губернии). О, какая была радость! Во всех домах встречали и принимали меня как родного. А хлебосольство, любовь и добродетель жителей этого города нет силы и описать». При такой благосклонности почти во всех городах России отец Сильвестр собрал сумму в четыре тысячи рублей серебром. Но главным его приобретением была икона Божией Матери Знамение, точная копия с оригинала, которую ему подарили в курском Знаменском монастыре и которую он украсил серебряной, вызолоченной ризой с бриллиантами и драгоценными камнями.

На обратном пути домой он познакомился с Михаилом Ивановичем Сушкиным, будущим игуменом Руссика, который собирался в поездку по святым местам Востока, и они вместе отправились в Одессу, а оттуда в Константинополь.

На Афон отец Сильвестр прибыл накануне нового, 1851 года. Вот его описание этого момента: «Когда мы вышли на берег, я взял икону Знамения Божьей Матери, на кото-

рую исправил в Курске серебряную, вызолоченную и украшенную бриллиантами и драгоценными камнями ризу. Как стали мы подходить к воротам, тотчас зазвонили во все колокола и встретили нас архимандрит (настоятель наш), духовник и вся братия. Я отдал геронте (настоятелю) икону, поклонился ему в ноги, а он благословил меня и поцеловал в голову. И духовник отец Иероним благословил меня и сказал: «Благодарим тебя, отец Сильвестр, за труды твои; не от нас ожидай награды, а от Царицы Небесной!»

В Великий пост постригли отца Сильвестра в схиму с именем Селевкий и дали ему новое послушание — разбивать камни порохом. После долгих испытаний ему благословили жить в Георгиевской* (дальней) келлии, которая к этому времени была совершенно разорена. Многими трудами и стараниями отец Селевкий смог восстановить келлию: «Сделал я себе маленькую берложечку, — как писал впоследствии он, — (келеечку) только по своему росту, т. е. в нее можно влезть только нагнувшись. Она освещается дневным светом через маленькое окошко. А для приходящих была другая келлия. Господь помог нам поправить иконостас, оштукатурить церковь и исправить келлию».

Но недолго ему пришлось наслаждаться пустынножительством. В 1857 году ему благословили опять ехать в Россию на сбор пожертвований, на этот раз с иеромонахом Макарием (Семыкиным)⁶³. Он отчаянно сопротивлялся, но духовник Иероним сказал ему: «Мы созданы не для того, чтобы жить только для себя; надо и для других потрудиться. Ты можешь быть многим на пользу».

Он безоговорочно послушался своего любимого духовника. И на этот раз миссия отца Селевкия была удачной. Он своей святой жизнью и простотой вновь привлек много боголюбивых людей, и опять через него была большая материальная польза для монастыря. Во время этой поездки он начал записывать свои воспоминания, которые под названием «Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам с подробным описанием службы на 1 октября в Русси-ке и краткими сказаниями о некоторых старцах русского монастыря на Святой Горе Афон» были изданы в 1860 году. Также в архиве монастыря сохранены его пись-

⁶³ Схиеромонах Макарий (в миру Максим Ермилович Семыкин) — бывший купеческий сын из города Старый Оскол Курской губернии. Сын схимонаха Геннадия и брат монаха Артемия. Прибыл на Афон в 1838 году и поступил в Ильинский скит. В 1839 году выехал на родину, после чего в 1840 году возвратился на Афон и поступил в Руссик, пострижен в схиму в 1841 году, в том же году рукоположен в иеродиакона, а в 1844 году — в иеромонаха. Послушания проходил в переплетной, в России — по сбору пожертвований. По его ходатайству устроена на Крумичной пристани гостиница с церковью святителя Петра митрополита Московского и святителя Тихона епископа Задонского. Награжден Палицею в 1876 году. Преставился 31 августа 1879 года, от роду 62 лет. В 1861–1863 годах писал письма духовнику Иерониму из России во время сбора пожертвований (см. АРПМА. Док.: № 1215 и № 1217).



ма⁶⁴, которые он посылал старцу Иерониму из разных городов России и которые подчеркивают его предельную честность и преданность монастырскому делу. В этих письмах сохранилась память о тех многих истинных христианах, которые с великой радостью помогали монастырю святого великомученика Пантелеимона в процессе восстановления.

В 1862 году отец Селевкий вернулся в родную обитель, которая его стараниями уже достаточно укрепилась материально. Благодарные старцы больше не беспокоили его, и он до своего смертного часа в течение 17 лет жил и подвизался в одиночестве в Георгиевской келлии, которую братья из-за святой жизни отца Селевкия также называли Селевкиевской келлией. Старец достиг высших уровней духовного совершенства, познал сладость умной молитвы, чем был очень полезен для многих новоначальных монахов. В последние годы своей жизни он щедро раздавал своим многочисленным братьям и мирянам те духовные дары, что получил за смирение и послушание. Преставился схимонах Селевкий 5 сентября 1879 года, кончина его была мирной и тихой.

Преподобный Тимофей Валаамский

Преподобный Тимофей⁶⁵ (в миру Тимофей Николаевич (фамилия его неизвестна)) был уроженцем города Устюга Вологодской губернии, сыном бедного селянина-перевозчика. В юности он проживал в Петербурге. Видя суету и непостоянство этого мира, оставил дом свой, родителей, сродников своих и имение свое, пришел на остров Валаам, где в Валаамском монастыре был пострижен в мантию с именем Тихон. Лет до двадцати отец Тихон подвизался на Валааме, и наконец, чтобы праздностью бесед не отвлекаться от Иисусовой молитвы, которую стяжал строгими изнурительны-

⁶⁴ АРПМА. Док.: № 1215, № 1216.

⁶⁵ Жизнеописание составлено по книгам: Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о жизни и о странствиях по святым местам... СПб., 1860. Прилож. С. 21; Сергей (Веснин), иеросхимонах. Биография Святогорца, письма его к друзьям своим о Святой Горе Афонской, до сих пор неизданные, и келейные записки. СПб., 1873. С. 59; Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Часть 4, М., 1856. С. 270; Русский Паломник. 2001. № 23. С. 47.

ми трудами послушания, задумал закрыть уста свои молчанием. Вследствие этого он притворился, будто его язык поразил апоплексический удар. На все вопросы начальства и братии он не отвечал, всячески показывая невозможность общения, а потом мало-помалу утвердился в подвиге молчания.

Знаменитый русский духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев в своей популярной книге «Путешествие по святым местам русским», описывая свое паломничество на Валаам в 1830 году, писал об отце Тимофее так: «На следующий день, за ранней обедней, увидел я при мощах преподобных (Сергия и Германа) изнуренного инока, который, казалось, с трудом мог стоять. Мне сказали, что он молчальник и уже 8 лет как положил на себя обет безмолвия, беседуя только на исповеди с духовником. Причина столь тяжкого искуса, превышающего строгий устав, неизвестна». Носились, впрочем, слухи о том, что отец Тихон притворно, а не по болезни молчал, но никто не был в силах развязать его языка ни убеждениями, ни ловкостью, ни легкой пыткой, исключая некоторых особенных случаев и крайностей, когда сам он без всякой просьбы со стороны других раскрывал свои уста, из которых вылетали слова утешений и назиданий. Но это было так редко и так таинственно, что только те знали об этом, кто удостоивался его особенного расположения и доверия или когда кто-нибудь находился в опасности или в отчаянном положении.

Прошло пятнадцать с лишним лет, а для скромного и молчаливого Тихона ничего не менялось. Он думал, желал и даже ожидал того, чтобы свои подвижнические кости нигде не уложить, кроме как на Валааме, но Господь судил вопреки его воле и чаянию.

Настоятель Валаамской обители отправил его в Петербург, на подворье. Послушливый Тихон не мог найти причины, чтобы отказаться от новой своей жизни. Того требовало смирение и самые иноческие обеты. Он нехотя отправился в Петербург, где и пробыл до двух лет с половиной, не меняя, впрочем, образа жизни и не изменяя молчаливому своему языку. Он оставался для всех нем, кроме немногих, что само собой привлекало к нему толпы любопытных. В конце концов молва о его доброй подвижнической славе разнеслась так, что он сделался наконец дивом для многих. Даже дети знали, что у этого бедного монаха нет языка.

«Часто, — говорил позже на Афоне отец Тихон, — зная, приезжая в часовню с детьми, трогала меня до глубины сердца. Маленькие дети, бывало, подбегали к своим родственникам и, указывая им на меня, в простоте и с сердечным чувством восклицали: «Маменька, маменька, бедный этот монах: у него нет языка!» Эта добрая черта нежного детского характера невольно увлекала отца Тихона. Он улыбался, глядя на милых детей, и втайне благословлял сострадательность их ангельского сердца.

Впрочем, как ни силен был отец Тихон в своих подвигах, а жизнь столичная казалась для него свинцовым крестом. Слезно и пламенно молился он Пресвятой Деве

Богородице, прося Ее промысла и помощи выйти из столицы. В своих желаниях он искренне признался духовнику Александро-Невской Лавры, опытному отцу Мелхиседеку, требуя его советов и молитв о себе. И общая для всех Утешительница не оставила его в этом затруднительном положении. Случайно пришла как-то мысль отцу Тихону попроситься на поклонение в Иерусалим. Эту мысль он передал отцу Мелхиседеку, который благословил его и даже сам ходатайствовал за него перед митрополитом Серафимом, прося об увольнении отца Тихона за границу.

Не шел или ехал, а летел из Петербурга отец Тихон в Москву. Здесь он впервые явным образом начал славить Бога своими устами и говорить обо всем и со всеми, кто только был ему знаком и близок. В Киеве и всюду потом его уста точили всем нуждающимся сладкие утешения и дивные назидания, которые при простоте его ума и сердца были образованы строгими и горькими опытами дивного подвижничества.

Отец Тихон, собираясь в путь, не имел ни гроша. Впрочем, это его несколько не смущало. При наличии живой веры в Отеческий Небесный Промысел (после кончины отца Тимофея в его молитвеннике нашли лоскуток бумаги, на котором было написано: «Я обещался никакими лекарствами не лечиться и ни у кого ничего не брать») задуманное казалось осуществимым. Знакомые туго набили его дорожный кошелек, который он, однако, при своей сострадательности так истощил на бедных, что, явившись на Афон, имел в кармане только полуимпериял.

Русский монастырь принял его с любовью. Согласно его желанию, ему отдали пустынную келлию во имя святого Георгия Победоносца (дальнюю), где и поселился наш молчальник. В схиме, которую отец Тихон принял вскоре по прибытии из Иерусалима, он был наречен Тимофеем.

Келлия эта находилась к юго-востоку от Ксенофонтского скита, у подошвы одного из пустынных холмов. Там отец Тимофей полагал начатки безмолвия Афонского и провел три года, если не больше. Его обыкновенным ложем был стул — стасидия*, род высокого кресла, на ручки которого можно опираться стоя. Только в крайних случаях, по болезни, отец Тимофей спал на койке, и то всегда сидя и очень мало. Пустынные его подвиги знал и видел только Бог. Ноги его от постоянных молитвенных стояний отекали. Кожа на них была как у верблюда, так что ему не нужны были сандалии. Если же кто-то непременно захотел бы его обуть, то их пришлось бы нарочно шить, потому что никакая обыкновенная обувь не подходила к его отекившим, а иногда и гноящимся ногам, на которые жалко было посмотреть, тем более когда закипали они ранами.

Отец Сергей (Веснин) в своих письмах пишет: «По особенной любви моей к этому дивному пустыннику и я пользуюсь взаимностью его чувств и отеческим расположением, так что он всегда и на всякое время дозволяет мне приходить к нему в пустыню. Вследствие сего я подслушивал иногда его горький плач, его неутешные

слезы и сердечные страдания. О чем он грустит? Отчего его слезы?.. Про это знает только Бог и сердце отца Тимофея, который для назидания моего и в утешение изнемогающего духа моего под крестом иноческих подвигов признавался мне, что плоть его остается в девственной чистоте. Бывало иногда, в крайнем моем изнеможении, я начну жаловаться отцу Тимофею на мою леность, на нерадение к молитве и славословию. Он тяжело вздохнет, а по временам и со вздохом произнесет: «Ах, брате, брате! Когда мы искренне Бога возлюбим, поверь мне, не будем ленивы. Лениность в молитве значит недостаток любви к Богу. Терпи, чадо, терпи, — прибавит он к этому с улыбкой. — Терпеть не будешь, бесу жертвой будешь». И я, бывало, всегда чувствовал неизъяснимое удовольствие в беседах с отцом Тимофеем. При возвышенных своих понятиях об аскетике, в особенности о созерцательной жизни, при строгой опытности своей, он иногда меня с детским простодушием спросит: «Скажи, пожалуйста, что это значит богословие, которому вас учат. Я такой глупый, что ничего не знаю. Я ведь не ученый, сын перевозчика. Ах, если бы мне знать по твоему богословию». С чувством я всегда пытался отвечать на его детский вопрос. Отец Тимофей улыбается при этом, потупится и замолчит».

В послушники ему на келлию старцы благословили отца Парфения (Агеева), который так описывает подвижничество отца Тимофея: «Меня отпустили к нему послужить <...> и сподобился я быть очевидцем его жизни и подвигов. Жил с ним полгода и не видел его никогда на ребрах лежащего, да и сидящего весьма мало, только разве во время трапезы. Но всегда он был на ногах, хотя ноги были больны и опухли, но он на то не смотрел. Каждую ночь, с вечера, среди церкви он становился на молитву и стоял неподвижно до наступления дня. Таков его был устав! Кельи для себя не имел, а церковь ему была вместо кельи. В течение дня прочитывал часть из Апостола и часть из Евангелия, акафист Богородице. Потом занимался трудами. Пищу употреблял самую постную. После трапезы входил в церковь, садился на место и дремал один час — это было его упокоение, которое он позволял своей немощной плоти. Потом вставал и исполнял монашеское правило: триста поклонов земных, тысячу триста поясных, а молитву читал не устами, но сердцем и умом. Таковы были его жизнь и подвиги, что я не мог без слез на него и смотреть. Я, окаянный, не только не мог в чем-нибудь ему подражать, но боялся на него и смотреть. Но, впрочем, желал препроводить жизнь свою с ним и послужить ему до смерти. Думаю, за его святые молитвы простил бы Господь мои великие согрешения и помиловал бы мою окаянную душу, но великих грехов моих ради не сподобился я до конца совершить мое желание и послужить такому великому старцу».

Недолго отец Тимофей оставался на Георгиевской келлии, потому что келлия, принадлежавшая ему, требовала от него много домашних хлопот, от которых он так

отвык и которые так отвлекали его от богомыслия, что он решился перейти в монастырь, где, посвятив себя совершенно Богу, уединился в глубоком затворничестве, являясь посреди братства только в субботу для принятия Святых Христовых Таин и никуда не выходя более в другие дни.

Когда старец Тимофей пришел на Святую Афонскую Гору, то духовник Иероним благословил его говорить со всеми и, кто будет требовать, давать наставления. Разговоры и наставления его были только о том, чтобы каждый старался совершать и стяжать умную молитву и чтобы каждый более всего старался очищать внутреннего человека, очищать свое сердце от помыслов и от прилогов вражьих. Он всегда говорил, что монах потому называется воином Царя Небесного, что имеет брань и войну не с плотью и кровью и не с человеками, но с началами тьмы века сего и с духами злобы, которые беспрестанно воюют с нашим умом и беспрестанно пускают свои стрелы в наше сердце и уязвляют нас. Не в нашей воле состоит, что они стреляют, и невозможно нам этого им запретить, но в нашей воле состоит то, чтобы нам беспрестанно им противиться и отражать их стрелы, т. е. помыслы, беспрестанной Иисусовой молитвой. Если случится, что они нас очень больно уязвят, то надобно скорее эту рану открывать врачу, т. е. духовному отцу, и излечивать ее покаянием и слезами.

Еще он часто говорил так: «Срамно и стыдно тому воину называться воином, который не исполняет в точности царской службы. Он еще подвергнется и наказанию. Так же стыдно и срамно будет перед Царем Небесным и нам, монахам, не старающимся в очищении внутреннего человека и не старающимся совершать умную сердечную молитву, которая очищает наше сердце, и отгоняет все вражьи помыслы и прилоги, и соединяет нас с Самим Богом. Какое мы, монахи, принесем оправдание, если, оставив мир, освободившись от мирских попечений, удалившись в пустыню, отрекшись от самих себя и уже одолев половину пути, не захотим дойти до конца его и не постараемся достичь настоящей нашей цели? Настоящая же наша цель — очистить внутреннего человека, возлюбить Господа Бога от всего сердца своего и от всего помышления своего и соединиться с Ним молитвой, т. е. беспрестанным с Ним собеседованием через умную молитву. Когда достигнем такого истинного монашеского состояния и будет сладостно для нашего ума и сердца имя Сладчайшего нашего Господа Иисуса Христа, тогда с Ним сможем победить и страсти. И не только их тогда победим, но и умертвим. А кроме умной молитвы, невозможно нам победить страсти, и очистить свое сердце, и соединиться с Богом. Умная молитва есть начало и источник всем добродетелям. И Апостол говорит, что *«...но въ цѣркви хошѹ пять словѣсъ умомъ моймъ глаголати, да и ѳны пользую, нежели тмы словѣсъ языкомъ»* (1 Кор. 14, 19). И Сам Господь наш Спаситель мира сказал: *«Сѣ бо царствіе Божіе внѹтръ васъ єсть»* (Лк. 17, 21). И еще: *«Блажѣни чїстїи сѣрдцемъ: яко тїи Бѣга ўзрятъ»* (Мф. 5, 8).

Как нам тогда будет нерадостно, когда не узрим внутри нас Царствия Небесного? Как нам тогда будет невесело, когда не сможем очистить свое сердце от страстей и от нечистых помыслов? Как нам тогда будет неутешительно, когда душевными нашими очами узрим самого Бога? Вот какие нам Господь открывает неизреченные таинства и какие изливает свои неизреченные милости, а мы не хотим постараться очистить свое сердце, не хотим понуждать себя в благотворной умной молитве! Ибо *«...цáрствiе небéсное нýдится, и нýждницы восхищáють ё»* (Мф. 11, 12). Это дело наше — иноков, монашествующих, оставивших мир и мирское попечение и всю суету. Мир, т. е. любители мира, не достигают этого, и даже не вмещают, и не могут достичь этого, потому что они всегда упражняются в житейских попечениях и имеют ум свой привязанным к миру и его прелестям».

К себе по необходимости отец Тимофей не возбранял вход братии, но, дорожа его затворничеством, они не иначе бывали у него, как только в крайности своего положения, для раскрытия пред ним своих мыслей и совести и для получения назидания от его старческой беседы. Кушать ему приносили в келью.

Келья его в монастыре была наверху, над отхожими местами, и полна клопов. У него не было ни кровати, ни постели. Вместо кровати служило ему кресло, а над головой лежала Псалтырь. Когда он, бывало, сидел на скамейке, то у него на коленях лежала чурочка, в которой выдолблены были две ямочки, а в них — масличные зерна. Он брал по одному зернышку, перекладывал из одной ямки в другую, а там творил Иисусову молитву.

Схимонах Селевкий (Трофимов) вспоминает: «Дивный был старец! Я часто беседовал с ним. Быв у него однажды в келье, говорю ему: «Отец Тимофей, благослови меня обмести стены твоей кельи от клопов». А он мне сказал в ответ: «Нет, отче, клопы для меня полезны, у меня пухнут ноги, а они вытягивают из них дурную кровь». А мы и ничтожную боль и даже укусы блохи не можем стерпеть. Отец Тимофей был самовольный мученик».

Иеросхимонах Сергей (Веснин) и в монастыре не прекращал с ним духовного общения. Он пишет: «Раз я разговорился с нашим строгим затворником отцом Тимофеем о свойствах истинного смирения, и между прочими своими замечаниями на этот важный предмет он сказал: «Чтобы достичь совершенства и всей высоты евангельского смирения, человек должен приучить себя думать и верить, что он хуже не только скота, но и демона...» — «Помилуй, — возразил я, — это уже слишком, это даже несовместимо с понятиями о высоком достоинстве нашей души. Что я хуже скота, это очень естественно, но хуже демона, — я думаю, сказать так о человеке, искупленном заветной кровью Богочеловека, не только нехорошо, но даже погрешительно». «По вашей ученой гордости может быть и так, — отвечал с улыбкой отец Тимофей, — но со

стороны нашего иноческого невежества это — непререкаемая истина, подтверждаемая Евангелием. Ты согласен, — продолжал он, — со словами Писания: «...творѣй грѣхъ рабъ есть грѣхѣ» (Ин. 8, 34), — с тем вместе — и дьявола, который называется начальником зла, князем тьмы века сего, т. е. владыкой беззакония. А кто из нас чужд греха, кто не раб беззаконий? А раб может ли быть выше своего владыки? Сам суди об этом. И с другой стороны, мы хуже демона. А именно: за него не пролита бесценная кровь Богочеловека и нет для него Жертвы искупления. А между тем мы все искуплены ценой крови Владычней, и все средства к оправданию и наследию Царствия Небесного со стороны Божьей нам доставлены. Так лучше ли мы демона, если все это оставляем в пренебрежении? Разумеется, гораздо хуже его и неблагодарнее пред так неизъяснимо благодееющим нам Господом!..»

Преставился отец Тимофей 13 августа 1848 года. Вспоминая его тяжелые подвиги, отец Парфений (Агеев) добавляет: «Зато какая была его кончина! Почти целый месяц он каждый день приобщался Святых Таин и скончался тихо и мирно. Откопанные его косточки были желтые как воск. И у меня была его кость в сундуке, и как я, бывало, открою сундук, так и пойдет благоухание неизреченное»⁶⁶.

Схиархимандрит Михаил (Козлов)

Схиархимандрит Михаил⁶⁷ (в миру Макарий Кузьмич Козлов) родился в 1826 году в городе Сычевке Смоленской губернии, у родителей-старообрядцев. С восьмилетнего возраста он обучался грамоте и вскоре начал сам читать Псалтырь и прочие духовные книги. Но беда его была в том, что родители пытались обучить его в своей старообрядческой вере, а с 10 лет вовсе вынудили оставить учебу и заниматься торговым делом. Мальчик же жаждал заниматься и нередко просил своих родителей отдать его в училище. Они тогда с гневом отвечали: «Для чего тебе еще учиться?! Ты хорошо уже научен, умеешь писать и читать. Что тебе еще нужно?» — после чего мальчик безутешно плакал.

Только после смерти его отца мать согласилась отдать его в уездное сычевское училище, но вмешались родственники-старообрядцы, и мальчик вынужден был покинуть училище. После этого Макарий самостоятельно старался изучить Закон Божий, грам-

⁶⁶ Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам... СПб., 1860. Прилож. С. 22.

⁶⁷ Жизнеописание составлено по книге: Михаил (Козлов), схиархимандрит. Письма к друзьям из Афона М., 1864; Душеполезные размышления за 1884. 2-е изд. М., 1901. С. 169.

матику, риторику, логику и прочие науки. Его любовь к чтению и книгам при своих богослужениях использовали старообрядцы и заставляли его читать не только кафизмы и каноны, но часто, из-за неимения старших грамотных мужчин, и Апостол и Евангелие.

Взрослея, юный Макарий все более понимал ложность старообрядческих заблуждений. Особенно его сомнения усугубились, когда он обнаружил, что есть много старообрядческих общин, которые проклинаят друг друга. Тогда юный искатель истины спросил себя: «В которой же из этих сект находится Святая Церковь?» И долго-долго над этим размышлял, и охватила его глубокая печаль. Он начал в тайне своего сердца молить и просить Бога: «Господи, покажи мне путь истинный, воньже пойду».

Наконец, когда ему исполнился 21 год, в январскую лунную ночь 1844 года, усердно помолившись Богу и возложив на Него всю свою надежду, он покинул свой дом и начал странствовать по России. Сначала прибыл в Москву, а оттуда пошел по разным городам. Во время странствий его подозрения о жалком состоянии старообрядческой веры еще более укрепились. В 1846 году он остановился в старообрядческом Климовском Покровском монастыре, о котором старообрядцы говорили, что в нем «корень благочестия». Бог услышал его молитву и через одно печальное событие окончательно открыл ему глаза, что нет у мнимых старообрядцев истинной Христовой Церкви, нет Ее таинств, и в каком ужасном заблуждении они находятся, уклоняясь от истинного пути. Он стал свидетелем ужасной кончины одного старообрядческого монаха, который умер без исповеди и без причастия. Здесь же он узнал, что все старообрядческие таинства мнимы и выдуманы. Он оставил этот монастырь и поехал в Киево-Печерскую Лавру, поклонился всем ее святыням и при явном ощущении Божьей благодати принял там окончательное решение обратиться в истинную Православную Церковь.

За помощью он обратился к православному протоиерею города Ржева Матфею Александровичу и открыл ему свое намерение обратиться в православную веру. Отец Матфей принял его покаяние и объявил ему, что он принят в лоно Церкви Христовой, но Макарий считал себя нечистым от ереси и искал миропомазания, которого он не получил при крещении. Для этой цели он отправился Троице-Сергиеву Лавру, где 8 ноября 1846 года через святое миропомазание окончательно был присоединен к Православной Церкви.

После этого Макарий еще несколько лет жил в своем доме и только после смерти матери приступил к осуществлению своей мечты — стать монахом. До 1854 года по благословению преосвященного Тимофея, епископа Смоленского и Дорогобужского, исполнял миссионерские обязанности, упражняясь в религиозных беседах с прежде бывшими единомышленниками-старообрядцами в разных селениях Сычевского уезда.

В 1854 году по собственному желанию поступил в единоверческий первоклассный монастырь Черниговской епархии и до 1856 года исполнял в нем клиросное и прочие послушания. По получении увольнения в монашество от общества сычевских граждан по собственному желанию и усердию отправился на Святую Гору Афон. 15 апреля 1857 года он прибыл на Афон. Там он поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где через год, 21 марта 1858 года, был пострижен в мантию с именем Мелетий.

В это время отец Мелетий написал свои воспоминания о пребывании своем в расколе и о своем обращении, которые под названием «Письма к друзьям из Афона» были два раза изданы в России⁶⁸. Отец Мелетий писал дневник, который является прекрасным источником по истории монастыря и всего Афона, а также для изучения биографий отдельных подвижников того времени⁶⁹.

В 1860 году монах Мелетий с Высочайшего разрешения и по благословению Священного Синода ездил в Россию для сбора милостыни. Он успешно выполнил это послушание и через четыре года вернулся в обитель. Здесь по милости Божией с ним произошло одно событие, которое стало большим уроком ему на всю жизнь. Этот случай он сам описал в своих дневниках в третьем лице. Здесь мы читаем следующее: «Один монах [сам архимандрит Михаил (Козлов)] был послан от обители в Россию для сбора милостыни. Окончив послушание, он вернулся в Руссик. Враг, ненавидя добро, ухитрился осквернить послушание его святотатством, внушив ему такую мысль, что, может быть, он не уживется в обители и ему придется выйти из нее куда-либо в другое место. Если так, то хорошо бы утаить ему сколько-нибудь из собранных денег. Он принял такой душепагубный совет змеиный: действительно, удержал у себя две тысячи рублей, хотя совесть много препятствовала ему это сделать. Но враг попущением Божиим и мудрых сумеет перехитрить и одурачить, а всему злу причиной для монаха есть бессовестность.

Так как он своим святотатством осквернил святое общежитие, то Промысел Божий для поддержания чистоты совершенного общежития не оставил его без явного вразумления. Это случилось следующим образом. После того как он утаил деньги с намерением употребить их в случае, если оставит обитель, то вследствие сего дьявольского внушения и жить он стал нерадиво и рассеянно. Однажды он гостил на келлии святых бессребреников, у жившего там иеромонаха Макария. И вот вечером, когда он прогуливался в круге келлии, пред ним является огромного роста чучело, грозящее ему трехаршинным пальцем и с гневом восклицающее: «Зачем ты утаил монастырские деньги, отдай их монастырю, а то я тебя убью!»

Монах страшно испугался этого ужасного страшилища, кинулся бежать в монастырь и, прибежав туда, не медля, раскаялся в своем грехе и возвратил утаенные день-

⁶⁸ АРПМА. Док. № 513 — автограф отца Мелетия

⁶⁹ АРПМА. Док. № 517.

ги, все подробно рассказав о страшном видении, представившемся ему наяву. С того времени стал он слышать бесовские гласы день и ночь, которые не давали ему покоя, все угрожали ему, проклинали, ругали, хвалились погубить его. Он убоился, стал много молиться и поститься, каяться во всех своих грехах, много плакал, стал чувствовать, что множество бесов вошли внутрь его и беспрестанно говорят ему, что «ты теперь наш, а потому напрасно ты молишься и постишься». «Напрасно противишься нам, — говорили они, — ибо мы скоро погубим тебя и отнесем во ад». И с великой яростью бранили его самыми скверными словами и проклинали, терзали внутренность его, надували чрево, не давали ему покоя день и ночь, лишили сна и аппетита, чтобы таким образом изнурить его тело и умертвить, приговаривая: «Уже кончено, мы вот скоро убьем тебя».

Он, бедный, от этих их угроз приходил в большой страх и отчаяние. И все передавал подробно духовникам своим [отцу Иерониму и отцу Макарию], которые молились за него и подкрепляли его своими советами, чтобы он не верил им, не отчаивался в спасении своем, не боялся их, но мужественно противился бы им, и чтобы сам проклинал их, и что это искушение попущено ему от Бога за святотатство. И все это попущено, чтобы этим наказанием и других вразумить, дабы не дерзали разорять общежитие. И что все это пройдет, и будет он от сего исцелен, а потому может не сомневаться и не думать, что скоро умрет.

Но все же монах стал просить, чтобы его постригли в схиму. Духовник приказал ему готовиться к принятию схимы. За неделю до пострига он много страдал от бесов, которые отчаянно и с великой яростью нападали на него. Духовники отчитывали его, а братия тянула четки за него. В субботу, когда он пришел в церковь к постригу в схиму и причастию Святых Таин, тогда бесы надули его чрево и кричали: «Не допустим до пострига в схиму и к причастию Святых Таин, сейчас задушим тебя, разорвем на куски...» Воротили в нем кишки и всю внутренность и все вопили: «Нет, нет, нет не выйдем!» Он изнемог до обморока. А когда стали его постригать, тогда бесы стали выходить из него, и чрево у него стало уменьшаться. Когда же постриг закончили, тогда бесы, вышедши из него, возопили: «Ну вот, все труды наши погибли, мы не успели погубить его!» А когда он приобщился Святых Таин, тогда бесы вовсе оставили его, и он уже не слышал голосов их. Получивший такой страшный назидательный урок за нарушение правил общежития святотатством, он стал с тех пор жить внимательнее прежнего»⁷⁰.

Постриг в схиму произошел 29 октября 1866 года с наименованием Мелетия Михаилом. После этого отец Михаил шесть лет выполнял послушание благочинного в монастыре.

В 1872 году по благословию Святейшего Патриарха Константинопольского Анфима он был послан старцами Пантелеимонова монастыря к русским расколь-

⁷⁰ АРПМА. Док. № 518. С. 569.

никам-некрасовцам, проживавшим в Малой Азии, в селении Майнос и на реке Дунае, для религиозных собеседований с ними, вразумления и обращения их к Святой Православной Церкви. Потом по письменному приглашению высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Казанского и Свияжского, 12 июля 1874 года уволен настоятелем Русского Пантелеимонова монастыря в Казанскую епархию и принят в Казанский Архиерейский дом. Тем же архиепископом Антонием в Казанском кафедральном Благовещенском соборе 14 сентября того же года рукоположен в иеродиакона, а 20 октября — в иеромонаха.

27 ноября 1874 года по распоряжению епархиального начальства перемещен из Казанского Архиерейского дома в Свияжский первоклассный Богородицкий монастырь с определением миссионером по обращению раскольников в Православие. 15 декабря 1875 года награжден набедренником. Указом Святейшего Синода от 4 января 1879 года № 16 он был назначен по представлению Высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского, настоятелем Селенгинского Троицкого монастыря и начальником Забайкальской противораскольнической миссии с возведением в сан архимандрита. А 28 января 1879 года возведен в этот сан тем же архиепископом Антонием в Казанском кафедральном соборе.

Служение архимандрита Михаила за Байкалом в назначенном ему Селенгинском монастыре продолжалось почти пять лет. Все это время он неустанно трудился, успел многое сделать для старообрядческого мира, для убеждения раскольников в неправоте их действий отчуждения от Святой Церкви и надеялся при помощи Божией направить их на путь истины.

К сожалению, он не смог здесь найти надежных и сведущих сотрудников в таком трудном деле. Везде должен был действовать почти один, хотя и приглашал к соучастию как единоверческих, так и православных священников в качестве свидетелей истинного учения и для приучения их к этой практике. По статистике, которая приводится военным губернатором Забайкальской епархии, раскольников считалось в ней тогда более 25 тысяч. Большею частью они были беглопоповцы, выселенные из Вятки при императрице Екатерине II. Еще две тысячи беспоповцев жили от них отдельно, особняком.

Отец Михаил посетил все селения до одного, где жили старообрядцы и единоверцы, вначале для ознакомления, где ему предлежало творить дело введения единоверия и устройства Божиих церквей, а потом уже специально для собеседований с раскольниками по предметам их разномыслия с Православной Церковью. Таких собеседований в году бывало около 50. Образцы этих бесед печатались в «Иркутских епархиальных ведомостях» и были весьма назидательны как для старообрядцев по убедительности доводов к соединению с Христовой Церковью, так и вообще для любителей благочестия по теплоте христианского чувства и любви к спасаемым.

В подавляющей массе своей старообрядцы, исключая, конечно, своекорыстных вожаков, вполне соглашались с доводами проповедника истины, но сделать решительный шаг к вступлению на путь истины каждый из них по отдельности боялся, так как это значило бы, как заявлял сам миссионер, стать жертвой мести, какую обыкновенно испытывают одиночки, передовые ревнители правды от подстрекателей раздора. Отец Михаил, близко к сердцу принимавший подобные беспорядки и своеволие между старообрядцами, горел желанием посетить своих колеблющихся собеседников, но предсмертная болезнь не позволила ему это исполнить.

Среди старообрядческого мира остался, впрочем, и видимый памятник его заботе о приведении на пажить Святой Церкви послушных овец. Это Бороховская Введенская единоверческая церковь, построенная его неусыпными стараниями.

Самое же главное в трудах почившего благовестника — это голос истины, запечатленный в его письменных трудах, начиная с писем к друзьям со Святой Горы Афон до монографии «Искатель непрестанной молитвы» и бесед со старообрядцами. В них светит освященный благодатью дух подвижника и видны все степени восхождения его из пагубного раскола на путь спасительный, когда он, укрепившись силой Духа благодати Божией, смог стать путеводителем и для других.

С большим усердием заботился архимандрит Михаил и о благоустройстве вверенной ему Селенгинской обители. При нем были построены многие здания и была обустроена главная церковь. Во внутреннем устройении монастырского порядка и богослужения он держался, сколько возможно, афонского устава и порядков других образцовых монастырей. Духовную связь с Афоном и со своими горячо любимыми духовниками, отцом Иеронимом, отцом Макарием и отцом Арсением, он поддерживал до конца своей жизни, чему свидетельство огромная переписка с ними⁷¹.

Вот что пишет он своему духовному отцу игумену Макарию 8 июля 1883 года, за шесть месяцев до своей кончины: «На меня, немощного, возложено столько дел, сколько я и в молодых годах никогда не делал. Исполняя волей-неволей возложенные на меня поручения, я часто задумываюсь о том, не будут ли тщетными мои труды и бесполезными для моей многогрешной души. Думаю, вы со мной согласитесь, что для меня полезно было бы оплакивать только содеянные мною грехи, а не другими людьми управлять, служить пред алтарем, а не начальствовать над другими. Однако под старость жизнь моя сложилась совершенно иначе»⁷². Ответом на эти смиренные слова великого старца может быть только одно: нет, его труды не были тщетными, так как он помог тысячам людей найти истинного Бога, обрести душевный мир и вернуться в лоно Православной Церкви и тем самым исполнил долг христианской любви.

⁷¹ АРПМА. Док. № 1378.

⁷² АРПМА. Док. № 1378. С. 289.

Умер архимандрит Михаил как праведник. За 15 лет до своей кончины, еще на Афоне, во время тяжелой болезни, он слышал голос в откровении, что ему надлежит быть еще в Сибири, определено прожить еще 15 лет, и тогда Господь пошлет за его душой. Время это близилось. И он не скрывал этого, многим рассказывал, даже врачам, лечившим его, говорил об этом роковом пределе жизни, указанном ему свыше. Так и случилось. Болезнь не уступала медицинским пособиям. Поэтому он успел сделать все распоряжения на случай своей смерти, два раза был елеопомазан, исповедовался и причащался Святых Таин. Кончина его была столь тихая, что сидящие рядом не заметили, как отец их архимандрит испустил последний вздох. Это свершилось в день Трех святителей (30 января 1884 года), в два часа пополудни, после пятимесячной тяжелой болезни подвижника, которую он переносил в благодушном терпении.

Погребение совершил прибывший к тому времени, как нарочно, из Читы на пути в Иркутск преосвященный Мелетий, епископ Селенгинский. Он также имел о смерти архимандрита некоторое предупреждение. Прибыв в монастырь на другой день по кончине настоятеля, уже вынесенного из кельи в церковь, после полуночи на 1 февраля, владыка в легком сне слышал пение пасхальной службы, в исполнении ликов иноков, и, пробудившись в приятном ощущении, принял это, конечно, за добрый признак торжества и победы почившего подвижника над врагами спасения.

Архимандрит Михаил был погребен за алтарем главной монастырской Троицкой церкви, с южной ее стороны. Ему было всего 58 лет.

Схимонах Серафим (Комаров)

Схимонах Серафим⁷³ (в миру Симеон Максимович Комаров) происходил из ярославских крестьян. Был призван на военную службу и дослужился до капитана, а после отставки жил в Санкт-Петербурге, занимаясь торговым делом, в чем весьма преуспел, став купцом 3-й гильдии. Он собрал огромное состояние, так что имел свою гостиницу. Сделав своими компаньонами родных братьев, он поспособствовал тому, что со временем они стали даже придворными поставщиками.

Вместе с тем он был верующим и очень набожным человеком, свое состояние использовал для благотворительности, щедро наделяя многие монастыри, а среди про-

⁷³ Жизнеописание составлено по книге: Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 267.

чих и афонскую русскую обитель, пожертвованными средствами. Свою единственную дочь Елену он воспитывал в вере и любви к Богу. В 1843 году умерла его жена, и тогда он решил навсегда оставить мир и посвятить себя полностью Богу. Свое дело он передал своим братьям, а дочь, тоже мечтавшая о монашестве, поступила в Старо-ладожский монастырь, где вскоре была пострижена с именем Ермиония. После отъезда своего отца на Афон она была в постоянном духовном общении с ним и с другими старцами Руссика, чему свидетельство ее письма в Руссик⁷⁴.

В конце 1843 года Симеон Максимович приехал на Афон как паломник. Старец Иероним с радостью принял своего бывшего благодетеля и узнал о его намерении стать монахом. Но Симеон Максимович, видя острую нехватку средств у монастыря, понял, что может по-другому послужить обители, и, вернувшись в Россию, все свои оставшиеся средства употребил для поддержки Руссика. Также к этому делу он активно подключил своих родных.

Его усердием, наконец, был достроен Митрофаньевский храм, приобретен иконостас для этого храма и храма Успения Пресвятой Богородицы. На собственные средства недалеко от обители он построил Троицкую* келлию.

Вот как описывает освящение Митрофаньевского храма отец Сергей (Веснин): «Не так давно у нас совершилось освящение нового, собственно русского, Митрофаньева храма. Освящение совершал адрианопольский митрополит Григорий, пребывающий на покое в одном из здешних монастырей, а именно в Ватопеде. <...> Для русского сердца было чрезвычайно трогательным это редкое и, можно сказать, единственное в своем роде событие (освящение Митрофаньева храма) на священных высотах Афона. Признательность русского монастыря Господу Богу за Его Отеческий Промысел о нем свидетельствовалась всеобщим на этот отрадный день освящения бдением, продолжавшимся восемь часов, а благодарность к России за ее внимание и участие в судьбах сей обители живо выразилась в теплых молитвах о вождельном здравии нашего Государя Императора Николая Павловича и всей Высочайшей Фамилии, а с тем вместе и о спасении всех, в особенности благотворящих русскому монастырю.

Назад тому шесть уже лет, как положен был в основание камень храму новоявленного чудотворца и святителя Митрофана. В течение этого времени он строился медленно, стесняясь внешними обстоятельствами, и доныне, вероятно, не достиг бы еще в совершенстве внутренней отделки, если бы не послал Бог сюда сверх чаяния поклонника, санкт-петербургского купца Семена Максимовича Комарова, который, растрогавшись бедным положением русского монастыря, при отбытии своем со Святой Горы Афон дал священный обет: устроить иконостас в новый Митрофаньев храм, а также озаботиться внутренним его украшением на собственное свое иждивение, что и исполнил как нельзя лучше.

⁷⁴ АРПМА. Док. № 2848.



Три года спустя, 1 сентября 1846 года, он прибыл на Святую Гору со сделанным в России иконостасом, сам лично досматривал за конечной отделкой храма, и к 23 ноября храм Митрофаниев красовался уже иконостасом и драгоценной утварью. Толпы любопытствующих теснились в храме. Греки радовались усердию России к благолепию храмов Господних, а сердца русских преисполнялись чувствами неизъяснимого восторга. Благословениям России и державному Царю ее и изъявлениям чувств сердечной признательности г. Комарову не было конца... Зрелище было истинно умирительное!.. В день, когда празднуется память святителя Христова

Митрофана, предположено было освятить его храм и русский монастырь. Чувствуя важность и понимая, насколько редко случаются подобные события, монастырь почел недостаточным совершать это празднество без архиерея. Вследствие того и был заранее приглашен престарелый Адрианопольский митрополит Григорий, который и прибыл еще за восемь дней до освящения храма. В течение этого времени часто навещая новый храм русский и любясь его драгоценными украшениями, он святительски благословлял имя России и ее Державного Венценосца, а обращаясь к г. Комарову, указывал ему то на иконы святых, то на небо, не в состоянии будучи объяснить по-русски своих сердечных ему желаний награды за его пожертвования там, на небесах!..

22 ноября, когда все уже было готово к освящению, в четыре часа пополудни в новом храме началась малая вечерня, после которой мощи святого великомученика Пантелеимона, заранее внесенные в него, отправлены были обратно самим высокопреосвященным в греческий собор на свое место. До шести часов вечера братии дан был отдых к оживлению и укреплению сил для совершения всенощного бдения, которое началось с потухающею зарею и длилось, как уже сказано, восемь часов. Русские, греки и все, кто пришел на этот русский праздник (их было около 500 человек), соединились для бдения в новом храме. Пение было общее: начало было положено русскими, потом их сменили греки, и наоборот. После вечерни греки удалились в свой собор на утреню, но сам преосвященный остался с нами, и для него, собственно, тогда же было читано на греческом языке житие святителя Христова Митрофана.

После первой кафизмы на утрени по-русски было произнесено слово, в котором особенно выражались признательные чувства русской братии Господу Богу и России с историческим, между прочим, указанием на первоначальное происхождение и достоинство христианских храмов, имеющих основание в словах святого апостола Петра, который еще на Фаворе предложил поставить три сени, что указывает нам на право посвящения храмов имени не одного только Господа Бога, но и святых Его. Этому совершенно была чужда Церковь Ветхозаветная, строго ограничившаяся поклонением Единому Богу, и то во храме только Иерусалимском.

Вслед за ним началось освящение, и совершилось оно еще до рассвета. Глубокая тьма преполовившейся уже в славословиях ночи чрезвычайно много придавала трогательности обряду освящения. В особенности это было подчеркнуто троекратным обхождением вокруг церкви всей братии перед его началом. Все братство и пришельцы с возженными свечами, а некоторые — с лампадами и хоругвями, предшествовали и последовали святителю Божию. Вся эта процессия, утопая во свете пылающих свечей, живо напомнила собою древнего Израиля, руководимого в ночи огненным столпом к далеким пределам обетованной земли. Русский колокольный звон довершал картину торжественности русского праздника, невольно переносившего нас мыслью в далекую и милую отчизну нашу. Литургия, начавшаяся по освящении без расхода, закончилась в девять часов утра, и, таким образом, вся служба этого русского праздника в непрерывном ее порядке длилась целых пятнадцать часов, что до такой степени истощило силы маститого старца преосвященного Григория, что его на руках отнесли из церкви в гостиную.

Трапеза, как в самый праздник, так и накануне, поставлялась здесь за счет единственного благодетеля русского храма г. Комарова, лично делившего с нами нашу радость. Здесь, в трапезной, престарелым греческим дидаскалом* архимандритом Прокопием была произнесена краткая речь, в особенности трогательная выражением затруднительных обстоятельств настоящего положения русского монастыря и изъявлением признательности от лица всей братии г. Комарову, тост которого был заключением не роскошной, но довольно вкусной трапезы.

Из трапезной все братство с настоятелем удалилось в русский новоосвященный храм, где по кратком славословии возглашено было многолетие Государю Императору, Высочайшей Фамилии, потом Священному Синоду, всем любителям и благодетелям русского монастыря и наконец г. Комарову. Возглашение многолетий, потрясая легкие своды храма, звучным эхом далеко разносилось в воздухе и, конечно, отзывалось в самих небесах!

По выходе из храма г. Комаров принимал от всех поздравления с благополучным окончанием праздника. Затем в гостининой, за кубком лозного вина, желания много-



Троицкая келлия в 70-х годах XIX века. Сегодня полностью разрушена

летий Государю Императору повторились, и взаимность скромных бесед ликующего братства длилась почти до полудня. К вечеру торжественность праздника сменилась обычным безмятежием иноческой жизни. Только русский чай напоминал нам торжество и знаменательность протекшего дня. Так совершилось освящение русского Митрофаниева храма! Мы прославили за то Господа Бога, в чувстве искренней признательности молились Ему за Россию и сердечно просили, да дарует Он славу ей, могущество и силу и многая-многая лета нашему Батюшке, ее Великому Царю!

С. М. Комаров теперь уже был в иноческой одежде и назван был Серафимом. По началу г. Комаров, когда прибыл сюда с иконостасом, даже до освящения храма, на вопрос братии, останется ли жить с нами, обыкновенно отвечал:

«А вот подожду освящения храма. Когда это дело совершится и я исполню вполне мой обет, тогда посмотрю, что со мною сделает святой Митрофан и что он скажет мне... Теперь я ничего не предполагаю».

Освящение храма Митрофаньева было совершено 23 ноября, а 5 декабря г. Комаров принял на себя ангельский образ. Таким образом, истощивши все свое состояние

на украшение святого храма, он составил собою красоту, наконец, и нашего русского общества. Отец Серафим — прекрасный инок!»

Отец Серафим был человеком весьма общительным, многоопытным в хозяйственных делах и всеми приезжающими особами был весьма любим. К старцу Иерониму имел великое почтение⁷⁵. По его благословию он выполнял тяжелую работу эконома и много преуспел в этом.

Отец Серафим подарил обители дорогую для себя и его семьи икону Симеона Богоприимца, о чем свидетельствует отец Мина (Буданов): «На правой стороне Покровского храма, на четвертой колонне от алтаря, находилась икона св. Симеона Богоприимца и иных святых. В ките, но без ризы эта св. икона принадлежала схимонаху Серафиму Комарову и, по-видимому, была семейная, ибо его мирское имя Симеон Максимович»⁷⁶.

В 1852 году отец Иероним благословил отца Серафима поехать в Россию для сбора пожертвований. Тот не смог отказать своему любимому духовнику и опять вернулся в мир, который, думал, оставил навсегда. В России он жил у своей дочери в Староладожском Никольском монастыре и оттуда осуществлял выезды по делам. Он очень переживал разлуку с Афоном и с духовным своим отцом. Вот что он пишет отцу Иерониму 11 января 1853 года: «Высокопреподобный отец Иероним, духовник и наставник мой добрый, благословите... Если Господь поможет окончить мои дела, то и дня [здесь] напрасно жить не буду, я уже очень скучаю»⁷⁷.

Хотя старые его связи и знакомства быстро помогли ему собрать внушительные средства, но из-за Крымской войны отец Серафим смог вернуться в дорогую его сердцу обитель только к концу 1855 года.

Возвратившись, наконец, в родную обитель, отец Серафим поселился на построенной им Троицкой келлии, где в полном затворе, в покаянии, молитве и посте провел последние девять лет своей жизни. Он всегда пользовался огромной любовью и уважением всей братии. Преставился отец Серафим 12 апреля 1864 года.



⁷⁵ АРПМА. Док. № 112. С. 95.

⁷⁶ АРПМА. Док. № 112. С. 47.

⁷⁷ АРПМА. Док. № 1233. С. 1.

Схимонах Панкратий

Схимонах Панкратий⁷⁸ имел мирское имя Парамон. Происходил из крестьян. Место его рождения неизвестно. В 1838 году приехал на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где был пострижен в схиму с именем Панкратий.

«Это был редкий старец, — пишет отец Селевкий (Трофимов), — и большой страдалец. Любовь его была совершенно детская. Когда к нему кто придет, то он тотчас соскочит с кровати и закричит: «Добре! (это была его поговорка)» — и долго затем обнимает. После чего усадит гостя и начнет угощать всем, что только у него найдется. Я, бывало, стану его унимать, чтобы он успокоился и сел, и говорю ему: «Отец Панкратий, ведь у тебя ноги болят». — «Ничего, отче, — отвечает, — когда ко мне кто приходит, то я забываю, что у меня ноги болят». Однажды я попросил показать больную ногу, и он открыл ее. Как я взглянул — тотчас упал! Она вся сгнила и была кругом покрыта червями. Он часто примачивал ее острой водкой.

По причине нестерпимой болезни отец Панкратий часто причащался Святых Таин. Накануне его смерти я пришел к нему из своей пустыньки. О, как он обрадовался!

— Добре, хорошо, что ты пришел, — радовался он. — Прошу садиться на лавочке. Прошлую ночь у меня была Божья Матушка, вот на этой лавочке сидела.

Я спросил:

— А что Она тебе сказала?

— Поблагодарила меня за перенесенные страдания и сказала: «Вот тебе уготован вечный покой».

Святогорец отец Сергей перед смертью удостоился видеть отца Панкратия в прекрасных палатах посреди чудных садов.

Отец Панкратий был столяр и очень много трудился. Мне он сделал стол вроде шкафа. Я часто его поминаю. Простота его была — совершенно детская. Он скончался мирно. Косточки его желтые и благоуханные».

Подвижничество отца Панкратия описано в письмах отца Сергея (Веснина). Вот отрывок одного из них: «С изумлением смотрю здесь на русского схимника Панкратия, который уже шесть лет страдает ранами на ногах и в такой степени, что сердце обливается кровью, когда смотришь на его Иовские страдания.

⁷⁸ Жизнеописание составлено по книгам: Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 185; Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам... СПб., 1860. Прилож. С. 25.

Отец Панкратий в миру был господским человеком. В детстве жестокая госпожа решила глубокой осенью, когда уже снег и лед покрывали землю, погонять его босиком... Парамон ходил тогда за господскими гусями и утками босиком. Он делал это от самой юности и потому жестоко страдал, имея плохое здоровье. Казалось, суровая госпожа его готова была высосать из него всю кровь. Бедный отрок не вытерпел, тайком убежал от своей барыни и решился выбраться за границу, ушел за Дунай, где некоторое время оставался в услужении у русских, тоже перебежавших за границу.

Приход Панкратия на Афон странен. Он был задушевным другом одного малоросса, который почему-то удавился. Чувствительного Панкратия сильно тронула потеря сердечного друга. Он пламенно молился Богу о помиловании несчастного и, видя, как суетна мирская жизнь, бросил ее и ушел на Святую Гору. Здесь, в Руссике, он нашел желаемое спокойствие духа, несмотря на то что нога его сгнивала от ран, которые были следствием простуды. Впрочем, как ни ужасны были страдания отца Панкратия, он часто ликовал в себе и даже говорил мне:

— Поверь, я согласен сгнить всем телом, только молюсь Богу, чтоб избавил меня от сердечных страданий, потому что они невыносимы. Ох! Если сердце заболит, бедовое дело! Это адское мучение. А мои раны, будь их в десять раз более, — пустошь. Я не нарадуюсь моей болезнью, потому что по мере страданий утешает меня Бог. Чем значительнее боль, тем и веселее, оттого что надежда райского блаженства покоит меня, надежда царствовать на небесах — всегда со мной. А в небесах ведь очень хорошо!

— Откуда ты знаешь это? — спросил я его однажды.

— Прости меня, — отвечал он, — на подобный вопрос я бы не должен тебе отвечать откровенно, но мне жаль тебя в твоих сердечных страданиях, и я хочу доставить тебе хоть малое утешение моим рассказом. Ты видел, как я временами мучаюсь: боль бывает невыносимой! Зато о том, что бывает со мной после, знает только оно, — таинственно заметил Панкратий, приложив руку к сердцу. — Ты помнишь, как я однажды от боли метался на моей постельке и даже что-то, похожее на ропот, вырвалось из моих уст. Но боль притихла, я успокоился, вы разошлись от меня по своим кельям, и я сладко задремал. Не помню, долго ли я дремал, только мне виделось... Я и теперь, как только вспомню то видение, чувствую на сердце неизъяснимое райское удовольствие и рад бы вечно болеть, только бы повторилось еще хоть раз незабвенное видение. Так мне было хорошо тогда!

— Что же ты видел? — спросил я отца Панкратия.

— Когда я задремал, ангельской красоты отрок подходит ко мне и спрашивает: «Тебе больно, Панкратий?» — «Теперь ничего, — отвечал я, — слава Богу!» — «Терпи, — продолжал отрок, — ты скоро будешь свободен, потому что тебя купил

Господин, и очень дорого...» — «Как, я опять куплен?» — «Да, куплен, — отвечал с улыбкой отрок, — за тебя дорого заплачено, и Господин твой требует тебя к себе. Не хочешь ли пойти со мной?»

Я согласился. Мы шли по каким-то опасным местам. Дикая огромная собака, кидаюсь, готовы были растерзать меня, но одно слово отрока — и... они вихрем неслись от нас. Наконец мы вышли на просторное, чистое и светлое поле, которому не было, кажется, и конца. «Теперь ты в безопасности, — сказал отрок, — иди к Господину, который, вон, видишь, сидит вдали».

Я посмотрел и увидел трех человек, сидевших рядом друг с другом. Удивляясь красоте места, радостно пошел я вперед, неизвестные мне люди в чудесном одеянии встречали и обнимали меня. Даже множество прекрасных девиц в белом царственном убранстве видел я. Они скромно приветствовали меня и молча указывали нам в даль, где сидели три незнакомца.

Когда я подошел к сидевшим, двое из них встали и отошли в сторону, третий, казалось, ожидал меня. В тихой радости и в каком-то умиленном трепете я приблизился к Незнакомцу.

«Нравится ли тебе здесь?» — кротко спросил меня Незнакомец.

Я взглянул на Его лицо. Оно сияло светом! Царственное величие отличало моего нового Господина от людей обыкновенных. Молча упал я к Нему в ноги и с чувством поцеловал их. На ногах Его были пробитые насквозь раны. После того я почтительно сложил на груди своей руки, прося позволения прижать к моим грешным устам и десницу Его. Не говоря ни слова, Он подал ее мне. И на руках Его были такие же глубокие раны. Несколько раз облобызав десницу Незнакомца, я в тихой невыразимой радости смотрел на Него. Черты моего нового Господина были удивительно хороши. Они дышали кротостью и состраданием, улыбка любви и приветия была на устах Его, взор выражал невозмутимое спокойствие сердца.

«Я откупил тебя у госпожи твоей. И ты теперь навсегда уже Мой, — начал говорить мне Незнакомец. — Мне было жаль видеть твои страдания, твой детский вопль доходил до Меня, когда ты жаловался Мне на госпожу свою, томившую тебя холодом и голодом, и ты теперь свободен навсегда. За твои страдания Я вот что готовлю тебе, — Незнакомец показал вдаль. Там было очень светло: красивые сады в полном своем расцвете на лугах, и великолепный дом блистал под эдемской сенью деревьев. — Это твое, — продолжал Незнакомец, — только не совсем еще готово, потерпи. Когда наступит пора твоего вечного покоя, Я возьму тебя к Себе. А пока побудь здесь, посмотри на красоты места сего, потерпи до времен: *«...претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ!»* (Мф. 10, 22)»

«Господи! — воскликнул я вне себя от радости, — я не стою такой милости!»

Я бросился Ему в ноги, облобызал их, но, когда поднялся, передо мной никого и ничего уже не было. Я пробудился. Стук в било к заутрени раздавался по нашей обители. Я встал тихонько с постели на молитву. Мне было очень легко, а то, что я чувствовал, что было у меня на сердце, — это моя тайна. Тысячи лет страданий отдал бы я за повторение подобного видения. Так оно было хорошо!..

Однажды, в праздник святого Пантелеимона, после обедни, когда пред Литургией на монастырской площади совершилось водосвятие, отец Панкратий, отвечая на мои вопросы, меня крайне удивил:

— Тебя, верно, очень беспокоит болезнь твоя? — с участием спросил его я.

— Какая болезнь? — возразил он, значительно взглянув на меня. — Это-то? — продолжал он, указывая на ногу, толсто перевитую сукном. — Я и думать забыл про нее!

— О чем же ты плачешь? — спросил я его.

— Ох! Как мне не плакать! — со стоном произнес он. — Если после всех моих заблуждений и бесчисленных грехов, да Господь в рай пошлет, что я буду делать?

— Что делать? Блаженствовать! — смеясь, отвечал я.

— А если не по заслугам? — вздохнул страдалец. — Пожалуй, и в раю наплачешься, если посадят туда, где недостоин быть. А при слезах что за блаженство?

— В рай-то только пустили бы, — с улыбкой заметил я. — Да и ты что за чудака? Люди век свой бьются, плачут и молятся о достижении рая, а ты плачешь, что в рай попадешь.

Рассмеявшись, я встал и удалился от счастливец, плачущего о рае.

В один из страдальческих дней отца Панкратия болезнь его дошла до такой степени невыносимости, что он потерял присутствие духа и впал в тихое бессознательное состояние. С чувством братской любви окружили мы нашего страдальца, молились о нем и сострадали духом. О трудном положении отца Панкратия довели до сведения игумена, который приказал прочесть над больным все Евангелие, а потом пособоровать его.

Едва только в первый раз ознаменовали больного святым елеем, как он пришел в себя, успокоился и по совершении таинства погрузился в тихий сон. В тот же день он оправился и, оставаясь только в изнеможении, рассказал нам свое таинственное видение в минуты самозабвения. Ему грозили пыткой и клокотавшей геенной какие-то страшилища. На вопрос, за что они грозят ему, те отвечали: «За то, что ты молился за удавившегося. Самая теперешняя болезнь твоя — наказание тебе за молитвы, которыми ты огорчал величество Божье и нимало не доставлял утешения отверженнику, для которого нет уже ни жертвы искупления, ни помилования вовеки».

С тех пор отец Панкратий остается в одинаковом болезненном положении, умоляя Господа не о здоровье, но о ниспослании духа терпения к достойному ношению страдальческого креста». Схимонах Панкратий преставился в 1853 году.

Схимонах Макарий

Схимонах Макарий⁷⁹ (в миру Михаил) родился в Елисаветграде в 1772 году. Начальное образование получил в кадетском корпусе. Впоследствии стал отличным гренадером. Участвовал в военных действиях в Голландии, при Алькмаре и Гелдерне. Оттуда переехал в Шотландию, где, случайно разбогатев, не захотел больше служить в армии, а потому достал себе немецкий паспорт. Хорошо зная французский и немецкий языки, он достиг больших успехов в торговле и, желая расширить свои торговые отношения, прибыл в Петербург, а оттуда в Екатеринославль, где и был уличен в самозванстве одним из прежних своих товарищей-кадетов. На все допросы начальства, коверкая русский язык и перемежая его с немецким, он отзывался о себе как о природном немце, впрочем, российском подданном. Но вследствие неопровержимых улик против него, он был сослан на службу в отдаленные линейные полки без выслуги (на Кубань).

Но Промысел не судил загладить ему вину свою верностью службы, а указал страдальческий путь взамен проступков прежней вольной жизни. Раз в числе пяти человек он сторожил передовую цепь и кружился в легких разъездах, как вдруг несколько вооруженных с ног до головы черкесов налетели и схватили их. Отбиться по превосходству противников не было никакой возможности. Михаил достался в плен князю Морадину (около Анапы) и был им увлечен в горные его улусы, где вскоре выкупил его у князя зажиточный черкес Айтик Сумайский (Сумай — название поселения) и навсегда присвоил его себе в виде раба.

Можно себе представить, как тяжел был этот плен бедному русаку после раздольной жизни. Но делать нечего: всякая надежда на свободу оставила его, и только мысль о побеге несколько успокаивала его сердце. Михаил решился во что бы то ни стало убежать в горы. Попытка удалась, он ушел, но попал опять к горцам и испытал новый плен, и здесь-то начались его страдания за веру.

Михаила убеждали отречься от христианства, но он с твердостью вынес пытки и даже смог совершить новый побег. На этот раз он бежал в южном направлении и скрылся в диких горах Анатолии. Однако вскоре был схвачен турками и вместе с одним малороссиянином перепродан на трапезундском базаре одному турецкому паше.

⁷⁹ Жизнеописание составлено по книгам: Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 174; Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам... СПб., 1860. С. 191.

Здесь тоже его пытками и угрозами принуждали отречься от Христа, но Михаил оставался тверд как камень.

Неволя и страдания закалили его, и, вынеся с удивительным великодушием множество пыток, он снова бежал от своего мучителя. Но, как и прежде, Михаил попал в руки неверных и был доставлен в Искилип, к начальнику этого местечка. Здесь жизнь его была не отрадней минувшей: тяжелые работы изнуряли бедного пленника, а постоянное усилие принудить его к принятию ислама выводило из терпения, так что новая попытка бежать закралась в страдальческую голову. Эта мысль еще более утвердилась, когда наперсник паши, мальчик, измученный жестокостью своего хозяина, объявил о готовности бежать вместе с ним.

Они условились скрыться при первой возможности и, оставляя пашу, украли у него пистолеты, ружья и кобуры, присланные ему из Мекки, от гроба Магомета. Дорога увлекла их к дорогим берегам Черного моря. День и ночь бежали они, и только вторая ночь усыпила их усталые чувства глубоким сном. Они спали долго и сладко, и каково же было их изумление и ужас, когда при первом взгляде на рассвет белого дня увидели, что со всех сторон окружены слугами паши!..

Старуха-мать паши, упражнявшаяся в колдовстве, открыла сыну своему побег невольников и указала даже на самое место их пребывания. Взбешенный паша немедленно отправил сорок человек в погоню. Те нагнали беглецов. Началось сражение. Семеро турок и даже один христианин пали от руки Михаила, но в конце концов беглецы опять были схвачены.

Здесь-то началась потеха для грозного паши! В запальчивости он приказал бить виновников по пяткам без всякой жалости, и их били до того, что слезла кожа с отбитых пят. Было только одно средство избежать мучений — отречься от веры во Христа, но Михаил согласился лучше умереть, чем изменить обетам крещения.

Мучители придумывали все новые и новые виды пыток, но Промысел Божий по тайным судьбам своим отсрочивал конец его жизни, предоставляя ему возможность загладить искренним и долгим покаянием все его заблуждения и проступки.

В конце концов паша, истощившись в пытках и мучительствах, приказал повесить Михаила. Еще несколько мгновений, и дух Михаила в славе страдальческой предстал бы Престолу Господа Иисуса Христа, но судьбы Божьи неизъяснимы!.. В то самое мгновение, когда Михаил был подхвачен петлей и вздернут на воздух, во двор вбежал маленький сын паши, крича во весь голос: «Папа, подари мне этого неверного!» Паша нежно поглядел на любимого сына: «Пускай он будет твой». Приказал палачу освободить повешенного, и Михаил упал на землю... Глухой стон вырвался из груди его, и паша, увидев, что Михаил жив, приказал поднять его вверх ногами и дать ему по пяткам еще несколько сильных ударов.

Под ребяческим господством после страшных пыток страдалец немного отдохнул. Вся новая служба Михаила заключалась в том, чтобы каждый день носить своего нового господина к мулле, в школу. Турчонок не понимал еще наслаждений зверского характера, обращался ласково со своим рабом и даже угощал его, с младенческой улыбкой приговаривая: «Ты мой раб!»

Шло время. Михаил был спокоен, но сердце его трепетало при каждой предположительной мысли о новых страданиях. Силы его слабели, однако дух не изменялся в крепости. И тогда он решился выдерживать при помощи Божией все пытки и до последнего вздоха быть верным Господу своему... Паша надумал женить Михаила, рассчитывая, что супружеское ложе заставит его забыть об обещанном христианам небесном блаженстве и непременно увлечет в ислам. Михаил видел всю опасность своего положения. А потому все предложения паша им были отринуты с твердостью духа.

— Не хочу ничего! Умру, а не отрекусь от веры моей!

— Умирай же, собака! — завопил паша. — Абдула! Растяни его на эту самару!

И в одно мгновение Михаил был растянут на воловье ярмо и около суток оставался в мучительном распятии. Его члены онемели, все тело совершенно распадалось по составам, и, наконец, будучи не в силах далее выносить мучительности своего положения, он отчаянно крикнул:

— Снимите меня и делайте что хотите. Я отдаюсь на вашу волю!

Едва он успел это произнести, паша и двор его окружили страдальца, и ласки посыпались со всех сторон. С той минуты звонкий металл не переводился в кошельке Михаила. Турки не отходили ни на шаг от нового своего собрата. Они выучили его турецкой грамоте и решили в наступающий праздник Курбан-байрам обрезать и сопричислить к своей вере. Но Михаил, внешне дав слово принадлежать Магомету, внутренне принадлежал Господу своему. Он вовсе не думал изменять своей вере, хотя немощь естества извлекла у него невольное обещание отречься от нее. Он снова задумал бежать, тогда как весь город уже говорил о нем.

Небольшая часть живших в этом городе верных христиан с трепетом ожидала богомерзкого праздника, на котором ожидалось совершение обрезания их собрата.

Михаил грустно бродил по городу, придумывая средства к новому побегу. Дивный сон еще более утвердил его в мысли бежать. Ему приснился святитель Христов Николай, который, показывая способ избавиться от верной гибели, говорил Михаилу: «Не бойся! Вера наша чище воды и краше солнца. Веруй во Христа — не погибнешь вовеки! Не бойся, беги. Я тайно буду с тобой и не оставлю тебя!»

Вскоре после этого сна Михаил бродил по базару и наткнулся на старого знакомого лавочника-христианина.

— Что, сынку? — с участием спросил старик. — Отрекся от своей веры?.. Страшно это!

— Что же мне делать! — возразил со вздохом отчаяния Михаил. — Не могу перенести мучений!

— Что делать? Бежать!

Тут добрый старик стал объяснять Михаилу путь к Черному морю, где есть русские и где мог бы он безбоязненно и по своей воле жить. Старик начертил ему путевую карту и, секретно передавая ее, прибавил: «Смотри, береги этот лист. Если попадешься, прежде всего разорви его на мелкие частички и не давай его в руки неверных, иначе я погиб!»

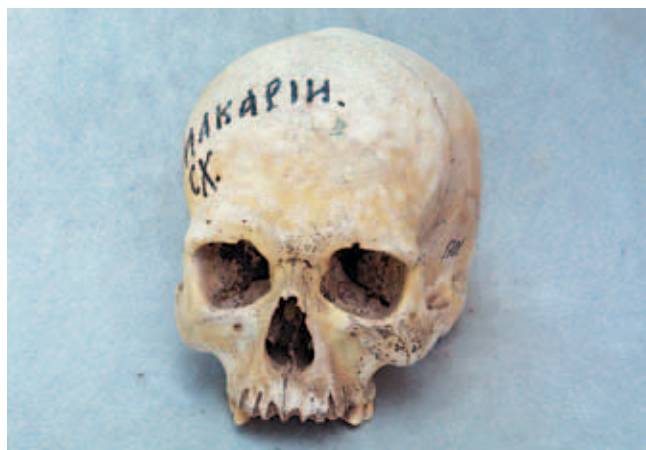
В ту же ночь, пробив стенку в своей комнате, выходящей на улицу, Михаил убежал от грозного мучителя. Тайно, по ночам, пробрался он до города Баферы и здесь случайно попал на двоих русских из раскольников, переселившихся сюда, которые увели его с собой в свои черноморские поселения. Там уже тихо и спокойно начал вести жизнь свою бедный страдалец, занимаясь рыболовством со своими соотечественниками — русскими.

Чего бы желать ему еще при такой довольной жизни? Но нет! Сердце при всех земных наслаждениях ноет, если нет для него пищи существенной, нет утешений благодати, нет чувств, достойных загробного предназначения. Как бы глубоко ни спала совесть, но бывают в ней сильные потрясения, когда мы совершенно разочаровываемся в лучших и в самых скромных и невинных наслаждениях. Так было и с нашим страдальцем. Пролитая им вольно или невольно кровь человеческая тревожила душу бедного Михаила, да так, что на раздольях страннической жизни он оставался в жалком положении. Сердце его трепетало при мысли о грядущем Суде Божьем, душа не довольствовалась настоящим, и совесть с невольным вздохом приводила на память давно минувшие проступки. Тогда он решился уйти на Святую Гору Афон, там оплакивать жизнь свою и схимой покрыть и преступные движения сердца, и дела, достойные многих слез кающейся души или грозной кары небесного правосудия.

Михаил достиг Святой Горы и с 1826 года посвятил себя всей строгости покаяния. Здесь 15 лет жил он на келлии у одного строгого старца, где был пострижен в схиму с именем Макарий. Схима преобразила его. Из прежнего разгульного бродяги он превратился в скромного инока.

В 1839 году вместе с отцом Павлом он перешел в Русский Пантелеимонов монастырь. К этому времени он уже был довольно стар, но при всем том благообразен. Следствия пыток и страданий отразились на всем его существе. Он едва ходил, по временам плакал и с грустью рассказывал о заблуждениях улетевшей молодости.

Вот что пишет о его последних днях отец Селевкий (Трофимов): «Он был очень искусный старец, и я часто беседовал с ним. Как, бывало, ни приду к нему, а он все на



молитве стоит. В стене у него было устроено что-то вроде шкафа. А по сторонам были сделаны две доски, чтобы ему не упасть во время молитвы. Вот как старец молился Богу. Едой его была пупара (род соломаты) из сухарей, а хлеба он есть не мог, потому что у него не было ни одного зуба. Ему было около 100 лет. А как он себя изнурял!»

Точная дата смерти отца Макария не установлена.

Схимонах Неофит (Васильев)

Схимонах Неофит⁸⁰ (в миру Никита Васильевич Васильев) родился в 1807 году в крестьянской семье в Вятской губернии. На военной службе дослужился до чина унтер-офицера. Отдав 25 лет царю земному, вступил в ряды победоносного воинства Царя Небесного и доблестно совершил предназначенное ему свыше поприще духовной жизни. Вначале он 12 лет подвизался служителем при Казанском соборе в Санкт-Петербурге, а потом пожелал отправиться на Восток. Прибыв в 1844 году на Святую Гору Афон, избрал Русский Пантелеимонов монастырь местом своей подвижнической жизни. Исполняя с примерным усердием и смирением монастырские послушания, в последние годы своей жизни он исправлял должность экклезиарха* и тщательно заботился о порядке и благолепии церковном. Усердно подвизался в молитве.

В 1845 году Никита Васильевич был пострижен в мантию с именем Никон. Вот как пишет о нем отец Селевкий (Трофимов): «Был очень ревностен к службе, усердно подвизался; был сух как щепочка и будто живой мертвец. Часто приобщался Святых Таин».

Враг рода человеческого не потерпел его богоугодной жизни и, желая пресечь его подвиги, часто наносил ему огорчения. Когда утружденный инок ложился ночью для отдыха, то дух злобы сталкивал его с койки на пол. Сначала отец Неофит очень боялся такого вражеского нападения, а потом, укрепленный благодатью Божией, мужественный ратоборец уже не обращал внимания на демонскую злобу и продолжал свои молитвенные постнические подвиги.

⁸⁰ Жизнеописание составлено по книгам: Арсений (Минин), иеромонах. Афонские современные подвижники: 10-е изд. М., 1900. С. 29; Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам... СПб., 1860, Прилож. С. 27.

В 1848 году он был пострижен в схиму с именем Неофит.

В конце его жизни Господу угодно было, для большего ему воздаяния в вечности, посетить тяжкой болезнью. Он несколько месяцев лежал на спине неподвижно, причем жестоко страдал судорогами в ногах, что явилось следствием продолжительных стояний на молитве. Но, несмотря на такое свое мучительное положение, он постоянно благодарил Бога. Тело его сгнивало от неподвижного лежания и стало издавать тяжелый запах.

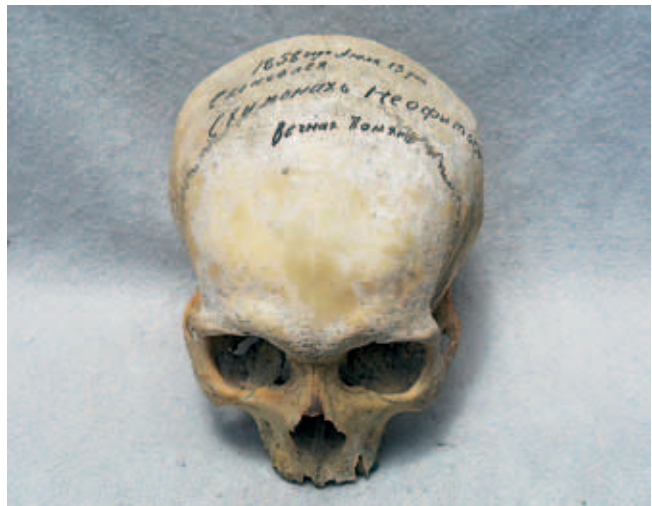
Ухаживал за ним послушник (впоследствии иеромонах Арсений (Минин)), который его молитвами не знал усталости при подвигах своих, и, когда, случалось, во время утрени тянул у него четку, то не ощущал дремоты, тогда как в храме, вне кельи отца Неофита, на него сильно нападала дремота.

Когда скончался труженик отец Неофит и по обычаю был вынесен в церковь святого Димитрия, то ухаживавший за ним послушник простился с ним, поцеловав его, и ощутил необыкновенное благоухание. На вопрос послушника духовник Иероним сказал ему: «Это тебе от почившего благодарность»⁸¹.

До смерти отец Неофит ежедневно сподоблялся причащения Святых Христовых Таин. Когда же стал приближаться к блаженной кончине своей, то, беседуя о спасении души, между прочим сказал: «Желал бы еще пожить, чтоб братии послужить». Из этих предсмертных его слов видно, с какой он любовью относился к братьям, всегда поступая в исполнении сказанного: *«Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ»* (Гал. 6, 2).

Во время своей продолжительной и тяжелой болезни отец Неофит, подобно праведному Иову, никогда не роптал, но все время благодарил Бога и с миром отошел в жизнь вечную 13 июля 1858 года.

Когда по кончине его тело страдальца было перенесено в церковь, то оно издавало приятнейшее благоухание, которое ощущал не только отец Арсений, но и другие братья, что было несомненным доказательством милости Божией, явленной ему. Это благоухание было как бы для него еще на земле наградой за его терпение и добродетели.



⁸¹ АРПМА. Док. № 518. С. 544.

Схимонах Гавриил (Седлецкий)

Схимонах Гавриил⁸² (в миру Георгий Аркадьевич Седлецкий) родился в 1845 году в городе Дорогобуж Смоленской губернии. Родители его были дворянами и имели возможность отдать мальчика в уездное училище. Но юный Георгий всем сердцем тянулся к монашеской жизни. Любовь к Богу всецело захватила его молодую душу.

Тайно от родителей в 15-летнем возрасте он сбежал из дома и поступил в Белобережную пустынь. Старцы этой обители сначала никак не хотели его принимать в обитель, но, видя его невероятное стремление к монашеству и его рвение, наконец согласились это сделать. Когда же Георгию исполнилось 18 лет, постригли его в рясофор с именем Паисий.

Он был племянником преосвященного Поликарпа (Радкевича), епископа Орловского, и его рекомендации и поддержка помогли юному подвижнику осуществить свою мечту — стать монахом.

Была у него еще одна мечта — посетить святые места Иерусалима и Святую Гору Афон, которую он вскоре смог осуществить. Прибыв в 1865 году на Афон, он был очарован образом здешней монашеской жизни и решил навсегда остаться в уделе Пресвятой Богородицы.

Вот как описывает дальнейшие приключения Паисия его духовный отец иеросхимонах Иероним: «По прибытии его на Афон он сначала пристал к монастырю Хиландарь. Потом обошел некоторые монастыри, скиты и келлии, прося, чтобы где-либо приняли его на жительство, но ему везде отказывали по причине молодости и слабого сложения. Таким образом, он дошел и до нашего монастыря, явился ко мне и просил о принятии в монастырь на всегдашнее жительство. Я сказал ему:

— Пожить у нас гостем или странником ты можешь хоть год и два, а принять тебя вовсе невозможно по причине молодости твоей, а более по слабому сложению твоему. Что ты здесь будешь делать? — спросил я его. — Ты здешних трудов не можешь понести, ты не можешь простоять всеобщего бдения, которое длится десять часов, и так же, как мы, не можешь поститься и трудиться. Я удивляюсь, зачем ты сюда пришел. Разве в России нет спасения? Спасение везде можно обрести. Где только человек понудится творить волю Божию, там и спасется.

⁸² Жизнеописание составлено по книге: Арсений (Минин), иеромонах. Афонские современные подвижники: 10-е изд. М., 1900.

На это мое замечание Паисий ответил с улыбкой:

— Я читал, батюшка, в книгах, что Святая Гора Афон есть жребий Божией Матери и что Она особенно печется о спасении здешних насельников. Так как я люблю Божию Матерь и имею к Ней веру, потому и надеюсь, что здесь, в Ее жребии, удобнее и скорее спасусь, нежели в России.

— А каким образом, — спросил я его, — ты, будучи молод, слабого сложения и нежного воспитания, к тому ж без средств, отважился пуститься в такое далекое путешествие за границу, в варварское царство, не узнав наперед о бедственных обстоятельствах здешнего края, и решаешься остаться здесь на всегданнее жительство?

— Простите, батюшка, — отвечал он, — обо всем этом я слышал и читал, но при всем том я шел к Афону как к любезному родительскому дому с большой радостью, ободрял себя верой и упованием на покровительство и помощь Божией Матери, и Она, Всеблагословенная моя Попечительница, помогла мне во всех моих нуждах. Как только я помолюсь Ей усердно, то скоро и получаю просимое. Самое большое препятствие моему намерению я встретил в Орле от дяди моего, преосвященного Поликарпа, который хотел оставить меня у себя навсегда, но я не согласился.

И хотя он всю зиму удерживал меня, всячески упрашивал и испытывал меня тяжелыми послушаниями, заставлял в саду копать мерзлую землю, чтобы устрашить меня и показать мне на опыте, что я не способен к таковым трудам, которые на Афоне для меня необходимы, но я при помощи Божией Матери все его испытания выдерживал. Наконец, он решился отпустить меня на Афон и предлагал мне рекомендательные письма к знакомым его на Афоне, потому что он сам был там, но я, имея в душе веру к Божией Матери, отказался от его предложения. На что он сказал мне: «Какой ты гордый!» Зато на дорогу дал мне денег пять рублей. Но я о деньгах и не думал. До Одессы шел пешком, один, милостыни не просил, и везде боголюбивые люди кормили меня и сами предлагали деньги. Как только спросят, куда я иду, и лишь услышат, что путь мой на Святую Гору Афонскую, то с удивлением скажут: «Ах, какой молодой, куда идешь спасаться». И затем дают денег. Таким образом, на пути в Одессу мне дали до 50 рублей, которых до Афона я не мог всех истратить. И вот Божия Матерь оправдала мою к Ней веру, помогла исполнить мое желание. Я теперь здесь и всей душой верю и надеюсь, что Она спасет меня. А в Россию я уже ни за что не возвращусь, и если вы не примете меня, то буду жить у вас хотя поклонником, потому что мне, отче, все у вас понравилось. А когда заболею, то вы, верно, не оставите меня умереть без пострига, как это у вас в обычае.

После этого объяснения ему было дозволено жить в гостинице в числе поклонников. Но по прошествии полугода, видя его добрый нрав, все отцы полюбили его и просили о принятии его в общежитие. Он был принят и определен для жительства за

монастырем, в келлию преподобных Печерских под надзором иеромонаха иконописца отца Василия (Селезнева). Там занимался писанием писем и разных бумаг монастырских, пономарил в церкви. В неделю раз приходил на всенощное бдение в монастырь, по обычаю раз в две недели приобщался Святых Таин.

Однажды он пришел ко мне для исповеди и говорит:

— Отче святой! Я имею большое желание сделаться мучеником, благослови пойти мне в Солунь или в Смирну пострадать за Христа. Ужасно мне этого хочется. Сердце мое горит день и ночь, все влечет меня положить жизнь мою за Христа.

Услышав это, я с удивлением спросил:

— Откуда такая странная мысль пришла к тебе в голову? Для чего это?

— Для того, — отвечал он, — что, во-первых, этим средством я могу скорее спастись, а во-вторых, буду в вечности в чине мучеников, которые в Царствии Божиим более всех прославляются. Вот почему мне хочется быть мучеником.

На это я много говорил ему из Писания, убеждал, что всякий христианин, тем более монах, должен быть готов в случае нужды пожертвовать жизнью своей для Бога, но самовольно вдаваться в искушения нам запрещено. Напротив, заповедано нам молиться, чтобы мы не были введены в искушение.

— А ты, — продолжал я, — без нужды дерзаешь идти на такое страшное дело. Желание твое понятно, но приводить его в исполнение дело небогоугодное, для спасения твоего очень опасное по причине немощи нашей природы. Вспомни пример апостола Петра. Да и, кроме того, много было несчастных, которые дерзнули без призвания свыше на таковое великое дело и не выдержали мук, отпав от Христа. Это легко может случиться и с тобою.

Но он мало был успокоен моими увещаниями. После нашего разговора с ним еще более года мысль о мученичестве не оставляла его. Он не понимал, что влекла его к мученичеству не любовь к Богу, а любовь к самому себе, чтобы прославиться и превзойти других. Это желание родилось у него от непонимания самой сущности самоотвержения. Но когда я пригласил его, чтобы он собственным опытом в малых и даже в ничтожных делах удостоверился в трудности самоотвержения или отсечения воли, тогда он вполне убедился, что именно отсечение воли своей есть истинное мучение.

Это было таким образом. Видя, что он не следует моим увещаниям и все еще стремится идти на мучение, я сказал ему:

— Если ты не веришь, что послушание есть истинное мученичество, как свидетельствуют богоносные отцы, то испытай сам на деле и убедишься в истине. Если ты истинно желаешь сделаться мучеником и попасть в их чин, то я помогу тебе в этом деле и покажу легкие и удобные средства для этого. Если ты не будешь уклоняться от несения крестов, т. е. скорбей внутренних и внешних, то ты сделаешься даже великомучеником.

Вот, например, тебе даны четыре креста послушания внешнего: 1) ходить в церковь на всякую службу к началу и выстаивать там до конца; 2) пономарить в малой нашей церкви; 3) заниматься переписыванием; 4) в неделю раз являться в Руссик.

Если ты все это исполняешь по совести, старательно, без лености и ропота, то ты несешь эти четыре креста. К наружным крестам принадлежат явные насмешки от других, укоризны, брань, клевета. Если ты в таких случаях не воздаешь злом за зло, то ты несешь и эти кресты. А внутренние кресты, или тайные, состояются из мыслей и желаний. Например, если ты услаждаешься злыми мыслями: гневными, или блудными, или гордыми и тщеславными, — то ты не несешь тайного твоего креста или тяжести, а, уклоняясь в услаждение таковыми мыслями, не имеешь терпения и мужества, чтобы бороться с ними. Борьба со злыми мыслями есть своего рода мученичество. Вот ты желаешь пострадать за Христа, чтоб турки за веру отрубили тебе голову, а того не знаешь, что можно и малыми делами сделать себя мучеником, потому что и малые дела, совершаемые нами ради Бога, делаются великими. Если я дам тебе и самые малые заповеди, и даже ничтожные, но ты по высокоумию не выдержишь испытания, то и они покажутся тебе страшно тяжелыми и даже невозможными, и ты откажешься от них.

На это Паисий возразил:

— Я на все готов. Только, быть может, я себя не так понимаю. Но желаю исполнить все, что вы мне прикажете, лишь бы только мне сравняться с мучениками. Испытайте, укажите и наставьте меня, как вам угодно.

— Хорошо, — говорю ему, — начнем, при помощи Божией, восходить на степень мученическую снизу вверх, как бы по лестнице, а не сверху вниз, как ты хотел. Теперь слушай да внимай, а после и делом исполняй. Мученики постились, а ты по четыре раза в день ешь. Так, с этого времени вкушай пищу хотя бы два раза в день. Мученики вовсе чая и не знали, а ты пьешь его два раза в день, да еще по шесть и по семь чашек, а довольно будет для тебя пить чай один раз в день и по три чашки. Мученики мало спали, а ты по восемь часов спишь в сутки. Будь доволен шестью часами. Мученики бдения совершали усердно, а ты всегда дремлешь в церкви на службах. Понуждай себя, чтобы не дремать в церкви. Мученики терпели страшные мучения, а ты ради венца мученического хоть бы от блох и клопов терпел, ни мало действуя, и если они когда будут кусать тебя, то ты терпи ради Бога, не чешись.

Паисий при этих словах, горько улыбувшись, сказал:

— Вы, батюшка, смеетесь надо мной, как над глупеньким мальчиком. Разве можно такими ничтожными делами приобрести степень мученическую?

— Ну, посмотрим, — сказал ему я, — исполнишь ли ты хотя бы эти ничтожные мелочи. Но не забывай вначале мной сказанного, что общее главное средство к мучени-

честву — не уклоняться от скорбей, но терпеть их благодушно. Ты хвалишься верой в помощь Божией Матери, но если вера у тебя правильная, то ты можешь у Нее испросить дар мученического подвига и приобрести венец мученический. Ибо это более зависит от веры, и вера многое может. Посмотри, если когда дастся тебе какая-либо мучительная страсть или болезнь, тогда терпи, не малодушествуй. Ибо я знаю, что некоторые и выпросили себе крест, а после стали роптать. Так смотри, чтобы и с тобой подобного не случилось. А через эти ничтожные мои заповеди ты увидишь свою немощь и забудешь о мученичестве.

— Если уж в самом деле я не возмогу этого исполнить, — сказал Паисий, — то после этого куда ж я гожусь. Нет, я уверен, что и более этого буду делать, только помогайте мне вашими молитвами и благословите с этого времени начать.

И, поклонившись до земли, принял благословение и удалился.

С этого времени Паисий действительно начал делать все, что было ему велено. Так продолжалось более года, потом он начал ослабевать, иногда побеждался лишним сном, или питием чая, или ел более, иногда жаловался на дремоту в церкви. Дана была ему заповедь молчать за трапезой, а так как он любил говорить, потому более месяца не мог выдержать этой заповеди. Однажды он пришел ко мне и говорит:

— Батюшка, прочие твои заповеди хотя и несовершенно, но исполняю, а одну твою заповедь, которую я считал вовсе за ничтожную, исполнять не могу. Что хотите делайте со мной, смущаюсь, мучаюсь и ничего не могу поделать. Прошу вас, увольте меня от нее.

— Какая же заповедь тебе столь тяжела, что ты нисколько не можешь ее исполнить?

Он отвечал:

— Вы дали мне заповедь, чтобы от укуса блох не чесаться, а ради Бога терпеть. Но чтобы я ни делал, как ни терпел, как ни мужался, не смог вытерпеть. И теперь во все исполнить ее не могу. Ведь как бывает. Как будто бес научил ее, окаянную блоху. Она сидит долгое время на одном месте и кусает так, что как иглой жалит. Терплю, терплю, да и почешу то место, после смущаюсь, совесть укоряет, что преступил заповедь. А иногда до того рассержусь на этих мучителей, что начну бранить их.

Я, рассмеявшись, заметил ему, что мученики еще более терпели.

— Да не от блох, — возразил Паисий. — Мне кажется, что блох никто не вытерпит, — прибавил он. — Это такие окаянные мучители, уж хоть кого доймут. Правда ваша, что опыт — верный учитель, я прежде этого не знал, потому и смеялся над вашими заповедями, об исполнении которых вы часто напоминаете мне и спрашиваете меня.

— Да, — сказал я ему, — я и теперь о том же спрошу тебя. — Почему заповеди в точности не исполняешь?

— Да оттого, — отвечал он, — что я на опыте не знал еще сказанного в Писании: «...яко безъ мене не можете творити ничесѡже» (Ин. 15, 5). Но вот и малый опыт мой

показал мне, что без особой помощи Божьей я ничего не могу сделать доброго. А мое желание мученичества ни что иное, как искушение или ревность не по разуму. Куда уж мне до мучеников! Хоть бы в последний чин преподобных попасть. Теперь о мученичестве я перестал и думать. Вижу себя немощным во всех заповедях Божьих и старческих, и меня поддерживает только одна надежда на Божию Матерь и на ваши молитвы.

— Этого-то и надобно было, — заключил я. — Слава Богу, что Он вразумил тебя.

С течением времени Паисий начал просить меня о постриге в схиму. Я отказал ему по причине его молодости и потому, что он мало жил еще в обители, всего два года. Но он и после часто просил меня об этом, указывая на то, что некоторые тоже молодые монахи, но давно уже пострижены. Я объяснил ему, что случилось это по причине тяжелой их болезни. Полагали, что они помрут.

— Если и ты заболеешь к смерти, тогда и тебя постригут, — сказал я ему.

Узнав о моем решении, он предложил мне такой вопрос:

— Если я буду просить Божию Матерь, чтоб Она исходатайствовала мне тяжкую болезнь, для того чтобы поскорее постригли меня в схиму, не грех ли это будет?

Я ответил ему, что это не грех, потому что и некоторые святые испрашивали себе болезни.

— А уверен ли ты, что Божия Матерь исполнит твое прошение? — спросил я его. — Не прежний ли дух самонадеянности побуждает тебя к этому? В таком случае ты не получишь просимого тобой.

При этих словах он возмутился духом и как бы с восторгом сказал:

— Уверен, совершенно уверен, что непременно выпрошу у Нее болезнь.

— Ну, если так, — сказал я ему, — то с этого времени молись Божией Матери, а иначе прежде времени мы не можем постричь тебя не только в схиму, но и в мантию, потому что есть те, которые прежде тебя пришли в Руссик, но еще не пострижены.

В обители нашей установлен обычай совершать постриги в Великий пост. В это время наш Паисий заболел и рад был своей болезни, думая, что, может быть, ради болезни постригут его. Но болезнь прошла, он выздоровел и опять остался непостриженным, а потому желание его и не исполнилось. Он об этом долго жалел. После этого всю свою надежду он возложил на Божию Матерь с уверенностью, что Она скоро или нескоро, но исполнит его желание, которое, впрочем, к удивлению многих действительно вскоре чудесным образом исполнилось.

Было это так. 15 июня 1867 года, в воскресенье, по выходе из церкви после долгой службы Паисий, встретив некоторых старцев, объявил им свой ропот на прибавление в службе молений о благодетелях. Старцы, услышав ропот, вознегодовали на него. Услышали это и прочие старцы и тоже начали негодовать. Чтобы успокоить братство, я призвал Паисия, и пред другими обличил его в несправедливости

его поступка, и тут же сказал ему, что так как он не хочет молиться даже и за великих благодетелей обители нашей, то ему следует оставить нашу обитель и удалиться куда хочет. Паисий смирился, просил прощения, извиняясь, что он сделал это ненамеренно, а затем, придя в мою келью, просил меня, чтобы я не выгонял из обители, а дал бы ему за вину его какой угодно канон. Я сказал ему: «Слово то я произнес для успокоения братии, а на самом деле я не имею намерения отлучать тебя от обители. Но так как ты многократно просил у меня благословения повидать Афон, то теперь для тебя время, к тому удобное. Пойди осмотри те монастыри и скиты, которых ты еще не видел, и побывай на вершине Афона, а к памяти святых апостолов возвратись в Руссик. А между тем братство успокоится, и тогда я объявлю старцам, что ты исправился и опять принят в Руссик».

Взяв благословение, Паисий в тот же день отправился в путь. Посетив монастыри и некоторые келлии, в одиночку, без проводника он взшел на вершину Афона, что у нас считается делом опасным. День клонился к вечеру, гора в то время была покрыта облаками, и он не мог насладиться окрестной красотой природы, которую очень любил. Потому он решился остаться там ночевать, думая, что, может быть, к утру облака рассеются и он тогда будет иметь удовольствие вдоволь насладиться обозрением красот природы всей Горы Афон. Он не знал, что в облачное время оставаться на горе ночевать опасно. Когда совсем стемнело, наш неустрашимый странник вошел в церковь, помолился перед иконами, осмотрел алтарь, встал на левой стороне и начал за повечерие тянуть четки.

Между тем облака более прежнего сгустились, загудел страшный ветер, засверкали частые молнии, и загредел гром. Паисий не терял присутствия духа, стоял бодро и молился. Гроза усилилась еще более. Молния чрез отверстие проникла в храм и начала гулять по церкви. Паисий прижался к стене, думая, что она не коснется его, но вдруг он почувствовал удар в голову, отчего четки выпали у него из рук. У него пробило скуфью, волосы на голове сгорели, платье обгорело, и все тело его было обожжено. Но при всем этом он еще чувствовал, что может сойти с горы, а потому поспешил удалиться оттуда. И хотя с большим трудом, но смог еще сам спуститься с горы вниз, к Богородичной церкви, где, к счастью его, он нашел двух русских старцев, укрывшихся от непогоды. Те помогли ему дойти до ближнего скита старца Георгия, постника, а тот уже на лодке доставил Паисия в наш монастырь. Все отцы смотрели на него как на чудо, все удивлялись, как он мог в таком положении не умереть, потому что все тело его было повреждено как снаружи, так и внутри. Только лицо да руки остались чистыми, а все прочее было покрыто страшными струпами.

Когда я первый раз посетил его, он, увидев меня, с воплем возопил:

— Вот, батюшка, уж теперь вы не оставите меня, не откажите мне в вашей милости, постригите меня в схиму поскорее.

Я сказал ему:

— Теперь мы все видим, что на это есть воля Божья, а потому нечего медлить.

Тут он рассказал мне во всех подробностях, как это с ним случилось. На вопрос мой, как он отважился ночевать на вершине Афона в облачное время, он отвечал, что не знал ничего об опасности. При осмотре его докторами оказалось, что молния повредила даже все его внутренности. Доктор, ранее служивший при великом князе Алексее Александровиче, решительно сказал: «Этот больной не может долго жить». Вследствие этого Паисий немедленно был пострижен в схиму с переменной имени на Гавриил.

После пострига он жил две недели. Однажды я пришел навестить его. Он увидел меня, обрадовался и, устремив взор на меня, протяжно проговорил:

— Батюшка, голубчик, пришел ко мне.

Я подошел к нему и, благословив, сказал.

— Вот видишь, чадо Христово, ты просил с верой у Господа и у Божией Матери мученичества и схимы, теперь все это дано тебе. Сознаешь ли ты это и благодарен ли за полученное тобою чудным образом?

Он отвечал:

— А как же! Сознаю, батюшка, сознаю и благодарю. Но вот беда, не могу терпеть этого ужасного мучения, болезнь ужасно донимает меня.

Я сказал ему:

— Что же? Это-то и хорошо. Через это ты будешь истинный мученик. Ведь ты сам пожелал и просил у Бога и у Божией Матери мученичества или страдания.

— Ах, батюшка, да я и не знал, что так будет больно и люто, — отвечал Гавриил. — Когда начнут сдирать с меня кожу, тогда делается мне до того больно и невыносимо, что я теряю терпение и кричу изо всей моей силы, и так делают со мной каждый день.

— Кто ж сдирает с тебя кожу? — спросил я с удивлением.

— Да доктор, — отвечал он.

Я, обратившись к доктору, спросил его:

— Как вы это делаете?

— Да у него и кожи-то нет, — отвечал доктор. — Все дело в том, что повязки и простыни присыхают к струпьям, и когда нужно переменить их, хоть раз в сутки, тогда они легко не отстают, а отдираются с усилием.

На это я заметил доктору, что таким образом можно больного вывести из терпения так, что будет роптать, а лучше всего отдать это на его волю.

Тогда Гавриил попросил, чтобы не мучили его более отдираанием струпьев от тела, да и другим чем не беспокоили.

С того времени он стал спокойнее, лежал все время на спине. Приобщался каждый день, быстро слабел. Многие из братии посещали его.

В день кончины его, 27 июня, поутру я посетил Гавриила, хотя он по виду казался очень худ, но разговаривал ясно и бодро. За час до смерти пришел к Гавриилу отец Макарий, духовник. Увидев его, Гавриил попросил: «Мне стало хуже, может быть, умру скоро, прочитайте отходную». Отец Макарий прочитал ему отходную и, благословив



его, сказал ему: «Ты, отец Гавриил, если обрешь милость у Бога, тогда помяни и меня пред Ним». Он отвечал: «Я вас прошу, батюшка, вы молитесь обо мне, и если я обрету дерзновение у Бога, тогда помяну и вас». Сказав это, он мирно испустил дух». Было это 27 июня 1867 года. Через некоторое время одному старцу обители пришлось однажды в видении видеть его душу на руках ангелов и слышать: «Эта душа – наследница райского блаженства».

Схимонах Иустин

Схимонах Иустин⁸³ родился в 1785 году в городе Кинешме Костромской губернии. С юности он был набожен. Хотя в молодости и был женат, имел детей, однако в его боголюбивом сердце семя благочестия с годами зрело приметным и для других образом.

Отличаясь тихостью нрава, прилежанием к церкви, как человек Божий, он пользовался между людьми уважением и уже в молодости начал приобретать опытную рассудительность старцев. Так, до 40 лет в подвигах благочестия и протекала его жизнь, когда в 1825 году проявилась для всех пребывающая в нем благодать Божия. В Таганроге во время полевых работ отец Иустин увидел, как из рассекающегося по направлению Таганрога небосклона спускается на землю огненное ветвистое дерево. И так повторилось несколько раз: оно то подымалось вверх, то спускалось вниз. Необычное это явление видел не только он, но и около тридцати других работников из местных жителей, которые были вместе с ним и пред которыми отец Иустин истолковал это явление как знамение о смерти их барина. При этом он предсказал точное время и место его кончины. Барин действительно умер. И после того как все узнали о подробностях его смерти, то оказалось, что предсказание было верным.

⁸³ Жизнеописание составлено по записям отца Парфения (Заблоцкого): см. АРПМА. Док. № 4066.

С этого времени отец Иустин, стремясь к уединенной жизни и с дозволения своей помещицы, вдовы умершего барина, устроил в близлежащем лесу себе хижину. В этой хижине в полном уединении от мира, в ежедневном подвиге, во внимании к себе, с хранением своей совести провел он следующие 35 лет своей жизни, которые протекли для него быстро и незаметно.

С молитвой, в благодарении Богу за всех и за вся, день и ночь пребывал он в молитве, в труде над очищением своего сердца, в борьбе со страстями и похотями, а более в борьбе с силой бесовской. В самоумерщлении трудился над собой раб Божий ради Господа, ради спасения своей души.

И вот однажды, во время одного из молитвенных своих стояний, когда он, рассматривая окружающую его природу, познавал и всей душой восхвалял Творца всяческих, вдруг сначала над ним, а потом над его хижинкой начал кружиться рой пчел. Облетев несколько раз кругом его уединенную хижину, пчелы спустились к его окну и стали на нем устраивать себе жилище. При этом, что странно, не было от них слышно не только обыкновенного, но и никакого шума.

«Выйду, — говорил впоследствии отец Иустин, — бывало, к ним, и как только приближусь, они и голову мою облетят, по всему моему телу пропутешествуют, и я, бывало, их рукой поглажу. А они, мои пчелки, на это по-своему ласково мне отвечают. Поюли священные песнопения, а особенно «Достойно есть», и пчелки начинают как-то приятно, усладительно гудеть. Их род был какой-то особенный, необыкновенно крупный.

В таком духовном наслаждении и благодарении промышляющему обо всех Богу протекли многие уже дни в моем единоборстве за свое спасение. И вот в одно время мои пчелки, смотрю, стали проявлять беспокойство. Потом одна за другой начали сниматься с окошка и улетать. В недоумении выхожу из кельи и, к крайнему сожалению своему вижу, что они всей массой своей, кружась над моей головой, поднимаются все выше и выше, пока, наконец, совсем не скрылись из вида.

Через три дня после этого управляющий именем перенес деревянную мою хижину в деревню на баню, а меня приставил к церкви старостой. Но я не мог с должным вниманием исполнять эту обязанность, а потому испросил заграничный паспорт и отправился на Святую Гору Афон»⁸⁴. Было это в 1859 году.

На Афоне отец Иустин поступил в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, где прожил до самой своей блаженной кончины в подвигах иноческого самоотвержения девять лет. Все это время он ни разу не выходил за ограду монастыря. Только на самом закате дней своих задумал поклониться и помолиться святогорским святыням.

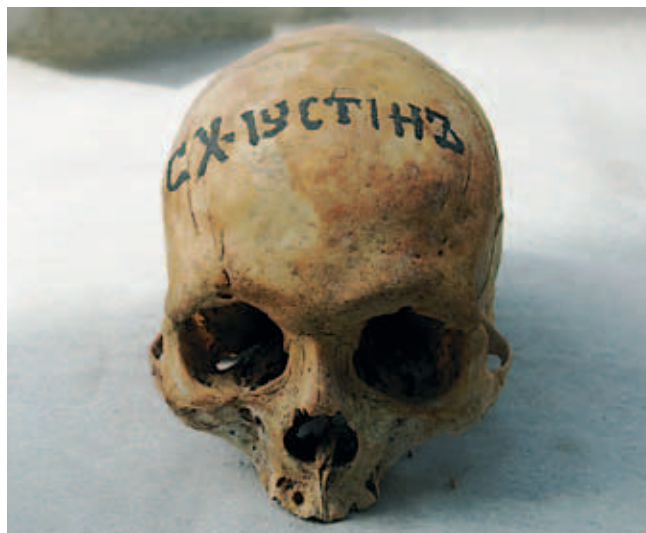
И вот 82-летний хилый старец с благословения своего духовника отца Иеронима, не зная ни местности, ни греческого языка, напутствуемый Единым Богом, отправил-

⁸⁴ АРПМА. Док. № 4066. С. 4–5.

ся пешком в путь. По возвращении он рассказывал, что везде, где бы он ни побывал, всюду был радушно принимаем. Но, приближаясь к источнику преподобного Афанасия, из-за крайней старческой немощи заболел. Присутствовавший здесь же случайный прохожий приговорил было его к смерти, но он, собрав последние силы, кое-как подполз к самому источнику и как только по бывшему ему повелению от Богоматери облился текущей там в избытке водой, то тотчас почувствовал такую крепость в теле, что стал даже на дороге обгонять приговорившего его к смерти спутника.

Они оба благодарили Бога за свершившееся чудо. Но там же, у источника, случилось еще, по-видимому, незначительное обстоятельство, которое доказывает, до какой малости человеколюбивый Бог исполняет желания своих избранных. В имеющийся у него стеклянный сосудец отец Иустин набрал из священного источника учававшую его воду. Приближаясь к монастырю, он заметил, что сосуд протекает. Со скорбью и сердечным сожалением, что не донес воду, возвратился старец в свою келью, но вот чудо: взяв в руки треснувшую бутылочку, он вдруг заметил, что течи в ней уже не оказалось. Трещина сама собой, Божьим повелением, исчезла. И более трех лет вода в ней после того не умалялась, хотя до самой своей кончины старец, рассказывая про это чудо, раздавал всем эту благословенную воду.

В 1868 году блаженный старец начал заметно слабеть, пока наконец 25 ноября, как догоревшая свеча, не угас, оставив в сердце братии вечную о себе память. Вот что записал в своем дневнике в день кончины старца архимандрит Михаил (Козлов): «Он отличался предельной простотой. Жизнь проводил в воздержании и был усерден в монашестве. Рассказывал, что никогда ничем не лечился, ни одного раза не открывал крови, даже самое незначительное лекарство принимать считал за грех, говоря так: «Если угодно будет Богу, чтобы я был здоров, то Он вылечит меня Сам без всяких



лекарств и человеческих пособий. А если угодно Ему, чтобы я похворал или вовсе умер, да будет на то Его святая воля».

Отец Иустин роста был высокого, телосложения крепкого, имел на голове и бороде обильные и седые волосы. Лицо его было чистое и приятное. За простоту я уважал этого старца и часто посещал его келью. Перед смертью он занемог, физические силы его постепенно начали ослабевать, аппетита не было, вот и вся была его болезнь»⁸⁵.

⁸⁵ АРПМА. Док. № 517. С. 65.

Монах Клавдий (Мошков)

Монах Клавдий (в миру Кодрат Иванович Мошков), сын православного крестьянина, был родом из Херсонской губернии Николаевского уезда. Будучи 20-ти лет от роду, просился у родителей отпустить его в монастырь, на что получил от них благословение. После чего в 1864 году он отправился в Иерусалим и прожил там три года при Русской миссии, исправляя в церкви послушание псаломщика.

Отяготившись тамошней городской суетой, он оставил Иерусалим и отправился на Афон, где и определился в Русский святого Пантелеимона монастырь, в котором проходил различные послушания: был архондаричным, пел на клиросе, писал синодики, затем послан был в Константинополь, где находился на подворье монастыря.

По прохождении испытаний на послушаниях, которые он исполнял безукоризненно, Кодрат Иванович до отъезда Великим постом 1871 года в Константинополь был пострижен в мантию и наречен Клавдием. В 1873 году, по возвращении из Константинополя, по благословению старцев он ходил на клирос, где был помощником уставщика, а в свободное от богослужений время продолжал вписывать в синодики имена для поминовения. Таким образом, жил тихо и спокойно, продолжая исполнять монастырские послушания, наложенные на него, до начала 1876 года.

После этого он впал в большое искушение, которое из-за особенного своего назидательного характера, счел нужным описать его духовный отец иеросхимонах Иероним: «На 25 января 1876 года служили в обители всенощное бдение, которое в этот день совершается ради памяти святителя Григория Богослова. В этот день к песнопениям и молитвословиям святителя Григория прилагалась служба Пресвятой Богородице ради празднуемой в этот же день памяти чудотворной Ее иконы «Утоли моя печали». Во время бдения, когда на вечерне на стиховне пели стихиры Божией Матери, певчие по обычаю стояли посреди церкви. Сзади певчих стояли паломники, из числа которых один был бесноватым. И вот этот бесноватый внезапно вскрикнул так сильно, что перепугал многих стоявших в церкви. Отец Клавдий, как он сам потом говорил, перепугался так, что чуть не упал. Испуг так поразил его, что он некоторое время и в келье своей не находил покоя. В то время он задал себе такой вопрос: «Если я так сильно испугался крика беснующегося человека, то что со мною будет во время часа смертного, когда представятся бесчисленнейшие, безобразнейшие, озлобленные духи и будут вопить и кричать?»

Подобные мысли заставили его задуматься о всей своей жизни, что он и начал делать и затем горько плакал о грехах своих. Это продолжалось с ним две недели. Он беспрестанно плакал. Потом начал понемногу успокаиваться и в это же время стал замечать, что какой-то помысел ясно и отчетливо распоряжается им, как молиться и что читать.

Однажды он пришел к духовнику и спросил его об этом помысле. От Бога он или нет, и следует ли его слушать или не должно? Духовник ему ответил, что это бывает и от Бога, и от врага и что надобно строго следить за собой и обо всем открывать духовнику, потому что и прелесть если вначале кого прельщает, то всегда делает это как бы с доброй стороны и так тонко и так запутанно, что неопытному никак невозможно сего разрешить и понять.

Отец Клавдий усомнился в духовной силе отца Иеронима. Дьявол подал ему мысль, что он сам лучше духовника во всем этом разберется. А если самомнение утвердится в подвижнике, то он начинает свысока смотреть на своего духовного отца. Враг внушает ему, что духовник духовно ниже его, что он не в силах разобраться в его сложных проблемах. Если подвижник начнет верить таким помыслам, то обрывается духовная связь между ним и духовником, и он остается без благодатной защиты. Недоверие духовнику есть в конечном счете недоверие к Богу. И не имеет решающего значения, действительно ли высок духовный уровень у духовника или нет. Решающее в отношении духовника с учеником — доверие. Если подвижник из-за любви к Богу полностью доверился духовнику, то Бог за его доверие никогда не допустит, чтобы духовник ошибся в отношении его, какого бы духовного уровня не был сам духовник. Скорее наоборот, только через такого духовника Он будет открывать подвижнику Свою волю. Но если это доверие шатко или оно вообще отсутствует, то подвижник удаляется от Бога и впадает в прелесть. Искуситель подсовывает ему новый помысел, что где-то есть очень хороший духовник, что он должен искать его, и подвижник пускается в бесконечный круговорот поиска высокодуховного старца, и этот поиск обрывается только в момент его смерти.

Монаху Клавдию помысел внушал, что он достоин священства и вскоре будет рукоположен в иеромонахи. Он не открыл этого помысла своему духовнику, так как другой помысел его убедил, что этот духовник не в состоянии постичь происходящего с ним. Недели через две он был назначен в Константинополь на послушание, но поверил своему помыслу и всеми силами старался остаться в обители. Ему было сказано о послушании в субботу, 13 марта, а в ночь на 14-е должен был прийти пароход, на котором он должен был отправиться в Константинополь. Но Клавдий отговорился тем, что ему поздно сказали об этом и он не успел собраться. Старцы благословили его остаться в монастыре до другого парохода, не подозревая об его умысле.

На другой день, с 14-го на 15-е марта, уже поздно, перед полуночью, отец Клавдий внезапно прибежал в келью отца игумена, которому открыл, что он так напуган в келье страшилищами, что от испуга и волнения чувствует сильное стеснение в груди, и притом просил облечь его в великую схиму. Отец игумен его как мог успокоил и приставил к нему людей, чтобы те понаблюдали за ним. По благословию отца игумена отец Клавдий провел эту ночь в архондарике при людях и освещении, лечь в постель не смог, а просидел в качающемся стуле, сделанном специально для больных.

На другой день отец игумен доложил отцу духовнику об этом деле. Духовник позвал к себе отца Клавдия и говорил ему: «Ты жаловался на страхования, но причины не открыл. Что тебя так перепугало? Ты обо всем должен подробно рассказать, а иначе погибнешь». Тогда тот раскрыл подробно все, что с ним случилось, и объяснил, что когда он начал доверять тому помыслу, который принял им повелевать, то мало-помалу этот помысел начал приказывать ему совершать дела сомнительные. Например, сначала заставлял молиться Богу, потом приказывал ходить по келье, а потом приказывал прыгать с пением тропаря «Богоотец убо Давид».

«Я, — говорил отец Клавдий, — усомнившись, спросил его, для чего это требуется. Помысел отвечал мне, что это требуется для того, чтобы показать его послушание, после этого он обещал, что я получу великие дары от Бога. Я ему говорил, что сомневаюсь в этом, мне совесть говорит пойти спросить духовника. На это мне было отвечено, что, когда Сам Бог тобою распоряжается, в таком случае духовник тебе не нужен. А чтобы я убедился, что все это от Бога, то мне будут показаны знамения и чудеса: «Вот смотри на эту стену, ее сейчас не будет», — говорил мне помысел. Я смотрю, а стены нет. «Смотри на потолок, его не будет». Я смотрю — потолка нет. «Смотри на помост, все доски будут двигаться». Я смотрю на помост — все доски ходят. Потом помысел говорит мне: «Теперь ты не должен сомневаться, встань и молись пред иконой Божией Матери». И я, когда стал молиться, вдруг вижу: около иконы явилось небольшое розовое пятно, которое вскоре превратилось в букет цветов, по всей келье разлилось благоухание, а от иконы показались светлые лучи, которые прямо мне освещают лицо. В это время помысел говорит мне: «Глотай, глотай, это дары Божии». И я глотал их. Потом говорит: «Приложись к иконе». И когда я приложился к иконе, то из иконы вылезла благословляющая рука. После чего помысел сказал: «Сейчас придет Спаситель и причастит тебя, чтобы ты уже не имел надобности в Причащении». И действительно, кто-то взошел в образе Спасителя и причастил меня чем-то вроде белой кашицы, и я, когда положил поклон, увидел лапы вместо ног и, пришедши в великий страх и ужас, выскочил из кельи и побежал к отцу игумену».

Духовник спросил его: «Для чего ты пожелал видеть эти видения, когда знаешь, что они запрещены и что они душепагубны? Притом тебе же было сказано, чтобы ты

открывал все подробно и о добром, и о худом». На это он сказал: «Необыкновенное желание приблизиться к Богу и получить извещение о получении надежды на спасение заставило меня так поступать. Но теперь я уже знаю свою ошибку и начал бояться, как бы мне не погибнуть за то, что я бесов слушал и им кланялся».

Духовник на это сказал так: «Если ты вполне сознаешь свою ошибку, и считаешь все это за прелесть, и от всего отрицаешься, и в этом каешься, то ты получишь прощение от Бога». Потом духовник сказал, чтобы он ничему этому не верил и подобных вещей не принимал, но обо всем бы спрашивал, а если что случится, то чтобы открывал, и для успокоения его прочитал разрешительную молитву и отпустил его.

С этого времени отец Клавдий совершенно успокоился, но стеснение в груди его не прекращалось, а усиливалось. Поэтому он был перемещен в больницу, где пролежал неделю, часто причащаясь Святых Таин, и мирно скончался 23 марта 1876 года вечером»⁸⁶.

Монах Азарий (Попцов)

Монах Азарий⁸⁷ (в миру Александр Иванович Попцов) родился в городе Вятке. Окончив курс богословия в Вятской семинарии и получив звание учителя, он некоторое время был преподавателем греческого языка в одном из уездных духовных училищ. В Вятской семинарии он познакомился со святогорцем отцом Сергием (Весниным), который произвел на него огромное впечатление. Он зачитывался его книгой об Афоне и мечтал сам попасть в удел Божией Матери. Наконец его мечта осуществилась, и он, приехав на Афон, 3 ноября 1851 года поступил в Руссик, где 17 декабря 1852 года был пострижен в мантию. Послушание проходил секретарем при российском консульстве в Солуни, в обители на клиросе, уставщиком и в библиотеке.

Отец Азарий обратил на себя внимание отца Иеронима своим глубоким природным умом, соединенным с пронизательностью, а также неистощимым чисто русским живым юмором. Его смело можно назвать создателем библиотеки Руссика. До него библиотека насчитывала только несколько сот древних греческих рукописей и актов, а при нем началась целенаправленная реорганизация библиотеки и увеличение книжного фонда. Он начал систематизировать имевшийся в наличии архивный материал и поставил вопрос о строительстве нового здания библиотеки монастыря. Отец Азарий привел в

⁸⁶ АРПМА. Док. № 518. С. 195.

⁸⁷ Жизнеописание составлено по книге: Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 136.

порядок монастырскую библиотеку, приобрел огромное количество книг, как современных ему, так и древних, наладил отношения со многими издательствами того времени.

Отец Азарий, благодаря усидчивости и упорному труду, быстро освоился в своем положении, изучив жизнь монастыря, вошел во все дела и стал, можно сказать, правой рукой отца Иеронима и отца Макария. Всякое дело, так или иначе касавшееся монастыря, не прежде начиналось, как старцы посоветуются с отцом Азарием. Никакие бумаги монастырские не миновали зорких его глаз, и все советы его и замечания имели в глазах старцев весьма важное значение.

Особенную услугу оказал отец Азарий монастырю во время распри русских с греками из-за прав на монастырь. Отец Азарий, можно сказать, один вынес эту борьбу на своих могучих плечах.

Посреди деловой и весьма сложной обширной официальной переписки отец Азарий находил время еще и для того, чтобы писать для газет исторические очерки о монастыре. Его перу принадлежат статьи, печатавшиеся в некоторых греческих константинопольских, афинских и российских газетах⁸⁸. Под псевдонимом «Любитель истины» эти статьи были изданы в 1874 году на трех языках (русском, греческом и французском) отдельной книгой под названием «По поводу вопроса об Афонском монастыре святого Пантелеимона»⁸⁹. Спокойное изложение фактов истории и трезвый взгляд на дело много содействовали положительному решению греко-русского спора. Ему же принадлежала мысль о публикации всех известных, имеющихся в наличии древних документов обители и об издании их в русском переводе. В 1873 году его чаяниями данная книга под названием «Акты Русского Пантелеимонова монастыря» была напечатана. До сих пор она является основным источником для изучения истории монастыря. Эту книгу высоко оценил большой знаток афонских древностей епископ Порфирий (Успенский)⁹⁰. В 1876 году отец Азарий издал также книжку «Тринадцать писем Патриарха Григория», в которой поместил личные переводы писем священномученика Григория V, Патриарха Константинопольского, зверски убитого турками в 1821 году.

Не остались без должной оценки заслуги отца Азария и в научных кругах России. Он был принят членом-корреспондентом Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии.

⁸⁸ «Домашняя беседа», 1874, №№ 32–44. С. 837–839, 859–863, 876–880, 896–903, 922–925, 997–1001, 1022–1024, 1037–1041, 1064–1067, 1104–1107, 1138–1143. Перепечатано в русском переводе из газеты «Византис», 1874, июль, август, сентябрь; «Московские Ведомости», 1874, № 218, 221–224, 226, 227, 229, 233–236, 239, 241, 244, 254, 264, 271, 277. (Некоторые исследователи по ошибке приписывают эти статьи архимандриту Арсению (Иващенко): см. Спасский А. А. Пресвященный Арсений (Иващенко) и его труды по византологии // Византийский временник. 1903. Т. 10. вып. ¾. С. 671).

⁸⁹ По поводу вопроса о монастыре Святого Пантелеимона. Статьи «Любителя истины». СПб., 1875.

⁹⁰ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. В 2-х томах, М., 2007. С. 1014.

Перу отца Азария также принадлежат еще несколько его трудов, не утративших своего значения и ценности и в настоящее время. Это «Вышний покров над Афоном», «Афонский патерик». Сохранились также в рукописном виде его некоторые духовные и научные заметки⁹¹. Его ясное осознание того, где он подвизался, хорошо показывают слова, записанные в предисловии книги «Вышний покров над Афоном»: «Святая Гора Афонская, удостоившаяся быть жребием евангельского слова Пресвятой Госпожи Девы Богородицы, по Ее неложному обетованию, была, и есть, и должна быть даже до скончания века предметом Ее любви и нежного промысла о всех посвятивших себя в ней трудами подвижнической жизни. Бесчисленные опыты оправдали и оправдывают Ее Божественное обетование. С материнской заботой надзирая Святую Гору Афонскую, как Свое наследие, Богоматерь в некоторых случаях иногда явно и чувственно являлась и является на помощь требующим от Нее помощи. Временами же необыкновенными знаменами от Божественного Своего лика, на иконах изображенного, являла неизъяснимую Свою благодать, и державное заступление, и Промысел, а всего более незримо и таинственно изливает благодатные дары Свои на Свой евангельский жребий и на удостоившихся в нем проходить путь жизненный под крестом иноческого отречения и царствует над ними как Царица неба и земли»⁹².

Духовная жизнь его неразрывно связана с его духовным отцом — отцом Иеронимом, с которым он имел тесную связь как в обычных, так и в духовных делах, чему свидетельство его многочисленные письма к отцу Иерониму из Константинополя⁹³, где он долгое время жил.

Отец Азарий был истинным сыном своей обители. Он переживал за любую мелочь, которая касалась дел обители. Вот что он пишет в одном из писем: «Не скажет ли кто мне, что я хлопочу о пустяках. О пустяках! Да ведь и горы состояются из песчинок, а не из самих гор. Так как же презирать нам и гроши! А мне кажется, так мы должны благодарить Бога и благодетелей своих за все, даже и за самую малость. Ведь крупных, миллионных доходов у нас нет. Так зачем же нам убегать от мелочей? Мне кажется так: мы должны бы все — и крупные и мелкие, — все складывать вместе в одну нашу сокровищницу»⁹⁴. Его неустанные заботы о материальном состоянии обители хорошо видны также в письмах⁹⁵ к эконому монастыря иеросхимонаху Павлу (Дурневу)⁹⁶.

⁹¹ АРПМА. Док. № 3904.

⁹² Азарий (Попцов), монах. Вышний покров над Афоном. СПб., 1860. Предисловие. С.1.

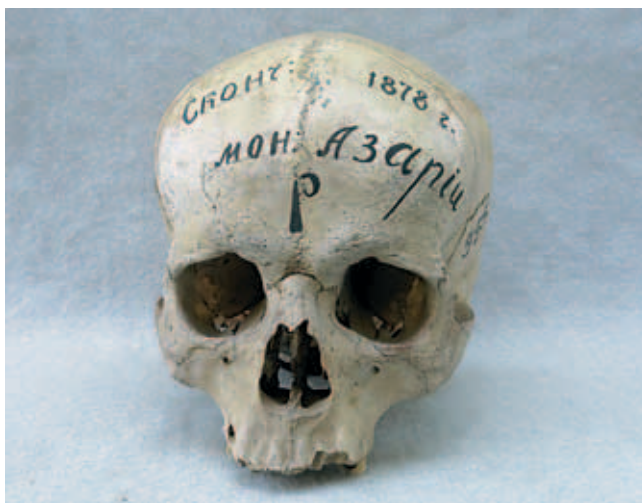
⁹³ АРПМА. Док. № 798.

⁹⁴ АРПМА. Док. № 789. С. 8.

⁹⁵ АРПМА. Док. № 1371.

⁹⁶ Схиеромонах Павел (в миру Петр Михайлович Дурнев) — бывший крестьянин Новосотенской волости Острожского уезда Воронежской губернии. Родился в 1833 году. Прибыл на Афон и

Несмотря на свой высокий интеллектуальный и духовный уровень, отец Азарий отличался крайним смирением и кротостью. Ему неоднократно предлагали рукоположение в священный сан, но он всегда отказывался, считая себя недостойным такого высокого служения. При встрече с каждым человеком кланялся ему до земли и целовал ему руку, объясняя это тем, что каждый человек есть храм Божий.



Одной из многочисленных заслуг отца Азария было то, что он подготовил во всех отношениях достойного себе ученика и преемника в лице отца Матфея (Ольшанского), с которым интенсивно переписывался во время его пребывания в Константинополе⁹⁷.

Преставился монах Азарий 4 апреля 1878 года от воспаления желудка.

Схимонах Матфий (Ольшанский)

Схимонах Матфий⁹⁸ (в миру Михаил Павлович Ольшанский) родился 5 ноября 1840 года в купеческой семье города Купянска Харьковской губернии. По окончании школьного образования некоторое время принимал участие в торговых операциях своего отца. Наряду с общим развитием душевных сил и способностей в юноше Михаиле все более и более укоренялась и развивалась религиозная настроенность. Его мало занимала городская торговая жизнь с ее коммерческими интересами.

поступил в Руссик 25 августа 1857 года, пострижен в мантию 18 февраля 1858 года, в схиму — 24 марта 1882 года. Послушание проходил экономом и казначеем на подворьях в Константинополе и Москве. Рукоположен в иеродиакона 23 ноября 1863 года, а в иеромонаха — 30 сентября 1867 года. Преставился 5 декабря 1895 года.

⁹⁷ АРПМА. Док. № 1488.

⁹⁸ Жизнеописание составлено по книге: Душеполезный собеседник. М., 1912, С. 112. См. также: Дмитриевский А. А. Русский самородок на Святой Афонской Горе // Сообщения Православного Палестинского общества. 1912. Т. 23. Вып. 1. С. 122–141; Инок Матфей, библиотекарь Пантелеимонова монастыря на Афоне // Церковные Ведомости. 1912. № 4. С. 133–134; Инок Матфей, библиотекарь Пантелеимонова монастыря на Афоне и секретарь монастыря // Русский Инок, 1912. Вып. 54, март. С. 62; Лопарев Д. С. Схимонах Матфей (библиотекарь Руссика) // Византийский временник, 1913. Т. 20. Отд. 3. С. 355–358.

В сердце его постепенно зрело решение оставить суетный мир и уйти в монастырь, чтобы там, в монастырской тишине, всецело и нераздельно посвятить себя на служение Богу. Выбор его пал на Оптину пустынь.

И вот, оставив, по слову Спасителя, дом, родителей и вся красная мира сего, 19-ти летним юношей Михаил удаляется в скит, состоящий при Оптиной пустыни. Здесь под руководством великого старца иеросхимонаха Макария получил он первые уроки иноческой жизни. Эти уроки были особенно важны и необходимы для молодого послушника: они научили его терпению, смирению, послушанию и строгому вниманию к себе — добродетелям, которые потом составили главные черты его характера.

Около трех лет пробыл он в Оптиной, исполняя разнообразные послушания. Смерть старца Макария (в 1860 году) нарушила течение его мирной жизни. Михаил стал все чаще думать об Афоне. Монашество афонское со своими тысячелетними традициями, с идеалами высокосозерцательной жизни давно привлекало его внимание. На Афоне, вдали от мира, в безмолвии мечтал он созидать свое спасение. Там безвестные миру иноки совершали высокие аскетические подвиги, восходили на высшие степени христианского совершенства. Там при полной бедности внешней обстановки господствовало духовное довольство и ярким пламенем горела чистая любовь к Богу и людям. Там ревностно и благолепно совершались продолжительные церковные богослужения. Одним словом, Афон вполне отвечал его желаниям. Ему захотелось самому повидать ту жизнь, поучиться ей у богомудрых старцев, которых немало было в то время на Афоне. Недолги были сборы. Взяв благословение у начальника скита отца Амвросия, Ольшанский отправился в путь.

Михаилу было 22 года, когда он прибыл на Афон и вступил в братство обители святого великомученика Пантелеимона. Скоро острый ум и постоянная сосредоточенность молодого послушника обратили на него внимание старцев обители. Он был послан в здешнюю афонскую греческую школу в Карее для изучения греческого языка. В 1865 году Михаил был пострижен в монашество и наречен Матфеем. А через два года послан в посольскую церковь Константинополя певчим.

У него рано развилась охота к пению. В Оптиной он пел на клиросе и был канонархом. И здесь, на Афоне, эта склонность сохранилась у него до самой смерти. Иногда, уже будучи почтенным старцем, он раскрывал ноты и один в своей келье распевал догматики.

Занимая послушание певчего при посольстве, отец Матфей не оставлял и своих работ по самообразованию. Он брал уроки турецкого языка, французского, тщательно изучал греческий, древний и новый языки, пополняя в то же время свои знания и по общеобразовательным предметам.

В 1873 году он был вызван в монастырь и назначен помощником библиотекаря отца Азария, с которым уже давно имел деловую и духовную связь. В следующем го-

ду он был послан опять в Константинополь по делу греко-русского процесса и был там до конца 1875 года. В 1878 году отец Матфей после смерти библиотекаря, почтенного старца монаха Азария, заместил его должность старшего библиотекаря и вместе с тем монастырского граматевса (секретаря). Такое назначение вполне соответствовало его склонности. В библиотеке он проводил все свое время, роясь в книгах, знакомясь с их содержанием. Тридцать три года заведовал он ей, и за этот период времени он сделал огромную работу для расширения и обогащения монастырской библиотеки, которая в его время, благодаря его любви и неусыпным заботам, встала в один ряд с лучшими книгохранилищами Афона — Ватопедским и Великой Лавры. Чтобы судить о трудолюбии отца Матфея, о его любви к книгам, надо принять во внимание то, что при нем библиотека увеличилась более чем вдвое, а число книг и рукописей достигло почтенной цифры (более 20 000 томов). Он сам просматривал текущую литературу и все полезное выписывал для монастыря.



Отец Матфей не только привел библиотеку в образцовый порядок, обогатил ее многими ценными экземплярами греческих и южнославянских рукописей, имеющих важное научное значение, но его стараниями само здание старой библиотеки было вновь отреставрировано и увеличено прибавлением нового этажа. Как истинный любитель древностей, он с любовью относился к разным древним достопримечательностям. Его трудами была приобретена и впоследствии значительно увеличена новыми редкими экземплярами нумизматическая коллекция при монастырской библиотеке. Немало терпения, времени употреблялось им, чтобы научно определить значение какой-либо истертой монеты или исторического достоинства какого-нибудь пожелтевшего листа пергамента. Как знаток византийской письменности, археолог и опытный палеограф, отец Матфей был много полезен молодым ученым, приезжавшим на Афон за материалами.

Каждому, кто посещал Святую Гору с научной целью, приходилось иметь дело с отцом Матфеем. Он радушно принимал всякого проходящего к нему за со-

ветом или какой-либо справкой и с полной готовностью делал для просящего все, что мог. С обширными разнообразными сведениями по многим отраслям знаний в нем соединялась готовность поделиться этими сведениями с каждым человеком, искавшим общения с ним. Обладая громадной памятью, он и сам был богатой живой библиотекой, которой можно было пользоваться всякому. У него всегда можно было встретить теплый прием и участливое слово. Простота общения, мягкость и деликатность делали его приятным собеседником. Он переписывался с такими выдающимися востоковедами России того времени, как И. С. Пальмов, А. А. Дмитриевский, Н. Ф. Красносельцев, И. Е. Троицкий, А. И. Алмазов, В. М. Истрин, Е. К. Редин, Н. П. Кондаков, А. С. Павлов, П. А. Сырку и другие, письма которых сохранены в архиве монастыря⁹⁹. Также он имел переписку с известными французскими учеными Емилем Леграном¹⁰⁰, Луи Пети¹⁰¹.

Заслуги отца Матфея для науки были достойно оценены всеми, кто интересовался тогда историей христианского Востока. Он был признанным авторитетом для Русского археологического института в Константинополе, членом-сотрудником которого он состоял с 1896 года. Он был по заслугам оценен и на Западе: Парижская академия наук прислала ему в 1902 году диплом, присвоив звание своего члена. Афинское историко-этнографическое общество считало его полезным своим членом еще с 1895 года.

Не чужд был отец Матфей и монашеского подвига. Он был истинным носителем лучших иноческих заветов, умел соединять свой аскетизм с практической деятельностью. В первую очередь он был настоящим послушником своих духовных отцов — отца Иеронима и отца Макария. Находясь на послушании в Константинополе, он не прерывал духовного общения с отцом Макарием и постоянно переписывался с ним¹⁰².

После смерти старцев его духовным отцом стал иеросхимонах Агафодор (Буданов), и, несмотря на относительную молодость нового духовника, отец Матфей проявлял безграничную преданность ему до самой своей смерти, чему свидетельство его обширная переписка с ним¹⁰³.

Последние десять лет отец Матфей почти никуда из кельи не выходил. Это давало ему возможность больше заняться самоуглублением и анализом собственной души, заглянуть в ее тайники, заняться достижением нравственного идеала. Ему известны были все оттенки той борьбы, какую враг ведет с каждым истинным христианином. Он знал богатство души человеческой с ее неумолкаемым движением чувств и тем-

⁹⁹ См. АРПМА. Опись № 38.

¹⁰⁰ АРПМА. Док. № 1574.

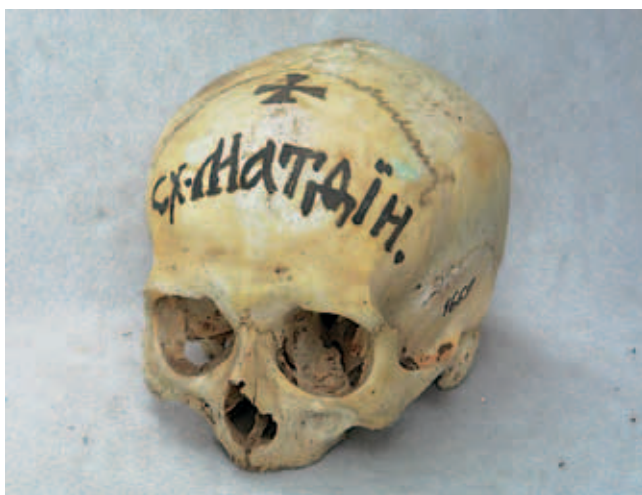
¹⁰¹ АРПМА. Док. № 1581.

¹⁰² АРПМА. Док. № 1494.

¹⁰³ АРПМА. Док. № 1366.

ными глубинами страстей. И тот светлый облик отца Матфея, который привлекал к нему многих, был не что иное, как плод неустанной 50-летней работы над собой.

В половине августа 1911 года отец Матфей занемог. Сначала он не придавал этому никакого значения, объясняя дело легкой простудой. Но время шло, а улучшения не было. Призванный врач не нашел ничего серьезного. Между тем, при отсутствии каких-либо резких симптомов, силы его угасали, организм слабел, и отец Матфей таял с каждым днем. 27 августа он принял постриг великой схимы с именем Матфий. Умирал он напутствованный всеми таинствами Святой Церкви, окруженный всеобщей любовью и заботой. До последнего вздоха шептал молитвы и был в полном сознании. В ночь на 3 сентября в последний раз старец удостоился приобщиться Святых Христовых Таин и затем тихо и мирно предал дух свой в руки Господа. На другой день после Литургии и соборного отпевания многочисленная братия проводила тело искренно уважаемого всеми отца Матфия на место вечного упокоения.



Иеромонах Василий (Селезнев)

Иеромонах Василий (в миру Владимир Дмитриевич Селезнев) был родом из города Воронежа. Поступил в Русский Пантелеимонов монастырь в 1851 году, где был пострижен в мантию в 1852 году. Он сразу привязался к духовнику Иерониму, был одним из лучших его послушников, за что Бог сподобил его многих духовных даров. Рукоположен в иеродиакона 3 июля 1856 года, а в иеромонаха — 8 сентября 1857 года. Иеромонах Василий выполнял послушание иконописца, так как обладал даром рисования. Он устроил в монастыре первую иконописную мастерскую, где собрал несколько одаренных иноков-иконописцев. Некоторые написанные им иконы посылались в Россию, и многие из них стали там чудотворными¹⁰⁴. Ряд икон, написанных им, был предназначен для поднесения в дар Их Величествам Высоким Особам.

В 1867 году схимонах Василий написал для Пантелеимоновского храма икону святого великомученика Пантелеимона, которая с тех пор прославилась многи-

¹⁰⁴ АРПМА. Док. № 321. С. 355.



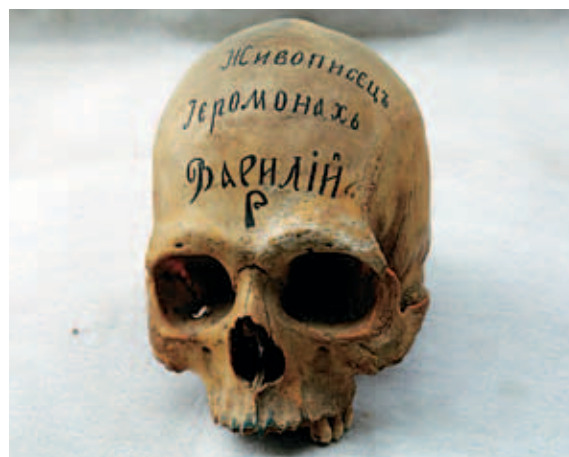
ми чудесами. Икона эта в большом позолоченном киоте находится у правого столпа напротив архиерейской кафедры. Написана на цинке. Риза на ней серебро-вызолоченная, с камнями¹⁰⁵.

Кроме иконописи, он выполнял послушание певца, пел партию второго тенора. Он был очень любим братьями. Вот что пишет о нем отец Селевкий (Трофимов): «Любезный живописец был исполнен всеми дарованиями: был живописцем, чте-

цом, певчим, канонархом. Он очень прост и ко всем любовь имеет. Бог помог ему расписать половину [Пантелеимоновского] собора, и он, вероятно, все окончил бы, но с ним случилось несчастье: оборвался с лесов, с самого верха, крепко разбился и был долго болен. Теперь он часто служит. И как он умирительно служит и хорошо читает! У отца Василия особенно замечательны его большие и пронизательные глаза».

После падения с лесов в 1875 году старцы благословили отца Василия поехать в Россию на лечение, где он прожил на подворье в Москве целый год и часто переписывался со старцами Иеронимом и Макарием. Болезнь и суета мира наводили на него грустные мысли: «При размышлении о смерти, — писал он, — невольно обдает мной боязнь, чтобы не встретить смерть неготовым и не прийти бы на место мучения. Это бывает, особенно в минуты горького моего плача о грехах моих, о своем нерадении... скажу Вам просто откровенно, как духовному моему отцу, чем больше усиливается плач о своих недостатках, грехах и страстях и отрекаюсь от них, тем более страдаю от них. Чем больше стараюсь успокоить себя, тем более чувствую себя растерзанным и возмущенным. Плач, окаянный, да не напрасно, а за свои грехи и за обиду ближнего, за свою смерть»¹⁰⁶.

Преставился отец Василий 27 ноября 1878 года от водянки. Через три года по афонскому обычаю откопали его останки, и когда принесли отцу Иерониму его желтую голову, то отец Иероним поцеловал и высказался: «Вот и мы, бывало, осуждали его, а Господь благоволит к нему».



¹⁰⁵ АРПМА. Док. № 492. С. 46.

¹⁰⁶ АРПМА. Док. № 615. С. 12.

Иеросхимонах Иезекииль (Сливкин)

Иеросхимонах Иезекииль (в миру Игнатий Васильевич Сливкин) родился в 1810 году в крестьянской семье села Ликинки Тульской губернии. Его мать звали Маврой Федоровной. Его отец Василий бежал от своих господ в Бессарабскую область, в город Кишинев. Но вскоре он там умер и оставил сиротами четверых детей: мальчиков, Игнатия и Сергея, и двух девочек, Евдокию и Ирину.

Мать хоть и была молодой женщиной, не более 30 лет от роду, но ей было очень тяжело на чужбине прокормить четверых детей. Игнатий был старшим и старался изо всех сил помогать матери. Порой ему приходилось выполнять тяжелые мужские работы. Вскоре мать вышла замуж, и малышам попался злонравный отчим, который с ними обращался жестоко, особенно с Игнатием. Истерзанный побоями мальчик находил утешение в молитве. Он твердо верил, что зло будет побеждено, что любовь Божия всесильна и если бы не его грехи, то помощь от Бога была бы немедленной.

Отчим отдал Игнатия на службу одному местному барину, Михаилу Петровичу Иванчину-Писареву, который по милости Божией оказался очень добрым и набожным человеком. Он вник в тяжелое положение семьи Игнатия и начал им посильно помогать. Часто приглашал всю семью к себе домой и детей угощал разными сладостями. Во время одной такой встречи он сказал матери Игнатия: «Этот твой сын родился счастливым, ему предстоит служить Царю Небесному». Тогда гости не поняли, о чем он говорит, но впоследствии отец Иезекииль, уже бывший монахом, вспоминал это пророчество своего барина.

После трех лет служения у барина Игнатия отправили в Москву, где отдали в ученики Никанору Григорьевичу Сухареву, мастеру по деревянным делам. И опять по милости Божией новый хозяин был добрым и заботливым человеком. Мастерская у него была около Высокопетровского монастыря, и юный Игнатий часто заходил туда, имея возможность благодарить Бога за свою судьбу.

Мастер позаботился, чтобы Игнатий получил начальное образование, он купил ему азбуку и всемерно способствовал в обучении. В монастыре Игнатий познакомился с иеромонахом Иеремией, который стал его первым путеводителем на пути спасения души. Отец Иезекииль впоследствии писал: «Вся моя жизнь в Москве проходила



в дружбе с монахами, я так их любил, как ангелов Божьих»¹⁰⁷.

В это время зародилась в его сердце заветная мечта — самому стать монахом. И когда обучение его у мастерового завершилось, он отправился в Святую Троице-Сергиеву Лавру, к мощам преподобного Сергия Радонежского, получить благословение на монашество. Здесь он встретился с монахом со Святой Горы Афон, который рассказал ему об уделе Божией Матери, и благодать утвердила Игнатия в его намерении стать монахом.

Он решил подвизаться на Афоне. Когда вернулся домой, то начал просить своего барина разрешить ему пойти в монастырь. Услышал Бог молитвы Игнатия, и отпустил его барин. После многих препятствий Игнатий добрался до Одессы, но чиновники не дали ему заграничный паспорт для выезда на Святую Гору Афонскую. Тогда по совету одного старца Иг-

натий отправился туда по суше, по дороге останавливаясь в монастырях.

Так он добрался до Нямецкого монастыря, где из-за неимения средств для продолжения пути ему пришлось остановиться. Так как он был хорошим столяром, то оказался очень полезен монастырю, выполняя различные столярные работы. Только через два года он смог продолжить свой путь.

В августе 1832 года он прибыл на Святую Гору. Сначала он жил в монастыре Зограф, а через пять месяцев перешел в Ильинский скит. Здесь принял его иеросхимонах Павел, игумен скита, который очень его любил и стал его духовным отцом. Игнатий выполнял послушание столяра, а через год его постригли в мантию с именем Израиль. В 1835 году его рукоположили в иеродиакона.

В это время враг человечества навел на него страшную плотскую страсть «...так сильно, что он боролся с ним день и ночь. На этом дьявол не успокоился и, когда он вставал ночью на молитву, навел на него великий страх, да так, что не мог он ни перекреститься, ни поклоны делать, а только поднимал руки к небу и, так крестоо-

¹⁰⁷ АРПМА. Док. № 452. С. 20.

бразно стоя, искал помощи от Господа Бога и Пречистой Матери Его, творил Иисусову молитву и Божьей Матери, только после этого он мог делать поклоны. После молитвенного стояния, когда он ложился на постель и засыпал, дьявол начинал его сильно давить. Отчего он в страхе пробуждался. «Верно, так было Богу угодно, — писал он впоследствии, — по попущению духовному, что врагу была дана возможность надругаться надо мной, грешным, для моего смирения и в душевную мою пользу»¹⁰⁸.

Отец Павел, видя многие духовные добродетели отца Израиля, вознамерился сделать его заместителем, но дьявол возмутил против этого намерения некоторых братьев, которые говорили, что отец Иезекииль не достоин этой должности, он только что рукоположен и вдобавок на богослужении плохо читает.

Отец Павел всячески старался обучить его богослужебной практике и привить навыки управления скитом. Он ни секунды не позволял ему быть в праздности. «Как только я выйду из церкви, — писал отец Израиль, — он гонит меня без оглядки в келью. Главная цель его заключалась в том, чтобы меня как можно скорее просветить и возвести на высокую духовную степень»¹⁰⁹.

Особенно переживал отец Павел, когда отец Израиль очень плохо читал во время богослужения. Сам отец Израиль понимал это и очень старался исправить свою речь, но безуспешно. Так продолжалось до тех пор, пока он не стал со слезами и поклонами молить о помощи Пресвятую Богородицу. Всю ночь он молился. И только к утру, упав от изнеможения на пол, заснул.

На следующее утро случилось чудо. На службе ему надо было читать канон. И его как будто подменили. Он начал читать так выразительно и внятно, что все удивились. Особенно удивился сему отец Павел. Когда он узнал о происшедшем с отцом Израилем ночью, он возблагодарил Божию Матерь за Ее милосердие и материнскую заботу.

Вскоре после этого Бог попустил учителю и ученику новое искушение. В скиту произошел раздор между малороссами и великороссами, и ради сохранения мира отец Павел решил оставить скит и игуменский пост и с группой монахов-великороссов разойтись по нескольким маленьким келлиям. Отец Израиль поселился во Введенской келлии Ставроникитского монастыря. Вскоре Божья Матерь утешила огорченных русских монахов и устроила так, чтобы их пригласили не в какой-нибудь скит или в келлию, а в царский великий Русский монастырь святого великомученика Пантелеимона.

Отец Павел с несколькими русскими монахами обосновался в Руссике, но через 8 месяцев он умер. И тогда вновь в Руссике стал вопрос о наставнике русских монахов. Отец Израиль был одним из кандидатов на этот пост, но он смиренно осознавал,

¹⁰⁸ АРПМА. Док. № 452. С. 44.

¹⁰⁹ АРПМА. Док. № 452. С. 45.



Келлия «Живоносный Источник» во времена отца Иезекииля. Сегодня полностью разрушена

что не имеет достаточных духовных даров, чтобы взять на себя такую огромную ответственность. Тогда он сам проявил инициативу и обратился с просьбой стать пастырем русских в Руссике к отцу Иерониму (Соломенцову), кандидатуру которого на этот пост одобрял и духовник отец Арсений. В отце Иерониме он обрел нового духовника, которого полюбил всем сердцем. «К отцу Иерониму, — писал он, — имел безграничную любовь, увидел в нем многие дарования духовные»¹¹⁰.

Отец Израиль смог уговорить отца Иеронима (Соломенцова), и тот согласился стать духовником русских, и тогда по благословению отца Арсения русские монахи Руссика обрели нового духовника. В это самое время отцу Израилю приснился его усопший духовный отец Павел, который призывал его присоединиться к русским монахам в Руссике, и он, немного думая, исполнил благословение своего усопшего духовника. Вскоре он был рукоположен в иеромонаха, а через месяц вместе с отцом Иеронимом был пострижен в схиму и был назван Иезекиилем. С этого времени он стал правой рукой отца Иеронима и поровну разделял с ним огромные заботы по восстановлению монастыря.

¹¹⁰ АРПМА. Док. № 452. С. 54.

В 1843 году его послали на Дунай, где монастырь занимался ловлей и заготовлением рыбы и где постоянно находилось до десяти человек братии, которые нуждались в духовном руководстве. Их духовное окормление и было новым послушанием отца Иезекииля. Здесь враг опять ополчил против него немощных братьев, из-за чего огорченный отец Иезекииль помышлял даже оставить монастырь. Тогда к нему во сне явилась икона Успения Божией Матери, и голос из нее сказал ему: «Ты мне обещаешь терпеть все напасти, а теперь изнемогаешь?»¹¹¹

Ища утешения, отец Иезекииль отправился в Киево-Печерскую Лавру, где встретился со схимницей Ефросинией, которая сказала ему: «Зачем ты сюда пришел, оставил Святую Афонскую Гору, пришел сюда на соблазн, ступай отсюда поскорей назад». Этот случай убедил отца Иезекииля, что он в искушении и что надо ему немедленно возвращаться в родную обитель. Что он и сделал.

Но вскоре враг опять вооружился на него и внушил ему мысль перейти в только что созданный Андреевский скит. В скиту его приняли с радостью и после смерти отца Варсонофия (Вавилова) даже назначили казначеем. Но совесть мучила его, что он оставил родную обитель и своего духовника.

И вот во сне ему было такое видение: «Преставился мне русский монастырь, — писал впоследствии отец Иезекииль, — где на русской стороне росло зеленое дерево, многолиственное и многими плодами обросшее. Перед деревом сидел отец духовник Иероним, и я спросил его: «Могу я кушать от этих плодов?» Он мне ответил: «Можешь, если ты сам этого хочешь». Но я понял видение так, что лишился этих плодов, так как не захотел нести монастырских трудов».

Было ему и другое видение: «Вижу я, несут братья большой крест, несут с великим трудом и приглашают меня на помощь, но я совершенно отказался от помощи им». Было третье видение: «Как будто я пересел с большого корабля на малое судно»¹¹². После всех этих видений отец Иезекииль понял, что враг его обманул, и он вернулся в Руссик, упал в ноги к отцу Иерониму и просил прощения. Добрый отец Иероним простил его и принял как брата обратно в обитель.

Отец Иезекииль ежеминутно оплакивал свои ошибки, и так как он имел дар слез, то плакал непрестанно о своей немощи и своих грехах. За искреннее покаяние Господь удостоил его многих видений и наградил безграничной любовью к ближним. Этот дар был настолько сильным, что ему постоянно хотелось послужить любому брату и даже отдать свою жизнь за кого-нибудь из них. Братья чувствовали и видели его преданность и любовь, и сами отвечали тем же.

¹¹¹ АРПМА. Док. № 452. С. 59.

¹¹² АРПМА. Док. № 452. С. 64.

Враг рода человеческого позавидовал такому духовному настрою отца Иезекииля, и он вновь восстал против подвижника. Отец Иезекииль ходатайствовал за одного монаха о передаче ему монастырской келлии и, получив от старцев отказ и укоризны за это, вновь оставил обитель и поселился на этот раз в монастыре Зограф. Но милостивый Господь и теперь не оставил заблудшего подвижника, пришел к нему на помощь. Навел на него великую скуку и угрызения совести, да такую сильную, что отец Иезекииль не смог вынести ее и ушел из монастыря Зограф.

Не смея возвращаться в родную обитель, отец Иезекииль вознамерился поехать в Россию, в Саровскую пустынь. Но Господь и здесь не оставил его. По воле Божией в Одессе он стал нечаянным защитником интересов монастыря и имел успех в этом, что прибавило ему смелости опять вернуться в русский монастырь.

Кроме этого, Господь послал ему одного схимника, который рассказал ему историю из «Древнего Патерика». Суть ее вот в чем: «Был один монах, который не мог долго оставаться в одной обители. Он переходил с одного монастыря в другой, оправдываясь разными причинами. Вот в очередной раз, решив переехать в другую обитель, укладывал он свои вещи и вдруг видит беса, который тоже занимается укладкой своих вещей. Удивленный монах спросил его: «Ты что там делаешь?» — «Укладываю свои вещи, я тоже переезжаю», — ответил бес. «А куда ты переезжаешь?» — спросил его монах. «Куда ты, туда и я», — ответил бес».

«Вот так, — сказал Иезекиилю старый монах, — куда бы мы ни пошли, бес всегда преследует нас. Если мы не смиримся, не отсечем свою волю, нет от него спасения. Древние монахи говорили: когда человек в первый раз попадает в монастырь, то это воля Божия, когда он решается перейти в другой монастырь, то это его воля. А когда он решается перейти в третий монастырь, то это воля дьявола».

Этот рассказ старца окончательно открыл отцу Иезекиилю глаза на его заблуждения, и он, вернувшись на Афон, со слезами опять пал к ногам отца Иеронима и просил прощения. Добрый пастырь снова простил свою заблудшую овцу и принял его обратно в обитель.

Старцы обители благословили отца Иезекииля жить на келлии «Живоносный Источник»*, которая была почти разрушена, так как за ней некому было смотреть. Отец Иезекииль ревностно приступил к восстановлению келлии, в чем пригодился его профессиональный навык столяра. Он отремонтировал храм: иконостас, престол, жертвенник и прочие части храма. Все делал собственноручно.

В этой келлии он провел ровно 20 лет своей монашеской жизни. Бог утешил его даром постоянного плача, его глаза были всегда влажные и красные. Отец Иезекииль владел искусством Иисусовой молитвы, которая текла в его сердце не-

престанно. Он был также очень усерден к богослужению, всегда бывал за полунощницей и утреней, почти каждый день служил Литургию. У себя он имел голову Святогорца — иеросхимонаха Сергия (Веснина), от которой всегда исходило благоухание и истекало миро и которую он очень почитал. Преставился отец Иезекииль 23 июня 1884 года.



Иеросхимонах Дамиан (Вьюков)

Иеросхимонах Дамиан (в миру Дмитрий Николаевич Вьюков) родился в 1832 году в городе Зарайске Рязанской губернии, в зажиточной купеческой семье. Юный Дмитрий прочитал книгу Святогорца об Афоне, которая «случайно» попала к нему в руки, и впечатления от прочитанного были так глубоки, что он не мог больше ни о чем думать, кроме как об Афоне. Он решил стать афонским монахом, но для исполнения своего решения ему пришлось преодолеть огромные трудности. Родители и родственники видели в нем наследника отцовского дела и решительно противились такому настрою молодого Дмитрия. Особенно противился его решению отец, который то угрозами, то разными ухищрениями пытался отговорить сына от своего намерения. Только после смерти отца Дмитрию удалось исполнить свою мечту. Он решительно отвергнул все свои права на отцовское наследство и немедленно поехал на Афон.

В 1862 году Дмитрий Николаевич прибыл на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. С первых дней своего пребывания в обители он полностью доверился отцу Макарию (Сушкину) и неукоснительно исполнял все его указания, как духовного, так и практического характера. В 1865 году отец Макарий постриг его в мантию с именем Досифей. Ученик полюбил старца сыновней любовью и оставался лучшим его послушником до своего смертного дня, и старец отвечал ему взаимной отцовской любовью: часто, когда спрашивали отца Макария, как нам спастись, он говорил: «Подражайте отцу Досифею и спасетесь». Все дивились такому совету, потому что отец Досифей был еще новоначальным и, кроме того, имел такое послушание, которое, с первого взгляда, совсем не подходило для подвижнической жизни.

Первые десять лет отец Досифей проходил послушание в иконной лавке. Можно сказать, что он первым организовал это учреждение в монастыре, которое в его время и впоследствии стало источником достаточно больших доходов монастыря. Он оборудовал помещение для лавки и наладил регулярное ее снабжение иконами и другими изделиями афонских монахов. Очевидно, что не важно, чем мы занимаемся, если на то есть благословение, а важно, как мы исполняем послушание. Если мы дело делаем во славу Бога, в любви к братьям нашим и с молитвой в сердце нашем, то Господь даст нам через молитву наших старцев силу благодати, чтобы достойно исполнить любое послушание.

2 февраля 1873 года отец Досифей был рукоположен в иеродиакона, а 1 января 1879 года — в иеромонаха. Уже после рукоположения в иеродиакона отец Макарий решил послать своего верного послушника на самое ответственное в то время место, на подворье в Москву, где отцу Досифею предстояло быть одним из главных помощников отца Арсения (Минина). После рукоположения в иеромонаха он стал духовником братии подворья и исполнял это послушание почти 10 лет.

Трудно было ему расставаться со своим старцем, но он хорошо понимал важность послушания и безропотно приступил к исполнению нового для него дела. Вот что он пишет отцу Макарию и отцу Иерониму после их благословения на духовничество: «Припадаю к стопам ног Ваших и прошу Ваших старческих и отеческих молитв и благословения. Письмо Ваше я получил. За отеческие наставления и вразумления Ваши приношу Вам мою сыновнюю благодарность. Я Вам писал и теперь таких же убеждений о себе, что нахожусь в таком духовном возрасте, что недостаточен принимать на себя обязанность исповедовать братство, а потому и просил Вас поручить это другим, более способным и понимающим братьям. Но как Вы благословляете не отказываться более от этого Вашего назначения, то да будет на то воля Божия и Ваша старческая. Буду при помощи Божьей и за Ваши старческие молитвы порученное мне дело продолжать. Для меня только нужно Ваше благословение, да молитвы Ваши, чтобы Господь мне, немощному, помог проходить неукоризненно возложенное на меня Ваше послушание, и да получить бы мне прощение моих грехов и избавление от вечных мук»¹¹³. Каждый свой шаг он согласовывал с отцом Макарием, с которым имел постоянную переписку¹¹⁴.

Огромное духовное влияние имел отец Досифей на преподобного Аристоклия (Амвросиева), с которым вместе подвизался на подворье с 1883 года. Он был духовником отца Аристоклия и оказал благотворное влияние на его мировоззрение.

В начале 1888 года отец Досифей заболел неизлечимой тогда болезнью, чахоткой, и вынужден был оставить свое послушание в Москве. Он отправился на

¹¹³ АРПМА. Док. № 629.

¹¹⁴ АРПМА. Док.: № 629; № 1055; № 1705.

Афон. Здесь 27 мая 1888 года был пострижен в великую схиму с именем Дамиан, но его состояние с каждым днем ухудшалось. Отец Макарий благословил отправить его в Константинополь на лечение в русской больнице, но Бог призывал своего верного послушника к себе, и отец Дамиан с полным смирением шел навстречу этому зову.

Преставился отец Дамиан в Константинополе 18 августа 1888 года. Отец Макарий распорядился не хоронить его в Константинополе, а привезти на Афон, что и было сделано. Отец Дамиан был погребен на братском кладбище монастыря.



Схимонах Пантелеимон (Прохоров)

Схимонах Пантелеимон¹¹⁵ (в миру Петр Савельевич Прохоров) был сыном крестьянина села Старые Костычи Сызранского уезда Симбирской губернии. Родился в 1811 году. С самого раннего детства мальчик любил посещать храм Божий и учить со слов матери и других людей молитвы. Любил слушать, когда читали священные книги, в особенности жития святых подвижников. Сам же читать не умел.

Юноша любил уединение и, когда его сверстники шумно играли во дворе, прятался то на чердаке, то на сеновале, то под кроватью и молился там с детской наивностью. Просил Боженьку, чтобы он поскорее пришел и изменил все вокруг: чтобы братья и сестры не болели, чтобы бабушки и дедушки не умирали, чтобы был всегда солнечный день и была бесконечная радость. Он каким-то особым чувством ощущал, что Бог-Отец слышит его, и он, довольный, в этом радостном сознании невольно засыпал.

Так проходили часы, а его перепуганная родня искала мальчика. А когда находила, то прилично наказывала. Но он не мог уже жить без этой беседы с Господом и вновь и вновь искал встречи с ним наедине.

Отец его Савелий, как только юноше минуло 17 лет, женил его, не спрашивая на то согласия сына и против его желания, что впоследствии причинило ему не-

¹¹⁵ Жизнеописание составлено по книге: Жизнеописание основателя Костычевской Смоленской женской общины старца Петра Савельева Прохорова (в схиме Пантелеимона). Симбирск, 1889.

мало горя. Петр покорно подчинился воле отца и противоречить ему не стал. Это было в 1829 году. С этого времени, как при жизни отца, так и после смерти его, он был примерным семьянином и работником. При этом своей привычке уединяться и беседовать с Господом он не изменил.

Петр был ревностным прихожанином своей сельской церкви. Его любовь к Богу возрастала с каждым днем, и вся мирская суета постепенно становилась ему невыносимой. Он каждую полночь вставал на молитву и горячо молился Богу сподобить его уединенной затворнической жизни, чтобы иметь возможность каяться и постигать любовь Божью. И вот Бог послал ему болезнь, да такую, что, видя его расслабленность и мучения, жена его согласилась отпустить его в монастырь. Уезжая на Афон, он заехал к боярыне Сопляковой, у которой имелась чудотворная икона Смоленской Божией Матери, которую Петр просил в дорогу, но боярыня отказала. После этого икона вдруг упала на пол. То же самое повторилось и ночью, и утром другого дня. Боярыня сочла это за знак Божий и отдала икону Петру. Во время своего последующего путешествия по святым местам он хранил икону в ранце на спине. Когда приходил на новое место или начинал новый путь, то вынимал ее из ранца, ставил перед собой и молился. Так он всегда начинал и оканчивал всякое дело.

Слава подвижнической жизни иноков Горы Афон, где в то время в монастыре святого великомученика Пантелеимона подвизались многие русские иноки, давно влекла Петра. Но нескоро ему удалось прибыть на Афон. Вследствие каких-то политических замешательств выезд российских граждан в турецкие владения в то время был ограничен, а потому Петр около трех лет прожил в Одессе на подворье, собирая подаяния на монастырь. При этом он был энергичен как в сборе пожертвований, так и в усердии к молитве, посту и нестяжанию. Заведующий Одесским подворьем после трехлетнего испытания постриг его в рясофор с именем Пахомий.

По прибытии на Афон, в Русский Пантелеимонов монастырь, отец Пахомий начал вести самую строгую иноческую жизнь. В храм приходил всегда первым и уходил последним, пищи вкушал мало, любил слушать чтение житий святых в трапезной, был крайне воздержан в общении с братьями и молча выполнял свое послушание.

У него была одна мечта — добиться того, чтобы богослужение в храме продолжалось в его сердце даже тогда, когда служба там заканчивалась. Он хотел, чтобы служба шла, и когда он трапезничал, и когда исполнял послушание, одним словом, непрерывно. В многолюдном монастыре этого добиться было нелегко, но он старался довести до минимума необходимое для монастырской жизни общение с братьями. Его огорчало и удивляло то, как некоторые братья, только что стоявшие в храме с крайним благоговением, выйдя из него, с невероятной легкостью предавались суетным

разговорам и моментально теряли прежнее благоговение. Он всеми силами старался бежать в келью, чтобы избежать таких разговоров.

Вскоре его постригли в мантию с именем Пантелеимон. Тогда он еще более усугубил свои иноческие подвиги. Духовник Иероним благословил ему творить в сердце непрерывную молитву, что точно соответствовало расположению его души. Он спал только три часа в сутки, остальное время старался беспрерывно творить Иисусову молитву в храме, в келье, во время послушания или трапезы. После семи лет такого подвига тонко чувствовавший его духовный настрой отец Иероним благословил отца Пантелеимона подвизаться в уединенной келлии в совершенном одиночестве. Счастьем отца Пантелеимона не было границ. Вот, наконец исполнилась его давняя заветная мечта — полное уединение с Богом и постоянное предстояние перед Создателем.

Но Промысел Божий по отношению к нему был иной. Через год проживания на келлии его вызвал отец Иероним и сказал: «Гряди, чадо Божье, в Россию и обращай там раскольников. Здесь таких, как ты, много, а там нет! Место, где ты остановишься, там будет тебе и многим во спасение. Там ты построишь новую иноческую обитель и в ней окончишь дни свои».

Глубоко озадаченный, отец Пантелеимон повиновался благословию своего любимого старца и в 1849 году вернулся в Россию. Здесь, у окраины своего родного села Старые Костычи, сам построил себе келью-землянку и затворился там. Он никого не принимал и никому не отвечал, исключение делал только для своего духовника, который приходил к нему, чтобы исповедовать и причастить его Святых Таин. В келлию ему приносили пресный хлеб и кувшин воды.

В первое время еду ему приносила священническая жена, а потом по ее примеру стали приносить и другие — тайно клали через маленькое окошко в сени. Двадцать лет безвыходно подвизался отец Пантелеимон в своей убогой келлии. Выходил он из нее только перед праздником Благовещения для того, чтобы исповедаться и причаститься в приходском храме Святых Таин. В келлии имел большой плоский гранитный камень, на который становился на молитву и который от продолжительного стояния и частых коленопреклонений сделался черным и как бы отполированным.

На этом камне всю ночь до самого утра, не засыпая, стоял он на молитве и клал земные поклоны. Во все время своих дивных подвигов, с 1840 по 1880-е годы, постели он не имел. Никто не видел, чтобы он когда-нибудь ложился спать. Но часто находили его около полуночи дремлющим стоя. Делал он это прислонившись спиной к печке и опершись на костыль. Поэтому многие думали и утверждали даже, будто он никогда не ложился спать. Только когда он достиг глубокой старости, телесные немощи заставили его лечь на кровать, состоящую из голых досок. В головах вместо подушки лежал камень, покрытый кожаными ранцем. Пищу он вку-

шал не каждый день. Среду и пятницу проводил вообще без пищи, а в остальные дни ел пресный хлеб. Воду пил из колодца.

Слава о подвигах старца Пантелеимона распространялась по всей округе, и люди стали со всех сторон приходить к нему, ища утешения и духовной поддержки. Тогда подвижник после двадцатилетнего уединения и подвигов, в 1869 году, открыл двери своей келлии и с удивительным детским незлобием, простотой и кротостью принимал всех, кто нуждался в его помощи. Многие священники, а также образованные люди, видевшие его и разговаривавшие с ним, говорили: «В нем воистину обитает благодать Божия». Множество болящих, одержимых, бесноватых получило от него исцеление.

Особенной заботой старца стала борьба против раскольников. А борьба эта выражалась не в силе проповеди, а в очевидности его высокой христианской жизни. Видя его добрую жизнь, безграничную любовь к людям и чудесные исцеления страждущих, раскольники немедленно обращались и оставляли свои заблуждения. По возвращении домой они распространяли о затворнике добрую славу, и по примеру их все новые и новые люди приходили к отцу Пантелеиму и обращались в Православную веру.

Благодарный народ начал щедро жертвовать отцу Пантелеиму, и он решил создать на месте своего подвига обитель, но перед реализацией задуманного отправился в Иерусалим, чтобы там укрепиться в своем решении. «Девять месяцев, — рассказывал он впоследствии, — и днем и ночью я молился у Гроба Господня. В последнюю ночь, утром, я как-то задремал и вижу во сне, будто Ангел Господень спустился ко мне и дал мне ветку винограда. На ней три ягоды, крупные, продолговатые. Я одну съел сам, а две отдал митрополиту. В этот день меня постригли в схиму и нарекли Пантелеимоном».

После возвращения из Иерусалима отец Пантелеимон энергично приступил к строительству обители. Ничто не могло остановить его: ни препятствия, ни обиды, ни обманы. Он твердо шел к своей намеченной цели. Многие удивлялись, как этот неграмотный крестьянин без всяких средств мог осуществить такое трудное предприятие. Но благодать Божия творит чудеса, она преобразовывает человека полностью.

Отец Пантелеимон семь раз ездил в Петербург по делам обители и был представлен Государю Императору. Он посетил также Дивеевский женский монастырь, по образу которого и намеревался создать свою новую обитель. Одной из причин его намерения создания женской общины считали его стремление поместить туда свою бывшую жену и дочерей, что впоследствии было осуществлено.

Вначале он построил деревянную церковь в честь Смоленской Иконы Божией Матери, которая была освящена в 1869 году. После этого обитель, несмотря на многочисленные препятствия, стала быстро разрастаться. Многие девицы и вдовы пожелали поступить в новую обитель и поселились в построенных помещениях около храма. Старец дал им устав, и община зажила обычной монашеской жизнью.

Официально властями новая обитель была признана только 15 декабря 1883 года, за несколько дней до кончины старца. Продолжительные препятствия, несправедливость, ложные доносы, обманы, которые он встречал на пути обустройства монастыря, отец Пантелеимон переносил с христианским терпением и с удивительным детским незлобием. Никогда никого не винил в своих неудачах, ко всем был приветлив и с любовью принимал всех ищущих у него утешения. Получив первое известие об утверждении общины властями, он воскликнул: «Ну, теперь, слава и благодарение Богу, я могу уйти на покой и совсем удалиться от вас». Через несколько дней он почувствовал приближение смерти. А за две недели до своей кончины начал говорить всем: «Я скоро уйду от вас».

Схимонах Пантелеимон преставился 3 января 1884 года. Перед смертью старец начал учащенно творить на себе крестное знамение. Между тем рука его ослабевала все более и более. Когда он в последний раз положил на себя крестное знамение, то рука его бессильно упала на голову, и тотчас же он уснул вечным сном праведника. Кончина его была спокойной и безмятежной, как тихий сон. Так афонский постриженник и воспитанник положил начало в России монастырю, который стал местом спасения тысячи христиан.

Схимонах Григорий (Крупченков)

Схимонах Григорий¹¹⁶ (в миру Герасим Николаевич Крупченков) родился в 1828 году в Курской губернии, в семье крепостного крестьянина. С младенчества у него проявился редкий музыкальный талант, развитию которого способствовал его помещик — большой ценитель и любитель пения и музыки. Свои музыкальные способности он развил в составе хора и оркестра своего хозяина. С течением времени барин сделал своего дворового человека регентом и дирижером, а потом за труды, после того как хор и оркестр были приведены в образцовый порядок, отпустил его на свободу.

Герасим переехал в город Старый Оскол, где продолжил свою музыкальную деятельность. Здесь он давал уроки музыки, пения, управлял хорами при многих приходских церквях. Увлеченный общим стремлением старооскольской молодежи, которая в начале пятидесятых годов принимала монашество на Афоне, Герасим решил и сам оставить суетный мир и искать удовлетворения своей артистической душе в

¹¹⁶ Жизнеописание составлено по книге: Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 150.



мире идеальном, в жизни аскетической, где царит одна гармония, а диссонансы становятся едва уловимы или совершенно не слышны.

По пути на Афон, в Одессе, Герасим встретился с Михаилом Сушкиным, будущим игуменом Макарием, который тоже ждал разрешения для выезда на Афон. Здесь в ожидании разрешения на выезд за границу Герасим составил весьма недурной хор из своих сотоварищей-паломников. Под его руководством этот хор на корабле, идущем по изумрудным водам Босфора, в присутствии отца Сергия (Веснина) Святогорца, приветствовал Царьград могучими звуками национального русского гимна «Боже, Царя храни».

Хористы сопровождали отца Сергия до самого Пантелеимонова монастыря. У берегов Святой Горы Афон, цели своего путешествия, отец Григорий с не-

обыкновенным воодушевлением сыграл себе и своим товарищам последнюю мирскую лебединую песнь на гитаре, инструменте, которым превосходно владел и с которым он не расставался и во время своего паломничества, и здесь на глазах у всех сломал ее и выбросил в море, решившись отныне никогда не брать в руки ни одного музыкального инструмента, хотя особенно любил он скрипку и кларнет-пистон. Однако еще более любил он «петь Богу своему разумно, дондеже есмь». Этому своему решению он не изменил до самой смерти.

Отец Иероним, большой любитель и знаток церковного пения, сразу оценил дарования новонаначального инока и поручил ему организовать хор из русских иноков. Отныне до конца своей жизни Герасим проходил послушание как уставщик и регент, учитель церковного пения. В 1853 году он был пострижен в мантию с именем Григорий, а в 1855 году — в схиму с тем же именем.

С самого начала своей жизни в обители отец Григорий с любовью и увлечением отдавался любимому делу и потратил на него все свои богатые духовные и физические силы, благодаря чему достиг замечательных результатов. Из полуграмотных крестьян и мещан, которые составляли главный контингент монахов русской Панте-

леимоновой обители, он образовал такой богатый голосами, музыкально-дисциплинированный хор, что приводил в восторг не только простых паломников, но даже знатоков музыки и пения, попавших на Гору Афон. Своим пением хор заслужил одобрение и восхищение у высокопоставленных лиц русских и иностранных представительств и даже у некоторых царственных особ, посетивших Афон.

В это время «обер-прокурор [Священного Синода] снаряжает на Афон своего помощника, Керского Сергея Владимировича, который прибыл на Афон 21 ноября 1886 года. Три дня он провел в Пантелеимоновом монастыре, затем путешествовал по Святой Горе. Его донесение К. П. Победоносцеву — одно из интереснейших и объективнейших свидетельств о жизни монастыря того периода. Вот что написал Сергей Владимирович о русском монастыре: «Поют просто, так сердечно и трогательно, что такое пение, полагаю, способно потрясти даже каменные сердца и неопикуемой небесной радостью преисполняет души человеческие. Да, нигде не умеют так торжественно и достойно величия Божия славить Господа, как в монастыре святого Пантелеимона»¹¹⁷.

Отец Григорий записал и переложил на голоса весьма много мелодий так называемого ныне афонского распева и сделал немало переложений и упрощений в пьесах известнейших русских композиторов духовной музыки. Традиции, заложенные отцом Григорием, еще долго жили на Афоне и поддерживались его регентами-учениками.

Последние годы своей жизни этот в высшей степени скромный, но богатый талантами человек доживал, окруженный всеобщей любовью братства, в келлии на Крумице и являлся в монастырь на клирос только в храмовые праздники, во время которых все слышали под его руководством образцовое афонское пение. Преставился отец Григорий 20 июля 1890 года.



¹¹⁷ Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 304.

Иеросхимонах Агафодор (Буданов)

Иеросхимонах Агафодор — один из важнейших представителей русского Пантелеимонова монастыря. Достойный ученик старцев Иеронима и Макария на протяжении 30-ти лет поддерживал духовные традиции, заведенные ими в обители. Трудно переоценить его роль в процессе сохранения духовной преемственности в монастыре. Он целенаправленно и последовательно старался передавать своим ученикам те духовные навыки, которым его научили выдающиеся старцы.

Иеросхимонах Агафодор (в миру Александр Иванович Буданов) родился 18 января 1845 года в семье зажиточного фабриканта и купца в городе Москве. Отец его, Иван Петрович Буданов, имел свою (вместе с братом Стефаном Петровичем) фабрику за Серпуховской заставой, недалеко от Данилова монастыря. В 1849 году отец купил дом на Малой Ордынке в приходе святой великомученицы Екатерины, куда вся семья ходила по праздникам на богослужение.

На пятом году жизни маленький Александр уже научился читать, а в шесть лет уже стоял на клиросе своей приходской церкви святой великомученицы Екатерины, где пел, читал и помогал пономарю, подавая кадило.

С 8-ми лет Александра отдали учиться сначала в городское училище, а после — в уездное немецкое училище, где все ученики для практики говорили между собой по-немецки. В этом училище преподавались языки, кроме русского, французский, английский и немецкий. Отец хотел приготовить своих сыновей для дел коммерции, но Бог судил иначе.

Иван Петрович любил по вечерам назидать свою семью чтением Священного Писания и Четьих Миней, все это не могло не отразиться на душах его детей. В семье Будановых, кроме отца и матери, было три сына и дочь. Благодаря тому, что семейство жило церковной жизнью, у всех детей рано проявилось стремление к монашеству.

Когда Александру исполнилось 18 лет, мать семейства Степанида умерла от чахотки, а через год после ее смерти умер и отец. Дети остались сиротами. После смерти Ивана Буданова торговое дело было вскоре ликвидировано.

В 1868 году старший брат Петр (впоследствии иеромонах Уриил) заявил, что он уезжает на Афон для принятия монашества. С ним пожелал ехать и младший брат Александр. Средний же Михаил (впоследствии иеромонах Мина) сказал, что и он

приедет к ним, если им удастся там утвердиться. Впоследствии он присоединился к своим братьям.

Помолившись родным святыням, путники отправились на Святую Гору, куда и приехали благополучно 14 апреля 1869 года. Остановившись в русской обители святого великомученика Пантелеимона, они были вскоре приняты в братство и поступили под духовное окормление старца иеросхимонаха Иеронима. Молодой послушник Александр был безгранично рад получить в наставники такого многоопытного старца. Впоследствии он так вспоминал об этом: «Я просил мысленно Господа послать мне наставников по Его святой воле. И это Господь исполнил, ибо дал мне незабвенных отца Иеронима и отца Макария»¹¹⁸.

Дальнейшая судьба обоих братьев различна: старший избрал отшельническую жизнь и поселился в принадлежащей монастырю пустыне Новая Фиваида, младшему Бог судил потрудиться в обители. Через два года послушник Александр был пострижен в мантию с именем Агафодор, а затем в 1873 году был послан певчим в константинопольское русское посольство, где и пробыл до 1877 года. После того как он вернулся в обитель вскоре после окончания Русско-турецкой войны, ему пришлось опять ехать в Царьград, в посольскую церковь певчим. Возвратился он на Святую Гору только в 1882 году.

С этого времени до самой кончины старца Макария он находился под его непосредственным духовным руководством. Старец обещал ему за полное послушание вымолить у Господа для него Божью благодать, и молодой послушник полностью доверился своему духовнику, неукоснительно выполнял все его указания, за что Бог действительно одарил его своей благодатью.

Впоследствии он так писал о своем опыте общения с духовником: «В прелесть впадают лишь те, которые верят своему рассуждению. Поэтому никто без благословения своего старца, которому обязан иметь откровение, не должен ничего начинать своевольно



¹¹⁸ АРПМА. Док. № 502. С. 7.

или верить своему мнению или видению, не открыв ему всего. Надо следовать его мнению и указанию (одобрению), полагаясь без сомнения на его суждение... Когда кто руководствуется такими указаниями своего старца, и все делает по его благословию, и самые мысли не иначе принимает, как предварительно спросив того о них, таковой, будучи охраняем его благословением, не может впасть в прелесть, легко избегает коварства расставленных врагом сетей, как бы они ни были прикрыты тонко и хитро, ибо раз держится правила, указанного ему старцем, — не доверять себе, пока не спросит старца, — то как может обмануть его дьявол? Он по смирению считает себя недостойным никакого явления от Бога, вопрошая о всем таковом старца. Если же и последует что-либо от Бога, то он сочтет это [как дар] по молитвам старца, а не за свое достоинство, чем и избегает возношения. А кто без благословения, самочинно, хотя бы и доброе что-либо делал, легко может попасть в прелесть, и если вскоре не скажет об это старцу, то может и совсем повредиться, и, будучи оболещен врагом (ложным светом, благоуханием, разными видениями во сне и наяву, запрещением от врага открывать об этом старцу), может совсем потерять рассудок и остаться навсегда неисправимым»¹¹⁹.

21 ноября 1882 года отец Агафодор был рукоположен в иеродиакона, а затем 10 апреля следующего года — в иеромонаха. С того времени начинается его деятельность сначала как антипросопа, а потом духовника. Прекрасно изучив греческий язык, он с успехом выполнял ответственное послушание в Киноте.

Потрудившись в Карее около 10-ти лет, отец Агафодор по болезни (бронхит) должен был навсегда оставить это послушание. Но главная заслуга отца Агафодора — это духовничество. На этом святом серьезном поприще он не имел равных. Всегда внимательный, ласковый, он сумел привлечь к себе сердца многих иноков, как новичков — послушников, так и убеленных сединами старцев. Двери его кельи были всегда открыты для желающих очистить свою совесть таинством покаяния. Скорбящие, малодушествующие находили в нем заботливого, внимательного отца, и редко кто из них уходил неуспокоенным, неудовлетворенным. Большинство его духовных чад искренне любили своего старца и готовы были пойти за него на любое самопожертвование. Его отцовская любовь и забота о своих духовных детях отчетливо видна в его переписке с ними¹²⁰.

Он так учил своих духовных чад: «Цель нашей жизни — приготовиться, усовершенствоваться в добродетелях для жизни вечной, чтобы славословить Бога вечно с Ангелами и всеми святыми. Душа наша всегда тяготеет к бесконечному добру — Богу — и только в Нем, в памяти о Нем, находит себе успокоение. Чтобы быть всегда умом и сердцем с Ним, святые отцы приказывают держать в уме молитву Иисусову, наблюдая с вниманием за сердцем, дабы не появились там какие-либо худые помыс-

¹¹⁹ АРПМА. Док. № 501. С. 94.

¹²⁰ АРПМА. Опись № 40, дело № 28.

лы, ибо враг, особенно в это время, сеет в нем все худое, дабы осквернить святую беседу с Богом — молитву. Но не должно прекращать ее, а всеми силами стараться не прерывать ее, ибо она соединяет наш дух с Господом еще здесь, на земле, чтобы так, соединившись с Ним, жить вечно в теснейшем общении с Богом.

Какое счастье и блаженство обещано человеку! Но как устроить себя, чтобы возможно было беспрепятственно шествовать этим путем? Хотя для скорейшего усовершенствования в добродетелях и способствует отшельничество, безмолвие, уединение, но с Божьей помощью возможно везде этого достичь. Жизнь святого Феодора Студита и святого Симеона Нового Богослова служит этому доказательством. Они и в общежитии сподобились великих даров от Бога. Святой Симеон написал даже и правило для молитвы. Также и современные подвижники: Паисий (Величковский), ученик его Феодор, епископ Игнатий (Брянчанинов), а также оптинские старцы: Лев, Макарий, Амвросий, Иосиф и многие другие — сподобились великих дарований от Господа, чем и доказали, что для Бога нет препятствий для усовершенствования людей, предавшихся Ему во всем и возлюбивших Его всем сердцем, и которых Он и укрепляет и при суетливой жизни. Надо только неуклонно трудиться [в непрерывной Иисусовой молитве], за что Господь и подает Свои дары. Ибо молитва и вообще всякое делание духовное прежде всего это труд, а как награда за него — благодать. Сказано в Священном Писании, что Господь дает молитву (благодать) молящемуся (за его труд)¹²¹.

30 марта 1888 года отца Агафодора постригли в схиму.

В последние годы отцу Агафодору выпало тяжкое испытание: он невольно стал инициатором возникновения на Афоне споров об имени Божьем. Об этом он впоследствии вспоминал так: «Отец Иларион¹²² [автор книги «На горах Кавказа»] просил меня письменно узнать от здешних подвижников, занимающихся Иисусовой молитвой, какого они мнения о его книге, и между ними просил узнать [мнение] и отца Хрисанфа¹²³, [насельника] Ильинского скита. Этот последний ответил отцу Илариону целой рецензией на его книгу. По просьбе отца Хрисанфа я послал эту

¹²¹ АРПМА. Док. № 501. С. 45.

¹²² Схимонах Иларион (в миру Иван Феоктистович Кузин) — уроженец Рязанской губернии. Подвизался на Афоне в конце XIX – начале XX века. Жил на каливе. Пострижен в рясофор с именем Иоанн, в мантию — с именем Иларион. 12 апреля 1903 года уехал в Россию, на Кавказ. Автор книги «На горах Кавказа», первое издание которой вышло в 1907 году. Книга стала настольной для имябожников. В 1903–1909 годах писал письма схиеромонаху Агафодору (Буданову). (См. АРПМА. Док. № 1723). Преставился 1 марта 1916 года на Кавказе.

¹²³ Иеромонах Хрисанф (в миру Христофор Иванович Потапьев, он же Минаев) — бывший дворянин. Родился в 1833 году, служил по ученой части в межевом корпусе в Москве. С 1864 года — насельник Ильинского скита. Одним из первых выступил с резкой критикой книги монаха Илариона «На горах Кавказа». Преставился 25 августа 1916 года. В 1882–1885 годах из Констан-

рецензию к отцу Илариону, так как отец Хрисанф за незнанием адреса прислал ее ко мне для пересылки, сказав, что рецензия эта написана по его [отца Илариона] просьбе лишь только лично для него, но не для печати»¹²⁴.

На рецензию отец Иларион оскорбился и начал активно пропагандировать свои идеи, вовлекая в спор об имени все больше и больше афонских монахов, что в конце концов привело к формированию имябожнической ереси. По требованию имябожников, которые в одно время взяли власть в монастыре, отец Агафодор был удален из обители на Фиваиду, где перенес немало скорбей от окружающих. Но он за причиненные скорби никого не осуждал, а, наоборот, благодарил Бога за посланные ему испытания.

«Как бывает отрадно и благотворно, — писал он, — когда приходится заглянуть в себя поглубже через какой-либо толчок [испытание]. Тогда душа смирится и глядит на себя беспристрастно. Каждая пылинка видится на совести. Хотя и бывает это нелегко, но после чувствуется на душе легкость. Дух примиряется и с Богом, и с людьми, которые казались до того несправедливыми, а теперь любезными, снисходительными по отношению ко мне. Так и всегда должно было бы быть, но гордость мешает. А когда приходится стряхнуть ее и смириться, тогда на душе отрада и свет, и она приходит в свое нормальное, свойственное ей состояние.

Гордость все помрачает. Самому человеку без помощи Божией невозможно выйти из такого положения. И вот Господь приходит на помощь, попуская ему какое-либо искушение, ошибку и скорбь, и тогда с глаз как бы спадает покрывало, человек смиряется и видит ясно все, а главное, себя недостаточным, неразумным и грешным. И тогда возопиет он ко Господу со смирением о прощении себя и о Его помощи. Поэтому беды, искушения, скорби и болезни — целебный пластырь, излечивающий от гордости и уныния. Чтобы пребывать в порядке, должно всегда держаться самоукорения и молиться: «Даруй мне, Господи, зрети моя согрешения!» Ибо гордость затемняет нам духовные очи, и от этого мы, как слепые, постоянно спотыкаемся»¹²⁵.

После удаления имябожников с Афона отец Агафодор вновь занял пост антипросопа. По смерти грамматика и библиотекаря отца Матфея отцу Агафодору пришлось заместить его, и он был также библиотекарем.

В августе 1920 года старец, по-видимому, заболел лихорадкой. Время шло, и болезнь периодически то ослабляла свое действие, то усиливалась и наконец 4 октября вынудила его уйти в больницу. 6 октября его соборовали. После этого положение больного как будто стало улучшаться, но 13–14 августа ему опять стало хуже... 17 ноября утром

тинополя писал письма схиеромонаху Нафанаилу (Кобелеву) (См. АРПМА. Док. № 1344). В 1895 году написал письмо схиеромонаху Агафодору (Буданову) (См. АРПМА. Док. № 1796).

¹²⁴ АРПМА. Док. № 502. С. 134.

¹²⁵ АРПМА. Док. № 502. С. 65.

он приобщился Святым Христовых Таин, говорил, но во время перевязки ран (пролежней) почувствовал себя дурно и стал умирать. В 6-м часу дня, после 50-летней иноческой жизни, его душа перешла в вечность. Отец Агафодор оставил шестисотстраничную рукопись с подробным описанием в ней своего духовного опыта, издание которой могло бы украсить любое собрание святоотеческих творений¹²⁶.



Иеросхимонах Мина (Буданов)

Иеросхимонах Мина (в миру Михаил Иванович Буданов) родился 30 сентября 1840 года в семье зажиточного фабриканта и купца в Москве. Отец его Иван Петрович Буданов имел свою (вместе с братом Стефаном Петровичем) фабрику за Серпуховской заставой, недалеко от Данилова монастыря. О семье Будановых мы уже рассказывали в жизнеописании его брата Александра, впоследствии иеросхимонаха Агафодора.

Когда умерли их родители, Михаилу было 23 года, и все заботы о семье легли на его плечи. Он вел фабрику отца, но вскоре она была продана, а дядя отделился. Михаилу пришлось работать приказчиком. Вскоре их сестра вышла замуж, а все три брата получили полную свободу в деле осуществления их давней мечты — стать монахами на Афоне.

В 1868 году старший брат Петр объявил братьям, что принял решение отправиться на Афон и поступить там в какой-нибудь монастырь. Младший Александр тоже решил ехать вместе с ним, но из-за слабости здоровья сомневался и стал советоваться с Михаилом, как ему поступить. Тот сказал ему: «Сила Божия в немощи совершается». «После этого, — вспоминал впоследствии отец Агафодор, — отвалился у меня камень от сердца, и я, уповая на всемогущую силу Божию, более уже не волновался»¹²⁷. Братья отправились на Афон, а Михаил обещал, что присоединится к ним, после того как уладит все имущественные дела.

В 1872 году он действительно приехал на Афон и присоединился к своим братьям. Старцы монастыря с любовью приняли Михаила и определили на послуша-

¹²⁶ АРПМА. Док. № 605.

¹²⁷ АРПМА. Док. № 502. С. 6.



ние в трапезную. 15 февраля 1874 года его постригли в мантию с именем Мина. Вскоре он был отправлен на московское подворье монастыря, где принимал активное участие в строительстве часовни святого великомученика Пантелеимона у Владимирских ворот.

После окончания Русско-турецкой войны он вернулся на Афон. «Любознательный от природы, очень начитанный и усердный писака, отец Мина долгое время состоял при покойном игумене отце Макарии в качестве личного секретаря. По своей любознательности он переписывал каждую исходящую и входящую бумагу игумена в особую, специально заведенную для этого книгу, куда, кроме того, попадали и другие бумаги, письма и даже выдержки из газет, так или иначе относящиеся к истории монастыря. Таким образом и составилась об-

ширный сборник весьма любопытного характера, который при другом к нему отношении навсегда был бы утрачен для истории монастыря»¹²⁸.

Отец Мина написал книгу «Указание особенностей церковного богослужения на Афоне», которая была издана в Москве в 1894 году. Он оставил после себя также несколько рукописных томов разнообразного содержания. В них были сведения по истории монастыря, описание монастыря, описание храмов и церквей монастыря и многое другое¹²⁹. Он первым в монастыре начал систематическую регистрацию братии, завел так называемый монахологий¹³⁰ и тем самым способствовал сохранению информации о насельниках монастыря. Отец Мина обладал необыкновенной памятью, знал всех келиотов и братию и составил краткие жизнеописания многих из них.

Отец Мина был рукоположен в иеродиакона 10 февраля 1880 года, а в иеромонаха — 14 сентября 1882 года. Вот что он пишет по этому поводу своему брату

¹²⁸ Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 7.

¹²⁹ АРПМА. Док.: № 27, № 29–31, № 471.

¹³⁰ АРПМА. Док.: № 11, № 16, № 17, № 18, № 19, № 56.

отцу Агафодору: «Я, совершенно неожиданно для меня, 14 сентября был рукоположен во пресвитера... Так, верно, угодно Господу Богу, я не искал, и не желал, и боялся принять такой великий сан, ибо я человек слабосильный и немощный, а быть совершителем Святых Великих Таинств — великая ответственность. И ответ за них нужно отдавать перед Господом. Прошу тебя, помолись за меня, дабы Господь подкрепил мои немощи и сподобил достойно предстоять пред Святым Престолом величия Божия. Голова моя идет кругом, и думается, не сон ли это?»¹³¹



Отец Мина имел переписку не только со своим братом отцом Агафодором, но и с другими насельниками монастыря¹³². Он очень любил служить панихиды, поминал много имен, однако было замечено, что не любил поминать императора Петра I. Был болен ногами, но служил часто. Несмотря на болезнь ног, ходил служить на Старый Руссик и по разным келлиям монастыря. 4 апреля 1884 года отец Мина был пострижен в схиму. Преставился иеросхимонах Мина 3 декабря 1888 года.

Иеросхимонах Алексей (Проскурнин)

Иеросхимонах Алексей¹³³ (в миру Александр Яковлевич Проскурнин) родился в 1843 году в городе Лебедянске Тамбовской губернии. Он был сыном купца второй гильдии. О его жизни до поступления в монастырь ничего не известно. В 1869 году он приехал на Афон и был принят в русский Пантелеимонов монастырь, где через два года был пострижен в мантию с именем Алексей.

С самого начала своего иноческого пути он проходил послушание архондаричного*. Был очень гостеприимен и внимателен к каждому гостю монастыря, готов послужить каждому человеку, с радостью бежал, куда бы его ни послали, выполняя поручения любого, кто бы его об этом ни попросил. Он был послушником и старших,

¹³¹ АРПМА. Док.: № 1752. С. 13.

¹³² АРПМА. Док.: № 606, № 1353, № 1523, № 1752.

¹³³ Жизнеописание составлено по книге: Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 220.



и младших, и своих братьев, и гостей, и священноначалия, и посторонних людей. Все удивлялись его постоянной готовности с радостью послужить людям.

«Я всегда удивлялся, — писал отец Алексей, — когда видел мою мать, загруженную заботами и трудами по дому. Она умудрялась одновременно работать по дому и ухаживала за детьми. Казалось, вот теперь она свалится с ног от усталости, но нет: она все дальше продолжала выполнять свою нелегкую работу. При этом по выражению ее лица было видно, что она была счастлива и довольна.

Только теперь, в монастыре, я понял, почему она не уставала и почему она была так счастлива. Она делала свою работу для очень любимых ею людей, своего мужа и детей. Только с любовью служение людям может быть легким и

радостным. Только любя, можно выполнять послушание, и оно не будет превращаться в наказание. Только любя, можно ощущать, что священноначалие не кажется тираном. Только любя, мы понимаем, что служение людям приносит духовные плоды и глубокое внутреннее удовлетворение.

Если наши мысли устремлены только на исполнение послушания монастырских начальников и мы не замечаем нужду рядом стоящего брата, то мы служим бесу человекоугодия. Только тогда, когда мы служим всем одинаково преданно, только тогда мы исполняем заповедь Господа *«да любите друг друга»* (Ин. 13, 34) и являемся истинными христианами»¹³⁴.

Вскоре жизнь отца Алексея резко изменилась. Старцы, видя его готовность к полному послушанию, видя его безграничную преданность монастырю, живой характер и организаторские способности, благословили ему организовать подворье монастыря в городе Солуни. Ему предстояло решить нелегкую задачу, так как турецкая администрация города всячески препятствовала возникновению в городе христианских церквей и обителей. Вследствие того, что это дело решалось в столице турецкой империи, отцу Алексею пришлось несколько лет провести в Констан-

¹³⁴ АРПМА. Док. № 4058. С. 10.

тинополе. Все вопросы он согласовывал со старцами обители, чему свидетельство его огромная переписка с игуменом Макарием¹³⁵.

Несмотря на многочисленные препятствия, наконец ему удалось достичь определенного успеха. К этому времени отца Алексея рукоположили в иеродиакона, и он начал заниматься устройением храма святого Димитрия Солунского на подворье в Солуни.

Но вскоре началась русско-турецкая война, и беды одна за другой посыпались на Солунское подворье. 29 августа 1877 года турки устроили там страшный погром и отца Алексея с товарищами заключили в темницу. Его обвиняли в шпионаже в пользу Российской империи, за что ему грозила смертная казнь. Но никаких улик у турок не было. Очевидно было, что отца Алексея и его товарищей преследовали только потому, что они были русскими. Турки бы их всех потихоньку перерезали, если бы не героический поступок схимонаха Гликерия (Никитина), который прибыл после ареста отца Алексея в Солунь и поднял большой шум, подключив к делу освобождения узников даже французского консула. После этого турецкое правительство было вынуждено как-то «цивилизованнее» поступить с арестантами. Отец Алексей предстал перед судом, и решением суда его с товарищами отправили в Константинополь для дальнейшего разбирательства дела.

В Константинополе узников содержали в ужасных условиях. В каждой камере — по 50 человек арестантов. Сырость, темнота, вонь, вши, клопы и всякого рода нечистота... Пища — хлеб и вода. Неизвестно, что было бы с заключенными, если не вмешательство Вселенского Патриарха. После долгих переговоров Патриархии с турками отца Алексея и его товарищей отпустили. Все время заключения отец Алексей укреплял своих товарищей духовно, в камере вычитывались наизусть все службы, поочередно читали вслух Иисусову молитву и тем самым облегчали себе невыносимые условия заключения.

Бывшие узники вернулись в родную обитель. Игумен Макарий поблагодарил отца Алексея за проявленное мужество и заботу о товарищах, и вскоре его рукоположили в иеромонаха.

Только после окончания Русско-турецкой войны отец Алексей смог вернуться на подворье в Солунь. Здесь он жил до 1885 года, после чего был направлен старцами сначала на подворье в Санкт-Петербург, а потом в Симоно-Кананитский монастырь на Новый Афон для исполнения послушания духовника. В этом святом послушании он очень преуспел и заслужил уважение и любовь не только братии, но и общественности, имевшей отношения с этим монастырем. Слава о высоте его духовной жизни дошла до экзарха Грузии архиепископа Флавиана (Городецкого), и по его настойчивому требованию отец Алексей был переведен настоятелем Сафар-

¹³⁵ АРПМА. Док. № 760.

ского Саввинского монастыря близ города Ахалцыхе (Грузия) с возведением в сан архимандрита. Это случилось 3 сентября 1900 года.

Он энергично приступил к восстановлению этой древней обители, но мысли об Афоне никогда не оставляли его. Вот что пишет игумену Андрею (Веревкину) истинный послушник Церкви в своем письме 21 мая 1903 года: «Конечно, спросить можно: не скучаешь ли о тишине афонской?.. Но судьбы Божии [неисповедимы]. Не удостоили меня насладиться ей... Вся моя жизнь текла среди шума и гама в Константинополе, Солуни, Питере и на Новом Афоне. Особенно трудно было мне как духовнику.

Конечно, вспоминаю о меде, что сладок, но [зато], накушавшись его досыта, оскоми-на не мучит. Судьбы Божии нам непостижимо знать, и мы не можем видеть наше предопределение. А может быть, когда-нибудь и возвратят меня на Афон, и я смогу уложить свои останки в земле Святой Горы, потому что, куда ни едешь и где ни бываешь, родной Афон и родная о Господе обитель всегда на уме. Но воля Божия да будет! Хотел было из Сафары удрать в афонские пределы, но судьба иначе устроила пути мои»¹³⁶.

В 1903 году отец Алексей был переведен настоятелем саранского Петропавловского монастыря. В новой обители отца Алексея, по всей видимости, встретило немногочисленное братство. «По данным 1895 года, братия состояла из игумена, пяти иеромонахов, двух иеродиаконов, трех послушников и девяти состоящих на испытании. То есть вместе с непостриженными штат насчитывал 20 человек. В 1907 году штат уменьшился до 11 монахов и послушников, а к 1912 году иноки в большинстве своем совсем покинули Саранск и ушли в разные монастыри. Решением Синода Петропавловская обитель была передана женщинам-инокиням»¹³⁷.

Причина такого оскудения Петропавловского монастыря, наверное, кроется в общественно-политическом состоянии тогдашней России. Революция 1905 года, к сожалению, сильно изменила настроение простых людей. Большинство народа овладел непонятный психоз: люди перестали бояться Бога, потеряли всякое благоговение и страх Божий, перестали ценить человеческую жизнь, что хорошо подтверждает письмо отца Алексея от 23 апреля 1908 года. «До того, писал он, — жизнь монастырская в России дошла переверотами своими, что невозможно никак управлять монастырями и братией. Я нескольким монастырям был благочинным, но по обстоятельствам отказался. Невозможно. Недавно даже ударили чем-то в голову, и едва отошел. И в своем монастыре не без беды. Бежал бы сломя голову, но куда, не знаю...»¹³⁸.

Когда в 1912 году самарский Петропавловский мужской монастырь был закрыт, отцу Алексею решением Священного Синода разрешили вернуться на Афон. Ему

¹³⁶ АРПМА. Док. № 1115.

¹³⁷ Бахмутов С. Монастыри Мордовии. Саранск, 2000. С. 168.

¹³⁸ АРПМА. Док. № 1115.

представилась возможность осуществить свою давнюю мечту, но он смог добраться только до Новоафонской обители, тяжелая болезнь не позволила ему продолжить путь. Здесь он и преставился. Точная дата его смерти не установлена. Но, по всей видимости, он умер во время Первой мировой войны, когда сообщение между Новым Афоном и Россией полностью прекратилось, чем и можно объяснить отсутствие информации о его смерти.

Схимонах Гликерий (Никитин)

Схимонах Гликерий¹³⁹ (в миру Григорий Петрович Никитин) был крестьянином Городищенского уезда Пензенской губернии. Родился он в 1822 году. Роста был среднего, волосы имел русые, глаза серые. О его жизни в миру ничего не известно, знаем только, что когда ему исполнилось 53 года, то он решился стать монахом. В 1875 году Григорий Петрович прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где был пострижен в мантию 14 октября 1876 года с именем Гликерий.

Вначале он проходил послушание в больнице, ухаживал за больными. Потом работал на огороде. А после пострига его отправили в Каламарию, где были сельскохозяйственные угодья монастыря. Началась русско-турецкая война, и вместе с тем начались гонения и притеснения русских, находящихся на территории Турецкой империи. Было разгромлено Солунское подворье монастыря, братию арестовали.

Вскоре после того как отцы были посажены под арест, в Солунь прибыл из Каламарийской метохи монах Гликерий и, узнав о случившемся на подворье, обратился за советом к солунскому митрополиту Иоакиму (впоследствии Патриарху Константинопольскому Иоакиму III), но тот посоветовал отцу Гликерию подбру-поздорову уезжать восвояси, дабы и самому не испить той же чаши, которая досталась на долю его собратьев.

У каждого человека есть хотя бы одна возможность в жизни доказать искренность своей веры к Богу, показать свою любовь к Нему и людям, но мы часто именно в этот решающий момент не можем возвыситься над собственными немощами и упускаем этот важнейший момент своей жизни. А после этого, если мы даже и проявим чудеса подвижничества и если даже напишем толстые книги о любви и порядочности, все

¹³⁹ Жизнеописание составлено по книге: Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 223.

равно наша заслуга перед Богом и людьми будет ничтожной. Эти все действия будут только нашими жалкими умозаключениями, но никак не результатом освящения благодатью Божьей, так как благодать Божия даруется только тем, кто всегда и во всякое время готов отдать свою жизнь «...за други своя» (Ин. 15, 13).

Отец Гликерий после такого совета иерарха мог бы со спокойной совестью вернуться в Каламарию, но он не упустил дарованную им Богом возможность проявить свою любовь к братьям. Его христианская душа не удовлетворилась словом митрополита. Он не мог оставить в беде своих братьев и, несмотря на то, что это было смертельно опасно, начал искать пути, как помочь им.

По совету некоторых доброжелателей из греков он отправился к французскому консулу, чтобы рассказать ему обо всем случившемся на русском подворье. Консул принял его ласково и, узнав обстоятельства дела, тут же отправился к паше, управляющему городом, для объяснений. Паша доложил консулу о причине заключения афонских отцов. Он сказал, что монахи подворья подозреваются правительством Турции в помощи России и что они будут отправлены в Константинополь к высшему начальству. Из ответа паши, переданного консулом, отец Гликерий понял, что на освобождение отцов нет никакой надежды.

Тогда он решился через афонского представителя (эпитропа*) добиться у паши свидания с узниками. Но когда эпитроп и отец Гликерий пришли к паше, то тот спросил у него, не жаловался ли он французскому послу. Когда отец Гликерий дал утвердительный ответ, паша грозно вопрошал его: «Разве ты не знаешь местного правительства и обращаешься к чужому? Кто научил тебя?» Отец Гликерий ответил, что он не помнит, кто дал ему такой совет. А к консулу он обратился, испугавшись за судьбу братьев и желая помочь их освобождению. Паша пригрозил ему тюрьмой, если он не назовет имени советчика. Но отец Гликерий стоял на своем, говорил, что ничего не помнит, а потому тоже был посажен в тюрьму. Случилось это 3 сентября 1877 года.

В темнице он подвергся самым тяжелым испытаниям: его били розгами, издевались над ним и морили голодом... Но старец не выдал никого. Всем было ясно, что его ждала смерть. Никто не смог бы в его возрасте выдержать таких пыток. Но Бог помог Своему верному слуге и побудил добрых людей позаботиться о нем. Они заставили того же французского консула похлопотать об освобождении отца Гликерия, и через два месяца заключения и пыток его освободили.

После освобождения отец Гликерий вернулся на место своего послушания. Последние же годы он провел в своем родном Пантелеимоновом монастыре. 28 марта 1881 года отец Гликерий был пострижен в схиму.

Нет смысла описывать его монашеские подвиги, которых, несомненно, было множество. Он был уже на земле подобен ангелам, так как проявил высшую на земле степень человеческой добродетели — готов был отдать жизнь свою за других людей.

На суд читателя приведем одно из его писем от 5 июня 1889 года, которое 67-летний старец послал своему духовнику архимандриту Макарию. Это письмо показывает нам его благодатное смирение, что стало, несомненно, основанием его подвига и не позволило ему превозноситься даже после вышеописанных событий. Вот что он пишет: «Ваше Высокопреподобие, всечестной батюшка, отец игумен, благословите. Питая к вам благоговейные чувства сыновей любви, я со смирением повергаюсь к стопам ног Ваших и всеусерднейше прошу Вашего отеческого благословения и святых молитв в помощь мне, грешному и недостойному телом и душой. Затем докладываю Вам, как мне желательно, чтобы лично рассказать Вам и исповедовать свои грехи и душевные скорби. Поэтому смиренно прошу Вас, батюшка, соблагovolить и разрешить мне приехать в монастырь на некоторое время. За что с чувством искренней любви, благожелания и преданности остаюсь нижайшим Вашим почитателем, грешный и недостойный сын Ваш схимонах Гликерий»¹⁴⁰.

Преставился схимонах Гликерий 20 мая 1892 года.

Иеросхимонах Михаил (Савицкий)

Иеросхимонах Михаил¹⁴¹ (в миру Михаил Иванович Савицкий) родился в 1827 году в городе Поречье Смоленской губернии. Родители его принадлежали к купеческому сословию. Кроме Михаила, у них было еще два сына и две дочери. Людьюми они были богобоязненными и детей своих воспитали в страхе Божьем.

Подвижник Михаил еще ребенком был тих и серьезен, что очень радовало его родителей, которые видели в этом задатки будущих его деловых качеств. По окончании школы он должен был принимать участие в торговых делах отца.

И действительно, окончив учебу, он начал помогать отцу. Вскоре, отделившись от него и переехав на жительство в Псков, он стал самостоятельным купцом. Дело его процветало. Но не к коммерции лежало сердце молодого Михаила. Искра любви к Богу и людям, зароненная в его сердце настоящим христианским воспитанием, чтением Слова Божия и святых отцов, не погасла, но, с возрастом все более и более разгора-

¹⁴⁰ АРПМА. Док. № 921. С. 1.

¹⁴¹ Жизнеописание составлено по книге: Душеполезный собеседник за 1911 год. М., 1911. С. 152.



ясь, наконец привела его к мысли о монашестве. Благочестивая жизнь в миру мало удовлетворяла молодого Савицкого, душа его жаждала высшего совершенства. И чем больше предавался он разным аскетическим упражнениям, тем более укреплялось в нем желание бросить мир и всецело предаться воле Божией в иноческом звании. Наконец мечта его осуществилась: он продал свое дело и все полученные средства раздал нищим. Часть средств пожертвовал в разные монастыри.

Перед уходом в монастырь Михаил решил оказать последнюю услугу своему земному царю, Императору Александру II. Он случайно узнал о готовящемся нападении террористов на Императора и решил предупредить Государя. Вот что впоследствии он сам об этом рассказал иеросхимонаху Владимиру (Колесникову),

который записал его рассказ в свой дневник: «Дело было в Петербурге. 22 июля 1860 года он стоял у дворца, где должен был идти Государь. Полиция за подарок допустила его поближе, полагая, что он хочет только взглянуть на Государя. А отец Михаил (в то время еще купец) подал ему письмо. Но Государь, не взглянув на пакет, велел передать его адъютанту. Отец Михаил вручил пакет великому князю Константину Николаевичу. 29 июля его взяли к шефу жандармов Тимашеву для допроса и отвезли в Петропавловскую крепость. В то время, конечно, о нем навели справки. Посидел он в крепости до 29-го августа. Много раз являлись к нему и допрашивали, но он резко объяснялся с начальниками, недоумевая, зачем держат его как преступника. Наконец Тимашев объявил ему, что Государь хочет его отблагодарить, но не знает как и спрашивает о награде. Отец Михаил ответил, что он не желает никакой награды, ибо ни в чем не нуждается и уже на пути к поступлению в монашество. А довел он до сведения Государя информацию о заговорщиках ради исполнения верноподданнической присяги.

Тимашев передал Государю слова отца Михаила. Тогда Государь пожелал по крайней мере поручить его покровительству митрополита Московского Филарета, на что отец Михаил согласился. К митрополиту Филарету его проводил до Москвы жандармский полковник с бумагой, подписанной самим Государем. Филарет принял его благо-

склонно, поместил в Чудов монастырь, велел являться к нему раз в неделю и поручил его нескольким ученым для преподавания богословия и прочих наук, желая скоро прозвестить его в священный сан. Но отец Михаил уклонился от этого»¹⁴². Недолго пришлось пожить молодому послушнику в стенах древней обители. Сердце его лежало к Афону. Рассказы странников, слышанные в детстве, глубоко запали в его душу.

И вот в 1861 году послушник Михаил, взяв у начальства разрешение ехать на богомолье в Иерусалим, отправился в дорогу. Когда он прибыл на Афон, то дивная красота Афона, строгий устав обители святого великомученика Пантелеимона, где он остановился, и благолепное служение так поразили его душу, что он решил остаться здесь навсегда. Какое-то чувство подсказывало ему, что именно здесь место его подвигов, трудов, иноческой жизни.

Принятый в число братии обители, Михаил начал ревностно проходить назначаемые ему послушания. Внутренняя же жизнь его развивалась и зрела под руководством знаменитого старца-духовника иеросхимонаха Иеронима.

Изо дня в день молодой инок привыкал к монастырской жизни, руководствуясь во всех мельчайших подробностях богомудрыми наставлениями старца Иеронима. Умный, от природы наделенный даром слова, Михаил Савицкий скоро стал выделяться из числа прочей братии своими дарованиями и быстрым духовным ростом. В 1862 году по благословению старца Иеронима он был пострижен в мантию с наречением ему имени Малахия. Вскоре, 21 ноября 1863 года, он был рукоположен в иеродиакона, а 23 ноября 1863 года — в иеромонаха.

С этого времени иеромонаху Малахии после сравнительно недолгого пребывания в обители надлежало снова идти в мир, но уже в качестве труженика обители. Ему было поручено, по крайней скудности средств монастыря, делать в России по Высочайшему разрешению сбор добровольных пожертвований, а также закупать и готовить все жизненно необходимые для обители продукты. Для отца Малахии началась новая, вдвойне трудная жизнь. Привыкнув волю Божью считать выше всех своих желаний, он покорно подчинился указаниям отца игумена и своего духовника.

Всегда энергичный и деятельный, отец Малахия посвятил новому послушанию все свои силы. В продолжение почти сорока лет пришлось ему поработать на этом поприще. Он основал подворья Руссика в Ростове-на-Дону и Таганроге. Устроил рыбный завод в Чумбуре, где заготавливалась рыба не только для обители, но и для всего Афона.

Исполненная многих забот должность не мешала, однако, ему усовершенствоваться в духовной жизни. Отец Малахия видел в своем послушании не одну материальную сторону, но главным образом духовную. В своих разъездах по России он видел средство сеять Слово Божье в горячо им любимом народе.

¹⁴² АРПМА. Док. № 305. С. 103.

Не довольствуясь громадной бесплатной раздачей листов и мелких брошюр монастыря в самом Ростове, где он обыкновенно проживал, отец Малахия рассылал в большом количестве издания обители по разным местам России: в школьные библиотеки, богадельни, армию... Так, во время войны с Японией он послал русским пленным на Дальний Восток книг и брошюр на очень значительную сумму. Некоторые его духовные дети из мирян, видя его неутомимую энергию и горячую миссионерскую ревность, поручали ему значительные средства специально на распространение религиозно-нравственных изданий в народе.

Стараясь развить в народе глубокое религиозное чувство, любовь к Родине, престолу, отец Малахия не отказывал никому и в устном назидании, совете. Проникнутое твердой верой в Бога, искренностью и теплым участием слово его имело сильное влияние на слушателей.

Служа нравственным оплотом для других, сам отец Малахия находил для себя духовную поддержку как в частой переписке со старцами обители¹⁴³, так и в своих ежегодных посещениях на некоторое время Афона.

Во время своих недолгих пребываний на Афоне он наслаждался душевным миром и покоем, с удовольствием погружаясь в атмосферу монастыря. Причем всегда при этом он служил для братии примером точного исполнения монастырского устава. Приходил в церковь первым, а уходил последним.

Являясь прекрасным чтецом, отец Малахия нередко утешал братию на всеобщих бдениях своим выразительным чтением поучений. Читал он твердым раздельным языком, подчеркивая главные места, что свидетельствовало о его глубоком понимании смысла прочитанного.

Но особенно любил отец Малахия совершать Божественную Литургию, которая у него отличалась значительной продолжительностью. При совершении проскомидии он сам, без диакона, поминал все свои многочисленные записочки. В свой синодик он имел обыкновение записывать всех благодетелей монастыря (несмотря на то, что они и так особо поминались в соборе согласно уставу обители), братию и вообще каждого, кто имел к нему какое-либо отношение. Из-за большого количества поминаемых служба длилась 5–6 часов. Для совершения такой длинной Литургии ему был отведен в обители особый параклис* (придельный храм), в котором он и совершал службу с двумя своими келейниками, заменявшими ему певцов и чтецов.

Твердая вера в Промысел Божий была отличительной чертой характера отца Малахии. Келейная обстановка его была самая простая, и по одежде он ничем не отличался от прочей братии. Простой, поношенный подрясник был обычным его одеянием.

7 апреля 1881 года отца Малахию постригли в схиму с наречением имени Михаил.

¹⁴³ АРПМА. Док.: № 1015; № 1049; № 1071; № 1222; № 1381; № 1561; № 1710.

Верен оставался отец Михаил своему образу жизни и вне обители. Так же как и в монастыре, он старался неукоснительно следовать монастырскому богослужебному уставу, т. е. не опускал церковных служб, келейных занятий и прочего. В известное время, согласно уставу, он старался аккуратно вычитывать церковное правило. Ехал ли он на поезде или трясся в тарантасе, когда приходил определенный час, то раскрывал книгу и начинал, зачастую вслух, править вечерню, часы и прочее. Когда следовало читать Святое Евангелие, если ехал в экипаже, то велел останавливаться и стоя читал положенное Благовестие.

Живя в Ростове, на подворье, всю утреню вычитывал сам, причем любил чтение внятное, неспешное. Прекрасный знаток церковного устава, он требовал и от других точного, внимательного отношения к исполнению дела Божьего. Вверенная ему братия на подворье в Ростове, Таганроге и Чембуре, где он был настоятелем, была всегда им довольна, несмотря на то, что он от своих подчиненных требовал строгого послушания. Однажды сказав, он не любил повторять или менять своего слова.

Пользуясь благосклонным вниманием некоторых высокопоставленных лиц, к которым он обращался по делам обители, отец Михаил никогда при этом никаких личных интересов не преследовал. Все сделанное им в области благотворительности, борьбы с расколом и сектантством через распространение в народе листков нашего монастыря отец Михаил относил не к своим заслугам, а к заслугам обители.

Так, когда Священный Синод решил наградить его наперсным крестом, отец Михаил спрашивал монастырь, может ли он принять предлагаемую награду. И только по благословию отца игумена возложил на себя наперсный крест, который, впрочем, никогда в обители не носил.

Лет пять-шесть до смерти отец Михаил уже безвыездно проживал на Афоне. Все это время он был соборным старцем. Его занимало любое дело, касающееся чистоты Православного исповедования. В библиотеке обители хранится его рукопись — ответ на статью праведного Иоанна Кронштадтского о Кресте Христовом¹⁴⁴.

До самой смерти он не переставал участвовать в духовном руководстве братией монастыря. Но возраст брал свое. Он не мог уже так активно, как бы желало его сердце, участвовать в делах обители. Ему было уже за 80 лет, когда силы его заметно упали. Приближался конец земной жизни.

Однако, несмотря на старческие недуги, он неопустительно являлся ко всем церковным службам и частенько читал поучения. Чтение его мало изменилось, оно было такое же громкое и внятное, как раньше. Трудно было представить, что читает 80-летний старец. Только слабость зрения вследствие операции по поводу катаракты заставила его отказаться от любимого занятия — назидать братию святоотеческими писаниями.

¹⁴⁴ БРПМА. Док. № 41925.

Глубокая вера в благодатную помощь святого великомученика Пантелеимона в недугах никогда не оставляла его. И святой покровитель обители не раз являл ему свою милость, восставляя от одра болезни. Предсмертной болезнью его была водянка, первые признаки которой появились месяца за 3–4 до кончины. Болезнь долгое время не представляла опасного характера. Но к концу 1910 года она заметно стала усиливаться. Он уже перестал выходить из кельи. Все службы вычитывал ему келейник.

Накануне смерти, 25 января, во время всеобщего бдения на память святого Григория Богослова по желанию отца Михаила над ним было совершено таинство елеосвящения. Затем он был приобщен Святых Христовых Таин и попрощался с братьей. 26 января он еще говорил с окружающими и благословил келейнику начало чтения утрени, но после утрени, в то время, когда читали часы, в 8.30 часов утра по восточному времени он мирно и тихо предал дух свой Господу.

По обычаю Святой Горы погребение умерших совершается (по совершении заупокойной литургии) в первые-вторые сутки после смерти. Поэтому в этот же день тело почившего было перенесено в собор святого Пантелеимона, где по окончании вечерни ми-



трополитом Нилом (бывшим Карпафским и Касским) в сослужении архимандрита Мисаила и многих иеромонахов над ним было совершено отпевание. После отпевания тело почившего было поднято на руки священнослужителей и отнесено под сень кипарисов, к приготовленной могиле на братском кладбище. Печальный перезвон колоколов сливался с тихим трогательным пением «Святой Боже...» и сопровождал усопшего к месту его упокоения.

Иеросхимонах Пантелеимон (Курбатов)

Иеросхимонах Пантелеимон¹⁴⁵ был сыном учителя, губернского секретаря Михаила Онисимовича Курбатова. Родился он в 1839 году в Казани. Мать его звали Александрой. По окончании Казанского военного училища Петр Курбатов поступил на службу в комиссариатский департамент, где прослужил три года. Девятнадцати лет от роду он решил оставить мир с его тленными, суетными обольщениями и посвятить свои молодые силы на службу Богу. Для испытания твердости своего намерения Петр отправился на Валаам и там под богомудрым руководством игумена Дамаскина положил основание своей новой жизни.

Но недолго пришлось ему прожить на Валааме, этом северном Афоне. Его манил другой Афон, который издревле славится как центр монашеской жизни всего православного мира. И вот с благословения отца игумена послушник Петр отправляется в



Иерусалим с тем, чтобы на обратном пути оттуда побывать и на Афоне. В конце 1859 года, поклонившись святым местам Палестины, Курбатов прибыл на Святую Гору и поступил в число братии Пантелеимонова монастыря. В это время ему было 20 лет.

Самый расцвет своей жизни, утро своего земного бытия посвящает он Богу как жертву чистую, непорочную. Жизнь особенно привлекательна в юности. В это счастливое время молодые силы бьют ключом. Ум стремится к знанию. Вера горяча и пылка. Сердце чутко ко всему прекрасному, горит ревностью к доброму, любовью к ближним, готово на все скорби и лишения ради заветной цели. Но и враг спасения при

¹⁴⁵ Жизнеописание составлено по книге: Душеполезный собеседник за 1911 год. М., 1911. С. 312.

этом не дремлет, воздвигая на юного подвижника целую бурю страстей, пленяя ум разнообразнейшими помыслами о призрачном счастье мира. Много надо иметь любви к Богу, нравственной крепости, чтобы противостоять всем козням врага. Но и при всем этом только одна благодать Божия да молитвы старцев обители сохраняют молодого инока от коварных искушений и наветов злокозненного духа. В такую-то пору жизни пришел Петр в Руссик, ища в нем спасения и тишины.

Как способный к чтению и пению, он был определен на клиросное послушание. Вместе с тем он служил в канцелярии. Возрастая физически, Петр под мудрым руководством старцев обители созрел и духовно. В 1862 году его постригли в рясофор с именем Тихон.

Отец Тихон отличался необычайной доброжелательностью к людям, был очень внимательным и готовым прийти на помощь любому человеку. Каждый день посещал больных и немощных братьев, ухаживал и прислуживал им.

«Боже, что моя любовь к людям, по сравнению с Твоей высочайшей милостью, — писал он. — Я не уверен, что вообще способен любить. Да, здесь, в монастыре, по Твоей милости я имею возможность служить братьям. И я, грешный, делаю это с величайшей радостью. Но здесь проявление внимания к другим как бы обязанность. А как бы я поступил в чрезвычайных обстоятельствах, когда стоял бы вопрос о жизни и смерти? Я не уверен в своих силах, я, ничтожный, чувствую, что подведу Тебя. Укрепи меня, Боже. Научи меня любви Твоей»¹⁴⁶.

Отец Тихон составил для себя специальный канон любви и по благословению духовника ежедневно вычитывал его перед сном, прося Господа, чтобы Он даровал ему добродетель любви. Так протекло семь лет его мирной трудовой иноческой жизни. В 1866 году он был пострижен в мантию, причем ему было дано новое имя Памво, а спустя два года рукоположен в иеродиакона гостившим в то время на Афоне, в Руссике, епископом Полтавским Александром (Павловичем). Прошло еще пять лет, и иеродиакон Памво был рукоположен в иеромонаха (1873 г.), а через три года, приняв схиму, был наречен Пантелеимоном. Он счел за особую милость Бога и честь носить имя великомученика Пантелеимона в его же обители, со слезами благодарил Господа и просил дать ему возможность хоть чем-то отблагодарить его.

Неожиданно в 1877 году игумен Макарий призвал его к себе и благословил отправиться на Новый Афон в помощь при постройке нового монастыря. Он, как настоящий послушник, немедленно отправился в путь. Но отец Пантелеимон был еще в пути, когда разразилась русско-турецкая война 1877–1878 годов. Корабль не смог причалить в сухумском порту, так как там уже находились турки. Тогда он отправился в Азов.

¹⁴⁶ АРПМА. Док. № 4058. С. 12.

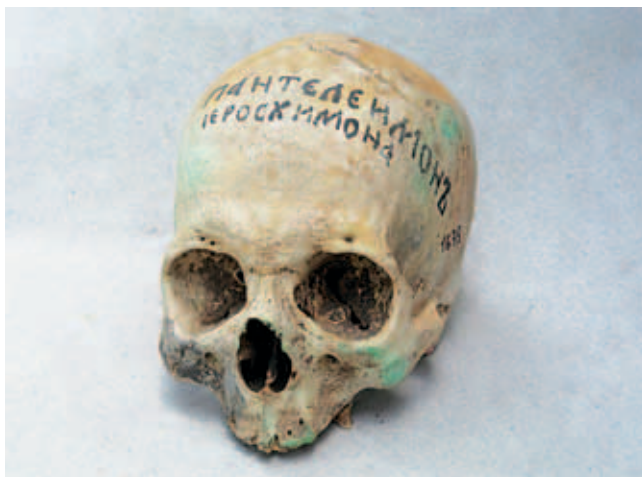
Здесь отец Пантелеимон для исполнения церковных треб и оказания духовной помощи раненым на позиции Маура — Крюков — Дара вступил в Общество Красного Креста. Он работал в госпитале Красного Креста простым санитаром, спас много раненых солдат, вытаскивая их прямо с поля боя.

В госпитале его любили все: и раненые, и сотрудники. Немало трудов и скорбей пришлось ему пережить, но зато и пользы принес он много. Во всякое время дня и ночи являлся к тяжелооболненным и раненым, стараясь по возможности, чем мог, облегчить положение страдальцев. Евангельское слово, исходя из его доброго, участливого, согретого любовью сердца, действовало на душу слушателей как чудодейственное лекарство.

Много страданий было облегчено им, много слез отерто словом любви и соучастия. С детской доверчивостью обращались к нему солдаты со всеми своими душевными и телесными скорбями и тяготами и оставались им утешенными, ободренными, примиренными с Богом и людьми.

Какой запас самообладания надо было иметь отцу Пантелеимону при виде всех ужасов войны, тех нечеловеческих страданий, которые с ней неизбежно связаны, чтобы самому оставаться спокойным и тем самым укреплять других. Однажды ночью, неся на своих плечах раненого русского солдата, он споткнулся обо что-то мягкое и, посмотрев внимательнее, увидел раненого человека. Это был турок. Ему снарядом оторвало ногу. Раненый, видимо, после того как сам себе перевязал ремнем ногу, впал в лихорадку и был без сознания. Но прерывистые стоны доказывали, что он был еще жив.

Отец Пантелеимон перекрестился и, поправив свою «ношу», продолжил путь. Тут заговорил русский солдат, которого он нес: «Батюшка, оставь меня пока, я еще поживу, а этот долго не протянет, отнеси его в госпиталь». — «Он же турок!» — вырвалось из уст отца Пантелеимона. И вдруг его охватил ужас, его совесть от стыда сокрушилась, и он, положив раненого солдата на землю, заплакал: «Боже, прости меня! Вот и вся моя хваленая любовь. Ничтожество я!» Потом подошел к русскому солдату, поклонился ему до земли и, взяв его руку, начал целовать ее: «Благодарю тебя, брат, ты — святой человек, я не достоин быть даже твоим слугой. Ты открыл мне глаза на мое ничтожество и гордость. Прости меня, грешного». Изумленный солдат молчал. После этого отец Пантелеимон вернулся к раненому турку и понес его в госпиталь.



Ревностная служба отца Пантелеимона не осталась без награды. По окончании кампании он был Высочайше награжден орденом святой Анны III степени.

Возвратившись затем на Афон, отец Пантелеимон на целых 32 года посвятил свою жизнь покаянию. У каждого встречного монаха или мирянина просил прощения и постоянно оплакивал свои грехи. Он часто служил, справляя череду священнослужения и другие случающиеся требы. В последние годы жизни у него заметно стало падать зрение, и он вынужден был совсем оставить священнослужение и удалиться на покой.

Восемь лет прожил отец Пантелеимон на покое, почти совершенно лишившись зрения и никуда не выходя из отведенного ему помещения при монастырской богадельне. Однажды один паломник, узнав о его прошлой жизни, с удивлением спросил: «Как мог Господь наказать слепотой так Ему потрудившегося старца?» Услышав это, отец Пантелеимон ответил ему: «Слепота моя — не наказание, а награда. Будучи слепым для мира, я могу все время зреть на Господа. Ничем не отвлекаясь, могу быть с Богом любви непрерывно. Это высочайшая награда, которую я хотел бы получить. Благодарю Тебя, Боже, за все!»

Богомыслие и молитва были единственным утешением старца, а большего он и не желал. Преставился отец Пантелеимон 12 марта 1911 года. Кончина его была тихой и мирной. Всего потрудился он во славу Божью и на благо обители 52 года.

Схиархимандрит Паисий (Балабанов)

Схиархимандрит Паисий¹⁴⁷ (в миру Василий Филиппович Балабанов) родился в 1832 году в Каменно-Озерной станице Нежинского казачьего отряда Елецкого уезда Оренбургской губернии. Мать его звали Екатериной. Родители его были благочестивыми православными христианами и к тому же, сколько могли, учили своих детей. Впоследствии отец Паисий всегда с любовью вспоминал наставление своей матери: «Вы, дети, хоть и играете, а Бога помните всегда. Не забывайте творить молитву Иисусову и «Богородице Дево, радуйся». Он всю жизнь старался исполнять его.

В юношеские годы молодой Василий, как и все его сверстники, увлекся мирскими радостями и впал во многие грехи, а потому благодать крещения отступила от него и дьявол увлек его в еретическое учение. Он примкнул к хлыстовской секте. Благо-

¹⁴⁷ Жизнеописание составлено по книгам: Паисий (Балабанов), схиархимандрит. Вразумление заблудшим и исповедь обратившегося от заблуждения. СПб., 1876; Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 143.

честивые родители, видя странное изменение в поведении Василия, решили его женить, но это только на некоторое время отвлекло его от заблуждений. Враг рода человеческого все более и более уводил его от истины.

Увлекающийся и чувствительный Василий вскоре преуспел в этой секте более всех. Бросил жену, стал странствовать по окрестностям, ходил босой и даже стал «пророком». К счастью, милостивый Господь не оставил его погибать в этом заблуждении, и Василий, осознав свои ошибки, покаялся и вернулся в лоно истинной Церкви. Он впоследствии вспоминал: «После этого я стал жить безвыходно в своем семействе. Совесть моя хоть и очистилась покаянием, но полного мира в душе моей грешной я не находил. Нужно было стяжать достойные плоды покаяния. Я не переставал плакать о своем пагубном заблуждении и о том, что был виновником заблуждений многих. Мне было стыдно за себя, ничто меня не утешало. Я думал, что тогда только обрету в душе покой, когда, оставив мирскую жизнь и суету, удалюсь в монастырь, чтобы там плакать до конца жизни о тяжелых моих грехах». Для исполнения этого замысла «препятствием» была его жена, которая теперь ни на шаг не отходила от него. Так он прожил еще четыре года. Жена его заболела: ее стали мучить боли в ногах. Тогда она позвала его и сказала ему: «Вот вылечи мои ноги, тогда я и одного дня не буду держать тебя, отпущу с Богом в монастырь».

Услышав это, Василий залился горькими слезами и обратился с горячей молитвой к Заступнице всех христиан, Пресвятой Богородице. Он умолял Ее исцелить его жену. «Если, Владычица, — говорил он в молитве, — Господу и Тебе угодно мое намерение удалиться от мира и уйти в монастырь, то прошу Тебя, утверди мою веру и надежду, Госпоже моя, исцелением болящей жены моей». Случилось чудо: его жена полностью исцелилась и отпустила его в монастырь.

В 1866 году Василий прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. Через три года он был пострижен в мантию с именем Васой. Послушание проходил вначале на кухне, а впоследствии на подворье Константинополя, где с 1876 года, после пострига в схиму с именем Паисий, был настоятелем и оказал немало услуг монастырю.

Более двадцати лет отец Паисий занимал должность настоятеля подворья. Полуграмотный, но обладающий от природы незаурядным умом, завидной силой воли и настойчивым характером, отец Паисий был весьма энергичным и неустанным работником своей обители. Руководимое им подворье являлось образцом для других русских подворий, Андреевского и Ильинского, и всегда привлекало большое число русских поклонников.

Для них отец Паисий всегда был хорошим рассказчиком, проповедником, прозорливцем, оказывал огромное влияние на паломников не только этими своими талантами, но и постоянным обличением их в грехах и мирских увлечениях. Имя его было

весьма популярно среди паломников, которые под влиянием его рассказов об Афоне нередко изменяли направление своего паломнического путешествия и ехали на Афон вопреки своим намерениям, лишь бы проверить подлинность рассказов отца Паисия. И только поэтому отцу Паисию удалось привлечь в свою обитель многих благодетелей.

Благодаря общительному характеру его радушно принимали в русском посольстве Константинополя. Надо отметить, что там нередко у отца Паисия по особенно важным делам испрашивали совета. А потому не удивительно, что отец Паисий всегда находил для себя самую сильную поддержку у своих знаменитых старцев, отца Иеронима и игумена Макария, которые сердечно его любили, с которыми он вел постоянную переписку¹⁴⁸ и без совета с ними ничего не делал.

Отец Паисий сыграл огромную роль в процессе греко-русских споров, привлекая внимание к этой проблеме многих важных персон. Отец Иоасаф (Донсков) в своем письме к отцу Макарию писал следующее: «Скажу Вам, батюшка Макарий, несколько слов об отце Паисии. Здесь, в Константинополе, он уважаем всеми, как высокопоставленными лицами, так и нищими. Приезжающие и приходящие сюда первым делом спрашивают отца Паисия, при свидании с ним просят его благословения. Конечно, он не благословляет, а они руки ему все равно целуют... Вначале кидаются в ноги, а потом целуют руки и грехи свои ему исповедуют. А ко мне на исповедь приходят после. Я так полагаю, батюшка, что для пользы святой обители отца Паисия следует рукоположить в иеромонаха. Пусть он занимался бы одной исповедью. Этим он не уступил бы отцу Ионе Киевскому. Поэтому осмеливаюсь Вас, батюшка, просить рукоположить отца Паисия. В этом вы не будете раскаиваться»¹⁴⁹.

Наверное, отец Макарий принял бы совет отца Иоасафа и рукоположил бы отца Паисия, но здесь в дело вмешался враг всего доброго, а отцу Паисию пришлось пережить еще одно серьезное искушение.

Еще в 1866 году, на пути к Афону, в сонном видении ему явился бес и сказал: «Хотя ты и будешь на Афоне, но я и там тебе не дам покоя». К сожалению, так и случилось. Этот весьма полезный обители афонский инок не чужд был стремления к проповеди и миссионерству. Это стремление и привело его к искушению.

На монахов Богом ниспослана особая благодать. Конечно, мы являемся объектом особой защиты и покровительства Божьей Матери. Но это, безусловно, так при одном непременном условии: если мы сохраняем нашу первоначальную ревность к монашеским подвигам и не даем погаснуть огню любви в наших сердцах. В противном случае мы теряем данную нам благодать, и наше монашеское делание превращается в обычную, рутинную жизнь. Мы расслабляемся. Чтобы самооправдаться и создать впечатление дея-

¹⁴⁸ АРПМА. Док.: № 751, № 901.

¹⁴⁹ АРПМА. Док. № 796. С. 21.

тельности, ввергаем себя в пучину надуманных суетных попечений, вместо благодати ищем человеческой славы. Именно в этом состоянии врагу рода человеческого легче всего ввести нас в заблуждение. Он исподволь внедряет в нас самомнение, что мы уже достаточно покаялись, что нам больше не нужно исповедание помыслов, что мы всегда готовы руководить и поучать других людей. В конце концов, мы верим таким помыслам и ставим себя даже выше своего духовника. Наша исповедь из наивного детского лепета перед духовным отцом превращается в «серьезные рассуждения зрелого мужа» или вообще в молчание. После этого мы полностью оказываемся во власти нашего врага, пока вновь по милости Божией не осознаём своей ошибки и вновь не приступаем к покаению.

Увлеченный обещаниями почестей и архимандритского сана со стороны вольного казака Н. И. Ашинова, который в то время проживал в Константинополе, отец Паисий на склоне лет своих забыл о своих прежних намерениях до конца своей жизни оплакивать свои грехи в монастыре и оставил Константинополь и русский Афонский монастырь. После рукоположения в сан архимандрита в Санкт-Петербургской Александро-Невской Лавре он рискнул связать свою судьбу с судьбой вышеупомянутого авантюриста и поехал вместе с ним в Абиссинию устраивать там миссию, став там ее настоятелем. Все это завершилось полным провалом. Абиссиния тогда находилась под протекторатом французов, а им очень не понравилась активность русских казаков и миссионеров. Они разгромили миссию, а отцу Паисию с сотрудниками пришлось вернуться обратно в Россию¹⁵⁰.

Когда монах по своей воле уходит из монастыря, то нарушает обет, данный им перед Богом, не оставлять обители до конца своей жизни. Своим бегством он наносит огромный урон самому себе, а кроме того, причиняет страшную боль своему духовному отцу. Мы можем себе представить боль матери, от которой уходят ее дети, или горе отца, у которого умирает ребенок, но мало кто может знать, как велика боль духовного отца, от которого уходит его духовное чадо. Эта боль несравненно тяжелее, чем все другие, потому что она сопряжена с глубоким ведением происшедшего. Только духовный отец знает истинную причину падения чада — победу дьявола над ним. Только духовный отец знает все последствия произошедшего для своего чада. Только он знает, как трудно и долго надо будет чаду бороться, чтобы вырваться из когтей искусителя.

Монах уходит, обрывает все нити, соединяющие его с духовником, а духовник, зная истинную суть происходящего, до конца жизни остается с прельщенным чадом, непрерывно молясь за него. Сколько бессонных ночей, сколько горьких слез, сколько земных поклонов духовника понадобится для того, чтобы Господь вернул на путь истины оступившееся чадо? Один Бог знает! Иногда и всей жизни ему недостаточно, чтобы вымолить свое чадо. Поэтому боль духовника, знавшего все, всю суть произошедшего, несравненно тяжелее, чем даже самая сильная боль родной матери или родного отца.

¹⁵⁰ Николаева Л. Абиссинская миссия архимандрита Паисия и Н. И. Ашинова. Одесса, 1889.

Последние годы своей жизни отец Паисий провел вначале в Саровской пустыни, а потом в нижегородском Печерском монастыре. Здесь в течение 10-ти лет ему представлялась возможность в уединении и смирении продолжить начатое на Афоне покаяние и со многими слезами оплакивать свои грехи и ошибки.

Преставился отец Паисий в 1907 году.

Схиигумен Парфений (Заблоцкий)

Схиигумен Парфений (в миру Петр Александрович Заблоцкий) родился в Полтавской губернии. Был сыном священника¹⁵¹. По окончании семинарского курса он не пожелал вступить в брак и принимать священство.

В 1860 году Петр приехал на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где исполнял послушание писца и певца, так как обладал хорошим голосом и знал нотную грамоту. Вскоре он серьезно заболел, и старцы постригли его в схиму с именем Парфений. Однако после пострижения он полностью выздоровел.

Так как отец Парфений был отменным певчим, то старцы послали его в Константинополь, чтобы он находился там при посольской церкви. Тогда монастырь только еще восстанавливался, а потому всеми способами искал поддержки у российских официальных лиц и отправлял на послушание в посольскую церковь лучших монахов.

В 1870 году он вернулся в обитель, и старцы благословили его в монастырскую метоху Крумица, которая только возрождалась и еще не была сильно заселена. Там он жил в пустынной каливке.

Отец Парфений собирал и записывал все чудесные события, которые происходили на Афоне в прошлом и настоящем времени¹⁵². Поводом к этому деланию послужило чудесное видение ему в 1863 году Божией Матери во время праздника Покрова Пресвятой Богородицы, которое он описал следующим образом: «Началось бдение... С самого начала я почувствовал какую-то во всем моем существе легкость, духовную радость. Впрочем, это продолжалось не все время в одинаковой степени. Начали петь хвалитные псалмы, величание Владычице и... опять меня охватило чувство неизреченной радости, которая и ранее уже была со мной. После этого опять оскудение, какая-то рассеянность. Начали акафист... смотрю: на воздухе Царица Небесная, Мать Божья! В простом Своем одеянии Она выглядела именно так, как изображают

¹⁵¹ АРПМА. Док. № 4063. С. 1.

¹⁵² АРПМА. Док. № 493.

Ее у нас на иконах Покрова. Стоит лицом к нам, держит на руках Своих омофор вроде длинного полотенца необыкновенной белизны. Омофор этот был необыкновенно тонким, каким-то необъяснимо прозрачным. Длинное полотнище его сгибалось по середине так, что на нем можно было разглядеть золотые кресты.

На хвалитех я усомнился в действительности видения, тем более что на 9-й песне канона оно уже не повторилось. И что же? Хоть и не так ясно, как в первый раз, но я вновь увидел Пресвятую там же, где и раньше.

Тут я ощутил сильное действие Божьей благодати. По всему моему существу быстрым потоком разливалась какая-то непостижимая сила. Я как бы обновлялся. Слабость ушла. Я почувствовал прилив сил, сделался крепок, бодр. Мне стало как никогда легко и свободно, и я с особенным удовольствием и радостью стал петь службу дальше. С большой охотой я остался еще и на водосвятие, потому что действительно почувствовал необыкновенную бодрость.

Приливы этой бодрости повторялись со мною до самого вечера. При одном воспоминании увиденного приятная радость разливалась по мне, наполняя мое сердце. Вполне состояния своего изобразить я не в силах... При этом меня постоянно не покидало осознание всего своего недостойнства, своей немощи... Я никак не мог по своим грехам сподобиться такой милости, изливаемой на меня Владычицей Божьей. Радуйся, Радосте наша, покрывающая нас честным Своим омофором»¹⁵³.

В 1876 году старцами монастыря отец Парфений был послан на Новый Афон в качестве законоучителя школы, которая открылась при Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. Но через год по случаю начала Русско-турецкой войны 1877–1878 годов он был вынужден отправиться на свою родину. Там его рукоположили вначале во иеродиакона, а затем в иеромонаха и назначили настоятелем Макарьевского монастыря города Переяславля с возведением в сан игумена.

Вместе с управлением монастырем на отца Парфения была возложена обязанность благочинного всех монастырей Полтавской епархии. В Полтавской епархии он вел также активную просветительскую деятельность. В архиве Руссика сохранилось несколько его проповедей, произнесенных им во время церковных праздников¹⁵⁴.



¹⁵³ АРПМА. Док. № 518. С. 144.

¹⁵⁴ АРПМА. Док. № 493.

За время своего пребывания в России отец Парфений не прекращал общения со своим духовным отцом игуменом Макарием, в письме которому от 30 декабря 1882 года мы слышим вопль его души: «Я рад был бы убежать на Святую Гору Афонскую, но архиерей меня не пускает, несмотря на мои прошения, личные и письменные»¹⁵⁵. Он интенсивно переписывался также и с другими насельниками¹⁵⁶, особенно часто писал письма библиотекарю монастыря отцу Матфию (Ольшанскому)¹⁵⁷.

В 1883 году отец Парфений все-таки получает разрешение Священного Синода и, ни дня не медля, выезжает на Афон. После того как он вернулся на Святую Гору, то вначале поселился на Капсале. Вскоре, однако, он возвращается в Руссик. И старцы отправляют его тогда на послушание в Трехсвятительскую* келлию обители, которая находилась в пяти верстах к северо-западу от монастыря. Там он прожил в полном затворе двенадцать лет до самой своей блаженной кончины. Бог удостоил его многих чудесных видений.

Вернувшись на Афон, он все так же продолжал свое прежнее занятие — соби- рание разных чудесных событий, которые усердно записывал, чем оказал большую услугу обители. Кроме этого, он постоянно собирал интересные факты из жизни со- временных ему насельников обители, жизнеописания многих из которых были напи- саны им же и впоследствии вошли в состав изданных книг об афонских подвижниках благочестия. Также они вошли и в наше издание.

Преставился отец Парфений 13 мая 1894 года.

Схимонах Серафим (Калмыков)

Схимонах Серафим (в миру Сергей Павлович Калмыков) родился в 1809 году в Лебедянском уезде Тамбовской губернии. О деталях его жизни до поступления в монастырь ничего не известно, но по его письмам можно уверенно сказать, что он получил хорошее образование.

Отец Серафим прибыл на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь в 1869 году. Тогда ему было уже 60 лет. Но, несмотря на это, своей набожностью и кротостью он сразу привлек к себе внимание старцев обители. Через год его постригли в рясофор с именем Серафим и доверили одно из самых трудных послушаний — ехать в Россию для сбора пожертвований.

Видимо, такое решение было связано с тем высоким положением, которое он занимал в обществе еще до поступления в монастырь. Это наше предположение под-

¹⁵⁵ АРПМА. Док. № 493.

¹⁵⁶ АРПМА. Док.: № 1409; № 1493; № 1700; № 1703.

¹⁵⁷ АРПМА. Док. № 1493.

тверждает и то, с какой относительной легкостью он смог привлечь многих набожных людей к проблемам Руссика и вскоре собрать вспомоществование обители.

Вот что он пишет о своих успехах в этом деле отцу Макарию: «Наши благотворители нисколько не оставляют нас своими пожертвованиями, но так же, если не лучше, принимают меня»¹⁵⁸.

Уже в 1870 году его усердием была построена на Крумице келлия с церковью преподобных Зосимы и Савватия Соловецких*. Построение церкви ознаменовано было несколькими чудесными откровениями и указаниями.

В 1868 году Афон посетил преосвященный Александр, епископ Полтавский. При посещении пчелиной пасеки, которая располагалась на месте теперешней церкви, владыка сказал: «На этом месте нужно выстроить церковь Соловецких чудотворцев». Но ему ответили, что на это нет средств. Прошло всего два года. Однажды в разговоре между иеросхимонахами Анатолием (Дурневым)¹⁵⁹ и отцом Серафимом зашла речь о том, почему до сих пор не исполнили пожелание владыки. Еще через несколько дней отец Серафим в тонком сне увидел подошедших к нему двух благообразных старцев, которые сели по обе стороны подле него. Отец Серафим спросил:

— Что вы за монахи?

Они ответили:

— Зосима и Савватий Соловецкие.

— Зачем вы возле меня сели? — спросил отец Серафим.

— Хотим показать тебе место, где должен быть престол нашего храма, — ответили они, и тут же повели его к поленнице кипарисных дров, где стали размечать место под церковь сначала по одной стороне, потом по другой, указывая рукой и говоря:

— Тут должен быть наш престол.

Затем они стали невидимы, и отец Серафим проснулся.

После этого отец Серафим стал заботиться о постройке храма, для чего нашел благотворителей. Через два года храм был освящен¹⁶⁰.

В 1879 году отца Серафима постригли в мантию и благословили жить на Крумице, в построенной им Зосимовской келлии. Здесь с ним подвизался еще один монах, который при уходе из мира в монастырь встретил большие препятствия со стороны своих родителей. Те никак не хотели его отпускать. Тогда он начал просить помощи,

¹⁵⁸ АРПМА. Док. № 3692. С. 2.

¹⁵⁹ Схиеромонах Анатолий (в миру Александр Дмитриевич Дурнев) из купеческого сословия города Старый Оскол Курской губернии. Родился в 1829 году. Принят в Руссик в марте 1852 года, пострижен в мантию в 1855 году, в схиму — по случаю болезни. Послушание проходил на Крумице, в обители на пекарне. Рукоположен в иеродиакона 8 сентября 1857 года, в иеромонаха — 21 ноября 1857 года. Преставился 9 марта 1888 года.

¹⁶⁰ АРПМА. Док. № 518. С. 110.

стал усердно молиться и ежедневно служить молебн Казанской иконе Божией Матери, после чего родители, наконец, отпустили его, благословив ехать на Афон. Он тогда же дал обещание, что если будет жить на Афоне, то построит там пусть самый маленький, но храм в честь Казанской иконы Божией Матери. И вот прошло уже с тех пор более 20-ти лет, а он не исполнил своего обещания.

Однажды отец Серафим стал спрашивать его:

– Когда же вы исполните свое обещание построить храм Божией Матери Казанской?

Монах отвечал:

– Я уже хочу оставить эту мысль навсегда.

Тогда отец Серафим сказал ему:

– Как же хочешь бросить это дело, оставить Божию Матерь? Ведь за это придется ответить в будущем.

Монах спросил тогда его:

– Что же будем делать?

– А вот что, — отвечал отец Серафим. — Давай напишем две бумаги. Одна бумага будет пустой, а другая — со словами «строить храм».

Так и сделали. Отец Серафим пошел в церковь и перед местной иконой Казанской Божией Матери, положив три поклона со словами: «Царица Небесная, твори что хочешь», — оставил бумаги. Вынули жребий раз, другой и третий раз, и всегда им в руки попадала бумага со словами «строить».

В ту же ночь отец Серафим во сне увидел, будто от церкви Зосимы и Савватия и от находящейся в этой церкви иконы Казанской Божией Матери исходит необыкновенный свет. Он направился туда, зашел в храм, поклонился перед иконой до земли, а Царица Небесная от иконы подала ему для лобзания руку со словами:

– Приди в дом ко Мне.

Отец Серафим отвечал Ей:

– Матерь Божия, я не знаю, где Твой дом.

Она говорит:

– Найдешь.

И в это самое время является ему и святой Иоанн Богослов. Отец Серафим попросил его объяснить, чего хотела Матерь Божия, приглашая его в Свой дом, ведь он не знает, куда идти. Святой апостол отвечал ему: «Ты не знаешь, а я знаю. Пойдем со мной...» — в это время он проснулся¹⁶¹.

После этого отец Серафим начал усердно хлопотать о возведении храма в честь Казанской иконы Божией Матери*. Он смог привлечь к этому святому делу благодетелей и сам физически очень много работал на его строительстве. С Божией по-

¹⁶¹ АРПМА. Док. № 518. С. 111.

мощью ему удалось довести начатое дело до конца. В 1896 году храм был освящен. Именно в этом храме 2 апреля 1897 года он был пострижен в схиму.

После этого отец Серафим прожил еще четыре года и, преданно послужив обители в течение 30-ти лет, с миром предал душу свою горячо им любимому Господу. Случилось это 22 октября 1900 года, в воскресенье, в день празднования Казанской иконы Божией Матери. Господь сподобил его умереть именно в тот самый день, когда празднуется память Казанской иконы Божией Матери, на постройке храма в честь которой он так много потрудился.



Схиархимандрит Андрей (Веревкин)

Схиархимандрит Андрей (Веревкин) на поприще игуменского служения был преемником схиархимандрита Макария. Отец Иероним, провидевший своим пророческим взглядом далеко вперед, не только позаботился о своем воспреемнике, но и приложил все силы, чтобы в будущем, после схиархимандрита Макария, игуменский пост переходил в надежные руки.

Схиархимандрит Андрей¹⁶² (в миру Алексей Иванович Веревкин) родился в 1834 году в Старобельском уезде Харьковской губернии. Родители его были православными христианами из государственных крестьян. Отец Иоанн Корнилович был кузнецом и 25 лет беспорочно отслужил на государственной службе, скончавшись около 70 лет от роду. А родительница Акулина Ефимовна скончалась 97 лет от рождения.

Первоначальной грамоте мальчика с малолетства обучал родной отец, который не только был грамотен, но и имел усердие к чтению Священного Писания и церковному пению. С 7 лет Алексей обучался в казенном училище. А в 14 лет, в 1846 году, его взяли от родителей и послали в Боровский уезд Воронежской губернии, на Хреновский государственный конный завод. Здесь, в госпитале, Алексей обучался фельд-

¹⁶² Жизнеописание составлено по книгам: Душеполезный собеседник за 1903 год. М., 1903. С. 365; Душеполезный собеседник за 1904 год. М., 1904. С. 241; Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 355.



шерскому искусству и ухаживал за больными. Когда учеба была закончена, то молодой фельдшер в 1851 году был послан в Усманскую волость Воронежского округа, где состоял на службе до 1860 года.

Так как село Усман находилось недалеко от города (всего в 15-ти верстах), то по служебным делам Алексею приходилось бывать в Воронеже. Здесь он часто молился на богослужениях в монастыре святителя и чудотворца Митрофана и сподоблялся прикладываться к его святым мощам.

В то время ему было около 30-ти лет от рождения, и он, как любой обычный человек, проводил свою жизнь в борьбе с греховными страстями. Его бороли разные помыслы, а особенно плотские. Одни внушали вступить в законный брак, а другие — возбуждали страх к мирской семейной жизни. Так, долгое время он пребывал в немалом затруднении, не знал, в какую вступить жизнь — в брачную или безбрачную.

Наконец Промыслom Божиим Алексей познакомиться с благочестивыми людьми господами Шагановыми, которые жили в собственном доме около Покровского женского монастыря Воронежа. В беседах они неоднократно спрашивали его, какую жизнь он думает проводить. Если хочет вступить в брак, то обещали найти невесту, а если он желает жизни безбрачной, то советовали проводить ее в воздержании и благочестии. Он отвечал им, что ему более подошла бы жизнь безбрачная. Тогда они порекомендовали ему поступить в монастырь. Посоветовали также, чтобы узнать волю Божию, бросить жребий. Так и поступили. Помолившись Богу, написали две записки... Выпал жребий проводить жизнь безбрачную и вступить в монастырь. Между прочим, господин Шаганов сказал ему (как пророчествовал), что ему придется жить на Святой Горе Афон.

Итак, Алексей, поблагодарив своих доброжелателей, с тех пор стал думать, как бы поскорее ему сподобиться вступить в монастырь. К тому времени он уже прослужил 12 лет. Чтобы выйти в отставку, оставалось служить еще 8 лет. Тогда он попросил начальство перевести его в свою Харьковскую губернию, поближе к родителям. Начальники, что удивительно, немедленно перевели его в Евсугскую волость Старобельского уезда, что в 20-ти верстах от его родины.

Здесь, на родине, с Алексеем произошло еще одно чрезвычайное происшествие, которое окончательно подтолкнуло его к монашеской жизни. Человеколюбивый Господь непрерывно призывает нас к Себе и постоянно стучится в двери нашего сердца, но мы, к сожалению утонувшие в каждодневных мирских заботах, подчас не слышим этого призыва. Тогда милостивый Бог, который жаждет нашего спасения, посылает нам различные испытания, чтобы через страдания повернуть нас к истине и принудить нас к покаянию. Но даже тогда, при таких чрезвычайных обстоятельствах, до нас редко доходит настоящий смысл, причина поущения этих

испытаний. Чаще происходит совсем все наоборот, мы не понимаем, за что нам попущено испытание, и ропщем на Бога.

Неоднократно за его молодую жизнь Господь попускал Алексею утопать в реках и озере без всякой надежды на спасение. Выбираясь из этих критических ситуаций, он по-прежнему не слышал призыва Божия. Но теперь, когда зимой попусшением Божиим он нечаянно упал с воза и сильно, почти до смерти, расшибся, то Господь внушил ему мысль призвать на помощь святителя Николая. И не успел он окончить молитву святителю, как почувствовал, что спасен от смерти, и отделался только сильным ушибом. Наконец он понял, что означает для него это очередное знамение, и дал обет перед Богом: если Господь даст ему выздороветь, то пойдет в монастырь. Это случилось в 1860 году. А уже в 1863 году Господь помог ему исполнить свой обет.

Начальство в 1861 году по случаю болезни увольняет его со службы. После чего немедленно он просит родителей дать ему благословение пойти на Святую Гору Афон.

От паломников, бывших на Афоне, он слышал, что там много монастырей и службы необыкновенные, продолжаются всю ночь, с вечера до утра... Родители не стали его удерживать, дали благословение. При родителях остался младший брат Алексея Андрей, который также согласился с тем, что брат его уйдет в монастырь.

По пути на Афон он заехал в Киев, побывал в Киево-Печерской Лавре и в других монастырях. Здесь Промыслом Божиим встретил богомольца Сергия из Тамбовской губернии. Вместе с этим рабом Божиим (в будущем насельником Руссика в схиме Серафимом (Калмыковым)) Алексей, оставив все последние сомнения, отправился в путь.

В Одессе, получив заграничные паспорта, путники, положившись на волю Божию и на молитвы Царицы Небесной, сели на пароход. Итак, с помощью Божией 3 сентября 1863 года они благополучно прибыли на Афон.

Здесь Алексей, не медля, стал проситься принять его в число братии. По ходатайству русских старцев, иеросхимонахов отца Иеронима и отца Макария, игумен Герасим изволил принять его. Когда его одели в монашескую одежду, то новый послушник подробно рассказал отцу Макарию всю свою жизнь. Рассказал и о том, как в Киеве отец Иона направлял его в Софрониеву, или Глинскую, пустынь, не давая благословения идти на Афон. Как вся эта непредвиденно возникшая ситуация очень смущала его. Рассказал, как товарищ его посоветовал обратиться к другому духовнику, печерскому старцу Вассиану, за советом, и тем самым было преодолено последнее препятствие на пути к Афону. На все это отец Макарий сказал ему, как бы поставив окончательную точку во всех искушениях Алексея: «Тебя привел сюда Промысел Божий, молитвами Божьей Матери».

Только тогда Алексей успокоился и по назначению старцев проходил послушание в монастыре. Через восемь месяцев по их же благословию он был послан на Крумицу,

где были разведены монастырские виноградники и масличные сады. Там он проходил послушание около 10-ти лет, был пострижен и в мантию с именем Андрея, а еще через пять лет, 27 июля 1868 года, по воле старцев был рукоположен в иеродиакона.

Рукополагал его русский епископ Александр, бывший на Афоне проездом из Иерусалима. В то время в монастыре был устроен и готов к освящению храм во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. Старцы просили епископа Александра освятить этот храм и при этом рукоположить в иеромонаха отца Андрея, что и свершилось 28 июля 1868 года.

В 1873 году старцы послали его на послушание в Москву. Там иеромонахом Арсением (Мининым) на Никольской улице, при Богоявленском монастыре, была начата постройка часовни. С ним были посланы в Москву и мощи святого великомученика Пантелеимона, которые после этого до 1918 года находились в этой часовне. Отец Андрей пробыл на послушании при часовне шесть с половиной лет. Затем по его просьбе старцы благословили ему возвратиться на Афон, куда он прибыл в 1879 году. Вскоре по благословению старцев он был назначен братским духовником, а в 1889 году был избран по жребию наместником.

Отец Макарий глубоко ценил и уважал отца Андрея за его благоговейный молитвенный кроткий молчаливый нрав, за любовь к богослужению и хотел иметь в нем, согласно воле отца Иеронима, своего преемника. Однако, желая явить чудо Промысла Божия для тех, кто мыслит по-мирски, он не назначил его своим непосредственным словом или решением, но благословил провести выборы путем жребия из множества кандидатов, которых, однако, избрал сам. Среди этих кандидатов, которые были избраны отцом Макарием, были: архимандрит Иерон (Носов), отец Иларион (Кучин), отец Павел (Дурнев), отец Рафаил (Трухин)¹⁶³, отец Нафанаил (Кобелев), отец Михаил (Савицкий), отец Андрей (Веревкин) и отец Виссарион (Расторгуев). Имена их были написаны на бумажках и положены в ковчег из-под мощей святого Пантелеимона, который поставили на престол Покровского соборного храма.

¹⁶³ Схиархимандрит Рафаил (в миру Николай Ионович Трухин) — бывший дворянин Вятской губернии, отставной канцелярский служащий Ижевского оружейного завода. Родился в 1844 году. Прибыл на Афон и поступил в Руссик 10 октября 1867 года, пострижен в рясофор 25 марта 1868 года, в мантию — 28 марта 1869 года, в схиму — 13 августа 1877 года. Послушание проходил в канцелярии, регентом, ризничным, сосудохраниателем, уставщиком, благочинным. Ездил с важным поручением к послу Н. П. Игнатьеву и вселенскому Патриарху Иоакиму II. В 1878 году, в День Святого Духа был поставлен духовником. Рукоположен в иеродиакона 23 ноября 1872 года, а в иеромонаха — 28 сентября 1875 года. Награжден набедренником в 1883 году, палицей с должностью эпитропа — 29 июня 1889 года. По приглашению Священного Синода и по благословению старцев обители выехал в Россию в 1890 году и причислен к Саровской пустыни, где стал игуменом. Затем в 1894–1899 годах был начальником Духовной миссии в Иерусалиме. После был перемещен настоятелем Краснохолмского монастыря Тверской епархии, где преставился 21 июня 1901 года.

На третий день после Литургии самый старший насельник обители иеросхимонах Авель¹⁶⁴ по благословению отца Макария, вынул из упомянутого ковчега один из шести билетиков. Имя избранника было провозглашено вслух для всего братства.

В тот день отец Андрей спокойно молился у престола в алтаре, будучи совершенно уверен: жребий пройдет мимо него, самого последнего и никчемного среди таких выдающихся кандидатов.

«Андрей!.. Выбран иеромонах Андрей!» — слова эти словно громом поразили отца Андрея. И он, пав на землю пред игуменом Макарием, со слезами просил освободить его от сего послушания. Но великий игумен и не думал этого делать, радуясь исполнению воли Божией и воли покойного тогда уже общего их старца-духовника Иеронима. «Не мы тебя избрали, а Сам Господь Бог! Ты не можешь противиться воле Божьей», — прозвучали в ответ слова игумена, подводя итог выборов.

Избранием отца Андрея на должность духовника отец Иероним еще до своей смерти как бы ненавязчиво указывал на него отцу Макарию как на будущего его помощника, а затем и преемника. «Опыт святых отцов, — писал отец Иероним в одном из писем, — необходимым показывает настоятелю иметь при себе верного друга, духовного советника, беспристрастного, рассудительного. А где этого нет, там и правление душами бывает бедственно»¹⁶⁵.

И действительно, великие старцы не ошиблись в своем выборе. Отец Андрей был ревностным продолжателем всех их начинаний, хранителем и приумножателем их духовной традиции.

Именно им была учреждена ежегодная двукратная память двух старцев-строителей, Иеронима и Макария, в дни их Ангелов и в дни упокоения, о чем до сего дня напоминает медная доска у жертвенника Покровского собора.

Основой духовной жизни он видел, как и его великие предшественники, в беспрекословном послушании духовному руководителю. Он считал, что отсечение воли падшего, ветхого человека — вот подвиг, на который должен обратить все свои силы послушник, вот добродетель, которая привлекает милость Божию и дает все дарования, вот труд, делатели которого сподобляются истинной молитвы. А где нет сего, там прочее все неосновательно, сомнительно и опасно.

В общей сложности архимандрит Андрей пробыл игуменом монастыря 14 лет и 4 месяца. Время действительно немалое, если принять во внимание постоянно уве-

¹⁶⁴ Иеросхимонах Авель (в миру Александр Антонович Щербинин) — бывший мещанин из города Тула. Родился в 1828 году. Роста среднего, волосы имел черные, а глаза — карие. Начало монашества полагал в Москве в Сретенском монастыре, где был пострижен в рясофор с именем Александр. Прибыл на Афон и поступил в Руссик в 1860 году, пострижен в схиму в 1862 году. Послушания проходил на Троицкой келлии, в обители портным. Рукоположен в иеродиакона 26 сентября 1862 года, а в иеромонаха — 1 октября 1862 года. Преставился 9 ноября 1896 года.

¹⁶⁵ Из письма игуменье Максимилле от 1869 года (Великая стража. С. 186.).

личивающееся число братии, а соответственно, их нужд, продолжительность богослужений, сопряженную со званием игумена должность старшего духовника. Ежедневная исповедь большей части братии, очень обширная деловая переписка с благодетелями и прибывающими на послушание при подворьях и метохах на Афоне и вне Афона, а также постоянный прием братии со всякого рода нуждами и просьбами, а иногда и посторонних и бедных пустынников — вот далеко не весь перечень всех ежедневных дел, которые следовало исполнять игумену монастыря. Кроме этого, отец архимандрит по примеру игумена Макария почти ежедневно совершал раннюю Литургию. Правилась она по большей части в малом храме — параклисе во имя преподобного Сергия Радонежского, находящемся около игуменской кельи.

Привыкнув большую часть времени находиться в своей келье, тем более в звании игумена, он был вынужден проводить почти сидячую жизнь. Изредка только на небольшом монастырском пароходике он посещал метох Крумицу на границе Афона с множеством на нем виноградников и масличных деревьев, да оттуда и новый скит, именуемый пустыней Новая Фиваида, где на очень большом пространстве проживало почти 250 человек монашествующей братии и общежительно, и отшельнически, в отдельных каливах, т. е. в малых келлиях.

Однажды в год, на праздник святого великомученика Георгия Победоносца (23 апреля) и на праздник в честь Божией Матери, ради скитской чудотворной иконы Ее «В скорбех и печалех Утешение» (19 ноября), он посещал болгарский Зографский монастырь и Русский Андреевский скит. Лишь несколько раз он побывал в подведомственном монастырю Успенском скиту Ксилургу и в Ильинском скиту.

Никогда никаких прогулок за монастырские ворота он не совершал не только в должности игумена, но и в прежние времена, что, конечно, мог бы делать, если бы только хотел. Он знал, что монаху не полагается без надобности выходить за монастырские ворота, и строго соблюдал это святоотеческое постановление.

Однажды, в 1882 году, один молодой послушник, рассказывая ему, где он ходил за монастырем, помянув при этом, что был в гостях у архидиакона Лукиана (Роева). Отец Андрей с улыбкой сказал ему тогда: «А я и дороги-то к нему не знаю», — между тем как расстояние от монастыря до каливы старца Лукиана можно было преодолеть всего за пятнадцать минут.

Если же и случалось отцу игумену ходить пешком, то разве только по крайней необходимости с метоха Крумицы в монастырь и обратно. Но это случалось не часто.

Незадолго до своей кончины пришлось ему пройти морем на монастырском паровом катере до греческого монастыря Ватопед. Дорогой он заметил своим спутникам: «Тридцать пять лет прошло с того времени, когда я был здесь в первый раз, да вот теперь вторично».

После кончины отца Макария отец Андрей с тем же воодушевлением благословил продолжать книгоиздательство, которое все более и более потом расширялось. Когда пребывавший в затворе в Вышенской пустыни преосвященный епископ Феофан (†1894 г.) узнал о благорасположении к этому делу отца Андрея, то весьма одобрительно отнесся к этому и все свое литературное наследие благословил после своей смерти передать для издания монастырю.

Статус русского монастыря как общего для всех русских иноков на Афоне дома именно при игуменстве отца Андрея достиг своей максимальной высоты. А почетное и высокое звание игумена всех русских святогорцев, приобретенное благодаря заслугам игумена Макария, перешло и к сему его преемнику, не по наследству только, но и по достоинству, как истинному и чадолюбивому общему отцу. Единство и сплоченность русского Афона, неожиданный всплеск духовного развития вызывали искреннюю радость у разумных и сочувствующих всякому доброму делу людей. У кого-то, однако, это вызывало страх и опасения. Враг готовил новые искушения...

Вселенский Константинопольский Патриарх Иоаким, после первого своего патриаршества (1878–1884) проживший на покое на Афоне почти двенадцать лет (1889–1901), был очень расположен к отцу Андрею. Действительным доказательством сего служила пожалованная им игумену священная панагия с изображением на ней распятия Господа нашего Иисуса Христа, с особой по этому случаю его собственноручной грамотой. Эта панагия с тех пор стала неотъемлемым атрибутом игуменской интронизации Пантелеимонова монастыря.

Удостоился он и Высочайших государственных наград: Государь Император Николай Александрович изволил пожаловать ему золотой наперсный крест из собственного кабинета и ордена святой Анны II степени и святого Владимира IV степени; сербский король Александр I, лично посетивший Афон и русскую обитель в марте 1896 года, пожаловал ему орден святого Саввы III степени. Даже турецкий султан Абдул-Гамид пожаловал ему орден Меджидие II степени со звездой.

Характера отец Андрей был миролюбивого, снисходительного, искренне благожелательного, доверчивого, постоянно желал сделать все для всех и каждого, только бы отпустить с миром, успокоенным, утешенным. Для посетителей обители он всегда был неподдельно любвеобилен.

При обращении к нему за какими-нибудь нуждами он одинаково был слугой как старшему, так и младшему и хотел, чтобы ни у кого ни в чем не было недостатка, и редки были случаи его отказов в необходимом. Часто он сам ободрял новоначальных и несмелых всегда одинаковым образом, спрашивал: «А еще что? А еще что?» И так до тех пор, пока пришедший не набирал чего надо и чего не особенно надо.



Вот как писал об игумене Андрее отец Агафодор (Буданов): «...Он хозяйственной частью монастыря не занимался, человек был духовный, «не от мира сего». Был прост как дитя и доверчив. Не знал, что такое скупость. Да и во зло как бы не верил, считал всех земными ангелами. Раздавал щедрой рукой направо и налево... И Господь посылал и жертву большую и во всем изобилие. И, несмотря на массу раздачи требующим и деньгами и вещами, ежегодно в продолжение его игуменства оставалось по 100 тысяч рублей. Гостивший в монастыре адмирал Скрыдлов с изумлением сказал о нем: «Во всю жизнь мою не видел я такого доброго человека»»¹⁶⁶.

Именно в игуменство архимандрита Андрея, незадолго до его смерти, обитель сподобилась посещения Божией Матери.

Щедрость и нищелюбие отца Андрея не всем были по душе. Особенно от этого страдали некоторые братья из экономской службы, смущавшиеся добродетелью своего старца, называя его раздачу расточительством. Но Матерь Божия посрамила ропотников, утвердила обитель в сей добродетели и утешила праведного старца-игумена. Случилось это удивительным образом. Протат прислал обители письмо, в котором запрещал раздачу милостыни по воскресеньям на Святых вратах. Для рассмотрения этого письма был созван духовный собор. Мнения на нем разделились. Большинство отцов считали невозможным оставить милостыню и нарушить тем самым благословение отцов Иеронима и Макария. Недовольные же, воспользовавшись письмом, просили немедленно прекратить расточительство казны.

Выслушав всех, отец Андрей сказал, что, поскольку Матерь Божия здесь Игумения, постольку нужно Ей и помолиться, чтобы Она Сама все устроила, как Ей угодно. А раздачу милостыни в воскресенье отец Андрей, невзирая на запрещение, ради бедных сиромых, ничего не знающих об этом обстоятельстве, велел все-таки провести.

В воскресный день, во время раздачу милостыни, схимонахом Гавриилом была сделана фотография. Дивное дело! Когда она была проявлена, все увидели смиренный образ Божией Матери, приемлющей из рук отца Алипия Свой чурек (хлеб). После очевидного чуда отец игумен посчитал вопрос исчерпанным. Милостыня не была отменена. Раздача ее продолжалась даже в самые трудные для обители времена и была засвидетельствована новым чудом.

После начала Первой мировой войны и разрыва связей с Отечеством афонские русские обители, да и греческие, впали в крайнюю нужду. Особенно не хватало продовольствия. Монахи страшно бедствовали. Особенно доставалось сиромыхам — бедным странствующим пустынножителям. Монах Сергей (Токарев) заведовал тогда раздачей бесплатных пайков муки бедным пустынножителям. Обладая добрым сердцем и видя бедственное положение сиромых, он не мог отказать многим из них в просьбе о надбавке лиш-

¹⁶⁶ АРПМА. Док. № 501. С. 98.

ней горстки муки. Между тем количество ее для раздачи отпускалось определенное. Так было и на этот раз. Стояла толпа бедных иноков, ожидая пайка. Раздача подходила к концу. Весьма многие получали надбавку в виде одной-двух горстей. По ходу спешной работы отец Сергей не обращал внимания на количество муки, оставшейся в ларях после отпуска ее нуждающимся. Когда же последний иннок-пустынник получил свою долю, тогда только отец Сергей заглянул туда, где была мука, ожидая найти лари порожними. Но они оказались полными, как были при начале раздачи¹⁶⁷.

Отец Андрей имел дар читать во время богослужения громко, внятно и, что всего дороже, от сердца. Начиная читать, например, в праздничные дни на бдениях слово или поучение по книге, он делал это обыкновенно обычным тоном, но затем мало-помалу входил, проникался сутью чтения и как бы читал уже не чужое слово, а свое.

Нося в миру имя Алексия, человека Божия, он ежегодно в день памяти его, 17 марта, а также на день памяти святого Иосифа Прекрасного, сам читал жития этих святых, последнего — в изложении преподобного Ефрема Сирина, и всегда от начала и до конца. И каждый раз эти чудесные и трогательные жития он читал с особым сильным внутренним волнением, от всего сердца, со слезами, так, что его глубокое чувство передавалось всем слушателям. Многие из них, если не сказать, что все паломники — посетители обители, слышавшие когда-нибудь хотя бы одно из его чтений в церкви, плакали и потом на всю жизнь запоминали услышанное.

До игуменства он исполнял по большим праздникам на всеобщих бдениях обязанности канонарха. Но делал он это не потому, что числился штатным канонархом, а был приглашаем за даровитость в этом деле, за внятность чтения и за сердечность при совершении богослужения.

Относительно тщательности выполнения монашеских обязанностей отец Андрей во всю свою жизнь в монашестве был истинным и примерным монахом. Молитвенник и безмолвник, он, будучи простым монахом, никогда не смотрел наперед на других, но прежде всего со всей строгостью внимал себе, чтобы самому быть исправным и благодарным Богу за все Его неисчислимы милости. Когда же он стал игуменом, то со всей ответственностью, как истинный и добрый пастырь, неустанно старался о духовном возрастании и преуспейнии вверенной ему паствы. Он бескомпромиссно обличал пороки и призывал всех к спасительной бодрости и духовному вниманию. Сохранилось множество его воззваний, слов, проповедей и объявлений, адресованных к братии. Предсмертное завещание его было немногословно и предельно кратко, поскольку много было сказано им душеспасительных наставлений при жизни. Если собрать их все в совокупности, то они и составляют бессмертный его завет братии всех будущих поколений.

¹⁶⁷ АРПМА. Док. № 154. С. 35.

Приводим одно из слов великого пастыря, которое не потеряло своей актуальности и по сей день: «Возлюбленные о Господе отцы и братия! Внимайте своему спасению, и своему званию, и священным обетам иноческого ангельского образа. Помните, ради чего оставили вы мир и все земное, приняли святой сей ангельский образ монашеский. Помните обеты Господу, за которые истязаны будем на Страшном Суде Божьем. Если здесь станем следовать мирским греховным привычкам и пристрастиям, не будем вести себя, как приличествует и должно монаху, тогда сие звание наше, и одеяние, и обеты никакой не принесут нам пользы, а послужат даже к сугубому осуждению.

Более всего препятствуют спасительному вниманию своей совести и совершенно истребляют в сердце страх и любовь ко Господу празднословие, сходки братии в коридорах или на портарях, посещения друг друга в кельях, праздные беседы, воспоминание мирского и прочее. Посему нет благословения никому входить в келью для празднословия, а после повечерия нет исключения в этом правиле ни для кого, хотя бы старший или иеромонах ты был, кроме духовника, к которому только для исповеди благословляется входить во всякое время. Сие посещение келий и праздные разговоры на портарях строжайше воспрещаю, а ослушники и престапующие без страха отеческую заповедь да убоятся Суда Божия, ибо они обещали пред святым алтарем Господним отречение от своей воли и послушание отцам духовным.

Внимайте своему спасению и взыщите вечной жизни и блаженства будущего нескончаемого, ибо для этого и собрал здесь всех нас Всеблагий Промысел Божий!

Призываю на вас благословение Божие и Покров Царицы Небесной, присный о вас молитвенник, игумен Русского святого Пантелеимона монастыря, архимандрит Андрей».

Относительно тщательности выполнения монашеских обязанностей отец Андрей был во всю свою жизнь истинным и примерным монахом. В последние же годы по причине частых недугов и упадка сил он уже редко ходил в церковь к суточным богослужениям, а в общей братской трапезе стал бывать лишь по праздникам.

В последние месяцы своей жизни, изнемогая уже, он еще собирался с силами и совершал соборне Божественную Литургию. Так, из последних сил священнодействовал он в день открытия святых мощей преподобного Серафима Саровского, и уже едва-едва он смог закончить в этот день молебен новоявленному угоднику Божию.

15 августа отец Андрей служил последнюю свою Литургию в храме Успения Пресвятой Богородицы. Примечательно, что в этом же храме служил последнюю Литургию и предшественник его, отец Макарий. Преставился отец Андрей после продолжительной болезни 30 октября 1903 года.

Из духовного завещания отца архимандрита Андрея мы узнаём следующее: «...Хотя я грешнейший, и недостойнейший, и нерадивейший из всех, все же желаю от Го-

спода как себе, так и вам всем вечного спасения. А посему и прошу и даю совет при помощи благодати Божьей внимать своему спасению, помнить данные нами обеты Господу Богу при пострижении, принятии ангельского образа. Помнить, как обещались пред святым алтарем Господним, пред Ангелами и человеками отречением своей воли выказывать послушание отцам духовным и вообще старшим. Исполнением правила церковного и келейного и святого послушания не рассеянно и со страхом Божиим проводить свою жизнь, в чем и заключается наше душевное вечное спасение.

Кроме сего, еще прошу вас с усердием молиться Господу Богу за ктиторов и благодетелей, которые по Божьему внушению подавали и подают от усердия своего лепту, необходимое содержание для нашей жизни. Мы же обязаны, с нашей стороны, помнить их благодеяния и по силе нашей молиться за них. А за сию любовь и нас Всеблагой Господь не оставит Своей великой и богатой милостью в сей и в будущей жизни. Аминь».



Схимонах Иларион

Схимонах Иларион происходил из мещан одного из российских городов. Родился он приблизительно в 1911 году. Место рождения его не известно. Живя на Афоне, он старательно скрывал свое прошлое, считая, что человек, вступая в монахи, умирает для мира и все, что с ним было до пострига, уже совершенно не имеет никакого значения. Известно только, что он в начале тридцатых годов XIX века поехал из России в Иерусалим как паломник, но Святая Земля так его пленила, что он остался в одном из тамошних монастырей (точно не известно в каком), где был пострижен в мантию с именем Иларион.

Более 50-ти лет он подвизался в Иерусалиме, удивляя всех своей строгой подвижнической жизнью. Во всю свою монашескую жизнь не вкусил ничего скоромного, даже растительного масла, не говоря уже о спиртных напитках, которых бегал, как огня. Ему было уже более 70-ти лет, когда он от приехавших в Иерусалим на поклонение афонских монахов узнал, что русский монастырь специально для отшельников построил скит. И тогда старец решил поехать на Афон, где и завершил свой монашеский путь.

На Афон он приехал в 1886 году, поступил в пустынный скит Русского Пантелеимонова монастыря, называемый Новая Фиваида, где был пострижен в схиму. Последние 12 лет жизни отец Иларион провел в маленькой келие в полуверсте на восток от Крумицы. Он вел строжайшую затворническую жизнь, решительно никого не принимал к себе, не отворял дверей, а сам раз в неделю приходил к метоху (Крумица) и приобщался Святых Таин. После причащения он тотчас, ни с кем не видясь и не разговаривая, шел к себе в пустынь.

Келейное правило исполнял такое: ежедневно читал великое повечерие, затем тянул 60 четок, после чего сидя отдыхал, а потом тянул схимонашеский канон — 16 четок, спал три часа, встав ото сна, читал часы и пил чай, единожды вкушал пищу, потом вечерня и опять повечерие. Несмотря на свой 90-летний возраст, он не оставлял свое постническое правило и никогда не участвовал в общих трапезах. Его подвигам дивились все и, славя Бога, говорили, что такая мера подвижничества человеку доступна только по особому благословению Божию.

Возникает естественный вопрос какой толк от подвигов и духовного совершенства подвижника, чем он полезен миру, и как проявляется его Богом дарованная христианская любовь? Ответ на этот вопрос один: подвижник, совершенствуя себя в духовной жизни, тем самым привлекает на землю благодать Божию, а потому вносит огромный вклад в общую энергию добра, противостоящую энергии зла. Эта энергия добра так же необходима для духовности человека, как кислород для его тела. Без нее люди давно бы превратились в зверей, не было бы ни духовности, ни культуры, ни науки. благодать Божия не видна, не осязаема, но без нее человечество не может никак обойтись, а ее «продуцируют» исключительно святые люди. Несомненно, именно поэтому призывает нас Господь: *«Будите убо вы совершенни, якоже Отець вашъ небесный совершенъ есть»* (Мф. 5, 48). Но что значит быть совершенным? Если учесть тот факт, в каком контексте был произнесен Господом этот призыв, а именно после слов: *«...любите враги ваши, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгонящихъ вы... яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ...»* (Мф. 5, 44–45), — то очевидно, что совершенен тот, кто стремится любить как Христос. Нельзя считать совершенным того, кто, желая не дать себе присесть и отдохнуть своему телу, привязывает себя волосами к стене и так неделями не спит, а любви не имеет и не стремится к ней. Но однозначно свят тот, кто не спит неделями, удрученный мыслями о страданиях других людей, и даже ценой собственной жизни желает помочь каждому Божьему созданию: и друзьям и врагам, и родным и чужим, и добрым и злым, и белым и черным, не выбирая их ни по какому признаку. Но при этом такого сочувствия и силы любви можно достичь только исключительными подвигами, с их помощью уничтожая свой эгоизм и естественные потребности своего тела.

С какой бы стороны мы ни подходили к описанию средств достижения цели духовной жизни, мы в любом случае придем к универсальному итогу размышлений о них святых отцов: без любви подвижничество невозможно и бесполезно, а без подвижничества любовь недостижима. Иначе говоря, любовь есть и цель, и средство духовной жизни, а подвижничество — лишь средство совершенствования в любви.

Но мы иногда именно эти средства идеализируем, полностью забывая о главной цели. Неординарные внешние средства совершенствования подвижников приводят нас в восторг и восхищение, и мы слепо подражаем им, совсем не ставя себе цели достижения Христовой любви. Истинные же подвижники только для этой цели и живут и действуют, каждое их делание: пост ли, бдение ли, молитва ли — направлены исключительно к этой заветной цели. Они тем самым приносят огромную пользу и себе, и всему человечеству, участвуя в привлечении Божией благодати, этой мощной энергии добра, на весь мир. Они одновременно приобретают дерзновение пред Господом и просят Его о милости к нам, еще находящимся в плену греха и зла, чтобы и мы имели возможность совершенствоваться в любви и не лишились участия в вечном блаженстве.

Преставился 90-летний отец Иларион 21 октября 1901 года, в день своих именин, и похоронили его в храмовый праздник метоха Крумица — в день памяти Казанской иконы Божией Матери. Еще 20 октября, в субботу, он приобщился в церкви Святых Христовых Таин и просил отвести его в его каливу, сказав, чтобы не приходили к нему до завтра. Но когда в воскресенье, 21 октября, в день именин его, пришли к нему утром, то уже нашли его умершим, в полусидячем положении на койке, с лицом спокойным, закрытыми глазами, и даже пальцы руки его как бы были приготовлены для крестного знамения¹⁶⁸.



¹⁶⁸ АРПМА. Док. № 306. С. 147.

Схимонах Аркадий (Любовиков)

Схимонах Аркадий¹⁶⁹ (в миру Алексей Алексеевич Любовиков) родился в 1830 году в селении Святополье Глазовского уезда Вятской губернии, в семье священника Алексея Любовикова и супруги его Ирины. Мальчик получил в святом крещении имя Алексея в честь святителя Алексея, митрополита Московского.

По некоему утвердившемуся святому обыкновению, широко распространенному в тогдашней России, отец его, священник, готовил и сына своего к духовному званию. Отрок Алексей именно с этой целью, окончив Глазовское духовное училище, поступил в Вятскую духовную семинарию, где несколько лет готовился к принятию священства, предполагая стать преемником своему отцу. Но, как верно говорит нам пословица, «человек предполагает, а Бог располагает». То же мы находим и у святого царя и пророка Давида, изрекшего жившим в нем и глаголавшим через него Духом Святым, что от Господа стопы (пути жизни) человеку исправляются (направляются) (Пс. 36, 23). Отроку Алексею свыше назначен был не тот путь жизни, на который задумал поставить его благочестивый сельский батюшка и к которому он уже и сам направлялся, а другой.

В 1847 году по благословению старцев обители, игумена Герасима и духовника иеросхимонаха Иеронима, в Россию отправился с Афона известный потом всем Святогорец, тогда еще иеромонах Серафим, а впоследствии иеросхимонах Сергей (Веснин). Ехал он для напечатания своих литературных трудов. Будучи уроженцем Орловского уезда Вятской губернии и воспитанником Вятской духовной семинарии, отец Сергей прежде всего заехал на свою родину. Там он находился то в Вятке, на даче архиерейского дома, то в Орлове, в Спасском монастыре, где до отбытия на Афон был казначеем, то в селе Пищальском, в кругу своих родственников. Проживая в Вятке, бывал он, конечно, в тамошней своей родной духовной семинарии. И вот здесь в одном из учеников-семинаристов он заронил желание последовать за ним на Святую Гору Афон. Юного семинариста звали Алексей Любовиков. Но так как Святогорцу Серафиму еще надлежало закончить свои дела, да еще и исполнить массу других немаловажных поручений, то, следовательно, он еще не скоро мог уехать на Афон. Однако, наверное, между ними было условлено: Святогорцу ожидать окончания своих дел, а Алексею тем временем продолжать обучение в семинарии.

¹⁶⁹ Жизнеописание составлено по книге: Душеполезный собеседник за 1909 год. М., 1909. С. 149.

Так продолжалось до конца 1850 года. В январе 1851 года Алексей, получив заграничный паспорт, распрощался навсегда со своими детскими мечтами, со своей дорогой Родиной и, напутствованный родительскими молитвами, благословениями и благими пожеланиями родных и знакомых, отправился на Святую Афонскую Гору. Неизвестно, где он съехался со Святогорцем, но мы доподлинно знаем, что они вместе через Одессу и Константинополь в марте того же года прибыли на Афон, в монастырь.

Молодой семинарист Алексей был принят в число братии святой обители и определен на послушание в келейники к Святогорцу Серафиму.

В следующем, 1852 году послушник Алексей был пострижен в мантию с именем Аркадий в честь преподобного Аркадия, сына преподобных Ксенофонта и Марии. Вскоре после этого ему было чудесное видение, которое на долгие годы определило весь его духовный настрой.

«Раз случилось, — вспоминал он, — что вскоре после пострижения я забыл о дне памяти прежнего моего Ангела, чему отчасти способствовало и перенесение службы ему в храме на следующее число. При слушании в тот день утрени на клиросе Покровской церкви, во время чтения 1-й кафизмы нечаянно покрыл меня тонкий сон. Вижу себя в Московском Кремле, у главной церкви Чудова монастыря. Поднявшись по лестнице на верх паперти, через растворенные церковные ворота вижу, что храм полон молящегося народа, который то и дело ставит свечи перед святыми иконами, а особенно пред иконой св. Алексия. Это удивило меня. Теперь простой день, думалось мне, отчего же здесь столько народа и ставят столько свеч? В недоумении я спросил стоящего возле меня: «А что, сегодня разве праздник какой?» Тот покачал головой и ответил: «А еще монах! И ты забыл своего покровителя, молитвенника от святого Крещения? Знай и помни впредь, что сегодня память святителя Христова Алексия, всея России чудотворца, святые мощи которого почивают здесь!» Услышав такое обличение, я сразу очнулся, и действительно оказалось, что это день памяти святого покровителя моего»¹⁷⁰.

17 декабря 1853 года Святогорец иеросхимонах Сергей (Веснин) мирно преставился ко Господу. Болезнь его благодетеля и духовного воспитателя по монашеству, а потом вдруг и утрата его на всю жизнь, вероятно, сильно подействовали на молодого инока Аркадия. Он сильно заболел. А так как в Руссике тяжелобольных, не имевших святой схимы, срочно постригали, хоть болящий и был молод, то и отец Аркадий в том же декабре 1853 года был пострижен в великий ангельский образ под тем же именем.

Но ему не суждено было отойти в иной мир, а надлежало еще прожить много лет и много потрудиться здесь, на афонской земле. Он выздоровел, и замечательно, что потом он во всю свою дальнейшую 55-летнюю жизнь не болел никакими особыми болезнями, чтобы нужно было ложиться в больницу.

¹⁷⁰ АРПМА. Док. № 518. С. 11.

Вся его более чем 57-летняя жизнь в монастыре безвыездно протекала мирно, тихо и почти замкнуто. На первых порах он, как было сказано выше, помогал Святогорцу Сергию в переписывании его сочинений и писем. Потом долгое время состоял при канцелярии, записывая церковнославянскими буквами имена братии и благодетелей в церковные синодики для поминовения. Занимался также переписыванием со старых рукописей разных богослужебных чинопоследований. Впоследствии ему было поручено переводить с греческого языка на церковнославянский некоторые службы, каноны, тропари и кондаки. Кроме этого, им самим были составлены и особые полные бденные службы Божией Матери ради Ее чудотворных икон: «Иерусалимской», «Избавительницы», «Отрады и Утешения»¹⁷¹. Также им были составлены: служба на память святого великомученика и целителя Пантелеимона, т. е. на 26 июля, вместе с полиелейной службой святому священномученику Ермолаю, как духовному отцу и наставнику святого Пантелеимона; предпразднственная служба с канонами на Покров Пресвятой Богородицы, собственно на 30 сентября; восемь канонов (по числу восьми гласов) предпразднству Покрова Божией Матери, читаемых на восьми предпразднственных молебствиях, торжественно совершаемых в Покровском соборном храме обители ежедневно после вечерни, начиная с 22 сентября и заканчивая 29 сентября. Затем им были переведены с греческого на славянский полные бденные службы: всем святым новомученикам, пострадавшим на Востоке, общая память которых празднуется во второе воскресенье Петрова поста; всем святым бесребеникам, общая память которых в обители совершается в воскресенье, ближайшее к 1 ноября; святой праведной Еввуле, матери святого Пантелеимона, память которой в обители совершается в четвертое воскресенье Великого поста вместе с памятью преподобного Иоанна Лествичника; полиелейная служба святым преподобномученикам Иулиану и Василисе иже с ними 10-ти тысячам инокам и одной тысяче инокинь, за Христа пострадавшим в 313 году, в царствование Диоклетиана (память их 8-го января); святому Иоанну Русскому, новому исповеднику, жившему и скончавшемуся в плену в Турции около 1730 года; святому новому преподобномученику Пахомию Россиянину, сопленику святого Иоанна, пострадавшему от турок; святому новому преподобномученику Никите, иеромонаху Пантелеимонова монастыря, пострадавшему за Христа от турок 4 апреля 1808 года; святителю Григорию Двоеслову, папе римскому; святому новому преподобномученику Павлу Пелопонесскому, подвизавшемуся в обители и пострадавшему за Христа от турок на своей родине 22 мая 1818 года; святителю Модесту, Патриарху Иерусалимскому.

¹⁷¹ БРПМА. Док. № 40584.

Им же, надо полагать, переведена с греческого и потом в 1871 году напечатана в Санкт-Петербурге бденная служба святым новым преподобномученикам афонским: Евфимию, Игнатию и Акакию, пострадавшим за Христа от турок в начале XIX века; восемь канонов на память святого великомученика Пантелеимона, написанных преподобным Иосифом Песнописцем, торжественно читаемых в обоих соборных храмах обители после вечерни, в восемь дней предпразднственных памяти святого Пантелеимона начиная с 18 июля. Кроме этих полных служб, им самим написаны и переведены с греческого несколько требовавшихся по временам или исходя из его личного усердия тропарей и кондаков.

Старец Аркадий с самого начала был постоянным сотрудником издаваемого обителью «Душеполезного собеседника». Его перу принадлежат много статей и житий святых, переведенных им с греческого языка, а также передовые статьи в «Душеполезном собеседнике» под рубрикой «Уроки слова благодатного», состоящие из выписок на разные темы из Священного Писания.

Ему поручалось иногда написание ответов на письма благодетелей по каким-либо особенным и вообще затруднительным вопросам, а также составление писем к важным особам и речей в особо важных случаях.

Он весьма интенсивно переписывался со своим духовным отцом игуменом Макарием¹⁷², когда тот находился в Константинополе во время русско-греческих споров, давая ему весьма полезные советы для успешного завершения этого дела. Тесно сотрудничал с библиотекарем монастыря отцом Матфием (Ольшанским)¹⁷³ и духовником отцом Агафодором (Будановым)¹⁷⁴ по издательским вопросам и обогащению монастырской библиотеки.

Старец Аркадий, несмотря на такую активную деятельность, тем не менее вел самую тихую и скромную жизнь. В течение всей своей многолетней жизни в обители он остался в скромном звании простого инока, отказываясь от рукоположения в иеромонахи, не раз ему предлагаемого старцами обители.

Летом 1909 года он стал прихварывать, но крепился. Наконец, все более и более изнемогая, вынужден был лечь в больницу. Никакой особой болезни у него не было, а только присутствовало об-



¹⁷² АРПМА. Док. № 1396.

¹⁷³ АРПМА. Док. № 1546.

¹⁷⁴ АРПМА. Док. № 1767.

щее старческое расслабление и ослабление аппетита. Затем он по обыкновению несколько раз был приобщаем Святыми Тайнами. В начале всеобщего бдения на 20 октября ради памяти святого великомученика Артемия над ним было совершено святое таинство елеосвящения. Во вторник, 21 октября, он был последний раз приобщен Святых Христовых Таин и после полудня мирно отошел ко Господу.

22 октября, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, о прославлении которой старец много потрудился в своей жизни, торжественно, соборно было совершено отпевание усопшего. И так не стало почтенного схимонаха Аркадия, доброго, и смиренного, и простодушного инока, истинно преданного обители и весьма для нее полезного старца.

Иеросхимонах Виссарион (Расторгуев)

Иеросхимонах Виссарион (в миру Василий Яковлевич Расторгуев) родился в 1834 году в городе Воронеже. Имя его матери — Мария. Он был из мещанского сословия, и родители дали ему хорошее начальное образование, надеясь, что он поступит в гимназию и получит хорошую профессию.

Но юного Василия занимала другая мысль: он с детства мечтал посвятить свою жизнь служению Богу и искал возможности поступить в монастырь. Достоверно неизвестно, как ему удалось получить на это благословение родителей, но фактом остается то, что 18-летний юноша в 1862 году уже был на Афоне и просился в послушники в Русский Пантелеимонов монастырь. Старцы, видя его безграничную любовь к Богу и его особое рвение к монашеству, приняли его и дали послушание архондаричного.

6 марта 1864 года его уже постригли в мантию с именем Владимир. На послушании архондаричного он был еще пять лет, а после этого по благословению старцев обители началась его скитальческая жизнь по подворьям монастыря. Дело в том, что он проявил себя на послушании архондаричного очень хорошим организатором и аккуратным исполнителем, что, по всей видимости, побудило старцев послать его на подворья монастыря для лучшей организации там дел. Отец Владимир везде, куда бы его ни послали, вел дела очень тщательно, был примером для многих. Вот как характеризует его отец Владимир (Колесников): «...деловой человек и почти всю жизнь находился вне обители. Был настоятелем подворий Константинопольского, Одесского и Петербургского. Жил и в Москве. Был степенный, богомольный, говорил и делал все тихо, отстраняя себя везде и не выделяясь»¹⁷⁵.

¹⁷⁵ АРПМА. Док. № 319. С. 130.

Отец Владимир действительно был настолько скромно и кроток, что даже никогда не фотографировался. Несмотря на скромность, именно он стоял у истоков открытия монастырского подворья в Санкт-Петербурге. Именно он привел в такой порядок дела Одесского подворья, что более не требовалось вмешательства мирских лиц, что до него широко практиковалось. Он также помог встать на ноги и новому Симоно-Кананитскому монастырю на Кавказе.

О его любви к монастырю и высокой ответственности в делах обители свидетельствуют многочисленные письма из разных мест к старцам обители¹⁷⁶, где он до малейших подробностей информирует их о всех текущих делах и будущих планах.

Для наглядного показа его исполнительности и старания приведем фрагмент из письма от 14 февраля 1889 года, где он отчитывается своему духовному отцу игумену Макарию о наложенном на него старцами обители послушании передать в знак благодарности архиепископу Херсонскому и Одесскому Никандру икону Иверской Божией Матери: «Праздник Иверской Божьей Матери, — писал он, — 12 февраля праздновали торжественно. Служил Литургию высокопреосвященнейший Никандр, архиепископ Херсонский и Одесский, а с ним два архимандрита — наместник Лавры Иннокентий и казначей архимандрит Арсений, и мы — три иеромонаха. Певчие наши пели всенощное бдение и раннюю Литургию, а позднюю пели певчие хора высокопреосвященнейшего Никандра. С ним была вся его свита — два дьякона и два иподьякона. Из высоких персон присутствовали Владимир Карлович Саблер, Сергей Васильевич Керский, Лермонтов и прочие наши благодетели. Делали и приличный обед, которым Вл. Карлович остался недоволен. Советовал нам, чтобы впредь не заводить обедов, а делать одну закуску и чай, на что мы, пожалуй, будем согласны, если будет на то Ваше благословение. А теперь сделали, как Вы приказали. Все обедали с владыкой, и, кажется, все остались довольны. На другой день отвезли владыке икону Иверской Божией Матери и поднесли. Икона хорошо отделана, с серебряной рамочкой и в футляре. К ней приложили по Вашему назначению благодарность. Владыка принял и сказал, что она пойдет в благотворительное какое-либо заведение, и он предаст это огласке. А лично ему ничего не нужно. Но это уже как он сам хочет. Слава Богу, что все смогли исполнить так, как Вы желали»¹⁷⁷.

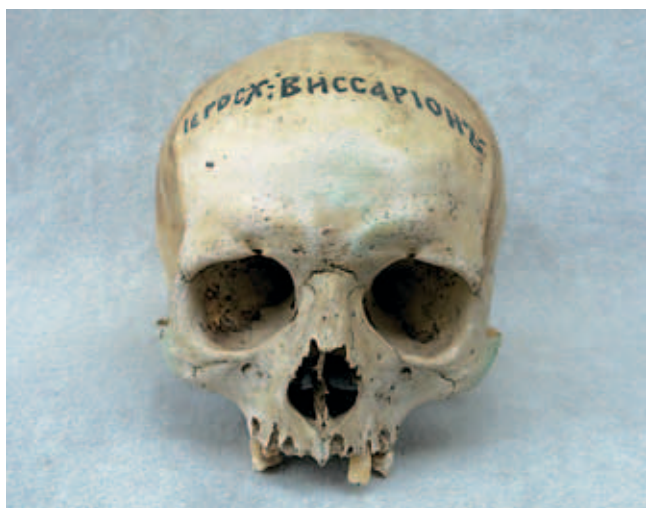
Если учесть, что вышеназванный Владимир Карлович Саблер — это не кто иной, как обер-прокурор Святейшего Синода, т. е. самый высокий начальник иеромонаха Виссариона, то случай с обедом хорошо показывает, как он был нацелен на точное исполнение указаний своего игумена. Кто-нибудь может возразить, что исполнительность — это мирская добродетель и более украшает деловых людей, чем оставив-

¹⁷⁶ АРПМА. Док.: № 699; № 861; № 1023; № 1147; № 1383; № 1433; № 1509.

¹⁷⁷ АРПМА. Док. № 699. С. 21.

ших все мирское монахов. Но если вникнуть глубже, дело представится совсем иначе: если даже два человека живут вместе, там уже не избежать житейских забот. А в монастыре забот по обеспечению жизнедеятельности обители не меньше, чем в любом другом человеческом сообществе. В таких условиях только беспрекословное послушание руководству монастыря и точная исполнительность могут обеспечить отдельному монаху тот духовный мир и спокойствие, которые необходимы для общения с Богом. В Руссике в определенное время одновременно жило до двух тысяч монахов! И тем монахам, которые обеспечивали жизнедеятельность этого огромного учреждения, приходилось очень нелегко. Одним из таких подвижников был отец Виссарион.

Старцы высоко ценили его преданность и трудолюбие. В 1873 году его рукоположили в иеродиакона, а затем и в иеромонаха. А в 1887 году отец Макарий постриг его в схиму с именем Виссарион. В 1889 году отец Макарий представил его одним из кандидатов на должность наместника и будущего игумена, но по жребью он не прошел. Последние 10 лет отец Виссарион жил на Афоне в монастыре так же тихо и незаметно, как вел дела обители раньше, вне ее. Он был в общежитии молчалив-



ком, всячески избегал общения и бесед. Имея к нему огромное уважение, никто и не смел нарушить его уединения с Богом.

Преставился отец Виссарион 4 декабря 1907 года. Смерть его была предельно упорядоченной и тихой. 4 декабря утром он сам ходил в алтарь приобщаться, а часов в пять вдруг почувствовал сильное колотье, о чем сказал врачу отцу Викентию, тот побежал к игумену и, возвратившись, нашел отца Виссариона уже мертвым.

Преподобный Аристоклий (Амвросиев)

Иеромонах Аристоклий (в миру Алексей Алексеевич Амвросиев) родился в 1848 году. Он был оренбургским мещанином. В 1879 году поступил в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь.

11 марта 1880 года Алексей Амвросиев принял монашеский постриг с именем Аристоклий в честь священномученика Аристоклия (память 20 июня). 2 декабря 1884 года его рукополагают в сан иеродиакона, а 12 декабря того же года — в сан иеромонаха. 12 февраля 1886 года он принимает схиму без смены имени. Все это время он исполняет послушание в иконной лавке.

В 1887 году иеросхимонах Аристоклий прибывает в Москву на послушание в часовне святого великомученика Пантелеимона. Иеромонах Аристоклий был строителем Афонского подворья в Москве, на Большой Полянке. Трехэтажное здание сохранилось до настоящего времени.

В нем заботами старца была устроена домовая церковь в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница». В этом же здании находилась келья иеросхимонаха Аристоклия, в которой он принимал посетителей. У него была огромная паства, и благодаря духовным чадам удалось сохранить ценные сведения о его праведной жизни.

В 1891–1894 годах преподобный Аристоклий был настоятелем афонской часовни в Москве, значение которой для духовного укрепления народа было чрезвычайно велико. Сюда стекалось множество православных.

Важной заботой старца были поездки со святынями Афона к больным и бедствующим людям в их дома. В 1895–1909 годах старец снова нес послушание на Святой Горе Афон. В 1895 году он был казначеем. С 1900-х годов состоял одним из духов-



ников многочисленной братии монастыря. С 1909 года по 1918 год, вплоть до своей кончины, он вновь настоятель афонской часовни в Москве.

В общей сложности на этом посту он провел 12 лет и все это время имел постоянную переписку со старцами обители. Поразительно, как скрупулезно и тщательно отчитывался он о происходящем на подворье. Он даже придумал специальный бланк, который был разделен на семь частей соответственно каждому дню недели, и вписывал в них все происшедшие в этот день события. В конце недели бланк отсылался на Афон. Таким образом, все его отчеты составляют более двух тысяч страниц.

Преподобный Аристоклий был неутомимым тружеником на поприще духовного окормления, до последних дней земной жизни служил делу спасения страждущих, немощных и обремененных разными тяготами житейских невзгод православных людей. Это был опытный старец, обладавший дарами прозорливости и чудотворения. Его евангельская жертвенная любовь притягивала души самых закоренелых грешников. От него исходила благодать, умиротворяющая дух всякого потерявшего было смысл жизни человека. В день он принимал порой не одну сотню людей. И после первой же встречи и беседы с духоносным старцем богомольцы уже не теряли связи с ним.

За жертвенную любовь к ближним, за святость жизни Господь даровал преподобному Аристоклию великую силу чудотворения. Вот лишь некоторые свидетельства очевидцев обладания им этим даром.

Однажды духовная дочь старца Аристоклия тяжело заболела, у нее были парализованы ноги. Тогда старец пришел к ней, чтобы ее навестить и утешить. Пробыв у нее некоторое время и собираясь уже уходить, он благословил ее и сказал: «Ну что же, чадушко мое любимое, мне пора уже уходить, ты не унывай, а молись и благодари Господа. Я вот пойду, и, когда буду выходить, ты подойди к окошку и помаши мне ручкой, а я помашу тебе». Духовная дочь старца смутилась и говорит ему: «Батюшка, я же не могу встать, а вы говорите: подойди и помаши». Старец улыбнулся и ответил: «Ничего-ничего, помаши».

Только старец вышел за дверь, как эта раба Божия почувствовала в ногах своих силу и встала. Она, еще сама себе не веря, подошла к окну, а в это время из дверей дома на улицу вышел батюшка и, повернувшись, помахал ей рукой, а она — ему. Все родные болящей были потрясены этим явным чудом Божиим, случившимся по молитве старца.

А вот свидетельство об исцелении слепорожденного мальчика. По совету местных врачей одна молодая женщина со слепорожденным сыном приехала в Москву. Больной сын был показан лучшим врачам, и назначен был день операции, но мать не могла окончательно на нее решиться. Проходя случайно мимо часовни великомученика Пантелеимона, она увидела множество народа. Узнав от людей о старце, о его прозорливости и даре чудотворения, она решила прийти к батюшке с сыном и все ему рассказать.

Увидев ее, батюшка стал пристально смотреть на вошедшую женщину, продолжая делать помазание маслом. Народ подходил к нему по очереди. Когда она подошла, батюшка крестообразно помазал мальчику оба глаза, а матери чело и, взглянув на нее, спросил: «У тебя муж-то кто?» — и, не получив от нее ответа, сказал: «Сам сатана!»

Женщина рассказала ему все о своей жизни. Выслушав все молча, батюшка благословил ее и сказал: «Мой совет тебе такой: операцию не делать, а все дни, которые ты здесь, в Москве, пробудешь, приходи сюда, в часовню, ежедневно с мальчиком на молебен, а на будущий год опять приезжай с сыном ко мне. А потом ты ко мне приедешь с мужем». Она не могла в это поверить.

Однако на следующий год она опять приехала к батюшке одна с сыном, как он ей и сказал. Женщина рассказывала, что как сказал отец Аристоклий, так все буквально исполнилось. Прожила она в Москве несколько месяцев и ежедневно приходила в часовню на молебен, а батюшка каждый раз делал крестообразно помазание глаз мальчику. Перед ее отъездом домой батюшка помазал глаза мальчику и, благословив его, сказал: «Господь знает, кому что нужно».

И вот эта женщина приехала к нему с мужем и мальчиком, не слепым, но уже с открытыми голубыми глазами. А когда ее мужа подводили к батюшке несколько мужчин, он подпрыгивал так высоко и с криком падал на пол, так что было страшно на него смотреть. Если бы не молитва батюшки, то он, наверное, не остался бы в живых. Последний раз подпрыгнув, он упал и лежал как мертвый. Долго не приходил он в чувство, но потом вскочил, бросился к батюшке в ноги и зарыдал.

Женщина рассказывала о чудном прозрении сына так. «Рано утром я, как всегда, читала акафист иконе Божией Матери «Скоропослушница», а затем стала читать акафист великомученику Пантелеимону и вдруг слышу: «Мама, мама, подойди ко мне скорее!» Бегу к сыну, и что же! Мальчик-то мой сидит на кроватке, а глазки-то открыты, и смотрит на меня и говорит: «Мама, я тебя вижу, мам, я вижу тебя!» И вот мы все вместе приехали к вам».

О даре прозорливости преподобного мы также узнаём из великого множества сообщений, которые были тщательно записаны.

Преподобный Аристоклий блаженно скончался 24 августа (6 сентября) 1918 года в своей келье на Полянке. Последний раз обратив свой молитвенный взор на горячо чтимую им икону «Скоропослушницы», он трижды истово перекрестился большим крестом и тихо предал свою душу в руке Божии.

Тело праведника было погребено под сенью его детища — храма во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница», в подвальном помещении. Однако в 1923 году, чтобы уберечь могилу от поругания, гроб с телом старца, как об этом предсказывал в свое время сам праведник, был перенесен на Даниловское кладбище.



После кончины святого старца Аристоклия чудеса не прекращаются до сих пор. В 2001 году Синодальная комиссия по канонизации святых Русской Православной Церкви, изучив поступившие материалы о старце иеросхимонахе Аристоклии, приняла решение, что нет препятствий для прославления иеросхимонаха Аристоклия в лике преподобных как местночтимого святого Московской епархии.

В 2004 году милостью Божией, молитвами старца были обретены его мощи, а вскоре состоялось дело прославления.

24 августа (6 сентября) в Успенском соборе Московского Кремля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II зачитал «Определение о канонизации в лике местночтимых святых преподобного Аристоклия Афонского, старца московского».

Тихон (фон Рамбах)

Схиеродиакон Тихон (в миру Константин Константинович фон Рамбах) родился 13 апреля 1853 года в Москве. Нам ничего не известно о его жизни до поступления в монастырь, кроме того, что он был домашним учителем-гувернером, а его брат Николай Константинович фон Рамбах был доктором и служил при императорском дворе. Впоследствии именно он сопровождал наследнику престола и будущему императору Николаю II во время его путешествия по свету¹⁷⁸.

В 1882 году в 29-летнем возрасте Константин прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где 12 августа того же года был пострижен в рясофор, через год, 8 сентября 1883 года, — в мантию, а еще через три года, 5 марта 1886 года, — в схиму. В этом же году, 14 июня, он был рукоположен во иеродиакона.

¹⁷⁸ АРПМА. Док. № 3909.

Отец Тихон с самого начала заслужил доверие и любовь старцев. Он стал личным секретарем игумена Макария, долгое время руководил канцелярией обители, где все дела вел с предельной аккуратностью. Но любили его не только за его деловые качества, а в первую очередь за его высокую духовную жизнь.

Очень скупой в оценках своих собратьев отец Флегонт (Лебедев) характеризует его следующим образом: «Был великим подвижником»¹⁷⁹. И отец Владимир (Колесников), подтверждая его слова, говорил о нем так: «Подвижник замечательный и хороший, секретарь покойного игумена отца Макария, подвижался необыкновенно... несомненно, что он получит милость у Бога»¹⁸⁰.

Отец Тихон в своем письме духовному отцу игумену Макарию писал: «Как желательно, как дорого, какой источник всякой отрады, всякого полезного вразумления и мира душевного то, чтобы в Господе ум и сердце хранить. Краткое время — и то как оживляет. А если бы неотступно помнить и это единение хранить, это воистину жизни вечной предвкушение и мир, которого никто и нарушить, кажется, не мог бы. И вот сего никак не приобрету, никак не сохраню. Вот горе-то, батюшка!»¹⁸¹

Но очевидно, что по молитвам своего старца он впоследствии получил от Господа дар непрестанной молитвы: «Все делание мое, — писал он впоследствии в своем дневнике, — все внимание и тщание, и долг, и звание сие есть: неотступно взывать, непрестанно обращать и память, и чувство ко Господу и Его благодати»¹⁸².

Человеческий ум сам по себе не может остановиться на одном предмете, только любящее сердце может заставить его обратить внимание на объект любви. Поэтому если мы хотим с Божией помощью приобрести навык постоянной памяти о Боге, то в первую очередь должны учиться любить. Наша цель — Бог, любовь, и средство наше тоже



¹⁷⁹ АРПМА. Док. № 242. С. 189.

¹⁸⁰ АРПМА. Док. № 299. С. 14.

¹⁸¹ АРПМА. Док. № 3909. С. 9.

¹⁸² АРПМА. Док. № 3909. С. 66.

любовь. «*Азъ ёсмь ѱлфа и омега...*» (Апок. 1, 8), – сказал нам Господь, чем дал нам ясно понять, что мы без Него не можем ничего. Он Средство, и Он Цель. «Принадлежать Господу, искать Его, жить в Нем, ходить перед Ним, — пишет отец Тихон, — против сего есть поущение рассеяния и суетного скитания и пребывания вне Господа, вне научения в Нем и взыскания Его. Против этого единственное усилие — постоянное рассуждение о Господе. Это рассуждение заключает в себе молитву Господу, чтение о Господе, работу с именем Господа, творение добра от имени Господа. Такое рассуждение вместе с искренним покаянием есть вернейший залог единения с Господом»¹⁸³. Дай Бог нам силу творить любовь, чтобы непрестанно быть с Богом!

За духовное руководство отец Тихон был безгранично благодарен своему духовному отцу — игумену Макарию. Он писал: «Как мне отрадны, как оживили меня духовно и малые, и короткие с Вами, батюшка, беседы лицом к лицу. Как желал бы подольше с Вами беседой насладиться, как сердце мое от этого оживляется. Долго я вслед вам смотрел, как бы хотел уцепиться за вашу рясу, да нечего делать, пришлось смириться. Превеликое благодеяние Ваше и великую духовную милость Вашу не знаю как мне и ценить»¹⁸⁴. Нет сомнения, что именно тесное духовное сотрудничество духовника и ученика стало основой для возрождения ищущей единения с Богом души.

Преставился отец Тихон 15 января 1898 года.

Схимонах Израиль (Мерзликин)

Схимонах Израиль¹⁸⁵ (в миру Яков Иовлевич Мерзликин) родился в крестьянской семье в 1812 году в одном из сел Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Ему было 20 лет, когда он в качестве паломника отправился в Саров, к знаменитому подвижнику преподобному Серафиму. Он хотел посоветоваться с великим старцем о своем намерении стать монахом.

Прозорливый старец принял его ласково и на вопрос Якова о том, есть ли воля Божия стать ему монахом, ответил: «Монахом станешь, когда научишься любить!» Тогда Яков спросил: «Когда это будет?» Старец уклончиво ответил: «Молись, и Божия Матерь подскажет».

Огорченный таким неопределенным ответом, Яков пошел обратно домой. Дорога его лежала через дремучие тамбовские леса. И хотя он здесь был своим человеком, но,

¹⁸³ АРПМА. Док. № 3909. С. 145.

¹⁸⁴ АРПМА. Док. № 3909. С. 9.

¹⁸⁵ Жизнеописание составлено по материалам АРПМА: см. Док. № 1. С. 87; № 11. С. 65.

погрузившись в свои думы, не заметил, как заблудился. Ночевать в лесу было опасно. Тогда он, уже отчаявшись найти дорогу, хотел было залезть на какое-нибудь дерево и там переночевать, как вдруг среди деревьев увидел маленькую избу, похожую на монашескую отшельническую келлию. Он добрался до келлии, постучался, дверь почти сразу отворилась, и в ней показалась монахиня. Она пригласила гостя в свою келью, усадила, помыла ему ноги, накормила и указала угол для ночлега.

В крайнем изумлении Яков не мог выговорить ни слова, только заметил, что у монахини-отшельницы необычайно светилось лицо, да так, что его охватило глубочайшее благоговение к ней. Утомленный Яков быстро заснул, а утром, когда проснулся, то обнаружил, что он лежит под огромным дубом, ни избы-келлии, ни монахини не было. Он понял, что ему явилась Божия Матерь и что Она благословила ему в этом пустынном месте построить странноприимный дом для идущих в Саров паломников.

Голыми руками, без каких-либо на то средств Яков приступил к осуществлению своего замысла. Работа продвигалась на удивление быстро. Через два года был готов не только дом, но была построена и маленькая часовня в честь Покрова Божией Матери. Все, к кому бы он ни обращался, с радостью помогали ему в этом деле.

И вот, с самого момента завершения строительства, в течение последующих 40 лет в этом странноприимном доме Яков принимал для ночлега паломников, и как ему однажды услужила Богородица (омыла ноги и накормила), так и он прислуживал каждому, кто бы ни приходил к нему, невзирая на его происхождение и возраст.

О его гостеприимстве и любвеобилии все в округе говорили с нескрываемым восхищением. Однако своего первоначального намерения стать монахом он никогда не забывал. Но насыщенная заботами о других жизнь заставляла его откладывать на неопределенное время осуществление сей цели.

После такого 40-летнего служения людям, в одну прекрасную ночь в тонком сне ему опять явилась Божия Матерь, но теперь уже в игуменском одеянии в тени какой-то дивной горы и сказала ему: «Теперь пора тебе облечься в ангельский образ и служить Моим сугубым подопечным». Проснувшись, Яков побежал к своему духовному отцу и, рассказав ему свой сон, получил следующее объяснение: «Пора, видно, идти тебе на Афон, — говорил духовник, — в удел Божией Матери и там облечься в ангельский образ».

Яков Иовлевич прибыл на Афон в 1871 году и поступил в Руссик. Старец



Макарий, выслушав его исповедь, определил его на Троицкую келлию работать в винограднике, а после четырех лет искуса постриг его в схиму с именем Израиль. После пострига до самого конца своего жизненного пути он проходил послушание на Старом Руссике архондаричным в ночлежном домике, который обслуживал множество сиромашов, живших вокруг Руссика в лесах. Прежний опыт любвеобильного приема паломников ему тут очень пригодился, и он с необычайным рвением приступил к выполнению этого послушания. На протяжении 25 лет отец Израиль был почти единственным утешением для сотни сиромашов, за что и они его любили и почитали. Вот что пишет о нем отец Владимир (Колесников): «Был старец очень простосердечный, добрый и милостивый к сиромашам-ночлежникам»¹⁸⁶.

Отца Израиля лично знал и преподобный Силуан Афонский. В своих записках он пишет: «Там же [на Старом Руссике] был отец Израиль. Он видел Божию Матерь. Был очень стар, а когда жил еще в России, то ходил к преподобному Серафиму Саровскому и видел его живым еще. Жил отец Израиль в том самом домике, где теперь кипера (огороды). Там была трава, и мы ее косили. Однажды пошел я к нему. Он сидел на лавочке под зеленым дубом. Росту он был высокого, сам сухой, сидит, четки в руках. Я был молодой монах, подошел к нему, низко с благоговением поклонился и говорю: «Благослови, отче». А он ласково сказал: «Бог тебя благословит, чадо Христово». Я и говорю ему: «Батюшка, вот вы один. Хорошо вам здесь умной молитвой заниматься». А он отвечает: «Молитва дура не бывает, а вот мы-то дураки». Мне стало стыдно, и я не посмел его более беспокоить, но и смысла его слов не понял. После уже понял я, что «мы-то дураки», потому что жить, как должно, и работать Богу не умеем»¹⁸⁷. Конечно, преподобный Силуан не имел в виду отца Израиля, который точно умел поработать Господу. Преставился отец Израиль 29 декабря 1900 года.

¹⁸⁶ АРПМА. Док. № 304. С. 194.

¹⁸⁷ Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 390.

Монах Ирине́й (Канатников)

Монах Ирине́й (в миру Иван Ефимович Канатников) родился в 1850 году в крестьянской семье села Трофимовка Макарьевского уезда Нижегородской губернии. В юности он жил и учился в городе Васильсурске, у своей бабушки — вдовы, которая служила в городском доме барина и пользовалась полным доверием и уважением последнего. Мальчик был очень способным и начальное училище закончил с отличием, но поступить в гимназию родители ему не разрешили. Они желали, чтобы он поскорее приступил к изучению торгового дела, и отдали его знакомому купцу в ученики. Здесь Ивана сильно угнетала окружающая его атмосфера: торговля, лавка, вечная суета...

Мальчик очень сожалел, что не имел возможности продолжить свое образование, но самостоятельные занятия не оставил. Очень любил читать. Вот что писал 15-летний Иван в своем дневнике: «В пользу или во вред так сильно развилась во мне страсть к чтению, она похожа на бурный поток, который я не в силах остановить. Прямо дрожу, когда увижу хорошую книгу или даже худую. Из-за книг я даже решаюсь на предосудительные поступки, опасаясь, чтобы не погибнуть из-за них. В чем причина такой чрезмерной страсти к чтению? Как я полагаю, недостаток книг. Голод усиливается тогда, когда не хватает пищи... Однажды я прочитал, что нужно читать с разбором, а читающего без разбора человека можно сравнить с собакой, которая ест все, что ей бросают. Как уменьшить эту страсть? Опять просить Господа, который может сделать все, что не просим? Без Него я погибну душой и телом»¹⁸⁸.

Но только одно чтение не удовлетворяло живой ум и горячее сердце юноши. Он явно чувствовал какую-то неполноценность в прочитанном, какую-то недосказанность. Его душа стремилась к совершенному, идеальному, абсолютному. И он был уверен, что найдет то, что искал. И он нашел Его, Господа и Создателя. Нашел он Его не в книгах, а в своем сердце.

«Ах, если бы мне навсегда не раскрывать своих глаз и поступать осмотрительно! — пишет 15-летний Иван. — На Тебя надежда, мой Создатель. Ты один можешь спасти меня. Открой мои глаза видеть и познавать руку Твою. Дай мне уразуметь, что из несчастий Ты делаешь счастье человека. Ты один, Всещедрый, истинно любишь и желаешь добра человеку»¹⁸⁹.

¹⁸⁸ АРПМА. Док. № 464. С. 7.

¹⁸⁹ АРПМА. Док. № 464. С. 11.



Бабушка, видя нерасположенность Ивана к торговому делу, выхлопотала через барина, чтобы Ивана определили помощником писаря в канцелярию местной городской думы, так как он умел грамотно писать. Но и здесь его душа продолжала тосковать о Боге. Только в церкви он находил утешение, только во время богослужения он забывал о своей монотонной и суетной жизни, и в нем постепенно крепла мысль, что надо бросить все и навсегда всего себя отдать служению Церкви. Он понял, что в мире ему невозможно освободиться от страстей.

15 января 1868 года, как раз перед поступлением в монастырь, он записал: «Смешно смотреть, если немой хочет многословить, немощный показывает себя сильным, низкий — высоким. Мои поступки смешны и безумны. Ужасно страдает душа! Никогда, кажется, не была она так худа и изранена. Посмотри на себя: чем ты гордишься? Что в тебе есть хорошего, кроме бесчисленных пороков? А ты гордишься,

тщеславишься. И вместо того, чтобы благодарить Господа за такую милость, что Он Сам отнимает повод ко многим грехам, ты стараешься быть многоречивым, даже злоречивым. Какого достойно это наказания? Не льсти себе, что ты лучше других, не верь своему заклятому врагу, ты идешь по пути гибельному»¹⁹⁰. После такого заключения Иван нашел в себе мужество и в 1868 году, когда ему было только лишь 18 лет, навсегда оставил мир.

Начало монашества Иван положил в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры, где в 1871 году был пострижен в рясофор с именем Ириней. В Лавре тогда жили монахи, побывавшие на Афоне. Их рассказы об уделе Божией Матери глубоко запали в душу отца Ириней, и он стал помышлять отправиться на Святую Гору и там продолжить свою монашескую жизнь.

Наконец ему представилась такая возможность, и он отправился в желанное путешествие. Отец Ириней прибыл на Афон 6 марта 1874 года и сразу стал просить-

¹⁹⁰ АРПМА. Док. № 464.

ся в Русский Пантелеимонов монастырь. Старцы, видя его искреннее намерение послужить Богу и людям, приняли его. Здесь 24 марта 1876 года он был пострижен в мантию. Послушание проходил в канцелярии. Все время был писарем так называемой верхней канцелярии, которая занималась перепиской с благотворителями и жертвователями. Обитель многим обязана ему за труды по письменной части при общении с благодетелями. Он



даже завел специальные для каждого российского города книги, где регистрировал письма каждого жертвователя монастыря. Так постепенно собралась важная информация обо всех жертвователях. Благодаря его трудам мы, современные насельники, и через сто с лишним лет имеем возможность получить информацию о наших давно почивших благотворителях и обратиться к Богу наши немощные молитвы за них.

Отец Ириней был примерным монахом, очень любил церковные службы и почти всегда от умиления плакал во время церковного пения. Он постоянно смирял себя перед людьми, считал себя самым последним грешником и постоянно старался уничтожить себя. «Что касается до стихов, о которых прежде я писал, — пишет он отцу Агафодору (Буданову), — то они, быть может, и в самом деле замечательны, но я-то столько же понимаю в них толку, сколько известное животное — в апельсинах»¹⁹¹.

Преставился отец Ириней 15 января 1898 года.

¹⁹¹ АРПМА. Док. № 1768. С. 2.

Схимонах Мелетий (Котельницкий)

Схимонах Мелетий¹⁹² (в миру Василий Николаевич Котельницкий) родился в 1826 году в Вяземском уезде Смоленской губернии, в семье дворянина. Первоначальное образование получил дома, для него были приглашены гувернеры. А с 14-ти лет учился в военном училище. Любовь к Богу в его сердце посеяла мать. Она боялась, что ее сын, определенный на военную службу, станет грубым солдафоном, и поэтому все время пыталась воспитывать его в духе Священного Писания, постоянно водила его на церковные богослужения. Труды ее не оказались напрасными. В сердце юного Василия стало возрастать удивительное, чудное чувство — благоговение перед любимым Создателем, которое он до самого своего смертного часа лелеял и приумножал.

По окончании курса наук Василий был направлен в Бутырский пехотный полк, но имел твердое намерение, отслужив предписанное законом время, уволиться из армии и поступить в монастырь. Началась Крымская война. Здесь Василий особенно мужественно проявил себя во время обороны Севастополя, был тяжело ранен, но выжил и за храбрость был награжден орденами святого Георгия Победоносца и святой Анны.

После войны с ним произошел случай, который изменил все его планы. В 1859 году, когда он имел уже чин капитана, его полк был расквартирован в городе Корсуне Симбирской губернии. Здесь в свободное от служебных обязанностей время он посещал семейство помещика, потомственного дворянина Василия Александровича Сабина, происходившего из древнего татарского рода владетельного казанского князя Сабана. Имение В. А. Сабина, село Зимненки, было расположено недалеко от г. Корсуня, поэтому Василий Николаевич часто бывал в доме Сабининых и близко познакомился с его семейством, которое отличалось исключительной набожностью.

Однажды вечером по какому-то случаю в доме Сабина собралось много гостей из родных и почетных граждан. Был приглашен и Василий Николаевич. В тот вечер, когда все гости и хозяйка развеселились, Василий Николаевич остался наедине с дочерью Сабининых Надеждой, с которой беседовал о вере и о Боге. Надежда была больна какой-то неизлечимой болезнью и впала в отчаяние от этого, жаловалась Василию Николаевичу на свою судьбу, недоумевала, за что ее так наказал Господь, что она из-за болезни даже матерью никогда не сможет стать. Василий Николаевич

¹⁹² Жизнеописание составлено по архивным документам: АРПМА. Док.: № 51. С. 75; № 315. С. 49; № 518. С. 786.

убеждал ее, что болезни посылаются нам любящим Отцом только для того, чтобы мы в трудных жизненных обстоятельствах учились любить, а Господь единственный знает, какие условия для нас самые подходящие для этого.

Но в отчаянии девушка не хотела и слышать его объяснений. В этот момент преисполненный чувством истинного христианского сострадания Василий Николаевич сделал Надежде предложение. Она хоть и поняла, что он пожалел ее, но все-таки заявила о своем согласии вступить в брак, чему все гости, а особенно родители были чрезвычайно рады. Тогда же в присутствии всех гостей родители Надежды благословили молодых иконой Божией Матери Казанской, которая считалась семейной реликвией и была унаследована и благоговейно почитаема Сабаниным и его предками со времен владетельного татарского казанского князя Сабана, современника царя Иоанна Васильевича Грозного.

Семейное предание о происхождении иконы гласило, что казанский князь Сабан противостоял царю Ивану Грозному и не уступал ему города Казани, за что был наказан Богом — ослеп. Никто не помнил, сколько времени он страдал слепотой, но достоверно известно о его исцелении. Произошло оно так: ослепленному Сабану было видение, во сне ему явилась икона Божией Матери Казанской, от которой был голос: «Если примешь христианскую веру и крестишься, я исцелю тебя». Князь тут же дал обещание принять христианскую веру и сразу после произнесения обета получил исцеление, стал видеть, как и прежде. Немедленно он принял святое крещение.

По принятии крещения Сабан пожелал иметь в своем доме икону Божией Матери, которая ему явилась и от которой он слышал голос. Увиденная им икона была чудотворной Казанской и находилась в женском монастыре города Казани. С нее была сделана точная копия, которая называлась аналойной. Уже после покорения Казани Сабан обратился к царю Иоанну Грозному и просил у него разрешения взять эту икону к себе в дом. Царь позволил Сабану обрести икону.

Эта святая икона и переходила по наследству от Сабана из рода в род. Так дошла она до Василия Александровича, которым дана была как благословение новобрачным Василию и Надежде. Вскоре они были обвенчаны и жили мирно супружеской жизнью. При них неразлучно находилась и святая икона. Из-за болезни Надежды детей у них не было.

Впоследствии, когда Бутырский полк переводился в другие места и по долгу службы Василий Николаевич везде находился при нем, то с ним переезжала и жена его, а при них и святая икона следовала за полком. Наступил 1877 год. Началась русско-турецкая война. По распоряжению начальства Василий Николаевич, уже в чине подполковника, был назначен начальником 7-го Петербургского госпиталя, который был направлен на место военных действий в Турцию. Жена его поехала с ним в качестве сестры милосердия.



По прибытии в Турцию госпиталь был развернут близ Плевны. Василий Николаевич и Надежда усердно выполняли свои обязанности, самоотверженно ухаживая за страдающими ранеными воинами, при этом показывая истинно христианские любовь и милосердие. Святая же икона, неразлучная их спутница, была установлена в особой палате, где перед ней неугасимо горела лампада. Все военнотружущие благоговейно чтили Пречистый образ Владычицы и усердно молились Царице Небесной, вручая Ей свою жизнь, просили Ее милостивого заступления и помощи.

Молитвы воинов не остались тщетными. Владычица мира не посрамила их упования и явила им Свое материнское милосердие, благодатное заступление и помощь. Башибузуки, известные своими зверствами, не один раз покушались истребить госпиталь и всех раненых в нем. Но им никак не удавалось осуществить свои замыслы. Сколько бы раз они не нападали, всегда были поражаемы какой-то необъяснимой силой. Попадавшие в плен к русским воинам башибузуки рассказывали, что видели, как госпиталь во время их нападений был окружен огненным светом, от которого они слепли и приходили в замешательство, отступая назад. Русские же, слыша такие рассказы, еще усерднее молились Царице Небесной пред Ее Пречистым образом и со слезами благодарили Владычицу за Ее покровительство, помощь и заступление.

После взятия Плевны в войсках стал свирепствовать тиф, от которого многие умирали. Заразилась тифом и сестра милосердия Надежда, жена и сотрудница Василия Николаевича. В предсмертный час, пребывая в полном сознании, Надежда обратила свой страдающий взор на святую икону Божией Матери Казанской, просила у Царицы Небесной милостивого заступления и заступничества за ее душу пред Господом при приближающемся исходе жизни. С детской верой обращалась она в молитве к Божией Матери, вручая всю себя Ее материнскому покровительству. Молилась она о себе и о муже Василии, который находился в это время при ней. Умирая, просила Матерь Божию быть свидетельницей ее предсмертного завещания. Обратившись к своему мужу, слабым голосом сказала ему: «Василий! По окончании войны не связывай себя узами второго брака, но исполни свой обет, данный Богу, и вступи в монашество». Сказав это, она мирно скончалась.

Война закончилась. Василий Николаевич, возвратившись в Петербург, немедленно сдал свои дела, уволился со службы, подав прошение об отставке, которую он вскоре и получил вместе с полным пенсионом, положенным ему по чину, даже несмотря на то, что его намерение поступить в монастырь вызвало негодование всех начальствующих.

Освободившись от служебных обязанностей, он вспоминал о времени минувших молодых лет, со всеми поворотами, происходящими в его жизни, при которых незаметным образом все ближе подвигался к исполнению своего заветного желания вступить в монашество.

С особенным чувством благоговения и благодарности молился он перед святой иконой Божией Матери, вспоминая свое первоначальное предложение о браке болезнующей Надежде, которое он сделал как будто необдуманно, опрометчиво. И действительно, следовало бы удивляться его предложению. Ведь он знал, что Надежда больна, и, несмотря на это, откуда-то появилась мысль соединиться с ней узами брака. Теперь же он благодарил Господа и Его Пречистую Матерь за то, что помог Надежде обрести новую жизнь в уповании на Господа. И самому ему было это полезно, так как, приобретя чудного друга и спутника жизни, он предохранил себя и свою душу от гибели, которая ему грозила от развратной жизни, которую по большей части вели в то время военные люди.

Дивны и непостижимы дела Твои, Господи! Под прикрытием брака он провел большую часть жизни мирно, и теперь, на закате дней своих, он свободен, и путь к иноческой жизни открыт. Слава Богу за все! По окончании своих служебных обязанностей ему оставалось одно — исполнить задуманное, поступить в какой-либо монастырь в Петербурге. Это советовал ему сделать сам преосвященный митрополит Исидор, с которым Василий Николаевич был лично знаком. Но дух его не был расположен к местным обителям, и на предложение митрополита он не согласился.

По указанию известного старца иеромонаха Феодосия, подвижника Юрьевского монастыря Новгородской губернии, он отправился на Гору Афон, взяв с собой икону Божией Матери Казанской. Прибыв благополучно на Афон, он остановился в Свято-Андреевском скиту, где был принят в число братства. В 1882 году с величайшего соизволения и по благословию архимандрита Феодорита Василий Николаевич был удостоен пострижения в ангельский чин (в мантию) с именем Мина.

Несколько лет прожил отец Мина в Андреевском скиту, но затем заболел тифом. Его отправили в Константинополь на излечение. Святая же икона осталась на Афоне. По прибытии в Константинополь отец Мина был помещен в русскую Николаевскую больницу. Однако практика и способы лечения, которые применили тамошние доктора, не действовали на его серьезную болезнь. По свидетельству докторов ему оставалось жить уже совсем немного. Даже час его смерти был назначен.

Слабые и болезненные его чувства уже созерцали приближающуюся кончину, силы все более и более слабели, наступила предсмертная агония, не часы, а, может быть, минуты разделяли его жизнь от смерти. Молиться он не мог, но, чувствуя приближение смерти, к которой он не был готов, воздыхал и просил Матерь Божию дать ему хотя бы малое время на покаяние.

В предсмертной агонии по ходатайству Владычицы мира ему была оказана милость Божия. Напротив своей постели на стене он увидел икону Божией Матери — Пречистый образ, который был явлен ему в таком виде: Матерь Божия была изображена

сидящей, во всем блеске царского величия и славы. На Пречистой главе Богородицы была царская корона, украшенная и сияющая бриллиантами. Богомладенец Иисус Христос сидел на коленях у Пречистой Своей Матери с левой стороны, поддерживаемый полусогнутой рукой Владычицы. В правой руке Матерь Божия держала земной шар (знак самодержавия и власти). Богомладенец Христос в Своей правой руке держал царский скипетр, а левой рукой с указательным пальцем, приподнятым вверх, символически выражал Свою Божественную волю даровать нам небесные блага и, указывая вверх, как бы говорил: «Покайтесь! И ищите Царствия Божия!»

Всматриваясь в этот Пречистый образ, отец Мина как будто забыл о наступающем смертном часе. В это время он заметил перемену в явленном ему образе: в левой руке Божией Матери вместо земного шара он увидел потир (чашу), в которую Пречистая Владычица опустила Свою правую руку и, омочив персты кровью, провела по верху одежды на Своей Пречистой груди. В ответ на его немой вопрос: «Как спастись?» — она большими буквами написала слово «сердце». Затем, обратившись к нему, с неизъяснимой материнской любовью вслух произнесла: «Дается тебе срок на покаяние, а икону Мою отдай туда, куда Я укажу». После этих слов видение прекратилось, и он почувствовал себя исцеленным, немедленно встал с постели и объявил всем, что здоров.

Своим выздоровлением отец Мина привел в ужас всех служащих больницы, особенно докторов. Кто из них верил в Бога, прославлял Его вместе с ним. Благодарили и Царицу Небесную за дарованное по Ее предстательству чудесное исцеление. Вскоре после этого отец Мина выехал из Константинополя на Афон, но не в Андреевский скит, а в Русский Пантелеимонов монастырь, где по милости Божией и благословению Царицы Небесной нашел окончательное свое убежище.

Через посредство русского посла в Константинополе господина Нелидова и по его просьбе он получил благословение игумена Андрея (Веревкина) на жительство в Новой Фиваиде, куда и пожертвовал святую икону Божией Матери Казанской в церковь святых преподобных афонских в утешение свое и братства Фиваиды. Виденную же им в Константинополе на стене госпиталя икону Божией Матери ему написал почтенный иеромонах Уриил (Буданов), брат отца Агафодора (Буданова). Отец Уриил, как опытный иконописец, сразу понял, что увиденная отцом Миной икона была похожа на ту, которая в то время находилась в Москве, в храме Христа Спасителя. Эта святая икона именуется «Путеводительница».

18 марта 1898 года отца Мину постригли в схиму с именем Мелетий. Благодарный Богу за все благодеяния, оказанные ему в продолжение всей его жизни, отец Мелетий всеми силами старался быть примерным монахом и подвижником. Он с солдатской дисциплинированностью исполнял все монашеские правила, очень любил церковные богослужения.

Вот что пишет 70-летний отец Мелетий духовнику отцу Андрею (Веревкину), поздравляя его с Рождеством Христовым: «Вот все радуются и веселятся, я же, окаянный, пребываю не исцеленным в грехах, не исполняя своего канона схимонашеского иногда по болезни и немощам, а более по своей лености. Умоляю Вас, отче святой со слезами, Вашими святыми молитвами помочь мне избавиться от обычной лености, да совершу начало спасения моего без пощады окаянного тела моего и нерадивой души моей, пребывающей в усыплении. Истинно верую, что если Вы поможете своими любвеобильными молитвами ко Господу, то смогу без сожаления вступить на узкий и тернистый путь, предложенный всем желающим спасения Самим Господом нашим Иисусом Христом за ходатайство Пречистой Матери Его»¹⁹³.

И это пишет старец, тело которого носило на себе следы многочисленных военных ранений! В другом письме он вынужден признаться, что причина его лености — его военное прошлое: «Раны мои открылись, как и всегда, но в этом году гораздо чувствительнее, и не позволяют выходить на свежий воздух, и при движении усиливают кровотечение»¹⁹⁴.

Вся братия любила отца Мелетия. Он был ко всем очень вежлив, со всеми любезен, в беседе назидателен. Он и материально помогал монастырю. Свою военную пенсию 350 рублей, которую получал до конца жизни, всю отдавал обители.

Отец Мелетий при приближении конца земного пути завещал следующее: «Святая икона «Путеводительница», написанная для меня, да будет при мне до смерти в утешение и напоминание о сроке, данном мне на покаяние. После смерти



же и эта святая икона должна перейти в пользу обители в ту же церковь преподобных афонских».

Преставился отец Мелетий 26 сентября 1905 года. 25 сентября в начале бдения ему стало плохо, и во втором часу на 26 сентября он отошел ко Господу. Умер тихо, безмятежно и болел-то всего перед смертью неделю. Погребли его 26 сентября, после вечерни, соборно, в присутствии всей фиваидской братии.

¹⁹³ АРПМА. Док. № 1304. С. 4.

¹⁹⁴ Там же. С. 9.

Схиархимандрит Иоасаф (Донсков)

Схиархимандрит Иоасаф (в миру Яков Петрович Донсков) родился в 1816 году в семье казака города Уральска Оренбургской губернии. Яков не пошел по пути своего отца и не стал военным, а поступил в духовную семинарию, после окончания которой стал сельским священником. После смерти жены он поступил в уральский Николаевский мужской монастырь, где был пострижен в мантию с именем Иоанникий. Впоследствии он стал настоятелем этого монастыря и почти 20 лет руководил им. В возрасте 62 лет отец Иоанникий оставил свой игуменский пост и, передав его своему ученику, решил остаток жизни провести на Святой Горе Афон.

В 1878 году отец Иоанникий прибыл на Афон, где отцы Пантелеимонова монастыря с радостью приняли известного тогда по всей России опытного старца в число братии. 29 марта 1879 года отец Иоанникий был пострижен в схиму с именем Иоасаф. Старцы монастыря дали ему самое трудное послушание — быть духовником в Старом Руссике, который славился по всему Афону строгостью монашеского устава. Братия Старого Руссика с большим энтузиазмом приняла нового духовника, искусного во всех делах духовной жизни.

В 1882 году старцы обители попросили отца Иоасафа поехать на Новый Афон для духовного окормления тамошнего братства, на что смиренный послушник безропотно согласился, хотя его душа оставалась на Афоне. То, как он заботился о благополучии и повышении статуса Симоно-Кананитской обители, хорошо видно из его письма, отправленного в апреле 1884 года к отцу Макарию. Вот что он пишет: «Спешу уведомить Вас о радостном для нас событии. Наш отец игумен (иеромонах Иерон (Носов) по моему ходатайству награжден наперсным крестом... Для пользы нашей юной обители я нахожу нужным дать отцу Иерону митру по примеру того, как в Михайловской пустыни настоятель имеет ее. Поэтому прошу Вас, не благословите ли мне вновь об этом ходатайствовать, но чтобы отец Иерон не знал»¹⁹⁵.

Через три года, в 1885 году, по благословению отца Макария отца Иоасафа направили для духовной помощи подворью монастыря в Константинополь. О его глубоко смиренном свидетельствует письмо от 20 декабря 1885 года: «Прибыл благополучно в Константинополь и принял послушание духовника служащей братии и приезжающих на подворье паломников вверенной вам обители, которое я благода-

¹⁹⁵ АРПМА. Док. № 112. С. 19.



тью Божьей и Вашими святыми молитвами по силе возможности моей постараюсь исполнять. Чтобы исповедоваться самому, как требует того священный долг, я предложил духовнику отцу Протасию исповедоваться у него. Но он отказался, ссылаясь на то, что не имеет от батюшки игумена благословения. Вследствие этого я прошу Ваше преподобие, предложить отцу Протасию меня исповедовать»¹⁹⁶.

Любовь отца Иоасафа к собратьям и здесь проявилась всесторонне. Он как на Новом Афоне тайно заботился об отце Иероне, так и здесь старался во всем помочь отцу Паисию (Балабанову). Вот отрывок из его письма к отцу Макарию: «Я полагал бы, батюшка, для пользы святой обители отца Паисия рукоположить в иеромонахи. Пусть он занимался бы одной исповедью, этим он не уступил бы отцу Ионе Киевскому. Поэтому осмеливаюсь Вас, батюшка,

просить отца Паисия рукоположить в иеромонаха, в этом вы не будете раскаиваться».¹⁹⁷

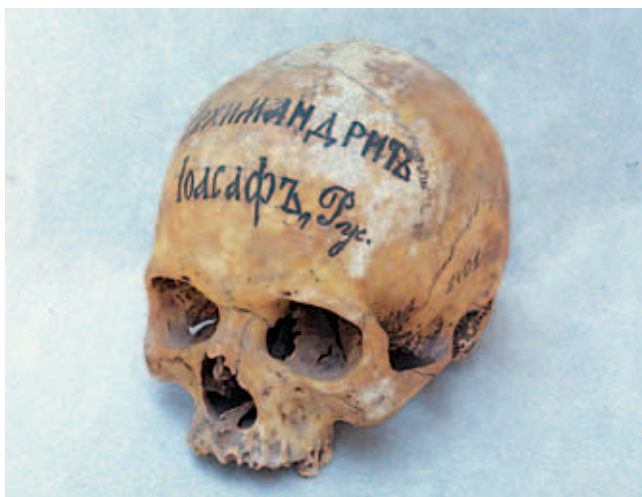
После отъезда отца Паисия в Россию отец Иоасаф был назначен настоятелем подворья в Константинополе. Столичная суетная жизнь тяготила истинного монаха. Он с честью выполнял возложенное на него послушание, но с трудом переносил те издержки повседневной жизни подворья, которые никак не способствовали исполнению монашеского делания. Вот что пишет 70-летний старец, прошедший свою 40-летнюю монашескую жизнь в горниле непрерывных испытаний, в своей исповеди, посланной им к отцу Макарию 10 сентября 1886 года: «Я, многогрешный, веду здесь жизнь не соответственно монашеской. Батюшка, простите меня, многогрешного, каюсь, в пище не воздержан, осуждаю, празднословлю...»¹⁹⁸ Смиренный старец и словом не обмолвился о том, что он в пище «невоздержан» потому, что обязан бесконечно угощать высокопоставленных гостей, а «осуждает» и «празднословит», обсуждая с теми же гостями разные дела, касающиеся интересов монастыря.

¹⁹⁶ АРПМА. Док. № 796. С. 2.

¹⁹⁷ АРПМА. Док. № 796. С. 21.

¹⁹⁸ АРПМА. Док. № 796. С. 32.

Наконец, Милостивый Господь услышал вопль души Своего верного раба: братия Руссика стала настоятельно просить отца Макария вернуть отца Иоасафа в обитель, на что прозорливый старец согласился в 1888 году, и отец Иоасаф вновь вернулся на Афон на радость братии Старого Руссика. Там он вновь был назначен духовником. С того времени Господь дал ему еще шесть лет жизни для того, чтобы насладиться уединением с Богом. Вооруженный непрестанной Иисусовой молитвой и искренним смирением, он достиг очень высокого уровня духовного состояния, чем помог тысячам людей найти путь ко спасению.



Отец Иоасаф за заслуги пред Православной Церковью по указу Российского императора был награжден орденом святой Анны III степени.

Преставился отец Иоасаф 12 октября 1894 года.

Схимонах Серафим (Ковалищенков)

Схимонах Серафим (в миру Симеон Петрович Ковалищенков) родился в 1821 году в семье зажиточного купца I гильдии города Бирюч Воронежской губернии. Симеон получил гимназическое образование и стал правой рукой своего отца. В 20 лет его женили на дочери другого бирючинского купца, и от этого брака родились дети — трое сыновей и дочка. После смерти отца все торговое дело перешло к Симеону Петровичу, которое он умело приумножал и которым разумно распоряжался. Он пользовался большим авторитетом среди горожан города Бирюч, так что был назначен городским главой. Все было у Симеона Петровича. По мирским меркам он был очень счастливым человеком: у него была прекрасная семья, он был очень богат, пользовался огромным уважением и властью в своем родном городе. И казалось, ничто не могло поколебать этого счастья. Но Бог судил иначе, Он призвал его для высшего счастья, по сравнению с которым земное счастье ничто.

В 1867 году жена его вдруг тяжело заболела. Он не щадил сил и средств, чтобы помочь ей, но ее состояние только ухудшалось. Когда все средства были испробованы, отчаявшись, Симеон Петрович наконец пришел в церковь. Да, мы приходим к Богу часто именно тогда, когда нам больше некуда идти. Но честны ли мы тогда

пред Богом? Ведь мы приходим к Нему в такой момент только для того, чтобы вымолить необходимое нам, не задумываясь о том, а есть ли на то, что мы просим, воля Божия. Рассуждая по-земному, говорим: если Бог – любящий Отец, то Он должен нам помочь, должен дать то, что нам так нужно сейчас. Но Бог имеет другое промышление о нас. У Него другие представления о счастье. Оно заключается не в том, чтобы обеспечить наше земное счастье, а в том, чтобы использовать любые средства для спасения нашей души и благополучного перехода ее к вечному, нескончаемому блаженству. И как бы мы ни умоляли Господа, не отговорим Его от этого Своего Промышления о нас. Именно Его безграничная любовь, неимоверно желающая нашего спасения, заставляет Бога быть «неумолимым». Поэтому блажен человек, который при любых обстоятельствах жизни сможет спокойно сказать: «Да будет воля Твоя на мне, Господи!» Как бы ни было нам больно в случившемся несчастье, это единственный и вернейший способ спасения нашей души, попущенный милостивым Богом! Но, к сожалению, принять и тем более понять это — выше человеческого сознания. Хотя бывают и редкие исключения. Именно о таком мы расскажем в этом жизнеописании.

Симеон Петрович пришел в церковь не выпрашивать у Бога здоровья для своей жены, а искренне покаяться в грехах и узнать волю Бога. Господь открыл ему глаза, и тогда он увидел свою жизнь как бы со стороны и понял, что в ней в действительности все было неправильно, даже уродливо. Он понял, что его счастье было не что иное, как самообман, что он всю жизнь служил исключительно своему тщеславию и гордости. Богоносные отцы говорят, что покаяние открывает путь к Богу, а смирение приводит к Нему. Симеон Петрович выбрал именно этот путь и не прогадал. Бог устроил так, что жена его умерла с миром, напутствованная молитвой Церкви и Святыми Дарами Христовыми. Последние ее слова были словами благодарности за возможность умереть, примирившись с Богом.

После смерти жены Симеон Петрович продал все свое имущество, малую часть отдал добрым людям для обеспечения будущего своей дочери, а большую часть раздал нищим. Взял всех своих троих сыновей, которые были уже взрослыми юношами, и поехал на Афон, чтобы навсегда остаться там в каком-нибудь монастыре.

В 1869 году он со своими сыновьями поступил в Андреевский скит, но испытание его решимости неуклонно идти по пути спасения этим не закончилось. Неожиданно заболели его старшие сыновья, видимо, заразились от матери еще дома, и через год он похоронил и их. Даже это невыносимое горе не поколебало Симеона Петровича в вере, и он сказал твердое «да», когда игумен скита предложил ему постриг в монахи. Его постригли в мантию с именем Андрей. Скоро он был вынужден расстаться и с младшим сыном, которого призвали на военную службу в Россию.

Отец Андрей не смог жить рядом с могилами своих сыновей и попросил благословения настоятеля скита перейти в Русский Пантелеимонов монастырь, что и слу-

чилось в 1876 году. Начался новый этап его 30-летней монашеской жизни, во время которого он служил уже не своей гордости, а Богу и людям, творил дела христианской любви и шаг за шагом прокладывал путь к человеколюбивому Богу. 14 марта 1878 года его постригли в схиму с именем Серафим.

В 1878 году отца Серафима послали в Москву на послушание — управлять Полянским домом, а потом наблюдать за постройкой новой монастырской часовни у Владимирских ворот.

Он часто переписывался со своими духовными отцами, духовником Иеронимом и игуменом Макарием¹⁹⁹. Возвратился на Афон через шесть лет, в 1884 году. За это время дочка его стала совершеннолетней и решила последовать примеру отца и поступить в монастырь. Она стала монахиней в Покровском монастыре Киева с именем Евдокия, при этом поддерживала тесные духовные связи с родным отцом, переписываясь с ним. В архиве монастыря сохранились все ее письма²⁰⁰.

С 1884 года до самой смерти отец Серафим проходил послушание в канцелярии монастыря. Он отличался смиренiem и полным доверием воле Божией. Монашеские обязанности исполнял в точности, особенно был ревностен на богослужениях. Преставился отец Серафим 21 ноября 1899 года.



¹⁹⁹ АРПМА. Док. № 626.

²⁰⁰ АРПМА. Док. № 3351.

Схиархидиакон Лукиан (Роев)

Схиархидиакон Лукиан (в миру Лев Григорьевич Роев) родился в 1834 году в мещанской семье города Азов Екатеринославской губернии. Его мать звали Евдокией. О перипетиях мирской жизни отца Лукиана нам ничего не известно, но по его письмам можно судить, что он получил хорошее образование.

В 1851 году он прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. Ему было тогда чуть больше 17-ти лет, а потому духовник Иероним дал ему послушание келейника. В 1854 году его постригли в мантию с именем Лукиан.

Отец Иероним часто уединялся по разным кельям монастыря и почти на протяжении 15-ти лет повсюду с ним следовал его келейник отец Лукиан. Ему выпало счастье быть постоянно рядом со святым человеком, которого он очень любил и почитал. Братия белой завистью завидовала отцу Лукиану.



Лукиановская калива времен отца Лукиана. Сегодня полностью разрушена

В 1865 году отца Лукиана рукоположили в иеродиакона. Вскоре после этого старцы обители задумали устроить в монастыре типографию и для изучения типографского дела выбрали отца Лукиана, так как он имел дар рисования и занимался иконописью. Его отправили в Константинополь.

Первым его заданием было подготовить фотоальбом об Афоне, который старцы желали передать послу графу Николаю Игнатьеву, ктитору и благодетелю обители, для преподнесения Императорской фамилии. Вот как он описывает старцам то, как должен был бы выглядеть альбом: «Альбом Его Высочеству должен быть сделан как можно изящнее. Для этой цели нам надо найти хорошего резчика, который бы мог вырезать на дереве и на кости на лицевой стороне альбома изображение Святой Горы Афон, а кругом ее должно быть расположено простенькое рококо (то есть плетушки или гирлянды), по углам — бордюры. Посередине — Гора, а под горой — крест. Выше креста будет написано заглавие этого альбома (циркуляром)»²⁰¹.



Отец Лукиан освоил технику типографской печати и, закупив нужное оборудование, вернулся в обитель. Здесь он организовал типографию, где в основном печатались иконки и малые листки духовного содержания, делали разные литографии. Отец Лукиан передал свое знание многим братьям, которые продолжали его дело вплоть до Первой мировой войны.

В 1885 году умер духовник Иероним, человек который был очень дорог отцу Лукиану. Это было для него очень тяжелой утратой. После этого отец Лукиан обратился с просьбой к отцу Макарию благословить ему построить недалеко от монастыря маленькую каливу, где он мог бы уединиться для молитвы. После бескорыстных трудов на благо обители в течение 34 лет он дерзал теперь продолжить служить обители молитвенно, постепенно усвершенствуя себя духовно. Отец Макарий благословил, и отец Лукиан в масличном саду на юго-восточной стороне монастыря построил себе

²⁰¹ АРПМА. Док. № 1562. С. 7.

каливу, где он прожил в полном затворе более 30-ти лет, и она была названа братьями Лукиановской каливой. Здесь он стал исполнять то монашеское правило, которое его блаженный старец исполнял во время своих уединений по келлиям – жесточайший пост, соединенный с непрерывной Иисусовой молитвой.

Когда тело не пресыщено пищей, то молитва получается более глубокой и более духовной. Отец Лукиан никогда ничего не варил, употреблял только свежие овощи, приправленные солью и маслинами. С салатом он ел намоченные в воде сухари, которые ему давали в обители. Вот и вся его еда. А вина и других спиртных напитков не употреблял никогда.

Молитвенное правило его начиналось с великого повечерия, которое он знал наизусть, после чего он садился на скамью и начинал творить Иисусову молитву — 60 четок. Затем три часа отдыхал. Встав утром, опять брался за четки и творил Иисусову молитву (30 четок). Обедал. Обед вместе с приготовлением пищи занимал у него не более получаса. Даже во время обеда он не прекращал Иисусовой молитвы. После обеда он садился к своему рукоделию — иконописи. Отец Лукиан написал для обители много икон, а также видов Афонской Горы, которые пользовались большим спросом у приезжающих паломников. Во время рукоделия он также не прерывал Иисусовой молитвы. После четырех часов иконописи шел отдыхать всего один час. После отдыха два часа посвящал своему маленькому огороду, от которого и кормился, а после все правило начинал творить заново.

Первые 15 лет он не имел ни келейника, ни послушника. После по настоянию старцев обители он согласился иметь одного келейника, но кандидаты на это послушание не выдерживали его строгой жизни. Они не могли продержаться даже трех месяцев и убегали. Одним из таких послушников был будущий выдающийся карульский отшельник иеросхимонах Феодосий (Харитонов), который выдержал у него полтора года.

13 августа 1910 год отца Лукиана постригли в схиму, после чего он по просьбе



Собора Старцев несколько ослабил режим приема к нему людей и стал принимать давно жаждущих духовной беседы с ним братьев и некоторых высокопоставленных паломников. В монастыре он пользовался огромным авторитетом, был соборным старцем, и, не посоветовавшись с ним, в обители не начинали ни одного дела.

Преставился схиархидиакон Лукиан 4 июля 1916 года, послужив обители физически и духовно 65 лет. Скончался

он в своей каливе, сидя в кресле, тихо, как бы уснул. Находящийся рядом послушник даже не заметил, когда он отдал свою душу Господу. Подойдя к нему, он стал спрашивать его о трапезе, не поняв сразу, что он умер.

Схиархимандрит Нифонт (Четвериков)

Схиархимандрит Нифонт (в миру Николай Васильевич Четвериков) родился в 1842 году в городе Перемышль Калужской губернии, в семье мещан Василия и Пелагии Четвериковых. «Когда отцу Нифонту было 15 лет от роду, то он со своей матерью пошел к известному юродивому, чтобы узнать что-нибудь о себе и о своем спасении. Юродивый встал, стал молиться и что-то лепетал так, что ничего невозможно было понять, и наконец сказал: «Прилепляй воск». Он стал лепить его к стенам. Затем приказал: «Кади». Николай стал кадить. Потом потребовал: «Давай деньги». Тот дал немного, — на что юродивый говорит: «Все давай». Отдал. Юродивый взял деньги и ушел...

Впоследствии, прибыв на Афон, он понял сказанное юродивым. Пришел отец Нифонт в греческий храм, где греки поют и читают. Он же ничего не понимал, и потому его сделали в греческом соборе экклезиархом, и он ставил свечи. По принятии священства пришлось кадить фимиамом. Когда был принят в Руссик, то старцы велели отдать все деньги, ничего не оставляя себе»²⁰².

В юношеском возрасте Николай заболел, его соборовали маслом, и он наяву видел Царицу Небесную, которая, указывая рукой по направлению к Афону, велела идти на Святую Гору.



²⁰² АРПМА. Док. № 311. С. 61.

На Афон он прибыл в 1870 году и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где был пострижен в мантию в 1873 году. Послушание сначала проходил в часовой мастерской помощником часового мастера. Он был очень исполнительным послушником. Кроме своего прямого послушания, по благословению старца Макария был пономарем на ранних Литургиях, которые почти ежедневно служил сам отец Макарий.

15 августа 1880 года отец Нифонт был рукоположен в иеродиакона, а 23 ноября того же года — в иеромонаха. В 1881 году старцы благословили ему проходить послушание на подворье в Константинополе. Это стало для него настоящим испытанием, так тяжело было ему расставаться с любимым духовником. Но он твердо верил, что исполнение послушания даст ему благодать от Бога, что духовник будет особо за него молиться и духовная связь между ними не прервется. Не прерывал он и письменного общения с духовниками, что было для него огромным утешением. Он писал письма отцу Макарию и отцу Иерониму²⁰³.

Так прошло пять лет, после чего его отправили на Новый Афон, в Симоно-Кананитский монастырь. Результатом пребывания на Новом Афоне стала его книга об Абхазии и Симоно-Кананитском монастыре, которая вышла в 1889 году под названием «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», которая являлась дополнением к одноименному труду архимандрита Леонида (Кавелина)²⁰⁴. 138-страничный труд ученого архимандрита отец Нифонт превратил в 339-страничную книгу с многочисленными иллюстрациями и картами, чем оказал неоценимую услугу как Руссику, так и Симоно-Кананитскому монастырю.

В 1886 году отца Нифонта благословили вернуться на Афон, где в родной обители он исполнял послушание духовника.

В 1886 или 1887 году, живя в келье рядом с параклисом святого великомученика Дмитрия, однажды ночью задремав, он увидел, как вошла величественно сияющая Жена (Божья Матерь) и говорит: «Скажи отцу Макарию (игумену), чтобы не затворял врата для нищих, ибо у Меня много золота и серебра». Сказав это, Она стала удаляться из кельи. Он проснулся, но и после ухода Царицы Небесной ощутил Ее недавнее присутствие и видел продолжающееся сияние. Усомнившись в действительности случившегося, он походил по келье, помолился и опять задремал. И опять увидел то же видение и услышал те же слова. Он подумал: «Не вражеские ли это козни?» Опять задремал. Тогда и в третий раз увидел и услышал то же. И, проснувшись, опять оба раза как бы видел продолжавшееся сияние. Однако отец Нифонт постеснялся рассказать отцу Макарию о видении. Но удивительно, что впоследствии в своем завеща-

²⁰³ АРПМА. Док. № 788; № 1177.

²⁰⁴ Леонид (Кавелин), архимандрит. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., РПМА, 1885.

нии отец Макарий именно в таких словах, которые услышал отец Нифонт, говорил о необходимости продолжить милостыню: «Да не затворятся врата обители»²⁰⁵.

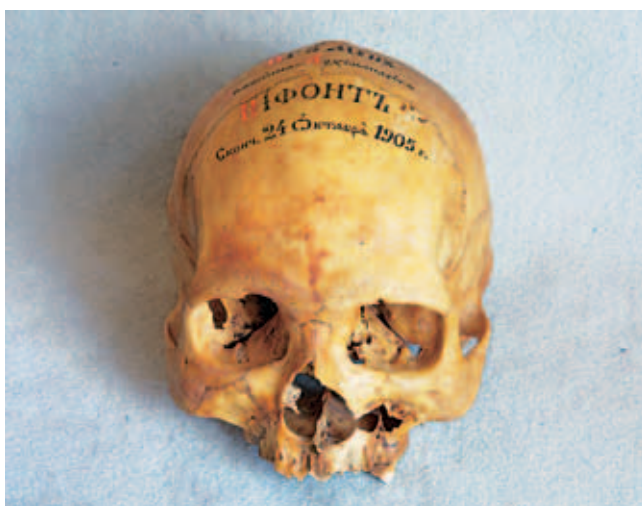
11 февраля 1896 года отец Нифонт по жребию был избран из четырех кандидатов в наместники. 17 февраля 1896 года он был пострижен в схиму.

После смерти игумена Андрея, 3 ноября 1903 года, он был возведен в сан игумена, а 8 ноября 1904 года — в сан архимандрита. За свои заслуги перед Церковью 18 февраля 1896 года отец Нифонт был награжден палицею и 28 июня 1898 года — наперсным крестом. Должность игумена Руссика отцу Нифонту пришлось занимать менее двух лет, и ничего особо выдающегося он сделать не успел.

Преставился отец Нифонт 24 октября 1905 года. В воскресенье, 23 октября, он был еще вполне здоров, деятелен. На второй день, во время утрени, по обыкновению читал шестопсалмие, потом ходил по церкви, осматривая присутствующих, готовился служить и Божественную Литургию соборно в главном соборе во имя святого великомученика Пантелеимона. Когда за полчаса до Литургии, т. е. в 12 часов утра по восточному времяисчислению, пришел за ним чередной иеродиакон, то отец Нифонт сказал ему: «Что-то у меня в животе не ладится», — но все-таки пошел служить. Придя в собор, он еще до звона совершил проскомидию, помянул тех, кто был записан в церковном и его собственном синодике.

Литургия началась обычным порядком. Когда было прочитано Евангелие, отец Нифонт, надо полагать, почувствовал себя плохо, болезнь его усилилась, и он уже не смог продолжать и окончить священнослужение, разоблачился, ушел в свою келью и слег в постель. Немедленно появившийся в его келье монастырский доктор монах отец Викентий сделал все, что мог, для облегчения его страданий. Во время вечера по желанию больного братский духовник отец Агафодор принес запасные Святые Дары и прочитал положенные для причащения тяжелобольных молитвы. Отец игумен, приподнявшись на постели, кратко поисповедовался перед духовником, стоявшим пред ним со Святыми Дарами, затем был приобщен. Отец Агафодор прочитал благодарственные молитвы. Больной поблагодарил и попросил прочитать канон молебный Пресвятой Богородице на исход души, что отцом Агафодором было тотчас же исполнено.

На предложение послать за ученым доктором-греком из Ватопеда отец Ни-



²⁰⁵ АРПМА. Док. № 518. С. 862.

фонт сказал: «Не надо, все равно он меня не застанет, впрочем, как хотите». Разумеется, было послано за врачом. Болезнь же все усиливалась. И около 12-ти часов утра он тихо и мирно скончался. Следовательно, от начала болезни до исхода его из этого мира протекли всего одни сутки.

Иеросхимонах Пантелеимон (Шилаев)

Иеросхимонах Пантелеимон (в миру Андрей Матвеевич Шилаев) родился в 1842 году в семье мещанина города Елабуга Вятской губернии. Имел двух сестер и брата Емельяна. Последний впоследствии нажил большое состояние, стал купцом второй гильдии и являлся благотворителем Пантелеимонова монастыря на Афоне. Начальное образование Андрей получил в городе Пермь, после чего поступил в гимназию в Петербурге, где учился в учительских и писарских классах. Больше о его жизни в миру нам ничего не известно.

В 1866 году 24-летний Андрей Матвеевич приехал на Афон и стал проситься в послушники в Русский Пантелеимонов монастырь. Старцы с радостью приняли его и дали послушание в канцелярии, так как он был отменным каллиграфом.

12 марта 1869 года Андрея Матвеевича постригли в мантию с именем Амос, а 14 сентября того же года рукоположили в иеродиакона. К этому времени он стал управляющим канцелярией и с полной отдачей исполнял это послушание до 1881 года.

В 1880 году отца Амоса постригли в схиму с именем Пантелеимон, а в следующем году, 8 сентября, его рукоположили в иеромонаха. Вскоре после этого по решению собора старцев его благословили ехать на Новый Афон для исполнения послушания духовника. Ему было очень тяжело расставаться со своими любимыми старцами и с Афоном, но, помня наставление старца Арсения (Минина), что монах должен быть как гвоздь, — куда его вобьют, там и должен торчать, — он, смирившись, поехал исполнять свое новое послушание, не подозревая, что уже никогда не вернется в родную обитель на Афон.

Отец Пантелеимон постоянно переписывался со своими старцами, с духовником Иеронимом и игуменом Макарием. Посылал им по два письма в одном конверте, каждому — свое²⁰⁶.

Воспоминания об Афоне не оставляли его. Уже через год после приезда на Новый Афон он писал прошение духовнику Иерониму с просьбой вернуть его в родную обитель. На Новом Афоне он был не только духовником, но и законоучителем

²⁰⁶ АРПМА. Док. № 1084.

в школе при монастыре. Кроме всего прочего, он вел издательские дела Пантелеимонова монастыря. Именно по его рекомендации монастырское издание «Душеполезный Собеседник» получило свою окончательную форму.

Приезд отца Пантелеимона на Новый Афон совпал с убийством террористами Царя-Освободителя Александра II. Вот что он писал по этому поводу духовнику Иерониму: «Итак, не стало нашего возлюбленного Государя! Враги Креста и Отечества нашего достигли своей цели. Но наше Отечество основано на Православной вере, врата адовы не одолеют его!»

По благословию Священного Синода 3 апреля 1887 года отец Пантелеимон поступил в драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, где был также духовником и управителем дел. Здесь он пробыл всего год, но его помощь возрождающемуся монастырю была огромной, так как он уже имел большой опыт по организации монастырских дел с нуля, приобретенный в Симоно-Кананитском монастыре.

За свои заслуги епископом Сухумским Геннадием отец Пантелеимон был награжден набедренником. После этого по распоряжению того же епископа он вновь вернулся в Новоафонский монастырь, где жил с мая 1888 по 1890 год. А 20 апреля 1891 года указом Казанской духовной консистории он был причислен к Раифской Богородицкой пустыни в Казанской епархии, где вскоре стал игуменом.

Преставился отец Пантелеимон в сентябре 1902 года.

Архимандрит Мисаил (Сапегин)

Архимандрит Мисаил²⁰⁷ (в миру Михаил Григорьевич Сапегин) родился в 1852 году в крестьянской семье села Ижевск Спасского уезда Рязанской губернии. Его мать звали Анастасией. Освобожденные Царем-Освободителем от крепостного права крестьяне получили право на образование, и дети неграмотных крестьян пошли в сельские школы. В одной из таких школ получил свое начальное образование и юный Михаил. В возрасте 22-х лет он решил стать монахом, на что получил благословение своих родителей.

На Афон Михаил прибыл в 1874 году и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. Но его тут же отправили обратно в Россию в послушники отцу Михаилу (Савицкому), который на Чумбуре устраивал рыбный завод. Там он подвизался пять лет. Затем его вновь вернули на Афон и 7 марта 1879 года постриг-

²⁰⁷ Жизнеописание составлено по книге: Верин С. Архимандрит Мисаил, игумен Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне // Православный русский календарь за 1931 год. Владимирова, 1930. С. 66–69.



ли в мантию с именем Мисаил. После пострига ему дали послушание в канцелярии помощником отца Тихона (фон Рамбаха). Наконец-то исполнилось его заветное желание — насладиться близостью старцев обители, отца Иеронима и отца Макария, которые также возлюбили отца Мисаила. 9 марта 1885 года его рукоположили в диакона, а 6 октября 1885 года — в иеромонаха. После смерти отца Макария отца Мисаила благословили возглавить Константинопольское подворье, а потом и Одесское подворье, где он пребывал до самого избрания его игуменом в 1905 году.

29 мая 1905 года отец Мисаил по жребию был избран наместником, а после смерти игумена Нифонта (Четверикова), 13 ноября того же года, в день памяти вселенского учителя святителя Иоанна Златоуста, преосвященным Досифеем отец Мисаил был возведен в сан архимандрита и утвержден Протатом в звании игумена. В этой должности он пробыл почти 35 лет. Тяжелый крест выпал на долю игумена Мисаила. Все его игуменство было непрерывным подвигом.

Вскоре после принятия им управления монастырем случилось великое наводнение, уничтожившее много зданий и причинившее громадные убытки. Затем началось имябожническое движение, которое нанесло огромный вред монастырю и всем, а особенно игумену, причинило великую скорбь. Не успело забыться это несчастье, как последовали новые: мировая война, а за ней крушение Родины, окончательно подорвавшее материальное благосостояние обители.

Надо иметь очень крепкую веру в Промысел Божий, чтобы не пасть духом после таких тяжких потрясений. Все эти несчастья требовали от отца игумена невероятных усилий, необычайных забот и энергии, чтобы найти средства к существованию многочисленного (в начале его игуменства численность братии составляла 1700 человек, а к концу игуменства — около 500 человек) братства.

С начала его игуменства до 16 ноября 1934 года, когда он был парализован и больше не выходил из кельи, он не пропускал ни одной службы, разве что по крайней нужде и сильной болезни. Он считал день потерянным, если не служил Божественной Литургии. Всегда и во всем будучи пунктуальным, он в числе первых являлся в церковь, где звучным и мощным голосом читал шестопсалмие на утрени, а в праздничные дни — поучение братии. Зная, что праздность — мать всякому злу, отец Мисаил строго следил, чтобы никто не мог «празден в келье сидеть» и чтобы каждый инок нес какое-либо послушание для общей пользы. Заботы отца Мисаила о внешнем благоустройстве монастыря выразились в постройке новых зданий, церквей.

Как человек, но в то же время монах, отец Мисаил объединял в себе многие добродетели. Он отличался добротой, любовью, снисходительностью, незлобием и смирением. Терпение же и благодушие его были поразительны до изумления. Иноческую жизнь понимал он только в возвышенном ее значении, как постоянное стремление к само-

усовершенствованию в духе христианской любви служения ближнему. В отношении монастырской братии, своих о Господе духовных чад он проявлял постоянную заботу как родной отец. Все немощи чад своих отечески долготерпеливо носил, исправляя их духом кротости. Его нелицемерная доброта, искренность, смирение и врожденное чувство такта невольно располагали к нему всех, с кем ему приходилось иметь дело.

Видевший его писатель Борис Зайцев так передает свое впечатление о нем: «Отец Мисаил держится с той глубоко русской, народной простотой и твердостью, которой чужда всякая рисовка. Одинаково уверенно и крепко служит он: и читает баритоном шестопсалмие, и дает целовать руку, и сам кладет земные поклоны, и слушает, как ему поют «Испола эти деспота»²⁰⁸.

А вот как описывает встречу с ним и его жизненный путь другой писатель, Вл. Маевский: «Отец игумен уже ждет вас! — сказал наместник. — Из своих покоев он никуда не выходит, но дорогих гостей принимает с любовью и радостью... Что делаешь, такова, видно, Господня воля: приходится отцу Игумену не покидать кресла... Паралич. Да и возраст преклонный, больше восьми десятков годов... Но голова у нашего отца игумена и поныне светлая. Дай, Господи, такую голову каждому и молодому. Впрочем, сами убедитесь...»

Отец Иоанникий был прав.

Прошло не более получаса, а я уже уходил от архимандрита Мисаила, очарованный настоящим обаянием, явившимся следствием прекрасных впечатлений, полученных мной после визита к этому удивительному, маститому старцу.

Знаменитый игумен восьмидесятидвухлетний старец Мисаил — пожизненный настоятель обители по избранию братии. Нечего и говорить о том, каким всеобщим уважением и почетом пользовался на всем Афоне этот замечательный человек, мудрый и заботливый отец многочисленного иночества, находящегося у него в братском подчинении.

...Еще безусым юношей прибыл он на Афон по горячему и полному веры побуждению и поступил в Пантелеимонов монастырь. Тогда и началось длительное и упорное прохождение монашеской школы под строгим руководством опытных старцев, постепенно возводящих молодого инока на непонятную для мирского человека духовную высоту, открывавшую ему путь к высоким подвигам. Он прошел много послушаний, из которых самое важное — многолетнее настоятельство в Константинополе, на монастырском подворье. Именно это послушание дало ему большой житейский опыт и сильно расширило его кругозор.

Вообще, несмотря на почти полное отсутствие какого-либо школьного образования, отец Мисаил всегда отличался не только большим природным умом, но и умением держать себя с самыми разными представителями общества. Он обладал в разговоре

²⁰⁸ Зайцев Б. Афон. Париж, 1928. С. 37.

большим природным тактом, житейской мудростью и находчивостью. Иногда только некоторая природная застенчивость замечалась в этом выдающемся монахе, но ответы его всегда были метки и живы. Лишнего он не говорил никогда и вообще всегда держался скорее сдержанно, с истинным монашеским достоинством и редкой скромностью.

Прошли годы. Из молодого инока вырос проникновенный и опытный старец, славившийся своей строгой жизнью и являвшийся образцом истинно аскетической жизни для других монахов... И пришло время, когда братия сама с любовью и уважением возложила на отца Мисаила игуменство над собой. Но это явилось для него наиболее тяжким послушанием в бесконечном ряду всех других, исполненных тогда, когда он сам находился под игуменской властью.

...Необходимо было обладать колоссальными силой воли, опытностью и умом, чтобы нести ответственность за благополучие обители, поддерживать престиж и высоту духовной власти. И этих качеств с избытком хватало у отца Мисаила, несмотря на его возраст и развившиеся под конец жизни различные недомогания, приковавшие маститого старца к креслу. Но это обстоятельство, однако, ничуть не мешало ему принять меня у себя с исключительной любезностью, отеческой ласковостью и заставить искренне наслаждаться интересной беседой с ним и отеческими наставлениями, исполненными жизненной мудрости, душевной ясности...

В облике игумена отца Мисаила было что-то патриархальное, нечто от идеального монаха доброго старого времени. Не входя сам в подробности административно-хозяйственной жизни огромного монастыря, отец Мисаил имел дар избирать хороших помощников, которым доверял ведение всех дел. При этом он всегда любил покровительствовать людям с образованием, прекрасно относился к ним и старался дать им подходящее послушание. Это был человек мира. Благодатное спокойствие, сияющая ясность духа, кротость и терпение — вот отличительные черты характера этого необыкновенного, воистину святого и благодатного человека...

«Стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи», — эти слова преподобного Серафима Саровского вспоминаются при мысли об отце Мисаиле. И, как плоды этой святой жизни, у отца Мисаила были несомненные дары Святого Духа: дар прозорливости и предвидения. Но выше всего — дар отеческой любви.

Шло время. А я все с большим и большим наслаждением прислушивался к густому баску мудрого старца, который продолжал ласково одаривать меня своими отеческими наставлениями как бесконечно дорогим подарком, наполнявшим всю мою душу самыми лучшими чувствами.

Отец Мисаил как-то невольно подчинял себе всех окружающих своими богатыми душевными качествами, влияние которых в значительной степени подкреплялось еще и внешней импозантностью его величественной фигуры. Этот знаменитый ста-

рец являлся как бы настоящим аллегорическим изображением доброго и могучего духа старой России — той самой «Святой Руси», о которой я уже говорил выше. Он был высок ростом, широк в плечах и крепок телосложением. И эти особенности ярко бросались в глаза даже тогда, когда этот гигант-старец сидел в своем глубоком кресле, скованный тяжким недугом.

И в то же время каждого посетителя поражала трогательная, почти детская ласковость и доброта отца Мисаила. В ней, в этой ласковости ребенка опять так и чудилась Святая Русь с ее тихим светом и необыкновенными возможностями»²⁰⁹.

Келейная обстановка отца Мисаила была самой простой, и в одежде он почти не отличался от остальной братии. В общую братскую трапезу ходил неопустительно. Двери кельи его были открыты с раннего утра до поздней ночи. Непрестанно приходили люди: то свои братья с разными нуждами, то иноки других обителей и пустынники за пособием. Всех надо было выслушать, сделать распоряжение, оказать духовную и материальную помощь. И так беспрерывно продолжалось 35 лет! Очень редко отец игумен покидал обитель. Разве иногда посещал метох Крумицу, находящийся в 30-ти верстах от обители, чтобы повидать тамошнюю братию, преподать благословение труждающимся, утешить скорбящих, ободрить малодушных. Несмотря на чрезвычайное материальное оскудение обители к концу его игуменства, отец Мисаил продолжал поддерживать прекрасные старые традиции — окормлять русских людей, в миру сущих. Каждый, кто побывал на Афоне из русской эмиграции, навсегда запечатлел в душе своей дивный образ благостного старца игумена Пантелеимоновского монастыря.

Вот что писал о своей встрече с отцом Мисаилом в 1931 году иеромонах из Владимирской миссии Серафим: «Достаточно лишь раз взглянуть на сего святого старца, чтобы полюбить его крепкой сыновней любовью. Кого не согрела, не успокоила и не ободрила его веселая лучезарная улыбка?! «Ангелом во плоти» зовут его духовные чада. И ни к кому на Афоне так не подходит это имя, как к батюшке отцу Мисаилу. Более совершенного воплощения незлобия и святой любви Христовой мне не приходилось видеть. 26 лет правит отец Мисаил обителью в духе сей великой любви. И хотя много пришлось пережить ему скорбей и треволнений, по-прежнему исполнен мира, кротости и ангельского добродушия его благолепный старческий лик.

Увы, годы, однако, сказываются, и отец Мисаил, видимо, уже начал изнемогать. Пришлось оставить ему ежедневное совершение Божественной Литургии, так как врачи запретили ему громко говорить, но все долгие службы он посещает неукоснительно и выстаивает их до конца...

Ласково принял меня в своей скромной приемной отец архимандрит. Долго расспрашивал о нашей миссии. С трогательной любовью и глубоким уважением отозвал-

²⁰⁹ Маевский В. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 30.

ся он о трудах архимандрита Виталия, за миссионерской и церковно-издательской работой которого он следит уже давно. И с охотой согласился благословить нашу миссионерскую обитель во Владимировой на Карпатах»²¹⁰.

А вот воспоминание тогда еще студента Белградского богословского института С. Верина: «Помню, в 1923 году, будучи студентами, приехали мы на Пасху на Святую Гору Афонскую. Как в рай попали. Как будто и революции никогда не было. Весь величавый быт большого старорусского монастыря сохранился во всей своей благолепной красе: громадные храмы с чудесной росписью, иконы в тяжелых серебряных ризах, сияющие паникадила. И все это поддерживается в удивительном порядке и чистоте семидесятилетними еkkлесиархами (монахами-пономарями), желающими ни в чем не отстать от своего патриарха — игумена. Обошли мы все громадные монастырские строения. Долго оставались в приемном зале «царского архондарика» (гостиница для почетных гостей). Это прямо музей духовной красоты старой великой России. Все стены украшены живописными фотографическими изображениями интереснейших событий русской духовной жизни последнего времени. Портреты государей, выдающихся архипастырей, изображения монастырей, храмов и т. д. — все это погружает вас в бывший еще так недавно, а теперь, может быть, навсегда потерянный русский церковный мир...

Наконец попали мы в книжно-иконную лавку монастыря. Боже, сколько прекрасных книг, святоотеческих творений! Разгорелись глаза у нас, бедных богословов, так давно не видевших духовной литературы. Все бы купили, да денег в кармане раз-два и обчелся — 500–1000 динар. Докладывает добрый старец отец Мефодий, лавочник монастырский, отцу игумену: «Нашествие на мою лавку студентов-богословов. Голод у них на книги. Видно большое желание иметь их, да купить не на что». Покачал головой отец Мисаил: «Сами мы бедны, отец Мефодий... Но да не будет так, чтобы мы вместо хлеба подали камень. Ты уж устрой все как-нибудь, отец Мефодий...» И нам была предоставлена скидка в 75 процентов! То есть почти даром мы приобрели множество прекрасных святоотеческих книг. Это, конечно, лишь малая песчинка из моря добродетелей сего дивного старца.

А вот эпизод из самого последнего времени. После уничтожения большевиками Иверской часовни в Москве русские эмигранты воздвигнули в Белграде точную копию ее. Хотелось иметь новую точную копию и чудотворной иконы Иверской Божией Матери. Не так просто выпросить у греческих монахов Иверского монастыря разрешение списать его, ибо для этого надо сдвигать с места подлинный образ. И вот, чтобы добиться этого разрешения, 78-летний старец отец Мисаил сам отправляется в

²¹⁰ Серафим, иеромонах. На Святом Афоне пасхальными днями 1931 года // Православный русский календарь за 1932 год. Владимирова, 1931. С. 46.

далекий путь по горным тропам на муле в Иверский монастырь. И не напрасно. Такому просителю иверские старцы не решились отказать, и икона была написана. Ныне она уже находится в Белграде, рядом с другой великой святыней нашей Зарубежной Церкви — Курской Знаменской иконой Божией Матери»²¹¹.

Горячо любил и ценил своего игумена и преподобный Силуан Афонский. Один из эпизодов их общения со своими комментариями оставил нам отец Софроний (Сахаров): «Старец Силуан беседовал с игуменом архимандритом Мисаилом, мужем духовным, которому благоволил и которому явно покровительствовал Бог.

Отец Силуан спросил игумена:

— Как монах может познать волю Божию?

— Первое слово мое он должен принять за волю Божию, — сказал игумен, — кто так делает, на том почиет благодать Божия, а если кто воспротивится мне, то я, как человек, отступлю.

Слово Игумена Мисаила имеет следующий смысл: духовный отец, когда его спрашивают, молитвой ищет вразумление от Бога, но как человек он отвечает в меру своей веры, по слову апостола Павла: «...мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ» (2 Кор. 4, 13), но «от части бо разумѣваемъ и от части пророчествуемъ» (1 Кор. 13, 9). В своем стремлении не погрешить сам он, давая совет или делая указание, пребывает на суде Божиим, и потому, как только встретит возражение или хотя бы внутреннее сопротивление со стороны вопросившего, не решается настаивать на слове своем, не дерзает утверждать его как выражение воли Божьей и «как человек отступает».

Знание этого очень ярко выражалось в жизни игумена Мисаила. Однажды он вызвал к себе новонаначального монаха отца С. и возложил на него сложное и трудное послушание. Послушник с готовностью принял его и, сделав положенный поклон, направился к двери. Вдруг игумен позвал его. Послушник остановился. Наклонив голову на грудь, игумен спокойно, но значительно сказал: «Отец С., помни: Бог дважды не судит, поэтому когда ты что-нибудь делаешь за послушание мне, то я буду судим от Бога, а ты свободен от ответа».

Когда кто-либо на поручение или наставление игумена Мисаила возражал хотя бы в малой мере, то этот мужественный вообще подвижник, несмотря на занимаемый им пост администратора, обычно отвечал: «Ну что же, делайте, как хотите», — и после не повторял своего слова.

Почему же это так? Потому что, с одной стороны, Дух Божий не терпит ни насилия, ни спора, с другой — слишком великое дело — воля Божия. В слове духовного отца, которое всегда несет на себе печать относительности, она не может вместиться,

²¹¹ Верина С. Архимандрит Мисаил, игумен Русского Пантелеимонова Монастыря на Афоне / Православный русский календарь за 1931 год. Владимировка. 1930. С. 66 — 69.

не может получить совершенного выражения, и только тот, кто воспринимает слово как угодное Богу, не подвергая его своему суду, или, как часто говорят, «без рассуждения», только тот нашел верный путь, ибо он действительно верует, что «...у *Бога же вся возможна*» (Мф. 19, 26)²¹².

Заслуги отца Мисаила перед монастырем нельзя оценить. Вся братия с огромной благодарностью отмечала важность и размеры его стараний и забот. Но самым большим испытанием, как было выше сказано, стало для отца Мисаила противостояние насельников обители друг против друга из-за споров вокруг имени Божия. Отец Мисаил, желая примирить противодействующие стороны, сначала определенно уступил сторонникам нового учения, так как они были агрессивно настроены. Он думал, уступка умиротворит их, и спор не перерастет за рамки дискуссии о методах Иисусовой молитвы. С этой целью он отправился в скит Новая Фиваида, где жило большинство имябожников, и согласился принять их воззвание с формулировками, предложенными имяславцами. Но впоследствии, когда в процесс включился отец Антоний (Булатович) и простой спор перерос в догматическое противостояние, то отец Мисаил занял решительную позицию — встал на защиту чистоты Православной веры. На Пасху 1912 года игумен Мисаил направил в Фиваидский скит послание, в котором призывал иноков: «...оставить душепагубные пререкания между собою и спор о Сладчайшем и спасительном Имени Господа нашего Иисуса Христа».

«Если кто дерзнет возбуждать после сего спор и пререkanie, делать сходки, собирать подписи, то таковые — аще монах — да отлучится от причащения Святых Христовых Таин на три года, а если священнослужитель — от священнодействия на три года, — писал игумен Мисаил. — А если кто дерзнет произнести на кого-либо слово «еретик», тот отлучается от приобщения Святых Христовых Таин на год... Духовникам строго наказываю не входить в суждения о догматических вопросах со своими духовными чадами».

20 августа 1912 года противники имяславия в Пантелеимоновом монастыре во главе с игуменом Мисаилом составили «Акт о недостопоклоняемости имени «Иисус», в котором содержался неприемлемый для имяславцев пункт о том, что имени Божию нельзя поклоняться: «Мы веруем и исповедуем, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог... в двух естествах не слитно, нераздельно, неизменно, неразлучно соединенных. Поэтому, когда произносим Его Пресвятое и Божественное Имя, т. е. Иисус Христос, то представляем себе невидимое присутствие Самого Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа — Второго Лица Пресвятой Троицы, не отделяя Его Имени от существа и не сливая, о Нем же, по Апостолу, подобает нам спастись, но чествуем Его и поклоняемся Ему — Самому Господу Богу».

²¹² Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 74.

Свою решительную позицию отец Мисаил подтвердил 9 июля 1913 года, когда после Божественной Литургии он в присутствии консула и всей монастырской братии зачитал вслух послание Синода об осуждении имяславского учения. По окончании чтения монах Ириней (главарь имябожников) спросил игумена: «Имя Господа нашего Иисуса Христа, Имя Сладчайший «Иисус» Бог или нет?» Игумен ответил: «Имя «Иисус» не Бог!» Тем самым он окончательно отверг имябожническую ересь. К сожалению, имяславцы не смирились, и не преклонили головы перед своим игуменом, и твердо стояли на своем новом учении, что стало причиной их удаления с Афона. Происшествие это нанесло отцу Мисаилу на сердце глубочайшую рану, и он тяжело переживал при каждом воспоминании об этих днях и молился непрестанно за своих заблудших чад.

Заслуги отца Мисаила перед Церковью были достойно оценены как священноначалием, так и светскими правителями. В сентябре 1900 года он был награжден Константинопольским Патриархом Константином крестом и палицею, а также



ему было присвоено звание протопресвитера и сингилла. 14 октября 1913 года Константинопольским Патриархом Германом по случаю избавления от еретического учения он был награжден золотым наперсным крестом. В мае 1916 года был награжден орденом святой Анны I степени за усердие в оказании помощи воинам.

Преставился отец Мисаил в воскресенье, в 10.30 часов утра, 22 января 1940 года.

Схимонах Трифилий (Мальков)

Схимонах Трифилий (в миру Трофим Наумович Мальков) родился в 1830 году в крестьянской семье села Старицы Черноярского уезда Астраханской губернии. Когда Трофиму исполнилось 18 лет, он оставил свою семью и переселился в город Острог, где постепенно смог собрать приличное состояние для того, чтобы стать купцом. Через 20 лет стараний и трудов у него уже была своя торговля и артель по переработке рыбы. Трофим Наумович был женат и имел детей.

Однажды у себя в Остроге он познакомился с афонским монахом, отцом Тимоном (Щербатовым), который по поручению своей обители приехал для сбора пожертвований. Беседа с ним произвела на Трофима Наумовича огромное впечатление. Но он так был захвачен водоворотом своих мирских дел, что не имел времени глубоко поразмыслить о тех вопросах, о которых говорил с ним чудный старец.

«Раз, после очередной ссоры с женой, — вспоминал потом впоследствии отец Трифилий, — я, чтобы немного успокоиться, решил пройтись до артели пешком. Ужасные мысли будоражили мою голову, душа была в полном смятении и отчаянии. И вдруг, не знаю как, я оказался рядом с храмом, прямо у его стены. Мне стало как-то неловко и стыдно. Я хоть и был верующим, но особой набожностью не отличался. Однако я точно знал, что где-где, а здесь мне сейчас совершенно не место. Но, не знаю почему, я перекрестился, поцеловал стену храма и пошел дальше на работу.

День, как и все мои рабочие дни, был переполнен заботами: распоряжения, споры, договоры, уговоры, ругань, крики, — и так без конца. И все это ради денег, ради прибыли. Только поздно вечером, когда я наконец смог остаться один и стал размышлять о происшедших за день событиях, вдруг появилось в моем сердце какое-то очень мало-заметное, но невероятно приятное ощущение. Я не мог понять причину этого. Прожитый мной ужасный день не давал для этого никаких оснований. Хотя вспомнил, что у храма со мной произошло что-то необычное. И как только я это вспомнил, мое сердце наполнилось неопишуемой радостью. Я никогда не испытывал такого чувства. У меня появилось непреодолимое желание упасть на колени и плакать, что я и сделал»²¹³.

Трофим Наумович стал благотворителем Руссика и много потрудился по сбору пожертвований с отцом Тимоном (Щербатовым)²¹⁴. После того как все его дети

²¹³ АРПМА. Док. № 4058. С. 13.

²¹⁴ АРПМА. Док. № 306. С. 73.

были устроены: сыновья женились, дочери вышли замуж, — он начал подумывать оставить бренный мир и посвятить свою жизнь Богу.

В 1886 году в компании со студентом Авксентием Стадницким, будущим епископом Арсением, Трофим Наумович в качестве паломника прибыл на Афон. Здесь в монастыре святого великомученика Пантелеимона с ним произошла окончательная перемена. Вот как описывает это епископ Арсений: «Сегодня во время обеда я увидел со своим старым знакомым Наумычем. Я сразу не узнал его. На нем была монашеская полурияса, поверх нее — поварской фартук, на голове — монашеский куколь. Он подавал нам кушанье.

— Здравствуй, Егорыч! — приветствовал он меня.

— Что это с вами, Трофим Наумович? Не поступаете ли в монахи?

— Теперь на монашеском послушании. Хочу испытать, что это за жизнь такая, монашеская. А то, что так жить, — нужно все испытать. Вот вчера я пошел к батюшке отцу Макарию и говорю ему: «Батюшка, благословите меня на какое-нибудь монашеское послушание. Хочу испытать все. На всех послушаниях буду, а потом и поеду домой, и буду уже знать, что это за жизнь монашеская». Батюшка Макарий засмеялся, да и благословил сперва на это поварское послушание. Нужно, Егорыч, все испытать.

Я заметил, что он как будто стыдится меня и других обедающих, а потому когда говорит, то как будто защищается, хотя никто не нападает на него. И действительно, чувствовалось, что ему неловко: недавно был барином, ему прислуживали, а теперь он другим прислуживает»²¹⁵.

Следующий день владыка описывает так: «Сегодня за обедом не было Трофима Наумыча. Мне сказали, что он уже бросил это послушание. Скоро, думаю, испытал он на себе монашеские послушания. После обеда я прилег немного отдохнуть. Только задремал, слышу, кто-то стучит в двери. Отворяю, и... предо мной предстает Наумыч. Он уже без ряски, без фартука, без куколя... одним словом, прежний Наумыч, но только какой-то разбитый, расслабленный.

— Что это вы не в монашеском одеянии? — спрашиваю его.

— Что же делать? Вот руки попухли, как колоды. Только ведь день поработал. А что если бы месяц или год? Ведь оно как будто и хорошо на этом поварском послушании. Не счесть кушаний и пития. Но работы страх сколько! Всякому, кто ни придет, подавай. Он-то все это загадит, а ты после и мой. Кажется, она — легкая работа: подай, вымой, да и только. Так я сначала и думал. Поужинали мы вчера прекрасно. Пошел я спать. Чувствую, что-то начинает покалывать в пальцах, да каждый раз все сильнее да сильнее. Да так, что целую ночь и не спал. Гляжу утром, вся рука распухла. Бегу я к монастырскому доктору. Он чем-то помазал, и вот теперь стало

²¹⁵ Арсений (Стадницкий), архиепископ. Дневник студента-паломника на Афон. Киев, 1886. С. 155.

несколько лучше. Ну его совсем, с монашеским послушанием! Что за нужда! Я ведь никогда не работал. У меня дома артель человек в 50, а тут работай. Иду я сегодня после Литургии к батюшке отцу Макарию да и говорю ему: «Батюшка, плюну я теперь в глаза тому, кто скажет, что монахам живется легко. Всякому, кто захочет идти на Афон посвящаться в монахи, скажу: «Заворачивай и иди в Сибирь. Там гораздо лучше, чем монахам на Афоне». Батюшка засмеялся да и говорит: «Зачем тебе, брат Наумыч, монашеское послушание? Жил бы себе, как живут другие благородные».

Через четыре года послушания на кухне, а именно 26 марта 1890 года, Трофим Наумыч был пострижен в рясофор с именем Трофим, через год, 3 апреля 1891 года, — в мантию с именем Трифилий, а еще через два года, 5 марта 1893 года, — в схиму, после чего до своей кончины имел послушание чтеца неусыпаемой Псалтыри. Вот что пишет о нем отец Владимир (Колесников): «Жизни очень благочестивой, внимал своему спасению, почти каждую службу плакал, особенно при чтении житий святых»²¹⁶. Вот как благодать Божия призвала его на монашеское служение, и как благодать Божия преобразила его из обычного смертного в ангелоподобного.

Преставился отец Трифилий 22 сентября 1901 года.

Схимонах Ксенофонт (Вяземский)

Схимонах Ксенофонт (в миру Константин Александрович Вяземский) родился в 1852 году в городе Старица Тверской губернии. Он происходил из древнего княжеского рода. Отец его князь Александр Вяземский был генералом, ветераном Крымской войны. Имение у отца было в поселке Дубна Тверской губернии. Надо сказать, что он сыграл огромную роль в воспитании Константина. Когда он умер, то последнему было 15 лет, и это явилось величайшим горем для Константина, как он запишет в своем дневнике.

Но главной воспитательницей все-таки была его мать — рожденная в России француженка, о которой он тоже напишет: «Она, можно сказать, одна меня воспитала. Ей главным образом я обязан тем, что во мне есть хоть что-то доброе. Она меня наставила на путь правды. Она одна была моей истинной руководительницей... Если отец научил меня, что есть честь и что подобает князю русскому, то мать научила меня тому, что есть любовь к ближнему и что подобает христианину»²¹⁷. «Я и в Бога ве-

²¹⁶ АРПМА. Док. № 306. С. 73.

²¹⁷ АРПМА. Док. № 512. С. 15.

рую потому, что она в Него веровала. И люблю Христа, потому что она Его любила... Она часто подолгу молилась, соблюдала все посты, любила читать духовные книги, рассказывала нам разные эпизоды из Священного Писания, в ее устах каждый из них получал какой-то особенный сердечный оттенок. Нас никогда не заставляли ходить в церковь, но, видя, с какой ревностью мать посещает все службы, мы также охотно ходили в нее. По ее совету я вслушивался в церковные напевы, и многое из слышанного тогда в детстве мне запало в душу»²¹⁸. Такую дорогую наставницу, к своему горю, 15-летний юноша Константин потерял через три месяца после смерти отца. Она не смогла пережить смерти любимого мужа.

Опекунство над мальчиком взял на себя его дядя по отцовской линии, который позаботился о его образовании. Константин сначала поступил в подготовительный пансион, а затем в Пажеский корпус в Петербурге. Юноша был мечтательным и очень любознательным, что сформировало его будущие интересы. Много времени он посвящал литературному творчеству.

«Написал я много, — вспоминал он впоследствии, — из-под моего пера выходили и проза, и стихи: романы, повести, драмы, комедии, поэмы, басни и прочее. Однако ничего из моих сочинений не напечатано... Цензура не пропускала мои сочинения... Я прочитал большую часть своих сочинений людям, весьма компетентным в этом деле и очень скупым на похвалы, а именно Л. Н. Толстому и профессору Буслаеву. Оба сверх моего ожидания одобрили прочитанное, и оба посоветовали печатать»²¹⁹. Но произведения Константина Вяземского, видимо, так и не увидели свет. И их судьба нам не известна. Лишь малая часть из них после его смерти осталась в архиве Руссика²²⁰.

Он также занимался естественными науками. Очень любил природу. Константин писал: «Многие любят природу. Еще большее количество людей уверяют, что любят ее, оставаясь, однако, к ней индифферентными. Но любить ее так, как я любил в молодости природу, совсем неестественно. И я никогда не встретил того, кто бы любил ее так, как я. Леса, ручейки, пригорки, овраги, скалы, болота, цветы, жуки, облака, звезды, змеи, птицы, камни, мох, плоды, овощи, кусты, лягушки, яйца, гнезда, озера... — все это во мне возбуждало неопишуемый восторг... Я готов был вынести любые трудности, чтобы полюбоваться хотя бы даже очень посредственным видом»²²¹.

С целью наблюдения за природой в разных частях света он начал путешествовать по миру все больше сухим путем, а не морем. Семь лет он ездил по России. После объехал весь Китай, Индию, Европу. Интересуясь исключительно природой, он

²¹⁸ АРПМА. Док. № 512. С. 26.

²¹⁹ Там же, С. 77–79.

²²⁰ Некоторые его незаконченные литературные произведения и переводы с французского хранятся в архиве Руссика (см. АРПМА. Док. № 4170).

²²¹ Там же, С. 100.

тщательно наблюдал за различными растениями и записывал результаты своих наблюдений. Заметки о своих путешествиях Константин Александрович печатал в журнале «Русское Обозрение».

Собрав огромный материал в области ботаники, он имел возможность научно обработать и систематизировать его и тем самым принести огромную пользу науке. Эта польза была тем весомей потому, что Константин Александрович имел для своего времени необычный, очень прогрессивный взгляд на взаимоотношения науки с религией. В то время преобладающим было мнение, что эти две области человеческой жизни абсолютно несовместимы и взаимоисключают друг друга. А он понимал их как дополняющие друг друга сферы одного целого. Вот как он позднее сформулировал свое представление об этом: «Лю-



ди думают, что наука противоречит религии. Это чужь. Их области слишком различны. При правильном взгляде на дело ясно, что они и сталкиваться не могут. Одна печется о земном, о вещественном, а другая о небесном, о духовном. Одна есть достояние ума, другая сердца. Одна исследует окружающие нас внешние условия, а другая обращает внимание исключительно на внутреннюю жизнь. Они обе необходимы человеку, и обе его отличают от животных».²²²

Наука есть постепенное постижение материальной сущности творения Творца, а религия — прямое общение с Творцом, поэтому они являются двумя сторонами одной медали — мироздания — и друг без друга не дают полного представления о творении и Творце. «Если бы кто спросил: что полезнее человеку, наука или религия, — продолжает Константин Александрович, — пришлось бы ответить ему, что для разумного жития необходимы обе. Это походит на то, если бы кто спросил, что полезнее человеку, есть или пить? Для здоровья необходимо и то и другое»²²³.

²²² БРПМА. Док. № 33293. С. 36.

²²³ БРПМА. Док. № 33293. С. 38.

Позднее, когда он стал монахом, свою позицию по отношению к науке он сформулировал в письме к своему духовнику отцу Агафодору (Буданову) так: «Именно наука привела меня ко Христу. Только благодаря моей любви к наукам я сделался сознательным христианином. Только благодаря моим постоянным занятиям науками я убедился в суете мирской жизни и решил бросить ее и удалиться в монастырь. Только любовь к просвещению и умственному труду сделала то, что я не стал безбожником. Только наука меня убедила в истинности Христова учения. Только благодаря своим научным трудам я не стал последователем Толстого. Только через науку я убедился в превосходстве Православия над прочими культурами. Наука — моя жизнь, она одна привела меня к Богу»²²⁴.

С такими прогрессивными взглядами и установками Константин Александрович, несомненно, добился бы больших успехов, но у него была одна страсть, которая погубила в нем ученого и которая довела его жизнь до полного краха. Это страсть блуда. Он хоть и был женат законным браком, но страсть блуда захватила его и стала причиной нескончаемых бед, уничтоживших его жизнь. Он не только не принес никакой пользы, занимаясь науками, но и довел свою душу до катастрофического состояния. Внутренне опустошенный и уничтоженный стоял он в январе 1897 года у гроба своей жены, чувствуя свою огромную вину пред усопшей и пред всем миром. Ему было тогда 45 лет.

12 апреля 1897 года Константин Александрович приезжает на Афон и просится в послушники в Русский Пантелеимонов монастырь. Игумен Андрей принимает его, дав послушание помощника библиотекаря. Вскоре его постригают в рясофор с именем Киприан.

Глубочайшее покаяние, плач о своей ничтожности и вине пред Богом и людьми были его единственным занятием в последующие шесть лет, которые он провел в обители. «Не своей волей я пришел на Святой Афон, — пишет он в своей исповеди. — Господь призвал меня. Мне по человеческим суетным законам надлежало бы в Сибирь идти на каторгу, а Господь отправил меня на Святую Гору, сподобил быть сопричисленным к избранному своему стаду»²²⁵. «Пишу исповедь свою для обличения самого себя, пусть, прочитав ее, суд надо мной составят и увидят из нее, как жить не надо и чему подражать не следует. Пишу я ее для назидания возлюбленных братьев, так милостиво принявших меня в свою среду и относящихся ко мне с такой любовью и уважением, каковых я вовсе не стою. Пусть увидят они, как жил Киприан, который им кажется смиренным и благочестивым, а в действительности он совсем грешный человек. Пусть они увидят, как всю жизнь Господь Иисус Христос призывал меня к покаянию, вразумлял неустанно, всякими путями и как, несмотря на явную и непрестанную помощь Его, я все колебался в вере, как волны на море, и творил неу-

²²⁴ АРПМА. Док. № 1779. С. 2.

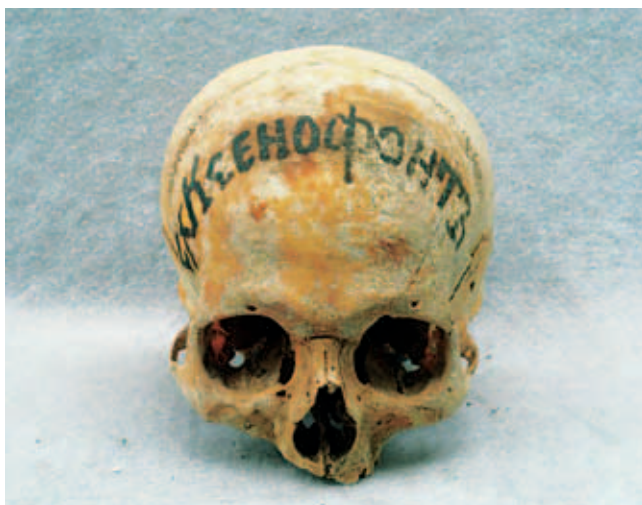
²²⁵ АРПМА. Док. № 512. С. 4.

годное пред Господом. Теперь уже ничто в сей жизни земной меня не привлекает, и я жду смерти как утешения и избавления от скорбей. Так ли это будет? Не худшая ли еще участь ждет меня в загробной жизни? Про то знает один вечный Бог. Я верую, что, несмотря на мое недостойнство, Он силен меня спасти».²²⁶

Одни люди пишут свои мемуары-воспоминания из гордости, желая прославить себя. Другие из-за страсти к письму, подвигаемые вдохновением. Третьи из-за скуки, стремясь убежать от своего я. Но редко кто осмелится писать из-за покаяния, целенаправленно обличая самого себя. Отец Киприан не испугался и написал самоуничижающую исповедь, отрезая для себя малейшую возможность для будущего уважения и признания. Таким безжалостным самоосуждением он полностью обнажился от своего греховного прошлого и предстал с плачущей и умоляющей душой перед милостивым Богом.

17 марта 1900 года отец Киприан был пострижен в схиму с именем Ксенофонт. После этого он прожил еще три года, но не считал себя достойным даже жить и ожидал смерти как милости Божией. «Величайшее милосердие Божие, — писал он, — состоит в том, что он сотворил смерть, т. е. положил предел земной жизни человека! Чтобы было бы, если земная жизнь наша при всех ее несовершенствах была бесконечна? Какой же это был бы ужас, страшно даже подумать. Зачем предугадывать мучения ада, стоит лишь продолжить нашу брэнную жизнь вечно, с нашей духовной нищетой, с окружающим нас жестоким миром, при тех убийственных условиях, в каких мы находимся, и вот он — ад: страшный, возмутительный, ужасный ад».²²⁷

5 сентября 1903 года отец Ксенофонт умер от разрыва сердца.



²²⁶ АРПМА. Док. № 512. С. 1–3.

²²⁷ БРПМА. Док. № 33293. С.17.

Схиархимандрит Иерон (Носов)



Схиархимандрит Иерон²²⁸ (в миру Иван Васильевич Носов²²⁹) родился в 1829 году в крестьянской семье села Лоходомово Контиевской волости Буйского уезда Костромской губернии. Его мать звали Епистимией. О юношеских годах и первоначальном воспитании мы знаем немного. Известно только, что по окончании школы мальчик был отправлен родителями в Петербург на службу к знакомому купцу. Честность и усердие молодого Носова приобрели ему впоследствии такое доверие хозяина, что тот хотел выдать за него свою единственную дочь, а вместе с тем передать ему и свое довольно обширное торговое дело. Судьба, казалось, улыбалась Ивану Васильевичу, но он предпочел богатству нищету Христову.

Надо заметить, что дивное проявление Промысла Божия в его жизни было очевидно еще в юности. Когда он был мальчиком, в дом его родителей приходил юродивый Иванушка. Раз как-то блаженного спросили: «Вот Ваня хочет на Афон ехать и сделаться монахом, что ты на это скажешь?» «Будет на Афоне, будет и на Кавказе, где станет церкви строить, мельницы, корпуса, будет, будет!» — отвечал блаженный. Слова эти тогда казались всем непонятными, но впоследствии сбылись в точности.

²²⁸ Жизнеописание составлено по книге: Душеполезный Собеседник за 1912 год. М., 1912. С. 396. См. также: Бронзов А. А. Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. // Христианское Чтение, 1913, № 3, С. 325–349; № 4, С. 458–468; № 5, С. 630–649; № 6, С. 747–768.

²²⁹ Такова его фамилия по монастырскому монахологии, хотя некоторые авторы считают, что его фамилия не Носов, а Васильев: см. К Свету, № 16, С. 89.

Пророчество блаженного глубоко запало в душу мальчика, и, уже будучи в Петербурге, взрослым человеком он частенько его вспоминал, и мысль об иночестве не оставляла его. Наконец решение оставить мир и «вся яже в нем» окончательно созрело, и он, покинув Петербург, в 1862 году прибыл на Святую Гору Афон и поступил в число братии Пантелеимонова монастыря.

Жизнь на Афоне в то время напоминала собой древние времена монашества. Наравне с другими новоначальный брат Иван проходил в монастыре трудные послушания. После продолжительных церковных служб ему приходилось исправлять еще разные монастырские работы. Вот как впоследствии он сам говорил о своем первоначальном образе жизни в обители: «По поступлении в монастырь я был назначен исполнять послушание на кухне. Первое время, подражая старцу и другим своим сотрудникам, ночью, бывало, встанешь и выйдешь на кухню что-либо прибрать или почистить — смотришь, и сам старец тут как тут или кто-либо из братии. Конечно, скажешь, что, мол, вышел потому, что не спится, а сам скорее уйдешь назад. Вот так мы один от другого к труду непрестанному навывкали». Через три года после поступления послушник Иван был пострижен в мантию и получил имя Иерон.

Пребывание на Афоне под руководством духовника отца Иеронима, правила и образ жизни окружающей его братии, наконец, беспрекословное исполнение послушаний имели сильное влияние на образование, характер и нравственное усовершенствование отца Иерона. Здесь он положил начало своей иноческой жизни, которое, благодатью Божией, и создало впоследствии тот нравственный образ старца, который невольно располагал к нему всех.

26 сентября 1867 года инок Иерон был рукоположен в иеродиакона и назначен помощником эконома. В этом звании он принимал деятельное участие в трудах по возобновлению Нагорного Руссика. 25 марта 1875 года отец Иерон был хиротонисан в иеромонаха. В это время обитель святого великомученика Пантелеимона начала устраивать на Кавказе новый монастырь, куда отец Иерон, как опытный строитель, и был послан старцами, игуменом отцом Макарием и отцом Иеронимом, на помощь иеромонаху Арсению, который вел дело основания новой обители. С этого времени вся остальная жизнь отца Иерона протекла на Новом Афоне.

За все время своего пребывания на Кавказе он только два раза смог посетить Афон: в 1880 году, когда он был избран игуменом устроенной им Ново-Афонской обители, и в 1889 году, чтобы почтить память усопшего своего старца архимандрита Макария на 40-й день после его кончины. Это было последнее посещение им своей духовной Родины.

В течение своего 37-летнего управления Ново-Афонским Симоно-Кананитским монастырем отец Иерон ясно показал, как хорошо был он подготовлен предшество-

вавшей своей жизнью на Афоне под руководством старцев к важным и трудным обязанностям настоятеля и руководителя иноков. В короткое время он успел положить прочное основание внутреннему и внешнему благоустройству юной Ново-Афонской обители. Управляя ею по завету своих афонских старцев, он главное внимание обращал не столько на внешнее ее благолепие, сколько на внутреннее духовное устройство братии и строгое соблюдение церковных служб и монастырских правил по уставу монастыря святого великомученика Пантелеимона на Афоне, отраслью которого и являлся Симоно-Кананитский монастырь. Духовная опытность настоятеля и порядок, введенный им, скоро начали привлекать в монастырь благочестивых паломников и сделали его широко известным в среде простого русского верующего народа.

С полным упованием на молитвенную помощь пославших его старцев отец Иероним приступил к созиданию обители. Десятки лет трудился он в этом святом деле с той неутомимой ревностью и опытностью, которыми запечатлена вся его разнообразная деятельность, и привел обитель в то цветущее состояние, в каком оказалась она ко времени его смерти. При этом, очевидно, что главным источником его духовного вдохновения был Афон, а именно старцы, которые его воспитали и с которыми он не прерывал духовного и делового общения, чему свидетельствуют тысячи страниц писем, которые он послал им²³⁰. По благословию своих незабвенных старцев отец Иерон 2 мая 1880 года был пострижен в схиму.

Стараясь о водворении иноческого духа между братией, того духа, в котором он сам воспитывался на Афоне, т. е. духа смирения, незлобия, чистоты помыслов и мира, — так как и самые суровые подвиги без любви и искреннего смирения не принесут никакой пользы иноку, — отец Иерон учил обращающихся к нему за духовным окормлением, что с «братьями надо жить в мире и любви. Хотя бы кто тебя и обидел — смолчи, перенеси, и так сам не расстроишься и расстроенного чем-либо терпением своим и смирением с помощью Божией лучше всяких слов успокоишь. Иногда это сделать очень трудно. Трудно стерпеть! Нападают сразу помыслы: «И зачем он так сказал мне, разве я такой?» И непременно необходимо побороть эти помыслы, не поддаваться желанию ответить обидчику. А когда перетерпишь, потом и не нарадуешься, что не сказал тех ядовитых, оскорбительных слов. Потому мы и монахи, что обязались Господа ради терпеть все напасти и переносить их с благодарностью. Значит, никак нам нельзя дерзать совершать такие зазорные монашеству дела, чтобы кого-либо словом или делом оскорблять».

Предохраняя от греха осуждения, отец Иерон рассказывал лично ему известный следующий весьма поучительный случай: «У нас, на моей родине, — говорил он, — в маленьком городке был пьяница-чиновник, который почти всегда находился в нетрез-

²³⁰ АРПМА. Док.: № 1079; № 1191; № 1198; № 1208; № 1373; № 1761.

вом состоянии. Проживал в то время в том же городе и один купец, который никогда не выпивал, вел примерный по своему образцовому поведению образ жизни, отличался умением хорошо вести дела. Однажды рано утром бредет пьяненький чиновник на службу в свое управление, и как раз дорога его проходила мимо лавки зажиточного вышеупомянутого купца. Лишь только уже изрядно нагрузившийся канцелярский служащий поравнялся с его магазином, как тот начал поносить его бранными словами: «У, скотина, уже нажрался спозаранку винища!» — И при этих словах даже плюнул вслед несчастному чиновнику. Конечно, нехорошо поступает человек, когда утром, вместо того чтобы посвятить начаток дня прославлению Творца, напивается допьяна, погружаясь в бессознательное, ненормальное состояние. Но и купец по гордости своей поступал также неблагоприятно и погрешительно, дерзнув взять на себя принадлежащее Господу право судить ближнего. И вот прошло совсем немного времени, когда уже и торговец этот после нескольких крупных неудач вдруг запил горькую. Да так пристрастился к вину, что сделался отчаянным пьяницей. Торговые дела его при таковой беспорядочной жизни пошатнулись, а потом и совсем пошли плохо, так что он совершенно разорился. Прежде богатый человек стал чуть не последним в городе бедняком, нищим, просящим милостыню, которую и пропивал в первом же кабаке. Ох, избави, Господи, каждого из нас от тяжкого греха осуждения!»

По уставу обители каждый из братии непременно должен был присутствовать при богослужении, в свободное от которого время обязан был являться на определенное ему послушание. «Труд, — говорил отец Иерон, — единственное спасение человека от многих грехов и от обладания разными помыслами, от которых, в случае согласия с ними, до совершения самого греха при содействующей к тому праздности один только шаг».

Но нельзя сказать, что в одном внешнем труде видел отец Иерон цель и назначение иноческого подвига. «Помни, — наставлял он, — что все занятие твое (послушание) — подвиг, а первое твое дело монашеское, чтобы совесть не укоряла тебя в неисполнении своих прямых иноческих обязанностей, — старайся их всемерно на послушании исполнять прежде всего». «Нам, монахам, — предостерегал он от совершения посторонних дел, — надо прежде покрывать свою крышу, а не чужую. Иначе пойдет дождь, настанет непогода — куда денешься? Чужая, хотя и тобой крытая крыша, не всегда тебя прикроет. Замечай сам, что все, что ты делаешь по своей воле, хотя бы и в несколько раз было дело тяжелее заповеданного, легко выполнять, а лишь только вздумаешь игуменский наказ привести в исполнение, так и сил не хватает. Значит, кому-то очень и очень не нравится, когда инок исполняет по благословию послушание, когда этим исполнением показывает полную покорность игумену. Вот этот-то некто — дьявол — и старается всеми коварными и льстивыми способами помешать исполнению заповеди, чтобы оставить монаха без награды за труд

послушания. А за самоволие, хотя бы ты и целый день трудился, нет такой награды, потому что это самочиние, непокорность, непослушание!»

Правила, установленные отцом Иероном, конечно, не имели бы силы обязательности для братии, если бы он сам своей жизнью не показывал примера самого точного их выполнения. Его жизнь действительно служила для каждого образцом. Он не пропускал в обители ни одной церковной службы, все они начинались и заканчивались в его присутствии. Неопустительно ходил с братией и на монастырскую трапезу, хотя за ужином совсем мало касался пищи. Вообще его отношение к монашествующим, запечатленное глубоким смирением, незлобием, снисходительностью и любовью, служило поучительным примером для братии в их взаимных отношениях на пути истинно иноческой жизни. Под руководством такого мудрого и опытного в духовной жизни наставника и под сень такой благоустроенной обители, естественно, стекались многие желавшие посвятить себя монашескому деланию, так что число братии в обители к началу Первой мировой войны возросло до 500 человек.

Характерное описание метода управления монастырем отца Иерона дал отец Трифон (Упорников), посланный старцами обители на Новый Афон для инспекции: «Об управлении и распоряжениях отца Иерона я много слышал противоречивого, но свой взгляд оказался верней уха. Я в отце Иероне усмотрел то, что он действительно избран Богом на это служение, которое он проходит достойно своего звания. Его простое обращение со всеми братьями и его собственный пример смирения достоин восхищения. Он при мне неоднократно спрашивал даже у младших братьев их совета и мнения, так что я даже удивлялся такому смирению»²³¹.

Многочисленные богомольцы всех званий и состояний, посещавшие Симоно-Кананитский монастырь, частенько обращались за советом и помощью к мудрому старцу, о благочестивой жизни и доброте сердца которого далеко распространились слухи. С одинаковой любовью принимал он каждого, кто желал получить от него наставление для пользы души. Доступ к нему для всех одинаково был свободен и легок. Кроме духовной помощи нуждающимся, он часто оказывал при этом и материальную помощь. Память о нем как об очень добром и сердечном человеке надолго сохранилась в сердцах как местных жителей — абхазцев и грузин, так и приезжих, пользовавшихся его пособиями. Дружеские отношения сложились у него с местным священноначалием. Особенно тесную связь он поддерживал с архиепископом Гавриилом (Кикодзе), также с благочинным Сухумской епархии протопресвитером Давидом Мачавариани, с которыми постоянно переписывался и которых высоко ценил и уважал.

Между тем под бременем преклонного возраста, постоянных трудов и иноческих подвигов силы неутомимого старца начали ослабевать. Ведь он почти четы-

²³¹ АРПМА. Док. № 3678.

ре десятка лет подвизался в устройении и управлении Ново-Афонской обители. В апреле 1912 года на Иверской горе вблизи обители, где под его личным наблюдением производилась постройка нового храма, он сильно простудился, что окончательно подломило его немолодые силы. По этой причине он решил просить увольнения от должности настоятеля. На что 5 мая последовал указ Священного Синода, согласно которому отец Иерон оставался в своей обители старцем, духовным руководителем братства, а на его место утверждался настоятелем наместник иеромонах Иларион (Кучин), который 11 июня преосвященным Андреем, епископом Сухумским, и был возведен в сан архимандрита.

Сдав новому настоятелю все монастырские дела, отец Иерон стал готовиться к переходу в вечность. «Вас братья, — писал отец Иерон в своем наставлении перед своей кончиной, — прошу: прежде всего имейте любовь и страх Божий; не ищите незаконно, подпольными происками чести, старшинства, власти; подчиняйтесь властям, Богом поставленным, и чтите старцев. Подпольные домогательства не приведут к добру. Идите праведным путем, чтобы совесть ваша всегда была чиста и ни в чем вас не укоряла. Только тогда у вас будет легко на душе».²³²

Последние силы старца быстро угасали. Он уже никуда не выходил. Недели за две перед кончиной у него пропал аппетит, так что он не принимал почти никакой пищи. Только иногда он мог выпить полчашки чая да немного миндального молока. В это время преосвященный Андрей, епископ Сухумский, был в отпуске, и угасающий для земной жизни старец с нетерпением ждал его возвращения, часто справляясь у окружающих о времени его приезда. Незадолго до кончины отец Иерон стал ежедневно причащаться Святых Христовых Таин, отказываясь даже от миндального молока, употребляя изредка одну лишь святую воду. Когда 13-го числа ранним утром постоянно находившийся при отце Иероне монах-фельдшер сказал, что в монастырь прибыл преосвященный Андрей, то он, истово осеняя себя крестным знамением, радостно повторял: «Слава Тебе, Господи, Слава Тебе, Господи!»

Преосвященный не замедлил прямо с дороги тут же навестить болящего. После первых взаимных приветствий отец Иерон попросил владыку прочитать ему «отходную». Фельдшер-монах незадолго перед этим на вопрос отца Иерона о состоянии его здоровья откровенно заявил, что все даже сильнодействующие медицинские средства становятся уже бесполезны и ему не помогают. Преосвященный, поговорив со старцем наедине, прочитал канон на исход души и разрешительную молитву. По окончании в храмах ранней Литургии владыка отбыл в Сухуми. Весь этот день, затем следующий отец Иерон находился как будто в полузабытьи, но заметно было, как его не оставляло молитвенное горение духа, потому что иногда он истово крестился.

²³² К Свету, № 16, 1997, С. 99.

Утром 14 августа он приобщился Святых Таин, вечером выслушал вечерню и акафист Царице Небесной. А когда в обители совершалось всенощное бдение празднику Успения Божией Матери, в начале одиннадцатого часа ночи, он, предчувствуя близкую кончину, стал просить, чтобы для него в Вознесенском храме отслужили раннюю Литургию, так как из этого храма в его келью имелось слуховое окно. Но когда ему сказали, что нет еще полуночи, следовательно, Литургию совершать рано, и предложили приобщиться запасными Святыми Дарами, то он на это согласился. Перед этим (по его желанию) он был одет в великую схиму и епитрахиль. Приобщившись Святых Таин, отец Иерон принял немного размоченного в святой воде антидора, перекрестился, попросил снять епитрахиль и лег в постель. Духовник стал читать благодарственные после приобщения молитвы, но только лишь успел закончить «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко...», как умирающий старец слабым, едва слышным голосом попросил опять посадить его на кровати. В таком положении, обратясь лицом к востоку и устремив сосредоточенный взор на святой крест, бывший в руках его духовника, отец Иерон тихо, мирно почил о Господе вечным сном праведника. *«Честна предъ Господемъ смѣрть преподобныхъ его»* (Пс. 115, 6). Замечательно то, что и в соборе на всенощном бдении в это время пели тоже «Ныне отпускаеши».

17 августа преосвященным Андреем Сухумским в обители было совершено заупокойное бдение. На другой день заупокойная Литургия началась в шесть часов утра. Ее совершал владыка Андрей со множеством священнослужителей при большом стечении духовных чад почившего и окрестных жителей. На Литургии священник соседнего с обителью прихода сказал слово, посвященное памяти почившего отца Иерона как строителя обители, имеющей глубокое значение для православной верующей России и местного населения. Перед отпеванием глубоко прочувствованное слово произнес владыка. Затем говорил от лица всей братии последнее «прости» новый настоятель обители архимандрит Иларион. Похоронили старца у храма святого апостола Симона.

Схиеродиакон Лазарь (Деминский)

Схиеродиакон Лазарь (в миру Александр Ильич Деминский) родился в 1830 году в Рязанской губернии. С юных лет он мечтал посвятить свою жизнь служению Богу и поступить в монастырь. В 1866 году Александр Ильич поступил в Вышенскую пустынь, где вскоре стал келейником святителя Феофана (Говорова), находившегося здесь в затворе. Именно им он был пострижен в мантию с именем Аполлос и рукоположен в иеродиакона. Он лично переписывал многие произведения святителя и помогал ему в подготовке к изданию его книг. Святитель знал о внутренней тяге отца Аполлоса к безмолвной жизни и о тайном желании его подвизаться на Афоне.

В 1873 году он благословил отца Аполлоса на отшельническую жизнь на Святой Горе. Отец Аполлос немедленно выехал на Афон и поселился там в заброшенной келие около Крестовоздвиженской келлии*, в которой в полном затворе подвизался 10 лет. Все это время Иисусова молитва была его утешением. А его едой был дикий лук, грецкие орехи и сухари. Огород он не разводил. Да и негде было, так как его келия находилась в скалистой местности.

Отец Аполлос был безмерно счастлив таковому своему положению. Наконец-то его мечта осуществилась: он, не отвлекаясь ни на что, мог предстоять пред своим Создателем — Господом, все более и более размягчая свое сердце непрестанной молитвой для принятия благодати. Все бы оставалось так до его кончины, если бы один случай не изменил его жизнь.

В 1883 году по просьбе своего соседа, 92-летнего отшельника, жившего в своей келие на расстоянии одной от него версты, он написал письмо к игумену Русского Пантелеимонова монастыря отцу Макарию, прося его помочь немощному старцу починить водопровод. После чего завязалась переписка между отцом Аполлосом и отцом Макарием. Они оба почувствовали невероятную близость друг другу и духовное родство, следствием чего стало предложение отца Макария отцу Аполлосу переселиться в старый Нагорный Руссик. Отец Аполлос счел это за волю Божию и согласился, тем более что ему очень хотелось быть поближе к великому старцу.

В начале 1884 года он переехал в Нагорный Руссик, а в 1905 году, после смерти отца Киприана²³³, ктитора церкви в честь Почаевской* иконы Божией Матери, по-

²³³ Схимонах Киприан (в миру Конон Алексеевич Бирюков) — уроженец Московской губернии. Прибыл на Афон в 1870 году. Пустынник, жил на Капсале, на келлии св. Димитрия Пантократорского монастыря. Ктитор Почаевской церкви на Старом Руссике. Преставился 1 июня 1905 года.

селился рядом с этой церковью, где 30 марта того же года самим игуменом Макарием он был пострижен в схиму с именем Лазарь.

С этого времени между отцом Лазарем и отцом Макарием сложились самые тесные духовные отношения. Отец Лазарь уже не представлял свою жизнь без духовного руководства игумена всех русских афонцев. Приведем отрывок из одного письма отца Макария, адресованного отцу Лазарю, которое наглядно показывает отцовскую заботу старца о своем чаде: «Скажу Вам несколько слов по поводу мысленной брани, которая, по словам Вашим, своим крайним усилением едва ли не доводит Вас до «отчаяния», чего, впрочем, следовало ожидать. Припомните сказанное Вам при святых вратах алтаря Господня: «Веждь, яко наипаче отныне примут тя множайшие подвизи к брани на него (врага спасения), никакоже бо на тя возможет, ограждена тя обретаяй, к наставляющему тя верою крепкою и любовью». Вот Вы были предупреждены против сего от Лица Самого Восприемшего вас, дабы не смущалось сердце Ваше и не малодушествовал бы дух Ваш. Ибо в самом изнеможении Вашем вы сильны силою Пресущего Вам, который затем паки обетовал к утешению Вашему и следующее: «Твое ведий желание и к предложению твоему прилагая яже от Себе силу к исполнению заповедей своих, Той да воспримет и обимет и защитит тя. И будешь ты стена тверда от лица вражия, утешения вина, благомощия податель, мужества сподвижник, совозлегая, совозстая, услаждая и веселя сердце твое утешением Святаго Духа Своего». Таким благожелательным проречением напутствуется воин Христов на подлежащее бескровное мученичество свое. Заметьте в приведенном тексте особенно в умиротворении духа Вашего сказанное: «к предложению твоему прилагая яже от Себе силу». Ваше лишь предложение, а сила к осуществлению Его свыше от Подвигополижника Христа»²³⁴.

Благодарный отец Лазарь так отвечал своему дорогому старцу: «Благодарю Вас от души, досточестнейший, за все: заботитесь обо мне, питаете и терпите меня, как мать свое родное детище»²³⁵.

Отец Лазарь прожил у церкви Почаевской иконы Божией Матери почти 20 лет, прилагая огромные усилия для спасения своей души и одновременно быв наставником и утешителем многих братьев, живших на Старом Руссике. Он для себя составил ежедневные правила, которыми руководствовался всю жизнь и которые висели у него на двери его кельи. Вот эти правила:

1. Быть до самой безделицы во всем справедливым и беспристрастным.
2. Никогда, даже в шутке, никого не обманывать.
3. Быть бескорыстным до самой мелочной безделицы.
4. Искать случая, где только можно, быть кому-нибудь полезным.

²³⁴ АРПМА. Док. № 1395. С. 43.

²³⁵ Там же. С. 15.

5. Во всех неприятностях судить строже всех самого себя и быть снисходительным к другим.

6. Никогда ни над кем не шутить и не надсмехаться.

7. О себе никогда ничего хорошего не говорить и забывать самого себя для других.

8. Более молчать, нежели говорить, выслушивать других и как можно избегать споров.

9. Стараться, сколько возможно, менее быть праздным.

10. Не горячиться, а если будешь чувствовать, что гнев так и овладевает тобой, что тяжело преодолеть себя, то тотчас замолчать и, если можно, уйти.

По благословиению отца Макария отец Лазарь на Великий пост имел особый канон: за каждую неделю прочитать всю Псалтырь и все Евангелие по три раза, ежедневно чередуя их между собой, т. е.

каждый день по десять кафизм и 40 глав Евангелия. Все остальное время он творил Иисусову молитву по четкам. Спал три часа. Вне Великого поста у него было следующее правило — 100 четок в день. Огородом и послушанием он не занимался, еду ему приносили братья со Старого Руссика.

Преставился схиеродиакон Лазарь 13 августа 1903 года в преддверии праздника Успения Божией Матери. На второй день после праздничной Литургии вся братия Старого Руссика провожала в последний путь уважаемого всеми старца.



Схимонах Венедикт (Матвеев)

Схимонах Венедикт (в миру Василий Матвеевич Матвеев) родился в 1830 году в крестьянской семье в селе Далматовка Яжелбицкой волости Валдайского уезда Новгородской губернии. Отец Василия умер, когда ему было три года. Мать его была набожной женщиной, соответственно, и сына воспитывала в духе любви к Богу и людям. С ранних лет Василий стал мечтать посвятить свою жизнь Богу, но помещик, на которого он работал, не хотел его отпускать. Однако милостивый Господь услышал его горячие молитвы и поспособствовал осуществлению его мечты. Однажды маленький сын барина заболел так, что доктора отказались лечить его, думая, что тот скоро умрет. Отчаявшийся барин решил пойти к знахарю и искать у него помощи. По дороге к знахарю он разговорился с молодым кучером (это был Василий), который ему сказал: «Барин, почто хотите прогневать Бога, мало вам испытаний? Знахари ведь — слуги дьявола, молиться Богу истинному надо, и если есть Его святая воля, то выздоровеет ваш сынишка». Удивленный и смущенный барин ответил: «Не умею я молиться, да и грешен слишком, все равно Бог не услышит, вот если бы ты попросил бы Его исцелить моего сына, Он тебя бы послушал, ты ведь в монахи рвешься». Тогда Василий остановил лошадей и, став на колени посреди поля и закрыв глаза, начал горячо молиться Богу. Барин, видя, как непосредственно и просто он это делал, после некоторого колебания тоже встал на колени рядом с ним и тоже про себя начал молиться. Через некоторое время барин залился слезами и почувствовал, что что-то дрогнуло в его сердце, что-то изменилось, ему хотелось так стоять и молиться как можно дольше. Он боялся открыть глаза, чтобы это ощущение не исчезло. «Пойдем, барин, пора нам домой», — услышал он голос Василия, который и вывел его из этого состояния. Он повиновался, и они вернулись домой, где им сообщили, что больному мальчику стало легче и он начал выздоравливать. На следующий день барин дал Василию вольную.

20-летним юношей он поступил в один из монастырей Новгородской епархии, где был пострижен в мантию с именем Венедикт. 35 лет он безвыездно жил и подвизался в этом монастыре, показывая примеры послушания и смирения. В 1886 году ему представилась возможность осуществить свою давнюю мечту — посетить святые места Иерусалима. На обратном пути из Иерусалима 11 октября того же года он заехал на Афон.

Афон привел его в восхищение, и он решил остаться здесь навсегда, а потому стал проситься в Пантелеимонов монастырь. Но старцы обители отказали ему на том осно-

вании, что он не имеет от своего игумена благословения остаться на Афоне. Отец Венедикт начал переписку со своим монастырем, но дело затянулось почти на три года. Его родной монастырь не хотел лишаться такого старца. Все это время, пока шла переписка, он жил в одной заброшенной каливе, которую сам починил. Наконец, из России пришло известие о согласии игумена, и он был принят в Руссик 1 октября 1889 года.

Отец Агафодор (Буданов) стал его духовником, и, хотя они были почти сверстниками, отец Венедикт с полным смирением начал выполнять все указания своего наставника. По его благословению он четыре года выполнял послушание огородника. 11 марта 1893 года его постригли в схиму, после чего послали на послушание на Георгиевскую (Ближнюю) келлию *.

Вся братия сразу полюбила смиренного, молчаливого старца. Вот как характеризует его отец Владимир (Колесников): «Простой и благочестивый, ревностный к подвигам»²³⁶. Его подвижническая жизнь привлекала к нему и других подвижников, желавших поделиться с ним опытом. Сохранилась запись его духовных бесед с отцом Леоном (Воскресенским), который подвизался в маленькой каливе недалеко от Георгиевской келлии и который впоследствии записал эту беседу: «В июльскую ночь в саду при Георгиевской келлии встретились два схимонаха Венедикт (Матвеев) и Леон (Воскресенский). Поздоровавшись по-иночески, сели на траву под маслиной, чтобы подышать чистым, ароматным воздухом Афона. Луна тихо плыла по небу и своим светом освещала сад. У обоих собеседников на душе было спокойно. Разговаривали о милости Божией к грешным людям и о том, почему Господь к нам особенно благоволит.

Отец Венедикт рассказал один случай из своей прошлой жизни. Он говорил, что прошло от того времени лет пятьдесят. Он был еще тогда мальчиком семи лет. Жил в деревне Долматовка Валдайского уезда Новгородской губернии. Имел товарища — сироту восьми лет, имя которого уже позабыл. Мальчик этот был родом не из их деревни и ходил из дома в дом. Его все любили, потому что он на память пел стихи про Георгия Победоносца и про других угодников Божиих. Ему за это давали кто пирога, кто рубашку и т. п.

Раз деревенские дети собрались на улице, а он и говорит, что вот если нынче попостимся и всю ночь будем молиться (в это время был канун праздника Преображения), то увидим Господа, апостолов, и солнце будет играть, и земля трястись. Двое мальчишек лет пятнадцати высказали недоверие к его словам, но он уверял всех в правдивости своих слов и говорил, что не раз видел подобное. Ему поверили. И пятнадцать человек постились весь день.

Вечером потихоньку от старших все собрались в назначенное место и стали молиться, кто как умел. Кто клал земные, а кто поясные поклоны. А молитву творили та-

²³⁶ АРПМА. Док. № 312. С. 156.



*Фотография Ближней Георгиевской келлии времен отца Венедикта.
Сегодня почти полностью разрушена*

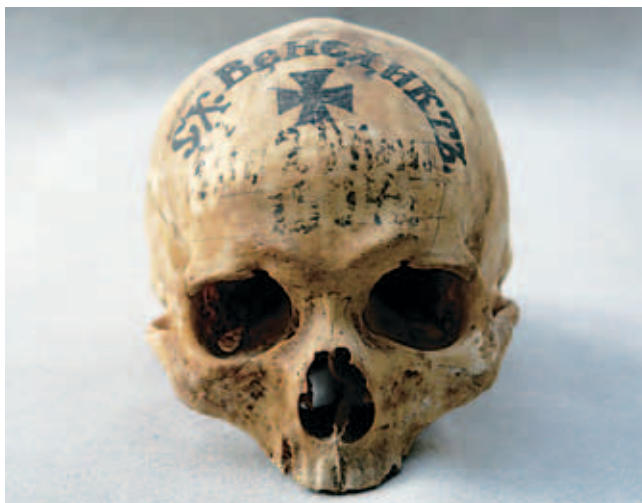
кими словами: «Господи, покажись нам, покажи нам видение». Молились долго. Возраста все были примерно одного — от 7 до 8 лет, лишь двое были по 15-ти лет от роду.

Молились по направлению между востоком и югом. Вдруг ударил сильный гром, земля затряслась, и от испуга все попадали. Но когда, ободрившись, подняли головы, то увидели на востоке играющее солнце,двигающееся вправо и влево. Потом оно стало двигаться сверху вниз, а затем на солнце образовался громадный и светлый крест. На западе слышен был шум. Обратившись взором на этот шум, ребята увидели, как по небу, по направлению к востоку, пролегла широкая светло-красного цвета дорога. Она постепенно как будто поднималась в гору. По ней шло много народа. Все эти люди были в светлых одеяниях. И наконец на востоке открылось непостижимое зрелище, описать которое ум не может. Ребята увидели Господа Иисуса Христа, сидящего на высоком преславном престоле. В руках Он держал скипетр и державу с крестом наверху. Кругом Его в непостижимой славе в белых и светлых одеждах сидели 12 учеников — апостолов. Это видение было схоже с тем, как пишут Тайную Вечерю. Но оно передавало картину несравненно более величественную.

Когда все закончилось, то все ребяташки стали от радости обнимать друг друга. Судя по общим для всех рассказам, было очевидно, что все они видели одно и то же. Что же касается тех двоих, которым было по пятнадцать лет и которые вначале сомневались, то именно они ничего не увидели, за исключением того, что слышали шум и ощущали трясение земли. Один из них едва очнулся после тряски, все время лежал на земле без сознания, и его лицо было немного опалено. Они не поверили рассказам товарищей о видении. Вот так милость Божия проявляется только тогда, когда вера в него искренна и по-детски чиста.

«Да, это истинно так, — согласился отец Леон, — но как же нам тогда доказать сомневающимся, что милость Божия проявляется явно, если им этого видеть не дано?» — «Да, это самый трудный вопрос, спор между нами, верующими, и сомневающимися длится столько, сколько существует человек. Нынче тоже ученые спорят с нами, что они ничего не видят, что они никакого чуда Божия не могут видеть. А мы знаем, что это им не дано. Они же верят только в то, что видят. Поэтому, отец Леон, спор между нами бессмыслен. На словах мы друг другу ничего не сможем доказать. Единственное, что мы, верующие, можем, — это стараться жить так, чтобы собственной святостью доказывать существование Бога. На них только наша святость может подействовать, и тогда, может, милостивый Бог их как-нибудь да обратит к вере»²³⁷.

Преставился отец Венедикт 25 июня 1904 года.



²³⁷ АРПМА. Док.: № 518, № 516.

Схимонах Варсонофий (Юганов)

Схимонах Варсонофий (в миру Василий Алексеевич Юганов) родился в 1838 году в одном из сел Донской области. Он был сыном дьякона сельской церкви. Отец готовил его в священники и с детства приучал к церковной жизни, но Бог решил по-другому привести его в свой храм. Началась Крымская война, и в 1855 году 17-летний Василий был призван в армию. Он показал себя очень храбрым воином, чем привлек внимание своих начальников. После Крымской войны ему пришлось участвовать и в военных операциях при подавлении восстания в Польше. Здесь с ним произошел один случай, о котором впоследствии сам рассказывал:

«В 1859 году находился я на военной службе в Польше. Когда я был в Варшаве, то заболел. Сия болезнь развилась у меня до такой степени, что я харкал сукровицей с примесью гнили. Ни пить, ни есть, ни горячего, ни холодного я не мог из-за сильной боли в груди. В таком состоянии я выехал из Варшавы до Бердичева по железной дороге, а из Бердичева на почтовых домой на Дон. Ехать следовало мне через Киев. И вот по приезде в Киев я отправился прямо в Киево-Печерский монастырь. Там и остановился с той целью, чтобы поговорить и, покаявшись в своих грехах, причаститься Святых Христовых Таин.

Начал я говеть, ходить в церковь к утрени, обедне... Чтобы приготовить себя к принятию Святых Христовых Таин, думал, что надо поговорить хотя бы неделю. Так я и сделал. В это время у меня явилось особенное желание к молитве, явились слезы и раскаяние в грехах. Умирать не хотелось, хотя я знал, что чахотка — болезнь неизлечимая. В груди у меня рана, а ведь ее, как доктора мне сказали, не залатаешь. Но все-таки, подумал я, избавиться милостью Божией можно и от нее. А потому всю свою надежду возложил на милость Божию и Царицу Небесную. Начал усердно и слезно молиться Ей, просить Ее помощи и заступления. Просить, чтобы Она — Пресвятая Богородица исходатайствовала у Сына Своего и Господа нашего Иисуса Христа, чтобы еще мне пожить сколько можно подольше на сем свете.

Так я молился Божией Матери, просил милости Ее и заступления о мне, грешном, чтобы Господь благословил мне пожить. В субботу я приобщился Святых Христовых Таин, пришел из церкви в свой номер, наскоро расстегнул у себя чекмень*, ибо чувствовал сильную боль в груди, лег на койку лицом вверх и сейчас же забылся. Когда я заснул, то увидел, как на воздухе против моей груди явился в серебряном кивоте и

в серебряной ризе образ Божией Матери. Лучи света от этого образа ударили прямо в мою грудь, в больное место на мою рану. И от лучей на груди на самой ране образовался из серебряной нити крест величиной вершка* в три, зашел в мою рану...

Очнувшись, я встал, и у меня сейчас же начался особенный какой-то кашель и харканье. С кашлем у меня вышел какой-то комок с сукровицей и гнилью, и я сразу почувствовал легкость в груди, сердечную радость и почти не ощущал никакой боли, до того стал здоров, что даже забыл совершенно о болезни. Грудь моя стала как каменная, как будто и никогда не болела»²³⁸.

Этот случай полностью изменил жизнь Василия Алексеевича. Он воспринял происшедшее с ним чудо как призыв Господа и решил оставить бранный мир и полностью посвятить себя Богу. Но осуществление своего решения ему пришлось отложить почти на 30 лет. Он был связан военной обязанностью и мог осуществить свою мечту только после увольнения со службы.

После войны по рекомендации военного руководства его приняли в военное училище, которое располагалось в Москве. Вскоре после окончания училища он женился и с женой проживал по разным гарнизонам. Участвовал в Русско-турецкой войне, где за храбрость был возведен в звание полковника и награжден многими орденами. Василий Алексеевич так и остался бы военным человеком, если бы не понимание со стороны жены, которая была очень набожной женщиной и знала тайные устремления души своего мужа. Она согласилась отпустить его в монастырь.

В 1888 году Василий Алексеевич прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. Через два года, а именно 21 марта 1890 года, он был пострижен в рясофор с именем Варсонофий, а еще через четыре года, 8 апреля 1894 года, в мантию. Послушание отец Варсонофий проходил в канцелярии. Все удивлялись его смирению и кротости. Ведь человек, привыкший на протяжении 30 лет командовать, видевший много жестокости и крови, теперь готов был выполнить любое послушание, любую просьбу брата.

За смирение Господь сподобил отца Варсонофия нового чудесного видения, которое он описал впоследствии так: «Летом 1893 года пришел я из церкви после повечерия в свою убогую келью. Помолился Богу и сел на койку с целью возлечь на своем убогом одре и заснуть до утреннего звона. Как только сел на койку, то мне пришло в голову, что вот, мол, я столько времени живу в обители (уже семь лет), каждый день бываю в церкви Божией, каждую неделю исповедуюсь и приобщаюсь Святых Христовых Таин, а значит, уже кое-что да заработал у Всевышнего Творца. А жена-то моя Л. ...в церковь не ходит, Богу не молится, живет скверно, срамно и даже пасквильно. Что же ее ожидает? Конечно, вечная мука, огонь неугасимый, червь неусыпаемый, ад — и больше ниче-

²³⁸ АРПМА. Док. № 518. С. 279.

го! О горе, горе, что ее ожидает, несчастную, на том свете за ее скверную, безобразную жизнь. С этими мыслями я лег и как бы забылся, заснул. Что же я вижу: вдруг засияло в келье, стало светло как днем, отворяются двери, входит какой-то молодой человек, среднего роста, блондин, на голове волнистые волосы, одет он весьма благообразно: голубая рубашка и такового же цвета кушак, белые панталоны... Берет он меня за правую руку и говорит: «Пойдем, я покажу тебе твое место». Я встал и пошел за ним.

Вышли мы из кельи... Как только вышли, то нам открылось зеленое поле, по нему-то мы и пошли без дороги прямо по хорошей мягкой зеленой траве, устланной различными цветами с хорошим запахом. Шли как бы в гору, подымаясь все выше и выше к небу. Наконец, добрались до вершины сей горы. Когда взошли на гору, то на востоке воссияло солнце. До этого солнца видно не было, но все-таки было очень светло. Я смотрел прямо на солнце, и оно не слепило мне глаза.

С вершины этой горы открылась прекрасная равнина. На ней росла высокая трава, цветы. Попадались кустарники и деревья, по которым с ветки на ветку перепархивали мелкие птички. Только прекрасное пение этих птиц нарушало тишину. К великому своему удивлению, вижу среди сей громадной, а может быть, и бесконечной степи сидит на стуле одна-одинешенька моя жена, и никого больше нет. Сидя, она наслаждается благоприятным воздухом и пением райских птиц. Скрестив руки на груди, благодушно смотрит на восток. Одета она в хорошо знакомую мне блузу. И вся одежда ее выглядела прилично.

Увидел я ее еще издалека, так как место было ровное. Когда мы проходили мимо нее, то я невольно посмотрел на себя. И что же вижу? Одет я в давно изношенный, порванный под мышками военный мундир. На ногах изорванные брюки и нечищенные, дырявые сапоги. Стыдно стало мне идти мимо своей жены таким оборванцем. Она меня в таком виде никогда не видела. Что же, думаю, делать? Хоть бы нам миновать ее каким-нибудь образом, свернуть в сторону, чтобы пройти мимо нее, не быв ею замеченным, а то вовсе срам. Только я это помыслил, как мой провожатый разгадал мой помысел, взглянул на меня, как бы улыбнулся и направился вправо, чтобы мы прошли мимо так, чтобы она нас не увидела. Она же пристально смотрела на восток. Как будто кого-то ждала оттуда.

Шли мы по сей прекрасной степи долго. Наконец, оказались среди сухой, песчаной, каменистой и невзрачной местности. Подошли к большому длинному чугунному погребу с чугунной громадной дверью, на которой висел большой плоский замок. Был у этой двери также и внутренний замок. Спутник мой открыл наружный плоский замок, а затем и внутренний. Двери же как бы сами собой отворились. Мы вместе вошли в небольшое помещение. Там оказалась другая дверь с такими же замками. Спутник мой отпер и эту дверь. Когда мой провожатый

открывал дверь, то взял левой рукой за верхний железный угол, из-за большой тяжести с трудом отворил ее, а правой рукой молча указал мне, чтобы я вошел внутрь, переступив через порог, который был очень высок. До последней минуты я думал, что и он последует за мной внутрь, но ошибся. Лишь только я переступил порог, то он, глядя в полуотворенную дверь и придерживая ее левой рукой, говорит мне: «Вот твое место». И вместе с этими словами захлопнул дверь. Слышу: щелк, щелк, щелк — замок закрылся, а я, несчастный, остался в этом таинственном погребе, где чугунная дверь и чугунные же стены.

Тут я почувствовал невыносимую вонь, смрад. Услышал страшный гул, неистовые крики, увидел дым, от которого дышать мне не было возможности. Я закрыл себе лицо руками и залился горькими слезами со словами: вот это твое и есть место. Видя свое безысходное положение в этой крошечной тьме, наполненной невыносимым смрадом, долго я проливал слезы. Насытившись ими, очнулся немного, стал рассматривать этот погреб, думая: может, можно найти из него выход. Затем захотел узнать: что это слышится за шум, откуда исходит огонь, дым. Рассмотрел, что вниз ведет лестница, а в конце ее, левее, большое отверстие, из которого по временам выскакивают языки пламени и клубы дыма. Я осмелился осторожно спуститься по ней к отверстию и заглянул вовнутрь. Там я увидел громадную бесконечно горящую печь, а в ней множество людей. Они располагались в печи кто сидя, кто лежа, кто стоя. И все эти несчастные кричали разными голосами от невыносимых страданий. От них-то из сей печи и исходил такой крик, что он сливался в дикий, неистовый гул. Я про себя подумал: выходит, что я нахожусь как бы на пороге этой страшной печи.

Поднялся я опять по лестнице и вижу при входе в дверь, на правой стороне, величиной со старинный медный пятак круглое окошко. Только через него ко мне исходит свет. Я взглянул в него и вижу опять свою жену, сидящую на том же месте, где я ее, проходя мимо, оставил. Мне представилось ее наслаждение. А я-то, несчастный, нахожусь во аде. Она этого не знает. И я опять залился слезами, жалея о том, что не показался ей, когда проходил мимо. Если бы я сказал ей, то уж она, наверное, подошла бы к сему окошечку и хотя бы утешила меня чем-нибудь. А может быть, отомкнула каким-либо образом в этом погребу дверь и освободила меня из сего критического положения.



Вот до чего довели меня мои мечты. Вот мой загробный заработок. А лучше всего считать себя хуже любой твари. Одному Творцу ведомо наше загробное положение. Так я очнулся. И не знаю, вышел ли я из этого погреба или нет!»²³⁹

Отец Варсонофий так комментировал свое видение: «Так вот жена моя и сидит теперь в сей чистоте и приличной блузе в прекрасной степи, наслаждаясь приятным воздухом и пением райских птиц. А я-то, окаянный мечтатель, где? Во тьме кромешной! Вот мое место. Теперь о том, почему я шел в своем старом военном мундире. Что это за изорванный военный мундир и как он на мне очутился. Помню, что когда-то, еще в молодости, пожертвовал я его своему товарищу... Послал ему его. На, мол, товарищ, тебе то, что мне не негоже. Так вот в этом пожертвованном рваном мундире я и увидел себя.

Теперь о блузе, в которой была моя жена. Хочу сказать, что она пожертвовала ее одной нищей старушке. Случилось сие так. Была у нее старенькая блузка. Она ее постирала, высушила, выгладила утюгом, обложила рюшью, и в тот момент, когда закончила все свои дела, мимо приходила нищая старушка, которая просила милостыньку и просила дать ей что-нибудь из старого платья. Жена спросила у нее: «А что у тебя в доме есть ли кто-нибудь из молодых?» Та отвечала, что у нее есть внучка — невеста. Тогда моя жена взяла, завязала эту самую блузу в узел, вложила туда же белье, чулки, свои полусапожки, да и отдала ей, говоря: «Вот на все сие твоей внучке». Старуха осталась весьма довольна, поблагодарила ее и ушла»²⁴⁰.

12 февраля 1896 года отца Варсонофия постригли в схиму. После этого он еще девять лет прожил в обители, проводя жизнь в покаянии и смирении. Он был преисполнен духовной радости, когда присутствовал на богослужении в храме. Все видели его восторженный взор, направленный в сторону алтаря, как будто он с нетерпением ждал выхода оттуда горячо им любимого Господа. И один Бог знает, сколько раз он сподобился этого видения.

Преставился отец Варсонофий 8 мая 1905 года.

²³⁹ АРПМА. Док. № 518, С. 272.

²⁴⁰ Там же, С. 275.

Схиархимандрит Иоасаф (Завадский)

Схиархимандрит Иоасаф (в миру Егор Ефремович Завадский) родился в 1865 году в крестьянской семье села Николаевка Слоновской волости Новооскольского уезда Курской губернии. Начальное образование получил в сельской школе. Потом поступил в Курскую духовную семинарию, готовился стать священником, но, не желая жениться, решил стать монахом. Его выбор места для будущего проживания пал на Афон.

В 1889 году 24-летний Егор прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. Его духовным отцом стал отец Агафодор (Буданов), с которым он был связан впоследствии теснейшими духовными узами. 31 марта 1890 го-



да Егора постригли в рясофор с именем Иоасаф, а через год, 5 апреля 1891 года, в мантию. Послушание он проходил в канцелярии помощником отца Тихона (фон Рамбаха).

Духовник Агафодор поощрял духовный рост отца Иоасафа постоянными испытаниями его смирения. А отец Иоасаф с пониманием принимал напутствия и наставления своего старца. 11 мая 1895 года его рукоположили в иеродиакона, а 17 февраля 1896 года постригли в схиму. Еще через четыре года, 27 июля 1899 года, его рукоположили в иеромонаха. Вскоре после пострига его послали на подворье в Москву, где он провел, исполняя послушание, целый год, принимая активное участие в издательском деле монастыря.

В 1900 году отец Иоасаф вернулся на Афон. Именно в это время он пишет очерк «О различии веры и науки», который дает нам хорошую возможность понять тогдашний духовный уровень отца Иоасафа. Вот что он пишет, размышляя о вопросах отношений веры и науки: «Несмотря на различие областей веры и науки, они тем не менее должны быть объединены по своей цели. Вопрос о различии веры и науки и апостолом Павлом был решен только в смысле разграничения областей той и другой. Что же

касается их цели, то и сей вселенский учитель давал им одно общее направление: познание Бога и спасение мира. Да иначе и нельзя, ибо, если допустить различия целей веры и науки, тогда в жизни человечества не было бы смысла. Для чего создан человек? Для того, чтобы вечно блаженствовать с Богом. Но в чем заключается это блаженство? Прямым безуклончивым ответом должно быть следующее утверждение: «в вечной жизни». Но зададим себе еще вопрос: чем будет заполнена эта вечная жизнь, какая должна быть ее действительность? На этот вопрос ответ дал Сам Господь: «...да знают тебе единого истинного Бога» (Ин. 17, 3). Из этих слов Господа нам понятно, в чем будет заключаться деятельность человека в будущем веке. Она будет заключаться в вечном познании непостижимости Бога и таком же вечном прославлении Его величия. Но эта деятельность должна начаться здесь, на земле. Наука служит именно этой цели. Ибо что такое наука? Наука есть знание. Чего? Всего, что есть в мире и в природе. Апостол Павел говорит: *«Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Невидимая бо его, от создания мира творениями помышляема, видима суть, и присносущная сила его и Божество, во еже быти имь безотвѣтнымъ»* (Рим. 1, 19–20). Вот главная цель всей красоты и гармонии мира! Вот та область, в которой работает человеческий разум! Но далека ли эта область от области веры? Нисколько! Она совершенно едина с областью науки, так что между ними нет и малейшего промежутка. Как о свойстве розы свидетельствуют два различных наших чувства — зрение и обоняние, так и о свойствах единого Божества мы имеем свидетельство посредством двух способов — веры и науки. Ибо предмет науки есть Бог, и предмет веры есть тот же Бог. Разница только в том, что наука познает Бога в его творениях, а вера в Откровении Священного Писания. Выходит, что цель той и другой — истинное познание Бога и приближение к Нему человечества в спасении»²⁴¹.

Отец Иоасаф твердо верил, что эти две области человеческой деятельности — богословие и точная наука — когда-нибудь на определенном уровне их развития пересекутся и превратятся в единую дисциплину. «Как человек может познать Бога? — спрашивает он самого себя и сам же отвечает. — Бог, по благодати Своей, воззвавший человека к жизни и не восхотевший, по любви к нему, чтобы человек остался в неведении относительно Творца своего, открыл ему три пути, приводящие его к истинному богопознанию. Эти пути следующие: разумная душа человеческая, вечный мир и Священное Писание. Все эти пути суть различные виды Откровения Бога в созданном им мире и восполняют друг друга»²⁴². По глубокому убеждению отца Иоасафа, постепенное развитие человека в духовном и материальном познании приводит его к пониманию Божественной природы.

²⁴¹ БРПМА. Док. № 33309. С. 1 — 3.

²⁴² Там же. С. 29–30.

Отец Иоасаф отличался строгостью монашеской жизни. Все монашеские правила он исполнял в точности. Был всегда отзывчивым и внимательным к братьям.

30 июня 1905 года отец Иоасаф по приглашению Священного Синода и по благословению старцев обители выехал в Россию для исполнения должности духовника в Нижегородский Печерский монастырь. Впоследствии он стал настоятелем Троицкого Островоезерского монастыря Нижегородской епархии. Отец Иоасаф ввел в этом монастыре Афонский чин богослужения и поминовения благодетелей.

Дальнейшая судьба отца Иоасафа нам неизвестна.

Иеросхимонах Никодим (Наумов)

Иеросхимонах Никодим (в миру Николай Васильевич Наумов) родился в 1854 году в крестьянской семье в одном из селений Сапожковского уезда Рязанской губернии. Его мать звали Верой. Какой была его жизнь до поступления в монастырь, мы ничего не знаем. Но по его письмам можно судить, что он получил хорошее образование и в 1877–1878 годах участвовал простым солдатом в Русско-турецкой войне.

В 1883 году Николай Васильевич стал послушником Одесского подворья русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Через год его перевели на старый Афон, где 30 мая 1885 года постригли в рясофор с именем Никодим.

Его радости не было конца от того, что он сподобился благословения на постриг от отца Иеронима, и от того, что сам постриг совершен был игуменом Макарием. Ведь всего через пять месяцев после этого отец Иероним умер. В мантию же отца Никодима постригли 17 марта 1888 года. После чего его отправили на Новый Афон, а оттуда на Ново-Афонское подворье в Санкт-Петербург.



Трудно ему было спастись в большом шумном городе, но по молитвам старца он нашел прибежище в церкви, где постоянно проводились службы и различные требы и для чего нужны были певчие. «Я теперь исполняю клиросное послушание, — пишет он своему духовному отцу игумену Макарию, — постоянно нахожусь в церкви и для исполнения другого послушания совершенно не имею времени. С публикой не общаюсь, уклоняюсь от этого, знаю только церковь, келью да трапезу»²⁴³.

В Санкт-Петербурге, именно в его бытность там, было достроено Ново-Афонское подворье. О благолепии храма подворья отец Никодим писал отцу Макарию следующее: «Так благотворно действует (благолепие) на душу, производит такие религиозные впечатления, что посетители невольно высказываются: «Да, действительно все это сделано по благодати Божией». И все сделано с таким благоговением, так скромно, дышит какой-то невероятной благодатью, услаждающей сердце каждого верующего. Слава Богу, теперь нам осталось только благодарить Господа и прославлять за это Его святое Имя».²⁴⁴

Впоследствии отца Никодима перевели на подворье в Одессе, а в 1890 году ему благословили вернуться на Афон. Через год, 24 июня 1891 года, он был рукоположен в иеродиакона и стал исполнять послушание, данное ему в канцелярии. 28 июля 1897 года он был рукоположен в иеромонаха, а 13 марта 1898 года был пострижен в схиму. Вскоре после этого его поставили старцем на Благовещенской* келлии, где у монастыря были виноградники.

Отец Никодим очень любил физический труд и почти все свободное от богослужения время проводил в виноградниках. Братия келлии с удовольствием работала вместе с ним. Во время работы он благословлял братию одному за другим, поочередно, громко читать Иисусову молитву, так что работа и молитва шли одновременно. За трудолюбие, открытость и простоту братия очень полюбила его.

В 1905 году его перевели в монастырь, и он стал в обители духовником — помощником главного духовника братии отца Агафодора (Буданова). Его и здесь все любили. Ему доверяла и любила его не только братия монастыря, но и насельники других русских обителей: скитов, келлий, калив и даже сиромахи. Отец Флегонт (Лебедев) в своих воспоминаниях так характеризует его: «Был всегда ласковым, мудрым в слове, всеми любим, на погребении было небывалое число братии, пустынников и паломников».²⁴⁵ А отец Владимир (Колесников) пишет о нем так: «К отцу Никодиму расположено братство и почти половина исповедуется у него. Привлекает паломников своими беседами и обхождением, и к нему от всех большое уважение. После его смерти было много со-

²⁴³ АРПМА. Док. № 709. С. 2.

²⁴⁴ Там же, С. 8.

²⁴⁵ АРПМА. Док. № 212, С. 193.

жалующих и даже плачущих... ибо он был единственным из духовников наших, к которому свободно обращались. Похороны вышли торжественные... Игумен и до 20 иеромонахов, братии множество. Трудов его было очень много, и удивительна его энергия к делу до последнего времени. Очень развитый, с образованием»²⁴⁶.

Преставился отец Никодим 30 марта 1908 года. Когда он умер, ему было всего 54 года, двадцать пять из которых он отдал самоотверженному служению Богу и людям, находясь на послушании в обители.

Иеросхимонах Арсений (Ворвулев)

Иеросхимонах Арсений (в миру Александр Козьмич Ворвулев) родился в 1835 году в крестьянской семье слободы Борисовка Грайворонского уезда Курской губернии. Его мать звали Анной. Ворвулевы принадлежали к крепостным крестьянам графа Шереметьева. Обладая хорошим голосом, Александр был избран в число певчих графской капеллы и уже восьми лет от роду отправлен в Петербург, где и пробыл до 18-летнего возраста.

Затем он возвратился на родину, где целых четыре года прожил с родителями, прежде чем ему удалось определиться послушником в Ахтырский монастырь Харьковской епархии. Тихий, миролюбивый Александр быстро приобрел расположение братства. Вскоре он был пострижен в мантию и наречен Анатолием. Прожив в Ахтырском монастыре пять лет, отец Анатолий был переведен в архиерейский дом Харькова, где был рукоположен в иеромонаха. После 15-ти лет службы при архиерейском доме, как скромный, способный иеромонах, он был переведен в новооткрытый Роснянский Свято-Дмитриевский монастырь той же епархии. Здесь он занимал ответственные должности регента, эконома, благочинного, казначея вплоть до отъезда своего на богомолье в Иерусалим в 1888 году.

После Иерусалима отец Анатолий посетил Афон, куда прибыл за полгода до смерти игумена Макария. Во время первой исповеди он был поражен глубиной духовного созерцания старца Макария, у которого исповедовался. Проведя всю ночь в молитве, на утро он опять пошел к старцу Макарию и начал просить принять его в братство монастыря. «Отец Анатолий, если я вас приму, — говорил ему отец Макарий, — то вы не сможете занимать таких высоких должностей, которые вы занимали в вашей обители, и вам придется в течение пяти лет исполнять самые простые

²⁴⁶ АРПМА. Док. № 317, С. 101.

послушания, пройдя срок испытания. Готовы ли вы на это?» Отец Анатолий немедленно дал согласие и был принят в число братства Руссика.

Шесть месяцев до смерти старца он выполнял послушание вурдунаря* — ухаживал за мулами, что считалось самым трудным послушанием на Афоне. Перед смертью отца Макария он, как и вся братия, пришел проститься с умирающим игуменом. Поцеловав его руку и попросив благословения, он услышал следующее благословение великого старца: «Отныне будешь ежедневно поминать усопших братий на проскомидии, и меня не забудь в конце». С тех пор, в течение 20-ти лет, послушанием отца Анатолия было ежедневное служение Литургии в маленьком параклисе святого Дмитрия Солунского, где на проскомидии он поминал всех усопших братий монастыря.

29 марта 1894 года он принял великий ангельский образ (схиму) с именем Арсений. Аскетически настроенный, благоговейный отец Арсений до последнего времени, несмотря на свои 75 лет, оставался верен своей примерной подвижнической жизни. В молитвах был неусыпаем, в воздержании постоянен. Отец Владимир (Колесников) пишет о нем так: «Служил ежедневно Литургию, долго поминая на проскомидии братский синодик. Служил ее так, что Литургия всегда продолжалась около трех часов. Жизни был очень духовной. Делатель молитвы Иисусовой, великий постник»²⁴⁷.

Сама смерть его была как бы венцом послушания. Как-то ночью он отправился напутствовать больного брата, поскользнулся, упал с лестницы и сильно



расшибся, слег в больницу и больше уже не вставал. Скончался тихой, мирной христианской кончиной, напутствованный таинствами Святой Церкви.

Преставился отец Арсений 26 сентября 1910 года. В архиве монастыря хранятся его памятные заметки и письма к неизвестным лицам, которые являются дополнительным свидетельством о высокодуховной жизни отца Арсения²⁴⁸.

²⁴⁷ АРПМА. Док. № 322. С. 130.

²⁴⁸ АРПМА. Док. № 4072.

Схиархимандрит Трифон (Упорников)

Схиархимандрит Трифон²⁴⁹ (в миру Тимофей Маркелович Упорников) родился в 1837 году в семье вольного казака станицы Букановской Донской области.

Двадцати шести лет от роду в 1863 году он прибыл на Афон и поступил в число братии Русского Пантелеимонова монастыря. С любовью и смирением исполняя разные послушания, брат Тимофей был образцом трудолюбия. Через три года он был пострижен в мантию с наречением имени Трифон. Послушание проходил простым матросом на судне монастырского парохода, а между плаваниями пел на клиросе.

При обычных внешних монашеских подвигах, незримо для мира под богомудрым водительством старцев обители созидалась внутренняя жизнь инока Трифона. С каждым годом все более и более преуспевая в христианском совершенствовании своего духа, он постепенно готовился к той деятельности, которую суждено было ему исполнять впоследствии. Отца Трифона рукоположили в иеродиакона 28 сентября 1875 года, а в иеромонаха 20 марта 1876 года, после чего он был послан на подворье Руссика в Москве, где пробыл три года. После этого старцы благословили ему быть братским духовником на монастырском судне, на котором он неоднократно ходил в Россию. Во время одного из этих плаваний он встретился на судне с Великим Князем Константином Николаевичем, которому глубоко в душу запали духовные размышления отца Трифона. Это сыграло огромную роль в дальнейшей судьбе судового духовника.



²⁴⁹ Жизнеописание составлено по книге: Душеполезный собеседник за 1911 год. М., 1911, С. 150.

В 1885 году иеромонах Трифон по распоряжению Священного Синода был вызван с Афона и назначен духовником Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича и настоятелем храма в Орианде в Крыму, где служил до кончины Великого Князя. Стяжав себе славу доброго пастыря, отец Трифон был потом приглашен П. И. Голубинским на должность настоятеля Гурзуфской курортной церкви Успения Пресвятой Богородицы, в которой, с благословения епархиального начальства, настоятельствовавал 16 лет, назидая паству словом, личным примером и любовью. Деликатный, ласковый, отзывчивый, он скоро приобрел симпатии своих прихожан, которая выразилась в поднесении ему золотого наперсного креста.

Многолетняя служба отца Трифона в Гурзуфе по достоинству была оценена Священным Синодом, по указу которого 17 июня 1907 года епископом Таврическим Алексием в мужском Георгиевском монастыре он был возведен в сан архимандрита.

Несмотря на долгую разлуку, он никогда не прекращал переписки со своими духовными наставниками духовником Иеронимом и игуменом Макарием, а после их смерти с игуменом Андреем, игуменом Нифонтом и игуменом Мисаилом²⁵⁰, стремясь получить от них хоть часть того афонского духовного опыта, который считал высочайшим достижением в монашеской жизни. Этот опыт достижения святости он и старался передать своим прихожанам и духовным чадам.

Но, всегда тяготея к своей духовной Родине — Афону, он не раз высказывал желание оставить настоятельство в Гурзуфе и окончить дни свои под сенью родной обители на Афоне. Однажды, когда у него заболели ноги, он с досадой писал игумену Андрею: «Я всегда вспоминаю родную свою обитель и все подвиги, происходящие в ней. Но меня смущает болезнь ноги и что я уже не смогу быть полезным там, так как для меня простоять три часа почти невозможно. Вот это меня и смиряет. Будьте уверены в том, что я в душе, всегда и везде, как был, так и теперь остаюсь таким же благодарным и доброжелательным духовным сыном и не теряю надежды на свое возвращение в святую обитель»²⁵¹.

Афонские старцы с нетерпением ждали возвращения отца Трифона. Вот что писал ему в 1901 году игумен Андрей еще за семь лет до его возвращения на Афон: «Преподобнейший отец Трифон, Вы пишете, что все ожидаете указа о назначении вместо Вас другого священника. Если это состоялось или скоро состоится, тогда пожалуйста к нам в обитель, как только окончите свои дела. Милости Вас просим приезжать к нам, нисколько не сомневаясь»²⁵².

²⁵⁰ АРПМА. Док.: № 614; № 755; № 904; № 990; № 1054; № 1536; № 3678.

²⁵¹ АРПМА. Док. № 3678, С. 3

²⁵² АРПМА. Док. № 3678, С. 125.

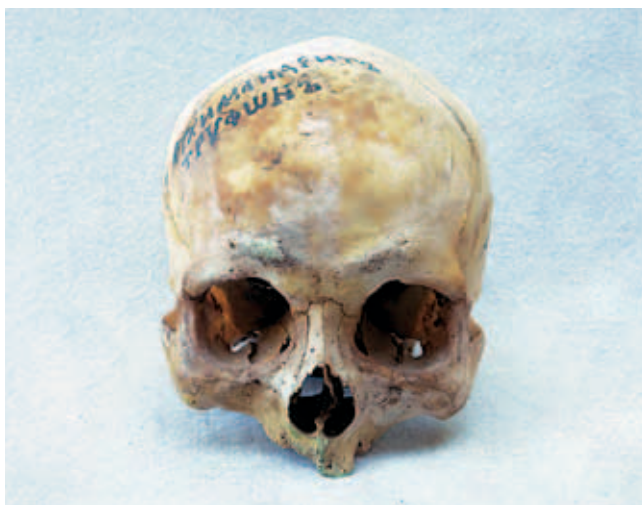
В конце концов Господь исполнил желание сердца отца Трифона и благословение старцев обители. В августе 1908 года, в день храмового праздника Успения Пресвятой Богородицы, отец Трифон служил последнюю Лигурию и прощался с прихожанами своего храма, а в сентябре прибыл уже на Афон. Утомленного пребыванием в миру отца архимандрита благословили остаток дней своих провести в тиши безмолвия, для чего поселили в одной из келлий вблизи монастыря.

Отец Трифон был характера мягкого, скромного, воздержанный во всем²⁵³. Он совершенно был чужд стяжательства. Все деньги, которые его прежние духовные чада подарили ему на прощание (а это восемь тысяч рублей), он пожертвовал на постройку больничной церкви на Крумице.

Прошло два года такой уединенной жизни. Отец Трифон все это время по субботам и воскресеньям приходил в монастырь, где у него была своя келья. Многие братья стремились получить хоть частицу от того огромного опыта, который он приобрел за свою 47-летнюю монашескую жизнь. Он с большой охотой принимал всех жаждущих его наставлений. Двери его кельи были открыты и днем, и ночью. Но недолго пришлось братьям обители наслаждаться его мудрыми советами и отеческой заботой. Никто не ожидал его скорой смерти. Здоровье его, несмотря на почтенные лета, было хорошее, и никто не мог предполагать его внезапной кончины.

В августе 1910 года он заболел — разлилась желчь. Болезнь, несмотря на усилия врача, не поддавалась лечению. Больной с каждым днем чувствовал себя хуже и хуже. Незадолго до смерти отец архимандрит пожелал постричься в схиму, что и было исполнено.

Напутствованный Святыми Таинствами Церкви отец Трифон мирно почил о Господе 31 октября 1910 года. Отец Трифон оставил дневник²⁵⁴ и большое количество писем²⁵⁵, в которых красочно описана приходская жизнь Гурзуфа.



²⁵³ АРПМА. Док. № 322, С. 165.

²⁵⁴ АРПМА. Док.: № 475; № 4084;

²⁵⁵ АРПМА. Док.: № 614; № 904; № 990; № 1059; № 1536; № 3678;

Схимонах Леон (Воскресенский)



Схимонах Леон (в миру Леонид Андреевич Воскресенский) родился в 1862 году в мещанской семье в Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Его мать звали Екатериной. По всей видимости, он получил хорошее образование и работал в уездном управлении. Здесь он даже стал личным почетным гражданином уездного города Макарьева. Но, очевидно, Промысел Божий готовил его для другого поприща, что доказывает один случай из его мирской жизни. Вот как он сам вспоминал об этом впоследствии: «Жил я в Нижнем Новгороде. И вот ко мне из села — родины моей — приехала погостить мать. И что же? Как-то она узнала, что в городе есть старая дева по имени Муза. Она обладала некоторым даром прозорливости. По врожденному женскому любопытству отыскала эту

Музу, принесла ей яблок и спрашивала ее о будущей судьбе своего рода.

Возвратившись от нее, она говорит мне, что была у Музы. Говорит, что у нее было очень много народа. Спрашивающим она отвечала. Иных ругала за порочную жизнь, а других вовсе гнала и не принимала никаких подношений. «Я, — рассказывала дальше мать, — ее спрашивала о Маше (сестра моя, теперь умершая в первых родах). Выдать ли ее замуж? Она коротко ответила: скоро выдашь за мальчишку». Я матери на это сказал что-то вроде того, что эта женщина — бесноватая. В молодости влюбилась в одного человека, а он ее и не взял замуж. Она же затосковала, осталась девой и от тоски сделалась бесноватой. На самом деле лично Музы я не видел и истинных обстоятельств ее жизни не знал.

Вскоре после этого, разочаровавшись в той жизни, которую проводил в мире, по милости Божией и Царицы Небесной, вздумал я оставить мир и служить Богу, поче-

му поехал на родину, дабы проститься с родными. По приезде моем туда вдруг явился жених, молодой человек, и сестру отдали за него замуж. Я объяснил родителям, что хочу отправиться спасаться на Афон. В это время мать моя и говорит: «А помнишь ли, как я ходила к Музе? Ведь она верно сказала о Маше, что скоро та выйдет замуж за мальчишку! Да и о тебе она сказала тогда. Только я тебе не открыла этого. Она сказала, что старший сын уйдет в монахи, и вот ты едешь». Я тогда подивился, а теперь и еще более удивляюсь и славлю Бога за все Его милости»²⁵⁶.

Слава Богу, призыв Господа Леонид услышал и в 26-летнем возрасте приехал на Афон. Было это в 1888 году. Здесь он сразу поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где ему дали послушание трапезаря*. 15 марта 1890 года его постригли в мантию с именем Леон, а через пять лет, 23 марта 1895 года, — в великую схиму. За это время его отправляли на послушание на Новый Афон и на подворье в Москву, откуда он присылал письма к своим духовным отцам: игумену Андрею и отцу Агафодору (Буданову)²⁵⁷. К последнему он особенно привязался и, вернувшись на Афон в 1897 году, до самой своей смерти имел с ним тесное духовное общение.

До 1906 года отец Леон исполнял послушание писаря в канцелярии, так как у него был красивый, разборчивый, каллиграфический почерк, поэтому ему давали переписывать старые рукописи из библиотеки монастыря.

В 1906 году в жизни отца Леона происходят кардинальные изменения. Его духовник отец Агафодор благословляет ему жить в отшельнической келие недалеко от монастыря и вести затворническую жизнь. Заодно он должен был сторожить масличный сад. Радости отца Леона не было границ. Так как все 18 лет его пребывания до этого момента в обители и дня не прошло, чтобы он не думал о затворе ради Бога, но сам не дерзал просить об этом, ждал проявления воли Божией. Вот что он писал в своем дневнике: «Стал давненько замечать за собой, что какое-то в душе является тяготение, хочется все быть одному, ни с кем не разговаривать. Явилась особенная скука о уединении, явились мысли уединиться недели две, так, чтобы не говорить, чтобы испытать совершенное молчание. Мысли свои сообщил духовнику отцу Агафодору, и он одобрил»²⁵⁸.



²⁵⁶ АРПМА. Док. № 518, С. 516.

²⁵⁷ АРПМА. Док.: № 1183; № 1758.

²⁵⁸ БРПМА. Док. № 33175, С. 2.

Новую жизнь с Богом отец Леон использовал для самосовершенствования. «Вряд ли придется испытать совершенную христианскую жизнь здесь, на земле, по своей худости и беспечности и греховной жизни, — пишет он. — А ведь люди ревновали и достигали, начинали подвиг с нежаления себя и трезвения. Вот этого-то и не хватает у меня. Что делать? Вопить: Господи, Господи, призри с высоты и виждь немощь и худость, помогай и имиже веси судьбами спасай грешного раба Твоего»²⁵⁹.

Отец Леон так понимал цель своего уединения: «Истинное безмолвие состоит в самоотвержении, совершающемся в средоточии человека, в духе его, в устремлении всех помышлений к служению Богу. Постоянное самопознание вводит в непрерывающийся подвиг покаяния и плача и познания своего ничтожества. Познание себя — драгоценное познание. Оно приводит к живому и обширному познанию Бога, приводит к верному и правильному управлению и распоряжению с собой. Назначение человека — быть сосудом и орудием Божества. Необходимо искать смирение, которым достигается прощение во всех грехах и исцеление от всех страстей»²⁶⁰.

Строгим постом и ежедневным бдением преодолевая свои телесные немощи, непрестанной Иисусовой молитвой и трезвением усвершенствуя свой внутренний мир, отец Леон, с Божией помощью, достиг высокого уровня христианского совершенства. В своей ежедневной подвижнической жизни он строго руководствовался учением великого Исаака Сирина, который писал: «Высшее благо для человека Божия в этом мире есть чистая молитва, и если человек не умрет по отношению к другим людям и не останется наедине с самим собой и не будет подвизаться в безмолвии как мертвец во гробе, то он не сможет достичь этого, так как чистая молитва требует отречения от всего». «Чтобы наследовать молитву, — пишет отец Леон, вторя своему великому небесному покровителю, — необходимо отвергнуться всего и подняться на крест самоотвержения, предай Богу дух, душу и тело твое, а от Него прими святую молитву, которая по учению Апостола есть действие в человеке Святого Духа. Жертвенник, на котором приносится молитва Богу, — есть смирение. Жертва же внимательная — растворенная покаянием молитва. Плоды истинной молитвы: святой мир души; соединение с тихой, молчаливой радостью, чуждой мечтательности, самомнения и разгоряченных порывов и движений; любовь к ближним, не различающая добрых от злых, достойных и недостойных, из которой воссияет чистейшая любовь к Богу»²⁶¹.

Несомненно, что отец Леон, с Божией помощью, достиг такой любви, о чем свидетельствуют его многочисленные духовные записки²⁶², которые безусловно заслуживают, чтобы их увидел свет. Приведем лишь один отрывок из многих прекрасных

²⁵⁹ Там же, С. 4.

²⁶⁰ Там же, С. 95.

²⁶¹ Там же, С. 92.

²⁶² БРПМА, док.: № 33167; № 33175; № 33212; № 33253; № 33267.

духовных заключений отца Леона: «Очевидно, основанием создания мира и человека служило не одно только безмерное могущество Божественной воли, но и неизменное богатство Божественной любви. Поэтому именно, если человек не может исполнить своего назначения в мире, т. е. если он не может явить собой живой образ Бога и через это сделать мир действительным причастником Божественных совершенств, то как собственная жизнь человека, так и существование всего мирового бытия, несомненно, не имеет никакого смысла. Вот задача на всю жизнь мою!»²⁶³

Выполнив поставленную пред собой задачу сполна, старец Леон в возрасте 52 лет преставился ко Господу 9 марта 1914 года.

Иеросхимонах Михаил (Фомичев)

Иеросхимонах Михаил (в миру Петр Семенович Фомичев) родился в 1852 году в крестьянской семье в одном из селений Бежецкого уезда Тверской губернии. Его мать звали Иулианией. Начальное образование он получил в сельской школе. Мальчик имел прекрасный голос, поэтому был зачислен в хор сельской церкви. Постоянное общение со служителями церкви не прошло без следа. Юный Петр часто задумывался о смысле и цели жизни человека в этом мире и в конце концов пришел к выводу, что лучшее, что может сделать человек в этом мире, — постараться уподобиться Христу. С тех пор он начал думать о поступлении в монастырь.

В 1876 году Петр Семенович прибыл на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где 28 ноября 1878 года был пострижен в мантию с именем Патрикий. Послушание, как и многие новоначальные насельники Руссика, он проходил на Крумице на виноградных плантациях обители, но после пострига был переведен в больницу обители, где был помощником фельдшера. Одновременно пел на клиросе, имел голос — бас.



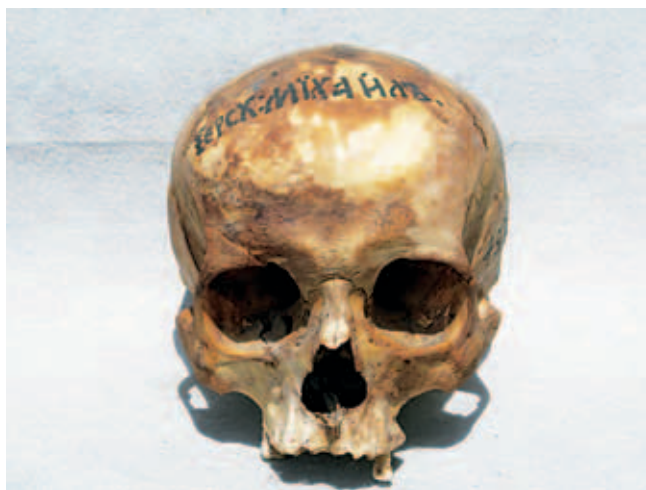
²⁶³ БРПМА. Док. № 33175, С. 110.

С 1890 года отца Патрикия, как певчего, посылают на подворье в Москву, а оттуда в Санкт-Петербург, где при Ново-Афонском подворье он становится регентом и организует хор. В 1895 году отец Патрикий был рукоположен в иеродиакона, а затем и в иеромонаха и назначен духовником подворья в Санкт-Петербурге. О его деятельности там мы можем судить из его писем²⁶⁴ к старцам обители.

На подворье Санкт-Петербурга, как духовник, он заслужил огромный авторитет не только среди братии подворья, но и среди прихожан, среди которых было немало представителей высшего общества. Вот что пишет об этом в своем дневнике отец Владимир (Колесников): «В Петербургском Ново-Афонском подворье [отец Михаил] получил синодальный крест и украшение с камнями от почитателей, кажется от князей Юсуповых, где много лет совершал богослужение. Возвратившись из Петербурга, отдал в Руссик подаренные лично ему разными лицами семь тысяч рублей. Чистый русак, простой характером. В Петербурге его любили и уважали. В 1905 году был записан кандидатом в наместники»²⁶⁵.

От наместничества он отказался, но до своей смерти оставался Соборным Старцем. 8 апреля 1908 года отец Патрикий был пострижен в схиму с именем Михаил. В последние пять лет своего пребывания в обители отец Михаил вел затворнический образ жизни, привилегий никаких не требовал, хоть и имел на то право. Скорее, наоборот, всячески старался остаться в тени, незамеченным, не хотел выделяться из числа братии.

Преставился отец Михаил 15 февраля 1910 года, умер тихо и мирно.



²⁶⁴ АРПМА. Док.: № 637; № 722; № 767; № 1143.

²⁶⁵ АРПМА. Док. № 321, С. 101.

Иеросхимонах Исидор (Молчанов)

Иеросхимонах Исидор (в миру Иван Дмитриевич Молчанов) родился в 1847 году в крестьянской семье в слободе Великая Михайловка Новооскольского уезда Курской губернии. Мы ничего не знаем о его жизни до поступления на Афон. Не знаем: как он пришел к мысли о монашестве? Как решился осуществить этот замысел? Можно лишь предположить, что долгий стук Господа в двери его сердца был наконец им услышан, и вот 34-летний Иван в 1872 году, полный решимости посвятить всю свою жизнь делу постижения Божественной любви, приезжает на Афон.

Ивана сразу определили на послушание на Крумицу, где среди виноградников и масличных садов до 1881 года проходила его жизнь. Там же, на Крумице, его определили затем в сапожную мастерскую, где он в совершенстве освоил сапожное дело. В это же время в 1875 году с именем Исидор его постригли в рясофор, а 24 марта 1876 года в мантию. У отца Исидора был хороший голос — бас, и он поэтому, ко всему прочему, исполнял еще послушание певчего на клиросе.

14 сентября 1882 года отца Исидора рукоположили в иеродиакона и благословили ехать на Новый Афон, где он выполнял также послушание сапожника. Отец Исидор очень скучал по Афону и писал об этом старцам обители: «Очень мне хочется поехать на Святой Афон, убежал бы к Вам, но как будет Ваша отеческая милость»²⁶⁶.

Отец Исидор тогда не мог и подозревать, что он уже никогда не увидит Афона, а Промыслом Божиим ему предстоит потрудиться во славу Божию в России. В сентябре 1889 года отца Исидора постригли в схиму и дали ему новое послушание в рухольной Новоафонского монастыря. Он всеми силами старался помочь игумену Иерону в расширении возможностей материального обеспечения Симоно-Кананитского монастыря, активно участвовал во всех экономических начинаниях обители. 25 мая 1892 года отца Исидора рукоположили в иеромонаха.

Внешняя активность на благо обители не мешала внутреннему духовному развитию отца Исидора. Совсем наоборот, чем больше он посвящал себя бескорыстной заботе о благе монастыря, тем более он чувствовал невероятный прилив благодати Божией, который еще более окрылял его труды.

Отец Исидор очень любил богослужение и имел чудный дар от Бога полностью отстраняться от жизни озабоченного делами труженика и превращаться во вдохновенного молитвенника.

²⁶⁶ АРПМА. Док. № 1093, С. 4.

В 1895 году на отца Исидора наложили великую ответственность — быть духовником братии. Со страхом и благоговением приступил он к исполнению этого послушания и в течение семи лет был утешителем и отцом для своих братьев. За его преданность обители и благоговейность все его очень любили. Он привлек к себе внимание и священноначалия. 1 июля 1902 года по требованию Священного Синода и благословению старцев обители он был назначен игуменом Саратовского Преображенского монастыря.

30 лет отец Исидор с сыновней преданностью служил Русскому Пантелеимонову монастырю и его отрасли — Симоно-Кананитскому монастырю, и теперь ему предстояло оставить любимую обитель и послужить Матери-Церкви на другой ниве. Он с болью в сердце смирился перед волей Божией и отправился на свое новое поприще.

Саратовский Преображенский монастырь был к тому времени не очень большим, его населяло всего 26 иноков. Отец Исидор со свойственной ему энергией приступил к укреплению обители как материально, так и духовно и многого бы добился, если бы не его болезни.

Преставился отец Исидор 6 апреля 1914 года в первый день Пасхи. Смерть его была истинно кончиной праведника. Последнее время он болел и не мог ходить в церковь, поэтому в Светлый Понедельник его причастили Святых Даров в келье, после чего он громко пел пасхальные молитвы. Предвидя свою кончину, послал келейника на кладбище, говоря, чтобы тот через 40 минут вернулся. Но келейник на несколько минут задержался и, вернувшись, увидел старца стоящим на коленях со скрещенными руками. Не получив ответа на свой вопрос, послушник тронул его и увидел, что отец Исидор уже умер²⁶⁷.

²⁶⁷ АРПМА. Док. № 327, С. 182.

Иеросхимонах Феотекн (Галкин)

Иеросхимонах Феотекн (в миру Федор Александрович Галкин) родился в 1851 году в городе Ярославле в зажиточной купеческой семье. Его мать звали Параскевой. Дав ему приличное образование, родители готовили его для торгового дела, но душа Федора тянулась к Богу. Он не мог представить свою жизнь вне Церкви, но противостоять воле родителей тоже не мог. Федор согласился вести дела отца с условием, что его не будут принуждать вступить в брак. Несмотря на данное слово, он смог выдержать суету торговой жизни только до 30-летнего возраста. Больше терпеть не было сил, и он решительно заявил своим родителям, что уезжает на Афон, чтобы посвятить свою жизнь Богу.

Федор прибыл на Афон и в 1881 году поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. 11 марта 1883 года он был пострижен в мантию с именем Феотекн. Первое его послушание — помощник писаря в канцелярии. 6 октября 1885 года его рукоположили в иеродиакона, а 12 июня 1886 года — в иеромонаха.

Вскоре после этого отцу Феотекну пришлось на долгое время расстаться с Афоном. Его отправили исполнять послушание на Московское подворье, где он и пробыл целых шесть лет. Все это время, безупречно исполняя послушание, он не оставлял надежды навсегда вернуться на Афон. Его очень угнетала шумная городская жизнь, от которой он когда-то уже бежал. Криком его утомленной городской суетой души являются следующие слова: «Благословите ехать на Афон, — писал он отцу игумену Андрею, — жду ответа с благословением с нетерпением. Сколько возможно пожил, а больше не



могу, все мы немощны, хочется в обители немножко пожить. А вы все как отгоняете от обители меня. Чего я вам худого сделал? Простите, пожалуйста, меня!»²⁶⁸

Несмотря на стеснения души, отец Феотекн прекрасно понимал, что послушание есть основа духовной жизни, что без него невозможен никакой духовный рост, что приобрести благодать невозможно вне исполнения послушания, что наши устремления и желания не всегда совпадают с волей Божией. Поэтому он с достоинством и покорностью воспринял неожиданное для него известие с Афона о новых назначениях для него вне родной обители.

В 1896 году отца Феотекна перевели на подворье в Одессе, где вскоре он стал настоятелем и исполнял это важное послушание вплоть до 1910 года. Все это время он несколько раз посещал Афон и даже был на короткое время главным ризничим. Но в основном его общение с Афоном ограничивалось перепиской со старцами монастыря²⁶⁹.

Из этой огромной переписки можно хорошо проследить, с какой любовью и преданностью к обители исполнял он свои обязанности. А обязанностей было хоть отбавляй. Через Одессу шли почти все материальные ресурсы для удовлетворения нужд обители, поэтому ему приходилось быть и настоятелем, и экономом, и духовником одновременно. Он знал, как жизненно необходимо для монастыря его послушание и, не жалея себя, своих сил, отдавался точному исполнению своего дела.

Не забывал отец Феотекн и о духовных нуждах своих подопечных. Он всегда был с ними по-отцовски заботлив и по-братски дружен. Но прежде всего он был монахом и никогда не забывал о своих монашеских обязанностях. Настоящая жизнь у него начиналась после вечерни, когда все затихало. Несмотря на усталость, он вставал в своей келье с постели для того, чтобы благоговейно повторять в сердце Иисусову молитву, а после каждой молитвы класть земные поклоны. И так продолжалось



целых три часа. При этом его душа восхищалась до небес, он чувствовал, что от небесного мира его отделяет всего лишь тончайшая грань. Он явно ощущал дыхание этого другого мира, при этом он полностью забывал о заботах и суете земного мира. В эти часы он жил только для Бога и только Богом. Следующий день был лишь ожиданием этого переживания вновь. Поэтому ежедневная суета ничуть не трогала и не касалась его внутреннего

²⁶⁸ АРПМА. Док. № 656, С. 45.

²⁶⁹ АРПМА. Док.: № 656; № 1024; № 1043; № 1044; № 1047; № 1048; № 1534.

устроения. Он старался творить молитву и при оживленных разговорах с портовыми работниками, и при эмоциональных исповедях мирян, и при духовных беседах с братьями. Всюду и везде с ним был его Утешитель — Господь Иисус Христос. Делая любой шаг, он думал только о Нем и старался угодить Богу и людям.

В 1910 году по решению Собора Старцев обители отца Феотекна наконец-то возвратили на Афон. От этого известия он как будто заново родился и, преисполненный чувством благодарности милостивому Богу, не медля вернулся в родную обитель. В ней отец Феотекн принял послушание главного ризничего. Еще четыре года пришлось наслаждаться ему афонской подвижнической жизнью.

Преставился отец Феотекн 1 ноября 1914 года. Кончина его была мирной и по настоящему христианской.

Иеросхимонах Авраамий (Ложников-Жданов)

Иеросхимонах Авраамий (в миру Александр Алексеевич Ложников-Жданов) родился в 1847 году в семье мещанина из города Михайлова Рязанской губернии. Точными данными о его жизни до поступления в монастырь мы не располагаем, но можно почти точно предположить, что он получил хорошее образование и приобрел специальность строителя.

В 1875 году в возрасте 26-ти лет Александр Алексеевич поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона и сразу стал правой рукой старцев Иеронима и Макария, особенно по строительной части. Тогда монастырь активно обустроивался, и знающий строительное дело молодой человек был как никогда кстати.

Через два года его постригли в рясофор с именем Игнатий, а еще через два года — в мантию с именем Августалий. Точная дата его рукоположения не установлена, но известно, что в 1885 году он уже был иеромонахом. В этом году монастырь по инициативе духовника Иеронима и под руководством игумена Макария начал строительство пустыни для монахов, нуждающихся в отшельническом образе жизни, под названием «Новая Фиваида». Оба старца единогласно решили поручить это дело отцу Августалию, и он не посрамил доверия своих любимых старцев. Всего за пять лет основные постройки пустыни уже были возведены и освящены. Афонская братия до конца жизни называла отца Августалия строителем обители «Новая Фиваида», но он был не только строителем, но одновременно настоятелем скита и духовником для всей братии.



Фотография Трехсвятительской келлии времен отца Авраамия. Сегодня полностью разрушена

Вот как характеризует его отец Владимир (Колесников): «Был энергичный, важный деятель и строитель, и настоятель, и духовник, и сборщик, и благотворитель. С 1883 года он неустанно трудился для скита, строил корпуса, разводил огороды, находил и проводил обильную воду, работая и сам с братьями, умел привлекать в скит нужных людей со средствами, помогал и бедным строить каливы»²⁷⁰. За свои огромные труды — и духовные, и физические — на благо монастыря он 9 декабря 1895 года был пострижен в схиму с именем Авраамий, а 25 января 1898 года был награжден набедренником.

В 1896 году отец Авраамий очень серьезно заболел водянкой. Чувствовал он себя очень плохо, из-за чего удалился от дел и около двух лет прожил на Трехсвятительской* келлии монастыря, где чудом вылечился от своей болезни. Это был единственный случай в истории монастыря, когда больной водянкой остался жив. Все этому дивились, тем более что болезнь в случае с отцом Авраамием дошла до последних своих стадий. Что случилось на Трехсвятительской келлии? Мы теперь можем только гадать. Отец Авраамий никому не рассказывал о подробностях своего пребывания

²⁷⁰ АРПМА. Док. № 329. С. 93.

там. Но точно зная, что он никаких лекарств не изобрел для излечения этой болезни, можно лишь предположить, что Господь услышал многочисленные молитвы старцев и братии обители о выздоровлении отца Авраамия, тем более что за него молились не только старцы и братья обители, но весь Фиваидский скит и сотни отшельников.

Милостивый Бог посылает нам болезни, чтобы испытать нашу веру и проверить силу нашей любви к нему, а также для нашего сплочения в братской любви. Возводя искреннюю молитву за страдающего брата, мы не только помогаем ему, но и сами растем в любви, духовно сближаемся друг с другом и сплываемся в одну христианскую семью — Церковь, глава которой Господь Иисус Христос.

После чудесного своего излечения отец Авраамий вернулся в обитель и с прежней энергией стал трудиться для ее блага. В 1905 году старцы монастыря предложили ему быть настоятелем Старого Руссика. Все братия радовались этому назначению, так как, зная неутомимый характер отца Авраамия, они надеялись, что он сдвинет с мертвой точки уже длившееся тридцать лет на Старом Руссике строительство храма св. великомученика Пантелеимона. Дело в том, что этот храм был заложен в 1871 году, но из-за недостатка средств его строительство было приостановлено, а возобновление постоянно откладывалось. И вот братия монастыря не прогадала. Действительно, отец Авраамий убедил соборных старцев продолжать постройку собора и очень скоро и энергично взялся за дело. Пять лет он неутомимо трудился на постройке этого храма. Это строительство особенно было затруднено с началом Первой мировой войны. Но, с Божией помощью, отец Авраамий довел дело до такой стадии, что после его смерти оставалось лишь доделать мелочи для полного завершения строительства храма. Храм был освящен в 1920 году в день памяти святого великомученика Пантелеимона митрополитом Антонием (Храповицким). Если бы не старания и самоотверженный труд отца Авраамия, этот прекрасный храм и сегодня лежал бы в руинах.

За свое высокое подвижничество отец Авраамий получил от милостивого Бога особую благодать, о чем нам прекрасным образом свидетельствует в своих записках преподобный Силуан Афонский: «Великим постом на вечерне, в Старом Нагорном Руссике, одному монаху дал Господь увидеть иеросхимонаха Авраамия в образе Христа. Старец-духовник стоял в епитрахили и исповедовал, когда в исповедальню вошел тот монах. Он увидел духовника, седого старца, с лицом молодого, как у мальчика, человека. Лик его весь сиял и был похож на Христа»²⁷¹. То, что вышеназванный монах — сам преподобный Силуан, он признается в другом месте своих писаний: «Дал мне Господь увидеть на Старом Руссике во время исповеди иеромонаха-духовника в образе Христа. Он стоял в исповедальне невыразимо сияющий, и, хотя он был весь белый от седины, лицо его было прекрасным и юным, как у мальчика»²⁷².

Преставился отец Авраамий 17 марта 1915 года.

²⁷¹ Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский. Москва, 1996. С. 346.

²⁷² Там же, С. 333.

Иеромонах Паисий (Платонов)



Иеромонах Паисий (в миру Петр Васильевич Платонов) родился в 1850 году в купеческой семье города Орла. Его мать звали Татьяной. Петр получил хорошее образование, изучил греческий и немецкий языки. Родители рассчитывали, что он наследует дело отца, но у Петра были другие планы насчет своего будущего. Он еще во время учебы в гимназии твердо решил посвятить свою жизнь служению Богу. Конфликт с родителями усугубился, когда 18-летнего Петра решили женить. Он начал сопротивляться, но его повенчали насильно. Петр решил, что если он немедленно не примет решительных мер, то его мечтам не суждено будет сбыться. На второй день после венчания он убежал из дома и скрылся под чужим именем в одном из российских монастырей. Три года он

скрывался, но когда почувствовал, что его тайна вскоре будет раскрыта, то незамедлительно отправился в путь по направлению к Афону.

На Афон Петр Васильевич прибыл в 1871 году и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где старцы его утешили и укрепили в его решимости стать монахом. Через два года он был пострижен в рясофор с именем Паисий, а еще через год в мантию. Первые свои послушания отец Паисий проходил на Старом Руссике, на подворье в Солуни, в обители архондаричным. В 1884 году его рукоположили в иеродиакона, а затем и в иеромонаха. В качестве старшего архондаричного ему вменялось в обязанность общаться с высокопоставленными гостями. И он пользовался среди них большим успехом, так как был очень культурным и обходительным человеком. Одним из таких гостей являлся граф Гейден, который был поражен радушным при-

емом и безграничным гостеприимством отца Паисия. Именно он сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе отца Паисия.

В 1886 году по благословению игумена Макария отец Паисий отправился на Новый Афон в качестве духовника Симоно-Кананитского монастыря. Несмотря на разлуку со своим духовным отцом, он письменно поддерживал с ним связь и получал от него нужные для спасения его души мудрые советы²⁷³. Два года он провел здесь и заслужил любовь и уважение здешней братии, и не только братии, но всех прихожан монастыря. В то время в Сухуми проживал владыка Геннадий (Павлинский), которому также очень понравился образованный и обходительный отец Паисий, и он, по благословению старцев обители, взял его к себе в помощники.

В 1889 году епископ Геннадий умер, и отец Паисий собрался ехать на Старый Афон. Но знавший его граф Гейден рассказал о нем обер-прокурору Священного Синода В. Саблеру, который искал духовное лицо, владеющее немецким языком, для служения в фамильной церкви православного немца графа Адлерберга. И вот по указу обер-прокурора отец Паисий был отправлен в Баварию для служения в церкви при имени графа. Ровно девять лет провел он на немецкой земле. Там он не только служил в церкви и духовно окормлял графскую семью, но и участвовал во всех начинаниях Австрийской духовной миссии. Так продолжалось до самой смерти графа, когда отец Паисий был освобожден от своих обязанностей служения в семейной церкви, после чего он немедленно отправился на Афон, по которому бесконечно тосковал.

В 1898 отец Паисий прибыл в родной Руссик и был встречен с радостью игуменом Андреем и всеми братьями монастыря. Так, через 12 лет разлуки, он вновь вернулся в свою родную обитель и больше никогда не расставался с ней. Оставшиеся 19 лет жизни отец Паисий провел внешне незаметно, вел предельно скромную жизнь. Он, смиренный и кроткий, очень не любил рассказывать о своем прошлом, и по его виду никто не мог бы сказать, что он прошел через множество жизненных перипетий. Если, с начала его возвращения, братья еще интересовались его прошлым, то постепенно все забыли о молчаливом старце, который ходил почти как тень: ни с кем не общался, ни с кем не имел близких отношений. Впрочем, с одним Вечно Сущим он имел очень близкие отношения, безгранично любил Его и считал потерянной каждую секунду, проведенную без Него. Милостивый Господь тоже отвечал преданному старцу взаимностью, Он послал ему такую болезнь, которая позволяла отцу Паисию свою жизнь полностью без остатка посвящать молитвенному общению со своим Создателем. Старцу парализовало ноги, и последние десять лет он не выходил из кельи.

Преставился отец Паисий 19 сентября 1917 года.

²⁷³ АРПМА. Док.: № 647; № 1138.

Схиеродиакон Сисой (Савченко)

Схиеродиакон Сисой (в миру Николай Евстафьевич Савченко) родился в 1842 году в мещанской семье города Ейска Кубанской области. С детства воспитывался в духе христианского благочестия, с детской простотой полюбил Господа и жаждал посвятить жизнь служению Христовой церкви. Окончив семинарию, но, не желая жениться, 18-летним юношей он поступает в монастырь. Вскоре он был пострижен в мантию с именем Трифилий, а еще через три года был рукоположен в иеродиакона. Прожил он в этом монастыре (к сожалению, не известно в каком) ровно 25 лет, после чего по неизвестным нам причинам решил поехать на Афон и там продолжить свою подвижническую жизнь.

В 1885 году отец Трифилий прибыл на Афон и стал просить старца игумена Макария принять его на Новую Фиваиду в качестве отшельника. Отец Макарий немедленно благословил отца Трифилия поступить в скит, где в 1888 году он был пострижен в схиму с именем Сисой. Жил он там в отдаленной келие пустынником и безмолвником около 35-ти лет.

Первые шесть лет отец Трифилий был в полном затворе, совершенно не общаясь с людьми, только раз в месяц приходил в скитскую церковь и причащался Святых Христовых Таин и вновь исчезал, уходя в свою келию. Чем он питался в это время, одному Богу известно. И не известно, сколько бы длился его полный затвор, если бы не один случай, принудивший его принять послушника. В то время отшельнические келлии были объектом интереса разного рода разбойников. И вот однажды они напали и на келию отца Сисоя. Этот случай и побудил его принять послушника.

Вот как он описывает случившееся с ним происшествие в своем письме игумену Андрею (Веревкину): «Великое благодарение Господу, соблюдающему меня. Известно уже Вам, что были у меня разбойники, оставившие по себе память на побитой двери, вероломно силившиеся ворваться в нее. Но помешал сосед, за что сам чуть не пострадал. А что выпил чашу разнообразных от обнаженного ятагана* страхований, я до гроба не смогу забыть. Благоволил Бог в провидении Своем соблюсти участь мою для славы Своей. Но это прошло, слава и благодарение Богу. Но на будущее Он дает мне напоминание и предупреждение, что пребывание одному стало опасно. Хотя упование на Господа имеем непоколебимое, но разумно было бы и осторожность проявлять. Со дня того покушения, на второй день после этого события, явился ко

мне брат с письмом от одного старца — подвижника с рекомендацией о нем, где было сказано, что может быть он угоден будет Господу и вам в сожитии. Удивился я его приходу, случившемуся ко времени. И сам спасен, и брат предлагается во упокоение. Не Промысел ли тут свыше? Вследствие чего извещаю и Вам об этом и предлагаю почтительнейшую просьбу имени ради воскресшего Господа, благословите, допустить этому брату пребывать при мне, если укрепитя с образом моей жизни, тем более такое для меня смутное положение»²⁷⁴.

Отец игумен благословил их совместное проживание. И стали подвизаться вдвоем старец и послушник, прожив вместе, во славу Бога, двадцать шесть лет. Непрерывная Иисусова молитва была их главным занятием. В каливе ли, во время рукоделия ли, на огороδικе ли — они не прерывали своего молитвенного правила.

Правила отца Сисоя были таковы: ничего не должно отвлекать монаха от Господа, руки работают, а сердце творит молитву; устанет сердце, разум размышляет о Господе; устанет разум, глаза читают Священное Писание — и опять все заново. Только так возможно размягчить окаменелое сердце падшего человека. Все говорят, что капля камень точит, но никто не видел, чтобы одна капля упала на камень и она его хоть как-то повредила. Не то что одна, а миллионы капель не смогут одолеть каменную твердь, но постоянный, неотступный, целенаправленный труд воды через тысячу лет действительно может продырявить камень. Так и наше каменное сердце. Только непрерывное пребывание с Богом может вернуть ему первозданную мягкость и способность любить.

Мы часто удивляемся, что даже ежедневное молитвенное правило и пребывание на богослужениях не приносят нам ощутимых духовных результатов. Это только потому, что между этими Божественными действиями мы расслабляемся и допускаем обратное отверждение только что размягченного нашего сердца. И так топчемся на одном месте, а чаще всего при одном шаге вперед делаем два шага назад.

О духовной высоте отца Сисоя свидетельствует следующее описание отцом Денасием (Юшковым) встречи с ним:

«Не очень далеко от Фиваиды подвизается один древний благочестивый старец, которого я прежде незадолго пред сим посетил. Он удостоил меня своей многопользой беседы. Я просил старца сказать мне что-нибудь для пользы моей грешной души, и глубоко внимательный старец начал поучать меня. Вот что он говорил:

— Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения. Ныне! Когда оно в наших руках, а не после, не завтра, как мы, часто искушаемые врагом или своей растленной повредившейся природой, говорим себе или, правильнее сказать, обманываем себя, когда и совесть вопиет на нас: доколе? Бог милостив... Он нас любит, за нас постра-

²⁷⁴ АРПМА. Док. № 1450, С. 1–4.

дал... А если пострадал, то и нам надо спострадать Ему, чтобы войти в славу Его. Он милостив, но вместе и правосуден. Милует, долготерпит, ожидая с нашей стороны обращения к нему всем сердцем». Старец, как будто углубившись в какую-то беспредельную даль, продолжал: «Ах! Любовь Божественная, колико ты велика, безмерна и непостижима! Христе Иисусе! Он душу свою положил за нас... Нам остается только обратиться к нему с полным покаянием о своей виновности пред Ним, и Он простит нас. Будем искать Его и найдем. Он яко Человеколюбивый явится нам и пребудет с нами, если не охладеем снова злым нечувствием... если будем понуждать себя во всем следовать Его всесвятейшим заповедям, заключенным в Святом Евангелии, часто противным нашему греховному человеческому разуму... Больше сил наших Он не требует, и заповеди Его не тяжки <...> Не думайте, что раз вы на Афоне, так уж и в рай попадете. Нет, с нас более взыщется, чем с мирских. У нас нет забот ни о семействах, ни о куплях, ни о продажах. От всего этого мы избавились, но дали обет послушания самому Господу исполнять во всем Его святую волю и повиноваться старцам и братии обители, если они не будут требовать противного воле Божественной.

— Но как же, старче, святые отцы говорят, — спросил его я, — что без безмолвия нельзя приобрести покаяние, а у нас ведь, сами знаете, многолюдие и всегдашние сообщения по послушанию друг с другом, так что иной раз и голова закружится, и сам как будто не свой.

— Да, кроме покаяния, нет иного пути к небу. Действительно, безмолвная тишина рождает подвиг, а подвиг — плач, слезы, а с ними и сама собой молитва следует. Но ведь иначе куда же вам деваться? В пустыню? Но не приготовленной к ней она недоступна. <...> Пустыня, безмолвие действительно плодоноснее и удобнее для принесения покаяния и самооплакивания, но я сказал уже, что она не для всех. Иногда и бесы, видя получаемую нами пользу в общежитии, подстрекают к непомерным подвигам безмолвия и едва слышно шепчут: «Будьте яко божи». Не денно-ночно ли строят они нам разные сети? Если не успевают победить нас сначала страстями, они — губители рода человеческого — начинают действовать с благовидной стороны, искушая нас желанием высших подвигов. Случается, они борют какого-нибудь подвижника, а потом, чтобы обмануть его, с отчаянным криком о победе над ними и пустятся бежать. А этот, неразумный, как лев, с рыканием пускается за ними вдогонку с гордым намерением, что наконец-таки победил их окаянных. А на самом деле бывает сам побежден бесом высокоумия <...> поэтому выходить из обители я почти всегда затруднялся советовать, разве только есть тому благословные причины и искушения. Терпи, будешь мученик.

— Старче, — продолжал я, — мне говорил один наш внимательный монах, что при принятии его в число братства послушником духовник отец Иероним, преподавая на это ему благословение, изволил сказать самым выразительным тоном, что он

ради спасения непременно должен озаботиться тем, чтобы стяжать умную молитву в сердце. После того, спустя уже довольно времени по пострижении, когда он пришел к нему с этой радостной вестью, поздравляя его с принятием великого ангельского образа, повторил прежнее замечание. Потом, перед отходом своим в вечность, третий раз и с большой настойчивостью он сказал то же самое.

— Воистину так, — воодушевленно заметил на это старец, — хотя сказанное, быть может, по особому намерению относилось именно к тому лицу, но это полезно и для всех, особенно для нас, иноков. Это необходимый и вернейший путь к достижению Царства Божия внутри нас еще здесь, на земле, а затем и блаженства в вечности.

— Как же, отче святой, — продолжал я, — многие ведь из монахов и из мирян, не имея даже и понятия о молитве умно-сердечной, избавлены вечных мучений и удостоены всеблагим Господом небесных радостей? И вы сами знаете, как в Евангелии убогаются и нищие, и плачущие, и кроткие, и милостивые, а о молитве умно-сердечной там ничего не сказано.

— Иное дело быть помилованным, а иное — быть освященным. Иное дело быть рабом, а иное — быть другом-сотаинником. Иное дело со страхом предстоять у порога, а иное — дерзновенно, т. е. свободно входить во внутренние покои Господина. А иноку даже при пострижении молитва Иисусова поставляется в обязанность. Ибо при вручении четок говорится постригаемому: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий. Пребывай во всегдашней молитве Иисусовой. Всегда бо имя Господа Иисуса в уме, в сердце, в мыслях, и во устех своих имети должен еси, глаголя присно: Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

Блаженный старец Серафим Саровский, достигший великого преуспеяния в этой молитве, постоянно советовал всем инокам проводить внимательную жизнь и заниматься Иисусовой молитвой. Посетил его однажды один юноша, окончивший курс в духовной семинарии (впоследствии архимандрит Никон), и открыл старцу о намерении своем вступить в монашество. Старец преподавал душеспасительные наставления, в числе коих дал заветное обучение Иисусовой молитве. Говоря о ней, он присовокупил, что одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутренней, не суть монахи, а черные головешки²⁷⁵.



²⁷⁵ Душеполезный собеседник за 1890 год. М., 1890. С. 315.

Прожив долгую 57-летнюю монашескую жизнь, 75-летний старец Сисой 17 апреля 1917 года преставился ко Господу в своей келие и был погребен там же. Через три года его кости откопали, и желтую, как воск, главу его забрал в свою келью почитавший его отец Денасий (Юшков), где она хранилась до кончины последнего.

Иеросхимонах Владимир (Колесников)



Иеросхимонах Владимир (в миру Василий Васильевич Колесников) родился 27 июля 1851 года в селе Чудово Новгородской губернии. Его отец Василий и мать Евдокия скончались от чахотки в 1858 году с разницей всего в три месяца. Семилетний Василий, четырехлетняя сестра Екатерина (впоследствии ставшая монахиней Новгородского Зверина-Покровского монастыря) и двух лет брат Виктор остались на попечении бабушки его Матроны и тетки — сестры отца.

Дедушка Тимофей умер еще до смерти родителей Василия, но он успел сыграть большую роль в формировании истинно христианского мировоззрения мальчика. Вот как отец Владимир вспоминал впоследствии своего первого наставника: «Дед был весьма религиозен, любил меня и еще четырех лет от роду носил в церковь с собой на клирос, где любил петь»²⁷⁶. Позже, вследствие этого, у уже повзрослевшего мальчика появилась внутренняя потребность исполнять молитвенное правило. А первоначальной грамоте Василия научила тетка. Затем с течением времени у юного Василия проявилась большая любовь к книгам, и он зачитывался сутки подряд. «Однажды, — пишет он в своем дневнике, — рассматривая книгу с картиной Страшного Суда, размышлял я о бесконечной вечности и мучениях с желанием избавиться от них и себе, и всем, особенно близким. И вот, кажется, тогда же, молясь Богу, я дал обещание не жениться, не пить водки и не курить. Но о монашестве и

²⁷⁶ АРПМА. Док. № 332. С. 4.

понятия не имел, да и до 20-ти лет ничуть не думал, что буду монахом. Одно только было намерение — жить благочестиво и спастись»²⁷⁷.

До двадцатилетнего возраста Василий жил с братом своего дедушки в Санкт-Петербурге, где тот занимался мелкой торговлей. Юноша учился в начальной школе, а впоследствии сначала помогал в его торговом деле знакомому деда купцу Ивану Максимову, а перед самым поступлением в монастырь работал в конторе ткацкой фабрики некоего Константина Ильича, который и сыграл решающую роль в принятии Василием решения стать монахом. Этот человек был очень благочестивым и церковным. Он быстро понял духовные устремления своего нового подопечного и, находясь с паломнической миссией на Афоне, написал письмо Василию с предложением приехать на Афон. «Все это чрезвычайно изумило меня, — писал отец Владимир в своих воспоминаниях, — и вдруг явилось сильное желание ехать»²⁷⁸.

Но не сразу он смог поехать на Афон. Сначала он поступил на подворье Руссика в Москве, где в то время жил великий старец Арсений (Минин). Василию посчастливилось быть у него писарем и здесь, в Москве, и впоследствии на Афоне почти до смерти старца в 1879 году.

1 июня 1874 года он наконец-то приехал на Афон, и его, как было сказано выше, сразу определили в канцелярию отца Арсения. 6 апреля 1874 года отец Арсений постриг его в рясофор, а 3 мая того же года в мантию.

Послушник сопровождал старцу Арсению всюду, куда бы ни ездил этот неутомимый старец: и в Москву следить за строительством часовни, и на Новый Афон выбирать место для строительства нового монастыря, и в другие места.

После смерти отца Арсения отец Владимир окончательно осел в обители и до конца жизни не покидал его, кроме одного случая — посещения Иерусалима в 1901 году. 12 декабря 1884 года его рукоположили в иеродиакона, а 16 апреля 1888 года в иеромонаха.

Послушанием же отца Владимира была организация издательского дела монастыря. На этом поприще он много потрудился и принес огромную пользу. Он был организатором издания ряда книг, редактором-составителем серии «Душеполезный Собеседник», в котором отдел «Афонская Летопись» принадлежал исключительно его перу, кроме некоторых выпусков 1911–1915 годов. Он же был редактором и издателем писем отца Арсения (Минина). Занимался не только изданием книг, но и организацией их распространения по всей России. Кроме того, отец Владимир был очень наблюдательным и внимательным человеком и детально описал быт монастыря, оставив обширные дневники²⁷⁹ и переписку с разными лица-

²⁷⁷ АРПМА. Док. № 332, С. 12.

²⁷⁸ Там же, С. 27.

²⁷⁹ АРПМА. Док.: № 294–332 и № 505–510.

ми (одним из его адресатов была племянница иеросхимонаха Арсения (Минина) монахиня Ольга (Шилова), насельница Новгородского Зверин-Покровского монастыря, которая скончалась 30 декабря 1892 года)²⁸⁰.

Несмотря на свои огромные труды на благо монастыря, отец Владимир не смог избежать искушения и очень идеализировал своего духовного отца. Он так привязался к отцу Арсению (Минину), что после его смерти уже не смог никого воспринять как духовного руководителя, что привело к тому, что он замкнулся в себе и долго был охвачен духом противления. Ни игуменов, ни духовников монастыря он не мог уже принять так близко, как было с отцом Арсением. Он всех сравнивал с ним и решительно отвергал всех.

Мы уже говорили выше о вреде недооценки роли духовника в жизни подвижника, но немало опасна и переоценка личности духовника. Эта так называемая болезнь старцемании — одна из форм тщеславия. Все мы ищем для себя каких-то особых, опытных, выдающихся духовников. Наша гордость нам диктует: мы один раз живем, мы один раз спасаемся, и мы должны позаботиться, чтобы у нас был самый лучший руководитель в этом деле. Но наше духовное возрастание зависит не от духовного уровня нашего духовного наставника, а исключительно от нашего смирения. Бог дарит нам благодать не потому, что мы нашли лучшего наставника, а только потому, что мы решаемся отказаться от самомнения и своего «я», полностью подчиняем себя воле Божией и со смирением принимаем любого, Богом благословенного, наставника, если даже он и не соответствует нашим представлениям о духовнике.

Особенно трудно смириться нам, если мы образованны и начитанны. Ведь не всякий духовник имеет высшее образование, и мы смущаемся и считаем ниже своего достоинства принимать советы от человека менее образованного, чем мы. Но Бог именно через этого человека передает нам свою волю, именно он является проводником Святого Духа, он рукоположен Апостолами и, как они, имеет благословение доводить до нас волю Бога, несмотря на уровень своего интеллекта и образования. Нам нужно только смириться и открыть наши сердца для принятия Божией воли. А поиски особенных старцев лишь отговорка и уступка нашей гордости.

К концу жизни отец Владимир понял свою ошибку и покаялся отцу Агафодору (Буданову). Душа его сразу умиротворилась и успокоилась. В утешение милостивый Господь сподобил его видения о будущей судьбе горячо им любимой Родины — России. «Какой-то удивительный сон, — пишет он в своем дневнике в сентябре 1917 года, — от которого и проснувшись, не скоро мог опомниться и увериться, что все по-прежнему. Видел сначала будто днем ехали с отцом Савином по какой-то большой дороге, как бы в телеге, потом вышли, а лошади ушли. Мы уже пешком шли к какому-то большому городу вроде Москвы, входим в него, на улицах идет множество народа.

²⁸⁰ АРПМА. Док. № 332.

Вдруг среди дня начинает темнеть, и все более и более, сначала думалось, не затмение ли, но нет, народ едет уже в темноте, снимает шапки, а кто-то говорит: «Это что-то великое совершается. Как будто стали зажигать фонари, но я взглянул на небо и в глубине его вижу массу движущихся светящихся фигур, которые становятся все отчетливее, и видно, что это бесчисленное множество сил небесных приближается к земле. И уже вполне убедился, что это Второе Христово пришествие».

Господь дал понять своему верному рабу, что на его Родину надвигается большая опасность. Отец Владимир очень переживал за судьбу России. Всю жизнь, не переставая, он поминал в своих молитвах императорскую семью, а особенно Царя-Освободителя Александра II, к которому испытывал чувство безграничной благодарности, так как считал, что именно благодаря его действиям он — потомок крепостных крестьян — смог получить образование и свободно распоряжаться своей жизнью.

Преставился отец Владимир 10 декабря 1918 года.



Схимонах Владислав (Попов)

Схимонах Владислав (в миру Василий Николаевич Попов) родился в 1849 году в семье мещан Николая и Дарьи Поповых в городе Жиздра Калужской губернии. Василий получил хорошее образование. Учился вначале в гимназии в Калуге, после чего закончил Московский Императорский университет. Работал в Москве в издательстве И. Ефимова, где ему поручили редактирование книг, издаваемых Русским Пантелеимоновым монастырем. Это и стало решающим моментом в дальнейшей судьбе Василия.

Очень много общаясь с монахами московского подворья Руссика, он проникся глубиной их духовности и благочестия. Особенно повлиял на его миросозерцание великий старец Арсений (Минин), высокая духовная жизнь которого приводила в восторг всех знавших его. После долгих размышлений Василий решает полностью посвятить свою жизнь Богу, тем более что он не был обременен семейными узами.

В 1881 году он прибыл на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. Здесь он пребывал всего четыре года, выполняя послушание в книжной лавке монастыря. 12 февраля 1885 года его постригли в мантию, и старцы благо-



словили ехать обратно, поручив ему возглавить издательское дело монастыря в Москве. Он энергично принялся за работу и почти 30 лет неизменно с огромным успехом вел издательские дела обители. Им было составлено и отредактировано бесчисленное количество книг. Он тесно сотрудничал с ответственным за издательское дело обители отцом Владимиром (Колесниковым) и с библиотекарем отцом Матфием (Ольшанским), с которым имел постоянную переписку²⁸¹. Ни одного своего дела он не начинал без совета со старцами, о чем свидетельствуют тысячи писем, присланных им в обитель на имя игуменов Макария, Андрея и Мисаила²⁸². Изучая эти письма, можно детально восстановить историю издательского дела монастыря.

После тридцати лет разлуки Бог сподобил его вернуться в свою родную обитель. Это было воистину промышление Божие, так как он прибыл на Афон летом 1914 года, а уже через месяц началась Первая мировая война, и всякое сообщение с Россией полностью прекратилось. Отец Владислав еще три года послужил обители, выполняя послушания ризничего и казначея. 24 февраля 1917 года его постригли в схиму.

Несмотря на внешнюю активность, отец Владислав постоянно был занят устроением своего внутреннего мира. Интеллектуальный труд никак не мешал ему поддерживать постоянное молитвенное настроение духа. Наученный еще на Афоне старцами Иеронимом и Макарием постоянному внутреннему бдению, он старался отсекал от себя любой помысел и добрый, и злой, занимал свой ум только размышлением о Господе, часто анализируя слова из Священного Писания. Он выбирал определенную тему и, разыскивая по этой теме соответствующие фразы и изречения из Священного Писания, с начала до конца прочитывал его. И так проделывал он это неисчислимое количество раз. И если при первых чтениях у него появлялось много вопросов и недоумений, то постепенно Слово Божие стало для него близким,

²⁸¹ АРПМА. Док. № 1519.

²⁸² АРПМА. Док.: № 669; № 670.

живым источником истины. Со временем все его помыслы вошли в русло евангельского учения, и это приносило ему неопишущую духовную радость.

Не оставлял отец Владислав и внешне-го делания. За все время своего пребывания на подворье в Москве он ни разу не пропустил богослужения, хотя, сославшись на свою занятость, мог бы это делать свободно. Он никогда не выходил за ворота подворья, хоть и имел множество свя-



зей и знакомств с видными людьми в городе. Он общался со всеми авторами, редакторами, финансистами и издателями исключительно по почте или с помощью курьеров.

После прибытия на Афон подвижническая жизнь стала главной целью отца Владислава. Теперь, освободившись от многочисленных забот издательского дела, он полностью сконцентрировался на деле собственного усовершенствования. Братия обители очень полюбила простого и смиренного старца. Читая изданные монастырем книги, они ощущали в них частицу души отца Владислава, вложенную в эти книги им, и с благодарностью молились о нем.

Преставился отец Владислав 31 июля 1918 года. Вот что записал в своем дневнике в день его смерти друг и сотрудник по издательскому делу отец Владимир (Колесников): «Хорошо пожил и хорошо окончил жизнь, во все время жизни вел себя по-монашески степенно, воздержанно, не любил говорить лишнее, а более молчал и исполнял все в точности. Очень ревностно ходил ко всем церковным службам»²⁸³.

²⁸³ АРПМА. Док. № 4067. С. 93.

Иеромонах Иларий (Сапожников)



Иеромонах Иларий (в миру Иоаким Иванович Сапожников) родился в 1840 году в городе Твери в семье зажиточного купца. Его мать звали Александрой. До 14-летнего возраста Иоаким проводил между своими родными совершенно обычную жизнь, был тихого нрава и любил уединение.

К монашеской жизни его побудил следующий случай. Однажды ночью, когда все спали, он почему-то не мог уснуть. Лежа между своими братьями и сестрой, смотрел на стену, которая была оштукатурена. Через некоторое время он увидел будто на эту стену спускаются какие-то тени, и мало-помалу на ней начала проявляться картина Страшного Суда Божия так ясно, как она пишется на иконах. Долго он смотрел и ужасался, видя праведных во славе Божией и грешных, идущих в озеро огненное. Затем он увидел, как вдруг из этого озера вышло чудовище, как бы наподобие быка...

Это видение заставило испугавшегося мальчика укрыться с головой одеялом.

Долго еще он находился под впечатлением от увиденного. Благодаря этому событию юный Иоаким стал более предрасположен к благочестивой жизни. Он стал удаляться детских игр и захотел поближе познакомиться с монашествующими.

Впоследствии когда Иоаким подрос, то встретился с одним сборщиком Руссика, человеком благочестивым, подвижником, у которого от поклонов на лбу даже образовалась шишка. Его беседы, очень простые, располагали юношу к благочестию, а при чтении книги «Письма Святогорца» его поразило, с каким самоотвержением живут на Святой Горе монахи. Более же всего его поразило то, как долго продолжают там бдения и другие церковные службы.

Все это восхищало его и одновременно останавливало от принятия решения немедленно идти на Афон. Но однажды он, лежа в своей комнате, стал рассуждать о том, с каким большим трудом сопряжено наше спасение. В это время он увидел, как дверь его комнаты потихоньку отворилась и входит человек. Лицо его сияло особенной Божественной благодатью. Подойдя к нему, явившийся присел на кровать, и вдруг на его руке очутился сам Иоаким, но в маленьком виде, а лежащее его тело осталось как бы бездушным. На руке Ангела Иоаким ощущал себя не тем плотским человеком, которым был в жизни, а каким-то воздушным, хотя имел подобие человека. Ангел, держа его на руках, обращался как бы к душе его и говорил: «Видишь этот лежащий труп, который не может сделать никакого движения. Бессмысленно о нем заботиться. Он должен остаться таким, каким ты видишь, — без души и без движения, и стоит ли жалости он. Ты боишься утрудить тело, но оно тленно и рассыплется, а ты вечна».

Еще много было сказано и других слов, которых Иоаким не запомнил. По окончании этой беседы Ангел опять приклонился к трупу и сделался невидимым. После этого видения Иоаким пошел в церковь, отстоял утреню и Литургию, молился с необыкновенным усердием и принял при этом решение отправиться на Афон с вышеозначенным сборщиком. Что и было исполнено²⁸⁴.

В 1862 году он прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. 6 марта 1864 года Иоаким был пострижен в мантию с именем Иларий. У него с детства была склонность к рисованию, и, узнав об этом, старец Иероним дал ему послушание в иконописной мастерской под руководством отца Василия (Селезнева), где отец Иларий вскоре обучился искусству иконописи. 26 сентября 1871 года его рукоположили в иеродиакона, а 21 ноября 1875 года в иеромонаха.

Отец Иларий был настоящим послушником в истинном смысле этого слова. Вот как характеризует его отец Владимир (Колесников): «Как давний искренний ученик покойных знаменитых старцев (Иеронима и Макария), он был истинно монашеского молитвенного духа, боялся всякого греха или обиды на кого-либо, всегда старался быть в мирном настроении. Всю жизнь служил почти ежедневно. Характера очень простого, доброго. Любил беседы с подвижниками»²⁸⁵. Его все любили за любвеобилие и доброту.

С 1902 по 1910 год он был настоятелем на Старом Руссике, а потом старцем на келлии Почаевской* иконы Божией Матери. Отец Иларий сподобился многих видений, особенно Божией Матери, многие из них описаны²⁸⁶. Так, когда в 1863 году на праздник Покрова Пресвятой Богородицы во время вечерни отец Иларий в чис-

²⁸⁴ АРПМА. Док. № 518. С. 528–530.

²⁸⁵ АРПМА. Док. № 331. С. 320.

²⁸⁶ АРПМА. Док. № 518. С. 530–539.

ле 24 служащих иеромонахов и иеродиаконов совершал вход, а на хорах закончили стихиру и начали петь: «Свете тихий», то он вдруг увидел, что перед Царскими Вратами опускается облако необыкновенной красоты. Опускаясь ниже и ниже, оно вошло внутрь алтаря, и отец Иларий понял, что это сходит Царица Небесная. Он тут же залился слезами, чувствуя в своей душе необыкновенный духовный восторг. Когда пораженный этим видением, он вновь поднял свои глаза, то уже ничего не увидел.

Однажды он, стоя на клиросе, усердно держал Иисусову молитву. От умиления он начал ощущать действие ее от ума в сердце. Свет, исходящий как бы из прозрачных облаков, осенил лицо, что привело его в неопикуемый восторг. Но он, будучи еще неопытным в этом деле, испугался этого действия.

Однажды, в день святого Иоанна Богослова, перед которым отец Иларий испытал чрезвычайные скорби, когда он молитвенно обратился к проповеднику любви, вдруг во время этой молитвы он видел, что Иоанн Богослов в том виде, как пишется на иконах, подошел к нему, препоясал его ораером, сказав ему несколько раз: «Терпи, терпи, терпи».

В другой раз, когда в день святителя Митрофана Литургию в его храме совершал архиепископ Пантелеимон (Янинский), который после проживал в Симонопетровском монастыре, где и принял схиму с именем Симона, во время хиротонии одного келиота в иеромонаха, при словах архиерея над приклонившим колени посвящаемым: «Божественная благодать...» — вдруг отец Иларий увидел, что кровля церкви открылась и с высоты небес снисходит Дух Святой. Увидел он также все небесное воинство, лики Ангелов, многих святых, которые также сходили в алтарь к священнодействующему.

«7 мая 1878 года, было у меня страшное и ужасное сонное видение, — пишет в своих воспоминаниях отец Иларий, — но что сие предзнаменовало? Я не знаю! Бог знает! Думаю, что видение было ради моего нерадения, в лености и бесстрастии жизнь свою провождающему, чтобы хотя малость приду в страх Божий и попекусь о загробной моей жизни. Был день субботный, и я, придя после Литургии в келью свою, утомившийся по немощи своей хотел немного отдохнуть. Вдруг представилось мне: что я нахожусь в монастыре своем и вижу собрание народа, не только братии, но и извне пришедших келиотов и прочих. И я будто нахожусь на архондарике греческого корпуса, где расположена келья покойного геронды. С этого архондарика была видна вершина Афонской горы и пространство моря с его отдаленными островами. И кто-то был со мной... Но вдруг я был поражен страшным и светозарным величественным видением, исходящим с неизмеримой высоты востока. Великое светозарное продолговатое облако сходило на середину Святой Афонской Горы, т. е. к ее монастырям. День был сумрачный, солнце покрыто облаками. И как только это великое светозарное облако спустилось ниже по горизонту, то я вижу, что на нем стоит Преподобная Владычица наша Богородица и Приснодева Мария, Царица Неба и

земли, с распростертыми руками держащая светлый омофор. По обоим сторонам Ее множество ангелов. Она была в таком виде, как пишется на иконе Покрова. Верхнее Ее одеяние было красным, нижнее — голубым. Глаза Ее с молитвой были устремлены вверх. Вся Она была окружена небесным светом.

Видя это молитвенное Ее сошествие, я был твердо уверен, что Она — Преподобная снизошла ради нас. Не имея возможности долго зреть это величие и для удостоверения в действительности его, в великом трепете, слезах и радости я скоро вышел на площадь около собора св. Пантелеимона для сообщения и прочим находящимся там о том ужасном видении. Но когда я оказался на площади, то обнаружил, что они тоже созерцают это видение, со слезами, ужасаясь, падают лицом на землю. Тогда я немедленно возвратился опять на архондарик, чтобы вновь еще что-нибудь узреть. Но уже увидел только свет, исходящий от середины местности всей Афонской Горы.

Я продолжал смотреть на него... Но вдруг воссиял величайший свет от юго-востока. Одесную Афона, над пространством моря, я увидел страшнейшее и ужаснейшее видение. Сошло величайшее лучезарное облако. Вместе с ним и прочие облака совокупно спускались, чуть не достигая моря. И это светозарное облако лучами, исходящими от него, озарило всю поднебесную. Облако стало как бы огненным. Видение было настолько страшным, что я не мог ни кричать, ни бежать. Я почувствовал, что колени мои подкашиваются от великого страха, ибо свет от этого облака был сильнее солнца, на котором был виден Господь с распростертыми руками. Волосы на голове у Него были белыми от исходившего света, борода — белая, большая, на конце немного раздвоенная. Одежда в виде фелони, светло-зеленая, а нижняя — сиреневая или голубая цветом.

Величественное видение это, казалось, находилось над пространством моря против Ксиропотама. По правую сторону, высоко от него, а от нашего монастыря по левую стоял великой величины Архангел, подобный изображаемому архангелу Гавриилу. Так как он самый высший служитель Божиих Таин, то он был в светлой длинной белой одежде, крестовидно препоясанный златоблестящим поясом, с неизреченной красоты лицом, преисполненный великой добротой. Крылья у него были из разноцветных перьев. Он стоял неподвижно одесную Господа своего. А по левую сторону от него виднелось множество небесных ангелов. И под видением Господа, а также в светоносном облаке, на котором Он стоял, были видны головки с крылышками, как изображаются херувимы, которые как бы поддерживали это облако.

Внезапно как бы от моря явился страшный дьявол, древний змий и взошел на нижнее облако перед Господом с великим рабским страхом и трепетом. Ростом он был велик, страшен видом, сгорбленный, сам весь черный и с рогами на голове. Крылья

имел нагие, без перьев, покрытые как бы только черной кожей, как у летучей мыши. Он как бы что-то просил у Господа.

Потом взволновалось и вскипело все море. От этого страшного и световидного видения волны взыграли огневидными бликами. Вдали было видно несколько кораблей, два или три, которые вспыхнули огнем. Монастырские святые ворота казались запертыми изнутри. Все это наводило неизъяснимый страх...

С трудом выскочил я во внутренний двор монастыря. Увидев некоторых из наших братьев, я едва мог разговаривать с ними. Не конец ли всему наступает? И поспешил скорее в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, чтобы там умереть. В это время я проснулся в великом страхе, как бы все это со мной было наяву. Вижу, что нахожусь в келье своей, сердце бьется, а сам в великом ужасе.

Благодарю Господа Бога, что еще, по великой милости Своей, долготерпит нашим грехам! Я едва успокоился, потом пошел заниматься своим рукоделием, но страх и памятование об этом все еще не оставляли меня даже и на бдении наступающей ночи. Остается оно в памяти до сих пор.

Примечание: непременно должен заметить, что с 12 апреля 1877 года была объявлена война России с Турцией, но благодатью Божией и заступлением Царицы Небесной мы остались целы и невредимы»²⁸⁷.

Прожив на Афоне безвыездно 56 лет, отец Иларий преставился ко Господу 24 января 1918 года, и как старца Почаевской церкви его похоронили за алтарем ее.

²⁸⁷ АРПМА. Док. № 518. С. 530–539.

Схиеродиакон Феодосий (Никольский)

Схиеродиакон Феодосий (в миру Федор Васильевич Никольский) родился 13 июня 1841 года в городе Туле в семье местного священника Василия Степановича и его супруги Екатерины Федоровны. Детство он провел в селе Рыхотке Тульской губернии. Учился в Тульской духовной семинарии в философском классе, но по болезни не смог закончить учебу.

После выздоровления, взяв благословение у родителей, поступил в Почаевскую Успенскую Лавру, где принял монашество с именем Феофан и был рукоположен. Прожив в Лавре почти 25 лет, он решает поехать на Афон и там продолжить свою подвижническую деятельность.

В 1886 году отец Феофан прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где 15 сентября 1888 года был пострижен в схиму с именем Феодосий. Послушание он проходил на Старом Руссике, который отличался особо строгим уставом.

Отец Феодосий был безгранично рад, что отец Макарий определил его именно туда, так как жаждал строгого образа подвижничества, через которое он надеялся обрести чистоту сердца и приобрести благочестие. «Человек рождается в мире, — пишет он в своем дневнике, — чтобы жить по образу и по подобию Божию в правде и истине Господа нашего Иисуса Христа, чтобы достигнуть вечного спасения и жизни райской в Царствии Небесном с Господом нашим Иисусом Христом и избежать вечных мучений в аду, уготованном дьяволу и ангелам его, а также всем не покающимся грешникам, которые будут мучиться там вечно!

Вечность и ад непостижимы уму человеческому при его жизни на земле, хотя Царство Небесное, по Евангелию, внутри нас есть! В Добротолубии, у святых отцов Церкви Православной, мы читаем, что ад выше всякой муки на земле. Вот почему и возродилась любовь некоего богача в аду к своим родным братьям, как видим из притчи Евангельской. А неверие в Бога Триипостасного и во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь Христову есть уже хула на Духа Святаго, которая, по Евангелию, не простится ни в суетной жизни на земле, ни в будущей по смерти! Ибо Церковь Божия учит: будьте святы и совершенны, яко Свят Господь наш Иисус Христос, даровавший роду человеческому победу над смертью Своим Животворящим Крестом. «...*аще кто хощет по мнѣ ити, да отвержется себѣ и възметъ крѣсть своѣй и по мнѣ грядѣтъ*» (Мф. 16, 24), «*иго бо мое благо, и бремя мое легко есть*» (Мф. 11, 30). И, действительно,

всякий верующий и стремящийся к жизни благочестивой может просто верить, что крестная жизнь во имя Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа достойна жизни вечной и уготовляемых каждому подвижнику благочестия неизреченных благ по смерти, как видим мы, грешные, из житий святых мужей и жен, а равно многих во славу Божию и по заповедям Синайским и Евангельским в любви к Богу и ближним нашим благочестиво живших на земле православных христиан. Все святые мужи и жены, которые жили на земле, спасались и подвизались во благочестии, пребывают в Царствии Небесном. Многие из них подвизались явно в звании монашеском, а некоторые тайно, живя в мире. Но Всеведущий и Всемогущий Бог и Промыслитель нашего спасения, правосуднейший Сердцеведец, на земле уже и наградил их за святую благочестивую христианскую жизнь, одарив их своей благодатью, а по смерти Церковь наша прославила их молитвами, песнями, канонами и причислила всех, живших в правде и преподобии истины Христовой, именно по образу Божию и по подобию, к лику святых за все те чудеса, которыми они ознаменовали жизнь свою во славу Божию с любовью искренней к Богу и всем ближним по Евангелию. Вот единственное назначение жизни человека — и для чего он сотворен по образу и по подобию Божию»²⁸⁸.

Судя по его дневниковым записям, имея такую грандиозную цель, отец Феодосий искал все более и более тяжелых форм подвижничества, но здесь его подстерегал ищущий погибели человека враг. Лукавый искушал его тем, что где-то есть еще более строгий устав и есть еще более высокая духовность. И он попался на эту уловку дьявола. Он решил перейти в монастырь Есфигмен, который действительно славился своим строгим уставом.

И вот 14 января 1895 года он оставил Старый Руссик и поступил в монастырь Есфигмен. Но многоопытный старец быстро понял, что попался в дьявольские сети, и, не медля, вернулся в Руссик. Пав на колени перед игуменом Андреем, просил прощения и милости. Отец Андрей, конечно, простил его и определил на жительство на Новой Фиваиде, где в покаянии и молитве отец Феодосий провел оставшиеся дни своей жизни. Он все время находился в затворе в своей келии и полностью посвящал себя молитве. Свои переживания и мысли он постоянно записывал. Эти записки хранятся в архиве монастыря и представляют неоценимое свидетельство конкретного неповторимого духовного опыта²⁸⁹. Переписывался отец Феодосий и с игуменами Андреем и Мисаилом²⁹⁰.

Только однажды он покинул свою келью. В 1902 году по благословению игумена отец Феодосий поехал в Иерусалим поклониться христианским святыням. Вот что он

²⁸⁸ АРПМА. Док. № 494. С. 7–13.

²⁸⁹ АРПМА. Док.: № 494; № 497.

²⁹⁰ АРПМА. Док.: № 1318; № 1501.

писал оттуда игумену Андрею: «В аскетическом отношении в этой поездке я потерпел во всех отношениях немалый ущерб, что стало очевидным при сравнении правил иноческого жития афонского и вне его во время путешествия и плавания. Но, думаю, это случилось не без промысла Божия, чтобы я смог сравнить это с жизнью на каливе Фиваидской. Теперь я точно знаю, что много еще мне надо потрудиться, чтобы приобрести совершенство и добродетели. Оказалось на опыте, что я еще и не приступил к ним близко. А потому очень сожалею, что пришлось прервать свои келейные фиваидские подвиги, и стараюсь всячески вернуться на Афон»²⁹¹. После этого путешествия он больше никогда не покидал свою каливу на Фиваиде и многими подвигами пробил себе дорогу, ведущую в Царствие Небесное.

Только после 20-летнего затвора из-за тяжелой болезни он оставил свою каливу и переехал в монастырскую больницу, где, недолго проболев, 28 октября 1918 года преставился ко Господу.

Иеросхимонах Вероник (Каменский)

Иеросхимонах Вероник (в миру Василий Григорьевич Каменский) родился 30 июля 1846 года в городе Туле. Он был сыном дьячка Григория и супруги его Анны — очень набожных и благочестивых людей. Сына они воспитывали в страхе Божиим. А потому Василий с детства соединил свою судьбу с Церковью. Несмотря на то что он был учеником Тульской духовной семинарии, по неизвестным нам причинам священником Василий не стал, но мысль стать монахом не покидала его никогда.

В июне 1872 года двадцатилетний Василий прибыл на Афон и поступил в Русский монастырь святого великомученика Пантелеимона, где старцы дали ему послушание в трапезной и певчим на клиросе. 5 января 1875 года Василия постригли в мантию с именем Вероник, а 28 марта 1881 года в схиму с тем же именем.

Старцы видели его большую любовь к богослужению и рвение в исполнении монашеского правила, поэтому 26 июля 1883 года его рукоположили в иеродиакона, а через месяц, 30 июля, в иеромонаха. В это время формировались подворья в Москве и Санкт-Петербурге, где была большая нужда в человеке, разбиравшемся в уставе богослужения. Поэтому отца Вероника благословили ехать туда. Здесь он провел почти два года, но связь со своим духовным отцом игуменом Макарием не прерывал.

²⁹¹ АРПМА. Док. № 1318. С. 1–3.



Вот что он пишет в своем письме к нему: «Живу я по-прежнему плохо. Да Вы и сами изволите знать, если я и на Святом Афоне не по-монашески жил, то что же в мире мятежном? Постоянно грешная душа моя угнетается многоразличными искушениями и страстями. Прошу Вас, Господа ради, батюшка, помолитесь за грешного Вероника, чтобы помиловал милосердный Господь. Я и прежде был уверен, несомненно, в Ваших молитвах за меня, но вопиющая моя духовная нужда заставляет меня беспокоить Вас и до смерти моей. Ибо я всю жизнь нуждаюсь в святоотеческих Ваших молитвах и буду нуждаться и по смерти. О немощах моих душевных и телесных я Вам писал, и Вы мне простили во всем. Это сделала ваша отеческая любовь. Но я самую малость покусился открыть гноя из своего змеиного гнезда. Я несколько упомянул о страстях своих, но еще в душе их у меня целое море, и Вы в этом не сомневайтесь. Петр Дамаскин насчитывает таких страстей

около трехсот, и как после этого не просить Вас и всю братию за себя помолиться»²⁹².

Такое глубокое с сокрушением покаяние было свойственно отцу Вероника всю жизнь, даже когда он был уже духовником других монахов. За это милостивый Господь утешил его многими добродетелями, особенно непрерывным плачем. Он плакал по любой причине, даже когда кто-то жаловался ему на плохую погоду. Слезами он настолько очистил свое сердце, что оно было полностью заполнено любовью. Ему было свойственно абсолютное незлобие и невозмутимость. Мирной душой и спокойствием он возносил в своем сердце славу Богу. Воистину, путь спасения начинается покаянием.

В 1886 году отца Вероника вернули на Афон и определили уставщиком на Старом Руссике, где он жил в непрерывных подвигах поста и молитвы.

В 1901 году отца Вероника назначили духовником обители — помощником отца Агафодора (Буданова). 18 лет он нес это труднейшее послушание и выполнял его

²⁹² АРПМА. Док. № 634. С. 8–10.

безукоризненно. Братья очень любили вечно плачущего старца и без стеснения открывали ему свою душу. Каяться пред тем, кто сам являлся образом покаяния, было всем очень легко, и все к нему тянулись. Он не только принимал покаянные исповеди и напутствовал своих чад, но с любовью записывал все их необычные видения и сны²⁹³. Он всех просил только об одном — любить друг друга. Одновременно он был снисходителен и к немощи человеческой.



«Господь, говоря нам в Евангелии о любви, — писал он в одном из своих писем, — сказал: *«Бóлши сея любвѣ никтоже ѣмать, да кто дѹшу свою положитъ за другѹи своя»* (Ин. 15, 12–13). Если такую любовь Господь назвал образцом и совершенством всякой прочей духовной любви или, точнее, основанием всего духовного закона Божия, то что я должен сказать о себе, немощнейшем и худейшем? Ибо и верховный апостол Петр, когда сидел с Господом за трапезой на вечери, смотрел на своего учителя и Господа, то не мог и допустить в душе той мысли, что он откажется от него трижды. Такова немощь человека»²⁹⁴.

Творя постоянно дела любви и требуя от других того же, отец Вероник никогда не осуждал людей за их немощи.

Преставился отец Вероник 4 декабря 1919 года.

Иеросхимонах Анастасий (Модзалевский)

Иеросхимонах Анастасий (в миру Александр Николаевич Модзалевский) родился в 1850 году в дворянской семье в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии. Его мать звали Ольгой. Мы ничего не знаем о его жизни до поступления в монастырь, кроме того, что он получил университетское образование и занимался педагогической деятельностью. В 35-летнем возрасте он решает оставить мир и полностью посвятить свою жизнь служению Богу.

²⁹³ АРПМА. Док. № 518.

²⁹⁴ АРПМА. Док. № 634. С. 20–21.



В 1885 году Александр Николаевич прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где в следующем году 6 августа его постригли в рясофор с именем Анастасий, а 19 марта 1887 года в мантию. Послушание он проходил в канцелярии синодиков, где велась интенсивная переписка с жертвователями и благотворителями монастыря. 8 ноября 1890 года его рукоположили в иеродиакона, а 14 апреля 1896 года в иеромонаха.

Все это время он под руководством старцев через покаяние и смирение пытался достичь очищения своей души. Иисусова молитва была его основным оружием для совершенствования своей души. Так в подвигах и смирении прошло 15 лет. Отец Анастасий стал сверять свой прежний педагогический опыт с новым опытом духовной жизни и обнаружил между ними огромную пропасть. Он увидел много грубых ошибок мирского воспитания: «Причин, ошибок, конечно, может быть много, — заключил

он после долгих раздумий, — но главнейшая из них, по моему наблюдению и заключению, есть недостаток, а иногда и полное отсутствие духовно-нравственного и религиозного воспитания. Родители таких детей, прилагая старания о их внешнем воспитании, всю надежду возлагают только на одни учебные руководства и учителей, но забывают самое главное: обратиться за помощью к Господу, который сказал: *«Без мене не можете творити ничесоже»* (Ин. 15, 5). Забывают, что судьба, благополучие, счастье и несчастье — все зависит от Него Единого. Забывают повеление Господа: пустить детей приходить к нему (Мк. 10, 14), чтобы у Него — Источника всех благ — почерпнуть благодать *«во благовременну помощь»* (Евр. 4, 16) на пути жизни»²⁹⁵.

Придя к такому заключению, отец Анастасий решил по благословению игумена Андрея написать книгу, которая была издана монастырем в 1902 году под названием:

²⁹⁵ Анастасий (Модзалевский), иеросхимонах. Духовно-нравственная педагогика, или Советы родителям и наставникам, как воспитывать в детях нравственность и благочестие. М., 1902. С. 4.

«Духовно-нравственная педагогика, или Советы родителям и наставникам, как воспитывать в детях нравственность и благочестие». В этой книге отец Анастасий поделился с читателями некоторыми своими наблюдениями.

Увлеченные научными достижениями и быстрым прогрессом цивилизации, люди стали гнаться исключительно за знаниями, но количество знаний не может сделать человека счастливым. Для этого нужно, чтобы он умел любить искренне и преданно. Но любить невозможно без веры в Бога, без внутреннего очищения и без постоянного совершенствования. Поэтому, чтобы быть счастливым, человечеству наряду со знаниями нужна живая вера в Бога. Такую веру нужно воспитывать с младенческих лет.

Неверующий человек, каким бы он ни был высокообразованным и какой бы самой высокой моралью ни обладал, любит прежде всего себя. А такая эгоистическая любовь не приносит истинного счастья. Только самоотверженная, христианская любовь, которая сильна только верующему человеку, является гарантом его счастья. Роль родителей в деле зарождения семени веры в ребенке громадна.

Отец Анастасий с такими словами обращается ко всем разумным родителям: «Велики и святы ваши обязанности. Высоко ваше положение в мире. Чадо ваше есть благословение Божие. Велика ваша отрада видеть рождающиеся и возрастающие ваши чада, но велика и забота ваша о них, велики труды в их воспитании и добром направлении. Если вы вырастите детей ваших крепкими и здоровыми, то это еще не будет достаточно. Если они будут хорошо умственно развиты, хорошо образованы, то и это еще не все. Нужно, чтобы дети выросли с добрыми душевными качествами, чтобы у них было развито чувство совести, милосердие, кротость и любовь — те качества, которые необходимы для каждого человека в достижении цели бытия.

Ваша отрада в детях. Польза и благосостояние общества, государства и личное счастье самих детей ваших зависит исключительно от хорошего и полного их воспитания, а увлекаться в этом серьезном деле новомодными обычаями мира, эгоистично преследующего только временное и при том призрачное счастье, в достижении которого не щадится ни совесть, ни честь, ни нравственность, — более чем бессмысленно. Ибо какая польза родителям и чадам их, если последние при хорошем внешнем образовании, при телесном и умственном развитии мир весь приобретут, а души свои погубят? (Мф. 16, 26)»²⁹⁶.

Рассматривая разные способы духовно-нравственного воспитания детей, отец Анастасий выделяет два главных из них: личный пример благочестивой жизни родителей

²⁹⁶ Анастасий (Модзалевский), иеросхимонах. Духовно-нравственная педагогика, или Советы родителям и наставникам, как воспитывать в детях нравственность и благочестие. М., 1902. С. 8–10



и молитву родителей за чад своих. Без личного примера благочестия все педагогические усилия тщетны. Ребенок — пристальный наблюдатель, и его невозможно обмануть. Если он почувствует и увидит разницу между тем, к чему родители его призывают, и тем, как они сами себя ведут, то бессмысленны все усилия последних. Благочестие словами украшается, но основа — его личный пример. Но и без молитвы

также невозможно ничего достичь, так как «от Господа стопы челоуѣку исправляются...» (Пс. 36, 23). Поэтому отец Анастасий призывает родителей: «Усилить свои старания и заботы настолько, чтобы привлечь ими особенную милость Божию. Здесь-то и требуется подвиг молитвы с верой и упованием на помощь Божию».

«Найдите, — пишет отец Анастасий, — что как бы ни были хороши ваши учебные руководства, которыми пользуются дети, как бы ни были искусны воспитатели ваших детей, все это не принесет им того истинного счастья, к которому должны стремиться христиане. Поэтому надо усердно просить Господа, дабы Он Сам посеял добрые семена в сердцах винограда Христова»²⁹⁷.

Кроме этого труда отец Анастасий составил также сведения о храмах обители, описал виды послушаний, отметил особенности афонских богослужений, ввел четкую регистрацию сумм, пожертвованных на поминовения и др.²⁹⁸. Он же составил летопись монастыря с 1890 по 1916 год²⁹⁹, которая является прекрасным источником для изучения истории обители этого периода.

Из личных качеств отца Анастасия особенно нужно отметить его невероятную скромность. Представитель знаменитого дворянского рода никаким образом не выдавал своего знатного происхождения, а, наоборот, все время старался принизить себя пред другими людьми. За это его все любили и уважали.

5 декабря 1908 года отца Анастасия постригли в схиму. После этого он стал еще более закрытым в себе. Все свои помысли он направлял к Господу, и сердце его было наполнено лишь одним — непрестанной молитвой к Богу.

Прожив в монастыре 35 лет, отец Анастасий в 70-летнем возрасте преставился перед Господом 15 ноября 1920 года.

²⁹⁷ Анастасий (Модзалевский), иеросхимонах. Духовно-нравственная педагогика, или Советы родителям и наставникам, как воспитывать в детях нравственность и благочестие. М., 1902. С. 11–12.

²⁹⁸ АРПМА. Док. № 127.

²⁹⁹ АРПМА. Док. № 121.

Архимандрит Иларион (Кучин)

Архимандрит Иларион (в миру Иван Петрович Кучин) родился в 1842 году в семье мещанина города Кашира Тульской губернии. Его мать звали Анастасией. Учился он в гимназии города Тулы, после окончания которой работал в канцелярии одного из тульских заводов. Но мирская жизнь не привлекала Ивана. Он желал более высокого и чистого, чем ежедневный труд чиновника, жития. Иван знал, что это возможно только в том случае, если бы он смог отречься от самого себя, своего положения в обществе и посвятить свою жизнь Богу.

В 1868 году в возрасте 26 лет он отправился на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. Через два года его постригли в рясофор с именем Иларион, а в 1871 году в мантию. Первым его послушанием было послушание архондаричного. Почти восемь лет он преданно служил и гостям, и братьям, проявляя авраамово гостеприимство. Старцы высоко ценили его духовный и умственный потенциал и готовили его для решения в будущем более серьезных задач.

26 сентября 1876 года его рукоположили в иеродиакона. Вскоре после этого отца Илариона отправили на подворье в Константинополь, где нужны были умелые организаторы. Отец Иларион отлично справился с задачей. Он наладил систему приема и отправки на Афон паломников из России и Иерусалима, которая долго работала и после него. Выполнив эту задачу, он вернулся вновь в обитель, где старцы дали ему важнейшее послушание старшего эконома. И здесь отец Иларион проявил наилучшие свои качества — четкое планирование работ и педантичное отношение к каждой детали, мелочи, что вызывало у старцев большое к нему уважение. И когда игумен Ново-Афонского монастыря отец Иерон стал настойчиво просить помощи в строительстве и организации монастыря, то они остановили свой выбор на отце Иларионе.

С 1883 года он стал казначеем на Новом Афоне. Главной отличительной чертой отца Илариона была не только предельно четкая исполнительность, но и предельно точная отчетность, которую он установил в монастыре. Поражает воображение также и его интерес ко всем деталям и желание иметь точное мнение старцев об этих деталях. Письма его к отцу Макарию являются подробным описанием всех процессов, происходящих в новом монастыре³⁰⁰.

³⁰⁰ АРПМА. Док.: № 700; № 748; № 779; № 1114; № 1198; № 1208; № 1246; № 1348; № 1511; № 1760.



Отец Иларион был активным деятелем не только в монастыре, но и вне его. Именно его усердием было построено Ново-Афонское подворье в Санкт-Петербурге. Вот что пишет об этом отец Никодим (Наумов): «Настолько хорошо построена церковь наша, настолько массивно, величественно и красиво, что даже вся санкт-петербургская высшая публика (что называется знаменитости) в восторге. С чувством огромной духовной радости все с нетерпением ждут ее освящения. Так что в праздничные дни бывает масса посетителей, осматривающих церковь. Все относятся сочувственно, с величайшим благоговением и радостью, но и не без удивления смотрят на эту святую постройку, во всеуслышание говорят, что ни в Москве, ни в Петербурге нет и не было красивее этого собора. Один совершенно неизвестный нам, т. е. незнакомый, пол-

ковник, служащий в Санкт-Петербурге, настолько был восхищен благолепием храма нашего, что взял на себя труд, отыскал на постройке строителя (отца Илариона), благодарил и поцеловал его. По постройке и по всему хозяйству везде хлопочет отец Иларион, помоги ему Господи»³⁰¹.

14 января 1897 года отец Иларион был избран наместником игумена Симоно-Кананитского монастыря и утвержден в этой должности указом Священного Синода. В этом качестве он продолжал самоотверженно служить братьям и приумножать материальное и духовное благо обители. За свои труды он заслужил всеобщую любовь, а особенно отцовскую любовь отца Иерона.

Чувствуя приближение своей кончины, отец Иерон назначил своим преемником по управлению обителью ближайшего своего помощника. Указывая на него, старец говорил братии: «Этого великого труженика оставляю своим заместителем, почитайте и уважайте его, он трудился больше меня. Я вспыльчив и иногда не могу сдержать себя: накричу на иного, укорю его, если знаю какую-либо его вину. А вот он, отец

³⁰¹ АРПМА. Док. № 709. С. 1.

Иларион, при своем великодушии и терпении все делал спокойно и мог успокоить всякого». «Вас, владыка, — продолжал батюшка, обращаясь к преосвященному епископу Сухумскому Андрею, — прошу назначить на мое место этого труженика, который и много потрудился, и обо всем умел подумать, и сделать все, что требовалось для обители. Спаси его Господи за послушание»³⁰². 11 июня 1912 года отец Иларион, согласно желанию отца Иерона, был утвержден настоятелем Ново-Афонского монастыря с возведением в сан архимандрита преосвященным Андреем, епископом Сухумским.

Современники почитали отца Илариона как опытного старца и руководителя духовного, у которого многим должно учиться. Профессор А. Бронзов писал: «Отец Иерон и отец Иларион — нынешний новоафонский игумен... стоят во главе целой когорты руководителей, наставников иноков. А святитель Тихон, Патриарх Московский, в одной из своих бесед с протоиереем Георгием Голубцовым назвал новоафонского игумена отца Илариона «настоящим рабом Божиим».

Архимандрит Иларион игуменствовал в Ново-Афонской обители вплоть до закрытия ее в 1924 году. В день закрытия монастыря он служил последние прощальное всенощное бдение и Божественную Литургию, после чего его арестовали и на следующий день увезли в Сухуми. Вскоре отца Илариона отпустили».³⁰³

Преставился отец Иларион 8 марта 1931 года в Сухуми, будучи в изгнании в поселке на Маяке, в доме одной русской женщины. Похоронен он на Маякском кладбище города Сухуми.

Иеросхимонах Андрей (Жеков)

Иеросхимонах Андрей (в миру Андрей Степанович Жеков) родился в 1865 году в одном из селений Одесского уезда Херсонской губернии. Его мать звали Параскевой. Про его жизнь в миру нам ничего не известно. Лишь можно предположить, что он получил приличное образование и с ранних лет намеревался стать монахом.

В 1888 году в возрасте 23 лет Андрей Степанович прибыл на Афон и поступил в монастырь св. великомученика Пантелеимона, где был пострижен в рясофор 8 апреля 1889 года с именем Андрей, а 6 июня 1891 года в мантию. Первое послушание он проходил на Дмитриевской* келлии, где у монастыря был большой масличный сад.

³⁰² К Свету. № 16, 1997. С. 103.

³⁰³ Там же. С. 103.



27 июля 1897 года отца Андрея рукоположили в иеродиакона и благословили ехать в Россию помощником отца Михаила (Савицкого) на Чумбуре. Там он провёл почти два года. С 1899 по 1906 год по благословению старцев обители он был послан в Солунь в распоряжение Российского генерального консула, где принимал активное участие в строительстве русской больницы Солуни.

В 1907 году он вернулся на Афон, и ему дали послушание эклесиарха. 5 июля 1908 года его рукоположили в иеромонаха и отправили на Кассандру*, в метоху обители, духовником тамошнего братства. 26 сентября 1910 года отца Андрея постригли в схиму.

Несмотря на свою внешнюю активную жизнь, отец Андрей был очень внутренне собранным монахом. «Как человек, — пишет о нем отец Денасий (Юшков), — пользовался любовью братства за свой ласковый, общительный характер»³⁰⁴. За своей общительностью он скрывал полную сосредоточенность в Боге. При любых обстоя-

тельствах творил Иисусову молитву. Некоторые знавшие о его внутренней непрестанной молитве удивленно спрашивали его: почему он не бежит от людей и не посвятит себя только молитве? Он им отвечал: «Я не могу бежать от тех, кого люблю, а молитву, я уверен, мне, грешному, милостивый Господь подарил именно за любовь к людям».

5 августа 1917 года при пожаре сгорел верхний этаж Солунского подворья Руссика с церковью, и старцы послали отца Андрея восстанавливать подворье, с чем он отлично справился. Все вскоре было отремонтировано, за что он был награжден золотым наперсным крестом.

В это же время отец Андрей по благословению игумена Мисаила стал вместе с отцом Симеоном (Булатовым) и отцом Феодоритом (Константиновым) активно сотрудничать

³⁰⁴ АРПМА. Док. № 154. С. 69.

с русской второй особой пехотной дивизией, которая участвовала в боевых действиях на стороне Антанты на Македонском фронте. Отец Андрей не только духовно окормлял русских солдат, но в качестве фельдшера и санитаря помогал раненым. В русской больнице города Солуни излечивали свои раны не только солдаты, воевавшие против немцев на Македонском фронте, но и впоследствии раненные из России, пострадавшие в братоубийственной гражданской войне.



Страшные слухи с Родины, которые приносили раненые и беженцы, сильно огорчали отца Андрея. «Дождемся ли мы еще светлых дней и когда? — пишет отец Андрей в своем письме от 25 февраля 1920 года к игумену Мисаилу. — Надо надеяться, что Господь смилуется над нашей многострадальной Родиной и мы дождемся светлых будущих дней, но пока Родина наша еще страдает и не от добра бежит из нее народ, будем надеяться на милосердие Божие и твердо верить, что Господь не оставит нас»³⁰⁵.

В одной из бомбардировок немецкими самолетами Солуни отец Андрей был ранен в ногу, и три месяца сам пролежал в когда-то им самим построенной русской больнице.

7 марта 1918 года вместе с отцом Симеоном (Булатовым) и отцом Феодоритом (Константиновым) за усердное исполнение своих обязанностей отец Андрей командиром дивизии господином Тарановским был награжден орденом Святой Анны третьей степени.

Преставился отец Андрей в Солуни 27 февраля 1921 года после продолжительной чахотки.

Схимонах Викентий (Глотов)

Схимонах Викентий (в миру Василий Иосифович Глотов) родился в 1850 году в бедной крестьянской семье в слободе Ильинской Яранского уезда Вятской губернии. Мать его звали Феклой. С ранних лет Василий был постоянным посетителем сельской церкви. Она находилась рядом с его домом, и он любил частенько туда заходить, особенно когда там никого не было. Он становился тогда в углу у иконы

³⁰⁵ АРПМА. Док. № 946.



Божией Матери и никак не мог досыта насладиться таинственным духом величавого молчаливого храма. Ему нравилось здесь все: и запах, и таинственный тусклый свет, и блеск золота и серебра, и сияние лампад пред иконами. Священник не только не мешал мальчику находиться в храме, а, наоборот, всеми силами поощрял его рвение к вере. Он поручал ему разжигать кадило, поставить свечи, убраться в алтаре. Мальчик с радостью выполнял все эти задания. Единственной его детской мечтой было стать священником.

Но Божий Промысел распорядился по-другому. Когда он достиг 12-летнего возраста, то родители отдали его в специальное училище, где готовили фельдшеров, надеясь, что, приобретя эту нужную профессию, он сможет хорошо обеспечить свою будущую жизнь. Мальчик сначала очень горевал, но его старший друг и наставник — священник утешил его словами: «Ты хотел стать врачом душ человеческих, а Бог благословил стать врачом тел людей. Смирись, повинуйся родителям, и кто знает, может, милостивый Бог и первое тебе позволит сделать».

Василий смирился, пошел в училище, где был одним из лучших учеников. Профессия фельдшера ему действительно понравилась. Ему доставляло огромное удовольствие помогать старшим при уходе за больными.

После четырехлетнего обучения Василия определили в уездную больницу младшим фельдшером. Он с большим энтузиазмом приступил к выполнению своих обязанностей, был всегда готов помогать больным. И было бы все нормально, если бы его не оставляла мысль, желание постижения того далекого таинственного Божественного Духа, присутствие которого он так близко ощущал в детстве в своем сельском храме. Он и здесь, в Яранске, неопустительно посещал Божий храм, в чем находил огромное утешение.

Однажды во время богослужения к нему подошел один монах и попросил помощи. У него на ноге открылась рана, и он нуждался в перевязке. Василий, конечно,

немедленно согласился и, выйдя с ним в пристройку храма, открыл свою сумочку, в которой всегда носил при себе все необходимое, и приступил к делу. Монах заговорил с ним, и оказалось, что он приехал с Афона для сбора пожертвований. В конце беседы он добавил: «Нам бы на Афоне такого, как ты, а то некому о нас позаботиться». Эти слова глубоко западали в сердце Василия, и он уже не мог освободиться от мысли, что он нужен Афону, а Афон нужен ему. Эта мысль сыграла определяющую роль в устройстве его дальнейшей судьбы. Наконец, им было принято однозначное решение — он едет на Святую Гору.



В 1869 году 19-летний Василий прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. Старцы дали ему послушание в аптеке помощником аптекаря и врача схимонаха Евлогия³⁰⁶, где он пробыл до пострижения в мантию в 1873 году с именем Викентий. После пострига старцы перевели его в больницу обители фельдшером. А после смерти в 1909 году отца Евлогия он сам стал старшим врачом.

Отец Викентий пользовался огромной любовью и уважением братии³⁰⁷. Он всегда был готов помочь любому. Ни днем, ни ночью, ни во время богослужения или исполнения послушаний он никогда не отказывал никому из них в посильной помощи. И так продолжалось все 52 года его безвыездного проживания в обители. Не только монастырские братья, но и монахи со всего Афона обращались к нему за помощью. А если представить, что в то время одних русских монахов одновременно проживало на Афоне до пяти тысяч и плюс еще до двух тысяч рабочих и паломников, то можно себе представить, какую огромную работу приходилось выполнять отцу Викентию. Несмотря на то что у него была большая группа помощников, он все равно сам обслуживал каждого потерпевшего. Да и сами пострадавшие не доверяли себя никому, кроме отца Викентия. Они считали его чудотворцем и святым. Доверие к отцу Викентию возрастало еще по той причине, что он был настоящим подвижником и деятелем Иисусовой молитвы. Больные чувствовали, что он в своем врачебном деле полагался не столько на свое мастерство лекаря, сколько на помощь милостивого Бога.

³⁰⁶ Схимонах Евлогий-грек из епархии Драма (Турция) селения Предториана. Родился в 1839 году. Поступил в Руссик в 1861 году. Пострижен в схиму. Послушание проходил как доктор, врач, медик и целитель. Начальник аптеки. Преставился 30 марта 1909 года.

³⁰⁷ АРПМА. Док. № 154. С. 71.

Он непрестанно молился за всех своих пациентов, и они видели в его благообразном облике сияние особого внутреннего духа.

Преставился отец Викентий 19 октября 1921 года. На похоронах было очень много братии, пришедшей отдать последний долг усопшему. Благодарная братия эта собралась со всего Афона, чтобы проводить отца Викентия в последний путь.

Схиархимандрит Симеон (Булатов)

Схиархимандрит Симеон (в миру Дмитрий Дмитриевич Булатов) родился в 1856 году в крестьянской семье в селении Спасское Тотемского уезда Вологодской губернии. Его мать звали Александрой.

В 1887 году Дмитрий Дмитриевич в 21-летнем возрасте прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где 22 марта 1889 года был пострижен в мантию с именем Серафим. Первое послушание проходил в монастырской лавке.

Отец Серафим отличался невероятным оптимизмом и активным характером. Для него не существовало невозможных дел. Он любил говорить: «С Божией помощью все возможно». И, действительно, куда бы его ни послали, там все как бы начиналось заново, оживало и кипело. При этом он далек был от любого самоволия и произвола. Все свои дела он согласовывал с игуменом и другими ответственными лицами монастыря, чему является свидетельством его переписка³⁰⁸ с наставниками обители.

Старцы, видя его неутомимый характер, посылали отца Серафима туда, где что-то не получалось или больше никто не хотел туда идти. Братья любили жизнерадостного старца, и сами загорались энтузиазмом, видя его настойчивость в осуществлении задуманных дел. При внешней активности он был большим подвижником, всю жизнь держал почти непосильный пост, никогда не вкушал скоромного. К концу жизни его тело имело только кожу да кости, но его неутомимый характер от этого ничуть не пострадал.

25 января 1897 года отца Серафима рукоположили в иеродиакона и на короткое время отправили на Константинопольское подворье. 3 октября 1901 года его рукоположили в иеромонаха и вскоре после этого перевели в Карею* на кунак*, где он служил

³⁰⁸ АРПМА. Док.: № 848; № 936; № 937; № 939; № 945; № 952; № 1426; № 1518.

в церкви святого Георгия. С 1907 года он стал настоятелем Солунского подворья. С 1911 года его благословили быть настоятелем на Новой Фиваиде. С 1916 года отец Серафим вновь стал настоятелем Солунского подворья.

С 6 февраля 1917 года по 1 декабря 1920 года по благословению игумена Мисаила отец Серафим находился при русской армии на Солунском фронте и в Африке, где был главным духовником русской армии и сам выполнял все требования. Он сопутствовал русским солдатам на всех фронтах. Пропутешествовал с ними даже в Африку и всеми силами укреплял и поддерживал измученных долгой войной солдат. Можно сказать, что он был единственным их утешением. Солдаты, видя высочайший патриотизм и безграничный оптимизм этого хилого, тщедушного на вид священника, и сами воспламенялись надеждой. 17 марта 1918 года за усердие в исполнении своих обязанностей отец Серафим вместе с отцом Андреем (Жековым) и отцом Феодоритом (Константиновым) командиром второй особой пехотной дивизии господином Тарановским в Верее (Греция) был награжден орденом Святой Анны третьей степени.

17 марта 1920 года за участие в боевых действиях на Македонском фронте и проявленное при этом мужество и любовь к солдатам отец Серафим митрополитом Платоном был возведен в сан архимандрита и награжден золотым наперсным крестом.

19 декабря 1920 года отец Серафим возвратился наконец в родной Руссик, но наслаждаться покоем и отдыхом ему не пришлось. Игуменом Мисаилом он был назначен настоятелем Константинопольского подворья. Это было самое сложное место служения в то время, так как существовала опасность экспроприации имущества подворья со стороны нового турецкого правительства. Кроме того, Константинополь был заполнен беженцами из России и нужно было окормлять их духовно и как-то помогать материально. Для решения этой трудной задачи подходил только один кандидат — отец Серафим.



Четыре года он прожил в Константинополе, где в 1923 году был пострижен в схиму с именем Симеон. Натруженное непрерывным постом и многими испытаниями во время военных походов тело отца Симеона было уже не в силах сопротивляться болезням. К концу 1923 года он сильно заболел. Свою заветную мечту — умереть на Афоне и положить свои кости в афонскую землю — он так и не смог исполнить, но зато его очищенная многими трудами на благо обители и людей душа спокойно переселилась в Царствие Небесное.

Преставился отец Симеон в Константинополе 5 января 1924 года.

Схимонах Денасий (Юшков)

Схимонах Денасий (в миру Димитрий Иванович Юшков) родом из города Сарапуль Вятской губернии. Его мать звали Фаиной. Родился он в 1859 году.

В 1882 году в 23-летнем возрасте он прибыл на Афон и поступил в Русский монастырь святого великомученика Пантелеимона, где был пострижен в мантию 15 марта 1885 года. Послушание проходил в канцелярии и библиотеке.

В 1889 году незадолго до своей смерти игумен Макарий благословил отца Денасия ходить по всему Афону и записывать все, что он сочтет важным и особенным. С тех пор, почти до своей кончины, на протяжении более 30 лет отец Денасий со всем возможным старанием выполнял это благословение старца. В результате его неустанной деятельности мы имеем прекрасный источник для изучения афонского быта того времени. Свои наблюдения он передал нам в серии статей «Душеполезного Собеседника» под названием «Записки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям».

Отец Денасий является также автором-составителем еще нескольких книг. За свою книгу «Повесть об обращении на Афоне угрорусса униата в православие и о русских, о православии, об унии в прикарпатской подъяремной Руси прежде и теперь», напечатанную в Калуге в 1913 году, он получил благодарность лично от Государя Николая II.

Кроме всего прочего отец Денасий в газете «Церковные Ведомости» печатал статьи под псевдонимом «Святогорец», был редактором «Душеполезного Собеседника», написал летопись монастыря с 1918 по 1927 год³⁰⁹. Он вел переписку с библиотекарем отцом Матфием (Ольшанским)³¹⁰, главным редактором «Душеполезного Собеседника»

³⁰⁹ АРПМА. Док. № 154.

³¹⁰ АРПМА. Док. № 1530.

отцом Владимиром (Колесниковым)³¹¹ и князем Дмитрием Голицыным-Муравлиным³¹². Был активным противником имябожнического учения, за что в 1914 году Священным Синодом был награжден образом Спасителя.

О духовной жизни отца Денасия можно хорошо судить по его записям. «Где, как не здесь, в усыпальнице, — пишет он, находясь в гробнице одного монастыря, — при виде останков умерших и надмогильных небольших крестиков удобнее и свободнее поговорить о вечности. Здесь сам собой, без малейшего напряжения зарождается, развивается и рассматривается вопрос о смерти и жизни будущего века.

О, вечность! Часто ли мы помышляем о тебе? Помышляем ли мы, что вечность есть безбрежный океан, не имеющий пределов? Вопросали ли мы себя: для чего мы созданы? Каково наше предназначение? Что нас ожидает, когда мы оставим этот мир, столь



много обещающий утех и радостей? Ведь он ничего нам не дает, разве только суету, крушение и томление духа и пустоту сердечную. Что такое вечность, ожидающая нас в будущем? Не есть ли она для нас в существе своем только бесконечное продолжение однажды начавшейся и никогда не имеющей окончиться жизни? Не есть ли она уже наше наследие и теперь, в эту минуту, которую мы переживаем как одно из мгновений, которым уже не будет конца и в которую мы делаем только еще шаг по пути в вечность? Придет время, когда мы не будем исчислять, как теперь, каждой минуты бытия, будем только жить, бесконечно жить. Но эта бесконечная жизнь будет только бесконечным продолжением нашего существования только несколько в другом виде. Мы, именно те самые, которые теперь здесь существуем, будем жить там вечно. И так что же? Мы уже по природе вечны, и вечность к нам гораздо ближе, чем мы думаем. Она в нас.

Что же мы делаем с собой, когда забываем о том, что ждет нас. Не употребляем никаких мер по приготовлению к будущему. Напротив, бесчеловечно убиваем в себе зародыши

³¹¹ АРПМА. Док. № 1419.

³¹² АРПМА. Док. № 2693.

всего, что могло бы перейти с нами на небо? Сами у себя похищаем блаженство! Сами для себя бываем жалкими душеубийцами! Ведь пред нами откроется мир блаженства, перед очами нашими будут всем существом своим ликовать братья и сестры присные и знаемые наши, оказавшиеся на суде достойными вечного блаженства. А мы будем томиться в муках адских. Представьте, что это блаженство, которого мы лишимся, будет вечно. Какая страшная для нас потеря! Представьте, что это мучение, которое наследуют недостойные неба, будет вечно. Какое страшное приобретение! Вечно! Там уже не будет часов, дней, месяцев, лет, веков, тысячелетий. Будет только или блаженство безысходное, или мука без ослабления, без конца. То, что мы теперь называем мгновением, станет длинной как тысяча лет. И тысяча лет будет меньше в отношении к вечности, чем теперь мгновение в отношении тысяч лет, потому что вечность есть непрерывное продолжение одного и того же состояния нашего и всего, что будет окружать нас.

Вечно! Взвесьте: что следует за этим словом? И потом спросите у своей совести, у своего смысла жизни: стоит ли внимания наше будущее, нужны ли усиленные приготовления к жизни будущего века?»³¹³

«Зависть, самолюбие и властолюбие — кого не погубили они и не погубят? — пишет отец Денасий. — Это самые злые страсти. Они изгнали прародителей из рая. Они и до сего времени препятствуют возвращению туда. Да еще и на земле — в этой стране изгнания, стране томления и скорбей — они, поддавшиеся им, прежде времени мучают, подобно будущим мучениям во аде. Враг человеческого спасения всегда, предчувствуя скорое окончание своего тиранства над созданием Божиим, стремящимся занять то место в блаженной вечности, откуда ниспали гордые и возмутившиеся ангелы, трепещет и мятется, всеусильно стараясь увлечь за собой в «пагубу» (Апок. 17, 8) и все человечество, и даже и из избранных Божиих (Мф. 24, 24; Мк. 13, 22)»³¹⁴.

«Когда я был здесь в первый раз по прибытии на Святую Гору еще простым паломником, — пишет отец Денасий, находившийся тогда в Иверском монастыре, — то перед ликом Пречистой со мной случилось нечто необычайное. Я был сильно утомлен от продолжительного путешествия, но когда пред иконой совершал земные поклоны, то вдруг почувствовал облегчение. Как будто и не было никакого утомления. Оно сразу исчезло. Мне показалось, что я вдруг стал необыкновенно легким. Радость наполнила тогда «вся внутренняя моя» (Пс. 102,1). Подобное случилось со мной и в Ватопеде пред чудотворной «Елеоточивой» иконой Божией Матери, всегда находящейся там в «дохиарной*» (в келарной*), т. е. на складе монастырской провизии. Точно такие же

³¹³ Душеполезный собеседник за 1894 год. М., 1894. С. 306.

³¹⁴ Душеполезный собеседник за 1895 год. М., 1895. С. 320.

ощущения испытывал я всякий раз, когда выходил из параклиса в честь Иверской иконы Божией Матери с чувствами радости, утешения и упокоения»³¹⁵.

«От Ивера в гору, — пишет в другом месте своих записок отец Денасий, — на расстоянии более получаса ходу, находится Иверский скит во имя святого Иоанна Предтечи. На пути сюда можно зайти и даже заехать, только по другой дороге, в убогое обиталище прокаженных. Об этих горемыках мало кто знает, разве только понаслышке. Не всякий, пожалуй, решится побывать у них, страшась одного слова «прокаженные», как будто это равнозначительно со словами «бесноватые», «разбойники» или «чародеи». Это хотя и несчастные, но собратья наши во Христе, вполне достойные всякого сожаления, сострадания и возможного благодеяния. Мне думалось об опасности заразы, но я, во что бы то ни стало, пожелал непременно побывать у них и воочию увидеть этих бедняг и их проказу. Посещение этих страдальцев, по моему мнению, низведет благословение Божие на посетителей, потому что в этом случае исполняется завет Спасителя: «Болен бех и посетите Мене». Эти же прокаженные живут без надежды на выздоровление, как бы отверженные обществом, среди подобных же унылых страдальцев. Благословен тот, кто внесет отраду и свет в среду скорби их и мрака душевного! Благословен тот, кто принесет сим страдальцам слово утешения и братской любви! Эти люди — страдальцы. Они почти совершенно лишены сих утешений, а с течением времени чувствуют себя как бы умершими и погребенными... Одно только от них не отнято, и никогда и никем не может быть отнято, это — спокойствие совести, что дороже всех сокровищ земли и самих царских диадем. И счастлив тот из страдальцев, кто имеет этот внутренний свет. Можно предполагать, что, страдая телом, подобным страдальцам, с их спокойной совестью и «мира сущим суетного кроме» (из последования на погребении монахов), могут быть знакомы такие душевные состояния, какие не только мирянам, но и монашествующим и пребывающим в пустынях не ведомы и чужды»³¹⁶.

«Недалеко показалась чистенькая постройка Артемьевской келлии, — пишет еще отец Денасий, — освещаемая лучами солнца, всплывшего на горизонте, солнца, приветливо возвещающего о новом дне, новой милости Божией к твари Своей и человеку. О, как отрадно человеку быть в подобных обстоятельствах и читать по книге природы о премудрости Божией и о милости Его к человеку. К сожалению, человек так привык к этим обыденным милостям Божиим, что не замечает их. Часто забывает за них не только поблагодарить Творца, Благодетеля и Промыслителя, но и понятия об этих благодеяниях не имеет. Но что всего еще хуже и больнее для человека, так это то, что часто люди мудрые земной мудростью обо всем этом мудрствуют совершенно превратно, как древние язычники, воздавая хвалу не Богу, а каким-то естественным законам и причинам.

³¹⁵ Душеполезный собеседник за 1896 год. М., 1896. С. 55.

³¹⁶ Душеполезный собеседник за 1896 год. М., 1896. С. 317; Душеполезный собеседник за 1897 год. М., 1897. С. 22.

Подумали бы они хотя так: есть ли какая-нибудь, хотя самая маленькая машинка, которая сама собой двигалась бы, работала исправно и непрерывно, не требуя двигателя, и пребывала навсегда без посторонней помощи? Нет и быть не может. Все видимое нами: земля и все, что на ней; вода и все, что в ней; небеса и эти мириады звезд, луна и солнце — эти неодушевленные и вместе живые предметы, всегда исполняющие волю Создателя их, — неужели не имеют Двигателя? Если какой-нибудь искусный человек при помощи своего изобретательного ума, щедро данного ему Творцом, изобретет что-нибудь новое, прекрасное и полезное, то кого восхваляют и награждают: художника ли или художество, уверяя, что оно само собой устроилось? Восхваляют искусство, но честь и награды отдают изобретателю, в некоторой степени творцу искусства. Точно так же, видя нашими телесными глазами прекрасную тварь и все прекрасное и премудрое сочетание сил природы и венец прекрасных тварей — человека, надобно удивляться и благоговеть и воздавать денно и нощно хвалы и благодарения Всепремудрому Творцу всяческих, всегда заботясь познавать и творить Его святую волю, весьма живо и ясно сказанную человеку в Евангелии и весьма пространно истолкованную и изложенную святыми Апостолами, святыми отцами и богомудрыми учителями Церкви в их писаниях и сочинениях»³¹⁷.

«Я вышел на площадку, — делится своими впечатлениями с нами отец Денасий на вершине Афонской Горы, — полюбоваться прекрасным видом на все четыре стороны. Здесь, между небом и землей, ум человеческий невольно, сам собой, без малейшего напряжения естественно очищается, просветляется. И зрение его становится чище, яснее. Подобно ведь и в жизни духовной: насколько человек отрешается от множества и суетных дел человеческих, настолько дух его, который вдохнул Творец, возвышается над миром, который, по Писанию, «весь во зле лежит» и неудержимо устремляется к Виновнику своего бытия и блаженства. Внутренние чувствования как бы обновившегося здесь разрушенного дольней суетой ума человеческого на этом высоком горнем и многоотрадном пункте не могут быть изъяснены языком человеческим, пером и чернилами, а могут быть понимаемы, и то отчасти самим чувствующим.

Куда ни посмотришь, очаровательно, прекрасно, восхитительно. Широко, на несколько сот верст раскинулось во все три стороны море со множеством как бы плавающих по нему островов, виднеющихся в разных сторонах. А берега материков, исчезающие вдаль, как бы соединялись с небосклоном. К сожалению, облака покрывали почти всю Святую Гору и постоянно ползали по ущельям и кружились около конуса горы, часто совсем скрывая меня от вселенной.

Чтобы удобнее наслаждаться видами на все четыре стороны, я поднялся на купол церкви и сел у самого креста. Над поверхностью моря, как бы на самом море,

³¹⁷ Душеполезный собеседник за 1898 год. М., 1898. С. 92.

виднелись кое-где, подобно большим кускам хлопчатой бумаги, облака. Плавающие по морю пароходы, корабли, суда и суденышки казались весьма малыми, подобно неподвижным чернеющим и белеющим точкам. По временам кое-где просветлялось по хребту горы, и тогда виднелись некоторые монастыри, скиты, келлии и каливы, но в ту же минуту опять и скрывались. Далекий Олимп с белым хребтом виделся отсюда гигантом, выросшим из глубины морской»³¹⁸.



Глубоко возмущали отца Денасия сомнения некоторых людей об истинности предания о посещении Афона Божией Матерью. «Некоторые ученые, — писал он, — не хотят доверять местному афонскому преданию о посещении Афона Пресвятой Богородицей во дни Ее земной жизни, а следовательно, и о восхождении Ее на вершину. Пытливый разум ведь иногда доходит до того, что по-своему трактует целые сочинения даже относительно создания видимого мира и происхождения человека и его предназначения и, наконец, до того запутывается и заговаривается, что и себя самого производит происходящим от обезьяны. Туда им и дорога. Хотя, по правде сказать, и очень жаль их. Но есть много миллионов истинно верующих и, конечно, не мало есть и желающих верить и сомневающимся. Но пусть подумают и отвергающие, и сомневающиеся: неужели это простая случайность, что такой маленький полуостров около 80 верст в длину и около 20 верст в ширину весь и уже более тысячи лет (если не полторы) принадлежит единственно православным монахам? Неужели простая случайность, что, будучи во власти турок — этих ярых магометан, — он охраняется ими в неприкосновенности его собственного монашеского самоуправления и в неприступности для женского пола? Пусть бы это было только на протяжении последней освободительной войны 1877–1878 годов. Но все время, целых пятьсот лет и даже более, со времени подчинения Афона туркам, всегда, и в особенности в прежнее время, когда они деспотически и бесчеловечно распоряжались имуществом христиан и беззаконно убивали их, резали, как овец, продолжалось все то же»³¹⁹. Ответ на эти вопросы у всех истинных православных, как и у отца Денасия, один: это объяснимо только всеблагим покровительством Пресвятой Богородицы!

Преставился отец Денасий 14 июня 1928 года, за два дня до смерти он был пострижен в схиму.

³¹⁸ Душеполезный собеседник за 1907 год. М., 1907. С. 120.

³¹⁹ Душеполезный собеседник за 1907 год. М., 1907. С. 186.

Преподобномученик Иларион (Громов)



Преподобномученик Иларион (в миру Иван Андреевич Громов) родился в 1867 году в крестьянской семье в селе Круйшеве Коблюковской волости Тверской губернии и уезда.

16 января 1895 года он приехал на Афон и был принят в Русский Пантелеимонов монастырь. В том же году 30 ноября был пострижен в рясофор с именем Иоанн, а 2 апреля 1902 года в мантию с именем Иларион. Послушание проходил на подворье в Одессе, а в самой обители на книжном складе. С 1908 года исполнял послушание на подворье в Москве. С 1910 по 1912 год вновь проживал в обители. В 1912 году его опять отправили в Москву.

После отъезда на Афон отца Владислава (Попова) основным занятием отца Иллариона стало издательское дело обители. Кроме того, с началом Первой мировой войны при подворье был

открыт лазарет для раненых, и отцу Илариону приходилось работать и там.

Вот что пишет он игумену Мисаилу 5 мая 1915 года: «У меня на подворье взяли тоже четырех моих помощников, без которых мне приходится трудненько. Теперь нужно в каждое дело вникать самому. Кроме того, еще и лазарет да приходящих к нам на перевязку хватает с четырех других лазаретов. За всеми нужно смотреть»³²⁰.

После кончины в 1918 году отца Аристоклия (Амвросиева) отец Иларион возглавил Московское подворье. Несмотря на наступившие трудные времена, он имел

³²⁰ АРПМА. Док. № 877.

тесную связь со старцами монастыря. С 1913 по 1929 год из Москвы постоянно писал письма отцу Мисаилу³²¹.

9 ноября 1920 года отец Иларион в Москве Патриархом Московским и всея России святителем Тихоном был рукоположен в иеродиакона, а затем и в иеромонаха. Но вскоре большевистское правительство перешло в наступление против духовенства и Церкви. Подворье было разгромлено. Вот как пишет об этом отец Иларион в своем письме к игумену Мисаилу 21 декабря 1922 года: «Батюшка! Дополнительно посылаю Вам настоящее письмо о нашем великом испытании, которое постигло нас, а именно: наше подворье отобрано и теперь перешло в коммунальное хозяйство Горной Академии студентов. Нам пока временно для жилья дали уголок — помещение бывшего приюта. Из церкви, а также из могилки вывезли все. Только гроб старца [отца Аристоклия (Амвросиева). — *Сост.*] пока находится в усыпальнице, которая запечатана. Мы стараемся тело старца перевести на одно из кладбищ московских монастырей. Одним словом, с закрытием храма мы теперь лишены духовного утешения.

Дорогой батюшка! Тяжело и горько нам живется. Нет слов выразить Вам посетившей нас печали. Мы — Ваши дети, находимся здесь как сироты, застигнутые судьбой бушующего житейского моря. Вся цель и стремление здешней вверенной мне братии — уехать в святую обитель»³²².

Но отец Иларион с братьями подворья так и не смог выехать за границу. Зато своей активностью в деле получения заграничных паспортов для себя и для братии привлек внимание властей. На него начались гонения. На первых порах отцу Илариону удавалось избежать ареста. С 1922 года он служил сверхштатным священником в храме святого Григория Неокесарийского в Москве. Но гонения на духовенство усиливались, и отец Иларион был вынужден скрываться. Его приютил у себя дома будущий мученик Николай Александрович Рейн, где отец Иларион совершал богослужения³²³.

В 1932 году отца Илариона все-таки арестовали, и он по обвинению в «антисоветской агитации» был осужден на три года высылки в Северный край (в Архангельск). «В 1934 году он вернулся в Москву, но в выдаче паспорта ему опять было отказано, и он переехал в поселок Новые Петушки (ныне г. Петушки) Владимирской области. Отец Иларион часто приезжал в Москву для окормления своих духовных детей, тайно совершал богослужения у них на квартирах, в частности на квартире дьякона

³²¹ АРПМА. Док. № 877.

³²² АРПМА. Док. № 877.

³²³ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви. Кн. V. Тула, 2001. С. 302.

священномученика Иоанна Хренова. Материально помогал ему его духовный сын Николай Рейн»³²⁴.

Вторично арестовали отца Илариона 27 августа 1937 года. На этот раз его приговорили к смертной казни, и он был расстрелян 11 октября 1937 года в Бутово³²⁵. Имя отца Илариона определением Священного Синода от 7 мая 2003 года включено в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Преподобномученик Иона (Санков)

Преподобномученик Иона³²⁶ (в миру Иван Андреевич Санков) родился в благочестивой купеческой семье 20 июля 1879 года³²⁷ в селе Солчино Алпатьевской волости Зарайского уезда Рязанской губернии. Отец его Андрей Никитич Санков занимался хлебной торговлей в Москве, и вся семья в это время жила вместе с ним. В 1884 году, когда Ивану исполнилось одиннадцать лет, тяжело заболела его мать, и по совету врачей она уехала на родину в село Солчино, где у семьи был дом и небольшой земельный участок. Ивана она взяла с собой.

Живя в Солчино, Иван окончил два класса, но тут скончалась мать, и он возвратился в Москву к отцу. Здесь он закончил свое образование и стал заниматься вместе с ним торговлей. Но сердце благочестивого юноши не было расположено ни к занятию торговлей, ни к семейной жизни. В их семье существовала традиция, чтобы кто-то из детей посвящал свою жизнь служению Богу, становясь за всех родных сугубым молитвенником. Поэтому Иван пожелал уйти на Афон и принять монашество. Отец с радостью дал на это свое согласие и родительское благословение.

В 1897 году, когда юноше исполнилось восемнадцать лет, он отправился на Афон и поступил послушником в Пантелеимонов монастырь. Здесь в славной и древней обители и завершилось, по его словам, его духовное образование. Здесь 17 апреля 1899 года он был пострижен в рясофор с именем Иона, а 12 марта 1902 года в мантию. 5 июня 1905 года он был рукоположен в иеродиакона, а 14 сентября 1913 года

³²⁴ Православная энциклопедия. Т. 22. Москва, 2009. С. 154.

³²⁵ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября 2006 год. М., ПСТГУ, 2008. С. 68.

³²⁶ Жизнеописание составлено по книге: Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн. VII. Тверь, 2002. С. 97.

³²⁷ В монахологии монастыря годом рождения указан 1879 год, а игумен Дамаскин считает годом его рождения 1873 год.

в иеромонаха. Послушание отец Иона проходил в канцелярии, а с 1914 года на подворье в Константинополе.

1 марта 1914 года иеромонах Иона был командирован на подворье Пантелеимонова монастыря в Константинополе, где он прослужил до начала войны Турции с Россией. В июле 1914 года, когда все русские подданные были высланы из Константинополя, отец Иона выехал оттуда поездом вместе со служащими русского консульства. Все время своего пребывания в Константинополе он писал письма игумену отцу Мисаилу, поддерживая с ним духовную связь³²⁸.

По прибытии в Россию он был определен на подворье Пантелеимонова монастыря в Одессе и прослужил здесь до закрытия подворья при безбожной власти в 1923 году. Лишившись храма, отец Иона перешел в Благовещенскую церковь Одессы, где прослужил до 1927 года, когда власти закрыли и эту церковь. Тогда отец Иона стал служить в храме Всех святых на кладбище, но и эта церковь в 1930 году была закрыта.

В том же году отец Иона получил с родины письмо, в котором его знакомые сообщали, что у них в селе Алпатьево, находящемся в нескольких километрах от села Солчино, скончался священник и они приглашают его служить в этом храме. Отец Иона тут же отправился на родину и был направлен священноначалием в храм села Алпатьево, где и прослужил до своего ареста.

В конце 1937 года в связи с массовыми репрессиями против Русской Православной Церкви сотрудники НКВД допросили председателя сельсовета и председателя колхоза в Алпатьево, а также дежурных свидетелей относительно деятельности отца Ионы. Те показали, что в 1937 году был поставлен вопрос о закрытии храма и передаче здания под школу. По этому поводу было созвано собрание. Узнав об этом, священник сообщил о случившемся верующим. Они тут же пошли на собрание и воспрепятствовали закрытию храма, едва не сорвав и само собрание. Лжесвидетели говорили, что священник ежедневно



³²⁸ АРПМА. Док. № 852.

беседует с женщинами, особенно со вдовами, и те собираются к нему в сторожку при церкви, где он живет. Они также показали, будто священник говорил, что в прошлом году был плохой урожай, и это было для колхозников плохо. А в этом году — хороший урожай, и это тоже для колхозников плохо, так как все равно весь урожай съедят мыши и им ничего не останется. Когда отца Иону спросили: почему он ночами сидит впотьмах, не зажигает света, то он ответил, что керосина дают всего одну бутылку на год.

Одна из женщин показала, что хотя она сама разговоров между священником и верующими никаких не слышала, так как при ее приближении верующие тут же прекращают беседу, но благодаря его агитации хозяйка дома, где она снимает комнату, заставляет своих детей молиться Богу.

Другая свидетельница показала, будто однажды священник обратился к прихожанам с проповедью в храме, в которой ругал местные власти, которые намереваются закрыть храм, а также призывал верующих записываться в двадчатку и таким образом отстоять храм и воспрепятствовать его закрытию. Также он пришел к ней домой и пытался уговорить ее мужа вступить в члены церковного совета. В это время он ругал советскую власть, говоря, что надо платить тысячу рублей налога, а народ в церковь не ходит. И скоро ее, наверное, закроют. Вот тогда народ затужит, но только советская власть храма уже не откроет. Свидетельница также показала, что хотя отец Иона и занес ее в члены двадчатки, но она в ней не состоит и своей подписи не ставила. А делает все это священник против власти, чтобы не закрыли церковь.

24 февраля 1938 года отец Иона был арестован и заключен в тюрьму в городе Коломна. При аресте священнику было предъявлено постановление на арест и предложено его подписать, но отец Иона подписывать отказался. В тот же день следователь допросил священника. Вот текст допроса:

— Среди ваших бумаг найдена записка следующего содержания: «Говорил о предстоящем пришествии антихриста, сперва коллективного, а затем воплощенного в отдельном лице». Скажите, кто это говорил и как понимать содержание вашей записки? — спросил следователь.

— Эта записка написана мной, выписана из Библии, но что эти слова значат, разъяснить и я не могу. Я сам заинтересовался этими словами и выписал их, — ответил отец Иона.

— Вас обвиняют в контрреволюционной агитации среди населения и распространении контрреволюционной клеветы на руководителей партии и правительства, а также в высказывании недовольства против существующего строя.

— Контрреволюционной агитацией и распространением контрреволюционной клеветы против существующего строя я не занимался и виновным себя в этом не признаю, — ответил священник.

После допросов священника следователь снова допросил свидетелей. Один из них показал, что видел, как священник разговаривал с церковным старостой в присутствии других верующих, фамилий которых он не знает. И староста сказала, что вот скоро выборы и хорошо бы, чтобы от верующих была кандидатура, но отец Иона ее перебил и сказал, что организация наша не зарегистрирована и от нас кандидатуры не примут. На это староста сказала, что если наши люди не будут выбраны, то нашу церковь могут закрыть. Также свидетель показал, что священник будто бы говорил: «Конституция — это только бумага, в ней никакого равенства нет. С кого налог берут тридцать рублей, а со священника две тысячи, а в конституции указано, что все равны. А как понять тогда, кто тут равный. Налог наложили, чтобы закрыть церковь. Это вы должны понимать, а раз это так, то необходимо не допустить закрытия церкви и собрать деньги».



После допросов свидетелей следователь снова приступил к допросу священника, который к этому времени уже третий месяц находился под арестом в тюрьме.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что среди колхозников села Алпатьева вели контрреволюционную агитацию против существующего строя, распространяли гнусную контрреволюционную клевету на руководителей партии и правительства? В июле 1937 года вы организовали женщин выступить против закрытия церкви. Подтверждаете ли вы это? — спросил следователь.

— В предъявленном мне обвинении в контрреволюционной агитации виновным себя не признаю. Также не было с моей стороны никакой агитации среди женщин в июле 1937 года против закрытия церкви...

7 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Иону к расстрелу. После решения тройки отец Иона был перевезен в Таганскую тюрьму Москвы. 13 июня тюремный фотограф сделал его фотографию. Иеромонах Иона (Санков) был расстрелян 4 июля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой³²⁹.

³²⁹ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября 2006 год. М., ПСТГУ, 2008. С. 67.

Преподобномученик Донакт (Калашниченко)

Преподобномученик Донакт (в миру Григорий Яннуарьевич Калашниченко) родился в 1882 году в крестьянской семье в селе Самородки Ташлитской волости Черкасского уезда Киевской губернии.

6 апреля 1904 года 18-летним юношей приехал на Афон и был принят в Русский Пантелеимонов монастырь, где 6 апреля 1905 года был пострижен в рясофор



Метоха Крумица времен отца Донакта

с именем Дометиан, а 21 марта 1908 года в мантию с именем Донакт. Первое послушание проходил на Крумице на виноградниках монастыря, после чего был переведен в больницу монастыря, где выполнял послушание санитаря и помощника фельдшера.

В 1914 году, незадолго до начала войны, отца Донакта отправили на послушание на подворье в Москве. После начала Первой мировой войны он уже не смог возвратиться

на Афон. Первое время жил на подворье в Москве, где по благословению игумена Мисаил 29 июня 1928 года был рукоположен в иеродиакона. С 1923 года служил в Московском Покровском монастыре. В 1929 году осужден большевиками на три года исправительно-трудовых лагерей. Вернувшись из ссылки, поселился в городе Владимире, где был рукоположен в иеромонаха. Служил во Владимирской Рождественской церкви (1933–1935 годы), затем переехал в Московскую область.

Вскоре отца Донакта снова арестовали, и по подложным обвинениям он был приговорен к смерти и расстрелян 15 декабря 1937 года в Бутово³³⁰.

Преподобномученик Иоанн (Лаба) и преподобномученик Иларион (Цуриков)

Священнопреподобномученик Иоанн (в миру Филипп Иванович Лаба) — бывший крестьянин села Серебри Гайсинского уезда Каменец-Подольской губернии. Родился он в 1869 году.

В 1895 году в возрасте 26 лет Филипп Иванович приехал на Афон с желанием посвятить свою жизнь Богу. Поступил в пустынный скит Русского Пантелеимонова монастыря под названием Новая Фиваида, где 20 марта 1896 года был пострижен в рясофор с именем Филипп, а 4 февраля 1898 года в мантию с именем Флавий. 16 июня 1901 года отец Флавий был рукоположен в иеродиакона, а 25 января 1910 года в иеромонаха. Послушание вначале исполнял в скитской трапезной, а после в скитской больнице — ухаживал за больными монахами. После рукоположения он возглавил скитскую библиотеку.

В это время на Афоне начал разгораться спор по поводу имени Божия. Большинство приверженцев имяславия не понимали догматических особенностей этого учения. Они считали его учением об Иисусовой молитве. А так как Иисусова молитва была основным молитвенным деланием всех афонских монахов, то многие ревностные молитвенники примкнули к нему. Среди них был и отец Флавий.

Преподобномученик Иларион (в миру Иродион Федорович Цуриков) родился в крестьянской семье в 1867 году в Городской волости Токмакского уезда Семиреченской области.

³³⁰ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006 год. М., ПСТГУ, 2008. С. 68.



Иродион Федорович прибыл на Афон 27 октября 1887 года и в течение пяти лет жил один в заброшенной каливе отшельником. 15 марта 1892 года он был принят в Русский Пантелеимонов монастырь. Через год, 27 марта, он был пострижен в рясофор с именем Иродион, а 3 марта 1898 года в мантию с именем Ириней. Послушание отец Ириней проходил в пожарной команде обители, а также на подворьях в Москве и Одессе. Он обладал хорошим голосом и исполнял также обязанности певчего.

С 1910 года отца Иринейя вернули на Афон, где он вскоре сыграл ведущую роль в развернувшемся споре об имени Божиим. Отец Ириней еще со времен его отшельнической жизни был ревностным делателем Иисусовой молитвы и приобрел большой опыт в этом деле, так что многие братья советовались у него о методах этой молитвы. Наверное, поэтому, когда разгорелся спор на Афоне об име-

ни Божиим, то, волей-неволей, отец Ириней стал во главе защитников нового учения. Он не писал никаких догматических обоснований для защиты своего учения, а лишь руководствовался своим личным опытом делания Иисусовой молитвы. А так как, как мы уже говорили, он был ревностным ее делателем, то постепенно стал вождем имябожников и возглавлял все неприятные процессы в монастыре, связанные с этим делом.

Как могло случиться, что молитвенник и подвижник оказался вождем раскола? Этому может быть только одно объяснение — прелесть ввела его в заблуждение. Но как впал этот делатель Иисусовой молитвы в прелесть? Мы, монахи, легко можем впасть в прелесть, если в процессе нашего подвижничества хоть на секунду допустим мысль, что источником иногда нами получаемой благодати является не милостивый Бог, а наши собственные усилия или определенные формы нашего подвижничества. Действие благодати настолько мощно, что память о нем у любого подвижника остается на всю жизнь, если даже оно длилось всего

несколько секунд. И, к сожалению, мы, находясь под действием такого сильного впечатления, часто делаем губительное заключение, что в происшедшем есть и наша заслуга или что какая-то форма молитвы, которой мы занимаемся, обеспечила приток этой благодати. Этот помысел, это утверждение и является основой прелести, потому что оно в корне не верно. Единственным источником благодати является один только Бог! То, что мы беспрерывно повторяем имя Господа, не обеспечит нам благодати, если мы это не делаем в сознании полного нашего ничтожества и в совершенном послушании духовнику. И один Бог знает, когда и почему он пошлет нам в утешение свою благодать. Поэтому любая форма молитвы, между ними и Иисусова, есть не цель подвижничества, а его средство. Для большинства имябожников она превратилась в цель, поэтому они и впали в прелесть.

Как мы можем узнать, что мы в прелести? Когда нас охватывает дух противления — это верный признак того, что мы в прелести. Какими бы благими намерениями мы ни руководствовались, но, выступая против Матери Церкви или ее священноначалия, в любом случае мы пребываем в прелести! Что ясно показывает поведение имябожников. Они ради своей идеи сопротивлялись всем и вся.

За имябожническое учение отец Флавий и отец Иринея вместе с сотнями других монахов, приверженцев этого учения, 17 июля 1913 года на пароходе «Чихачев» были отправлены в Россию.

Очевидно, что для отца Флавия и отца Иринея потеря Афона, лишение благословения Церкви и отлучение от Святых Таинств Ее стало мерой, которая привела их к отрезвлению. Они, осознав свою ошибку, вскоре покаялись в содеянном, и Матерь Церковь приняла их обратно в свое лоно. Они поступили в Московский Покровский монастырь, где были пострижены в схиму — отец Флавий с именем Иоанн, а отец Иринея с именем Иларион.

Многие имябожники, как и отец Флавий с отцом Иринеем, покаялись и вернулись в лоно Матери Церкви, чему свидетельство огромная переписка³³¹, которую они вели со старцами монастыря после их изгнания с Афона. И, наверное, большинство их вернулось бы на Афон, если бы не начавшаяся вскоре война, которая перекрыла им все дороги на Святую Гору. Но милостивый Господь не оставил своих чад без возможности спасения. Многих покаявшихся бывших имябожников Он сподобил загладить свою вину венцом мученичества. Среди них были и отец Иоанн, и отец Иларион.

Они стали неразлучными сомолитвенниками и до смерти разделяли между собой всю тяжесть большевистского гонения на Церковь. С 1924 года преследуемые

³³¹ АРПМА. Док. № 3778.

властями друзья переехали жить на хутор Соленый Кубанской области, где 29 июня 1924 года их арестовали по обвинению в том, что они «шли против советской власти и держались за старое»³³². Они были осуждены на три года ссылки в Нарымский край. После освобождения отец Иоанн вместе с отцом Иларионом поселились в горах, на пасеке, в Киргизии, близ города Фрунзе. В 1929 году они были вновь арестованы и осуждены на три года ссылки в город Кызыл-Орда. После освобождения они поселились в городе Мирзояне (ныне Тараз, Казахстан). Туда к ним приехали сестры отца Илариона монахини Магдалина и Гавриила. Все вместе они организовали маленький монастырь и «тайно совершали богослужения и монашеские постриги, принимали обращающихся за советом местных жителей»³³³.

24 июня 1937 года они были вновь арестованы и осуждены как руководители тайного монастыря.

Отец Иоанн и отец Иларион были расстреляны вместе 4 сентября 1937 года в Южной Казахстанской области около города Чимкента в местечке Лысая Балка³³⁴. Отец Иларион и отец Иоанн были прославлены Архиерейским юбилейным собором Русской Православной Церкви 2000 года.

Преподобномученик Антипа (Кириллов)

Преподобномученик Антипа (в миру Антоний Петрович Кириллов) родился в 1872 году в крестьянской семье села Братково Борисоглебского уезда Тамбовской губернии.

11 июня 1898 года Антоний Петрович приехал на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где 14 марта 1901 года был пострижен в рясофор с именем Антипа, а 5 марта 1903 года в мантию. Отец Антипа проходил разнообразные послушания: работал на огороде; был моряком на большом судне обители; работал в свечной мастерской; был певчим на подворьях в Константинополе, Москве и Одессе.

Отец Антипа хоть и не был сам приверженцем имябожнического учения, но тяжело перенес высылку своих братьев с Афона. Огорченный и удрученный происшедшими

³³² Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009. С. 155.

³³³ Там же.

³³⁴ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября 2006 год. М., ПСТГУ, 2008. С. 70.

событиями, он 12 октября 1913 года вышел из Одесского подворья и поступил в Московский Новоспасский монастырь, где жил до 1917 года. После революционных переворотов 1917 года он вернулся на родину и до 1929 года служил псаломщиком в храме Воронежской епархии. Потом был рукоположен в иеромонаха и служил священником в одном из селений около Москвы.

В 1933 году отец Антипа написал письмо отцу Мисаилу, что было почти чудом и, по всей вероятности, сыграло роковую роль в его жизни. Приведем целиком это небольшое письмо, тем более что, подозреваем, что это единственное, что осталось от блаженного мученика: «Ваше высокопреподобие, досточтимый отец архимандрит, отец игумен с братией, благословите! Примите от меня, грешного, братское мое почтение и низкий мой Вам поклон. От души желаю Вам всего лучшего, спасения души и мира от Бога.



Хотя я и за дальним рубежом от Вас, но душа моя скорбит о Вас, так как давным-давно не вижу Вас. По милости Божией с отцом Макарием³³⁵ на Полянке вижу очень часто, он уже стал дряхлым старичком, а я, грешный, по милости Божией служу на приходе за священника в 50 верстах от Москвы. И сколько можно

³³⁵ Схимонах Макарий (в миру Михаил Дмитриевич Чирков) бывший писарь первого разряда Варшавского интендантского окружного управления, родом из Вятской губернии Елабужского уезда Кураковской волости села Тихих Гор. Имя матери Афанасия. Родился в 1854 году. Прибыл на Афон и поступил в Руссик в 1882 году, пострижен в рясофор 25 марта 1884 года, в мантию — 3 апреля 1886 года, в схиму — 18 февраля 1909 года. Послушание проходил в канцелярии, с 1909 года на подворье в Москве казначеем. В 1909–1910 годах писал письма схимонаху Матфию (Ольшанскому) (см. архив РПМА, док. № 1527). В 1919 году был арестован большевиками и сидел в Таганской тюрьме. В 1930–1932 годах писал письма игумену Мисаилу из России (см. архив РПМА. Док.: № 877; № 1241). Дата смерти не установлена. Похоронен на территории, прилегающей к храму в честь Успения Божией Матери в Петушках (Подмосковье). На его могиле стоит крест с табличкой «Афонский монах Макарий».

в нужде помогаю отцу Макарию от своих трудов. Итак, добрейший отец игумен, если Вы не гнушаетесь мной, грешным, то не помяните моих грубостей и напишите хотя два-три слова, кто после отца Иакинфа стал наместником и сколько вас в живых.

Ваш покорный и грешный послушник иеромонах Антипа Кириллов, бывший певчий.

Адрес:

Московской области Коломенского округа Бронницкого района село Татаринцево. Антипе Кириллову.

Прошу Ваших святых молитв и жду ответа как великого утешения. 3 февраля 1933 года»³³⁶.

НКВД заподозрило отца Антипу в шпионаже против советского правительства, и на него начались гонения. До 1937 года он скрывался от преследований.

В 1937 году отец Антипа был арестован и приговорен к смертной казни за антисоветскую агитацию. Его расстреляли 13 марта 1938 года в Бутово³³⁷.

Иеросхимонах Адриан (Сафонов)

Иеросхимонах Адриан (в миру Андрей Васильевич Сафонов) родился в 1863 году в семье Василия и Евдокии Сафоновых — мещан из города Козлов Тамбовской губернии. О его детстве и юности нам ничего не известно, но, судя по его письмам, он получил приличное образование.

В 1889 году в возрасте 26 лет Андрей Васильевич прибыл на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где 2 марта 1890 года был пострижен в рясофор с именем Адриан, а 23 февраля 1895 года в мантию с тем же именем. Все это время он проходил послушание в монастырском огороде, а после пострига в мантию — помощником эконома по части садоводства и огородничества. 26 января 1897 года отец Адриан был рукоположен в иеродиакона, а 30 сентября 1900 года в иеромонаха. После хиротонии старцы монастыря послали отца Адриана исполнять послушание настоятеля подворья в Константинополе,

³³⁶ АРПМА. Док. № 1250.

³³⁷ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006, ПСТГУ, 2008. С. 68.

а через три года он был назначен настоятелем на подворье в Солуни, где находился почти до 1916 года. После возвратился в обитель и некоторое время был старшим экономом. А с 1923 года почти до смерти он был антипросопом монастыря в Карее. 4 марта 1931 года отца Адриана постригли в схиму без изменения имени.

Главной отличительной чертой отца Адриана была самоотверженная преданность обители и искренняя любовь к братьям монастыря. Где бы он ни представлял монастырь, он ревностно защищал его интересы, везде продвигал дела, имеющие исключительную пользу для монастыря. При этом всюду и во всем всегда руководствовался прямыми указаниями старцев обители, любую деталь согласовывал с ними. Это засвидетельствовано в его письмах из Константинополя³³⁸, Солуни³³⁹ и Карей³⁴⁰.

Но это все-таки внешние достоинства отца Адриана, которые являлись следствием его глубокого, как колодец в пустыне, внутреннего духовного мира. Вследствие его правильного духовного настроения он получил от Господа дар искреннего, глубокого покаяния. Постоянно укоряя и уничижая себя, он всю жизнь оплакивал свою немощь и ничтожество, считая себя недостойным даже элементарного человеческого внимания. Он, как постник и делатель Иисусовой молитвы, в день своего пострига в схиму удостоился видения самого Господа, после чего до самого своего смертного часа уже ни с кем, кроме своего духовного отца, не разговаривал.



³³⁸ АРПМА. Док.: № 850; № 851.

³³⁹ АРПМА. Док.: № 943; № 945; № 949.

³⁴⁰ АРПМА. Док. № 1265.



Он затворился в своей келье и посвятил свою оставшуюся жизнь еще большему покаянию.

Преставился отец Адриан 12 января 1933 года.

Иеросхимонах Феодорит (Константинов)

Иеросхимонах Феодорит (в миру Федор Семенович Константинов) родился в 1856 году в крестьянской семье в селе Погожем Тимского уезда Курской губернии. Его мать звали Параскевой. Мальчик получил начальное образование в сельской школе, а при достижении совершеннолетия был призван на военную службу, завершил которую в 1882 году в чине унтер-офицера. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов, где отличился особой храбростью и отвагой, за что был награжден многими военными наградами.

Но главным результатом его участия в военных действиях было полное преобразование его внутреннего мира. Массовая резня, обесценивание человеческой жизни, бессмысленные страдания и жестокость побудили молодого воина задуматься о смысле жизни. Долго размышляя над этими вопросами, он пришел к выводу, что люди убивают друг друга потому, что потеряли в себе образ Божий. Грех уничтожил в нас первородное, заложенное самим Творцом в нас естественное свойство любить, и мы поэтому, как обычные животные, истребляем друг друга. Тяжело стало на душе Федора Семеновича, и он посреди царствия безбожной ненависти решил любыми средствами хотя бы в себе восстановить первородный образ Божий.

В 1883 году Федор Семенович прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. Старцы Иероним и Макарий определили его на послушание в больницу обители. Мудрые наставники человеческих душ сразу поняли, что израненная жестокостями войны душа молодого послушника требовала жертвенного служения другим людям. И, действительно, Федор Семенович полностью предался делу служения болящим, находя в этом оправдание своим прежним вынужденным жестоким действиям.

21 сентября 1885 года он был пострижен в рясофор с именем Феодор, а 24 февраля 1887 года в мантию с тем же именем. После пострига его отправили на Новый Афон, где он принимал активное участие в строительстве Ново-Афонской обители.

В 1889 году отца Феодора отправили на подворье в Москву, где он провел почти двадцать лет. Был правой рукой отца Аристоклия (Амвросиева), заведовал складом при часовне, продавал книги, иконы и различные сувениры, связанные с Афоном.

Предельно аккуратно выполняя свои обязанности, он ни на секунду не переставал думать об Афоне. Его душа жила постоянными мыслями о Святой Горе, тем более что его очень удручала назойливая суэта большого города, ежедневное общение с сотнями мирских людей. Наконец, не выдержав, он попросил игумена Андрея позволить ему вернуться на Афон. «Голова кругом ходит, — писал он 25 июня 1890 года, — чуть не помрачился умом потому, что мои телесные силы совершенно ослабли, а о душевных и говорить нечего. Я Вас прошу, прошу, а Вы только отвечаете — терпи»³⁴¹. Отец Феодорит, несмотря на скорби, все-таки продолжал смиренно исполнять благословение своего духовного отца и дальше вел необходимое для обители дело.

15 июля 1894 года отец Феодор был рукоположен в иеродиакона, а 10 мая 1897 года в иеромонаха. После рукоположения он смиренно продолжал исполнять свое тяжелое послушание в Москве. Милостивый Господь за послушание и смирение удостоил отца Феодора быть свидетелем многих чудесных видений и событий. «1913 года в Москве в день Святой Пасхи была моя черда ходить по Замоскворечью со святыми мощами»³⁴², — писал он в своем письме. — В числе адресов была Знаменка — дом генерал-лейтенанта Батурлина. Пригласила меня к болящему сыну лицеисту 19 лет Иоанну его супруга (сестра преосвященнейшего Трифона). Он на Страстной неде-



³⁴¹ АРПМА. Док. № 659.

³⁴² В московской часовне св. великомученика Пантелеимона была такая традиция — ходить со святыми мощами св. Пантелеимона по конкретным адресам.

ле простудился и заболел крупозным воспалением легких. Не приглашая врачей, а прямо обращаясь к небесному врачу святому великомученику Пантелеимону, она просила меня отслужить молебен с акафистом и водоосвящением с молитвой Господу Богу. Когда я все совершил, то, покротив святой водой и помазав святым елеем болящего, подняв ковчег со святыми мощами, осенив больного крестообразно, ибо он лежал как бы в огне, мы отправились по следующим адресам. На второй день я справился о здравии Иоанна, и мне с радостью ответили, что он совершенно здоров»³⁴³.

Почти 30 лет пришлось отцу Феодору выполнять монастырские послушания вне Афона, и только перед началом Первой мировой войны его благословили вернуться в родную обитель. Здесь он был назначен духовником, и его духовная жизнь пошла так, как он об этом давно мечтал. Но с 1 марта 1917 года игумен Мисаил назначил его настоятелем подворья в Солуни и одновременно духовником русских военных соединений, действовавших в то время на Македонском фронте. И ему пришлось разделить с солдатами все невзгоды военной жизни. Но отец Феодор все переносил стойко и спокойно. 17 марта 1918 года за усердное исполнение своих обязанностей при войсках отец Феодор вместе с отцом Андреем (Жековым) и отцом Симеоном (Булатовым) командующим второй особой пехотной дивизии господином Тарановским в городе Вери (Греция) был награжден орденом Святой Анны третьей степени.

В 1920 году отец Феодор вернулся в обитель. Как раз в это время умер главный духовник обители отец Агафодор (Буданов). По решению Собора Старцев обители отца Феодора назначили главным духовником и соборным старцем. 6 мая 1922 года отца Феодора постригли в схиму с именем Феодорит. Огромный житейский и духовный опыт отца Феодорита помогал ему быть мудрым наставником братии. Для каждого у него был готов совет и духовное утешение, за что все его любили и уважали.

Преставился отец Феодорит 6 ноября 1933 года.

Иеромонах Феофан (Сердобинцев)

Иеромонах Феофан (в миру Федор Яковлевич Сердобинцев) родился в 1870 году в крестьянской семье в селе Мордово-Карайском Балашовского уезда Саратовской губернии. Родители его были крещеными цыганами, ведущими оседлый образ жизни и занимавшимися земледелием. Они были очень благочестивыми людьми и своих детей воспитывали как истинных христиан в духе любви и смирения.

³⁴³ АРПМА. Док. № 659. С. 45.

Мальчик Федор был очень одаренным ребенком, имел способность к рисованию, пению и учебе вообще. Был лучшим учеником в сельской школе, и все думали, что он продолжит свое образование в высших учебных заведениях. Но Федор уже с ранних лет вознамерился полностью посвятить свою жизнь Богу, на что родители с радостью согласились.

В 1888 году 18-летним юношей Федор прибыл на Афон и был принят послушником в Русский Пантелеимонов монастырь. Его сразу определили в иконописную мастерскую. 1 марта 1895 года Федора постригли в мантию с именем Феофан.

Отец Феофан был очень искусен в деле иконописи. Написанные им иконы пользовались большим успехом у приезжавших на Афон паломников. Игумен Макарий с первого дня поступления его на послушание благословил ему во время написания икон творить Иисусову молитву. А если молитва не шла, то прекращать иконописание. С тех пор отец Феофан неукоснительно исполнял благословение великого старца, и в результате его иконы получались особенно теплыми, в них чувствовалось присутствие благодати. Братья знали об этом, и все просили написать его им маленькие иконочки, в чем, естественно, отец Феофан никому не отказывал. Занимался он одновременно и фотографией, и благодаря его стараниям мы сегодня имеем изображения многих старцев и подвижников тогдашнего Афона.

15 августа 1900 года отец Феофан был рукоположен в иеродиакона, а 28 марта 1909 года в иеромонаха. В это время в Москве на подворье отец Аристоклий (Амвросиев) в доме на Полянке устроил маленький храм в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» и для росписи его выпросил с Афона отца Феофана. С большой скорбью согласился отец Феофан оставить Афон. Он ехал с той надеждой, что вскоре вернется в родную обитель. Но ему больше не суждено было возвратиться туда. 1 ноября 1909 года отец Феофан приступил на подворье в Москве в доме на Полянке к росписи храма. Начавшаяся война и переворот в России не позволили ему вернуться в родную обитель, хотя он и приложил для этого немало усилий.



Советское правительство стало преследовать его. В 1927 году его арестовали. По решению суда он был сослан на два года в Нарымский край Томской губернии. В 1929 году его освободили, но вскоре опять арестовали и сослали еще на три года.

В 1930 году он написал письмо игумену Мисаилу, которое приведем целиком, так как это единственное письмо отца Феофана, присланное из ссылки, тем более что оно ярко показывает силу его духа и воли:

«Глубокоуважаемый батюшка отец игумен, благословите! Уведомляю Вас о том, что я — ваш послушник — недостойный иеромонах Феофан по Вашим святым молитвам благополучно закончил первую ссылку еще в октябре месяце 1929 года, но недолго пришлось жить в неопределенном положении и через девять месяцев получил извещение, что мне постановили еще три года прожить в Сибири. И я теперь переехал еще севернее на 300 верст, хотя тоже в Нормском крае в село Криво-луцкое Александровского района Томского округа. Хотя здесь еще глуше, чем в Каргаске, потому что почтовое отделение находится в 70 верстах от нашего села Криволуцкого. Но я рад, что мне разрешено служить в местном храме Рождества Христова, где давно не было священника, и я с первого же дня начал исполнять все требы для верующих. Прибыл я сюда 17/30 июня. Благочинный поручил мне, если справлюсь, обслуживать еще три соседних храма. Один из них находится на расстоянии 60 верст в селе Никольском, другой за 70 верст в противоположную сторону в селе Александровка. Я буду служить без всякого жалованья, чтобы не отягощать верующих, а только чтобы совсем не одичали без церковных таинств. Не знаю, как мне Господь поможет в этом деле? Зимой придется ездить по 40-градусному морозу!.. Хотя природа и климат здесь суровые, но я все-таки утешаюсь тем, что здесь продолжается сибирская тайга, изобилующая большим кедровым лесом, который для местных жителей служит как манна для евреев в Синайской пустыне. На кедрах растут вкусные орехи, которых осенью собирают сотни пудов и выручают за них хорошие деньги. А я еще придумал из кедровой благовонной смолы делать ладан наподобие афонского, только без розового масла. А так как в настоящее время в России заграничного ладана-капанца нет, то и моему ладану рады. Он ходит под именем Сибирского, и я очень рад, что мой труд пошел на пользу Церкви!..

Итак, я и на следующий сезон остаюсь на сибирских курортах, которые признаны полезными для моего темперамента!.. Первый сезон с Божией помощью я перенес легко и бодро, а второй, по-видимому, будет труднее. Но я в надежде на милость Божию и на Ваши святые молитвы вступаю и на этот подвиг бодро!.. Земно кланяюсь Вам, дорогой батюшка, а так же отцу наместнику и всей братии

и смиренно прошу у всех святых молитв и отеческого благословения. Недостойный иеромонах Феофан Сердобинцев. 1930 года 7/20 июля»³⁴⁴.

Отец Феофан хоть и дожил до своего освобождения из ссылки, но здоровье его было полностью подорвано. Он еле добрался до Москвы. В Подмосковье в селе Петушки у храма Успения Божией Матери жили несколько братьев из Московского подворья во главе со схимонахом Макарием (Чирковым). Они и приютили его. Он был настолько болен, что уже не мог самостоятельно передвигаться. Скорая смерть избавила его от физических мучений и очередных преследований властей.

Преставился отец Феофан 8 ноября 1933 года.

Схиархидиакон Киприан (Рыженков)

Схиархидиакон Киприан (в миру Кодрат Григорьевич Рыженков) родился в 1860 году в крестьянской семье в слободе Великой Михайловке Новооскольского уезда Курской губернии. Мать его звали Меланией. Семья была глубоко религиозной, и дети тоже все были очень набожными, особенно младший Кодрат. Еще малышом он любил играть в монаха, надевал на себя льняной мешок и завязывал пояс веревкой, на шею — деревянный крест и так ходил по слободе. При этом любил петь импровизированные песнопения, которые сам и придумывал. Также у него был дар. Он хорошо рисовал, изображая углем на доске святых. Монахов в этом селе почитали особо. Дело в том, что только из этой слободы в разных обителях Афона подвизались ровно 40 (!) человек³⁴⁵ и каждая семья имела хотя бы одного родственника — афонского монаха, а то и по два или по три. В монахи из этой слободы уходили семьями. Поэтому не удивительно, что основной игрой маленьких детей этой слободы была игра в монахов.

Но Кодрат не удовлетворился детскими играми и, будучи 15-летним юношей, серьезно решил уйти в монастырь. И, никого не предупредив, он оставил родной дом и почти пешком дошел до Одессы, где договорился с одним капитаном, и тот за определенную сумму провез его без документов прямо до Афона.

³⁴⁴ АРПМА. Док. № 1245. С. 3–5.

³⁴⁵ Абсолютным рекордсменом из сел, пославших на Афон своих представителей — будущих монахов (51 человек с 1850 по 1914 год), является село Таркановка, находившееся в Ободовской волости Ольгопольского уезда Каменец-Подольской губернии.



На Афон Кодрат прибыл в 1875 году и вначале устроился жить на келлии одного своего односельчанина. Но через год попросился в Русский Пантелеимонов монастырь, и его приняли. Отец Кодрата после смерти жены тоже решил поехать на Афон и поступить в монастырь. Свое имение он разделил между двумя сыновьями и в 1876 году поехал на Афон и тоже поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где вскоре его постригли в мантию с именем Гурий. Таким образом отец и сын оказались опять в одной семье, но теперь в семье христианского братства.

29 марта 1876 года Кодрат был пострижен в рясофор с именем Киприан, и, чтобы не иметь частого общения с родным отцом, что могло бы его отвлечь от духовной жизни, старцы отправили его на послушание на Старый Руссик. Там же 2 апреля 1886 года его постригли в мантию с тем же именем.

Отец Киприан сочинял стихи, занимался живописью, был отменным певчим — обладал хорошим басом. Братья Старого Руссика очень полюбили молодого любвеобильного монаха. Его вера была так жива и непринужденна, что он всех заражал своим оптимизмом.

Особенно укрепил в вере отца Киприана случай, происшедший с ним в самом начале его монашеского пути. Вот как описывает его отец Владимир (Колесников): «В 1875 или 1876 году на Старом Руссике жили отец Гликерий и отец Киприан (Рыженков) — певчий, теперь иеродиакон. Прислан туда был колокол в 40 или 50 пудов, который захотелось им повесить на приготовленный брус непременно накануне храмового праздника святого Саввы. Утром после трапезы собралось человек тридцать монахов вместе с пришедшими на праздник. Отец Гликерий закрепил веревки с блоками. Стали тянуть колокол, но сколько ни старались, не могли никак оторвать его от земли. После тщетных усилий все разошлись спать. У колокола остались только двое — отец Гликерий и отец

Киприан, которые, как самые молодые и ревностные, все пытались придумать, что бы им такое сделать, чтобы колокол все же был поднят. Так они стояли и размышляли и вдруг видят, подходит к ним какой-то старец монах-странник и спрашивает: «Что дети делаете?» Те отвечают: «Хотелось бы поднять ради праздника колокол, но не смогли, не знаем, что и делать». Затем они спросили, кто он и не сможет ли им помочь. Старец отвечает: «Я странник-серб. Что же, попробуем, может, и подыдем. Иди, — говорит он отцу Гликерию, — прикрепляй как нужно». Тут у отца Гликерия появилась какая-то надежда, что странник действительно поможет. Пошел прикреплять. Странник спрашивает: «Готово ли?» И, получив утвердительный ответ, они втроем начали подъем. И что же? Колокол пошел свободно, почти без всяких усилий, и они подняли его до бруса. Странник велел отцу Гликерию идти поскорее привязывать его, и, закончив это дело, отец Гликерий от радости сейчас же начал звонить, а отец Киприан тоже побежал звонить в маленькие колокола. Позвонив, они хотели пригласить странника на трапезу, откусать того, что Бог послал, но его уже нигде не было. Тут они подумали, что случилось нечто чудесное. А взглянув на икону св. Саввы, признали его похожим на странника».³⁴⁶

После смерти в 1890 году родного отца, схимонаха Гурия, отца Киприана перевели в прибрежный Руссик и дали ему послушание уставщика и певчего. 5 июня 1894 года его рукоположили в диакона, а 15 августа 1912 года в архидиакона. Все это время он был главным диаконом всех праздничных богослужений. Его прекрасный голос очень любили братья и умилялись, слыша, как он произносит ектении. Несмотря на это, во внешнем поведении отца Киприана не было ни малейшего намека на гордость или тщеславие. Наоборот, громкий и звучный во время богослужения, он был тише воды и ниже травы при ежедневном общении с братьями. Его любвеобилие не знало границ. Он всех любил одинаково сильно и стремился быть всем полезным.

Естественно, что для него стал личной трагедией раскол среди братства из-за имябожнических споров. Не вынеся братского раздора, он попросил игумена Мисаила отпустить его на время в Россию. Хорошо знавший внутренние переживания отца Киприана по поводу братских раздоров, старец согласился на его отъезд.

Отец Киприан поселился в Бизюковском монастыре и жил там вплоть до окончательного решения имябожнического вопроса. В ноябре 1913 года он вернулся в родную обитель и в смирении и послушании доживал здесь свой век.

³⁴⁶ АРПМА. Док. № 307. С. 2.

Преставился отец Киприан 20 ноября 1936 года в возрасте 76 лет, шестьдесят из которых он провел в стенах монастыря, подавая всем пример истинной христианской любви и благочестия. Любезному читателю представим на суд его стихотворение, которое условно можно назвать его духовным завещанием нам всем, желающим спастись:

Зашел я в келлию в пустыне
И вижу, в ней стоит монах,
Он на убогой рогозине
Творит молитву. Легкий страх
Объял меня, но, ободрившись,
Сказал: «Отец, благослови!» —
Еще раз он, перекрестившись
(Весь полон Божией любви)...
Потом подал благословенье,
И тут же он спросил меня:
«Зачем ты, чадо, в это время
Прийти ко мне трудил себя?»
Духовной жаждою томимый,
Я как елень притек к тебе,
И духом Божиим водимый,
Вот благо, что нашел тебя.
«Я понял, ты чего желаешь.
Да, есть водичка для тебя,
Напьешься и не возжаждаешь,
Увидишь здоровым ты себя.
Всегда ты будешь в чудном свете,
И жить ты будешь как в раю,
И радость в сердце будешь зрети
Всю остальную жизнь твою.
И я сперва терпел крушенья,
Когда вселился в пустынь сей,
Враг наносил мне искушенья,
Стремясь вредить душе моей.
При вражеском таком прилоге
Всегда я Господа молил,
И ум мой весь тогда был в Боге,

Пред ним в молитве слезы лил.
И так помалу подвизаясь,
Теперь живу уже в тиши,
И ты, о чадо, постарайся,
Совет мой в сердце напиши:
В монастыре пребудь до гроба,
Смирять себя и слезы лей,
Грехов прощения у Бога
Всегда проси души твоей.
Будь тих, и кроток, и любезен,
Будь сострадателен и благ,
Обители ты будь полезен
И, словом, добрый будь монах.
Ты не подсматривай за братом,
Свои проступки не скрывай,
Но все от сердца ежекратно
Духовну мужу открывай.
Старайся быть всегда в молитве,
А празднословья избегай.
О Сын! Сидит враг на ловитве,
Сетей его ты убегай.
Стяжи молчание, о чадо!
И сим врагов ты устрашишь,
А Ангелам подашь отраду
И всех святых возвеселишь.
«Я на кого воззрю?» — И верно
Сказал Господь в словах своих:
«На молчалива и смиренна,
Трепещуща словес моих».
Душеспасительные книги
Читай, мой сын, и не ленись,

За светские, мирские, ни, ни!
Храни Господь, и не берись.
Они монаху не полезны,
Мирские в них стихи, слова
Родят душевные болезни,
От них кружится голова.
Ты к похвале будь равнодушен,
Пей укоризну как млеко,
Будь глух и нем, и как бездушен,
Не возносись ты высоко.
Храни свой взор, как огонь опасен,
Не подымай без нужды глаз
В лицо иль на предмет прекрасен,
Сие наиболее губит нас.
Худые помыслы, о чадо,
Старайся вон искоренять.
Иисусовой молитвой надо
Их постоянно отгонять.
На бдениях не будь ленивым,
Стой твердо, о душе молись,
Да и всегда не будь сонливым,
Чтобы чертог не затворить.
Вина, сикера и не трогай,
От брашен также воздержись,

Иль пьешь и ешь, только немного,
Во всем на Бога возложись.
Люби врагов твоих как братьев,
Обидающим всегда прощай,
За всех молись многократно
И с даром нищих отпускай.
К вещам земным или богатству
Ты сердце здесь не прилагай,
Но смерть, и суд, и рай, и Царство
Ты пред собою полагай.
Но без решимости не можно
Сих добродетелей стяжать,
Но твердо и решимо должно
На добрый и благой путь стать.
Тогда увидишь облегчение,
И проведешь ты мирно жизнь,
Не будет совести мученье,
И будешь как на небе жить».
И я тут взял сие лекарство,
Начал помалу принимать,
Какую старец дал водичку,
И как на свете надо жить,
Чтоб смыть греховную привычку,
И как нам Богу угодить.

Иеросхимонах Иоанникий (Кутирев)

Иеросхимонах Иоанникий (в миру Иван Григорьевич Кутирев) родился в 1875 году в крестьянской семье в поселке Гусь Хрустальный Закоиневской волости Меленковского уезда Владимирской губернии. О его жизни до поступления в монастырь нам ничего не известно.

Иван был принят в Русский Пантелеимонов монастырь 3 сентября 1902 года, где его определили на послушание в монастырскую типографию. Здесь он работал вплоть до остановки типографии в 1920 году. Он от простого помощника печатника



дошел до старшего в типографии. Прилагал большие усилия для расширения и модернизации ее, но начавшая Первая мировая война навсегда разрушила его планы.

27 марта 1904 года Ивана постригли в рясофор с именем Иоанн, а 22 марта 1907 года в мантию с именем Исхирион. На духовном поприще он был так же старателен, как и в послушании. Безоупустительно посещал церковные службы, был прост в общении с братьями. 20 октября 1914 года отца Исхириона рукоположили в иеродиакона, а 1 февраля 1926 года в иеромонаха. К этому времени типография закрылась, и его назначили благочинным.

После смерти наместника Иоакима (Кузнецова)³⁴⁷ 31 мая 1927 года, в день сошествия Святого Духа, отец Исхирион из трех кандидатов был избран по жре-

бию в новые наместники. Вся братия радовалась счастливому проявлению воли Божией. Все его очень любили и уважали за скромность. Его прекрасные человеческие качества не остались незамеченными и у священноначалия. 8 июня 1927 года он был награжден набедренником и палицей, а 27 июля того же года наперсным крестом. 17 апреля 1929 года он был пострижен в схиму с именем Иоанникий.

³⁴⁷ Схиеромонах Иоаким (в миру Иван Кононович Кузнецов) — бывший крестьянин села Поозерье Ложголовской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. Имя матери Агафья. Родился в 1862 году. Прибыл на Афон и поступил в Русик в 1888 году. Пострижен в рясофор с именем Иоанн 8 апреля 1889 года, в мантию с именем Иакинф 29 мая 1890 года, в схиму 2 апреля 1919 года. Рукоположен в иеродиакона 12 октября 1896 года, а в иеромонаха 16 декабря 1899 года. Послушание проходил в канцелярии монастыря, казначеем на подворье в Москве. 31 мая 1909 года по жребию избран наместником. 15 июля 1909 года награжден крестом и набедренником. 7 декабря 1912 года указом Его Императорского Величества, Святым Правительственным Синодом награжден наперсным крестом за труды по доставке розового и оливкового масла для нужд святого миропарения. 14 октября 1913 года Константинопольским Патриархом Германом награжден золотым наперсным крестом по случаю избавления от еретического учения. В мае 1916 года был награжден орденом святой Анны второй степени за усердие к нуждам войны. Преставился 16 января 1927 года.

В это время обитель была в большой материальной нужде, и для поправки финансового состояния почти каждый год посылались монахи в Сербию, которая была тогда почти единственным приютом для вынужденных уехать в те трудные для России времена с родины русских людей. Афонские монахи обращались за помощью не только к своим землякам, но и к правительству Сербии и Патриархии Сербии. Одним из таких посланником был и отец Иоанникий. Он в 1929 году посетил Белград и приложил немало усилий для сбора помощи монастырю.

После того как игумена Мисаила парализовало, все заботы о монастыре легли на плечи отца Иоанникия. И с этой огромной нагрузкой и ответственностью он справился с честью. Вот каким увидел писатель В. Маевский отца Иоанникия во время своего пребывания на Афоне: «Интересна личность пантелеимоновского наместника отца Иоанникия. Помимо высокой религиозной настроенности, примерной монашеской жизни и трудов по экономии он принес монастырю огромную пользу и завидной стойкостью своих убеждений. Так, во время имябожнической смуты он определенно стал на сторону противников этого движения, удерживая слабых и мятущихся. И в качестве опытного типографа оказал значительные услуги не имябожнической части братии и представителям Святейшего Синода печатанием воззваний, обращений и т. д.».

И далее писатель пишет: «Сидели мы с наместником отцом Иоанникием, попивали чаек и так оживленно дружески разговаривали, будто были хорошо знакомы много, много лет. При этом я искренне наслаждался его речью, от которой так веяло крепким севером далекой и милой Родины.

Отец Иоанникий чистой воды великоросс, несмотря на долгий срок пребывания на Афоне, сохранивший характер подлинно русской народной речи, казавшийся мне теперь особенно дорогой и очаровательной... А она так и лилась, эта замечательная речь «говорком», сверкая меткими народными словечками и поговорками, поражая своей находчивостью и остроумием, знанием людей и человеческой жизни.

Так говорили когда-то в старой и доброй России торговые люди. Так, вероятно, говорили русские бояре и замоскворецкие купцы при Алексее Михайловиче и Петре I... И отец Иоанникий, пронеся эту русскую речь через десятилетия, теперь щедро ей одаривал меня.

Время в приятной беседе проходило быстро, и жаль было уходить от такого замечательного русского самородка. В его лице соединялась ревность о славе Божией и высоком достоинстве русского монашества на Афоне с личным подвигом иноческого жития; неослабное попечение о строгом соблюдении устава богослужения и жизни родной обители с несокрушимой энергией в настойчивой работе для устранения вопиющей материальной нужды иноков во всем.

Везде он успевал побывать, все увидеть и во всем принять личное участие... При таких наклонностях и горении в работе, по воле Божией, ему естественно было взять на свои крепкие рамена и управление обителью, когда богомудрый старец монастыря, архимандрит Мисаил, изнурительным недугом лишен был способности передвигаться»³⁴⁸.

Отец Иоанникий с огромным уважением относился к игумену отцу Мисаилу. Даже когда старец был уже в парализованном состоянии, без него он самостоятельно не позволял себе ни малейшей вольности в принятии тех или иных решений. В 1929 году во время своего пребывания в Сербии он писал отцу Мисаилу письма с подробным описанием происходящего там³⁴⁹.

Преставился отец Иоанникий 11 сентября 1937 года внезапно, умер от разрыва сердца.

Схиархимандрит Кирик (Максимов)

Схиархимандрит Кирик — одна из центральных фигур в истории Пантелеимонова монастыря на Афоне. Он поступил в монастырь в то время, когда игумен Макарий был еще жив, и успел получить у него немало уроков благочестия и духовности. Но главным его руководителем и наставником на этом пути был все-таки отец Агафодор (Буданов), который без прикрас и изменений передал ему все богатое учение великих старцев отца Иеронима и отца Макария. Схиархимандрит Кирик оказался не только хорошим учеником, но и сам сумел передать учение старцев своим ученикам.

Схиархимандрит Кирик (в миру Константин Никифорович Максимов) родился в 1864 году в крестьянской семье села Вышнехмелевое Верхососенской волости Малоархангельского уезда Орловской губернии. Его мать звали Екатериной. Мальчик с ранних лет был задумчивым и впечатлительным. Он с горящими глазами слушал рассказы матери о человеколюбивом Господе и мечтал когда-нибудь стать его верным слугой. В свое время Константина отдали учиться в уездное училище, после окончания которого он работал в канцелярии уездного правления писарем. Но не это

³⁴⁸ Маевский Вл. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 27.

³⁴⁹ АРПМА. Док. № 1256.

было его мечтой, он постоянно думал: как определиться ему в монастырь. Родители сначала были против этого намерения сына, но мольбы и настойчивость Константина размягчили их сердце, и они дали свое согласие.

В 1886 году Константин прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где его определили на послушание в канцелярию монастыря. Почти три года Константин имел счастье общаться с великим игуменом Макарием. Он не пропускал ни одной малейшей возможности приступить к окруженному заботами и людьми старцу, исповедоваться у него или получить благословение.

15 июня 1887 года от игумена Макария Константин удостоился пострига в рясофор с именем Кирик, что воистину было вершиной счастья для молодого подвижника. 6 марта 1892 года его постригли в мантию с тем же именем. 30 ноября 1894 года отец Кирик был рукоположен в иеродиакона, а 27 июля 1898 года в иеромонаха.

С 1890 года его духовным отцом был отец Агафодор, верность которому отец Кирик сохранил до самой кончины старца. В хранящемся в архиве монастыря дневнике отца Агафодора на первой странице есть надпись отца Кирика: «Рукопись сию унаследовал я лично от старца иеромонаха Агафодора при жизни его, незадолго перед кончиной Аввы»³⁵⁰, что свидетельствует о тесной духовной связи этих двух подвижников.

В 1899 году отца Кирика отправили на Одесское подворье монастыря, где он сначала выполнял послушание казначея, а с 29 октября 1905 года стал настоятелем подворья. За пять лет несения этой службы отец Кирик проявил себя как опытный духовник, он заслужил любовь и уважение не только братии Одесского подворья, но и огромного количества прихожан, ежедневно осаждавших его храм. Большое



³⁵⁰ АРПМА. Док. № 502. С. 1.

уважение он заслужил также у знати и руководства города. Даже одесский градоначальник исповедовался у него и испрашивал у него духовного наставления. А когда старцы вызвали отца Кирика в обитель, то он письменно просил их оставить его в Одессе.

Кроме духовного окормления людей и практического руководства подворьем отец Кирик занимался активной разносторонней общественной деятельностью. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов он выполнял пастырские обязанности в 4-м стрелковом батальоне, за что был награжден золотым наперсным крестом и набедренником. В 1909 году он был избран действительным членом Православного Палестинского Общества.

В 1910 году старцы Руссика постановили вызвать отца Кирика на Афон, куда он немедленно поехал и где жил до марта 1914 года, выполняя послушание духовника и казначея. В этот период своей жизни он много времени посвятил изучению истории монастыря и обогащению ее новыми летописными записями³⁵¹.

В марте 1914 года по решению Собора Старцев монастыря отец Кирик был вновь назначен настоятелем Одесского подворья. Видимо, основой этого решения стали многочисленные просьбы одесситов вернуть любимого духовника. В Одессе отец Кирик оставался до 1920 года.

В это трудное для России время верный сын ее отец Кирик не оставался в стороне от происходящих событий, а посильно участвовал в судьбе Родины. Он при подворье организовал лазарет для раненых и сам активно участвовал в деле духовного окормления воинов и их начальников. За свою активную деятельность на благо Родины и за усердие к нуждам войны по постановлению Святейшего Синода он был награжден в 1916 году орденом святой Анны третьей степени и возведен в сан архимандрита. По постановлению Российского общества Красного Креста от 25 января 1916 года ему предоставлено было право ношения установленного 24 июня 1899 года знака Красного Креста.

Отец Кирик оставил Одессу только вместе с отступавшими белогвардейцами.

Возвратившись в родную обитель, отец Кирик вновь взял на себя исполнение не легких обязанностей духовника. Наступили тяжелые для обители времена, и братья нуждались в особенно сильной личности, способной поддержать их. Именно таким духовником и стал отец Кирик. Он личным примером вдохновлял братьев на новые духовные подвиги.

Тяжелое материальное положение заставило игумена Мисаила искать помощи в братской Сербии. По его благословию отец Кирик несколько раз ездил туда для сборов пожертвований для обители. Последний раз он ездил в Сербию в октябре

³⁵¹ АРПМА. Док.: № 142; № 154.

1931 года с иконами для новой Иверской церкви в Белграде, и на этот раз, послав огромную помощь в монастырь, отец Кирик задержался в Белграде.

По многочисленным просьбам видных представителей русской эмиграции в Сербии, патриарх Сербский Варнава назначил его духовником всего Белградского духовенства. «Святейший Патриарх, ученик митрополита Антония (Храповицкого) по Петербургской Духовной Академии, с правом понадеялся, что, как и в прежние века, русские духовники помогут возрождению истинного духа иночества. Он поддерживал русско-сербскую обитель в древнем монастыре Мильково во главе с мудрым архимандритом Амвросием (Кургановым), откуда вышли такие духовные чада Аввы, как: святитель Иоанн Шанхайский, сербский старец Авва Фаддей Витовницкий; иерархи: Антоний Сан-Франциский (Медведев), Леонтий и Антоний Западно-Европейские (Бартошевичи), Антоний Лос-Анджелесский (Сенькевич); архимандриты: Никандр (Беляков), Феофан (Шишманов); игумен Лука (Родионов) и многие другие...

Еще более важную роль сыграло прибытие в Сербию Леснинско-Богородицкой женской обители (около 60 инокинь) во главе с игуменьей Екатериной (Ефимовской), духовной дочерью святого праведного Иоанна Кронштадтского. Их поместили в древний монастырь Хопово (на Фрушкой Горе), и оттуда «отроилось» около 30 новых женских сербских монастырей! Так исполнились пророческие слова святого Иоанна: «Екатеринушка, из твоего улья выйдут многие новые рои!»

И вот афонский инок, архимандрит Кирик, стал духовником многих сербских монастырей, но в первую очередь этого Леснинско-Хоповского духовного очага.

В Белграде его принял к себе основатель и первый настоятель белградского прихода Святой Троицы протоиерей Петр Беловидов (проживавший по адресу: улица Крунская, № 20). Это дало возможность отцу Кирику писать и издавать свои труды. Хотя он много сил отдавал и поездкам по разным сербским монастырям, и неоднократному пребыванию у «лесняночек» (как их прозвал святой Иоанн) в монастыре Хопово»³⁵².

Одновременно отец Кирик был почти единственным утешителем простого русско-го народа, потерявшего Родину и здесь на чужбине нуждающегося в наставлении и укреплении.

Отец Кирик до последнего момента своей жизни не сомневался в возрождении России. Как доказательство этого приведем фрагмент из его письма, написанного в феврале 1932 года: «На днях мне пришлось служить со Святейшим Патриархом Варнавой в русской церкви в качестве первого священника, а затем был обед у настоятеля храма протоиерея Петра Беловидова. Там обедали и митрополит Антоний

³⁵² Со слов очевидца событий Андрея Витальевича Тарасьева.

[Храповицкий], и еще два архиерея, которые служили вместе с Патриархом. Патриарх говорил очень сильную речь, так что все русские люди, бывшие во святом храме, плакали. Он уверял, что Россия и Церковь Российская не пропали и не пропадут, но восстанут с большим величием. За обедом сказал буквально следующее: «Вы не думайте, что церковь Российская пропала — нет, Бог даст, и Россия, и церковь вновь будут в большем величии, чем прежде»³⁵³.

Это прозорливое предсказание святого человека абсолютно было созвучно душевному настрою и убеждению отца Кирика, и он старался и других настраивать на такой же душевный лад. Он не только ежедневно служил в храме и исповедовал сотни людей, но и составлял немало духовных книг, которые пользовались большой популярностью среди русских эмигрантов.

Преставился отец Кирик в Сербии в Панчове в русском лазарете 2 декабря 1938 года и погребен около Иверской церкви на новом кладбище в Белграде. Часть архива отца Кирика сохранена в архиве Руссика: его письма³⁵⁴, письма к нему разных лиц, личные документы и его некоторые творения³⁵⁵.

Преподобный Силуан (Антонов)

Преподобный Силуан Афонский³⁵⁶ (мирское имя Симеон) родился в 1866 году в селе Шовском Лебединского уезда Тамбовской губернии в благочестивой семье крестьянина Иоанна Антонова и супруги его Соломонида.

Родители его были людьми трудолюбивыми, кроткими и от природы мудрыми, хотя и неграмотными. Большая и дружная семья, как вспоминал впоследствии старец, жила бедно, однако нуждающимся в помощи никогда не отказывала, порой делаясь с ними последним. Особенно радушно в семье принимали странников. Отец беседовал с ними о Боге и христианской жизни, и эти беседы производили сильное впечатление на восприимчивую душу отрока.

³⁵³ АРПМА. Док. № 1257.

³⁵⁴ АРПМА. Док.: № 664; № 959; № 1030; № 1045; № 1046; № 1048; № 1256; № 1257; № 1412; № 1515.

³⁵⁵ АРПМА. Док. № 495.

³⁵⁶ Жизнеописание составлено по книге: Софроний (Сахаров), иеромонах. Старец Силуан. Фесалоники, 1994.

С детства Симеон трудился вместе со старшими, в меру сил помогая отцу в поле и братьям на строительных работах в помещичьем имении. По этой причине, видимо, он вынужден был оставить сельскую школу, проучившись в ней только две зимы. Но стремление к знаниям (которое характеризовало его отца, «томившегося своей темнотой») было присуще преподобному всегда.

Жизнь набожной семьи Антоновых была неразрывно связана с храмом, посещение которого прививало Симеону с младенчества чувство благоговения перед Словом Божиим, воспитывало его в духе христианского смирения и других добродетелей. В храме он постигал церковную грамоту, учился сосредоточенной молитве, внимал чтению «Житий святых». Спустя несколько лет юноша, возлюбив Господа всей душой, пожелал удалиться в монастырь и принять постриг в Киево-Печерской Лавре. Его стремление, однако, не встретило поддержки у отца, который настоял на том, чтобы сын сначала поступил на воинскую службу и лишь после ее прохождения решил, кем ему быть.

Повинуясь родительскому слову, Симеон вернулся к своей обычной жизни. Было ему в ту пору девятнадцать лет. Благочестивое намерение вскоре оставило его, и он, подобно многим своим сверстникам, поддался соблазнам мира. Молодой, красивый, сильный, а к тому времени уже далеко не бедный, он наслаждался жизнью и в шумной суеде мира начал было забывать первый зов Божий к иноческому служению.

Но Господь уберег его от погружения в греховную пучину, вновь призвав уйти от мирской суеты и вступить на путь монашества. Произошло это, по свидетельству старца, при следующих обстоятельствах. Однажды, вернувшись домой с гулянья, он задремал и в тонком сне, глядя на себя как бы со стороны, увидел, как в него проникает злосмрадный змий. Почувствовав отвращение, он проснулся и в момент пробуждения услышал произнесенные Самой Пресвятой Богородицей слова: «Ты проглотил змия во сне, и тебе противно, так и Мне нехорошо смотреть на то, что ты делаешь». Осознав свои грехи, юноша горячо раскаялся в них перед Господом и возблагодарил



Божью Матерь за явленную к нему доброту. Это событие имело решающее значение для выбора дальнейшего его пути. К нему вновь вернулось желание посвятить свою жизнь Богу.

Воинскую службу Симеон проходил в Санкт-Петербурге. Был он воином исполнительным и примерного поведения, в отношениях с товарищами по службе верным, за что его любили сослуживцы. В армии с особой силой проявился дар его мудрого совета, следуя которому многие обрели душевный покой и благополучие. Поступив на службу с живой верой и глубоким покаянным чувством, Симеон никогда не забывал о Боге. К тому времени чудесным образом определилось и место его будущих монашеских подвигов — Святая Гора Афон, куда он был «от мрака греховного к свету Истины Христовой призван Самой Пречистой». Он часто думал об иноческой жизни и, желая хоть как-то помочь насельникам монастыря, несколько раз посылал на Афон накопленные им деньги. О внутреннем состоянии преподобного в тот период красноречиво свидетельствуют слова его сослуживцев: «А он умом на Афоне и на Страшном Суде».

Незадолго до окончания воинской службы Симеон решает испросить молитв и благословения отца Иоанна Кронштадтского. Не застав его, он оставляет записку со словами: «Батюшка, хочу пойти в монахи, помолитесь, чтобы мир меня не задержал». В казарме он уже на следующий день почувствовал вокруг себя «адское пламя», которое «гудело» с тех пор не переставая повсюду, где бы он ни находился.

Много лет спустя в записках преподобного прочтут: «О, великий отец Иоанн, молитвенник наш! Благодарю я Бога, что видел тебя, благодарю и тебя, пастырь добрый и святой, ибо ради твоих молитв я расстался с миром и пришел на Святую Гору Афонскую, где увидел великую милость от Бога».

После возвращения со службы Симеон всего одну неделю пробыл дома. Собрав подарки для монастыря и необходимое в дорогу, он попрощался со всеми и отправился на Афон. Осенью 1892 года преподобный прибыл на Святую Гору и 1 января 1893 года был принят послушником в Русский Пантелеимонов монастырь. Это случилось в пору расцвета обители.

Жизнь старца в монастыре была проста, доступна и внешне ничем не примечательна. Сначала его послушанием была тяжелая работа на мельнице, на смену которой пришел хлопотливый труд эконома, заведование мастерскими, продовольственным складом, а на склоне лет — торговой лавкой.

Пройдя путь начальных иноческих испытаний, он 23 февраля 1896 года был пострижен в мантию с именем Силуан, а 10 марта 1911 года в схиму с оставлением прежнего имени.

Своих учеников преподобный не имел и в послушании у какого-либо определенного старца не находился. «Трудно жить без старца, — говорил он впоследствии. — Неопытная душа не понимает воли Божией, и много скорбей перенесет она прежде, чем научится смирению». Сам он, подобно большинству монахов, воспитывался в атмосфере общей для иноков Афона духовной традиции, проводя дни, как того требовал многовековой уклад жизни в обители, в непрестанной Иисусовой молитве, длительных богослужениях в храме, постах и бдениях, частой исповеди и причащении Святых Христовых Таин, чтении духовных книг и труде.

С первого и до последнего дня преподобный явил собой образ совершенного послушания. Для него игумен, духовник и просто старший брат — добрые наставники. Если монахи и миряне, считал он, будут слушать духовников и пастырей своих без их осуждения, без возражения и без внутреннего сопротивления, то и они сами не лишатся спасения, и во всей Церкви будет полнота жизни.

Прожив сорок шесть лет в обители с общежительным уставом, подвижник никогда не стремился к уходу в затвор или к удалению в пустынь, считая, что без благоволения Божия они сами по себе являются лишь вспомогательными средствами, а не целью христианской жизни. В то же время он был далек и от мирских интересов. Постоянно находясь среди людей, старец хранил ум и сердце от посторонних помыслов, очищал их от страстей для молитвенного предстояния Богу, утверждая, что это самый короткий путь ко спасению. Он не искал мученичества, но всей своей жизнью повторил аскетический опыт отцов Церкви — известных подвижников благочестия. Каким был этот путь для преподобного?

По афонскому обычаю, новоначального послушника вводили в жизнь монастыря исповедью. Испытав в Таинстве Покаяния радость очищения и освобождения от отягощавших его грехов, Симеон, однако, сразу же подвергся нападению помыслов — о возвращении в мир и женитьбе. Сознание того, что он снова опечалил Божию Матерь, потрясло послушника, открыло ему, что и здесь, на Святой Горе, как казалось, в пристани спасения, возможны искушения и даже гибель. Отрезвленный своим духовным падением, он стал много и усердно молиться, прибегая преимущественно к Иисусовой молитве, которая вскоре вошла в его сердце и стала сама совершаться в нем непрестанно. Этот дар был получен преподобным от Пресвятой Богородицы по сокрушенной молитве перед Ее образом и явился прочной основой его духовной жизни.

Послушник Симеон продолжал подвиг бдения, поста и сердечной молитвы, но не покидала его и духовная борьба с новыми искушениями — тщеславием и гордостью. Они, не давая душе возможности «вступить на путь веры», то возносили Симеона «на небо», вызывая в нем чувство якобы собственной

непогрешимости — «ты теперь святой», то низвергали долу, казалось, уже в вечную гибель, говоря ему: «Ты не спасешься». Дьявольские нападения все возрастали, привнося чувство богооставленности, доводя Симеона до отчаяния. И когда он посчитал, что «Бога умолить невозможно», Господь непостижимо явился послушнику во время вечерни в храме пророка Божия Илии и духом ввел его в Небесную обитель. В тот момент, по свидетельству старца, он всем своим существом почувствовал, как благодать «мученичества» наполнила его, и он познал Господа Духом Святым. С тех пор все происходящее в мире он рассматривал лишь в соотношении с опытом души, познавшей своего Творца. «Иное дело веровать в Бога, — говорил он, — и иное знать Бога».

Явление Господа Иисуса Христа принесло послушнику радость Пасхи, воскресения, ощущение перехода от мрака духовной смерти к неизъяснимому свету жизни. Однажды познав Духом Святым Божественную любовь, он начинает несравненно глубже и острее переживать потерю благодати: «Кто потерял ее, тот неутомимо день и ночь ищет ее и влечется к ней. Она теряется нами за гордость и тщеславие, за неприязнь к брату, за осуждение брата, за зависть. Она оставляет нас за блудную мысль, за пристрастие к земным вещам, за все сие уходит благодать, и опустошенная и унылая душа скучает тогда о Боге, как скучал отец наш Адам по изгнанию из рая».

Старец Силуан часто вспоминает иноческое служение преподобного Серафима Саровского, чудотворца, душа которого, познав Господа, неудержимо стремилась к новым подвигам ради стяжания благодати. «Познавшая Бога душа, — запишет преподобный Силуан позднее, — ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать: скучает душа моя по Тебе и слезно ищу Тебя».

Как обретается и удерживается благодать, почему и за что оставляет она душу верующего человека — эти вопросы становятся важнейшими в жизни подвижника.

Постоянно пребывая в подвиге, он воздерживается во всем и от всего, что могло бы мешать стяжанию благодати: спал мало, урывками, до двух часов в сутки, сидя на табурете; не делал послаблений в посте и ограничивал себя в еде, советуя обращавшимся к нему «кушать столько, чтобы после принятия пищи хотелось молиться»; отсекал свою волю, считая, что это приносит «пользу большую» для души. Она тоскует, молится, плачет, пребывая в борьбе, чтобы удержать благодать, но Божественный свет если и возвращается, то ненадолго, а затем, как прежде, снова оставляет послушника. «За то страдаем мы, — пояснял старец, — что не имеем смирения. В смиренной душе живет Дух Святой, и Он дает душе свободу, мир, любовь, блаженство». Стяжать смиренный дух — «это великая наука, которую скоро не одолеешь».

Прошло 15 лет со дня явления преподобному Господа. Его ум вновь омрачается дьявольскими нападениями и потерей мира в душе. Со временем эти страдания усиливаются мучительными борениями с бесами, по ночам отрывавшими его от непрерывной внутренней молитвы. О том, какую душевную боль ему пришлось претерпеть при этом, подвижник говорил впоследствии так: «Если бы Господь не дал мне вначале познать, как много Он любит человека, то я и одной такой ночи не вынес бы, а их у меня было множество».

В одну из таких ночей, когда, несмотря на все старания, молитва не приходила к преподобному, он с сокрушением в сердце воззвал: «Господи, Ты видишь, что я хочу молиться Тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что я должен делать, чтобы они не мешали мне?» — «Гордые всегда так страдают от бесов», — был ему ответ. «Господи, научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа?» И снова в сердце прозвучал ответ от Бога: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

По словам старца, Господь пожалел его и Сам научил, каким образом душа должна смиряться и становиться неприступной для врагов. При приближении греховных помыслов она признает себя достойной вечной муки и нисходит во ад, чтобы силою адского пламени выжечь в себе действие всякой страсти и с чистой молитвой обратиться к Господу, уповая на спасительное действие любви Христовой и тем самым избегая отчаяния. «И этим, — говорил преподобный, — побеждаются враги; а когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу». Эта способность возобновлять в себе подлинное переживание адских страданий ради очищения души от страстей с тех пор не покидала его.

Дарованное Господом откровение явилось для монаха Силуана не только чрезвычайно важным практическим указанием, но и положило начало новому этапу в его духовной жизни. Постепенно в молитве подвижника начинает преобладать скорбь о мире, не ведающем Бога. Как объяснял старец, люди забыли Господа, сотворившего их, и ищут своей свободы, не понимая, что вне Бога, вне истинного Источника жизни нет и быть не может. Свобода только в Господе, Который по милости Своей дает прибегающим к Нему благодать Святого Духа. В Нем, Святом Духе, в Его познании содержится освобождение от рабства греха и страха смерти.

Он учит любви Божией и дает душе силу жалеть даже идущих греховным путем. «Где нет любви к врагам и грешникам, там нет Духа Господня». Речь здесь идет о врагах веры Христовой. Сам старец делил людей не на врагов и друзей, а на познавших Бога и не познавших Его.

Подлинно по-христиански спасти ближнего можно только любовью. В любви ко всем людям преподобный видел уподобление Господу Иисусу Христу, Который «руки распротер на Кресте», чтобы всех собрать. Любовь Христова не может претерпеть ничьей



гибели и в своей заботе о спасении всех объемлет не только мир ныне живущих на земле, но и уже умерших и сошедших в самый ад. И если ликует и радуется душа при спасении людей, то столь же сильно плачет и молится она, видя обратное — их гибель.

«Молиться за людей — это кровь проливать», — говорил преподобный. И он жил страданиями всего мира, забывая самого себя, и не было конца его молитве, призывавшей все народы Земли познать Господа Духом Святым. По глубокому убеждению старца, если бы это совершилось и люди, оставив свои увлечения, всей душой устремились бы к Богу, то изменилось бы лицо Земли и судьбы всех людей и весь мир преобразились бы «в один час».

Вся жизнь его была сердечной молитвой «до великих слез», исключительно высоким подвигом любви к Господу.

«Мир стоит молитвою, — утверждал преподобный, — а когда ослабнет молитва, тогда мир погибнет». В этой молитвенной устремленности он достиг такого внутреннего состояния, при котором провидел происходящее и прозревал будущее человека, открывая глубокие тайны его души и призывая всех вступить на путь спасительного покаяния. Непрестанная молитва не оставляла подвижника до последнего часа его земных странствий.

11/24 сентября 1938 года старец схимонах Силуан мирно скончался. Он явил своей подвижнической жизнью пример кротости, смирения и любви к ближним.

Спустя пятьдесят лет, в год празднования 1000-летия Крещения Руси, Священный Синод Константинопольской Православной Церкви причислил блаженного старца к лику святых. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II имя преподобного Силуана Афонского внесено в месяцеслов Русской Православной Церкви под 11/24 сентября. Однако задолго до официальной канонизации для поклонения честной главе преподобного, покоящейся в Покровском храме святогорской Пантелеимоновой обители, приезжало немало паломников с верой в его молитвенное предстательство пред Господом.

Врачуют души верующих и писания подвижника о сущности христианской жизни и монашеского делания, переведенные на многие языки и получившие большую известность за глубокую духовность и мудрость содержащегося в них слова. Его слово — простое и доброе, но чтобы следовать ему, необходимо вступить на путь самоотречения и всецелого послушания воле Божией, каким прошел и сам святой старец. Будучи нашим современником, сыном Российской земли и Церкви Русской, он свидетельствовал о спасительности евангельской истины, преподанной всем нам Господом нашим Иисусом Христом, о высоком значении учения Православной Церкви, подтверждая тем самым, что в мире преходящих ценностей неизменными и подлинно ценными для всех времен являются лишь нравственные, духовные основания жизни человека.

Схимонах Амвросий (Болотов)

Схимонах Амвросий (в миру Александр Владимирович Болотов) был потомственным дворянином Тульской губернии. Родился в 1866 году в Санкт-Петербурге, где его отец был мировым судьей. Его мать звали Софией. Александр рос в имении своего отца в полной роскоши и богатстве. Вот как он вспоминает об этом времени: «Помню, как избалованный бабушкиными сливочками и печеньями, я с жадностью глотал густые, розоватые сливки, подал пушистый, теперь уже невероятной белизны домашний хлеб, как за обедом я упитывался грибными пирогами, где корочка хрустела, пирожками с укропом, набитыми печенками или щучиной, потрошками да воздушными пирогами, а весной карасиками в сметане. И все это запивалось домашними сухарными или лимонными квасами, сливянками и всякими запеканками.



Яства сменялись яствами, изысканность барской кухни доходила до апогея, и тогда, когда уже мысли мешались, глаза невольно закрывались от сладкой истомы после вкусного, тонкого и сытного домашнего обеда, на балкон выносился поднос, уставленный произведениями собственной оранжереи, подавался в обворожительных чашечках ароматный кофе и пузатенькие бутылки старинной наливки или долго сохранявшегося десертного французского вина, или запыленная бутылка старого арманьяка дополняли оконченный обед»³⁵⁷.

После такого замечательного детства Александр Владимирович окончил факультет правоведения, служил в Санкт-Петербурге в Министерстве юстиции мировым судьей, секретарем прокурора в Харькове, с 1894 года в государственной канцелярии Санкт-Петербурга. В том же году женился на Стефаниде Сергеевне Толстой.

С 1897 года служил в Новгороде членом Новгородской земской управы, затем земским начальником в Любани и Новгородским уездным предводителем дворянства. С ноября 1905 года был назначен Пермским губернатором. Дослужился до действительного статского советника.

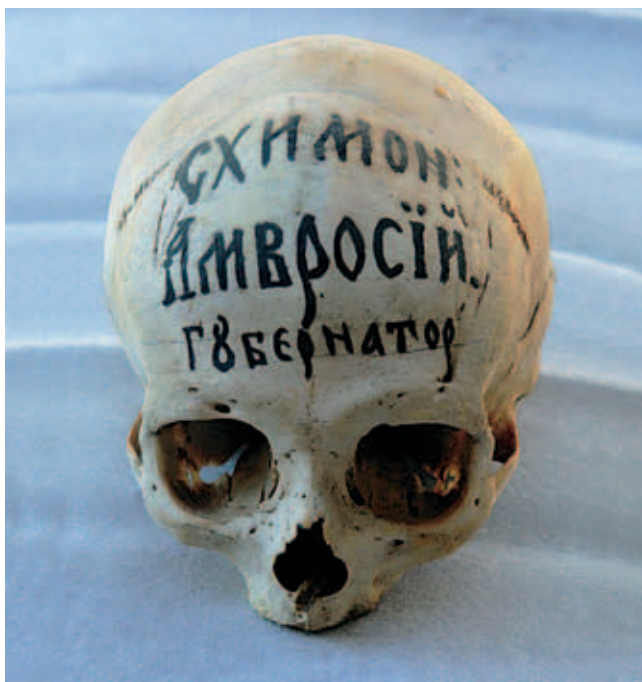
Но отгремела революция, и Александр Владимирович был вынужден эмигрировать в Европу. Вот как он описывал свое новое положение: «Я беженец, потерявший все: и семью, кроме жены, и родных, и имущество, и родовой угол, — потерявший Родину и даже надежду ее вновь увидеть. Я жалкий обломок русской государственности, русского богатства и былой русской мощи»³⁵⁸. Вскоре еще одно горе постигло его: в Бухаресте в изгнании в 1929 году скончалась любимая жена. Детей у них не было, и остался Александр Владимирович совсем один. Но, к его чести, он не стал отчаиваться и озлобляться на внешний мир, а, наоборот, стал искать причины своего несчастья в себе самом. Он пришел к заключению, что все потерял по собственной вине, потому что никогда не боролся за свое счастье. Мир — дар Божий, и, вместо того чтобы трепетно и с заботой к нему относиться, мы его безжалостно эксплуатируем, только потеряв его или замарав грязью нашего греха, мы осознаем его цену, а потом уже бывает поздно. Наученный горьким опытом жизни, Александр Владимирович все свои внутренние силы направил для обретения истинного счастья в Боге.

Есть мнение, что некоторые люди, потерпев в мирской жизни неудачу и крушение своих планов, решаются идти в монастырь, чтобы там спокойно дожить свою неудавшуюся жизнь. Да, есть и такие. Двери Матери-Церкви открыты для всех.

³⁵⁷ Болотов А. В. Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж, 1924. С. 40–41.

³⁵⁸ Там же. С. 7.

И если такие люди смогут смириться, откажутся от своей воли и не поддадутся уловкам беса зависти, они смогут спастись. Но ясно и то, что для достижения успеха в духовной жизни необходимы именно те качества, которые обязательны для достижения успеха в мирской жизни. Господь нас предупредил, что Царствие Небесное силою берется, а те усилия, которые мы делаем, чтобы приобрести его, суть: мощная сила воли, принципиальность, рассудительность, самообладание, наблюдательность, концентрация на поставленной цели и т. д. Поэтому не проявляющие таких качеств



в духовной жизни так же обречены на провал, как и в мирской жизни. Александр Владимирович, имевший такие качества, принял единственно верное решение: отречься от своей воли и в покаянии и самосовершенствовании завершить свой жизненный путь. Это было самым тяжелым решением в его жизни, так как, привыкший всю жизнь командовать и принимать решения за других, теперь он должен был сам стать послушным исполнителем указаний других людей, но он смог пересилить свое тщеславие и ради Бога склонил голову перед судьбой. Высокое нравственное достоинство этого поступка станет очевидным, если мы вспомним, что сотни тысяч русских эмигрантов не смогли поступить подобным образом и отказаться от мнимой свободы и предпочли стать наемными музыкантами или гарсонами в кабачках Европы.

7 ноября 1931 года Александр Владимирович поступил послушником в Русский Пантелеимонов монастырь, где 8 ноября 1931 года был пострижен в рясофор с именем Амвросий, 27 марта 1937 года в мантию, а 2 февраля 1938 года в схиму. В монастыре он прожил всего семь лет, но именно эти семь лет были самыми счастливыми годами его жизни, потому что он здесь приобрел мир души, надежду на спасение и, что самое главное, приобрел самого себя.

Отец Амвросий еще в миру написал книгу своих воспоминаний, которая под названием «Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека» была издана в Париже в 1924 году. Он написал также книгу «Страстные и Светлые дни на Афоне», которая была издана в Варшаве в 1929 году, в которой описывается его первое посещение Афона. После его смерти в архиве монастыря остались его дневники,

письма от разных корреспондентов и некоторые незавершенные литературные произведения³⁵⁹. До поступления в монастырь в 1929–1930 годах он писал письма архимандриту Мисаилу (Сапегину), которые тоже хранятся в архиве монастыря³⁶⁰.

Преставился отец Амвросий 13 февраля 1938 года.

Схимонах Онисифор (Ищенко)



Схимонах Онисифор³⁶¹ (в миру Онисим Карпович Ищенко) родился в 1872 году в крестьянской семье села Рубанское Брацлавского уезда Каменец-Подольской губернии. С детства он был молчаливым и смиренным. Любил один бродить по лесу и любоваться природой. При этом всегда одна и та же мысль посещала его: если так прекрасна земная природа, то как прекрасен должен быть Божий рай! Но как сподобиться жития в раю? Как заслужить милость Бога? Ответов на эти вопросы мальчик не находил, пока однажды вечером бабушка не прочитала ему отрывок из Священного Писания, где Господь говорил: «...научитесь от мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ» (Мф. 11, 29). Он спросил бабушку, как научиться такому смирению, как у Господа. Та сначала растерялась, но потом, собравшись с мыслями, ответила: «Христовому смирению, внучек, можно научиться только в монастыре, где люди живут подражая ангелам».

³⁵⁹ АРПМА. Опись № 15, дело № 59.

³⁶⁰ АРПМА. Док. № 1714.

³⁶¹ Жизнеописание составлено по материалам архива РПМА: см. Док.: № 1, с. 137; № 12, с. 323.

Слова бабушки глубоко запали в душу мальчика, и с тех пор он не переставал думать о монастыре и о монашестве.

Свою мечту Онисим смог осуществить в возрасте двадцати четырех лет. 3 декабря 1896 года он приехал на Афон и был принят в Русский Пантелеимонов монастырь. Через три года, 12 марта 1899 года, он был пострижен в рясофор с именем Онисифор, а 15 марта 1902 года в мантию с тем же именем. Послушание все это время он проходил в Космодамиановской келлии и Старом Руссике. Последний славился строгостью своего устава.



Отец Онисифор хотя и был молод и неопытен, но со смирением переносил все тяготы строгого монашеского устава. Он выделялся абсолютным послушанием всем братьям, смиренным и кротким нравом. В это время с ним на Старом Руссике жил в будущем преподобный Силуан Афонский, который так характеризовал еще молодого подвижника: «Этот многих людей привлек к себе кротостью, и смирением, и даром слова. Он был такой кроткий и смиренный, что и без слов, только смотря на него, будешь исправляться, такой у него был спокойный и здравый характер»³⁶².

11 декабря 1918 года отца Онисифора постригли в схиму с тем же именем. Еще 20 лет в ангельском образе схимника он жил в Старом Руссике, являясь примером монашеского смирения и ангельской кротости для всей братии монастыря. Он постоянно помнил поучения своего духовного отца иеросхимонаха Агафодора (Буданова): «Иисусова молитва должна сопровождаться крайним смирением, ибо без смирения молитва будет фарисейской и плоды ея будут гордость, осуждение, самооправдание. И враг не боится такой молитвы и легко уловляет в прелести, поэтому только смиренная молитва угодна Господу, молитва мытаря приемлема бывает от подвижника, только она охраняет от прелести»³⁶³.

Внутренняя жизнь монаха, особенно кроткого и молчаливого, является нераскрытой книгой, и знать о ее деталях внешним наблюдателям не дано. Но так как истинное смирение невозможно без любви, то даже самый скрытный подвижник не сможет удержать в себе порывов сей добродетели.

Преставился отец Онисифор 28 сентября 1938 года.

³⁶² Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 390.

³⁶³ АРПМА. Док. № 501. С. 38.

Схимонах Вивиан (Обухов)

Схимонах Вивиан (в миру Владимир Андреевич Обухов) крестьянин из села Борецкого Сапожковского уезда Рязанской губернии родился в 1864 году. Родители его — Андрей и Акулина — жили очень благочестиво и детей воспитывали в страхе Божиим. У Владимира было два старших брата. Когда ему исполнилось 16 лет, то родители умерли. Вот как он впоследствии вспоминал свою тогдашнюю жизнь: «Дома я занимался крестьянскими работами совместно с братьями. Гулять не любил, а, кое-как научившись грамоте, имел прилежание читать духовные книжки. Посещал храм Божий. В плотские грехи, по милости Божией, не впадал. Меня имели намерение женить, но я уклонился, потому что еще в юности был расположен оставить мир и быть монахом на Афонской Горе. Затем поступил служить на Кавказскую железную дорогу. Получал хорошее жалованье, в год по 300 рублей, из которого посылал братьям деньги на уплату податей. В продолжении 8 лет моей службы я им выслал 600 рублей.

Не имея возможности ходить в церковь по служебным обстоятельствам, я часто скорбел и, наконец, уволился со службы, дабы оставить совсем мир и уйти в монахи. Когда я прибыл домой и родные узнали, что я бросил службу, то набросились на меня с руганью. Я же их спросил: «Что вам сделал дурного, что вы меня так браните? Смотри, брат Алешка, и ты, брат Николай, ответите на страшном суде Божиим, это так вам не пройдет!» А они на мои слова расхохотались.

Перед окончанием моей службы на Батаевской станции около Ростова я встретил странника — старичка, среднего роста, с седенькой бородкой, по виду он был похож на святителя Николая Чудотворца. Я его спросил:

— Куда идешь?

А он ответил:

— На Новый Афон.

Я его вторично спросил:

— А был ли на старом Афоне?

— Был, — говорит, — в 1887 году. Ну брат, там чисто рай земной!

— А я все подумываю оставить мир и идти на Афон, да все не соберусь. А он и говорит:

— Не откладывай, иди скорей, Матерь Божия тебе поможет.

— А как тебя, дедушка, зовут?

— Николаем, — ответил он.

Я как-то взором отвернулся, а потом смотрю, странник мой исчез. Спрашиваю сторожей, не видали ли старичка. Но никто его не видел. С тех пор я решил положительно идти на Афон; собрался в две недели и, простившись с родными, немедленно поехал»³⁶⁴.

В октябре 1893 года Владимир прибыл на Афон. Обошел часть монастырей Святой Горы и, наконец, в Русском Пантелеимоновом монастыре стал проситься у архимандрита Андрея о принятии его в число братии. Игумен Андрей принял его и послал на послушание на Крумицу, где он был сначала помощником архондаричного, потом три года подвизался в столлярной. Затем его перевели в хлебную, в которой он трудился 10 лет. 6 марта 1895 года его постригли в рясофор с именем Владимир, а 11 марта 1898 его постригли в мантию с именем Вивиан.



По описанию отца Флегонта (Лебедева), у отца Вивиана «лицо было приятное и очень простодушное; был в словах весьма прост; мудрствований внешних и внутренних мира сего в нем не обретается, по истине младенец»³⁶⁵. Сам же отец Вивиан любил говорить: «За старческие молитвы живу хорошо — благодушно время провожу, в душе моей радостно, хотя и случаются скорбишки, но скоро проходят».

Он часто размышлял в простоте своей о смерти, Страшном суде, аде, Царствии Небесном, о страданиях Спасителя. Много скорбел о своих грехах, и часто приходили к нему слезы от молитвы и размышлений. В своих молитвах он все время просил Господа сподобиться видения загробной участи людей. И Бог услышал молитву его простой души. Вот как он описал виденный им дивный сон: «В 1901 году, в конце сентября, день не упомню, после слушания в церкви повечерия я пришел в свою келью. Канончик монашеский протянул, стал ложиться спать на свою постель, укрылся одеялом. Особенных дум не было, и в скорости около трех часов ночи заснул.

³⁶⁴ АРПМА. Док. № 518. С. 808.

³⁶⁵ АРПМА. Док. № 212. С. 725.

Сознание мне представило весьма ясно: что я нахожусь на Крумице, внутри корпусов, а братия была на разных послушаниях. День был очень светлый. Затем стало смеркаться, и увидел я, что звезды с неба стали падать сильно, вроде того как бывает падает снег во время метели или капли воды в дождь. Братия вдруг вся бежит с послушаний к своим кельям, в слезах и в великом страхе, с мыслями, что настал свету конец.

Я стою и их утешаю: не бойтесь, ведь вы были при деле. Но они не обращают на меня никакого внимания. Затем кругом стало все изменяться: горы двигались, Крумица со строениями превратилась в прах, виноградник исчез, образовалось громадное поле; загредел сильный гром, засверкала молния, заблестал свет. Великий ужас напал на всех, все плакали, а я почему-то нет, и не особенно и боялся.

Вдруг явился светоносный Ангел, среднего роста, на вид красивый, лицо подобно девическому, одет в длинную светлую одежду вроде дьяконской, подошел ко мне и говорит: «Володя! Пойдем на небо». А я ничуть не смутился и охотно, молча последовал за Ангелом по направлению на юг. Дорогой Ангел и говорит: «Володя, я прежде покажу тебе адские мучения». Я согласно киваю, и мы повернули на запад. А братия вся осталась на месте, неутешно рыдая.

Стали спускаться куда-то вниз. Там окружила нас неприглядная тьма. Вдали были видны какие-то огни вроде костров, иные очень ярко горят, другие — чуть заметно. Ангел мне говорит: «Это разные адские мучения».

Немного севернее я увидел огненную реку, протекавшую в каком-то овраге — глубоком и широком. Протянулась она очень далеко. И конца ее глазом не видать. И брызги от клокотания огня в ней летят кверху и опять в реку падают. Я ужаснулся и трепетал, думая, чтобы не попасть и самому туда.

Ангел и говорит: «Володя, эти муки для неверных». Затем продолжил: «Володя, а теперь пойдем и на небо». Очень скоро достигли мы неба. Там я был поражен необыкновенным светом, который происходил от востока и который был несравненно светлее нашего солнца. Я спросил: «Ангел святой, что это на горах воссияло?» А Ангел отвечает: «Володя, это вышний горний Иерусалим. В нем живет Сам Господь наш Иисус Христос».

По мере приближения к святому Иерусалиму я стал обонять чудное благоухание, которое разносилось на громадное расстояние как облако по всей окрестности. Стал рассматривать Иерусалим. Увидел какие-то церкви величиной подобные Киево-Печерской. Кровли крыш были подобны куполам, от которых исходило блистание. На храмах были кресты, обычные, как и у нас на церквях, но только сияющие. Эти святые храмы были расположены рядами. А сколько рядов и храмов, не знаю.

Издали мне была видна лишь малая их часть. Храмы стояли рядами к востоку. И конца им не видать. Между храмами улицы шириной в 100 сажен. В Иерусалиме 12 больших врат...

Не доходя около одной версты до Иерусалима, я увидел дивное и для ума немислимое испытание дел человеческих — Господь производил Страшный суд.

Мы подошли ближе, встали с Ангелом по правую сторону от Иерусалима так, что Иерусалим я зрел стоящим на воздухе, и под ним ничего, нет основания, попросту сказать, стоит на воздухе. Мы же стояли на земле, которая подобна нашей земле, но ни травы, ни деревьев на ней видно не было. Пред взором раскинулась необыкновенная равнина, по которой двигалось неисчислимое количество людей, вся вселенная! Шли от запада и юга только, а с северной стороны ничего не было видно, и все приближались к нам. Я стоял пред Престолом Божиим не далее как в 15 саженях и зрел сидящего Господа нашего Иисуса Христа.

Престол, по виду золотой, блестит, величиной более наших, которые стоят в алтарях, на престоле стоит трон, как пишут на святых иконах, и на оном восседает Господь и Бог наш. В это время я радовался духом, страха не ощущал. По правую сторону Господа стоит Царица Небесная, роста среднего, одета в золотые одежды. К сожалению, Богоматерь хорошенько не разглядел, все внимание мое было приковано ко Господу и Иерусалиму. Дивился я всему этому.

По правую сторону от Господа и позади Царицы Небесной, вблизи их, стоял дивной красоты Архистратиг Божий Михаил, но в чем одет и имел ли оружие, не знаю. Но по виду он был очень красив. Позади Престола Господа стояло множество небесной силы — ангелов всех родов. По виду они были похожи на род человеческий, но одежды у всех были разные. Все они стояли благоговейно, в страхе. По левую сторону Господа как будто стоял святой Иоанн Креститель... Спереди престола, немного пониже, стоял, должно быть на воздухе, большой величины Крест. От него шло дивное сияние. По правую сторону от Креста висела красная одежда и лежал терновый венец. Что еще было, я не рассмотрел»³⁶⁶.

Не каждый монах сподобляется видения Горнего Иерусалима. Очевидно, что для этого нужна крайняя простота и полное доверие Богу. Детская наивность и простота отца Вивиана стали той почвой, где Господь посеял свою благодать и где ростки добродетелей с лихвой взошли и дали свои многочисленные плоды.

Известный писатель Вл. Маевский оставил нам чудное воспоминание об отце Вивиане, которого он встретил во время своего пребывания на Афоне: «В нескольких шагах от меня, весь залитый лучами яркого солнца, усердно копошился какой-то

³⁶⁶ АРПМА. Док. № 518. С. 808–849.

ветхий старец в холщевом подряснике и с такой длинной седой бородой, какой я по-ложительно еще не встречал на Афоне.

По всему было видно, что старик-инок нес на себе такое бремя лет, какое едва ли могло ему позволить делать какую-либо работу, а тем более ту, какую он все же выполнял под палящим солнцем. А работа эта заключалась в окапывании довольно тяжелой сапой виноградных лоз, на что в жаркое время летнего дня требуется немало сил и настойчивости и от молодого, крепкого человека. Но длиннородый старец продолжал свое дело, ни на минуту не подымая при этом головы, так что мое появление на его безмятежно-тихом горизонте по-прежнему оставалось ему неизвестным.

— Не испугать бы! — подумал я, решив все же приветствовать почтенного труженика. И совсем тихо так, чтобы голос мой все же долетел до его слуха, я произнес:
— Христос воскрес, отец!

Старик медленно поднял голову, а затем стал разгибаться. Но было ясно, что одно уже это разгибание причиняло немало труда и забот его костям, настолько долго совершал он это действие. Наконец, мой длиннородый дедушка выпрямился во весь свой крупный рост и, тяжело опираясь одной рукой на кирку и приложив другую к глазам, стал пристально смотреть в мою сторону, стремясь распознать того, кто столь неожиданно нарушил его покой и полное уединение.

Я сделал еще несколько шагов и уже вплотную подошел к старцу, дабы дать ему возможность свободно ознакомиться с моей личностью. И, по-видимому, она произвела на него благоприятное впечатление, ибо я тотчас же увидел уже озаренное доброй улыбкой старческое лицо и такие же добрые голубые глаза, просто смотревшие на меня из-под нависших бровей, вполне соответствовавших своей сединой всей белоснежной растительности, окаймлявшей лицо моего нового знакомого.

— Воистину! — прозвучал негромкий ответ инок. — Воистину воскрес Христос!.. А вы откуда здесь обрелись, господин? И уж не русский ли будете?

— Русский... конечно, русский, дорогой отец!.. Самый настоящий русский... приехал к вам помолиться из Сербии.

Искренняя радость засветилась в глазах милого старца, и он даже почти перестал опираться на свою тяжелую кирку, настолько его воодушевило известие о моей русскости и прибытие из братской страны.

— Владыка Милостивый! — заговорил он. — Великая радость для меня ваше посещение, господин! И как это вы только догадались, что я, грешный, здесь нахожусь? Видать, услышали со стороны мою кирку... А я ведь и ковыряю-то ей едва... Вот все же слышали... что значит молодые уши... Воистину Сам Господь привел вас сюда!.. Так русский вы человек... О Господи Милосердный!..

И не прошло минуты, как мы уже, будто старые друзья, разговаривали со старцем, причем он сам, оживившийся и весь сиявший искренней радостью, так и засыпал меня вопросами.

Отцу Вивиану, как оказалось, было 86 лет³⁶⁷. Возраст настолько уже почтенный, что при нормальных условиях всякая работа была уже излишней. И тем не менее этот дряхлый и слабый старец должен был на закате своей многотрудной подвижнической жизни еще трудиться на виноградниках как обыкновенный и здоровый молодой инок-работник. И притом это являлось для него вовсе не добровольным препровождением времени, а настоящим монашеским послушанием, необходимым для существования других братьев и благосостояния их обители.

— Ничего не поделаешь, господин, при теперешнем нашем бедственном положении, когда нет молодых иноков, а остались только дряхлые старцы, нужно трудиться! — со вздохом сообщил мне отец Вивиан, поправляя сухой старческой ладонью прядь седых волос, выбившихся из-под старенькой скуфейки.

— Что ни месяц, все меньше и меньше становится нас, русских иноков, на Святой Горе... Оскудевает наш русский сосуд монашеский... Не позволяют власти нашим братьям приезжать теперь на Афон, закрыли для них всякий доступ. Да и не только для русских людей закрыли они Гору Святую, а вообще для всех славян... Не пускают даже румын. Вот и нет больше притока новых сил в нашу братию... Мы, старики, кончаем наш греховный жизненный путь, а заменить-то нас вот и некому...

Старец помолчал немного, а затем, грустно кивнув на свою кирку, продолжал:

— Вот и с работой тоже беда... Все нам самим, старикам, приходится делать. Нет у нас молодых и здоровых работников. А силы-то падают, едва-едва в руках какой-нибудь инструмент держится. Что делать? Если нельзя без работы оставить обитель. Как жить-то дальше будем? Не окопаешь виноградник, не вырубишь лес, не вспашешь поля — и весь скит пропадет, в пустыню превратится! Вот как можем так и трудимся, дабы не пропасть совсем... Власти ввели суровые правила... суровые... и, если будет идти все так и дальше, — совсем пропадут на Афоне русские обители. А не станет русских иноков, какой же тогда будет русский монастырь?!

Старец умолк в печальном раздумье. Не начинал разговора и я после его грустных и правдивых слов.

— А все это идет оттуда, господин, с нашей матушки Родины многострадальной... Все от нее! — возобновил отец Вивиан свою речь после длинной паузы. — Ведь слышал я немало о том, что сотворилось в России... Доходили и до нас эти скорбные

³⁶⁷ В действительности отцу Вивиану в то время было 76 лет.

вести... Испытывает нас Господь Всемогущий!.. Ничего не поделаешь: попустил он за наши грехи... попустил и вот уже сколько лет не хочет помиловать... И никто не знает, никто не скажет, когда же ждать конца нашим испытаниям.

Неожиданно старик поднял одной рукой свою кирку, а затем снова опустил ее, ударив при этом с такой силой, что я невольно обратил внимание на необычайный прилив старческой энергии.

— Бога забыли... Вот и вся причина страшных бедствий! — воскликнул отец Вивиан уверенно. — Забыли заповеди Господни!.. Вот и мучается так долго весь народ, мятется, как в преисподней, не ведая, что творит, и не видя ни в чем ни конца, ни начала!.. Князь тьмы гуляет по Руси, храмы разрушает, пастырей христовых убивает, бесчестие и распутство сеет... Только все же придет и этому конец... Придет!.. Дождется русский народ своего воскресения... Дождется!..

Старец легко коснулся моей руки своими сухими пальцами и проговорил совсем тихо, одновременно и упорно посмотрев на меня парой старчески добрых голубых глаз:

— Верьте мне, господин, что помилует Господь Бог нашу матушку Россию... и ударит час обетованный, когда проснется народ от греха своего и опомнится... Придет, ударит этот долгожданный час... Только нам, грешным, посильнее молиться надобно!.. А вы откуда, из каких мест матушки России будете, господин хороший? Имеете жену, деток?..

Я, как мог, отвечал на все вопросы старца Вивиана, стараясь удовлетворить его вполне понятную и разумную любознательность.

В беседе с этим замечательным старцем время летело незаметно. И я нескоро вспомнил о своем намерении пораньше добраться до сиявшего вдали своими золотыми куполами русского скита.

Старец Вивиан заботливо проводил меня обратно к тропинке, оставленной мной около часа тому назад.

— Отселева уже недалеко до обители... Поспееете, пока еще солнышко высоко... Пошел бы и я, да только уж очень плохой я спутник для молодого человека. Ноги уже не носят, как нужно. Да и работы здешней бросить нельзя, некому исполнить послушание. А без работы этой не вырастет виноград, как нужно... Уж вы идите один, дорогой наш гость, с Богом... Вот так и доберетесь до скита по этой тропинке, не собьетесь!..

При нашем прощании старец опять забросал меня вопросами о Сербии, причем обнаружил большое знакомство со всеми наиболее замечательными событиями этой близкой и милой страны, волновавшими ее за последние годы.

— Придет час, и весь мир выйдет на истинную дорогу Христову... И исчезнет дым, расточатся Божии враги!

Я с нескрываемым благоговением поцеловал сухую, почти детскую по размерам руку отца Вивиана и, спустя короткий срок, уже уходил от него в даль, оставляя позади себя и замечательное место, с которого открывалась незабываемо прекрасная панорама, и самого старца, так неожиданно встретившегося на моем пути.

При входе в новый зеленый коридор, начинавшийся в шагах двухстах от места, где я распрощался с отцом Вивианом, я оглянулся и еще раз увидел этого посвятившего свою жизнь Богу русского человека, проводившего на земле девятый десяток положенных ему лет.

Старец стоял на небольшом холме, весь залитый солнцем, смотрел мне вслед и, по-видимому, никуда не хотел уходить, пока я не скроюсь из вида. И когда я оглянулся, он явственно осенил меня напутственным крестным знамением... Я в свою очередь низко поклонился благословляющему меня старцу, и, думаю, он так же хорошо видел мой поклон, как и я его крестное знамение»³⁶⁸.

«Люди говорят, — писал отец Вивиан, — что слишком я озабочен своей Родиной, что неприлично монаху так много говорить и думать о Родине, что давно пора все мысли направлять только к Богу. Это было бы справедливым упреком, если любовь к Родине была бы чем-то отделенным от любви к Богу. Но я люблю мою Родину, потому что люблю Бога, и, наоборот, только потому, что я люблю мою Родину, моя любовь к Богу так сильна и чиста. Как бы духовно близко не приблизился человек к Богу, разве он сможет забыть свою мать? Разве болезнь и страдания матери не выдавят из него каплю слезы? Так же и с Родиной: кто не любит свою мать, тот не любит Родину, а кто не любит Родину, тот не сможет полюбить Бога! Я уверен, что все эти любви в принципе одна любовь, одна Божественная любовь, дарованная нам Богом. Эта любовь как морская волна, прибывающаяся к берегу, она покрывает все камни одинаково: черные и белые, большие и маленькие и ни один не может обойти стороной. Так же и Богом дарованная любовь — она одинаково обнимает мать, Родину, брата, врага и муравья и ничего не может с этим поделаться. Поэтому я не верю человеку, который говорит, что любит только Бога, и не проронит даже одной слезы, видя беду своей Родины. *«А́ще кто́ рече́тъ, ꙗко люблю́ Бо́га, а брата́ своего́ ненави́дитъ, ло́жь е́сть...»* (1 Ин. 4, 20)»³⁶⁹.

Преставился отец Вивиан 22 сентября 1940 года, Бог избавил его быть свидетелем очередной страшной беды, вскоре нагрянувшей на его любимую Родину.

³⁶⁸ Маевский Вл. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 62–68.

³⁶⁹ АРПМА. Док. № 4058. С. 12.

Схимонах Диадох (Дружинин)

Схимонах Диадох (в миру Дмитрий Митрофанович Дружинин) родился в 1866 году в семье мещанина из города Ростова Рязанской губернии. Благодетельные родители воспитывали мальчика в вере и согласии. Дмитрий с ранних лет полюбил ходить в церковь, он с нетерпением ждал субботнего вечера, когда вся семья шла в храм на повечерие и исповедь.

Когда другие дети шумно бегали вокруг храма, он уходил в самые затаенные уголки внутри церкви и внимательно наблюдал оттуда за происходящим. Его удивляло, что здесь, внутри церкви, даже самые буйные его соседи вели себя очень тихо, спокойно и смиренно. «Наверное, они кого-то боятся или кого-то стесняются, — думал мальчик. — Но кого? Почему Его не видно?» Эти вопросы очень волновали будущего подвижника.

Мама говорила, что есть Всемогущий Бог, который все знает и который все видит. Но почему Он не показывается здесь и почему люди Его боятся, если Его здесь нет? Он не знал, кому задать эти свои детские вопросы. Опять помогла ему мама, сказав, что Бог в его сердце! Но у Дмитрия теперь возникли новые недоумения: как может Всемогущий Бог вместиться в его сердце? И как Он может жить одновременно во всех сердцах? Ему было неудобно больше беспокоить маму, и он решил эти вопросы задать человеку, которого все считали главным знатоком Господа Бога, — приходскому священнику. Священник, выслушав мальчика, ответил: «Чадо, Бог есть Дух, невидимая сила и может быть везде одновременно, и, если ты позовешь Его, Он придет и в твое сердце, только ты сильно попроси и выброси из своего сердца все лишнее: мечты, сны, игры и прочее, и тогда Бог поселится в твоём сердце».

Вернувшись домой, Дмитрий пошел в свою комнату и, сев в углу, стал просить Господа, чтобы Он пришел к нему. Долго он так сидел. Вскоре, непонятно отчего, потекли у него слезы, и Дмитрий почувствовал в своём сердце что-то необычное, невероятно сладкое и совсем необъяснимое. Он упал на колени и еще сильнее заплакал. Это не было похоже ни на что из того, что он испытывал раньше, — слезы были приятными и успокаивающими. Дмитрий хотел что-то сказать, но у него вырвалось из уст лишь одно слово: «Господи!» Его душа успокоилась и наполнилась радостью, он явственно чувствовал, что Господь действительно вселился в его

детское сердце. Дмитрию очень захотелось поделиться своей радостью с мамой, и он побежал сломя голову в мамины покои.

Жить с Богом, жить для Бога стало единственной мыслью Дмитрия на всю оставшуюся жизнь. Окончив гимназию, он сразу же хотел поступить в монастырь, но ему предстояло еще пройти много испытаний, пока это желание осуществилось. Вдруг умерли его родители, и многочисленная семья лишилась кормильцев. Родственники обязали Дмитрия, как самого старшего, взять на себя заботу о младших, и он был вынужден поступить в подмастерье к одному портному. Проявляя огромное трудолюбие и талант, Дмитрий вскоре сам стал мастером и своими трудами обеспечивал пропитание и учебу младших братьев и сестер. Только когда младшему из них исполнилось двадцать лет, он смог вернуться к мысли об осуществлении давней своей мечты.



25 октября 1895 года Дмитрий Митрофанович вступил на Афонскую землю и был принят в Русский Пантелеимонов монастырь. Естественно, его сразу определили на послушание портным в мастерскую по шитью одежды. Впоследствии он стал заведующим этой мастерской и руководил ею до самой своей смерти.

1 апреля 1899 года Дмитрий Митрофанович был пострижен в мантию с именем Диадох. Его первым духовником стал отец Агафодор (Буданов), которого молодой монах очень возлюбил. Узнав о его прежнем опыте общения с Богом, отец Агафодор благословил ему заниматься Иисусовой молитвой. Отец Диадох с радостью выполнял это благословение, тем более что ему не требовалось особых усилий, чтобы сосредоточиться на молитве. С тех пор как Господь вошел в его детское сердце, Он больше не покидал его. Ему только нужно было не отвлекаться от своего сердца и умом наблюдать за ним.



Архимандрит Софроний (Сахаров) в своей книге «Старец Силуан» так характеризует отца Диадوخа: «В течение многих лет большой швальней монастыря заведовал отец Диадох, монах во всем примерный, до педантичности аккуратный, любитель богослужения, начитанный, тихий нравом и благородный в общении с людьми, он пользовался общим уважением»³⁷⁰.

Духовный настрой отца Диадوخа раскрывается в одном из его писем духовнику: «Настал святой Рождественский пост, который и не увидишь как приведет к великим святым праздникам, радостным христианскому духу. У меня от одного воображения сейчас замирает дух от восхищения, почему, питая к Вашей честнейшей особе нелицемерную духовную любовь, с детской простотой и спешу приветствовать Вас с приближением сих дней, как Рождество Христово, нового года и святого Богоявления. <...> Благодать Божия, щедро всех наделяющая, и меня грешного не по достоинству утешает. Я делаюсь подобным дитяти от радости; по грехам надобно бы плакать день и ночь, а мне житие кажется раем и скорбное монашеское житие даже и не чувствуется»³⁷¹.

Преставился отец Диадох 30 апреля 1940 года.

Иеросхимонах Палладий (Козлов)

Иеросхимонах Палладий (в миру Петр Матвеевич Козлов) родился в 1843 году в крестьянской семье в селе Смышляевка Чертановской волости Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Его мать звали Анной. О его жизни до поступления в монастырь нам ничего не известно. Очевидно только одно, что он получил хорошее образование.

³⁷⁰ Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 68.

³⁷¹ БРПМА. Док. № 41926. С. 200.

В 1879 году он прибыл на Афон и поступил послушником в Русский Пантелеимонов монастырь. Первое его послушание было на пекарне. Петру это послушание очень нравилось. Несмотря на тяжелую работу, обстановка пекарни настраивала его на молитву. Горящие печи, ароматный запах, молчаливые движения братии пробуждали в нем желание молиться.

27 ноября 1882 года Петра постригли в мантию с именем Палладий. Через год, 22 ноября, его рукоположили в иеродиакона, а 23 ноября 1896 года в иеромонаха. После этого вне обители на благо ее началась бурная деятельность отца Палладия. Сначала его послали в Россию на Чумбуру, где он помогал отцу Михаилу (Савицкому), потом в метоху обители — Каламарию, а с 1910 года он уже на подворье в Одессе. Где бы он ни был, он все и всегда делал только по послушанию отцу игумену, с которым имел постоянную переписку³⁷².

В Одессе его застало начало Первой мировой войны.

В 1914 году Херсонской духовной консисторией он был назначен находиться при санитарном отряде Красного Креста, прошел всю войну, побывал на разных фронтах, спас жизни многих раненых солдат, сам был ранен и много раз смотрел смерти в глаза и не избежал даже от несчастья плена. Попав в плен к австрийцам как санитар, через 12 дней он был освобожден. После этого он принял решение вернуться на Афон и, пройдя почти весь путь пешком с австрийских владений до Святой Горы, он наконец-то в марте 1920 года добрался до родной обители. Игумен Мисаил за его любовь к братьям и за проявленное мужество на войне наградил отца Палладия набедренником.

9 апреля 1921 года отца Палладия постригли в схиму и назначили духовником в обители. Огромный опыт практической жизни и духовного совершенствования



³⁷² АРПМА. Док.: № 849; № 934; № 935; № 1073; № 1553.



помогал отцу Палладию почти 20 лет быть добрым пастырем душ своих собратьев. Все любили его за глубокое знание человеческой души и сочувственное понимание человеческих немощей.

Преставился отец Палладий 26 декабря 1940 года.

Иеросхимонах Вассой (Горборуков)

Иеросхимонах Вассой (в миру Владимир Козьмич Горборуков) родился в 1866 году в крестьянской семье в селе Волотово Новобезгинской волости Новооскольского уезда Курской губернии.

Прибыл на Афон 7 ноября 1888 года, принят в Руссик 21 марта 1889 года, пострижен в рясофор 11 марта 1892 года, в мантию 6 апреля 1894 года. 28 мая 1909 года был рукоположен в иеродиакона, а 19 октября 1914 года в иеромонаха.

Послушание проходил на Крумице, в обители, в аптеке, в канцелярии, на подворьях в Константинополе, Одессе и Москве. После начала Первой мировой войны был санитаром в отряде Красного Креста, а в гражданскую войну был в составе санитарного отряда белогвардейской добровольческой армии. На фронте среди солдат за простодушие и самоотверженную любовь его очень любили. В своей части он был почти единственным человеком, которому любой измученный войной солдат мог излить свою душу. Отец Вассой до конца своей жизни молился и переживал за каждого человека, хоть однажды встретившегося с ним. Вместе с отступавшими отрядами белой армии он сначала попал на территорию Польши, а оттуда почти пешком добрался до Афона. Возвратился в Руссик отец Вассой 9 апреля 1923 года, а 13 марта 1925 года был пострижен в схиму. Всю оставшуюся жизнь прожил на Старом Руссике.

Интересен рассказ о встрече отца Вассоя с писателем Б. Зайцевым, который находим мы в его книге про Афон. Вот что он пишет: «Пришел с огорода отец Вассой с живыми и веселыми глазами лесного человека, весь заросший седеющим волосом, благодушный, полный и какой-то уютный. Узнав, что я из Парижа, таинственно

отвел в сторонку и справился об общем знакомом — его друге. Получив весть приятную, отец Вассой так просиял, так хлопал себя руками по бокам, крестился и приседал от удовольствия, что на все наше недолгое бытие в Руссике остался в восторженно-размягченном состоянии.

— Ну и утешили, уж как утешили, и сказать не могу! — говорил он мне, показывая скромные параклисы Руссика, где нет ни жемчужных крестов, ни золотых чаш, ни бесценных миниатюр на Псалтырях.

— Пожалуйте, сюда пожалуйте, тут вот пройдем к пиргу святого Саввы...

Мы заглянули в залитую солнцем галерейку — вся она занята разложенными для просушки маками, жасминами и розами — на них отец Вассой наставляет чай.

— Это мое тут хозяйство, вот утешаемся...

Сладковатый и нежный запах стоял в галерейке. Темно-красные лепестки маков, переходящие в черное, и пунцовый пух роз, все истаивало, истлевало под афонским солнцем, обращалось в тончайшие как бы тени Божьих созданий, в полубесплотные души, хранящие, однако, капли святых благоуханий.

Отец Вассой вдруг опять весело засмеялся и слегка присел, вспомнив что-то, его зеленоватые глаза заискрились.

— Прямо как праздник для меня нынче, уж так вы меня порадовали, прямо порадовали!

И отец Вассой, цветовод и, кажется, пчеловод Руссика, веселое простое сердце, повел меня в древнюю башню, главную святыню монастырька, откуда некогда царевич сербский Савва, впоследствии прославленный святой, сбросил посланным отца царские свои одежды, отказавшись возвратиться во дворец, избрав бесхитростный путь отца Вассоя»³⁷³.



³⁷³ Зайцев Б. Афон. Париж, 1928. С. 83.



Из этого простого рассказа видно, как отец Вассой переживал за своих друзей, за которых непрестанно молился. Он не ждал благодарности и вознаграждения за свои молитвы, а радовался простой доброй вести о своих подопечных. Самая великая награда за молитву — это реальное сознание того, что вершится воля Божья. Ничего не роднит людей, как взаимная молитва, даже самый заклятый враг в нашем сердце чудом пре-

вращается в родного человека, если мы заставим себя за него искренне молиться. В этом случае сам Бог примиряет нас, Он осуществляет невозможную для человека перемену. Поэтому беспочвенны утверждения некоторых, что невозможно молиться за врагов. Что невозможно человеку, то возможно Богу. Нам нужно только принять решение начать такую молитву, а остальное сделает Господь.

Преставился отец Вассой 2 сентября 1942 года.

Схимонах Спиридон (Поквала)

Схимонах Спиридон (в миру Спиридон Феодосьевич Поквала) родился в 1858 году в крестьянской семье в местечке Большой Токмак Бердянского уезда Таврической губернии. Его отец Феодосий умер 26 июля 1892 года. Он был очень набожным человеком и всю свою жизнь старался делать угодное Богу и детей воспитывал в благочестии. Спиридон с детства подражал отцу и постоянно сопровождал его при посещении им церкви. Повзрослев, он открыл отцу, что желает посвятить свою жизнь Богу, и просил благословения пойти в монастырь. Обрадованный отец сразу же согласился, но Спиридон был военнообязанным и только после окончания военной службы смог осуществить свою мечту.

Спиридон Феодосьевич прибыл на Афон 30 января 1889 года и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. Его сразу отправили на послушание на Крумицу, где на виноградниках трудились многие братья. 18 марта 1892 года он был пострижен в рясофор с именем Серапион, 15 марта 1894 года в мантию с тем же именем,

а 15 ноября 1919 года в схиму с именем Спиридон.

После пострига в мантию отец Спиридон проходил послушание на пристани Крумицы, а с 1909 по 1939 год там же, на Крумице, был главным экономом. Это послушание считалось самым ответственным и трудным. Огромные плантации виноградников и обширные масличные сады требовали не только высоких организаторских способностей, но и гибкого, духовно подкованного ума, чтобы умело и на пользу душе распоряжаться рабочей силой, которая состояла в основном из новоначальных монахов. Отец Спиридон идеально справлялся с этой задачей: у него не только кипела работа в руках, но и люди были им всецело довольны. При его экономстве с Крумицы в монастырь не поступило ни одной жалобы на руководство от работавших там монахов, что представляло сильный контраст с другими периодами жизни метохи.



Отец Спиридон лично знал даже самые мелкие нужды своих подопечных. Читателя его дневника поражает³⁷⁴, с какой отцовской любовью он заботился о каждом из них. У него не было любимчиков или особо приближенных, он всех любил одинаково сильно, истинно, как чад Божьих. И братия в свою очередь очень полюбила умелого, трудолюбивого и духовно очень тонкого наставника.

Эта идиллия длилась ровно тридцать лет! Все это время он был неизменным экономом и неформальным отцом монахов Крумицы. Вот что пишет о нем знавший его лично отец Софроний (Сахаров): «В числе братии монастыря был замечательный подвижник, схимонах Спиридон, проживший в обители полвека. От природы это был человек кряжистый, крепкий телом и душой и очень трудолюбивый. Это был подлинный монах, сильный в подвиге. С первых лет монастырской жизни он полюбил молитву Иисусову и неизменно пребывал в этом делании, требующем исключительно терпения, внимания и самоограничения. Как большинство монахов Святой Горы,

³⁷⁴ АРПМА. Док. № 348.



отец Спиридон был очень простой, почти безграмотный, но все же мудрый человек. Из долгого опыта умного делания он вынес ясное понимание человеческих сил, свойств души. Он понимал, что умная молитва требует свободы ума от всяких впечатлений, и с твердостью глубокой веры нес этот непостижимый для большинства людей подвиг.

Послушание у отца Спиридона было хлопотливое: он был экономом на монастырском метохе, называемой Крумица... Последние три-четыре года своей жизни он провел в монастырской больнице, так как сильно страдал от ревматизма, изуродовавшего суставы рук и ног и лишившего его трудоспособности»³⁷⁵.

Преставился отец Спиридон 8 августа 1942 года, верно и преданно послужив монастырю и братьям 52 года и при этом непрестанно пребывая с Богом.

Иеросхимонах Сергей (Тютин)

Иеросхимонах Сергей (в миру Сергей Николаевич Тютин) родился в 1869 году в селе Старо-Костичевском Сызранского уезда Симбирской губернии. Его мать звали Евдокией. Сергей окончил учительскую семинарию и стал преподавателем Старо-Костичевского двухклассного училища. Он проработал в этой должности почти 20 лет. Был очень любим и уважаем односельчанами за отзывчивость и любовь к детям. За свои заслуги в деле образования получил звание личного почетного гражданина.

Но, несмотря на все внешние успехи Сергея Николаевича, его душа была как бы заточена в клетке, ей хотелось чего-то большего, возвышенного, прекрасного, и она все время стремилась вырваться из рамок серой мирской жизни. Поэтому Сергей Николаевич все время подумывал о поступлении в монастырь. Но осуществить свой замысел он смог, только когда от чахотки умерла его жена.

12 августа 1910 года он поступил в Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне, где 29 февраля 1912 года был пострижен в рясофор с именем Сергей, 21 марта

³⁷⁵ Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 114.

1914 года в мантию с именем Смарагд, а 9 марта 1927 года в схиму с именем Сергей. 28 июля 1922 года отец Сергей был рукоположен в иеродиакона, а 30 апреля 1930 года в иеромонаха.

С первых дней своего пребывания в обители отец Сергей проходил послушание в канцелярии. С 25 ноября 1928 года по 1 января 1937 года он исполнял обязанности антипросопа в Карее, а с 1937 года до смерти был казначеем обители.

Писатель Вл. Маевский так вспоминает встречу с ним в Карее: «Отец Иллиодор доставил меня в карейский кунак Свято-Пантелеимонова монастыря, прямо к их антипросопу архимандриту отцу Сергию. Гостеприимный старик встретил меня с большим радушием и сразу же окружил истинно отеческой заботой, снабдив нужной информацией.



Здесь я умылся, переоделся и отдохнул. А затем, за чашкой чая, долго наслаждался интересной беседой с отцом Сергием, который являлся во всех отношениях на редкость культурным человеком и замечательным монахом. Его жизненно-мудрые суждения, его отчески-поучительные наставления и сердечные утешения — на всю жизнь врезались в мою память и душу, наполнив ее благодарностью к этому прекрасному человеку и примерному монаху»³⁷⁶.

Отец Сергей представлял монастырь в Киноте в то время, когда происходили серьезные изменения уклада жизни монахов Афона: принимался новый устав Афона, менялись отношения с новым греческим правительством. Все это требовало постоянной напряженной работы и от отца Сергия. Именно его заслугой является то, что прибывшие в 1925–1927 годах из Карпатской Руси молодые люди, желающие остаться в Руссике, не были выдворены с Афона. Он смог доказать, что они истинно православные, в чем сомневался Священный Синод. В своем выступлении на эту тему на заседании Синода отец Сергей говорил: «Вся Европа знает,

³⁷⁶ Маевский Вл. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 49.



что угро-русы полтора столетия боролись за свое Православие и только насильем были вынуждены помянуть имя папы при богослужении, и как только они освободились от Австрийской власти, сейчас же возвратились в Православие. <...> Они сто лет боролись за Православие, и такие люди не могут не знать догматов. Патриархия [Вселенская] должна радоваться, что 1,5–2 миллиона униатов

обратились в Православие»³⁷⁷. Настойчивость отца Сергия в этом вопросе возымела успех, и Синод отказался от выдворения карпатороссов с Афона.

Отец Сергий был в первую очередь настоящим монахом-подвижником. Невероятная нестяжательность была его отличающим свойством. В его келье не было ни одного предмета в количестве двух экземпляров. Имелся в наличии всего один подрясник, он пользовался одним стулом, одним одеялом и т. д. Как только кто-то ему дарил какую-то вещь, которая у него уже была, он ее или подкидывал другим братьям, или вешал на двери рухольной*.

Отец Сергий был большим любителем Иисусовой молитвы. Творить молитву было его основным занятием и утешением. Перед смертью, когда он серьезно заболел и не мог ходить в храм, он, сидя в келье, творил Иисусову молитву непрерывно и, как говорил его келейник, его последними словами были: «Иисусе Христе...»

Преставился отец Сергий 13 октября 1942 года.

Схиархимандрит Алексей (Киреевский)

Схиархимандрит Алексей (в миру Владимир Леонидович Киреевский) был представителем знаменитого дворянского рода, племянником известных славянофилов братьев Киреевских. Родился он в 1870 году в Орловской губернии, где его отец имел обширные помещичьи угодья и поместье. Владимир Леонидович до поступления в монастырь в возрасте 26 лет успел побывать на военной службе, был прапорщиком запаса, поучиться в университете и духовной академии, овладеть несколькими европейскими языками.

³⁷⁷ АРПМА. Док. № 1338. С. 2–3.

22 октября 1896 года Владимир Леонидович приезжает на Афон и сразу просится в послушники Русского Пантелеимонова монастыря, куда его с радостью принимают. Через год, 17 марта, он был пострижен в мантию с именем Алексей, 17 марта 1903 года в схиму с тем же именем. 7 июня 1901 года он был рукоположен в иеродиакона, а через три дня в иеромонаха.

Послушание отец Алексей сначала проходил в библиотеке, был помощником отца Матфия (Ольшанского); с 23 сентября 1903 года он на Новой Фиваиде; с 1910 года на подворье в Константинополе — настоятель³⁷⁸; с 1914 года на подворье в Одессе — духовник; а с августа 1917 года вновь в обители, где он окончательно поселяется в пустыне Новая Фиваида и ведет там отшельнический образ жизни.



Отец Алексей был одним из активных противников имябожнического учения. Он опубликовал много статей по этому вопросу в «Церковных Ведомостях», за что был награжден от Священного Синода наперсным золотым крестом.

По приглашению представителей Русской Церкви в эмиграции и по благословению старцев обители 25 ноября 1925 года отец Алексей выехал в Париж и стал настоятелем скита во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших, под Верденом, устроенном на могилах русских воинов. Старцы обители в интересах монастыря считали необходимым иметь своего представителя в одном из центров русской эмиграции, поэтому, несмотря на многочисленные просьбы отца Алексея вернуть его обратно в обитель, они настаивали на его пребывании там.

Вот что пишет отец Алексей в ответном письме игумену Мисаилу 4 апреля 1929 года: «В прошлом году, возвратившись из храма, в Великий Пяток, получил я Ваше письмо, в котором Вы советовали мне отложить свой приезд на Святой Афон до окончания церковной смуты [Карловацкого раскола]. Это был большой

³⁷⁸ АРПМА. Док. № 852.

удар для меня! С Божьей помощью я пережил его, и теперь идут у меня хлопоты о моей визе. По слухам, Вы, батюшка, лично желаете моего возвращения. Как от-
радно было бы мне ныне к Пасхе получить от Вас отеческое письмо с вестью, что
виза мне есть. Я ни о чем другом не мечтаю, как о безмолвии на Афоне на своей
каливке на Фиваиде. <...> Долго ли нам осталось жить? Неужели, умирая, при-
ближаясь к смертным вратам, мы с Вами не увидимся»³⁷⁹.

26 апреля 1937 года при освящении построенного храма в скиту во имя Всех
Святых, в земле Российской просиявших, отец Алексей был возведен в сан архи-
мандрита. Впоследствии, когда стало очевидно, что русская эмиграция не может
оказывать достойную помощь монастырю, отец Алексей приложил немало уси-
лий, чтобы возвратиться на Афон. Но безуспешно. Хотя руководство монасты-
ря несколько раз просило Кинот разрешить ему вернуться в обитель, но Кинот
не давал разрешения на его возвращение, ссылаясь на его возведение в сан ар-
химандрита вне юрисдикции Вселенского Патриарха. Но, несмотря на это, отец
Алексий не переставал поддерживать духовную связь с Афоном и постоянно пере-
писывался с игуменом Мисаилом³⁸⁰. С 15 октября по 26 ноября 1937 года он смог
посетить Афон как паломник, что было большим утешением для соскучившейся
по Афону его души.

Преставился отец Алексей в 1945 году.

Схимонах Нил (Гарбарь)

Схимонах Нил (в миру Наркисс Евстафьевич Гарбарь) родился в 1863 году в селе
Ясковцы Кременецкого уезда Волынской губернии. Имя его матери Татьяна. Именно
она стала его первой учительницей и наставницей. Именно она зажгла в его сердце
пламенную любовь к Богу. Еще совсем мальчишкой он мечтал о монашеской жизни,
и когда ему исполнилось 16 лет, то он ушел из дома и стал бродить по святым местам
России. В Киеве он встретился с монахами из Афона и вместе с ними в 1879 году
приехал на Святую Гору.

Сначала он жил в каливе с одним русским старцем на Капсале, который постриг его
в мантию с именем Нил. После смерти своего старца в 1907 году отец Нил поступил

³⁷⁹ АРПМА. Док. № 3679.

³⁸⁰ АРПМА. Док. № 3679.

на Новую Фиваиду, где его постригли в схиму с тем же именем. Здесь почти 25 лет он жил в отшельнической каливке и вел строго безмолвную жизнь. Лишь изредка беспокоили его посетители.

Об одном таком посещении сообщает нам писатель Б. Зайцев: «Отец Петр провел нас к отдельно стоявшей среди фиговых деревьев крохотной каливе.

— Здесь живет пустынный отец Нил, — сказал он мне. — Вот, извольте взглянуть.

К нам вышел старик с воздушно-снеговым обрамлением лысого черепа, в накинутой на плечи как бы малороссийской свитке, покорный и несколько удивленный. Глаза его, ровно выцветшие, с оттенком вечности слегка слезились. Он опирался на высокую палку.

— Простой человек, из крестьян, — шепнул отец В., — много лет здесь в одиночестве спасается. Насчет беседы — не особенно речист, а живет подвижнически...

Мы вошли в его хатку. Все было предельно бедно и убого. Ложе — почти голые доски. Но и у него моленная, иконки... Сам отец Нил имел вид несколько изумленный — точно казалось ему странным, почему это им, человеком незамечательным и уединенным, интересуется приезжий из-за моря. Частью и меня смущало, как это мы вторгаемся в чужую, чистую и высокую жизнь. Но утешала цель. Ведь не простое же это любопытство!

Отец Петр, поглаживая свою редкую буренюкую бородку, сказал ему:

— Отец Нил, ты бы гостя фигами своими попотчевал.

Отец Нил слегка смутился и покорно полез куда-то в темноту, в чуланы. Мы вышли на воздух.

— Как же он тут живет?

Отец Петр тихим своим голосом ответил:

— А вот так и пустынножительствоет... уже лет тридцать. По ночам стережет монастырский виноградник от диких кабанов, чтоб не озорничали... Днем же Псалтырь читает, канончик тянет, молится... Место глухое, для пустыничества очень способное.

Отец Нил выбрался из своих чуланов в еще большей растерянности. Фиг не принес.

— Уж не взыщите, господин, не больно хороши... Уж что поделаешь...

— Да ладно, ладно, не беспокойтесь, отец. Извините, что потревожили. Мы ведь и проголодаться-то не успели.

Мы недолго пробыли у отца Нила. А когда его хибарка скрылась в кустах, отец Петр рассмеялся тихим, беззлобным смехом.

— Господи, ну чем только этот человек питается, прямо удивительно... И мы, скитские, не так сладко едим, ну а он...

— Да что ж такое?

— Хотя бы эти самые фиги. Они у него на целый год запасены, больше ведь и ничего нет! И не думайте, чтобы там хлебца, картошечки. А фиги-то зимой загнивают. Прямо ко рту не поднесешь, вся слизкая, запах... а он потребляет и всегда здоров, ведь это подумать только. Он, значит, и ходил, искал для вас, не осталось ли свежих. Куда там! С прошлого года лежат, разве убережешь? К нему и в чулан-то от смрада этого не войти.

Прихожу к нему однажды, слышу, кафизму читает. Прочел и за другую взялся. Думаю, дай кончит, не стану мешать. Сижу под окошечком. А он кафизму за кафизмой... Посидел я, думаю, время идет, и его перебивать не хочется... Оставил ему знак, что был, положил предметец, а сам домой, хе-хе... Кабанов своих стережет да Псалтырь читает, по тысяче поклонов в день выкладывает»³⁸¹.

29 ноября 1932 года отец Нил тяжело заболел и был вынужден оставить свою каливку и переехать в Руссик. Еще 13 лет пришлось ему бороться со своей болезнью, но все время был спокоен и уравновешен, за испытания все время благодарил Бога.

Преставился отец Нил 21 июля 1945 года.

Схимонах Иоанн (Попович)

Схимонах Иоанн (в миру Иван Андреевич Попович) родился в 1904 году в крестьянской семье Андрея и Марии в селе Горинчево Марамарошской губернии Карпатской Руси, которая до Первой мировой войны входила в состав Австро-Венгерской империи, а между двумя мировыми войнами в состав Чехословакии. Карпатская Русь из-за известных событий в России оставалась одним из немногих мест вне территории Советского Союза, где в неизменном виде сохранились традиции старой до-революционной России. Именно сюда стекались большие группы первой волны эмиграции, среди которых было немало духовенства.

Под влиянием этих деятелей церкви и культуры в этом регионе возникло и стало активно развиваться русское национальное и культурное движение: основывались новые церкви, открывались духовные миссии, возобновлялись монастыри. Результатом этой деятельности стало решение целой дюжины ребят из местной молодежи

³⁸¹ Зайцев Б. Афон. Париж, 1928. С. 98–103.

поехать на Афон и поступить в Русский Пантелеимонов монастырь, который в те времена очень нуждался в людях. Среди этих молодых людей был и 22-летний Иван.

Иван Попович вместе с другими соотечественниками поступил в Русик 4 августа 1926 года, где ему дали одно из самых трудных послушаний — ухаживать за быками. Дело в том, что монастырь имел на своей территории кожевенный завод, где использовалось собственное сырье. Поэтому во владениях монастыря держали большое стадо быков, а ухаживали за ними физически сильные монахи. Иван был физически очень сильным юношей, и поэтому ему досталась такая работа. 24 марта 1928 года Ивана постригли в рясофор с именем Иасон.



В это время сильно заболел на Крумице главный пасечник монастыря, и из-за неимения ему замены огромному медовому хозяйству грозила гибель. Но тут вспомнили, что отец Иасон в юношестве в хозяйстве своего отца занимался пчеловодством, и его немедленно направили на Крумицу помощником пасечника. Последний вскоре умер, и отец Иасон остался один. Это было огромным испытанием для молодого монаха, так как ему приходилось начинать доселе неведомую ему жизнь отшельника. Дать ему помощника не было никакой возможности. Но, по молитвам старцев, Бог не оставил мужественного послушника, и он не только успешно справился с возложенным на него заданием, но и сам достиг высоких духовных вершин. На протяжении 20 лет он один снабжал так необходимым всем продуктом питания — медом своих монастырских собратьев и одновременно, не жалея себя и упражняясь в аскетических подвигах, шаг за шагом продвигался по духовной лестнице.

Любопытное воспоминание о встрече с ним оставил нам писатель Вл. Маевский: «Тропинка вилась среди густых зарослей... И не помню, как я добрал до этого чудесного уголка, открывавшегося на моем пути как бы совсем случайно, ибо о его существовании, по-видимому, забыл и мой спутник — монах.

— Да здесь никак пасека Крумицы! — спохватился он, стараясь рассмотреть что-то за густой зеленью листвы. — Так и есть... она самая!.. Здесь отец Иасон спасается

и Божьих пчелок обслуживает... Любопытный монах... Вот сейчас сами увидите! — закончил мой спутник, иеромонах Харалампий, смело сворачивая куда-то в сторону от тропинки.

Минута — и он, отодвинув какой-то засов, уже пропускал меня в небольшую калиточку, за которой вилась узенькая тропинка, пробежавшая над глубоким оврагом, густо заросшим кустарником и деревьями. А вокруг, казалось, на много километров не было никакого человеческого жилья — настолько дикой представлялась вся окружающая местность.

И вдруг мы почти вплотную подошли к маленькому домику, в который вели две двери: прямо, по-видимому, в жилое помещение, а по террасе направо — в крошечную церковку, где мерцали лампадки. И я невольно, сразу же, направился внутрь этого редкого миниатюрного храма, чтобы приложиться к святыням его...

— Отец Иасон, а... отец Иасон! — прокричал мой спутник, по-видимому предпочитавший издали сообщить хозяину о нашем приходе и не решавшийся переступить заветных границ пасеки, где жужжали пчелы. — Бросьте работу, отец Иасон... я вам гостя привел... идите сюда!..

Монах-пасечник помахал нам издали рукой в знак своего согласия. И вскоре его освещенная ярким солнцем фигура стала приближаться к келейке, где мы дожидались его на терраске. С невольным любопытством стал я поджидать этого старца-пасечника, ибо иной встречи и не мог себе представить... Каково же было мое удивление, когда вскоре на террасу взошел не старец, а еще очень молодой инок, всего несколько лет назад вступивший на землю Афона простым мирянином-паломником из Прикарпатской Руси, а затем уже навсегда оставшийся для монашеской жизни у подножья Святой Горы.

Отцу Иасону на вид было не более тридцати лет. Но какой серьезностью и глубоким пониманием принятого на себя сурового подвига веяло от всей его скромной фигуры, облеченной в грубый подрясник! А вместе с этой серьезностью как-то удивительно сочеталось и детское простодушие, и искренняя ласка в голосе, и способность без всякого усилия с его стороны вселять в душу своего собеседника покой и тишину, чего в мирской обстановке редко можно ожидать и от пожилого человека.

Весь этот инок был как бы соткан из умиротворения и ласковости. И спустя две три минуты после начала нашей с ним беседы я уже чувствовал, что нахожусь всецело во власти этого молодого человека, тихого и скромного инока, несмотря на значительную разницу наших лет.

— Рад, очень рад, дорогие гости, что посетили мою пасеку, — медленно говорил отец Иасон, здороваясь с нами. — Здесь у меня хорошо, тихо... Никто и не заглядывает сюда подолгу... В стороне от дороги стоит моя пасека. Да это и лучше для

пчелок... А вы из Сербии, господин? — спросил он, посмотрев на меня чистыми глазами. — Хорошая эта страна, Сербия православная... Как там здравствует молодой король и Святейший Патриарх? Ведь это наши дорогие защитники и покровители... У меня и фотографии их есть. Вседневно молю о них Бога, дабы Он, Всевышний, дал им силы и духовную мощь для великой работы во славу нашей церкви.

Я едва успевал отвечать на вопросы монаха-пасечника, стараясь в то же время удовлетворить его вполне понятную любознательность.

— Впрочем, что же это я, грешник? — снова спохватился наш любезный хозяин. — Ведь вы, вижу, измучились за дорогу под зноем, а я все болтаю и болтаю... Сейчас принесу вам холодненького кваску, а вы тем временем посидите и отдохните.

И он быстро скрылся для того, чтобы спустя немного времени появиться с кувшином, наполненным холодным и шипящим домашним квасом.

— Редкий человек! — заметил мой спутник. — Добрый и работающий, и монах замечательный этот отец Иасон... Из карпатороссов он... Вот пришел с партией своих земляков, да так и остался... «Не хочу, — говорит, — больше возвращаться в мир: истина только здесь — и нигде больше...» Послушание проходил у замечательного старца-пасечника... Постригли его, и вот оказался и сам прекрасным пчеловодом, когда схоронил своего старца... Больше ста ульев имеет теперь, со всеми ими сам управляет. Целый день на работе, а ночью в церкви... Очень строгий подвижник!..

— Ведь и карпаторосс, православный, русский... — говорил нам отец Иасон. — Никогда ни в Москве, ни в Петербурге не был, а все же Россию за свою любимую Родину почитаю... Не привел Господь увидеть — такова Его святая воля, но молиться за всех вас и за матушку Россию мы, грешные, не перестаем... И придет час... воскреснет она из мертвых... разве может быть иначе?..

— Как вы свыклись здесь в одиночестве, отец Иасон? — спросил я немного позднее, когда на столе кипел небольшой самоварчик, а на чистой скатерти вместе с медом красовались и куски черного вкусного хлеба. — Не тоскуете вы по родным местам, по вашим Карпатам, по родным близким?

Молодой монах спокойно улыбнулся.

— Что же тосковать о них?.. Господь и над ними всеми, и надо мной, грешным... Если бы я знал, что буду о мире вздыхать в монашестве, — и не шел бы в монахи... По своей ведь воле остался здесь... Да и чего скучать-то о мире? Вы сами видите, какая здесь у нас благодать... Чего же еще больше человеку нужно? Только работать и молиться подобает. Тогда никакая тоска и в сердце не войдет... Работы здесь достаточно. Пчелы требуют, чтобы во всякое время года им служить. Но не оставляет меня Господь ни силами физическими, ни милостями духовными... А пчелки... ну, право же, замечательное творение Господне, эти пчелы: от них одних многому научиться можно...



Отец Иасон замолчал, продолжая смотреть на меня с тихой и доброй улыбкой.

Я уже больше не решился беспокоить его ненужными вопросами о его жизни и переживаниях, так как хорошо понимал, что у этого молодого инок был свой определенный и верный кругозор, которому можно было только позавидовать»³⁸².

14 февраля 1942 года отца Иасона постригли в схиму и дали ему новое имя Иоанн. Он безропотно продолжал нести

свое послушание в одиночестве, вознося хвалу и благодарность Богу в своей отшельнической келье.

Преставился отец Иоанн 30 апреля 1951 года. Милостивый Бог ко многим своим утешениям ему добавил еще одно: сподобил отца Иоанна умереть в любимой им обители и среди своих братьев во Христе. Напутствованный Святыми Дарами и благодарными братьями монастыря, он отправился в свой последний путь.

Иеросхимонах Пинуфрий (Ерофеев)

Иеросхимонах Пинуфрий (в миру Полиевкт Иванович Ерофеев) родился в 1866 году в крестьянской семье в селе Виездновское Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Закончил сельскую школу и гимназию. Желал поступить в духовную семинарию, но семейная нужда не позволила ему это сделать. Несмотря на житейские трудности, он принял твердое решение при первом удобном случае стать монахом.

8 июня 1891 года Полиевкт Иванович прибыл на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где 27 марта 1893 года был пострижен в рясофор с именем Полиевкт, 24 марта 1895 года в мантию с именем Пинуфрий, а 25 марта 1906 года в схиму. 13 июля 1914 года отец Пинуфрий был рукоположен в иеродиакона, а 14 июля 1914 года в иеромонаха.

Послушание отец Пинуфрий проходил в иконной лавке, на кунаке в Карее, на подворьях в Константинополе и Москве, в канцелярии обители. С 3 января

³⁸² Маевский Вл. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 14–152.

1937 года он был назначен антипросопом в Протате.

Переписка отца Пинуфрия с старцами обители³⁸³ — прекрасное доказательство его беспредельной преданности обители и такой же любви к братьям. За выдающиеся заслуги перед монастырем 20 февраля 1939 года отцом игуменом отец Пинуфрий был награжден золотым наперсным крестом.

Отца Пинуфрия характеризовало всегдашнее невозмутимое спокойствие и бесконечное доверие Богу. Никто никогда его не видел гневающимся и раздраженным. Выполняя ответственные поручения и общаясь с людьми разных характеров, он умудрялся держать себя совершенно невозмутимо. Даже при разговоре с людьми он творил Иисусову молитву и когда его спрашивали, как он это умудряется иметь постоянную память о Боге при беседах с людьми, то он отвечал так, что «любую беседу, даже самую деловую, можно повернуть в сторону Бога, главное — поставить себе задачу не говорить ни о чем вне Бога».

Интересные воспоминания об отце Пинуфрии оставил нам писатель Б. Зайцев. Он писал следующее: «Рядом со мной черный с проседью, кареглазый, спокойный и ровный, слегка окающий по-нижегородски отец Пинуфрий. Опустив руку в воду, он пальцем чертит серебряный след. Негромким привычным голосом начинает петь: «Христос Воскресе из ме-ерт-вых, смертью смерть по-прав, и сущим во гробех живот дарова-в!»³⁸⁴ В другом месте он пишет о нем: «Разговор [с эпитропом монастыря Великой Лавры] шел по-гречески с [помощью] отца Пинуфрия. Видимо, он объяснял кто я. «Синграфевс, синграфевс (писатель)», — говорил внушительно отец Пинуфрий. Эпитроп равнодушно глядел на меня огромными красными глазами и повторял: «Кала, кала (хорошо)». Еще часто слышал я: «Охи, охи (нет)», — и это несколько веселило. Видимо, перешли на домашние дела и обо мне, к моему удовольствию, забы-



³⁸³ АРПМА. Док.: № 844; № 963; № 1265; № 1333.

³⁸⁴ Зайцев Б. Афон. Париж, 1928. С. 53.



ли. Я любовался сдержанностью и достоинством, прекрасным аристократизмом своего спутника [отца Пинуфрия], бегло и любезно, точно он привык к салонам, беседовавшего с эпитропом. Вот он — крепкий и чистый лесной русский тип, заквашенный на Византии, родивший своеобразную высоту древнего зодчества, русской иконописи... Таким, как отец Пинуфрий, мог быть посол российский времен Иоанна III, живописец Андрей Рублев или мастер Дионисий»³⁸⁵.

Отец Пинуфрий переживал не только за русские обители Афона, но по возможности старался поддержать новые очаги Православия, которые возникали благодаря деятельности русских эмигрантов в Европе. О том, как он заботился о русских обителях вне Афона, нам сообщает насельник Почаевского монастыря во Владимировке иеромонах Серафим. Вот что он пишет: «Весьма утешил нашу обитель пантелеимоновский иеромонах Пинуфрий. Он принес мне собрание камней и священных реликвий из разных мест Палестины и Синая, которые в благолепном ковчеге, снабженные соответствующими надписями и фотографиями, служат ныне украшением нашего миссионерского храма»³⁸⁶.

Преставился отец Пинуфрий 15 июля 1953 года, прожив в монастыре 62 года.

Иеросхимонах Виссарион (Хлыстов)

Иеросхимонах Виссарион (в миру Вячеслав Иванович Хлыстов) родился в 1878 году в мещанской семье города Москвы. По окончании философского факультета Московского императорского университета ему сулили на поприще науки большое будущее, но одна встреча изменила всю его жизнь. Однажды он сопровождал своего друга в Кронштадт, дабы тот, давно планируя поступить в монастырь, получил на это дело благословение от отца Иоанна Кронштадтского. Встреча с великим святым так поразила Вячеслава

³⁸⁵ Там же. С. 167.

³⁸⁶ Серафим, иеромонах. На святом Афоне пасхальными днями 1931 года / Православный русский календарь за 1932 год. Владимировка, 1931. С. 47.

Ивановича, что он тоже решил посвятить свою жизнь Богу и не философскими размышлениями занимать ее, а фактической реализацией христианской любви. Позже в дневнике он так обоснует свое решение: «В наш век опыта, когда тысячи философских рассуждений затемняют разум читателя, явление Богочеловека есть камень, на котором зиждется богопознание. Само Евангелие опытно утверждает человека в действительности общения человека с Божеством. Но оно действительно только тогда, когда приводится в жизнь на самом деле, а не мысленно»³⁸⁷.

21 ноября 1904 года Вячеслав Иванович приехал на Афон и попросился в послушники. Его приняли и определили на послушание в канцелярию. 24 марта 1906 года он был пострижен в рясофор с именем Вячеслав, а 5 марта 1908 года в мантию с именем Виссарион. После чего он активно сотрудничал с редакцией «Душеполезного Собеседника», в 1911–1914 годах писал статьи в рубрике «Афонская летопись». Отдельно в своем дневнике он написал летопись монастыря³⁸⁸. После смерти отца Матфия (Ольшанского) одно время был библиотекарем, а с 1920 года был назначен казначеем обители. 12 марта 1931 года отец Виссарион был пострижен в схиму с тем же именем и после отъезда духовника монастыря отца Кирика (Максимова) в Сербию в конце того же года Собором Старцев был избран духовником всего братства. Это сложнейшее послушание в труднейший для монастыря период он нес на протяжении 25 лет, и нес достойно с истинно с христианской любовью к людям.

Происшедшие страшные исторические события той эпохи и последовавший за ними упадок монастыря породили среди братии пессимистические настроения. Отцу Виссариону как духовнику монастыря пришлось проводить много разъяснительной работы, чтобы поднять дух подвижничества среди братии. Если задачей одних старцев



³⁸⁷ БРПМА. Док. № 33176. С. 3.

³⁸⁸ АРПМА. Док.: № 60; № 72.

было материальное обеспечение обители, то на плечи отца Виссариона легла задача укрепления пошатнувшейся надежды на Божью милость. «Многими скорбями, — пишет он, — подобает нам войти в Царствие Божие. Это необходимо. Таков духовный закон. При самом поступлении в монастырь надо во что бы то ни стало строго соблюдать устав обители. Ни (дурные) примеры других, ни скорби не должны отторгнуть нас от этого. Это постройка здания на камне, когда придут реки-искушения — здание устоит; в противном случае может случиться выход из монастыря под влиянием скорбей и напастей. А скорби придут непременно — тогда-то понадобится нам особенно чистая совесть, а через нее дерзновение к Богу. Одним словом — ни на йоту нельзя отступать от общего правила или давать себе потачки в чем-нибудь. После очень трудно будет исправлять дурные навыки. Лучше предупреждать их. Главное дело монаха — молитва. О ней надо думать, ее выработать. Не следует молитву менять на другое какое-нибудь дело, хотя и благовидное (например, чтение духовных книг). Все хорошо в свое время. Нельзя пристраиваться к чему-либо. Послушаний не бегать, какие бы они ни были. Господь знает, что каждому послать. Надо переносить их с терпением. Раз мы предались всецело воле Божией, то должны принять посылаемое на нас с благодарностью. Больше должны мы молчать да внимать себе. Господь не оставит того, кто вверился ему с любовью совершенно. Чем страшнее, суровее жизнь — тем производительнее покаяние. Ни в успокоении и всевозможном утешении себя, а в лишениях, трудах и скорбях сможем обрести благодать. Господь сказал: призови меня в скорбях и скоро услышу тебя. Лично от себя мы не можем принести Богу никаких благих дел, в нашей воле только покаяние. Не поменяем Христа на утешение плоти, на славу и почесть от людей. Не для этого мы пришли в монастырь, не для этого бросили матерей и все дорогое сердцу, отказались от личного мирского счастья. Христос все — Он Альфа и Омега, будем Его искать, к Нему стремиться. Только Он один может исцелить нас от душевных глубоких болезней. Только Он один воскресит умерший наш дух. Счастье человека в сознании, что он живет, любит и любим. Спаситель дает это счастье в неизмеримом количестве. Он дает вечную жизнь, которая для верующих начинается здесь, на земле, и продолжается в вечности. Он дает и любовь вечную, которую явил на деле, пострадав за людей.

Очень полезно во время длинных ночных богослужений (бдений) останавливаться мысленно на величайшей милости Божией к падшему человечеству — воплощении Сына Божия и Его земной жизни. Совершилось чудо всемирной истории — Бог явился на землю в образе простого человека! С нами Бог! Пади гордый человек в прах пред таким смирением Создателя»³⁸⁹.

³⁸⁹ БРПМА. Док. № 33176. С. 5–9.

Отец Виссарион смог поддержать высокий подвижнический дух в монастыре, и главным оружием его в этом деле был его личный пример. Он был абсолютно невозмутим даже в самых трудных ситуациях, и его лицо постоянно сияло спокойствием, любовью и уверенностью в будущем возрождении обители.

За заслуги в деле укрепления братского единства 26 марта 1939 года отец Виссарион был награжден отцом игуменом набедренником и наперсным золотым крестом. Он был утешителем не только братьев монастыря, но и многих мирян — эмигрантов из России, с которыми имел постоянную переписку. Сохранились адресованные ему письма³⁹⁰ разных лиц, от князей до простых людей, которые искали у него духовного совета и заступнической молитвы.

Преставился отец Виссарион 29 декабря 1954 года.

Иеросхимонах Флегонт (Лебедев)

Иеросхимонах Флегонт (в миру Федор Самуилович Лебедев) родился 18 декабря 1875 года в крестьянской семье села Мичково Татарковской волости Старицкого уезда Тверской губернии. Родители его были очень набожными, церковными людьми. Мальчик с 1884 по 1888 год обучался в земской школе грамоте. В дальнейшем Федор занимался письмоводством при волостных правлениях и земском начальнике и торговлей в Петербурге. В 1897 году поступил на военную службу писарем при уездном воинском начальнике. Затем был переведен в Петербург, в главное управление казачьих войск, где и оставался до конца военной службы в бухгалтерском отделении. Здесь он имел много свободного времени и поэтому решил учиться в вечернее время на счетоводческих курсах, где получил по окончании их свидетельство установленного образца.

Но эта внешняя активная деятельность была все-таки для Федора второстепенной. Он с ранних лет ощущал в себе желание духовных подвигов и мечтал об удалении от мирской суеты. Он также имел особое стремление к путешествию по святым местам и чтению книг. В 1896 году Федор совершил первое путешествие в города Тверь, Москву и Троице-Сергиеву Лавру. Посетил Песношский и Хотьковские монастыри, Новый Иерусалим, Волоколамский монастырь. Во время военной службы

³⁹⁰ АРПМА. Док.: № 2050 и № 3719.



в Старице Федор часто посещал Успенский монастырь и женский монастырь великомученика Пантелеимона в селе Конопляне. Состоя на службе в Петербурге, в мае 1900 года он посетил знаменитую Валаамскую обитель, ездил в Кронштадт, брал благословение досточтимого протоиерея отца Иоанна (Кронштадтского), впоследствии получил от него благословение и на поступление в монашество.

16 ноября 1901 года закончился срок военной службы Федора, и он, вытребовав сроком на пять лет у волостного правления паспортную книжку, никому ничего не сказав, не объявляя своего намерения родственникам и знакомым, 6 декабря уехал из Петербурга с целью достигнуть святого города Иерусалима. По пути он посетил Тверь, Москву и Троице-Сергиеву

Лавру с ее скитами, всюду не спеша, молясь и поклоняясь святыням. Так от боговдохновенного старца иеросхимонаха Варнавы он получил благословение на дальнейшее путешествие и поступление в иночество. 18 декабря Федор выехал в Киев, 4 января прибыл в Одессу и остановился до 16 января в ожидании парохода на подворье Пантелеимонова монастыря. 18 января на пароходе «Цесаревич» он благополучно достиг Константинополя, где оставался около суток, подробно обзревая достопримечательности древней Византии. Из Константинополя 20 января, в воскресенье вечером, он прибыл на Святую Афонскую Гору, где остановился в монастыре святого великомученика Пантелеимона, и несколько дней путешествовал по Святой Горе. Подымался на ее вершину, покрытую снегом. 3 февраля, в воскресенье, с отрадными воспоминаниями о Святой Горе он отбыл в Иерусалим.

11 февраля 1902 года Федор прибыл в святой город — давно желанный Иерусалим — и остановился на Русском Палестинском подворье. В Иерусалиме он оставался до праздника Святой Троицы, посещая святые места: побывал на месте Благовещения и во граде Назарете, затем на Фаворе и Тивериадском озере. Все прошло благополучно и благодатно. В Великую Субботу он сподобился от Гроба Господня, через блаженнейшего Патриарха Дамиана, получить святой благодатный огонь, а 14 апреля радостно праздновал вместе со всеми Христова Воскресение.

21 июня 1902 года в числе прочих паломников Федор прибыл в город Бари, а оттуда 23 июня по железной дороге достиг Рима. Посетив все достопримечательности Италии, возвращаясь по железной дороге, он останавливался во Флоренции и Венеции и 5 июля прибыл в Вену. Затем побывал в Будапеште, Белграде и 8 июля прибыл в Солунь, где оставался до 13 июля в ожидании паспортов и вещей, отобранных на турецкой границе.

14 июля 1902 года, в воскресенье, после столь долгих странствований и пережитых впечатлений, за все благодаря Бога, исполняющего желания просящих и все устраняющего во благое их, Федор с товарищами по поездке вновь возвратился в тихое пристанище — удел Божией Матери. Это было последнее путешествие Федора. В последующие 53 года своей жизни он будет путешествовать только во внутреннем своем мире на пути христианского совершенствования. Он больше никогда не покинет не только Святую Гору, но и свою родную обитель.

Прибыв на Афон, Федор сразу стал проситься в послушники, и наместником Нифонтом (Четвериковым) был зачислен в число братства, с определением послушания для письменных занятий при духовнике и заведующем паломниками иеросхимонахе Никодиме (Наумове), так как тот имел большую корреспонденцию. В Великую Субботу, 27 марта 1904 года, в параклисе Введения иеросхимонахом Арсением (Ворвулевым) он был пострижен в рясофор с именем Феодор.

24 октября 1904 года ему дали новое послушание — заведовать архондариком на 50 человек. А 16 января 1906 года отец Феодор был назначен на послушание в казначейство писарем, где и оставался до 8 августа 1920 года. 22 июня 1906 года он был пострижен в мантию с именем Флегонт.

15 июля 1914 года в соборе великомученика Пантелеимона епископом Паисием, греком, отец Флегонт был рукоположен во иеродиакона.

15 января 1922 года он был определен ризничным большой ризницы.

27 июля 1925 года в соборе великомученика Пантелеимона Митрополитом Фотием, греком, живущим на покое, он был хиротонисан во иеромонаха.

12 июля 1929 года на него возложили заведывание и Покровской ризницею. 11 февраля 1933 года он был освобожден от обоих послушаний, и было дано ему новое послушание духовника. Одновременно он был назначен соборным старцем. 9 марта 1938 года он был пострижен в схиму.

Выполняя все послушания с абсолютной точностью и невероятной аккуратностью, отец Флегонт возложил на себя еще одно дополнительное делание: во все время своего пребывания в монастыре он писал дневник-летопись монастыря, обильно снабжая свой текст фотографиями. Результатом 50 лет такой деятельности стали 50 огромных альбомов, детально передающих историю монастыря за это время.

Трудно выразить словами, как мы — современные насельники монастыря — благодарны отцу Флегонту за его титанический труд. Без него мы бы не смогли идентифицировать девяносто процентов фотографий и не имели бы исторических данных о многих событиях того времени.

Но все-таки главным делом отца Флегонта была молитва. Отец Флегонт всю жизнь старался подражать своему первому духовному наставнику отцу Никодиму (Наумову), делателю непрестанной Иисусовой молитвы. Он использовал для молитвы любое время дня и ночи. Особенно любил он закрываться в тихой и безлюдной ризнице и молиться. Очень любил отец Флегонт церковные богослужения, и сам служил в алтаре перед престолом Божиим с редкой самоотдачей, полностью забывая о существовании окружающего мира. Он служил не для находящихся в храме, а как бы один на один предстоя перед Господом. Внешнее проявление такой самоотверженной и самозабвенной службы отца Флегонта описывает в своем дневнике монах Ипатий (Фредерикс): «Служил старенький, но бодрый отец Флегонт. Голос у него сильный и звонкий. Непривычно только для уха вибрирование голоса на целую терцию и почти на каждом слове. А кончается каждый возглас не низким тоном вибрации, как обычно глаголет человек, а высоким»³⁹¹.

Преставился отец Флегонт 1 ноября 1955 года.

Схиархимандрит Иустин (Соломатин)

Схиархимандрит Иустин (в миру Иван Семенович Соломатин) родился в 1878 году в крестьянской семье деревни Студенец Пронского уезда Рязанской губернии. О его жизни до поступления в монастырь нам ничего не известно.

23 декабря 1896 года 18-летним юношей Иван приехал на Афон и был принят в Русский Пантелеимонов монастырь. Старцы обители определили его для работы в серебряной мастерской, где он так усовершенствовался в своем ремесле, что впоследствии стал старцем этой мастерской и руководил производством в продолжении 41 года до избрания его в наместники. 28 марта 1900 года его постригли в рясофор с именем Иаков, а 24 февраля 1906 года — в мантию с именем Иустин.

Отец Иустин вел тихую жизнь. Он никогда не выделялся среди братии. Почти всегда молчал и работал на послушаниях с полной отдачей. Только его духовник

³⁹¹ АРПМА. Док. № 465. С. 146.

отец Агафодор (Буданов) знал глубину его души. Ни один брат не знал ничего ни о его прошлой жизни, ни о нынешних переживаниях. С редким самообладанием нес он свой монашеский крест. И если бы не его духовник, он бы так и остался никем не замеченным среди сотен братьев. Но отец Агафодор знал, что этот колодец духа очень глубок, поэтому, по его представлению, отец Иустин 14 сентября 1913 года епископом Досифеем был рукоположен в иеродиакона. После смерти отца Агафодора его духовником стал отец Кирик (Максимов), который тоже должным образом оценил глубину души отца Иустина и попросил отца игумена рукоположить его. 8 мая 1924 года митрополитом Антонием (Храповицким) отец Иустин был рукоположен в иеромонаха.



12 декабря 1937 года умер наместник отец Иоанникий (Кутирев), и были назначены новые выборы наместника. Отец Иустин был одним из трех кандидатов и был избран по жребию в наместники монастыря. Через год, а именно 5 марта 1938 года, его постригли в схиму.

В 1940 году, после смерти игумена Мисаила (Сапегина), 1 апреля митрополитом Ерофеем отец Иустин был возведен в сан игумена монастыря и архимандрита. 17 декабря 1937 года он был награжден набедренником, палицею и наперсным крестом.

Отцу Иустину досталось тяжелое наследство. Материальное положение монастыря пошатнулось, людские ресурсы все убывали — все это достаточно скоро могло довести обитель до крайнего оскудения. Поэтому отец Иустин понимал, что надо что-то делать. Но никаких возможностей изменить положение практически не было. Тогда отец Иустин пошел на невероятно мужественный шаг — попытался установить контакт с Московской Патриархией. Этот поступок был равен самоубийству, если учесть, какое давление оказывалось на монастырь со всех сторон — своих и чужих, противостоящих Советскому Союзу и ошибочно считавших Московскую Патриархию частью советской системы. Но отец Иустин преодолел страх и сделал верный шаг — попытался восстановить контакт с родной Церковью и Родиной. В своем

послании на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I игумен Иустин писал:

«Ваше Святейшество, милостивейший Архипастырь и Отец, благословите! Русский монастырь Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской сыновне шлет настоящим письмом свои искреннейшие и теплейшие поздравления Вашему Святейшеству по случаю избрания Вас на древний Московский Патриарший престол и торжественного поставления Святейшим Патриархом Московским и всея Руси. Недавнее восстановление патриаршества в России, избрание на Патриарший престол сначала Вашего приснопамятного предшественника — блаженно о Господе почившего Патриарха Сергия, а теперь и Вашего Святейшества наполнили наши сердца, русских православных людей, чувствами глубокой радости и благодарности Богу. Отраднo думать, что святая Православная вера, как и в древние времена, вновь сияет на Святой Руси, что в эти тяжелые годы войны с исконным внешним врагом-завоевателем Святая Православная Церковь в лице Святейшего Патриарха Сергия и Вашем воодушевляла и наставляла (как и во все трудные времена истории России) верующий русский народ на святое дело защиты Родины. Еще с большею радостью слышим мы отовсюду, что Православная вера и Церковь в России обладают сейчас полной свободой и что правители державы Российской относятся к Церкви Христовой с подобающим ей уважением и доброжелательством. Радостно также, что Русская Православная Церковь вновь занимает подобающее ей почетное место среди других Автокефальных Церквей и что в Москве обсуждаются и решаются во благо Православия важнейшие вопросы, касающиеся всей Православной Церкви в целом...

Пользуясь случаем этого первого после многих лет перерыва письменного общения с Русской Церковью, мы обращаемся от имени нашего Русского монастыря Святого Пантелеимона и всех русских монахов Святой Горы к Вашему Святейшеству с нижеследующей просьбой: вот уже 30 лет, как Святая Гора Афонская перешла без согласия на то России во власть греков. С этих пор наш монастырь и все русские обители на Афоне начали подвергаться тяжелым притеснениям со стороны греческого правительства... Негреческие обители Святой Горы обречены на верное и сравнительно быстрое вымирание и уничтожение, за которыми последует общая гибель Святой Горы как особой монашеской автономной области. Мы вместе с тем сознаем, что в нашей беде, беде русских людей на далеком Афоне, нам может помочь одна лишь Россия. Поэтому мы умоляем Ваше Святейшество: взять нас под свое отеческое духовное покровительство...

Почтительнейше испрашивая святых молитв Ваших и благословения, честь имеем быть Вашего Святейшества нижайшими послушниками и смиренными богомольцами.

Игумен Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря Архимандрит Иустин со всею о Христе братией»³⁹².

Правда, вследствие этого письма давление на монастырь усилилось как со стороны греческого правительства, так и со стороны Афонского Протата. Правдой является и то, что та мизерная финансовая помощь, которую присылали в обитель представители русской зарубежной церкви, в знак протеста, почти полностью прекратилась.



Но в результате мужественного поступка отца Иустина стало возможным постепенное восстановление отношений с Московской Патриархией и впоследствии грандиозными усилиями последней была спасена Русская обитель на Афоне. Результаты письма отца Иустина не заставили себя ждать: уже 7 октября 1954 года монастырь посетил посол СССР в Греции, а 25 апреля 1955 года на Афон прибыла делегация Московской Патриархии в составе митрополита Никодима (Ротова) и епископа Мелхиседека. Так, через 27 лет разлуки была восстановлена связь между афонским русским монастырем и матерью-Церковью в России. Великая благодарность и низжайший поклон за это от потомков мужественному и мудрому старцу!

Преставился схиархимандрит Иустин 3 августа 1958 года.

Архимандрит Спиридон (Майдаченко)

Архимандрит Спиридон (в миру Симеон Гордеевич Майдаченко) родился в 1879 году в крестьянской семье на хуторе Фирсово-Майданово Плахтеевской волости Аккерманского уезда Бессарабской губернии. Его мать звали Параскевой. Со своим двоюродным братом по линии матери Наумом, который впоследствии стал схимонахом Никифором³⁹³, Симеон еще в детстве решил поехать на Афон и там стать монахом, что оба и исполнили.

³⁹² Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 95.

³⁹³ Схимонах Никифор, в миру Наум Несторович Бобров, бывший крестьянин из села Телицкое Бендерского уезда Бессарабской губернии. Имя его матери Матрона. Двоюродный брат по линии матери отца Спиридона (Майдаченко). Родился в 1880 году. Принят в Русик 24 марта 1904 года,



18 марта 1902 года Симеон Гордеевич был принят в Русский Пантелеимонов монастырь и 27 марта 1904 года пострижен в рясофор с именем Спиридон, а 21 марта 1906 года в мантию с тем же именем. Первые послушания отец Спиридон проходил в дохиарной — в продуктовых складах монастыря. Позже, по экономической части, вел хозяйственные дела на подворьях в Константинополе и Солуни³⁹⁴, на метохе Каламария.

19 сентября 1927 года отец Спиридон был рукоположен в иеродиакона и отправлен в Константинополь настоятелем подворья. Это были чрезвычайно трудные для подворья времена. Новые турецкие власти создавали многие препятствия для его нормального функционирования, принуждая монастырь продать здание. Поэтому нужна была сильная личность, которая смогла бы противостоять всем ухищрениям турецких чиновников. Отец

Спиридон с этой задачей справился великолепно, и благодаря его стараниям монастырь доныне сохраняет в своем владении здание подворья.

Отец Спиридон заботился не только о подворье Руссика, но и обо всех подворьях русских афонских обитателей. Он сумел объединить усилия всех русских подвижников, находящихся тогда в Константинополе, в деле совместного отстаивания прав на русское имущество в этом городе. Отец Спиридон активно сотрудничал с настоятелем Андреевского подворья архимандритом Софронием³⁹⁵. От-

пострижен в рясофор с именем Наум 1 апреля 1906 года, в мантию с именем Никифор 27 февраля 1909 года, в схиму 28 марта 1935 года. Послушание проходил в кожевне, больнице, магазине и вновь в кожевне. Преставился 23 июля 1953 года.

³⁹⁴ АРПМА. Док. № 946 и № 950.

³⁹⁵ Архимандрит Софроний, в миру Семен Иванович Баринов, уроженец Казанской губернии, сын купца 2-й гильдии. Родился в 1853 году. С 1873 года жил в Андреевском скиту. Рукоположен в диакона в 1884 году. Много лет провел в Константинополе, имел богатую библиотеку, был любителем древностей. Преставился 22 июня 1934 года. В 1924 и 1927–30 годах писал письма игумену Мисаилу (Сапегину) из Константинополя (см. архив РПМА. Док. № 854 и № 858).

цу Спиридону приходилось отстаивать подворье не только от притязания турок, но и от некоторых представителей монастыря, которые были сторонниками продажи его. Весь этот трудный процесс хорошо отражен в его переписке с игуменом Мисаилом³⁹⁶.

28 августа 1939 года отца Спиридона рукоположили в иеромонаха и послали на другое, не менее ответственное послушание — антипросопом в Карее, где он пробыл два года³⁹⁷. После начала Второй мировой войны и вступления Турции в войну имущественные дела в Константинополе вновь обострились, и старцы обители решили вновь направить отца Спиридона на Константинопольское подворье, где он оставался до 1955 года. Здесь он опять проявил себя тонким дипломатом и прекрасным хозяйственником. В 1947 году за заслуги перед Церковью Вселенским Патриархом отец Спиридон был возведен в сан архимандрита.

Заслуги отца Спиридона перед Церковью не ограничивались лишь внешним делом. В первую очередь он был монахом-подвижником и умело сочетал хозяйственную деятельность с внутренним непрерывным самосовершенствованием. Главным его оружием была Иисусова молитва, которую он творил постоянно, при любых обстоятельствах. Являясь точным исполнителем всех поручений священноначалия, он тем не менее добился стяжания внутреннего мира в своей душе и спокойствия, что позволяло ему молиться при самых неподходящих обстоятельствах: на шумной палубе корабля, в многолюдных приемных чиновников, в турецких правительственных судах и т. п. Он, полностью доверившись Промыслу Божию, невозмутимо воспринимал происходящее вокруг себя и был сконцентрирован на молитве. Второй его отличительной чертой было полное незлобие. Отец Спиридон в своих многочисленных письмах никогда никого не осуждал, хотя споры с разными сторонами доходили до крайней точки кипения. Он с невероятным спокойствием выслушивал все стороны и настойчиво продолжал отстаивать интересы монастыря, никого при этом не осуждая.

Последние два года отец Спиридон провел в обители. Он серьезно болел, но болезнь переносил мужественно. Преставился отец Спиридон 24 мая 1957 года в обители и был погребен на монастырском кладбище.

³⁹⁶ АРПМА. Док. № 857.

³⁹⁷ АРПМА. Док. № 1336.

Монах Власий (Осипенко)

Монах Власий (в миру Василий Яковлевич Осипенко) родился в 1885 году в крестьянской семье села Александровка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Его мать звали Матроной. В 1905 году Василий женился на рабе Божией Надежде. У них была счастливая благополучная семья. Василию от отца досталось хорошее доходное хозяйство, так что он с женой мог жить безбедно. Они оба были набожными, благочестивыми людьми и вели церковный образ жизни. Их огорчало только то, что у них не было детей, но они успокаивали себя тем, что полагались на волю Божию. Идиллию их семейной жизни разрушила война.

С первых дней Первой мировой войны Василия Яковлевича призвали на фронт, и он, по воле Бога, навсегда распрощался с семьей и Родиной. Сначала он воевал на южных фронтах против австро-венгерской армии, а после начала белого движения вступил рядовым солдатом в белую армию. В 1920 году с остатками белогвардейских частей он эмигрировал в Константинополь, где жил последующие 12 лет в тяжелейших условиях, работая в порту грузчиком.

В 1933 году Василий Яковлевич приехал на Афон и устроился наемным рабочим на Крумице, где прожил девять лет. Все это время он не терял надежды на возвращение домой в Россию к своей семье. И только после того, как узнал о смерти в России своей жены, решил стать монахом.

14 апреля 1942 года Василий Яковлевич поступил в Руссик послушником, где был пострижен в мантию 18 марта 1944 года. Послушание проходил опять на Крумице, где давно полностью освоился и хорошо знал все хозяйство. В 1951–1953 годах его определили на арсану* Франко-Кастро (пристань метохи Крумица), стратегический важный тогда для монастыря пункт. Здесь он жил в полном одиночестве, обслуживая изредка прибывающие сюда лодки и корабли. Вот что он записал в своем дневнике 16 октября 1952 года: «Этот день чувствовал себя очень плохо: ничего не варил, даже не грел для себя чая. Причиной этому служит то, что я простудился и, несмотря на то что принял хинину и аспирин, улучшения не было. Условия жизни моей в одиночестве заставляют подниматься с кровати при каждом наружном оклике: «Патер Власий», «паракало» и так далее. Многие мне говорят, как нужно поступать, но не все могут поступать так, как говорят. И на вопрос мой: кто желает быть на арсане, прошу занять мое послушание, а я по способности буду исполнять монастырские послушания как-то: за мулами



Фотография причала метохи Крумица 80-х годов XIX века

ухаживать, свиней кормить, коридоры подметать, куб греть для чая и, наконец, последнее дело: все отхожие места чистить, — никто заменить меня не соглашается»³⁹⁸.

Вскоре сбылась его мечта, ему благословили жить в монастыре, и с августа 1953 года он проходил послушание в муларне*. Ослики стали его новыми друзьями. Они нравились ему в первую очередь за свою молчаливость и терпение. Он считал, что человеку следовало бы поучиться у них этим двум свойствам. Ослы, имея такие прекрасные качества, не по разуму имеют их, поэтому они не святые. А люди, имеющие разум, также, бывает, не хотят приобрести этих прекрасных качеств, поэтому они тоже не святые.

Отец Власий после вступления в монашество стал писать дневник, благодаря которому мы знаем его как наблюдательного и захватывающего рассказчика. Исследуя его записи, мы имеем возможность восстановить историю повседневной жизни монастыря в 50-х годах XX века.

Преставился отец Власий 20 февраля 1963 года.



³⁹⁸ АРПМА. Док. № 346.

Схимонах Трофим (Кочин)

Схимонах Трофим³⁹⁹ (в миру Тихон Григорьевич Кочин) родился в 1870 году в мещанской семье города Старобельска Харьковской губернии. Его мать звали Матроной. Тихон был последним ребенком в многодетной семье Кочиных. Самый старший из них, Павел, был на 14 лет старше Тихона, но именно он сыграл решающую роль в судьбе младшего брата. Павел был по природе очень добрый и любвеобильный человек, с детства был послушен родителям и вел церковный образ жизни. Еще с ранних лет он решил стать монахом, но по требованию родителей был вынужден жениться. Семейная жизнь не помешала Павлу продолжать церковную жизнь. Более того, он вскоре стал старостой местной церкви и почти каждый день бывал там по делам.

Маленький Тихон всегда сопутствовал старшему брату и наслаждался рассказами его о святых и из истории христианской Церкви. Он тоже решил стать монахом, но ему помешало то, что он был военнообязанным. И только после военной службы в 1900 году он смог осуществить свою давнюю мечту.

12 августа 1900 года Тихон приехал на Афон и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где вскоре, 12 апреля 1902 года, был пострижен в рясофор с именем Трофим. Все это время он проходил послушание в муларне среди мулов. Но это тяжелое послушание только укрепляло его в вере.

В 1904–1905 годах во время Русско-японской войны Тихон отбывал воинскую повинность — воевал в Маньчжурии и чудом остался жив. Ужасы войны и потеря любимых товарищей еще более укрепили его в намерении полностью посвятить свою жизнь Богу. После окончания войны он вернулся в родную обитель и подвизался на Космодемьянской келлии и на Старом Руссике.

7 марта 1908 года Тихона постригли в мантию с именем Трофим, после чего почти до Первой мировой войны он проходил послушание на большом судне обители — ходил на нем в Россию и обратно, перевозя грузы для монастыря.

В 1910 году в его жизни произошло приятное для него событие: на Афон для принятия пострига приехал его любимый брат и друг Павел. У него недавно умерла жена, и он решил исполнить свое давнее желание стать монахом. Он вскоре стал схимонахом Прохором и, как и в детстве и юности, стал духовным другом и наставником

³⁹⁹ Жизнеописание составлено по материалам архива РПМА: см. Док. № 1. С. 175; № 13. С. 43.

отца Трофима. Но главными духовными наставниками отца Трофима, конечно, были духовник Агафодор (Буданов), а после его смерти духовник Кирик (Максимов). Именно они воспитали в нем дух простоты, смирения и любви.

После начала Первой мировой войны отец Трофим поселился на Ефимовской келлии, где провел свои оставшиеся 40 лет. Благодаря его неусыпным стараниям келлия не переставала жить духовной жизнью и одновременно снабжала монастырь всеми необходимыми овощами и фруктами. Последние 17 лет он прожил там в полном одиночестве, но не терял духовной выдержки и достоинства. «Я не один, — говорил он всем, — со мной мой Господь, и кто может утешить более, чем Он».

В 1944 году его на келлии посетил монах Ипатий (Фредерикс), который записал в своем дневнике следующее: «Чем ближе узнаю его, тем больше проникаюсь к этому старцу уважением. Какой духовной силы человек! Как отраднo с ним беседовать, сколько разумного в его поучениях и как бесхитростен он при этом»⁴⁰⁰.

Именно предельная простота и бесхитростность были главными чертами отца Трофима. Он имел одно прекрасное свойство характера — умел радоваться успехам других людей, а убивающая все человеческое в человеке зависть никогда не затронула его чистое сердце.

Авторитетные люди в миру утверждают, что зависть является основой прогресса. В миру, может, это и так, но в духовной жизни зависть — абсолютный тормоз. Если, не дай Бог, в сердце подвижника возникнет хоть малая доля зависти к кому-нибудь, то его духовный рост немедленно прекратится и, хуже того, он начнет духовно деградировать. Но если подвижник, видя успехи собрата, в своем сердце ощущает неподдельную радость, то это верный знак того, что он на правильном пути. Победить зависть можно только позитивным настроением ума. Мы всегда должны помнить, что каждый из нас — составная часть единой Церкви и каждый выполняет ту или иную Богом определенную миссию. Поэтому бессмысленно, чтобы одна часть целого завидовала другой. Наоборот, успех одного обогащает и другого, так как обогащается целое. Церковь едина молитвенно, и все члены церкви должны поддерживать друг друга молитвой независимо от индивидуальных способностей каждого. А для молитвы не нужен талант, достаточно только любви и силы воли.

Отец Трофим обладал чистым от всякой зависти сердцем, о чем оставил прекрасное свидетельство архимандрит Софроний (Сахаров). Он писал: «Из старейших монахов монастыря схимонах Трофим весьма замечательный подвижник, жизнь которого могла бы послужить благим примером для многих. После кончины старца [Силуана] читал часть его записок... [они] произвели на него глубокое впечатление. Помню

⁴⁰⁰ АРПМА. Док. № 465, С. 131.



нашу встречу с ним у малого порта монастыря. Остановив меня, он сказал: «Теперь я увидел, что отец Силуан достиг в меру святых отцов... Кончина его меня убедила»⁴⁰¹.

14 апреля 1937 года отца Трофима постригли в схиму, облачение в ангельский образ только подчеркнуло его ангельский характер. Братья с огромным уважением относились к почтенному старцу и стара-

лись при всяких обстоятельствах спрашивать его мнение. Простодушный и открытый ко всем отец Трофим никому не отказывал в совете и делал это с такой наивной простотой, что никто никогда не заподозрил его в самомнении или гордости. Наоборот, все знали и чувствовали, что он говорит по любви и исключительно из собственного опыта.

Дата смерти отца Трофима не установлена, но наверняка можно предположить, что преставился он между 1956 и 1958 годами, так как именно в этот период статистика о смертях и отсутствует в архиве монастыря.

Епископ Кассиан (Безобразов)

Епископ Кассиан (в миру Сергей Сергеевич Безобразов) родился в 1892 году в городе Санкт-Петербурге в семье сенатора Сергея Владимировича Безобразова и супруги его Веры Антоновны Арцымович. В 1914 году он окончил историко-филологический факультет Петербургского Императорского университета и там же занимался преподавательской деятельностью. Во время революции был арестован и сослан в Туркестан. В 1922 году вернулся в Петроград, смог с родителями выбраться в Сербию, а оттуда в Париж, где стал профессором Богословского института.

Сергей Сергеевич женился на рабе Божией Любви, которая вскоре умерла, не оставив ему детей. После ее смерти, 7 июня 1932 года, он решил принять монашество и в церкви Сергиевского подворья в Париже митрополитом Евлогием

⁴⁰¹ Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 225.

(Георгиевским) был пострижен в мантию с именем Кассиан. Там же 10 июня 1932 года он был рукоположен в иеродиакона, 13 июня того же года в иеромонаха, а 28 декабря 1936 года был возведен в сан архимандрита.

26 ноября 1940 года отец Кассиан приехал на Афон с целью поступить в братство Пантелеимонова монастыря, где старцы его с радостью приняли. Основное послушание отец Кассиан проходил как чередной иеромонах. Вся братия дивилась его решительности проводить строго подвижническую жизнь. Его невозможно было никак выделить из братии. Он со всеми ходил на трапезу, со всеми исполнял общие послушания, со всеми стоял на службе, одевался как все.



Он перестал заниматься своими богословскими трудами и под руководством духовника Виссариона (Хлыстова) всецело предался деланию Иисусовой молитвы. Все шло самым лучшим образом, пока не случилось одно несчастье, которое заставило его вновь изменить направление своей жизни.

Его сестра Ольга, которая была замужем за доктором Григорием Чеботаревым, и их сын Алексей жили и работали на Пирге* (около Афона). В августе 1944 года они были убиты с целью ограбления арнаутами (крещеными турками). Этот случай был для него тяжелым ударом. Отец Кассиан не смог больше находиться рядом с этим трагическим местом и вскоре после этого, 17 июля 1946 года, уехал в Париж.

Так закончилось шестилетнее пребывание отца Кассиана на Афоне. С одной стороны, это короткий срок для подвижничества, но на мировоззрение отца Кассиана пребывание на Святой Горе повлияло решительным образом. Именно на Афоне он понял, что духовный мир и земной мир — две не совместимые друг с другом реальности, два параллельно существующих мира, как огонь и вода. И любая попытка объединить их обречена на провал.

В своей книге «Царство Кесаря перед судом Нового Завета», которая вышла в Париже в 1949 году, он пишет: «На протяжении своего многовекового исторического пути христианская Церковь, в лице носителей ее сознания, не только осуществляла — снова и снова — свое право судить о государстве, с которым она имела дело,

по его достоинству, но пыталась привлечь его на служение Христу, пронизать государственные учреждения светом Христовым, вдохнуть Его дух в государственные формы. Ни одна из этих попыток не удалась. Наши предки — в XV веке — были свидетелями крушения Византии. Третий Рим рухнул на наших глазах. И трагедия России, причина ее падения, заключалась прежде всего в том, что она пыталась соединить несоединимое: тоталитарное государство с христианским строем жизни, царство кесаря с Царством Божьим»⁴⁰².

Несмотря на такой печальный опыт Церкви, отец Кассиан призывает нас, христиан, не складывать руки, а неутомимо работать во славу Бога при любых обстоятельствах и при любых государственных системах. «Опыт прошлого и познание истинной природы государства, — заключает отец Кассиан, — не позволяет нам мечтать о христианской державе на земле. Но путь христианского делания в государстве открыт и нам, даже больше: он нам указан, как наш долг. По слову апостола (см. 2 Петр. 3, 12), грядущее преобразование предуготовляется нашим усилием здесь, на земле. И когда в пророческом видении Тайнозрителя вострубил седьмой ангел, тогда *«раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков»* (Апок. 11, 15). Невозможное человекам, возможно Богу. Посаженному в землю дереву рост дает Бог, но человек насаждает и поливает (см. 1 Кор. 3, 6–9). В Царство Славы ведет далекий путь, начинающийся в царстве мира. И Божественная благодать венчает труд человека — долгий, упорный и неблагодарный — в царстве мира и над царством мира»⁴⁰³.

В Париже отец Кассиан был назначен ректором Свято-Сергиевского Богословского института. Вскоре он опубликовал большую монографию: «Христос и первое христианское поколение», которая была издана в Париже в 1950 году.

15 июля 1947 года отец Кассиан был возведен в сан епископа Катанского (Сицилия). Владыка Кассиан постоянно поддерживал связь со старцами обители. В 1957–1964 годах писал письма игуменам Руссика⁴⁰⁴.

Преставился владыка Кассиан 22 января / 4 февраля 1965 года.

⁴⁰² Кассиан (Безобразов), епископ. Царство Кесаря перед судом Нового Завета. Париж, 1949. С. 49.

⁴⁰³ Там же. С. 49–50.

⁴⁰⁴ АРПМА. Док. № 3710.

Архиепископ Василий (Кривошеин)

Архиепископ Василий (в миру Всеволод Александрович Кривошеин) родился в 1900 году в дворянской семье в селе Шатрошаны Буинского уезда Симбирской губернии.

Дед Всеволода служил в Варшаве офицером, где в 1857 году и родился его отец — Александр Васильевич. Впоследствии он приобрел имение в Симбирской губернии и был причислен к дворянскому сословию. Он был женат на дочери одного из московских профессоров Елене Карповой, которая умерла в Париже в 1942 году. Они имели трех сыновей — Игоря, Всеволода и Кирилла. До октябрьского переворота 1917 года Александр Васильевич занимал должность министра земледелия России. После революции он обосновался в Берлине, где скончался 15 октября 1921 года, после чего супруга его и переехала в Париж.

Во время гражданской войны Всеволод Александрович участвовал в военных событиях на стороне белой армии, получил ранение, из-за чего на одной руке отсутствовали два пальца, что впоследствии долгое время было препятствием к рукоположению. После ранения он выехал за границу и присоединился к своей семье в Париже, где получил высшее образование, овладел несколькими европейскими языками.

2 октября 1925 года Всеволод Александрович вместе со своим другом Сергеем Семеновичем Сахаровым (будущим архимандритом Софронием) посетил Афон и сделал такую запись в гостевой книге обители: «Русскому православному человеку, заброшенному в глубину, в далекую по духу иноверную среду, особенно отрадно и умирительно посещение Святой Афонской Горы. Здесь он успокаивается от шума и суеты современности, видит подлинную православную жизнь, прекрасные, как нигде в мире, богослужения. Дай Бог всем русским лучше узнать эту великую святыню. Те же, кому Господь дал радость лично побывать на Святой Горе, навсегда сохранят о своем путешествии святое и укрепляющий дух воспоминание. Всеволод Кривошеин»⁴⁰⁵. Всего через месяц, 27 ноября 1925 года, он уже вступил в братство монастыря святого великомученика Пантелеимона, сам став частью этой «великой святыни».

24 марта 1926 года Всеволод Александрович был пострижен в рясофор с именем Валентин, а 5 марта 1927 года в мантию с именем Василий. Первые послушания он проходил в ризничной, в библиотеке, помощником антипросопа монастыря.

⁴⁰⁵ АРПМА. Док. № 125, С. 349.



С 8 февраля 1942 года он был антипросопом в Карее, а с 1946 года в обители казначеем. Вот как характеризует его бывший барон, монах Ипатий (Фредерик): «Отец Василий один из немногих образованных монахов. За ним Парижское Ceile de le Hres и солидное духовное практическое самообразование, которым он занимался все девятнадцать лет пребывания на Афоне. С ним можно говорить о чем угодно. Он все поймет и ничего не осудит. Верный сын Православной церкви, без мудрствования, лукавства и без религиозного жонглерства»⁴⁰⁶.

За 22 года своего пребывания в обители отец Василий сделал очень многое для

монастыря: он переводил все указы и постановления Вселенской Патриархии и священного Кинота; отвечал на письма греческих и французских адресатов; составлял исторические очерки для обоснования тех или иных исторических событий и фактов, связанных с монастырем; вел переговоры со всеми сторонами, обращающимися к монастырю, такими как греческое правительство или немецкие оккупационные войска.

22 сентября 1947 года произошла парадоксальная, нелепая ошибка правосудия, которая за основу своего решения взяла голые, формальные факты и не учла мотивацию и реальную обстановку, породившую эти факты. Отец Василий вместе со схимонахом Протогеном⁴⁰⁷ и монахом Вениамином⁴⁰⁸ был арестован по обвине-

⁴⁰⁶ АРПМА. Док. № 465, С. 38.

⁴⁰⁷ Схимонах Протоген (в миру Петр Алексеевич Овчинников, бывший крестьянин села Старомелавское Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Имя матери Пелагия. Родился в 1878 году. Принят в Руссик 18 августа 1905 года. Пострижен в рясофор с именем Петр 13 апреля 1907 года, в мантию с именем Протоген 21 марта 1908 года, в схиму 15 марта 1947 года. Послушание проходил на Крумице, в экономской, на Касандре, с 6 мая 1939 года антипросопом и эпистатом в Карее, с 1 января 1942 года в обители старшим экономом. 26 сентября 1947 года посажен в Солунскую тюрьму на один год, якобы за сотрудничество с болгарями. Срок отбывал на острове Закинфос. Возвратился в Руссик 7 июня 1950 года. Преставился 1 марта 1951 года. В 1915–1926 и 1938 годах писал письма игумену Мисаилу из Касандры и Солуни (см. архив РПМА, док. № 944, 947 и 951). В 1938–1940 годах писал письма отцу Иустину (Соломатину) (см. архив РПМА. Док. № 1440). В качестве проестаса в 1939–1941 годах писал письма отцу Мисаилу из Карей (см. архив РПМА. Док. № 1337).

⁴⁰⁸ Монах Вениамин (в миру Виктор Михайлович Григорович) бывший мещанин из города Луганска Екатеринославской губернии. Имя матери Антонина. Родился в 1899 году. Участник белого

нию якобы в сотрудничестве с немцами. Да, он сотрудничал с немцами и болгарами, но это сотрудничество ограничивалось исключительно обеспечением элементарных условий жизнедеятельности монастыря, и не только Русского монастыря, но и всех монастырей Афона. Если бы не это «сотрудничество», далекое от всякой политики, то монахам Афона грозила бы голодная смерть. Но все это вершители правосудия не учли, и отца Василия на два года сослали на остров Макронис и вдобавок лишили гражданства. После окончания срока наказания отец Василий, несмотря на многие усилия со стороны руководителей монастыря, не смог вернуться на Афон.

В феврале 1951 года отец Василий уехал в Англию, где в Лондоне 8 мая 1951 года был рукоположен в иеродиакона, а 9 мая 1951 года в иеромонаха. В апреле 1957 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) он был возведен в сан архимандрита, 26 мая 1958 года был назначен 2-м викарием экзарха Московской Патриархии в Западной Европе с титулом епископа Волоколамского и пребыванием в Париже. Хиротонисан он был позже, в ноябре 1959 года. В апреле 1960 года указом Патриарха Алексия I он был назначен епископом Брюссельским и Бельгийским.

Уже в качестве иерарха Русской Православной Церкви владыка Василий вновь оказал услугу своему монастырю, ведя активные переговоры от лица Московской Патриархии о пополнении числа братства из России как с Вселенской Патриархией, так и с греческим правительством. В апреле 1977 года он смог посетить Афон и родную обитель.

Преставился владыка Василий 22 сентября 1985 года в Ленинграде. Погребен на Серафимовской кладбище в Санкт-Петербурге. Доктор богословия, написал много научных книг и статей. В архиве монастыря хранится его личный фонд под номером 25, который состоит из следующих дел:

- 1) Письма к архиепископу Василию (Кривошеину) от матери (Елены Карповой) и родного брата (Кирилла) за 1925–1950 годы.
- 2) Письма к архиепископу Василию (Кривошеину) от разных лиц (В. Маевского, архимандрита Софрония (Сахарова), А. Карташова, М. Лот-Бородина и др.) за 1934–1950 годы.
- 3) Переписка с Г. А. Данчевым (8 писем ему и 27 от него) архиепископа Василия (Кривошеина) за 1929–1932 годы на французском языке.

движения и Ледяного похода. Поступил в Руссик 9 сентября 1924 года, пострижен в рясофор 15 апреля 1926 года, в мантию 8 марта 1941 года. Послушание проходил в муларне, на судне монастыря, в канцелярии. 26 сентября 1947 года посажен в Солунскую тюрьму на один год якобы за сотрудничество с немцами. Возвратился в Руссик 7 июня 1950 года. Преставился 18 января 1968 года.

- 4) Письма к разным лицам архиепископа Василия (Кривошеина) за 1925–1948 годы.
- 5) Тезисы и библиографические заметки к разным статьям и очеркам архиепископа Василия (Кривошеина) за 1925–1948 годы.
- 6) Очерк против нового календаря архиепископа Василия (Кривошеина) с приложением его перевода с греческого соборного постановления в опровержение новой Пасхалии.
- 7) Историческая справка архиепископа Василия (Кривошеина) о подданстве русских афонских монахов с древнейших времен до 1946 года.
- 8) Историко-аналитический очерк архиепископа Василия (Кривошеина) о самоуправлении Афона с древнейших времен до 1940 года.
- 9) Жизнеописание архиепископа Вениамина (Новицкого), написанное архиепископом Василием (Кривошеиным) в 1977 году. Печатная копия⁴⁰⁹.

Схиархимандрит Софроний (Сахаров)

Схиархимандрит Софроний (в миру Сергей Семенович Сахаров) родился 22 сентября 1896 года в городе Москве в мещанской семье. Его мать звали Екатериной. Родители Сергея были глубоко верующими людьми, что сыграло решающую роль в судьбе будущего монаха. Сергей Семенович имел талант в рисовании, поэтому учился в Академии художеств, которую после революции переименовали в Московскую школу живописи, скульптуры и архитектуры. В 1921 году, закончив курс обучения, он выехал из России на Запад. Здесь, в Париже, происходит его полное обращение к вере, и это приводит к тому, что, оставив занятия искусством, он поступает в Православный Богословский Институт при Сергиевском подворье в Париже.

В ноябре 1925 года вместе со своим другом Всеволодом Александровичем Кривошеиным (будущим архиепископом Василием) Сергей Семенович посетил Афон и вместе с ним остался там послушником в Русском монастыре святого великомученика Пантелеимона, где 24 марта 1926 года был пострижен в рясофор с именем Софроний, 5 марта 1927 года в мантию, а 18 января 1935 года в схиму. 30 апреля 1930 года отец Софроний сербским епископом Николаем (Велимировичем) был рукоположен в иеродиакона. Послушание проходил в часовой мастерской, казначействе, библиотеке.

⁴⁰⁹ Мы планируем в рамках данной серии отдельной книгой издать все эти документы, которые наглядно доказывают неопределимый вклад владыки Василия в историю Русского Пантелеимонова монастыря.

С первых же дней своего пребывания в монастыре он был в тесной дружбе с преподобным Силуаном, которого считал своим духовным отцом и которому он открыл свое желание вести безмолвную, отшельническую жизнь. По свидетельству отца Флегонта (Лебедева), преподобный Силуан предсказал ему пустынножительство⁴¹⁰, и отец Софроний написал два письма к Собору Старцев с прошением благословить его на безмолвие. В первом письме он пишет: «Имея непрерывное желание по данному мне всечестнейшим старцем нашим отцом игуменом архимандритом Мисаилом и братским духовником всечестнейшим иеросхимонахом Сергием [Тютиным] благословение перейти на пустынное уединение по правилам и чину святых отцов, смиренно прошу Вас отпустить меня с миром и благословением и выдать мне отпускное свидетельство»⁴¹¹. Собор Старцев, не желая отпускать его далеко от монастыря, предложил ему поселиться в Лукьяновской каливе, но отец Софроний планировал вести строгую отшельническую жизнь, а потому во втором письме просил Собор отпустить его в дальнюю пустыню. «Не оставьте и этой усердной моей мольбы, — писал он Собору Старцев, — без ответа, подобно предыдущей. Страдает и томится сердце мое, доколе не достигну того, чего сильно желает душа моя вот уже 15 лет. Пред лицом Бога свидетельствую Вам, что я не ищу ничего, кроме спасения отягченной грехами, окаянной моей души»⁴¹². Старцы уступили его желанию.

Отец Софроний вышел из обители в пустыню на безмолвие 23 апреля 1939 года. Поселился в плохой, почти разрушенной каливе, около Карули, на что Великая Лавра дала согласие. «В одиночестве моей пещеры, — напишет впоследствии отец Софроний, — я получил исключительную привилегию целиком отдаваться беззаботной молитве. Она владела мной месяцами. Пересекалась в дневные дни житейскими делами, но когда заканчивался трудовой день и начиналась безмолвная ночь в пещере, молитва снова обнимала меня: опять все исчезало из памяти, оставалось лишь сознание страшного невольничества греха, порождавшее во мне сожаление, стыд и даже ненависть к самому себе... Милость Бога ко мне выразилась в том, что Он даровал мне мощный порыв покаянного страдания, которое увлекало меня в ненасытную молитву — такую, что душа все забыла, ни о чем не помнила, но неудержимо тянулась к Богу невидимому, но любимому, неведомому, но знакомому, недостижимому, но близкому»⁴¹³.

2 февраля 1941 года в монастыре святого Павла на Афоне он был рукоположен в иеромонаха. Слава о его духовных подвигах быстро распространилась по всему Афону. К нему за советом потянулись монахи разных национальностей, и так как

⁴¹⁰ АРПМА. Док. № 212. С. 561.

⁴¹¹ АРПМА. Док. № 1713. С. 1.

⁴¹² Там же. С. 3.

⁴¹³ Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. Эссекс, 1985. С. 143–144.



он владел несколькими языками, то ему было легко их утешать на их родном языке. Полного затвора он, таким образом, добиться не смог, вынужден был все чаще открывать двери своей каливы и все больше народу принимать и в конце концов согласиться перейти в ближайшие монастыри духовником. «Был духовником святых обителей святого Павла, Григория, Симонопетра, Ксенофонта, различных скитов и келлий»⁴¹⁴. Впоследствии поступил в Андреевский скит. Он сильно огорчился несправедливым осуждением греческим правительством своего друга отца Василия (Кривошеина), тем более что и он не остался свободен от необоснованных подозрений. Видимо, по этой причине он принял решение оставить Афон. Во второй половине 1947 года он уезжает в Париж.

В общей сложности отец Софроний провел на Святой Горе 22 года. Из Парижа он переехал в Англию, где в 1959 году основал в графстве Эссекс святую обитель

Честного Иоанна Предтечи.

Преставился отец Софроний 11 июля 1993 года.

Отец Софроний написал всемирно известную книгу о своем духовном отце преподобном Силуане Афонском, чем оказал неоценимую услугу Русскому Пантелеимонову монастырю и вообще всему христианскому миру. Он является также автором многих высокодуховных книг, которые для современных подвижников благочестия стали хрестоматиями.

В архиве монастыря сохранились три его письма⁴¹⁵ к архиепископу Василию (Кривошеину), с которым он всю жизнь дружил. Из Эссекса отец Софроний написал также письмо⁴¹⁶ игумену Руссика — Иустину, которое бережно хранится в архивном хранилище обители. Все эти документы будут опубликованы в рамках данной серии.

⁴¹⁴ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006 г. М., ПСТГУ, 2008. С. 151.

⁴¹⁵ АРПМА. Док. № 560.

⁴¹⁶ АРПМА. Док. № 1713.

Схиархимандрит Илиан (Сорокин)

Схиархимандрит Илиан (в миру Иван Михайлович Сорокин) родился в 1885 году в семье мещан города Романо-Борисоглебска Ярославской губернии. Его мать звали Анной. Иван получил хорошее начальное образование, поэтому родители планировали, чтобы он продолжил свое обучение. Но по неизвестным нам обстоятельствам в 16-летнем возрасте он поступает в Глинскую пустынь, где был пострижен в рясофор с именем Иоанн. Глинская пустынь тогда была одним из известных духовных центров России. Однако, прочитав письма Святогорца, отец Иоанн мечтает попасть на Афон и там продолжать свою подвижническую жизнь.

25 августа 1905 года Иоанн действительно ступил на Афонскую землю и был принят в Русский Пантелеимонов монастырь, где 7 марта 1908 года был пострижен в мантию с именем Илиан. Послушание отец Илиан проходил в архондарике, канцелярии, в 1911–1914 годах на подворье в Константинополе, затем в обители уставщиком и ризничим. 25 ноября 1922 года отец Илиан был пострижен в схиму. 2 февраля 1926 года он был рукоположен в иеродиакона.

В 1932–1933 годах отца Илиана отправили в Сербию для сбора пожертвований, где митрополитом Антонием (Храповицким) он 12 декабря 1932 года был рукоположен в иеромонаха.

В 1932–1933 годах отца Илиана отправили в Сербию для сбора пожертвований, где митрополитом Антонием (Храповицким) он 12 декабря 1932 года был рукоположен в иеромонаха.

В 1953 году отец Илиан был назначен настоятелем Константинопольского подворья. Но турки не согласились с его кандидатурой и не дали разрешения на занятие этого поста отцом Илианом, и 1 июля он вернулся в Руссик.



3 октября 1958 года отец Илиан был избран игуменом обители и возведен в сан архимандрита. В июне 1962 года во время празднеств 1000-летия Афона Московской Патриархией он был награжден медалью святого Владимира за заслуги перед Церковью.

Многими были замечены выдающиеся человеческие свойства отца Илиана. Вот что пишет о нем писатель Анатолий Даров: «Глаза у архимандрита Илиана очень спокойные, а когда не спокойные, то строго-ласковые. Сколько ему лет — трудно сказать, а спросить у него — еще труднее. Есть такие люди: у них легко просить, но трудно спрашивать. Какой-то мягкий и тонкий запрет светился в его глазах. Нет, это не резкая, аскетическая отрешенность отца Михаила [андреевского игумена. — *Сост.*], не детская и вместе мудрая доверчивость отца Николая [ильинский игумен. — *Сост.*], — это печально-озабоченная, вкрадчивая одухотворенность»⁴¹⁷. И далее он пишет следующее: «Отец Илиан изнуряет себя службами. Умрет — такого другого игумена на всем свете не сыщешь...»⁴¹⁸

Отец Илиан неуклонно придерживался курса своего предшественника отца Иустина на полное восстановление отношений с Московской Патриархией. Вот фрагмент из письма игумена Илиана от 29 октября (11 ноября) 1959 года на имя председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, где он излагает все усугубляющиеся трудности, переживаемые русским монашеским братством на Афоне:

«Ваше Высокопреосвященство!

От лица всей братии нашей Русского монастыря святого великомученика Пантелеимона на Афоне обращаюсь к Вам и в Вашем лице к нашей Матери — Русской Православной Церкви с нижеследующей горячей и настоятельной просьбой.

Наш монастырь пришел в полный упадок, и ему грозит полное запустение и переход в чужие руки этого древнего русского достояния, созданного трудами и жертвами многих поколений русского православного верующего народа.

Основная причина этого бедственного положения — оскудение нашей братии из-за отсутствия поступления новых монахов в наше монашеское братство, как об этом мы уже сообщали и ранее в Московскую Патриархию. Нас осталось сейчас всего 50 человек. Самому молодому из нас 54 года. Большинство семидесяти и восьмидесятилетние старчики. Только незамедлительное прибытие новых молодых сил в наше братство может спасти положение.

⁴¹⁷ Даров А. Берег — «нет человека» (Афон современный и вечный). Нью-Йорк, 1966. С. 34.

⁴¹⁸ Там же. С. 75.

Кроме как с нашей Родины, из России, ниоткуда не может прибыть к нам пополнение. И вся наша надежда на сохранение нашего монастыря, после Бога, Пречистой Богородицы и святого великомученика Пантелеимона на Русскую Православную Церковь, Московскую Патриархию.



Нам известно, что Московская Патриархия обратилась с просьбой к Вселенскому Патриарху, в канонической

юрисдикции которого находится наш монастырь, допустить из России приезд десяти человек для поступления в братство нашего монастыря. Мы глубоко благодарны всегда Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Алексию и Вам за этот шаг и всецело его приветствуем.

Но нам известно, что Вселенский Патриарх не счел возможным ответить на Ваше письмо. Причина тому — давление, оказываемое на него со стороны греческого правительства, противящегося приезду на Афон русских. Формальный предлог для того, чтобы не отвечать, — Афон пользуется известной церковной автономией, и Вселенский Патриарх не является первой инстанцией в такого рода делах... Мы умоляем Вас, Святейшего Патриарха Алексия, и всю Русскую Православную Церковь незамедлительно оказать нам помощь. Иначе наш монастырь обречен на гибель.

Испрашивая Ваших святых архипастырских молитв и святейшего благословения, остаемся Вашими смиренными послушниками и богомольцами — Игумен архимандрит Илиан со всею о Христе братиею»⁴¹⁹.

Именно во время игуменства отца Илиана наконец для пополнения рядов братии монастыря прибыли первые монахи из России. Радости старца не было границ. Теперь в его чуть было не отчаявшемся уже сердце зародилась твердая надежда, что Русская обитель на Афоне не погибнет, а будет стоять как оплот Православия до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

5 января 1971 года на 88-м году жизни игумен схиархимандрит Илиан почил о Господе. «Это был человек большой духовной мудрости и доброты, старец, которых сейчас мало», — так писал о нем его духовный сын, архиепископ Василий (Кривошеин)⁴²⁰.

⁴¹⁹ Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 102.

⁴²⁰ Там же. С. 117.

Схимонах Мемнон (Тюрин)

29 марта 1967 года в Русском Пантелеимоновом монастыре умер 90-летний старец схимонах Мемнон⁴²¹. Оставшиеся в живых престарелые монахи монастыря единодушно признавались, что от них ушел последний великий старец Руссика, сохранивший и приумноживший драгоценный опыт духовной жизни возобновителей обители — старцев Арсения, Иеронима и Макария.

Родился отец Мемнон (в миру Михаил Иванович Тюрин) в 1878 году в крестьянской семье села Судниково Синьковской волости Дмитровского уезда Московской губернии. Его мать звали Параскевой. Михаил был старшим ребенком в многодетной семье. Родители его были благочестивыми и набожными людьми, любили ходить в церковь и дома нередко устраивали по вечерам сборы соседей и родных для общей совместной молитвы и чтения Священного Писания. Такие вечера маленький Михаил особенно любил. Он залезал на печку и внимательно вникал в каждое произнесенное в комнате слово. Его восхищала простота и глубина слов Священного Писания, а некоторые выражения из него прямо отчеканивались в его памяти, и после он постоянно размышлял над ними. Одна фраза особенно привлекла внимание юного Михаила. *«Будите убо вы совершени, якоже Отець вашъ небесный совершёнъ есть»* (Мф. 5, 48), — говорит Господь. Но что значит быть совершенным и святым? Как можно стать святым? Эти вопросы волновали мальчика. Однажды, найдя удобный момент, Михаил задал их священнику сельской церкви и вот что услышал в ответ: *«Быть святым значит любить людей так, как Господь нас любит; Он нас для того и создал, чтобы мы в этом мире учились любить и, постепенно совершенствуя себя в братской любви, достигали уровня Христовой любви. Это долгий и чрезвычайно трудный путь, это крестный путь, но без сего нам не суждено войти в Царствие Небесное, которое и есть царствие любви. Ежедневными добрыми делами мы должны научать наше сердце любить собратьев, а особенно мы должны молитвой о других умягчать наше жестокосердие и шаг за шагом восходить по лестнице совершенной любви. Враг человеческого рода будет всеми силами препятствовать этому нашему намерению, но, вооружившись верой во Христа, мы, с Его помощью,*

⁴²¹ Жизнеописание составлено по материалам архива РПМА: см. Док.: № 7. С. 135; № 13. С. 89; № 72. С. 2; № 70. С. 3; № 212. С. 556.

сможем выполнить возложенную на нас задачу. С Христом ко Христу, с любовью к Любви — вот наша цель и средство».

Юный Михаил загорелся от этих слов священника, и с этих пор его ежедневной заботой было в любое время и в любом месте творить добро. За такую любовь соседи и односельчане прозвали его «Божьим сыночком», чего Михаил сначала очень смущался, хотя в глубине сердца и радовался, что люди причисляют его к малому стаду Божьему. Рвение юноши угодить Богу и людям с возрастом все возрастало, и он наконец решил полностью посвятить свою жизнь служению Богу.

22 декабря 1901 года 23-летний Михаил приехал на Афон и сразу попросился в Русский Пантелеимонов монастырь, где его приняли и определили на послушание в трапезную. Михаил с великим усердием приступил к исполнению послушания. Его невероятно радовала возможность послужить братьям. Не чувствуя усталости, он старался помочь всем.

На третьем месяце пребывания в монастыре с ним случилось одно знаменательное событие, которое кардинально изменило его духовный мир. Было это в Светлый Вторник во время пасхальной Литургии в Успенском соборе обители. Он стоял в притворе храма и старался вникать в ход богослужения, будучи полностью погружен в собственное сердце. Только святое имя Господа занимало его ум. И вот во время возгласа священника «Горе имеем сердца» он внезапно почувствовал мощное неземное движение внутри своего сердца, которое одновременно вызвало в нем неописуемую радость. Михаил не выдержал охватившей его благодати и заплакал. Слезы потекли ручьем, но они были так сладостны и утешительны, что Михаил содрогнулся от наплыва наслаждения. Впоследствии он не мог вспомнить, сколько длилось это чудное переживание — секунду, или минуту, или десять минут, но впечатление от пережитого с первобытной свежестью он вспоминал, даже когда был уже 80-летним старцем.

После окончания богослужения он первым делом побежал к своему духовному отцу иеросхимонаху Агафодору (Буданову) и все ему рассказал. Мудрый старец



ответил: «Все, что ты пережил, — это действие благодати Божией, Он милостиво утешил тебя, но, уверяю тебя, не потому, что ты хоть чем-то это заслужил, а исключительно по милосердию Своему, так как Бог хочет, чтобы ты знал, что тебя ожидает в будущем, если сможешь устоять в вере, надежде и любви. Так что дерзай, чадо. То, что ты пережил, ты должен еще долгими годами и тяжелыми трудами заработать, и тогда пережитое будет с тобою вечно».

5 апреля 1903 года послушник Михаил был пострижен в рясофор с именем Мемнон. Он с прежним рвением выполнял возложенные на него различные послушания, однако в его внутреннем устройении произошли сильные изменения. После случившегося в храме он не мог ни о чем думать, кроме Господа. Непрестанная Иисусова молитва стала его единственным внутренним деланием. И хотя два года прошло с тех пор, но как будто все случилось только сейчас. И даже долгожданный и желанный постриг не стал таким событием, которое смогло бы как-то затмить это чудное воспоминание.

Наступила очередная Светлая Седмица, и в Светлый Вторник уже рясофорный монах Мемнон стоял на Литургии в Архангельском храме обители. Все его сердце было заполнено Господом, чувство благодарности за пережитое два года назад переполняло его, и вот, во время возгласа священника «Горе имеем сердца», чудо повторилось, но на этот раз намного сильнее и четче, намного реальнее. Он не смог устоять на ногах, рухнул на колени и залился сладчайшими слезами. Он шептал только одно слово: «Благодарю, благодарю, благодарю!..»

Конечно, отец Мемнон сразу поделился своим счастьем с духовником и задал ему такой вопрос: «Я понимаю, что первый раз Господь хотел утешить меня и укрепить в подвижничестве, но зачем Он явился мне еще раз новонаначальному, ничтожному, грешному и неискушенному, когда, как я знаю, многие заслуженные монахи не сподоблялись этого?» Духовник на это ответил: «Ты прав, чтобы привлечь Божию благодать, нужен долгий, напряженный, кропотливый труд подвижничества, но за самоотверженную любовь к людям Господь и без таких трудов дарит благодать. Если человек сможет возвыситься над самим собой, откажется от своих эгоистических устремлений и посвятит себя служению другим людям, то Господь незамедлительно одарит его своею благодатью. Это самый верный, но также чрезвычайно трудный путь к Богу — отказаться от самого себя. Дерзай, чадо, сгорай в любви и воспрянешь для Бога. *«А ѡже погубитъ дѹшу свою менѣ ради, обрящетъ ю»* (Мф. 10, 39), — сказал нам Господь».

24 марта 1906 года отца Мемнона постригли в мантию и определили на послушание в храм эклессиархом. Он с радостью выполнял это послушание, выходил из него только в трапезную, а все остальное время проводил в храме. Между богослужениями

отец Мемнон сидел в темном углу церкви, оперевшись на стасидию, и тянул четку. Он не мог насладиться Иисусовой молитвой, не мог отвлечься на что-то еще — Господь был его мыслью, его мечтой, его молитвой. Он не чувствовал времени и не ощущал внешних условий.

Так протекала его долгая 66-летняя монашеская жизнь, внешне монотонно и однообразно, но внутренне богато и разносторонне. Он на все драгоценности мира не поменял бы своего делания. Эта «монотонность» еще раз была нарушена, и опять чудным образом, когда 16 марта 1928 года отца Мемнона постригли в схиму. Уже будучи схимником, он, стоя в Светлую Седмицу на Литургии в Покровском храме, еще раз пережил очередную встречу с Богом. Во время возгласа «Горе имеим сердца» его сердце в очередной раз залила Божия благодать. На этот раз все было так, как будто не его посетили, а сам он присоединился к неизреченной силе, которая полностью охватила его. Он снова пал на колени и, рыдая, начал говорить: «Не терзай меня, Боже, я ничтожен и грешен, не имею силы выдержать таковой благодати, бесконечно благодарю тебя, но больше не посещай меня, иначе мое сердце не выдержит такой радости и разорвется. Благодарю, благодарю, благодарю, но молю: больше не посещай меня».

На его рассказ духовник ответил: «Отец Мемнон, тебя три раза посетил Бог. Теперь ты духовно видел Пресвятую Троицу и твоя вера превратилась в знание, что на тебя возлагает огромную ответственность, тысячу раз большую, чем на обычного верующего. Думаю, что ты проживешь долгую жизнь, которую ты должен посвятить исключительно делам христианской любви».

И действительно, отец Мемнон прожил долгую жизнь, и, несмотря на случающиеся преткновения и многие трудности монашеского подвига, он все время был как зажженная свеча, освещающая своею любовью все вокруг себя. Он, вооруженный Иисусовой молитвой, на протяжении всей жизни продолжал осуществлять многочисленные дела любви, являясь примером для братии. Все любили его так же, как он любил всех. Его жизнь была действительно счастливой как по форме, так и по содержанию. Уже будучи старцем, он часто говорил: «С любовью так легко жить, не надо никого обманывать, никого предавать, никого унижать, попроси с любовью — и тебе все дастся. Зачем губить себя греховными ухищрениями, если так просто можно быть счастливым: люби самоотверженно, и все тебя полюбят».

Иеросхимонах Серафим (Текза)



Иеросхимонах Серафим (в миру Степан Иванович Текза) родился в 1901 году в крестьянской семье села Березово Марамарошской губернии (Чехословакия) Карпатской Руси. Его мать звали Еленой.

Степан вместе с большой группой своих земляков приехал на Афон и 15 августа 1925 года поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, 24 марта 1928 года он был пострижен в рясофор с именем Серафим, а 21 августа того же года в мантию с тем же именем.

«Вначале он нес послушание «на бычках». Надо было управлять быками, возившими лес на монастырскую пристань. Этим нелегким трудом старцы испытывали новопоступивших в обитель. Пригодны ли они для несения тяжелого монашеского подвига? Отец Серафим не отличался хорошим здоровьем, а потому его вскоре на-

правили в портняжную под руководством старца отца Диодоха [Дружинина]. Позднее он был помощником заведующего аптекой и больницей отца Фомы⁴²², а по смерти

⁴²² Схимонах Фома (в миру Феоктист Федорович Никитенко) бывший крестьянин села Ровное Ровенской волости Елисаветградского уезда Херсонской губернии. Имя матери Елена. Брат послушника Иакова. Родился в 1877 году. Принят в Руссик 28 июня 1905 года, пострижен в рясофор с именем Феоктист 10 апреля 1907 года, в мантию с именем Фома 4 апреля 1908 года, в схиму по случаю болезни 12 марта 1932 года. Послушание проходил на Крумице, в аптеке, зубным врачом и доктором. Преставился 14 августа 1951 года. В 1946 году писал письмо Собору Старцев о состоянии больницы обители (см. архив РПМА. Док. № 3721). В книге архимандрита Софрония (Сахарова) «Старец Силуан Афонский» (М., 1996. С. 219) читаем: «Отец Фома не получил в миру образования, но всю жизнь работая в больницах монастыря, приобрел

старца занял его место. В то же время он исполнял послушание письмоносеца и старшего в гостинице. Имея мягкий и общительный характер, и в то же время будучи сострадательным к нуждающимся, стараясь всех утешать и всем помогать, отец Серафим стал близким человеком как для монахов, так и для приходящих богомольцев. Особую радость отцу Серафиму доставляли посещения русских паломников. С радостью принимал он их в своей келье, угощал, старался одарить ладаном, книгами, иконами. Часто ездил с ними по обителям Афона, со многими потом поддерживал переписку.

28 июля 1940 года отца Серафима рукоположили в иеродиакона, а в 1959 году — в иеромонаха. В одном из изданий Афонского Патерика читаем о нем следующее: «Посвящаю эту книгу светлой и доброй памяти покойному иеросхимонаху Серафиму, скончавшемуся 18 / 31 марта 1982 года в Свято-Пантелеимоновском монастыре на Святой Горе». Священник Валерий Лукьянов так пишет об отце Серафиме: «Добрейший отец Серафим решил сопровождать нас в Дафну и в Карею. Все знают и уважают этого жизнерадостного иеромонаха, который, кстати, свободно владеет греческим языком. Весь его монашеский облик, радостный и одухотворенный, как бы сливается с афонским укладом жизни и даже его ландшафтом»⁴²³.

Отец Серафим, как заведующий аптекой, собрал много гомеопатических рецептов и изучал действие многих лечебных трав, растущих в лесах Афона. Он был всегда готов помогать страждущим братьям. Сам уже старый и немощный он часами сидел у изголовья больного брата, возводя к Господу молитвы за него. Братья шутили, что его любвеобильное сердце приносит больше пользы больным, чем травы, которые он им предлагал для лечения.

«25 октября 1972 года Патриарх Пимен, во время своего визита на Афон, наградил его наперсным крестом. 27 января 1982 года отца Серафима постригли в схиму. Но вскоре серьезное заболевание принудило отца Серафима удалиться на покой, который был непривычен и труден для деятельного старца. За месяц до кончины здоровье его резко ухудшилось и он вынужден был лечь в солунскую больницу, а через несколько дней, в среду 18 / 31 марта 1982 года, он мирно отошел ко Господу»⁴²⁴. Отец Серафим был погребен на монастырском кладбище..

солидный опыт и даже некоторые теоретические познания. Это был человек одаренный богатой врачебной интуицией и был очень полезен для монастыря, так как на Афоне нет настоящих больниц и врачей».

⁴²³ Серафим, иеромонах Святогорцы // ЖМП. 1982, № 7. С. 57.

⁴²⁴ Там же.

Схиархимандрит Гавриил (Легач)



Схиархимандрит Гавриил⁴²⁵ (в миру Георгий Васильевич Легач) родился в 1901 году в селе Копашнево Хустского уезда Марамарошской губернии, находящейся в Карпатской Руси, которая между Первой и Второй мировыми войнами принадлежала Чехословакии. Его мать звали Марией. «Родной дед научил его читать и писать. При хорошей памяти он за короткое время освоил то, что могло ему дать домашнее образование»⁴²⁶.

На Афон Георгий поехал вместе с группой молодых людей, желавших поступить в монашество. 4 июня 1924 года он был принят в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где 24 марта 1926 года был пострижен в рясофор с именем Гавриил, а 20 марта 1930 года в мантию с тем же именем. Первое послушание он проходил в кровельной мастерской.

Тогда многих монахов отправляли в Сербию для сбора пожертвований, и одним из посланников стал отец Гавриил. Он установил очень хорошие контакты с Сербской Православной Церковью и приобрел благосклонность отдельных ее представителей. Там же в Сербии 22 июля 1937 года святителем Николаем (Велимировичем) он был рукоположен в иеродиакона. А 24 января 1949 года уже в обители он был рукоположен в иеромонаха.

Вернувшись из Сербии в обитель он продолжал выполнять послушание кровельщика. «С удивлявшим братию бесстрашием он выполнял работы по ремонту и окраске кровель. Монастырское начальство посылало его и на другие послушания. Все, кто его знал,

⁴²⁵ Жизнеописание составлено по книгам: Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003; Якимчук И. Исторические связи Карпатской Руси со Святой Горой Афон; .

⁴²⁶ Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 342.

говорили о его особом трудолюбии. Если отец Гавриил не был в храме или на келейной молитве, то непременно был занят трудом. Он позволял себе лишь незначительный отдых ночью. Более чем за 50-летнюю жизнь в обители не было случая, чтобы он когда-либо с кем-то празднословил. Отец Гавриил любил храм. Ежедневно, утром и вечером, он приходил в храм на службу. И если не был служащим-чередным, то пел и читал на клиросе. Он отлично знал Устав церковных служб и, в частности, усложненный устав Пантелеимонова собора, где соединяются русская и греческая службы. Отец Гавриил свободно служил по-гречески, хорошо читал греческое Евангелие. Духовное руководство над ним имели старцы высокой духовной жизни. Отец Гавриил был иноком-молитвенником. Он всегда творил молитву Иисусову. В своей келье в ночное время почти не пользовался светом: молитвы келейного правила он прочитывал на память»⁴²⁷.



С 1965 года отец Гавриил был наместником, 9 апреля 1971 года был избран игуменом, 26 апреля был интронизован и 13 мая митрополитом Никодимом (Ротовым) был возведен в сан архимандрита.

«Новый игумен продолжил линию своего предшественника, видя спасение для монастыря исключительно в укреплении связи с Русской Церковью. В письме на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена от 9 сентября 1972 года схиархимандрит Гавриил писал: «...Наш монастырь находится в крайне затруднительном положении и особенно из-за неимения братства. С течением времени постепенно число братии уменьшается — старики вымирают, а пополнения нет. Такое положение и уже здесь живущих приводит в уныние и безнадежность.

Мы, зная любовь русского народа к Святому Афону, верим и надеемся, что Вашим Святейшеством и всей Русской Церковью будут приняты все возможные меры к тому, чтобы этот русский (почти последний на Афоне) уголок с его святынями оставался и продолжал свое существование для утешения каждого верующего русского человека...»⁴²⁸

4 июля 1975 года по причине болезненного состояния отец Гавриил оставил игуменский пост, но до смерти помогал советами и молитвой новому игумену Авелю (Македонову).

Преставился отец Гавриил 26 июня 1977 года.

Преставился отец Гавриил 26 июня 1977 года.

⁴²⁷ Кончина схиархимандрита Гавриила в Русском монастыре на Афоне // ЖМП. 1978, № 6. С. 28–29.

⁴²⁸ Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 118.

Схиеродиакон Димитрий (Цубера)



Схиеродиакон Димитрий (в миру Дмитрий Иванович Цубера) был выдающимся деятелем русского Афона. Родился он в 1905 году в селе Колодном, находящемся в тогдашней Марамарошской губернии (Чехословакия) Карпатской Руси (ныне Тячевский район Закарпатской области). В 1928 году юношей он отправился на Афон и был принят в Русский Пантелеимонов монастырь, где 16 марта 1929 года был пострижен в рясофор с именем Давид, а 22 марта 1930 года — с тем же именем в мантию. 14 сентября 1941 года митрополитом Иерофеем он был рукоположен в иеродиакона.

Первое послушание проходил в столярной мастерской, в 1934–1945 годах был экономом, в 1946–1956 годах — антипросопом, в 1956–1972 годах — вновь экономом, а с 20 сентября 1972 года — вновь антипросопом в Карее.

Отец Давид был душой монастыря. Оскудевший и людскими, и финансовыми

ресурсами монастырь предпринимал тогда крайние усилия, чтобы поддерживать самый элементарный уровень жизни. На протяжении полувека отец Давид почти в одиночку стоял на защите интересов монастыря. «Зная восемь различных языков и в совершенстве владея греческим, иеродиакон Давид в течение долгих лет был представителем Пантелеимонова монастыря в Священном Киноте Святой Горы и одновременно исполнял послушание эконома русской обители. Отец Давид обладал незаурядными административными и дипломатическими способностями, пользовался большим авторитетом во всех афонских монастырях. Все это позволяло ему

практически в одиночку с успехом отстаивать интересы монастыря, так что, несмотря на крайнее оскудение братии, голос Пантелеимонова монастыря был по-прежнему уважаем на Афоне. Притом что обитель не получала никакой помощи со стороны, отцу Давиду все же удавалось десятилетиями обеспечивать ее всем необходимым»⁴²⁹.

В июне 1962 года, во время празднеств 1000-летия Афона, Московской Патриархией за заслуги перед Церковью он был награжден медалью святого Владимира.

Начиная с 1974 года иеродиакон Давид стал регулярно приезжать в СССР (в 1974, 1976, 1979, 1982 годах), что способствовало укреплению связей русской афонской обители с Русской Православной Церковью. Он даже смог сделать почти невероятное: добился аудиенции у высоких чиновников советского правительства и смог заинтересовать их проблемами монастыря.

Достигнув глубокой старости, 2 января 1883 года отец Давид принял схиму с именем Димитрий.

Преставился схиеродиакон Димитрий 12 июня 1987 года, прожив в монастыре почти 60 лет.

Схиархимандрит Авель (Македонов)

Схиархимандрит Авель (в миру Николай Николаевич Македонов) родился 1 июня 1927 года в большой крестьянской семье в Рязанской области. Сам отец Авель вспоминает, что его «семья была очень трудолюбивая, православная, с традициями. Ходили на молебен и в Николо-Родовицкий монастырь, и в Иоанно-Богословский»⁴³⁰. Николаю, как и всем детям той поры, выпало тяжелое детство: голод, лишения, война. «В своих воспоминаниях не раз и не два отец Авель возвращался к ярким образам детства. За любовь к Церкви и богослужению, за молчаливость и уединенность в детстве его звали Коля-монах»⁴³¹. 16-летним юношей Николай потерял родителей и единственное утешение находил в церкви. Она стала его домом.

«Монашеский постриг отцу Авелю довелось принять от владыки Димитрия в Раненбурге, в храме на месте бывшей раненбургской Петропавловской пустыни»⁴³².

⁴²⁹ Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 345.

⁴³⁰ Архимандрит Авель. М., 2008. С. 35.

⁴³¹ Там же. С. 42.

⁴³² Там же. С. 45.



Было ему тогда всего 18 лет. Потом было рукоположение в иеродиакона (18 августа 1945 года) и иеромонаха (8 октября 1947 года) и служба в разных храмах Рязанской и Ярославской областях.

В 1970 году по рекомендации его друга детства и сомолитвенника архиепископа Никодима (Ротова) отец Авель направляется на Афон для пополнения рядов братства Русского Пантелеимонова монастыря. Поступил он в Руссик 22 февраля 1970 года. Послушание проходил в библиотеке, канцелярии, был ризничим Покровского собора.

13 марта 1971 года отец Авель был избран игуменом, а 23 марта того же года пострижен в схиму, но священный Кинот, из-за того что он мало прожил на Афоне, его поставления не утвердил⁴³³. Отец Авель смиренно принял решение Кинота

и согласился на выборы нового игумена, которым стал архимандрит Гавриил (Легач). Отец Авель продолжал выполнять свои прежние послушания. Особенно он старался упрочить связи с Русской Православной Церковью и приумножить число братии обители путем привлечения иночествующих из России. С этой целью в марте 1974 года он выехал в Россию на переговоры с Московской Патриархией, результатом чего стал очередной приток монахов в монастырь. В 1975 году он возвратился в обитель. К этому времени по старческой немощи игумен Гавриил попросил Собор Старцев освободить его от должности игумена, и 4 июля 1975 года состоялись новые выборы, и отец Авель во второй раз был избран игуменом монастыря. 1 октября 1978 года отец Авель поехал в СССР на похороны своего друга и соратника архиепископа Никодима (Ротова) и уже не смог возвратиться. Он становится почетным настоятелем кафедрального собора города Рязани и духовником Рязанской епархии.

16 мая 1989 года архимандрит Авель определением Священного Синода назначается заместником только что возвращенного Церкви Свято-Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии. За годы его управления в монастыре, до того

⁴³³ АРПМА. Док.: № 194, № 2727, № 3313, № 3728.

лежавшем в руинах, была возрождена иноческая жизнь, восстановлены прежние и построены новые храмы, собрано множество христианских святынь, привлекающих многочисленных паломников. К нему приезжало очень много людей практически со всех городов нашего Отечества, из Европы, Америки, братия со Святой Горы Афон — русские и греки, ищущие духовного окормления.

6 декабря 2006 года после непродолжительной, но тяжелой болезни на 80-м году жизни отец Авель почил о Господе в родной его сердцу Богословской обители. Свое «Послание в связи с кончиной архимандрита Авеля (Македонова)» приснопоминаемый Святейший Патриарх Алексий II заключил словами: «Мысленно даю последнее целование почившему служителю алтаря Господня в день его напутствия в путь всея земли и молюсь об упокоении его души в обителях небесных. Верю, что за свое преданное служение Церкви и Отечеству он услышит от Отца Небесного милостивое призывание: *«...рабе благій и вѣрный: о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость гóспода твоего»* (Мф. 25, 21)»⁴³⁴.

Иеромонах Анфим (Гощук)

Иеромонах Анфим (в миру Нестор Гощук) родился в Ташкенте 6 ноября 1964 года от благочестивых родителей — иерея Дмитрия и матушки Анны. После смерти матери отец Дмитрий принял монашество с именем Дорофей и был в Ташкенте духовником женских монастырей.

Нестор имел еще двух братьев, которые были летчиками. В летное училище поступал и сам Нестор, однако не прошел медицинскую комиссию. В семье царил атмосфера благочестия и безусловного послушания, которыми Нестор руководствовался во всей своей последующей жизни.

Примером послушания Нестора родителю может служить такой эпизод. После того как Нестор не прошел медицинскую комиссию в летном училище из-за врожденного заикания, безмерно любящая его бабушка, желавшая во что бы то ни стало, чтобы и ее третий, самый любимый внучек стал летчиком, предложила выпить ему отвар зелья, с помощью которого, как она была уверена, должен был навсегда устраниться дефект речи. Однако отец-священник не одобрил такого способа

⁴³⁴ Жизнь, посвященная Богу. Фотобуклет. Рязань, 2010.



лечения. И хотя он прямо и не запретил прибегнуть к такому средству, никакие увещания бабушки не смогли склонить Нестора пойти против воли родителя. После такой неудачи бабушка устроила настоящий погром в доме зятя-пресвитера. Однако Господь вскоре вознаграждал юного Нестора за его послушание: вместо летного он поступил в духовное училище — Московскую Духовную семинарию, куда вскоре поступил и его старший брат — летчик Иоанн, который впоследствии, после принятия священнического сана, был настоятелем одного из соборов города Углича.

1 июня 1987 года Нестор был пострижен в монашество с именем Анфим и через месяц рукоположен во диакона Троице-Сергиевой Лавры. Через год его перевели из Лавры во вновь открывшийся в Москве

Данилов монастырь, где 9 июля 1989 года отец Анфим был рукоположен во иеромонаха.

Имея горячее желание послужить Сыну Божию в земном уделе Его Пречистой Богоматери, иеромонах Анфим 18 июля 1990 года, по благословению Патриарха Пимена, прибыл на Святую Гору Афон, где по прошествии шести лет за свое благочестие и послушание был избран в соборные старцы монастыря и проходил самые ответственные послушания: архондаричного, регента, эконома, ризничего, антипротоса и эпистата в Священном Киноте Святой Горы Афон.

Отличительными чертами его характера, за которые он пользовался всеобщим уважением и любовью святогорской братии, были скромность и кротость.

Прожив семнадцать лет в монастыре и исполнив свой долг, отец Анфим *«скончался в мале»* в возрасте 44 лет. *«угóдна бо бѣ́ Гóсподеви душá егó»*, предочищенная богоугодной жизнью, потщася бо *«от среды лукавствія»* (Прем. 4, 13–14).

Многие из братьев, узнав о его неизлечимой болезни (опухоли головного мозга), молили Бога, чтобы им умереть вместо нужного обители собрата. Однако Господь судил иначе и призвал избранного от людей Своих как «благовонную жертву от обители земной во обители небесные», как выразился о кончине его архимандрит, игумен соседнего монастыря Ксенофонт.

Главным девизом земной жизни отца Анфима было послушание. «Перед духовником, — говорил он, — надо быть чистым как солнышко». Поэтому он старался ежедневно исповедоваться. Правилom его было, кроме исполнения обычного келейного канона, полагать от 300 до 500 земных поклонов, а иногда и больше.

К каждому послушанию, и важному, и незначительному, он относился одинаково ответственно, выполняя его так, словно чувствовал на себе взор Бога Живаго.

О внутренней жизни отца Анфима мы узнаем из его дневниковых записей, которые он вел по примеру святого праведного «всероссийскаго батюшки» Иоанна Кронштадтскаго, в городе которого он проходил военную службу и которого «весьма почитал», стараясь всячески подражать ему в трезвении и внимании к своей жизни.

Даже у самого преддверия смерти он старался оставаться «в строю», не допуская расслабления и не пропуская ни одной службы. Страдая и едва передвигаясь, он до самого последнего своего дня без опоздания приходил в церковь, преодолевая трудный для него высокий подъем, ведущий в Покровский собор, чем подавал великий пример братии.

Приведем некоторые выдержки из дневников отца Анфима⁴³⁵:

1. Надо молитву ставить на первое место, а потом все уже остальное, т. е. вначале настроиться на внутренний молитвенный ритм. И в этом ритме уже делать все дела, послушания.

(15 сентября 1991 года)

2. Много послушаний: ризница, гостиница, уставщик, ухаживать за старцем Иларионом. Да еще благословили сегодня водить паломников по монастырю. Решил, что это все вменяется мне в молитву.

3. Попалась очень трудная группа паломников, очень непостоянные и своенравные. Служат, где захочется, и требуют, чтобы ты их обслуживал. Вчера я приготовил облачение в Покровском соборе, а они отказались служить, сегодня убрал облачения, а они собрались служить.

Господь меня испытывает, настоящий ли я монах-послушник, испытывает мое смирение. Где наше совершенство? Можно таскать облачения в простоте, и спасешься.

(9 сентября 1991 года)

⁴³⁵ АРПМА. Док. № 486.

4. В храме совершаются службы Божии, и никак нельзя допускать, чтобы личные интриги были помехой. Напротив, надо прилагать все усилия, чтобы сглаживать все запинки и чтобы в храме все ектении, стихиры, тропари составляли настоящую молитву — обращение к Богу, Божией Матери, святым... Я решил вовсе не разговаривать на клиросе, т. к. от этого приходит нечувствие.

(9 ноября 1991 года)

5. Когда я начинал с братией много говорить, то терялось содержание нашего труда и смысл пения — пения ради молитвы, а не только ради пения!

(29 октября 1992 года)

6. Если вручили тебе послушание, то надо нести его с полной ответственностью. Ты отвечаешь за это пред Богом, братией и людьми.

(3 ноября 1991 года)

7. Самочиния в общежитии не должно быть, даже самого малого и, по-видимому, благого.

(11 января 1992 года)

8. Позавчера, в день своего мирского Ангела — мученика Нестора, решил начать жизнь по распорядку. Исполнил 500 поклонов и весь день был занят попечением о душевной пользе.

(29 октября 1992 года)

9. Мне кажется, Собор Старцев должен отличаться единодушием и послушанием игумену.

(5 апреля 1994 года)

10. Монастырь непременно будет терпеть убытки, как физические, так и духовные, при такой нехватке братии и с неравномерным распределением послушаний это естественно. Мои послушания: благочинный, регент, ризничный, лесник, экскурсовод, соборный старец.

(12 октября 1996 года)

11. Много скорби от ропотников, которые к тому же ничего не делают. Как хорошо было бы без них, если бы нас осталось даже пять человек... Из повседневных искушений мы познаем самих себя, в каком состоянии мы находимся.

(30 октября 1996 года)

12. Правильно преподобный Нил Афонский писал, что последние монахи займутся многопопечительностью вследствие оскудения веры и надежды на Промысел Божий.

(29 августа 1997 года)

13. Начало молитвы — познание себя, своей немощи и сознание нужды в Спасителе... Чтобы собраться воедино, нужна главным образом молитва. Осознать свое бессилие во всем, свое безумие и только молиться, молиться, молиться, вплоть до непрерывной молитвы. Тогда только начнешь чувствовать себя человеком.

(29 августа 1997 года)

14. Господь — жизнь наша. Стремление к Нему да будет главной заботой.

15. Чувствуешь: мертв ты к молитве, но ты только начни, и Господь даст молитву молящемуся.

16. Много есть средств к приобретению благодати, но не все угодны бывают по месту, времени и нашему духовному возрасту, но смирение с терпением и молитва умная всегда под рукой.

17. Всякое исправление другого надо начинать с исправления себя. Так повелевает нам Сам Господь, говоря: *«Лицемѣре, измѣ пѣрвѣ бервнѣ изъ очесѣ твоегѣ...»* (Мф. 7, 5). Один брат подворья жаловался на настоятеля, что, мол, у него нет любви. А вот если у самого брата спросить: любишь ли ты своего настоятеля и в чем свою любовь к нему выражаешь?.. Так вот, а ведь Господь заповедал нам любить даже своих врагов (Мф. 5, 44). Как же можем мы после этого еще рассуждать о любви?

(18 апреля 1998 года)

18. Надо научиться истинствовать как на людях, так и наедине с собою, как внешне, так и внутренне, в мыслях.

(18 апреля 1998 года)

19. По возможности хорошо умом всегда предстоять на Страшном Суде.

(27 апреля 1998 г.)

20. Келейное правило должно исполнять очень точно, как по количеству, так и по качеству (без рассеянности и лености), — это самый минимум, что ты должен исполнять. А подвиг любви к Богу есть непрестанное памятование о Нем, непрестанная молитва в течение дня. От небрежно исполненного правила только больше усиливаются уныние и нечувствие.

(13 июня 1998 года)

21. Скорби нас смиряют, а смиренным Господь дает Свою благодать. Кто не хочет терпеть скорбей, никогда не получит и милостей Божиих. Скорби разумеются всевозможные, как телесные, так и внутренние — духовные. Духовные дарования без скорбей — это прямой путь к прелести. По мере дарований Господь посылает и скорби... А я думаю уйти от скорбей и заняться молитвой. Опасная мысль! Скорбями молитва очищается или восполняется, поэтому и говорит Псалмопевец: *«Я ко во смиреніи нашемъ помяну ны Господь...»* (Пс. 135, 23). Радоваться подобает скорбям, яко предшественникам милостей Господних.

(3 ноября 1998 года)

22. Главная наша забота должна быть о том, чтобы Господь жил в нашем сердце, тогда и все остальное будет делаться с Его помощью и как Ему угодно.

(3 ноября 1998 года)

23. Как хорошо иметь старца в своем монастыре (в лице игумена или духовника). Тогда в тебе никогда не будет раздвоения. Тогда для тебя монастырь, ты сам, игумен и... Господь становятся нераздельными.

24. Истинное послушание — не только в слове, но и в духе, чтобы исполнять не только то, что тебе сказано, как робот, но и то, что не сказано, но старец хотел бы, чтобы ты так поступил. Надо чувствовать дух сказанного.

(3 ноября 1998 года)

25. Если буду освобожден от должности начальствующего, буду вынужден терпеть другой крест — терпение унижений, презрений и т. п., и все это по заслугам, за то, что отказался от креста своего по гордости, лености, малодушию, а если не вынесу и этого креста, тогда погибель.

26. Думаю, что послушание — это корень монашества. Нет послушания, нет монашества.

(17 декабря 1999 года)

27. Сегодня хорошо помолился на службе Великого канона в четверг пятой седмицы. Поспал с утра часок и больше не отдыхал... Очень не хотелось творить по три метания на каждый запев канона (хотелось больше внимать словам, а не метаться). Но на службе стал делать поклоны равно с Иисусовой молитвой, слышал и канон. Прошел семь четок по 300.

(2003 год)

28. Сильно бороли всякие нечистые помыслы и уныние, но после 300 поклонов с помощью Божией человек становится вовсе другой.

29. Чтобы быть внимательным ко всем окружающим, надо ночью за всех молиться поименно, по поклончику.

30. Все от Бога! Господи, все у Тебя, дай, что мне полезно.

31. Слава Богу за неудачи, за мое несовершенство во всем. Сознание сего сильно смиряет душу, собирает ум. Удачи же, напротив, его будоражат, возбуждают к большей активности, но не к молитве. Впрочем, если во время второго будем помнить о первом, а во время первого — о втором, сможем и то и другое переносить с душевной пользой.

32. Лучше всего плакать о своем достоинстве.

Преставился отец Анфим 13 февраля 2008 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ
СТАРЦЕВ И ПОДВИЖНИКОВ
СВЯТО-АНДРЕЕВСКОГО СКИТА
НА АФОНЕ**

Иеросхимонах Виссарион (Толмачев) и схимонах Варсонофий (Вавилов)⁴³⁶

Основателем и первым ктиторм нового русского Свято-Андреевского общежительного скита на Святой Горе Афон был иеросхимонах Виссарион, в миру — Василий Толмачев. Он был сыном благочестивых родителей Максима и Мавры Толмачевых. Родился в 1808 году. Отец его принадлежал к московскому купечеству из древней фамилии Толмачевых. У Василия было два брата, Иоанн и Александр. Детство свое он провел в родительском доме, был весьма прилежен в учении, тих и скромн, почитал и утешал их.

Помогая родителям в торговле, Василий Толмачев находил время для чтения Священного Писания и других душеспасительных книг. Любил ходить в святой храм Господень, часто посещал его, прислуживая священнослужителям алтаря. При таком духовном настроении юный Василий искал себе утешения не в увеселениях, свойственных его возрасту и званию, а в частых беседах с духовными лицами, преимущественно же с проживавшим в то время в Москве настоятелем Свято-Никольского подворья афонского Иверского монастыря архимандритом Кириллом. Рассказы этого опытного в духовной жизни старца — подвижника Святой Афонской Горы — Василий Толмачев слагал и хранил, как неоценимое сокровище, в боголюбивом своем сердце. Наконец после многих раздумий, многих самоиспытаний и молитв богомудрый и смиренный юноша Василий в возрасте 17 лет решился оставить мир. Не прельщали его ни богатства отца, ни любовь родителей, ни суета столицы. Сердце его горячо любило Господа, и он во имя Его всем пренебрег, следуя евангельским словам: *«И́ же лю́битъ отца́ или́ ма́терь па́че мене́, нѣсть мене́ досто́инъ...»* (Мф. 10, 37).

Он тайно от отца и матери решился навсегда оставить родительский любвеобильный кров и о своем решении поведал только своему другу Василию Вавилову, которого он сердечно любил. Вавилов был старше Толмачева на одиннадцать лет, ему было уже 28, но, несмотря на это, друзья всегда делились и мыслями и чувствами, душа одного была открыта другому. Они были так единомышленны и единокорны, что когда юный Толмачев решился оставить мир, оставил его и Вавилов.

⁴³⁶ Жизнеописание составлено по книге: Наставления и утешения святой веры христианской. Одесса, 1887, № 1–2. С. 740.



Последний был родом из города Дмитриева Орловской губернии и принадлежал к тульскому купечеству. Он, как и Толмачев, происходил от благочестивых родителей и принадлежал к богатому семейству. Отец Вавилова торговал хорошо и так же имел достаток во всем, как и отец Толмачева. Однако ничто не прельщало друзей, и они, желая испытать свои силы, по обоюдному согласию местом для своих первоначальных монашеских подвигов избрали известную в то время по своей строгости и благочестию общежительную пустынную Белобережскую обитель, находящуюся в Орловской губернии Брянского уезда и состоявшую тогда под управлением мудрого и опытного в духовной жизни старца-строителя иеромонаха Моисея, известного всем своей строгой жизнью. Помолившись, они навсегда простились с родным своим

домом и отправились в путь. Белокаменную Москву они оставили без сожаления.

Путь из Москвы в Орловскую губернию друзья совершили благополучно. Придя в обитель, они назвались странниками, явились к настоятелю за благословением, не открывая ему ни своих имен, ни происхождения, и были встречены им со свойственной ему любовью и добродушием. Он предвидел в них будущих великих подвижников Церкви Русской, а потому, узнав об их искреннем намерении не возвращаться больше в мир, согласился, даже не зная, кто они, на их поступление в число временно трудящихся при обители. При этом он обоих поручил духовному руководству опытного в жизни духовной старца иеросхимонаха Серапиона, бывшего впоследствии настоятелем Одринской пустыни. Тот полюбил обоих пришельцев, как и они полюбили старца. Отношения между ними установились самые искренние, самые близкие. Новоначальные желали спасаться, а старец был мудр и опытен. Они всецело открывали свои души старцу-отцу, а он, как мудрый руководитель, назидал их духом кротости и терпения, вразумлял и научал.

Какую борьбу новоначальные вели сами с собой, это может быть понятно только тому, кто сам проходил этот искуc. От новоначального требуются скромность и смирение,

послушание и повиновение, стяжание духа целомудрия, а для достижения всех этих иноческих добродетелей необходимо большое внимание к самому себе и безусловное доверие к своему старцу. Требуется также и пост, постоянный труд и неленостная молитва, совершенное отчуждение от всего греховного и мирского.

Юные подвижники, одаренные духом разума, сознавали все это, и поэтому без благословения своего старца ничего не делали и ничего от него не скрывали, во всем ему подчинялись, сознавая вполне, что такая борьба со своей собственной волей сплетает монаху славный венец мученичества, мученичества без крови, мученичества добровольного, как бы мечом обоюдоострым отсекающего ежеминутно злую волю его.

Оба Василия, одноименные духовные братья, часто занимались чтением Священного Писания и вели беседы с опытными старцами, в числе которых был и афонский схимонах Симеон, проживавший в Белобережской обители. Все это подкрепляло их немощи и более и более развивало в них великую добродетель и разум.

Долгое время скрывая, кто они, наконец Василии чистосердечно открыли тайну своему любвеобильному и мудрому старцу. Тогда и родителям пришлось узнать об их пребывании в брянском Белобережском монастыре. После нескольких месяцев испытаний иеросхимонах старец Серапион сообщил настоятелю об их душевных качествах, и тот не замедлил облечь их в одеяние новоначальных. Василия Толмачева, как более сильного и крепкого сложением, определил на монастырскую кухню, а Василия Вавилова, как более слабого здоровьем, — в братскую трапезную. Послушания эти они исполняли с усердием, были смиренны и послушливы.

Когда до слуха настоятеля обители дошло, что они оба опытны в церковном чтении и пении, то он заменил первые послушания клиросным. Белобережская обитель посещалась в то время множеством богомольцев из разных мест России, в частности из Москвы, и молва о юных подвижниках дошла до жителей столицы, а также до Тулы и Орла. Стали приезжать к подвижникам их родственники, стали их смущать, соблазнять благами мира, предлагать оставить обитель. Привозимая им вещественная помощь в виде денег, разнородных гостинцев и предметов роскоши стала ослаблять их дух. Словом, враг, не спящий и даже никогда не дремлющий, стал наносить им немало внутренних скорбей. Они боролись с ними, но немощь человеческая дала себя чувствовать, и подвижников наших спасало лишь только их полнейшее доверие к старцу Серапиону. Ему было известно все. Они, как покорные отцу дети, ежедневно сообщали ему о внутреннем состоянии своем, исповедовали ему и друг другу все прегрешения свои и, по словам Писания, назидаясь друг от друга, были тверды и разумны.

Сознавая опасность, которая их окружала тогда, они стали настойчиво стремиться на Святую Гору Афон, где Матерь Божия обещала навсегда инокам свою защиту, где помощью Ее сохранилось еще подвижничество во всей силе слова, где между тысячами иноков есть такие, которые в своей жизни подражают великим отцам египетским, где и отцов афонских великое собрание поможет им достигнуть той высоты, к которой стремились их юные любвеобильные сердца. Желание свое они сообщили старцу Серапиону, а он передал об этом настоятелю Белобережской пустыни. После долгих и многих совещаний опытные и внимательные старцы, хотя со скорбью для себя, дали им благословение свое оставить навсегда Белобережскую пустынь. Они сознавали тот вред, который приносили юным подвижникам частые свидания с родными, и, усматривая в них достаточно сил духа и разума духовного, чтобы со временем достигнуть совершенства духовного, даже посоветовали им поспешить исполнить желаемое — водвориться на Святой Горе Афон.

В Белобережской обители они прожили около четырех лет и за свои добрые качества покрыты были рясофором. Повинуясь воле Божьей, выраженной устами старцев, получив от них назидание и напутственное благословение, подвижники отправились на родину, простились навсегда с родителями своими, с друзьями и родными, выправили себе нужные документы, взяли с собой денег по пятьсот рублей ассигнациями и, напутствованные всеобщими молитвами и благословениями, отправились через Одессу в Константинополь.

На пути они остановились в Киеве, посетили Киево-Печерскую Лавру, почтили должным поклонением святыни киевские и святых угодников, почивающих в пещерах. В Константинополе они остановились на одном из афонских подворий, осмотрели город и все его достопримечательности. Затем отправились на Афон. Это было в 1829 году. Так, они простились навсегда с Отечеством своим, Россией, которое оставили ради одного только спасения души. Греческое судно, на котором они отправились из Константинополя, благополучно причалило к пристани Святой Горы Афон, именуемой Климентова, а именно к пристани монастыря Иверского, куда Василий Толмачев уже давно стремился.

Достигнув Святой Горы, возжелавшие спасения юноши не могли нарадоваться, что Господь сподобил их увидеть эту обетованную Гору, эту Великую Гору, которую Он отдал Пречистой Деве как наследие избранное. Сойдя с причала 3 июня 1829 года, они поспешили разыскать давно знакомого им архимандрита Свято-Никольского монастыря Кирилла, при радостной встрече с которым по обычаю афонскому сотворили ему метание, то есть поклон.

И снова возобновилась радость, давно прошедшая, снова возобновились для Василия Толмачева отрадные беседы с архимандритом Кириллом, который принял

подвижников со свойственной ему любовью, не отказывая им никогда ни в добром назидательном слове, ни в помощи вещественной. Монастырь Иверский, братски приветствовавший их, для их безмолвного жития уступил им келлию святого Николая Чудотворца, находящуюся на горной северо-восточной стороне Афона. Там по благословению старцев они поселились вдвоем и под руководством их положили начало совершенному безмолвному житию и молитвенному подвигу. Вскоре к ним присоединился еще один боголюбивый старец по имени Иоасаф, прежде подвизавшийся в Переяславском монастыре Полтавской губернии, где был духовником братства. Этот Иоасаф, уроженец города Дмитриева Орловской губернии, был постриженником нямецкого Молдаво-Валашского монастыря и прошел искус духовной жизни под руководством учеников великого старца Паисия Величковского. Юные подвижники с радостью приняли к себе этого старца, и они, все трое, живя в уединении, постоянно занимались чтением Слова Божия, которое, по слову Апостола Павла: *«Живо бо слово Божие и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго мечá обоюду острá, и проходящее даже до раздѣленія души же и дýха, членовъ же и мозговъ, и судительно помышлениемъ и мýслемъ сердечнымъ»* (Евр. 4, 12). Там, в уединении, они стали готовить себя всецело к принятию великого ангельского образа, то есть схимы, занялись разнородными посильными трудами: возделывали виноградники, огороды, занимались виноделием, устроили красильню для окрашивания монашеского сукна, приобретая этими трудами средства к пропитанию не только для себя, но и многих немощных братьев своих — старцев Святой Горы Афон. Они, по словам св. Апостола Павла, днем трудились, а ночь проводжали в молитве и псалмопении.

Василий Толмачев был характера простого и откровенного, нрава веселого, скорый на труды и находчивый в ответах на вопросы. А Василий Вавилов был довольно учен, отличался любовью к труду, имел дар слова и рассуждения, который был основан на глубоком знании Священного Писания.

Из келлии святого Николая Чудотворца подвижники, все трое, перешли на жительство в келлию того же Иверского монастыря, именуемую келлией Преображенской. Но только семь лет пришлось им жить здесь втроем. По воле Божьей и начальства старец их и духовник был вызван в Россию на прежнее свое место духовника. Тогда по совету опытных подвижников, по слухам и многим испытаниям они нашли себе в глубокой и непроходимой пустыне старца именем Харалампий, славившегося святостью своей жизни. Он был родом болгарин. 72 года подвизался в пустыне Лак, диком ущелье, принадлежащем обители святого Павла. Этот великий старец Святой Горы Афон стяжал высокую степень совершенства: он имел дар прозорливости, а также и власть над духами злобы. Молодые подвижники уговорили его не оставлять их на тернистом пути иноческой жизни, и он, усматривая в них великие

добродетели, стал, несмотря на свою глубокую старость, часто приходить к ним и направлять их духовные подвиги.

Ведя под духовным его руководством строгую аскетическую жизнь, они оба решили принять святую схиму. Харалампий был приемным отцом Василия Толмачева, который был назван Виссарионом. Василий Вавилов принял пострижение в святую схиму с именем Варсонофий от руки духовника иеросхимонаха Арсения, а приемным отцом его был старец Исидор, родом из города Дмитриева Орловской губернии. Схимонах Арсений часто беседовал с ними, так как он был старец весьма искусный и нес подвиги великие. Все они были связаны духовным родством и проводили жизнь поистине равноангельскую. Виссарион и Варсонофий были искусны в чтении и пении церковных служб, были счастливы, и оба за смирение свое удостоены великих даров от милостивого Бога, принявшего от них труд и пламенные молитвы.

В келлии Преображения они оставались недолго. По совету духовника старца Арсения они перешли в третью свою по счету келлию, более удобную и обширную, под названием Троицкой, которая находилась в пределах монастыря Ставроникиты.

Между тем к подвижникам присоединилось еще два собрата. Один из них был белгородский купеческий сын, а другой — из ростовских обывателей. Первый принял у них пострижение, а другой много помог им как своим собственным достоянием, так равно и приглашением к тому же своих соотечественников. Все пятеро жили вместе. Вскоре по водворении их в келлию в пределах монастыря Ставроникиты духовник их старец Арсений был от них вызван для служения малороссийскому Ильинскому скиту, основанному Паисием Величковским. Здесь он был поставлен игуменом.

Арсений был старцем очень высокой жизни. При светлом разумении он стяжал дух прозорливости и имел особый дар обращать неверующих к чистосердечному верованию. Но, сознавая свое бессилие водворить в стенах Ильинской обители надлежащий мир и спокойствие после случившегося между братством разногласия, пригласил Виссариона и Варсонофия в сотрудники к себе для благоустройства обители. Любя и уважая своего духовника, они не могли ему отказать, разделяли с любовью все его труды, содействовали ему во всем, но, однако, уединенной своей Троицкой келлии они совсем не оставляли, удаляясь в нее в свободное от трудов время.

Труды настоятеля Ильинского скита усилиями белобережских старцев были значительно облегчены, но возникшие среди братства его, состоящего из малороссов и великороссов, разногласия и неудовольствия не прекращались. Тогда у Виссариона и Варсонофия по совету и благословию старца Арсения явилась мысль устроить на Святой Горе Афон особый монастырь, исключительно для великороссов, оставив Ильинский скит для одних малороссов. Соболезнуя своим соотечественникам,



Вид первоначальной келлии нынешнего Андреевского скита. Фото 60-х годов XIX века

не имевшим в то время никакого пристанища на Святой Горе, Виссарион и Варсонофий готовы были на всякую жертву для устройства их. Тогда великие старцы и подвижники Святой Горы, в том числе и архимандрит Иверского монастыря Кирилл, избрали на это великое дело старцев Виссариона и Варсонофия. Они стали просить и убеждать их собрать воедино всех своих соотечественников и управлять ими отдельно. Однако отцы Виссарион и Варсонофий этого не хотели, но архимандрит Кирилл и духовник их Арсений убедили их принять это новое послушание, возлагаемое на них Богом. Они подчинились воле Божьей, молитвенно просили пред Богом о помощи свыше, о вразумлении при устройстве этой новой обители, которой предстояло быть на Святой Горе началом духовной жизни собственно для великороссиян.

Теперь главной заботой подвижников стал поиск свободной келлии, которая впоследствии могла бы быть обращена в особый русский скит. Обрести такую келлию можно было, только купив ее. Они везде искали такую келлию сами, посылали и других искать. Но нигде не находили. Монастырь Ксенофонт предлагал им купить свою келлию, Ивер предлагал купить келлию на Могуле*, Лавра святого Афанасия — келлию на Марофане* и на Провате*, Ватопед — келлию под названием «Гифтатика»

с большим при ней участком земли, монастырь же Каракала предлагал келлию Честного Креста.

Старцы думали, молились и сами осматривали все эти места, сообразуясь с будущим, имея в виду не только свое довольство, но и довольство будущих насельников обители — русских собратий, желающих спастись на Святой Горе Афонской. Как мудрые старцы, они заботились и о выборе климата, и об изобилии воды, и о чистоте воздуха, и многом другом, дабы будущие подвижники были всем довольны и не роптали на своих старцев, основателей скита. Опытные в жизни, они были осторожны и действовали без спешки.

Часто проходили они мимо великой келлии, называемой Серай. Это был красивый дворец, покоивший Вселенских Патриархов. Серай находился на расстоянии одной версты от Кареи. Эта келлия была как бы Лаврой всех афонских келлий. Она очень сильно отличалась от других мест по величию и красоте местности, чистоте воздуха и величине своей. Основана она была в XVII веке именно в виде келлии Константинопольским Патриархом Афанасием, умершим в России, на обратном пути из Москвы на Афон, 5 апреля 1654 года в лубенском Преображенском монастыре, который находился около уездного города Лубны Полтавской губернии. Святые мощи его находились именно в этом монастыре. Вследствие смерти святого Афанасия келлия Серай осталась незаконченной. Прошло более ста лет, пока другой Вселенский Патриарх, Серафим, прибывший на Афон, чтобы пребывать на покое, избрал себе для жительства ту же самую келлию Серай. Он обустроил ее на средства расположенных к нему лиц, заложил в виде башни храм и дом в одной связи с ней. Постройки эти были сооружены в византийском стиле. В храме помещались две церкви: одна — в честь Покрова Пресвятой Богородицы, а другая — во имя святого апостола Андрея Первозванного.

Но только два года пришлось Святейшему Патриарху Серафиму наслаждаться тишиной Святой Горы. По случаю войны Турции с Россией Патриарх был вынужден покинуть свой любимый приют. Он надеялся возвратиться на Святую Гору, но вместо этого изволением Божиим скончался на чужбине в том же лубенском Преображенском монастыре, где умер и его предшественник, святейший патриарх Афанасий Пателарий.

Ученик и преемник келлии Патриарха Серафима любимый его архидиакон после смерти патриарха перешел в обитель Ватопед, и с тех пор келлия Серай стала собственностью этого монастыря. Смуты греческого восстания привели в упадок все афонские обители, в том числе и роскошные постройки келлии Серай. Между тем само провидение готовило это место для великих целей. Попустив упадок построек Серая, оно приготавливало эту келлию для русских подвижников,

которым не могла она не быть дорога, так как в России покоились мощи ее святых строителей.

Старцы Виссарион и Варсонофий, по смирению своему не решавшиеся вначале даже пойти осмотреть эту келлию, по особому указанию Божьему приобрели ее, и в 1841 году она была уже собственностью старцев. Дело было так: однажды утром, помолившись Господу Богу, отец Виссарион послал сотрудника своего Варсонофия в Ксенофонт для окончательного решения вопроса о покупке келлии. Когда, дойдя до серайского креста, водруженного на пути в Карею, он взглянул на великую келлию Серай, то один юродивый, полуголый словун по имени Яни, сидевший на лавочке у креста, быстро вскочил с места, поспешно подошел к Варсонофию, схватил его за плечи и за руки, быстро повернул его по направлению к Сераю и, указывая ему на него, нечистым русским языком сказал: «Вот вам Серай, скит руссов и московов», после чего, с шумом заграждая путь в Ксенофонт, повторял те же слова и другим проходящим. Старец Варсонофий в смущении остановился и долго стоял на этом месте, недоумевая, что ему делать. Благоразумный старец решил повиноваться этому указанию, преградившему ему путь в Ксенофонт, и направился в Карею, место правления всего Афона. Там он прежде всего обратился за решением вопроса о Серае к старцу Исае, имеющему торговую лавку в Карее. От него он узнал, что старцы монастыря Ватопед призывали в монастырь старшего Серапиона и решительно приказали ему немедленно продать Серай, огорчившись предложением, сделанным им на соборе, об уничтожении верхнего этажа келлии с древней церковью во имя святого апостола Андрея Первозванного, которая с того времени переименована греками во имя святого Антония Великого. К тому же у них не было и средств к поддержанию и возобновлению серайских строений. Выслушав этот рассказ, Варсонофий поспешно возвратился домой и передал все бывшее своему брату отцу Виссариону. Возрадовались они оба просиявшей надежде приобрести Серай и, помолившись усердно Господу Богу, на другой день рано утром отправились в монастырь Ватопед, взяв с собой в качестве драгомана отца Илариона, занимавшегося деланием монастырских шапок в Карее. Прибыв туда, они все трое явились в собор, где заявили о своем желании купить продающуюся келлию Серай. Соборные старцы осмотрели пришедших с ног до головы и с любопытством и недоверием сказали: «Папа Виссарион! Мы иначе не можем продать келлию, как только с тем условием, чтобы не снимать верхнего этажа». В ответ Виссарион сказал: «А я иначе не согласен купить, как только с тем, чтобы его возобновить совершенно». Удивленный его ответом собор обратил тогда на него особое внимание, и старцы сказали ему: «Приходите за ответом завтра, а мы об этом сегодня подумаем». Вечером отец Виссарион посетил многих из уважаемых ватопедских старцев, просил их согласия на продажу Серая, а на другой день старцы, собравшись утром, сказали: «Папа Виссарион, иди к старшему сераиоту

и договорись с ним относительно цены». Виссарион не замедлил явиться к сераиоту, и оба старца окончили дело относительно цены. С общего согласия Серай был уже окончательно предназначен к продаже Виссариону, и в 1841 году состоялся акт продажи Серай русским белобережским подвижникам. Акты и омологии были составлены на имя трех владельцев: первым был геронда и настоятель Виссарион, вторым — иеросхимонах Варсонофий, а для записи третьего оставили пробел. Итак, несмотря на скудность средств, совершилось устроением и помощью Божьей дивное дело! Серай, эта великая, знаменитая на Афоне келлия, стал достоянием всех русских в лице смиренных старцев — москвичей, этих бессребреников и тружеников. Предсказание юродивого словуна Яни свершилось, и келлия, основанная и обновленная двумя великими Патриархами Вселенскими, волей Божьей скончавшимися в России, обратилась в тихое молитвенное пристанище для русских. Таков Промысел Божий!

Приобретение Серай для русских подвижников на Афоне назидательно и утешительно для внимательного и верующего человека. Подписав акты о покупке, старцы приступили к продаже своей келлии и, продав ее, перешли в Серайскую келлию с твердым намерением возобновить ее. Но у них была еще одна великая забота: они не знали, из каких средств смогут уплатить деньги Ватопеду! Но недолго оставались они в таком затруднительном положении; милосердный Господь вскоре помог им: отец Виссарион из рук родного брата своего благочестивого Ивана Максимовича Толмачева получил нужную для уплаты за келлию сумму. Таким образом, местность, избранная и освященная покоящимися в России Вселенскими Патриархами, всегда получавшими помощь от великих царей русских, перешла от греков в собственность русских.

Господь, всегда скорый на помощь рабам Своим, в затруднительное для старцев время послал отцу Виссариону, настоятелю Серайской келлии, еще одного весьма состоятельного гостя. Когда старцы нуждались в средствах, прибыл на Афон в качестве поклонника один старец по имени Филипп, родом из Ростова-на-Дону. Этот благочестивый поклонник, движимый ревностью и любовью к новым строителям богоугодного братства, помог им как собственными капиталами, так равно и жертвованиями своих сограждан.

Нельзя при этом не упомянуть и о другом поклоннике по имени Илия, который несколько ранее прибыл на Афон из Белгорода и также много помог строителям как своими трудами, так равно и жертвованиями. Возобновление великой келлии шло успешно. Виссарион был избран братством в настоятели келлии, и с тех пор подвиги его все более и более умножались, имя и ревность его стали известными по всей Горе.

В возобновляемой обители до 1842 года братии было только пять человек. В том же году в число братства были приняты старцами еще два человека торгового сословия из города Сызрани Симбирской губернии — почтенный старец Прокопий и юный,

19-летний приемный сын его Федор Крестовников. Они не столько материально, сколько трудами своими содействовали к возобновлению зданий Серая. Оставшись навсегда под руководством старца Виссариона, они оба вскоре от руки его получили пострижение, старец Прокопий — с именем Пимен, а юный Федор — Феодорита.

После вступления в число братии последних начали присоединяться к строителям серайским и многие другие русские братья. После возобновления и устройства келлии дела старцев приняли такой быстрый и неожиданный к лучшему оборот, что в скором времени на Афоне в одном нераздельном уединенном ските собралась многочисленная русская семья, а старцы белобережские заслужили от всех одобрение, уважение и почести, имена их стали известны на Востоке и в России. Все притекали к ним, как к подвижникам благочестия и труженикам великим, все стремились к ним за советом и утешением. Воспитанные с ранних лет в правилах монашеской жизни в России, а потом на Афоне, под руководством опытных и мудрых старцев-аскетов, они приобрели те духовные добродетели, которые делают инока достойным руководить другими.

Старец Виссарион совершал великие тайные подвиги в келье своей. Он читал Псалтырь и духовные поучения всегда стоя. На книгах «Добротолюбия» и Исаака Сирина им были сделаны сотни бумажных наклеек со своими заметками об иноческой жизни. Он неустанно изучал писания святых отцов и следовал им. Не раз удостоивался благодатных явлений, был прозорлив, но запрещал своим ученикам кому-либо рассказывать о том во время его жизни, связав этим запрещением даже ближайшего к себе после Варсонофия собрата, вышеупомянутого монаха Феодорита, которого он избрал третьим хозяином Серая. Только после его смерти в назидание другим они были благословлены не скрывать сказаний о благодатных явлениях, дарованных ему.

Старец Варсонофий в особенности любил чтение и церковное богослужение, был довольно образован, очень кроток и смирен, очень усерден в молитве, имел дар слова, утешал братию своими рассуждениями и тем много помогал им в духовных подвигах. Таковы были старцы белобережские, сохранившие это название на Афоне до приобретения Серайской келлии, а потом переименованные в сераитов.

Все афонцы, особенно греки, любили отца Виссариона за простоту, доброту, общительный и откровенный характер. Он этим привлекал к себе внимание всех. Его простота соединялась с мудростью, а его беседы всегда приносили всем большую пользу. Он знал, как, с кем и о чем говорить, что кому нужно сказать.

До умножения братии старцы много трудились сами: сами копали виноградники, возделывали огороды, сами поочередно служили Божественную Литургию, вычитывали правило, пели, к чему имели большое дарование. Они сами были строгими постниками, но для друзей и знакомых, для бедных у них всегда была готова

трапеза и угощение в гостинице, называемой «Архондарик». Не будучи никогда богатыми, они прослыли таковыми по всему Афону за свою щедрость. Отказывая себе во всем, они отдавали другим все, что присылали им их московские, тульские и орловские родные.

Ближайшим сотрудником их по устройству Серайской келлии был вышеупомянутый схимонах Пимен, который, хорошо понимая каменную кладку, сам лично трудился при постройке и ремонте зданий. Когда Серайская келлия была устроена, то один за другим русские люди стали поступать в нее. Наконец, владельцы келлии стали думать и заботиться о том, чтобы переименовать новую обитель в скит. Они пожелали упрочить и возвести келлию в степень самостоятельного скита, много об этом рассуждали, многих о том просили, старались узнать, каким путем начать это дело. Старец Виссарион неусыпно о том думал и молился. Молилась о том и вся собранная ими братия.

Наконец, сам Господь указал им путь. Родной брат отца Виссариона Иван Максимович Толмачев при посредстве московского синодального ризничного получил в 1849 году возможность просить известного своим благочестием и связями в Петербурге Андрея Николаевича Муравьева, отправлявшегося в то время на Афон в качестве путешественника, заехать в Серай. Боголюбивый Андрей Николаевич исполнил просьбу. Прибыв в Серай, он познакомился с обителью и старцами ее и дал им слово ходатайствовать за них пред кем следует. Его ходатайство увенчалось полным успехом.

В 1849 году Серайская келлия, называвшаяся до того времени лаврой-кельей, утверждена была Ватопедом с согласия карейского Протата самостоятельным скитом. Боголюбивый Андрей Николаевич Муравьев своим мудрым содействием и добрым участием оставил после себя вечную благодарную память братства Серайской обители. С этого времени она уже была переименована в Свято-Андреевский афонский русский общежительный скит. Торжественное его открытие последовало 22 октября 1849 года. Митрополит Адрианопольский Григорий с двумя архимандритами и тремя протоигуменами при значительном стечении монашествующих из разных монастырей пространного Афона во время Литургии поставил отца Виссариона в игумена, вручив ему вместе с посохом икону Богоматери «Утешение в скорбех и печалех» на благословение обители. Эта икона хранилась в келье отца Виссариона до смерти его. В день открытия скита звон колоколов не умолкал, радость была всеобщая. В ознаменование несказанной радости в братской трапезной три дня не прекращалось угощение приходящих. А чтобы выразить свою благодарность всем представителям многочисленных афонских обителей, старцы Виссарион и Варсонофий с собратом своим Феодоритом приготовили в Карее и в самом Протате богатую трапезу.

Новый игумен после этого празднества поехал в Константинополь для засвидетельствования нового устава, условий и других актов у Вселенского Патриарха, архиепископа Святой Горы.

Там ему был оказан самый благоприятный и благосклонный прием. Патриарх Анфим выдал старцу от лица Святейшего Синода хрисовул, или грамоту, со своей подписью и печатью в вечное и нерушимое утверждение этого нового русского скита. Брат во Христе и сотрудник игумена Виссариона Варсонофий был назначен казначеем скита, третий из товарищей, отец Феодорит — блюстителем благочиния, а отец Нифонт — духовником.

Все они трудились усердно, но старец Варсонофий, всегда слабый здоровьем, после открытия скита стал постоянно болеть и, вскоре после того, как отец Виссарион возвратился из Константинополя от Вселенского Патриарха, скончался. Когда Виссарион, возвратившись, рассказал Варсонофию о благосклонном приеме Патриархом, то Варсонофий, рассматривая документы, перекрестился, поцеловал печать и благодарил Бога. Через три дня после этого он отошел ко Господу, пред самой смертью сказав со слезами: «Благодарю Господа Бога нашего, что Он привел нас сюда и при скудных средствах и при усиленных трудах и заботах помог нам приобрести приют своим соотечественникам и единокровным братьям русским!» Это было 14 марта 1850 года.

Тяжело болел отец Варсонофий не более месяца. В это время он очень часто общался Святых Таин, наконец просил совершить над ним таинство елеосвящения, после которого мирно предал дух свой в руки Господа в присутствии других братьев и старца Виссариона.

Любовь братии подкрепляла отца Виссариона на трудном пути начальства, а помощником после смерти своего друга и собрата он избрал иеромонаха Феодорита, которого впоследствии назначил и наместником своим. Уже в 1852 году на отца Феодорита было возложено важное дело: с высочайшего соизволения он был отправлен в Россию для сбора пожертвований для скита. В эту поездку



отец Феодорит по молитвам скитских старцев успел познакомиться со многими именитыми русскими боярами. Граф Шереметьев, Татьяна Борисовна Потемкина, семейство баронессы Розен и многие другие присоединили свои усилия к усердию боголюбивого Андрея Николаевича Муравьева. Все они вместе и каждый порознь старались помочь отцу Феодориту. Три года провел он в то время в России, высылая своему старцу и игумену нужные для сооружения обители средства. На эти средства отец Виссарион смог воздвигнуть храм во имя святителя Петра, митрополита Московского, мощи которого почивают в Москве в Успенском соборе. С того времени стараниями и заботами отца Феодорита обитель все более и более процветала. Братство быстро умножалось, средства прибавлялись. Воздвигались новые здания, украшались новые сады, и всему этому был свидетелем белобережский старец, отец игумен Виссарион. Так старец дождался до великих и радостных дней. Тут он проливал уже слезы не скорби, а радости, слезы благодарности пред Богом. Он дал завет своим ученикам любить друг друга, молиться друг о друге. Плоды своих праведных трудов он оставил в наследство братьям своим во Христе и в надежде на будущее воздаяние от Господа, с упованием на Его милосердие, веселясь духом, доживал последние дни своей труженической жизни.

Около 12 лет жил старец Виссарион после смерти своего духовного друга и брата Варсонофия. 26 апреля 1862 года было днем весьма скорбным для братии скита. Старец Виссарион скончался после тяжелой двухдневной болезни на 54-м году жизни. Великий пост он провел еще довольно бодро, бдительно следя за всеми работами по устройению обители и не упуская и церковного пения, хотя братия усердно просила его не утруждать себя. Светлое Христово Воскресение он встретил бодрствуя, три дня кряду служил, но при слабом своем здоровье сильно простудился. На Фоминой неделе слег в постель. Медицинские пособия не помогали ему. Скорбящая братия просила всех отцов, в афонских обителях живущих, молиться о выздоровлении болящего. Все подвижники афонские усердно молились о нем, но жизнь его угасала. Господь призывал его к Себе. Настало время отдыха для него за исполнением великого дела, предназначенного ему свыше.

Почувствовав приближение своей кончины, он пожелал, чтобы над ним было совершено таинство елеосвящения, после которого он ежедневно приобщался Святых Христовых Таин. 26 апреля, сподобившись принять Тело и Кровь Христовы, он говорил слабо, но внятно и пребывал в совершенном спокойствии духа. Все замечали, что приближается час перехода его в вечность. Вся братия окружила его ложе. Он прощался с каждым отдельно и благословлял каждого. Затем последние его слова были обращены ко всем. Это была его заповедь молиться о нем. Молиться о всех



потрудившихся с ним собратьях, молиться о благодетелях обители. «Благословен Бог, — сказал он наконец — призвавший вас в сообщество к нам, грешным, на сей спасительный и многотрудный путь. Теперь я, отходя к Нему, Отцу нашему, поручаю вас, чада мои, Покрову милостивой Владычицы всего рода христианского, теплой и скорой Заступнице. Она да вознаградит и всех тех христолюбцев, которые оказывают нам помощь во время скудности. Мир Божий да будет со всеми вами». При этом старец благословил братию и, обратившись к хранившейся в его келье иконе Божией Матери «Утешение в скорбях и печалех», сказал: «Она вам да будет отрадой и утешением в скорбях и печалех». Затем язык ему изменил, и дальше слов старца понять и услышать уже было невозможно.

Во втором часу пополудни стали читать молитвы на исход души. При чтении их блаженная его душа начала разлучаться с телом. Мирно, не испустив ни одного глаза степеней, предал он дух свой в руки Господа Бога нашего и, казалось, только уснул. Братия пала на колени. Начался неутешный плач ее, лишившейся доброго отца, мудрого наставника и многолюбимого пастыря.

Братия всю ночь провела без сна, окружая гроб старца, молилась и плакала. По приглашению старших после половины дня 27 апреля архиепископ Кирилл, епископ из монастыря Ватопед, священники диакона из монастыря Руссика, духовник Иероним, отец Макарий, из Ильинского скита отец Паисий и игумен монастыря Есфигмен собрались на отпевание и погребение тела усопшего. Прощальное слово сказал отец Феодорит: «Мир праху твоему, добрый и усердный старец, ты был истинным подражателем Аврааму страннолюбивому; все приходящие были тобой утешены; твоими неусыпными трудами воздвигнута первая великорусская обитель на Афоне; во веки память твоя здесь незабвенна; всякий приходящий будет благословлять прах твой. Почивай спокойно до дня всеобщего воскресения и не забывай о нас, чадах твоих». В день и час кончины старца многим пустынноикам Афона были о его смерти чудесные извещения.

Архимандрит Феодорит (Крестовиков)



У крестьянина села Суринского Симбирской губернии Василия Крестовникова и жены его Екатерины 7 февраля 1822 года родился сын Федор⁴³⁷, который впоследствии стал архимандритом Феодоритом, настоятелем Русского Свято-Андреевского общежительного скита на Афоне. Родители отца Феодорита были люди простые, но богобоязненные, благочестивые и добродетельные. Они и сына своего старались воспитать в благочестии и добродетели. Научившись в доме родителей читать, писать и арифметике, отец Феодорит на примере жизни своих родителей привыкал также к благочестию и добродетелям. Отец его, занимавшийся земледелием в родном селе, впоследствии переехал в город Сызрань для занятий торговлей, но вскоре оставил всякие мирские занятия и посвятил свою жизнь на служение Богу. В 1838 году он отпра-

вился на поклонение по святым местам России и Востока. Обойдя многие монастыри и пустыни России, он побыл и в Иерусалиме, на Синае и Афоне. Мать отца Феодорита, оставшись одна с сыном, в отсутствие мужа собрала в своем доме детей бедных родителей и сирот для обучения грамоте, но в 1839 году скончалась, не дождавшись возвращения своего мужа из странствий.

По возвращении домой отец Феодорита устроил в своем родном селе странноприимный дом и начал готовиться к поступлению в монашество. Сын хотел последовать

⁴³⁷ Жизнеописание составлено по книге: Наставления и утешения св. веры христианской. Т. 1. Одесса, 1887. С. 812–834.

за отцом, а потому они вместе решили отправиться на Святую Гору и там принять монашество. Когда стали они уже собираться на Афон, отца постигла болезнь, от которой он скончался 4 декабря 1840 года, завещав перед смертью другу своему, старцу Прокопию, принять сына своего на попечение. С этого времени отец Феодорит не разлучался со старцем до самой его смерти. Вместе они обходили святы места для поклонения и вместе отправились на Святую Гору Афонскую, которую и выбрали для своего подвижничества.

В 1843 году они достигли Святой Горы и поступили в келлию Серай, которая недавно перешла к русским подвижникам отцу Виссариону (Толмачеву) и отцу Варсонофию (Вавилову). Старцы с радостью приняли новых помощников, которые могли им помочь в деле восстановления обители, и вскоре постригли их в мантию, назвав Прокопия Пименом, а Федора Феодоритом. Последний был внесен в омологий* обители как третий собственник келлии, которая вскоре стала скитом.

«Юный русский скит переживал все трудности роста: брожение среди братии, противодействие недоброжелателей, нехватку средств. Что касается двух первых пунктов, тут можно было воевать только с помощью смирения. Добыть же какие-либо средства на Афоне не представлялось возможным. Земли у скита было мало. Да и производство разных сортов масла или иконопись не могли приносить достаточного дохода, так как этим занимались на Афоне многие крупные монастыри. Поэтому единственной возможностью обеспечить русскую обитель всем необходимым был сбор средств в России. Практика показала, что использовать каких-либо посторонних людей для сбора было нецелесообразно, потому что трудно было ожидать от них особого усердия, и, кроме того, заметное количество денег представляло соблазн для сборщиков. Но, самое главное, сама организация сборов требовала разрешения Синода, которое, вероятнее всего, мог получить только насельник скита. Вообще, в то время денежными сборами на монастыри и храмы заниматься было гораздо труднее, чем в нынешнее. После окончания определенного Синодом сбора сборщик должен был сдать Синоду не только собранные средства, но и учетные книги, и только после их проверки обитель могла получить все, что ей полагалось. Разрешение на сборы давалось далеко не каждому просящему. Синодальные чиновники уделяли внимание и личности сборщиков, и в случае каких-либо сомнений следовал отказ. Отношение к афонским обителям было особое, и получить разрешение было гораздо сложнее, чем российскому монастырю. Все это говорило о том, что для сборов нужно было посылать в Россию насельников скита, и при этом самых лучших»⁴³⁸.

⁴³⁸ Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 206.

Старцы остановили свой выбор на отце Феодорите, и он полностью оправдал их доверие. Именно его стараниями они получили возможность провести необходимые строительные работы и благоустроить скит. За три года (с 1852 по 1855) своего пребывания в России отец Феодорит успел познакомиться со многими именитыми русскими боярами. Несмотря на свое отсутствие на Афоне, отец Феодорит не прерывал духовного общения со своим старцем отцом Виссарионом и постоянно переписывался с ним.

В 1862 году умер старец Виссарион, и, согласно его завету, настоятелем обители был избран братьями скита отец Феодорит. Новый игумен, по завету усопшего основателя обители, прежде всего приступил к постройке кладбищенской церкви, в которой установил чтение неусыпаемой Псалтыри, совершаемое четырьмя выборными старцами-схимонахами. Для них, также по завету старца, при церкви был построен специальный жилой корпус.

Высокими духовными качествами, заботами, попечением, трудами и молитвами отца Феодорита обитель быстро возрастала и благоустраивалась. Если при основании обители было только 13 братьев, то в последние дни управления отца Феодорита их было уже более 250. Начав с постройки кладбищенской церкви и корпуса при ней, отец Феодорит затем построил в обители корпус, называемый Богородичным, с церковью во имя чудотворной иконы Богородицы «Утешение в скорбях и болезнях», корпус при трапезной, при которой устроена была церковь во имя Святой Троицы, а также трапезную (зал на 400 человек) с кухнями и прочими хозяйственными отделениями при ней. Над корпусом при трапезной он воздвиг колокольню, для которой пожертвовала колокола императрица Мария Александровна. Отец Феодорит начал строить и собор святого апостола Андрея Первозванного, заложенный в 1866 году Его Императорским Высочеством Великим Князем Алексеем Александровичем. Также он построил для охранения обители в виде крепости величественную каменную ограду. Кроме того, он устроил в Константинополе, Ростове-на-Дону и Одессе подворья для бесплатного приюта паломников, отправлявшихся в Иерусалим и на Афон. При подворье в Одессе выстроил большой странноприимный дом с великолепным храмом при нем. Приобрел в Санкт-Петербурге два дома, доход с которых поступал на нужды скита.

Верный завету старцев Виссариона и Варсонофия, отец Феодорит, приняв обитель под свое руководство и на попечение, всю жизнь свою, все силы духа и тела посвятил на служение ей, на служение русским инокам, подвизавшимся на Святой Горе Афоне, и русским паломникам. В заботах о спасении других он не страшился никаких трудов, никаких лишений.

С самоотвержением истинного подвижника он нес тяготы многотрудного правления обителью, быв по апостолу, «всем вся». Много раз он совершал трудные путе-

шествия с Афона в Россию для сбора добровольных пожертвований в пользу обители и для устройства ее подворий, находящихся в России. Уже изнемогая от болезни, сведшей его в могилу, он не прекращал самоотверженной деятельности на благо и во спасение других. За два года до кончины от подвижнических трудов силы старца начали слабеть, но он еще не думал оставлять свою деятельность. Больной, едва передвигающийся от слабости сил, осенью 1886 года он совершил еще одно путешествие в Россию для устройства существующих в ней подворий обители. В ту же осень, забывая о своих телесных немощах, он много заботился и трудился по устройству странноприимного дома в Одессе и храма при нем. Кроме обустройства обители отец Феодорит был занят мыслью и заботами о просвещении и утверждении чад Церкви в истинах веры Христовой, так что его настоянием и ходатайством перед руководством Русской Православной Церкви обитель начала с 1887 года издавать в Одессе духовный журнал «Наставления и утешения святой веры христианской».

Отец Феодорит не жалел также средств на дела благотворения. Многие частные лица или организации пользовались его щедрой помощью. Отец Феодорит поддерживал непрерывную духовную связь со старцами Пантелеимонова монастыря, с которыми часто переписывался⁴³⁹, и при первой возможности посещал их. Особенное духовное родство связывало его с духовником Иеронимом, которого он глубоко почитал и с которым порой часами беседовал о вопросах спасения души.

За неутомимые труды и самоотверженное служение делу спасения других, а также за высокий ум, соединенный с простым, добрым и любвеобильным сердцем, братья обители еще при жизни отца Феодорита выказывали ему свою любовь и благодарность. В 1881 году от всей братии ему был преподнесен благодарственный дар — Святое Евангелие как знак преданности, любви и благодарности ему.

Последние дни земной жизни судил Господь отцу Феодориту провести в Одессе, через которую он некогда 19-летним юношей шел для подвигов на Святую Гору Афон. Здесь же, в Одессе, на одной из пригородных дач, он и почил от своих трудов 10 августа 1887 года.

Уже давно начавшиеся телесные страдания отца Феодорита особенно усилились к началу зимы 1886–1887 годов. Теперь он уже лишился возможности ходить и всю зиму и весну, а также часть лета 1887 года постепенно угасал, перенося нередко очень тяжелые страдания. Но за все время болезни ни одно слово раздражения, даже неудовольствия не вышло из уст смиренного старца. Состояние его духа было состоянием бодрого, светлого и ясного упования на Господа.

⁴³⁹ АРПМА. Док. № 1267.

В апреле, предчувствуя приближение смерти, он, с полного и единодушного согласия всей братии, возложил должность настоятеля на своего ученика, сотрудника и духовника всей братии скита иеросхимонаха Феоклита. С того времени он всецело сосредоточил свои духовные силы на приготовлении себя к переходу в вечную жизнь. Тихо, мирно напутствованный Святой Церковью, он отошел ко Господу на 66-м году своей жизни.

Здесь же, в Одессе, было совершено и его погребение по церковному чинопоследованию в том самом благолепном храме, который был устроен его трудами.

Схимонах Лаврентий (Жиляев)

Схимонах Лаврентий⁴⁴⁰ (в миру Лев Васильевич Жиляев) родился приблизительно в 1830 году в деревне Пересухи Малоархангельского уезда Орловской губернии. Отец его Василий Платонович был простым крестьянином, а мать Мария Дмитриевна — дочерью священника. Мальчик был нрава кроткого, мягкого и до того был любезен, что все и везде любили его за его примерный характер. На улицу он не ходил, игр не любил. В нем был какой-то врожденный интерес к учебе. Так как братья были все женаты, он вызвался исполнить долг семьи перед государством и пойти на военную службу. Когда он уезжал, то говорил младшему брату Петру, чтобы тот не оставлял своего намерения вступить в монашество и обещал ему: «Молись за меня, где бы ты ни был, я найду тебя после службы, если жив буду».

С 1848 по 1853 год Лев проходил военную службу. Был мастеровым. Где стоит часть на квартирах, то там он обошьет всех. Трудился из любви. Всякому желал угождать. Трубки не курил, вина не пил и был примерного поведения. Когда только это было возможно, не упускал случая сходить в церковь.

Однажды он молился Господу и Божией Матери, чтобы Они открыли ему, какому угоднику Божьему лучше ему молиться. И вдруг на дороге встречает его один старец и говорит: «Ты мыслишь, кому молиться, какого угодника призывать на помощь? Молись праведным богоотцам Иоакиму и Анне!» Лев хотел было поговорить со старцем, но его вдруг не стало. На него напал тогда ужас, а в сердце его воссияла такая

⁴⁴⁰ Жизнеописание составлено по записям иеросхимонаха Пантелеимона (Сапожников). АРПМА. Док. № 450.

неизреченная радость, что он как бы ощутил прилив новых сил и со слезами и трепетом сердца благодарил Господа.

После увольнения со службы Лев поступил в Оптину пустынь, куда до этого поступил его брат Петр, который был пострижен в монахи с именем Патермуфий. Оптинские старцы приняли Льва в братство. Здесь он проходил разные послушания. Но главным его послушанием был уход за больным иеродиаконем Мефодием, которого разбил паралич и который лежал 24 года и только мог говорить: «Да, да, да, Господи помилуй!»

Послушание было трудным, но Лев исполнял его с ревностью и любовью. Оптинские старцы хотели постричь его в монахи, но тут разразилась Крымская война, и Льва вновь призвали на военную службу. Лев сказал старцам: «Если Богу угодно, чтобы я был монахом, то это от меня никуда не уйдет и после службы, а если суждено мне пролить кровь и положить жизнь свою на поле брани, то я от этого не отказываюсь». Когда у Льва сбрили бороду, постригли волосы и одели в солдатскую форму и он пришел к своему старцу Мефодию проститься, то тот не узнал его. А когда Лев спросил: «Не узнаешь меня, отче? Я твой послушник Лев и пришел проститься с тобой», — тогда Мефодий узнал его и заплакал, так как Лев много угодил ему.

Много раз смотрел Лев смерти в глаза, но милостивый Бог уберег Своего избранника. После окончания войны он решил поехать на Афон. В 1860 году он поступил в Свято-Андреевский скит, где вскоре его постригли в мантию с именем Лаврентий. Он и здесь выполнял послушание портного. Но главным его послушанием было сеять на каждом шагу любовь. Его самоотверженность не знала границ. Все братья скита дивились его любвеобилию.

Три раза отцу Лаврентию было явление Божией Матери: однажды во время чтения Псалтыри и два раза на всеобщем бдении. Первый раз он видел Божию Матерь с Предвечным Младенцем. В память этого он попросил монаха-иконописца, чтобы тот по его описанию написал икону. Эта икона после его смерти была помещена в гробничной церкви. При этом видении Божия Матерь что-то говорила ему, но он никому, кроме игумена Феодорита, не рассказал об этом. После этого его постригли в схиму с тем же именем.

Преставился отец Лаврентий 29 августа 1866 года. Перед смертью он сильно страдал от тяжелой болезни. В больнице его навещил игумен и говорил ему: «Лаврентий, что же ты завалился, вставай! Возьми благословение!» Тот был всегда послушен ему, готов был и в огонь и в воду. Даже измученный болезнью, вскочил, взял благословение и тут же упал. После его кончины игумен Феодорит сказал братьям: «Вот скончался у нас брат. Немного пожил он, но он служил всем примером, и я желал бы, чтобы и все были подобны ему».

Вместе с отцом Лаврентием умер еще один монах. Его видел во сне один из братьев, который подметал коридор. Умерший проходил мимо, и тот спросил:

— Ведь ты, брат, умер?

Тот ответил:

— Нет! Только начинаю жить!

— Каково же тебе там?

— Слава Богу, хорошо!

— А как Лаврентий? Он отличался здесь особенной жизнью?

— О, мне далеко до Лаврентия, ему несравненно лучше.

Иеросхимонах Феоклит (Позднеев)

Иеросхимонах Феоклит⁴⁴¹ (в миру Феодосий Андреевич Позднеев) родился в Москве в 1833 году у благочестивых родителей Андрея и Надежды Позднеевых, которые были крестьянами деревни Гурьево Ефремовского уезда Тульской губернии. Воспитанный в благочестии Феодосий с ранней юности чувствовал влечение к монашеской жизни: посещал монастыри, присматривался к житию монашескому и чем больше знакомился с иночеством, тем сильнее желал расстаться с миром и его соблазнами. В одном из монастырей Московской губернии Феодосий провел несколько лет. Наконец, оставив этот монастырь в 1860 году, он отправился на Афон, куда давно уже стремился. Здесь он поступил в Свято-Андреевский скит. Под мудрым руководством отца Феодорита Феодосий успешно стал проходить труды и подвиги афонского иноческого жития. 17 мая 1871 года он был пострижен в мантию с именем Феоклит, 3 ноября того же года рукоположен в иеродиакона, а 23 сентября 1873 года — в иеромонаха.

Отец Феодорит, видя, что отец Феоклит более всех братьев преуспевает в духовной жизни, в 1878 году назначил его духовником всего братства. 10 лет он был в этой должности и за свою опытность и смирение приобрел расположение и любовь от всех своих духовных детей по иночеству. Когда игумен Феодорит почувствовал приближение смерти, то позаботился, чтобы еще при его жизни был избран и поставлен преемник

⁴⁴¹ Жизнеописание составлено по книге: Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 4. Одесса, 1890. С. 565.

ему по духовному управлению обителью. Он указал на отца Феоклита. Указание его было встречено всей братией с сочувствием, и вскоре состоялось и торжественное избрание и утверждение отца Феоклита в должности настоятеля обители.

Отец Феоклит продолжил все начинания своего старца отца Феодорита. Он возобновил сгоревшую в марте 1887 года братскую трапезную с церковью во имя Святой Троицы, продолжил строительство главного храма во имя святого апостола Андрея Первозванного. В 1888 году, после покушения на императора Александра II, по инициативе отца Феоклита было принято решение построить храм во имя Благовещения Божией Матери с приделами святого пророка Осии и преподобного Исидора Пелусиота в Санкт-Петербурге



на принадлежащем скиту месте (на Песках, на углу 5-й Рождественской и Дегтярной улиц). Высочайшее разрешение на сооружение этого храма последовало 11 мая 1889 года. Вслед за этим немедленно были начаты строительные работы. За свое усердие 1 апреля 1890 года, в день Пасхи, отец Феоклит Священным Синодом был награжден наперсным крестом.

Преставился отец Феоклит 18 октября 1891 года. Всего четыре года он был игуменом скита, но оставил о себе добрую память, как старец высокой подвижнической жизни и как любвеобильный и кроткий отец. Лучше всего о благочестии этого игумена можно судить по словам его духовного завещания: «Прошу у всех вас прощения и усердных молитв ваших за меня. Да безбедно пройду страшные мытарства злых демонов! Вместе с сим и я прощаю всех вас во всем, чем кто меня обидел. При этом, любя вас всем сердцем моим, не могу не напомнить вам об одной заповеди Христовой: храните между собой, братие, мир, любовь и единомыслие; слезно и убедительно прошу вас помнить, что вы находитесь там, где пребывает незримо Сама Пресвятая Богородица. А в таком святом месте терпимы ли вражда и несогласие, наводимые врагом людей?»⁴⁴²

⁴⁴² Наставления и утешения святой веры христианской. 1892, № 6. С. 230–232.

Схиархимандрит Иларион (Левицкий)

Схиархимандрит Иларион (в миру Иосиф Степанович Левицкий) был уроженцем города Москвы. Его родители Степан и Екатерина были достаточно богатыми людьми и сыну дали соответствующее хорошее образование. После смерти супруги отец Иосифа Степан поступил в монастырь и стал монахом. Вскоре за ним последовал и сын, который, постригшись в монахи, впоследствии стал синодальным ризничным и настоятелем московского Высоко-Петровского монастыря.

В 1884 году отец Иларион приехал на Афон и поступил в Свято-Андреевский скит. Игумен скита отец Феодорит высоко ценил духовные качества отца Илариона и назначил его духовником скита.

Интересное воспоминание о встрече с отцом Иларионом оставил нам отец Денасий (Юшков). Он писал: «В скиту с 1884 года подвизался архимандрит Иосиф, бывший синодальный ризничий и настоятель московского Высоко-Петровского монастыря, автор нескольких сочинений. Здесь он принял схиму с именем Иларион. Покойный отец Феодорит прочил его в преемники себе, но Ватопед не согласился на это... Он в последнее время выполнял должность духовника скитского. За месяц до его блаженной кончины мне представился случай побывать у них в скиту. Я выразил желание повидаться с отцом архимандритом. Один услужливый инок повел меня коридорами до его кельи. Когда пришли мы к келье, постучали легонько, произнося при этом обыкновенную в таких случаях молитву, то в ту же минуту со словом «аминь» отворилась дверь, и в ней показался одетый в полное облачение отец Иларион, приготовившийся идти на службу, так как уже подали повестку звонить к вечерне. Отец архимандрит с особенной любезностью, хотя и не знал меня, попросил войти «на минутку». Я вошел. С первого же раза мне невольно бросилась в глаза особенность кельи, которая была похожа на церковицу. На полу ковры, так что самого пола совсем не видать. Затем, кроме многих святых икон большого размера и в хороших ризах, я ничего не мог заметить: видел, что направо и налево что-то высоко нагромождено, но, что именно, разглядеть было некогда. Весьма любезно и с приятной улыбкой, но с некоторой поспешностью отец архимандрит, не раздеваясь, начал предлагать мне вопросы. Заметив, что скоро покончить со мной не удастся, предложил мне прийти к нему после вечерни или же он сам зайдет ко мне, в мой номерок. При этом он спросил, где я занимаю номер. Теперь же он спешил, уже

отзвонили к вечерне. Таким образом мы и разошлись»⁴⁴³.

После службы отец Иларион сам пришел в келью отца Денасия, чем достаточно удивил его. Беседа у них получилась задушевная, и отец Денасий убедился, что в отце Иларионе равномерно смешались глубокая духовность и непритворная простота.

Преставился отец Иларион 30 апреля 1891 года, от роду ему было около 60 лет.



Схимонах Иннокентий (Сибиряков)

Схимонах Иннокентий⁴⁴⁴ (в миру Иннокентий Михайлович Сибиряков) родился 30 октября 1860 года в городе Иркутске, в семье известных сибирских богатей-золотопромышленников Михаила Александровича и Варвары Константиновны Сибиряковых. Образование он получил сначала в местной гимназии, а затем в Санкт-Петербургском университете. После его окончания он много истратил средств на образовательное путешествие по Европе и посетил все главные культурные центры. С самой ранней юности он отличался необыкновенной добротой. Будучи студентом, он проявил большую отзывчивость к нуждам бедных своих товарищей, которым с сострадательной любовью помогал.

После смерти отца ему и его брату досталось громадное наследство, по несколько миллионов рублей каждому. У Иннокентия Михайловича было развито громадное золотопромышленное дело, и оно шло с блестящим успехом. Но вот один случай заставил его глубже поразмыслить о смысле жизни. Старший брат его Александр Михайлович обнаружил коварную измену своей невесты, на которой хотел жениться. Это сильно подействовало

⁴⁴³ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инок-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник. М., 1894. С. 300.

⁴⁴⁴ Жизнеописание составлено по книгам: Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 24. Одесса, 1910. С. 509; Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 25. Одесса, 1911. С. 509.



не только на самого Александра Михайловича, но и на его младшего брата Иннокентия Михайловича, который после этого решил, что он не найдет себе счастья ни в богатстве, ни в семейной жизни, а только в Боге и в благотворительности.

Первым шагом его в деле благотворительности было следующее: когда брат его (Александр Михайлович был не менее известным благотворителем) строил собор в Иркутске, то позаимствовал на время у него несколько сот тысяч рублей. Когда же брат его стал отдавать позаимствованные деньги обратно, то его природная доброта не позволила взять от брата деньги, и он сказал: «Я брат тебе, пусть и моя лепта будет вместе с твоей в святом деле».

С этих пор сердца его коснулась искра Божественной благодати, и он стал утлять скорбь своего сердца делами милости и благотворения, прибегая к тому источни-

ку исцеления, в котором всегда искали забвения от тяжких мук сердца все истинные последователи Христа. Он стал известным общественным деятелем и одним из редких русских благотворителей. Всей своей пламенной любящей душой, всеми заботами своего чуткого сердца, чувствительного к горю ближнего, всем своим имуществом и положением, наконец, даже самой своей фамилией он был связан неразрывно с Сибирью, которую любил и для которой столько сделал добра, что память о нем остается там донныне.

Он не жалел средств, широко и щедро наделял нуждающихся, жертвовал крупные суммы на поощрение научных работ по исследованию природных богатств Родины и ее населения, на просвещение. При его материальном содействии открылся Томский университет и Восточно-Сибирский отдел Географического общества. Он поощрял разнообразные местные экспедиции и издавал труды научных исследователей. По его инициативе в Ачинске возникла в 1887 году публичная библиотека. Им было построено множество церквей и школ.

Он откликался на всякое хорошее и полезное дело или предприятие и в этом отношении пользовался большой известностью не только в Сибири, но и в европейской России. Видя, как тяжело живет приисковым рабочим, он дал 420 000 рублей

на создание фонда имени своего отца М. А. Сибирякова для выдачи пособий рабочим в случае увечий и других несчастий.

Высшие женские курсы получили от него в дар более 200 000 рублей. Профессор Лесгафт учредил при его помощи биологическую лабораторию в Петербурге, на что им было дано 350 000 рублей. Кроме того, он способствовал изданию произведений многих русских классических и современных авторов.

Указанными пожертвованиями не исчерпывалась его благотворительная деятельность. У него находили поддержку многие общественные деятели в заботах о распространении народных школ и больниц, библиотек, читален и тому подобных учреждений.

В конце XIX века Иннокентий Михайлович поехал путешествовать по всему белому свету. Цель его последнего путешествия заключалась в том, чтобы лично увидеть жизнь других народов и поискать среди них того счастья, которого ищет всю жизнь каждый человек. Но напрасны были его поиски, и он прибыл обратно в Россию разочарованным.

«Как человек пуст своей жизнью, — говорил Сибиряков, — как ничтожны все его потребности, обусловленные одной наживой; как жадно все человечество в своем стремлении к богатству... Но что оно нам приносит? Одно грустное разочарование. Вот я миллионер, мое «счастье» должно быть вполне закончено, но счастлив ли я? Нет. Все мое богатство в сравнении с тем, чего жаждет душа моя, есть ничто, пыль, прах. А между тем все человечество стремится именно к достижению богатства».

«Я обладаю богатством. Как это случилось, — думал я, — что в моих руках скопились такие средства, которыми могла бы прокормиться тысяча людей? Не являются ли эти богатства, случайно попавшие ко мне в руки, достоянием других людей? И я нашел, что это именно так, что мои миллионы — это результат труда других лиц, и я чувствую себя неправым, завладев их трудами. Жизнь наша красна бывает тогда, когда все нам улыбается вокруг, но если вы чувствуете подле себя нищету, будучи сами богаты, то вам как-то становится не по себе».

«При помощи своих денег я видел мир Божий, повидал всех людей света. Изучил их жизнь, быт, нравственные достатки, узнал все их радости, счастье и горе. Но что из всего этого прибавилось к моему личному счастью жизни? Ровно ничего, та же пустота в сердце, то же сознание неудовлетворенности, то же томление души».

«Отсутствие счастья в жизни гнетет мое сознание безотчетным чувством скорби, горести и отчаяния. Так чувствую я себя теперь, по возвращении в Россию. Здесь, как и везде на свете, я вижу только одни страдания людей, одни муки человеческие, одну суету мирскую. Как будто вся наша жизнь только в этом одном состоит, как будто Господь Бог всех нас создал для одних страданий на свете, и нет для человека никакой отрады, кроме одного печального конца — смерти... И я думаю, что все эти

пытки, все мучения, все страдания суть лишь вещи, приобретенные человеком, но не наследие Божие для нас на земле. Ведь Царство Божие внутри нас, а мы всем этим пренебрегли и впали в отчаяние, в тоску, в ад жизни. Да, слаб, ничтожен и малодушен человек в выборе своего земного блага, личного счастья!»

Из приведенных высказываний Иннокентия Михайловича ясно, как проникла искра Божественной благодати в сердце молодого миллионера, которое неведомо для него самого все более и более освящалось.

После этого он стал часто посещать храм Божий и направил свою благотворительность на нужды Церкви. Здесь он нашел удовлетворение своим устремлениям к евангельской идее, и последние дни своей жизни всецело посвятил достижению христианского совершенства. Около 1890 года он прибыл в Санкт-Петербург и поселился временно в своей квартире на Гороховой улице. Часто стали видеть Сибирякова в числе посетителей столичных храмов и монастырей. Его щедрые пожертвования потекли неиссякаемым источником на нужды разных обителей и богоугодных заведений. Дом, где жил Сибиряков, обратился в место, куда шли алчущие и жаждущие. Не было человека, которого он выпустил бы без щедрого подаяния. Многие получали единовременную помощь. Сколько студентов при его материальной помощи окончили в Санкт-Петербурге свое образование! Сколько бедных девушек благодаря его помощи устроили свою судьбу законным замужеством! Сколько людей, разорившихся от неудач, при его помощи, взялись за прежний свой честный труд!

Входя однажды в Знаменскую церковь, он положил на книжку стоявшей на паперти монахини серебряный рубль. Та, привыкнув видеть у себя на книжке в числе добровольных подаяний одни лишь мелкие монеты, так умилилась этим даром, что сейчас же, на глазах у жертвователя, упала на колени перед образом Знамения Пресвятой Богородицы и стала громко возносить свои молитвы за щедрый дар на ее бедную обитель. Это так заинтересовало Сибирякова и так тронуло его, что он тут же спросил у монахини ее адрес и из какой она обители. Оказалось, что эта инокиня прибыла сюда из Угличского женского монастыря.

На следующий день Сибиряков явился по адресу монахини, на одно из столичных подворий, и передал ей свои карманные деньги, те, что были у него с собой, — около 190 000 рублей. Та пришла в ужас от такой суммы. Столько денег она в таком количестве никогда не видела и, подозревая что-то особенное, чего не могла объяснить себе по простоте душевной, после ухода своего жертвователя не нашла ничего лучше, как заявить об этом в полицию.

Началось следствие. Родственники Сибирякова настаивали на его невменяемости. Но суд, куда потом перешло дело, признав жертвователя в здравом уме и твердой

памяти, утвердил за Угличским женским монастырем право на 190 000 рублей, пожертвованных ему Сибиряковым.

Судебный процесс, возбужденный родственниками против Иннокентия Михайловича, о том, что якобы он раздает свой капитал в ненормальном состоянии, сильно подействовал на него. И он решил навсегда покончить с многосуетным миром, удалиться далеко за пределы России в безмятежную тихую пристань — иноческую обитель Святой Афонской Горы, где и обрел он то счастье жизни, которого он долго искал по всему свету.

В 1894 году он поступил на Андреевское подворье в Петербурге, 1 октября 1896 года был пострижен в рясофор с именем Иннокентий и в этот же день отправился на Афон. Воистину дивны дела Твои, Господи! По Божьему человеколюбию, по неисповедимым судьбам Промысла этот молодой миллионер был удален из пучины развращенного мира под покровительство земного жребия Царицы Небесной. На нем в полной силе осуществились слова Апостола Павла: *«Свобóждшеся же от грѣхá, порабóтистеся правдѣ»* (Рим. 6, 18). Он только тогда познал в полную силу лежащий во зле мир, когда прибыл в святую иноческую обитель. Здесь ему ясно представилась ложная, разукрашенная снаружи подноготная этого мира, полная внутри всякой мерзости и гадостей. Он на Святой Горе понял, что нигде, кроме как с Богом, душевного успокоения не найдет и что жизнь среди мира не что иное, как «суета суетствий и всяческая суета».

Вскоре отца Иннокентия постригли в мантию с именем Иоанн, а спустя немного времени облекся он и в святой великий ангельский образ с именем Иннокентий. Приняв схиму, он проводил строго постническую и глубоко безмолвную аскетическую жизнь. Братья удивлялись, как он, с детства привыкший к изысканной пище, питался грубой монастырской едой без вреда для желудка и, проводивший время также с детства в веселом светском обществе, теперь оставался все время в келье один, беседуя лишь с Богом в молитвенных подвигах и наслаждаясь чтением душеполезных книг.

Но недолог был его подвижнический путь. Очевидно, он уже созрел для житницы небесной. И угодно было Богу переселить его в расцвете лет в иной, лучший мир, *«да не злóба измѣнитъ рáзумъ егó, или́ лéсть прельстítъ дúшу егó»* (Прем. 4, 11). Спустя пять лет после вступления в скит он, немного, но жестоко поболел, мирно скончался в келье при больничной Благовещенской церкви скита 6 ноября 1901 года, оставив образец совершенной нестяжательности и подвижнической жизни.

Одним из главных его благодеяний для Андреевского скита была его финансовая помощь в возведении главного храма обители — собора святого апостола Андрея Первозванного, который 25 лет стоял недостроенный. Он же достроил больничный корпус с церковью во имя святого Иннокентия, епископа Иркутского.

Схимонах Андрей (Путилин)

Схимонах Андрей⁴⁴⁵ (в миру Александр Иванович Путилин) родился 17 августа 1829 года у благочестивых и благородных родителей в городе Фридрихсгаме Выборгской губернии. С самого детства он был расположен к молитве и безмолвию, потому еще семилетнему ему мать предсказывала, что он будет монахом. Воспитывался он в Санкт-Петербурге, состоя в кантонистах, и служил на военной службе унтер-офицером по части письмоводства. Участвовал в походах и двух военных кампаниях — Венгерской и Севастопольской. За беспорочно пройденный, узаконенный срок службы и по экзамену был представлен для производства в гражданский чин, но от него отказался. Был уволен со службы в 1860 году с полной отставкой.

Имея от юности предрасположение к служению Богу, он после увольнения отправился искать жизни монашеской. Придя в Киев, 7 ноября 1860 года поступил в число братства Киево-Печерской Лавры, где и прожил до 1867 года. С этого времени странствовал по России, а 20 июня 1870 года отправился за границу, на поклонение святым местам Востока. Поклонившись Святому Гробу Господню в Иерусалиме, он заехал и на Святую Гору Афон, где 28 октября того же года поступил в Русский святого великомученика Пантелеимона монастырь, а оттуда 19 июля 1871 года перешел в Свято-Андреевский скит.

19 апреля 1872 года отец Андрей получил от игумена благословение на особо избранный им подвиг абсолютного безмолвия (молчания) и после этого до самой смерти, в течение почти 34 лет, не позволил себе ни одним словом обмолвиться с кем бы то ни было, исключая только духовника, беседуя с которым он говорил только самое необходимое.

Свои нужды, обращаясь к обители, он излагал письменно. В схиму был пострижен 28 марта 1874 года, жил один в особой келлии с церковью Успения Божьей Матери, которая находилась за оградой обители и где еженедельно, по средам и пятницам, совершалась Литургия. Старец еженедельно приобщался Святых Таин. У него был благословенный старцами особый постнический устав, так что жизнь его выделялась особо пред всей братией. Обладая духовным рассуждением и опытностью,

⁴⁴⁵ Жизнеописание составлено по книге: Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 20. Одесса, 1906. С. 531–534.

он был старцем многих. По просьбе братии давал письменные наставления им, в которых больше основывался на Священном Писании, смиряя самого себя и прося прощения. Он также писал сочинения против разных сектантов⁴⁴⁶.

Подвиг молчания, хотя на первый взгляд кажется и не особо трудным, однако, если строго вникнуть в него, представляет много препятствий к выполнению его, и надо иметь великую силу воли, чтобы устоять в нем. Многие пытались подражать отцу Андрею, но этот подвиг, кажущийся легким, становился для них таким невыносимым бременем, что они оставляли его.

Старец Андрей, хотя телосложения был и крепкого и на лице его всегда играл румянец, однако в одной из предсмертных записок говорит: «Что я перенес за свою жизнь и в особенности последнее время, тому один Бог свидетель». Из этого видно, что ему было весьма нелегко проходить свой путь и бороться с врагами нашего спасения.

Вот как описывает встречу с ним архиепископ Арсений (Стадницкий), тогда еще студент духовной академии, путешествовавший по Афону: «Я выразил сильное желание видеть этого подвижника. Со мной пошел один из старцев, предупредивший, что он вообще не любит посещений, а тем более долгих, поэтому просил не засиживаться, чтобы не побеспокоить подвижника. Келья его находится в задней части монастыря и стоит совершенно особняком. На стук в дверь и обычное афонское приветствие дверь отворилась, и передо мной предстала иссохшая фигура подвижника, который мимикой пригласил нас сесть. Старец, пришедший со мной, отрекомендовал меня и рассказал ему о моем сильном желании видеть его, благодаря чему он и решился побеспокоить его. С минуту мы молчали. Он пристально смотрел на меня, так что мне сделалось неловко, и я потупил взор. Затем взял лежащий перед ним лист бумаги и написал:

— Где учитесь?

— В Киеве, — говорю, — в духовной академии.

— Чему учитесь?

— Разным наукам, но преимущественно богословским.

— Верите?

— Верю.

— Да будет Божья благодать с вами, и да сохранит вас Царица Небесная, — и откинул бумагу в сторону, давая этим, должно быть, понять, что следовало оставить его. Но я, пораженный его подвигом, начал говорить о тяжести подвига безмолвия и кстати или некстати спросил о причине его безмолвия. Не отвечая

⁴⁴⁶ Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 20. Одесса, 1906. С. 434–440.

мне прямо на вопрос, он написал: «Господь наш Иисус Христос говорит: *«Глаголю же вамъ, яко всяко слово прázдное, е́же а́ще реку́тъ человеѣцы, возда́тъ о нёмъ слово въ де́нь сѹдный: от словесъ бо свойхъ оправди́шися и от словесъ свойхъ осѹдишися»* (Мф. 12, 36–37). На вопрос мой: «Долго ли он подвизается?» — отвечал, т. е. написал: «Богу ведомо». После этого встал и дал мне две книжечки: «О благодатных исцелениях, совершившихся пред святой иконой Божьей Матери «В скорбех и печалех Утешение» и «О вреде табака». Я вышел, проникнутый чувством глубокого уважения к подвижнику»⁴⁴⁷.

Преставился отец Андрей 15 февраля 1906 года. На похоронах присутствовали все братья обители во главе с игуменом Иосифом. 17 февраля его торжественно отпели в соборном Свято-Андреевском храме и, дав ему последнее целование, погребли на братском скитском кладбище.

Архимандрит Иосиф (Беляев)

Архимандрит Иосиф⁴⁴⁸ (в миру Иван Иванович Беляев) происходил из мещан города Углича, а родился в 1845 году в селении Никольском Угличского уезда Ярославской губернии. С малых лет он служил у своего родного дяди — купца в Москве. Молодой человек не увлекался обманчивыми прелестями многосушной мирской жизни. Будучи воспитан в церковном духе и в христианском благочестии, он с юности имел склонность и любовь к монашеской жизни, поэтому проводил свою молодость чисто и непорочно. Будучи 16 лет от роду, он однажды тайно от своих родственников убежал в Гефсиманский скит, что при Троице-Сергиевой Лавре, с целью поступить в монашество. Но видно этот порыв его был преждевременным, поэтому Господу не было угодно увенчать его успехом, и он снова возвратился к мирской жизни.

В самом расцвете сил, 22 лет от роду, он все-таки оставил мир, отправился на Святую Афонскую Гору и здесь, в скиту святого апостола Андрея Первозванного, был принят в число братии. Это было в 1867 году, когда настоятелем скита был отец Феодорит.

⁴⁴⁷ Арсений (Стадницкий), архиепископ. Дневник студента — паломника на Афон. Киев, 1886. С. 80.

⁴⁴⁸ Жизнеописание составлено по книгам: Душеполезный собеседник. М., 1908. С. 274; Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 16. Одесса, 1902. С. 178; Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 22. Одесса, 1908. С. 398.

Девять лет он состоял келейником настоятеля. В 1870 году был пострижен в монашество с именем Иосиф. В 1876 году он был рукоположен в иеродиакона, а 17 января 1881 года — в иеромонаха.

Первое время своего пребывания в скиту отец Иосиф выполнял послушание клиросного певчего и, обладая от природы прекрасным звонким голосом, был хорошим канонархом; потом состоял старшим в литографии и был гравером; а после посвящения в сан иеромонаха в продолжение десяти лет был ризничим. В 1890 году отец Иосиф был послан с чудотворной иконой Богоматери «В скорбех и печалех Утешение» на скитское подворье в Санкт-Петербург с назначением его настоятелем этого подворья.

В это время, 18 октября 1891 года, скончался тогдашний, по счету третий, настоятель скита, отец Феоклит. На его место большинством братства 3 декабря 1891 года был избран настоятель скитского подворья в Санкт-Петербурге иеромонах Иосиф. За год пребывания в Петербурге он за свой благочестивый нрав и примерную иноческую жизнь приобрел себе всеобщую любовь и уважение. Был награжден от Святейшего Синода наперсным крестом.

В бытность его в Петербурге Царица Небесная благоволила проявить от чудотворного Своего образа многочисленные дары благодатных исцелений, которые отец Иосиф, как очевидец, все сам лично записывал и потом поместил в особо изданную скитом книгу «Описание чудес, совершившихся пред чудотворной иконой Божией Матери «В скорбех и печалех Утешение».

Отец Иосиф, хотя и имел только домашнее образование, но, обладая природным светлым умом, занимался иногда и литературными трудами. Так, например, им составлен синаксарь для отпечатанной по его усердию и ходатайству в Санкт-Петербургской синодальной типографии службы «Всем святым афонским», и в ней прибавлено им несколько недостающих в рукописях песнопений. Он составил тропарь своему тезоименному святому — преподобному Иосифу Песнописцу. Также



отец Иосиф написал свою автобиографию и вел дневник. Кроме того, он отличался любовью к древностям и особенно к древней словесности, рукописям. В течение всей своей жизни на Афоне, не жалея средств, он старался приобретать древние иконы, рукописи и книги и успел собрать их в большом количестве.

По прибытии на Афон отец Иосиф 1 февраля 1892 года местной властью кириархального, то есть господствовавшего над скитом, греческого Ватопедского монастыря был официально утвержден и поставлен настоятелем, причем на него возложена была палица и вручен ему настоятельский жезл.

В апреле 1894 года отец Иосиф был возведен в сан архимандрита.

Главной заслугой его для братии, богомольцев и всех бедняков, пустынножителей и посетителей скита стало построение им огромного соборного храма во имя святого апостола Андрея Первозванного с двумя приделами и особым храмом под собором и больничного корпуса с церковью при больнице.

Собор этот был заложен в 1867 году, выложен был лишь фундамент, и подняты чуть повыше поверхности земли стены. Лет двадцать пять так и стояла эта закладка без движения. В 1893 году отец Иосиф энергично приступил к окончательному завершению строительства. Нашлись и средства, и благодетели. К 1900 году великолепный величественный собор был вполне готов, и 16 июня, ровно через 33 года после закладки здания, он был торжественно освящен пребывавшим тогда на покое на Афоне, впоследствии Святейшим Константинопольским Патриархом Иоакимом III совместно с прибывшим тогда на поклонение на Афон преосвященным Арсением, епископом Волоколамским, впоследствии архиепископом Псковским.

Отец Иосиф за время своего игуменства снискал себе неподдельную любовь и глубокое уважение братии. От природы он был ласков, деликатен, имел отзывчивое сердце, всегда располагал к себе всех тех, с кем не только постоянно общался, но и лишь случайно был знаком. Безукоризненная прямота, неусыпный труд на общую пользу были его главными чертами характера. Его организаторский, хозяйственный ум во многих отношениях сказался на благоустройстве скита. Отец Флегонт (Лебедев) так характеризует его: «Весьма деятельный, милостивый и любвеобильный»⁴⁴⁹. Бесспорно, он немало потрудился для своей обители. Именно при нем Андреевский скит приобрел свой окончательный вид, при нем были достроены все основные храмы и жилые корпуса. Потрудился он не только в пределах Святой Горы, но и вне ее. Завершил прекрасный храм на подворье в Санкт-Петербурге и другие сооружения.

⁴⁴⁹ АРПМА. Док. № 212. С. 194.



Современный вид Андреевского скита

Отец Иосиф имел непрерывную духовную связь со старцами Русского Пантелеимонова монастыря, постоянно переписывался с ними⁴⁵⁰ и часто посещал их. Многие келиоты* и сиромахи* пользовались его гостеприимством и духовным руководством.

Отец Иосиф отличался также особенной любовью и усердием к церковным богослужениям. Неопустительно служил в числе собора священников во все праздники и воскресные дни. Служение его отличалось большим благолепием и торжественностью. Обладая приятным, прекрасным голосом и представительной наружностью, он весьма благопристойно и величественно держал себя во время богослужения, что оказывало особое благотворное действие на всех молящихся. Любил благолепие священников облачений. Служил нередко и в будничные дни раннюю Литургию. Особенно излюбленным местом служения был для него нижний собор, посвященный его тезоименитым святым. После ранней службы он всегда имел обыкновение приходить еще к поздней Литургии, стоял в храме до чтения Евангелия. Продолжительные афонские бдения выстаивал всегда до конца, невзирая ни на жару, ни на духоту. Вкушал

⁴⁵⁰ АРПМА. Док. № 1267.



обязательно всегда с братией и никогда не позволял себе принимать пищу вне общей братской трапезы.

За несколько дней до Великого поста 1908 года отец Иосиф заболел инфлюэнцей, которая, надо полагать, ослабила его крепкое здоровье. К этой болезни добавилось воспаление легких.

7 июля больной во время утрени пожелал причаститься. После ранней Литургии над ним было соборно совершено таинство елеосвящения.

В девять часов утра к весьма больному отцу и настоятелю своему пришли все соборные старцы. Старейший из них иеросхимонах Николай⁴⁵¹ близко наклонился к больному и сказал: «Благослови нас, батюшка. Вот мы пришли к вам, попросить вас сказать нам что-нибудь на пользу».

После нескольких минут молчания и уже после третьей просьбы отца Николая больной начал говорить короткими фразами, сначала тихо, а потом погромче: «Мир имейте между собой... Мир и любовь имейте между собой... Начальства не ищите... Я не искал настоятельства... как меня избрала Царица Небесная, так Она же Сама изберет вам и настоятеля... А вы повинуйтесь ему... Какие мы получили от наших старцев уставы и порядки, вы их и сохраняйте... Все, что я желал, Господь и Преподобная Его Мать во всем помогли мне... Синодиков благодетельских помянуть не оставляйте... Милостыню бедным всегда и щедро оказывайте... Хотя я иногда и роптал на них, но всегда старался удовлетворять их нуждам... За это и нас Господь не оставит... Сами видите, как обитель наша увеличилась и благоустроилась, и всего имеется в изобилии... И впредь Господь за это не оставит нас...»

Лишь только больной начал все это говорить, как у старцев и у заходивших в это время других братьев стали навертываться на глазах слезы, потом многие заплакали, и наконец уже многие плакали навзрыд. После этого больной подозвал некоторых из старших, крепко обнял каждого, поцеловал и благодарил за труды и послушание их. Некоторым дал особые краткие наставления. Затем утомленный старец умолк, и больше ни с кем не говорил, и через несколько минут мирно и тихо почил о Господе.

⁴⁵¹ Схиеромонах Николай (в миру Николай Петрович Луковников) бывший мещанин города Торжка, Тверской губернии. Имя его матери — Агриппина. Родился в 1835 году. Жил в Андреевском скиту. Преставился 5 февраля 1916 года.

Архимандрит Иероним (Силин)

Архимандрит Иероним (в миру Иван Васильевич Силин, он же Хамили́н) родился в 1866 году в крестьянской семье села Сербилово Гавриловской волости Суздальского уезда Владимирской губернии. Его мать звали Варварой. Она рано умерла, и отец Ивана Василий, очень набожный и благочестивый христианин, решил постричься в монахи. С этой целью он поехал на Афон и поступил в Свято-Андреевский скит, где был пострижен в схиму с именем Варнава.

Мальчик Иван рос у своего дяди, среди многочисленных племянников. Он часто думал об отце и той жизни, которую тот вел далеко на Афоне, и в юном сердце постепенно зрела мысль и самому вступить на тот же путь. Исполнить свой замысел он смог только после отбытия военной службы.

В 1888 году 22-летний Иван приехал на Афон и поступил в Андреевский скит, где жил и его отец. Ивана скоро постригли в рясофор с именем Иероним. Он выполнял различные послушания по хозяйственной части и одновременно был певчим, пел басом. В 1890 году вместе с отцом Иосифом (Беляевым) был послан с чудотворной иконой на Петербургское подворье. На подворье отец Иероним также исполнял послушание певчего. В 1896 году его постригли в мантию с тем же именем.

После пострига по благословению игумена Иосифа отец Иероним учился в Карейской школе Афона, затем в известном Халкинском богословском училище — высшем духовном училище на Востоке. В 1900 году его рукоположили в иеродиакона, а 1905 году — в иеромонаха. После хиротонии он проходил послушание эконома на Константинопольском подворье скита, а впоследствии стал настоятелем подворья.

В 1908 году умер игумен Иосиф, и братия скита новым игуменом избрала отца Иеронима. Братья очень уважали и любили молодого и образованного настоятеля, чему позавидовал враг человечества и навел на скит невероятно тяжелое искушение — раздор, вызванный учением имябожников. Известно, что главным идеологом этого учения был насельник Андреевского скита иеромонах Антоний (Булатович)⁴⁵²

⁴⁵² Схиеромонах Антоний (в миру Александр Ксаверьевич Булатович) — уроженец города Москвы. Сын генерал-майора. Был ротмистром и награжден за военную службу многими орденами. В 1906 году вышел в отставку. Прибыл на Афон и 8 марта 1907 года был пострижен в схиму. Рукоположен в иеромонаха 8 мая 1910 года. Стал главным апологетом имябожничества на Афоне. Написал много статей и книг в защиту имябожничества. Основное его сочинение на эту тему «Апология



и именно с благословения отца Иеронима он приступил к изучению этого учения, впоследствии став его рьяным сторонником. Из-за раздоров среди братьев отец Иероним даже вынужден был на время оставить обитель, но его твердая позиция в защиту Православия и единства Церкви сыграла важную роль в преодолении этого страшного искушения. После изгнания имябожников с Афона он возвратился в скит в качестве игумена и всеми силами старался восстановить прежнее единство братии. За противостояние имябожнической ереси Вселенским Патриархом Германом он был награжден панагией.

Отец Иероним прилагал немало усилий, чтобы восстановить доброе имя обители, по его благословию, «чтобы упрочить положение Андреевского скита в России, иеромонах Питирим, настоятель Одесского подворья, и иеромонах

Макарий добиваются Высочайшей аудиенции. Они побывали 30 января 1914 года в Царскосельском дворце и в присутствии обер-прокурора Святейшего Синода Саблера были представлены Его Императорскому величеству. Официальное название этого приема было таково: «Высочайшая аудиенция, данная уполномоченным Свято-Андреевского общежительного скита на Афоне по поводу принесения ими Его Императорскому Величеству Государю Императору благодарности Скита за прекращение иноческой смуты на Святой Горе и для поднесения Государю древнего образа Всемилостивого Спаса Господа нашего Иисуса Христа». Эта была первая в истории обители подобная аудиенция. Краткая заметка в скитском журнале извещает нас, что аудиенция эта была вызвана желанием архимандрита Иеронима, соборных отцов и всей братии выразить благодарность Русскому Императору, «державной волей коего Свято-Андреевская Афонская обитель была избавлена от беспорядков, смут и разорения».

веры во имя Божье и во имя Иисус». За свое учение был изгнан из Андреевского скита и поступил в Благовещенскую келью к старцу Парфению. С февраля 1913 года находился в России и здесь защищал свое учение. Умер 6 декабря 1919 года в Луциковке, был убит грабителями.

Государю был подарен древний, XV века, образ Спасителя византийского письма (12 вершков длиной), Государыне Императрице — копия чудотворной иконы «В скорбех и печалех Утешение» в серебряном с эмалью окладе и книга скитского издания «Взбранной Воеводе», Цесаревичу — складень «В скорбех и печалех Утешение» со святителем Алексием Московским и св. ап. Андреем Первозванным, Великой Княгине Ольге Николаевне — образ Казанской Божией Матери, Татьяне Николаевне — складень с иконой Божией Матери «Достойно есть», с апостолом Андреем и благоверным князем Александром Невским, Марии Николаевне — складень с Казанской иконой Божией Матери, преп. Серафимом Саровским и Александром Невским, Анастасии Николаевне — Касперовская икона Божией Матери. Кроме того, были подарены: альбом с видами скита, 36 снимками и пояснением к ним и краткой историей скита. Был подарен также экземпляр издания «Наставления и утешения Святой веры христианской» за 1912 год, кипарисовый ларец с афонским ладаном и просфора о здравии»⁴⁵³.

Наступил 1914 год, и Андреевский скит не остался безучастным и к судьбе России. По благословию отца Иеронима на подворье в Одессе был организован лазарет на 20 мест. «Уже 24 августа 1914 года устройство лазарета согласовано с городским комитетом Красного Креста, а 28 августа уже состоялось освящение. 2 сентября уже начинают поступать первые раненые. Кроме того, обитель жертвует через обер-прокурора Синода 5000 рублей на нужды Красного Креста и 5000 рублей Его Императорскому Величеству на военные нужды. В действующую армию были отправлены 2 миллиона брошюр и листов религиозно-нравственного содержания, а также многие тысячи экземпляров Евангелий, священных изображений, крестиков. На склад фонда Ее Императорского Величества поступил скитский журнал в количестве 30 000 экземпляров В 1914 году лазарет принял 53 раненых, в 1915 году — 131 раненого. На оборудование и содержание лазарета израсходовано в 1914 году 34 000 рублей, в 1915 году — 6250 рублей. Лазарету было присвоено имя Наследника Цесаревича»⁴⁵⁴.

Несмотря на внешнюю активность отца Иеронима, его сердце не могло полностью исцелиться от глубокой раны, нанесенной ему фактом лишения скита многих его членов. Он глубоко переживал из-за происшедшего и укорял себя, что не смог предотвратить это страшное событие. Скит лишился почти 250 своих насельников, что было такой невосполнимой потерей, что обитель уже не смогла оправиться от этого удара. В противостоянии горю отца Иеронима постоянно поддерживал его родной отец — схимонах Варнава. Но 30 декабря 1918 года и он оставил его — старец умер.

⁴⁵³ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002. С. 18.

⁴⁵⁴ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002. С. 18–19.



Как истинный член Церкви, отец Иероним всегда был уверен в правильности изгнания имябожников, но, как человек, не смог пересилить страданий своего сердца, тяжело переживавшего разлуку с братьями, и начавшегося упадка родной обители.

10 января 1920 года отец Иероним, внешне совершенно здоровый, умер от разрыва сердца во время колки дров.

Иеросхимонах Евдоким (Евдокимов)

Иеросхимонах Евдоким (в миру Григорий Васильевич Евдокимов) был уроженцем села Турбичева, которое находилось около города Димитрова Московской губернии. Его мать звали Ниной. После ухода в монастырь единственного сына и смерти своего мужа она также поступила в монастырь и в монашестве носила имя Харалампия (преставилась в 1938 году). Ее примеру последовала также сестра Григория. Она поступила в монастырь и стала монахиней Анастасией. Легко представить, в какой набожной семье рос Григорий, и понятно, почему он решил стать монахом.

В 1906 году Григорий прибыл на Афон и поступил в Свято-Андреевский скит, где 21 марта 1909 года был пострижен в рясофор с именем Геронтий, а 15 февраля 1912 года — в мантию с именем Харалампий. В 1913 году он был рукоположен в иеродиакона, а в 1930 году — в иеромонаха. Послушание отец Харалампий проходил переплетчиком и портным. Он так усовершенствовался в переплетном деле, что был известен по всему Афону. У него обучались переплетному делу монахи и из других обителей. Им лично были переплетены книги для Пантелеимонова монастыря, в которых были помещены фотоальбомы, составленные отцом Флегонтом (Лебедевым). Но главное, почему его все знали и любили на Афоне, — его безграничная доброта и любовь к людям.

Вот как вспоминает его в своих записках один паломник: «Появился мой старый друг и приятель отец Харалампий. Весьма характерно для афонского любвеобилия, как мы познакомились с ним. Было это в 1923 году. На Пасху этого года выбрался я на последние деньги со студенческой экскурсией на Афон. Студенческая жизнь моя протекала в великой нужде, и на Афон я прибыл в рваненьком пальтишке

и стареньком костюмчике. Денег едва-едва хватило на дорогу. И вот, как сейчас помню, попали мы в книжную лавку Андреевского скита. Глаза разбежались перед множеством духовных сокровищ. Чего бы только не закупить, да вся беда — денег нет. Попалось мне жизнеписание особенно чтимого мной старца Амвросия Оптинского, и невольно потекли слезы от невозможности приобрести даже эту совсем недорогую книжку. Долго я перелистывал ее и со вздохом положил обратно на полку. Так и уехал с Афона без этой книги.



Прошло несколько недель по возвращении моем в Белград. Моему другу и однокашнику по богословскому факультету, ныне архимандриту Савве (Советову), духовнику митрополита Дионисия Варшавского, пришла посылка с Афона, и в ней «Жизнеписание старца Амвросия» со следующей надписью: «По просьбе своего друга иеродиакона Харалампия выпросил у лавочника сию книгу и прошу передать студенту с бородкой, который так хотел и не мог ее приобрести. Иеродиакон Агафангел». Оказывается, иеродиакон Харалампий был в это время в лавке и имел возможность наблюдать мою скорбь от невозможности приобрести книжку. Так завелось мое знакомство с этим милым и добрым монахом»⁴⁵⁵.

Отец Харалампий был также гидом по Афону многих знаменитых гостей. Писатель Вл. Маевский называет его своим другом и спутником⁴⁵⁶. Он также поддерживал духовную связь со многими монахами по всему Афону, многие искали его советов и утешений. Иеродиакон Иоанникий (Погребняков), насельник келлии Белозерка, после смерти отца Харалампия напишет в своем дневнике: «Скончался в Андреевском скиту мой добрый приятель иеромонах Харалампий, а в схиме Евдоким. Добрый был для многих этот батюшка»⁴⁵⁷.

⁴⁵⁵ Серафим, иеромонах. На св. Афоне пасхальными днями 1931 года / Православный русский календарь за 1932 год. Владимирова, 1931. С. 48.

⁴⁵⁶ Маевский В. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 70.

⁴⁵⁷ АРПМА. Док. № 482. С. 318.

23 сентября 1942 года отца Харалампия постригли в схиму с именем Евдоким, он в это время болел тяжелой болезнью и почти не выходил из своей кельи.

16 марта 1943 года отец Евдоким умер от водянки. Вся братия Андреевского скита и многие монахи из близлежащих келлий пришли провожать своего друга и наставника, истинного христианина, жизнь которого была ярким примером братской любви.

Схиархимандрит Митрофан (Щербаков)



Схиархимандрит Митрофан (в миру Михаил Васильевич Щербаков) родился в 1874 году в Ярославской губернии.

В Свято-Андреевский скит Михаил Васильевич поступил в 1897 году, где был пострижен в мантию с именем Митрофан. В 1908 году он был рукоположен в иеродиакона, а в 1910 году — в иеромонаха. С самого начала своего подвижничества он был на послушаниях при храме: помощником ризничего, пономарем и главным ризничим. В 1911–1915 годах был настоятелем подворья скита в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны с трудом вернулся на Афон и стал духовником братии. После кончины игумена Иеронима он был избран братьями игуменом скита. С 22 января 1920 года Константинопольским Патриархом он был утвержден в этой должности с возведением в сан архимандрита.

Вскоре после этого он был пострижен в схиму с тем же именем.

Отца Митрофана, наряду с игуменом Руссика отцом Мисаилом (Сапегиним), называли столпом русского монашества на Афоне. За скромность и кротость он заслужил любовь и уважение всех насельников Афона. Вот как его описывает писатель Вл. Маевский: «Этот спокойный и вдумчивый инок с лицом аскета сразу произвел на

меня неизгладимое впечатление как всем своим внешним видом, так и глубоким внутренним содержанием, обнаруженным почти с первых же фраз нашей первой беседы.

Игумен Митрофан — типичный монах аскетического склада, могущий служить отличной моделью для хорошего художника. Он высок ростом, а вместе с этим худощав и сух, что, несомненно, является следствием его воздержанной и постнической жизни. У него такое же аскетическое, вполне гармонирующее со всей его фигурой, сухощавое лицо, которое озаряют два умных, пронизательных, но немного болезненных глаза. Отец Митрофан прекрасно духовно начитан и обладает редкой способностью понимать самые отвлеченные богословские сочинения. В то же время он сам является иноком высокой и строгой жизни.

Строгий к себе и снисходительно терпеливый ко всем окружающим, этот игумен при первом впечатлении, пожалуй, может показаться даже несколько суховатым. Но при дальнейшем знакомстве он положительно очаровывает своей сердечностью, простотой и отеческой заботливостью. В разговоре отец Митрофан улыбался редко, но если уж улыбался, то делал это увлекательно мягко. И всегда ровно, всегда спокойно звучит его голос, никогда не возвышающийся, но, несомненно, обладающий громадной силой нравственного влияния.

Поэтому после нашей первой беседы и получения благословения я уходил, всецело находясь под обаянием этого редкого человека, несомненно достигшего духовных высот, совершенно недоступных и незнакомых людям мирской суеты»⁴⁵⁸.

Для дополнения этого прекрасного портрета приведем слова иеромонаха Серафима, посетившего Афон в конце двадцатых годов и тоже пораженного простотой и любовью отца Митрофана: «Окончилась служба. Вот первый вышел со своей стасидии высокий худощавый монах и, слегка опираясь на небольшой посох, направился к выходу. Это игумен св. Андреевского скита архимандрит Митрофан. Трудно признать в сем скромном, простом на вид монахе с ярославским выговором настоятеля большой обители. Архимандрит Митрофан не старый человек, но у него есть свой талант — покоряющая сердце скромность.

Рассказывают, что однажды так же вот, как и ко мне теперь, подошел отец Митрофан ко вновь прибывшему паломнику. Тот после первых расспросов сказал, что очень устал и хотел бы отдохнуть. Отец архимандрит, не говоря ни слова, отвел его на архондарик и, не найдя гостиника, сам сходил на куб за кипятком, приготовил чай и обслуживал гостя как простой послушник, и только на другой день паломник тот узнал, кто ему подавал чай. Дороже всего то, что скромность эта у отца архимандрита Митрофана не искусственная или выработанная, а природная, присущая его натуре.

⁴⁵⁸ Маевский В. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 55.



Встреча наша с милым батюшкой Митрофаном была теплая, задушевная. Повел он нежданного-негаданного гостя в свои настоятельские покои угощать чаем с до-рожки. А «покои» состоят всего из приемной и небольшой кельи, служащей и спаль-ной, и чайной и т. п.»⁴⁵⁹

Отец Митрофан, несмотря на свою кро-тость, был отличным организатором и вни-мательным, заботливым руководителем,

ему пришлось возглавлять скит при почти полном отсутствии внешней помощи, поэтому требовалась мобилизация всех внутренних сил, чтобы поддерживать жизнедеятельность его, с чем он прекрасно справился. Он смог установить контакты с представителями рус-ской эмиграции и через них организовать материальную поддержку скита. Братьям сам лично подавал пример трудолюбия и нестяжательности, трудился на огороде и в саду, при заготовке дров и разгрузке кораблей. Он был всюду рядом со своими чадами.

Отец Митрофан имел тесный контакт со старцами Руссика и все свои действия коор-динировал с ними. Он прекрасно понимал, что совместно с другими русскими обителями было легче пережить тяжелые времена лишений и упадка. Он постоянно переписывался с наставниками Руссика не только о делах насущных, но и о духовных вопросах⁴⁶⁰.

Преставился отец Митрофан 9 марта 1949 года.

Схиархимандрит Михаил (Дмитриев)

Схиархимандрит Михаил (в миру Михаил Дмитриевич Дмитриев) родился в 1887 го-ду в мещанской семье города Новоржева Псковской губернии. Получил гимназиче-ское образование, но гражданская служба его не привлекала, так как с детства он мечтал стать Божьим человеком — монахом.

В 1911 году он прибыл на Афон и поступил в Свято-Андреевский скит, где в 1914 году был пострижен в рясофор с именем Мина, а в 1920 году — в мантию с именем Михаил. 16 ав-густа того же года он был рукоположен в иеродиакона, а 11 июня 1942 года — в иеромонаха.

⁴⁵⁹ Серафим, иеромонах. На св. Афоне пасхальными днями 1931 года / Православный Русский календарь за 1932 год. Владимирова, 1931. С. 47.

⁴⁶⁰ АРПМА. Док. № 1267.

Все время своего пребывания в Андреевском скиту отец Михаил имел послушания по экономской части: сначала был помощником эконома, после главным экономом и казначеем. Он был правой рукой игумена Митрофана, и благодаря его самоотверженной службе на благо скита в тяжелые для обители времена братьям скита намного было облегчено бремя лишений. Он также курировал библиотечное дело и много заботился о библиотеке, ревностно приобретал древние книги для обогащения книжного фонда скитской библиотеки. При этом он был необыкновенно скромным человеком, думал о себе, что он хуже всех, и ставил себя позади всех, считал себя недостойным даже малой почести. Когда в 1945 году его постригли в схиму и игумен Митрофан ему открыл свое намерение поставить его после себя игуменом скита, то он решил любыми средствами избежать этой почести. По этой причине он попросил игумена Митрофана уволить его со скита, и 22 февраля 1947 года поступил в Руссик, определившись среди братства Крумицкой метохи, выполняя рядом с ним обычные послушания новоназначенного послушника.

9 марта 1949 года умер игумен Андреевского скита отец Митрофан, и братья скита на своем собрании новым игуменом единогласно избрали отца Михаила. Он наотрез отказался от этой должности, но андреевцы не собирались менять своего решения и в течение шести месяцев посылали на Крумицу делегацию за делегацией к отцу Михаилу с просьбой принять должность игумена. В конце концов, убедившись, что такова воля Божия, отец Михаил согласился, и 28 октября 1949 года он был интронизирован седьмым по счету и, к сожалению, последним русским игуменом Андреевского скита с возведением в сан архимандрита.

Отец Михаил в своей личности прекрасно совмещал образованность и набожность, его интеллект обогащал его искреннюю веру в Бога, и, наоборот, вера в Бога укреплялась его глубоким интеллектом. Интересный портрет отца Михаила дал нам писатель Анатолий Даров. Вот что он пишет: «На всем облике старца — полное невнимание к себе, будто он уже не живет на земле, а только ходит по ней лишь для того, чтобы входить в алтарь: все богослужение совершает сам! Его подручные, пять монахов и иеромонахов, так стары, что уже даже стоять на службах не всегда могут. Прежде всего, «мы псковские». «Значит, вы вроде земляк мой, — говорил отец Михаил. — Северные русские — все земляки. Помню мой Псков, как же... Родина... Она и для монаха остается в силе и славе. В детстве-то, бывало, ох как трудно было учиться... В те времена во всем мире простым людям все давалось с трудом, не то что теперь. Однажды взмолился даже. И вдруг полегчало. И учение-то пошло быстро, блестяще. С тех пор и уверовал в силу молитвы».

С каким вниманием расспрашивал обо мне! Как будто я не просто гость, а посланец от самых дорогих и близких друзей. Какие только вопросы не были затронуты, и самые неожиданные для монаха, и понятные для университетски образованного

человека, но больше всего — о воспитании детей, в чем я ничего не смыслю. И о книгопечатании на Руси, причем почтительно выслушиваю настоящую лекцию с цитатами наизусть. Последнее понятно: отец Михаил большой книголюб и страстный коллекционер. Мы, русские, всегда к книге относились с большим почтением. Летописец говорит: «От книжных слов приобретаем мы мудрость». Монастыри наши были первыми и библиотеками, и школами. Как можно после этого уничтожать святые стены? «Вот и Горький, — отец Михаил, призвав на помощь несколько морщинок на высоком лбу, вспомнил, — писал: «Книга, может быть, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человеком»». Но о сгоревшей своей библиотеке — вскользь и сухо... А ведь всю жизнь собирал...

Выходим во двор. Прямо напротив выхода стоят обгоревшие стены библиотеки со вставленными в небо окнами. Потом я узнаю, как много на Афоне говорят и скорбят о ней и о том, будто отец Михаил не старался ее спасти. Конечно, власть игумена велика. Восьмидесятилетние монахи, как один, бросились бы по его слову в огонь и в воду. Но воды не было. Поэтому игумен запретил спасать дело всей своей жизни. «Пусть горят!» — будто бы сказал он⁴⁶¹.

Действительно, 17 июля 1958 года был самым страшным днем в жизни отца Михаила. Ночью по неустановленным причинам вспыхнул пожар и загорелась библиотека. Спасти ее не было никакой возможности, из-за давно испорченного водопровода в скит не поступала вода, а братия состояла из нескольких восьмидесятилетних старцев. Сгорела вся библиотека и весь архив. Это стало невосполнимой утратой не только для скита, но и для всего цивилизованного мира. Бесценное культурное наследие исчезло в огне в течение нескольких часов. В тот момент никто не понимал масштаба трагедии так отчетливо, как отец Михаил. Он знал каждый экспонат сгоревшей библиотеки персонально, он сам их когда-то, книгу за книгой, предмет за предметом, собирал, и теперь все это перед ним пылало огромным костром. Один Бог знает, что творилось в его сердце в эту страшную минуту, только твердая вера в Промысел Бога не дала немедленно разорваться его сердцу.

Отец Михаил имел постоянный контакт со старцами Руссика. До пожара, в 1957–1959 годах он часто писал письма игумену Иустину⁴⁶². После пожара он полностью затворился и в течение шести лет уже ни с кем не общался. Только в июле 1963 года принял у себя в скиту делегацию Московской Патриархии во главе с митрополитом Никодимом (Ротовым), прибывшим на Афон для празднования 1000-летия Афона.

Преставился отец Михаил 18 октября 1965 года.

⁴⁶¹ Даров А. Берег — «нет человека» (Афон современный и вечный). Нью-Йорк, 1966. С. 15.

⁴⁶² АРПМА. Док. № 3708.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ
СТАРЦЕВ И ПОДВИЖНИКОВ
РУССКОГО СВЯТО-ИЛЬИНСКОГО СКИТА
НА АФОНЕ**

Схиархимандрит Паисий

Схиархимандрит Паисий⁴⁶³ родом был болгарин. Его родители переехали из Филиппополя в город Килию Бессарабской области, где он и родился. Впоследствии они переселились в Кишинев. В 15-летнем возрасте он поступил в Добрушский монастырь, но пробыл там недолго. Гавриил, митрополит Кишиневский и Хотинский, во время посещения монастыря заметил его и велел игумену немедленно прислать его в митрополию, где началась общественная деятельность отца Паисия как иподиакона при экзархе Гаврииле. В 1825 году он был рукоположен в иероиакона, а в 1831 году — в иеромонаха и был поставлен игуменом в Соручанский монастырь.

В 1839 году отец Паисий испросил от епархиального начальства увольнение и прибыл на Святую Гору Афон. Здесь он купил в Кавсокаливском скиту келлию, где поселился со своим другом и соратником иеродиаконном, которого также звали Паисием. Весть о высокой духовности отца Паисия быстро разошлась по всему Афону. К нему за советами рекой потекли иноки разных обителей, все дивились его рассудительности и прозорливости.

Летом 1841 года братия Ильинского скита по жребию избрала отца Паисия своим настоятелем и пригласила его в скит. Отец Паисий ни за что не хотел расставаться с пустынной своей келлией и дал им твердый отказ. Тогда братия скита второй раз бросили жребий, и опять выпала кандидатура отца Паисия, и они, уверенные, что сам Бог желает в настоятели скита отца Паисия, стали его уговаривать более настойчиво, и наконец он согласился.

Первым делом он начал приводить в порядок церкви скита: завершил строительство соборного храма во имя святителя Митрофана, и в ноябре 1842 года она была освящена. На другой год отец Паисий с Божьей помощью построил новый корпус между церквями Благовещения и святителя Митрофана. Он разломал также все старые мелкие кельи вокруг скита и построил скит в большем размере. В течение семи лет ему удалось перестроить весь скит.

⁴⁶³ Жизнеописание составлено по книге: Краткий очерк жизни и трудов в Бозе почившего настоятеля Русского Ильинского скита, что на Св. Афонской Горе, архимандрита Паисия. М., 1872. См. также: Леонид (Кавелин), архимандрит. Настоятель Русского Ильинского скита, что на Афонской Горе, архимандрит Паисий / Душеполезное Чтение. Кн. 4, 1872. С. 389–401.

В 1850 году перестройка скита была завершена, и в нем началось умножение братства. Несмотря на это, отец Паисий не прекращал сам лично трудиться на обычных послушаниях, подавая личный пример братьям. Днем работал он на огороде, копая и насаждая огородную зелень, или носил камни для ограды виноградного сада, а ночью помогал повару чистить лук, картофель, свеклу и все, что потребно было для варки пищи, рубил дрова и носил воду на кухню. Он владел и мастерством портного и шил в особой своей мастерской церковные облачения и одежду для братии. Во время любого его занятия всегда была открыта пред ним для чтения какая-нибудь назидательная книга. Сам он одежду носил простую и ветхую, так что приходящие паломники, видя его одетым почти в рубище, не могли признать в нем настоятеля.

Так однажды, когда собирали виноград, один из русских паломников, нарезав корзину винограда, дает ее отцу Паисию, а от него берет пустую корзину и говорит: «Дай мне, старик, свою корзину, а это отнеси, где высыпаят». Лишь только взял от него отец Паисий наполненную виноградом корзину, как он узнал в нем игумена и, пав к ногам его, просил прощения за невежество свое.

В другое время, когда раскапывали источник, чтобы найти воду, он вместе с братией и рабочими копал землю и переносил камни. Работа эта продолжалась до двух месяцев. В это время в скит прибыл один нищий странник, чтобы попросить милостыню. Привратник на вопрос об игумене отвечал ему, что игумен на работе, и затем отвел странника на то место, где продолжалась работа, и показал ему старца. Бедняк, видя отца Паисия в старом рваном подряснике, измазанном грязью, оскорбился на привратника, но, не умея возможности объясниться по-русски, подумал, что указанный ему человек такой же проситель милостыни, как и он, и отведен на работу. Поэтому он и сам принялся работать с прочими. Нося же на носилках землю с одним братом, он просил его показать ему игумена. Тот указал на отца Паисия. Грек подумал, что и этот брат издевается над ним, потому что ни один брат не был одет проще отца игумена. И так нищий, оставаясь в недоумении, работал до самого обеда. В трапезной, видя отца Паисия, сидящего на первом месте, одетого во всей монашеской одежде, он все еще не верил, этот ли был на работе в рубище. Но когда подошел к нему после трапезы с прошением о подаче милостыни, то увидел под рясой тот же ветхий подрясник, из кармана которого отец Паисий вынул серебреник и подал ему. Тогда он крайне удивился смирению и простоте настоятеля.

3 августа 1868 года отец Паисий был возведен в сан архимандрита, что было признанием его несомненных заслуг как настоятеля и духовного отца. Он имел многие дарования от Бога, был смиренномудр, называя себя незнающим и неопытным,

и в трудных обстоятельствах, не полагаясь на свое рассуждение, хотя и богат был им, всегда прибегал к совету опытных своих друзей — сомолитвенников, особенно духовника Руссика отца Иеронима. И в этом он находил для себя большую духовную помощь и утешение.

Посетив однажды отца Иеронима, отец Паисий на вопрос, отчего он давно уже не посещал его, ответил: «Пред этим временем были у меня большие скорби, и я чувствовал большую нужду в советах, но отлучиться из обители было невозможно. Обстоятельства мои были тяжелы до крайности, на меня напала боязнь. В этом состоянии, придя в церковь, я стал пред иконой Божией Матери и начал просить Ее о помощи и услышал от Нее голос: «Не бойся, Я ношу Носящего вся».

Это было за год до кончины его. Незадолго до смерти отец Паисий в последний раз посетил Руссик, присутствовал и при освящении в старом Руссике церкви на Пирге во имя преподобного Саввы, епископа Сербского, и при закладке собора святого великомученика Пантелеимона, причем сам положил в его основание камень. Из Руссика он отправился на Крумицу, где провел в безмолвной пустыне две недели и, как сам выразился, вполне наслаждался и утешился безмолвием пустынным, служив там неоднократно. Возвратившись с Крумицы в Руссик еще на один день, он разделил с братьями Руссика празднование дня Ангела отца Иеронима и на другой день, собравшись домой рано утром, говорил: «Простите, уже более, кажется, не увидят очи мои Руссика». Так и случилось. Он от болезни слег и последние полгода уже не выходил из кельи. Посетивший его в последние дни его жизни отец Иероним спросил его, исполняет ли он дневную службу у себя в келье. Старец в ответ сказал: «Нет. С начала болезни я это делал, потом отяготился и в безмолвии, когда все братья удаляются в церковь, держу молитву Иисусову. Теперь же, когда более ослабел, чаще всего повторяю молитву святого Евстратия (читаемую ежедневно на субботней полунощнице) «Величая величаю Тя, Господи...» и проч. Она меня умиляет». И сказав это, он прочитал эту молитву с большой выразительностью и умилением до конца, а затем «Богородице Дево радуйся».

Преставился отец Паисий 5 сентября 1871 года. Перед смертью его причастили. Перед причащением он молился прерывающимся голосом словами: «Верую, Господи, и исповедую! Сподоби мя, Господи, неосужденно причаститься... Помяни мя, Господи». После причастия Святых Таин, несмотря на физические боли, он успокоился. Стон его был трогательным, смешанным с молитвой, произносимым слабым и маловнятным голосом: «Господи Иисусе, Пресвятая Богородице...» Потом он поднял руки, как на молитве, и опустил их на грудь крестообразно. С тем и дыхание его прекратилось. Глаза и уста его были сомкнуты, и на устах показалась улыбка.

Иеросхимонах Гавриил (Чедаев)



Иеросхимонах Гавриил⁴⁶⁴ (в миру Георгий Никитич Чедаев) был уроженцем Тульской губернии. До прихода на Афон он был насельником Киево-Печерской Лавры, где был пострижен в мантию с именем Гервасий и там же был рукоположен в иеромонаха. Он состоял духовником киевского митрополита Арсения и пользовался известностью благочестивейшего подвижника, любившего безмолвие и уединение. Очевидно, это стремление к тихой, уединенной жизни и достижению полного безмолвия привело его на Святую Гору, где очень скоро все узнали о его подвижнической жизни и полюбили.

Сам отец Паисий высоко ценил отца Гервасия и рекомендовал его в преемники себе на должности настоятеля. Его кандидатуру на этот пост поддерживал также тогдашний русский консул в Солуни, знаменитый философ Константин Леонтьев⁴⁶⁵. Вот почему отец Гервасий, несмотря на свое сравнительно недолгое пребывание на Афоне, не более трех лет, был избран в настоятели. Но должность эту нес он недолго: преклонный возраст и любовь к безмолвию заставили его оставить скит.

В 1873 году он поселился в Руссике, где был пострижен в схиму с именем Гавриил. Здесь он жил до своей кончины в уединенной келлии монастыря, поддерживая тесную духовную связь с игуменом Руссика отцом Макарием. Последние два года жизни он провел на подворье Руссика в Константинополе, так как тяжелая болезнь

⁴⁶⁴ Жизнеописание составлено по книге: Русский общежительный скит св. пророка Илии на св. Афонской Горе. Одесса, 1913.

⁴⁶⁵ Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 242.

заставила его оставить свою отшельническую келлию и прибегнуть к помощи врачей. И отсюда он не прекращал переписываться с отцом Макарием, испрашивая у него духовных советов и молитвенной поддержки в тяжелом испытании⁴⁶⁶.

Преставился отец Гавриил в Константинополе 5 января 1884 года.

Иеросхимонах Андрей (Полтавский)

Иеросхимонах Андрей (в миру Авраамий Захарович Полтавский) был уроженцем города Измаила Бессарабской губернии.

Он прибыл на Афон в 1847 году и поступил в Ильинский скит, где был пострижен в схиму в 1857 году с именем Андрей, в 1858 году был рукоположен в иеродиакона, а в 1863 году — в иеромонаха.

В 1873 году после ухода на безмолвие отца Гавриила игуменом скита братьями был избран отец Андрей. Он на первых порах своего настоятельства встретил большое сопротивление от некоторых считавших себя достойными настоятельства монахов, но, опираясь на большинство братьев, быстро смог упрочить в скиту свое положение. Поддержали отца Андрея и старцы Руссика, отец Иероним и отец Макарий, которые решили дать обстоятельное разъяснение всем противникам нового игумена: «Желание ваше, — писали они им, — относительно перемены, вещь неосуществимая, с какой бы стороны мы не стали рассматривать этот предмет»⁴⁶⁷. А отцу Андрею отец Иероним посоветовал возвести на почетное положение в скиту главного своего противника — бывшего эконома отца Иннокентия.

Отец Андрей с любовью принял совет мудрого старца и поспешил его же самого поставить судьей тех недоразумений, какие произошли в скиту между ним и отцом Иннокентием. «Отечская Ваша и любвеобильная попечительность, — писал отец Андрей к отцу Иерониму, — благоволит оказать в нашей неопытности предосторожность, а тем более ограничить в обители мир и согласие, с тем чтобы поставить в первобытную должность отца Иннокентия. И тем нам сохранить единение духа в союзе мира, но мы с покорностью просим Вашего благоволения принять Ваши меры на рассмотрение [происшедшее в скиту] и оценить их верность»⁴⁶⁸.

⁴⁶⁶ АРПМА. Док.: № 785, № 1347.

⁴⁶⁷ Дмитриевский А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 245.

⁴⁶⁸ Там же. С. 250.

На этот призыв отца Андрея отец Иероним дал обстоятельный ответ, где вновь призвал к примирению на общее благо скита. Отец Андрей смиренно подчинился совету великого старца и протянул руку сотрудничества отцу Иннокентию, но окончательное примирение все-таки не состоялось. Отец Иннокентий добивался большего, чем простое примирение, поэтому выехал из скита и отправился в Россию, где скончался в Киеве в 1878 году.

Отец Андрей же за свое смирение и готовность к примирению Господом был утешен видением чуда, которое было засвидетельствовано собственноручными подписями всех старцев скита: «1877 года февраля, 17 дня, в четверг второй седмицы Святой Четыредесятницы, после отправленных часов в соборной церкви во имя св. пророка Илии, в третьем часу дня, увидели мы, нижеподписавшиеся семь человек, на иконе Божией Матери Тихвинской, находящейся в кивоте за престолом в алтаре этой соборной церкви, ясный мокрый след слез, пролитых из правого глаза Божией Матери через всю икону вниз, которые все остановились на плече иконы. А на левом глазу стояла одна большая капля слезы, которая минут через 10 при нас скатилась на 1/2 вершка вниз. И мы в это время эти слезы вытерли ватой начисто и саму икону вынимали из кивота для осмотра с обеих сторон, и она оказалась совершенно сухою, и после поставили ее на свое место, и, все вышедши, заперли церковь с тем, чтобы туда никто не входил. После этого через три часа, в половине седьмого, как только позвонили к вечерне, мы вошли в церковь и вновь увидели на этой иконе не совсем ясные засохшие от времени следы слез, пролитых из обеих глаз Божией Матери, из правого глаза через всю икону вниз, которые остановились в значительно заметной мокроте, на правой щеке, и груди, и внизу на плече, а из левого глаза по иконе вниз, которые все остановились на правой благословляющей ручке Предвечного Младенца Спасителя. А ниже ручки не пошло по иконе ни одной капли, тогда как вся ручка была замочена слезами, подобно как бы в ту минуту значительно облита водою, и на этой ручке слезы стояли, как мы смотрели более часа, что было достойно удивления, и в это же время мы увидели на левом глазу одну большую каплю слезы, которая через четверть часа при нас скатилась по иконе вниз вершка на три, и во все это время на обеих глазах была от слез очень заметная мокрота. По видении этом мы опять все эти слезы вытерли. И после того слезы от иконы не видели.

В истинном показании всего этого свидетельствуем собственноручною подписью и подтверждаем нашей Ильинской обители печатью 21 февраля 1877 года.

Подпись: Русского общежительного скита св. пророка Илии настоятель иеросхимонах Андрей; иеромонах Паисий; иеросхимонах Каллист; иеромонах Ливерий; иеродиакон Феоктист; монах Мануил; монах Герасим»⁴⁶⁹.

⁴⁶⁹ АРПМА. Док. № 1791.

Описанное чудесное явление отец Андрей принял как призыв к покаянию. Он все время сожалел, что не удалось ему окончательно примириться с противостоящим ему братом, и поэтому в 1878 году решил оставить тот пост, который был предметом спора, и провести оставшуюся жизнь в безмолвии, молитве и уединении. После избрания нового настоятеля отца Товии 8 сентября 1878 года он удалился на безмолвие в пустынноческую келлию святителя Тихона Задонского на Капсале, на территории Пантократорского монастыря, где прожил в полном затворе до конца своей жизни. Дата его кончины неизвестна. По всей видимости, он умер в конце XIX века.

Иеросхимонах Товия

Иеросхимонах Товия был уроженцем Харьковской губернии. Фамилия его нам неизвестна. До переселения своего на Афонскую Гору он проживал в Ахтырском монастыре Харьковской епархии, где был пострижен в монахи и рукоположен в иеродиакона. На Афоне он поступил в Ильинский скит, где был рукоположен в иеромонаха, после чего удалился в Кавсокаливский скит и десять лет прожил там в полном затворе. Возвратился он в Ильинский скит по настоятельным и убедительным просьбам братии скита и 8 сентября 1878 года был избран новым игуменом.

При отце Товии за воротами монастыря был построен небольшой двухэтажный корпус, где помещалась братия. Но главным начинанием отца Товии был соборный храм скита. В июне 1881 года Святую Афонскую Гору посетила Великая Княгиня Александра Петровна (в монашестве — схимонахиня Анастасия). Настоятель Ильинского скита отец Товия явился к Ее Высочеству для засвидетельствования своего почтения. Тогда же он осмелился просить ее положить первый камень в основание предполагаемого в скиту соборного храма, на что Ее Высочество милостиво согласилась. 22 июня она прислала камень с соответствующей надписью, поручив контр-адмиралу Головачеву положить его от ее имени в основание собора. Обряд закладки храма был совершен в тот же день. Несмотря на то что строительство храма было завершено только через 33 года, бесспорно, честь основания его принадлежит отцу Товии. Он же был автором архитектурного замысла. Храм и по сей день является одним из лучших среди храмов Афона, и по праву его можно считать жемчужиной мирового зодчества.



Соборный храм святого пророка Илии. Таким его видел отец Товия. Фото 1914 года

Отец Товия по традиции активно сотрудничал со старцами Руссика, имел к отцу Иерониму большое уважение и сыновнюю любовь, по многим затруднительным вопросам он то письменно⁴⁷⁰, то лично обращался к нему за советами.

Несмотря на свою активность по благоустройству скита, по свидетельству архиепископа Арсения (Стадницкого), «отец Товия действительно тяготился своим положением и с особенной любовью вспоминал о своей уединенной, чисто созерцательной жизни, и все помыслы его туда устремлены»⁴⁷¹. По всей видимости, именно по этой причине в 1885 году отец Товия оставил игуменство и вернулся в Россию, в Ахтырский монастырь.

⁴⁷⁰ АРПМА. Док.: № 1268, № 1349.

⁴⁷¹ Арсений (Стадницкий), архиепископ. Дневник студента-паломника на Афон. Киев, 1886. С. 89.

Преподобный схиархимандрит Гавриил

Схиархимандрит Гавриил⁴⁷² родился в 1849 году в Киевской губернии. При крещении он получил имя Георгий. В 12-летнем возрасте он остался круглым сиротой, а потому не получил почти никакого образования и был вынужден поступить в услужение к богатым людям. Будучи от природы любознательным, он много читал, в особенности жития святых. Это было тогда одним из самых любимых чтений для простого русского народа. Тяжелая болезнь побудила его дать обет в случае выздоровления сходить в Киев и поклониться его святыням. Поправившись по милости Божьей, он отправился в Киев и, посещая обители, монашествующих, и сам задумал стать монахом. Вскоре он поступил в Феофановскую пустынь, к знаменитому тогда старцу Вонифатию. Однако душа его здесь не находила покоя, и он, побывав в святом городе Иерусалиме, пожелал посмотреть на монахов, подвизавшихся на Святой Горе Афон. Здесь ему понравилось, и он поступил в Ильинский скит, когда настоятелем в нем был архимандрит Паисий.



В скором времени, а именно в 1869 году, когда ему только что минуло 20 лет, он был пострижен в монашество с именем Гавриил, в 1874 году его рукоположили в иеродиакона, в 1876 году — в иеромонаха, а в 1885 году после отказавшегося от настоятельства иеросхимонаха Товии (1879–1885) он был избран и утвержден настоятелем скита. Вселенский Константинопольский Патриарх

⁴⁷² Жизнеописание составлено по книге: Душеполезный собеседник. 1902 год. М., 1902. С. 147.

Неофит VIII удостоил его в 1891 году возведения в сан архимандрита, а державный турецкий султан Абдул-Гамид II пожаловал ему орден Меджидие II степени со звездой.

«В обители на отца Гавриила возлагались важные послушания: казначея, эконома, а также настоятеля Ильинского подворья в Константинополе. Дел по хозяйству было так много, что впору лишь было добратся до кельи, хоть немного дать отдыха и покоя своему усталому телу, а затем идти на богослужение и снова браться за свои хлопоты для скита. Отец Гавриил не переставал жить напряженной духовной жизнью. Непрестанная молитва, духовная мудрость, отеческое обращение с братией, сердечная приветливость — все эти качества удивительно сочетались в нем. Новый настоятель, имея от Бога высокие духовные дарования, искусно управлял жизнью обители. Он учил братию необходимости строгого соблюдения монастырского устава, внутреннего совершенствования.

Много потрудился архимандрит Гавриил для благоустройства и процветания обители, как внутреннего, так и внешнего. Со времени закладки в скиту нового храма Великой Княгиней Александрой Петровной, в монашестве — схимонахиней Анастасией, которая прислала первый камень с надписью в основание собора, произошло сильное противостояние греков против русских монахов на Афоне вообще и против Ильинского скита в частности. Отцу Гавриилу, как известному миротворцу, стяжавшему благодатный мир Божий, удалось миром закончить конфликт в пользу Ильинского скита.

Впереди предстояла постройка нового собора, но средств не хватало. По ходатайству отца Гавриила по Высочайшему соизволению и с благословения Святейшего Синода русскому скиту святого пророка Илии был разрешен сбор подаваний по всей Российской империи.

В конце 1893 года архимандрит Гавриил в сопровождении братии прибыл в Россию со святынями Ильинского скита: чудотворной иконой Божьей Матери «Млекопитательница», частью Древа Животворящего Креста Господа и левой стопой от мощей апостола Андрея Первозванного. По благословию митрополитов Палладия Санкт-Петербургского и Сергия Московского, архиепископов разных губерний эти святыни были поставлены в храмах столицы и других городах для поклонения благочестивых христиан и сборов посильных пожертвований.

Посещением Божиим добрые люди откликнулись на святое дело и своими отношениями дали возможность начать в скиту новые постройки. Святость жизни отца Гавриила, его духовная сила привлекали к нему иноков и мирян. Появились материальные средства, необходимые для строительства и удовлетворения других нужд.

Имея попечение о братии, заботясь о благолепии афонского Ильинского скита, отец Гавриил не забывал проявлять заботу и о русских паломниках, отправлявшихся из Отечества в Святую Землю и на Афон. Для этого в 1894–1896 годах в городе Одессе на Ильинском подворье был построен в византийском стиле великолепный трехпрестольный храм. 22 декабря 1896 года архиепископом Херсонским и Одесским Иустином был освящен главный придел его во имя Божьей Матери «Млекопитательницы», 23 декабря освящен правый придел во имя пророка Илии, а 24 декабря — левый придел во имя архангела Гавриила. Были также построены помещения со всеми удобствами для паломников.

В 1894 году отец Гавриил заложил в Ильинском скиту на Афоне новый общежительный корпус, постройка которого была закончена в 1898 году. В следующем году он приступил к сооружению фундамента и подвальной части храма.

Заботы звали его в дорогу, и в 1901 году, несмотря на слабое здоровье, архимандрит Гавриил был вынужден отправиться в Россию на скитские подворья в Одессе, Таганроге и Ново-Николаевске для распоряжений по хозяйству и назидания братии.

Перед отъездом с Афона старец Гавриил, предчувствуя близкую кончину, обратился к братии с прощальными словами: «Мир мой оставляю вам, мир мой даю вам... Если будем носить друг друга тяготы, если будем иметь между собой тот мир, который заповедал нам Иисус Христос, то и сердобольные наши благодотворители — истинные чада Святой Православной Церкви, молитвенно незабвенные сыны возлюбленного нашего Отечества — Святой России не имут отставить нас своими щедрыми вспомоществованиями, чем и обитель наша существует по милости Царицы Небесной».

Посетив по пути подворья в Константинополе, Одессе и Таганроге, архимандрит Гавриил в октябре прибыл в Ново-Николаевск. 14 октября после Божественной Литургии он почувствовал недомогание. На другой день здоровье его ухудшилось. 18 октября он причастился Святых Христовых Таин, а 19 октября отошел в вечную жизнь, туда, куда всегда были устремлены все его мысли и пожелания. Это случилось в 1901 году.

Честные останки старца были перенесены в Одессу и 2 ноября погребены в склепе храма Ильинского подворья.

После революции подворье Ильинского скита сразу же было ликвидировано.

23 октября 1994 года, в неделю 18-ю по Пятидесятнице, в Свято-Ильинском соборе прошли торжества, посвященные прославлению преподобного Гавриила Афонского»⁴⁷³.

⁴⁷³ Русский Паломник. 2001 год, № 23. С. 8.

Архимандрит Максим



Архимандрит Максим⁴⁷⁴ был игуменом Ильинского скита с 1901 года. Еще за год до своей кончины прежний настоятель отец Гавриил предложил братии выбрать ему приемника, который бы после его смерти мог занять его место. И сам отец Гавриил на вопрос братии, кого бы он назначил, указал на отца Максима, с чем все были согласны и благодарили отца Гавриила за его попечение об обители. Видя, что это внушено ему свыше, братия, как только получила известие о смерти отца Гавриила, стала просить отца Максима принять настоятельство над Ильинским скитом, и отец Максим уступил их усердной просьбе. Весной

1902 года по благословению Константинопольского Патриарха Иоакима III отец Максим был поставлен в архимандрита.

До принятия настоятельства иеромонах Максим нес нелегкий подвиг служения молебнов пред святынями. В 1893–1896 годах он находился для сбора пожертвований в России, а после возвращения на Афон занимал должность казначея.

Вступив в управление обителью с 400 братьями, архимандрит Максим сразу принялся за окончание достройки соборного храма. Между тем скит нуждался и в больнице. Благодаря его мудрому руководству уже через три года больница была построена. А в 1907 году в скиту решительно приступили к окончательной достройке храма. До этого времени был воздвигнут только фундамент храма, а отцу Максиму удалось собрать необходимые финансовые средства для окончания его строительства. Об этом мечтал еще отец Товия, но не успел завершить начатое.

⁴⁷⁴ Жизнеописание составлено по книге: Русский общежительный скит св. пророка Илии на св. Афонской Горе. Одесса, 1913.

Собор этот, как мы уже говорили, является украшением Афона. Он был освящен 20 июня 1914 года, в день начала Первой мировой войны, как бы в ознаменование того, что Божьи планы независимы от людских деяний и однозначно благи. То, что начали люди в тот день, принесло огромные страдания всему человечеству, а то, что Бог освятил в тот день, и доныне утешает тысячи верующих сердец.

В конце 1914 года отец Максим серьезно заболел и в этом увидел Божий Промысел. Он до сих пор выполнял Его волю, достраивая собор, а теперь настало выполнить другую Его волю — через болезнь привести в порядок свое внутреннее состояние. Отец Максим решил отказаться от игуменства и уединился в отшельнической келлии. Еще пять лет предстояло ему бороться со своим недугом и через благодушное перенесение физических болей все более и более очищать свою душу для принятия Святого Духа Божия.

Преставился отец Максим 11 июня 1919 года.

Архимандрит Иоанн (Гетманенко)

Архимандрит Иоанн (в миру Григорий Васильевич Гетманенко) родился в 1877 году в Астраханской губернии.

Григорий Васильевич приехал на Афон в 23-летнем возрасте и поступил в Ильинский скит, где был пострижен в мантию в декабре того же года. 7 мая 1901 года был рукоположен в иеродиакона, а затем в иеромонаха. В июле 1914 года, когда больной игумен Максим решил снять с себя обязанности по руководству скитом, то братия новым игуменом избрала отца Иоанна. В то время внешне скит был в полном расцвете: только что освятили соборный храм, все постройки были завершены, и новому игумену как бы не оставалось забот. Но в действительности состояние скита было очень тяжелым: из-за строительства собора все



финансовые резервы были исчерпаны, а новых поступлений уже не было, начавшаяся война прервала все контакты с Россией, и, соответственно, остановился поток пожертвований благодетелей.

Отцу Иоанну пришлось проявить все возможные и невозможные организаторские таланты, чтобы прокормить братство числом в 400 человек. Он быстро понял, что на внешние доходы рассчитывать не придется, и поэтому начал устраивать огороды и сады, очищать от леса территорию для новых площадей для них. Умелой организацией хозяйственной части обители отец Иоанн добился того, чтобы братья имели достаточно пищи. Он даже умудрялся снабжать овощами и фруктами Андреевский скит и многие мелкие русские келлии.

Об отце Иоанне в своей книге об Афоне упоминает писатель Вл. Маевский. Вот что он пишет: «Широкоплечий и крепко сшитый, среднего роста, с улыбающимся лицом и умными глазами, он встретил меня в приемном зале для гостей. И вдруг на меня пахло чем-то родным, уютным и детски близким. Я так и почувствовал себя там, у себя... и не только в России, но на просторах родных полтавских и черниговских полей, среди их хуторов, высокой конопли и волнуемой пшеницы.

Это был игумен Свято-Ильинского скита, архимандрит отец Иоанн. <...> Отец Иоанн привлекает своим радушием и ласковостью. Это человек одаренный, с глубоким, природным умом. Хотя этот ум не чужд и своеобразной «хохляцкой хитрецы», которая иногда невольно проскальзывает при разговорах о делах хозяйственных... Зато хозяйство и деловая часть у отца Иоанна поставлены выше всяких похвал, и видно по всему, что от его пронизательного глаза не скроется ничего в обители — ни в ее Божиих домах, ни в мастерских, ни на огородах и виноградниках»⁴⁷⁵.

Но ведение хозяйства было все-таки не главной заботой отца Иоанна, в первую очередь он был истинным подвижником. Он имел своим духовным отцом схимонаха Вениамина (Малышева), которого часто посещал в его отшельнической келлии, как только находил свободное время. Перед ним он был не игумен скита, а простой послушник и старался исполнять все его духовные указания. За такое смирение и послушание он был одарен Богом многими дарами: имел дар непрестанной Иисусовой молитвы и дар плача.

Преставился отец Иоанн 25 июля 1952 года.

⁴⁷⁵ Маевский В. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 135–138.

Архимандрит Николай

Архимандрит Николай родился в 1879 году, мы не знаем, в каком месте России он родился и как жил до поступления в монастырь.

Отец Николай прибыл на Афон около 1900 года и поступил в Ильинский скит, где он был пострижен в монахи и рукоположен в иеромонаха. О его деятельности в скиту нам почти ничего не известно, только знаем, что в 1952 году после смерти игумена Иоанна он был избран новым игуменом Ильинского скита. Ему пришлось руководить скитом в эпоху полного упадка скита, как материального и так и духовного. К моменту его смерти в скиту оставались всего три монаха, так что после него нового настоятеля не выбирали.

Об отце Николае мы можем судить лишь по краткому сообщению писателя Анатолия Дарова, где хорошо видна его позиция по отношению к Московской Патриархии. Несмотря на сопротивление многих делу восстановления общения с Русской Церковью, он, как и все русские насельники Афона, в глубине сердца надеялся на скорое восстановление связей с Московской Патриархией. «Так и не приехал бедный Алексий [Патриарх Московский и всея Руси], и по человечески мне его очень жаль, стар ведь, и, слышно, болен, и не у дел... Афон ему ох как нужен!»⁴⁷⁶ А из другого фрагмента рассказа видно, как тесно общался отец Николай с игуменами двух других русских обителей, с отцом Илианом (Сорокиным)⁴⁷⁷ и с отцом Михаилом (Дмитриевым): «Илиан, да Михаил, да я. И все мы родные, и все мы разные!»⁴⁷⁸

Преставился отец Николай 17 апреля 1973 года. Он был последним русским игуменом Ильинского скита.

⁴⁷⁶ Даров А. Берег — «нет человека» (Афон современный и вечный). Нью-Йорк, 1966. С. 26.

⁴⁷⁷ В архиве Руссика сохранились его письма: АРПМА. Док. № 3698.

⁴⁷⁸ Даров А. Берег — «нет человека» (Афон современный и вечный). Нью-Йорк, 1966. С. 26.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ
СТАРЦЕВ И ПОДВИЖНИКОВ
РАЗНЫХ РУССКИХ ОБИТЕЛЕЙ НА АФОНЕ
(КЕЛИОТОВ, ОТШЕЛЬНИКОВ, СИРОМАХ)**

Схиероδιακον Αγαпий

Схиероδιακον Αγαпий⁴⁷⁹ был великороссом и еще в конце XVIII века поступил в Свято-Ильинский скит, где он был пострижен в мантию и рукоположен в иероδιαкона. Почти 30 лет он безропотно и с любовью к братьям во Христе нес в скиту различные послушания. За его безграничную любовь к Богу и людям старцы нарекли его именем Αγαпий (*греч.* любовь).

Около 1818 года его постригли в схиму с тем же именем, и после этого он восхотел поработать Господу Богу один в пустыне, в безмолвии и, получив благословение от старцев скита, вселился в глухой пустыне между гор, в долине, в непроходимом лесу.

Отец Αγαпий учил, что одиночество — это зеркало души, человек, только оставшись один на один со своим внутренним миром, может реально оценить состояние своей души и, соответственно, принять меры для его оздоровления. Но на келлии в одиночестве можно выстоять только при соблюдении трех условий: во-первых, подвижник должен всеми своими наблюдениями и заключениями немедленно делиться со своим духовным отцом; во-вторых, у него должен быть четкий распорядок дня — келейный устав, расписанный поминутно, который в точности он должен соблюдать; в-третьих, он должен неуклонно исполнять правило непрестанного богомыслия, то есть беспрерывного памятования о Боге: если молится, то он должен молиться умно-сердечной молитвой, если не молится, то должен читать Священное Писание и другие богодухновенные книги. Если же подвижник в пустыне не молится и не читает, то хотя бы размышляет о Боге. А если ничего вышеназванного не хочется делать, то надо петь о Боге. Пение вслух — очень хорошее средство против уныния. А когда вернется молитвенный настрой, то вновь необходимо приступать к молитве. Ни минуты без Христа — вот главное делание отшельника. И если он сможет четко держаться вышеуказанных правил, то ему не страшны никакие бесовские ухищрения. Если же хоть одно из этих условий будет нарушено, то враг однозначно обхитрит его, и он или впадет в прелесть, или сойдет с ума.

⁴⁷⁹ Жизнеописание составлено по книге: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Часть 4-я, Москва, 1856. С. 285.

Отец Агапий постоянно делился своими помыслами и наблюдениями со своим духовным отцом в Ильинском скиту, где он причащался каждое воскресенье и по праздничным дням. Во время одного такого посещения один послушник сказал ему:

— Отец Агапий, как хорошо тебе в пустыне, в одиночестве, тишине и спокойствии, не то что наша шумная, многосуетная жизнь в скиту!

На что отец Агапий ответил:

— Да, спокойно и тихо, пока душегубец не придет и не начнет душить, то тогда порой так страшно, что как будто кровь замерзает в жилах. Если бы не милость Бога, то пережить это было бы невозможно.

— А почему нам, киновитам, он не является так? — спросил вновь послушник.

— А потому, что враг смертельно боится братской молитвы, и если не будет ему особо попущено свыше, то он не может приблизиться к общежительным обителям, — ответил отец Агапий.

— А почему тогда ты не сбежишь со своей пустыни к нам? — доискивался любознательный послушник.

— Я там по воле Царя Небесного. И как ратник не может оставить место службы, указанное ему земным царем, так и мы, монахи — ратоборцы духа, не можем оставить то место, которое нам определил наш Господь — Царь Небесный, — ответил отец Агапий.

С праздностью отец Агапий боролся с помощью непрестанной Иисусовой молитвы и рукоделия, которым он зарабатывал себе на хлеб. Делал ложечки и в субботу носил их в Карею продавать. Но сначала ложки его никто не покупал, потому что были они сделаны не очень искусно. Один монах, родом грек, видя, что он не может продать своего рукоделия, из жалости купил у него несколько ложек, привел его в свою келью, дал ему пищи: хлеба, масла и круп, и велел ему приходить каждую субботу, и приносить ложки, и получать пищу. Отец Агапий ходил каждую субботу, приносил свои ложки и получал нужную пищу. Придя раз в келью своего доброжелателя, он увидел, что его ложки горят в огне. Он заплакал, а монах ему сказал: «Не плачь, мы покупаем твои ложки не для того, что они нам нужны, но потому, что тебе нечем пропитаться». Но вскоре иеродиакон научился делать ложки так, что они с успехом продавались на рынке в Карее.

В одно время, в Великий пост, он заболел и не имел никого, кто бы о нем позаботился, кроме Единого Бога. Пища вся закончилась, а он из пустыни выйти не может. Наступил праздник Святой Пасхи, а он в крайней нужде: нет ни хлеба, ни здоровья. На Афоне есть такой обычай, что все братия и пустынножители сходятся праздновать праздник в большие монастыри и скиты или в богатые келлии. В Великую субботу они приходят в Карею и сговариваются, кто где будет праздновать.

И вот сговорились три монаха-грека праздновать Пасху на одной келлии, имеющей церковь и священника. Вечером один монах с учеником наготовили разной пищи и доброго вина, взяли все с собой и пошли к утрени в назначенную келлию, но потеряли дорогу и заблудились, ходили по горам и лесам всю ночь. Слышат, в монастырях везде звон, а выйти не могут и места не знают, где находятся. Потом пришли в глубокую долину, идти далее нельзя, и сели отдыхать. Вдруг услышали под горой стон человека. Они начали звать: «Кто там?» Но никто не отвечает, а только стонет и плачет. Они нашли удобное место, сошли вниз и нашли лежащего в траве больного монаха — русского иеродиакона — и спросили: «Почему тут лежишь, а не пойдешь куда-нибудь на праздник?» Он ответил, что был долго болен, пищи никакой не имеет, а от слабости здоровья и от голода совсем изнемог. Что он вышел из келлии и хотел идти, но не смог, упал на землю и ожидал смерти. Они его подняли и сказали: «Проведи нас в свою келлию, Господь послал тебе всякое утешение, и у тебя сотворим Пасху».

Пришли в келлию, и, как смогли, пропели канон Пасхи, и отправили часы. Потом разговелись и подкрепили болящего пищей, и вином, и прочим, что имели, а остальное оставили ему. Он много и со слезами благодарил Господа Бога, что услышал его скорбящего и укрепил его в болезни, послал ему Свою помощь и утешил его всем до изобилия.

Простившись, отцы отправились в путь свой, и когда взошли на гору, то увидели, что всю ночь ходили недалеко от той келлии, куда шли. И когда пришли на келлию, то хозяин со скорбью им говорил: «Почему так долго не приходили и заставили нас весьма долго дожидаться?» Они рассказали, что с ними случилось в пути и что видели. Рассказали, как разговелись ради любви к брату. Все слышавшие прославили Царя Небесного, Господа Бога, творящего дивные дела и утешающего верных рабов Своих, в пустыне Ему работающих. После трапезы отцы взяли все, что осталось, и пошли опять к больному. Принесли ему пищи, которой хватило ему на многие дни. После этого до самой смерти его посещали и носили ему еду. И он остальные свои дни жил спокойно и всеми материальными потребностями был доволен. Пожил отец Агапий еще несколько лет и с миром преставился около 1820 года.

Схимонах Никодим (Гончаров)

Схимонах Никодим⁴⁸⁰ (в миру Николай Афанасьевич Гончаров) был родом из города Старого Оскола Курской губернии. Он происходил из мещанского сословия и получил приличное начальное образование. Но свои знания использовал не для того, чтобы устраивать свою жизнь в миру, а чтобы читать Божественное Писание и святоотеческие творения.

В ранней юности он оставил мирские попечения, дом, родителей и имение и много странствовал по России, проживая по разным российским монастырям. Со временем стал великим ревнителем Христовой Церкви и принял решение поехать на Афон и там послужить Богу.

Вернувшись в свой город для прощания с родными, он убедил своих двух родных по плоти братьев оставить суетный мир со всеми его прелестями, взять крест свой и идти вслед за Господом Иисусом Христом тесным и прискорбным путем иноческого жития. Еще и других некоторых родственников и соседей убедил он последовать Христу. Из Старого Оскола, своего города, привел он с собой на Святую Гору Афон пятнадцать человек, многие из которых навсегда остались там монашествовать⁴⁸¹. Одним из них был будущий духовник Руссика Иероним (Соломенцов), родственник ему по плоти, а другой — его родной брат, будущий монах отец Филипп.

Прибыли они на Афон 17 сентября 1836 года. Из прибывшей группы одни вернулись домой, а некоторые разошлись по разным обителям. Братья же Гончаровы купили Архангельскую келлию Ставроникитского монастыря. Они препоручили себя духовнику Арсению и постриглись от него в великую схиму. Николай получил имя Никодима, а его брат — имя Филиппа.

Через два года жесткого подвига здоровье отца Никодима пошатнулось, и он тяжело заболел. Но он смиренно и безропотно принял свою болезнь как волю Бога и с терпением переносил невыносимые боли почти год. В 1838 году он умер.

⁴⁸⁰ Жизнеописание составлено по книгам: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Часть 4-я, М., 1856. С. 257. Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Часть 2-я, М., 1856. С. 192.

⁴⁸¹ В общей сложности с 1836 по 1914 год из города Старого Оскола на Афон монашествовать приехали 37 человек.

Через три года по афонскому обычаю была открыта могила схимонаха Никодима. Когда вынули и обмыли его кости, то они оказались желты и благоуханны. Сложили их в корзину и по обычаю внесли в церковь на всенощное бдение. Был при этом и старец — духовник Арсений. Вместе с отцом Иеронимом радовался он духовной радостью, видя, что его почившее о Господе чадо сподобилось милости Божьей. Отец Арсений послал скоро за родным его братом — монахом Филиппом, который жил недалеко в своей келлии. Когда же тот пришел, то много плакал от радости.

Отпели панихиду и поставили кости посреди церкви, и была всем изобильная трапеза. С вечера начали всенощное бдение. Когда пели «Хвалите имя Господне», то все ощутили благоухание по всему храму и на дворе, чему вся братия весьма удивилась. Они стали даже спрашивать друг у друга в храме, также и в алтаре, так как все недоумевали, отчего происходит такое благоухание.

Старец Иероним подошел со свечой к костям и увидел, что из сухой кости, из главы, из тех отверстий, где были уши, истекает миро, подобное елею, и испускает неизреченное благоухание. Он велел перестать пению и сказал всем: «Придите, отцы и братья, и посмотрите своими очами эту дивную вещь, и прославьте Творца Небесного».

Все, видевшие это, возрадовались и прославили Бога, творящего дивные чудеса. Отец Иероним говорил братьям: «Отцы святые, почему так из сухой кости истекло благовонное это миро? Почему не из другого какого места, а только из ушей? Тому, должно полагать, причина та, что эти уши не имели сытости слушать Слово Божье и всякое благочестивое писание. Все вы знали этого блаженной памяти отца Никодима, какой он был искусный чтец и певец, так что другого, подобного ему, из русских на Святой Афонской Горе не обретается. Так он любил слушать Священное Писание, что, если бы кто-нибудь ему читал день и ночь, он никогда не мог утомиться и насытиться. А мне потому это известно, что с ним мы из одного города уроженцы. С самой юности он был мне друг и духовный брат. И вместе мы с ним оставили суетный мир с его прелестями: несколько лет странствовали и проживали по российским монастырям, вместе пришли на эту Святую Афонскую Гору и хотели здесь в единой келье жить. Часто случалось, что по целой ночи я ему читал, и сам он мне говорил: «Столько люблю слушать Божественное Писание, что, если бы кто читал непрестанно, мне никогда бы не наскучило». Теперь отцы, явно показал нам Господь, сколь полезно нам слушать Божественное Писание. Эта сухая кость, лежавшая три года в земле, источает такое благовонное масло. Но отец Никодим был не только слушатель, но и творец: все услышанное старался исполнить делом. Для того и оставил свое Отечество, славную

Россию, и удалился в это тихое пристанище, и вселился в эту пустыню. Да поработает Господу Богу своему без всяких препятствий от мира сего. И мы, отцы, если будем подражать сему блаженной памяти схимонаху Никодиму, слушать Святое Писание и исполнять его делом, и мы сподобимся с ним вечного блаженства. Аминь».

Схимонах Николай

В жизнеописании великого старца отца Арсения было сказано, что, находясь в Киево-Печерской Лавре, он нашел там себе спутника по имени Никита, уроженца Тульской губернии, который с этого времени до самой смерти, более сорока лет, во всех скорбях, трудах и подвигах был ему соучастником. Взяв благословение у киевских чудотворцев и помолвившись им, отправились они далее в путь⁴⁸².

В Молдавии, в Балашевском скиту, их обоих постригли в монашество и нарекли Алексею имя Авель, а спутнику и сотруднику его Никите — Никандр. Здесь же, не желая жить по своей воле, они совместно решили одному у другого быть в послушании и не разлучаться до самой смерти. Так и исполнили они это на самом деле. Хотя отец Никандр и желал отца Авеля иметь себе за пастыря, потому что тот был уже иеромонах и духовник, но отец Авель никак не соглашался быть за старца. Поэтому и решили жить одному у другого в послушании, по-братски.

На Афоне они продолжали исполнять свой договор и были друг у друга в полном послушании. Они не только жили вместе, но и воспитывали друг друга. Великий старец Арсений со своей безграничной добротой и любовью благотворно влиял на отца Никандра. Видя его Божественную любовь к людям, отец Никандр и сам умилялся и падал ему в ноги, плакал и просил прощения за свое жестокосердие, хоть и сам имел милостивое сердце. Так блаженные старцы соревновались в любви.

Вскоре оба постриглись в великую схиму. Отец Авель, духовник, наречен был Арсением и принял схиму от одного схимонаха, Арсения. А отец Никандр наречен был Николаем и принял схиму от своего же собрата отца Арсения, и стали они уже как старец с учеником.

Жили они по пустынному уставу. Никаких попечений житейских не имели: не занимались ни садом, ни огородом. Хотя у них и были масличные деревья, но они за ними

⁴⁸² Жизнеописание составлено по книге: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Часть 4-я. М., 1856. С. 197.

не смотрели. Когда поспевали плоды, то отцы приглашали одного из нуждающихся, бедных людей и ему поручали набрать себе плодов.

Они к себе никого не принимали и говорили: «С нами жить никто не может. Мы едва за тридцать лет достигли того, что и теперь еще искушаемся и изнемогаем. Хотя дух и бодр, но плоть немощна, и если бы благодать Божья не подкрепляла нас, то и этого не смогли бы».

С того времени, как они пришли на Святую Гору, отец Николай прожил девятнадцать лет, а отец Арсений — двадцать четыре года. За все это время они не позволили себе вкусить ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла. Пища их была сухари, моченные в воде. И те приносили они на своих плечах на гору из Иверского монастыря. Еще любили черные баклажаны квашеные, посыпанные красным перцем. Много солили стручкового красного перца.

Вот повседневная их трапеза: сухари, перец и баклажаны, случался и лук, если кто принесет. Соленые маслины и смоквы предлагали только гостям. И всегда вкушали однажды в день, в третьем часу пополудни, а в среду и пяток оставались без трапезы.

Устав их жизни был таков: после трапезы до вечерни занимались по кельям чтением духовных писаний. Потом правили по уставу вечерню, читали ее всегда со вниманием и со слезами, не спеша, тихо и кротко. Потом служили повечерие с канонем Богородице и на сон грядущий читали молитвы. Ночь всю препровождали в бдении, в молитве и поклонах. Если сон их преклонял, то, сидя, мало давали место сну, не более часа за всю ночь и притом неприметным образом, а более нудили себя, часто ночью прохаживались. Часов у них не было, но всегда знали они, который час, ибо под горою, в Иверском монастыре, на колокольне били часы, и они их слышали.

В самую полночь сходились отцы в церковь на соборную молитву и там читали полунощницу, а потом утреню по уставу. После утрени читали всегда канон с акафистом Пресвятой Богородице. Затем предавались безмолвию, пока рассветает. Днем занимались рукоделием — делали по десяти ложек на брата, работая в разных местах. Разговоров между собой никогда не вели, разве только о необходимом, и пребывали всегда в молчании, в хранении сердца и в беспрестанной умной молитве. Потом читали часы и молебн Божией Матери, а потом трапезничали. И так препровождали дни и ночи в беспрестанной молитве и рукоделии.

Еще, когда были вино и просфоры, в которых они имели великую нужду, старец Арсений часто любил служить Литургию. Если представлялась такая возможность, то служили ее почти каждый день.

Служили Литургию вдвоем. Два старца, удрученные и иссушенные постом. Один в алтаре, пред престолом Господним, стоял и плакал и от слез не мог говорить возгласов, только едиными сердечными воздыханиями тихо произносил слова молитвы, а другой

на клиросе стоял и рыдал. На их Литургии призревал Сам Господь по обетованию: *«Вся бо сія сотвори рука моя, и сія суть вся моя, глаголетъ Господь. И на когó воззрю, то́кмо на крѳткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ мойхъ?»* (Ис. 66, 2). Здесь трисвятую песнь припевали ни единого житейского попечения не имущие и воистину ничего земного не помышляющие. Здесь, посреди двоицы, Сам Господь пребывал по обетованию: *«идѣже бо еста два или трие собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ»* (Мф. 18, 20).

Эти два старца так возлюбили Господа своего, что ни на одну минуту с Ним не хотели разлучаться, но всегда с Ним услаждались беседой умом, и сердцем, и устами. Только у них и было разговоров, что о молитве или о любви к Богу и к ближнему, а если кто начинал при них говорить плохое о своем брате, то они прекращали беседу. Всякого ближнего любили больше, чем себя, что явно показывали дела их. Они всегда старались, чтобы каждый был спокоен. Кто бы к ним не пришел, с какою нуждой, они никого из кельи своей не выпускали скорбящим. Последние книги свои отдавали в залог и уже после, как им Бог поможет, выкупали. А кто душевную скорбь имел, то того утешали благими своими беседами. Бедные имели в них помощников, скорбящие — утешителей, странники и немощные грехами — скорое исправление и освобождение.

Наконец отец Николай упросил духовника, чтобы тот приходящих посещать их в келью к нему никого не допускал, чтобы его не беспокоили. За год до смерти отца Николая было им обоим во сне откровение. Отцу Николаю был голос, что он уже переплывает великое и многоволнистое море и достигает тихого пристанища. И отцу Арсению был голос, что и он приближается к великому и прекрасному городу и заканчивает свой путь. Оба старца поведали друг другу об откровении и узнали, что оно от Бога, и уразумели, что приближается их кончина. Тогда приложили они пост к посту и к слезам слезы и начали готовиться к отшествию своему.

За полгода до смерти отец Николай лишился зрения. И хотя телесными очами ничего не видел, но душевными зрел совершенно. Ибо открыл ему Бог угодников Своих, на Святой Горе Афонской в живых еще пребывающих, о чем рассказывал он отцу Арсению, боясь, да не впадет в какую бесовскую прелесть. Отец же Арсений весьма предостерегал его и не велел ему доверять видениям, а только плакать пред Богом и просить за грехи свои прощения.

Отца Николая посетили и другие телесные болезни. Он не мог уже ходить в церковь, но более сидел на одре, и то понуждая себя делать это, так как не хотел лежать на боку.

Когда в субботу или в воскресенье духовник хотел отслужить Литургию, то приходил в келью к отцу Николаю и говорил ему:

— Отец Николай, Литургию бы надобно отслужить.

Он же веселым гласом ему отвечал:

— Служи, отче.

Духовник тогда скажет:

— Как я буду служить? Ты болен, а одному невозможно?

Отец Николай ответит:

— А я приду и помогу тебе.

И встанет с одра своего, и пойдет, и правило прочитают, и Литургию отслужат. Отец Николай причастится Тела и Крови Христовой, возьмет просфору, и ей почти неделю питается, а другой пищи никакой не берет.

И так жили они целых полгода. Каждую неделю была Литургия, а иногда и две. А певец и чтец был больной и слепой, однако за ним не было остановки, он всегда был готов исполнить свое послушание.

В субботу мясопустную также служили Литургию, и отец Николай был причастником Святых Таин. После Литургии он пошел в свою келью, а духовник, убрав в алтаре, — в свою. Но вскоре отец Николай пришел к духовнику в келью, пал ему в ноги и сказал ему: «Прости меня, отче святой, что я не вовремя к тебе взошел, ибо имею нужное тебе сказать». Духовник отвечал: «Бог тебя простит, говори, что имеешь». Тогда отец Николай, исполненный слез, начал говорить: «Отче святой, когда после Литургии я прошел в келью и сел на одре моем, вдруг открылись очи мои, и начал я видеть хорошо. Вдруг отворилась дверь кельи моей, и вся она исполнилась света. В келью мою вошли три человека: двое юношей со свечами, а посреди них муж в священнической одежде, сияющий в неизреченной славе. Они подошли ко мне. Муж в священнической одежде говорит мне:

— Благослови, отец Николай.

Я убоялся и промолчал. Он же вновь сказал мне:

— Узнал ли меня? Кто я?

Тогда я исполнился дерзновения и ответил ему:

— Воистину узнал, кто ты!

Он вновь спросил:

— А кто я?

Я ему ответил:

— Ты — отец Аникита, наш друг и сопутешественник во Иерусалим, и уже третий год пошел, как ты помер.

Он же говорит мне:

— Воистину, отец Николай, это я. Видишь ли, какой славой наградил меня Царь Небесный Иисус Христос. И тебя такой же наградит. Через четыре дня освободишься от всех скорбей и болезней, и меня Господь послал утешить тебя.

И вдруг они вышли из кельи, а я остался один, и вновь закрылись очи мои, но наполнилось сердце мое неизреченной радостью».

Отец духовник, выслушав все это, сказал ему:

— Осторожно, отец Николай, да не искушен будешь, а этому не доверяй, но уповай на Бога и проси Его милости.

Отец Николай ответил ему:

— Отче святой, прости меня! Буди воля Господня надо мной. Но исполнилось сердце мое неизреченной радости. Прошу тебя, отче святой, служи теперь каждый день Литургию, а я буду готовиться и причащаться Тела и Крови Христовой.

Отец духовник сказал ему:

— Хорошо, я буду служить, только чтобы за тобой не было остановки.

И так пошел отец Николай в свою келью.

Литургия была и в неделю, и в понедельник, и во вторник. Отец Николай был причастником на ней, и ему стало легче. В среду на сырной неделе служили часы, а в четверг вновь была Литургия. Отец Николай читал и пел на Литургии, и был причастником Тела и Крови Христовой.

После Литургии духовник по обычаю дал ему просфору, но он не взял, а только сказал:

— Отче, взойди ко мне в келью.

Отец духовник пришел к нему. Отец Николай сел на одре своем, спиною оперся на стену, и начало лице его изменяться, играть румянцем, и он, возведя очи свои в небо, был как в исступлении. Потом пришел в себя и начал говорить:

— Благодарю тебя, отче святой, что ты претерпел от меня до кончины моей все мои недостатки и довел меня до Царствия Небесного.

Духовник спросил его:

— Отец Николай, что видишь?

Он же ответил:

— Вижу, отче святой, что пришли за мной посланники и разодрали мое греховное рукописание. Уже, отче, благослови!

Духовник сказал:

— Бог тебя благословит.

Он же сказал:

— Рукой благослови.

Духовник благословил рукой. Он же, взяв руку, поцеловал ее и, еще не выпустив из своих рук руки духовника и подняв очи свои на небо, тихо проговорил:

— Господи, в руки Твои прими дух мой! — и тут же испустил душу свою Господу. Ему же от юности своей работал и верой и любовью послужил. Воистину «*Честна́ предъ Гбсподемъ смѣръ преподбныхъ его*» (Пс. 115, 6).

Случилось это 6 февраля 1841 года, на сырной неделе, в четверг. На погребение отца Николая пришло много русских братьев — все ученики отца Арсения. И все удивлялись: лежит отец Николай как живой, в лице не изменился, руки и ноги — как у живого, не окоченели, все члены и составы мягки, а из уст исходит приятное благоухание. И вся братия радовалась и прославляла Бога. Похоронили почившего в неделю сырную и разошлись по своим местам.

Иеросхимонах Филипп и схимонах Исаак (Кореневы)

Среди большой группы молодых людей⁴⁸³, которые прибыли на Афон в 1836 году, желая посвятить свою жизнь монашеству, были два брата Кореневых, Федор и Василий, и их двоюродный брат Иван. Все трое были из зажиточной купеческой семьи города Старого Оскола Курской губернии. Они с детства росли в обстановке христианского благочестия и благоговения, и естественно, что сразу близко к сердцу приняли горячие призывы их земляка, будущего монаха Никодима (Гончарова), посвятить свою жизнь высокой миссии человека — совершенствованию в Боге. Вместе с ним они решили оставить бренный мир и жить только для Бога.

Василий Михайлович Коренев поступил в Русский Пантелеимонов монастырь, где был пострижен в мантию с именем Виталий, а позже в схиму с именем Василид. Он жил в Руссике безвыездно до самого своего смертного дня — 30 марта 1873 года.

Его брат Федор Михайлович Коренев и двоюродный брат Иван Коренев вместе приобрели одну заброшенную келлию, где они под духовным наблюдением старца Арсения вели отшельническую жизнь. Старец Арсений впоследствии постриг их в мантию: Федора — с именем Филипп, а Ивана — с именем Исаак. Оба отшельника стали известны по всему Афону своим строгим подвижничеством. Вот как описывает их жизнь отец Сергей (Веснин): «Келлия Кореневых обращает на себя общее внимание русских афонцев. Кореневы — два двоюродных брата, оба — средних лет. Имена их — Филипп и Исаак. Родина их в Старом Осколе Курской губернии, происхождения они купеческого. Тихо течет жизнь их в сокровенной пустыни, под тенью душистых кипарисов. Оставив все ради Бога, они давно уже приняли постриг и занимаются трудами около келлии, то есть

⁴⁸³ Жизнеописание составлено по книге: Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ Святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам. СПб., 1860, прилож. С. 23.

уборкой виноградников, орешника и прочей огородной нивой. В безмолвии вечера они расходятся по своим закуткам, и только Бог видит их тайные подвиги. При их келлии есть и церковь Преображения, в которой они вычитывают всю суточную службу, а если случайно проходит иеромонах, просят совершить и Литургию. Старший из них, Исаак, более выказывает в себе простоты мысли и веселого расположения духа, а Филипп — зрелости ума, твердости и величия духа. Оба они с ангельской душой и с чувствами гостеприимства Авраама. Исаак более способен к распорядительной и экономической части и принял на себя труд закупать все нужное для келейной жизни, поэтому он имеет выход на Карею, а Филипп — строгий домосед и неусыпный труженик.

Келлия их живописно расположена на холме значительной высоты. С востока даль открывается на Монте-Санто, с запада и юга заслоняют ее соседственные высоты, а на север и северо-запад развиты виды пустынных келлий Пантелеимонова скита, Кареи и Кутлумуша (монастыря)⁴⁸⁴.

А в другом месте он пишет: «Нет ничего умильнее, как наблюдать в этих келиях единение духа, строгую воздержанность, изумительные труды и безмолвие. Подобная жизнь есть тень или, лучше сказать, отражение высшего отшельничества»⁴⁸⁵.

Вскоре обоих постригли в великую схиму, оставив им прежние имена. После смерти отца Арсения схимонах Филипп сам стал старцем келлии и уже делился своим духовным опытом с новопоступившими послушниками, которые, в свою очередь, очень любили своего наставника. Вот что пишет о нем отец Селевкий (Трофимов), бывший там в одно время послушником: «Был очень трудолюбивый старец. Он имел большое усердие к церкви, знал на память весь устав. Голос имел весьма приятный и читал очень внятно. Я сам с ним жил: вставали мы в полночь, прочитывали полунощницу. После первой кафизмы он читал поучения; а после второй — канон с распевом, а потом часы»⁴⁸⁶.

Преставился отец Филипп между 1848 и 1850 годами. После него старцем келлии стал схимонах Исаак, который предпочитал более затворническую жизнь, поэтому бывшие при нем послушники разошлись по монастырям, а отец Исаак, оставшись один, стал проводить совершенно безмолвную жизнь. В течение десяти лет больше никто не слышал его голоса, только его духовник отец Иероним (Соломенцов) знал, что происходило в его сердце. Отец Исаак даже с братом отцом Василидом не нарушал своего правила безмолвия и довольствовался только поклоном, когда, находясь в Руссике, случайно встречал его.

⁴⁸⁴ Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 160.

⁴⁸⁵ Сергей (Веснин), иеросхимонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 215.

⁴⁸⁶ Селевкий (Трофимов), схимонах. Рассказ Святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствии по святым местам. СПб., 1860, прилож. С. 23.

Преставился отец Исаак 25 сентября 1860 года. Будучи совершенно здоровым, сидя на крыльце своей келлии, он навечно уснул. Утром проходящий мимо сосед-отшельник заметил, что старец мертв.

Схимонах Павел Хромой

Схимонах Павел⁴⁸⁷ был по происхождению великороссом и жил отшельником в келлии святого Иоанна Предтечи на земле Ставроникитского монастыря. Мы о его жизни в миру ничего не знаем. Только известно, что он жил на Афоне уже с начала 30-х годов XIX века и был очень знаменитым и уважаемым подвижником. Вот что сообщает нам о нем отец Сергей (Веснин): «Нам желалось отсюда пойти в пустынь Павла, инока, так называемого хромого, поэтому мы отправились по скату прибрежных скал к его одинокой келлии, красующейся на значительном возвышении, над самым морем. Пустынь от монастыря [Ставроникита] на расстоянии только двух верст. Не отошли мы и четверти версты от Ставроникиты, как сам Павел нам навстречу. Напрасно убеждали мы его не возвращаться для нас в свою пустынь, но пойти в монастырь, куда требовали его собственные нужды, но ни под каким видом он не согласился отпустить нас, дорожа странноприимством как отличительной чертой христианской любви, и вернулся домой.

В скромных беседах наших при взаимности иноческих назиданий быстро шли мы по горной тропе... Каждый из нас, что мог, говорил от души для утешения подвижнического сердца. Наконец, мы заговорили о сердечной или умной молитве, о важности для каждого из нас церковных служб и о непростительности упущения их. Все мы (нас было трое) делали на это свое замечание, и каждый судил по чувству собственного убеждения. <...> Мы прошли остаток пути до келлии скромного Павла, так назидательно занявшего нас в пути своими рассказами... Истинно иноческое страннолюбие и приветливость отца Павла, его трогательные убеждения, самая пустынь его с очаровательными своими видами невольно заставили нас уступить его просьбе и остаться здесь на ночь.

Келлия пустытника Павла находится на северо-восточном склоне Святой Горы и принадлежит монастырю Ставроникита. С запада она заслоняется значительного размера скалой, перевитой мелким цветущим кустарником. Местность пустыни Павловой ограничена площадкой в несколько саженей. Тень развесистых олив по временам ложится

⁴⁸⁷ Жизнеописание составлено по книге: Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Часть 2-я. М., 1856. С. 160.

на нее. Есть здесь персиковые деревья, и вьется несколько виноградных лоз. Невдалеке от келлии в скале самой природой образована глубокая пещера, из гранитных трещин которой вытекает и тихо струится прохладная и чистая вода. Келлия стоит на отвесной прибрежной скале, о которую с шумом бьется сердитое море. Церковь в ней посвящена Иоанну Предтече. Вид с террасы самый живописный. <...> Сам Павел славится между русскими своей строгой жизнью и... прекрасной выделкой ложек, которые составляют здесь значительный иноческий торг, потому что сбыт их во время приезда паломников огромный. Наутро, после Литургии, Павел нас потчевал русскими блинами»⁴⁸⁸.

Наряду с гостеприимством славился отец Павел также своим затворничеством. Он жил всегда один и занимался непрестанной Иисусовой молитвой. Но если кто просился к нему в послушники, то он из-за огромной любви, заполняющей его очищенное молитвой сердце, не мог никому отказать не только во временном приюте, но и в постоянном жительстве в своей келлии.

Именно об этом пишет отец Парфений (Агеев) в своих записках: «Я пошел к отцу Павлу Хромому и сказал ему, что хочу жить на его каливе. Он же весьма рад был, и привел меня к ней, и сказал: «Вот, любезный брат, живи, да Бога моли»⁴⁸⁹. Несмотря на безотказный характер отца Павла, милостивый Бог все так устраивал, что отец Павел все равно оставался один на один с горячо любимым им Богом, и это были самые счастливые моменты его жизни. Афонцы знали, как любил отец Павел свою затворническую жизнь, и все реже и реже беспокоили его.

Отец Павел, по всей видимости, умер в конце 50-х годов XIX века, точная дата его смерти неизвестна.

Иеросхимонах Леонтий

Отец Леонтий⁴⁹⁰ родился в Малороссии. Через год умерла его мать, и отец отдал его в дом к одному богатому бездетному молдаванину. 22 лет от роду будущий отец Леонтий убежал от своего воспитателя и скрылся в монастыре Калдорашани, находящемся в 20 верстах от Бухареста. Здесь он прожил шестнадцать лет и потом отправился на Святую Гору вместе со своим другом, монахом Антонием, которого он впоследствии постриг в схиму, и таким образом сделался его старцем. Обоснова-

⁴⁸⁸ Сергей (Веснин), иеромонах. Сочинения и письма Святогорца. М., 2006. С. 320.

⁴⁸⁹ Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Часть 2-я. М., 1856. С. 160.

⁴⁹⁰ Жизнеописание взято из книги: Антоний (Святогорец), иеромонах. Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. Джорданвилль, 1988. С. 35.

лись они в молдавском скиту Лак, где отец Леонтий прожил 35 лет, до самой своей смерти.

Старец Леонтий рассказывал одному из своих собеседников: «В начале поступления моего в монашество старец дал мне такое наставление: кроме первой исповеди перед пострижением о том, что было в мирской жизни, не вспоминать, необходимо также иметь постоянное откровение помыслов и послушание совершенное. Всех братьев считать за ангелов и служить им в послушании как Самому Богу». Потом старец дал другое наставление, как хранить чувства и ум от помыслов!

Вскоре отца Леонтия рукоположили в иеродиакона. Правило келейное у него было такое: в день 300 поклонов земных с молитвой Иисусовой, а вместо поясных — читать святое Евангелие. Земные поклоны он выполнял даже и тогда, когда был в преклонном возрасте, что при непрестанном занятии молитвой умно-сердечной было бы даже излишне. Но старец, пока чувствовал в себе силы, не оставлял и подвигов телесных.

— Иной, — говорил он, — может 1000 поклонов положить и при этом не чувствует утомления в теле, а иные и после 50 едва дыхание переводят. Но таковые сравниваются с теми, кто много полагает!

— Вот мы, отче, — говорил собеседник, — много пьем, едим и спим, а силы у нас умеренные!

— Если не будете давать естеству потребного, — заметил на это старец, — то вы еще более ослабеете. Преподобный Паисий, с которым говорил Сам Господь, увидел однажды одного брата, от двухдневного поста в изнеможении лежащего на земле, и удивился, ибо он провел 60 дней, не ел, и не ослабел. Господь явился ему и сказал: «Не думай так: ты по Моей благодати сделал, а он — от своей силы с болезненным трудом!» — «Какое же он, — спросил Паисий, — получит воздаяние?» — «Равное с тобою!» — сказал Господь.

Есть и здесь, в скиту, те, которые постятся по два и по три дня и по неделе, — это с помощью благодати! «Если хочешь, — говорит преподобный Антоний Великий, — испытать того, кто имеет высокое имя, что он духовный человек, то обесчести, уничтожи его. И если перенесет, то точно он такой, а если нет, то ничего не имеет. Когда уничтожит кто тебя и ты не потеряешь к нему любовь, это путь Божий!»

Когда предстояло старцу отправиться куда-нибудь из келлии по своим нуждам, в скит ли, или в монастырь, или еще куда, то он полагал несколько поклонов перед иконой Божией Матери с таким намерением — кто бы ему не встретился, что бы с ним не случилось — все переносить без смущения.

Однажды пришел он в Карею к знакомому болгарину, который принял его с любовью и пригласил его отдохнуть в архондарик, пока он не управится со своими делами. Старец вошел, помолившись, и по обычаю сказал с поклоном: «Благословите!»

В это время лежал там один монах. Вдруг ни с того ни с сего он бросился на отца Леонтия и стал бранить его. Озадаченный старец только и говорил: «Так, отче, так. Правду говоришь!» Тот кинулся искать палку, но не нашел на архондарике ничего подходящего и выскочил наружу. Старец остался в ожидании его. Вздохнув к Божией Матери, он сказал себе: «Ну, Леонтий, вот теперь покажи то, к чему готовился!» Вера Матери Божией не оставляла его. Он надеялся, что Она укрепит его настолько, что обидчик, устав бить его, остановится, а у него до этого момента не иссякнет терпение. Прибежал его поноситель. Старец ожидал, что он кинется на него, но тот бросился к ногам отца Леонтия и стал просить прощения. Какой-то валах, похожий на старца, обидел этого монаха, и он, обознавшись, думал, что это и есть его обидчик. Но, сбежав вниз за палкой, столкнулся с хозяином, который спросил его о духовнике Леонтии. Тут только он понял свою ошибку. Незлобивый старец, видя смирение и сокрушение монаха, сказал: «Бог да простит! Только исполни малый канон — положи Божией Матери 100 поклонов!» Едва тот начал класть поклоны, старец, заметив искренность его раскаяния, сказал: «Будет, довольно!»

Таких случаев много было в жизни старца. «Если я, — говорил он, — не приготовился бы прежде на всякое уничтожение и побои, что последовало бы? Я бы ему возразил, он — мне, и дело дошло бы до драки. Так всегда ко всему надо быть готовым!»

Отец Леонтий был человек начитанный, рассудительный и добросердечный. Всех приходящих к нему на исповедь врачевал и утешал так, что уходили от него радостными.

О знаменитом афонском подвижнике отце Иларионе, грузине, старец Леонтий слышал еще до приезда на Святую Гору. И когда прибыл туда, прежде всего отправился к нему с переводчиком. Тот преподал отцу Леонтию правила умного делания и как вести себя, идя по сему пути. До этого времени старец не занимался умным деланием, хотя желал этого, но без опытного руководителя не дерзал начать. После всегда обращался он за советами к старцу Илариону, и сам отец Иларион иногда приходил к нему. Отец Леонтий стал глубоким делателем умной молитвы и потом в этом деле стал наставником молдаванина отца Антипы, который позже переехал в Россию и скончался в Валаамском монастыре.

В шумном и многолюдном монастыре, по словам старца, и по разнохарактерности братии трудно сохранить внимание к себе, но если кто имеет совершенное послушание и постоянное откровение помыслов, то и это спасает.

Что бы ни делать, куда бы ни идти — все с Иисусовой молитвой. Сам Спаситель наш, живя 33 года на земле, оказывал послушание Иосифу и Матери Своей. Никто не видел Его смеющимся, а плачущим — несколько раз, показывая тем, как мы должны идти путем спасения. Очищенная совесть сама показывает преимущество жизни внутренней против внешней!

В борьбе со страстями старец советовал: «Если напала и беспокоит, например, зависть к брату, то сейчас возьми и найди в книге какого-нибудь отца написанное о зависти и читай. Равно и при других страстях следует посмотреть и прочитать подходящее чтение. Так приучается человек обороняться и противостоять страстям. Человек, имеющий послушание и смирение, незаметно преуспеваает духовно. Если случается, что и молодой монах говорит о страхе Божиим или вообще о пути спасения, надо слушать и по силе исполнять. А если кто имеет и белую бороду и был бы хотя и духовник, как и я, но научает противному и не согласному со святыми отцами, то нечего и слушать его!»

Старец советовал постоянно иметь память смертную и плач. Это путь покаяния, а другого пути нет.

Отец Леонтий обладал крепким телосложением и крепкой надеждой на Бога Промыслителя всяческих. Бывало, принесет он на своей спине из Руссика или из других отдаленных мест полную торбу сухарей и иных жизненных припасов, но большую часть и все лучшее раздаст беднякам, больным и старым. Себе же он оставлял только сухарей и что-нибудь из того, что можно употреблять, не прибегая к огню.

Отец Леонтий мирно преставился ко Господу 25 мая 1876 года, будучи оплакан всеми его духовными чадами и всеми пользовавшимися его духовными советами и утешением.

Преподобный Анטיפа Валаамский (Лукиан)

Преподобный Анטיפа⁴⁹¹ родился в 1816 году в Молдавии, в селе Калаподешти Текунчского уезда. Родители его были людьми православными и весьма благочестивыми. Жили они в большой бедности. Отец его Георгий Лукиан служил диаконом в убогой церкви села Калаподешти, а мать его Екатерина впоследствии поступила в женский монастырь и с именем Елизаветы скончалась в схиме.

Долго у Георгия Лукиана не было детей. Наконец по молитвам жены у него родился сын Александр, впоследствии в схиме получивший имя Анטיפа. Рождение будущего подвижника ознаменовалось особенным благоволением Божиим. Мать родила его без болезни. Затем до конца жизни осеяла его чудная благодать Божья.

Еще в детстве, когда он пас овец отца своего, в глухом лесу, где водились множество ядовитых змей, брал он их живых в свои руки без малейшего вреда и тем приводил в ужас посторонних людей.

⁴⁹¹ Жизнеописание взято из книги: Антоний (Святогорец), иеромонах. Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. Джорданвилль, 1988. С. 43.

Одаренный от Бога великими духовными дарованиями, в отрочестве Александр был как бы лишен обыкновенных, естественных способностей: от природы он был очень простоват и крайне непонятлив. Эта двойственность Александра производила соответствующее впечатление на его сверстников. Иногда они, поражаемые проявлением в нем чего-то дивного, необычайного, падали перед ним со страхом на колени, иногда же ругали и били его за его простоватые выходки. Долго, несмотря на самое усердное прилежание, не мог Александр научиться грамоте. Видя его неспособным, учителя даже советовали ему лучше оставить школу и обучаться какому-либо ремеслу. Юноша горько плакал. «Нет, — говорил он, — мое единственное желание — научиться читать. Я до смерти буду заниматься только чтением божественных книг». Усердие, труд и молитва наконец взяли верх над природой, и вскоре священные книги для будущего отца Антипы стали единственным всегдашним источником духовного назидания и самых сладостных утешений.

Александр ходил еще учиться в школу, как скончался у него отец, и все их семейство осталось без надежды ее и опоры. Его, как старшего, как будущего кормильца, отдала мать в обучение переплетному мастерству. Мужественно претерпев все тяжкие невзгоды в чужом доме, у жестокого хозяина, беззащитный сирота с помощью Божьей быстро достиг звания переплетного мастера и, возвратившись на родину, обзаведясь собственным хозяйством, еще юношей сделался дорогой и единственной отрадой своей матери и кормильцем всей семьи.

Полное довольство царило в семействе Лукиана. Но сердце молодого хозяина в земном утешений не находило. Часто вдали от всех, обливаясь слезами, недоумевая, где обрести покой душе, мысленно взывал он к Богу: «...скажи мнѣ, Господи, путь, въ о́ньже пойду́, яко къ тебѣ взяхъ ду́шу мою» (Пс. 142, 8). Во время одной из таких уединенных мысленных бесед с самим собою на двадцатом году жизни внезапно Александр был озарен дивным светом. Свет этот наполнил сердце его невыразимой радостью. Из очей его потоками полились неудержимые сладостные слезы. Тогда, как бы ощутив в этом свете высшее Божественное призвание, он в ответ на зов Божий, в радости воскликнул: «Господи, я буду иноком!»

В одну ночь тихо вышел Александр из дома своих родителей и направился в знаменитый в Молдавии Нямецкий монастырь. В соборном храме со слезами повергся он перед чудотворною иконою Божией Матери. Церковь была совершенно пуста. Вдруг сделался шум, и завеса, закрывавшая святую икону, отдернулась сама собою. В умилении и в неизъяснимой радости души приложился он к чудотворной иконе Царицы Небесной.

Благодатно утешенный в Божьем храме, с великой печалью вышел отец Антипа из настоятельской кельи, когда, несмотря на все его просьбы и мольбы, ему решительно

отказали в приеме в Нямецкую обитель. Тогда он отправился в Валахию. Там небольшой штатный монастырь принял странника в свои мирные стены. Более двух лет с полным самоотвержением трудился здесь ревностный подвижник в монастырских послушаниях. Жизнь его была исполнена скорбей и лишений. Ему не давали монастырской одежды, не было у него кельи. Утомленный, засыпал он, где случится: на хуторе, на кухонном полу... Раз, заснув на сене, он занесен был снегом. Полузамерзшего, его едва привели в чувство.

С подвигами телесными, бдением, постом, соединял юный воин Христов умную молитву, которой научил его схимонах Гедеон, около 30 лет подвизавшийся в затворе близ их монастыря. Строгая, самоотверженная жизнь отца Антипы резко выделялась среди общего монастырского строя. Духовник советовал ему идти на Афон. Туда же стремилось сердце и самого отца Антипы, уже на первых шагах своего подвижничества, обнаруживая духовную рассудительность, этот главнейший признак истинного подвижника, в решении своего недоумения он желал слышать голос опытного в духовной жизни старца.

В это время в Молдавии был известен и славился своими высокими подвигами и духовной опытностью настоятель монастыря Браз архимандрит Димитрий. До настоятельства он проводил строгую отшельническую жизнь в глухом лесу. Случайно он нашел в земле сосуд, наполненный золотыми монетами. При сосуде была записка, объяснявшая, что деньги эти принадлежат Молдавскому митрополиту Досифею, который спрятал их, узнав о неизбежной мученической кончине от рук турок. «Кто найдет эти деньги, — говорилось далее в записке, — тот должен выстроить на них монастырь и три скита. По окончании постройки третьего, последнего скита обретут и мои мощи». Объявив о чудесной своей находке молдавскому митрополиту, с его благословения отец Димитрий ревностно приступил к исполнению последней воли блаженного митрополита Досифея. Был воздвигнут великолепный монастырь. «Как Нямецкий», — говорил отец Антипа. Окончена была постройка и третьего, последнего скита, в ограде которого поручил отец Димитрий выкопать для себя могилу. Когда в день освящения скитского храма прибыл в скит отец Димитрий, ему объявили, что могила, которую он приказал вырыть, что-то осыпается. В его присутствии ее углубили и обрели ковчег с мощами блаженного митрополита Досифея. «Я сподобился видеть эти мощи, — говорил отец Антипа, — я прикладывался к ним. От них шло благоухание».

К этому-то отцу архимандриту Димитрию и обратился отец Антипа за духовным советом. Вообще, отец Димитрий всегда удерживал стремившихся на Афонскую Гору, но на этот раз, к удивлению всех, он согласился отпустить туда отца Антипу, прибавив, что он пострижет предварительно в монахи его сам. Так, монахом с именем

Алипия, напутствованный благословениями великого старца, отправился отец Антипа на Святую Гору, где в одной из пустынных келлий Афона подвизались в это время два соотечественника отца Антипы, молдаване, иеросхимонахи Нифонт и Нектарий. К ним желал он поступить в ученики. «Ты недавно принял монашескую мантию, — отвечали ему на его просьбу опытные отцы, — и тебе следует сперва потрудиться на послушаниях в монастыре».

Повинуясь их совету, отец Антипа поступил в греческий Эсфигменский монастырь. Около четырех лет трудился он в этой обители поваром. Здесь в течение целого года находился он в тягчайшем и опаснейшем для подвижника искушении: от него отступила умная молитва, и с ней прекратились все благодатные утешения. И ум, и сердце его исполнены были подавляющей темнотой и скорбью. Только твердое упование на заступление Божией Матери сохранило его тогда от отчаяния. Кончилось время послушнического искуса, и молдавские старцы приняли своего собрата для высших подвигов в пустыню. «Тебе надо теперь облечься в схиму, я постригу тебя», — сказал однажды отец Нифонт отцу Антипе. «Я с великою радостью готов принять схиму, только боюсь, что тогда ты не отпустишь меня одного в пустыню», — отвечал ему отец Антипа. «Конечно, не отпущу», — сказал отец Нифонт.

В голове отца Нифонта уже зарождалась тогда мысль устроить на Афоне самостоятельный общежительный молдавский скит, и он сознавал, что в деле устройства скита ему будет весьма полезен отец Антипа, почему и желал сам постричь его в схиму и тем, по закону духовному, привязать его к себе навсегда. Отец Антипа понимал цель старца, и она безмерно тяготила его.

В недоумении с вопросом о схиме и старец, и ученик решились обратиться к схимонаху Евфимию, их общему духовному руководителю, пустынножителю, весьма благочестивому старцу. Отец Евфимий принял сторону отца Антипы, и по его совету отца Антипу постригли в схиму и предоставили ему полную свободу одному проводить отшельническую жизнь. Весьма неохотно отпустил отец Нифонт своего схимонаха в пустыню. Неохота эта выразилась даже и внешним образом в том, что он не дал ему решительно ничего, что представлялось необходимым для первоначального обзаведения.

С голыми руками вошел отец Антипа в полуразвалившуюся отшельническую хижину. Она была совершенно пуста, только в переднем углу, на карнизике, нашел он небольшую икону Божией Матери, на которой от многолетней копоти нельзя было рассмотреть лика. Невыразимо обрадовался отец Антипа своей находке. Он чувствовал, что обрел драгоценное духовное сокровище. Немедленно, взяв с собою святую икону, отправился он к знакомому иконописцу-пустыннику иеродиакону Паисию, переселившемуся со святых гор Киевских на Афон, и стал просить его промыть

икону. Только промыть как можно осторожнее, чтобы не повредить ее, и отнюдь не поправлять ее красками.

Отец Паисий никак не соглашался на таких условиях взять икону себе и только по убедительным просьбам Антипы решился, наконец, попробовать промыть ее, хотя вполне сам сознавал всю бесполезность такой пробы. Через некоторое время он возвратил отцу Антипе икону совершенно новой, клятвенно уверив его, что она стала такой от одной простой промывки и что это явление чрезвычайно поразило его самого. Так чудно из многолетней тьмы проявившая себя на свет икона Владычицы прославила себя впоследствии многими благодатными знаменами. «Она чудотворная», — в радости всегда свидетельствовал о ней никогда с нею не разлучавшийся отец Антипа.

Невозможно было жить в полуразвалившейся сырой хижине; средств же на ее поправку у отца Антипы не было никаких. Раз в задумчивости шел он по пустынным тропинкам Афона. Вдруг его останавливает незнакомый отшельник. «Батюшка, — говорит он ему, — добрые люди дали мне пять червонцев и просили передать их беднейшему пустыннику. Помолясь, я решился отдать эти деньги первому, кого встречу, так возьми их: они, должно быть, твои».

С благодарностью, как от руки Божьей, принял отец Антипа деньги из рук незнакомца. Он пригласил к себе одного бедного келиота-плотника, и тот приступил к исправлению его келлии. Четыре дня шла успешно работа. На пятый день келиот опасно заболел сильнейшим припадком холеры и в изнеможении упал недалеко от келлии, и с ним сделались судороги. Очень встревожился отец Антипа, не имея сил втащить больного в свою келью. В каком-то необъяснимом порыве, как единственную свою надежду на заступление, вынес он икону Божией Матери и поставил ее на возвышении против лежавшего замертво на земле келиота. Сам же, углубившись в чащу леса, стал молить Господа о его исцелении. Долго молился отец Антипа. Когда после молитвы возвратился он к своей пустыньке, то с изумлением и великой радостью увидел отчаянно больного уже совершенно здоровым и за работой. «Твоя икона меня исцелила, — объяснил келиот отцу Антипе, — она чудотворная. Я лежал как мертвый и вдруг почувствовал, как икона Царицы Небесной обдает меня необъяснимо живительным, теплым дыханием. Я совершенно согрелся и в одно мгновение здоровым встал на ноги».

В самое короткое время келлия отца Антипы была обустроена, и мирно потекли дни его. С подвигом молитвенным отшельник по необходимости соединял безмятежное рукоделие — делание деревянных ложек, которые для своего пропитания продавал в Карее. За советом в духовной жизни обращался он к пустыннику схимонаху Леонтию, духовному старцу и великому подвижнику. С ним и в последующее время

он находился в близком духовном общении. С его только благословения решался он совершать какие-либо дела.

Между тем мысль отца Нифонта об устройении молдавского скита стала мало-помалу осуществляться. В Молдавии, в городе Яссы, устроено было уже им подворье, на Афоне приобретена земля, на которой быстро поднимались скитские здания; число братии росло. Тогда молдавские старцы стали просить отца Антипу помочь им в деле дальнейшего развития скита. Повинуясь совету духовных отцов, он согласился. Его посветили в иеродиакона, потом скоро в иеромонаха и сделали келарем*.

Занимая, с одной стороны, незначительную должность, отец Антипа, по мере сил своих, ревновал о сохранении в скиту общежительных правил. Однажды отец Нифонт, будучи уже игуменом, в общей братской трапезной благословил келарю приготовить для себя и какого-то прибывшего к нему гостя отдельное кушанье. Келарь не приготовил, а игумен разгневался и велел ему встать на поклоны. «Поклоны я буду класть с радостью, — отвечал ему келарь, — но прошу извинить меня. Сделано это с благой целью, дабы не было преткновения и соблазна братии, так как самим тобою же начатые добрые уставы по правилам святых отцов тобою же и не были бы нарушены. Настоятелю во всем надо быть самому примером для всех, тогда только будет твердо и надежно наше общежитие». Впоследствии, когда совершенно успокоилось волнение отца Нифонта, он благодарил отца Антипу за его благоразумную ревность.

Дела по устройству скита побудили отца Нифонта на три года уехать в Молдавию. На все это время управление всеми отраслями скитского общежития возложено было на отца Антипу. Ему же потом предоставлено было и право исполнять обязанности духовника, для чего по афонскому обычаю в храме архипастырем прочитана была над ним молитва и выдана была ему особая грамота.

С возвращением отца Нифонта на Святую Гору для отца Антипы настало время навсегда расстаться со священным местом многолетних своих духовных подвигов, к которому он привязался всеми силами души и о котором до конца своей жизни сохранил глубокую благоговейную память. Отец Нифонт назначил его экономом на их подворье.

Из тихих пределов Святой Афонской Горы, неожиданно очутившись среди разнообразных хлопот и попечений в шумном городе, отец Антипа прежде всего старался и здесь, как в минувшие дни в пустыне, во всей точности исполнять все схимническое правило по уставу Афона. Так заповедал ему и отец Нифонт, отправляя его в Яссы. На все возможные искушения, которые могли вредно повлиять на душу подвижника при обилии всевозможных искушений, окружавших его со всех сторон, опытный воин духовный вооружился мощным оружием — постом. Постоянно по два и по три дня, иногда даже по неделе, он совершенно не употреблял ни пищи, ни питья.

Сам проводя строгую, подвижническую жизнь, всею душою любя святую веру и благочестие, отец Анטיפа при всяком удобном случае, несмотря на лица, с ревностью обличал замечаемые им отступления от церковных постановлений. Такая его ревность, соединенная с простой и искренней любовью, при назидательном, проникнутом глубокой духовной опытностью его в слове, при собственном примере его жизни, вскоре расположила к отцу Антипе сердца людей и сановных, и простых. Все они с верой и благоговением принимали его советы и слушали его наставления.

Особенное благоволение оказывал ему митрополит Молдавский. Он поставил его духовником в двух женских обителях и сам часто беседовал с ним о предметах духовных. Со своей стороны, и отец Анטיפа питал к святителю чувство полного сыновнего доверия, которое выразилось, между прочим, и в следующем обстоятельстве.

В дни подвижничества своего на Афоне от продолжительного поста отец Анטיפа ощущал обыкновенно особенную горечь во рту. В Молдавии же спустя два года горечь эта обратилась в необыкновенную сладость. В недоумении, за объяснением этого нового явления обратился отец Анטיפа к Молдавскому Владыке. Архипастырь объяснил ему, что такое ощущение есть плод поста и умной молитвы, что оно есть благодатное утешение, которым Господь ободряет подвизающегося на его спасительном пути. «Об этом так говорит преподобный Исаак Сирин, — заключил свое объяснение святитель, — Сам Господь горечь постнического озлобления мановением Своим перелагает в сладость Свою неисповедимую».

При общем расположении к отцу Антипе всех знавших его дела его по управлению подворьем шли прекрасно. Средства на содержание подворья росли, сам сбор значительно увеличился. Так со всей ревностью служа на пользу Молдавского скита, с полной любовью отзываясь на духовные нужды обращающихся к нему за советом в деле спасения, отец Анטיפа сам сердцем постоянно стремился на пустынную, многолюбезную ему Святую Афонскую Гору. Часто он просил отца Нифонта о возвращении его на Афон.

Но не то было на уме у отца Нифонта. Видя большую пользу от деятельности отца Антипы для их скитского общежития и сознавая множество разнообразных, неотложных нужд по устройению скита и скудость настоящих средств к их удовлетворению, отец Нифонт решился ехать за сбором подаяний в Россию и взять с собою туда и отца Антипу. «Не пускаешь ты меня на Афон, — сказал отец Анטיפа игумену, когда тот объявил ему свое решение, — берешь в Россию. Я чувствую, что, как только мы переедем нашу границу, я уже не буду более наш, я буду русский».

Как только отцом Антипой под руководством отца Нифонта были сделаны в России первые шаги, так вскоре отец Нифонт уехал в Молдавию, а отец Анטיפа, вовсе не зная русского языка, остался один среди русских. Как у родных помещен он был

в одном благочестивом купеческом семействе. В отдельном домике в саду проводил он почти затворническую жизнь, посвящая почти все время молитве. Редко и только по особому приглашению выходил он из своего затвора. Между тем дела по сбору пожертвований шли очень успешно. Приношения по большей части доставлялись к нему на дом. Вскоре обширные залы купеческого дома наполнились дорогими сосудами, облачениями, ризами, воздухами, пожертвованными от московских благотворителей в пользу молдавского скита. Всего с колоколами их набралось на сумму свыше 30 000 рублей.

Когда все эти жертвования были отправлены на Афон, то отец Антипа утешался мыслью о той радости, какую они доставят пустынным отцам афонским. В Москве и Санкт-Петербурге по сборной книге собрана была отцом Антипой также довольно значительная сумма. Для отправления ее на Афон нужно было обменять ее на золотые монеты. Между тем по Высочайшему повелению выдача золота из главного казначейства была в то время воспрещена. С одной стороны, зная крайние нужды молдавских старцев, с другой — видя неодолимые препятствия, отец Антипа обращался с просьбами о помощи к влиятельным лицам. Когда отказались все, когда не было более никакой человеческой надежды, тогда повергся отец Антипа перед афонским образом Божией Матери и стал просить заступления Царицы Небесной. Во время молитвы он услышал как бы глас от иконы: «Это дело митрополита». «Это был не то чтобы глас, но это тонко пришло на ум», — объяснял впоследствии отец Антипа. И, действительно, сверх всяких ожиданий, собственно только вследствие одного содействия владыки [митрополита Филарета] по предписанию министра финансов, было сделано исключение для отца Антипы, и собранные деньги золотом были отправлены в Молдавский скит.

Так успешно шли дела отца Антипы по сбору приношений. Этим успехом главным образом он обязан был тому глубокому чувству доверия и искренней, сердечной расположенности, которую питали к нему все знавшие его в России, как и прежде в Молдавии. И в Москве, и в Санкт-Петербурге люди благочестивые, из всех классов общества, обращались к нему за духовными наставлениями и с благоговейною верою внимали его обличительному и назидательному слову.

У него было много искренних учеников. Оба митрополита — Санкт-Петербургский Исидор и Московский Филарет — оказывали ему милостивое внимание и беседовали с ним о духовной жизни. В одной из таких бесед на вопрос: «Что особенно необходимо упражняющемуся в умной молитве?» — ревностный делатель ее отвечал: «Терпение».

Святителю московскому отец Антипа представлен был отцом Нифонтом. Святителю же Санкт-Петербургскому он сделался известен случайно. Однажды, прибыв из Москвы в Санкт-Петербург для получения сборной книги из Святейшего Синода,

отец Анטיפа был помещен как странник в Александро-Невской Лавре, в одной келье с приехавшим по делам своим в столицу белым священником. Вскоре наступил Великий пост. По своему обыкновению отец Анטיפа ходил ко всем церковным службам в Лавре. В келье совершал днем и ночью всю службу на молдавском языке и исполнял схимническое правило. Пищи и питья не употреблял вовсе, так что и ночь, и день подвижника проходили почти в одной молитве. Миновал первый день поста, миновал второй, третий... все то же! С удивлением смотрел на такую жизнь сообитатель отца Анטיפы. В конце недели, представляясь по своему делу, передал он между прочим все поразившее его митрополиту Исидору. Святитель обратил внимание на подвижника. Велико было это внимание архипастыря к отцу Анטיפе в разных обстоятельствах его жизни, и в первую очередь в деле будущего перемещения его на Валаам.

В первый год пребывания своего в России, как только открылась навигация, посетил отец Анטיפа Валаамский монастырь. Всею душою полюбил он тогда пустынные, безмятежные кущи Валаама, и как только были завершены его дела по сбору подаваний в пользу Молдавского скита, с благословения своих молдавских старцев 6 ноября 1865 года прибыл он на Валаамские горы. Маленькая, уединенная келья в скиту Всех Святых приютила здесь ревностного любителя безмолвия и молитвы.

Велики были молитвенные подвиги отца Анטיפы в пределах Святой Афонской Горы и среди шума мирского в городах Молдавии и России, но там они развлекаемы были по необходимости то рукоделием с целью пропитания, то обращением с мирскими людьми по делам монастырским и по сбору. В уединении же валаамском молитва сделалась единственным и исключительным его занятием. Она занимала весь день и почти всю ночь. Кроме неопустительного исполнения денно-нощной службы по церковному уставу отец Анטיפа каждый день прочитывал два акафиста Божией Матери: общий и другой — Ее Успению. Ежедневно полагал по 300 земных поклонов с молитвою о спасении всех усопших.

Помянник отца Анטיפы был очень велик. Поминал он всех благодетелей прежних за многие годы, всех знаемых. Это поминовение продолжалось более часа. В определенное время, между службами и поклонами, занимался он умной молитвой и ей же посвящал свободные от установленного молитвословия часы дня и ночи. Когда случалось ему быть или служить в монастыре, точно так же, как и каждую субботу, когда он причащался Божественных Христовых Таин в скиту, в алтаре, облачаясь сверх мантии в священническую ризу, предварительно в келье совершал он полную службу на молдавском языке и потом выстаивал без опущения и всю церковную службу в скитском или в монастырском храме.

Службу келейную совершал отец Анטיפа со вниманием полным. Не раз случайно замечали братья, какими горькими слезами обливался он на молитве. Молитва

была так сладостна для него, что он всегда жалел, что у него для молитвы не хватает времени.

В первую неделю Великого поста отец Антипа вовсе не употреблял ни пищи, ни питья. В такой же строгости соблюдал он пост в понедельник, среду и пятницу в течение всего года и в навечерия праздников Рождества Христова и Богоявления. В эти два сочельника даже и в предсмертной болезни своей, когда от сильного жара высыхал у него совершенно рот, не решался он облегчить своих тяжких страданий глотком воды. Для постника была достаточна та пища, которую ему раз в неделю приносили на обед в субботу.

Так подвизался отец Антипа круглый год в скиту. Когда же приходил он в монастырь, здесь уже он сообразовался с чином монастырским. Приходил же он в монастырь три раза в год — на Рождество Христово, Страстную седмицу, неделю Святой Пасхи и на всю неделю Пятидесятницы.

Кроме этих определенных дней приводила его в монастырь еще необходимость духовного собеседования с близкими ему лицами, приезжавшими собственно для него на Валаам. Хотя приезды этих лиц крайне тяготили любителя безмолвия, но на них он всегда отзывался со всею полнотою безграничного радушия. Здесь выражались его глубокая, самоотверженная любовь к ближним, его тонкое благочестивое чувство, боявшееся чем-нибудь опечалить их.

По целым дням тогда затворник находился в обществе женщин, пил чай, ел. «Как можешь ты соединять продолжительный скитский пост с таким неожиданным разрешением?» — в недоумении спрашивал его один из отцов валаамских. Дивно отвечал он ему словами апостола Павла: «...во всёмъ и во всѣхъ навѣкѣхъ, и насыщѣтисѣ и алкѣти, и избыточествовати и лишѣтисѣ» (Флп. 4, 12). «Батюшка, ты обращался много с женщинами. Неужели не приходили тебе дурные мысли?» — спрашивал его в последние дни его земной жизни один из преданных ему его учеников. «Никогда! — отвечал ему сохранивший себя в девственной чистоте отец Антипа. — Не могут прийти такие мысли чадолубивому отцу. Тем более не могут прийти они отцу духовному. Единственным моим желанием по отношению к моим чадам было их преуспеяние духовное и вечное спасение их души».

Между почитателями отца Антипы были люди со средствами. По его предложению охотно они делали приношения на нужды монастырей в России и на Афоне. Сочувствуя существенным потребностям обитателей, отец Антипа вообще не одобрял их увлечения к излишним, пышным сооружениям. «Много я видел монастырей и в России, и за границею, — говорил он, — везде хлопочут, строят; но и хлопоты, и постройки — дела суеты, дела мирские. Монаха жизнь — в церкви, дело его — монашеское правило».

Ничего не искавший на земле, весь ум свой углубивший в Боге, отец Анטיפа с радостью переносил все огорчения, поношения, упреки. Глубокое смирение и всегдашняя готовность к самоукорению давали ему полную возможность всегда сохранять невозмутимым глубокий мир души. Жил он в нищете крайней. Келья его была совершенно пуста, не было в ней ни кровати, ни стула. Стояли в ней небольшой столик вместо аналоя и деревянный жезл с перекладиной, на который в борьбе со сном, в изнеможении упирался он во время всеобщего бдения. На полу лежал войлок, на котором он сидел и на котором в утомлении предавался краткому ночному отдохновению.

Живя сам в такой нищете, отец Анטיפа со всею любовью отзывался на нужды братии, если только открывалась ему к тому возможность. Полюбив всей душой Валаамский монастырь, с первого дня своего прибытия отец Анטיפа сохранил свою любовь к нему до конца. «Одно сокровище есть у меня, — говорил он, — это моя чудотворная икона Божией Матери. Я никому не отдам ее, я оставлю ее только Валаамскому монастырю».

Многие годы проводя в строгом подвижничестве, отец Анטיפа нисколько не расстроил своего здоровья. Вообще он обладал здоровым, крепким организмом. К лекарством и к врачам в случае болезни он никогда не обращался. Принимая болезнь от руки Господней, от Него же ожидал он и исцеления. Судя по его бодрому виду, трудно было предполагать, что он так скоро переселится в селения горные. В течение одного года сильнейший кашель совершенно обессилил и иссушил его и тихо привел его к мирному пристанищу.

В год своей болезни страстную и пасхальную седмицы отец Анטיפа провел в монастыре. В Великую Субботу он был на Божественной Литургии. После он сказал своему ближайшему ученику: «Во время причащения я был в алтаре и взглянул из южных дверей в церковь. Монахи уже причащались, и лица некоторых сияли, как солнце. Прежде этого я не видел».

Глухой осенью того же года стоял отец Анטיפа в своей келье на молитве. Вдруг сделался шум. Афонский образ Божией Матери сам собою двинулся с места. Другие иконы, бывшие на нем, упали. Образ Богородицы шествовал тихо по воздуху на расстоянии целых двух метров и остановился на груди отца Антипы. Ужаснулся старец. С благоговением приняв образ, он поставил его на место. Со слезами умиления об этом явлении он открыл только за три дня до своей кончины.

Болезнь отца Антипы быстро развивалась. По желанию старца его соборовали. Он видимо угасал. Дня за два до кончины отца Антипы в монастырском храме шла вечерня. Вдруг что-то сильно стукнуло об пол. Это упал послушник-старичок, пораженный апоплексическим ударом. Игумену объяснили, что случилось, и тот благословил взять святой воды и окропить больного. Думали, что он угорел. Оказалось, что

он уже скончался. В эту ночь особенно страдал отец Антипа. Под утро ему стало легче, и он обратился к окружающим его ученикам с вопросом: «Кто у вас умер в монастыре?» Так как в скит из монастыря еще никто не приходил, ученики ответили: «Никто». «Нет, умер, — возразил отец Антипа, — умер простой старик в церкви, ему было трудно. Игумен велел дать воды... не помогло... умер». В недоумении слушали его ученики. Около 11 часов в скит приехал духовник, тогда только выяснилось, что отец Антипа, лежа в скиту, отстоящем от монастыря на расстоянии трех километров, говорил о происшествии, как будто оно совершилось перед его глазами.

В последнюю ночь часто подымал отец Антипа руки к небу и звал к себе своего любимого афонского старца, духовника отца Леонтия: «Леонтий, Леонтий, где ты Леонтий?» — «Батюшка, да с кем ты говоришь? Ведь никого нет», — наклоняясь к старцу, сказал келейник. Пристально посмотрел старец на него и тихо пальцем постучал его в голову.

Под утро, чувствуя уже близость своего отшествия и желая причаститься Святых Тайн, отец Антипа просил поспешить совершить Литургию. В полном разуме, сподобившись принятия Божественных Тайн, отец Антипа погрузился в тихую дремоту. Прошло два часа, ближайший ученик его стал читать акафист Божией Матери, и в то время тихо замолк навеки во всю жизнь ежедневно возносивший Царице Небесной акафистные хваления отец Антипа.

Скончался он в воскресенье, 10 января 1882 года на 66-м году жизни.

Схимонах Георгий (Хаджи)

Старец схимонах Георгий,⁴⁹² по прозвищу Хаджи Георгий, родился в 1809 году в Турции, в селении Кермилъ Каппадокийской области Кесарийской митрополии, находящейся в Малой Азии. Родители были богаты и носили имена Иордан и Мария. В святом крещении ему было дано имя Гавриила. По достижении отроческого возраста он был отдан родителями в школу для изучения грамоты. Но грамота маленькому Гавриилу не давалась. В течение четырех лет он не только не научился читать по складам, но едва смог освоить алфавит. За это учитель в школе и родители до-

⁴⁹² Жизнеописание составлено по книге: Схимонах Денасий (Юшков). Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1905 год. М., 1905, С. 250. См. также: Жизнь отца Хаджи Георгия, великого подвижника и постника Святой Афонской горы. Изд. отца Парфения, настоятеля обители Благовещения Пресвятой Богородицы на Афоне. Одесса, 1912.

ма наказывали его. От страха наказаний он стал бояться и школы, и дома и убегал за селение, где и проводил время по месяцу, а то и более в тамошних пещерах, которые существовали там еще от времен языческих. Там он прятался до тех пор, пока кто-нибудь из родных не отыщет его.

От своей тетки-монахини, у которой он иногда бывал в монастыре, он слышал, что есть святые люди, называемые затворниками, которые постятся и молятся Богу. Вот и ему пришло желание: укрываться в тех пещерах, поститься и молиться Господу Богу. Что он и стал делать: подолгу молился, насколько доставало сил, клал множество земных поклонов, постился дня по три, по четыре, ничего не брал в рот, а когда изнемогал, то питался огородными овощами или дикими плодами, растущими в лесу. Хлеба же часто по месяцу не видел и не едал.

Из этого видно, что с юных лет он возлюбил пустынную и постническую жизнь. Впрочем, не оставляла его скорбь о том, что он не мог выучиться грамоте, тогда как родные братья и товарищи все уже могли читать и писать. Бывало, сами родители, видя его скорбящим, говорили ему: «Гавриил! Иди в церковь и молись Божией Матерью; она тебе поможет научиться». Но тогда слова эти не производили на него своего действия. Теперь же, проживая в пещерах, ему вдруг захотелось идти и просить Царицу Небесную. В приходском их храме была местнотимая чудотворная икона Божией Матери. И вот он, попостившись три дня и положив тысячу земных поклонов, отправился в церковь, а для того, чтобы не заметили родные, избрал ночное время. Итак, придя к церкви, он вошел на паперть и здесь, пред церковными дверями, пал ниц на землю и со слезами стал умолять Божию Матерь: «Даждь мне, Царица Небесная, Матерь Божия, выучиться грамоте». Горяча, должно быть, была молитва юного отрока Гавриила, из глубины скорбного сердца исторгались вопли ее и быстрее молнии взлетели в небеса до самой Преподобной Владычицы горного и дольного мира. И вдруг обе половины железных церковных дверей отворяются, является благолепная Жена, берет его за руку, подводит к местной иконе Спасителя и, обращаясь к Нему, говорит: «Сын Мой, даждь сему отроку Гавриилу выучиться грамоте». С этими словами благословила Она его Своей рукой, дала ему Ее поцеловать. «Теперь ты, — сказала Она, — выучился грамоте». Проговорив это, Она вошла в северные двери алтаря.

Видя, что Царица Небесная не выходит, Гавриил поспешил за Ней в алтарь. Но там Ее не нашел. Обошел потом кругом по церкви, но видимой Жены нигде не было. Настало время богослужения, пришел пономарь и, отворив церковные двери, увидел Гавриила. В изумлении глядя на него, он спросил его: «Как ты сюда попал!» Гавриил подробно рассказал обо всем случившемся. Пономарь не поверил ему и сам пошел искать Жену. Обошел всю церковь, но нигде Ее не нашел. Потом для удостоверения

в истине случившегося взял и подал ему книгу и говорит: «На, прочитай, умеешь ли ты читать, как Она сказала, что ты теперь выучился грамоте». Гавриил взял книгу и стал читать хорошо и внятно. Тогда пономарь сказал: «Да, это была Божия Матерь, а не простая жена».

После всего случившегося Гавриил побежал в школу. Учитель стал спрашивать урок его, буквы из азбуки, а он стал читать в указанном месте, да не по складам, а бегло и хорошо. Учитель весьма удивился такому его необыкновенному успеху. Ведь за четыре года он не смог выучить то, что читал сейчас. Гавриил рассказал, кто его научил грамоте. С тех пор учитель и родные стали относиться к нему с уважением. Тогда он уже безбоязненно стал собирать своих товарищей в те пещеры, где они играли следующим образом. Например, строили церковь, где каждый рыл себе в земле келейку; устраивали нечто вроде монастыря: одного делали священником, другого — дьяконом, иного — экономом, а Гавриила избрали в игумена.

Когда Гавриилу было около 14 лет от роду, односельчане его отправились верхом на лошадях в Константинополь. Поехал с ними и Гавриил. Проезжая мимо одного прекрасного уединенного места, ему пришла мысль: «Здесь, в этом лесу, должно быть живут пустынники». Гавриил оставил спутников и пошел их искать. Но, к прискорбию своему, никого из пустынников не нашел, спутников потерял из виду и заблудился в лесу. Гавриил испугался и стал призывать на помощь святого великомученика Георгия, своего соотечественника, бывшего родом тоже из Каппадокийской области. Вдруг показался вдали молодой всадник на белом коне и, приблизившись к Гавриилу, говорит ему: «Видно, ты дорогу потерял?» — «Да, потерял», — ответил Гавриил. Всадник был в прекрасном воинском одеянии, почему Гавриил и не осмеливался с ним разговаривать. «Иди за мной», — сказал он Гавриилу и вывел его на дорогу, на то место, откуда он увидел своих спутников и догнал их.

По прибытии в Константинополь Гавриил прежде всего поспешил побывать у своего родного дяди, который занимал высокую должность при дворе тогдашнего султана Махмуда II (1808–1839). Проживая на родине, тот занимался доставкой продовольствия для турецких войск. Завистливые люди оклеветали его, чтобы погубить. Донос клеветников-завистников имел силу, и он должен был лишиться жизни. Во избежание смерти он и решил принять магометанство, после чего вошел в большое доверие и милость султана, и сделался одним из близких ему людей, и уже постоянно находился в его дворце.

Гавриил очень сильно желал помочь своему дяде, вывести его из той адской, погибельной пропасти, в которую тот попал. И Господь помог ему. И не только этого вельможу, но с ним и одного священника и еще других несколько человек, принявших ислам, он смог возвратить в христианство. Все они втайне снова стали

православными христианами и еще некоторое время оставались на прежних местах служения.

Целый год Гавриил находился в султанском дворце при дяде — вельможе султана. Султан его заметил и спросил дядю о нем. А потом сам султан Махмуд лично разговаривал с Гавриилом, о многом расспрашивал, после чего весьма полюбил его. Находясь во дворце, Гавриил не пользовался удобствами роскошной жизни. Его дневной пищей была одна горсть ячменной крупы, сваренной с солью в воде. Султан об этом знал от дяди. Знал и о том, что ежедневно он полагал по 500 земных поклонов. Султан с восхищением, не ожидая ответа, часто спрашивал своих приближенных: «Кто научил такого молодого человека так поститься и молиться?»

Об этом султанине, благодетеле христиан, говорят, что он сам был тайным христианином. Старец Хаджи Георгий так говорил о нем: «Султан Махмуд был втайне христианин. Первая добродетель его состояла в том, что до его царствования не только не могли построить ни одного нового храма, но не могли даже поправить ни одного обветшавшего. Он дал до 2000 фирманов (разрешений) на построение новых церквей. По разрушении в 1821 году маленькой, низенькой часовни в Балуклии, построенной над живоносным источником Божией Матери, на месте древнего великолепного храма, место это было отнято турками у православных греков. Султан Махмуд по ходатайству Патриарха Константия I (1830–1834) возвратил это место христианам и дозволил восстановить от самого основания древнюю церковь, которая и была построена, но по недостатку средств — в меньших размерах. Причем известная своей благотворительностью графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская пожертвовала 50 000 пиастров. Султан даже приказал уничтожить само магометанское кладбище, бывшее на этом месте, а могильные камни отдал христианам употребить на постройку церкви. Да еще пожертвовал две большие иконы: святого Иоанна Предтечи, к которому он благоговел, и отца его, святого пророка Захарии, и серебряное паникадило».

Видя вокруг себя честь и славу суетной мирской жизни и как трудно со всем этим бороться, юный Гавриил стал молиться Божией Матери увести его отсюда и указать ему путь спасения. Однажды за Божественной Литургией в патриаршей церкви Гавриил со слезами молился пред иконой Божией Матери мозаичной работы, которая находится за патриаршей кафедрой. Когда закончилась Литургия, он не вышел вместе со всеми из церкви, а остался с юношеской простосердечностью молиться дальше, желая получить откровение.

Царица Небесная, как рассказывал многим сам старец, услышала его скорбь и молитву, и случилось следующее: ему показалось, что Царица Небесная сошла к нему с иконы в белом одеянии и спрашивает его: «Чего ты хочешь?» — «Хочу

спасти», — ответил Гавриил. Матерь Божия тогда говорит ему: «Когда выйдешь из церкви, то иди к фонарным воротам на пристань, где увидишь монаха, с которым поедешь на Афон». Сказав это, Она снова вошла в Свою икону.

Гавриил поспешил на пристань и действительно увидел монаха величественного вида: постный старец, борода седая, длинная. Это был игумен бедного греческого монастыря на Афоне во имя святителя Николая Чудотворца, именуемого Григориат, по имени построившего его основателя — преподобного Григория, который был родом славянин — серб. Имя и этого игумена было тоже Григорий. Гавриил упал к нему в ноги и стал просить его, чтобы тот взял его с собой на Афон. Святогорский старец посмотрел на него и говорит: «Святыми отцами и постановлениями Патриархов Константинопольских запрещено принимать на Афон не только мальчиков, как ты, но даже и в летах, если они без бороды. Как об этом ни говори, а на Афоне тебе не быть до совершенных лет».

Выслушав отказ, опечаленный Гавриил рассказал о том, как он видел Божию Матерь и что Она ему сказала, дабы этим убедить старца взять его на Афон. Старец задумался, но после краткого недоумения снова говорит ему: «Нет, я не могу взять тебя. У нас на всем Афоне нет ни одного мальчика. Как же я возьму тебя?» И как ни просил и ни умолял Гавриил, игумен никак не хотел согласиться взять его с собой.

Таким образом Гавриил получил совершенный отказ. И даже не было обращено никакого внимания на благоволение к нему Самой Царицы Небесной, верховной Игуменьи Святой Горы, которая, конечно, может попустить что-либо и вопреки постановлениям человеческим. Все это происходило в присутствии капитана того судна, на котором игумен Григорий должен был отправиться на Афон. Добрый и сострадательный капитан, видя такое сильное желание молодого человека отправиться на Святую Гору и слыша отказ игумена взять его с собой, сжалился над ним и помог ему исполнить свое желание следующим образом: «Судно скоро пойдет на Афон, — сказал он, — пойди и спрячься на корабле, а после, когда выйдем далеко в море, ты откроешься ему, т. е. игумену, и тогда поневоле он возьмет тебя». Обрадованный Гавриил так и сделал. Судно вышло в море, на нем отправился и юный Гавриил. Не смея во время плавания показываться старцу-игумену, Гавриил решил открыться ему только тогда, когда уже подъезжали к Афону. Гавриил робко подошел к старцу и упал ему в ноги. Игумен промолчал. Гавриил был в недоумении, но одно держал в уме: «Матерь Божия послала меня на Афон». Выйдя на священный берег Святой Горы, на пристань Григориатского монастыря, Гавриил вошел через святые врата внутрь этого монастыря, в котором прибывший Григорий был игуменом. Это было в 1828 году. Сам игумен и здесь не только не хотел принять его в число братии, но даже не хотел, чтобы он показывался ему на глаза. Гавриил стал изливать свою скорбь,

если уж не всем, то некоторым из братии монастыря, которых было очень немного. Братия упросила игумена принять его в монастырь, и игумен согласился. Ему дали послушание на кухне.

Неописуема была радость Гавриила. Он чувствовал, как будто только что родился на свет Божий, когда был принят в монастырь. При начале жизни юноши Гавриила в Григориате однажды, как он рассказывал, на храмовый праздник святителя Николая по случаю непогоды не могли наловить в море свежей рыбы для общей братской трапезы. И что же? Вдруг несколько рыб выкинулось на берег накануне самого праздника. Братья собрали чудом дарованную рыбу, которой вполне было достаточно для братской трапезы.

По отъезде из Константинополя юноши Гавриила вышеупомянутый его дядя, при содействии своего племянника возвратившийся тайно в христианство, через год скрылся из дворца и Константинополя. Переодевшись в бедную христианскую греческую одежду, он прибыл в Смирну и стал служить там при церкви, исполняя должности церковного пономаря и сторожа. Через восемь лет покаянной жизни он мирно скончался в Светлое Христово Воскресенье.

Недолго, кажется всего месяца два, прожил юноша Гавриил в монастыре Григориат. Надо полагать, что молодость и великие искушения за принятие безбородых вынудили его удалиться оттуда. Он услышал, что в Кавсокаливском скиту есть опытный старец-духовник, иеросхимонах Неофит, по прозванию Караманлы, соотечественник его, и подвизается там на келлии св. великомученика Георгия Победоносца. Вот он и задумал отправиться к нему и просить его принять к себе для спасения души.

Старец Неофит принял своего земляка — соотечественника Гавриила. Желая не нарушать патриарших и отеческих запрещений относительно приема на Афоне юных и безбородых и вместе с тем сохранить его от варварства турок, Неофит поселил Гавриила при пещере преподобного Нифонта. Здесь Гавриил подвизался никем не видимый года три-четыре.

По окончании же греческого восстания старец-духовник продал кому-то или подарил свою келлию в Кавсокаливском скиту, а себе купил у лавры другую опустевшую келлию на Керашях* во имя святых Апостолов. Тут они подвизались года три-четыре. Здесь старцу Неофиту было какое-то видение, после которого он решил принять и установить для своих учеников «Устав совершенного постничества». Этот устав предписывал никогда, и ни по каким причинам, и ни по каким благовидным предложениям не употреблять ни сыра, ни яиц, ни молока и ничего подобного, а также ни рыбы, ни масла, ни вина и ничего подобного. Всю же непостную провизию отправили на мулах в лавру. Потом старец купил другую запустевшую келлию во имя святого великомученика

Димитрия Солунского. Здесь на Керашях, а может быть, еще в скиту Кавсокаливском старец Неофит постриг Гавриила во святую и великую схиму с именем Георгия в честь святого великомученика Георгия, бывшего родом из Каппадокийской области.

По закону своей страны отец Георгий не имел права знать и говорить по-гречески и говорил только на языке повелителей и поработителей турок. Старец Неофит научил его греческому языку уже на Афоне.

Говорят, что в течение нескольких лет старец не позволял Гавриилу, а потом и Георгию входить внутрь самого храма, т. е. в среднюю часть его. Он мог стоять только в притворе, откуда и слушал богослужения. Благоговейный и простосердечный Георгий был уверен, что старец служит с Ангелами, потому и не допускает его входить внутрь.

В течение двенадцати лет Георгий по благословию и приказанию старца ежедневно, кроме лютой зимы, ходил на священную вершину Афона, чтобы там в храме поправить светильники в лампадах пред иконами Преображения Господа, Божией Матери и преподобного Афанасия Афонского. Если они потухли, то засветить их вновь или добавить масла. При быстроте хода и без торбы на спине можно было сходить с Керашей наверх и возвратиться в течение почти пяти часов. Двенадцатилетний труд этот достоин названия подвига.

Старец, желая смирить его, однажды выгнал его из келлии зимой, когда в то время шел снег, Георгий в углу сделал себе защиту от снега, но старец увидел это и в гневе все раскидал, сказав: «Ты вздумал себе келлию строить?!» Так Георгий провел 12 дней, не мог уже употреблять пищи и от стужи едва не лишился жизни.

Старец, увидев его в таком положении, испугался, что он умер, стал усердно молиться святому Мине, говоря: «Ты избавил меня в юности от осквернения турками, теперь спаси ученика моего». Когда он таким образом молился, то святой мученик Мина явился Георгию в небесной славе и толкнул его, сказав: «Что ты спишь, вставай, старец молился о тебе со слезами перед моей иконой, если хочешь, то я тебя возьму с собой. Господь, видя твое терпение, удостоивает тебя мученической славы, ты будешь вместе со мной, я много мучений претерпел, тело мое резали на части. Но, впрочем, как хочешь, это на твою волю, можешь опять возвратиться к жизни». Георгий отвечал: «Я ничего не сделал богоугодного и хочу пожить и потрудиться», — и побежал к старцу своему, который в это время молился перед иконой святого Мины. Тот как только увидел Георгия воскресшим, то обнял икону святого Мины и целовал ее в чувстве признательности за оказанную милость.

После таких испытаний и подвигов отец Георгий получил особую благодать от Господа.

Однажды Георгий шел и дорогой заблудился. Тогда он стал молить святого Георгия указать ему путь. Угодник Божий скоро явился ему и дал две торбы (мешка)

с яблоками, имевшими необычайный аромат и вкус. Несколько Георгий съел, а когда вышел на дорогу, то встретившимся с ним рассказал, как он получил эти яблоки, после чего у него все их расхватали.

Однажды Георгию был глас, что он будет наставником юных, руководя их в Царстве Небесное.

Однажды бес, заклятый им в одном человеке, сказал ему, что ни о чем он не заботится, как о том, чтобы разорвать связь послушания старца с учеником, и что тогда ученик будет в его воле. Но бес очень неохотно это говорил, понуждаемый силой Христовой.

В другой раз Георгий без старца вздумал служить бдение. Ему явился бес. Устремился на него, испуская огонь из пасти, чего Георгий так испугался, что, несмотря на зимнее время, побежал по снегу в Карею, к находившемуся там старцу своему, который как только его увидел, то, не спрашивая, уже знал причину его прибытия.

Однажды бесы за сопротивление им очень высоко подняли Георгия и грозились сбросить с высоты и убить его, но им не было это попущено, и они без вреда спустили его на землю.

Еще Георгий, по искушению от бесов, как-то ушел от старца. Дьявол ублажил его тем, что бесы приняли вид Ангелов. Но Георгий заметил в их действиях какую-то поспешность и торопливость. Они заставляли его поклониться им и обещали даровать ему благодать Святаго Духа, но когда Георгий призвал в молитве старца, то все это исчезло.

Однажды Георгий, занимаясь рукоделием, нечаянно проглотил иглу большой величины. Имея веру ко святому мученику Мине, он обратился к нему с теплой молитвой. Святой видимо предстал перед ним и, опустив руку в гортань его, извлек иглу.

Когда Георгий был в послушании у старца, то явился ему бес в виде молодого юноши с мулом, приглашая его к себе и обещая, что он и товарищи его сделают Георгия старцем и будет ему у них жить очень хорошо. Но Георгий распознал бесовскую прелесть, после чего бес исчез вместе с мулом.

Когда же Георгий сам был руководителем других, то ему было откровение, что послушным послушникам Ангел шептал на ухо и поучал полезному, а непослушных бес поучал на все дурное, спутывая их мысли.

Однажды к Георгию привели бесноватого турка, который по молитвам Георгия был избавлен от беса и стал говорить по-гречески, не учившись. После этого он жил у Георгия подвижнически три года и перед кончиной сподобился явления Господа.

Один из учеников Георгия, по имени Христофор, прожил у него в полном послушании подвижнически три года. При кончине своей он сподобился видеть праотцев, прочих святых и Ангелов и стал просить старца, дабы угостить смоквами пришедших к нему гостей. Но старец ответил, что эти гости не требуют такого угощения.

Один из учеников Георгия, бывший при смерти, сподобился небесного видения: явились ему в виде Ангелов четверо, одетые в облачения, перекрещенные ораями, наподобие диаконов, и сказали ему, что посланы за ним. Больной отвечал им, что без благословения старца своего он не может отправиться с ними, и объявил о всем этом старцу. Старец, опасаясь, нет ли тут прелести со стороны духа тьмы, преобразующегося, по слову апостола Павла, в ангела света, отвечал ученику: «Скажи пришедшим за тобой, что ты еще не готов. Пусть придут они через два дня». Так он и сделал. Находившиеся при этом братья слышали его ответ, но Ангелов видеть не сподобились. Больной отпущенный ему небольшой срок времени жизни провел в непрестанной молитве. И по прошествии этих двух дней в тот же час небожители явились к нему вновь и, кротко отделив от тела душу, вознесли ее в райские небесные селения.

Однажды Георгию было видение Богоматери, по правую Ее сторону стоял в виде воинов лик ангельский, а по левую — бесы в виде турецких воинов. К Ней на суд приводили нерадиво живущих на Афоне монахов. Она сказала: «Я не терплю, чтобы в Моем уделе были такие нерадивые монахи». Затем «турки» избивали их, а по убиении тела их бросали на воздух.

Один из замечательных учеников Георгия, Паисий, был сыном богатого купца и пришел к нему в юных годах. В самом начале, как только он пришел к Георгию, он был подвергнут жестокому искушению. Однажды он прогнал его, и Паисий целую неделю провел на холоде, ожидая милости от старца. Прожив несколько лет у старца, он смутился и хотел вернуться в мир, но Георгий о нем усердно молился Божией Матери, и ученик сподобился видеть святых Ангелов, возносивших молитву старца к Божией Матери, написанную на хартии. Царица Небесная даровала Георгию Паисия, он провел шесть лет в подвигах в совершенном послушании и молчании, а при кончине сподобился видеть Господа. Паисий имел договор со старцем умереть прежде него, но старец однажды заболел, и его душу уже несли Ангелы на небо и показывали ему неизреченные красоты райского селения. Старец увидел, как Ангел, несущий его душу, имел спор с Паисием, который говорил ему, что он условился со старцем умереть прежде него. Паисий превозмог. Старец был возвращен к жизни. Очнувшись, он увидел, что лежит на своем одре, который окружали плачущие ученики.

Инок Исаак, сподобившийся священства, жил у Георгия двадцать пять лет. Он очень хорошо подвизался, имел великое усердие к молитве. Молился ночью, когда другие спали. Псалтирь выучил наизусть... Но потом по действию врага стал кое-что приобретать втайне от старца и хранить под замком в своей келье, за что по попущению Божию был поражен бесами замертво. Тогда старец взял святой воды, окропил его крестообразно, и Исаак пришел в себя и бросился на шею к Георгию, прося избавить его от бесов и выкинуть из его кельи все

то, что он тайно хранил в ней. Прожив богоугодно остаток жизни, при кончине он сподобился ангельского видения.

Однажды Георгий сподобился явления святителя Николая Чудотворца, который сказал ему: «Я в среду и пятницу не сосал сосцу моей матери, а ныне в России не соблюдают посты, за что их постигают многие беды и напасти. Я много России помогаю, но живут они плохо».

Из бесед Георгия было заметно, что он полагал за основание подвижнической жизни послушание, которое он больше всего уважал, заключая в нем все спасение. Но при этом Георгий говорил, что необходимо каждый день плакать и переживать о грехах своих и что без этого не избавишься от сетей дьявола.

В 1870 году Георгий стал скорбеть, не видя (по его мнению) в послушниках своих той строгой жизни, которую сам проводил, и того совершенного послушания, которое имел он к старцу своему. И пришел ему помысел оставить свое убежище и стать юродивым Христа ради. Когда он размышлял так, то Ангелом душа его была восхищена на небо. И он увидел там райские селения. Показывающий ему дорогу Ангел подводил его ко многим прекрасным палаткам, как бы желая войти в них, но на стук в дверь им отвечали, что это место упокоения такого-то святого, причем он слышал имена великих святых и думал со страхом: «Мне ли, убогому, нищему, обитать в таких великолепных дворцах».

Так, обходя райские селения, уготованные святым, он пришел к одному прекрасному дворцу, и когда отворил двери, то он видел там своих учеников и возрадовался. Видел он место, приготовленное и ему, и места своих учеников, еще бывших живыми. Потом, следуя далее, видел он место, уготованное братьям разных афонских обителей, в числе которых и для братьев Русского Пантелеимонова монастыря. Утешившись таким видением, Георгий не захотел уже становиться юродивым.

В этом необыкновенном небесном путешествии Георгий видел виноградники. Некоторые из них были дивной красоты, и в них трудились иноки. А иные виноградники были не столь хороши и поросли даже лесом, что, надо полагать, говорило о разном духовном состоянии иноков.

После смерти своего старца Хаджи Георгий сам стал настоятелем келлии на Керашях, имея до тридцати учеников-греков, и стал известен не только всему Афону, но даже почти всем бывающим на Святой Горе, в особенности тем из них, которые восходили на вершину Горы Афон, так как отсюда, с Керашей и от его келлии, начинается подъем наверх. Здесь у него вкушали пищу и ночевали, а рано утром, на заре или как получится, начинали подъем на Гору. По возвращении оттуда опять принимали пищу и по большей части оставались еще на одну ночь. И поэтому все его

знали, а особенно его авраамово гостеприимство. Все, кто бы ни пришел к нему, брали пищу безвозмездно, и он нисколько не скорбел и не жалел об этом.

Отец Пантелеимон (Сапожников)⁴⁹³ так описывал жизнь отца Георгия: «Востину Хаджи Георгий живет по Евангелию, не заботясь о завтрашнем дне. Жизнь его во многих отношениях замечательна и служит дивом для многих. Ученики же его — это сущие Ангелы. Старец ведет по пути спасения весьма сурово и строго: самоотвержение их и отсечение своей воли неимоверны. Все ученики по преимуществу молодые, и он для пользы их и для соблюдения от нескромного взора заходящих к ним на перепутье и для отдыха велит им вымазываться сажей, конечно, слегка. И часто можно встретить его, запачканного сажей и в грязи, прямо похожего на какого-то небывалого черномазого негра. Самого Хаджи Георгия нельзя отличить не знающему его не только от какого ученика его, всегда грязного и оборванного, но и от простого рабочего: так ведет он себя серо и просто. Келий у него никто не имеет, блох и клопов не вымывают и не убивают, почему только разве крайнее утомление даст возможность заснуть в его кельях — помещениях для учеников.

У него не только когда общее бывает послушание или когда десять, пятеро или четыре человека работают, но если и двое, то один непременно вслух читает молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Это делается во избежание празднословия.

Рукоделье их — живопись. Разумеется, занимаются этим немногие, а большая часть выполняет разные тяжелые послушания.

По виду старец Георгий самый незавиднейший простец и невежда, но в беседе с ним ясно дает о себе знать его мудрость, опытность и глубокая начитанность. Во всякой скорби, во всяком недоумении у него найдется разрешение и утешение скорбящему.

Во время бывших в 1874–1875 годах весьма больших неприятностях в Русском Пантелеимоновом монастыре между русскими и греками русские старцы — духовники этой обители — иеромонах Иероним и архимандрит Макарий — попросили старца

⁴⁹³ Архимандрит Пантелеимон (в миру Павел Иванович Сапожников) — бывший крестьянин из Воронежской губернии. Поступил в Русик в 1857 году. Пострижен в мантию. Послушание проходил заведующим канцелярией, после жил на Ближней Георгиевской келлии. По приглашению Священного Синода и по благословению старцев обители в 1876 году выехал в Россию. Преставился в сане архимандрита в Киренском Тобольском монастыре. Автор книг: «Сказание о посещении Богородицею Святой Афонской Горы и в русском монастыре», «Об открытии и освящении Афонской часовни в Москве», «Посещение Афона русским архипастырем Александром, бывшим епископом Полтавским», «Письма с Афона о современных подвижниках Афонских». Оставил также дневник (АРПМА. Док. № 450). Сохранились копии его записей о разных чудесных явлениях (АРПМА. Док. № 524 (оригинальная рукопись) и № 518. С. 648–728).

Хаджи Георгия прийти к ним в монастырь, быть посредником между греками и русскими и водворить между ними мир. Старец с любовью пришел к ним и целых два месяца провел в монастыре, всеусердно стараясь о примирении.

Наконец, не видя успеха, вышеупомянутые старцы-духовники просят старца Георгия помолиться Господу Богу и просить открыть: «Угодно ли и есть ли на то Божия воля, чтобы отделиться русским от греков?» Старец «за послушание» исполнил просьбу, помолился Господу Богу, и было ему во сне откровение: видел он, что посреди соборного храма во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона стоит главный экононом монастыря, перед ним большой чан соленых или маринованных маслин, которые он раздает — одну чашку русским, а другую грекам. Когда старец рассказал это видение, то из этого все заключили, что на разделение русских с греками нет благословения Божиего. И действительно, русские не разделились с греками. После того случилось междоусобие в русском Андреевском скиту, и Хаджи Георгий и здесь принимал весьма деятельное участие в примирении, и не тщетны были его труды.

Всех желающих он постригал в монашество и по большей части прямо в великую схиму, основываясь на том, что преподобному Пахомию Великому был показан Ангелом один образ монашеский — схимнический».

До 1870 года старец Георгий имел учениками почти исключительно одних греков и ни одного русского, пока не приехал из России для поклонения послушник Сергеевой пустыни, что близ Санкт-Петербурга, Петр Константинович Гвоздев, который и стал первым русским послушником схимонаха Хаджи Георгия. Тот постриг его в схиму с именем Парфений. Будучи человеком торговым, отец Парфений имел множество знакомых, а в особенности предприимчивый и деятельный характер. Немедленно он оповестил всех родных и знакомых о своем прибытии на Афон, о поступлении к старцу-пустыннику и о пострижении в великую схиму. И что теперь он уже схимонах Парфений. И потекли к ним обильной струей жертвы. С этого времени стали приходиться и проситься к старцу через отца Парфения многие другие русские. Отец Парфений научился греческому языку и сделался усердным посредником между приходящими и старцем, который и принимал всех без различия, только с непременным условием совершенного постничества. Приходящие русские на все соглашались, только бы сделаться учеником старца Хаджи Георгия.

В 1873 году старец за благо рассудил оставить келлию на Керашях и переселиться в пределы Григориатского монастыря. Местечко это было высоко на горе с малой церковью во имя святого первомученика и архидиакона Стефана. В благодарность за это Хаджи Георгий и отец Парфений построили для монастыря на огороде церковь во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. На новом месте

жительства они построили новый братский корпус и при содействии петербургского купца Александра Никифоровича Старикова вместо старой церкви воздвигли новую, большую и просторную. Здесь прожили они всего года два-три и вынуждены были удалиться в другое место. Тогдашние старцы нашей обители предложили им принадлежащую монастырю келлию, тоже во имя святого архидиакона Стефана. Петербургский купец-миллионер, потомственный почетный гражданин Ефрем Никифорович Сивохин прислал им для внесения в монастырь за эту келлию шесть тысяч рублей. При переходе сюда у них было всего 12 человек русского братства.

Неутомимый отец Парфений не мог сидеть без дела. Братство росло. Завелись постройки, мастерские, приемы паломников, снабжение их и благодетелей из России иконами, маслами и разными святогорскими произведениями рук пустынников. Наконец, был построен большой братский корпус. Братство возросло до пятидесяти человек.

В 1883 году некоторые неприятности заставили отца Георгия и отца Парфения оставить эту келлию и даже Святую Гору и удалиться в Константинополь. С ними вместе отправились и несколько их учеников. В Константинополе они взяли по тамошнему обычаю в аренду на определенное время за известную плату один запустевший монастырь во имя святых великомученика Пантелеимона и учителя его священномученика Ермолая. Здесь прожили они более двух лет, до кончины старца.

После долголетнего пребывания на Афоне отец Георгий тяжело заболел. Целый год он болел всем телом, более всего ногами, и не мог ходить, но докторов не просил и лекарств не принимал, свой постнический устав не оставлял и до самой кончины был в здравом уме и твердой памяти. Всех приходящих утешал, насколько мог. Предчувствуя близость перехода в иной мир, он за два дня до кончины сказал братии следующее: «Каждый раз вижу во сне богатый магазин, наполненный разными дорогими вещами, которые все раздаю бесплатно в благословение, и, сколько ни раздаю, вещей не убавляется. Наконец, утрудившись раздавать, говорю: «Господи, когда же я все это раздам и покончу?» И вдруг увидел свой магазин совершенно опустевшим, и ничего в нем не осталось, кроме моей рясы».

Завещал он похоронить себя в Балуклии, при церкви Живоносного Источника Божией Матери, в могиле своего родного брата Анастасия, скончавшегося за два года до прибытия его в Константинополь, т. е. в 1881 году. Накануне кончины, с вечера, а также и в самый день и час кончины изнемогавшего старца приобщили Святых Христовых Тайн. Преподав всем предстоящим ученикам своим прощение и благословение, старец Хаджи Георгий в мире предал дух свой Господу. Это было 17 декабря 1886 года.

Иеросхимонах Парфений (Гвоздев)

Отец Парфений (в миру Петр Константинович Гвоздев) родился 29 июня 1840 года в Петергофе. Двадцати трех лет он поступил в Сергиеву пустынь, а оттуда через семь лет прибыл на Афон.

Старец Сергиевой пустыни отец Макарий не пускал своего послушника на Святую Гору. Но через некоторое время он умер, и разрушилась преграда на пути к Афону. Но отца Парфения долго смущала мысль, что он ушел туда без благословения игумена Игнатия (Малышева), настоятеля Троице-Сергиевой пустыни, и старца отца Макария.

Но когда он плыл на корабле, облокотившись на его борт, то задремал. И вот ему в сонном видении явился старец Макарий. Петр упал на колени, прося прощения, что уехал на Афон без благословения игумена. Старец же ничего не сказал своему послушнику, а только поцеловал его. Это означало, что он простил будущего афонского монаха.

Послушник Петр прибыл сначала в Руссик и хотел остаться там, но волей Божией старцы не приняли его сразу, а благословили посмотреть другие афонские обители. В это время иеромонах русского монастыря Пантелеимон (Сапожников), оставивший записки, которые легли в основу книги иеромонаха Антония Святогорца «Афонские подвижники благочестия XIX века», по благословению старца Иеронима обходил афонских пустынников. Великий русский старец поручил собрать ему сведения о грузине иеросхимонахе Иларионе, афонском духовнике. В качестве помощника отец Пантелеимон выпросил у молдаванина отца Феофана, жившего на Керасях, его ученика — монаха Виссариона, хорошо говорившего на греческом языке и к тому же знакомого со многими здешними старцами. Место ученика отца Феофана и занял на время Петр.



Но вскоре старец узнал, что живущий неподалеку русский монах Макарий тяжело заболел, и отправил Петра к нему на помощь. Отец Макарий лежал в постели. Наступило время трапезы. Петр, прочитав в своей жизни много книг о подвижниках, знал, что многие из них питались обыкновенной травой. Увидев много зеленой травы, незадачливый послушник решил приобщиться к подвигам отцов и сварил себе кушанье из травы, которую нарвал около кельи. Но лишь только проглотил он несколько ложек, как перед ним предстало какое-то страшилище. По бесовскому прельщению показалось Петру, что стоит чудище около двери кельи, хотя в действительности это было окно, за которым была пропасть. Испугавшись страшилища, он бросился бежать в «дверь» и, разбив стекла, упал в пропасть. Как он летел, не помнил, не чувствовал уже ничего. Но, удивительно, что он, упав в пропасть, не разбился, а только повредил себе ноги, оставшись на всю жизнь хромым.

Живший высоко на горе русский монах Павел заметил в глубине пропасти лежащего человека и сказал об этом отцу Макарию, который уже недоумевал, куда девался его послушник. Тут они увидели упомянутое варево, и им стало все понятно. Спустившись в пропасть, они на руках окружным путем принесли Петра к Хаджи Георгию. Опытный старец дал Петру выпить сразу три стакана оливкового масла, чтобы остановить действие ядовитого зелья. Но больной сильно ослаб. Старец совершил над ним Таинство Елеосвящения, но улучшения не было. Тогда с разрешения отца Феофана, у которого Петр был в тот момент послушником, он постриг его в великую схиму с именем Парфений. Над ним прочитали отходную, и старец Хаджи Георгий положил на лицо Парфения икону «Скоропослушницы», которую взял из своего храма. Великая схима, принятая на Афоне, подразумевает, что тело монаха должна принять святогорская земля. Произошло чудо: схимонах Парфений не умер и через два месяца был абсолютно здоров. Икона была передана новому схимонаху, и он до конца своей жизни хранил ее и почитал как чудотворную.

Отныне и до самой смерти место схимонаха Парфения было здесь, на афонской земле. Не он выбрал себе дорогу, а Сам Господь поставил его на афонскую стезю. И он стал единственным русским послушником великого старца. Пришлось выучить греческий язык. Постепенно стали приходить и другие русские, которые искали старцев, подобных отцу Георгию. Здесь следует отметить, что в этой келлии был самый суровый на Афоне устав. Масло, вино, рыбу, сыр, яйца здесь не вкушали даже в Пасху. Не обходилось и без искушений. Некоторые старцы обвиняли отца Георгия в том, что многие его молодые послушники умирают, не вынося подобного сверхтяжелого устава»⁴⁹⁴.

⁴⁹⁴ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002. С. 98.

«После смерти Хаджи Георгия в 1886 году его место [старца] занял схимонах Парфений. К тому времени братство Хаджи Георгия, сменив несколько мест, поселилось в Благовещенской келлии около Кареи. Келлия была известна своим книгоиздательством и благотворительностью. Раскрываем всем известную книгу «Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского» и читаем, что издана эта книга Благовещенской келлией старца Парфения на Афоне. Впервые русский читатель увидел эту книгу благодаря афонскому старцу.

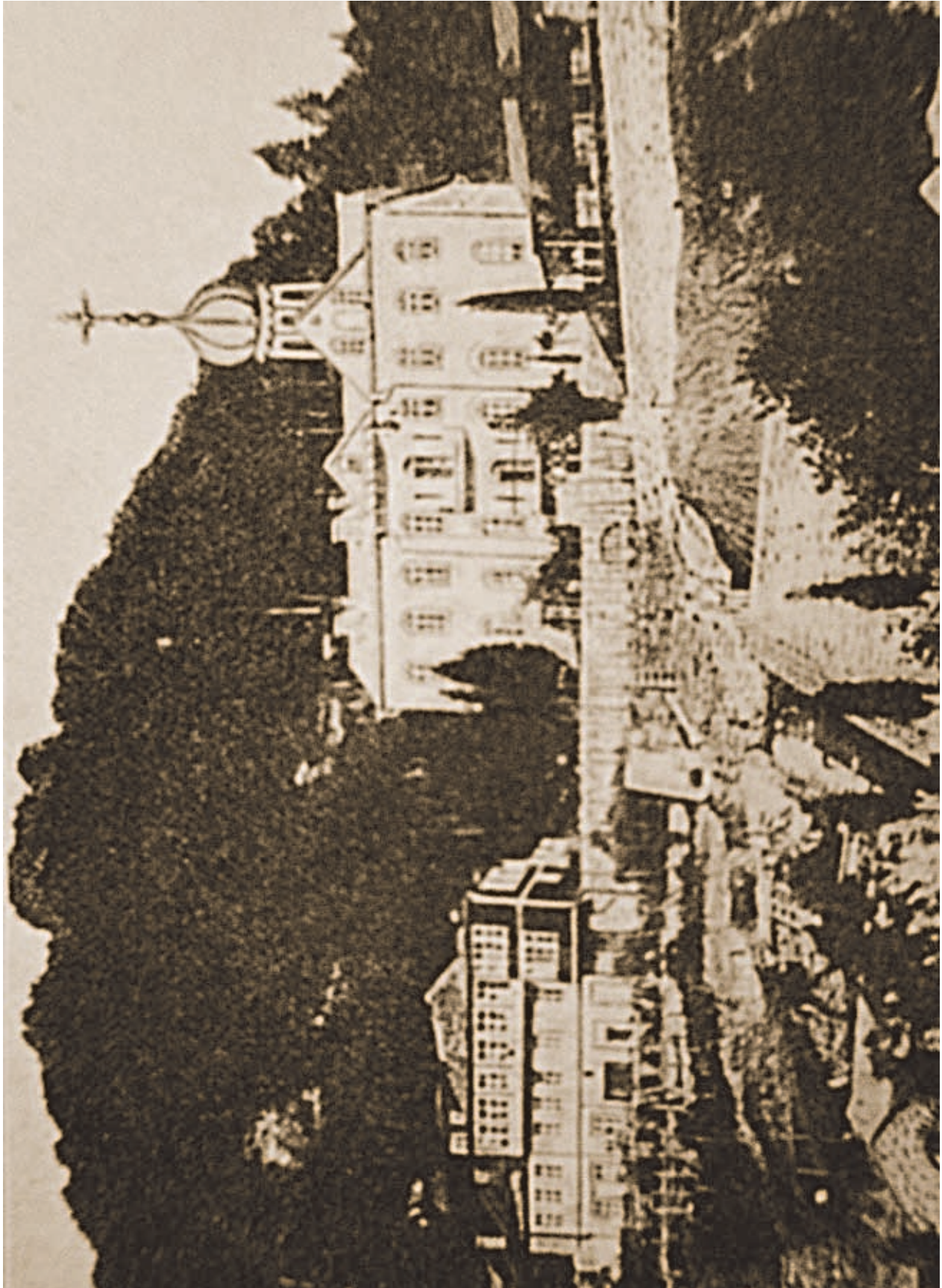
Жизнеописание старца Хаджи Георгия было также составлено и издано его учеником Парфением, его можно прочесть в упоминавшейся уже книге иеромонаха Антония. Кстати, и после смерти старца отец Парфений со своей многочисленной братией держался его устава, самого строгого на Афоне. Большевик Семенов, посетивший Афонскую Гору до революции, возмущался в своих записках, изданных в России с целью нанести удар по авторитету чтимого в народе святого места, что никто из молодых не может удержаться в келлии у отца Парфения, что подобные мучения голодом могут вынести только старики.

Как и во многих других афонских келлиях, здесь занимались иконописанием, и обитель прославилась своими иконами не только в России, но и за рубежом. Иконы, написанные братией Благовещенской обители, можно было встретить и в Берлине, и даже в Америке. Рижский архипастырь в свое время благодарил отца Парфения за иконы, присланные для задвинской Троицкой церкви.

Благотворительность же отца Парфения стала легендарной. Мало того что никто из афонских сироманов и бедняков не уходил без «благословения» — так на Афоне называется специальный дар, но отец Парфений получал по тридцать писем в день от российских бедняков, на которые отвечал.

«На широком дворе кучка нищих монахов пандахусов*, болгар, греков — все ждали милостыни от старца схимонаха Парфения... С особой наивностью, которая бывает только лишь у невинных детей, да чистых сердцем и помыслом людей, он тщетно изыскивает способы накормить и напоить алчущих и жаждущих», — пишет один из посетителей келлии. «Не забывайте бедных и помните, что дающему Господь воздаст вдвое; помните, что мы, бедные келиоты, зависим от всего, от всяких случайностей, а вы человек, пишущий в газетах, не пишете в них неправды», — эти слова, сказанные схимонахом Парфением при прощании, врезались в память одному из паломников.

Схимонаха Парфения знали далеко за пределами Афона. Не оставил отец Парфений без внимания даже японскую миссию и отправил в Страну восходящего солнца четыре иконы с частицами мощей, за что была получена от святителя Николая письменная благодарность. <...>



Благовещенская келлия начала XX века

Как истинные русские монахи, отец Парфений и его сподвижники немало потрудились на ниве евангельской проповеди. В Благовещенской келлии были два монаха — отец и сын — по рождению татары. И отец Парфений разглядел в младшем из них, Иоакиме Красильникове, ревность по Богу и отправил его в Палестину для изучения арабского языка, чтобы сделать его миссионером среди арабских народов. Но Господь распорядился несколько иначе: Иоаким поступил на Казанские миссионерские курсы и остался в России для проповеди среди своего народа. Скоро иеромонахом Иоанном (таково было его монашеское имя) был организован Крященно-Татарский скит в пределах Казанской епархии. Отцу Иоанну было суждено немало потрудиться для просвещения татар. Не нужно говорить о тесной связи проповедника со своим афонским старцем. Так, усилиями отца Парфения было напечатано двадцать тысяч экземпляров брошюр религиозного содержания на татарском языке. Православное братство святого равноапостольного князя Владимира в Берлине избрало схимонаха Парфения своим почетным членом.

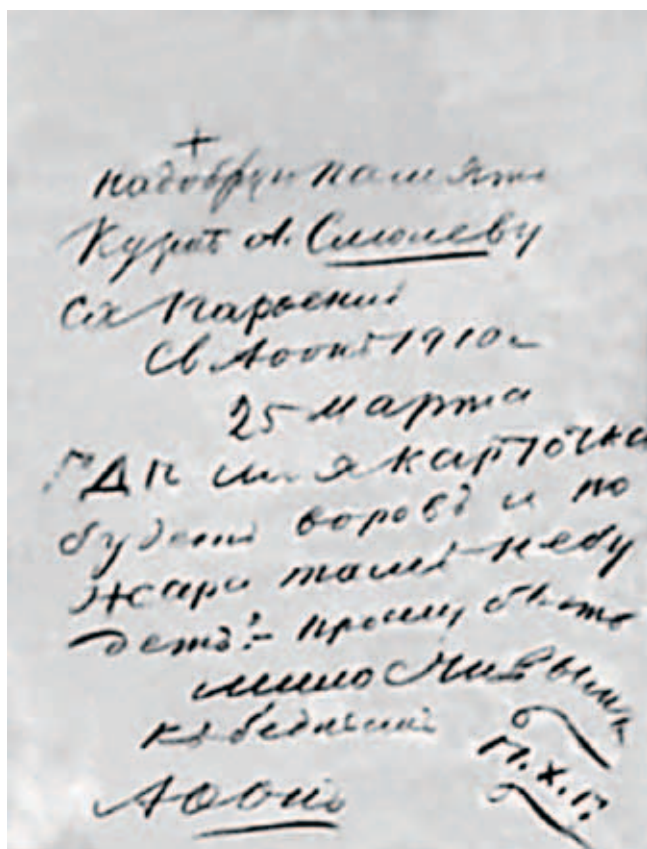
В начале двадцатого столетия отец Парфений начал постройку еще одного храма во имя Воскресения Христова.

В келлии были свои святыни и достопримечательности: чудотворная икона «Скоропослушница» и частицы мощей, а также Святое Евангелие — дар Государыни Марии Александровны.

В заключение приведем слова из описания Благовещенской келлии, изданного в 1901 году: «Много раз пришлось побывать мне на Святой Горе — я хорошо ознакомился с тамошними монастырями, ознакомился с их уставами, внутренними порядками и образом жизни их братии. Не раз мне приходилось проводить несколько дней, а иногда даже и недель в монастырях этих, причем я, конечно, не мог не отдать справедливости их строгому уставу, труднической жизни их братии и благолепию совершаемого в них богослужения. Однако я должен сознаться, что душа моя жаждала чего-то иного: слишком большое многолюдство, неизбежное при этом оживление — все это заставило меня подумать о более тихой жизни, которая дала бы мне возможность отрешиться от всего житейского и стать лицом к лицу с природой и ея Божественным Строителем.

Под влиянием такого настроения я невольно обратил внимание на более мелкие обители, известные на Афоне под именем келлий. На расспросы мои относительно этого предмета все монахи, к которым я обращался, как бы сговорясь, указывали мне на настоятеля, или, по-афонски, старца келлии Благовещения Пресвятой Богородицы, отца Парфения, говоря, что там найду я тишину и спокойствие и увижу в братии образец исполнения христианских обязанностей»⁴⁹⁵.

⁴⁹⁵ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские келлии на Афоне. М., 2002. С. 97–102.



Отец Парфений с благоговейной ревностью собирал по всему Афону разные древности. Ему по наследству достались бесценные святыни. Вот что пишет об этом отец Денасий (Юшков): «Отец Парфений, не обладая излишками тленных богатств, имеет бесценное богатство, заключающееся во множестве больших и малых частиц святых мощей угодников Божиих, наследственно перешедших к нему от его старца-духовника Хаджи Георгия, а тому, в свою очередь, от его старца, духовника многих монастырей, пустынников и двух патриархов отца Неофита Караманлы, прожившего на Афоне 88 лет, а всего от роду 106 лет»⁴⁹⁶.

Отец Парфений сначала был большим ревнителем имябожников, много боролся с противниками, издавал и листки

об этом, но в 1913 году осознал губительность дальнейшего раздора среди русских монашествующих и отрекся от этого учения.

Близкое духовное родство имел отец Парфений со старцами Руссика, именно ему было поручено сказать прощальное слово во время погребения игумена Макария (Сушкина). И с последующими игуменами, и с другими старцами он поддерживал духовные отношения как в виде личных отношений, так и письменно⁴⁹⁷.

Жизнеописание отца Парфения не будет полным, если мы не включим в него описание одного весьма знаменательного и интересного события, произошедшего в городе Перми в начале этого века: 21 июля 2006 года в этом городе произошел пожар, вследствие чего сгорел почти целый квартал. Чудом сохранился лишь один дом, хотя слева, справа и сзади стоящие от него дома все сгорели дотла. Никто не мог объяснить, почему пожар не затронул этот дом, естественных объяснений для этого не было, пока не нашли одну фотографию в этом доме. На ней был изображен иеросхимонах Парфений (Гвоздев), а на обратной стороне была следующая надпись, сделанная его рукой: «На добрую память кузену А. Смолеву. Где моя карточка будет, воров

⁴⁹⁶ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1895 год. М., 1895. С. 248.

⁴⁹⁷ АРПМА. Док. № 1302, 1405.

и пожара там не будет. Просим быть милостивыми к бедным. Афон. П.Х.Г. (предположительно это первые буквы благословения — пусть хранит Господь). 25 марта 1910 г. Схм. Парфений».

Преставился отец Парфений 28 декабря 1917 года. Похороны были торжественными: присутствовали архиереи, почти все протатские руководители и множество монахов.

Иеросхимонах Кирилл (Абрамов)

Иеросхимонах Кирилл⁴⁹⁸ (в миру Капитон Илларионович Абрамов) родился 26 февраля 1845 года в станице Мелеховской Донской области. Первоначальное образование он получил в местном народном училище, а затем продолжил обучение в Новочеркасском окружном училище, курс которого окончил на 15-м году жизни, в 1860 году.

Воспитанный в глубоко и искренне религиозной семье своих родителей, Капитон, от природы одаренный Богом блестящими способностями, с детства искал духовной пищи. И в его душе очень рано сложились определенное желание и твердое намерение посвятить себя и свою жизнь иночеству. В своих душевных помыслах и стремлениях к иноческим подвигам юный Капитон нашел поддержку у своего отца, который также решил окончить свою жизнь в иночестве и для этого отправиться на Святую Гору Афон.

С искренней, неподдельной радостью юный Капитон узнал об этом решении своего отца и стал умолять взять его с собой. Святая Гора Афон — излюбленный удел Божией Матери, колыбель общежительного православного иночества, для многих благочестивых людей была местом истинной реализации христианского учения, местом благодатным. Таким его видели и старик Абрамов, и юный, благочестиво настроенный его сын Капитон. Увидеть Святой Афон, пожить на нем, стать иноком афонской обители, принять живое участие в молитвенном бдении и подвигах многочисленного афонского братства стало заветной мечтой юного Капитона.

15-летний Капитон вместе с родным отцом прибыл на Афон, и они оба поступили в монастырь святого великомученика Пантелеимона. Старец Иероним с радостью

⁴⁹⁸ Жизнеописание составлено по книге: Иеросхимонах Кирилл, настоятель обители св. Иоанна Златоуста на св. Афонской Горе. М., 1915.

принял их и благословил на прохождение иноческого жития, назначив каждому из них особый вид послушания: юному Капитону — клиросное с присоединением некоторых работ по обители, а старику-отцу его — заведывание канцелярией и хозяйством.

Но вскоре Абрамовы оставили Руссик и перешли на келлию святителя Василия Великого, где оба были пострижены в мантию с переименованием Капитона в Кирилла, а Илариона в Иринарха. Здесь же Кирилл был в 1865 году рукоположен в иеродиакона и в иеромонаха. Эта была небольшая бедная обитель, но Абрамовым понравилась строгая жизнь ее насельников, образцовый порядок церковной службы и келейной жизни и особенно высокие качества ее настоятеля старца Митрофана, известного на Святой Горе своей мудростью, благочестием и высокими подвигами. Вскоре после этого отец Кирилла, старец Иринарх, принял обет молчания и заперся в уединенной темной келье, где жил до мирной кончины своей, последовавшей в 1880 году. Смерть любимого и дорогого отца еще более укрепила в Кирилле молитвенный дух и окончательно направила его на путь самоотверженного служения Богу.

В 1882 году после кончины старца келлии святителя Митрофана отца Кирилла избрали новым ее настоятелем. Но Промыслу Божию угодно было послать отцу Кириллу в новом звании настоятеля обители такие тяжкие испытания, неприятности и страдания, что он вынужден был совершенно оставить ее и искать себе пристанища в новой обители.

С 1883 года отец Кирилл стал настоятелем келлии святителя Иоанна Златоуста Хиландарского монастыря. Новая обитель была крайне запущена, не было в ней ни построек, ни хозяйственных принадлежностей, ни удобств для жизни иноков. Для благоустройства этой древней обители, видимо, Господь послал великого подвижника и неустанного труженика, который своим усердием, мудростью и трудами сумел возродить ее. Среди многих других новостроек был величественный храм во ознаменование чудесного спасения царской семьи в 1888 году. Мысль отца Кирилла о построении этого храма была с радостью встречена многочисленными его почитателями как в России, так и среди балканских славян. Явились щедрые жертвователи, потекли многочисленные крупные и малые, но искренние дары на это святое дело. Храм был заложен 27 ноября 1888 года и через три года закончен. Он был освящен 13 ноября 1894 года. Храм этот являлся одним из наиболее великолепных храмов Святой Горы и служил драгоценным памятником духовно-молитвенного общения Святой Горы с Россией.

Отец Кирилл был прежде всего высокодуховным подвижником. Вот каким увидел отца Кирилла и насельников его келлии один из паломников: «Среднего роста, стройный, он стоял неподвижно во всем величии своего иеромонашеского

облачения, с сияющим крестом на груди (30 лет в священноиночестве, имеет набедренник, крест и палицу) и с молитвою на устах. Глубокий пламенный взор его устремлен был на святой алтарь. Вокруг него в благоговейном порядке стояли иеромонахи, иеродиаконы и певчие — монахи, которые похожи скорее на Ангелов, нежели на людей»⁴⁹⁹.

Отец Кирилл был также одним из главных инициатором формального объединения русского иночества на Афоне. По его личной инициативе и трудами 14 мая 1896 года образовалось на Афоне Братство русских обителей афонских в память священного коронования Государя Императора Николая II. Его же усилиями и трудами был составлен устав братства, которое и стало с успехом помогать русскому иночеству на Афоне. Отец Кирилл также устроил русскую школу в Константинополе для русско-славянских жителей города, с интернатом для 14 детей. 19 декабря 1902 года в присутствии русского посланника и многих высокопоставленных лиц состоялось освящение школьного здания, главным попечителем и управителем которого стал директор русского Археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский.

Зная высокий ум и чрезвычайную энергию отца Кирилла, сербский митрополит Михаил решил поручить ему великое и весьма трудное дело обновления и благоустройства знаменитого памятника Сербского государства и православной святыни Сербии — Дечанской Лавры, устроенной сербскими королями и под гнетом турок дошедшей до полного запустения и разорения. Отец Кирилл принял на себя великое и трудное дело обновления и благоустройства этого великого памятника Сербии. 14 февраля 1903 года призренский митрополит Никифор с настоятелем обители святого Иоанна Златоуста отцом Кириллом заключили и подписали в городе Призрени формальный договор о передаче Дечанской Лавры Свято-Златоустовской



⁴⁹⁹ Троицкий В. П. Братство русских келлий. С. 2.



Иоанно-Златоустовская келлия начала XX века

афонской обители в целях ее обновления и благоустройства, как внешнего, так особенно внутреннего. Так, с 1903 года отец Кирилл стал одновременно и настоятелем Высоко-Дечанской Лавры в Сербии. Как ни велико было запустение лавры, ставшей ко времени ее перехода во владение отца Кирилла и его о Христе братии совершенно безлюдной и необитаемой, тем не менее усердием и ревностью отца Кирилла при материальной помощи Златоустовской обители лавра быстро стала возрождаться и через 10 лет была полностью восстановлена в прежнем великолепии. Восстановительные работы требовали много денежных средств, поэтому отец Кирилл часто прибегал к помощи жертвователей из России. Во время одной из таких поездок на родину он тяжело заболел и больше не смог возвратиться в родные свои обители.

Преставился ко Господу отец Кирилл 15 февраля 1915 года в Москве и был погребен на кладбище московской Покровской церкви (в Царском Селе), принадлежащей Алексеевскому женскому монастырю.

Схимонах Кириак и иеромонах Виктор (Свинолуповы)

Схимонах Кириак (в миру Кирилл Калинович Свинолупов) был уроженцем села Свинухи Балашовского уезда Саратовской губернии. Еще очень молодым родители женили его против его воли. Он был юн и подчинился воле родителей, но отныне для членов своей семьи дома присутствовал только внешне, внутренне он был всецело с Богом. Кирилл мечтал о монашестве и надеялся, что когда-нибудь его мечта сбывается. И действительно, на десятом году семейной жизни его жена умерла во время родов вместе с новорожденным, оставив ему лишь одного 9-летнего сына по имени Викентий. После этого несчастья Кирилл и дня не стал ждать: мальчика оставил своим родителям на воспитание, а сам, продав свою избу, отправился на Афон.

В 1863 году Кирилл прибыл на Афон, три года присматривался, где бы ему устроиться, жил по разным обителям, а в 1866 году за 1000 рублей приобрел каливу без церкви на территории Пантократорского монастыря, где через год сам своими руками построил новую церковь во имя Сретения Господня. Здесь же он был пострижен в мантию с именем Кирилл, а в 1869 году — в схиму с именем Кириак. Он вел очень строгую монашескую жизнь, жил один и так собирался закончить свою жизнь в безмолвии и молитве. Но в 1873 году случилось чудо, его посетил 19-летний сын Викентий, который заявил, что тоже решил стать монахом. Радости отца Кириака не было границ. Он благодарил милостивого Бога за такое незаслуженное утешение и милость. Викентия в 1877 году постригли в мантию с именем Виктор, в 1880 году рукоположили в иеродиакона, а в 1886 году — в иеромонаха. После смерти отца именно он стал старцем келлии. Так, вместе в подвигах и молитве жили отец с сыном, помогая друг другу нести непростое бремя подвижничества. Вскоре к ним присоединились еще несколько русских иноков, и отец Кириак стал также духовным отцом этих уже духовных своих детей.

В августе 1891 года отец Кириак умер, и братия новым настоятелем келлии выбрала отца Виктора. Вот как описывает обстановку этой келлии отец Денасий (Юшков): «На Капсальской горной местности, или на Капсале, по здешнему выражению, находится много замечательных священных мест. Когда поднимаешься от Ильинского по крутому подъему малой тропинкой на самое темя Капсалы, то, немного пройдя налево, в стороне от главной дорожки увидишь маленькую невзрачную каливку, но весьма замечательную. В ней более тридцати лет постнически подвизался учнейший и известный

старец Никодим Святогорец, скончавшийся в начале нынешнего [XIX] столетия. Неподалеку от этой каливки небольшая келлия в честь Сретения Господа, где уже лет 30 подвизались русские — отец с сыном (по плоти); отец, он же старец келлии, — схимонах Кириак (скончался в августе 1891 года), а сын и ученик его — иеромонах Виктор. В этой келлии прожил целую зиму в бытность свою на Святой Горе известный старец Стефан, ныне уже перешедший в вечность, основатель мужского монастыря по афонскому уставу, что близ Вятки, «на Филейках». Церковица при келлии маленькая, но чистенькая, иконостас русского вкуса и для пустыни чистенький. Кругом келлии небольшая местность усажена виноградными лозами, смоковничными, ореховыми и другими ягодными деревьями, только в малом количестве. Есть и большое шелковичное дерево»⁵⁰⁰.

После смерти своего родителя отец Виктор, имея четырех помощников, смог достойно продолжить начатое им дело. Он всячески старался поддерживать в обители молитвенный дух. Служил Литургию ежедневно и вдобавок выполнял те отшельнические правила, которые установил его отец. О расширении келлии и умножении братии он не заботился. Так впятером несли они до конца жизни общий братский крест. Отец Виктор никогда не покидал своей обители, хотя иногда была в том большая нужда, но он полностью доверял Промыслу Бога и ничуть не заботился о материальном. И действительно, Господь в трудные времена их чем-то утешал: то появлялись благотворители, то из Руссика получали материальную помощь, и так, не поддаваясь суетным помыслам, они жили спокойно, посвятив все свое время молитве и духовному совершенствованию.

В 1904 году отца Виктора постригли в схиму с тем же именем. Когда он умер, нам не известно, по всей видимости, в конце 20-х годов XX века.

Схимонах Иоанн (Гарус)

Схимонах Иоанн⁵⁰¹ (в миру Илия Гарус) родился в 1833 году в крестьянской семье Черновицкого уезда Буковинской области. Отец его был молдаванином, а мать — ма-лороссиянкой. Илия был женат и имел двух дочерей.

Любимым занятием Илии было чтение Псалтири, поэтому все его уважали и в случае смерти кого-нибудь приглашали его читать над покойником. В скором времени

⁵⁰⁰ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1891 год. М., 1891.

⁵⁰¹ Жизнеописание составлено по книгам: Антоний (Святогорец), иеромонах. Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. Джорданвилль, 1988. С. 158; Душеполезный собеседник за 1894 год. М., 1894. С. 313.

он овдовел и вместе с семейством переехал в Каменец-Подольскую губернию. На новом месте он жил недолго и вместе с отцом своим поступил в Преображенский монастырь близ местечка Бершад, а дочерей послал в женский монастырь на Волыни.

Послушник Илия после смерти отца решил поехать на Афон. Забрав свой увольнительный лист, он отправился в Одессу, где тяжело заболел. В таком состоянии он дал обет: если выздоровеет, приедет на Афон, станет монахом, не будет есть ни сыра, ни яиц, ни молока, ни рыбы, ни масла. Вскоре после этого он выздоровел и, получив разрешение, выехал из Одессы в Константинополь, а оттуда на Афон.

Имея стремление и ревность подражать древним великим подвижникам в житии постническом и пустынном, Илия путешествовал по Святой Горе и искал себе духовного наставника. В это время на Кераших, в пещере высокого крутого утеса, безмолвно подвизался отец Пахомий, серб, к нему и добрался Илия и усиленно просил его принять к себе в ученики. Отец Пахомий, узнав из рассказов его прошедшую жизнь и стремление к жизни строго подвижнической, принял его и с течением времени постриг в схиму с именем Иоанн.

Постригая его, отец Пахомий не снял с него постничества, а подтвердил продолжать его до смерти. В одно время отец Пахомий, желая испытать в своем ученике отсечение воли, приказал ему есть все предлагаемое, что отец Иоанн беспрекословно исполнил. Видя такое послушание воле старца, отец Пахомий снова позволил ему держаться постного правила.

Шестнадцать лет жил он со своим старцем, подвизаясь в различных подвигах покаяния и укрощения плоти. По исполнении дней жизни старец Пахомий мирно скончался, оставив отцу Иоанну в наследство подвижничество, пустынничество и постничество.

Всю свою жизнь на Афоне, как и старец его, отец Иоанн стремился к самому глубокому безмолвию в возможной дали от жилищ других. По этой причине он нередко переходил с места на место, если усматривал какие-нибудь неудобства для безмолвия.

В одно время он жил в разных каливах на Кераших. За это время у него побывало три или четыре ученика. Три раза он селился в пустыне Новая Фиваида и построил там четыре каливки. Живя здесь, он часто удалялся в самые глухие места. В такие походы он забирал с собой сухари, топор, лопату, кирку, чайник и холстяной полог — все это в мешок и на плечи. Утомившись или при приближении ночи он располагался где-нибудь на полянке, расчищал место, раскидывал над собою на ветвях дерева полог и таким образом устраивал шатер. В случае недостатка провизии или воды он не слишком беспокоился и проводил по несколько дней без них.

Церковное правило он исполнял по четкам. За келейный канон он пребывал по два часа, сидя в занятии умно-сердечной молитвы. Все остальное время немного читал, размышлял и большую часть старался пребывать в молитве.

В келье у него не было ни стульев, ни табуреток, ни койки, ни кровати. Он никогда не ложился на бок или на спину, а спал всегда в сидячем положении на полу, на разостланном войлоке. Хотя грамоту знал посредственно, но очень ясно и легко объяснял труднообъяснимые места из аскетических сочинений святых отцов и из Священного Писания. Иногда умными очами он видел козни врага так ясно, как бы телесными. От всегдашнего пребывания в молитве нрава он был незлобивого, кроткого и терпеливого.

Жившие с ним ученики тоже должны были держаться постного устава, и очень редко он давал им разрешение на масло и вино. Святых Тайн отец Иоанн приобщался по возможности еженедельно. Один ученик говорил, что однажды видел отца Иоанна, идущего по приобщении Святых Тайн в свою каливку, сияющего паче солнца. Ученик этот решился только через полтора года открыть старцу об этом и просил объяснить ему причину этого. «Ради того, — отвечал старец, — чтобы ты имел ко мне доверие!» Отец Иоанн ежедневно совершал бдение, начиная с вечера и заканчивая его на другой день. В это время он пребывал в умной молитве.

Под конец жизни отец Иоанн оставил Фиваиду и забрался в глубочайшую пустынь между Катунаками и Керашьями, над взморьем. Но недолго он тут жил. В одно время в скиту святого Василия вспомнил о нем близкий ему по духу старец отец Варнава. Призвав своего ученика, он послал его навестить отца Иоанна и справиться, жив ли он. Действительно, ученик нашел его едва живым. Когда он вернулся к отцу Варнаве с этой вестью, то тот послал его к русскому духовнику отцу Иродиону в том же скиту, но его дома не оказалось. Отсюда он побежал на Катунаки к духовнику отцу Игнатию, болгарину, но, пока тот по очень трудным тропинкам дошел до пустыньки умирающего, отец Иоанн, не дождавшись, испустил дух свой в руки Господа. Это было 11 ноября 1892 года. Тут же на месте он и был погребен.

Всю жизнь свою на Афоне он очень усердно занимался умно-сердечной молитвой и стоял на высокой ступени преуспевания в этом делании. Близкие к нему говорили, что он сподобился весьма многих духовных видений, многие из подвижников обращались к нему за советами.

Схимонах Виссарион (Кикодзе)

Отец Виссарион⁵⁰² родился в 1907 году в Гурийском княжестве Грузинского царства. При святом крещении ему было дано имя Василий.

Родители его — протоиерей Максим и жена его Анна — принадлежали к дворянской фамилии Кикодзе. Отец состоял при дворе владетельного князя Гурии Мамия Гуриели, скончавшегося в 1810 году, вскоре после того, как тот добровольно перешел со всем своим княжеством в подданство России.

В тогдашнее время образование молодых людей, как светских, так и духовного сословия, начиналось дома под руководством родителей и старших в семействе, а заканчивалось в стенах монастыря. Учебниками служили церковно-богослужебные книги и святоотеческие сочинения, находящиеся при церквях, большинство из которых были рукописные. Такое же образование получил и Василий: сначала дома под руководством родителей, а потом в монастыре Намарневи, который находился в Лечхумском уезде Кутаисской губернии, где жил его дед с отцовской стороны — бывший иерей Герасим, а теперь схимонах Герасим. После кончины своего деда Василий немедленно оставил своих родных и удалился на Святую Гору Афон.

В 1835 году 28-летний Василий высадился на афонский берег. Его намерением было в первую очередь повидаться с известным грузинским подвижником того времени отцом Венедиктом (Киотишвили)⁵⁰³, который жил в Иверском монастыре. Старец обрадовался его приезду, ласково встретил и сказал: «Давно я желал иметь ученика и жить отдельно на келлии, но грузина не находил».

Итак, отец Венедикт, приняв к себе в ученики Василия, испросил себе у старцев Иверского монастыря благословение перейти на безмолвие на келлию святого пророка Илии, находящуюся на высоком холме, против самого монастыря, и переселился туда вскоре по прибытии Василия.

⁵⁰² Жизнеописание составлено по книге: Душеполезный собеседник за 1896 год. М., 1896. С. 22.

⁵⁰³ Схиеромонах Венедикт (Киотишвили) — уроженец Шорапанского уезда Кутаисской губернии. В некоторых источниках его фамилия Маградзе. Сын священника. Прибыл на Афон в 1816 году. Жил в Иверском монастыре, а с 1834 года на келлии св. пророка Илии. Преставился в 1862 году. См. его биографию в книгах: Душеполезный собеседник за 1896 год; Антоний, иеромонах. Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. Джорданвилль, Свято-Троицкий монастырь, 1988 или издательства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2010.

После этого отец Венедикт постриг Василия в великий ангельский образ, т. е. в схиму, назвав его Виссарионом.

Около 30 лет прожил отец Виссарион вместе со своим старцем и под его опытным духовным руководством, восходя по ступеням подвижничества. Затем еще около 30 лет после блаженной кончины его в 1962 году. Подвижническая и смиренная жизнь старца известна была только Богу-Всеведцу и посторонним не могла быть открыта, так как старец Венедикт был любителем глубочайшего безмолвия. После же отхода старца в блаженную вечность отец Виссарион по незнанию языков, ни греческого, ни русского, также мало с кем входил в какое-либо общение, когда нередко сама собой обнаруживается доброта или недоброта внутренней, духовной жизни подвижника. Но для познания духовного состояния отца Виссариона не нужно было долгих бесед с ним, он обладал таким смиренномудрием и простосердечием, что нередко приходил в состояние маленького ребенка и один взгляд его достаточен был видевшему его, чтобы познать высоту его духа. Ясно, что его сердце было очищено в результате долгой и упорной молитвы. Он занимался умно-сердечной Иисусовой молитвой, и вот это-то прилежное занятие и неусыпное призывание на помощь Всесладчайшего Иисуса перерождают подвижников благочестия и нередко из свирепых и гневливых делают их подобными незлобивым и смиренным младенцам. Но младенцами они становятся не обыкновенными, а младенцами о Христе Иисусе, как говорит Апостол: *«Брати́е, не дѣ́ти быва́йте умы́: но злѡбою младѣ́нствуйте, умы́ же соверше́ни быва́йте»* (1 Кор. 14, 20).

На большие монастырские праздники отец Виссарион приходил в Иверский монастырь и там прислуживал тем, кто его приглашал. Более всего ему приходилось прислуживать почетным старцам, помогая их ученикам готовить и подавать еду. Монастырские рабочие, узнав доброту отца Виссариона, тогда еще не старца, всегда старались бывать около тех келий, где он прислуживал. Бывало, когда он несет большой поднос с различными угощениями, его уже осаждают несколько человек, прося уделить им какой-нибудь кусочек с подноса. Отец Виссарион, как бы не обращая на них внимания, по пути раздавал чуть не половину подноса. Послушники и соприслужники его, заметив это, начинали жаловаться своим старцам на это своеволие доброго отца Виссариона, но те, зная его простосердечный характер, налагали пальцы на свои уста и этим по восточному обычаю подавали повелительный знак к молчанию.

Случалось некоторым монахам в присутствии его заводить разговор о неприятностях в Иверском монастыре и невольно переходить к осуждению властных старцев и высказываниям неудовольствий на них. Едва только, бывало, услышит отец Виссарион эти пересуды, никогда не извинительные, сейчас же старается остановить их: «Нет, нет, старцы наши добрые, очень добрые; они нас поят, кормят, одевают, спаси их Господи» и т. п.

Он никогда не носил новой одежды, белья и обуви. И если случалось, что кто-нибудь в монастыре даст или пришлет ему что-нибудь новое, то он непременно отдаст кому-нибудь из своих, а себе, если нужно, возьмет поношенное.

Под конец жизни старец много лет страдал обычным на Афоне ревматизмом: пальцы на руках старца были искривленные, а когда он лежал, то одну руку вынужден был всегда держать высоко в петле, прикрепленной к потолку. Святых Тайн Тела и Крови Христовых старец приобщался часто, каждый раз, как только бывала возможность. Старший его ученик, белый как лунь и тоже больной ревматизмом, духовник иеросхимонах Христофор очень часто совершал Божественную Литургию и причащал своего старца.

В октябре 1893 года отец Виссарион совсем слег в постель и более уже не вставал. Он до того ослабел, что не в силах был произносить полной Иисусовой молитвы, т. е. «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного», а только непрерывно шептал: «Господи... Господи... (по-грузински: «Упало, Упало» — с ударением на первой и последней буквах).

Напутствованный приобщением Святых Тайн Тела и Крови Христовых, с молитвой на устах отец Виссарион тихо и мирно предал свой дух в руки Божии 9 октября 1893 года.

На другой день, 10 октября, было совершено погребение усопшего, в котором участвовали прибывшие из Иверского монастыря два архимандрита и почетные из проэстасов* (греки) и почти все братство грузинской Иоанно-Богословской келлии.

Старец Виссарион прожил на Афоне 58 лет, из которых 27 лет был при старце Венедикте послушником, и все это время на одном месте, в названной келлии святого Пророка Илии.

Схимонах Григорий (Ратиани)

Схимонах Григорий⁵⁰⁴ (в миру Георгий Ратиани) родился около 1820 года в дворянской семье Кутаисской губернии. Мальчик при святом крещении был наречен Георгием.

О жизни Георгия Ратиани почти до 35-летнего возраста нам ничего не известно. Как и где он провел это время, мы не знаем. Можно полагать, что он находился у родных, воспитывался в христианском благочестии. Семейными узами он не был обременен. Можно лишь догадываться, что в кругу родных он выучился грамоте

⁵⁰⁴ Жизнеописание составлено по книге: Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1896 год. М., 1896. С. 124–126.

и занимался чтением житий святых и святоотеческой литературы, так как, достигнув возраста 35 лет, он задумал тайно удалиться в Иерусалим, а оттуда на Святую Гору, чтобы поступить в монахи.

Никому не сказав о своем намерении и ни с кем не посоветовавшись, не имея средств и не имея возможности получить паспорт, он тайно ушел из дома, решив достигнуть Иерусалима. Но как раз в это время началась Крымская война, и войска турецкого военачальника Омар-паши заняли большую часть Грузии на расстоянии 50 верст от Тифлиса. Были перекрыты все пути к портам, и не было никакой возможности выехать из Грузии. Но Георгий настойчиво искал путей осуществления своего замысла и не побоялся обратиться даже к турецкому начальству. Только Омар-паша высадился в Зугдиди, как сразу заявился к нему Георгий с покорнейшей просьбой принять его.

Предполагая, что неизвестный грузин желает передать что-либо особенно важное, паша приказал привести его. В это время у паши находились два важных сановника, английский и французский. Георгий, представленный паше, заявил, что он желает побывать в Иерусалиме, но не имеет средств, почему и просит его дать ему возможность отправиться туда. Паша, желая понравиться своим гостям, дал распоряжение тотчас же отправить его к месту назначения на пароходе. Но неизвестно, какое было на самом деле распоряжение этого паши, так как последующие события противоречили духу его приказа. До Трапезунда Георгий доехал вполне благополучно, но здесь же начались его мытарства. Трапезундский паша, заподозрив в нем шпиона, приказал бросить его в темницу. Бедного дворянина отправили в сырой подвал, куда ссыпали уголь и где не было чистого воздуха, необходимого для свободного дыхания. Сюда же подавали ему воду, сухари и хлеб. Здесь его продержали или, вернее, промучили целых полгода. По истечении полугода в угольном подвале его отправили в Константинополь и здесь опять посадили в тюрьму с прочими русскими военнопленными. Греческий Патриарх, знатные греки и немецкий посол присылали пленникам милостыню — разную провизию, а немецкий посол сам лично посещал их и утешал. Но состояние заключенных все равно было ужасным. Только после окончания войны их всех освободили. Освободили и Георгия.

Обретя свободу от тяжкого плена, Георгий заявился к Патриарху Кириллу VII Амасийскому (1855–1860) и просил у его святейшества помощи доехать до Святой Афонской Горы. Патриарх с любовью принял его и дал ему возможность отбыть на Афон.

Прибыв на Святую Гору, истомленный и измученный пленом Георгий добрался до отца Венедикта (Киотишвили), который в то время подвизался на келлии пророка Илии с отцом Виссарионом (Кикозде). Он был им принят и вскоре пострижен в монашество с именем Григорий.

Будучи в плену, Григорий волей-неволей приучился к многообразным лишениям, к голоду и холоду и всему прочему, что сопряжено с бытом пленников, да еще оказавшихся в руках турок, считающих всех христиан за нечистых животных. Сделавшись святогорским монахом, вдобавок к этому под руководством постника и безмолвника отца Венедикта отец Григорий без особого труда превратился в самого усердного постника и молитвенника.

Отец Григорий имел один из бесценных даров Божиих — дар плача слезного. Для приучения себя к бодрствованию, а вместе для удобства к самовниманию он по ночам ходил вокруг монастыря. Ночное время всегда удобнее для подвижников благочестия. В это время, когда все движущееся от дневного утомления предается сну, они бодрствуют, рассматривая свою многогреховность и поврежденность и иногда с воплем, стенаниями и слезами горькими взывают к милосердному Господу о пощаде, помощи и помиловании, а иногда в чувствах благодарности к Господу за Его бесчисленные благодеяния к роду человеческому, к себе самим и ко всей твари проливают источники слез благодарных, слез сладостных.

Подобно этому и отец Григорий в своих ночных бодрствованиях переживал и перечувствовал все это. Дар плача, дар драгоценнейший, но вместе с тем он принимается Дароподателем как жертва от человека и щедро вознаграждается любвеобильнейшим Господом.

Отец Григорий при жизни на Афоне не пил ни вина, ни ракии (водки). Никогда ни в чем он не делал себе послаблений. Очень часто, особенно по ночам, бичевал свое тело, чтобы оно не препятствовало его духовным устремлениям, и спал на голом полу, и то очень мало. При всем этом самоистязании он был достаточно крепок телом, часто прислуживал немощным монахам, выполняя за них тяжелые послушания.

Все суточное богослужение он вычитывал всегда один и пребывал всегда в страхе Божиим. В свой монастырь (Иверон) по совету своего духовного руководителя, опытного иеромонаха отца Феодосия (Эристави), ходил очень редко, только на двенадцатые праздники. Частое хождение должно было повлечь за собой и нежелательные знакомства с монастырскими монахами и паломниками, а любое ненужное общение с людьми могло дать пищу для пересудов и осуждения, что для отца Григория казалось, как и есть на самом деле, смертным грехом.

Наконец после 35-летнего строгого подвижничества настало для отца Григория время отшествия в нестареющую вечность. В субботу вечером 6 января 1890 года отец Григорий пожелал сходить в монастырь. Повидался там со всеми старшими братьями, поговорил, попросил благословения и святых молитв. Отсюда отправился к бывшему Константинопольскому (1878–1884) Патриарху Иоакиму III, пребывающему на покое на Святой Горе, на расстоянии менее часа ходу от Иверского

монастыря. Не застав Патриарха, отец Григорий возвратился домой. На другой день, в воскресенье, во время вечерни он плакал особенно долго. Затем заболел и два дня находился в бесчувственном состоянии. Когда он очнулся, то исповедовался и причастился Святых Христовых Тайн — Тела и Крови Христовых. По его личному желанию в воскресенье, 14 января, пришел к нему его духовный руководитель с Богословской Грузинской кельи иеромонах отец Феодосий.

Отец Феодосий, зная из святоотеческих писаний, из рассказов других и из своих наблюдений, что коварный враг человеческого спасения во всю жизнь не оставляет возможности строить козни и сплести сети для подвизающихся, а в особенности в предсмертные минуты весьма заботится как-нибудь уловить в свои сети «...*аще возможно, и избранныя*» (Мф. 24, 24; Мк. 13, 22), старался ободрить и возогреть в умирающем веру и, указывая ему на распятие, сказал: «Вот смотри теперь на распятие Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя всего рода человеческого». Изнемогающий отец Григорий с умилением взглянул на изображение Распятого за грехи всего мира, и луч радости блеснул на его лице. Это ясно показало, какой живой верой он был исполнен и что он отходил в вечность в надежде на милосердие Божие. Так, напутствованный Таинством Евхаристии, 14 января 1890 года схимонах Григорий мирно предал дух свой в руки Божии.

Иеросхимонах Евгений (Дурново)

Иеросхимонах Евгений был сыном генерала и находился в родстве с министром внутренних дел Российской империи Иваном Николаевичем Дурново (1834–1903). Сам был военным и в чине поручика участвовал в обороне Севастополя 1853–1855 годов. Был высокообразованным человеком и говорил на нескольких языках.

После отставки с военной службы поступил в Николо-Угрешский монастырь в России, где был пострижен в монахи и рукоположен в иеромонаха. Был учеником и келейником архимандрита Пимена, настоятеля Николо-Угрешского монастыря, а впоследствии был благочинным, уставщиком и регентом.

Приехал на Афон в конце 1876 году паломником, но начавшаяся Русско-турецкая война не позволила ему вернуться домой. Поселился в отшельнической келие в Кавсокаливском скиту. Краткую историю его жития на Афоне передает нам отец Денасий (Юшков): «В недавнее время тут же, в Кавсокаливце, безмолвствовал с учеником

некто отец Евгений, иеромонах Угрешского монастыря, и уже много лет посильно подвизавшийся на Святой Горе. Но после некоторых неудобств, причиненных его душевному миру, он продал свою келлию, а полученную за нее сумму всю целиком украл у него ученик, который скрылся затем неизвестно куда. Теперь [в 1889 году] он отшельничествует на Капсале в небольшой каливе, находящейся в очень безлюдном месте. При ней небольшой виноградник, несколько деревьев черешни и одна смоковница. На Афоне он не литургисал, жил очень скромно»⁵⁰⁵. Последние годы своей жизни отец Евгений провел на келлии святых Архангелов на Капсале.

Отец Евгений активно сотрудничал с библиотекарем Пантелеимонова монастыря отцом Матфием, помогал ему в собирании древних книг и рукописей, давал ему советы по издательскому делу и переписывался с ним⁵⁰⁶ по духовным вопросам. Проявляя крайнее смирение, он в одном письме называет себя бездельником, на что отец Матфий в ответном письме, видимо, с этим не был согласен. И тогда отец Евгений в следующей письме объясняется, что он имел в виду: «Дело-то это давно уже испытано, главная причина, конечно, недостаток иноческого капитала — блаженного смирения, привычка к распорядительной части и в миру, и в монастыре, да трудненько не служащему попу, да еще старику тянуться с молодыми людьми на послушаниях... Искательности я не подвержен, благодарю Бога, хотя и получил уже на Афоне не раз приглашения на настоятельские места в России, но, зная свои немощи и помня совет святых отцов (святого Варсонуфия Великого), что «немощному несть иной стези ко спасению, кроме бегства и смирения», я уклоняюсь от почестей, а нахожу удобнее пресмыкаться под спудом смиренномудрия»⁵⁰⁷.

Конечно, отец Евгений далек был от безделья, он ежедневно исполнял строжайший келейный канон, при этом занимался своим огородом и хозяйством. Хотя он тщательно скрывал свои подвиги, но о строгости его жизни ходило по Афону много слухов. В одном из своих последних писем к отцу Матфию старец пишет: «Частые недуги и немощи напоминают о приближающейся старости и за ней и смерти... а я еще не готов к достойной встрече сей гадкой гостыи. Помолитесь Матери Божией о немощном анахорете, да дарует мне Господь, по молитвам Пречистыя Своей Матери, сподобиться христианской кончины и улучить благий конец живота, от которого зависит и все и вся»⁵⁰⁸.

Преставился отец Евгений 25 января 1893 года в своей каливке и был погребен на кладбище Андреевского скита.

⁵⁰⁵ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инок-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1903 год. М., 1903. С. 371.

⁵⁰⁶ АРПМА. Док. № 1490.

⁵⁰⁷ АРПМА. Док. № 1490. С. 18–20.

⁵⁰⁸ АРПМА. Док. № 1490. С. 50–51.

Иеросхимонах Евгений (Мордасов)

Иеросхимонах Евгений⁵⁰⁹ (в миру Ефим Иванович Мордасов) был крестьянином из Ставропольской губернии. Еще молодым поступил в Саровскую пустынь, где был пострижен в монахи с именем Евстратий. Прожив в обители двадцать пять лет, он пожелал отправиться на Афон для более пустынной иноческой жизни.

В 1878 году он прибыл на Афон и поселился в отшельнической келие на Капсале. Здесь он был пострижен в схиму с именем Евгений и рукоположен в иеромонаха. Вскоре стал духовником всех капсальских отшельников и сироммах. Его все любили за предельное смирение, простоту, дар прозорливости и рассудительности. За 50-летнюю монашескую жизнь он приобрел огромный духовный опыт, которым смиренно делился с братьями. Он был постоянно занят, то службой, то исповедью, то напутствием умирающих, то другими требами. Со всеми он был одинаков, все находили у него утешение. Последние годы жизни отец Евгений провел на келлии святого Николая (Белозерке).

Отец Владимир (Колесников) в своем дневнике рассказывает из жизни отца Евгения один интересный случай: «Однажды здесь [на Белозерке] с Патриархом Иоакимом [Вселенский Патриарх Иоаким III некоторое время проживал на Афоне], бывшим за обедом, он [отец Евгений] выразился, что Патриарх Иоаким Цареградский, Вселенский, а «...я патриарх Капсальский». Патриарх не обиделся, а назвал



его «побратенником»⁵¹⁰. На первый взгляд дерзновенное заявление отца Евгения в действительности было не чем иным, как очередной попыткой отца Евгения смирить себя, насмехаясь над своим вынужденным положением духовника капсальских отшельников.

Отец Евгений умер 10 марта (по другим данным, 2 января) 1898 года на Белозерской келлии. Однажды белозерский

⁵⁰⁹ Жизнеописание составлено по книге: Александр, архимандрит. Русская Афонская общежительная обитель святого Николая Чудотворца, именуемая «Белозерка». Каряя, 1912. С. 26.

⁵¹⁰ АРПМА. Док. № 321. С. 370.

настоятель отец Петр (Крутьков) пригласил патриарха Иоакима прочесть молитву над давно умершими. Патриарх вспомнил об отце Евгении и спросил: «Где же мой побратенец?» Ответили, что уже прошло два с половиной года, как умер. Тогда патриарх благословил открыть его могилу, хотя еще не прошло трех лет. Открыли могилу, и оказалось, что кости чистые, желтые. И тогда патриарх сказал: «В разуме жил этот человек»⁵¹¹.

Иеросхимонах Феодосий (Эристави)

Схиеромонах Феодосий (в миру Федор Георгиевич Эристави) был уроженцем Кутаисской губернии, потомком древнего грузинского княжеского рода. Именно один из великих представителей этого рода, знаменитый грузинский полководец X века Торникий Эристави, был основателем грузинского Иверского монастыря на Афоне. Несомненно, что отец Феодосий был достойным продолжателем славных традиций своего рода, что подтверждает неизвестный летописец Русского Пантелеимонова монастыря. Он пишет: «Эта светлая личность заслуживает не только краткого биографического очерка, который мы здесь предлагаем, но целого жизнеописания, и дай Господи, чтобы таковое рано ли, поздно ли кем-нибудь из числа многих искренних почитателей его было написано и явлено миру»⁵¹². А известный исследователь Афона П. В. Троицкий так вторит летописцу: «Достойный украсить историю Афона не только своим происхождением, но и своей монашеской жизнью»⁵¹³.

Родился Федор Георгиевич в Грузинской области Рача, в семье рачинских князей. Закончил Кутаисскую гимназию. В 1858 году поступил в Гелатский Рождества Богородицы мужской монастырь, где 9 апреля 1860 года был пострижен в мантию с именем Феодор. 10 апреля 1866 года имеретинским епископом Гавриилом (Кикодзе) он был рукоположен в иеродиакона, а 25 декабря того же года — в иеромонаха.

В 1880 году отец Феодор приехал на Афон с твердым намерением остаться там навсегда. Но это был не первый случай его общения с Афоном. О его контактах с Афоном до окончательного его переселения сюда сообщает нам неизвестный летописец Руссика: «Еще будучи послушником, а потом уже иеромонахом, но еще молодым,

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² АРПМА. Док. № 4059. С. 2.

⁵¹³ Троицкий П. В. Афонские встречи. М., 2002. С. 53.

он дважды путешествовал в святой град Иерусалим для поклонения Животворящему Гробу Господню и другим святым местам Святой Земли, и оба раза заезжал и на Святую Гору Афон, с которой он таким образом лично познакомился.

В семидесятых годах прошлого столетия [XIX века] покойные русские старцы нашего монастыря отец Иероним и отец Макарий поручили тогдашнему настоятелю принадлежащей монастырю часовни в Москве иеромонаху Арсению (Минину) отыскать на Кавказе, в пределах прежней Иверии или Грузии, место для постройки монастыря на случай необходимости переселения с Афона. Отец Арсений с другими из числа монашествующих отправился на Кавказ и там нашел подходящее место, где потом и начал соиздаться монастырь. По этому делу отцу Арсению надобно было часто бывать в Кутаиси у преосвященного Гавриила (Кикодзе), в пределах епархии которого находилась тогда и Сухумская область, где ныне находится Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Бывал отец Арсений и в Моцаметском и Гаенатском монастырях, здесь он и познакомился с отцом Феодором, с которым случилось вместе и не раз ездить к преосвященному Гавриилу. Таким образом, отец Феодор принимал участие в определении места для Ново-Афонского монастыря, в архипастырском на это соизволении и благословении и в устроении его именно при древней церкви во имя святого апостола Симона Зилота или Кананита. Отец Арсений близко познакомился с отцом Феодором и даже предлагал ему перейти к ним в новоустроенный монастырь на жительство, где тогда были еще едва ли не единицы монашествующих и было тихо и уединенно. Отец Феодор на первых порах не отказывался от переезда, но переход его почему-то не состоялся.

В семидесятых годах на Афон прибыл из Грузии дворянин Вахтанг Баркалая, принял здесь монашество с именем Венедикта, приобрел у греков старинную келлию с древней церковью и отдельно построил при ней церковь во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. К отцу Венедикту стали приезжать из Грузии и поступать на жительство желающие монашествовать на Афоне его соплеменники — грузины. Отцу Венедикту часто приходилось бывать в Грузии и всего более в Имеретии. Всегда при этом, бывая у преосвященного Гавриила, он не только предлагал ему всех желающих принимать в свою новостроящуюся, так называемую им Ново-Иверскую обитель, но и просил об этом. В одной из таких его поездок на подобную его просьбу преосвященный Гавриил предложил отцу Феодору поехать к нему на Афон. Отец Феодор с радостью согласился. С ним вместе поехал иеромонах Герасим [в схиме Георгий], который присходил из дворян. В мае месяце 1881 года они прибыли на Афон и вступили в братство устрояемой отцом Венедиктом Грузинской Иоанно-Богословской обители»⁵¹⁴.

⁵¹⁴ АРПМА. Док. № 4059. С. 3–5.



*Грузинская Иоанно-Богословская келлия времен отца Феодосия.
Сегодня почти полностью разрушена*

Отец Феодосий очень скоро заслужил большую любовь и уважение братии Богословской келлии, так что через десять лет отец Денасий (Юшков) в своих записках говорит о нем уже как о духовнике этой обители: «Отец Пахомий [насельник Иоанно-Богословской келлии. — *Сост.*] доложил старцу отцу Феодору о моем приходе и что можно войти ко мне. До этого времени я хотя и слышал об отце Феодоре очень много хорошего, но его личности не удаивался видеть. Через несколько минут отворяется дверь, входит высокий бледноватый монах, сухощавый, с большими привлекательными глазами, с продолговатой редкой бородой с проседью. По физиономии его сразу видно было в нем грузина, обладавшего в молодости телесной красотой. Это и есть отец Феодор. Он с любовью подошел ко мне. Я сделал ему полуметание, то есть полуземной поклон, прося его иерейского благословения. Он благословил и затем, поприветствовав по-монашески, целованием в плечи, со словами: «Христос воскрес!» — просил меня садиться и сам сел против меня на стуле около стола»⁵¹⁵.

⁵¹⁵ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1895 год. М., 1895. С. 309.

Вскоре отца Феодора постригли в схиму и нарекли Феодосием. Он своей высокой духовностью и благочестивой жизнью быстро стал знаменит по всему Афону. Вот как описывает его отец Владимир (Колесников): «Усердный труженик... старец, духовник хорошей жизни, многими почитаемый, но очень смиренный и обходительный»⁵¹⁶.

Также очень уважал его отец Денасий (Юшков) и всегда старался получить от него духовные наставления, описывая неоспоримые духовные достоинства отца Феодосия. С восхищением вспоминал он один случай проявления удивительного гостеприимства смиренного старца: «Я просил отца Федора [в схиме отца Феодосия] указать мне направление дороги до Иверского монастыря. Отец Феодор, быть может, припомнив при этом евангельскую заповедь Богочеловека: «...аще кто тя поймет по силѣ поприще еди́но, иди съ нимъ двá» (Мф. 5, 41), сам лично изъявил желание быть путеводителем. Только дойдя почти до самых стен монастыря, мы совсем расстались»⁵¹⁷.

Очень почитали его и афонские пустынножители. Вот что писал в 1909 году, уже после смерти отца Феодосия, великий калягрский отшельник схимонах Вениамин (Малышев) в своем ответном письме к отцу Агафодору (Буданову) на его запрос о высоте духовной жизни отца Илариона (Кузина): «Вспоминая богатое рассуждение (всестороннее) покойного отца Феодосия — грузина, отдаю пальму первенства не отцу Илариону, а покойному отцу Феодосию»⁵¹⁸.

Знаменательна позиция отца Феодосия в так называемом грузинском деле. До его представления расскажем немножко о самом деле. Как было уже сказано выше, в 1869 году на Афон приехал уроженец Кутаисской губернии иеромонах Венедикт (Баркалая), который взял у Иверского монастыря заброшенную келлию имени святого апостола Иоанна Богослова и с помощью финансовой поддержки грузинской и российской общественности и российских государственных учреждений начал восстанавливать эту келлию. Особенную помощь ему в этом оказали и афонские русские обители: Пантелеимонов монастырь и Андреевский скит. При такой помощи отец Венедикт в кратчайшие сроки сумел не только восстановить старые здания и построить новый храм, но и собрать большое количество братии (до сорока человек). Все это старцам Иверского монастыря не пришлось по душе, и они стали накладывать разные запреты на дальнейшее развитие келлии. Тогда отец Венедикт решил принять экстренные меры: заручился поддержкой российского императорского двора и подал в суд на монастырь. Этот процесс длился почти сорок лет, и закончился

⁵¹⁶ АРПМА. Док. № 309. С. 140.

⁵¹⁷ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инок-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1896 год. М., 1896. С. 50.

⁵¹⁸ АРПМА. Док. № 1724. С. 1.

он катастрофическими последствиями для всех грузинских монахов, проживающих на Афоне. В 1919 году они почти все были выдворены с Афона.

Именно в этом деле отец Феодосий имел особую позицию: он был против правового пути решения споров с Иверским монастырем, а предлагал особый, духовный, путь, что и осуществлял по мере своих возможностей. В чем был смысл этого пути? Отец Феодосий утверждал, что греки — народ набожный и единственный аргумент, который они уважают и перед которым они склоняют головы, — это святость. Примером чего отец Феодосий приводил высокое почитание греческими монахами умершего в 1863 году иеросхимонаха Илариона Грузина. Поэтому, по мнению отца Феодосия, грузинским монахам нужно было добиваться не правового или экономического превосходства над Иверским монастырем, а создания высокодуховного братства, святость, благочестие и христианская нравственность которого вызвали бы желание иверских монахов с уважением относиться к их нуждам.

Отец Феодосий все время своего пребывания духовником келлии старался проводить именно эту линию. Правда, он не смог добиться уважения иверцев, но он добился более важного и весомого: многие подопечные ему человеческие души благодаря избранной им вышеназванной тактике избежали озлобления и ожесточения и действительно достигли святости.

Следуя известной пословице «яблоко от яблони недалеко падает», чтобы хорошо представить себе, какой порядок был у отца Феодосия во вверенном ему братстве, приведем пример гостеприимства келейника отца Феодосия отца Пахомия. «Вскоре, — пишет посетивший келлию отец Денасий (Юшков), — заявился ко мне с изъявлениями благодарности за посещение их отец Пахомий, келейник почетнейшего из братства духовника иеромонаха отца Феодора, в миру князя Федора Георгиевича Эристави. Отец Пахомий, заметив, что я весьма утомился и запылелся, в особенности же крайне изнемог ногами, догадался исполнить совет преподобных отцов: обмыть ноги путнику. Выйдя от меня, из маленькой комнаты — архондарика, через несколько минут он является с тазом, наполненным водой, и с полотенцем. Не говоря ни слова, он ставит таз на полу около меня и молча хочет приниматься за мытье моих ног, весьма загрязнившихся от пыли.

Заметив все это и сообразив, что это для меня уж очень великая честь, я стал отказываться от этой смиренной услуги покрытого сединами, хотя и не старого еще летами отца Пахомия. Последний просил и настаивал не отказываться. Но я все-таки решительно отказался от подобной услуги, примеров чему мне еще не приходилось видеть в моем путешествии по Святой Горе»⁵¹⁹.

⁵¹⁹ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1895 год. М., 1895. С. 309.

Какой молитвенный настрой был в келлии отца Феодосия, хорошо видно из другого примера, приведенного отцом Денасием: «Седмичным иеромонахом был иеросхимонах Иона⁵²⁰ [духовное чадо отца Феодосия], родом из дворян. Он служил вечерню. Я не мог не заметить, чтобы он во все время совершения службы хотя однажды взглянул куда-нибудь далее своего подножья, так был он сосредоточен в себе и внимателен к своему служению. Мне это очень понравилось»⁵²¹. А восхищенный возвышенной молитвенной обстановкой в грузинской келлии отец Владимир (Колесников) отметил в своем дневнике: «Грузины — лучшие монахи на Афоне».

Отец Феодосий регулярно переписывался со старцами Руссика, спрашивая у них советов по духовным делам и прося помощи в преодолении житейских и материальных трудностей⁵²².

Преставился отец Феодосий 25 мая 1905 года.

Иеросхимонах Парфений

Иеросхимонах Парфений был уроженцем Ставропольской губернии. В 1867 году он со своим родным братом иеромонахом Модестом приехал на Афон, и они оба поселились на келлии святого великомученика Артемия монастыря Великой Лавры. В 1877 году отец Парфений стал старцем этой келлии. В келлии жило около тридцати человек русской братии. На территории находился также древний разрушенный храм святых Архангелов. Келлия имела относительно большой участок земли. «Землицы у нас, слава Богу, довольно, пожалуй, поболее будет, чем у андреевских», — рассказывал отец Парфений паломникам.

Вот какую характеристику оставили старцу пользовавшиеся гостеприимством его келлии паломники: «Сам отец Парфений, говорят, значительно содействовал процветанию Артемьевской келлии, и, действительно, стоит взглянуть в его умное, типичное лицо, чтобы понять, какую энергией обладает этот человек. Родом он из Ставрополя, а братия его все более из тех же краев.

⁵²⁰ Иеросхимонах Иона (в миру Иона Мерабович Хоштария) — бывший дворянин из Кутаисской губернии. Жил на келлии святого Иоанна Богослова Иверского монастыря. Был настоятелем келлии. Преставился в 1919 году. В 1882–1903 годах писал письма игуменам Макарию и Андрею (см. архив РПМА. Док. № 1307). В 1905 году писал письмо схиеромонаху Агафодору (Буданову) (см. архив РПМА. Док. № 1764).

⁵²¹ Там же. С. 367.

⁵²² АРПМА. Док. № 1306, 1359, 1763, 4119, кон. 4.

— Строгий старец, — говорил про него отец Валентин, и странно было слышать слово «старец» применимо к молодому еще отцу Парфению. — Всю братию держит как в киноии. Вот кабы у нас все такие келиоты были...»⁵²³

Отец Владимир (Колесников) так характеризует отца Парфения: «Представительный человек и хороший хозяин. Его келлия почти лучшая и благоустроенная и обеспеченная, необходимая для паломников при путешествии по горе»⁵²⁴.

Отец Парфений сумел в своей келлии установить истинный общежительный дух. Принцип равенства всех пред Богом соблюдался им во всем. Все вместе служили, все вместе трапезничали, все вместе работали на послушаниях, все одинаково одевались. Отец Парфений во всех затруднениях искал совета у отца Иеронима, духовника Руссика. Если не находил времени посетить его, то писал ему письма⁵²⁵. Советы выдающегося старца помогали ему насадить в своей маленькой обители дух братства и христианской любви.

Отец Денасий (Юшков) так описывает простую, но дружную жизнь артемьевской братии: «Многие из братии занимались послушанием, кто в саду, кто в огороде, кто на винограднике, кто косил траву. Среди них находился и старец Парфений, наблюдая и собой подавая пример трудолюбия. Я подошел к нему с выражениями своей благодарности.

«Господь да благословит вас», — было мне напутствие, и с этим благодатным благословением и с чувством признательности за внимание их я отправился в предлагающий мне путь»⁵²⁶.

10 августа 1905 года скончался брат отца Парфения иеромонах Модест. После смерти брата, с которым провел неотлучно всю свою жизнь, отец Парфений очень скорбел и много плакал. Он просил Господа не разлучать его со своим любимым братом и забрать его тоже. И случилось чудо: на девятый день после смерти брата, после панихиды за упокой души своего брата, отец Парфений прилег и заснул вечным сном. Артемьевские братья очень горевали и плакали из-за потери любимого старца, но архиерей, пришедший на отпевание, сказал им по-русски слово, что не плакать нужно, а радоваться, и этим успокоил их. Преставился отец Парфений ко Господу 19 августа 1905 года.

⁵²³ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские келлии на Афоне. М., 2002. С. 47–48.

⁵²⁴ АРПМА. Док. № 315. С. 6.

⁵²⁵ АРПМА. Док. № 1278.

⁵²⁶ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1898 год. М., 1898. С. 95.

Схимонах Иосиф (Харламов)

Схимонах Иосиф (в миру Александр Петрович Харламов) был уроженцем Донской области. Прибыл на Афон в 1874 году и с тех пор жил один в пустынной келие на Каруле*. Рукодельем его было сапожничество, о чем нам сообщает отец Денасий (Юшков): «Когда я подходил к кавье* Иосифа, то услышал стук его молотка, так как он сапожник, а здесь преимущественно шьет башмаки по заказу русских и греков. Видя в окно его сидящим, я произнес обыкновенную молитву. Услышав знакомый голос, отец Иосиф поспешил снять свои очки и встретил меня в дверях, с радушием приглашая войти внутрь. Я не дожидаясь особого приглашения, вошел, поклонился святым иконам, как подобает христианину при входе в дом единоверного или в келью собрата-инока, а потом хозяину-старцу.

Отец Иосиф приветствовал меня целованием в рамена (плечи) со словами: «Христос посреди нас». Я, взаимно целуя старца в рамена, отвечал: «И есть, и будет»!..»⁵²⁷

Главным же деланием отца Иосифа была Иисусова молитва, которой он занимался непрерывно, днем и ночью, сидя и работая, в храме и в пути... непрерывно!

Хороший словесный портрет отца Иосифа оставил нам некий статский советник Ипполит Федорович Красковский, который в бытность паломником на Афоне незаметно подошел к келие отца Иосифа. «Подкрался не из какой-то хитрости или предосторожности, но потому, что бегал босиком. Он хотел увидеть карульский туннель, по которому доставлялась пища. Он заглянул в растворенные двери келии и подарил миру одно из самых ярких описаний афонских подвижников... Он увидел убежденного сединами старца, сидящего лицом к окну на маленьком табурете. Старец готовился со всей тщательностью к трапезе. Это и был отец Иосиф, о котором, казалось бы, все сведения поглотило время. Перед старцем на столе стояли три чашки: его трапеза состояла из трех блюд. Сосредоточенно смотрел он в среднюю мисочку, в которой плавал сухарь. Попробовал, размяк ли он. Остался доволен. Поднялся с маленькой табуретки, на которой сидел, вытянулся во весь свой гвардейский рост; его и без того строгое, изможденное, с впалыми щеками и тощей бородкой, отчасти калмыцкого типа лицо сделалось еще строже, глаза заблестели в морщинистых впадинах. ...Перекрестился, стал совершать обычное перед трапезой молитвенное правило, кончил, благословил трапезу и уже собирался усесться

⁵²⁷ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1910 год. М., 1910. С. 380.

на свою табуретку...» Когда выяснилось, что он не один, то Ипполит Федорович покинул свой наблюдательный пункт. Старец сначала несказанно удивился, откуда здесь мог взяться человек, а потом чрезвычайно обрадовался, ибо пришельцы здесь крайне редки.

«Так уж вы и обедать меня пригласите», — предложил Ипполит Федорович.

«Хорошо, пожалуйста, вот на мою скамейку, а я постою. Только обед у меня свой, здешний карульский обед», — ответил старец. Посетитель заглянул в первую чашку из тыквы. Там две смоквы, очищенные от колючек. А смоквы эти были не больше грецкого ореха. Заглянул во вторую чашку — там размоченный сухарь. А третье блюдо ничем не отличалось от второго, только сухарь еще недавно был подвергнут действию воды и размякнуть не успел. Смоквы оказались сладки, но слишком сладки, а сухари как сухари. Ржаные. Только... «Что же вы не посолили сухари», — спрашивает исследователь карульской жизни. «Да соли нет, вся вышла. Да я уж и без соли тут привык. Сухарь со смоквой очень вкусен, точно с сахаром». А старцу тому, державшему такую карульскую диету, было на тот момент восемьдесят семь лет. И лечился от грехов он такой диетой здесь, на Каруле, около тридцати лет. Вот такой был схимонах Иосиф, родом донской казак.

«И рад же мне был отец Иосиф. Крестиков кипарисового дерева своей работы надавал, ложек вырезанных собственноручно из весьма крепкого масляничного дерева», — заканчивает свой рассказ о визите к старцу корреспондент московской газеты. И как это обычно бывает, когда встречаешь истинно нуждающегося человека, как раз недостает денег. Ипполит Федорович смог дать старцу только «чарык», то есть полтинник, как, впрочем, и остальным населенникам Карули. И все были несказанно рады: может, при случае купят лампадного масла, которое на тот момент на всей Каруле вышло⁵²⁸.

Дата смерти отца Иосифа не установлена.

Иеросхимонах Константин (Семерников)

Иеросхимонах Константин (в миру Конон Вуколевич Семерников) происходил из донских казаков, родился в 1842 году в станице Кочетовской. Двадцать лет, с 1861 по 1881 год, провел на военной службе, участвовал в усмирении польского восстания в 1863 году и в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Он был среди храбрецов, переплывших на лошадях разлившийся на четырнадцать верст Дунай и занявших турецкий берег около Мошка (по другим сведениям, Мичина). После взятия Плевны ему было поручено в составе конвоя сопровождать прославившегося своею храбростью плененного Осман-пашу.

⁵²⁸ Троицкий П. В. Афонские встречи. М., 2002. С. 56.

Отец Константин был награжден несколькими орденами и медалями и свидетельством, выданным по высочайшему повелению, что давало ему особые привилегии на государственной и военной службе.

Но война закончилась, а государственная служба отца Константина не привлекала. Он едет на Афон и принимает постриг на келлии преподобных Петра и Онуфрия Иверского монастыря. В 1887 году он становится настоятелем келлии святителя Иоанна Златоуста того же монастыря. Все свои денежные средства он употребил на устройство этой обители.

Но на этом славный путь бывшего солдата не заканчивается. Начинается русско-японская война. Отец Константин организует санитарный отряд из монахов в количестве 53 человек и с разрешения Красного Креста помогает русским воинам на поле брани. Его заслуги высоко оценивает Государь. Его награждают медалью на Георгиевской ленте. Впоследствии он удостоивается быть принятым Его Величеством. Государь Император награждает отца Константина золотым наперсным крестом из своего кабинета.

Вот что писала газета «Русское государство» (№ 84 от 22 апреля 1906 года): «Их Величествам Государю Императору и Государыне Императрице Александре Феодоровне в Царском Селе, в Александровском дворце, имел счастье представляться настоятель обители святителя Иоанна Златоуста на Святой Горе Афон, действительный пожизненный член Российского общества Красного Креста, схимонах Константин Семерников — организатор афонской монашеской охотничьей санитарной дружины.

Схимонах Константин действовал со своим отрядом иноков при отряде имени Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Георгиевской общины сестер милосердия. На приеме Государь Император изволил благодарить в лице схимонаха Константина и всех остальных монахов обители, отправившихся в минувшую войну на театр военных действий в качестве санитаров. Схимонах Константин удостоился счастья лицезреть августейших детей Их Императорских Величеств: наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича и Великих Княжон Ольгу Николаевну, Татьяну Николаевну, Марию Николаевну и Анастасию Николаевну».

Обстановка в келлии [отца Константина] более соответствовала идеалу монашеской жизни, чем во многих других прославленных обителях. Вот что пишет паломник, посетивший ее в 1909 году и написавший статью в журнал «Монастырь» под псевдонимом Россиянин: «...Жизнь в афонских обителях неизмеримо лучше, чем в российских монастырях. Лучше не материальным богатством или роскошью, но она сплоченнее, братски душевней, без обид, без подозрений, а именно как живут люди,

одушевленные одной и той же идеей, не стараясь приносить друг другу вреда, а, наоборот, принося пользу и себе, и друг другу, и всему братству келлии». Такие строки пишет автор именно после посещения этой келлии и беседы с наместником — иеромонахом Симеоном.

В 1909 отец Константин участвует в первом иноческом съезде в России. Упоминается он в описании этого съезда среди депутатов с правом совещательного голоса, и его можно найти на фотографии ее участников. Отец Константин фактически был единственным представителем афонского монашества на этом съезде, если не считать архимандрита Иерона, настоятеля Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря.

26 августа 1913 года отец Константин переселился в обители вечные, скончавшись в больнице Андреевского скита.

«Когда процессия поравнялась с Карейской беседкой, в нашей обители царский колокол гудел редкими протяжными и скорбными волнами, своим мелодичным звуком давая знать о приближении тела того, кому он был пожалован, и вместе с тем напоминал как бы гласом трубы Божией о нашей скоропреходящей жизни» — так описывается прощание со старцем в книге «Последние дни жизни, кончина и погребение старца схимонаха отца Константина (Семерникова), настоятеля обители — кельи святителя Иоанна Златоуста»⁵²⁹.

Отец Константин издал книгу с описанием своих деяний с названием «Биографический очерк общественной деятельности гражданского долга, патриотических подвигов и трудов за Веру, Царя и Отечество настоятеля Афонской обители святого Иоанна Златоуста, схимонаха Константина Семерникова и его последний труд с дружиной, афонскими иноками». Подробное жизнеописание отца Константина имеется также в книгах: «Биография настоятеля обители святого Иоанна Златоуста на Святой Горе Афон схимонаха Константина (Семерникова)», «Последние



⁵²⁹ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские келлии на Афоне. М., 2002. С. 110–113.



дни земной жизни, кончина и погребение старца схимонаха Константина (Семерникова), настоятеля обители святого Иоанна Златоуста».

В 1905–1906 годах отец Константин писал письма игумену Мисаилу (Сапегину) и иеросхимонаху Агафодору (Буданову)⁵³⁰, в которых подробно сообщал о своих деяниях и приключениях.

Иеросхимонах Пантелеимон (Важенко)

Иеросхимонах Пантелеймон (в миру Петр Иванович Важенко) родился в 1849 году в Курской губернии, но впоследствии был приписан к мещанам города Харькова. Он прибыл на Афон в 1878 году и так же, как другой Петр, впоследствии настоятель Благовещенской келлии отец Парфений, стал учеником знаменитого старца Хаджи Георгия, известного всему Афону своей строгостью. Хаджи Георгием он был пострижен в мантию с именем Пантелеимон, а затем рукоположен в иеромонаха. Впоследствии по благословению старца Георгия он стал старцем келлии Рождества Пресвятой Богородицы.

В 1896 году же он перешел на келлию Воздвижения Креста Господня Каракальского монастыря, которую приобрел у обители. Вскоре он был избран настоятелем этой Крестовоздвиженской келлии. С огромными усилиями, преодолевая как внешние, так и внутренние препятствия, он смог возродить эту келлию и приумножить ее братство. В келлии, по данным 1913 года, размещалось около семидесяти человек. В послереволюционный период в Крестовской келлии еще долго теплилась жизнь. Так, в воспоминаниях афонского монаха Макария читаем: «Однажды я гостил несколько дней в Крестовской келлии на Провате, у отца Лота, старца келлии... Келлия отличалась уютностью своих построек и имела маленькую церковку во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. В отдельном маленьком домике была небольшая, хорошо подобранная библиотека, в которой я и проводил время

⁵³⁰ АРПМА. Док. № 1326, 1754.

в книжных занятиях. Моими друзьями были иеросхимонахи: отец Константин, отец Мелитон и отец Филарет»⁵³¹.

Вл. Маевский, посетивший примерно в то же время Крестовоздвиженскую келлию, тепло вспоминает гостеприимного наместника отца Филарета, заботливых схимонаха Досифея, отца Исаяю и сурового хранителя костницы обители отца Мелитона. Осматривал он также хозяйство обители, поддерживаемое трудами неутомимых насельников. Были там тогда и прекрасные виноградники с цистернами для сбора дождевой воды, и парники, и мастерские...

«...Хорошо мне всегда во всех русских келлиях. Но все же должен при этом признать, что особенная радость и покой наполняют мою душу, когда я нахожусь в келлии Воздвижения Креста Господня, где живописная природа и чарующие виды сливаются с исключительно симпатичным характером и укладом жизни милейших ее насельников», — вот его благодарный отзыв об этой келлии⁵³².

Отец Пантелеимон не только был активным в вопросе строительства своей келлии, но и приобретал вне Афона имущество, за что его многие осуждали. Но известный исследователь Афона П. В. Троицкий считает эту деятельность совершенно уместной: «Да, отец Пантелеимон много времени проводил в Константинополе, создал там в 1900 году подворье своей келлии. Да, он приобрел в 1903 году в восьми верстах от Иерусалима Фаранскую обитель преподобного Харитона Исповедника, которую в свое время не удалось приобрести даже самому архимандриту Антонину (Капустину). Он населил ее русским братством из семи человек. Но критики и обвинители старца забывают добавить, что делалось это при участии русского консульства, с благословения Иерусалимского Патриарха Дамиана. Так же, как забывают сообщить, что в конце 19-го и в начале 20-го века многие русские афонские монахи



⁵³¹ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские келлии на Афоне. М., 2002. С. 119–120.

⁵³² Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские келлии на Афоне. М., 2002. С. 45.



Крестовоздвиженская келлия начала XX века

готовили себе обители вдали от Афона. <...> Кроме того, приобретение этого участка земли было важным делом для противодействия католикам, активно действовавшим в тот период на Святой земле. Иеромонах Пантелеимон был действительным членом Императорского Православного Палестинского Общества. Но это не все.

Русские афонцы из этой келлии принимаются за возрождение монастыря святого Пророка Илии под Бейрутом, близ того места, где вмч. Георгий победил змия. Монастырь в скором времени населяется сорока русскими монахами. Планировалось расширить эту обитель. Так русское монашество двигалось на Восток. Крестовоздвиженская келлия имела подворья в Иерусалиме, под Бейрутом. Целью организации этих подворий была помощь русским паломникам»⁵³³.

Деятельность отца Пантелеимона замечательна еще тем, что «он на своей родине, в Харьковской губернии, при содействии своего близкого знакомого благочестивого Василия Карповича Подгорного (в схиме Стефана) и по благословению их старцев Хаджи Георгия и отца Парфения устроил весьма обширную женскую общину,

⁵³³ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские келлии на Афоне. М., 2002. С. 118.

в которой, в разных ее заведениях, они приютили до шестисот человек. Начавшиеся гонения против сильно и широко разросшейся этой общины заставили отца Пантелеимона удалиться на Афон, а отца Стефана оговорили клеветники, он был обвинен в сектантстве и заключен в суздальский Ефимьевский монастырь. Община была поручена вновь назначенной духовным начальством особой начальнице. Впоследствии, когда открылась невинность отца Стефана, ему предлагали освобождение, но он отказался и остался в Суздальском монастыре, предпочитая свободе неволю. А основанная им и отцом Пантелеимоном община указом Святейшего Синода была возведена на степень монастыря с наименованием «Богодуховский Свято-Троицкий женский общежительный монастырь»⁵³⁴.

Отец Пантелеимон собирал сведения о современных ему подвижниках Святой Горы. На основании собранных им материалов в 1883 году протоиереем Г. Дюковым в Киеве была издана книжка под названием «О жизни и подвигах святоафонских старцев». Прочитав эту книгу, мы начинаем понимать, каких подвижников имел отец Пантелеимон примером и к какому идеалу он стремился всю свою жизнь.

Преставился отец Пантелеимон 8 января 1914 года.

Иеросхимонах Аркадий (Панфилов)

Иеросхимонах Аркадий (Панфилов) был уроженцем российской земли. Когда он прибыл на Афон и когда он преставился ко Господу, мы не знаем. Достоверно можно сказать лишь то, что он числился в конце XIX века в списке карульских отшельников и считался настоятелем этой пустыни⁵³⁵. Но о нем оставил воспоминания один паломник, посетивший в то время Афон, по ним мы можем судить о высокой духовности отца Аркадия. «Он [паломник] совершал паломничество со старообрядцами, которые хотели открыть свои сомнения опытным в духовной жизни скитским монахам. Естественно, обратиться за решением своих проблем они посчитали возможным только к афонским монахам, которые, как можно было предположить хоть с какой-то долей вероятности, были свободны от «никоновской порчи». Они особенно стремились к некоему старцу-подвижнику, жившему среди русских иноков Карули,

⁵³⁴ АРПМА. Док. № 4061. С. 5–7.

⁵³⁵ АРПМА. Док. № 9. С. 16.



Современное состояние Карули

которому, как они слышали, Господь дал особенную благодать.

При входе в Карульскую пустынь старообрядцы сразу стали спрашивать братию, где бы им найти их старца-настоятеля. А старец в это время трудился на огороде, копая заступом землю под овощи. «Подождите немного, пока он выйдет», — отвечали иноки. Нетерпеливые паломники заглянули в огород и увидели там смиренного старца в разодранной, заплатанной одежде, трудившегося в поте лица. Суемудрые пришельцы не хотели поверить, что этот старичок-нищий — тот самый великий и прозорливый старец, которого они желали видеть и беседовать с ним. Они снова стали спрашивать иноков, требуя, чтобы показали им старца: «Мы из России нарочно приехали и пришли сюда, чтобы видеть его, у нас есть до него важное дело». —

«Мы уже указали вам нашего старца, — сказали им иноки, — если не верите, что это он, то потрудитесь спросить его самого». Те стали поджидать, когда старец закончит работу. Преподобный (так не без основания называет его рассказчик) вышел, и иноки указали на него: «Вот тот, кто вам нужен».

Но честолюбивые старообрядцы отвернулись от него в сторону и сказали: «Мы издалека прибыли посмотреть на пророка, а вы нам показываете какого-то оборванца! Но мы еще не дожили до такого безумия, чтобы принять этого старичка-нищего за того знаменитого старца Карули (так называли паломники старца), о котором так много слышали».

Старец, этот преподобный Сергей нашего времени, взглянул на них с удивлением и проговорил: «...вы́ духо́внии исправля́йте такова́го ду́хомъ крѣтости» (Гал. 6, 1). И, не дожидаясь себе поклона от пришельцев, труженик Божий сам подошел к ним и с великим смирением поклонился до земли. Так-то смиренномудрый радуется своему бесчестию и уничижению столько же, сколько богатый и тщеславный приходит в восторг от почестей и похвал людских! Тогда старообрядцы, видя такое радушие убогого старичка, поведали ему печаль свою, что им доселе не удастся повидать их старца — настоятеля пустыни.

«Не скорбите, братья, — утешил их преподобный отец, — Бог так милостив к месту сему. Никто отсюда не отходит печальным. И вам Он скоро покажет, кого вы ищите». Тут ударило било, и все пошли в храм на вечерню.

По афонскому обычаю ночью наших путников разбудили на полунощницу и утреню. На Каруле служба начинается очень рано — в 12 часов. После Божественной Литургии, которая закончилась лишь в 11 часов дня, все молившиеся в храме стали подходить к старцу под благословение. Смущенные старообрядцы ходили около монахов и богомольцев, окруживших старца, стараясь сквозь толпу разглядеть настоятеля. Один из них, Ляпихин, опять спросил одного из сиромачов: «Кто же этот чернец, что благословляет выходящих из храма?» Сиромач взглянул на него то ли с удивлением, то ли с презрением и сказал: «Разве вам не говорили, что это настоятель пустыни, тот, кого вы спрашивали вчера?»

Никак не соответствовал внешний вид старца ожиданиям старообрядцев. Они слышали о его громкой славе и ожидали увидеть человека, сразу поражающего величием и блеском. Вместо этого перед ними стоял человек в простом рубище, малого роста, худого и болезненного вида. Его истощенное подвигами лицо, которое, по-видимому, так часто орошалось слезами, носило отпечаток обычной грусти. Его бедное одеяние более походило на одежду нищего, нежели на одежду иеросхимонаха и притом настоятеля более или менее многолюдной пустынной обители. И тем не менее старец скоро заставил паломников забыть обо всех их первых невыгодных для него впечатлениях, выполнив все и даже более того, что от него ожидали. Он отдал свою чистую душу всецело на служение Богу, и святость его кроткой, смиренной жизни, как солнечный луч, пригрела всходы на засохшей почве, которые посеяны были в сердцах раскольников.

Когда старец стал выходить из храма, Ляпихин спросил его: «Ведь при такой вашей утомительной и суровой жизни можно скоро, пожалуй, умереть».

«Мы, раб Божий, каждый день умираем, но живем для Господа», — смиренно ответил ему старец. Тогда старообрядец еще спросил его: «Каким же вы делом занимаетесь здесь, кроме молитвы?» Старец ответил ему: «У нас идет непрестанная брань не с плотью и кровью, но со страстями и похотьми, с духами злобы поднебесными». Старообрядец, как бы исправляя свои первые вопросы, опять спросил: «Какое же вы употребляете против них оружие?» — «Строгий пост, непрестанную молитву в сердце и Слово Божие на устах. Мы, — сказал старец, — как повелел апостол, препоясали чресла наши истиною, облеклись в броню правды (Ефес. 6, 14), в устах наших меч духовный — еже есть глагол Божий. Мы покрылись крепким щитом веры, о который все раскаленные стрелы лукавого притупляются, а крестом мы поражаем его на каждом шагу и во всякое время. Через эту победу мы надеемся

получить от Христа Бога награду, ибо Дух Святой сказал: *«побѣждающему дам сести со мною на престолѣ Моём»* (Апок. 3, 21), на престоле славы — на небесах. А вашему пугливому воображению, возлюбившему тьму, что же, стало быть, тяжек свет святыни? Жалко, что вы вышли от нас, а нашими не были!» Этим последним кратким словом старец как бы овладел их душой. Они поняли свое невежество и, слыша его прозорливые слова, стали более откровенны. Ляпихин тогда прямо сказал: «Вот уж справедливо зовут нас, невежд, раскольниками, как будто я ослеп и не вижу, с кем говорю!» Так горевал окутанный заблуждениями старообрядец, умоляя старца простить ему его лукавство и недоверие, и начал раскрывать пред ним свою раскольническую душу»⁵³⁶.

Иеромонах Георгий (Стеблев)

Иеромонах Георгий⁵³⁷ (в миру Гурий Платонович Стеблев) был уроженцем селения Ленивки Змиевского уезда Харьковской губернии.

В 1873 году в возрасте 17 лет он прибыл на Афон и поступил в число братии Пантелеимонова монастыря, где был тогда знаменитый старец иеросхимонах Иероним, который по молодости отправил его на Капсал, на келлию двенадцати апостолов под руководство к одному опытному и доброму старцу.

Отец Георгий настолько сжился с пустынной жизнью, что не пожелал уже возвращаться в монастырь, а переселился на келлию св. Саввы Освященного, которая была недалеко от келлии двенадцати апостолов. В этой келлии он принял монашество и в 1879 году был рукоположен в иеродиакона, а потом, когда переселился на Кераши, на келлию святого великомученика Георгия монастыря Великой Лавры, к старцу Вениамину (Плетневу)⁵³⁸, был пострижен в великую схиму и 2 сентября

⁵³⁶ Троицкий П. В. Афонские встречи. М., 2002. С. 46.

⁵³⁷ Жизнеописание составлено по книге: Александр, архимандрит. Русская Афонская пустынная общежительная обитель св. великомученика Георгия «на Кераших». Карая, 1912.

⁵³⁸ Схимонах Вениамин (в миру Василий Романович Плетнев) был мещанином из города Харькова. Прибыл на Афон в 1857 году как паломник. Смертельно заболел и в Ильинском ските был пострижен в схиму. С 1885 года жил на Кераших, на келлии св. великомученика Георгия монастыря Великой Лавры, которую приобрел за 6000 рублей. Старец келлии. Преставился 25 ноября 1896 года. См. его биографию: Александр, архимандрит. Русская Афонская пустынная общежительная обитель св. великомученика Георгия «на Кераших». Карая, 1912.

1884 года рукоположен в иеромонаха. После смерти старца Вениамина он сам стал старцем келлии.

По свидетельству современников, отец Георгий был одним из видных подвижников Святой Афонской Горы. В своей келлии поддерживал строгий устав и сам являлся примером истинно подвижнической жизни.

По характеристике отца Владимира (Колесникова), отец Георгий «был очень деловой человек и великолепно обустроил келлию и расписал художественной живописью новый храм, вызвав из Москвы художника И. М. Челяпова⁵³⁹. Много раз приходилось пользоваться его радушным приемом при путешествии на вершину Афона»⁵⁴⁰.

Возведение иконостаса нового храма ознаменовалось великим чудом св. великомученика Георгия. Когда из старого иконостаса вынули бывшую в нем икону великомученика Георгия, то отец Вениамин и отец Георгий решили не помещать ее в новый иконостас, а поставить на задней части клироса в киоте. Но вот, когда новый иконостас был написан, по неведомым судьбам Божиим старцы монастыря Великая Лавра запретили ставить его. Все попытки склонить Лавру снять запрещение были тщетны. Наконец, отца Георгия озарила мысль: не есть ли это наказание святого великомученика Георгия за то, что его икону вознамерились переставить в другое место. Тогда оба инока, отец Вениамин и Георгий, дали слово святому Георгию оставить его икону на прежнем месте в иконостасе. Вскоре они вновь возбудили ходатайство, и тогда Лавра, как бы кем-то побуждаемая, без всякого прекословия, с любовью разрешила поставить иконостас. Хотя иконостас делали по меркам под другую



⁵³⁹ Иван Максимович Челяпов — уроженец Москвы. Поступил послушником в монастырь св. великомученика Пантелеимона в 1872 году. Послушание проходил в иконописной мастерской. Был послан в Москву учиться на иконописца. Там передумал быть монахом и женился. Церковь на келлии святого Георгия на Керашях в 1910 году была расписана им, и это единственная на Афоне художественная роспись. Он же расписывал русские храмы в Иерусалиме.

⁵⁴⁰ АРПМА. Док. № 329. С. 122.



Георгиевская келлия на Керашях. Фото начала XX века

икону, но чудным образом новая мера рамки оказалась точно соответствующей старой иконе.

В своей деятельности отец Георгий не ограничивался одним храмом. В течение нескольких лет производились различные постройки и ремонты. В 1895 году он построил на берегу моря, на расстоянии полутора часов пути до обители, пристань. А от нее до обители провел дорогу. Благодаря дороге и пристани открылась возможность доставлять в обитель морем необходимые предметы и продукты.

Главной заслугой отца Георгия было его безграничное гостеприимство: он принимал всех паломников, восходящих на вершину и проходящих через его келлию. Он полностью отказался от «разумной» расчетливости и положился на милость Божию. «Молитвы бедных, — писал он, — и странников сильны пред Богом. Эти молитвы, идущие из глубины души, проходят преграду, отделяющую земное от небесного, и восходят на небо. Эти странники суть меньшие братья Христовы, как и Сам Спаситель говорит: «Странен бых и введосте Мя». Принимающий сих странников

и помогающий своими средствами к приятию их не лишается мзды своея»⁵⁴¹. И, действительно, как бы ни тратился отец Георгий на гостей, а иногда он доходил до разорения, однако очень скоро Бог в сто крат одаривал его новыми пожертвованиями.

Преставился отец Георгий в мае 1915 года в Солуни, куда ездил на лечение.

Схимонах Максим

Схимонах Максим⁵⁴² был уроженцем великой России. Где он родился и как он жил до поступления на Афон, нам неизвестно. В конце 60-х годов XIX века он прибыл на Афон и поступил в Андреевский скит. Долгое время, почти 20 лет, исполнял послушание келейника у отца Феодорита (Крестовикова), который постриг его сначала в мантию, а потом в схиму с именем Максим.

Находясь в Андреевском скиту, отец Максим постоянно думал куда-нибудь уединиться в пустыню. «Отец Феодорит, — писал он, — привыкший ко мне и не слыша никогда жалоб от братии на меня, которым я всегда старался удовлетворять в их просьбах ко мне, не хотел меня отпустить при жизни своей и даже иногда подшучивал надо мной за это, говоря: «Толкушка (это была постоянная его поговорка), чего тебе еще не достает, живи да смирайся, молись, сколько хочешь, никто тебе не мешает, а то в пустыню захотел, какой ты пустынный». Я все-таки не малодушествовал, но положился в уме на Бога, что если Ему угодно, то Он и устроит меня ими же вестъ судьбами, а между тем в летнее время испрашивал у него благословения пройтись по Святой Горе и в то время присматривался к пустынным местам, где бы удобнее поселиться, расспрашивал пустынных об их пустынной жизни, через что мало-помалу ознакомился с ней. Некоторые из пустынных нередко обращались в скит к отцу Феодориту со своими нуждами, тесно сопряженными с жизнью отшельнической, и как при этом всегда нужно было посредничество мое, то я и старался всевозможно их удовлетворять, прося при этом взаимно от них святых молитв. В одно время случилось в Серае [Андреевском скиту] некоторое замешательство, и вот в то время я, видя, что

⁵⁴¹ Александр, архимандрит. Русская Афонская пустынная общежительная обитель св. великомученика Георгия «на Керашях». Каряя, 1912. С. 34.

⁵⁴² Жизнеописание составлено по книге: Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1903 год. М., 1903. С. 242.



Кавсокаливский скит сегодня

наступило благоприятное время, испросил себе благословение для приискания места безмолвного где-нибудь в тишине пустыни афонской. При прежних моих прохождении-ях через наш (т. е. Кавсокаливский скит) скит я совсем не чувствовал в себе расположения поселиться здесь, но когда уже окончательно начал искать безмолвия и пришел сюда, то мне необыкновенно понравилось здесь, и я почувствовал какое-то внутреннее влечение. Когда же узнал, что продается одна маленькая каливка близ пещеры преп. Акакия, к тому же принадлежавшая одному из учеников его, то тогда я положил в сердце моем приобрести ее. Денег у меня было очень мало, и уплатить за нее далеко не хватало. Откуда ни возьмись, приходит один старец, приносит мне несколько лир (золотых) и говорит: «Тебе, Максим, нужны деньги, а у меня вот лежали в запасе для кого-нибудь из очень нуждающихся, и вот, видно, тебя они дожидались, возьми их, пожалуйста». Конечно, мне уже было не до отказа, и я взял с глубокой признательностью старцу за его великую милость. Вскоре после этого я получил денежное письмо из России, и вот таким образом мало-помалу я уплатил свой долг.

Когда я купил эту каливу, то тут не было верхней надстройки, а только одна нижняя часть. Спустя некоторое время я написал своим родственникам о своей нужде,

прося их помощи, и они, собравшись помаленьку, послали мне довольную сумму, на которую я и построил вот это верхнее отделение, а после того уже не писал к родным и не желаю, надеясь, что Господь не оставит нас с голоду погибнуть. Вот уже десять лет живу здесь и никогда не видал особой нужды. Когда начнет, бывало, истощаться запас, то смотришь: кто-нибудь из знакомых, а более из андреевских, и пришлет чего-нибудь. Да и всякий, кто хочет поселиться в пустыне, даже не зная никакого рукоделия, пусть не заботится о том, что есть и пить и во что одеться, — все будет, а иногда даже с излишком. Не думайте, (т. е. не беспокойтесь): Бог не оставит.

Действительно, хорошо жить в пустынном безмолвии, но только тому, кто имеет к этому продолжительное влечение. А главное, непременно все должно происходить под руководством опытного старца, а иначе я никому не советовал бы. Здесь я не могу нарадоваться. Такая тишина. Ни мулов, ни даже лодки своей скит не имеет по завещанию основателя. Бывало прежде в Великий Пост нигде и дыму не увидишь. Это значит, что братья во весь пост довольствовались сухоядением, не употребляя ничего приготовленного на огне. А ныне уже иногда виднеется дымок и Великим Постом, но все-таки жизнь вполне безмолвная и спокойная от шума и попечений.

Однажды в год я куплю себе пшеницы на весь год, которую привозят сюда в известное время. Отдам смолоть на скитскую мельницу, отдам за это несколько левков и потом сию себе спокоен.

Когда бывает собрание старцев-скитян для решения каких-либо дел, то я, не желая мешаться в их дела и к тому же не зная греческого языка, никогда не хожу на такие собрания. На еженедельные бдения, а иногда и на Литургии прихожу на Кириакон. Когда возвращаюсь к себе, то если кто-нибудь приглашает выпить чашку кофе, а иногда и потрапезовать, то всегда отказываюсь, не желая заводить знакомств, поэтому и ко мне почти никто не приходит. На Литургию же я всего чаще прихожу к отцу Гедеоу, вот тут недалеко при пещере преподобного Акакия. Слава Богу за все!»

Отец Максим жизненные припасы, а в случае надобности и деньги на покупку потребного получал из Андреевского скита, старцы которого относились к нему весьма благосклонно и милостиво. Впрочем, это милосердие и не удивительно, если припомнить его 20-летнюю там жизнь и заслуженное расположение братства.

Отец Денасий так пишет о нем: «Некто говорил, что отец Максим не имеет подвигов высокой жизни, но проводит жизнь очень скромную и весьма ровную и, можно сказать, подвижническую, исполняя неопустительно то правило, которое дано святым Ангелом преподобному Пахомию Великому. Но более близкое знакомство мое с ним и отзывы скитян доказывают его замечательную жизнь.

В небольшом его дворике, похожем скорее на садик с чистыми дорожками, есть несколько корней винограда, одна порядочная тенистая смоква, которая дает так

называемые винные ягоды, и несколько смокв арабских или огромных кактусов. Эти толстые широколиственные растения дают летом вкусные и прохладительные плоды, из которых готовят здесь квас. Есть и еще какие-то растения и даже цветочные и немного корней лимонных деревьев. Можно с наслаждением прогуливаться тут между зеленью овощей и цветов и под тенью смоквы и любоваться на широко раскинувшееся море с далеко виднеющимися островами, в особенности в тихую и ясную погоду».

Далее отец Денасий пишет: «Для того чтобы сказать кое-что об отце Максиме, заслуживающем особого внимания за свою живую веру в Промысел Божий, без которого едва ли кто решится жить в пустыне, не имея средств жизни и не зная никакого рукоделия, я возвращусь к прошлогоднему [1889 год] моему посещению его и беседе с ним. Тогда я пришел к нему с одним послушником Ильинского скита и монахом Андреевского скита. Когда пришли мы к старцу и постучались в запертую дверь, произнося по обычаю иноческому молитву «Молитвами святых отец наших, господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас», старец изнутри также по обычаю ответил: «Аминь».

«Благословите, отец Максим!» — продолжал знающий его андреевский монах. Старец отворил дверь и с любовью пригласил нас войти, предложив снять с себя дорожные сумки и оставить их в маленькой прихожей, заменяющей и кухню с печкой для печения хлебов, и склад в уголке для дров из мелкого кустарника. Теснота и чистота повсюду уже с первого взгляда заметны. Далее через низенькую дверь мы вошли как бы в приемную, тоже тесную, которая служит для него и входящих и трапезной (столовой). По его малому росту можно в ней стоять свободно, но человеку даже среднего роста невозможно стоять, не упершись головой в потолок или не согнувшись. Также коротки стоявшие по сторонам два дивана, заменяющие собой постель для отдохновения. На них, кажется, и самому старцу невозможно свободно протянуть ноги. Между ними у большого окна стоит небольшой стол, накрытый белой вязанной из бумаги скатертью. На окне стоят малые часы — будильник. В углу и по стенам — святые иконы и священные изображения. Вот и вся тесная обстановка жилища старца Максима, которая привлекла к себе особенное мое внимание своей теснотой и вместе опрятностью.

Сам он был почему-то в синем холстяном фартуке. По обыкновению русского гостеприимства старец предложил нам поставить самовар, и хотя мы отказывались, не желая беспокоить его, но приняли угощение. Отец Максим хлопотал около самовара, и в скором времени маленький русский медный самовар стоял уже на столе. Мы достали своего чая и сахара. Старец насыпал чая в маленький чайник, налил туда кипятку и поставил на самовар настояться. Между тем он приготовил чашки,

предварительно вымыв их, и пригласил нас садиться поближе к столу. Нарезал для желающих немного хлеба своего печения. По обыкновению, здесь соблюдаемому, старец прочитал: «Пресвятая Троице, помилуй нас. Господи очисти грехи наша. Владыко прости беззакония наша. Святыи посети и исцели немощи наша, имене твоего ради. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. Господи, помилуй (трижды). Благослови». И просил одного из нас благословить питье и ястие, но мы попросили его самого как старшего и хозяина благословить, от чего он и не отказался, разумеется, благословив не по-иерейски, а по обыкновению: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христа, Боже наш, помилуй нас», а мы уже заключили: «Аминь».

Напившись чаю с особенным аппетитом, как это нередко бывает при путешествиях, и вместе с тем отдохнув, мы, поблагодарив старца за гостеприимство, хотели было пойти далее, но добродушный отец Максим заметил: «Вы еще не все мое жилище видели, пойдем наверх». Узенькая лестница из прихожей привела нас в узенький коридор, налево показались три двери в три маленькие комнатки, из коих две не были затворены. Каково было мое удивление, когда я увидел в них необыкновенную чистоту на полах, стенах и повсюду и вместе простоту, т. е. без всякой пышности. В углу первой, служащей, вероятно, «молитвенной» для выполнения суточных последований, находилось несколько икон в фольговых ризах и киотах и священных изображений, пред которыми тихо теплилась неугасаемая лампада. На полках лежало несколько книг. Стол покрыт чистой скатертью. Подобная же чистота, только с меньшим разнообразием, и в смежной комнате. Я даже и не осмелился войти внутрь их, чтобы не запачкать пола и из какого-то благоговения к ним, как бы пред дышащей оттуда благодатью. Коридор выходит на прекрасную небольшую террасу, выложенную камнем и окруженную небольшой и низкой стеной. Отсюда великолепный вид на скит и широкий беспредельный архипелаг с несколькими островами»⁵⁴³.

Об искренней вере отца Максима в Бога и Его благом Промысле говорит следующая запись отца Денасия: «Великим постом быв на всеобщем бдении в скитском соборе одним из воскресных дней и отстояв Божественную Литургию, он возвратился в каливу потным. От утомления не хотел тогда переменить рубашку на сухую и так лег отдохнуть. Проснувшись, он тогда же почувствовал себя дурно. Болезнь развивалась быстро, силы падали, аппетит потерялся. Потом случились провалы в памяти, почему он лежал продолжительное время без всякого употребления пищи, поддерживая себя только чаем и водой. Наконец до того ослабел, что не мог уже и двигаться.

⁵⁴³ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инок-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1902 год. М., 1902. С. 371.

Об этом было сообщено в Андреевский скит, где он полагал начало иноческих своих подвигов. Оттуда был прислан человек с запасным мулом, и вскоре после Пасхи его увезли в Серай и поместили в братской больнице, где он скоро и выздоровел.

Свою болезнь отец Максим переносил очень терпеливо, видя в этом попущении Божиим особую милость Творца, очищающего душу через немощи телесные, и свое выздоровление приписывал не столько помощи врачебной, сколько милости Небесного Врача душ и телес. К терпению и безропотному перенесению страданий отец Максим призывал и всех тех, кого постигла какая-нибудь болезнь, внушая, что болезнь тела есть особое посещение Бога, напоминающее иноку о болезнях души. А потому болезнь, по мысли отца Максима, есть время, когда больному должен внимательно проверить свою душу и покаяться в своих грехах. Лучшее средство для исцеления, по мнению отца, не лекарства, а молитва к Врачу душ и телес»⁵⁴⁴.

Когда умер отец Максим, мы не знаем, но очевидно, что он предстал пред своим Создателем с чистой душой.

Схимонах Кирилл

Схимонах Кирилл был уроженцем великой России. Мы не знаем, где он родился и какую вел жизнь до поступления на Афон. Мы знаем только, что он почти полвека жил в отшельнической каливе у Кавсокаливского скита. Сведений о его жизни на Афоне тоже не сохранилось, если не считать кратких воспоминаний о нем отца Денасия (Юшкова), которые приведем здесь: «Когда я с немалым трудом добрался до каливы отца Кирилла и постучался несколько раз в запертую дверь ограды, то через несколько минут услышал кашель человека, который, подойдя несмело к дверям, остановился. Заметив это в небольшое отверстие, я сказал: «Благословите, отче!» Услышав мой голос, отец Кирилл подошел и, отворив двери, сказал: «Бог благословит, пожалуйста».

Маленький двор скромной каливки не представлял собой ничего особенного, как и самая калива, в нижнем этаже которой находятся две тесные комнатки, а в верхнем — одна просторная. Никакого особого порядка, как, например, у отца Максима, заметно не было, да и сам отец Кирилл — на вид болезненный человек — был

⁵⁴⁴ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1902 год. М., 1902. С. 282.

одет в плохонькую шубу. Впрочем, я не соблазнился этой неопрятностью, так как знал его как монаха, внимательного к духовной жизни. На маленьком прилавочке лежала раскрытая книга преподобного Симеона Нового Богослова.

— Как поживаете? — первым делом спросил меня отец Кирилл.

— Да вот по вашим молитвам Господь еще долготерпит, а грехи все прибавляются, немощи же растут и растут.

— Хорошо, если только немощи, — заметил он, — а если мы страсти называем немощами, то это уж дело очень плохое.

Действительно, я стеснялся сказать, что страсти мучат нас да и меня, грешного, как злобные тираны, но опытный отшельник хорошо знал современное самообольщение, по которому страсти считаются немощами, а немощи и недостатки, да чуть ли и не самые страсти, чем-то естественным для человека.

Добрый отец Кирилл, заметив, что я начал кашлять, предложил мне свои валенки (валяные сапоги) и даже теплую меховую шубу, только ветхую и тяжелую.

Из бесед с ним, хотя и непродолжительных, можно было понять, что его жизнь проходит в самоотвержении, хотя он и старался не высказываться по этому поводу. Он говорил иногда о трудности своей жизни, имея в виду вообще непростую жизнь всех христиан, шествующих к вечному блаженству истинно-духовной стезей, но лишь только проскальзывал, бывало, в его словах малейший признак малодушия, как тут же, заметив это, он с самоукорением восставал против него и говорил: «Да, хоть и высказался я так, но все-таки не ропщу на Промысел Божий. Воля Божия да будет. Иначе что и за жизнь наша, если мы окружены только удобствами, утешениями и славой. Даже надо сказать, что если в жизни нашей, в киновии ли или в пустыне, мы не имеем скорбей, болезней и различных неприятностей от собратий (в общежитии) и бесов (в пустыне), то такой путь нашей жизни ложный, неправильный и не ведет он идущих по нему в жизнь блаженной вечности. По этим признакам можно и должно познавать, куда мы идем и придем. Горе нам, если отовсюду окружают нас удобства временной и скоропреходящей жизни этой и слава от людей, хотя бы и невольная, против нашего желания. Если того всеми силами доискиваемся, то уж не знаю, что и сказать о загробной участи таковых несчастных. Горе тем, кто услаждается славой от человеков, наиболее же от мирских, которым нравится только то, что противно заповедям Евангельским. Надо, надо позаботиться о себе, пока в наших руках эта жизнь. Надо изо всех сил противиться влечениям воюющих на бессмертный дух, всегда стремящийся к Тому, иже даде его»⁵⁴⁵.

⁵⁴⁵ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инок-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1903 год. М., 1903. С. 156.

Чтобы хорошо представить высоту духа отца Кирилла, приведем отрывок его письма от 2 февраля 1909 года к отцу Агафодору (Буданову): «Будем беседовать о любви. Одно упоминание об этой самой прекрасной из христианских добродетелей производит уже в сердце мирное и приятное ощущение. Что же такое любовь? Любовь есть склонность и способность разумного существа заполнять собой жизнь других подобных существ и жизнью других восполнять свою собственную и в этом расширении жизни находить свое удовлетворение или чувство счастья. Из этого понятия видно, что любовь есть основной закон человеческого общежития. Мы не можем быть счастливы только тем, что нас любят, а счастливы более тем, что мы сами любим. Суждения наши друг о друге строги; разность во мнениях как нечто непоправимое признается решительным поводом к разделению; нещадное осуждение недостатков стало причиной оставления в сердцах ближних наших горечи, а иногда и затаенного недоброжелательства. Везде мы требуем целесообразности, законности, права, справедливости, но нигде не видим ни указаний, ни требования взаимной любви друг к другу. Будьте единомышленны между собой, не мечтайте о себе, не воздавайте злом за зло, не пекитесь о добром для себя в ущерб другим. Учитесь любить, как дети учатся грамоте, неленостно заучивайте буквы и научитесь чтению. Эти буквы — заповеди любви: голодного накормите, нагого оденьте, больного посетите, несведущего научите»⁵⁴⁶.

Преставился отец Кирилл 27 декабря 1909 года.

Иеросхимонах Иоанн (Паталий)

Иеросхимонах Иоанн (Паталий) по-национальности был греком, уроженцем Херсонской губернии, но по языку и воспитанию был русским.

Отец Иоанн жил на Афоне с 1857 года, был принят духовником Иеронимом на Крумицу, а с 1860 года жил в монастыре и пел в Покровском соборе. Пострижен был в мантию с именем Кассиан.

Отец Владимир (Колесников) пишет о нем так: «С первых лет монашества упражнялся в умно-сердечной молитве под руководством отца Иеронима, любил чтение святых отцов и беседы с афонскими подвижниками. Характера простого, откровенного, думается, что он особый избранник Божий»⁵⁴⁷.

⁵⁴⁶ АРПМА. Док. № 1789. С. 1–2.

⁵⁴⁷ АРПМА. Док. № 318. С. 102.

В смутное время 1874–1875 годов выехал в Россию, но по совету и благословию преподобного Амвросия Оптинского возвратился на Афон. Жил на разных келлиях: Рождества Пресвятой Богородицы, Спаса Нерукотворного Образа, а с 1900 года на Успенской келлии Ставроникитского монастыря, где был рукоположен в иеромонаха. После смерти старца келлии он был избран новым ее настоятелем.

С 1910 года жил на Старом Руссике, где был пострижен в схиму. Был очень уважаем среди братии Пантелеимонова монастыря, многие считали его своим духовным руководителем. Вот выписка из дневника иеросхимонаха Владимира (Колесникова): «Переписываю кое-что из видений иеросхимонаха Иоанна, есть дивные, замечательные. У него при служении не достало одной части Агнца, и он сказал об этом старцу-духовнику, а тот объяснил, что есть сокровенные рабы Божии, которых причащают Ангелы, и вот, может, таким образом и исчезают Святые Дары.



Во вторник, 13 сентября 1911 года, был он за Литургией у преподобного Сергия, стоял в коридоре и видит в алтаре Спасителя, как бы священнодействующего, и только спустя некоторое время стал видеть служащего игумена Мисаила, но прежде он не знал, что он тут служит. И это случилось накануне катастрофы (наводнения).

Отец Иаков слышал от иеромонаха Иоанна Паталия о его сновидении (в марте 1913 года, за два месяца выдворения с Афона имябожников): видит он на площади между монастырем и Преображенским корпусом великое множество бесов. Потолкавшись там, они устремились в ворота, но вдруг явился святой Пантелеимон и стал их отгонять мечом, а потом изнутри монастыря явилась и Божия Матерь и прогнала всех бесов»⁵⁴⁸.

⁵⁴⁸ АРПМА. Док. № 318. С. 119, 128, 146, 231, 322, 323, 325.

В июне 1913 года он хоть и не разделял учения имябожников, но был противником насильственного выдворения их с Афона, о чем заявил громко, за что и был удален из обители. Последние годы своей жизни отец Иоанн провел на Кресто-воздвиженской келлии.

Преставился отец Иоанн в больнице Руссика 23 июля 1917 года.

Схимонах Иоанн (Смирнов)

Схимонах Иоанн (в миру Петр Смирнов) был уроженцем Владимирской губернии. Прибыл на Афон в 1880 году и поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. Но через два года он стал послушником одного русского старца, жившего в отшельнической келлии преподобного Макария Египетского, которая находилась в скиту святого Василия Великого монастыря Великой Лавры. Старец постриг его в мантию с именем Иоанн, но вскоре умер, и отец Иоанн остался один. После этого на протяжении тридцати лет он жил здесь в полном затворе. Все это время его занятием была Иисусова молитва и рукоделие (делал деревянные ложки), которым и обеспечивал себе пропитание. Иногда он, как и большинство русских отшельников, получал материальную помощь из Руссика⁵⁴⁹.

Отец Иоанн виделся с людьми только раз в месяц, когда приходил в собор скита для принятия Святых Христовых Тайн. Но и в это время ни с кем не разговаривал. Иногда проходили месяцы, пока он был вынужден выговорить хоть одно слово, и при этом понять его было невозможно, так как ослабевшие его голосовые связки не выдавали звука — он не говорил, а хрипел. Только редкие гости, беспокоившие его раз или два в год, заставляли его восстановить упругость голосовых связок и поговорить о духовном.

Отец Денасий так описывает одну из своих встреч с отцом Иоанном: «По приходе сюда [в скит Василия Великого] я сначала пошел к знакомому уже мне русскому отшельнику отцу Иоанну, жившему в келлии преподобного Макария Египетского. Сначала отец Иоанн по приезде из России вступил в братство нашего монастыря, где и был на послушании в иконном отделении. Через некоторое время его как человека кроткого назначили в московскую часовню, но он отказался, боясь по немощам своим

⁵⁴⁹ АРПМА. Док. № 9. С. 64.

запутаться в тенетах мира, от которых недавно и не без труда только освободился. Испросив благословение у старца-духовника отца Иеронима, он отправился путешествовать по Святой Горе поискать другого, более удобного по давнему его стремлению к безмолвию места и нашел в этом скиту и при этой келлии одного русского монаха, к которому по благословию отца Иеронима и поступил в ученики.

Когда я постучался и позвонил проведенным за дверь шнурком в колокольчик, который повешен был внутри келлии, вышел отец Иоанн и, отворив двери, с радостью принял меня и пригласил войти внутрь. При входе в храм он пропел «Достойно Есть», а я в это время прикладывался к святым иконам. Церковь очень маленькая, но при всей своей простоте и бедности очень опрятная и чистенькая.

Отец Иоанн, как заметно, имеет особенную живую любовь к Матери Божией и мне советовал то же. «Всякий раз, — говорил он, — как только начнут меня беспокоить по козням дьявольским какие-либо недуги душевные, я тот час же начинаю читать Ей акафист, и брань проходит»⁵⁵⁰.

Преставился отец Иоанн в июле 1917 года. Учеников у него не осталось, и келлия перешла к монастырю. Учеников он не брал сознательно: во-первых, не хотел нарушать обет молчания, во-вторых, считал себя недостойным учить других людей, а когда его упрекали в том, что он не делится своим духовным опытом, то он отвечал: «Чему я могу учить, все, что имею, — это подарок Божией Матери и снисхождение Божие к моей немощи, а сам ничего не сделал. Разве можно человека, нашедшего сокровище, заставить писать книгу о том, как заработать это сокровище».

Схигумен Алексей (Осколков)

Схиигумен Алексей⁵⁵¹ (в миру Александр Захарович Осколков) родился в 1834 году в дворянской семье Санкт-Петербургской губернии. Окончив в 1853 году курс во Втором кадетском корпусе, он был произведен в офицеры артиллерии и восемнадцати лет от роду начал военную жизнь под Севастополем, участвуя в только что разразившейся Крымской войне, где проявил себя отважным воином. Затем по окончании ее он служил в Главном артиллерийском управлении и в ма-

⁵⁵⁰ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1908 год. М., 1908, С. 119.

⁵⁵¹ Жизнеописание составлено по книге: Феофан (Зиборов), игумен. Далекая обитель на краю Руси. Владивосток, 2008. Фотография взята тоже из этой книги.



стерской Технического института. Оставив военную службу, Осколков поступает членом Литовской поверочной комиссии в Кобринский уезд. Затем мы его видим уже в качестве крупного железнодорожного подрядчика.

Вследствие неизвестного душевного потрясения он бросает подряды, ликвидирует дела и, оставив все свое имение и дома на руки управляющих, в 1873 году уезжает в Америку. Прожив в Америке несколько лет и, кстати, объехав почти весь свет: побывав в Северной и Южной Америке, Мексике, Венесуэле и т. п., Осколков узнает о войне с Турцией, и в 1877 года он уже на Балканах с просьбой принять его в действующую армию. Но Плевен уже был взят, война скоро закончилась, и мы видим Осколкова на Афоне, где он занимался фотографированием и живописью и где весьма

близко подружился с настоятелем Русского Пантелеимонова монастыря отцом Макарием, а также с настоятелем Иерусалимской миссии отцом Антонином (Капустиным).

Здесь, на Афоне, Осколков нашел душевный покой, которого он искал по всему свету и во всякого рода своей деятельности. Несколько лет Александр Захарович прожил послушником в Руссике, и 22 февраля 1889 года отец Макарий постриг его в рясофор с именем Алексей.

В 1892 году отец Антонин приглашает его расписать (отец Алексей был отличным живописцем) храм святого апостола Петра в Яффе, в саду святой Тавифы. Но вскоре затем он перешел в Камчатскую епархию с поручением устроить иноческую обитель. Дело в том, что в 1893 году Священный Синод, согласно рапортам Преосвященного Митрополита Санкт-Петербургского Палладия, возбудил вопрос об учреждении в Приамурском крае мужского монастыря. Первая мысль об основании этого монастыря возникла у тамошнего генерал-губернатора Духовского, который при своем назначении на эту должность лично изложил свои соображения о необходимости организации монастыря императору Александру III. Император согласился, а Духовской уже имел в виду для исполнения

задуманного отца Алексея (Осколкова), которого лично знал со времен своего путешествия в Иерусалим.

И вот отец Алексей получил приглашение от Духовского. Архимандрит Антонин (настоятель Иерусалимской миссии) объявил отцу Алексею, что это воля Божия, и настойчиво убедил его ехать в Санкт-Петербург и подчиниться во всем митрополиту Палладию. Он хотел было отказаться от принятия священного сана, но потом предался воле Божией и вскоре был посвящен в иеромонаха и отправился на Дальний Восток.

На Амур он был послан сначала для изыскания места под предполагаемый монастырь и также для сбора средств для содержания его в будущем. Руководство по устройению обители поручено было местному преосвященному епископу Макарию. К содействию в этом благом деле приглашен был также сам приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант С. М. Духовской. Иеромонах Алексей прибыл в Камчатскую епархию 27 сентября 1893 года, будучи зачислен до открытия монастыря в штат архиерейского дома.

Отец Алексей, взявший на себя миссию устройства монастыря в Приамурском крае, происходил из старинного дворянского рода Осколковых из Великого Новгорода, где еще в 1375 году Осколковы были «именитыми людьми». Замечательно, что предки отца Алексея уже занимались делами в Сибири. Сначала они конкурировали со знаменитыми Строгановыми. Затем одного из предков, Григория Афанасьевича Осколкова мы встречаем уже на Байкале, где совместно с иеромонахом Макарием в 1681 году он учреждает Посольский монастырь.

В 1713 году Григорий Осколков прибыл с караваном в Пекин и послал богдыхану просьбу о дозволении прислать в Пекин православных священников. Эта просьба была богдыханом уважена.

Прибыв в пределы Камчатской епархии, иеромонах Алексей деятельно взялся за исполнение своей миссии: он собирал добровольные пожертвования и подыскивал место для устройства монастыря, расспрашивая сведущих лиц об удобных во всех отношениях для будущей обители местах. Преосвященный Макарий и начальник края С. М. Духовской оказывали отцу Алексею всяческое содействие. Местом для основания обители отец Алексей выбрал живописные берега озера Петропавловского, находящегося в сорока верстах от города Хабаровска вниз по Амуру. Озеро это глубоко и изобилует множеством рыбы. Монастырь предполагалось построить на мысе, вдающемся в озеро в северной его части.

На первый взгляд, выбранное отцом Алексием место являлось самым удобным и подходящим по всем условиям для существования здесь монастыря. Участок земли, намеченный под монастырь, имел вид четырехугольника, площадь

которого равнялась приблизительно 30 000 десятин. Главнейшими отраслями монастырского хозяйства имелись в виду на первых порах рыболовство и скотоводство, а затем уже и хлебопашество.

Найдя место для монастыря, отец Алексей с разрешения Священного Синода (указ 25 мая 1894 г. № 2295) оставляет Амур и едет на шесть месяцев в Иерусалим и на Святую Афонскую Гору для приглашения иноков, желающих поступить на служение в будущий в Приамурском крае мужской общежительный монастырь.

Братия афонских монастырей отнеслась весьма сочувственно к делу устройства новой обители на берегах Амура: некоторые из афонских обителей (Русский Пантелеимоновский, Русский Свято-Андреевский скит, Хиландарская Лавра, скит святого пророка Илии и другие) принесли отцу Алексию в дар для его монастыря частицы Животворящего Древа Креста Господня и мощей святых угодников Божиих. Святейший Синод указом от 12 августа 1894 г. за № 3537 разрешил отцу Алексию принять вышеупомянутый дар, с тем чтобы в удостоверение подлинности частиц взяты были от обителей свидетельства. Но поехать с отцом Алексием на Амур из афонских иноков желающих не нашлось. Почему отец Алексей обратился к Высокопреосвященному Архиепископу Финляндскому Антонию и к валаамскому игумену с просьбою назначить для Приамурского монастыря иноков с Валаама.

Святейший Синод определением от 28 октября 1 ноября 1894 г. постановил: «1) учредить в пределах Камчатской епархии, близ озера Петропавловского в 40 верстах от города Хабаровска, мужской монастырь с таким числом братий, какое обитель в состоянии будет содержать на свои средства; 2) настоятелем вновь учрежденного монастыря назначить состоящего в штате Камчатского архиерейского дома иеромонаха Алексия (Осколкова), с возведением в сан игумена (№ 46 «Церков. вед.» за 1894 г.).»

Выехав вторично на Амур и рассмотрев более внимательно и подробно намеченное для обители место на берегу озера Петропавловского, отец Алексей убедился, что место это непригодно для монастыря, ибо затопляется водою, почему, обследовав Южно-Уссурийский край, он в 1895 году избрал занимаемое в настоящее время монастырем место, в чем бесспорно великая и неоценимая заслуга отца Алексия для Свято-Троицкой Николаевской обители.

На место устройства монастыря отец Алексей прибыл в августе 1895 года, поместившись временно в квартире начальника бывшей тогда телеграфной станции Тихменево. Телеграф в то время (до проведения железной дороги) проходил частью по девственной тайге, частью по безлюдным, пустынным местам, и телеграфные станции состояли из одного-двух домиков.

Самой первой заботой отца Алексия было как можно скорее построить дом для жилья.

Начальник края Духовской пожертвовал находившийся в шести верстах, на минеральных источниках, дом, построенный из мелкого дубового леса. Наняв работников, отец Алексей перевез этот дом на место будущего монастыря и приспособил его под помещение в нем домово́й церкви, трапезной, кухни, келий для себя и для будущей братии.

Вскоре прибыли к отцу Алексею назначенные с Валаама в помощь ему и сотрудничество иеромонах отец Сергей и иеродиакон отец Герман. Первое братство обители за время настоятельства игумена Алексея состояло из упомянутых лиц. Как настоятель отец Алексей, так и его помощники отправляли богослужение и своими руками исполняли все работы, как-то: рубили и вывозили лес для монастырских построек и на дрова; весной копали гряды в огороде и садили овощи, уделяя от своей скудости нуждавшимся новоселам семена, капустную рассаду и прочее; косили сено; приготавливали пищу не только себе и немногим рабочим, но и всем приходившим по воскресеньям и праздничным дням богомольцам-крестьянам, приходская церковь которых отстояла от них на расстоянии восьмидесяти верст.

Первые насельники обители этим были поставлены в страшно затруднительное и почти безвыходное положение: пищевых запасов не хватало, даже печеный хлеб по временам приходилось доставлять из Владивостока и Никольска, а отказывать в довольстве пищею богомольцам было нельзя и по долгу иноческого гостеприимства, и потому еще, что население в соседних деревнях было крайне разорено наводнением, случившимся летом 1895 года.

Большое неудобство инокам-устроителям приходилось претерпевать зимой от холода в помещениях, имевших лишь железные печи. Тепло в кельях, в церкви и в трапезной держалось только тогда, когда топились печи. В ночное время приходилось по несколько раз вставать, чтобы подбросить дрова в печку.

Монастырь нуждался во всем. Предметы первой необходимости, не исключая и хлеба, нужно было покупать. Чтобы самим испечь хлеб, следовало обращаться на кухню начальника Тихменевской станции. Паломничества с отдаленных мест не было, постоянно живших в числе братии не имелось, пожертвований не поступало. Собранные ранее отцом игуменом деньги подходили к концу. Нужда все более и более увеличивалась. Источников дохода никаких не было. Приходилось прибегать к крайности: брали деньги заимобразно у торговых фирм в городе Владивостоке. Вследствие постройки Уссурийской железной дороги цены на рабочие руки и припасы были очень высоки. Расходы предстояли большие как по устройству монастыря, так и по приему богомольцев: работникам приходилось платить по 25–30 рублей в месяц на готовом содержании. Причем рабочие иногда состояли из людей, не отличавшихся хорошей нравственностью. К довершению всех

трудностей устроителей новой обители постигло совершенно непредвиденное несчастье: в ночь под первый в жизни обители храмовый праздник Святой Троицы 1896 года один из работников привел шайку злоумышленников, состоявших из беглых сахалинских каторжников, которые совершили дерзкую святотатственную кражу, украв всю монастырскую казну. Воры, пользуясь утомлением насельников и богомольцев после продолжительного всенощного бдения, проникли через окно в храм, где в поисках денег сломали даже замки у ковчежцев со святыми мощами, не коснувшись, однако, их. Не трудно себе представить, насколько тяжело и горестно было встречать свой первый монастырский праздник первым насельникам обители. Богослужения в День Пятидесятницы не было.

Материальное положение обители еще более ухудшилось. В числе украденных денег были похищены и взяты взаимобразно у торгового дома «Я. И. Чурин и К^о» 1000 рублей.

К великому утешению, впоследствии преступники были обнаружены, и половина денег была найдена и возвращена.

Игумен Алексей сознавал, что взоры духовного и гражданского начальства, а также и общества были обращены на него. Все ждали, что он должен создать благоустроенную обитель на дальней окраине Русского государства. Русская пресса («Московские ведомости», «Церковный вестник» за № 32, 1894 года и другие) смотрела на монастырь как на духовно-экономический центр, который должен был принять активное участие в деле колонизации Сибири.

Стечение неблагоприятных обстоятельств, отсутствие средств и братии не раз заставляли преклонного уже летами и немощного настоятеля отца Алексея серьезно задуматься над делом устройства обители.

Чувствуя всю трудность служения избранному делу и не надеясь на свои старческие силы, отец Алексей решил просить Священный Синод и местного Преосвященного об увольнении его обратно на Афон. Священный Синод, снисходя на неоднократные просьбы игумена Алексея, уволил его от должности настоятеля и строителя монастыря. 2 января 1897 года отец Алексей отбыл на Афон.

Сначала он жил на келлии святителя Николая Чудотворца Дионисиатского монастыря около Кареи, после на Новой Фиваиде, на Стефановской келлии Руссика, в самом Руссике.

Отец Алексей все время своего отсутствия на Афоне не прерывал связь со старцами Руссика: в 1899–1900 годах писал письма библиотекарю Руссика Матфию (Ольшанскому), в 1904–1911 годах писал письма игуменам Руссика⁵⁵², которые представ-

⁵⁵² АРПМА. Док. № 1462.



Стефановская келлия времен отца Алексия. Сегодня полностью отреставрирована

ляют богатейший материал для истории Свято-Троицкого Никольского монастыря. Но мы обратим внимание дорогих читателей на одно покаянное письмо 85-летнего старца, жившего в подвижничестве уже 30 лет, от 13 января 1909 года и обращенное к игумену Мисаилу: «Да будет сие мое письмо прочтено с достодолжным спокойствием и с подобающим вниманием, несмотря на то что оно писано глубоко падшим, загрязненным порочной, нечистой, греховной, многолютной жизнью [человеком]. Не укорами, не сетованием, не жалобами, не советами содержание его наполнено, но раскрытием тех святых благодатных истин, которые могут послужить к спасительному умиротворению желающих водворения мира, согласия и чистой, святой любви, ибо они открываются все яснее и очевиднее самой благодатной любовью вселюбящего Бога.

Да не покажется неуместным, что именно я, зачерненный, дерзаю вступать в обсуждение святого милостивого промысления Бога! Но! Именно для меня-то сие таковое дерзновение мое и является, по милости Бога, вполне естественным, нормальным. Ведь я почти тридцать лет [до пострига. — *Сост.*] в полном цвете развития телесных сил прожил с мертвой душой, мной самим убитой. Погружаясь все глубже

и глубже в омут мятущейся жизни внешнего мира, я быстро преуспевал в ревностном исполнении воли оболъстителя дьявола, а с сим как бы незаметно, но тоже быстро удалялся от Бога, святой Его Церкви и от всего добродетельного и святого. Сатанинская злоба примчала меня уже на край гибели. Я потерял всякую надежду на спасение. И вот долготерпеливый, оскорбленный многократно моей неблагодарностью к оказанному мне спасению от гибелей, великий, беспредельно любящий человека Бог снова, опять простирает руку помощи, вселяет в меня надежду в возможность избежать гибели и [помогает] освободиться из цепких объятий дьявола. И, несмотря на мои безумные невнимания к Его содействиям в освобождении от конечных бед, Он вновь открывает готовность принять меня под покров и защиту Свою. (О, Боже мой, как мне больно и стыдно и горько вспоминать о моей омерзительной, скотской, ехидненной нечувствительности и неблагодарности. И во веки веков не оставит меня воспоминание о таком страшном оскорблении, нанесенном Тебе, Благодетелю, Создателю моему, мной, низшим всякого скота, падшим рабом Твоим.) К такому решению Создателя — Бога деятельной споручницей явилась Препоблагословенная, Пречистая Дева Богородица — покровительница, наставница, учительница погибающих, потерявших здравый, ясно видящий ум. Она приняла меня поистине в тихий, удаленный (еще и теперь) от сует и дрязг мира внешнего в Ею оберегаемый приют. В нем и началась переплавка (Дан. 12, 10) моя и милостью Бога и Ее и по сие время работа пересоздания моего скотского состава в человеческое. Здесь постепенно, неустанно освящая, научая, просвещая меня для укоренения загубленных мною же смирения, терпения, кротости, любви и прочих добродетелей, украшающих и веселящих души ведущих и любящих Бога христиан, происходят изменения во мне для уничтожения с корнем сатаной привитых губительных, унижительных, порочных страстей: гордости, самомнения и прочих. Все это приводит меня к познанию глубокого моего падения и к познанию потери Духа Божественной жизни. Но горечь такого познания спасительна, она узкой тропой ведет к познанию себя и к жажде любить Бога, быть вполне послушным Его велениям, а отсюда и к любви к людям и искреннего желания всем всех благ и радостей в Боге»⁵⁵³. Дай Бог нам всем подобного покаяния и сознания.

Время смерти отца Алексея не установлено, по всей видимости, он умер на Стефановской келлии обители в конце 1919 года во время эпидемии гриппа-испанки.

⁵⁵³ АРПМА. Док. № 1344. С. 3–4.

Иеросхимонах Нифонт (Краснов)

Иеросхимонах Нифонт (в миру Павел Васильевич Краснов) был уроженцем области Войска Донского (по другим данным — Воронежской губернии). Когда ему исполнилось десять лет, он поступил послушником в один из российских монастырей. Был келейником у архимандрита. После шести лет монастырской жизни будущий афонский монах сильно заболел, провел в постели два года и был уже при смерти. Но дал клятву посетить Иерусалим, помолиться у Гроба Господня, а затем идти на Афон. И свершилось чудо — юноша выздоровел, был пострижен в рясофор, а через пять месяцев умер его настоятель, и отцу Нифонту открылась по воле Божией дорога на Афон.

30 октября 1872 года молодой инок поступил в Ильинский скит. Но по благословению отца Иеронима он вскоре переселяется на Карулю в послушники к одному русскому старцу.

Тот, кто когда-нибудь видел Карулю, хоть на фотографии, может представить себе нелегкую жизнь тамошних монахов. Земли нет, летом некуда скрыться от палящего солнца. Монахи живут практически как затворники, ибо каждый шаг за пределы кельи требует больших трудов. Отец Нифонт избирает себе строгого старца-пустынника с тайной мыслью остаться у него до самой смерти.

У отца Нифонта было рукоделие. Он занимался изготовлением кипарисовых крестов. Главной трудностью карульской жизни была необходимость частых путешествий в Пантелеимонов монастырь, где в то время можно было получить скудную для отшельника еду. Для того чтобы попасть в русский монастырь, нужно было пройти





Троицкая келлия (Древний скит) начала XX века

пешком почти половину афонского полуострова по его нелегким дорогам. «Но ничто его так не убивало, как хождение за провизией в Пантелеимонов и другие монастыри, где он целую торбу пшена и сухарей — более двух пудов — взваливал на себя и нес по крутым и скалистым горам, которыми усеян весь Афон. Это его окончательно изнуряло, и он почти падал без чувств, особенно в летнее, знойное время.

Ко всему прочему строгий старец, бывало, начнет упрекать его, что, мол, провизии принес на два рубля, а башмаков избил на три, совершенно забывая, какие дороги на Афоне. В конце концов он приучил его ходить босым и в летний зной, и в холодную зиму. Все это впоследствии отозвалось на здоровье почтенного иеромонаха Нифонта. <...> Но самыми тяжелыми для молодого послушника были муки совести, что им не исполнен обет посетить Иерусалим для поклонения Святому Гробу. И духовник Иероним, выслушав сомнения инока, благословил его исполнить обет. Чтобы его выполнить, юноша нанялся писцом, работал три месяца днем и ночью и заработал 800 пиастров, то есть 64 рубля.

Нифонт посетил Святой Град, обошел все тамошние обители, приложился ко всем святыням и возвратился на Афон. Но он уже не застал своего старца в живых. По благословию духовника он поступил в келлию святителя Николая Чудотворца

Иверского монастыря. В 1881 году его рукоположили сначала в диаконы, а на другой день, 3 августа, — в иеромонаха. Но старец келлии, схимонах Николай, провидев большие дарования молодого иеромонаха, благословил его идти восстанавливать один давно заброшенный скит Хиландарского монастыря. Отец же Нифонт хотел умереть в келлии своего старца, но тот сказал ему, что <...> здесь он не сможет выполнить то, для чего предназначен, и напомнил ему притчу о талантах. И, как истинный послушник, отец Нифонт отправляется выполнять новое послушание.

И вот 30 июля 1883 года с благословения старца и разрешения монастыря он переселяется в скит Святой Троицы. Жизнь в этом скиту также была тяжела. Главная трудность была в недостатке воды, которую можно было брать только в большом источнике, берущем начало внизу под горой, около скита. Кроме того, почва вокруг скита была каменистая и неровная. Но Бог не оставляет без помощи труженика, и скоро вокруг него начинает собираться братство. Возродить скит вместе с отцом Нифонтом приходит русский монах Геннадий. Скоро в братство вступает и отец Афанасий, сорок три года прослуживший священником в России и в конце своего жизненного пути пришедший на Афон. Настоятель сразу увидел в старом священнике опытного духовника. И не ошибся. Этот подвижник в течение своего восьмилетнего пребывания на Афоне ежедневно служил Божественную Литургию. В восемьдесят три своих года выполнял послушания так же, как молодые. К нему, как к духовнику, обращались все пустынники, жившие в окрестностях скита. Почил этот подвижник в 1902 году.

В подобных условиях возродить скит, можно было только надеясь на Божию помощь, и она не замедлила прийти. Афонский иеромонах Агафангел пожертвовал две тысячи рублей, и в течение восьми лет скит был приведен в порядок. Кроме того, братия дает Богу обет соорудить на иждивении русских благодетелей более обширный храм во имя святителя Николая Чудотворца, в память чудесного спасения Государя Императора Николая Александровича от угрожавшей опасности в городе Отсу в Японии. Благодаря этому намерению мы видим любовь русского афонского монашества к своему Царю, ибо здесь, на Афоне, подобное строительство не может преследовать какие-то корыстные цели. Здесь не получишь за это ни наград, ни какого-либо высочайшего внимания»⁵⁵⁴.

Одновременно с работами по благоустройству скита отец Нифонт с полной отдачей заботился о духовных потребностях своих подопечных, он учредил строгий общежительный устав, сам лично подавая пример его исполнения. Он был первым и на богослужении, и на послушаниях. Братья келлии очень любили своего наставника и во всем старались подражать его святой жизни.

Преставился отец Нифонт 1 июня 1920 года.

⁵⁵⁴ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002. С. 41–42.

Иеросхимонах Серафим (Мосягин)

Иеросхимонах Серафим (в миру Дионисий Дементьевич Мосягин) был уроженцем деревни Аксеновки Мровицкой волости Зарайского уезда Рязанской губернии.

В монашестве с 1873 года. Жил в одном из монастырей России, где был пострижен в мантию с именем Серафим.

В 1881 году прибыл на Афон и поступил в Троицкую келлию Ставроникитского монастыря, где в 1883 году был пострижен в схиму с тем же именем, а в 1885 году был рукоположен в иеромонаха. Впоследствии стал настоятелем этой келлии.

Отец Серафим написал книгу «Беседа старца Свято-Троицкой общежительной пустынной келлии на Святой Горе Афонской, иеросхимонаха Серафима Мосягина о мытарствах», в которой со своим духовным сыном подробно делится своими мыслями о цели подвижничества и сути покаяния. Вот что он пишет в ней: «Желаю с тобой беседовать о неизбежном и неминуемом пути: о переселении в вечные места, где нет уже конца и смерти; от перехода из этой жизни в будущую вечную загробную участь (или жизнь). <...> Христианину даны два пути и каждому пути свои врата: райские и адские. Райские врата, куда входят праведные души к Господу и Он, принимая их, успокаивает в селениях с праведными в радости неопикуемой и неизобразимой. Адские врата, куда входят грешные нераскаянные души, где установлены диаволу и ангелам его и творящим волю его [вечные мучения]».

Главной основой прохождения человека через узкие врата рая отец Серафим видит в наличии у него христианской любви, и, соответственно, причиной его наказания он считает отсутствие любви: «Итак душа не оправдывается, ибо была немилостива, немилосердна и жестокосердна. Враги удерживают ее на время, затворяют в темницу, откуда не видит она Бога; мучат ее, насколько попустит им сила Божия, пока душа церковными молитвами и милостыней родных, ближних и знакомых будет искуплена, тогда прощаются грехи ей. Если же душа настолько грешна и мерзка пред Богом, что надежды на спасение ее нет, то лукавые духи ждут последнего изречения Господня над нечестивыми. Осужденные стоят по левую сторону, и Он скажет им: *«...идите от мене, проклятии, во огнь вѣчный, уготованный диаволу и ангеломъ его»* (Мф. 25, 41). Тогда лукавые духи тотчас низводят душу в бездну, и там будет плач и скрежет зубов в огне горящем, которого и сам сатана трепещет. О брат! Остановись, взойди в самого себя, собери все свои дела; будут ли они избавлены от адского

мрака? Так человек живет на земле, грешит, идет против заповедей Божьих, не боится Бога, не страшится адского мрака». Только покаяние, искреннее оплакивание своей немощи и ничтожества может вернуть человека на путь Божий: «И если, брат, без покаяния умрешь, как пойдешь к Богу на ответ? Как пойдешь к Богу, если не исправлялся покаянием, а если же и каялся, снова ты впадал в грехи». Поэтому если покаянию не сопутствуют дела любви, то черствое сердце не сможет освободиться от привычки греха. Только каюсь и одновременно стремясь усовершенствоваться в любви, может избежать человек нового падения.

В заключении отец Серафим советует всем желающим избежать ада мучения, стараясь жить по заповеди Христа: «...да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы: болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя» (Ин. 15, 12–13)

Старец Серафим был живым воплощением заповеди любви Господа. Вся его жизнь была посвящена любви, поэтому он наверняка блаженствует, лицезрея Бога любви. Мы не знаем, когда точно он оставил этот земной мир. В списках 1919 года он еще числился старцем келлии, затем его уже там нет. Но разве существенно, сколько длилась его земная жизнь, важно, что он, творя дела любви непрестанно, обеспечил себе вечную жизнь с Богом.

Иеросхимонах Петр (Крутьков)

Иеросхимонах Петр (в миру Георгий Кондратьевич Крутьков) был уроженцем села Романовка Балашовского уезда Саратовской губернии. Отец его Кондрат был очень набожным человеком и сыновей своих, Георгия и Николая, воспитывал в любви к Богу и людям. В 1878 году умерла его жена, и он решил оставить мир и посвятить свою жизнь Богу. Когда он открыл свое намерение сыновьям, которым в то время было 20 (Георгию) и 18 (Николаю) лет, к его огромному удивлению, оба заявили, что тоже желают быть монахами. Кондрат условился с сыновьями, что поедет на Афон и, устроившись там, пригласит и их к себе.

В 1882 году Кондрат приехал на Афон и, присматривая для себя место будущего проживания, познакомился с приехавшим с аналогичной целью на Афон иеромонахом Неофитом (Базовым)⁵⁵⁵. Вместе с ним он приобрел за 4000 рублей келлию святителя

⁵⁵⁵ Иеросхимонах Неофит (в миру Назарий Федорович Базов) — уроженец села Колушкино Степановской волости Каменского округа Донской области. Прибыл на Афон в 1879 году. Пустыльник, жил на келлии святителя Николая (Белозерка) Хиландарского монастыря, которую вместе



Николая (так называемую Белозерку), которая принадлежала Хиландарскому монастырю. Старцем келлии стал отец Неофит, а Кондрат, которого постригли в схиму с именем Антоний, согласно омология стал наместником келлии.

Отец вскоре пригласил своих сыновей, и в 1884 году Георгий и Николай приехали на Афон, чтобы остаться здесь навсегда. Вскоре они были пострижены в мантию: Георгий с именем Пантелеимон, а Николай с именем Нектарий.

В 1890 году отец Неофит купил новую келлию святых Космы и Дамиана у Есфигменского монастыря и переехал туда, поэтому наставником келлии Белозерка стал отец Анатолий, который умер между 1882 и 1889 годами. После его смерти келлию возглавил отец Пантелеимон. В 1900 году он был пострижен в схиму с именем Петр и рукополо-

жен в иеромонаха. С этой поры начинается долгий и труднейший путь духовного восхождения отца Петра, оценкой конечного состояния которого были слова чрезвычайно скупого на всякие оценки отца Флегонта (Лебедева), который сказал о нем так: «Великий старец».

Келлия требовала много средств для реставрации и расширения, и «отцу Петру пришлось обращаться за помощью в Россию и писать множество просительных писем [и, несмотря на множество трудностей] обитель он все-таки воздвиг. Келлия имела два храма: верхний в честь святителя Николая и нижний во имя Покрова Божией Матери. Но обитель все время увеличивалась, и перед самой войной настоятель имел намерение заложить новый соборный храм в память

с иеросхимонахом Антонием (Крутьковым) приобрел в 1882 году за 4000 рублей. Был старцем келлии. В 1890 году отец Неофит купил новую келлию святых Космы и Дамиана у Есфигменского монастыря за 800 лир, а затем за 3000 турецких лир получил от монастыря право на устройство из келлии скита. Но вмешались Протат и Вселенская Патриархия, ему не позволили сделать новый русский скит, а монастырь расторгнул договор с отцом Неофитом. По требованию Протата Хиландарский монастырь изгнал отца Неофита из келлии Белозерка, и он жил свыше двадцати лет на келлии Трех Святителей.

восшествия на престол родоначальника Дома Романовых царя Михаила [но начавшаяся Первая мировая война помешала осуществлению этого плана]. Сегодня Белозерка — самая известная келлия на Афоне. Собственно, это даже не келлия, а маленький монастырек, в котором, несмотря на недавнюю греческую реставрацию, отчетливо прослеживается русский стиль. Келлия эта славится своими иконописцами. Да и раньше славилась, о чем свидетельствуют старые русские иконы, среди которых выделяется икона Божией Матери — Игуменьи Афонской Горы. Описание келлии сообщает, что в ней была частица Честнаго Креста и разные частицы мощей святых. Когда там подвизался отец Петр, в этой келлии было братство из 50 человек»⁵⁵⁶.

О внутреннем устройстве и о порядках, установленных отцом Петром в обители, можно хорошо судить по нижеследующим дневниковым записям иеродиакона Иоанникия (Погребеннова)⁵⁵⁷: «8 августа (1907 года) к нам на Афон из России приехал наш настоятель иеросхимонах Петр, которого вся братия встретила с великой радостью. Еще накануне приезда настоятеля все готовились к его встрече: церковь убрали так, как ко дню Святой Пасхи; от церкви и до самой порты дорогу выстлали лавровыми ветвями; а при появлении настоятеля у порты звонили во все колокола и стреляли из ружья; а по приходе настоятеля в церковь отслужили Господу благодарственный молебен за благополучное путешествие настоятеля. По окончании благодарственного молебна все приняли от настоятеля благословение и поздравили его с приездом»⁵⁵⁸.

О старце можно судить по его ученикам, как о дереве по его плодам, поэтому приведем отрывок из письма отца Ипатия (Фредерикса), в 1944 году посетившего келлию Белозерка и исповедовавшегося у любимого ученика отца Петра иеромонаха Дамиана: «Спрашиваю, могу ли я увидеть иеромонаха Дамиана. Вышедший из дверей

⁵⁵⁶ Троицкий П. В. Свято-Андреевский скит и русские келлии на Афоне. 2002. С. 44–45.

⁵⁵⁷ Иеродиакон Иоанникий (в миру Иван Семенович Погребеннов, он же Тарасов) уроженец села Романовка Балашовского уезда Саратовской губернии. Родился в 1888 году. Прибыл на Афон в 1906 году. Жил на келлии святителя Николая (Белозерка) Хиландарского монастыря. В августе 1909 года уехал в Россию для исполнения воинской повинности. В феврале 1911 года вернулся на Афон, жил в той же келлии, послушание проходил в канцелярии. 22 марта 1912 года был пострижен в рясофор с именем Иона, а 4 апреля 1913 года — в мантию с именем Иоанникий. Рукоположен в иеродиакона 18 апреля 1913 года. В августе 1914 года был призван на войну, при явке на место призыва в России как священнослужитель был освобожден от военной службы, но из-за войны не смог возвратиться на Афон. Жил по разным российским монастырям, на белозерском подворье в Одессе. Только 23 марта 1918 года смог вместе с беженцами выехать из Одессы на пароходе и 17 апреля того же года добраться до Афона. Жил вновь на Белозерке. Преставился в 1960 году. В архиве Руссика храниться его дневник (см. АРПМА. Док. № 482).

⁵⁵⁸ АРПМА. Док. № 482. С. 48.



Келлия Белозерка. Начало XX века

вторым старец смиренно посмотрел на меня, поклонился в пояс и, почти дотрагиваясь до пола, проговорил:

— Я, грешный Дамиан... Что, молитву прочитывать тебе надо?

— Да, батюшка, — отвечаю я. — И исповедоваться хотелось бы мне.

— Что ж, хорошо, хорошо, — поспешно заговорил старец, опять кланяясь, — пойдем с Божьего благословения ко мне в келейку.

Второй старец за это время куда-то исчез. Открыв одну из боковых дверей, отец Дамиан вывел меня в недлинный светлый коридор и, приоткрыв единственную дверь налево, в глубине его суетливо и благоговейно проговорил:

— Пожалуйста, пожалуйста, входите, вот обиталище мое.

Келья его в два окна невелика и убога. В двух углах около окон аналои и множество икон, среди которых немало старинных. Между окнами убогий обеденный столик, а у одной из боковых стен совсем бедная иноческая кровать, а чем она покрыта — один Бог знает. Все с той же богобоязненной суетой подвигает мне старец Дамиан старенький стул:

— Твое святое имя?

— Дмитрий, — отвечаю я.

— Садись, садись, брат Дмитрий, — смиренно говорит старец.

Это был когда-то худощавый инок, темный шатен и, видно, хорошего роста. Теперь борода его с сильной проседью, лицо худощавое, большое, впалые глаза, пронзительный взгляд, и все же никак нельзя дать ему его семидесяти лет.

— Ну, помолимся теперь, брат Димитрий! — снова говорит мне инок, кладя на аналое крест и Евангелие и надевая епитрахиль. Долго слушаю я не всегда знакомые слова молитвы... Наконец, отец Дамиан на секунду отрывается и передает мне печатный лист с надписью: «Короткая исповедь перед духовником». Покрывает мою голову епитрахилью и опять долго и проникновенно молится, ясно выговаривая каждое слово. Потом пристально смотрит мне в глаза и говорит, указывая на лист:

— Читай это громко, брат Димитрий!

Я читаю... Опять пристальный взгляд мне в глаза, и правой рукой престарелый инок сжимает мой лоб:

— Ну, а особые грехи, какие у тебя есть, брат Димитрий?

Я отвечаю:

— Много лет на исповеди не пришлось мне бывать. — Глаза старого исповедника широко раскрываются, рука, сжимавшая мой лоб, поднимается к его лбу, и он медленно и проникновенно крестится:

— Что ты, брат Димитрий? И как же это так? И почему же?

Я стараюсь объяснить свои переживания и здесь должен невольно коснуться своего второго еще большего греха. Опять рука отца Дамиана, коснувшаяся снова моего лба, поднимается, творя крестное знамение.

— Велик твой грех, брат Димитрий, — говорит старец, — но не отчаивайся, все мы люди, все мы грешны, один Бог безгрешен; а вот святой (и он назвал имя) тоже был тем же грешным, а творящий милостью Бог не только простил его, но причислил его к сподвижникам Своим... Веруй, брат Димитрий, в Него, и Он все тебе простит... Самое важное, что ты открыл Ему душу свою.

И снова накрыв глубже голову мою епитрахилью, прочитал разрешительную молитву.

— Батюшка! — говорю я, после исповеди чувствуя себя совершенно обновленным, — все же одно сомнение тревожит душу мою: тяжкие грехи разрешили вы мне сейчас, властью вам Богом данной. Но разве Богу угодно будет, если я снова буду грехи повторять? Что нужно делать, чтобы старый грех не возвратился бы?

Глаза старого исповедника смотрят на меня ласково и с такой бесстрастной любовью, что я невольно смущаюсь.

— Брат Димитрий, — тихим голосом, но, видимо, совершенно убежденный в правоте своих слов, говорит старец, — завтра ты причастишься, и ты сам тогда увидишь, какая сила родится в тебе для сокрушения соблазна, до сего часа тебя обуревающего!

Не только не могу не верить этим впервые за долгую жизнь услышанным откровенным словам, но тут же во мне появляется чувство глубочайшей уверенности, что иначе и быть не может... И эта сила зародилась... Да! Несомненно!.. И все мои интересы старые, мирские, мысли похотливые, деяния недостойные заменяются здесь, на благодатной почве Святой Афонской Горы, интересами новыми, духовными, мыслями здоровыми, деяниями, полезными душе и телу»⁵⁵⁹.

Отец Петр был частым гостем Руссика и имел дружеские и духовные отношения со старцами Пантелеимонова монастыря⁵⁶⁰. Многие афонские подвижники спрашивали у знаменитого старца советов о духовной жизни и о спасении.

Преставился отец Петр 16 мая 1925 года в окружении скорбящих о потере, но бесконечно благодарных ему своих чад.

Схимонах Илия (Аминский)

Схимонах Илия был уроженцем Каменец-Подольской губернии. Этот образованнейший и умнейший человек, бывший заведующий на заводах Терещенко, заработавший себе большое состояние и достигший уважения и славы в обществе, вдруг решил бросить все и стать монахом. Чтобы дорогой читатель смог хорошо представить себе от чего отказался Илья Аминский, приведем краткую опись хозяйства Терещенко за 1897 год, которым он единолично заведовал: «На пшеничных и сахарных плантациях и заводах Терещенко рабочий скот состоит из 1500 волов, 600 лошадей; мертвый инвентарь превосходит 2000 машин и орудий. Ежегодно продается пшеницы на 500 000 рублей [в пересчете на современные деньги это около 5 миллиардов долларов]. Свекловица идет на свой сахарный завод»⁵⁶¹.

Некоторые могут подумать, что, отказавшись от всего этого, он сошел с ума, но последующая его жизнь абсолютно точно доказывает, что он был в здравом уме и твердой памяти. Объяснение его поступку одно — милость Божья повернула его в сторону благодати и побудила его искать свое новое рождение свыше.

⁵⁵⁹ АРПМА. Док. № 465. С. 85.

⁵⁶⁰ АРПМА. Док. № 3890.

⁵⁶¹ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Т. 2. М., 1897.

Илья прибыл на Афон в 1904 году и в Русском Пантелеимоновом монастыре после исповеди у отца Агафадора (Буданова) попросил благословения жить не в монастыре, а в лесу, принадлежащем обители. И, хотя некоторые руководители экономской части обители уже имели свои планы насчет него, видя в его глазах полную решимость, старец Агафодор дал ему благословение жить в лесу. Он действительно отказался от всяких, даже элементарных условий для жизни и следующие 30 лет жил как зверь в лесу. Он не имел дома — жил под камнем; не варил себе пищу — ел траву и плоды; не менял одежду, хотя рухлядь еле прикрывала его тело; не мылся и не лечился, хотя ему было уже под 80 лет, и, что самое важное, никогда не разговаривал. При случайной встрече с людьми падал на колени и, приклонив голову до земли, не выпрямлялся, пока не оставался один. Та единственная фотография, которая по Промыслу Божьему осталась после него, была сделана в 1919 году под полицейским принуждением по требованию новых греческих властей. Тогда же отец Агафодор постриг его в схиму с именем Илии.

Надо отметить, что похожий подвиг несли многие другие русские монахи на Афоне, их называли сиромашами. Скажем несколько слов о некоторых из них. Схииеромонах Мефодий⁵⁶², бывший насельник Соловецкого монастыря, жил на Григорьевской* келлии и часто скрывался от людей под огромным камнем в пещере. Схимонах Севастиан, который жил около Ватопедского монастыря, у моря в пещере и, как сообщает отец Селевкий (Трофимов): «...жил как птица, в совершенном нестяжании. В келье ничего не имел. Пропитание получал от рукоделия и всегда пребывал весел и радостен. О земном никакого не имел попечения, но весь был погружен во Едином Боге»⁵⁶³. Схимонах Феоклит жил в искусно высеченной пещере высоко в прибрежной скале, состоящей из двух отделений, где его однажды пытался навестить Великий Князь Алексей Александрович при посещении им Святой Горы в июне 1867 года. Проезжая Афон берегом, он изволил обратить внимание на пещеру и пожелал осмотреть ее, но, к сожалению, на этот раз обитателя ее не было дома — он ушел за сухарями в Руссик, и вход в пещеру был замкнут⁵⁶⁴. Схимонах Гавриил⁵⁶⁵, который имел

⁵⁶² В монашество вступил в Соловецком монастыре, где был пострижен в мантию с именем Моисей, там же был рукоположен в иеромонаха. На Афоне сначала жил в Ксенофоновском скиту. В 1942 году поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, восстановил церковь Григорьевской келлии, где жил до смерти. Преставился 31 февраля 1843 года.

⁵⁶³ Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии... Часть 4-я, Москва, 1856. С. 258.

⁵⁶⁴ Денасий (Юшков), схимонах. Заметки русского инок-афонца о своем путешествии по святогорским обителям // Душеполезный собеседник за 1890 год. М., 1890. С. 116.

⁵⁶⁵ Схимонах Гавриил (в миру Гавриил Иларионович Ходаков) бывший мещанин из города Сумы Харьковской губернии. Имя матери — Домникия. Родился в 1833 году. Прибыл на Афон и поступил в Руссик в 1871 году. Жил на каливе в Капсале, где был пострижен в мантию и в схиму. Перешел в Руссик 1 августа 1878 года. Послушание проходил канонархом, а после подвизался под камнем. Преставился 26 июня 1916 года.



собственноручно под камнем выстроенную каливу выше ближней Георгиевской келлии и жил там один более 35 лет. Так же подвизался Монах Трофим⁵⁶⁶, о котором отец Владимир (Колесников) пишет следующее: «Жил почти на открытом воздухе в лесу, на крошечной ливадке: на кустах положена плита, которая служит аналоем, а около нее он, сидя, спит. Стоит кувшин с водой. Тут же, в сухом потоке, к одной стороне потока приложена маленькая стенка, кое-чем накрыта, с отверстием, в которое только едва можно пролезть и сидеть в этой конуре, а встать нельзя и едва можно повернуться, приклеены образа, картинки, плита вместо столика, на которой лежит славянская Библия и сиденье тоже плита. Конурку эту нельзя приметить, если и рядом пройдешь. В ней он читает книги и молится и иногда пишет свои духовные

мысли тут же, на открытом воздухе, где тоже плита вместо стола. Говорит очень хорошо, и, как видно, молитва постоянная, отчего имеет благодатное просвещение»⁵⁶⁷.

А о другом схимонахе, Гаврииле⁵⁶⁸, тот же отец Владимир сообщает нам следующее: «Вел жизнь странническую, не имел приюта, а жил кое-где в лесу, в пещерах и так, кажется, лет 50 провел на Афоне от Севастопольской войны. Голова всегда острижена наголо, пребывал большей частью на нашей земле под открытым небом, кушал где придется. Часто приходилось встречать его в лесу, нрава тихого, говорил мало, но кротко и обстоятельно. Одежду имел самую убогую и почти всегда был без шапки»⁵⁶⁹.

⁵⁶⁶ Схимонах Трофим (в миру Тимофей Евдокимович Коломиец) бывший запасной унтер-офицер из села Брагинец Озарянской волости Лохвицкого уезда Полтавской губернии. Родился в 1861 году. Прибыл на Афон 7 июня 1889 года, принят в Руссик 1 января 1890 года, пострижен в рясофор 8 марта 1893 года, в мантию — 7 марта 1895 года. Преставился 7 сентября 1931 года.

⁵⁶⁷ АРПМА. Док. № 300. С. 23.

⁵⁶⁸ Схимонах Гавриил (в миру Борис Филиппович Пученкин) — бывший крестьянин села Ерофеевка Ивановской волости Тамбовской губернии и уезда. Пустынник. Преставился в больнице Андреевского скита 18 сентября 1909 года в возрасте 85 лет и был погребен на скитском кладбище.

⁵⁶⁹ АРПМА. Док. № 321. С. 141.

Отец Владимир сообщает нам также о схимонахе Зосиме, который «вел скитальческую жизнь около Старого Руссика в лесу, босой и в легкой одежде зимой в самое холодное время, кушал у порты*, не говорил ни с кем ни слова. В последние годы ходил в наклонном положении, так что рукой до земли можно достать»⁵⁷⁰.

Схимонах Вениамин⁵⁷¹ устроил себе каливу на высокой скале (столпе), что на дороге к Старому Руссику, и жил там почти 15 лет. А схимонах Аввакир⁵⁷² жил в дупле дуба, в им самим выстроенной в нем крошечной каливке.

Сравнивая вышеперечисленные жития с отшельнической жизнью отца Илии, в глаза бросается по крайней мере следующее: во-первых, он, в отличие от других, с несравнимо более высокой ступени социальной лестницы опустил самого себя как бы вниз. Не имея почти ничего, сравнительно легко можно вступить на путь нестяжания, но невероятно трудно добровольно отказаться от славы и богатства. Во-вторых, все старались создать себе хоть какие-нибудь условия для жизни, а отец Илия сознательно уподобился зверю: если других можно было хоть где-нибудь посетить, то его можно было встретить только случайно в лесу.

Отец Флегонт (Лебедев), изумленный невероятным подвигом отца Илии, в день его кончины скупо, но выразительно отметил в своем дневнике: «Великий подвижник, 30 лет прожил под камнем»⁵⁷³. Сумасшедший не может молчать 30 лет, безумный не встанет на колени в ожидании одиночества, и даже не может заставить себя мерзнуть, когда есть удобный случай бесплатно согреться, нет! Только разумный человек может совершить такие подвиги. Вопрос только в цели этих действий. И кто понимает величие цели, тот не может не склонить головы пред этим воистину великим подвижником. Есть подвиг инстинктивный, есть подвиг чувственный, и, как бы ни были они велики, они не могут сравниться с подвигом разумным, осмысленным.

⁵⁷⁰ АРПМА. Док. № 319. С. 340.

⁵⁷¹ Схимонах Вениамин (в миру Виктор Владимирович Горлов) — бывший крестьянин Щигровского уезда Курской губернии. Родился в 1838 году, рост средний, волосы рыжие, глаза серые. Прибыл на Афон и поступил в Руссик в 1879 году, пострижен в мантию 15 декабря 1883 года, в схиму — 15 апреля 1888 года. Послушание проходил на Чумбуре, на старой мельнице, в хлебном магазине, гробокопателем, последние 15 лет жил под камнем в полном затворе. Преставился 26 апреля 1905 года.

⁵⁷² Схимонах Аввакир (в миру Артемий Семенович Петров Кучеренко) — бывший крестьянин Павлоградского уезда Екатеринославской губернии. Имя матери — Татьяна. Родился в 1844 году. Прибыл на Афон в 1863 году. До 1870 года жил на Троицкой келлии монастыря Ставроникита у иеросхимонаха Доримедонта, где был пострижен в мантию с именем Аверкий. После смерти отца Доримедонта поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона на Георгиевскую келлию. После 1876 года перешел в сам Руссик. Пострижен в схиму 4 апреля 1878 года. Послушание проходил уставщиком, певчим. Последние годы подвизался близ Старого Руссика в лесу в дубе. Преставился 18 января 1916 года.

⁵⁷³ АРПМА. Док.: № 212. С. 558; № 231. С. 670.



Да, бросаться на амбразуру ради спасения друзей, если даже человек в состоянии аффекта, безусловно, великий поступок, но несравненно выше подвиг: ради любви к Богу и людям тридцать лет мерзнуть под камнем и не соблазниться «теплотой» мира. Если первый поступок еще возможно сотворить человеку, то второго не может сделать ни одно человеческое существо, если в нем явно не присутствует Сам Творец.

Невороятный подвиг отца Илии вызывал и невороятную зависть некоторых духовно слепых людей, и они прилагали все усилия, чтобы остановить его. Но невозможно осилить благодать, Божественная любовь всесильна, ее не может победить человеческое жестокосердие. Вот что пишет об этом в своем дневнике 20 октября 1918 года иеросхимонах Владимир (Колесников): «Сегодня отец Григорий встретил живущего под камнем, без всякого крова, недалеко от бычков пустытника Илию. Застал его ядущим каштаны. Много ему приходилось терпеть от некоторых, считавших его еретиком, кураджи*, по чьему-то велению выгоняли его с боем, однажды жестоко побили, так что он не мог идти и пролежал в Ксиропотамском овраге 14 дней без пищи, пока не нашел его ихний кураджи, взял его в Ксиропотам, и там доктор помог ему. Гонение большое, но он опять под камнем. Он каждую неделю исповедуется у нашего духовника отца Аммона и причащается Святых Таин. Живет, никому не мешая, в трущобе. За что гонения? Бог весть»⁵⁷⁴.

Преставился ко Господу отец Илия 13 сентября 1932 года, от роду около 80 лет, сидя под камнем. За те 28 лет, пока он находился в лесу, в России случились две революции, царская Россия исчезла, отгремели и Мировая и гражданская войны, а он ничего об этом не узнал, но зато он узнал самое важное для человека, что этот мир — «суета сует», а вечность — наша истинная Родина. И когда одни, возбужденные собственным тщеславием люди на гребнях исторических волнений вершили судьбы других людей, где-то в центре Европы, в лесу под камнем, сидел человек и молился Богу о спасении и тех и других.

⁵⁷⁴ АРПМА. Док. № 4067. С. 174.

Схимонах Вениамин (Малышев)

Схимонах Вениамин (в миру Василий Антонович Малышев) родился в 1865 году в крестьянской семье из Орловского уезда Вятской губернии.

В 1884 году 19-летний Василий поехал в Иерусалим и на Афон для поклонения христианским святыням. Прибыв на Афон и увидев там высокий образ монашеского жития, он решил остаться здесь навсегда и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона. 12 апреля 1886 года он был пострижен в рясофор с именем Вениамин. Послушание проходил в трапезной, на кунаке в Карее. 23 апреля 1887 года вышел из обители в Россию и поступил в Тихоновскую пустынь, но в 1890 году вернулся на Афон и поселился в отшельнической хижине на Калиагре*, где в полном затворе провел более 40 лет, здесь же он был пострижен в схиму с тем же именем.

Отец Флегонт (Лебедев) в своих дневниках называет его «знаменитым калиагрским отшельником». А иеромонах Серафим из Владимировки пишет о нем так: «Отец Вениамин уже сорок лет жительствует на Святой Горе. Строгий аскет, творец молитвы Иисусовой, он стяжал от Бога необыкновенный мир души. Никто так не умеет утешить и уврачевать скорби душевные, как благодостный старец Вениамин... Немало ныне скорбей на Афоне, и любят иноки сходить отвести душу на пустыньку доброго батюшки отца Вениамина...

Отец Вениамин более светлого взгляда на будущее России. Он все же надеется, что Господь *«Не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ»* (Пс. 102).



А коли не спасется Россия, то весь мир погибнет, и будет кончина света, ибо передать наследие «Царствия» некому, — четвертому Риму не бывать!»⁵⁷⁵

«Миссия новой России — принести истинную, христианскую духовность в мир. Она не силой оружия и дипломатических ухищрений будет добиваться распространения своего духовного и культурного влияния на мир, а любовью, святостью и изысканностью будет «завоевывать» сердца всех людей мира. Нет народа на Земле, имевшего более глубокую и тонкую душу, чем русский, но наша исключительная духовность — это не русская заслуга, а благословение Бога, а значит, и великая ответственность перед Богом и всем миром. Да, мы потеряли империю, но возрожденная Россия создаст новую империю христианской любви. Из ее недр выйдет та позитивная и творческая духовная энергия, которая на основе учения Христа полностью преобразует будущую человеческую цивилизацию»⁵⁷⁶.

Духовными чадами отца Вениамина были многие подвижники Афона. Среди них настоятель Ильинского скита отец Иоанн (Гетманенко), духовник Руссика отец Агафодор (Буданов)⁵⁷⁷ и многие другие. Он был одним из главных противников имябожнического учения, но выступал против открытого противостояния афонцев друг против друга, а своих чад призывал не вступать в богословские рассуждения с имяславцами и не противопоставлять себя заблудшим, поэтому все его ученики избежали соблазна участия в спорах на эту тему.

С 28 сентября 1932 года уже тяжело больной отец Вениамин жил в больнице Руссика. Отец Сафроний (Сахаров) об этом сообщает следующее: «Незадолго перед своей кончиной отец Вениамин из пустыни приехал в монастырь святого Пантелеимона. Он заболел водянкой и слег в больницу...

Вскоре после своего приезда отец Вениамин был у отца Силуана, и они имели большую, продолжительную и очень важную беседу. На другой день нам пришлось посетить его в больнице. Он весь был под впечатлением беседы с отцом Силуаном и много раз с нескрываемым чувством удивления и благодарности повторял: «Какого друга дал мне Господь!.. Вы знаете, как он все раскрыл во мне... Потом дал мне три указания. Несколько раз повторил их, чтобы я не забыл, и в заключение добавил строго, как бы большой гвоздь вбил: «Если не сделаешь так, как говорю, то не спасешься»».

По всему было видно, что эта встреча с отцом Силуаном для отца Вениамина была большим откровением...

⁵⁷⁵ Серафим, иеромонах. На Св. Афоне пасхальными днями 1931 года // Православный русский календарь за 1932 год. Владимировка, 1931. С. 46.

⁵⁷⁶ АРПМА. Док. № 4058. С. 22.

⁵⁷⁷ АРПМА. Док. № 1724.

Мы провели у отца Вениамина около часа, все это время он был очень сосредоточен и ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить и много раз повторял: «Какого друга дал мне Господь!»

Так, только под конец своей жизни он узнал, кто был Силуан. Прежде он относился к нему хотя и очень дружелюбно, однако несколько снисходительно, как к хорошему монаху, но все же младшему»⁵⁷⁸.

Преставился отец Вениамин 2 марта 1933 года в больнице Руссика и был похоронен на братском кладбище.



Иеросхимонах Мелхиседек (Дмитриенко)

Иеросхимонах Мелхиседек (в миру Максим Дамианович Дмитриенко) родился в 1862 году в одном сел Грайворонского уезда Курской губернии в крестьянской семье.

В 1884 году Максим прибыл на Афон и поступил в монастырь святого великомученика Пантелеимона, где 17 марта 1887 года был пострижен в рясофор с именем Мелетий. Послушание проходил на Крумице, на монастырских виноградниках.

В 1888 году по благословению своего духовника иеромонаха Андрея (Веревкина) — будущего игумена отец Мелетий взял на себя подвиг безмолвия и поселился вместе с монахом Антонием (Пшеничным) на келлии святых Архангелов, которая находилась в гористой местности на Капсале. Здесь он прожил почти полвека в полном безмолвии, не отлучаясь никуда. Здесь же он был пострижен в схиму и рукоположен в иеромонаха.

Отец Мелхиседек был одарен Богом многочисленными добродетелями, которые засвидетельствованы многими насельниками Афона. Всеобщие были известны его прозорливость, дар предсказания и чудотворения. Отец Владимир (Колесников) в своем

⁵⁷⁸ Софроний (Сахаров), архимандрит. Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 56.

дневнике приводит некоторые свидетельства об отце Мелхиседеке: «Отец Феоктист утверждает, что он высокой духовной жизни и прозорливец. Отец Никострат говорит, будто он прославился замечательной духовной жизнью... и ему открыт духовный мир, по ночам всегда бодрствует, ибо в это время демоны очень восстают на христиан.

3 июля 1904 года отец Феоктист, который опять был у отца Мелхиседека, все говорит о его духовности и предвидении, например о войне (Русско-японской), что после японской начнется здесь [на Балканах], а потом и другая, всемирная война. Говорит, как он исправил многих находившихся в прелести и под влиянием бесов»⁵⁷⁹.

Позже, как бы желая самому удостовериться в рассказанном ему, отец Владимир сам отправляется на встречу с отцом Мелхиседеком: «Утром 5 мая (1906 года), в пятницу, захотелось мне посетить иеромонаха отца Мелхиседека, известного по духовной жизни... Он принял меня радушно, и незаметно в разговорах мы провели четыре часа. Много назидательного и интересного он говорил из опыта. Видно, что раб Божий»⁵⁸⁰.

О высокой духовности отца Мелхиседека свидетельствовал и преподобный Кукша, который до поступления в Руссик был у него на послушании. В его житии говорится: «Духовным отцом отца Ксенофонта [преподобного Кукши Одесского] был духоносный старец, подвижник отец Мелхиседек, который подвизался отшельником в горах. Отец Мелхиседек был монахом высокой духовной жизни. Однажды, стоя на молитве, старец и его духовный сын услышали в ночной тишине приближение свадебного кортежа: топот конских копыт, игру на гармошке, веселое пение, хохот, свист...

— Отче, откуда здесь свадьба?

— Это гости едут, надо их встретить.

Старец взял крест, святую воду, четки и, выйдя из кельи, окропил вокруг нее святой водой. Читая крещенский тропарь, он на все стороны осенил Крестом — сразу сделалось тихо, как будто не было никакого шума. Видимо, старцу эти явления были обычны и нисколько не смущали его.

Под его мудрым окормлением и монах Ксенофонт в недолгое время сподобился стяжать все иноческие добродетели и преуспел в духовном делании, но [скоро отцу Ксенофонту из-за имябожнических споров пришлось уехать с Афона].

Накануне отъезда отец Ксенофонт побежал в пустыньку к своему духовному отцу и сказал:

— Отче, я никуда не поеду! Вот лягу под лодку или под камнем и умру здесь, на Афоне!

⁵⁷⁹ АРПМА. Док.: № 300. С. 6, 118; № 302. С. 104.

⁵⁸⁰ АРПМА. Док. № 316. С. 125.

— Нет, чадо, — возразил старец, — так Богу угодно, чтобы ты жил в России, там надо спасать людей.

Затем вывел его из кельи и спросил:

— Хочешь увидеть, как стихии покоятся человеку?

— Хочу, отче.

— Тогда смотри, — старец перекрестил темное ночное небо, и оно стало светлым, перекрестил еще раз — оно как



береста свернулось, и отец Ксенофонт увидел Господа во всей славе и в окружении сонма ангелов и всех святых. Что они видели, слышали и что им было возвещено, батюшка Кукша, рассказывая об этом впоследствии, не поведал. А тогда он закрыл лицо руками, упал на землю и закричал:

— Отче, мне страшно!

Через некоторое мгновение старец произнес:

— Вставай, не бойся.

Отец Кукша поднялся с земли — небо было обычным, на нем по-прежнему мерцали звезды. Так батюшка [преподобный Кукша], уезжая с Афона, был утешен и удостоен Божественных откровений»⁵⁸¹.

Чудным Промыслом Божьим два игумена Руссика, отец Андрей (Веревкин) и отец Иеремия (Алехин), нынешний игумен, именно через отца Мелхиседека и отца Кукшу были духовно породнены. Дело в том, что отец Андрей до самой своей смерти оставался духовным отцом отца Мелхиседека: он его благословил на пустынножителство, и он его впоследствии поддерживал как духовно, так и материально. И отца Кукшу он принял в обитель именно по рекомендации отца Мелхиседека. Преподобный Кукша же до конца жизни оставался преданным учению и опыту своего афонского духовника отца Мелхиседека. Он всегда с трепетом вспоминал детали общения с этим великим подвижником. Отец Иеремия же, еще живший в России в Одесском монастыре, был келейником преподобного Кукши и непосредственно от него перенял все [тонкости] особенности афонского подвижничества и явился непосредственным духовным наследником великих старцев Руссика.

Дата смерти отца Мелхиседека не установлена, но, по всей видимости, он умер в больнице Руссика в конце 30-х годов.

⁵⁸¹ Житие преподобного Кукши Одесского. Одесса, 1996. С. 8.

Иеросхимонах Герасим (Попов)



Иеросхимонах Герасим⁵⁸² (в миру Глеб Петрович Попов) родился 24 июня 1859 года в крестьянской семье в селе Рожковеч Орловской губернии. Впоследствии семья его переехала в село Правокумское Новогригорьевского уезда Ставропольской губернии. Образование Глеб получил домашнее и с детства имел склонность к монашеской жизни. Прожив до 23-летнего возраста в кругу своих родных, он отправился на Святую Гору.

На Афон он прибыл 8 ноября 1882 года. Сначала жил на келлии святого Иоанна Предтечи, у старца Никанора (Кашина)⁵⁸³, где 10 декабря 1882 года был пострижен в мантию с именем Герасим, а 8 ноября 1886 года был рукоположен в иеромонаха.

С самого своего поступления в обитель отец Герасим был назначен наместником. Эту должность он занимал до смерти

⁵⁸² Жизнеописание составлено по книге: Павловский А. Русская обитель Иоанна Богослова (Хиландарского монастыря) на Св. Горе Афон. М., 1904.

⁵⁸³ Иеросхимонах Никанор (в миру Николай Дмитриевич Кашин) был уроженцем Велико-Николаевской волости Шенкурского уезда Архангельской губернии. Его мать после смерти своего мужа, отца будущего монаха, проживала в Шенкурском женском монастыре, где впоследствии и умерла. Учился Николай в Архангельской гимназии. Еще во время учебы он часто задумывался о поступлении в монахи. В 1877 году Николай прибыл на Афон. Первоначально поступил в келлию Казанской иконы Божией Матери, где был пострижен в мантию под именем Никанор. Через пять лет по благословению своего старца он перешел в русскую келлию святого Иоанна Предтечи Хиландарского монастыря, где вскоре стал старцем келлии. 20 июля 1883 года за его труд по возобновлению обители Хиландарский монастырь возвел его в сан иеромонаха. Преставился в 1895 году.

своего старца с примерной ревностью и в больших трудах и заботах о делах обители. Все принесенное с собой состояние он употребил на ее благоустройство. После смерти старца Никанора он стал настоятелем келлии. Вскоре братство увеличилось, и не стало хватать помещений. А из-за нехватки земли невозможно было строить новый корпус. Поэтому часть братства должна был переехать в другую обитель. Хиландарский монастырь, имея недалеко от Кареи свою пустынную обитель во имя святого Иоанна Богослова, предложил ему эту келлию. 8 ноября 1896 он с братией переехал туда и стал настоятелем этой келлии.

Новая обитель требовала полной реставрации. Отец Герасим принялся первым делом за обновление храма. Работы начались с весны 1897 года, а освящение состоялось 8 мая 1902 года. В это же время происходили исправления старых зданий под братские помещения и другие хозяйственные постройки. В мае 1904 года было освящено четырехэтажное каменное здание, большая часть которого была отдана под больницу.

Во время настоятельства отца Герасима количество братии достигло 80 человек, и они все как один находились под духовным руководством отца Герасима. Он для них был любвеобильным и заботливым отцом.

Отец Флегонт (Лебедев) в своем дневнике так характеризует отца Герасима: «Много начитанный, строгий подвижник и гостеприимный»⁵⁸⁴.

Частые волнения и войны на Востоке «побудили отца Герасима поискать в своем Отечестве более тихого и уютного местечка для служения Господу, куда можно было бы удалиться с братией в тяжелые времена. Такое место нашлось на Кавказе. С помощью директора Кавказских минеральных вод генерала Хвоцинского отцу Герасиму была отведена земля у подножия горы Бештау с условием устроить школу для детей бедных жителей местного населения. От Святейшего Синода последовало разрешение на право открытия мужского монастыря под названием «Второ-Афонско-Успенский мужской монастырь»⁵⁸⁵. Он находился «рядом с Пятигорском, в семи верстах от него»⁵⁸⁶.

«В 1905 году, во время революционных событий на Кавказе, на монастырь было совершено нападение, во время которого сожгли корпус с церковью. Когда все утихло, отец Герасим с присущей ему энергией вновь начал строить церковь и другие корпуса, которые были освящены в день Успения Богоматери в 1906 году»⁵⁸⁷.

В дневнике иеросхимонаха Владимира (Колесникова) имеется запись о создании этого монастыря, где излагается версия, рассказанная ему монахом Иоанном

⁵⁸⁴ АРПМА. Док. № 212. С. 574.

⁵⁸⁵ Павловский А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Н. Новгород, 1907. Прилож. С. 44.

⁵⁸⁶ Там же. С. 51

⁵⁸⁷ Там же. С. 53.



Иоанно-Богословская келлия. Начало XX века

(Кулешовым): «Интересен рассказ его о возникновении монастыря близ Пятигорска, устраиваемого иеромонахом Герасимом (Поповым), старцем афонской келлии св. Иоанна Богослова. 25 лет назад на этом месте был только сенокос на земле, принадлежащей одной русской госпоже. Отец Иоанн, тогда в миру Иосиф, 17-летним мальчиком участвовал в этом сенокосе, по слабости плохо косил, а по духовному настроению более молился, и другие косари называли его архимандритом. Однажды он молился в кустах, в это время приехала госпожа, увидела его, но он не заметил и продолжал молиться. Она обратила на это внимание, взяла его с собой и заметила особое благодатное его устроение. На все ее вопросы он почему-то молился и на вопрос, что на этом месте будет, он ответил: «Монастырь». И сказал это как-то безотчетно. Прошло 20 лет, а на том месте все еще было поле. Герасим жил у отца Иоанна в доме работником и был очень религиозен, и отец Иоанн почти насильно проводил его на Афон, куда и сам после приехал и жил вместе с ним. И вот более пяти лет назад зашел разговор об устройстве монастыря в России, а Иоанн вспомнил место и госпожу, указал на это место Герасиму, и тот, конечно, по воле Божьей сумел все сделать. И вот через 20 лет началось основание обители, а теперь (в 1908 году) уже

стоит великолепный монастырь. Отец Иоанн говорит, что эта госпожа-ктиторша еще тогда же оградила место и поставила крест, где он молился, тут теперь престол храма, и она пожелала сделать вырезанную надпись, что на этом месте тогда-то молился такой-то раб Божий Иосиф»⁵⁸⁸.

С началом Первой мировой войны, естественно, всякие связи с Россией прекратились, и отец Герасим полностью сконцентрировался на братии своей Богословской келлии. Отныне их духовное окормление стало его главным делом, в чем очень преуспел и заслужил большую любовь своих подопечных.

Преставился отец Герасим 13 октября 1933 года, от роду 74 лет, в построенном им Богословской келлии, в окружении искренне любящих его чад.

Схимонах Иоанн (Кулешов)

Схимонах Иоанн (в миру Иосиф Кулешов) родился в 1862 году в крестьянской семье в Ставропольской губернии.

В детстве он был задумчивым мальчиком и постоянно молился, за что соседи его прозвали архимандритом. На его особый духовный настрой обратила внимание его госпожа, и она взяла его с собой в свое имение и отдала для духовного воспитания местному священнику. Уже с 17 лет Иосиф начал скитаться по святым местам России. После долгих скитаний Иосиф вернулся домой с целью навсегда попрощаться с родными и поехать на Афон. Здесь, на родине, он познакомился с рабом Божиим Глебом, который был работником и был очень религиозен, и Иосиф своими рассказами об Афоне возбудил в нем желание тоже поехать на Афон. Глеб впоследствии стал настоятелем келлии святого Иоанна Богослова.

Вскоре, в 1885 году, Иосиф и сам приехал на Афон. Сначала он жил у своего старого приятеля старца Герасима (Попова) на Богословской келлии, где он был пострижен в мантию с именем Иоанн. После смерти старца Архангельской келлии Ставроникитского монастыря братия этой келлии пригласила отца Иоанна к себе старцем и наставником. Он согласился, но его конечной целью были полное безмолвие и затворничество, поэтому он оставил многозаботливый подвиг старчества и в 1910 году перешел в маленькую каливу на территории Ставроникитского монастыря, где до конца жизни жил один.

⁵⁸⁸ АРПМА. Док. № 319. С 294.

Интересная запись о нем имеется у отца Владимира (Колесникова): «Отец Герасим оказывал ему помощь (на новой каливе), посылая постоянно хлеб. Три года назад однажды не было у него хлеба, пришел он к Герасиму, но ему почему-то отказали. Тогда Герасим во сне слышит голос: «Почему Ивану не дали хлеба?» Он проснулся, не обратил, однако, на это внимания и, заснув, опять услышал тот же голос. Тогда он пошел к хлебнику и, узнав об отказе, спросил, сколько есть хлебов, ему сказали: четыре, потом справились — видят, только три. Он велел один послать Ивану. Когда принесли этот хлеб, то оказалось, что уже получен целый хлеб, который принес старик-сиромас, а ему дал какой-то юноша и велел передать, и юноша был какой-то необыкновенный. Когда сообщили Герасиму, он тогда же ночью во втором часу поехал к отцу Иоанну, попросил прощения и начал служить бдение св. Архангелу Михаилу. Конечно, юноша был никто иной, как Архангел, который чудесно передал четвертый исчезнувший хлеб через сиромаса нуждавшемуся отцу Иоанну»⁵⁸⁹.

Отец Иоанн был большим авторитетом для всех пустынножителей Афона: когда Братство русских келиотов решило преподнести сербскому королю икону от имени всех афонских отшельников, то единогласно выбор пал на отца Иоанна. «В августе 1915 года он возил сербскому королю Петру икону от лица афонских пустынников и получил за это на ленте крест»⁵⁹⁰.

День смерти отца Иоанна не установлен, но это могло случиться только после 1919 года, так как в списках келиотов 1919 года он упоминается как живой.

Иеросхимонах Феодосий (Харитонов)

Иеросхимонах Феодосий (в миру Василий Васильевич Харитонов) родился в 1869 году в Саратовской губернии. По окончании учебы в сельской школе Василий был взят на казенный счет в духовное училище. С этого момента начинается путь, которым прошли многие образованные русские иерархи, происходившие из крестьянства. Образование свое старец закончил в Казанской духовной академии. Затем пять лет был инспектором в Вологодской семинарии, но после оставил мир и ушел на Афон. Здесь началось другое серьезное и продолжительное учение.

На Афоне отец Феодосий (тогда еще Феофан) пошел путем русского келиотского монашества и поступил в знаменитую келлию святителя Николая, именуемую

⁵⁸⁹ АРПМА. Док. № 320. С. 5.

⁵⁹⁰ АРПМА. Док. № 329. С. 233.

Белозерка. Одному из своих учеников, схимонаху Никодиму, впоследствии старец поведал о своей борьбе только с одной страстью — гневом. Три года он неустанно боролся со своей страстью — гневом — и видел, что не мог победить ее. И тогда он отправился к известному подвижнику того времени, схиеродиакону Лукиану (Роеву), проживавшему в келие близ Пантелеимонова монастыря. Этот диакон, известный в Пантелеимоновом монастыре как живописец, ученик самого духовника Иеронима, был достоин такого выбора, потому что был очень суров по характеру и послушничество у него было лучшим способом для обретения смирения.



Будущий карулец старался терпеть все, но иногда впадал в уныние и слышал: «Ну что ты нюни распустил». Выдерживать будущему старцу такой искус удалось только полтора года.

Дальше путь его лежал в отшельнические места на Капсале. Здесь он проводил настоящую отшельническую жизнь, вкушая немного супа с сухарями и придерживаясь безмолвия. Но когда он по обыкновению прятался от посетителей, то вдруг услышал через дверь слова иеромонаха из Андреевского скита: «Не усидишь ты в своем безмолвии. Где твоя любовь к ближним?» Отец Феодосий задумался. Он решил осилить тот путь, которым не смог пройти, — снова вернулся к отцу Лукиану. На этот раз он выдержал только полгода. Старался все терпеть, но не выдержал. «Врачевахом Вавилона и не исцеле», — говорил его старец.

Будущий старец тогда совсем отчаялся: понял, что не может выдержать настоящего послушания, и решил испробовать братское житие, которое есть первая ступень к жизни отшельнической. Он организовал на Капсале нечто вроде маленького скита из трех монахов, которые каждую неделю из своей среды выбирали старшего и слушались его как игумена. Но самодельный скит скоро развалился. И подвижник решил проводить самостоятельную жизнь по-отшельнически, но прибегая к духовным советам старцев. Одним из таких старцев, к которому обращался отец Феодосий, был иеросхимонах по имени тоже Феодосий (умер он 25 мая 1903 года), достойный украсить историю Афона

не только своим происхождением, но и своей монашеской жизнью. Этот отец Феодосий был грузином и жил в грузинской келлии апостола и евангелиста Иоанна Богослова Иверского монастыря.

Отец Феофан прожил на Капсале, поучаясь у старцев, несколько лет, будучи вынужден часто менять келлии. Как-то он услышал, что в скиту Василия Великого, где начинал свой монашеский путь преподобный Паисий Величковский, есть старец, преуспевший в непрестанной молитве. Вскоре русский монах переселился на Катунки* и обрел великого учителя молитвы исихаста Калиника. Закончил же свое странствие по афонским келлиям отец Феодосий на Каруле. Здесь ему суждено было прожить достаточно долго, до самой смерти. Переселился он на Карулю в 1914 году, а отошел ко Господу 2 октября 1937 года. Троицкая келлия была построена на деньги, полученные от игумена Пантелеимонова монастыря Мисаила. Освящена в 1917 году. Второй придел посвящен Покрову Божией Матери. По просьбе жертвователей здесь 5 июля по старому стилю также особо праздновалась память преподобного Сергия Радонежского и преподобного Афанасия Афонского.

Очевидно, что период споров об имени Божьем застал отца Феодосия на Катунках. Ему пришлось сыграть немалую роль в этих спорах. Именно он ознакомил старца-безмолвника Каллиника с существом этих споров. Отец Каллиник написал небольшой труд по поводу этих споров, который, по преданию, так понравился нашему императору. <...> отец Феодосий тоже написал очерк против имябожников, за что ему была пожалована грамота от Священного Синода и подарен в благословение образ Всемиловитого Спаса»⁵⁹¹.

Отец Феодосий также составил историю Пантелеимонова монастыря⁵⁹². В монастырской библиотеке хранится также его рукопись «Учение Православной Церкви о Священном Предании и отношении ее к новому стилю», которая была несколько раз издана. Оставил он также свой молитвенный дневник, который под названием «Непрестанно молитесь! О молитве Иисусовой» был издан в Мюнхене в 1990 году. Его ученик схимонах Никодим Карульский оставил также много воспоминаний о своем старце.

16 июля 1919 года отец Феофан был пострижен в схиму с именем Феодосий.

По мнению современных патрологов, «старец Феодосий считается последним заметным представителем традиции старца Паисия Величковского, работы которого он переводил, а также преподобного Никодима Святогорца. Он объединял в себе

⁵⁹¹ Троицкий П. В. Афонские встречи. М., 2002. С. 52.

⁵⁹² Альманах «К Свету», выпуск № 18, 2000.

книжную образованность с аскетизмом, строгость со способностью к различению духов»⁵⁹³.

Отец Феодосий в первую очередь был молитвенником, выдающимся делателем Иисусовой молитвы. Интересны по этому поводу рассказы его ученика отца Никодима: «Я спросил старца: «Как мне теперь и после смерти вашей заниматься умной молитвой?» Он ответил: «Занимайся умной молитвой в покаянном духе, не ищи сладостей сердечных и видений умных по воображению, кроме случаев явной милости Божией к грешнику, подобно мытарю. Каким уже способом по отеческому преданию навыв творить умную молитву, с таким и оставайся. Только не привязывайся к нему. Не давай ему действовать самому по себе. Никакой особой цены сам способ не имеет. Считай его лишь простым способом, орудием твоим для собрания ума своего и приведения в чувство сердца своего. И благодатной силы к тому ожидай от Бога, дающего молитву молящемуся».

Потом, вскоре после этого, старец написал мне еще «Старческий завет и благословение». Вот он:

«Старческий завет и благословение. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И в честь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

1. Господь да простит тя, чадо, за все твои грехи прошедшие, настоящие и будущие, в коих будешь каяться духовнику после меня.

2. На сем основании веры и смирения твоего строй, с упованием на Бога, дом добродетелей разумным послушанием духовнику, с соблюдением моих старческих заповедей и посильным безмолвием с непрестанной молитвой ко Господу Спасителю: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

3. И покрой свой духовный дом венцом добродетели — любовью к Богу и ближнему, и да переселишься с ним в духовные небесные обители».

Получив от старца для себя такое благодеяние: заниматься художественной [умно-сердечной. — *Сост.*] молитвой с духовным завещанием, я зело возрадовался и не знал, как благодарить его. А уже в болезни пред кончиной своей он еще добавил: «Ну, теперь ты своим послушанием заслужил себе безмолвие внешнее, а о внутреннем позаботься сам, стяжать его усердным покаянием, после моей кончины. В пропитании и во всем необходимом Бог тебя не оставит»⁵⁹⁴.

Несмотря на труднодоступную местность Карули, к отцу Феодосию старались попасть почти все посетители Афона. Интересные воспоминания о таких встречах оставили нам известные писатели Б. Зайцев⁵⁹⁵ и Вл. Маевский.

⁵⁹³ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства // Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006 г. ПСТГУ, 2008. С. 150.

⁵⁹⁴ Никодим (Карульский), схимонах. Дневник о молитве.

⁵⁹⁵ Зайцев Б. Афон. Париж, 1928. С. 58.

Приведем полностью рассказ Вл. Маевского, так как он очень точно характеризует выдающего старца:

«Милости просим, дорогие гости! — прозвучал тихий приветливый голос. — Прощу вас... входите с Богом!

Это был прославленный афонский старец-отшельник, иеросхимонах отец Феодосий, в далеком прошлом воспитанник Казанской духовной академии и ее профессор. Впоследствии по глубокому духовному устремлению он удалился на Афон, а затем ушел в отшельничество на Карулю. Здесь, проводя время в посте и уединенной молитве, он не чуждался и богословских вопросов, углубляясь в них и ведя очень интересную полемическую переписку с выдающимися учеными богословами — митрополитом Антонием (Храповицким), профессором Н. Н. Глубоковским и др.

Я спустился в его крошечную, но чистенькую келейку и всецело погрузился в созерцание этого замечательного человека... Я старался понять отца Феодосия, присматривался внимательно и серьезно, боясь пропустить какое-либо его слово, какой-либо случайный ответ, и в то же время с истинным восхищением следил за его спокойными движениями и тихим светом его взгляда.

И, делая все эти наблюдения, я вскоре убедился в одной непреложной истине: тихий и приветливый старец отец Феодосий был человеком исключительным, необыкновенным, выходящим из ряда других людей по сочетанию тех добродетелей, какие так излучало от себя все его существо, казавшееся таким простым и несложным. Чистота душевная и телесная, целомудренное сердце, непоколебимая и горячая вера во все то, во что должен верить истинный подвижник, детская простота и полное доверие к людям — все это так и сквозило из слов и жестов старца. И не было никакого сомнения, что весь конгломерат добродетелей отца Феодосия был прочно спаян в одно прекрасное целое одним живительным цементом, а именно любовью о Христе, соединенной с незыблемой верностью Православию.

Нечего уже и упоминать о том, что старец, вероятно, приобретал свои неземные богатства ценой, далеко не легкой. Действительно, о его неусыпном трудолюбии, непрерывной молитве, полном нестяжательстве, высокой степени воздержания в пище и полном отсутствии честолюбия мне неоднократно рассказывали в разных афонских обителях.

«Батюшка Феодосий Карульский... это вода в чистом озере, — сказал один из святогорцев. — Чистая вода с зеркальной гладью... Вот это и есть отец Феодосий... А небеса-то Божьи в этом зеркале и отражаются... вот и все!»

...Улучив минуту, я снова удалился с отцом Феодосием, посвятившим мне целых два часа для личного собеседования.

Никогда, конечно, не забуду я этого разговора, оставившего неизгладимый след в моей душе на всю жизнь. Содержание и сущность ее я позволю себе, по вполне

понятным причинам, оставить в тайне даже от моих дорогих читателей, ибо вся моя беседа со старцем касалась вопросов исключительно моей личной жизни. Но как видел и как понимал отец Феодосий эту мою жизнь, протекающую от него столь далеко, среди мирской суеты!.. Какие простые и в то же время мудрые советы преподавал он мне из глубины своего афонского уединения!..

И тогда только понял я, какое великое благо представляет собой для христианского мира подлинное отшельничество и старчество во Христе, каких духовных высот могут достигнуть его истинные и достойные служители!

Затем отец Феодосий повел меня в свой крошечный храм-пещерку, и я простоял в нем всю вечерню, которую только чувство христианского благоговения не позволяет назвать сказочной, настолько сильно было своеобразное восхищение, охватившее все мое существо в минуты этого редкого богослужения.

Церковка, прилепившаяся к скале, не превышала 4–5 шагов в длину и ширину по своим размерам, гнездилась высоко над крутым скатом. Но что за чувства и настроения владели сердцем во время моей молитвы в этом храме!..

Когда вечерня закончилась, я не мог удержаться, чтобы не побеспокоить старца новой просьбой еще побеседовать со мной, что он и исполнил с прежней охотой и любовью.

Мы уселись у входа в келейку старца и, глядя на море и прильнувшие к скалам около каливы, стали беседовать как очень давние знакомые и друзья.

Я обратился с вопросом к отцу Феодосию: возможно ли спастись, живя в миру?..

Выслушав мой вопрос, старец немного задумался, а затем ласково сказал:

«В этом случае повторю лишь слова моего учителя, оптинского старца, который на подобный вопрос мудро ответил, что в своих решениях нужно руководствоваться здравым рассуждением, основывающимся на заповедях Господних... Но при этом нужно помнить, конечно, что и все добродетели крайне нужны тем, кои ищут Бога. Но мы знаем и то, — продолжал старец, — что многие измождали свои тела, удалялись в пустыню, усердно ревновали о трудах, любили нищету и, несмотря на все это, падали, склонившись во зло, и делались достойными осуждения. Причина этому, что они все не обладали добродетелью рассуждения и благоразумия, ибо эта добродетель направляет человека по прямому пути и удерживает его от уклонения.

Рассуждение есть око души и ее светильник... Рассуждение есть поэтому и главная добродетель, по определению святого Антония Великого, а потому нужно руководствоваться здравым рассуждением, основывающимся на заповедях Господних и на любви к ближним... Удалившись от мира и покинув семью, человек далеко не всегда находит покой душе своей. Подвиги нищеты и самоотвержения

могут привести к гордости и осуждению других и этим только отдалить от Бога... Вернитесь в дом свой, помогайте по усердию бедным, соблюдайте уставы Святой Церкви — и получите желанный мир в душе, и будете жить во славу Божию...» — таков совет высокой и практической мудрости преподан был мне, святогорскому паломнику»⁵⁹⁶.

Последние дни отца Феодосия и его смерть детально описал в своем дневнике отец Никодим: «Заболел старец, и я все время был занят с ним, и дневник писать некогда было, и так до смерти его 2 октября 1937 года. Так и после смерти старца как некому было показывать свой дневник, то я и прекратил писать его.

Болезнь старца началась с простуды. В своей безмолвной каливке он писал жития святых ежедневно, по два часа в сутки. Комнатка-то его маленькая, и потолок в ней низкий, после полудня воздух в ней нагревается, и старцу становилось душно. Чтобы избегнуть этой духоты, старец открывал два окна, одно против другого, делал сквозняк и на этом сквозняке просиживал по два часа, от этого и простудился. Простуда перешла внутрь, и открылась болезнь в желудке, а затем перешла в грудь, под ложечку. И пред кончиной старец за час до смерти, по прочтении мною молитвы ко причащению приставил уста свои ко мне и шепотом сказал: «Лобызаемся», — и мы поцеловались в знак прощения. Благословляя меня, он сказал: «Господь да благословит тебя, чадо, и укрепит, и сохранит, и в крайней нужде поможет». И кивком головы дал мне знак поторопить духовника, совершавшего Литургию, поскорей прийти, чтоб не опоздать до смерти причастить его.

Спустя 12 минут с молитвой умной, по «Страннику» (т. е. так, как советуется в книге «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»), он тихо скончался. В момент смерти я сидел с правой стороны старца, обняв левой рукой его сидячего, а правой слушал пульс его и молился с ним вместе, наблюдал, как, выдыхая из себя воздух, произносил он духом: «Помилуй мя». И вдруг заметил я, что пульс у старца остановился. Взглянув на лицо его, я видел, как он три раза с паузами вздохнул и скончался у меня на руках. По Божию благоволению это случилось в день Воскресения Господа Иисуса Христа, 2 октября 1937 года, на память святого блаженнаго Андрея, Христа ради юродивого, которому духом тайно он старался ревновать, одно время дерзнул и самим делом юродствовать... Много можно бы писать о старце, но мне, как ученику его, неприлично писать о старце своем...»

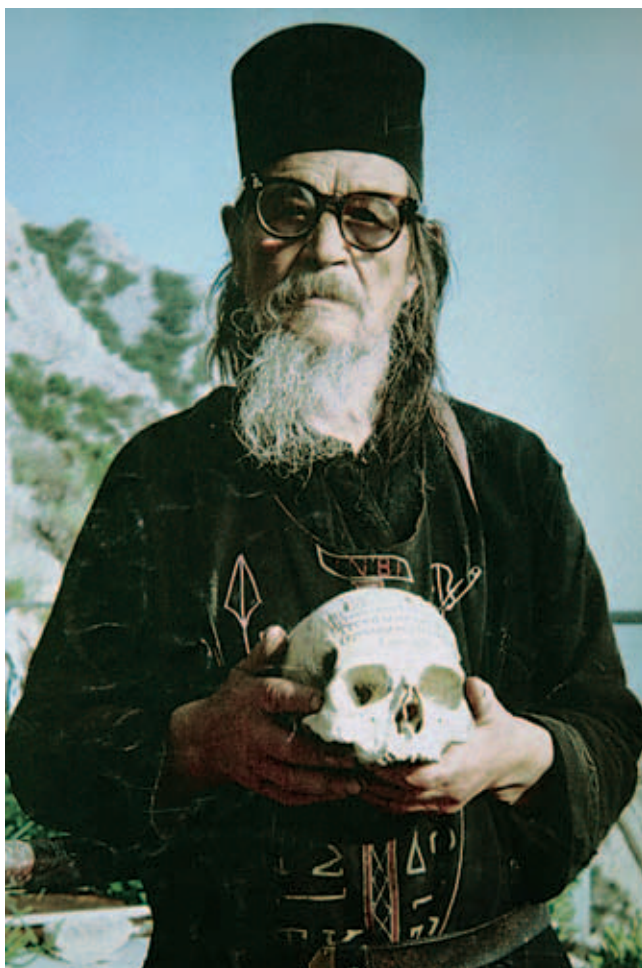
Преставился отец Феодосий 2 октября 1937 года.

⁵⁹⁶ Маевский В. Афонские рассказы. Париж, 1950. С. 103.

Схимонах Никодим⁵⁹⁷

Схимонах Никодим родился в 80-х годах XIX века в Рязанской губернии. Отец Никодим пришел на Афон еще юношей и там оставался до блаженной своей кончины. Первоначально он поселился в скиту Фиваида, а потом по благословению преподобного Силуана перешел на Карулю, где подвизались пустынножители. Там отец Никодим поступил в послушание к известному русскому ученому-отшельнику старцу Феодосию (Харитонову).

Всю жизнь свою подвизаясь на поприще непрестанной молитвы, старец Никодим значительно преуспел в этом деле. Но он никогда не гордился этим и не показывал перед другими свой духовный уровень. Особенно это видно из его молитвенного дневника, читая который можно подумать, что он написан новоначальным послушником, ибо старец Никодим здесь говорит преимущественно



о своих недостатках и по смирению умалчивает о своих достижениях. А ведь он к моменту начала ведения дневника уже имел большой молитвенный опыт, так как непрестанной молитвой он начал заниматься еще до прихода на Афон.

«Прожил под старцем вот уже 11 лет, — пишет смиренный старец, — а послушания настоящего, внутреннего, еще не стяжал, да и во внешнем-то не совсем исправен: очень горделив и ленив, а потому и молюсь плохо. Хотя и нравится мне Иисусова молитва, и я уже давно молюсь ею, навык и к художественному способу, по «Добротолюбию» и по «Откровенным рассказам странника...», но суета, к которой я пристрастился

⁵⁹⁷ Фотография взята из журнала «Русский Паломник». 2001 год, № 23, обложка.

помимо прямого послушания, к тому же и укоренившиеся страсти мои, чревоугодие и леность с саможалением, не дают мне вполне испытать образ умносердечной молитвы с художественными приемами, который, по некоторым моим действиям заметил я, очень полезен для собрания ума моего и приведения себя в чувство. Когда же удастся более-менее успокоиться и собраться в себя, отринув всякую суету, тогда становится легко молиться, и обычные страсти — леность, сон, не так сильно одолевают».

Но реальный духовный уровень отца Никодима ясно виден из его следующих слов: «Итак, желающему избавиться от этой невидимой и неоощущаемой беды своей душевной — прелести дьявольской и не быть мерзостью презренной, но быть благоуханием у Бога, прежде всего требуется хотя бы умом одним против воли поверить и убедить самого себя в том, что непременно есть во мне такая беда. А потом для избавления от нее принять во всегдашнее памятование и особенно во время молитвы три необходимых молитвенных делания:

1-е дело ума — самоукорение;

2-е дело сердца — сокрушение;

3-е дело тела — крестным знаменем истовое себя осенение и слов молитвенных внимательное и благоговейное произношение.

Этими тремя деланиями мы Богу бываем приятны. А именно: самоукорением с памятованием о грехах своих мы смиряем себя и этим приклоняем Бога на милость к себе и привлекаем взор его на себя. *«И на когó воззрjú, тóкмо на крóткаго и молчалíваго и трепéщуцаго словéсь мойхъ?»* (Ис. 66, 2), — сказал Бог. Сокрушением, как благовонным фимиамом, мы облаговониваем себя, заглушая тем зловоние своего мертвеца. Епископ Игнатий (Брянчанинов) сказал: «Кто хочет помолиться, тот должен прежде покадить сокрушением в сердце своем». *«Жéртва Бóгу дýхъ сокрушёнъ: сёрдце сокрушённо и смирённо Бóгъ не уничижítъ»* (Пс. 50, 19). Крестное знамение само уже есть Божия благодать, если оно полагается истово и благоговейно. Нужно помнить, что Сам Господь Иисус Христос распятый висит на Кресте. Такая молитва есть время благоволения Божия к молящемуся. Следовательно, в это святое время все освящается в нас, и не остается места зловонного. Эти три делания для человека прельщенного есть надежное убежище. Без них опять зловоние ползет и бесы паки облепят. Так скоро в человеке меняется духовное состояние его. Как сказал богомудрый пастырь отец Иоанн Кронштадтский: «От жизни до смерти один шаг» («Дневник»). Состояние меняется: то в духовное, то в греховное, то в святое, то в слепое. Посмотри на себя во время молитвы, как бывает с тобой. Самоукорения в уме нет, тоже и сокрушения в сердце нет, и крестишься без внимания, не благоговейно, также и молитвы читаешь небрежно. Откуда же родится чувство умиления, являющееся признаком благодати Божией. Вот и есть ты живой мертвец.

Начнешь нудить себя на эти три делания, пробудится и чувство, согреется сердце от сокрушения, а затем придет и умиление — благодать Божия, и потекут слезы. Вот и воскрес мертвец, слава Богу. А чаще так будешь делать, а затем и повсегда в молитве и без молитвы, то и никогда не будешь умирать, и освободишься от прелести благодатью Божьей за ходатайство Божией Матери и за молитвы святых».

За искреннее покаяние и сокрушение отцу Никодиму была дана как дар от Бога непрестанная молитва. Он пишет: «Молясь непрестанно Иисусовой молитвой будь весел, в благодушном спокойном духе и исполнись радостью — радостопечалью в сердце. Пребывая в памяти Божией (т. е. в непрестанной молитве. — *Сост.*), помни: ведь это райское занятие, тебя Бог ввел в этот райский сад и сказал тебе: «Смотри на эти прекрасные плодовые деревья, возделывай и храни их, и жди с них плода в свое время, и тогда вдоволь насытишься, а пока услаждайся только зорким вниманием и смотрением своим на эти райские деревья (перебирая в памяти святые мысли), поливая их изобильно чистой водою твоих слез. И услаждайся надеждою на вкушение плодов от сих деревьев в свое время, и уповай на милость Божью.

А безумное уныние, не стерпев труда сладкого сего, кричит: «Трудно мне долго ждать. Дай скорее!» — недовольно ему услаждения надеждою, а в беспокойстве духа кричит и кричит: «Дай, да дай теперь!» — а не то и роптать еще начинает. И Бог, не терпя такой дерзости и гордости, удаляет того человека из сада своего, из рая сладости — молитвы непрестанной. Тогда постигает человека того полное уныние и омрачение. Если иногда и захочет войти в этот сад, то не может, станет каяться и молиться, но долго прощения не получает. Итак, пылинка ты ничтожная, червячок слабейший, человекогрешниче, смирись и не дерзай никогда искать, желать и просить себе святости у Бога, чтоб сравняться со святыми. Но отвергни от себя уныние и леность и от всей души возблагодари Бога за то, что ввел он тебя в этот рай и дает иногда, хоть отчасти, вкушать в надежде от цветов райских деревьев сладости (святых мыслей в молитве). Чем меньше этот твой рай того рая, в коем жил в начале твой праотец Адам? Посмотри, увидишь ли чего более, что есть на небе у престола Божия? Там есть тьма тем святых ангелов, славящих Бога Саваофа и непрестанно взывающих: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф...» Ты тоже славись, только иными словами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий...» (Эта мысль мне от Бога после долгого угнетенного душевного моего состояния, бывшего наказанием за гордость мою 28 февраля.) Слава Богу за все! Бог наказал, Бог и помиловал. Наперед урок: «Делая добро, да не стужаем», — ибо в свое время пожнем добрый плод, если не ослабеем. И еще: «...яко сѣяй въ плоть свою, от плоти поженет истлѣніе: а сѣяй въ дѹхъ, от дѹха поженет живѳтъ вѣчный» (Гал. 6, 8)⁵⁹⁸.

⁵⁹⁸ Непрестанно молитесь! О молитве Иисусовой. Мюнхен, 1990. С. 73.



К отцу Никодиму за духовными советами приходили не только афонские монахи, но приезжали люди с разных концов света. Вот как описывает свои впечатления после встречи с ним писатель Павел Рак: «В хижине, прилепившейся к скале наподобие ласточкиного гнезда, жил один очень благочестивый старец, великий постник и молитвенник, один из последних афонских русских, покинувших Родину еще до Первой мировой войны и помнивших только царскую Россию. Этот русский говорил посещавшим его, что милостивый Господь даровал ему освобождение от всех забот и суеты, от всех воспоминаний и что он все позабыл, даже и молитв уже не помнит. Оставил ему Господь только одну самую короткую, на Афоне самую главную молитву — Иисусову. Да уж если на то пошло, мог бы он обойтись и без этой мо-

литвы, вполне достаточно одного имени Иисусова. Довольно и того, чтобы имя Его не сходило с губ, чтобы пребывало в сердце человека даже и во сне. Старец тот недавно умер. Мой собеседник, как ближайший сосед, вместе с молодыми греками из ближней келлии старался облегчить ему последние дни. Особенно он заботился о том, чтобы старец не умер без причастия, и старался проводить его как подобает в самую короткую дорогу — из этого мира в иной. Поэтому каждую ночь, в полночь, он приходил к старцу с дароносицей и причащал его. Греки иногда ругали соседа за излишнюю ревность, за то, что он беспокоит немощного в такое время, но ведь и сам старец желал, чтобы было так. А когда в одну из ночей отец Никодим отдал Богу душу, все, кто оказался около его одра, были поражены тем, что вместо неутешной боли почувствовали радость, которая у каждого исходила из сердца и словно бы растекалась по всему телу. Они говорили потом, что присутствовали при том, как ангелы забирали его душу, и не могли не радоваться»⁵⁹⁹.

Скончался старец Никодим в 1984 году, имея почти 100 лет от роду.

⁵⁹⁹ Павел Рак. Приближения к Афону. СПб., 1995. С. 113.

Преподобномученик Григорий (Владимиров)

Преподобномученик Григорий (в миру Григорий Петрович Владимиров) родился в 1873 году в Псковской губернии.

Прибыл на Афон в 1901 году. Поступил послушником к одному старцу-греку, который жил в одинокой келие на территории Ставроникитского монастыря. Старец часто болел, и Григорий ухаживал за ним как за младенцем. Старец любил преданного и послушного подопечного и постриг его в мантию с именем Герасим, а позже в схиму с именем Григорий. Жили они вместе почти 13 лет, старец был большим любителем безмолвия и Иисусовой молитвы, к чему приучал и свое чадо. В 1910 году по благословению старца в монастыре Ставроникита отца Григория рукоположили в иеромонаха. В 1913 году старец умер, и отец Григорий сам стал владельцем келии, которая к этому времени обветшала и пришла в полную негодность, так как старец не был склонен заботиться о хозяйстве. Отцу Григорию пришлось провести хоть какие-нибудь ремонтные работы, чтобы дальше жить в этой келие. С целью найти средства для ремонта он совершил поездку в Россию, но, к его большому сожалению, началась Мировая война, и он уже не смог вернуться на Афон.

Отец Григорий не стал дожидаться окончания войны и уже с конца 1914 года стал полковым священником на фронте, прошел все перипетии той исторической эпохи: войну, революцию, гонения на Церковь. В 1924 году был арестован большевиками и выслан в Новгород, где жил в монастыре.

С 1927 года он примкнул к иосифлянам, перешел на нелегальное положение, стал служить тайно, собирал подписи на постройку молитвенного дома. Второй раз арестовали его в Новгороде в 1929 году и осудили на 10 лет исправительно-трудовых колоний. В течение двух лет он отбывал срок в Соловецком лагере, после был отправлен в ссылку в Казахстан.

9 сентября 1937 года был в третий раз арестован. На этот раз специальной тройкой он был приговорен к расстрелу. Расстреляли отца Григория 19 ноября 1937 года в Южной казахстанской области, у города Чимкента, в местечке Лысая Балка⁶⁰⁰.

⁶⁰⁰ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006 г. ПСТГУ, 2008. С. 69.

Схиигумен Кассиан (Корепанов)

Схиигумен Кассиан (в миру Константин Тимофеевич Корепанов) был мещанином из города Бирска Уфимской губернии. Имя матери Евдокия. Родился в 1867 году. Был женат, имел дочь, которая впоследствии стала монахиней. После смерти жены принял решение стать монахом и с этой целью отправился на Афон.

Константин Тимофеевич был принят в Руссик 24 февраля 1903 года, где был пострижен в рясофор 18 февраля 1904 года. Послушание проходил в канцелярии писарем. В 1904–1905 годах отбывал воинскую повинность, воевал в течение всей Русско-японской войны. По возвращении был пострижен в схиму 9 марта 1906 года и на послушание определен опять в канцелярию. С 1908 года по благословению своего духовника отца Агафодора (Буданова) принял подвиг безмолвия и поселился в одинокой каливке на Новой Фиваиде. А с 1924 года, желая более усугубить свой подвиг безмолвия, переехал на Карулю, где условия проживания для отшельников были крайне тяжелыми. С 1927 года он возвращается в обитель и живет в отдельной каливе, так называемой Келлии в Кипарисах, вне монастырских стен по отшельническому уставу.

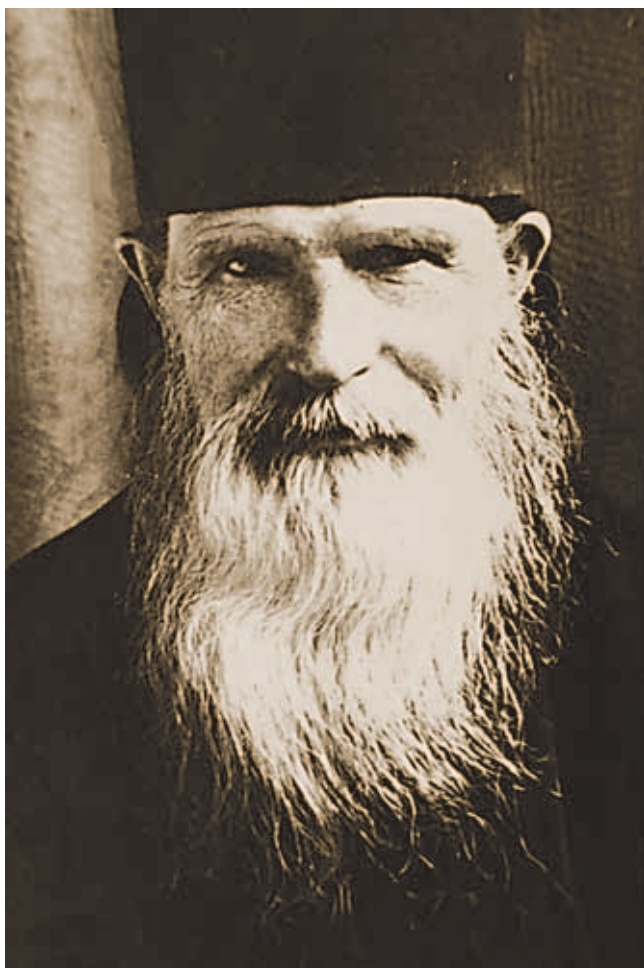
5 июня 1933 года по решению Собора Старцев монастыря отец Кассиан был послан для сбора пожертвований в Сербию. Он много потрудился на этом поприще для блага монастыря, и одновременно его высокая духовность стала известна вне Афона.

Иеромонах Серафим из Почаевской обители так характеризует его: «Главная отличительная черта его характера есть общительность и живая действенная любовь к людям. К нему, в его пустынную, вне монастыря, келлию, особенно любят ходить наши монахи карпатороссы. И каждого он обласкает, утешит, наставит и угостит своей пустынной пищей. Отец Кассиан весьма ревнует также и о внешней миссии. За свою долгую отшельническую жизнь в знаменитых пустынях афонских, Новой Фиваиде и Каруле, он много собрал интересных духовных повествований и теперь помещает их, конечно по скромности под псевдонимами в разных духовных зарубежных журналах, в том числе и в нашей газете «Православная Карпатская Русь»⁶⁰¹. С отцом Кассианом дружил преподобный Силуан, о чем сообщает нам отец Сафроний

⁶⁰¹ Серафим, иеромонах. На Св. Афоне пасхальными днями 1931 года / Православный русский календарь на 1932 год. Владимирова, 1931. С. 42.

(Сахаров): «В тридцатых годах в течение долгого времени он [преподобный Силуан] часто ходил к своему другу схи-монаху Кассиану, когда тот жил около монастыря в Кипарисах. Отец Кассиан любил и очень уважал старца, дорожил его приходами и с удовольствием читал ему вслух»⁶⁰².

18 февраля 1934 года согласно просьбе архимандрита Виталия (Максименко) [будущего митрополита], тогдашнего настоятеля обители преподобного Иова Почаевского, и по благословию игумена Мисаила отец Кассиан отправился в Почаевский монастырь, где был рукоположен в иеродиакона и в иеромонаха. Через некоторое время по просьбе архимандрита Виталия он перешел в Пешский монастырь, где стал игуменом. Но в 1937 году вновь вернулся в Почаевскую Лавру. Все это время он



поддерживал духовную связь с монастырем — писал письма игумену Мисаилу⁶⁰³.

В сентябре 1939 года после занятия Почаева большевиками бежал на Волынь, а 11 июня 1940 года через Берлин и Белград приехал на Афон. Вначале поселился на Новой Фиваиде, после перешел в Благовещенскую келлию на Капсале, к старцу Иоанникию⁶⁰⁴ слепому, в октябре 1941 года перешел в Крестовскую келлию, затем в монастырь Хиландарь, а в конце жизни жил на каливе старца Николая (Кривенко)⁶⁰⁵ около Покровской келлии Ставроникитского монастыря. Везде, где бы он ни проживал, он славился высокой подвижнической жизнью. На Афоне все русские отшельники и сиромахи считали его своим духовным отцом, только у него

⁶⁰² Софроний (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. РПМА, 2004. С. 187.

⁶⁰³ АРПМА. Док. № 1259.

⁶⁰⁴ Схииеромонах Иоанникий — уроженец России. Прибыл на Афон в 1887 году и принял постриг в Ильинском скиту. После жил на Благовещенской келлии Симонопетрского монастыря, где в 1896 году стал настоятелем ее. Преставился в апреле 1952 года, был найден умершим в келлии. Вместе с ним найден умершим его послушник иеромонах Симон.

⁶⁰⁵ Монах Николай (Кривенко) — пустынный, жил на собственной каливе на территории Ставроникитского монастыря. Портной и писарь. В 1919 году еще был жив. Дата смерти не установлена.



*Отец Кассиан и владыка Виталий
в Почаевской Лавре.
Фотография 30-х годов XX века*

исповедовались и получали духовные наставления.

В библиотеке обители хранятся составленные им очерки о покровительстве Божией Матерю над Святой Горой⁶⁰⁶ и очерк «Опровержение новостильнических возражений против старого Юлианского стиля и пасхалий»⁶⁰⁷.

Приведем фрагмент из его трактата «Верховная Покровительница Афона — Матерь Божия»: «Как в древние времена, так и ныне верховная правительница Афона Небесная Игуменья Матерь Божия неусыпно бдит над бытом иноков Своего вертограда, царственно и предивно охраняет свой любимый жребий, избранный Ею в наследие Себе от древних веков. Во все минувшие века и по сию пору все, не только православные, но и иноверные, и даже неверные, все признавали и ныне признают, что Святая Афонская Гора находится под особым покровительством Пресвятой Госпожи Девы Богородицы и что это место есть жребий Ее евангельской проповеди: хранить, покрывать и заступать живущих на ней иноков до скончания века. И действительно, редкое из преданий отличается таким истинно осязательным доказательством, как вышеприведенное обетование Богоматери «хранить» сию Гору под особым Своим державным покровом, которое так ясно и в виду всех исполняется и в настоящее время»⁶⁰⁸.

В другом месте он продолжает: «Какое отрадное утешение тебе, афонский житель, что удостоился ты пребывать в таком священном месте, где излилась полнота Божественной любви Царицы Небесной, которое избрано Ею в Свое наследие, где Она, с материнской заботливостью надзирая Святую Гору, явно и незримо таинственно изливает благодатные дары Свои»⁶⁰⁹. «Бдительное настоятельское

⁶⁰⁶ БРПМА. Док.: № 41921, № 41922 и № 41926.

⁶⁰⁷ БРПМА. Док. № 42203.

⁶⁰⁸ БРПМА. Док. № 41921. С. 3–4.

⁶⁰⁹ БРПМА. Док. № 41922. С. 3.

Ее око всюду прозирает на Своих чад духовных — заметит ли Она в ком горячую любовь ко Господу, усердие, стремление к Нему, Она радуется о нем и изливает на него большие благодатные Свои дарования. Усмотрит ли нерадящего о своем спасении, Она сожалеет о нем, печалится и все средства открывает для его исправления, и если он опомнится, то благодатью Ее восстанет и на сугубые простирается подвиги, но если отыщет и таких, кои в ожесточении своем упорно пребывают в пороках и страстях, таких Она наказывает или болезнью, скорбями, или же совсем удаляет от Своего стада. Так пасет Она премудро насельников Своего вертограда и предпосылает верных рабов Своих в горные обители, как бы говоря: «Там тебе, афонский житель, слуга Мой верный, раб Христов, готова райская обитель — награда веры и трудов!»⁶¹⁰

Преставился отец Кассиан 7 сентября 1946 года.

Схимонах Нил (Злобин)

Мы не знаем, где в России родился схимонах Нил (Злобин), можем лишь предполагать, что случилось это в 1863 году. Не знаем также, как он рос и чем он занимался до своего 20-летнего возраста, но опять-таки можем думать, что в 1883 году он принимает решение ехать на Афон и навсегда уединиться в какой-нибудь пещере или хижине.

Приехав на Афон, он нашел подходящее место для своих будущих подвигов на Каруле. Здесь, в полуразрушенной хижине у пещеры, он провел около 60 лет. Нам достоверно известно лишь, что в 1942 году он еще был жив и что ему тогда было 79 лет⁶¹¹.

О монашеской жизни отца Нила тоже почти нет данных. Маленькое сообщение о нем дает нам архимандрит Херувим (Карамбелас): «Я побывал у многих аскетов, жизнь которых характеризовало одно общее свойство: они были настоящими монахами, настоящими аскетами. Среди них — отец Нил, пожилой русский исихаст»⁶¹². И еще в другом источнике мы узнаем: «В безводных лачугах жил монах Нил, который, выкопав себе могилу и совершая в ней свое молитвенное правило, был найден

⁶¹⁰ Там же. С. 6–7.

⁶¹¹ АРПМА. Док. № 1474. С. 1.

⁶¹² Херувим (Карамбелас), архимандрит. Из удела Божией Матери. Киев, 1998. С. 113.



Возможно, именно в этой карульской пещере жил отец Нил

мертвым в молитвенной позе с четками в руке»⁶¹³. Для составления жизнеописания этих скудных данных явно маловато, но мы все равно включили житие отца Нила в эту книгу, так как очевидно, что его невероятный подвиг не нуждается в обогащении фактическими данными.

Иеросхимонах Никон (Штрандтман)

Иеросхимонах Никон (Штрандтман) родился в 1873 году. Изучению его биографии посвятил много сил и времени известный исследователь Афона П. В. Троицкий. Приведем целиком результат его работы на эту тему.

Иеросхимонах Никон «начинал карьеру офицером, служил в лейб-гвардейском полку Его Величества, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах,

⁶¹³ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006 г. ПСТГУ, 2008. С. 152.

был ранен. Служил адъютантом Великого князя Андрея Владимировича и закончил службу в чине полковника. Затем, как и большинство русских беженцев, оказался в Югославии. Там он принял постриг в одном из монастырей Сербии. Собственно, нам только и известно его монашеское имя — иеромонах Никон. Не позднее конца 30-х годов поселился на Афоне, в одном из самых суровых мест под названием Каруля. Здесь сама местность делает человека затворником — кругом обрывы и пропасти, по которым можно передвигаться только с помощью веревок.

Одну из наших поездок на Афон мы специально посвятили сбору данных об отце Никоне. Нам были известны имена трех монахов, которые знали отца Никона. С одним из них нам поговорить не удалось, другие же два дали бывшему полковнику исчерпывающую характеристику поминутно восклицая: «Калос... калос». Еще удалось нам узнать, что отец Никон свободно владел пятью языками: английским, немецким, французским, итальянским и испанским. Но получить более подробные сведения было очень трудно, так как афонские монахи мало внимания уделяют внешним моментам или фактам биографии своих братьев по монашеской жизни. Это и понятно: главное — спасение. А кем был в миру монах, даже и знать не обязательно. Правильно, но... не совсем. Жизнеописание каждого подвижника имеет большое значение для людей, живущих в миру.

Представитель высшего общества, отвергнувший мир, нашедший себе приют даже не в пустыне, а на небольшом уступе скалы и живущий даже не в келлии, а в крошечной избушке или даже в каменной норе, — какой урок для человека, еще не выбравшего пустыню! Кроме того, если святость, подвиги, чудеса — это элементы повседневной жизни афонского монаха, то для человека, живущего в нынешнее время, — это повесть из древней книги, чудом найденной на полке современного мира.

Об отце Никоне сохранилось очень мало сведений, тем более о его афонском периоде жизни, хотя прожил он на Афоне около 30 лет.

Удивительно, что многие карульцы, среди которых были и русские, были долгожателями. Так, русский монах Нил, исихаст, прожил около ста лет. И по преданию, он сам приготовил себе могилу, с помощью молодого монаха сам забрался в нее и тут же предал дух своему Домовладыке.

Иеросхимонах Феодосий и его ученик Никодим также дожили до глубокой старости. Видимо, уже в глубокой старости умер и другой русский иеросхимонах, самый загадочный карульский житель, в миру — представитель высшего света, — отец Парфений. Так же и отец Никон прожил 90 лет и отошел ко Господу 20 сентября 1963 года.

Трудно себе представить, как можно было жить в таком возрасте на суровой Каруле, где в то время нельзя было рассчитывать на медицинскую помощь или просто

найти медикаменты. Пост и молитва так угодны Богу и столь необходимы людям, что Господь продлевает дни своих служителей, нарушая этим законы природы. Чтобы оценить подвиг отца Никона и ему подобных отшельников, достаточно один раз побывать на Каруле. В самые жаркие месяцы живущие там отцы буквально поджариваются, как на сковородке. Камень раскаляется на беспощадном солнце, и, кажется, нет спасения от жары ни днем, ни ночью. Не говоря уже о том, что подобные отшельники отрезаны не только от мира, но и от других афонских обителей. Крутые склоны, по которым передвигаться чрезвычайно трудно, не дают возможности часто нарушать уединение и любого способны сделать постником: по отвесным скалам не поносишь ничего лишнего.

Архимандрит Херувим [Карамбелас] дважды упоминает отца Никона в своей книге «Удел Божией Матери». Первый отрывок <...> это описание одного из посещений старца, когда молодой послушник, будущий архимандрит, восторгается смирением русского монаха. Второй отрывок, более короткий, тоже достоин цитирования.

«Здесь, — сказал мне мой собрат, — находится калива Святой Георгий, где безмолвствует один очень образованный русский, отец Никон, бывший в прошлом офицером русской армии.

Мы постучали в дверь и обождали. Вскоре показался поседевший благообразный монах с небесной улыбкой и какой-то внемирной добротой на лице. Мы оставили ему немного еды, взяли у него благословение, облобызав его руку, и продолжили свой путь»⁶¹⁴.

Приведем здесь и вышеупомянутый первый отрывок воспоминаний об отце Никоне архимандрита Херувима (Карамбеласа): «Открылась дверь, и показалась эта замечательная личность. Он первый сделал предо мной поклон и что-то сказал по-русски. Я слушал его, ничего не понимая; смотрел на него и поражался. «Вот, — думал я себе — небесный человек, который находится еще на земле!..» В одном порыве я склонился, чтобы ухватиться за его подрясник, поцеловать ноги, однако он успел раньше меня. Одним незаметным движением он оказался передо мной коленапреклоненным головой до земли. Услышал, как он, находясь в таком положении, шепчет: «Благодарю, благодарю». Это был незабываемый пустынный — высший офицерский чин русской армии, знавший несколько языков, всесторонне образованный отец Никон»⁶¹⁵.

Старец Гавриил Дионисиатский также с восхищением пишет в своем «Лавсаике» об иеромонахе Никоне (1969 год): «Офицер старшего командного состава царской армии, знаток языков и богословия. Его посещало много иностранцев и особенно

⁶¹⁴ Троицкий П. В. Русские на Афоне. 19–20 век. М., 2003. С. 321.

⁶¹⁵ Херувим (Карамбелас), архимандрит. Из удела Божией Матери. Киев, 1998. С. 110.

людей протестантского вероисповедания, которые уходили очарованные общением с ним на религиозные темы, а один из них, бывший в то время депутатом британской Палаты общин, принял Православие и в настоящее время является его ревностным исповедником в Лондоне, и повсюду с благодарностью рассказывает об отце Никоне из-за спасительного духовного пробуждения его самого и его родных»⁶¹⁶.

Иеросхимонах Парфений

Иеросхимонах Парфений — именно тот загадочный русский подвижник, о котором в вышеприведенной цитате говорил П. В. Троицкий: «О нем мы, увы, можем вспомнить очень мало. Как много поглотило время и нерадение... А жизнь эта, законченная в единственном в мире месте, где не рождаются, а только умирают, без сомнения, могла бы украсить Афонский Патерик»⁶¹⁷.

По карульскому преданию, отец Парфений принадлежал к царскому роду Романовых. В 25-м номере «Русского паломника» есть воспоминания схимонаха Макария об отце Парфении: «Личность таинственная. Слышно было, что принадлежал известной княжеской фамилии. Очень редко кого принимал в своем домике с церковкой. Часто служил Литургию, а помогал ему схимонах Зосима — карулец, который пел и читал на клиросе. Других он не допускал на свое служение. Я все же один раз удостоился быть принятым в его домике и в беседе с ним за чашкой чая ясно увидел, что он не из простых людей... Он был подвижник и делатель умной молитвы. Его собранность чувств, его отчужденность от мира говорили сами за себя, подавая пример и нам, желающим спастись. Его дворик с церковкой находился внизу, недалеко от моря, окруженный оградой. Дворик был нам хорошо виден с дорожкой посередине, по которой отец Парфений имел привычку ходить и тянуть четку. Почил тихо и незаметно. Какова была его жизнь, такова и кончина»⁶¹⁸.

Архимандрит Херувим (Карамбелас) дает нам об отце Парфении следующую справку: «Я был наслышан о мудрости, святости и благородном происхождении последнего. Когда он открыл мне калитку своей келлии, я увидел его перед собой как

⁶¹⁶ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006 г. ПСТГУ, 2008. С. 152.

⁶¹⁷ Троицкий П. В. Афонские встречи. М., 2002. С. 49.

⁶¹⁸ Русский паломник. № 25. М., 2002.

символ победы над мирской славой и суетой. Аристократическая, благородная фигура, одетая в порванную рясу!.. Некоторые говорили, что, когда приближались к нему, чувствовали изумительное благоухание. У него была некая духовная устремленность, являвшаяся отблеском Божественной благодати, обитавшей в его душе. Из того, что он мне сказал, среди прочего я понял, что в Петербурге, будучи маленьким, он играл с нашим королем Георгием II»⁶¹⁹.

А сообщение старца Гавриила Дионисиатского об отце Парфении таково: «В негостеприимной Каруле уже 30 лет живет отец Парфений, сын русского графа, владевшего в прикарпатских землях земельными угодьями, равными по площади целой Македонии. До того он жил в келлии святого Николая — Буразери [Белозерка] в Карее, однако стремился к более строгой аскезе. Вместо ложа он использовал пол пещеры, в которой обитал. От его рваного подрясника исходило благовоние. Он был почтен даром ясновидения. Князь и крупный землевладелец, ради любви Христовой, сделался неимущим насельником пещеры»⁶²⁰.

Надо отметить против утверждения отца Гавриила Дионисиатского, что на Каруле уже 30 лет живет отец Парфений, как будто говорит одно письмо⁶²¹ карульских монахов к старцам Пантелеимонова монастыря от 17 февраля 1942 года: «Пишу Вам по просьбе карульских стариков их слезную мольбу о помощи. Исчезает всякая возможность существования. Нет у нас положительно ничего на Каруле, и все монастыри закрыли свои двери, дабы не расходовать своих продуктов на живущих вне монастырей. Нас осталось половина против прежних отцов, получавших кубань:

Отец Феодосий (иеромонах), иеродиакон Софроний, отец Дорофей и отец Даниил умерли.

Отец Савва ушел на келлию, покинул Карулю вследствие невозможности прокормиться.

Отец Пантелеимон работает у вас в монастыре по той же причине.

Все, кто может работать физически, за кусок хлеба ушли работать, как отец Иоиль, отец Евграф.

Отец Никодим от плохого питания заболел, распух, у него началась какая-то болезнь вроде водянки.

Из получающих от монастыря кубань 8 человек: отцу Епифанию — 92 года, он почти совершенно ослеп; отцу Нифонту — 86 лет, совершенно расслабленный

⁶¹⁹ Херувим (Карамбелас), архимандрит. Из удела Божией Матери. Киев, 1998. С. 113.

⁶²⁰ Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006 г. ПСТГУ, 2008. С. 150.

⁶²¹ АРПМА. Док. № 1474. С. 1–2.

от старости; отцу Нилу — 79 лет, тоже крайне ослаб и немощен; отцу Николаю — 76 лет; отцу Вафусию — 70 лет»⁶²².

Как видим, в письме перечислены все монахи, которые тогда жили на Каруле, и среди них нет ни отца Парфения, ни отца Никона, поэтому можно предположить, что они прибыли на Афон после Второй мировой войны из Сербии, где до этого подвизались в одном из монастырей. Оставить Сербию их, по всей видимости, заставила изменившаяся политическая ситуация в мире и в самой Сербии. Хотя можно предположить, что или они находились в числе тех, кто оставил Карулю, чтобы заработать кусок хлеба, или вышеназванное письмо (оно не подписано) писал сам отец Парфений и по скромности и смирению пропустил свое имя и имя также известного и сравнительно молодого отца Никона и перечислил только старых монахов.

Дата смерти отца Парфения не установлена.

Схимонах Августин (Корра)

Отец Августин⁶²³ родился в России в Полтавской губернии в 1882 году. Его мирское имя — Антоний Корра. Отца его звали Николаем, а мать — Екатериной. Они были благочестивыми людьми, а потому и своего сына Антония воспитали в благоговении и страхе Божиим.

Еще в отроческом возрасте Антоний стал послушником в одном из монастырей у себя на Родине. Однако одно искушение, приключившееся с ним, заставило его оставить свою обитель, Родину и приехать в удел Божией Матери, чтобы обезопасить себя от такого рода искушений.

Как он сам рассказывал, в монастыре, где он поселился, почти все монахи были людьми пожилыми. Они посылали его помогать одному монастырскому рабочему ловить рыбу, так как обитель жила за счет рыбной ловли. Однажды пришла дочь этого рабочего и сказала отцу, чтобы тот немедленно шел домой по какому-то срочному делу, а сама осталась трудиться с послушником. Ею, несчастной, овладела страсть, и она сама, не осознавая вполне, что делает, бросилась к юноше с нечистыми намерениями. Антоний в первый момент растерялся, потому что все произошло внезапно. Затем перекрестился и сказал: «Христе Иисусе, лучше мне утонуть, чем согрешить!» — и с берега

⁶²² АРПМА. Док. № 1474. С. 1–3.

⁶²³ Жизнеописание взято из книги: Старец Паисий. Отцы святогорцы и святогорские истории. Сергиев Посад, 2001. С. 76.

бросился в речку! Но Благой Господь, видя такую великую ревность непорочного юноши, который, чтобы сохранить невинность, повторил подвиг святого Мартинана, удержал его на поверхности воды так, что он даже не намок! «Несмотря на то, что я бросился в воду с головой, — продолжал он свой рассказ, — я даже не заметил, как оказался стоящим на воде, даже одежда у меня осталась сухой!»

В тот момент он ощутил в своей душе глубокую тишину и невыразимое умиление, которые совершенно изгнали все греховные помыслы и все плотские желания, возбужденные в нем поначалу непристойным поведением девушки. Та же, увидев Антония стоящим на воде и пораженная этим великим чудом, расплакалась, раскаиваясь в своем грехе.

Послушник сразу же пошел в свой монастырь и начал слезно просить игумена дать ему благословение уехать на Святую Гору, говоря, что чувствует себя духовно слабым, а также боится оставаться в миру. Он ни словом не обмолвился ни о поведении девушки, чтобы та не пострадала, ни о чуде, которое с ним произошло, во всем виня лишь самого себя.

Во всей этой истории самым большим чудом было то, что он взял грех на себя, скрыв настоящую виновницу, а также то, что в таком возрасте мужественно воспротивился великому искушению.

Игумен внял его просьбам, он, конечно же, не мог ему препятствовать, однако одновременно и огорчился, что теряет такого послушника.

Получив разрешение, Антоний немедленно отправился на Святую Гору. Это было в 1908 году. Посетив различные монастыри и келлии, он остался в келие Честного Креста Господня, принадлежавшей монастырю Каракаллы. Здесь в 1910 году он стал монахом, получив при постриге имя Августин. В 1943 году, стремясь к большому безмолвию, он перешел жить в келлию Введения во храм Пресвятой Богородицы, подчинявшуюся монастырю преподобного Филофея. Здесь он с ревностью подвизался до самой своей старости и больше ни разу не выходил в мир.

Отец Паисий Святогорец писал об отце Августине так: «В 1950 году я впервые услышал о старце Августине, но мне все никак не представлялось случая познакомиться с ним, тогда как все вокруг говорили о его святости.

В 1955 году, когда мне во второй раз довелось посетить монастырь преподобного Филофея, на другой день после своего прихода я пошел в его келью, но его, к сожалению, не оказалось на месте. Я оставил у дверей кельи кое-что из вещей и вернулся в монастырь, пытаюсь остаться незамеченным, дабы не искушать отцов тем, что хожу по келлиям с вещами. На следующий день после обеда приходит в монастырь сам старец Августин и спрашивает:

— Где здесь отец Паисий?

Отцы удивились и говорят ему:

— Даже мы еще толком его не знаем, а ты-то откуда его знаешь? — и показали ему мою келью.

Только я открыл дверь, как он сделал передо мной земной поклон и сказал: — Благословите! — потом говорит: — Бог да помилует тебя за те благословения, которые ты мне принес.

Затем он достал из своей котомки завернутые в платок семь маленьких персиков, размером не больше алычи, с полужасохшего персикового дерева, росшего возле его келлии. Я хотел было скрыть от старца, что именно я приносил ему благословения, но он сказал:

— Я видел тебя из скита пророка Илии.

Скит пророка Илии находится на расстоянии приблизительно четырех часов ходьбы от келлии отца Августина. Выходит, старец имел дар прозорливости. Для Бога, конечно же, нет близких или дальних расстояний.

Пользуясь случаем, хочу рассказать еще одну похожую историю. Сосед отца Августина, диакон Вениамин, видел, находясь в своей келлии, как по телевизору, убийство царской семьи. Через некоторое время он узнал, что именно в этот день коммунисты расстреляли царскую семью.

Отец Августин, несомненно, тоже мог видеть и даже еще дальше, ведь у него тоже был духовный телевизор (дар прозорливости), который он приобрел благодаря чистоте своей души, смирению и любви.

Старец имел великое сострадание к несчастным животным, поэтому все, у кого были старые или увечные животные, оставляли их где-нибудь неподалеку от его келлии, ничего ему не сообщая. Келлия отца Августина превратилась таким образом в приют для престарелых зверей со всей округи: от монастырей Каракаллы и Филофея до Иверского. Бедный старец брал в руки косу и все лето косил на зиму траву для увечных и старых животных, которых оставляли ему мирские. Если он сам находил какое-нибудь старое брошенное животное, то тоже забирал его в свой приют.

Встречая по пути какого-нибудь человека, он делал перед ним земной поклон и говорил: «Благословите!» Он не смотрел, был ли перед ним священник, монах, старик или юноша-мирянин, так как имел великое смирение и считал всякого старше себя, а себя — младше всех. Однажды, когда он сделал поклон перед кем-то из мирян, его увидел человек, имевший богословское образование, и смутился:

— Как, ты делаешь поклоны перед мирянами?!

На что отец Августин ответил:

— Да, потому что на них благодать Святого Крещения.

Великая любовь и смирение старца не имели предела. Однажды, рассказывал он мне, ему в его келье явился диавол в виде ужасного пса, изрыгавшего из пасти огонь. Он устремился на старца, чтобы его задушить, потому что молитвы старца жгли его, как он сам ему признался. Отец Августин схватил его и ударил о стену со словами: «Злой бес, зачем ты воюешь с созданиями Божиими?»

«Бес сильный, — продолжал старец свой рассказ, — да и я не из слабых, припер его к стене. Однако после этого меня сильно мучила совесть, что пришиб диавола. Я с нетерпением ждал утра, чтобы пойти и исповедаться в том, что ударил диавола. Как только рассвело, я пошел в Провату к своему духовнику и исповедовался. Но мой духовник оказался очень снисходительным. Он не дал мне никакой епитимии* и велел причаститься. На радостях я всю ночь провел в молитве по четкам, а потом пошел на Божественную Литургию и причастился. Когда священник вкладывал мне в уста святую лжицу, я увидел Святое Причастие в виде Плоти и Крови и разжевывал его, чтобы проглотить. Одновременно я ощутил великую радость, которой не мог вынести. Из моих глаз текли слезы, а голова сияла, подобно лампе. Я быстро ушел, чтобы отцы не видели меня, и благодарственные молитвы читал уже у себя в келье».

Старец всегда светился, ибо его покрывала Божественная благодать. Достаточно было только посмотреть на него, чтобы забылась любая скорбь, потому что благодаря своей внутренней доброте он сеял вокруг себя радость. Его внешнее одеяние, латаный-перелатаный подрясник, было хуже тряпья, которое садовник надевает на пугало. Когда случалось, что кто-то приносил ему какую-нибудь хорошую вещь, он тут же отдавал ее другим.

В его келлию часто приходили рабочие, которые на пристани грузили монастырский лес. Когда им было что-то нужно, они шли к отцу Августину и брали все необходимое без спросу. Часто они забирали у него последнее. Поэтому иногда старца можно было застать лежащим без сил от недоедания. Единственный выход из этого положения состоял в том, чтобы монастырь снабжал его мукой, из которой он мог бы готовить себе что-нибудь съестное. Отец Августин где-то раздобыл старую сковородку и пек себе на ней нечто похожее на блины, которые замешивал на одной воде с солью и которые заменяли ему хлеб и прочие блюда. Когда разрешалось растительное масло, он обмакивал в него перо, крестообразно помазывал им блин и таким образом утешался в положенные дни. Некоторые монахи слегка подшучивали над старцем и спрашивали:

— Что ты ешь, отец Августин?

Тот отвечал:

— Я все время ем блины.

Если отцы давали ему соленую сардину, он берег ее, чтобы угощать гостей. Старец отрезал у сардины голову и подавал рыбу, будучи вне себя от радости, что может предложить такое угощение.

Он всегда поступал таким образом, лишая себя всего. Зато его непрестанно насыщал Христос Своей Божественной благодатью. Его любили все монахи в округе и миряне. Особенно же его любили отцы из монастыря преподобного Филофея, которые, когда он начал слепнуть, стали упрашивать его перебраться к ним. Однако старец думал о том, что будет со всеми его увечными и старыми животными, если он уйдет, и потому не соглашался. Наконец, отцы, дай им Бог здоровья, взяли к себе и его, и его животных. После этого он успокоился.

В монастыре отцы заботились о нем, и он считал это великим благословением Божией Матери. Из благодарности он постоянно пел «Достойно есть», и глаза у него были полны слез радости. Пребывание отца Августина в обители было для всех большим благословением. Оно приносило огромную пользу и престарелым монахам, жившим в монастырской богадельне, потому что отца Августина посещали не только люди, но и святые, Ангелы и даже Матерь Божия. Когда старец видел Божию Матерь или святых, то очень огорчался, что остальные старцы продолжали лежать или сидеть. Он расталкивал их, говоря: «Божия Матерь!» — или, когда видел Ангела, говорил: «Ангел!»

Те, конечно, ничего не видели, но понимали, что что-то происходит, немедленно поднимались и стояли с благоговением. Однако монах, ухаживавший за старцами, считал все это прелестью и ругал старца, говоря: «Оставь старцев в покое. Не хватало еще слушать тебя с твоей прелестью!»

Однако старец продолжал всех поднимать, будучи не в силах сдержаться себя от благоговения.

Когда его навещали отцы, то не успевали они спросить, как у него дела, а он уже выпытывал:

— Как поживают мои мулы и ослики?

Ему отвечали:

— Очень хорошо.

И старец радовался.

— Ты как поживаешь, отец Августин?

— Слава Богу, очень хорошо.

Так, благодаря своей большой доброте постоянно пребывая в радости, славословя Бога и непрестанно молясь, он проводил или, лучше сказать, переживал райскую жизнь в уделе Божией Матери. Внутри него пребывал Христос. Его сердце было раем. Он сподобился и в земной жизни лицезреть Ангелов, святых и даже Божию Матерь, и в загробной — радоваться вечной радостью!

Когда отец Августин уже уходил, его лицо трижды просияло подобно молнии. Бог устроил так, что при этом рядом находился и ухаживавший за старцами монах, который был поражен увиденным и убедился в истинности тех посещений, о которых говорил старец.

Отец Августин упокоился в Господе 27 марта 1965 года в возрасте 83 лет. Да будут с нами его молитвы. Аминь».

Иеросхимонах Тихон (Голенков)

Иеромонах Тихон (в миру Тимофей Павлович Голенков) родился в 1884 году в русском селе Новая Михайловка. Он обошел около 200 русских монастырей, побывал на Синае и в Палестине и пришел на Святую Гору в 1908 году. Скончался в келлии Честного Креста при обители Ставроникиты 10 сентября 1968 года. Он проявил себя как аскет, строгий, даже суровый, возлюбивший небеса, помнящий о смерти, проникнутый светлой печалью, свободой от мирских забот, благодатью и духовной радостью. Во время молитвы он обильно ронял к ногам Распятого свои слезы. Спал он на досках, носил заштопанную одежду, водил дружбу с горными зверями. Он сам выкопал себе могилу: смерти не боялся и постоянно славил Бога. Его облик был как будто не от мира сего: просветленным, мирным, радостным и благодушным.

Предвидя свою кончину, он ожидал ее без страха. Земной ангел, небесный человек. О нем писали многие и много, и, хотя глубины его сердечной сокровищницы остались скрытыми для нас, они полностью и доподлинно ведомы сердцеведцу Богу.

Одним из многих биографов отца Тихона является иеромонах Агафангел Калафатис, бывший монах Иверского монастыря, а ныне карейский старец из келлии Честного Креста монастыря Симонопетра. Отец Агафангел вспоминает о благорасположенности и любви к людям отца Тихона, о его горячей молитве с поминанием тысяч живых и усопших, постоянных слезах, приносящих радость, о его чудесном подвижничестве. Его оружием были крест и четки, но больше всего он любил Божественную Литургию, Священное Писание и святых отцов»⁶²⁴.

Приведем почти полностью жизнеописание отца Тихона, написанное старцем Агафангелом: «Родители отца Тихона были благочестивыми людьми. Они сохранили

⁶²⁴ Анастас Кеселопулос. Россия — Афон: тысячелетие духовного единства / Материалы международной научно-богословской конференции. 1–4 октября, 2006 г. ПСТГУ, 2008. С. 152.

знаменитое русское благочестие прошлого века. Старец говорил о своей матери, что она была святой женщиной. В среду и пятницу ничего не вкушала, все свое время посвящала молитве, и из ее глаз непрестанно текли слезы. Сам он тоже имел дар слез. Слезы были его ежедневной пищей. Он верил, что слезы есть знак Божественной милости и что с их помощью омывается душа.

С детства ему нравилось посещать монастыри. Он не мог дождаться, пока и сам получит Божие благословение оставить мир, чтобы приблизиться к Богу и посвятить себя молитве, потому что ничто тленное не радовало его. Он жаждал небесной вечности и нескончаемой радости.

Когда он выучился грамоте, его любовь к псалмопению и церковной музыке вскоре сделала из него замечательного певца. Он всегда ходил в церковь и пел в хоре, став через некоторое время регентом.

По благословию своих родителей он решил посетить Иерусалим и Святую Гору.

Боголюбивый юноша отправился в путь вместе с другими паломниками. Когда он прибыл в Константинополь, то познакомился с экономом келлии Буразери⁶²⁵.

Эконом спросил его:

— Хочешь стать монахом?

— Хочу, — ответил он.

— Делай поклон, и с сегодняшнего дня ты являешься послушником нашей общины святителя Николая.

С великой радостью и слезами благодарности юноша попросил отпустить его поклониться сначала святым местам.

Совершив паломничество в Святую Землю, он вернулся на Святую Гору и присоединился к братии Буразери. Через год его постригли в монахи.



⁶²⁵ Русская келлия Белозерка в честь святителя Николая.

Любовь к безмолвию и жажда подвигов заставили отца Тихона оставить добрую братию скита и поселиться в самом суровом месте Святой Горы — на страшной Каруле. Здесь он прожил в пещере приблизительно пятнадцать лет. Его подвиг был суровым и неослабным. Он делал свыше шестисот поклонов за ночь. Ел один раз в три дня, а часто и однажды в неделю.

Каждую субботу он ходил причащаться в скит святого Георгия и потом сразу возвращался в свою пещеру. Его пещера находилась у основания скита святого Георгия и сохранилась до наших дней.

В скиту святого Георгия жил тогда один мудрый и по жизни и по Богу старец, которого он называл своим учителем. Этот старец, его учитель, давал ему каждый месяц по святоотеческой книге. Возвращая ее, отец Тихон должен был рассказать ее содержание, а также то, что он из нее понял. Если ответ не был точным, старец не менял ему книгу. Таким образом он изучил труды всех отцов нашей Церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Симеона Нового Богослова и других. Особенно он полюбил святого Симеона.

Когда в 1917 году началась мобилизация русских монахов, отец Тихон тоже пришел в русский скит Фиваиду. Представители власти, увидев его как бы лишённого тела, начали расспрашивать, где и как он живет. Карульский пещерник внушил к себе такое почтение, что они отпустили его, чтобы он продолжал свой подвиг и молился за них. Он немедленно вернулся в свою пещеру и теперь еще больше предался аскезе и молитве, чтобы восполнить и укрепить своих сражающихся на поле брани братьев.

Из приблизительно семисот монахов, которые тогда уехали, назад вернулись только два-три человека. Одним из них был старец Афанасий из келлии Святого Креста в Провате, который был очень близким другом отца Тихона. Бог благоволил, чтобы он предал свой дух у меня на руках. Впоследствии отец Тихон много рассказывал мне о нем. Тот имел непрестанную умную молитву. Он молился и днем, и ночью, не переставая призывать Бога даже тогда, когда разговаривал или спал. Когда отец Тихон рассказывал об этом, то обмолвился и о себе: «И я, дитя мое, когда сплю, сердце мое произносит молитву... Когда творишь молитву, — сказал он мне, — сердце твое должно приклеиться сверху к молитве, — и он изобразил это пальцем на стене, — как клей склеивает».

После пятнадцати лет аскетических упражнений старец оставил Карулю и переселился в район Калиагры. Здесь ему было видение пасхальной ночи, и он с радостью пропел все последование Воскресения Христова. На следующее утро пришел его духовник и сказал ему, чтобы он пошел в монастырь Ставроникита, к которому была приписана его келлия, и принял рукоположение во священника. Он так и сделал.

Так как в его каливе не было церкви, он с великим старанием и благоговением начал ее постройку. Денег у него не было, и поэтому он решил пойти в Карею искать пожертвования. По дороге он встретил одного монаха и сказал ему, что хочет построить церковь в честь Святого Креста, однако не имеет для этого денег. Монах был поражен, потому что как раз в тот день получил денежный перевод с тем, чтобы отдать деньги тому, кто хочет построить храм. Радости и волнению отца Тихона не было конца. Он немедленно пригласил строителей и перестроил небольшую комнатку своей келлии в церковь, которую сильно любил.

Во время Божественной Литургии старец приходил в возвышенное духовное состояние, так что, начиная службу утром, не замечал, как наступал вечер. С великим благоговением читал он молитвы Божественной Литургии, которые выучил наизусть. Он читал их не про себя, не громко, но так, чтобы их можно было слышать. Во время Херувимской песни и Евхаристического канона он вместе с Ангелами воспевал гимн на небесах, видел после этого духовным зрением то, что совершалось на Святом престоле, и завершал Литургию, не замечая, как проходило время. Он не ждал вечера, чтобы читать правило ко святому Причащению, но начинал его уже с полудня. Целый день он готовился к следующей Божественной Литургии и приобщению. Старец говорил, что верующий, чтобы стать причастником Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, должен готовиться к этому все двадцать четыре часа.

Во время проскомидии, на протяжении многих часов подряд он поминал имена из записок. Также в конце Литургии он заново поминал все имена. Когда он состарился и уже не мог служить, я приходил к нему, совершал Литургию и оставлял Святые Дары, которые он нарезал на кусочки и причащался каждый день. От тех, кто пек просфоры, он требовал, чтобы это делалось с молитвой и благоговением, ибо просфоры становились Телом Христовым. Он показал мне, как нужно в пяти местах накалывать тесто для просфор, чтобы в нем не образовывалось пустот. Таким же хорошим должно быть и вино.

С великой простотой он говорил мне, что ангелы, пророки, апостолы, святители, мученики, преподобные, бессребреники и все святые присутствуют, когда мы поминаем их на проскомидии, а также приходят на помощь всем, за кого вынимаются частицы.

Духовные советы отца Тихона были каплями его сердечного опыта.

«Чтобы найти хорошего духовника, — говорил он мне, — нужно молиться три дня, а затем — как Бог просветит. И по дороге, пока идешь к своему духовнику, нужно молиться, чтобы Господь просветил его и он преподал тебе хорошее наставление».

«Всегда молись перед началом всякой работы. Говори: «Боже мой, дай мне силы и просвещение», — и после этого начинай свое дело; а в конце говори: «Слава Богу»».

Старец много говорил о смирении: «Каждое утро Бог благословляет мир одной рукой. Когда же видит смиренного человека, благословляет его двумя руками».

Некогда его посетил один монах и сказал ему, что не сделал в своей жизни никакого зла. Отец Тихон увидел, что за его словами скрывается великая гордость, очень огорчился и сравнил его с падшим демоном. «Не хочу видеть таких людей, — говорил он, — лучше пускай он тысячу раз впадет в грех, чем будет таким, какой он есть. Ему грозит ад, дитя мое».

Он рассказал мне случай, произошедший у него на Родине: «В одном женском монастыре жила молодая монахиня, которая славилась своими добродетелями. Однажды игуменья увидела видение и услышала голос, который говорил ей: «Смири эту монахиню». Игуменья была удивлена, так как считала ее лучшей из своих сестер. Молодая монахиня имела обычай после службы оставаться в храме. Она становилась перед иконой Божией Матери и говорила: «Я дева, и Ты дева; Ты родила, а я — нет». Этими своими словами она выказывала свою гордость. Вскоре, однако, Господь, послал ей искушение, повергнув ее в великое смирение. И тогда, преклонившись перед иконой Богородицы в покаянии, смирившись, творя поклоны и проливая слезы, она говорила о себе как о самой великой грешнице в мире...»

«Слезы, дитя мое, слезы — вот чего хочет Господь».

«Ад наполнился гордыми девственниками. Бог же хочет от человека смирения». Смирение отца Тихона было таким, что когда кто-либо приходил исповедаться к нему, то после разрешительной молитвы он говорил: «Дитя мое, помолись и обо мне...»

Когда один юноша, безразличный к вере, приехал ради любопытства на Святую Гору, я отвел его в каливу старца. После того как я исповедался, захотел исповедаться и он. Войдя в церковь, он вдруг, зарыдав, упал на колени, прося простить ему множество грехов. Отец Тихон так его возлюбил, что в ту же минуту попросил его помолиться и о нем, чтобы Бог простил его, так как юноша имел тогда множество слез, а сам он, по его словам, не имел их. И это при том, что он никогда не оставлял их и его платок был всегда влажный...

Как драгоценное благословение лобызаю епитрахиль старца, которая от непрестанных слез всегда была влажной. Также большой крест. Если кто внимательно присмотрится к нему, то увидит пятна от слез, которые он потоками изливал на него. Отец Тихон считал, что своими слезами мы омываем ноги Христа, а волосами с головы отираем их...

Однажды он еще раз захотел посетить Святую Землю. К Афону тогда пристал русский корабль, державший курс на Иерусалим. У старца не было денег, и он упросил капитана, чтобы тот взял его бесплатно. Капитан отнесся к нему с таким почтением,

что не только взял его, но дал ему еще денег, чтобы тот помолился о нем и подал за него на поминание в тех местах, которые посетит.

Прибыв в Святую Землю, отец Тихон, как смиренный паломник, начал посещать храмы и монастыри. Во многих местах его упрашивали остаться. Однако он не знал, была ли на то воля Божия. Когда ему рассказали, что в некоем скиту живет один добродетельный монах, он пришел к нему за советом по вопросу, который беспокоил его: остаться в Иерусалиме или возвратиться на Святую Гору? В тот момент, когда старец постучался в двери этого монаха, он услышал слова: «Святая Гора... Святая Гора...» Тогда отец Тихон попросил его открыть, чтобы взять от него благословение и вернуться в Удел Божией Матери.

Здесь кроме монахов он опять встретился со своими старыми друзьями — дикими зверями, которых очень любил. Об этой его любви я узнал, когда однажды пришел в его каливу насобирать немного маслин. Он был рядом, когда я услышал какой-то шум, доносившийся из его кельи. Я сказал ему, чтобы он закрыл двери, на что он ответил: «Я его люблю — он не злой; это друг, приходит взять, чего хочет, и уходит». Это, наверное, была какая-нибудь лисица или шакал. Я удивился его великой святости.

Когда он жил в кельи Буразери, то изучил в качестве рукоделия чеканку по золоту для украшения икон. Однако вскоре ему пришлось оставить это дело, потому что он не мог переносить стука.

На Каруле он занялся иконописью, взяв перед этим несколько уроков у одного монаха. Незамысловатым способом письма он придавал лицам святых такие черты, какие видел глазами своего сердца. Прародителей, например, с морщинами на лицах, а аскетов просто и без излишеств. Он писал ровно столько икон, сколько ему нужно было на сухари.

В Капсале он жил на деньги, которые ему высылали на поминовение имен. Отец Тихон говорил мне, что монах должен один час работать и один час молиться. А об акафисте Божией Матери «Радуйся, Невесто Невестная», который он особенно любил, рассказал мне следующий случай, произошедший в Русском монастыре.

Был один монах, который каждый день двадцать четыре раза читал этот акафист следующим образом. Когда он слышал, как часы отбивают новый час, начинал чтение и каждый раз читал его с таким благоговением, будто делал это в первый раз. И вот однажды он услышал от иконы голос, который говорил ему: «Радуйся, рабе, и ты, радуйся».

Сам отец Тихон тоже по многу раз в день читал этот акафист со слезами. Также каждый день он читал Евангелие от Матфея. Особенно любил отрывок о Страшном Суде — 25-ю главу. Он хотел всегда иметь свой ум обращенным к Страшному

Суду. Непрестанно памятуя о смерти, он вырыл себе могилу, чтобы, постоянно имея ее перед собой, плакать и с радостью ждать времени, чтобы лечь в нее. Его оружием в пустыне был честный крест. «Разбойники, — говорил он, — имеют ружья и ножи. Я же — Христа и крест».

«В воскресенье, — говорил он мне, — работать нельзя. Потому что в старое время, когда израильтяне питались манной, Господь каждый день посылал ее, за исключением седьмого дня. Не благословлял Он также тех, кто был чревоугодлив, потому что, если кто хотел сохранить ее до следующего дня, Господь превращал ее в червей. Таким образом, в субботу евреи не делали ничего другого, кроме как сидели у себя в палатках и воспевали Бога».

И сам старец каждое воскресенье полностью посвящал Богу. Совершая Литургию, он желал, чтобы она подольше не заканчивалась. Часто случалось так, что уже наступало время вечерни, а он все еще служил Литургию...

Мысли из писем отца Тихона

Будем иметь любовь Христову. Рай сладок, однако требует много труда.

У тебя много страха перед адом, однако нужно иметь в своем сердце Иисуса Христа, и страх немедленно начнет уходить, потому что там, где Христос, всегда радость. Христос сладок... Все святые отцы имели страх. Поэтому и подвизались. Иные по тысяче поклонов клали, иные ели траву, другие были столпниками, третьи жили в пещерах, другие по сорок дней постились. Все, все его боялись.

И мы сейчас, как можем, подвизаемся. Днем и ночью нужно молиться Христу и Богородице. Нужны слезы. Христос милостив. Помилует. Нужны горячие слезы.

Молитва отца Тихона

Ниже следует молитва старца, которую он написал с большой болью и многими слезами, посвятив ее измученной России.

Слава Христовой Голгофе!

О, Божественная Голгофа, освятившаяся Кровью Христовой! Просим тебя, скажи нам, скольких тысяч грешников благодатью Христовой, покаянием и слезами ты очистила и ввела в брачный чертог Рая! О, Христе Царю, Своей неизреченной любовью и благодатью Ты наполнил кающимися грешниками все небесные дворцы. Ты и здесь, долу, всех милуешь и спасаешь. И кто может достойно возблагодарить

Тебя, имей он даже ангельский ум! Грешники, поспешите! Святая Голгофа открыта, и Христос благоутробен. Припадите к Нему и облобызайте Его святые ноги!

Только Он, будучи благоутробным, может исцелить ваши язвы! О, мы будем счастливы, когда многоблагоутробный Христос удостоит нас с великим смирением, страхом Божиим и горячими слезами омыть Его пречистые ноги и с любовью лобызать их. Тогда благоутробный Христос соблаговолит омыть наши грехи и откроет нам двери Рая, где в великой радости вместе с Архангелами и Ангелами, Херувимами и Серафимами и со всеми святыми мы будем вечно славить Спасителя мира, Сладчайшего Иисуса Христа, Агнца Божия, вместе со Отцом и Святым Духом, Единую и Нераздельную Троицу.

Иеромонах Тихон
Святая Гора»⁶²⁶

В заключении жизнеописания отца Тихона и вообще предложенной книги мы приведем сохранившийся в архиве нашей обители фрагмент его письма, который символически можно принять как итог всего нашего труда: **«Окончив творение мира, Господь возвестил, что все сотворенное Им «зело добро». Так вот этот факт на фоне всех кажущихся нам, а особенно мне, грешному, неувязок как в личной моей физически мучительной, болезненной жизни, так и в жизни страждущих остальных сынов человеческих, так вот, этот факт, повторяю, становится для меня не только радостной истиной, а восторженным состоянием души. Может быть, это ощущение тесно связано с ростом умной молитвы, а может быть, это она и сама...»**

Афонский старец схимонах Силуан передал нам слово явившегося ему Господа: **«Держи ум твой во аде и не отчаивайся».** Так вот, быть может, и нам, грешным, пребывающим своим плотским умом в «аду», а одновременно другим умом (сердечным) возвышаясь «горе», Господь даст возможность чувствовать, торжествовать и праздновать Христову победу над всеми этими воплями и стенаниями от земных страданий — унынием и отчаянием. Знаю и чувствую, что золотые слова эти, «зело добро», по-прежнему продолжают звучать во Вселенной и кто имеет «уши», тот и может слышать их, и может сам блаженно «утешаться» ими, и, наверно, сможет других утешить»⁶²⁷.

⁶²⁶ Русский старец Тихон Святогорец. Воспоминания старца Паисия и старца Агафангела Святогорцев. Перевод Сергея Говоруна. М., 2001. С. 39–63.

⁶²⁷ АРПМА. Док. № 3700. С. 1.

Примечания и толкования отдельных терминов, названий и словосочетаний⁶²⁸

Агиасма — (*греч.* святыня) святой источник при монастыре, где совершается водосвящение крещенской воды.

Анахорет — (*греч.*) отшельник, пустынный, подвижник, живущий в полном уединении.

Антипросоп — (*греч.* Антипросопос) представитель каждой святогорской обители в Священном Киноте, обычно просвещенный и образованный монах.

Арсана — (*греч.*) пристань.

Архондарик — помещение в монастыре, отведенное для приема посетителей (паломников), монастырская гостиница.

Белозерка — русская обитель святителя Николая Чудотворца на территории Хиландарского монастыря, на сходе с Кареи, в четверти часа пути от нее. Основана келлия в XI веке. Перешла к русским в 1863 году. Сейчас греческая.

Благовещенская келлия Руссика — келлия Благовещения Пресвятой Богородицы Пантелеимонова монастыря.

Вершок — мера длины.

Вурдуарня — (*греч.* ворданарис) конюшня для мулашек, см. муларня.

Галата — район в Константинополе, где находилось подворье Русского Пантелеимонова монастыря, Андреевского и Ильинского скитов.

Георгиевская (Ближняя) келлия — древняя, в 40-х годах XIX века была реставрирована в русском вкусе неким архимандритом Амвросием и переосвящена в честь преподобных Киево-Печерских. В конце 50-х годов сгорела, а в 1863 году была возобновлена усердием отставного капитана Е. Г. Хабарова для преподобного Илариона Грузина и была освящена в честь святого Георгия Победоносца.

Георгиевская (Дальняя) келлия — келлия Руссика в трех с половиной верстах к северо-западу от обители.

Геронта — (*греч.* старец) обычное обращение к настоятелю монастыря или уважаемому монаху.

⁶²⁸ Составлено по книге: Холодюк А. Г. Святая Гора Афон: от «А» до «Я». Краткий словарь-справочник для паломника. Мюнхен, 2008.

Григорьевская келлия Руссика — келлия святого Григория Неокесарийского Пантелеимонова монастыря, недалеко от Руссика, вверх по потоку в северном направлении. Устроена издревле, на ней часто жили духовники монастыря. В 1836 году была возобновлена греком монахом Парфением, а в 1842 году церковь возобновил иеросхимонах Мефодий (Соловецкий).

Даскалас — (*греч.* учитель) образованный монах.

Дикей — (*греч.* справедливый) начальник (управляющий, настоятель) скита, который решает все общие вопросы и осуществляет связи с внешним миром.

Дмитриевская келлия Руссика — келлия святого Димитрия Мироточивого Пантелеимонова монастыря. Находится у Старого Руссика, на высоте 450 метров над уровнем моря. Древняя, возобновлена в 1863 году.

Дохиар, дохиарная — см. келарь; келарная.

Епитимия — (*греч.* наказание) «врачевание духовное», определенная мера, предназначенная для духовного наказания провинившегося.

Епитроп — заместитель игумена, благочинный, наместник.

Живоносный Источник (келлия) — келлия Живоносный Источник Пантелимонова монастыря. Находится на дороге в Карею, близ хребта, через который идет перевал на другую сторону Афона. Древняя, возобновлена иждивением московского купца Михаила Ефимовича Попова.

Зосимовская келлия на Крумице — келлия преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и Сергия и Германа Валаамских Пантелеимонова монастыря на Крумице. Устроена иждивением благодетелей через сборщика схимонаха Серафима (Калмыкова), освящена игуменом Макарием (Сушкиным). При келлии находилась пасека.

Кавсокаливия — скит на юго-западной стороне Афона.

Кавья — хижина из одной комнаты.

Казанский храм на Крумице — церковь в честь Казанской Иконы Божией Матери на Крумице. Устроена иждивением благодетелей через сборщика схимонаха Серафима (Калмыкова). На устройство иконостаса 3000 рублей пожертвовал Евсей Дегтерев.

Кальагри — местность в центральной части Афона.

Калива — отдельная постройка без церкви, для проживания одного-трех монахов.

Капсала — нагорная местность на территории Ставроникитского монастыря на Афоне, недалеко от Кареи.

Карейя — административный центр Святой Горы.

Каруля — безмолвная местность с пещерами и келлиями, расположенными на обрывистых скалах в самой труднодоступной южной части Афонского полуострова.

Кассандра — принадлежащий Руссику (с XI века) метох на соседнем с Афоном Кассандрийском полуострове.

Катунаки — монашеское поселение скитского типа.

Кафизмат — келлия, полностью подчиненная монастырю и служащая для хозяйственных целей. Насельниками таких келлий являются братья монастыря, которые не имеют особых прав (по омологии) на эту келлию.

Католикон — главный соборный храм монастыря, скита.

Келарная — склад монастырской провизии.

Келарь — заведующий продовольственной службой монастыря и складами.

Келиот — житель отдельной келлии, отшельнической или общежительной.

Келлия — отдельное монашеское жилище (здание, постройка) из нескольких комнат, иногда 2–3-этажный, с пристроенным к нему храмом.

Келья — отдельная комната или особое помещение для монаха в монастыре.

Керасья — пустынная, труднодоступная местность вблизи вершины Афона.

Киновия — общежительный монастырь.

Кинот — то же, что и Протат, выборный центральный орган управления афонскими монастырями.

Кириакон — центральный храм скита.

Костница — специальное помещение в кладбищенском храме, где на полках находятся надписанные черепа умерших монахов.

Кубань — паек из сухарей и сушеных фруктов и др., который раз в месяц получают монахи в монастыре.

Кунак (конак) — подворье.

Лукум — сладость, обычное угощение в гостиницах монастырей.

Марофан — местность, принадлежащая Великой Лавре.

Метох — хозяйственное или представительское учреждение вне монастыря.

Магула — нагорная местность в центральной части Афона.

Монте-Санто — морской залив у Афонского перешейка.

Муларня — см. вурдунарня.

Омология — купчая, в которой записаны новые владельцы и определены условия владения.

Пандахуса — специальное разрешение от Кинота на получение милостыни.

Параклис — небольшой храм или боковой придел собора.

Пирг — высокая сторожевая башня монастыря.

Порта — арка центрального входа с массивными воротами в монастырской стене.

Почаевская келлия на Старом Руссике — келлия, устроенная (основана 11 декабря 1880 года) усердием принятого в числе братии Руссика, жившего на Капсале келиота схимонаха Киприана (Бирюкова)⁶²⁹ на средства, пожертвованные от разных благодетелей. Освящена 22 сентября 1883 года.

Преподобных Печерских (келлия) — см. Георгиевская (Ближняя) келлия.

Прилог — ухищрение дьявола, беса.

Провата — небольшой поселок, состоящий из нескольких калив.

Протат — центральный выборный орган управления афонскими монастырями, см. Священный Кинот.

Проэстас — см. Священная Эпистасия.

Рухольная (рухлядная) — склад одежды.

Священная Эпистасия — орган исполнительной власти на Афоне, состоящий из представителей ежегодно сменяющих друг друга пяти так называемых четвериц, на которые поделены 20 монастырей, возглавляет его Проэстас (Протоэпистат).

Священный Кинот — см. кинот.

Сиромаха — отшельник или странник, не имеющий постоянного убежища и никакой собственности.

Стасидия — высокое резное деревянное седалище, используемое в храмах Афона.

Татьяновская церковь на Крумице — церковь преподобного Платона Студийского и святой мученицы Татианы на Крумице. Устроена хлопотами игумена Макария (Сушкина), усердием тамбовской купчихи вдовы Татьяны Васильевны Долговой в память ее скончавшегося мужа Платона, освящена Иосифом, митрополитом Варнским.

Торба — маленькая сумка, мешочек.

Трапезарь — монах, несущий послушание в монастырской трапезной.

Трехсвятительская келлия Руссика — келлия трех святителей Пантелеимонова монастыря: Иоанна Златоуста, Григория Богослова и Василия Великого. С 1860 по 1884 год восстановлена усердием схимонаха Нила (Воротинцева)⁶³⁰.

⁶²⁹ Схимонах Киприан (в миру Конон Алексеевич Бирюков) уроженец Московской губернии. Прибыл на Афон в 1870 году. Пустынник, жил на Капсале, на келлии святого Димитрия Пантократорского монастыря. Ктитор Почаевской церкви на Старом Руссике. Преставился 1 июня 1905 года.

⁶³⁰ Схимонах Нил (в миру Николай Петрович Воротинцев) — дворянин из Курской губернии. Поступил в Руссик в 1845 году. Пострижен в мантию с именем Нифонт. Много ездил в Россию по сбору пожертвований для монастыря. С 1860 по 1884 год восстановил Трехсвятительскую келлию, где сам жил в последние годы. Преставился 17 февраля 1885 года. В 1862–1863 годах писал письма духовнику Иерониму из России во время сбора пожертвований (см. архив РПМА. Док. № 1221).

Троицкая келлия Руссика — келлия Пресвятой Троицы Пантелеимонова монастыря. Находится на востоке монастыря, менее версты расстоянием от него. Называлась иногда Серафимовской, ибо была построена на личные средства схимонаха Серафима (Комарова), бывшего петербургского купца. Строилась с 1850 по 1861 год.

Чекмень — военная униформа.

Эвергетинос — душеполезный сборник отрывков из святоотеческих творений, назван так по имени монаха Павла Эвергетиноса, жившего в XI веке.

Экклесиарх — (*рус.* пономарь) монах, который ухаживает за храмом и смотрит за состоянием храма во время богослужения.

Эпистасия — см. Священная Эпистасия.

Ятаган — холодное оружие.

Содержание

| | |
|--|-----------|
| Предисловие к серии..... | 5 |
| Предисловие к первому тому..... | 9 |
| Часть первая. ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАРЦЕВ И ПОДВИЖНИКОВ РУССКОГО СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВА МОНАСТЫРЯ НА АФОНЕ | |
| | 19 |
| Иеросхимонах Арсений Афонский | 21 |
| Схиархимандрит Савва..... | 35 |
| Иеросхимонах Аникита (Ширинский-Шихматов) | 39 |
| Схиархимандрит Герасим | 44 |
| Иеросхидиакон Венедикт..... | 50 |
| Иеросхимонах Павел | 52 |
| Схиархимандрит Прокопий (Дендринос)..... | 56 |
| Схиархидиакон Иларион..... | 59 |
| Иеросхимонах Иероним (Соломенцов) | 61 |
| Схиархимандрит Макарий (Сушкин)..... | 106 |
| Иеросхимонах Сергей (Веснин)..... | 116 |
| Иеросхимонах Арсений (Минин) | 121 |
| Схимонах Никодим (Санин)..... | 128 |
| Схимонах Пантелеимон (Овсянников)..... | 135 |
| Схимонах Геннадий | 138 |
| Схимонах Григорий (Лисянский) | 140 |
| Схиигумен Парфений (Агеев)..... | 142 |
| Схимонах Селевкий (Трофимов)..... | 147 |
| Преподобный Тимофей Валаамский..... | 154 |
| Схиархимандрит Михаил (Козлов)..... | 160 |
| Схимонах Серафим (Комаров) | 166 |
| Схимонах Панкратий..... | 172 |
| Схимонах Макарий | 176 |
| Схимонах Неофит (Васильев)..... | 180 |

| | |
|--|-----|
| Схимонах Гавриил (Седлецкий)..... | 182 |
| Схимонах Иустин..... | 190 |
| Монах Клавдий (Мошков)..... | 193 |
| Монах Азарий (Попцов)..... | 196 |
| Схимонах Матфий (Ольшанский)..... | 199 |
| Иеромонах Василий (Селезнев)..... | 203 |
| Иеросхимонах Иезекииль (Сливкин)..... | 205 |
| Иеросхимонах Дамиан (Вьюков)..... | 211 |
| Схимонах Пантелеимон (Прохоров)..... | 213 |
| Схимонах Григорий (Крупченков)..... | 217 |
| Иеросхимонах Агафодор (Буданов)..... | 220 |
| Иеросхимонах Мина (Буданов)..... | 225 |
| Иеросхимонах Алексей (Проскурнин)..... | 227 |
| Схимонах Гликерий (Никитин)..... | 231 |
| Иеросхимонах Михаил (Савицкий)..... | 233 |
| Иеросхимонах Пантелеимон (Курбатов)..... | 239 |
| Схиархимандрит Паисий (Балабанов)..... | 242 |
| Схиигумен Парфений (Заблоцкий)..... | 246 |
| Схимонах Серафим (Калмыков)..... | 248 |
| Схиархимандрит Андрей (Веревкин)..... | 251 |
| Схимонах Иларион..... | 263 |
| Схимонах Аркадий (Любовиков)..... | 266 |
| Иеросхимонах Виссарион (Расторгуев)..... | 270 |
| Преподобный Аристоклий (Амвросиев)..... | 273 |
| Тихон (фон Рамбах)..... | 276 |
| Схимонах Израиль (Мерзликин)..... | 278 |
| Монах Иринеи (Канатников)..... | 281 |
| Схимонах Мелетий (Котельницкий)..... | 284 |
| Схиархимандрит Иоасаф (Донсков)..... | 291 |
| Схимонах Серафим (Ковалищенков)..... | 293 |
| Схиархидиакон Лукиан (Роев)..... | 296 |
| Схиархимандрит Нифонт (Четвериков)..... | 299 |
| Иеросхимонах Пантелеимон (Шиляев)..... | 302 |
| Архимандрит Мисаил (Сапегин)..... | 303 |
| Схимонах Трифилий (Мальков)..... | 313 |
| Схимонах Ксенофонт (Вяземский)..... | 315 |
| Схиархимандрит Иерон (Носов)..... | 320 |

| | |
|---|-----|
| Схиеродиакон Лазарь (Деминский) | 327 |
| Схимонах Венедикт (Матвеев)..... | 330 |
| Схимонах Варсонофий (Юганов) | 334 |
| Схиархимандрит Иоасаф (Завадский) | 339 |
| Иеросхимонах Никодим (Наумов)..... | 341 |
| Иеросхимонах Арсений (Ворвулев) | 343 |
| Схиархимандрит Трифон (Упорников)..... | 345 |
| Схимонах Леон (Воскресенский) | 348 |
| Иеросхимонах Михаил (Фомичев)..... | 351 |
| Иеросхимонах Исидор (Молчанов)..... | 353 |
| Иеросхимонах Феотекин (Галкин) | 355 |
| Иеросхимонах Авраамий (Ложников-Жданов) | 357 |
| Иеромонах Паисий (Платонов) | 360 |
| Схиеродиакон Сисой (Савченко) | 362 |
| Иеросхимонах Владимир (Колесников) | 366 |
| Схимонах Владислав (Попов) | 369 |
| Иеромонах Иларион (Сапожников)..... | 372 |
| Схиеродиакон Феодосий (Никольский) | 377 |
| Иеросхимонах Вероник (Каменский)..... | 379 |
| Иеросхимонах Анастасий (Модзалевский) | 381 |
| Архимандрит Иларион (Кучин) | 385 |
| Иеросхимонах Андрей (Жеков) | 387 |
| Схимонах Викентий (Глотов)..... | 389 |
| Схиархимандрит Симеон (Булатов)..... | 392 |
| Схимонах Денасий (Юшков)..... | 394 |
| Преподобномученик Иларион (Громов) | 400 |
| Преподобномученик Иона (Санков) | 402 |
| Преподобномученик Донакт (Калашниченко)..... | 406 |
| Преподобномученик Иоанн (Лаба) и преподобномученик Иларион (Цуриков) | 407 |
| Преподобномученик Антипа (Кириллов) | 410 |
| Иеросхимонах Адриан (Сафонов) | 412 |
| Иеросхимонах Феодорит (Константинов)..... | 414 |
| Иеромонах Феофан (Сердобинцев) | 416 |
| Схиархидиакон Киприан (Рыженков) | 419 |
| Иеросхимонах Иоанникий (Кутирев) | 423 |
| Схиархимандрит Кирик (Максимов)..... | 426 |
| Преподобный Силуан (Антонов)..... | 430 |

| | |
|---|-----|
| Схимонах Амвросий (Болотов) | 437 |
| Схимонах Онисифор (Ищенко) | 440 |
| Схимонах Вивиан (Обухов) | 442 |
| Схимонах Диадок (Дружинин) | 450 |
| Иеросхимонах Палладий (Козлов) | 452 |
| Иеросхимонах Вассой (Горборуков) | 454 |
| Схимонах Спиридон (Поквала)..... | 456 |
| Иеросхимонах Сергей (Тютин)..... | 458 |
| Схиархимандрит Алексей (Киреевский) | 460 |
| Схимонах Нил (Гарбарь)..... | 462 |
| Схимонах Иоанн (Попович) | 464 |
| Иеросхимонах Пинуфрий (Ерофеев) | 468 |
| Иеросхимонах Виссарион (Хлыстов) | 470 |
| Иеросхимонах Флегонт (Лебедев)..... | 473 |
| Схиархимандрит Иустин (Соломатин) | 476 |
| Архимандрит Спиридон (Майдаченко) | 479 |
| Монах Власий (Осипенко) | 482 |
| Схимонах Трофим (Кочин) | 484 |
| Епископ Кассиан (Безобразов)..... | 486 |
| Архиепископ Василий (Кривошеин) | 489 |
| Схиархимандрит Софроний (Сахаров)..... | 492 |
| Схиархимандрит Илиан (Сорокин) | 495 |
| Схимонах Мемнон (Тюрин) | 498 |
| Иеросхимонах Серафим (Текза) | 502 |
| Схиархимандрит Гавриил (Легач) | 504 |
| Схиеродиакон Димитрий (Цубера) | 506 |
| Схиархимандрит Авель (Македонов)..... | 507 |
| Иеромонах Анфим (Гощук)..... | 509 |

**Часть вторая. ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАРЦЕВ
И ПОДВИЖНИКОВ СВЯТО-АНДРЕЕВСКОГО СКИТА НА АФОНЕ..... 517**

| | |
|--|-----|
| Иеросхимонах Виссарион (Толмачев) и схимонах Варсонофий (Вавилов)..... | 519 |
| Архимандрит Феодорит (Крестовиков) | 534 |
| Схимонах Лаврентий (Жиляев)..... | 538 |
| Иеросхимонах Феоклит (Позднеев) | 540 |
| Схиархимандрит Иларион (Левицкий) | 542 |

| | |
|---|-----|
| Схимонах Иннокентий (Сибиряков) | 543 |
| Схимонах Андрей (Путилин)..... | 548 |
| Архимандрит Иосиф (Беляев) | 550 |
| Архимандрит Иероним (Силин) | 555 |
| Иеросхимонах Евдоким (Евдокимов) | 558 |
| Схиархимандрит Митрофан (Щербаков)..... | 560 |
| Схиархимандрит Михаил (Дмитриев) | 562 |

**Часть третья. ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАРЦЕВ
И ПОДВИЖНИКОВ РУССКОГО СВЯТО-ИЛЬИНСКОГО СКИТА
НА АФОНЕ** **565**

| | |
|--|-----|
| Схиархимандрит Паисий | 567 |
| Иеросхимонах Гавриил (Чедаев) | 570 |
| Иеросхимонах Андрей (Полтавский)..... | 571 |
| Иеросхимонах Товия..... | 573 |
| Преподобный схиархимандрит Гавриил | 575 |
| Архимандрит Максим | 578 |
| Архимандрит Иоанн (Гетманенко) | 579 |
| Архимандрит Николай..... | 581 |

**Часть четвертая. ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ СТАРЦЕВ
И ПОДВИЖНИКОВ РАЗНЫХ РУССКИХ ОБИТЕЛЕЙ НА АФОНЕ
(КЕЛИОТОВ, ОТШЕЛЬНИКОВ, СИРОМАХ).....** **583**

| | |
|---|-----|
| Схиеродиакон Агапий..... | 585 |
| Схимонах Никодим (Гончаров)..... | 588 |
| Схимонах Николай..... | 590 |
| Иеросхимонах Филипп и схимонах Исаак (Коренева)..... | 595 |
| Схимонах Павел Хромой..... | 597 |
| Иеросхимонах Леонтий..... | 598 |
| Преподобный Антипа Валаамский (Лукиан) | 601 |
| Схимонах Георгий (Хаджи) | 612 |
| Иеросхимонах Парфений (Гвоздев)..... | 625 |
| Иеросхимонах Кирилл (Абрамов) | 631 |
| Схимонах Кириак и иеромонах Виктор (Свинолуповы) | 635 |

| | |
|--|-----|
| Схимонах Иоанн (Гарус)..... | 636 |
| Схимонах Виссарион (Кикодзе) | 639 |
| Схимонах Григорий (Ратиани) | 641 |
| Иеросхимонах Евгений (Дурново)..... | 644 |
| Иеросхимонах Евгений (Мордасов) | 646 |
| Иеросхимонах Феодосий (Эристави)..... | 647 |
| Иеросхимонах Парфений..... | 652 |
| Схимонах Иосиф (Харламов) | 654 |
| Иеросхимонах Константин (Семерников) | 655 |
| Иеросхимонах Пантелеимон (Важенко) | 658 |
| Иеросхимонах Аркадий (Панфилов)..... | 661 |
| Иеромонах Георгий (Стеблев)..... | 664 |
| Схимонах Максим | 667 |
| Схимонах Кирилл | 672 |
| Иеросхимонах Иоанн (Паталий)..... | 674 |
| Схимонах Иоанн (Смирнов) | 676 |
| Схигумен Алексей (Осколков) | 677 |
| Иеросхимонах Нифонт (Краснов)..... | 685 |
| Иеросхимонах Серафим (Мосягин)..... | 688 |
| Иеросхимонах Петр (Крутьков)..... | 689 |
| Схимонах Илия (Аминский) | 694 |
| Схимонах Вениамин (Малышев)..... | 699 |
| Иеросхимонах Мелхиседек (Дмитриенко) | 701 |
| Иеросхимонах Герасим (Попов)..... | 704 |
| Схимонах Иоанн (Кулешов) | 707 |
| Иеросхимонах Феодосий (Харитонов) | 708 |
| Схимонах Никодим | 715 |
| Преподобномученик Григорий (Владимиров)..... | 719 |
| Схиигумен Кассиан (Корепанов)..... | 720 |
| Схимонах Нил (Злобин)..... | 723 |
| Иеросхимонах Никон (Штрандтман)..... | 724 |
| Иеросхимонах Парфений..... | 727 |
| Схимонах Августин (Корра)..... | 729 |
| Иеросхимонах Тихон (Голенков) | 734 |

Примечания и толкования отдельных терминов, названий и словосочетаний..... 742